РУССКІЙ АРХИВЪ

1889

5.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1889.

(См. на оборотѣ).

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

1889.

2.

Въ 1889 году „Русскій Архивъ“ выходитъ двѣнадцать разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составятъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный Указатель общій для трехъ книгъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Къ отшедшимъ дѣятелямъ Исторіи должно относиться съ тѣмъ же чувствомъ, которое испытываемъ при входѣ въ комнату, гдѣ лежитъ покойникъ.

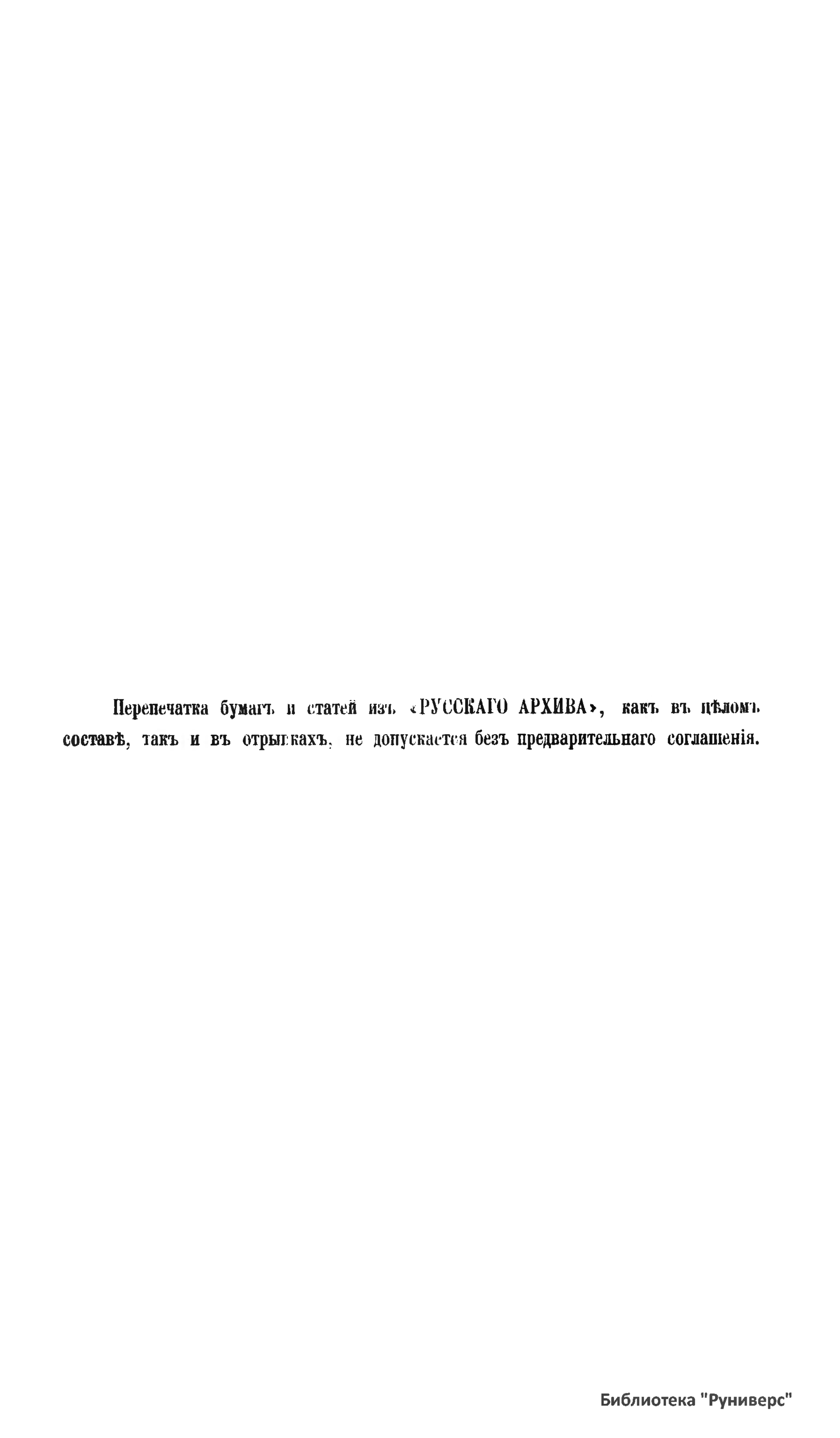
Слова Грановскаго.

1889.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульв.
1889.

АВТОБІОГРАФІЯ В. А. ДАУДОВА.

Въ V-мъ выпускѣ „Лѣтописей Археографической Коммиссіи“ Н. Н. Селифонтовъ помѣстилъ составленный имъ на основаніи документовъ фамильнаго архива Даудовыхъ „Очеркъ служебной дѣятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столѣтія, Василія Александровича Даудова“. Бумаги, послужившія основаніемъ „Очерку“ (въ количествѣ 103 нумеровъ), помѣщены въ „Приложеніяхъ“ къ „Очерку“. Большинство этихъ бумагъ касается служебной дѣятельности Даудова, какъ воеводы, и частной его жизни; едва три-четыре документа *), и то очень коротко, говорятъ о дѣятельности его по дипломатической части.

Въ одной рукописи „Сводного Уложенія“, принадлежавшей, судя по надписи, въ 1751 году над. сов. Петру Өедорову Даудову и переписанной писарями, находится, какъ приложеніе, писанная на 12 л., другою рукою (ближе всего подходящею къ записи владѣльца), автобіографія Василія Александровича Даудова подъ приводимымъ ниже заглавіемъ. Въ ней Даудовъ разсказываетъ подробности, какъ своего выхода изъ Персіи, такъ и своихъ дипломатическихъ подвиговъ, на недостатокъ свѣдѣній о которыхъ жалуется г. Селифонтовъ (см. стр. 2, 4, 6 и др.). Всѣ подробности, за исключеніемъ мелочей, имѣющіяся въ „Очеркѣ“ и въ нижеслѣдующемъ „Выѣздѣ“ совершенно между собою согласны, за исключеніемъ только послѣдняго посольства Даудова въ Константинополь въ 1696 году.

Настоящій разсказъ любопытенъ какъ потому, что онъ изображаетъ отлично самаго Даудова, такъ и потому, что имъ поясняется множество случаевъ, которые приведены въ бумагахъ обнародованныхъ г. Селифонтовымъ.

Сообщаемъ нѣсколько словъ о рукописи. Находится она въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, въ собраніи В. М. Ундольскаго, подъ № 1089. Писана скорописью разныхъ почерковъ въ 1751 г., въ л., около 650 листовъ. Рукою Ундольскаго на 1-мъ листѣ подписано: „Даръ сенатора Губе. Принадлежала Неволину“. На 2-мъ листѣ: „Вуколу Михайловичу Ундольскому, истинному любителю и просвѣщенному знатоку отечественныхъ древностей въ память посвящаетъ Ромуальдъ Губе. 27 Марта 1858 года“.

---

*) № 42, сказка о посылкахъ, № 55 челобитная объ отставкѣ и № 103.

На первомъ же листѣ почеркомъ, похожимъ на тотъ, которымъ писанъ „Выѣздъ", подпись: „Сіе Сводное Уложеніе, надворнаго совѣтника Петра Ѳедорова сына Даудова, списано въ городѣ Арзамасѣ въ прошломъ 1751 году дежурными писарями. Дано отъ письма 4 рубля, гдѣ я находился за дежуръ-маіора при господинѣ генералъ-маіорѣ Иванѣ Ѳедоровичѣ Юрловѣ. А подписалъ сію книгу я, Петръ Даудовъ, своею рукою, (въ) вотчинѣ въ сельцѣ Никольскомъ, въ нынѣшнемъ 1754 году Декабря 20 дня". На оборотѣ того же листа: „Воспитанника III класса Училища Правовѣдѣнія 1853 года 12 Іюля, Николая Селифонтова".

Д. Л.

Выѣздъ изъ Персіи и службы стольника Василья Александровича Даудова, которой выѣхалъ изъ города Казмина, а имя ему было Алимарцанъ [1]), былъ Бабаевъ сынъ Даудовъ.

Лѣта 7161 [2]), по указу великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, полномочнымъ посломъ посыланъ былъ въ Персидскую землю къ шахъ-Абасъ величеству бояринъ князь Иванъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій. Съ нимъ товарищи были: стольникъ Иванъ Богдановичъ Камынинъ, дьякъ Василій Неѳедьевъ. Будучи въ Персицкой землѣ, въ городѣ Казминѣ, обычай Персицкихъ царей—отъ себя подарки посылаютъ съ стряпчими и съ жильцами полномочнымъ посламъ. И какъ шахъ-Абасъ величество послалъ отъ себя подарки съ стряпчими и жильцами къ боярину князю Ивану Ивановичу съ товарищи въ городѣ Казминѣ, будучи у него полномочнаго посла съ подаркою, одинъ человѣкъ Персидeнинъ стряпчей, именемъ Алимарцанъ былъ Бабаевъ сынъ Даудовъ, и взглянулъ на святый образъ и спросилъ у толмача у Ивана Иванова сына Ширмова, что̀ за парсуни стоятъ на полкѣ; и онъ, толмачъ, сказалъ про святой образъ и про благочестивую христіанскую вѣру. И ему Персиденину вельми полюбилась христіанская вѣра, и тотъ Персиденинъ учалъ ходить потайкомъ къ боярину князю Ивану Ивановичу, и онъ бояринъ черезъ толмача сказалъ ему Персиденину про святое крещеніе и про Евангеліе и про святую христіанскую вѣру, и его Персиденина звалъ онъ бояринъ съ собою, чтобы онъ выѣзжалъ на великаго государя имя; и онъ Персиденинъ обѣщался, чтобъ выѣзжать на великаго государя имя. И какъ бояринъ князь Иванъ Ивановичъ отпущенъ отъ шаха, звалъ того Персиденина къ себѣ и велѣлъ за собою ѣхать, шесть недѣль спустя, до города Шемахи, гдѣ ко-

---

[1]) Въ рукописи вм. *Алимарцанъ* вездѣ читается *Алимарданъ*, но это отъ особенной формы, усвоенной писцомъ буквѣ *ц*.

[2]) Т. е. 1653 года.

рабельное пристанище. И какъ шесть недѣль минуло, и тотъ Персиденинъ не пожалѣлъ своего помѣстья и вотчины, имѣнія, излюбя христіанскую вѣру, взялъ съ собою двѣ тысячи девять сотъ червонныхъ золотыхъ, купилъ два иноходца, Персицкой обычай, какъ Персицкіе гонцы гоняютъ, и поѣхалъ за бояриномъ за князь Иваномъ Ивановичемъ.

Спустя недѣлю, начальные люди извѣстили у шаха, что Алимарцанъ Даудовъ безвѣстно пропалъ, и указалъ шахъ бирючу [1]) кликать въ городѣ Казминѣ о Алимарцанѣ и обыскивать его, живъ или убитъ. И въ Казминѣ, гдѣ стоялъ на посольскомъ дворѣ бояринъ князь Иванъ Ивановичъ, того посольскаго двора дворянинъ басурманинъ извѣстилъ начальнымъ людямъ, что тотъ Алимарцанъ Даудовъ къ Русскимъ посламъ почасту хаживалъ. И начальные люди шаху извѣстили, и шахъ велѣлъ скорогонныхъ гонцовъ своихъ поставить предъ собою и указалъ имъ гонцамъ за посломъ гонять до города Шемахи и свои указы имъ далъ, покамѣстъ бы онъ бояринъ князь Иванъ Ивановичъ не уѣхалъ за море, не увезъ бы Даудова.

И какъ бояринъ пріѣхалъ къ Шемахѣ, и стала зима, морской ходъ минулся; и отъ шаха гонцы скоро поспѣли къ городу Шемахѣ и шаховъ указъ подали Шемахинскому мегралихану; и онъ ханъ семьсотъ служилыхъ людей съ оружіемъ, въ панцыряхъ, послалъ къ боярину князь Ивану Ивановичу и велѣлъ отбить Алимарцана Даудова. И какъ тѣ служилые люди Персіяне пришли къ боярину, и Алимарцана Даудова отбили и, вземши его, руки назадъ у него связали и поставили его передъ Шемахинскимъ ханомъ. И Шамахинской ханъ отдалъ его приставамъ, начальному человѣку Агаметъ-бею, и приказалъ на шеѣ, и на рукахъ, и на ногахъ желѣза класть. И тотъ нечестивый бусурманинъ, вземши къ себѣ на дворъ, съ великимъ скареднымъ мученіемъ клалъ желѣза на шеѣ, и на рукахъ, и на ногахъ; и шесть недѣль въ Шемахѣ держали вкрѣпѣ. И ханъ Шемахинской двухъ человѣкъ своихъ начальныхъ людей, да десять человѣкъ стрѣльцовъ отъ Шемахи отпустилъ къ шаху съ Алимарцаномъ Даудовымъ. И какъ будутъ за двѣ версты отъ города Ардавила, въ селѣ Келгранѣ, и Даудова отбили у провожатыхъ и отняли: потому что обычай Персицкой, гдѣ ихъ цари погребены, положена клятва отнюдь колодниковъ не пропускать, отбить ихъ; и сколько время колодники похотятъ жить, и въ такихъ мѣстахъ поятъ ихъ и кормятъ, и вольно имъ куды идти. А въ томъ селѣ Келгранѣ лежитъ шахъ-Софія, отецъ Саидъ-Набраилъ. И того Даудова въ томъ селѣ отняли, и провожатымъ Шемахинцамъ начальнымъ людемъ и стрѣльцомъ

---

[1]) Т. е. глашатаю.

выговоръ и листъ указа старыхъ Персицкихъ царей показали имъ, харатейная; и то написано золотомъ за многими Персицкихъ царей печатьми и за руками. А въ томъ письмѣ писана клятва и запрещеніе, что черезъ то село Келгранъ и кругъ того села по шести верстъ отнюдь колодниковъ не пропустить, отбить.

И въ томъ селѣ Келгранѣ его Даудова поили и кормили, и провожатые Шемахинцы съ горькими слезами приходили къ нему Даудову и звали его съ собою ласковыми словами, чтобы онъ съ того запрещеннаго мѣста поѣхалъ съ ними къ шахову величеству. И онъ Даудовъ имъ отказалъ и съ ними не поѣхалъ, потому что отъ шаха указано было именно: въ кой часъ приведутъ и его, Даудова, къ нему шаху на очи не пуская, стравить собаками. И тѣ провожатые Шемахинцы поѣхали къ шаху одни и били челомъ шахову величеству горькими слезами и извѣстили о томъ, какъ его Даудова отбили въ селѣ Келгранѣ. И шахово величество указалъ имъ дать свой листъ къ Шемахинскому хану, чтобъ имъ провожатымъ онъ Шемахинской ханъ никакой шкоды не учинилъ.

И онъ Даудовъ въ томъ селѣ Келгранѣ жилъ два мѣсяца. И почало ему въ томъ селѣ Келгранѣ скучно быть. А въ которомъ числѣ его Даудова въ селѣ Келгранѣ отбили, и подъ то число въ ночи явился-де ему во снѣ храброй мужъ съ оружіемъ, на конѣ, и говорить-де ему: «я-де присланъ поберечь тебя, чтобы ты изъ рукъ не ушелъ». И почалъ онъ Даудовъ бить челомъ того села Келграна тутошнимъ людемъ, чтобъ его проводили ночью до города Ардавила, потому что въ томъ городѣ Ардавилѣ лежитъ Персидскій царь шахъ-Софія, и въ томъ городѣ Ардавилѣ такожде запрещено колодниковъ отбивать. Гдѣ онъ лежитъ въ городѣ Ардавилѣ, въ которомъ мѣстѣ погребенъ Персидской царь шахъ-Софія, сдѣлано кругомъ въ томъ дворѣ келій больше семи сотъ, а въ тѣхъ кельяхъ живутъ духовнаго чина люди, Персіяне, и поятъ, и кормятъ ихъ, и платья имъ даютъ отъ шахъ-Софіевой казны. А въ казну къ шахъ-Софію доходовъ идетъ съ вотчинъ, съ лавокъ, съ гостинныхъ дворовъ съ девяносто тысячъ.

И его Даудова изъ села Келграна ночью проводили до города Ардавила. И гдѣ погребенъ шахъ-Софія, и въ томъ мѣстѣ извѣстили начальнику про него Даудова, что пришелъ, и указали ему Даудову келью и кормъ, чѣмъ ему сыту быть.

И жилъ тутъ онъ Даудовъ три недѣли. И въ томъ мѣстѣ пришелъ къ нему Даудову Русской человѣкъ, посольскаго приказу толмачъ, именемъ Григорей Гастевъ, и сказалъ ему, что полномочный великій посолъ, бояринъ князь Иванъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій съ товарищи за море не пошли, зимуютъ у берега Хвалынскаго моря, у

корабельнаго пристанища, въ селѣ Низовѣ. Онъ же Григорей говорилъ ему Даудову: послы-де Русскіе люди объ тебѣ вельми печалуются, не чаютъ, что ты живъ; для ради Пресвятыя Богородицы ты Даудовъ не забудь истинныя христіанскія вѣры, призови Великаго Бога на помощь. И съ того мѣста ушелъ къ посламъ, къ корабельному пристанищу.

И послы, бояринъ князь Иванъ Ивановичъ съ товарищи и всѣ Русскіе люди, увидѣвъ его Даудова зѣло обрадовались; и приказалъ бояринъ Астраханскимъ стрѣльцамъ ночью сдѣлать земляную избу для Кизылбашскихъ людей, чтобъ его Даудова не видали, и въ той избѣ жилъ онъ Даудовъ съ Октября мѣсяца до Мая мѣсяца. И какъ бояринъ съ государскими людьми почалъ убираться, въ бурю и въ полночь пришелъ къ земляной избѣ и велѣлъ вызвать Даудова передъ себя и учалъ говорить о томъ: Богъ-де далъ путь лѣта, стало пора идти въ Русь. И велѣлъ посадить его Даудова въ лодку съ своими людьми и отвезти въ Русь, и заказалъ Персидскихъ людей бусныхъ работниковъ не выпускать потому, чтобъ Кизылбашскимъ людемъ про него Даудова вѣдомости не было. А какъ бояринъ зимовалъ на берегу у моря, и его пять сотъ человѣкъ караулили Кизылбашскихъ ратныхъ людей, чтобъ ему никакой шкоды не учинилось.

И пришли послы въ Астрахань послѣ Троицына дни, и изъ Астрахани пришли Волгою стругами, и послѣ Семена дни пришли въ Симбирской и въ Симбирскомъ жили до зимняго пути, а зимнимъ путемъ пошли къ Москвѣ.

По указу великаго государя Даудовъ отданъ въ Чудовъ монастырь подъ началъ; и подъ началомъ былъ шесть недѣль. Въ томъ же Чудовѣ монастырѣ онъ Даудовъ крещенъ во святую православную христіанскую вѣру мѣсяца Апрѣля въ 26 числѣ, на память святаго священномученика Василія, епископа Амасійскаго. Воспріемникъ, отецъ ему крестный, былъ думный дьякъ Александръ Степановичъ Дуровъ; во святомъ крещеніи наречено ему иноземцу Даудову имя Василій.

Первая его Васильева Александрова сына Даудова великому государю служба. Во 175 (1667) году посланъ онъ Василій въ Царьградъ съ стольникомъ съ Аѳанасьемъ Нестеровымъ да съ дьякомъ Иваномъ Вахрамѣевымъ. Путь ихъ на Азовъ, черезъ Черное море шли и пришли въ Царьградъ. И Турецкаго царя салтана Магомета въ Царьградѣ не было; былъ въ то число Цареградской намѣстникъ Исупъ-паша. Указалъ имъ посольской дворъ дать, гдѣ стоять, и честь воздалъ имъ, и ихъ, Аѳанасья съ государскими людьми, призвалъ къ себѣ въ домъ, сдѣлалъ столъ и на государскихъ людей вздѣлъ по кафтану золотому и говорилъ имъ, что-де государь его во Андреанополѣ, и зимовать-де будетъ въ томъ Андреанополѣ, и про пріѣздъ ихъ, Аѳанасья Нестерова

съ товарищи онъ паша писалъ къ Турскому салтану и велѣлъ дожидаться указу, и поденной денежной кормъ велѣлъ имъ имать въ Царьградѣ. Жили шесть недѣль, и отъ салтана присланъ указъ, чтобъ имъ, Аѳанасью съ товарищи, ѣхать въ Андреанополь. И пріѣхали въ Андреанополь Аѳанасій Нестеровъ, да Иванъ Вахрамѣевъ, да Василій Даудовъ, да переводчикъ. И государскимъ людемъ всѣмъ по кафтану золотому дали и честь воздали. А за столомъ сидѣли: везирь Кара-Мустафа-паша съ иными пашами и ближними людьми; а Турецкіе цари никогда съ послами за столомъ не сидятъ. И во Андреанополѣ зимовали. А какъ отъ салтана отпускъ былъ, и Аѳанасій Нестеровъ и съ государскими людьми были въ саду; также салтановы очи видѣли они, Аѳанасій Нестеровъ, да Иванъ Вахрамѣевъ, да Василій Даудовъ, да переводчикъ, и золотые кафтаны вздѣли всѣ. И султанъ Аѳанасью Нестерову на дворъ прислалъ лошадь съ сѣдломъ, и съ чепракомъ, и съ мундштукомъ, и съ булавою и велѣлъ ѣхать къ великому государю къ Москвѣ; дали два корабля.

Тѣмъ же путемъ Чернымъ моремъ пошли, и плѣннымъ Русскимъ людямъ велѣли ѣхать съ Аѳанасьемъ Нестеровымъ съ товарищи, у которыхъ были отпускныя. И назадъ ѣдучи, на Черномъ морѣ распутье отъ фортуны учинилось, и животъ свой мучили шесть недѣлъ. А какъ изъ Азова шли въ Царьградъ, поспѣли въ девять дёнъ. А посланъ былъ Аѳанасій Нестеровъ съ товарищи въ Царьградъ для великихъ государскихъ дѣлъ и для вселенскихъ патріарховъ.

И назадъ идучи, будучи на Дону, Аѳанасій Нестеровъ, да дьякъ Иванъ Вахрамѣевъ Василья Даудова отпустили съ отписками къ Москвѣ къ великому государю чрезъ степь на украиной городъ, на Валуйку. Донской атаманъ Корнѣй Яковлевъ далъ ему провожатыхъ 15 человѣкъ казаковъ до Москвы. И великій государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, Василья Даудова пожаловалъ денежнымъ жалованіемъ и всякимъ запасомъ.

И вселенскіе патріархи, папа патріархъ Паисей Александрійскій, да патріархъ Макарій Антіохійскій били челомъ великому государю словесно: Аѳанасій-де Нестеровъ, которой указъ взялъ у Турскаго салтана объ ихъ патріаршихъ дѣлахъ, и тотъ-де указъ имъ не годится, почто что живутъ-де они въ бусурманской землѣ будто невольники; и какъ-де были они на Москвѣ, и на ихъ-де мѣсто по указу Турскаго салтана поставлены новые патріархи; имъ-де отъ того разоренія ѣхать къ своимъ мѣстамъ немощно; чтобы указалъ великій государь послать къ Турскому салтану Василья Даудова съ своею государскою грамотою просить и взять у Турскаго салтана приказы и грамоты, чтобъ Алек-

сандрійскаго новаго патріарха съ мѣста сбить и послать его въ ссылку, куда салтанъ укажетъ, чтобъ ему папѣ и патріарху Паисею Александрійскому быть по прежнему въ патріаршествѣ во Александріи, на прежнемъ своемъ мѣстѣ; такожде бы и Макарію, патріарху Антіохійскому, быть во Антіохіи по прежнему же на патріаршествѣ, на своемъ мѣстѣ.

И великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ указалъ послать къ Турскому салтану, по челобитью вселенскихъ патріарховъ, съ своею великою грамотою Василья Даудова, о чемъ они вселенскіе патріархи били челомъ. Да съ нимъ же Васильемъ Даудовымъ послали Гречанина Мануила Иванова товарищемъ. А на подъемъ ему Василью Даудову дали денегъ пять сотъ рублевъ, да на четыреста соболей раздачи великихъ государей дѣлъ. А указалъ великій государь Василью Даудову ѣхать къ Турскому салтану во ста семьдесять седьмомъ году, на Смоленскъ черезъ Польшу и на Волохи. И онъ Василій Даудовъ съ Греченином съ Мануиломъ поѣхали съ Москвы.

И какъ были въ Валахской землѣ въ городѣ въ Ясѣ, дукъ-воевода, господарь Молдавской ихъ, Василья Даудова съ товарищи, звалъ къ себѣ и великаго государя грамоту у нихъ принялъ и цѣловалъ, которая къ нему послана была. Оной же дукъ-воевода всталъ съ мѣста и снялъ шапку, великаго государя о здравіи спросилъ и учалъ государскія дѣла говорить. И говорилъ онъ воевода Василью Даудову: Турецкой-де царь въ походѣ, а въ Цареградѣ его нѣтъ, зимуетъ-де въ городѣ Ларсѣ, а по турецки называютъ Егишегеръ, выше Селуни-града, близко Веницейской земли. И Волоской господарь далъ подводы и провожатыхъ и велѣлъ ѣхать во Андреанополь, потому что на Ларсу ѣхать дорога лежитъ на Андреанополь. И Василій Даудовъ съ товарищи пріѣхалъ въ Андреанополь, и Андреанопольской воевода бостанжи-баши умеръ. Ага далъ два человѣка бустанже (sic) провожатыхъ и подводъ, велѣлъ на дорогѣ вездѣ кормъ давать и далъ подорожную вездѣ часу не держать до салтана; а приказалъ ѣхать на градъ на Селунь. И будучи въ Селуни, они, Василій Даудовъ съ товарищи, изъ Селуня дали имъ подводъ такожде и провожатыхъ. И шли отъ Селуня къ Ларсу пять дней берегомъ Бѣлаго моря и пріѣхали въ Ларсу и салтана застали въ Ларсѣ.

Василій Даудовъ послалъ отъ себя Мануила Греченина къ ближнему человѣку къ Аманамъ-Мустафѣ-пашѣ, чтобъ онъ объ его Васильевѣ пріѣздѣ доложилъ салтану. И Мануилъ, пришедъ отъ него, говорилъ Василью Даудову: велѣлъ-де ближній человѣкъ каймакамъ-паша тебѣ Василью пріѣхать къ себѣ, и буде отъ великаго государя грамота есть къ нему пашѣ, и онъ-де бы Василей привезъ съ собою. И на другой

день онъ Василей Даудовъ, въемши великаго государя грамоту, которая къ нему пашѣ послана, да черной лисій мѣхъ, и пришли къ нему пашѣ на дворъ; и онъ паша великаго государя грамоту принялъ честно и лисей черной мѣхъ принялъ же онъ паша и приказалъ имъ, Василью съ товарищи, сѣсть. И Василей Даудовъ говорилъ ему пашѣ, чтобъ доложилъ салтану объ его Васильевѣ пріѣздѣ. И каймакамъ-паша говорилъ: салтану-де извѣстно твой Васильевъ пріѣздъ; готовься-де къ завтрему салтановы очи увидѣть. А на другой день у салтана были, и салтанъ великаго государя грамоту принялъ. Онъ же салтанъ Турецкимъ языкомъ у него Василья спрашивалъ: отъ великаго государя есть ли-де словесной приказъ, говори-де мнѣ. И онъ Василей извѣстилъ ему Турецкимъ же языкомъ, чтобъ указалъ онъ, салтаново величество, словесной приказъ на письмѣ принять ближнему человѣку и потомъ извѣстить его салтанову величеству. И салтанъ приказалъ ближнему своему человѣку каймакамъ-пашѣ принять и себѣ доложить, и ему Василью велѣлъ ѣхать на стоялый дворъ. И онъ Василей Даудовъ подалъ на письмѣ дѣла великаго государя, о которыхъ дѣлахъ великому государю били челомъ вселенскіе патріархи. И ближней человѣкъ, каймакамъ-паша, салтану докладывалъ, и салтанъ указалъ и велѣлъ дать свой указъ и грамоты, чтобъ патріархи вселенскіе, Александрійской и Антіохійской, съ Москвы поѣхали къ своимъ престоламъ, и быть по прежнему на патріаршествѣ, а новыхъ патріарховъ указалъ съ мѣста сбить и сослать ихъ въ ссылку.

И Василей Даудовъ съ товарищи жили въ Ларсѣ три недѣли, и салтанъ указалъ его Василья отпустить къ великому государю къ Москвѣ, и каймакамъ-Мустафа-паша его Василья звалъ къ себѣ отъ салтана и грамоту къ великому государю, такожде указъ отъ салтана о патріаршихъ дѣлахъ поднесъ Василью и велѣлъ дать провожатыхъ и подводы и велѣлъ ѣхать на Царьградъ. Такожде, отъ салтана особно, указъ дали ему Василью къ Царьградскому каймакамъ-пашѣ Исупъ, чтобъ онъ Исупъ-паша звалъ бы къ себѣ Царьградскаго Греческаго патріарха и сказалъ бы ему патріарху салтановъ именной указъ, чтобъ онъ патріархъ по христіанскому Греческому закону учинилъ бы соборъ съ архіереи въ соборной церкви и чтобъ проклинали Александрійскаго новаго патріарха, потому что старый патріархъ живъ, а онъ сѣлъ на патріаршествѣ по посуламъ. И Царьградскій патріархъ въ соборной церкви соборъ учинилъ и новаго патріарха проклиналъ.

И Василей Даудовъ съ товарищи изъ Царьграда поѣхали къ Москвѣ на Волоцкую землю и на Польшу; и въ Москву пріѣхалъ онъ Василій съ товарищи. И великій государь пожаловалъ его Василья,

указалъ выдать ему за тоё его службу изъ Сибирскаго Приказу на четыреста рублевъ соболей.

Вторая его Васильева Даудова великому государю служба. По указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, во 180 (1672) году, съ его великаго государя грамотою посыланъ онъ Василей къ Турецкому салтану; да съ нимъ посыланъ былъ Посольскаго Приказу подъячей Никифоръ Даниловъ сынъ Венюковъ, на низъ Дону и на Азовъ. И какъ Донскіе казаки отдали его Василья съ подъячимъ Никифоромъ Азовцамъ, и въ то число скоро они казаки съ ними Азовцы размирились и съ пушками пришли подъ Каланчинскія башни и учали по башнѣ бить изъ пушекъ и одну башню до подшвы разбили, и начали по другой башнѣ бить. И въ то число ихъ Василья да подьячаго Никифора съ людьми Азовскій воевода Магметъ-бій велѣлъ въ тюрьму посадить, ріяся изъ-за Донскихъ казаковъ. И Азовскіе янычары служилые люди бунтомъ приходили къ тюрьмѣ и хотѣли тюрьму ломать и ихъ Василья и Никифора бить до смерти, и Азовскому воеводѣ учали противъ говорить, что-де они лазутчики, а не посланные люди, и чтобъ отдали ихъ Василья и подъячаго Никифора имъ, и они-де ихъ повѣсятъ на башняхъ, противъ казачьихъ пушекъ, и у нихъ-де бы съ Донскими казаками было мирно. А какъ-де они Василей да Никифоръ были въ Азовѣ, и Донскіе казаки съ ними Азовцы размирились. И въ тѣхъ же числахъ два казака изъ Черкаска измѣнили, ушли въ обозъ и обусурманились и сказали про нихъ Василья да Никифора, что-де они Василей да Никифоръ измѣнники: какъ-де они съ Москвы пріѣхали на Донъ и въ рузѣ (?) казакамъ подали великаго государя грамоту, а въ грамотѣ написано: Атаманъ Корней Яковлевъ съ войскомъ, отдавъ Василья Даудова въ Азовъ, и съ Азовцами размиритеся и войною пойдите подъ Каланчинскія башни. И они, воевода и Азовцы, пуще стали супостата ему Василью. А послѣднюю-де башню до половины разбили. И волею Божіею отъ Гнилова Азовскаго моря вѣтеръ потянуло, и прибыльная вода казачьи шанцы потопила, и казаки отошли прочь. И Азовцы глиною и сырыми кирпичами учали Каланчинскія башни битыя починивать, а ихъ, Василья да Никифора, изъ Азова отпустили въ Каѳу.

И Каѳимскаго Браимъ-паши намѣстникъ Мусаилъ-Усланъ-ага отпустилъ его Василья съ подъячимъ Никифоромъ въ Царьградъ въ кораблѣ. И Божіимъ изволеніемъ фортуна и вѣтръ страшный всталъ и вернуло назадъ къ городу Трапезону и носило по морю многое время. И въ томъ же путномъ шествіи сталъ супротивный вѣтръ, и фортуна и волны морскія корабль унесли назадъ, и потопалъ трижды. Изъ Трапезона шли берегомъ до города Синопа, отъ Синопа корабельщикъ не

поѣхалъ въ Царьградъ, зимовалъ, потому что зимою невозможно кораблямъ идти въ Царьградъ. И они, Василей да подъячей Никифоръ, говорили воеводѣ, чтобъ велѣлъ дать имъ легкой стругъ и гребцовъ, и провожатыхъ отъ Синопа до Царьграда; и воевода имъ отказалъ: безъ салтанова-де указа струга и провожатыхъ дать вамъ не смѣю. И онъ Василей въ Синопѣ нанялъ стружокъ у Гречанина Апостола ѣхать до Царьграда греблею. А съ Дону изъ Черкаскаго городка отпущенъ въ Азовъ Іюня въ 29 числѣ; а Донскіе казаки приходили подъ Каланчинскія башни Августа въ двадцатомъ числѣ и били башни Августа 1 число (sic); а отошли прочь они казаки Сентября 1 день; а Василей отпущенъ изъ Азова въ Царьградъ въ кораблѣ съ провожатымъ съ Мустафою-чилибеемъ. И Октября въ 9 числѣ пришли въ Керчъ, того же Октября мѣсяца въ 17 день; а въ Каѳу пріѣхали сухимъ путемъ отъ Керчи въ томъ же мѣсяцѣ въ двадесятомъ числѣ; отъ Каѳы отпущенъ онъ Василей въ Царьградъ въ кораблѣ Октября въ 29 числѣ, и пришли въ Синопъ Ноября въ 27 числѣ, отъ Синопа пошли въ Царьградъ Декабря въ тридесятомъ числѣ. Въ Царьградъ пришли Генваря въ девятнадесятомъ числѣ, изъ Царьграда отпустили Василья съ товарищи во Андреянополь Февраля въ третьемъ числѣ съ приставомъ съ Азаномъ-чеушомъ; а во Андреянополь пришелъ Февраля въ 1 числѣ. Изъ Андреянополя они, Василей да подъячей Никифоръ, отпущены къ Москвѣ Марта въ 20 день съ приставомъ съ Усманомъ-чеушомъ въ Волоскую землю; а въ Ясу пріѣхалъ сухимъ путемъ Апрѣля въ 16 день; въ Каменецъ пріѣхалъ Подольской того мѣсяца въ 22 день; въ Чигиринѣ къ Дорошенку пріѣхалъ Мая въ 7 день; а изъ Чигирина отпущенъ Василей къ Москвѣ въ четвертый день, того жъ мѣсяца Маія въ 29 числѣ. 181 г. Августа въ 28 день отъ великихъ государей пожалованъ Василей Даудовъ за сію Царегородскую службу, воеводою отпущенъ въ Яремской городокъ. А Посольскаго Приказу подъячей Никифоръ Даниловъ сынъ Яковлевъ пожалованъ за туже Царегородскую службу изъ молодыхъ подъячихъ въ середнею статью; ему же прибавлено къ годовому денежному жалованью пятнадцать рублевъ.

Третья его Васильева Даудова великому государю служба. Лѣта 7183 (1675) Февраля въ 28 день, по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, указу и по наказу изъ Посольскаго Приказу за приписью дьяка Емельяна Украинцова, велѣно ѣхать ему Василью въ Хиву и въ Бухару въ посланникахъ ему Василью Александровичу Даудову великаго государя съ грамотами къ Хивинскому Анавша-Магаметъ-Богадырхану. Отъ великаго государя послано съ нимъ Васильемъ Бухарскому Абдулѣ-Азизъ Богадырхану четыре кречета, да иныхъ поминковъ,

да соболей на пять сотъ рублевъ: да ему же Бухарскому хану посланы органы, а Юргенскому хану послано въ поминкахъ на двѣсти рублевъ. Великаго государя жалованье на подъемъ ему Василью дано двѣсти рублевъ денегъ, да на триста рублевъ соболей, а всего на пять сотъ рублевъ. А съ нимъ Василіемъ посланы, для обереженія кречетовъ, сокольникъ Епенемъ, да кречетниковъ Ефимъ Малининъ, Михайла Петровъ, Ѳадей Ярцовъ, Ларіонъ Мартемьяновъ; а за органами посланъ органщикъ дворовой человѣкъ Ѳедоръ Текутьевъ. И съ нимъ посланникомъ, съ Васильемъ Даудовымъ съ товарищи, послано изъ Казани Татарскихъ языковъ толмачей: Анисимъ Васильевъ да Иванъ Горской; да три человѣка стрѣльцовъ, Ивашка Носовъ съ товарищи. Съ нимъ же посланникомъ, съ Васильемъ Даудовымъ, посланы изъ Астарахани съѣзжей избы подьячей Данила Голдыбинъ да Василей Бочковъ, да переводчикъ Астраханской Татаринъ Мурменка.

А съ Москвы пошелъ онъ, посланникъ Василей Даудовъ, въ 183 году Мая въ 15 числѣ. Шелъ рѣками Москвою, и Окою, и Волгою безъ простою, и въ Казань пришелъ Іюля въ 12-мъ числѣ, а въ Астарахань пришелъ Іюля въ 17-мъ числѣ. А съ Астарахани отпущенъ онъ Василей съ товарищи бусою Августа въ 22 числѣ, и шелъ черезъ Хвалынское море на Караганскую пристань съ горскими людьми; пришли на Караганскую пристань 184 году Сентября въ 25 день. Посланникъ Василей съ государскими людьми нанялъ у Трухменца верблюдовъ и лошадей дорогою цѣною подъ вел. государя казну и подъ себя, и подъ запасъ, и подъ рухлядь. Пошли степью; а они воры проклятые басурманы Трухменцы вели Василья съ государскими людьми безызвѣстными пустыми степями нарочно, и воды такія скаредныя, хуже дегтю; а ѣдучи тою нужною дорогою, пустою степью, они проклятые Трухменцы, подвозчики и провожатые въ тѣхъ мѣстахъ думали было середи степи въ безводныхъ мѣстахъ ихъ, посланника Василья Даудова съ государскими людьми, изрубить, а казну великихъ государей ограбить. И ѣдучи въ той степи въ нужныхъ мѣстахъ, великія жары были, а девять дёнъ воды не показали; а шли тою степью 25 дней, а отъ нихъ воровъ Трухменцовъ надъ государскими людьми грабежу и ругательства многажды было; и боялись ихъ Трухменцевъ смертнаго убивства, давали имъ платьемъ и товаромъ, откупалися. А пришли въ Хиву Октября въ 20 день и въ Хивѣ у хана были, великаго государя поминки хану поднесли; онъ же ханъ два кречета сильно отнялъ.

Хивинская земля самая нужная, мѣсто всякимъ запасомъ и водою, и сѣномъ, и лѣсомъ гораздо скудно. Посламъ и посланникамъ корму и подводъ не даютъ, только у хана у стола бываютъ послы и посланники, да даютъ имъ чалму да кафтанъ и изюмъ; временемъ отъ

хана посылають вмѣсто корму ѣствъ да деньгами не по большому мѣсту, рублевъ по двѣсти и по полтораста на пріѣздъ и на отпускъ; только дважды дають, а подводы не имѣють скоро; харчи и конской всякой кормъ покупають дорогою цѣною. А изъ Хивы пошелъ онъ, посланникъ Василей Даудовъ, съ государскими людьми Генваря въ 6-мъ числѣ черезъ Дарью-рѣку; а въ то число рѣка Дарья замерзла, шли черезъ ледъ; а шли отъ Хивинскаго крайняго города пустою степью въ Бухарѣ 13 дней, въ 21-мъ числѣ пріѣхали въ Бухары. На Августъ въ 18-мъ числѣ посланникъ Василей Даудовъ съ товарищи поѣхалъ въ Хиву, и во 185 году Октября во второмъ числѣ пришли въ Хиву они, посланникъ Василей Даудовъ съ государевыми людьми и съ посланниками. А изъ Хивы Апрѣля во второмъ надесять числѣ пошли степью пустою на Яикъ да на Гурьевъ городокъ. А та пустая степь весьма нужна, безводна и бездровна, всякій харчъ, и вода, и верблюдной, и конской кормъ возили на верблюдахъ. А пришли въ Гурьевъ-городокъ въ Яикъ за два дни до Вознесеньева дни. И въ самый Вознесеньевъ день за часъ до свѣту воръ-измѣнникъ Яицкой казакъ Васька Петровъ сынъ Касимовъ съ товарищи своими ворами и измѣнники, человѣкъ ихъ съ тридцать; и они, воры и измѣнники, измѣнили великому государю, Гурьевъ-городокъ взятьемъ взяли, великаго гусударя всякую казну, ружье и порохъ ограбили, такожъ посланника Даудова и торговыхъ людей, иноземцевъ, Бухарцовъ и Хивинцовъ, которые пошли съ товары своими изъ Хивы и изъ Бухары съ нимъ посланникомъ Васильемъ Даудовымъ въ Россійское государство торговать, ограбили всѣхъ безъ остатка и его Василья Даудова; а иныхъ иноземцовъ и до смерти разстрѣляли. А посланника Василья Даудова, ограбя безъ остатку, отдали за казачій караулъ. И не по одно время они воры и измѣнники думали, чтобъ его, посланника Василья Даудова, потерять. И плѣнный попъ Аѳанасій Ивановъ съ товарищи съ плѣнными людьми собралися всѣ и били челомъ имъ ворамъ и измѣнникамъ горькими слезами многажды и просили о немъ посланникѣ, чтобы они воры его Василья не казнили. И они воры и измѣнники имъ плѣннымъ людямъ, попу Аѳанасью съ товарищи, сказали, что-де у него посланника много каменья дорогаго и червонныхъ золотыхъ. И попъ Аѳонасій имъ измѣнникамъ говорилъ: великаго государя казны-де съ нимъ Васильемъ не послано, а насъ-де плѣнныхъ людей 55 душъ купилъ на свои деньги и большую-де половину и плѣнныхъ людей поилъ и кормилъ и подводы-де подъ нихъ далъ, черезъ степь до Гурьева городка, своими деньгами нанялъ. И они воры и измѣнники, выслушавъ такія слова у него Аѳанасья, и говорили ему попу Аѳанасью: въ утрѣ-де у нихъ воровъ кругъ будетъ объ немъ посланникѣ Васильѣ, и что-де казаки придумають,

а вамъ-де будетъ извѣстно; и ему попу Аѳанасью они воры велѣли въ кругъ прійти на другой день. И на другой день они воры и измѣнники учинили кругъ и придумали про него Василья Даудова: не-Русской-де онъ человѣкъ, иноземецъ; за что-де его напрасно потерять? И для ради прошенія ихъ плѣнныхъ людей, попа Аѳанасья съ товарищи, потому что-де онъ Василей ихъ, плѣнныхъ людей, изъ дальняго государства черезъ такую нужную степь вывезъ и поилъ и кормилъ, и отъ себя подводы далъ, можно его Василья Даудова отъ смерти свободить. И того же числа они воры-измѣнники, проклятой атаманъ, сказали въ кругѣ имъ попу Аѳанасью съ товарищи: казаки-де придумали его Василья Даудова свободить отъ смерти для ради вашего прошенія. И разоривъ Гурьевъ-городокъ, тѣ воры и измѣнники великаго государя всякую казну, также и Василья Даудова и иноземцовъ торговыхъ людей ограбя жъ безъ остатку, ночевали три ночи въ Гурьевѣ-городкѣ и нагрузили тѣми пограбленными казною и животами и товары казачьи свои воровскіе струги полны и пошли на Хвалынское море воровать. И въ то число въ Гурьевѣ-городкѣ посланниковъ Василья Даудова вскормленикъ, дворовый человѣкъ Нѣмчинъ, именемъ Левка Дементьевъ, въ то время измѣнилъ и съ ними жъ измѣнниками казаками вмѣстѣ пошелъ на море, и имъ измѣнникамъ ворамъ на него Василья ушничивалъ и про животы, и про платья, и про всякую рухлядь имъ ворамъ сказывалъ. А у торговыхъ всякихъ иноземцевъ грабежемъ взяли они измѣнники больше семидесяти тысячъ рублевъ; а у посланника у Василья Даудова они же воры и измѣнники взяли грабежомъ семь тысячъ рублевъ. И его посланника Василія Даудова въ Юрьевѣ-городкѣ одѣвали и поили и кормили добрые люди до Астрахани. А изъ Бухаръ и изъ Хивы онъ посланникъ Василей Александровичъ вывезъ съ собою Русскихъ плѣнныхъ людей разныхъ чиновъ Московскихъ и разныхъ городовъ мужскаго и женскаго полу и дѣвокъ: Казанскаго уѣзду попа Аѳанасія Иванова съ попадьею да съ дочерью и съ зятемъ да съ Самарскимъ стрѣлецкимъ сыномъ съ Максимкою, да Донскаго казака Артамошку Анофріева, да посадскаго человѣка Василья Городенца, да Ивашку Васильева, Московскаго стрѣльца Ивашку Дмитріева, Самарскаго стрѣльца Ваську Семенова, Саратовскаго жъ стрѣльца Ивашку Арскаго, солдата Ѳедку Зарайченина, Якушку Сидорова, Заинскаго городка казачью жену Наташку, жену Юрьеву съ дочерью Анюткою, Новаго Шешминска казака Семку Бабаева, стараго Шешминска стрѣльца Гришку, изъ Сибири Тарскаго городка казачью жену Варварицу, того жъ городка казачью дочь дѣвку Маврушку, Ростовскаго уѣзду села Великаго Ганку Иванова, Рязанца Мартина Ермолаева, Шешминскаго казака Савку, Самарскаго стрѣльца Степку

Замотая, города Самары полонянку вдову Варварицу, Нижегородца Игнатья Дружинина, Ерыклинскаго городка казака Лучку, Заинскаго городка казачью жену вдову Овдотьицу, да Ерыклинскаго городка стрѣльца Логинку; того жъ городка Лучку Власьева, Синбиринина посадскаго человѣка Сенку Деревягина, Московскаго стрѣльца Харитонку Ипатова, Казанскаго уѣзду новокрещенаго Гришку Иванова, Фетьку (sic) Степанова, Карпушку Иванова, Макарку Максимова, Нижегородца Захарка Реброва, Левку Харкова, Бѣлорусицю Матрешку да Гликерицу Клементьеву дочь, Өеврошку Иванову, Костромитича Левку Степанова, села дворцоваго Ганку Иванова, Ломовца Алексашку Өедорова, Саратовскаго стрѣльца Ивашку Шавельева, Самаренина Макарку Воробьева, Ломовца Карпушку Иванова, да Казанскихъ Татаръ Клудъ Буликудалъ, Маметку, Маремьяну Петрову, да Заинскаго городка Елисавету Евдокимову дочь, Параскевку Семенову, Өеврошку Иванову, Матрешку Васильеву, Дарьицу Минину, Грикерьицу Клементьеву, Анютку Лаврентьеву, Мареутку Семенову, Устиньицу Тимоөееву, Дарьицу Макееву, Матрошку Леонтьеву, Мордвина Ганку. Всѣхъ вышеписанныхъ плѣненныхъ людей число 63 человѣка; изъ того числа на дорогѣ умерло 8 человѣкъ, а оставалось 55 человѣкъ. И посланникъ Василей Александровичъ Даудовъ тѣхъ 55 человѣкъ плѣнныхъ людей привезъ съ собою къ Москвѣ и отдалъ именно въ Посольскомъ Приказѣ. А записаны они всѣ въ статейномъ спискѣ, а статейной списокъ отданъ въ Посольской Приказъ.

Четвертая его Васильева Александрова сына Даудова служба.

Лѣта 7187 (1679) г. Февраля въ 19 д. по указу великаго государя царя и великаго князя Өедора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, посыланъ онъ Василей Александровъ сынъ Даудовъ великаго государя съ грамотами въ Царьградъ къ Турскому царю салтану Махмету Ибраимовичу. А для письма съ нимъ Васильемъ посланъ Посольскаго Приказу подъячей Өедоръ Старковъ. Велѣно ему Василью ѣхать съ Москвы въ Царьградъ на Кіевъ, черезъ Польшу. И онъ Василей въ Кіевѣ былъ, а изъ Кіева ѣхалъ черезъ Польшу на Польскіе города на полонные: на Старой Костянтинъ да на Новый Костянтинъ, да на Межебоже, да Каме(не)цъ Подольской, да на Волоскую землю на Ясу, гдѣ Волоской господарь живетъ. А какъ въ Ясѣ былъ онъ Василей, и Волоской господарь дукъ-воевода честь ему воздалъ и кормилъ его; ѣсть и пить у него было довольно. Онъ же Волоской господарь дукъ-воевода велѣлъ дать ему пристава и провожатыхъ и подводы, отпустилъ черезъ Дунай въ Царьгородъ. И онъ Василей пріѣхалъ въ Царьградъ въ томъ же году въ самый Великъ день въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Изъ Царяграда отпущенъ онъ Василей,

и ему Василью дано корму и приставовъ и провожатыхъ и подводъ довольно. Изъ Царяграда пошелъ въ томъ же году въ Августѣ мѣсяцѣ въ первомъ числѣ и пріѣхалъ въ Волоскую землю Августа въ 15 день въ городъ Галацъ, которой сидитъ на берегу Дунай-рѣки. И отъ великихъ жаровъ онъ Василей со всѣми людьми скорбѣлъ лихорадкою и огневицею, а подъячей Өедоръ Старковъ тою болѣзнію въ Польшѣ и умре, погребенъ въ полонномъ городкѣ. А въ Кіевъ пріѣхалъ онъ Василей назадъ въ 188 году въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, а къ Москвѣ пріѣхалъ онъ Василей въ томъ же году. И за ту его службу учинена ему придача государскаго жалованья къ годовому денежному окладу и къ поденному корму, и прибавлено.

А пятая служба Васильева съ сыномъ Петромъ въ Крымскомъ походѣ во 195 (1687) году, въ полку; были завоеводчики у боярина князя Василья Васильевича Голицына съ товарищи.

За его Васильевы за многія службы, за частыя дальнія посылки въ иныя государства пожалованъ онъ воеводою въ Яренской городъ, отпущенъ изъ Приказу Новгородской чети во 182 году. Онъ же Василей пожалованъ воеводою въ Чаранду, отпущенъ изъ Приказу Новгородской чети во 188 году. Онъ же Василей пожалованъ, отпущенъ въ Скопинъ воеводою во 196 году, отпущенъ изъ Приказу Большаго Дворца. А въ Яренскомъ онъ Василій перемѣнилъ Бориса Михайлова сына Паисарова (sic), а его Василья перемѣнилъ стольникъ Василей Өедоровъ сынъ Шишкинъ; а въ Чарандѣ онъ Василей перемѣнилъ Петра Иванова сына Протопопова, а его Василья перемѣнилъ стольникъ Андрей Андреевъ сынъ Поливановъ; а въ Скопинѣ онъ Василей перемѣнилъ стольника Ивана Андреева сына Поливанова.

Василей Александровъ сынъ Даудовъ посыланъ во 175 году въ Царьградъ, а изъ Царяграда вывезъ плѣнныхъ людей разныхъ городовъ и чиновъ мужеска и женска полу: Андрея Бутина, Сергѣя Шергина, Ивана Рахманова, Василья Захарова, Аөанасья Бурина, Александра Гутина, Өоку Барбышева, Ивана Микифорова, Василья Сергѣева, Богдана Мартынова, Романа Шатырева, Аөанасья Ремизова, Ивановскую жену Серебрякова, Марью Купріянову дочь, да попадью Дарью Григорьеву дочь.

Въ другой посылкѣ изъ Царяграда во 177 году вывезъ плѣнныхъ людей разныхъ городовъ и чиновъ: Лукьяна да Өедора Ларіоновыхъ, Семена Григорьева, Петра Өедорова, Сергѣя Попова, Максима Кляусова, Ивана Бѣляева, Василья Новосильцова, Аөанасья Ливенца, Макара Высокаго, Өедора Мартынова, Бѣлорусцовъ Ивана Иванисова, Матвѣя Григорьева, Емельяна да Алексѣя Стародубскихъ.

Въ третьей посылкѣ изъ Царя жъ града во 180 году вывезъ плѣнныхъ людей разныхъ городовъ и чиновъ: Емельяна Патятина, Любима Васильева, Ивана Степанова, Авдокима Максимова, Ивана Михайлова, Мирона Попова, Акинѳiя Дурнова, Григорiя Иванова, Алексѣя Михайлова, Прохора Кушинова, Василья Гунта, Авдокима Микифорова, Прохора Прокофьева, Максима Думрачеева, Акинѳiя Дудукина, Ѳирса да Андрея Авакумовыхъ.

Онъ же Василей посыланъ во 187 (1679) году въ четвертые въ Царь же городъ и, будучи въ Царѣградѣ, салтанъ и визирь Мустафа-паша заказали, чтобъ съ Васильемъ Даудовымъ никакихъ Русскихъ людей въ Русь не пускать для Чигиринской службы.

Во 194 (1686) году, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великiя и Малыя и Бѣлыя Россiи самодержца, шестая его Василья Александрова Даудова служба: посыланъ онъ Василей въ Крымской походъ.

Лѣта 7204 (1696) году Мая въ 8 день, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великiя и Малыя и Бѣлыя Россiи самодержца, посыланъ онъ Василей Александровъ сынъ Даудовъ въ Царьградъ съ думнымъ дьякомъ Емельяномъ Игнатьевичемъ Украинцевымъ и съ Каргопольскимъ намѣстникомъ...

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО ЕВГЕНІЯ БОЛХОВИТИНОВА къ В. Г. АНАСТАСЕВИЧУ.

„Никто другой не одолжаетъ меня столь пріятными письмами, какъ вы, признавался митрополитъ Евгеній Анастасевичу. Ваша переписка сдѣлалась для меня важнѣйшею пищею“... Въ письмахъ вашихъ „много для меня наставительнаго, и всё сіе мнѣ со временемъ пригодится“. Гдѣ эти письма, не знаемъ. Не менѣе, если не болѣе, важны и наставительны письма самого Евгенія къ Анастасевичу, важны и для потомства, какъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ къ характеристикѣ и самого знаменитаго іерарха, и его времени. „По мнѣ“, говаривалъ покойный кн. П. А. Вяземскій, „въ предметахъ чтенія нѣтъ ничего болѣе занимательнаго, болѣе умилительнаго, чтенія писемъ, сохранившихся послѣ людей, имѣющихъ право на уваженіе и сочувствіе наше. Самыя полныя, самыя искреннія записки не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какими дышатъ и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда, по крайней мѣрѣ на ту минуту, проговаривающейся рукою.... *Письма—это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ ея*“ [1]).

Это высокое значеніе писемъ, какъ историческаго матеріала, давнымъ давно признано всею нашею повременною печатію; разные органы печати охотно открываютъ для изданія ихъ свои страницы и столбцы. Немало такимъ образомъ было опубликовано и писемъ м. Евгенія. Часть ихъ, именно письма къ В. И. Македонцу, еще въ 1870 г. появилась въ Русскомъ Архивѣ. Черезъ этотъ же сборникъ мы хотимъ познакомить читающую Россію съ нѣкоторыми письмами ученаго архипастыря къ его пріятелю, до сихъ поръ еще не дождавшемуся своего біографа, Василію Григорьевичу Анастасевичу [2]). Мы говоримъ „съ нѣкоторыми“

---

[1]) Изъ „Писемъ о Кіевѣ“, М. А. Максимовича, изд. Н. П. Барсукова. М. 1869 г., стр. 9—10.

[2]) Анастасевичъ род. въ Кіевѣ въ 1775 г., ум. въ 1845 г. Въ началѣ царствованія Александра I занимался дѣлами по преобразованію Виленской Академіи и тѣмъ сталъ извѣстенъ князю Чарторижскому, управлявшему Виленскимъ учебнымъ округомъ. Онъ находился при немъ до 1810 г. Впослѣдствіи онъ состоялъ при гр. Н. П. Румянцовѣ и въ Коммиссіи составленія законовъ, гдѣ предсѣдательствовалъ, если не ошибаемся, баронъ Г. А. Розенкампфъ; въ 1830 г. вышелъ въ отставку. Издалъ періодич. сборникъ „Улей“ (2 ч., 4 книги, 1811—1812 гг.), наполненный преимущественно его трудами. Занимался библіографіею, составилъ росписи книгъ Плавильщикова (ч. 1, 1820 г. и ч. 2, 1821 г.), Смирдина и 5-ю часть „Опыта Россійской Библіографіи“ В. С. Сопикова. Напечаталъ вторымъ изданіемъ книгу бар. Розенкампфа „Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ“, Спб. 1839 г. (Геннади, ч. 1, с. 26—27).

потому во 1-хъ, что много писемъ до сихъ поръ еще не найдено, а во 2-хъ потому, что многія уже, благодаря гг. Шляпкину и Неустроеву, отпечатаны въ „Древней и Новой Россіи“: *1880 г.*, Окт., с. 336—364 (письма за періодъ 28 Сент. 1813 г.—29 Дек. 1814 г.), Дек., с. 611—640 (1 Янв. —20 Іюля 1817 г.), и *1881 г.*, Февр., с. 288—314 (2 Апр. 1821 г.—2 Марта 1824 г.).

Настоящія письма открываются письмомъ отъ 16 Января 1813 года, тѣмъ самымъ письмомъ, которымъ началась и вся переписка Евгенія съ Анастасевичемъ. Всѣхъ писемъ 130. Подлинникъ одного изъ нихъ хранится въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ, а остальныя въ Главномъ Моск. Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ папкѣ № 1426. Писаны они Евгеніемъ изъ Вологды, Калуги (куда онъ прибылъ на епископскую каѳедру 12 Сент. 1813 г.), Пскова (гдѣ архіепископствовалъ съ 1816 г.) и Кіева (въ которомъ служилъ митрополитомъ съ 1822 г. до своей кончины 23 Февр. 1837 г.).

Всѣ письма, за рѣдкими исключеніями, печатаются сполна: опущены мѣста и слова или вовсе неразобранныя, или плохо разобранныя; и тѣ и другія обозначены у насъ точками. Опущены также почти всѣ привѣтственныя обращенія, отсутствующія, впрочемъ, и въ большинствѣ писемъ (особенно съ 1818 г.), и подписи (vive, vale et nos amare perge, tuus, totus, tibi notus и пр.).

Н. Полетаевъ.

С. Новая Гольчиха, Костромской г. 11 Января 1889 г.

1813 годъ.

1.

Пол. 25 Генв. 1813 г.

Милостивый государь мой Василій Григорьевичъ!

Благопріятное письмо ваше отъ 7-го Генваря съ приложеніемъ Ораторіи Саула и экземпляръ журнала вашего *) для семинаріи я имѣлъ честь получить и покорнѣйше благодарю вамъ какъ за оныя, такъ наипаче за вызовъ вашъ имѣть со мною знакомство, которое для меня очень лестно, и которое отнынѣ буду стараться заслуживать. Вы чувствительно обяжете меня, естьли чаще изволите ко мнѣ писать и снабжать меня извѣстьями о текущей нашей словесности и о вашихъ собственныхъ занятіяхъ. Я живу въ такомъ углу, куда едва развѣ черезъ газеты проникаетъ сей свѣтъ, а собесѣдниковъ о немъ вовсе нѣтъ. Журналъ вашъ въ прошломъ году издали доставалъ я и много имъ пользовался, а теперь весь уже по милости вашей имѣю. До него я не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о Польской словесности, кромѣ что о нѣкоторыхъ старыхъ ихъ лѣтописателяхъ и спорщикахъ съ нашею церковію. Въ журналѣ вашемъ я находилъ также

*) „Улей“.

ссылки на мой Словарь и ваше жалѣніе о прекращеніи онаго. Теперь имѣю случай увѣдомить васъ, что оный весь уже мною конченъ и еще въ прошломъ году отосланъ въ подарокъ Московскому Обществу исторіи и древностей на разсмотрѣніе и поправку. Я отправилъ туда два списка: одинъ до буквы М. со включеніемъ и живыхъ писателей, а другой полный объ однихъ умершихъ и сей послѣдній просилъ теперь издать. Не знаю еще, что̀ опредѣлитъ общество, нынѣ разстроившееся. Я въ оное отправилъ теперь много статей касательно Русскихъ древностей и нѣкоторыя и теперь еще готовлю. Вотъ вамъ отчетъ въ моихъ упражненіяхъ.

За симъ, прося вашего дружества и дружеской переписки, остаюсь навсегда съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію вашего высокоблагородія, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Евгеній, епископъ Вологодскій.

Генваря 16-го 1813 (Вологда).

2.

Пол. 14 Февраля.

Любезный другъ Василій Григорьевичъ!

Дружеское письмо ваше отъ 27 Генваря, столь откровенное и любезное, даетъ мнѣ право съ сихъ поръ признавать васъ въ числѣ моихъ друзей и счастливымъ почитать случай, познакомившій меня съ вами столь скоро. Но нужны ли были дальніе переговоры? Науки знакомятъ и сближаютъ симпатіею людей и чужеземныхъ; а мы соотечественники, и, какъ вы признаёте, къ одной цѣли познаній стремимся. Итакъ, сему сходству легко было насъ познакомить. Воспитаніе ваше подъ руководствомъ просвѣщеннаго іерарха еще болѣе сближаетъ меня съ вами, хотя вы нынѣ и въ другомъ званіи. Но дружба состоитъ не въ сходствѣ платья, а въ сходствѣ мыслей и чувствованій. Сего довольно, и я прошу только васъ отнынѣ сохранять дружескія ко мнѣ расположенія, которыя и я буду стараться заслуживать и цѣнить дорого. А сообщеніе взаимныхъ мыслей и мнѣній, думаю, утвердитъ между нами сей союзъ. Excepta sapientia, говоритъ *Цицеронъ*, nihil melius datum est homini a diis immortalibus amicitia. Quid enim dulcius, quam habere cum quo omnia audeas sic loqui, ut tecum [1])?

Искренно благодарю вамъ за увѣдомленіе о вашемъ упражненіи надъ Славенскою пасилогіею и пасиграфіею. Herculeus certe labor est, sed gloria ejusdem [2]). Естьлибъ и не удалось окончить огромнаго сего зданія, то одна сія зодческая мысль должна потомству засвидѣтельствовать о геніи вашемъ и объ отчизнолюбивомъ намѣреніи. Но на что̀ же и отчаяваться? Ваши лѣта не отнимаютъ у васъ надежды употребить на сіе еще много времени; а собирая запасы, нѣтъ нужды пока спѣшить совершеніемъ дѣла. Естьли не найдете помощниковъ себѣ въ соотчичахъ, то сыщите

---

[1]) За исключеніемъ мудрости, человѣку ничего не дано безсмертными богами лучшаго дружбы; ибо что̀ пріятнѣе, какъ имѣть человѣка, съ которымъ смѣешь обо всемъ говорить, какъ съ самимъ собою.

[2]) Конечно трудъ Геркулеса, но его же и слава.

ихъ за предѣлами Славеноруссовъ, у племенъ вникающихъ больше насъ въ Славенской корень своихъ нарѣчій и въ богатство Славянской словесности. Упоминаемое вами Варшавское ученое общество соединитъ съ вами труды свои, которые, рано ли, поздно ли, полезнѣйшими признать будутъ принуждены и блудные наши словоподражатели Галловъ, Германцевъ и Англовъ. Къ стыду нашему нельзя не признаться, что заграничныя Славенскія племена давно предварили насъ вниманіемъ къ своимъ языкамъ, и даже малые Задунайскіе потомки Славянъ прежде насъ составили свои грамматики и словари, а Польша имѣла уже золотой вѣкъ своей словесности, пока мы не имѣли еще и мѣднаго. Иллирійцы и Сербы еще въ XIV вѣкѣ больше насъ изобиловали Славенскими книгами, и митрополитъ *Кипріанъ*, оттуда къ намъ пріѣхавшій, обогатилъ насъ ихъ сокровищемъ. Прежде нежели и Россійская наша Академія успѣла что-нибудь сдѣлать для нашего языка, Богемское и Моравское общество съ 1785 года издало уже множество любопытныхъ розысканій о Словенскомъ языкѣ.

Іосифъ Добровскій нарочно отъ нихъ пріѣзжалъ въ Россію съ намѣреніемъ найти что-нибудь у насъ къ распространенію тѣхъ же свѣдѣній, но, кажется, возвратился тощъ. *Фортунатъ Дуричъ* началъ было воздвигать огромное и славное зданіе всеобщей Славенской словесности книгою своею *Bibliotheca Slavica antiquissima dialecti communis et ecclesiasticae universae Slavorum gentis.* Но сей драгоцѣнной книги изданъ въ Вѣнѣ 1795 года одинъ только первый томъ; а прочія Вѣнское правительство, сказываютъ, по какимъ-то политическимъ завистливымъ причинамъ скрыло отъ свѣта. Можетъ быть, такія же причины помѣшаютъ трудамъ Славенофиловъ и въ другихъ Славенскихъ племенахъ. Но въ Россіи, кажется, сего бояться не для чего. Старайтесь обогатить насъ сокровищами всѣхъ сихъ племенъ, имѣя къ тому всѣ способы по знанію вашему Западныхъ Славенскихъ нарѣчій и по сношенію вашему съ Польскими учеными. Презирайте завистливые пересуды журналистовъ, проповѣдующихъ намъ больше чужеродное, нежели намъ сродное. Отвѣчайте имъ Марціаловою епиграммою:

Qui ducis vultus et non legis ista libenter,
Omnibus invideas, livide; nemo tibi *).

Естьли Нѣмцы *Бакмейстеръ*, *Шлецеръ*, *Шторхъ*, *Аделунгъ* и другіе столь страстно занимались нашею словесностью, при своей обильнѣйшей: то не стыдно ли намъ углубляться больше въ чужую, не обработавъ еще своей? Къ посрамленію нашему мы донынѣ еще не имѣемъ и каталога книгъ своихъ полнѣе 12 томнаго *Бакмейстерови*. *Сопиковъ* первый вздумалъ вывести насъ изъ сего стыда, и я нѣсколько сообщилъ ему извѣстій о старыхъ наипаче книгахъ. Желательно, чтобы по крайней мѣрѣ

---

*) Это эпиграмма I, 40. *Завистливому*. По переводу А. А. Фета (неизданному):
Ты, что̀ морщишь лицо и нехотя это читаешь,
Можешь завидовать всѣмъ, злобный; тебѣ же никто.

его каталогъ вышелъ въ свѣтъ. Онъ, какъ мнѣ извѣстно, раздѣленъ на двѣ части, на Славенскую и Русскую всѣхъ типографій Русскихъ и заграничныхъ. Нѣтъ нужды, что у него одни названія книгъ; а по онымъ можно доискаться и самыхъ книгъ и узнать писателей.

Линдовъ Словарь, хотя я его и не видалъ, но, судя по вашимъ выпискамъ, почитаю я сокровищемъ для всѣхъ Славенскихъ народовъ. Еще въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* увидѣвъ объявленіе о немъ, я думалъ было купить оный и писалъ въ Вильну, но съ меня потребовали 25 червонныхъ, и такая цѣна устрашила меня. Можетъ быть, дождемся вашего словаря дешевлѣ. Прекращаю мое письмо повтореніемъ просьбы о сообщеніи мнѣ почаще извѣстій какъ въ разсужденіи вашихъ занятій, такъ и Петербургскихъ новостей словесности.

Вологда, 6 Февраля 1813.

P. S. Покорно благодарю за экземпляръ журнала вашего. Онъ займетъ почетное мѣсто въ моей библіотекѣ. Журналъ *Сынъ Отечества* я читаю. Читалъ также и новый гимнъ *Державина.*

3.

Два ваши письма отъ 14 и 18 Февраля получилъ я вмѣстѣ и потому однимъ на оба отвѣчаю съ искреннею вамъ благодарностію какъ за оныя, такъ и за присылку чудесной книги о Санскриторускомъ языкѣ. Къ чему не способенъ этимологическій умъ и страсть къ невѣроятнымъ новостямъ?... Естьли бы сочинитель производилъ Санскритскій языкъ отъ Славено-Рускаго, я бы извинилъ его патріотизмомъ; потому что не было народа, въ которомъ бы не явилось хоть по одному чудаку, доказывавшему свой народный языкъ первороднымъ въ свѣтѣ и приписывавшему оный праотцу Адаму. Но охота производить себя отъ другихъ уничижительна для самолюбія. Какъ не найти сходства въ человѣческихъ языкахъ, сложенныхъ изъ 30 и 40 только буквъ? Двухсотъ-язычный словарь *Екатерины* поможетъ всякому народу выставить себя кореннымъ. Безспорно, что народы много заимствовали другъ у друга словъ; но это допустить должно только о сосѣднихъ. *Шлецеръ* въ своей Руской грамматикѣ предложилъ замѣчательный сводный словарь Словено-Рускихъ словъ съ Греческими, Латинскими, Татарскими, Германскими, Скандинавскими и другими Европейскими; въ этомъ спорить съ нимъ никто не будетъ, ибо всѣ сіи народы были въ сношеніяхъ съ нашими предками. Но сближать съ нами и Индѣйцевъ потому только, что *Моисей* сказалъ: *и бысть устнѣ единѣ и глаголъ всѣмъ единъ*, и забывши *Моисеемъ* же сказанное: *смѣси Господь устна всея земли*— значитъ софистическій доводъ. Какъ бы то ни было, мнѣ хотѣлось бы знать, что̀ за книга *о сходствѣ между Санскритскимъ и Россійскимъ языками*? и кто ее сработалъ? Покойный *Кохъ* пестрилъ наши Рускія книги Арабскими буквами; но покойный *Лебедевъ* началъ пестрить Санскритскими, а изъ пепла ихъ родились фениксы вмѣсто того и другаго языка. Со временемъ и сіи фениксы исчезнутъ какъ баснословной.

Вы много одолжите меня, если сообщите мнѣ списокъ съ отношенія къ вамъ Варшавскаго президента. Польскій языкъ я отчасти читаю; научился оному у Малороссійскихъ учителей и по *Алвару*.

О Библейскомъ Обществѣ я съ вами не совсѣмъ соглашаюсь. То правда, что Спаситель однажды сказалъ ученикамъ своимъ: *вамъ дано есть вѣдѣти тайны царствія Божія, прочимъ же въ притчахъ, да видяще не видятъ и слышаще не разумѣютъ;* но причина: *одебелѣ бо сердце ихъ*; а по воскресеніи Самъ же заповѣдалъ имъ: *шедше въ міръ весь проповѣдите Евангеліе всей твари.* Пусть иное въ писаніи не для всѣхъ написано, но большею частію для всѣхъ; и такъ лишать уже не надобно. Злоупотребленіе можетъ быть изъ всего, но ненадобно отнимать и употребленіе на добро. Ереси есть и всегда будутъ не только въ богословіи, но и въ философіи и во всѣхъ наукахъ; во всѣхъ знаніяхъ появлялись невѣрные *Волтеры. Белевъ* Словарь тому доказательствомъ. Мода царствуетъ и въ мнѣніяхъ, какъ въ одеждѣ; но степенные люди всегда и во всемъ держатся праотеческаго преданія, и это начало въ теченіе временъ неизмѣняемѣе всѣхъ основаній. Когда появлялись злоумышленные критики, то всегда вмѣстѣ съ ними появлялись и благоразумные защитники. Добро и истина всегда имѣютъ свою сторону и среди разврата и лжей. А опаснѣе неискусные защитники, нежели неискусные порицатели. Вотъ мое мнѣніе! Я заключу оное словами *Екклезіаста*: *Посѣй*, говоритъ онъ, *хлѣбъ свой хоть на воду, онъ гдѣ нибудь пристанетъ и произрастетъ; дай человѣкамъ седми или осми, потому что не знаешь, кому оно обратится въ пользу. Сѣй по утру и въ вечеру, ибо не вѣдаешь, которое плодоноснѣе будетъ. Кто остерегается непогоды, тотъ никогда не посѣетъ; и кто боится облаковъ, тотъ никогда не пожнетъ.* Присовокупляю къ сему еще слово *Сирахово*: *всякъ даръ и неправда истребится, а вѣра во вѣки стояти будетъ.* Спѣшу не упустить почту.

P. S. Не слыхали ль вы о находящихся въ Петербургѣ у какого-то *Селакадзева* рунославенскихъ пергаментныхъ спискахъ *Баяновой пѣсни* и нѣсколькихъ отвѣтовъ Новгородскихъ жрецовъ, и кто такой *Селакадзевъ*? Прошу меня увѣдомить.

16 Марта 1813.

4.

От 27 Марта 1813.

На сей разъ коротко отвѣчаю я на ваше письмо отъ 11 Марта. Причиною тому и нездоровье, и суеты, и болѣе всего упущенье досужнаго времени передъ почтою, которая должна скоро отходить. При всемъ томъ успѣваю сказать вамъ искреннюю благодарность за присылку мнѣ рѣчи *В. Н. Каразина, мнѣ знакомаго*, и книжки *О сходствѣ Санскритскаго языка съ Русскимъ*, незнакомаго мнѣ Санскритомана. Люди играютъ своими знаніями передъ невѣждами, какъ фигляры. Благодарю и за копію съ письма *Сташицова* (?), и за выписку о Рускихъ изъ книги *о правахъ Литовскихъ*. Но, признаюсь, вы такъ связно мнѣ сіи копіи переписали, что

я много не могъ прочесть, можетъ быть потому, что не привыкъ читать Польскихъ рукописей; но на досугѣ опять примусь перечитывать и разбирать.—Скоро вы спознали объ антикѣ, отъ меня доставленномъ графу *Румянцову.* Онъ уже отпечатываетъ его, а *Оленинъ* прилагаетъ къ нему и свои замѣчанія. Ваша правда, что старинныя наши граматы безъ толкованій безполезны для публики, а десятокъ или два отпечатанныхъ подлинниковъ положили бы основаніе нашей палеографіи. Не всѣ могутъ достать подлинники, а съ отпечатковъ можно бы всякому дѣлать наблюденія, и тогда скоро узнали бы мы, сколько какого вѣка у насъ книгъ, которыхъ имѣемъ еще множество по монастырямъ и архивамъ, безъ означенія времени письма́. Поляки и объ этомъ начали помышлять прежде насъ. Но правду сказать, имъ можно предварять насъ; ибо и первое просвѣщеніе проникло къ намъ отъ нихъ же чрезъ Малороссію.

Благодарю за извѣстіе о *Сслакадзевѣ*, но гимнъ *Баяновъ* почитаю я не совсѣмъ выдуманнымъ; копія съ онаго у меня есть, и вѣрю, что трудно было бы вымыслить самый языкъ и слогъ его.

Графъ *Дмитрій Ив. Хвостовъ*, вашъ знакомый, у насъ, и сегодня ѣдетъ къ вамъ. Онъ очень уважаетъ васъ, а я хвалился ему вашею дружбою.

Рѣчи *Каразина* и Санскритскія игрушки не успѣлъ я еще прочесть и потому ничего о нихъ не могу сказать доселѣ.

Посылаю чрезъ Михайлу Михайловича вамъ уплату за „*Улей*“.

5.

Отъ 24 Апрѣля 1813.

Сердечно благодарю вамъ и за письмо отъ 8 Апрѣля, и за дружескія изображенныя въ немъ чувствованія. Рѣчь *Каразина* читалъ я и видѣлъ вторично въ *Вѣстникѣ Европы*; прекрасный человѣкъ, съ отличными свѣдѣніями и достоинъ быть въ столицѣ. О *Гульяновѣ* сочиненіи вы прежде мнѣ не писали; а по названію видно, что оно будетъ любопытно. Ваше мнѣніе объ архивскихъ нашихъ бумагахъ весьма справедливо. Сколько сей старины нашелъ я въ Вологдѣ кучами! Но рыться въ нихъ трудъ преотвратительный. А многое изъяснило бы промежутки нашей исторіи. *Щербатовъ* за напечатаніе граматъ дѣйствительно заслуживаетъ больше благодарности, нежели за свою исторію. Говорятъ, что и *Карамзинъ* не упускаетъ грамотъ и на каждый томъ почти столько же прилагаетъ примѣчаній; для обыкновенныхъ читателей это неважно, но для изслѣдователей драгоцѣнно.

Книги *Едды,* такой какъ у васъ, я не видалъ; но есть у меня одна изъ длиннѣйшихъ Исландскихъ Еддъ, подлинникомъ изданная съ буквальнымъ Латинскимъ переводомъ и съ обширными историческими и филологическими примѣчаніями, 1779. Тутъ много также любопытнаго. Знаю, что и древній *Стурлезонъ* собралъ много сихъ одъ; но я его собранія не видалъ. Взаимно спрошу васъ, знаете ли вы книжку любопытную *Adami*

Sellii Schediasma litterarium de scriptoribus, qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt? Она у меня переведена на Рускій, но не знаю, кто бы взялъ напечатать; а для охотниковъ это драгоцѣнность. По присланному вами каталогу пришлите мнѣ для семинаріи книги по одному экземпляру на простой бумагѣ.

Кто-то будетъ на мѣстѣ *Нартова* присѣдать въ Академіи нашей? Увѣдомьте, если узнаете хоть гаданія. Посылаю при семъ вамъ книжку, найденную мною въ Вологдѣ. Не ваша ли она? Ежели такъ, то, думаю, пріятно вамъ будетъ свиданіе чрезъ 20 лѣтъ съ чадомъ своимъ.

6.

Отъ 22 Маія 1813.

При отходѣ уже почты спѣшу отвѣчать, хотя коротко, на ваше любезное письмо отъ 9 Маія и посылаю при семъ за книги при томъ присланныя 15 рублей.

Вашъ первенецъ-книжка досталась мнѣ отъ преосвященнаго Тобольскаго *Амвросія Келембета* въ бытность его въ Воронежѣ ректоромъ, а мою префектомъ, а какъ она къ нему зашла, не знаю; вамъ отгадать можно. И такъ похожденіе ея коротко, хотя она и далеко отъ Кіева залетѣла. Вы несказанно меня обяжете, если поскорѣе сообщите мнѣ выписку изъ Польскаго хронографа о Скориновомъ переводѣ Руской Библіи. *Бакмейстеръ* и *Миллеръ* ничего кромѣ библіографическаго намъ не сказали о немъ.

Я дѣйствительно четыре года уже болѣлъ въ Вологдѣ ревматизмомъ отъ болотнаго климата и не надѣюсь исцѣлѣть, пока не перемѣню мѣста. Но это не въ нашей волѣ, а въ Божіей. О *Кутузовѣ* и *Витгенштейнѣ* мы слышали, но продолженія нѣтъ, и это безпокоитъ. Да сохранитъ ихъ Господь Богъ!

7.

Возвратясь изъ двунедѣльнаго путешествія по лѣснымъ и полевымъ мѣстамъ, теперь отвѣчаю на два ваши дружескія письма отъ 20 Маія и 2 Іюня. Первое получилъ я въ путешествіи и тамъ имѣлъ досугъ со вниманіемъ прочитать сочиненіе *г. Гульянова о первобытной связи языковъ.* Сочиненіе замысловатое, но все догадливое. Сочинитель слѣдуетъ стезѣ натуралистовъ, а для чего же бъ не заглянуть и въ Св. Писаніе? Давно уже въ слѣдъ за *Лукреціемъ*, *Цицерономъ*, *Плиній Старшій*, *Витрувій*, *Руссо*, *Монертью* и другіе попытывались производить человѣческій языкъ со скотскихъ мычаній, съ междометій, съ рѣзкихъ подражательныхъ натурѣ тоновъ и т. п. Но Писаніе говоритъ намъ, что человѣкъ сотворенъ съ организованнымъ языкомъ, и что Адамъ разговаривалъ съ Богомъ и нарицалъ животныхъ (Бытія II, 20); что и послѣ потопа всѣ говорили однимъ языкомъ (Быт. XI, 1); и что самъ же Богъ смѣсилъ языки (ст. 7). Вотъ проис-

хожденіе разныхъ языковъ, а не постепенное удаленіе отъ первоначальнаго. Естьли мы нынѣ находимъ между ими сходство, то это уже по сближенію ихъ черезъ знакомства, а не по производству отъ первоначальнаго. Правда, перемѣны одноорганныхъ буквъ въ языкахъ сами по себѣ естественны, и еще Греки замѣтили сіе, раздѣливъ буквы по органамъ; но и тутъ вездѣ исключенія. А чтобы всѣ языки привести къ одному началу, которое смѣсилъ самъ Богъ, это дѣло выше человѣческихъ силъ. Трудно даже и одинъ языкъ весь произвести отъ какого-нибудь другаго. Я часто смѣялся, читая *Боссіевъ Lexicon Etymologicum*: какъ онъ натуживается производить Латинскій языкъ отъ Греческаго... Столь же трудно доказать, чтобы происхожденіе словъ было не произвольное, а примѣненное къ естеству. *Платонъ Греческій*, въ разговорѣ *Кратила*, слѣдуя мнѣнію восточныхъ, приписывалъ словамъ даже таинственную нѣкую дѣйствительность и силу по естеству. Но мнѣніе сіе произвело только суевѣрные слово наговоры, нашепты и колдовства. Я лучше вѣрю Горацію: ut silvae foliis pronos mutantur in annos etc. (*De arte poëtica* v. 60 - 72 *). Этимологія видна только развѣ въ $^1/_{1000}$ долѣ словъ каждаго языка, а догадливые этимологисты abundant suo sensu. Сходство письменъ также слабое доказательство, ибо въ самой натурѣ меньше чертъ, нежели звуковъ; а потому естественно должны во всѣхъ письменахъ тѣже черты повторяться. Много было уже догадокъ и споровъ *о первоначальныхъ письменахъ, о первоначальномъ языкѣ и объ изобрѣтеніи всеобщаго языка*, и каждый спорщикъ умѣлъ доказывать свой парадоксъ не менѣе другихъ. Не *Сціоппіева* Grammatica philosophica и *Шоттова* Grammatica universalis давно уже изъ моды вышли, а для догадливыхъ этимологистовъ всегда будетъ матерія столь же неистощима, какъ и для романистовъ. Не только во всѣхъ языкахъ, но и во всѣхъ твореніяхъ міра можно находить сходства и несходства, одинаковыя и разныя начала, такой же и не такой образъ происхожденія. Но скорѣе химики приведутъ всѣ естества къ одинаковому началу, нежели этимологисты слова къ одному языку. Впрочемъ, и *г. Гульянова* попытка невинна. Вотъ вамъ мое мнѣніе; оно родилось отъ сожалѣнія, что почтенный и по всѣмъ примѣтамъ умный сочинитель промолчалъ о свидѣтельствахъ Св. Писанія, для христіанъ уважительнаго. Присылайте мнѣ продолженіе его листовъ; посмотрю, что́ далѣе у него будетъ.

Теперь отвѣчаю на другое ваше письмо и благодарю за выписку изъ *Старовольскаго* и *Ле-Лонга*. Но все это давно уже мнѣ извѣстно. Я въ прошломъ году послалъ въ Россійскую Академію пространное *изслѣдованіе о переводѣ Славенской Библіи*: 1-е, когда и кѣмъ первоначально оная переведена? 2-е, вся-ли она первоначально переведена? 3-е, какимъ измѣненіямъ первоначальные переводы подвержены были и какъ поправляемы были? 4-е, какія оригинальныя изданія Славенской библіи? 5-е, какія изданія не подлинно Славенскія называемыя были Славенскими? Въ послѣднемъ отдѣленіи поговорилъ я и о *Скориновомъ* переводѣ, который имѣлъ передъ

*) Какъ лѣса́ къ концу года мѣняютъ листву.

глазами, получивъ изъ Московской архивы отъ *Бантыша-Каменскаго*; а отъ васъ нынѣ надѣялся я получить пополненіе о немъ. Академія обѣщала напечатать мое изслѣдованіе въ VII части своихъ Трудовъ, но о сію пору исполненія еще не видно.

Селліевъ переведенный каталогъ отправилъ къ *Каченовскому* на его волю для изданія, буде найдетъ охотниковъ.

Обѣщаемыхъ вами книгъ, изданныхъ *Даниловскимъ*, буду ожидать. Но *Рестова* граматика для нашихъ училищъ не годится.

Благодарю вамъ за совѣтъ отъ моего ревматизма. Оподельдокомъ настоящимъ Аглинскимъ я пользовался, но безполезно. Попытаю крѣпкую водку въ банѣ, чего я еще не испытывалъ. А сильно мучитъ меня сія болячка; впрочемъ, я здоровъ, и силы еще есть трудиться, и потому не думайте впредъ, что переписка съ вами мнѣ тягостна. Пишите больше и охотнѣе; мнѣ развѣ недуги иногда помѣшаютъ столь же словохотливо отвѣчать вамъ. Благодарю и за шутку Gasconné—Napoléon. Шутка на бумагѣ, а на дѣлѣ теперь, думаю, не шутка. Слухи и молчанье очень безпокоятъ всѣхъ. Прошу увѣдомить о чемъ-нибудь. Афишекъ кромѣ старыхъ никакихъ не получаемъ.

Граматика Зырянская, изданная *Флеровымъ*, есть у меня рукописная и съ поправками. Онъ ее получилъ изъ Вологды же; ему также посланъ отсуда Устюжскій лѣтописецъ, списанный у меня; думаю, и его издастъ онъ. Вы желаете имѣть сборъ Зырянскихъ словъ; это сдѣлать у насъ легко, ибо есть и семинаристы изъ Зырянъ. Но посмотрите прежде въ Запискахъ академика *Лепехина* часть III: тамъ сравнено много словъ Зырянскихъ съ Пермскими, и напечатана цѣлая обѣдня Зырянская, а въ четвертой части полная исторія Зырянъ. Недовольно ли будетъ и сего для васъ? У меня теперь въ семинаріи переводятъ Новый Завѣтъ на Зырянскій языкъ, а переводъ книжки *о коровьей оспѣ* посланъ уже къ министру полиціи.

Іюня 12-го 1813 года (Вологда).

8.

От 21 Августа 1813 года. Вологда

Письмо ваше отъ 12 Августа получилъ я и послѣдній отвѣтъ приношу вамъ изъ Вологды, ибо на слѣдующей недѣлѣ съ Божіею помощію надѣюсь выѣхать въ Калугу. На вопросъ вашъ о псалтири, напечатанной 1481 года, справлялся съ черновыми своими тетрадями; къ счастію нашелъ я у себя ссылку на *Баузе* и *Вѣстникъ Европы*. Тотчасъ велѣлъ теперь выписать вамъ изъ подлинниковъ самыя мѣста, дабы васъ избавить отъ труда пріискивать ихъ, и при семъ посылаю. Я правъ, что *Баузе* очень увѣрительно пишетъ: между нимъ и *Вѣстникомъ* разница только въ одномъ годѣ и мѣстѣ; рѣшите сами. Въ черновыхъ тетрадяхъ у меня записаны важнѣйшіе источники моего Словаря...

Болѣе писать некогда, ибо укладываю въ коробъ свою библіотеку и весь въ пыли. Прощайте до Калуги.

1815-й годъ.

9.

Отъ 10-го Генваря 1815. (Калуга).

Вы, любезнѣйшій другъ, неутомимы и на праздникахъ. А я отъ лѣни скопилъ уже три ваши письма отъ 15, 22 и 29 Декабря и теперь, разложивши ихъ по порядку, сажусь отвѣчать, не упуская ничего требующаго отвѣтовъ. Переписка съ вами и для меня пріятнѣе прочихъ; ибо ваши письма всегда наставительны и часто родятъ мнѣ новыя мысли и новыя свѣдѣнія. Это предисловіе; приступимъ къ дѣлу.

О названіи *Малыя Россіи* вотъ чтó мнѣ извѣстно. *Герберстейнъ* (1523 г.) пишетъ, что великій князь Василій Ивановичъ первый включилъ въ титулъ свой названіе *Черниговскаго*. А *баронъ Мейерберіъ* (1661 г.) пишетъ, что царь Алексѣй Михайловичъ первый началъ титуловаться *Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ*; но названія сіи употреблялись-де и прежде у Поляковъ, раздѣлявшихъ Россію на Великую, Малую и Бѣлую, и проч.

Языкъ *Несторовъ—Руской* не по Кіеву, а потому, что Кіевъ, Черниговъ и Сѣвера прозывались *Русью* отъ пришедшихъ туда Варяго-Славено-Руссовъ. А языкъ древній Кіевскій, *Полянъ, Древлянъ* и пр., былъ чистой Славенской, сходный съ Моравскимъ, какъ и *Несторъ* говоритъ. Малороссійской же языкъ у насъ разумѣется уже Руско-польскій, котораго при *Несторѣ* не было. Что *Несторъ* былъ Бѣлозерецъ, это заключилъ только *Татищевъ*, читавшій въ своей лѣтописи: *сидѣ у насъ на Бѣлѣозерѣ* вмѣсто *Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ*. Языкъ *Несторовъ* отличенъ отъ Новгородскаго; доказательства сему видны въ Руской Правдѣ и Новгородской древней лѣтописи. Я несогласенъ съ вами и въ томъ, что будто *Несторовъ* языкъ былъ *книжный*; ибо самъ *Несторъ*, когда приводилъ чтó изъ книгъ, то приводилъ по-славенски, слѣдовательно языкъ его былъ простонародный; такъ какъ *Уложеніе царя Алексѣя Мих.*, при коемъ книжный языкъ все еще былъ Славенскій. Разница въ слогѣ *Третьяковскаго* и *Ломоносова* отъ того, что, при появленіи Нѣмцо-росса *Ломоносова, Третьяковскій* устарѣлъ уже и затвердѣлъ въ языкѣ Петровыхъ и Анниныхъ временъ.

Вы, подобно другимъ, твердите, что въ монастыряхъ укрываются и гніютъ *лѣтописи* и акты древніе. Нѣтъ: они всѣ давно уже оттуда вытащены и духовными, и свѣтскими. Цари *Іоаннъ В.* и *Алексѣй* собирали ихъ въ свою палату; патріархи тоже, а наконецъ Синодъ и *Мусинъ-Пушкинъ*. Теперь надобно ихъ искать только въ трехъ мѣстахъ: въ Синодальной, Новогор. Софійской и Сергіево-Лаврской биб-

ліотекѣ. Вы также желаете, чтобы образцы рукописей были *выгравированы.* Но чего это стоитъ? Мнѣ *Мусинъ-Пушкинъ* жаловался, что изданнаго имъ письма *Оленина* о Тмутараканскомъ камнѣ онъ распродать не можетъ. Итакъ, жалуйтесь больше на вкусъ нашихъ словесниковъ.

Калужскій журналъ *Уранію* я отыскалъ, и вотъ вамъ записка объ издателяхъ его *). Въ статьяхъ о Калужской губерніи премножество наврано и увеличено, какъ увѣряли меня Калужцы.

Благодарю за Финскій словарь, но въ немъ по моимъ ушамъ немного словъ сходныхъ съ Русскими. Я больше такихъ сходныхъ нашелъ въ словарѣ Свео-Готѳскомъ, при Шведской исторіи *Далиновой.* Вы говорите, что у насъ нѣтъ географич. словаря древнихъ мѣстъ Руских. А *древній чертежъ России* царя *Ивана Васильевича*? А *Татищевы* географич. *словари*? хотя все это неполно. Перестанемъ жаловаться на нерадѣніе предковъ объ оставленіи намъ записокъ. Въ этомъ равны съ нами и всѣ націи. Первый Греческій историкъ *Геродотъ* началъ писать спустя уже почти 1000 лѣтъ отъ основанія Греціи. Первый Римскій историкъ *Фабій Пикторъ* жилъ также болѣе 500 лѣтъ послѣ основанія Рима, да и не дошелъ до потомковъ. Иностранцы также во всѣхъ націяхъ были первыми наставниками. Какой же стыдъ и намъ учиться у *Миллеровъ, Беeровъ, Шлецеровъ* и проч?

Объ анахронизмѣ ярлыковъ Татарскихъ я давно зналъ, но не умѣлъ также поправить онаго. А *Кирхеровой* Татарской хронологіи я не видалъ. Вамъ удобнѣе найти ее въ *Залузской* библіотекѣ. А неутомимость ваша въ такихъ трудахъ удивительна.

Въ *Сынѣ Отечества* читалъ я грозную прокламацію на *Духъ журналовъ* и послѣ прочелъ вашу статью о *ученой собственности,* которую вы хотите вмѣстить въ *Вѣстникъ Европы.* Дружески не совѣтую вамъ препираться съ монополистами журнальными. Притомъ вы статью сію написали слишкомъ догматически и почти метафизически, и Каченовскій, думаю, не согласится вмѣшиваться въ это дѣло. Не смотря на угрозы, составляйте систематическій *реестръ* всѣхъ Рускихъ піесъ, помѣщенныхъ въ журналахъ. Со временемъ стóитъ только по сему реестру пріискивать и приводить въ порядокъ. Самый даже реестръ такой, естьли и одинъ изданъ будетъ или особо, или въ журналѣ какомъ, то драгоцѣннѣйшимъ будетъ инвентаріемъ для Русскихъ. Тогда многіе захотятъ видѣть и изданіе всѣхъ сихъ статей въ наличности совокупной.

---

*) Записки этой не сохранилось.

Карамзину вашу выписку о жизни *Ходкевича* я посылалъ. Онъ весьма благодарно принялъ и писалъ уже въ Вильну купить и прислать ему экземпляръ, а на случай естьли не найдутъ, попросимъ вашего экземпляра на время.

Вы просите у меня журнала *Другъ Просвѣщенія* 1804 года. Я не участвовалъ въ изданіи семъ ничѣмъ другимъ, какъ только сообщеніемъ Словаря и другихъ статей съ 1805 года. А въ 1804 году не помѣщался еще Словарь. Посему нѣтъ у меня и дефектныхъ книгъ сихъ. Но естьли вамъ угодно, то я поступлюся и единственнымъ моимъ экземпляромъ всѣхъ годовъ.

Я просилъ васъ подписаться для меня на 1815 годъ на *Сына Отечества*. Не знаю, исполнили ли вы сіе. Повторяю мою просьбу, и не упустите.

Вы совѣтуете мнѣ предложить Росс. Академіи издать словарь особый старыхъ словъ. Surdis ista cantilena *)! Хотя бы *Берындинъ* словарь перевели. Но и этого не дождемся.

Книги *Codex canonum ecclesiae universae ed. Justelli* я не видалъ. Но имѣю у себя *Pandectae canonum Graecolat.* in fol, 2 tomi, edit. Beveregii 1675, рѣдкое изданіе. Въ немъ всѣ 7 вселенскихъ и помѣстные нашею церковію отъ Грековъ принятые соборы вопервыхъ, оригиналомъ съ толкованіемъ *Вальсамона* и *Зонара*, а потомъ сокращеніе правилъ соборныхъ *Аристеново* съ краткимъ его же толкованіемъ. Сіе-то сокращеніе *Аристеново* (а не подлинныя соборныя правила) напечатаны у насъ въ Славенской Кормчей Книгѣ, и притомъ не вездѣ вѣрно. 2-я же часть Кормчей Книги набита новеллами *Юстиніановыми* и разными выписками изъ отеческихъ правилъ. Вообще же для всѣхъ соборовъ всѣхъ христіанскихъ церквей есть у меня прекрасная книга *Analyse de conciles*, en 5 vol in 4°. Разность лѣточисленія соборовъ въ нашей Кормчей произошла отъ худыхъ списковъ Славенскихъ и худыхъ нашихъ издателей. Но и въ оригиналахъ хронологія иныхъ соборовъ не рѣшительна.

Dissertation sur les anciens Russes par *Frédéric Henri Stroube de Pirmont*, бывшаго члена Спб. Академіи Наукъ, у меня есть и напечатана на Русскомъ въ Москвѣ. Есть сего же академика *Dissertation sur les anciennes loix russes*, столько жъ любопытна. Онъ глубокъ былъ въ Сѣверной исторіи, но не долго у насъ жилъ.

---

*) Для глухихъ—эта пѣсня.

10.

Отъ 27 Генваря 1815 (Калуга).

Я ѣздилъ изъ Калуги въ нѣкоторые уѣзды дней на десять и, возвратясь домой, опять нашелъ *три* письма ваши, любезнѣйшій другъ. Одно изъ нихъ, отъ 31 Декабря, съ посылкою Виленскаго журнала и очень хорошей Греч. хрестоматіи, получилъ я позже всѣхъ. И такъ теперь принимаюсь отвѣчать на всѣ три письма по порядку. Кромѣ хрестоматіи я не успѣлъ еще, за недосугомъ, осмотрѣть присланныхъ мнѣ вами журналовъ. Повторяю мою благодарность вамъ за присланные мнѣ почерки азбукъ, выписанныхъ изъ *Фурнье*. *Кирилловская* азбука Славенская не могла отъ времени много измѣниться; ибо она большею частію сходна съ Греческой и потому легко могла быть поправляема потомками съ оригинала. А называемая *Іеронимовская* еще меньше могла измѣниться, потому что, вскорѣ послѣ поддѣлки, ею стали печатать книги. Двѣ таковыя есть и въ библіотекѣ нашей Академіи Наукъ, печатанныя въ XVI вѣкѣ. *Раичевой* книги подлинное изданіе я видѣлъ. Князь *Потемкинъ* велѣлъ ее перевести на Руской и напечаталъ.

Списокъ мнѣнія вашего о толкованіи *Пѣсни Игоревой* послалъ я въ Москву къ *Калайдовичу* для показанія *Тимковскому*, издающему пѣснь сію. Но *Калайдовичъ*, слышу, на сихъ дняхъ посаженъ въ сумасшедшій домъ, и потому не надѣюсь скоро его отвѣта.

Законъ о трехъ позволяемыхъ только бракахъ есть премудрой и спасительной для фамилій и наслѣдствъ. Естьли онъ требуетъ иногда исключенія, какъ и всѣ прочіе законы, то развѣ во ста примѣрахъ однажды. А ваша причина *надобности въ женѣ* могла бы служить и въ защиту многоженства. Неплодіе же не можетъ и причиною назваться; ибо чаще оно въ невоздержаніи мущинъ, нежели въ порокѣ женщинъ заключается.

Благодарю за принманіе вами на себя моихъ коммиссій. *Сына Отечества* я по милости вашей уже получаю. Не знаю, заплатили ли вы *Глазунову* за книгу *Ѳеатронъ* *), отъ него мнѣ присланную.

О упадкѣ у насъ наукъ отъ нашествія Монголовъ вотъ мое мнѣніе. Не Монголы сами, но ихъ иго, уничижившее умы, истребило тысящи памятниковъ нашей словесности, кои умѣютъ беречь только люди, знающіе имъ цѣну. Я видѣлъ въ Новѣгородѣ цѣлыя кучи книгъ и бумагъ, согнившихъ въ каменныхъ сырыхъ погребахъ, въ кои тяжко

*) Соч. прот. Іоанна А. Журавлева.

и войти. Сколько жъ такихъ кладовыхъ согнило въ вѣкъ, огрубѣвшій отъ Монголовъ, когда умъ не имѣлъ свободы и пересматривать сіи памятники? Изъ сочиненій *Іосифа Волоколамскаго* видно, что онъ засталъ еще почти всѣхъ отцовъ лучшія сочиненія, переведенныя на нашъ языкъ, и ихъ цитовалъ. Но не одни отцы переводимы были. Въ библіотекѣ Новогор. Софійской есть древніе переводы и Езоповыхъ басенъ, и Платоновыхъ нѣкоторыхъ разговоровъ. Итакъ усердіе къ вѣрѣ не исключало словесности и свѣтской, такъ какъ и на Западѣ монахамъ не вмѣнялось въ порокъ переписывать древнихъ стихотворцевъ и философовъ-язычниковъ, чѣмъ самымъ сохранены сіи памятники и для насъ. Что же касается до потери древнѣйшихъ государственныхъ грамматъ, то сему причиною пожары прежнихъ столицъ Кіева и Владимира; а Москва, преемница ихъ, почти всѣ свои сохранила. Но письменности нашей до христіанства я не вѣрю, ибо и при Владимирѣ заведенныя школы испугали матерей. О небреженіи нашемъ о надписяхъ древнихъ я съ вами соболѣзную. Но замѣчу вамъ, что въ Новѣгородѣ при всемъ моемъ стараніи не сыскалъ я ни одной древней надписи. Видно, праотцы наши не охотники были до надписей, или потомки все заклали въ фундаменты и стѣны. Сими мелочами словесности націи занимаются обыкновенно уже по насыщеніи большими твореніями словесности; а мы еще мало отвѣдали и большихъ, и потому нескоро аппетитъ придетъ до малыхъ. Отъ предложеній вашихъ Московскому Обществу Исторіи о списываніи и собираніи надписей я отказываюсь, зная, что оно долго еще будетъ въ ребячествѣ. По епархіи своей въ церквахъ и монастыряхъ я много нашелъ надписей, но онѣ всѣ не старѣе XVII и XVI вѣка.

Благодарю вамъ за Виленскую литтерацкую газету. Статью о Шлецеровѣ Несторѣ я началъ читать, но еще не дочиталъ. А въ прочитанномъ нашелъ только еще исторію *Шлецерова* труда, выписанную изъ его же предисловія. Въ Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ 1806 все это же уже помѣщено было, а критики ничего почти. Къ чему-жъ такія рецензіи? Пришлите мнѣ 2-ю часть *Шлецера*, переводу *Языкова*; а 1-ю я имѣю. Да у меня есть и свой переводъ всѣхъ 5-ти частей сей книги. Но печатной легче читать. *Языковъ* кое-гдѣ подмягчилъ жесткость и гнѣвливость автора. Но въ переводѣ многихъ Греческихъ и Латинскихъ текстовъ иногда невѣренъ. У меня есть и подлинникъ.

Къ сочиненію нашего Славенорускаго словаря, особливо этимологическаго, потребны не только всѣ наши книги, но и словари всѣхъ Славенскихъ діалектовъ. Я предлагалъ Росс. Академіи собрать всѣ такіе словари; но она любитъ предписывать, а не совѣты слушать.

Выписки ваши изъ *Ходкевичевой* жизни я въ копіяхъ чрезъ одного пріятеля посылалъ къ *Карамзину*. Онъ скоро ѣдетъ въ Петербургъ на малое время и, можетъ быть, самъ васъ тамъ отыщетъ. Я послалъ ему записку о вашемъ имени и мѣстѣ.

Словарь мой о Рускихъ писателяхъ все еще покоится у президента Общества Исторіи, которое послѣ нашествія враговъ о сю пору еще и не открыто, и ни одного не было собранія. А вѣдь надобно еще членамъ прослушать всю книгу и разсмотрѣть.

Вы много меня обяжете, естьли изъ огромныхъ Польскихъ 8 томовъ конституцій выпишете то, чтó принадлежитъ до нашей церкви. Но чтò это за книга? Не та-ли, о коей упоминаетъ *Елагинъ* въ предисловіи къ 2 или 3 части своей исторіи, въ отвѣтъ *Шлецеру*, утверждавшему, что такой книги и на свѣтѣ нѣтъ?

Кажется, теперь кончилъ я отвѣты на всѣ важнѣйшія статьи вашихъ писемъ. Заключаю увѣреніемъ васъ, что письма ваши нимало мнѣ не обременительны и чѣмъ длиннѣе, тѣмъ пріятнѣе; ибо въ нихъ не слова, а вещи, питающія умъ и сердце. Почеркъ вашего письма я читаю свободно.

P. S. Чтó за исторія носится о развращеніи воспитанниковъ Петербургскими Езуитами? Одни говорятъ, что они учатъ совершенному антихристіанству; а другіе говорятъ, что совращаютъ къ папизму. Объясните мнѣ сіе происшествіе.

11.

Отъ 10 Февраля 1815 (Калуга).

Опять накопилось у меня четыре письма ваши, любезнѣйшій другъ, а я ни на одно еще не успѣлъ отвѣчать. Но мудрено и догнать васъ, когда вы сряду почти Генваря 19, 25, 26 и Февраля 2 писали. Не смотря на то, чувствительнѣйше благодарю вамъ за умныя, поучительныя и сердцу близкія размышленія, коими вы наполняете свои письма. Теперь отвѣчаю по порядку.

Замѣчанія ваши на *Галема* прекрасны и основательны, а *Галемову* исторію, по вашимъ выпискамъ, я почитаю больше пасквилемъ, нежели біографіею *Петра* нашего, баловня во всѣхъ отношеніяхъ. Но переводчикъ сущая скотина, что не умѣлъ обличить въ примѣчаніяхъ авторскихъ бредней. Не правду ли иностранцы твердятъ, что мы безразборчивыя обезьяны? Нѣмецъ и Англичанинъ, переводя, никогда не упуститъ сомнительнаго или замашистаго мѣста въ оригиналѣ. Они даже критикуютъ насъ въ нашей исторіи. Это доказательство, что мы и своего еще твердо не знаемъ, а судимъ о всемъ только еще грам-

матически. *Галемовой* исторіи я не имѣю, но я желалъ бы ее имѣть. Пришлите. За копію съ рукописи *Петровой* благодарю. Я много видалъ его писемъ.

Новоспасскій Амвросій былъ у меня, и я ему всѣ ваши таблицы показывалъ. Но онѣ не могутъ быть умѣщены въ его книгу. О трудахъ надъ *Пѣснію Игоревою* ничего не слышу, ибо *Калайдовичъ* еще не выздоровѣлъ.

О библіи *Голландо* - Славенской скажу вамъ, что у *Бутурлина* былъ и Ветхій Завѣтъ, но съ немногимъ по мѣстамъ Славенскимъ текстомъ.

Сердечно благодарю вамъ за *титулы* Польскихъ королей съ 1346 донынѣ. Дѣйствительно это мнѣ къ чему-нибудь пригодится. Прелюбопытны и стихи объ измѣнникахъ.

Codex canonum Iustelli возвращаю вамъ при семъ. Въ немъ для меня нѣтъ ничего любопытнаго, и *Беверегій* въ своихъ пандектахъ какъ море противъ сей капли.

Corpus juris civilis есть сокровище; но я его не имѣю, а видѣлъ въ Невской библіотекѣ. Книги: *Novi Testamenti cathol. expositio....* я никогда не видалъ.

Объ открытіи *Казанскаго Общества словесности увѣдомилъ* и меня отецъ *Епифаній*, коротко мнѣ знакомый по службѣ его при мнѣ въ Новѣгородѣ. (Мнѣ онъ обязанъ и Казанскимъ ректорствомъ). Поздравляю и васъ сочленствомъ. Но уговорите своихъ сочленовъ, чтобы они въ изданіи своихъ трудовъ не подражали ни Московскому Обществу, ни вашей Бесѣдѣ, кои только переводами набиваютъ свои книжки. Казанская страна есть для нашей словесности terre non défrichée. Пусть побольше выискиваютъ Азіатскаго, пусть замѣчаютъ Татарскія слова и татаризмы, вшедшіе въ нашъ языкъ. Пусть поищутъ поэмъ и пѣсней Татарскихъ, Черемисскихъ, Вотяцкихъ и тому подобнаго. Пусть опишутъ красоты Казанской натуры, развалины, преданія и проч. Вотъ чѣмъ отличится отъ прочихъ Казанское Общество словесности! Иначе actum agent. Казанской университетъ и меня выбралъ въ почетные свои члены.

О рѣчи *Дашкова*, обидной графу *Дм. Ив.*, я слышалъ. Но о прочихъ шалостяхъ членовъ, подвергшихся и полиціи, ничего не знаю.

Благодарю за продолженіе Польскаго словаря. Но не скоро онъ кончится.

Махіавель съ Антимахіавелемъ и нѣкоторыя его разсужденія на *Тита Ливія* есть у меня. Я всегда удивлялся сему генію историческому. Пусть какъ хотятъ думаютъ, въ шутку, или напрямикъ писалъ онъ, но вездѣ рѣзкая и очевидная правда, и всѣ живутъ по Махіавелеву.

Обращаюсь къ примѣчаніямъ вашимъ на вруна *Галема*. Ваше негодованіе на мнѣніе о варварствѣ нашемъ до XVIII столѣтія справедливо. Мы никогда не были совершенными варварами, а до XIII вѣка словесность наша богаче Западной. Даже и въ XIV и XV вѣкахъ у насъ было много книгъ, по крайней мѣрѣ переводныхъ. А это не есть уже варварство. Естьли нравы были грубы, то въ феодализмѣ и рыцарствѣ Западныхъ лучше ли они были? Пусть справятся съ *Болтинымъ*. Фанатизмъ на Западѣ былъ и въ 30-лѣтнюю войну. И все ли исправилъ *Петръ I*? Скажу вамъ, что *Карамзинъ* заклялъ себя не писать никогда исторію сего монарха, чувствуя, что его надобно очернить хуже царя *Ивана Васильевича*. Вѣротерпимость у насъ была еще со временъ *Іоанна Грознаго*, а при царѣ *Алексѣѣ Михайловичѣ* еще больше; запрещено было только обращать Рускихъ въ другую вѣру. Но это подтвердила и *Екатерина II* въ своемъ Уставѣ Благочинія. А такихъ нечестивыхъ наругательствъ священнымъ лицамъ и вещамъ ни одинъ и варварской государь не дѣлалъ, какія *Петръ*. Описаніе *Корба*, бывшаго при немъ 1698 г. и ужасавшагося сихъ комедій, Рускому волосы дыбомъ ставитъ. Самъ Петръ въ протодіаконскомъ стихарѣ плясалъ при сихъ комедіяхъ. Но довольно сего. Вы все подробнѣе обнаружили.

P. S. Въ присланномъ мнѣ отъ васъ каталогѣ продажныхъ Польскихъ книгъ я нахожу Dykcyonarzyk nowy Polsko-Francuzko-Niemiecki, in 8°, w Warszawie 1792. Не годится ли онъ для меня?

12.

17 Февраля 1815 (Калуга).

Съ отправляющимся изъ Калуги однимъ помѣщикомъ *Демидовымъ* *) посылаю я къ вамъ, любезнѣйшій другъ, обратно *Чацкаго* Литовскій Статутъ. Прошу о полученіи его увѣдомить меня. Послѣ больше буду я къ вамъ писать. А теперь сильно нездоровъ мокротнымъ кашлемъ.

13.

Отъ 28 Февраля 1815 (Калуга).

На два письма ваши отъ 9 и 16 Февраля теперь отвѣчаю вамъ, любезнѣйшій другъ. Вы въ обоихъ письмахъ напоминаете мнѣ о Казани. Но судьба, устрояющая все къ лучшему, назначаетъ мнѣ другое мѣсто потеплѣе для моего ревматизма, въ блаженной коренной Малороссіи гетманской. Скучны частые переѣзды и перевозки, особливо съ книгами. Но намъ ненадобно искать своей воли въ служеніи церкви.

---

*) „Сыномъ Петра Евдокимовича"—примѣчаніе Анастасевича.

Наконецъ, наше Моск. Общество Исторіи проснулось. Читайте № 15 Московскихъ Вѣдомостей. А о судьбѣ Словаря моего ничего не знаю. Впрочемъ, я надѣюсь вообще больше пользы отъ сего Общества, нежели отъ Росс. Академіи и другихъ.

Нигдѣ я не читалъ, чтобы *Іеронима* винили въ порчѣ древнихъ авторовъ. Напротивъ того, онъ самъ весьма часто приводитъ стихи изъ *Гомера*, *Пиндара*, *Горація*, *Цицерона* и проч. Загляните сами въ его письмо къ *Дозѣ.* Не разумѣетъ ли онъ только свой экземпляръ, а не прочіе? Въ дополненіе къ книгѣ L'art de vérifier les dates въ разсужденіи древней исторіи можетъ служить L'Englet du Fresnoy dans ses tablettes chronologiques.

По анахронизму въ *Пѣсни Игоревой* объ иконѣ Пирогощѣ, надобно заключить, что пѣснь сія не исторія, а піитическій вымыслъ позднѣйшаго времени. Pictoribus atque poëtis quidlibet audendi semper fuit aequa potestas *). NB. Вы полагаете Владимиръ на Клязьмѣ въ Бѣлоруссіи. Это предразсудокъ *Татищева*, полагавшаго Бѣлоруссію въ Рязани.

Къ статѣ, вы упомянули въ письмѣ о раскольникахъ. Важнѣйшихъ древностей нашей письменности надобно искать у нихъ. Они издавна все скупили и выкрали. Особливо Выгорѣцкой скитъ пребогатъ сими сокровищами. Читая *Поморскіе ихъ отвѣты*, можно убѣдительно видѣть, сколько они глубоки въ Русскихъ древностяхъ, хотя иногда и криво толкуютъ. Увѣщанія на нихъ никогда не подѣйствуютъ, ибо у нихъ въ числѣ строжайшихъ догматовъ не читать и не слушать. Но терпимость лучше образумитъ ихъ. Они сами говорятъ уже, что дѣти и внуки ихъ отстанутъ отъ ихъ вѣры.

Шлецеръ у меня переведенъ подъ моимъ надзоромъ разными учителями. Но много надобно его чистить. Отрывный и часто загадочный слогъ его требуетъ даже справу у ученыхъ Нѣмцевъ. Вотъ почему я и не смѣю пускать его въ свѣтъ. Вы пишите, что вами переведенъ *Литовскій Статутъ* и напечатанъ. О, какъ я радъ сему отзыву, чтобы умолять васъ прислать мнѣ одинъ экземпляръ онаго.

Благодарю за мнѣніе о Езуитахъ. Не смотря на злоупотребленія, они достойны уваженія за неизмѣнную привязанность къ своему статуту, чего въ другихъ сословіяхъ нѣтъ.

Книга L'art de vérifier les dates дѣйствительно сокровище для исторіи. Она есть всеобщая рода человѣческаго лѣтопись. Я такого мнѣнія, что такія хронологическія записки для читателя-философа полезнѣе

---

*) У живописцевъ и поэтовъ всегда была одинаковая вольность измышленія.

всѣхъ частныхъ систематическихъ исторій. Тутъ вижу я ходъ всего человѣчества и перстъ Провидѣнія, часто въ одно время у разныхъ отдаленныхъ народовъ дѣйствующій согласно. А систематическія исторіи представляютъ намъ только умъ автора.

Чувствительнѣйше благодарю вамъ за выписки изъ *Нарушевичевой* исторіи. Они для меня драгоцѣнность. Нужное изъ нихъ сообщу и *архимандр. Амвросію*. Сдѣлайте милость, продолжайте для меня сіи любопытнѣйшія выписки. Вы много тѣмъ меня обяжете.

Списокъ авторовъ, цитованныхъ *Нарушевичемъ*, удивительно плодовитъ. Но то наше несчастіе, что надобно болѣе полвѣка читать, а на употребленіе читаннаго не достанетъ и вѣка.

Старовольскаго я не видалъ. А знаю, что есть его книга Mundus Polonus.

Естьли рѣшится мой переѣздъ изъ Калуги, то переписка наша должна будетъ на мѣсяцъ или болѣе замѣшкаться.

Нашъ пріятель *Михайловъ* часто бываетъ боленъ. На всякой случай увѣдомьте меня, куда прямо адресовать вамъ мои письма.

Не читали ли вы когда лѣтописи князя *Курбскаго* о взятіи Казани? Нельзя ли мнѣ достать копіи.

14.

От 10 Марта 1815 (Калуга).

Я опять имѣю предъ глазами два ваши письма отъ Февраля и Марта 1 и, чтобы долго не оставаться безъ отвѣта, пишу къ вамъ, хотя чужою рукою, потому что не укрѣпился я еще въ здоровьѣ и наклонясь долго писать не могу; а хочется отвѣчать вамъ на все безъ опущенія. Въ прочемъ для васъ все одно, когда я и напредъ иногда также писать буду.

Наставленіе ваше Казанскимъ сочленамъ словесности прекрасно. Еще уговорите ихъ, чтобы они весь свой журналъ составляли изъ подлинныхъ Рускихъ сочиненій, а переводы вовсе бы исключили. Симъ журналъ ихъ отличится отъ всѣхъ прочихъ, обыкновенно у насъ набиваемыхъ иностранщиною, отъ чего случается намъ читать во всѣхъ журналахъ только одни повторенія. Мнѣ даже не нравится и *Вѣстникъ* славнаго нашего *Каченовскаго*, который, по странному какому-то вкусу, нынѣ сталъ наполнять журналъ свой сухими и школярными статьями, и пусть бы хотя о чемъ-нибудь Рускомъ, то все было бы сноснѣе. Для насъ Рускихъ и своей матеріи по исторіи и статистикѣ въ каждой губерніи столько набрать можно, что достанетъ на журналъ многихъ годовъ. Жаль только, что не обращаютъ на сіе вниманія. За то

журналы наши по прочтеніи употребляются на обертки; а охотники Рускаго приказываютъ выписывать изъ нихъ только Рускія статьи. Я не получаю *С.-Петербургскаго Вѣстника* и потому не знаю, какая тамъ въ 10 номерѣ помѣщена статья о *Заволоческой Чуди*. Естьли можно, пришлите ко мнѣ списокъ. Но не думаю, чтобы тутъ было что новое. Старикъ *Татищевъ*, а еще болѣе Архангелогородецъ *Крестининъ* въ своей *Исторіи города Холмогоръ* и *Двинскаго народа* давно объяснили, что Заволоческая Чудь простиралась отъ Вологды до Двины, а отъ Двины до Печоры—Пермь. Продолжайте вы вести начатую вами записку о Рускихъ статьяхъ, разсѣянныхъ по журналамъ. Я смѣю васъ увѣрить, что это со временемъ будетъ драгоцѣнность, и Рускіе восчувствуютъ всю цѣну сей записки. Тутъ много увидимъ мы обдѣланнаго уже такого, чтó многіе обдѣлывать собираются, по незнанію всего того, чтó у насъ уже напечатано. Тогда бы и *Шлецеры* перестали бранить насъ, якобы за нерадѣніе о своихъ предметахъ. Да и чего требуютъ они отъ народа только лѣтъ сто принявшагося за природную свою словесность, а лѣтъ 30 за исторію? Въ теченіе толикихъ лѣтъ много ли могли успѣть и иностранцы по своимъ предметамъ?

Найденное вами въ *Грелевой* книгѣ *дѣяній Польскаго королевства* мѣсто о Полоцкой библіотекѣ я разумѣю больше о церковныхъ книгахъ, нежели о лѣтописяхъ. Вѣрю также, что могли тамъ быть и переводы Меѳодія и Кирилла. Но въ XVI-мъ вѣкѣ не могли сіи переводы оставаться въ первоначальной чистотѣ; ибо ни въ одномъ Славенскомъ народѣ не сохранились даже первоначальные ихъ переводы *Апостола* и *Евангелія*. Въ отвѣтахъ Астраханскаго преосвященннаго *Никифора* старообрядцамъ я помню ссылку на Греколатинское изданіе *Кирилловыхъ огласительныхъ словъ* (Кирилла Іерусалимскаго). Издатель оныхъ, одинъ Польскій каноникъ, въ предисловіи увѣрялъ, что онъ нашелъ въ Молдавіи подлинный переводъ нашего Кирилла сихъ словъ. Но Богъ знаетъ, какъ сему повѣрить. Поляки давно бы похвалились такими находками. Напротивъ того, и славная Залузская библіотека бѣдна въ Славенскихъ рукописяхъ и книгахъ. Нельзя сказать, чтобы везшіе библіотеку сію казаки нарочно выкинули сіи книги; ибо по крайней мѣрѣ мы могли бы находить названія ихъ въ четыретомномъ, въ листъ, печатномъ каталогѣ Залузской библіотеки. Естьли бы даже извѣстны были *Нарушевичу* и *Острогскому* какія рѣдкія Рускія рукописи, то бы и они похвалились ими. А въ Малоросіи у насъ едва ли есть и старые архивы гетманскихъ дѣлъ. Къ несчастію, сами Малоросіяне не обращаютъ вниманія на свою старину и, стараясь переобразоваться въ Рускихъ, отъ своего отступили, а до нашего не достигли. Вы браните царя Ѳеодора, что онъ сжегъ разрядныя книги. Но они не пропали. Многія

боярскія фамиліи сберегли ихъ, и въ Московской архивѣ есть нѣсколько списковъ оныхъ. А *Миллеръ* издалъ Родословную дворянскую книгу. И сія-то книга для насъ любопытнѣе разрядныхъ, въ которыхъ кромѣ старшинства службы ничего нѣтъ. А старинные наши бояре симъ-то занимались больше, нежели историческими родословіями.

Благодарю вамъ за извѣстіе довольно обстоятельное о Петербургскихъ Езуитахъ. На сихъ дняхъ пріѣхавшій одинъ генералъ подтвердилъ мнѣ всю сію исторію. Но удивительно, какъ наши не могли давно сего замѣтить, когда всѣмъ уже извѣстно, что сей орденъ всегда старался подрывать и своихъ единовѣрцевъ предвосхищеніемъ себѣ особенныхъ выгодъ и кредита въ публикѣ. Вы довольно ясно описали мнѣ всѣ ихъ интриги.

Благодарю вамъ и за замѣчанія на Россійскую Іерархію. Мы съ отцомъ Амвросіемъ воспользуемся ими. Выписки ваши изъ Польскихъ конституцій для меня безцѣнны. А Гадяцкіе пункты жаль, что вы доставили мнѣ на Польскомъ токмо; ибо трудно мнѣ всѣ понимать.

Вы справедливо замѣтили, что многое въ Руские законы заимствовано изъ Литовскихъ еще до царя Алексѣя. А въ Уложеньѣ сего царя я замѣтилъ еще больше сходства съ Литовскимъ Статутомъ. Весьма бы полезно, естьли бы кто-нибудь сдѣлалъ сводную выписку изъ сихъ двухъ уложеній. Впрочемъ намъ не для чего стыдиться сего, ибо ни одно Европейское уложеніе не было во всемъ оригинально. Римскіе децемвиры составили свои таблицы изъ Греческихъ и Римскихъ времянныхъ узаконеній и обыкновеній. *Требоніанъ* только пополнилъ изъ тѣхъ же источниковъ. Вся Европа списывала только *Іустиніаново* уложеніе и пополняла своими феодальными законами. Кодексъ *Наполеоновъ* есть сводъ всего того въ новомъ только расположеніи. Онъ у меня есть, и я сличалъ его съ *Іустиніановымъ*. Есть у меня и двѣ части нашего *Сперанскаго* трудовъ. Не могъ я безъ досады видѣть, что тутъ все почти переводимо было изъ Наполеонова кодекса. Какой стыдъ для Россіи такъ обезьянничать въ наши времена, когда и Французъ Левекъ о нашемъ Алексѣевомъ уложеніи сказалъ, что ни одна нація не имѣетъ такого приличнаго себѣ и кореннаго уложенія, какъ наше.

О моемъ переводѣ *Шлецера* и о Словарѣ писателей я уже отвѣчалъ вамъ. Черновой словарь есть у меня; но не знаю, какъ могу сію громаду вамъ доставить. Между тѣмъ писалъ я въ Москву спросъ, когда Общество Исторіи примется за сію мою книгу? И естьли еще на долго отлагается, то не лучше ли мнѣ возвратить ее для изданія чрезъ другія руки? Увидимъ, что̀ отвѣчать будутъ.

По случаю упоминанія вашего въ письмѣ о *патріархѣ Никонѣ* скажу вамъ, что я въ Словарѣ старался, сколько можно, оправдать его,

но не извинялъ и его ошибокъ. Великіе люди обыкновенно бываютъ велики и въ добрѣ и въ худѣ. Доказательствомъ тому у насъ и *Петръ Великій*, многое поправившій, а больше испортившій по гражданской и духовной части. Благодарю за присылку двухъ тетрадокъ Польскаго словаря. Я ихъ связываю вмѣстѣ. Прошу и письма ваши писать не на лоскуткахъ; я и ихъ сшивая берегу; ибо въ нихъ много для меня наставительнаго, и все сіе мнѣ со временемъ пригодится.

15.

Отъ 28 Марта 1815 (Калуга).

Отвѣчаю на два ваши любезнѣйшія письма отъ 9 и 16 Марта. Никто изъ друзей не одолжаетъ меня столь пріятными письмами, какъ вы. Ваша переписка сдѣлалась для меня вожделѣнною пищею.

О *Щербатовой* исторіи я согласно съ вами думаю. Онъ не былъ способенъ для исторіи, не умѣлъ даже издать исправно и документовъ своихъ. А потому его исторія—хоть бы ея не было. *Новикова* Др. Росс. Библіотека есть также moles indigesta. Идею для оной изобрѣлъ умный *Миллеръ* и выдалъ ему изъ архивы акты. Но они списываны глупыми писцами и по списаніи не повѣрены съ подлинниками и отданы въ типографію. Преемникъ Миллеровъ, *Бантышъ-Каменскій* добавилъ до 20 томовъ матеріаловъ, но также въ перепискѣ неисправные. Благодарность *Новикову* только за то, что онъ до 50 т. рублей употребилъ на сіе изданіе, котораго мы безъ него можетъ быть не видали бы. Изданныя граматы графомъ *Румянцовымъ* также во многихъ мѣстахъ съ грубыми ошибками, коихъ и я много замѣтилъ. Издатель *Бантышъ-Каменскій* хотѣлъ только точнѣе съ подлинниковъ издать, а не обратилъ критическаго вниманія на самые подлинники, или лучше сказать большею частію на списки съ пропавшихъ уже подлинниковъ. *Болтинъ* былъ только критикъ на *Леклерка* и *Щербатова*, а не на самую нашу исторію. Первому отвѣчалъ онъ на брань бранью, а втораго дурачилъ, не вразумляя читателей, ибо мы и безъ него ясно видѣли вранье обоихъ.

Московское Общество исторіи, слышу, принимается и за мой Словарь. Я погрозилъ взять его обратно, и это ихъ пробудило. Впрочемъ я увѣренъ, что lethargus опять овладѣетъ ими; ибо президентъ и сонливѣе всѣхъ, и всегда боленъ.

Естьли правда, что *Іеронимъ* castigabat libros paganorum *), то вѣрно въ срамословныхъ одахъ Гораціевыхъ и проч. На сихъ дняхъ я, читавши оставшееся сочиненіе *Іуліана Отступника*, нашелъ въ его фрагментахъ, что и онъ истреблялъ важнѣйшія догматическія христіан-

*) Выправлялъ книги язычниковъ.

скія книги. Это хуже еще Іеронима. Итакъ были *Омары* и въ просвѣщенныхъ людяхъ. Естьли по вашему замѣчанію есть и въ *Тацитѣ* castigationes *), то все еще осталось у него много презрительныхъ выраженій на счетъ христіанъ. Есть тоже и въ *Светоніѣ* и въ *Плиніѣ*. Слѣдовательно христіане не все вымарывали.

Вы производите названіе *Бѣлаго Царя* отъ бѣлаго Рускаго платья. Нѣтъ. Это названіе нашему царю дали одни только Китайцы, не знаю почему. Названіе Бѣлоруссіи я бы согласенъ былъ произвесть отъ стариннаго Рускаго значенія приказнаго слова *бѣлый*. Ибо у насъ значило *бѣлая земля* вольная и необложенная податьми, и *обѣлить землю* или *волость* значило освободить отъ податей и оброковъ.

О дворянахъ-профессорахъ въ Россіи дѣйствительно смѣшна публикація. Но стоятъ ли своего имени сіи профессора? У Грековъ была пословица: *Борода не дѣлаетъ философа*—πώγον φιλοσοφοῦντα μὴ ποιεῖ. Это можно сказать о многихъ и нашихъ профессорахъ по имени. Университетъ Московскій, 60 лѣтъ уже существующій, не произвелъ еще ни одного Рускаго профессора, заслужившаго уваженіе иностранныхъ ученыхъ и издавшаго что нибудь новое, хотя и многіе изъ нихъ были членами иностранныхъ обществъ. Даже о Россіи больше любопытнаго написали чужестранцы, нежели наши профессоры.

Реестръ рукописей, сгорѣвшихъ у Общества Исторіи, напечатанъ въ I-мъ томѣ дѣяній его. Но рукописи не очень важныя.

О лѣтописи *Курбскаго* не заботьтесь: я уже досталъ ее изъ Московской архивы, и теперь у меня списываютъ ее. Большею частью брань царю Ивану Васильевичу, а для исторіи мало.

Естьли вы прочтете *Сестренцевичеву Исторію о Скиѳахъ*, то сообщите мнѣ свое мнѣніе. Естьли эта книга подобна *Исторія о Тавріи*, по достоинству разруганной покойнымъ *Шлецеромъ*, то не велико приращеніе литературѣ. Я читалъ сію Исторію *безпорядочную, бездоказательную* (ибо многія цитаціи весьма лживы и собраны ему разными Езуитами, а не самимъ имъ), во многомъ *неполную*, а больше *непринадлежащимъ наполненную*, со многими странными въ Исторіи *пародоксами* и проч. Я выходилъ иногда изъ терпѣнія. Это не лучше затѣйливыхъ книгъ *Потоцкаго*.

Соборъ Берестенскій, помнится, напечатанъ и въ *Бароніевыхъ* Лѣтописяхъ. Но буду ждать я отъ васъ копіи. Статута Литовскаго я еще не получилъ.

Получили ли вы *Чацкаго* книгу, къ вамъ отправленную?

---

*) Выправки.

16.

19 Мая 1815. Калуга,

Я опять въ долгу у васъ отвѣтами на три ваши письма отъ 20 и 27 Апрѣля и 4 Маія. Но спѣшу вмѣстѣ заплатить долгъ вамъ симъ отвѣтомъ. Искренно благодарю за окончаніе статьи *О системѣ христіанства.* Но признаюсь, что первую половину сего разсужденія читалъ я не безъ скуки, находя только общія метафизическія, ничего новаго въ себѣ незаключающія мысли; а другую послѣднюю половину о ближайшемъ разсмотрѣніи Христовой системы читалъ я съ великимъ удовольствіемъ. Христіанство имѣетъ дѣйствительно много въ свою пользу доводовъ. А что во всѣхъ вѣкахъ находило оно себѣ и противниковъ, тому не должно удивляться, когда и самые математики часто другъ съ другомъ не соглашаются. Между тѣмъ донынѣ оправдываются слова Сираховы (гл. 40, ст. 12): *всякъ даръ и неправда истребится, а вѣра во вѣки стояти будетъ.* На сихъ дняхъ читалъ я прекраснѣйшую новую книгу въ пользу христіанства подъ названіемъ Triomphe de l'Évangile. Сказываютъ, что она славна и у васъ въ Петербургѣ. Сочинитель весьма трогательно защитилъ и религію, и служителей ея, на коихъ философизмъ нападаетъ больше всего и коими силится постыдить даже религію. Но цѣль вольнодумцевъ не одна религія, какъ доказали *Барюель* и Французская революція. Духовные поддерживали королей, а короли собственность. Посему сперва надлежало подорвать духовенство, потомъ легко было подорвать королей, а наконецъ и собственность. Пока не возставятъ первыхъ, не возстанутъ и послѣдніе. Впрочемъ среди самой Франціи начали уже появляться нынѣ сильные защитники и религіи, и духовенства. *Бержіе,* коего Богословскій Словарь включенъ и въ новѣйшую Энциклопедію, многимъ открылъ глаза на добрую сторону церкви. Надобно также признаться, что ругатели церкви и духовенства много споспѣшествовали исправленію оныхъ. Лютеръ образумилъ папъ и заставилъ быть скромнѣе. Послѣ тоже досталось и лютеранскому духовенству, превратившему вѣру въ голую теорію безъ добрыхъ дѣлъ. А вообще роскошь, распутство и подражаніе свѣтскимъ обычаямъ подвергли достойному порицанію большую часть духовенства. Сколько вы ни защищаете вотчинныя права духовныхъ, но я увѣренъ, что отнятіе оныхъ избавило насъ весьма многихъ нареканій. Естьли для государства вотчины наши были полезнѣе нынѣшняго, то нынѣшнее положеніе наше полезнѣе для насъ. Самое бѣдное духовенство, особливо бѣлое, благонадежнѣе въ своемъ пропитаніи, нежели многія другія сословія. А бѣдность есть печать апостольства. Даже и въ учи-

лищахъ нашихъ дѣти бѣдныя всегда успѣвали лучше богатыхъ; да и неученые, поступающіе въ военную службу или въ другія званія, отличаются прилежаніемъ. Хотя же *Екатерина II-я* и отняла у монастырей и церквей вотчины, но оставила по нѣскольку земли и угодій тѣмъ и другимъ. А писцовыя земли всѣ оставлены у церквей, и нѣкоторыя имѣютъ до пяти сотъ и больше десятинъ. Государь *Павелъ I-й* прибавилъ монастырямъ мельницы и рыбныя ловли. Итакъ, мы все еще вотчинники и имѣемъ даже казенныхъ служителей. По правиламъ Кормчей Книги и Синодскихъ указовъ никакая церковь не строится вновь безъ того, чтобы прихожане не обязались содержать въ довольствіи церковь и причтъ и выстроить церковные домы. Павелъ I-й указалъ было и землю церковную обдѣлывать прихожанамъ, но всеобщій ропотъ заставилъ отмѣнить сіе положеніе. Платы за таинство никакой не положено, а только за требы молитвенныя. Естьли бы не положить нашимъ священникамъ сей дачи, а дать общій годовой окладъ, то они лѣнивы были бы ходить въ домы прихожанъ для требъ; ибо церковь наша не лютеранская, и большую часть требъ совершаютъ въ домахъ прихожанъ. Естьли священникъ нашъ воздерженъ, честенъ и прилеженъ, то и въ маломъ приходѣ не бываетъ ни бѣденъ, ни презираемъ. А лютеранскія пасторатства и католическія бенефиціи не дѣлаютъ тамошнее священство честнѣйшимъ, а только гордѣйшимъ. Десятиннаго церковнаго права у насъ въ Россіи никогда не было, кромѣ одной десятинной церкви, построенной *Владиміромъ* въ Кіевѣ. Но и сія десятина была назначена не на одну церковь и причтъ, а на содержаніе богадѣленъ, училищъ, странныхъ, вдовъ, сиротъ и пр., какъ означено въ Уставѣ Владимира. Не видно также, чтобы и Греческая церковь собирала десятины, хотя Оригенъ, II-го вѣка писатель, въ одиннадцатой бесѣдѣ на *Числа*, и говоритъ, что десятины не отмѣнены Евангеліемъ и должны наблюдаться при новомъ законѣ. *Фрапаоло* въ трактатѣ своемъ *о бенефиціяхъ* говоритъ, что прежде VIII и IX вѣка не платили десятинъ на Востокѣ и въ Африкѣ. А въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ видно, что первые священнослужители питались отъ добровольныхъ приношеній вѣрныхъ. Съ сего-то, кажется, примѣра и Греческая и наша церковь оставила свое духовенство на такомъ же положеніи, хотя не запрещала имѣть и недвижимую собственность. Татары, пока еще не обратились въ магометанство, не нападали на сію собственность. А послѣ не щадили и ея. Бѣдности многихъ нашихъ церквей еще и то причиною, что по дальнему разстоянію селеній не можно приписать къ одной церкви многихъ, и священникъ не успѣваетъ посѣщать таковыхъ своихъ прихожанъ, слѣдовательно ни имъ не можетъ быть полезенъ, ни себѣ пріобрѣтать доходовъ. Я не знаю, почему вы почитаете доходы сіи предо-

судительными. Ссылаюсь вамъ на первое посланіе къ Коринѳянамъ (ст. 7 и слѣд. гл. 9).

Благодарю вамъ за выписку содержанія изъ рочниковъ Варшавскаго общества. Но вижу, что нѣкоторыя статьи тутъ пустыя, напримѣръ о *музахъ*, о *мѣрахъ* и *вѣсахъ Французскихъ съ Польскими* и проч., *Елегія Грея на кладбище* и проч.

Объ окончаніи Словаря *Линдова* читалъ я и въ газетахъ. Это дѣйствительно памятникъ Польской или, лучше сказать, Славенской словесности.

Вы спрашиваете меня объ источникахъ Славенской миѳологіи. Я давно увѣренъ, что каждое Славенское племя имѣло особенную миѳологію, а общей не было, кромѣ *Перуна*, какъ свидѣтельствуетъ Прокопій. Наши *Поповъ* и *Чулковъ*, набравши кое-какихъ боговъ и даже Сибирскихъ, назвали все то *Славенскою миѳологіею*. Одинъ кадетскаго корпуса лѣкарь около 1792 года напечаталъ въ Петербургѣ на Французскомъ языкѣ книжку Antiquités Russiennes, въ коей производилъ онъ и древности наши, и боговъ нашихъ отъ Греческихъ. Послѣ *Глинка*, профессоръ Дерптскій, издалъ одну тетрадку миѳологіи; а наконецъ *Кайсаровъ* въ Геттингенѣ, подъ глазами покойнаго *Шлецера*, составилъ краткую миѳологію на Нѣмецкомъ языкѣ, которая и на Русскомъ напечатана въ Москвѣ. Изъ Русскихъ пѣсенъ нечего почерпнуть миѳологіи, а еще меньше изъ Малороссійскихъ, кои всѣ изнѣженнаго Польскаго вкуса. А Запорожскія всѣ бурлацкія или жалобныя.

Не понимаю я, какимъ образомъ Польскіе акты и древности зашли въ Швецію. Ближе бы имъ быть у насъ. Ибо съ XIV еще вѣка изъ Литвы начали къ намъ переселяться вельможи. А при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, о коемъ вы говорите, что онъ занимался только Татарами, были уже многія сношенія съ Польшею и даже съ папою. Многіе наши бояре знали по-польски, какъ напримѣръ князь Андрей *Курбскій*. Изъ граматъ того времени видно, что въ нашъ языкъ вошло уже много Польскихъ рѣчей. А изъ граматъ Литовскихъ, мнѣ вами сообщенныхъ (за кои усердно благодарю), вижу, что и въ Литвѣ употребляли Русской языкъ. Но чтобы сей языкъ былъ тамошній коренной и оттуду яко бы къ намъ пролился, сему я не повѣрю. Вѣроятнѣе то, что со временъ Владимировыхъ или со времени покоренія Пскова и Новгорода Литвѣ, мало-по-малу переселенные туда Россіяне удержали тамъ сей языкъ. Я полагаю, что всѣ предки наши Славяне на Волыни, на Днѣпрѣ, на Деснѣ, на Двинѣ и на Волховѣ имѣли сперва одинъ языкъ, но поелику до соединенія подъ одно Кіевское правленіе долго жили въ дальней разлукѣ, то непремѣнно долженствовали измѣнить нѣсколько языки свои по смѣшенію съ сосѣдами. Династія Варяго-Руссовъ, измѣ-

нившая Новогородскій языкъ и послѣ переселившаяся въ Кіевъ, могла измѣнить и Кіевской языкъ. А потомъ переводы книгъ при Владимирѣ и Ярославѣ могли приблизить его опять къ Славенскому. Но чтобы діалекты другихъ Славенскихъ племенъ могли имѣть вліяніе на Кіевъ, то невѣроятно. Новогородскій діалектъ самъ по себѣ остался со многими отличіями отъ Кіевскаго, какъ можно видѣть изъ сравненія Несторовой лѣтописи съ Рускою Правдою и Новогородскою лѣтописью. По сему-то Кіевской выговоръ мягче даже и въ произношеніи. Но теперь не можно уже намъ никакого діалекта назвать первоначальнымъ, по недостатку документовъ.

Хотя вы и совѣтуете Казанскимъ своимъ сочленамъ дѣлать извлеченія изъ судебныхъ бумагъ, но я не думаю, чтобы они нашли въ этомъ вкусъ свой. Надобно пресытиться иностранною и отечественною школярною словесностію, чтобы наконецъ полюбить архивскую пыль, изъ которой труднѣе почерпать въ журнальныя статьи, нежели изъ чужестранныхъ и своихъ площадныхъ книгъ. Доказательствомъ сему и нынѣшній *Вѣстникъ Европы*, о которомъ весьма справедливое сдѣлалъ замѣчаніе смотритель журналовъ г. Строевъ. Читателямъ нѣтъ нужды въ томъ, что *Каченовскій* извиняется своею болѣзнію и недосугами. Мы знаемъ, что онъ способенъ писать многое Руское, и сего отъ него ожидали. Иначе на что бы и приниматься за журналъ, которымъ онъ прославился въ прошлыхъ годахъ? А отвратительно даже читать въ послѣднемъ 8 № уничижительную его брань своему критику. Тутъ можно воскликнуть изъ Лукіановыхъ разговоровъ отвѣтъ Меркурія Юпитеру: *О, Юпитеръ, ты досадуешь; такъ вѣрно ты неправъ.*

Любопытна описываемая вами книга *путешествій* молодаго князя *Сапѣги*. Но читали ль вы такого жъ содержанія замѣчательную книгу одного Богемца Дурича подъ названіемъ Bibliotheca slavica, напечатанную въ Вѣнѣ 1795 года? Жаль только, что вышелъ одинъ первый томъ. А сочинитель обѣщалъ пять.

Я вѣрю справедливости вашего замѣчанія, что Залузская библіотека въ чужихъ земляхъ принесла бы больше пользы, нежели у насъ. Но взгляните на обстоятельства нашего отечества. Всѣ націи начинали славиться войною и распространеніемъ, потомъ просвѣщеніемъ, а наконецъ торговлею и рукодѣліями и художествами. Мы прошли уже всѣ сіи періоды со временъ *Владимира*, но поворотились назадъ со временъ Монгольскаго порабощенія. Съ царя Ивана Васильевича вступили паки въ первый періодъ, теперь еще его продолжаемъ. Какъ же вы требуете отъ насъ и другихъ двухъ періодовъ вмѣстѣ? Tonante Marte silent Musae *).

*) Когда гремитъ Марсъ, молчатъ Музы.

Еще остается одно мое замѣчаніе на ваше замѣчаніе о жертвѣ Авелевой. Вы разумѣете кровопролитною жертвою его *приношеніе отъ первородныхъ стадъ и отъ туковъ*. А лучшіе толковники разумѣютъ сіе только о млекѣ и маслѣ: ибо не видно, чтобы до потопа люди ѣли мясо. А по свидѣтельству первой главы Бытія, ст. 29 и 30, видно, что Богъ предопредѣлилъ въ пищу людямъ и животнымъ только растенія.

Теперь, кажется, написалъ я вамъ отвѣты на всѣ важнѣйшія статьи вашихъ писемъ. А въ заключеніе посылаю вамъ для любопытства *изъясненіе* нѣкоторыхъ древностей, найденныхъ въ Казани, и обращикъ рукописанія *князя Пожарскаго*. Насмотрѣвшись, возвратите мнѣ. Статью о древностяхъ прислалъ мнѣ Казанскій ректоръ, а почеркъ Пожарскаго напечаталъ Карамзинъ для пріятелей.

Будьте здоровы и благополучны. Я все еще въ Калугѣ и не надѣюсь скоро выѣхать къ Сѣверу поближе къ вамъ. Докладъ о насъ посланъ къ Государю, а ему теперь не до насъ.

17.

От 23 Маія 1815. (Калуга).

Лишь только отпустилъ я къ вамъ письмо отъ 19 Маія, какъ въ тотъ же день получилъ новое ваше отъ 11 Маія. Сажусь теперь и на это отвѣчать. Вы воображаете, что я съ переименованіемъ въ Псковскіе, тотчасъ и къ вамъ пріѣду. Нѣтъ. Мнѣ назначаютъ сію епархію разстроенную для поправки пребываніемъ въ ней, и это мнѣ самому пріятнѣе вашего столичнаго болота. Но событіе и сего, неизвѣстно еще, когда послѣдуетъ, и много еще писемъ вашихъ могу я получить въ Калугѣ.—Замѣчаніе ваше о митрополіи унитской сообщу я отцу *Амвросію*. Я вѣрю, что и мелочныя замѣчанія часто объясняютъ цѣлую исторію; ибо и въ натурѣ вещей мелочи сопровождаютъ важности. Но для полезныхъ такихъ мелочей сколько надобно скопить и безполезныхъ. Labor improbus!—*Лаврентьевскую* лѣтопись графа *Мусина-Пушкина* я знаю. Моск. Общество Исторіи принялось было печатать ее со сводомъ съ другими, и 10 листовъ напечатано, кои и я у себя имѣю. Но Галла нашествіе истребило оставшіеся въ типографіи; а теперь о перепечатаніи и забыли. Но напрасно вы говорите, что *Мономахово наставленіе дѣтямъ* теперь въ первый разъ намъ сдѣлалось извѣстнымъ: *Пушкинъ* самъ издалъ оное съ переводомъ Рускимъ и съ примѣчаніями еще 1793 года въ С.-Петербургѣ, въ 4° листа, на 61 страницахъ. Книга сія и у меня есть. А издатель въ иныхъ мѣстахъ не вѣрнѣе переписчика. Увидимъ, каково будетъ изданіе Румянцовское сей лѣтописи; но Московское было строго.—Чтеніе

свинцовой печати сказанное Грекомъ: Κύριε βοηθέιτοσο δουλῳ Ανδρεα το Σβλαδο, *Господи помози рабу Андрею или Андрееву свладу* и я пріемлю. А на невѣрности правописанія здѣсь Греческаго и пенять не для чего неученому рѣщику.—Благодарю за извѣстіе о молитвенникѣ Агнесы и о словопроизводствѣ сего имени. *Линдъ* здѣсь testis competens; но и *Линдъ* пропустилъ еще *Янъку,* какъ зовутъ въ Малороссіи.—О дѣлахъ царя Ивана Васильевича, помню, я много видѣлъ въ запискахъ *Туана*, современника его, напечат. въ 7 vol. in fol. 1733 въ Лондонѣ. Загляните въ библіотекѣ. Вѣрно тутъ найдете и о смерти сына его. А *Одерборнъ* въ описаніи жизни царя Ивана Васильевича пишетъ, что когда Шведы взяли Нарву и Иванъ-городъ, то нѣкоторые патріоты просили у царя позволенія идти на нихъ подъ предводительствомъ его сына. Царю это показалось подозрительно, и онъ началъ сына укорять въ заговорѣ якобы. Сынъ сталъ было оправдываться, но отецъ ткнулъ его остроконечною палкою въ високъ, и онъ вскорѣ упалъ мертвъ. А *Одерборнъ* былъ современникъ царю и былъ въ Москвѣ при коронаціи царя Ѳедора Ивановича.—Хорошо, что вы заглянули въ *Курика* для узнанія лжи *Чацкаго* о происхожденіи нашей *Руской Правды.* Польскіе ученые изстари весьма частые лгуны въ ссылкахъ и всегда любили парадоксы. Хотя въ недавно-вышедшей Нѣмецк. *Исторіи Ганзы* и написано, что Новогородцы сами плавали до Висби и тамъ имѣли даже церковь свою; но я преклоннѣе вѣрить, что вся Новгородская съ Ганзою торговля была passiva и существовала въ самомъ только Новѣгородѣ и Иванѣ-городѣ, а за море сами они не ѣздили. Такъ полагалъ и *Шлёцеръ.* Слѣдовательно и Висбійское мореходное право до нихъ не касалось.

По желанію вашему посылаю вамъ списокъ Зырянской азбуки. Сведите еще съ названіями, напечатанными у *Лепехина.* Но какъ согласить всю сію разнорѣчицу? Предоставляю вамъ. Покажите и *Александру Ивановичу Ермолаеву.* Онъ догадливъ и авось рѣшитъ сію загадку. Судя по разности названія буквъ въ первой выпискѣ, не слѣдуетъ ли догадываться, что двѣ или и три было Пермскихъ азбуки: одна коренная Пермская, другая коренная же и старая Югорская, а третья для Зырянъ, преобразованная Стефаномъ? Ибо, хотя Зыряне отродье Пермское, но и языкомъ много отдалившееся отъ праотцевъ Пермяковъ, оставшихся за Вяткою. Это мнѣ сказывали сами Зыряне; да и изъ словарей, у *Лепехина* напечатанныхъ, видно тоже.

Благодарю искренно за приложенныя выписки изъ біографіи *Сапѣгиной* и мнѣнія *объ уніи.* Исторія объ *Іоасафѣ Кунцевичѣ* подробно описана и у *Кульчицкаго* in Specimine ecclesiae Ruthenicae. Она у меня есть. Тамъ же и о *Мелетіи Смотрицкомъ.* А протестъ *Сапѣги* на

присвоеніе Бѣлоруссіи и Малоруссіи превздорный. Онъ жалуется, что Рускіе отняли сіи провинціи у Литовцевъ; но не прежде ли Литовцы отняли ихъ у Рускихъ? Наше право со временъ Святослава и Владимира.

Мнѣніе ваше и г. *Сем.* о упрямствѣ Марка Ефесскаго на Флорентинскомъ соборѣ несправедливо. Вопреки Аллацію, Сильверстъ Сиропулъ иначе описалъ причины сего. Сокращеніе его Исторіи напечатано и на Рускомъ, переводу покойнаго преосв. Меѳодія Псковскаго. Можете еще справиться о семъ и съ *Минятіевою* исторіею объ уніи, напечат. на Рускомъ подъ названіемъ *Каменъ соблазна.* Клеветы на двоедушіе князя Острожскаго и Кіевскаго митрополита Мисаила могли быть не только разглашаемы, но и напечатаны Поляками, о коихъ извѣстно, что они больше всѣхъ папистовъ мастера поддѣлывать даже акты. *Кульчицкій* при описаніи нашихъ великихъ князей и митрополитовъ съ самаго почти Владимира описываетъ рѣдкихъ не преклонными къ папѣ. Это обыкновенная ухватка польщизны. Исидоръ нашъ посланъ на Флорентинскій соборъ не по наклонности нашего великаго князя, а по согласію съ восточными духовными. При томъ Исидоръ пріуготовленъ давно уже былъ въ Римѣ для нашей митрополіи. Смотри его жизнь въ Historia Litteraria Scriptorum Ecclesiastic, Guillelmi Cave, Англичанина. А изгнанъ онъ по увѣдомленію отъ восточныхъ же. Чтó касается до встрѣчи его, то она подобала ему какъ Рускому священноначальнику. Князья наши въ дѣлахъ вѣры не присвояли себѣ суда, какъ видно изъ разговора царя Ивана Васильевича съ Езуитомъ Поссевиномъ и Петра I съ Сорбонскою Коллегіею.

Хотѣлъ было я вамъ при семъ же послать и критическое замѣчаніе на невѣрность грамматики Зырянской, изданной Флеровымъ. Онѣ писаны однимъ Зырянскимъ ученымъ священникомъ въ Устюгѣ, когда я ему посылалъ сію грамматику, еще письменную. Но теперь въ бумагахъ своихъ ея не отыскалъ. Вмѣсто того посылаю вамъ оттискъ одной монеты, которую нѣкоторые члены Историч. Общества считаютъ Рускою и толкуютъ надпись якобы *сребро Владимира Святославля.* По разсмотрѣніи возвратите мнѣ съ замѣчаніемъ вашимъ.

Посылаю вамъ при семъ экземпляръ отпечатаннаго уже Селліева каталога; а другой экземпляръ отдайте при поклонѣ отъ меня старинному другу *Александру Ивановичу Ермолаеву.*

18.

От 29 Сентября 1815. (Калуга).

...Завтра я ѣду дней на 7 изъ города; но переселеніе наше не скоро сбудется и, кажется, до возвращенія государева не рѣшится... Слѣдовательно много еще писемъ изъ Калуги вы получите.

О *Никоновѣ* паденіи споръ нашъ конченъ. А что *Екатерина II* не охотница была до модныхъ мыслей, то вотъ вамъ въ доказательство нѣсколько анекдотовъ. 1) Бывши еще великою княгинею, она уговариваема была вступить въ масонство, сдѣлавшееся тогда всесвѣтною модою и даже щегольствомъ окружавшихъ ее придворныхъ; но она смѣялась симъ моднымъ секретамъ и написала даже въ 1757 году противъ нихъ книжку: *Тайна противунелѣпаго общества.* А послѣ еще много на нихъ же издала и комедій. 2) Въ свое царствованіе ни одной вольной книги вольнодумныхъ своихъ корреспондентовъ не дозволила она напечатать на Рускомъ языкѣ, а за дерзость наказывала и цензуру свою, и авторовъ. Даже и христіанскихъ иновѣрческихъ книгъ, не согласныхъ съ нашею церковію, не позволяла она выпускать на Рускомъ. Одинъ придворный священникъ перевелъ было *Мосгеймову* церковную исторію и посвятилъ ей; но она, подаривъ его очень скупо, отвѣчала, что онъ напрасно трудился, ибо-де исторія сія писана не для Россіи. 3) Одному Австрійскому министру, въ эрмитажныхъ вечеринкахъ хотѣвшему блистать шутками надъ святыми, она тотчасъ велѣла принести *Тацита* и пріискать de moribus Germaniae 34 главу, въ коей указала ему извѣстное замѣчаніе: Sanctius ac reverentius visum de actis deorum credere quam scire *). Нѣмецъ вздумалъ было предковъ своихъ назвать варварами; но она замѣтила, что не варваръ *Тацитъ* иначе думалъ. 4) Въ своемъ кабинетѣ и въ спальнѣ имѣла она большое собраніе иконъ, богато украшенныхъ. 5) Умнѣйшіе изъ ея любимцевъ, *Орловъ* и *Потемкинъ*, отъ нея заимствовали вкусъ привязанности ко всему церковному. Можно даже сказать, что и *Петръ Великій* слабѣе былъ въ нарушеніи церковныхъ преданій, нежели она. При немъ переводили и печатали на Русскомъ протестантскія книги безъ всякой утайки и поправки ихъ ересей. А что *Екатерина* иногда par complaisance улыбалась въ письмахъ своихъ къ современнымъ софистамъ *Вольтеру, Дидроту* и *Даламберту,* то и это всегда на счетъ западныхъ суевѣрій; но объ Рускихъ никогда почти не напоминала имъ. По крайней мѣрѣ, сколько я помню, не замѣтилъ я этого въ письмахъ ея къ *Вольтеру.* Она даже и не ожидала, чтобы сіи сор-

---

*) Кажется, что святѣе и почтеннѣе вѣрить дѣяніямъ боговъ, нежели знать о нихъ.

ванцы издали въ свѣтъ ея переписку. И когда *Бомарше* 1789 года въ собраніи Вольтеровыхъ сочиненій напечаталъ въ первый разъ ея письма, то данъ былъ въ слѣдующемъ же году Петербургской и Московской цензурѣ секретный указъ *не переводить на Руской и не печатать ничего изъ Бомаршева изданія,* подразумѣвая тутъ наипаче свои письма. Аббатъ *Барюель* заключалъ о ней, можетъ быть, изъ многихъ около ея бывшихъ Рускихъ Якобинцевъ; но въ опроверженіе его довольно замѣтить: 1) какъ она поступила съ *Радищевымъ,* издавшимъ Якобинскую книгу и съ княгинею *Дашковою,* напечатавшею Вадима. 2) Она предостерегла даже и Баварскаго герцога отъ Якобинскихъ шаекъ Вейсгауптовыхъ, гнѣздившихся въ Баваріи; а по конфискованіи всей Якобинской корреспонденціи (изъ коей и Барюель составилъ свою книгу) она открыто погнала изъ Россіи всѣ философскія секты и шайки. Ваша правда, что послѣ Петра III усилилась у насъ галломанія; но прибавьте, что не у насъ однихъ, а въ цѣлой Европѣ съ половины того вѣка восцарствовала уже модная вольнодумная философія, родившаяся отъ *Белева* скептицизма и отъ экзегетической его критики. Самъ Вольтеръ въ нѣкоторомъ смыслѣ его ученикъ и обожатель.

Кондорсетовой *Картины* я не читалъ и не видалъ. Означьте мнѣ изъ ней хотя строчкою, какія всѣ тѣ 9 эпохъ ума человѣческаго, которыя онъ полагаетъ. При томъ жалалъ бы я знать, какъ онъ считаетъ эпохи ума, началомъ ли происшествій и открытій въ наукахъ или усовершенствованіемъ? Мнѣ кажется, иное эпоха въ исторіи, а иное въ умѣ, въ коемъ первое открытіе есть только безобразное сѣмя; а въ исторіи она уже есть плодъ.

По *безконечности догадокъ* я отнюдь не сужу о безполезности ихъ. Всякое первое познаніе вещей въ изобрѣтателѣ есть только что догадка, и самый скептицизмъ есть догадка. А безъ сихъ догадокъ много ли успѣлъ бы умъ человѣка? Когда *Зенону одинъ* пріятель сказалъ: о quantum est, quod nescimus! То онъ отвѣчалъ: О quantum est quod scimus *)! Естьли бы все было явно и ясно, то не было бы нужды въ догадкахъ; но тогда человѣкъ не былъ бы столько уменъ. Кажется, Промыслъ Божій съ намѣреніемъ запуталъ для насъ всѣ истины, дабы тѣмъ привести нашъ умъ въ большее движеніе, или какъ Апостолъ сказалъ (1 Коринѳ. XI): *подобаетъ въ васъ и ересемъ быти, да искуснѣйши явятся.*

Очень много буду обязанъ *Александру Ивановичу Ермолаеву,* естьли онъ хотя чрезъ васъ сообщитъ мнѣ напечатанные листы *Лаврентьевскаго списка.* Онъ посрамляетъ наше Моск. Историческое Общество. Но надобно признаться, что въ нашемъ монархическомъ правленіи все-

*) О, сколько мы не знаемъ!—О, сколько мы знаемъ!

гда дѣлаетъ больше одинъ, нежели многіе. А у иностранцевъ напротивъ: гдѣ больше рукъ и головъ, тамъ успѣшнѣе.

Естьли *Шлецерова* Нестора 2-й части еще остается допечатывать дюжину листовъ, то пойдетъ еще на годъ, естьли еще и не на два.

19.

От 17 Октября 1815 (Калуга).

...О *Казанскомъ пожарѣ* подробное извѣстіе прислалъ мнѣ отецъ *Епифаній*. Ужасно читать. Изъ училищъ одинъ университетъ уцѣлѣлъ, а Академія вся сгорѣла, но библіотека спасена попеченіемъ отца *Епифанія*. Его монастырь также сгорѣлъ, кромѣ церкви, въ коей онъ сохранилъ и свое имущество. Хотя у васъ и приписываютъ пожаръ сей подъячимъ; но, судя потому, что загорѣлось съ конца города, а не съ средины, едва ли не напрасно сіе обвиненіе.

О *стимботѣ* [1]) читалъ я и въ *Сынѣ Отечества* и въ *Духѣ журналовъ*. Это весьма важное изобрѣтеніе для нашихъ длинныхъ рѣкъ, на коихъ и бури не попрепятствуютъ ему.

Ваша правда, что трудно изъ нашей *исторіи* составить единство по причинѣ многихъ бывшихъ удѣловъ. Но это же затрудненіе было и у другихъ Европейскихъ націй. Германія и донынѣ въ томъ же видѣ, однакожъ имѣетъ уже общую свою исторію.

О *Шторховой* книгѣ Cours d'économie я со всѣхъ сторонъ слышу чудеса; но нигдѣ здѣсь сыскать ее не могу. Помѣщики всѣ ахаютъ отъ слишкомъ вольныхъ его изъясненій о рабствѣ и помѣщичьемъ правѣ и утѣшаются отчасти тѣмъ, что поелику книга сія на Французскомъ и многотомна, то немногіе будутъ имѣть-де терпѣніе читать ее. О просвѣщеніи народа какъ ни умствуютъ *Шторхъ* и вашъ *Стройновскій*, но и оно имѣетъ также свой вредъ, какъ и невѣжество, si ultra limites extendatur [2]). *Екатерина II*, послѣдуя *Монтескье*, сказала: Хочешь ли истребить въ народѣ грубые пороки, просвѣти его. Мы почувствовали сію истину, оглянувшись, что не имѣемъ уже тѣхъ скотскихъ пороковъ, какіе были въ предкахъ нашихъ; но заступили мѣсто ихъ утонченнѣйшіе пороки. А отъ этого въ существѣ не лучше стало. А Франція, больше всѣхъ просвѣтившая свой народъ, увидѣла его опять въ скотскихъ порокахъ. Какимъ началомъ психологіи или эстетики можно изъяснить сіе событіе? Сами ученые, какъ и вы замѣтили, отъ неограниченнаго просвѣщенія впали только въ противорѣчіе и другимъ, и себѣ.

---

[1]) Пароходѣ.
[2]) Если распространится дальше предѣловъ.

Каразину, видно, долго еще жить въ своей украинѣ. Кажется, одна надежда у него на сильную руку *Аракчеева*. Но сила сія не въ той сферѣ.

Еще замѣчаніе мое объ Энциклопедіи. 1) Она сокращена изъ систематическихъ сочиненій и по большей части худо и недостаточно. 2) По огромности своей не имѣетъ мѣста въ домѣ частныхъ и бѣдныхъ людей, а для многихъ наибольшая часть ея и ненужна. Ergo 3) полезнѣе обращаться къ источникамъ ея. Разговаривая о какой нибудь матеріи съ кѣмъ нибудь, тотчасъ можно замѣтить, по системѣ ли онъ знаетъ ее или по отрывку словарному. Не науки и не мастера умножились отъ умноженія словарей, а только подмастерья и ученики. До энциклопедій больше было первыхъ, а меньше послѣднихъ. Взгляните для увѣренія въ семъ на хронологію ученыхъ.

Отъ Казанскаго Общества получилъ я и *уставъ* и *торжество*. Но въ сихъ книжкахъ не нашелъ я задачъ, кои послѣ читалъ уже я въ Московскихъ газетахъ. О первой задачѣ я сообщалъ вамъ уже мои замѣчанія, а о второй скажу, что, мнѣ кажется, рѣшить ее еще легче, а именно: 1) Славенскаго языка, каковъ онъ дошелъ до насъ въ книгахъ, никогда не было народнаго, а онъ Меѳодіемъ и Кирилломъ и послѣдовавшими переводчиками рабски составленъ съ Греческаго по этимологіи отъ своихъ корней, а по синтаксу съ Греческой аналогіи. 2) Руской совсѣмъ другой отъ Славенскаго, а только прилился и то немного къ Славенскому, какъ нынѣ Германщина и Французовщина къ нашему. *Шлецеръ* въ своемъ словарикѣ весьма хорошо обнаруживаетъ, что коренныя Рускія слова всѣ сходны съ сѣверными Нормандскими діалектами.

Въ 40 ном. *Сына Отечества*, на стр. 66, увидѣлъ я книгу *Извѣстія Россійской Академіи*. Чтó это за книга? Нельзя ли мнѣ ее прислать? Да пришлите и общій счетъ, чѣмъ я вамъ долженъ за разныя высылки.

20.

P. S. *).

Вчера отъ усталости руки надъ кучами дѣлъ писалъ я вамъ чужою рукою. Теперь, отдохнувъ, пишу своею. Весьма желалъ бы я, чтобы вы, рекомендуя мнѣ *Исторію Малороссіи Берлинскаго* и *Ригельмана*, прочитали сами рекомендованную мною вамъ Французскую Histoire des cosaques par m-r Lesure, à Paris 1814, en 2 vol. Я не могу довольно налюбоваться методомъ, ясностію, доказательностью и краткостію сей книги. Выписываю даже изъ ней краткія записки. Авторъ имѣлъ всѣ

*) Помѣта Анастасевича: Къ письму отъ 7 Ноября (до насъ не дошедшему).

книги Польскихъ о семъ писателей и нашихъ, *Миллера*, и *Шерера*, и *Шторха*, и всѣхъ путешественниковъ по казацкимъ землямъ. Вы по національности съ Малороссіею больше меня знаете сію матерію, и я желалъ бы слышать ваше мнѣніе. Нѣкоторыя очевидныя и удобоисправимыя ошибки замѣтилъ и я. Но при всемъ томъ не худо бы издать сію книгу и на Рускомъ. Этотъ Французъ хорошо знаетъ Рускую исторію, которой и мы не всѣ еще выучены. Есть у меня и другая его толстая книга: Des progrès de la puissance de la Russie, сочиненная имъ по повелѣнію Наполеона и напечатанная въ Парижѣ 1812. Эта очень злая и клеветническая во многомъ, но много и правды съ документами. На концѣ приложены таблицы статистическія, прежде *Шторховыхъ* появившіяся къ нашему удивленію. Французы достали все изъ нашихъ министерствъ и коллегій и готовились на насъ нападать со свѣдѣніями. Казацкая исторія издана уже по низложеніи *Наполеона*; а потому безъ желчи, такъ что и самимъ казакамъ читать сносно.

На сихъ дняхъ читалъ я еще книгу Histoire de l'ambassade de Varsovie par m. Pradt archevêque de Maline, à Paris, 1815, 3 édit. Ужасно какъ тутъ изображенъ и разруганъ Наполеонъ за похожденія въ 1812 году. Помнится, выписки нѣкоторыхъ статей изъ сей книги напечатаны были въ *Сынѣ Отеч.* и *Вѣстникѣ Европы*. Но книга вся лучше выписокъ сихъ.

Всѣми такими книгами снабжаетъ меня *Бутурлинъ*, получающій ихъ изъ Парижа.

21.

От 17 Ноября 1815 (Калуга).

Благодарю вамъ, любезнѣйшій другъ, за письмо отъ 2 Ноября и за счетъ. А *Сына Отеч.* на первую половину 1816 я уже записалъ чрезъ Михайлу Мих.

Отецъ *Епифаній* мнѣ пишетъ изъ Казани, что тамъ зажиганіе еще продолжается, но виноватыхъ отыскать не могутъ.

Судьба нашей исторіи идетъ по слѣдамъ исторіи другихъ народовъ, у коихъ также сперва были лѣтописи и частныя извѣстія. Но многія и у насъ губерніи уже имѣютъ и свои собственныя исторіи, напримѣръ Тамбовская, Казанская, Саратовская, Воронежская, Костромская, Вологодская, Новогородская и Псковская. Чудно, что Кіевская медлитъ, а ей бы прежде должно выступить. Но нѣтъ еще у насъ всеобъемлющаго историческаго генія. Прожектируемому *Глинкою* Рускому Анахарсису и я посмѣялся. По его мыслямъ были уже и у насъ Анахарсисы *Шаликовы*, *Измайловы*, *Невзоровы*, *Сумароковы* и проч. Но что́ они намъ открыли? Надобно имѣть сперва исторію, а потомъ путеше-

ствовать.—Благодарю вамъ за выписку изъ книги Fêtes et courtisanes de la Grèce, о Бартелемовомъ анахарсисѣ. Теперь и я поуменьшу свое удивленіе къ сему 30-ти лѣтнему будто бы сочиненію, въ которое я часто на досугахъ заглядывалъ. Вотъ какъ компиляторы хвастаются чужимъ сокровищемъ! Оставимъ *Бартелему* честь Французскаго только покроя изъ чужой матеріи.

Книги *Шторховой* о сю пору я еще не видалъ, а жду отъ *Бутурлина*. Но признаюсь, что я никогда не былъ охотникъ до такихъ матерій и не умѣю видѣть ихъ съ хорошей стороны. Мнѣ всегда казалось, что книги статистическія и политикоэкономическія основываются на парадоксахъ, не всегда удобоизъяснимыхъ и по случаямъ только справедливыхъ. Къ сему же отношу я толки и споры о просвѣщеніи народовъ.

Виллерсова книга *Philosophie de Kant* есть у меня, и я ее уважалъ до тѣхъ поръ, пока не прочиталъ *Дежерандо*, который лучше и безпристрастнѣе раскрылъ не систему, а хаосъ Кантовыхъ мечтаній.

Получилъ и я изъ Казанскаго Общества книжку о *задачахъ*, и теперь будемъ ждать, что̀ отвѣчать будутъ словесники; а я думаю, что не будетъ ни откуда отвѣта.

О *Карамзинѣ* и я ничего не слышу, хотя и ближе васъ къ нему живу. А о покровителѣ его *графѣ Ар.* слышимъ, будто его назначаютъ военнымъ губернаторомъ пяти сѣверныхъ губерній. Тутъ опять какъ бы не воскресло *Буксгевденово* письмо, которое и я нѣкогда читалъ.

Изъ Москвы пишутъ, что будто и Государь возвратился къ вамъ; но другіе не подтверждаютъ. Отъ васъ вѣрнѣе услышу я объ этомъ.

Публикуютъ и въ Москвѣ подписку на переводъ *Шатобріанова* Путешествія въ Іерусалимъ. Я не знаю сей книги; но, судя по извѣстной и у меня находящейся Génie du Christianisme, я заключаю, что авторъ долженъ еще лучше написать путешествіе свое, въ которомъ піитическое воображеніе гораздо можетъ быть естественнѣе, нежели въ обозрѣніи духа христіанства. Критики и богословы справедливо упрекали его за піетизмъ христіанизма. Но въ нашемъ зараженномъ піитическими порывами въ самыхъ важныхъ дѣлахъ вѣкѣ, многіе и христіанизмъ полюбили за *Шатобріановъ* піетизмъ. А это немаловажная уже побѣда надъ вольнолюбивымъ воображеніемъ нашихъ современниковъ. Строгіе умствователи пусть читаютъ *Аббадія*, *Бержіе* или *Triomphe de l'Évangile*. Но для сантиментальныхъ чтецовъ полюбится религія больше въ *Шатобріанѣ*, нежели въ помянутыхъ сочиненіяхъ. Вкусы людей своенравнѣе критическаго ума. Самъ *Шатобріанъ*, припечатавшій въ 9-мъ томѣ своего *Génie de Chr.* всѣ на себя журнальныя критики, очень благоразумно оправдался въ упрекахъ себѣ и доказалъ,

что критики его, сами будучи irreligieux, не религію защищаютъ въ своихъ сужденіяхъ, но досадуютъ, что и религія представлена въ красотахъ воображенія, не уступающаго своевольнымъ сочиненіямъ. А на прекрасную статью его о миссіонерахъ не смѣлъ даже напасть ни одинъ критикъ. Это одно уже великое торжество для Шатобріана надъ вольнодумцами.

145 и 146 страницу *Виллерса* я прочиталъ. Замѣчаніе казисто. Но оно *Кантисское* для защищенія отвлеченныхъ знаній противу опытной пользы. Вопросъ à quoi bon? лучше безконечныхъ спекуляцій, остающихся внѣ опыта и пользы. Надобно учиться не для знанія, а для исполненія. Оставимъ Кантистовъ съ ихъ мечтами и въ мечтахъ.

1817 годъ.

22.

От 25 Августа 1817. (Псковъ).

Искреннее спасибо вамъ, любезный другъ, за письма отъ 17 и 21 Августа. Естьли не всѣ еще обѣщанія ваши Литовскія вы мнѣ исполнили, то пріятны пока и обѣщанія. А между тѣмъ и я еще не свободенъ для Псковской исторіи.

Билетъ на журналъ Человѣкобаловнаго Комитета получилъ я, но и самаго еще журнала не читалъ. Такъ недосужно! А прочтши, скажу вамъ свое мнѣніе.

Что вашъ безпечитель Виленскаго округа *) сходитъ и съ театра ученаго свѣта, какъ сшелъ уже съ дипломатическаго, придворнаго и дамскаго съ презрѣніемъ, этого давно ожидать надлежало. Силящіеся блистать скорѣе всѣхъ теряютъ блескъ свой, и пылкая свѣча скорѣе сгараетъ—а послѣ воняетъ.

О профессорствѣ Волынской гимназіи я не умѣю дать вамъ никакого совѣту; а кажется лучше подождать хоть возвращенія *Румянцова.*

За увѣдомленіе хиротоніи Костромскаго владыки много благодарю. Всѣ числа сего рода я отмѣчаю въ своемъ спискѣ іерархіи.

---

*) Князь Адамъ Чарторижскій. П. Б.

1818 годъ.

23.

От 4 Генваря 1818 (Псковъ).

Искренно благодарю за поздравленіе и за лѣточисленіе нашей дружеской переписки. Взаимно васъ поздравляю наступающимъ уже новымъ годомъ, который послѣ многоплоднаго въ церковныхъ дѣлахъ предшественника своего чтò породитъ еще новое, увидимъ.

Естьли 5-я книга вашего *Свода* отпечатана уже, то буду и я ждать ее тѣмъ нетерпѣливѣе, что она, какъ вы увѣдомляете, касается до разныхъ вѣроисповѣданій въ Россіи. Евангелическаго общества во Псковѣ нѣтъ, а развѣ въ Лифляндскомъ участкѣ моей епархіи. А чтò и Евангелическаго исповѣданія купцы столькожъ малосовѣстны, какъ и прочіе, это давно всѣмъ извѣстно.

Что *Государь* скоро прибудетъ въ Питеръ, это и у насъ слышно; а о прибытіи всего двора не говорятъ. *Тургеневу*, думаю, и по склонности его къ наукамъ приличнѣе быть директоромъ просвѣщенія.

Варшавскіе ученые выдумали лучшее средство заохотить ученыхъ сотрудниковъ, нежели наши журналисты, желающіе все принимать даромъ и считающіе даже за милость, естьли чью статью напечатаютъ. Отъ васъ, конечно, многое получатъ Польскіе журналисты.

Харьковецъ *Успенскій* обѣщаетъ non fumum ex fulgure и вѣрно сдержитъ свое обѣщаніе. Онъ очень способенъ къ сей матеріи. Первое изданіе его книги ручается за это, естьли только вы его читали. Книга сія принята съ жадностію отъ любителей Руской старины. Вездѣ указаны и источники на важнѣйшія повѣствованія. Матеріею сею онъ занимался лѣтъ 25, но отдѣлалъ уже въ старости. Это совершенно по Нѣмецкому обычаю, а не по Французскому налету.

Прочелъ я и листъ вашихъ замѣчаній на мои тетради. Нѣкоторыми замѣчаніями я воспользуюсь, но прочія слишкомъ мелочны, въ чемъ вы и меня винили. Въ историческихъ сочиненіяхъ всякій свѣдущій читатель можетъ придумать и прибавить столькожъ, какъ и сочинитель; но не все входитъ въ планъ сочинителевъ. Естьли вы такъ заботливо будете писать ваши примѣчанія на всѣ статьи, то и въ годъ ихъ не кончите. А я прошу васъ замѣчать только ошибки и меня предостеречь отъ невниманія при второмъ изданіи. Естьли доживемъ, можно будетъ заняться и подробностями.

Тетради переписанныя я однажды уже прочиталъ. Надлежитъ еще прочитать въ другой разъ, и тогда пришлю.

24.

От 13 Генваря 1818 (Псковъ).

Изъ писемъ вашихъ вижу, что законная коммисія и въ праздники столько васъ озабочиваетъ своими трудами, что превращаетъ всѣ дни для васъ въ будни. Но вы и безъ того всегда бывали такъ дѣятельны, что сами себѣ не давали отдыховъ. Дивлюсь, какъ еще достаетъ вамъ досугу тѣшить *графа* посѣщеніями его, которыя кромѣ обѣдовъ ничего вамъ не приносятъ и не обѣщаютъ. А заботы его больше мелочныя. Нашъ губернаторъ доставилъ ему двѣ мѣдныя змѣи и также змѣеобразное кольцо; но не знаю, объяснилъ ли онъ исторію сей находки. Вотъ она. Въ Изборскѣ одинъ крестьянинъ, распахивая стародавнее кладбище, открылъ два гроба съ костяными скелетами; на черепахъ головныхъ увидалъ онъ въ видѣ короны кольцы змѣеобразныя, а на кости ручной такое жъ кольцо. Тамошній протопопъ выпросилъ у него сіи вещи и привезъ ко мнѣ, а я отдалъ губернатору, отправлявшемуся въ Питеръ и предоставилъ ему честь поднести ихъ графу. Полагаютъ, что это украшеніе отъ языческихъ временъ. Антикваріи могутъ тотчасъ кинуться къ обоготворенію мѣдной Моисеевой змѣи или по крайней мѣрѣ къ почитанію ея у Египтянъ, Грековъ и Римлянъ и даже у одной первыхъ вѣковъ христіанской секты, именуемой Офитами; но для меня довольно произвесть это отъ сопредѣльныхъ Изборску Чухонцевъ. *Гвагнинъ* и *Герберштейнъ* въ своихъ запискахъ свидѣтельствуютъ, что въ Литвѣ и Самогитіи за свято почитаются ужи—змѣи; да и въ Рускомъ простомъ народѣ ужей бить за грѣхъ почитается, ибо они очищаютъ домы отъ лягушекъ и другихъ гадинъ. Гдѣ они ведутся, тотъ домъ будто изобильнѣе и счастливѣе. Посему суевѣры могли употреблять изображенія ихъ и въ наряды и съ ними погребать своихъ мертвецовъ даже и въ христіанствѣ. Вотъ мое изъясненіе. А вы пріищите лучшее. Протопопъ обѣщался и еще пошарить по гробамъ.

А что́ губернаторъ сказалъ графу, будто я въ объѣздѣ по епархіи нашелъ много древностей, то это сказано наугадъ. Нигдѣ ихъ нѣтъ, кромѣ имени мѣстъ. Я только по топографіи замѣтилъ причину, почему древніе Новгородцы никогда не уступали Псковичамъ городовъ Порхова, Холма и Великихъ Лукъ, хотя всѣ сіи города ближе ко Пскову и нынѣ къ нему приписаны. Найденныя же мною монастырскія грамматы не далѣе VI вѣка, и тѣ пустыя только вотчинныя; развѣ только названія урочищъ годятся въ историческую номенклатуру.

Хотя вы и обѣщались *графу* описать и привести въ порядокъ его библіотеку, но вы принимаете на себя неудобоносимое иго по вашимъ

недосугамъ, и особливо естьли туне. Довольно, естьли бы для себя же описали находящіяся у него древности. Онъ безпрестанно ихъ ищетъ и кладетъ только въ кучу. Въ Швеціи едвали чтó найдетъ онъ далѣе XVI вѣка. Еще *Далинъ, государственный* Шведскій *по наряду* историкъ, долженъ былъ всѣ ихъ исчерпать. У старшаго его историка Шведскаго *Локцена* я нашелъ первый актъ Швеціи съ Россіею при Александрѣ Невскомъ. Удивляюсь я, что графскія задачи о Норманскихъ походахъ не рѣшилъ Абовскій университетъ. Въ *Круговой* книгѣ о монетахъ Рускихъ указаны уже источники. *Казимировскій* уставъ, бывшій у меня въ рукахъ, я очень помню; но отъ хлопотъ Новогородскихъ не успѣлъ я тогда списать его.

Казанское общество наше, какъ и самый Университетъ, alto somno dormit. Мерзкій климатъ удалилъ отъ него наилучшихъ профессоровъ, которые вѣрно увезли съ собою много восточнаго сокровища, негоднаго еще Россіи.

У васъ и еще новое общество минералогическое! Минеръ въ Россіи больше всѣхъ земель, а минералоговъ меньше. Но я по несчастію увѣренъ, что и это общество въ Россіи не больше сдѣлаетъ, какъ и прочія. У насъ всегда одинъ членъ больше дѣлывалъ, нежели цѣлое общество. Ссылаюсь на *Фишера* въ Москвѣ и *Каразина* въ Харьковѣ. А наше Московское историческое общество съ прибытія Государя доселѣ не осмѣлилось еще сдѣлать собранія, между тѣмъ какъ всѣ прочія тамъ общества напоказъ дѣлали уже свои и заслужили благоволеніе.

Благодарю вамъ за уставъ минералогическаго общества, литографической листокъ о назначеніи собраній и за эстампъ Бештауской горы. Уставъ написанъ какъ обыкновенно. Но основаніе общества по § 23 очень хило; а для Рускаго общества разговоры и журналы на Нѣмецкомъ языкѣ (по § 18) очень странны; тѣмъ паче, что въ спискѣ членовъ означены нѣкоторые едвали и знающіе по-нѣмецки. Но, по-Рускому обычаю, лишь бы назвать общество и написать уставъ и членовъ, а дѣла хоть не будетъ никогда.

О *Бруноновомъ* толкованіи Псалтири прочтите въ моемъ Словарѣ статью о *Димитріи Толмачѣ*; тогда можете обстоятельнѣе объяснить и графу извѣстіе Новогородца Захарія.

Посмотримъ, что-то Шведская исторія о *Барміи*, переводимая *Форстманомъ*, скажетъ намъ. Вѣрно, тутъ всѣ сказки Исландскія и Стурлезоновы, выписанныя и у нашего *Лепехина* въ путешествіяхъ.

25.

Отъ 25 Генваря 1818 (Псковъ).

Благодарю за увѣдомленіе—хотя и коротенькое по сказанію *Зернова*—объ источникѣ Юстиніановыхъ законовъ въ Судебникѣ *Попова*. Вашъ комисскій Сводъ по указу трудно будетъ присутственнымъ мѣстамъ покупать за недостаткомъ суммы. А лучше бы отъ казны наградить по одному экземпляру губернскія правленія, гдѣ могли бы справляться и другіе.

О Словарѣ моемъ вотъ чтó скажу. Вчера только кончилъ я поправку всего его и не вообразилъ, чтобы столь трудна она была мнѣ надъ разыскиваніемъ по многимъ статьямъ. За то уже все въ новомъ противу экземпляра Историч. Общества видѣ. Перепищикъ мой трудится теперь и по приказу моему пишетъ уже вдвое тѣснѣе. А потому больше 30 тетрадей и не будетъ. Да и въ печати не больше. Слѣдовательно, по вашей смѣтѣ обойдется 1,650 р. на 600 экз. Но для чего же не тиснуть 1,200 экз., кои всѣ будутъ стоить около 2,300 р. съ печатью? За то, естьли продавать по 4 р., выдетъ 4,800 р. Я не требую никакой заплаты за трудъ; но естьли *графу* угодно по возвращеніи своихъ денегъ остальное уступить мнѣ съ вами, то, кажется, отказываться не должно. А я не отчаяваюсь, что всѣ скоро продадимъ. Я возьму въ епархію до 300 и не сомнѣваюсь сбыть по городамъ. Я даже думаю, что и книгопродавцы предложатъ услуги свои для покупки всего завода въ однѣ руки. Объ изданіи полнаго словаря, послѣ утомленія и надъ однимъ отдѣленіемъ онаго, я еще и думать не могу. Источники къ дополненію исторіи о свѣтскихъ писателяхъ гораздо труднѣе и запутаннѣе. Вы думаете, чтобы у *графа* и денегъ уже требовать для обезпеченія сего изданія и для положенія оныхъ въ ломбардъ! А я думаю, что можно бы находящіяся уже у васъ тетради отдать въ цензуру и немедленно пустить въ типографію. На чтò же тутъ ломбардное приращеніе? Чѣмъ скорѣе, тѣмъ ближе къ концу. А долгота жизни человѣческой обманчивѣе торгу книжнаго.

Я съ вами согласенъ въ томъ, что полезно издавать каталоги нашихъ рукописей, и думаю даже, полезнѣе покупки ихъ въ частные кабинеты, отворяющіеся только такимъ людямъ, кои не умѣютъ и не имѣютъ времени со вниманіемъ обозрѣвать ихъ и судить. По каталогу прочитанному найдется изъ сотни хотя одинъ охотникъ за 1000 верстъ рѣшащійся съѣздить посмотрѣть замѣченное на его вкусъ, или по крайней мѣрѣ путешественникъ проѣзжающій будетъ знать, чтó спросить для себя любопытное въ томъ мѣстѣ. Чтò я давно чувствую сію

важную истину, въ томъ ссылаюсь на Словарь мой, въ коемъ тщательно указываю, гдѣ находятся какія рукописи. Этотъ index дороже каталога печатныхъ книгъ, составленнаго *Сопиковымъ*. Я имѣю изъ каталоговъ Московской Патріаршей, Новгор. Софійской, Моск. Архивской, Вологодской, Архангельской и нѣкоторыхъ другихъ библіотекъ такіе индексы и опытомъ дозналъ пользу ихъ. А *Маттева* изданнаго каталога Греческихъ у насъ рукописей ни силы, ни цѣны еще не знаютъ Рускіе. Посему полезнымъ почитаю я изданіе даже каталога рукописямъ, найденнымъ *Строевымъ* въ Волоколамскомъ монастырѣ, а также и *Селакадзевымъ*, для пользы и славы его самого. Новгородскія его руны пустошь. У меня есть собственноручный его списокъ Боянова гимна и нѣкоторыхъ жреческихъ провѣщаній, доставленный мнѣ покойнымъ *Державинымъ*, который и самъ не вѣрилъ сему открытію.

Книги крюковыхъ нотъ мнѣ не въ диковинку. Я ихъ тысячи видѣлъ въ Софійской и прочихъ Новгор. книгохранилищахъ; а также и въ Вологдѣ. Имѣю и свои и подарилъ ихъ Моск. Историч. Обществу, гдѣ они и сгорѣли. Имѣю и теперь грамматику ихъ съ переводомъ на нынѣшнія ноты. Естьли бы графъ захотѣлъ издать ее, я бы сообщилъ, но чтобы оригиналъ возвратить назадъ. Можетъ быть, и Селакадзевы объясненія сихъ нотъ въ прибавленіи годились бы лучше его магическихъ книгъ и Греческой рукописи о *св. и восточной церкви*, для меня сомнительной по 459 году письма ея. Два письма царя *Ивана Васильевича* къ кн. *Курбскому* и одинъ отвѣтъ его и я имѣю. А объ анекдотѣ *Лызлова*, что будто *Матвѣевъ* бояринъ называлъ свою собаку *Никономъ* и проч., скажу, что это вздоръ. Самъ *Никонъ* въ Возраженіяхъ своихъ пишетъ, что не *Матвѣевъ*, а *бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ* имѣлъ сію собаку. Вы это увидите у меня въ біографіи Никона.

Кстати упомянули вы мнѣ о *Малиновскомъ*. Я просилъ у него Псковской лѣтописи, и онъ отвѣчалъ, что оба списка у графа. Спросите его, правда ли? Чтó за распря у васъ ученой цензуры съ полицейскою, объясните мнѣ; жаль, что Spectateur Français запрещенъ, и не знаю, за чтò. А онъ преполезная книга противу революціоннаго философизма. Затѣйливый *В. Н. Каразинъ* не унимается отъ парадоксическихъ прожектовъ. Но когда нибудь за нихъ онъ и пострадаетъ, или счастье, естьли только заставятъ молчать. Онъ хочетъ воскресить вниманіе къ себѣ двора, но поступаетъ, какъ говоритъ *Буало*, rétablit sa gloire à force d'infamie.

Чтó за реторика *Григоровича-Барскаго*, находившаяся у покойнаго *Лагановскаго*? Сочиненіе ли или списокъ, имъ въ Кіевѣ слушанный? Кажется, володягѣ некогда было сочинять реторику.

О *митр. Спиридонѣ*, сочинителѣ житія *Зосимы* и *Савватія,* зналъ я давно изъ каталога Моск. Патр. библ., гдѣ его рукопись находится, и давно онъ у меня вписанъ уже въ мой Словарь. Но ни въ какихъ лѣтописцахъ я его не нашелъ; а въ Росс. іерархію внесенъ онъ изъ іерархіи *Селліевой.* Откуда онъ его взялъ, неизвѣстно. Нѣтъ его и въ каталогѣ митрополитовъ Кіевскихъ, ни у *Кулчинскаго* уніата, ни у *Сильверста Косова;* а, кажется, онъ за унію сосланъ послѣ Исидора митрополита. Полтавская пещера Бѣлченкова естьли въ городищѣ, то ничего больше не значитъ, какъ крѣпостной погребъ, каковые и я видалъ по Калужск. губ. въ древнихъ крѣпостныхъ окопахъ; да и во Псковской губ. въ Великолуцк. у. въ одномъ такомъ погребѣ, лѣтъ тому 12, найдена цѣлая кадка серебряныхъ денегъ Татарскихъ и Рускихъ.

Повторяю мою просьбу о подпискѣ на *Сіонскій Вѣстникъ* и *Карамзинову* исторію.

26.

Отъ 2-го Февраля 1818 (Псковъ).

Орденскій крестъ я сохранно получилъ и покорно благодарю. Теперь посылаю уплаты по счету вашему 100 руб., остальные 1 р. 50 записалъ я на будущій счетъ съ 2 Февраля. За симъ отвѣчаю на два дружескія ваши письма отъ 22 и 24 Генваря. То, что̀ вы пишите о развалинахъ Кафы, употребленныхъ на новыя постройки, было и при *Екатеринѣ II* надъ развалинами Болгарской столицы, ниже Казани по Волгѣ. Поздно уже осмотрѣлись, что камни съ надписями всѣ погребены въ новые фундаменты.—*Стройновскій* прислалъ экземпляръ своей экономіи и нашему вице-губернатору Поляку. Обѣщался и мнѣ показать; но вѣрно во Псковѣ ни одинъ экземпляръ не продастся. Не думаю, чтобы въ Швеціи нашлись Рускія бумаги, кромѣ дипломатическихъ, съ коихъ и у насъ въ архивѣ есть отпуски.—Любопытно будетъ прочитать въ Гамбургскихъ газетахъ сказку о *Криднершѣ.* Здѣсь одинъ только губернаторъ подписался на сію газету, но ни одного № еще не получилъ. Стыдно будетъ нашему вѣку въ потомствѣ.

О Славенской Кормчей, послѣ письма моего къ вамъ о ней, я продолжалъ и продолжаю разысканія. Нашелъ нѣчто и новое; посему вы неполную выписку доставили *князю Лопухину* Вы могли бы нѣкоторыя прибавки и поправки моего прежняго мнѣнія найти въ тетрадяхъ Словаря, у васъ находящихся, подъ статьями *Іосафъ патріархъ* и *Кипріанъ митрополитъ*; но я намѣренъ составить о семъ особую подробнѣйшую статью. Диплома комисскаго я еще не получалъ. Дѣйствительно Петербургское *завтра* очень длинно.—Нашъ министръ финансовъ,

видно, хочетъ учиться у Польскаго, когда нанимаетъ васъ переводить Польскую финансерію, но эта часть и въ самыхъ умныхъ рукахъ всегда затруднительна. Польскіе финансы не такъ сложны, какъ Рускіе на протяженіи слишкомъ 13 тысячъ верстъ. Тутъ и *Неккеръ* запутался бы въ разсчетахъ.

Что *Каразинова* затѣйливая статья не принята въ журналъ «Человѣколюбья» и что вамъ даже совѣтовано беречься такихъ статей, это я въ прошломъ письмѣ къ вамъ какъ будто отгадалъ. Выдумщиковъ въ укоръ другимъ нигдѣ не любятъ. Лучшій способъ укорять другихъ состоитъ въ томъ, чтобы самому сдѣлать лучше другихъ.

Теперь слово о листкѣ замѣчаній вашихъ на мой Словарь. Вы сводите его со статьями «Друга Просвѣщенія», кои самъ авторъ переправилъ уже, и слѣдовательно счелъ уже невѣрными. Посему и трудъ сей для васъ излишній, а для ревизіи Словаря только остановочный. Я возвращаю вамъ сей листокъ съ моими отмѣтками: присовокупляю только здѣсь, чего тамъ помѣстить нельзя, а именно № 1. Названіе *Славенской печати* вмѣсто *церковной* я считаю правильнѣе, ибо азбука Кириллова собственно *Славенская*. № 2. Давидова Псалтирь переводу *Амвросія* *) у многихъ есть; но она презрѣна, ибо оказалось, что переведена не съ Еврейскаго, а съ Латинскаго перифраза, при Еврейск. и Греч. текстѣ напечатаннаго въ Вѣнѣ 1757 г. О ней не стоило бы и упоминать; да и о запискахъ церковной исторіи выдумалъ въ честь его покойный племянникъ его *Бантышъ-Каменскій*, но я въ угоду ему повторилъ тоже. Трактатъ de processione Spiritus Sancti не имъ изданъ, а *Дамаскинымъ Семеномъ-Рудневымъ*. Опытъ о человѣкѣ прекрасными стихами Поповскаго онъ испакостилъ своими вставными стихами, безъ скансіѣ, и пр.; потому что Поповскаго стихи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ счелъ онъ вольнодумными. Типографщикъ отличными буквами ихъ и напечаталъ, а *Новиковъ* въ насмѣшку написалъ въ числѣ ученыхъ трудовъ его. № 3. Аѳанасій Холмогорскій былъ изъ раскольниковъ, но ученый начетчикъ, и слѣдовательно не могъ съ Греческаго поправлять Діонисія Ареопагита, а сводилъ только съ древними переводами.....

Я написалъ это желѣзнымъ перомъ, а потому и худо; но попался въ руки промокучій листокъ бумаги, а потому толстое перо не годилось.

*) Зертисъ-Каменскаго, архіеп. Московскаго.

27.

От 16 Августа 1818 (Псковъ).

Искренное спасибо за два письма и за продолженіе Словаря. Думаю и еще листовъ семь, а всего около 22 листовъ будетъ и во 2-й части, ибо статья о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ очень мелко писана.

Естьли правда, что графъ обѣщалъ 300 душъ пустому волокитѣ *Коцебу*, то позавидуетъ и *Крузенштернъ*; но не много еще публиковано извѣстій о его волокитствѣ, и тѣ пустыя.

Хотя и громкая грамматa дается Лифляндцамъ за крестьянъ, но они примутъ ее не безъ вздоха. Лучше быть полнымъ помѣщикомъ, нежели однимъ землевладѣтелемъ. Согласенъ я съ вами и въ томъ, что неизвѣстно, лучше ли будетъ и крестьянамъ отъ земскаго управленія.

Объ учрежденіи генералъ-губернаторствъ давно слухи, и мнѣ еще въ Ригѣ сказывалъ *Павлучи*, что Псковъ будетъ его вѣдомства. Это безопаснѣе для губернаторовъ, которыми нынѣ деспотически распоряжаютъ и министры, и всѣ команды, и всѣ департаменты Сената; а тогда пусть они вѣдаются съ генералъ-губернаторами. По нашей части этого не будетъ, ибо у насъ кругъ дѣлъ не великъ; да и уложенія для насъ особаго никогда не будетъ, потому что политика во всѣхъ статьяхъ церковнаго права дѣлаетъ насиліе. Кормчая тогда только приводится въ законъ, когда надобно кого осудить. Въ этомъ духѣ почти и всѣ наши указы слишкомъ строгіе и взыскательные.

Что *Гнѣдичевой* версификаціи и вкуса *Гомеровскаго* въ Москвѣ не жалуютъ, это сказывалъ мнѣ и проѣзжавшій на прошлой недѣлѣ изъ Москвы въ Дерптъ извѣстный вамъ профессоръ *Воейковъ*, самъ стихотворецъ. Посему очень естественно, что *Гнѣдичу* Москва не понравилась. Загляните въ № 10 *Вѣстника Европы* въ любопытную статью о Рускомъ стихосложеніи. Это мнѣніе Москвы.

Естьли намѣстническія канцеляріи составятся изъ комитета и экспедицій по всѣмъ частямъ, то на чтò же будутъ министерства? Вы не объяснили мнѣ, на чтó ждутъ и *Сперанскаго* въ Питеръ? А товарищъ его *Магницкій* давно уже у васъ. Неужели они опять пристанутъ къ кабинету или министеріи? По крайней мѣрѣ не будутъ уже такъ горячо работать.

Послѣ *Линдева* Словаря не знаю, нуженъ ли особый Малороссійскій; ибо сей послѣдній, кажется, весь состоитъ изъ Польскаго и Славенорусскаго, а Запорожскій частію изъ Татарскаго и Турецкаго; не знаю также, Гомериста ли это дѣло? *Котляревскій*, для своей Энеиды набиравшій слова по вечерницямъ, больше бы въ этомъ успѣлъ, а

особливо естьли бы поѣздилъ по степнымъ хуторамъ. Городовые жъ гетманцы давно уже забыли свой языкъ и стыдятся его.

Столь же нужно бы собрать словари Суздальскій, Владимирскій, Нижегородскій и Вятскій, гдѣ множество уцѣлѣло донынѣ лѣтописныхъ словъ и поговорокъ Новогородскихъ отъ переселившихся туда съ XV вѣка. Въ Сибири также, начиная отъ Тобольска и Казани до Иркутска, донынѣ произношеніе Новогородское. Тутъ изслѣдованіе полезнѣе Малороссійской смѣси нарѣчій. *Екатерина II* имѣла всѣ сіи словарики.

Вы говорите, что *Карамзинъ* ошибался въ толкованіи словъ. Загляните въ его 13-й томъ (стран. 471), какую безтолковщину пробормоталъ онъ о Владимировой *вирѣ*.

Не одни Харьковцы пореводятъ изъ Польскихъ журналовъ: то и дѣло оттуда же хватаетъ и *Каченовскій*. *Гречъ* вотъ только не любитъ польщизны, (*приписка Анастасевича*: потому что не имѣетъ объ ней, какъ и вообще о существенной Россійской словесности, никакого понятія, или очень поверхностное и школярное, не бывъ самъ никогда писателемъ, а только учителемъ спряженій). Да и въ Русской руководствуютъ его тѣ, коимъ доходно отъ него изъ его стяжанія за реляціи.....

28.

От 2 Сентября 1818 (Псковъ).

Статью о *Исаіи Купинскомъ* отложимъ до будущаго изданія, естьли доживемъ, а прибавленія что-то не гладки для книги. Что безплодное путешествіе Рюрика осмѣяно Агличанами, сего и ждать надлежало. Но увидимъ, каково-то будетъ и ихъ путешествіе къ полюсу.

Кажется, бредитъ Датчанинъ *Раске*, находя въ Алеутскомъ языкѣ Исландскій; во всѣхъ языкахъ можно найти какія-нибудь сходныя слова, но это не будетъ еще сходство языковъ. Числительныя слова почти вездѣ одни отъ коммерціи народовъ, а не отъ грамматики. Что Исландцы, какъ и всѣ Готическіе народы, пришли съ Востока, — это давно извѣстно по исторіи; но никто не повѣритъ, что изъ Алеутскихъ острововъ.

Мнѣніе, что лучше учиться языкамъ по словарной методѣ, нежели по грамматической методѣ, мнѣ кажется невѣроятнымъ парадоксомъ. Въ энциклопедіи, дѣйствительно, и грамматика раздроблена въ словари, но не для изученія языка, а для справки только. Метода *Копчинскаго* по окончаніямъ также безсистемная, и только грамматическая игрушка для выучившихся уже языку; но ученику потребна сперва и всегда грамматика.

Естьли *Карамзинъ* переправитъ свою исторію, то прежнимъ покупщикамъ досадитъ, а *Каченовскій* не упуститъ посмѣяться; но я не куплю уже новаго и буду довольствоваться прежнимъ.

Отказъ *Сіонскаго Вѣстника* и я читалъ въ *Академическихъ Вѣдомостяхъ*; давно бы пора ему замолчать. Но *Голицынъ* за него стоялъ горою; теперь, видно, усмотрѣли цѣль сей якобинщины и образумились, но уже поздно. Но скажите, за что запрещенъ *Духъ журналовъ?*

Письма *Герасимовы* отыщу и вамъ послѣ доставлю.

Историческій Лексиконъ *Татищева* былъ ли авторомъ конченъ, не знаю; а издатель, покойный *Мусинъ-Пушкинъ*, мнѣ сказывалъ, что онъ отыскалъ только то, что̀ издано, и больше нѣтъ нигдѣ; но съ чего вздумалъ онъ раздѣлить изданное на три части, также непонятно. Развѣ это книгопродавческая ухватка. У меня сія книга есть.

Итакъ вы проводили уже Государя, о чемъ и въ *Сѣверной Почтѣ* возвѣщено. А обѣщанныхъ новыхъ реформъ по министерству еще не слышимъ. Правда ли, что *Сперанскій* будетъ министромъ? Куда же дѣнутъ *Лобанова?* Естьли *Магницкій* принялъ уже дѣла въ Питерѣ, то, вѣрно, не возвратится въ Симбирскъ, гдѣ и самъ себѣ и другимъ онъ наскучилъ.

Ваша правда, что въ *Вѣстникѣ Европы* статью о Гомеровскомъ стихотвореніи я, не дочитавши еще конца, почелъ было Московскимъ мнѣніемъ; но вышелъ самъ *Гнѣдичъ* Гомеристъ, котораго новая метода стихотвореній не нравится Москвичамъ. Потомство лучше рѣшитъ сей споръ.

Копіи граммагъ XIII вѣка, полученныя вами изъ Австрійской Польши, очень любопытны. Желалъ бы и я ихъ списать: прошу прислать. Естьли въ граммагѣ *Льва князя* (1301 г.) такія же уступки правъ духовенству, какія въ *Владимировой* граммагѣ, то совралъ *Карамзинъ*, сказавъ, что Владимирова граммата есть изобрѣтеніе новѣйшихъ временъ.

Ваше предложеніе комисскому комитету о повѣркѣ законовъ съ сенатскими подлинниками остановитъ надолго сіе изданіе, ибо трудно все отыскать и въ Сенатѣ, а подьячіе на это лѣнивѣе комисскихъ сочинителей; притомъ сколько и вамъ труда сводить и перечитывать!

29.

От 16 Сентября 1818 (Псковъ).

Вотъ столпилось теперь у меня уже 4 вашихъ письма; а я, сперва готовясь къ храмовому въ своемъ подворьѣ дню 8 Сентября, потомъ хлопотавши надъ угощеніемъ хлѣбоѣдовъ праздничныхъ, а наконецъ отдыхавши и разсчитывавшись долго, не видалъ, какъ и протекло около двухъ недѣль безъ отвѣта вамъ. Теперь исполняю долгъ мой.

Въ доброй часъ *Карамзину* торопить свою исторію, а отъ торопливости надѣлаетъ по крайней мѣрѣ опечатокъ болѣе, нежели въ первомъ изданіи. Но для меня новость, что въ Парижѣ журналистъ *Жофруа*, не читавши еще перевода, напечаталъ уже и критику на сочиненіе. Не читали-ль вы оной, и скажите мнѣ, къ чему наипаче прицѣпился журналистъ?—Описаніе вашего законодѣльнаго комитета трудовъ весьма любопытно; но при такой строгой точности въ корректурахъ невѣроятно, чтобы они и въ 10 лѣтъ кончились: такова всегда была судьба вашей коммисіи составленія уложенія съ 1700 года до днесь и продолжится, можетъ быть, еще на 100 лѣтъ.

О священникѣ, или корпусномъ монахѣ, помѣшавшемся отъ Сіонщины, и я давно слышалъ. Подѣломъ такимъ чтецамъ слабоголовымъ!

Листы Словаря 19 и 20 я получилъ, но не вѣрю, чтобы въ одну недѣлю кончили остальное; ибо статья о *Прокоповичѣ* одна листа на два будетъ и сдѣлаетъ 2-ю часть больше первой; но невелика бѣда.

Вамъ новая должность и въ цензурной полиціи—разсматривать Польскіе каталоги. За то лучше всѣхъ усмотрите Польскую новую литературу, хоть по заглавіямъ, по коимъ, справедливо замѣчаете вы, нельзя судить о книгахъ: и Волтеръ, и Бель часто писали статьи о религіи противъ ея.

Очень поспѣшно и не знаю, равно ли успѣшно, списываете вы *Волынскую лѣтопись*. *Ермолаевъ* изъ зависти постарается отыскивать ваши ошибки. Но сличеніе варіантовъ подлинно каторжная работа. Errata на 1-ю часть моего Словаря пришлю я вамъ въ слѣдующую почту. Графу о намѣреніи возвратить его издержки за Словарь я ничего не писалъ и никому этого кромѣ васъ не сказывалъ; слѣдовательно, вы какъ нибудь проговорились сами; но естьли онъ не возметъ, то я дѣйствительно употреблю сей коштъ на изданіе остальной части Словаря, а барышныя, какъ и прежде обѣщалъ вамъ, раздѣлю съ вами по половинѣ. Verbum nobile debet esse stabile *)!

---

*) Благородное слово должно быть стойко.

Прусской Давидовой хроники я еще не получилъ, а жду нетерпѣливо къ дополненію Псковской исторіи. «Lettres de quelques Juifs P. à *Voltaire*» есть у меня Руской переводъ, напечатанный въ Москвѣ 1788 въ 8-ми частяхъ. Книга прекрасная; не Жиды ее писали, а аббатъ *Guenée*.

Академія, не распродавши еще и прежняго изданія своихъ путешественниковъ, издаетъ и другое. Зато, думаю, прибавлены будутъ и неизданныя донынѣ на Рускомъ; да не прилагаютъ ли они и біографіи своихъ путешественниковъ? Это бы и для моего Словаря нужно. Эпиграмма на издателя очень ѣдка. Остряки хоть къ кому прицѣпятся.

Много благодарю васъ, любезный другъ, за копіи съ граммать Польско-Русскихъ. Наипаче граммата князя *Льва Даниловича* для меня драгоцѣнна. Это доказательство *Владимировой*, въ коей сомнѣвался и *Татищевъ*, и *Карамзинъ*. Не спорю, что *Владимирова* въ послѣдующіе вѣки могла быть размножена прибавками; но основа оной древняя. Я въ своей Церковной Исторіи доказывалъ, что основа сія въ самомъ Ветхомъ Завѣтѣ и въ узаконеніяхъ Іустіановыхъ и Ѳеодосіевыхъ; слѣдовательно справедливо, что она номоканоническая.

PS. Помнится, *графъ* вырѣзалъ на мѣди Новгородскіе Корсунскіе врата. Нельзя ли мнѣ выпросить одного экземпляра; у меня бъ былъ рисунокъ, да отдалъ покойному графу *Мусину-Пушкину*.

30.

От̄ъ 20 Сентября 1818 (Псковъ).

Я отгадалъ, что *Гречъ* не сдержитъ своего слова и продлитъ Словарь, какъ и вы пишете отъ 14 Сентября.

Посылаю выписку *ерратовъ* и вашихъ, и моихъ, разумѣется важнѣйшихъ; а прочія, коихъ вдвое больше, какъ и сами вы замѣтите, я и не выписывалъ по маловажности. Греческія не хотѣлъ я выписывать, зная, что читателей на нихъ мало, но однакожъ выписалъ важнѣйшія, въ коихъ иногда акцентъ и точка спутываютъ смыслъ. Листъ *ерратъ* можно или весь припечатать ко 2-му тому, естьли оба переплетаться будутъ въ одинъ корень, а которые въ два корня, то надобно раздѣлить подъ каждый томъ.... Много благодарю за послужной списокъ *Сопикова*; молодую жизнь его по Москвѣ въ книжныхъ сидѣльцахъ у *Полежаева* я довольно помню; ибо съ тѣхъ поръ съ нимъ знакомъ. На васъ навязываютъ и окончаніе его труда! Не забудьте: Pluribus intentus minor est ad singula sensus. У васъ и безъ того много механическихъ работъ не легче этой. Но, можетъ быть, вы и въ этой успѣете, естьли записки готовы.

Благодарю и за присылку *Городчанинова* подарка. *Графъ* давно уже самъ мнѣ его доставилъ, но я и о сю пору еще не читалъ; а трудовъ Казанскаго нашего Общества видно нескоро мы дождемся. Думаю, что по маловажности содержанія 1-го тома и министръ пренебрегъ представить его Государю. Пусть пока набираютъ почетныхъ, дѣйствительныхъ и недѣятельныхъ членовъ! Кажется, и весь сей университетъ пустой.—*Нарышкинскія* свадьбы довольно замѣчательны. *Шереметева* давно назначали въ женихи.

Съ будущаго Понедѣльника я уѣду дней на 5 изъ Пскова верстъ за 70 въ *Никандровъ монастырь*; а потому не знаю, успѣю ли писать къ вамъ. Труды ваши въ комисскомъ комитетѣ безконечны, а коммиссіи дѣйствительно будетъ стыдно, естьли она издастъ неисправной сводъ, который потомство осудитъ, да и современные подъячіе васъ обличатъ въ невниманіи. Не въ томъ сила, чтобы издать, но каково издать книгу. Дурная хозяйка и изъ пшеничной муки печетъ хуже ржанаго.

Слышно, вашъ свѣтлѣйшій хочетъ въ отставку на покой, а предсѣдателемъ въ Совѣтѣ славятъ у насъ князя *Лобанова* министра.

Мой Словарь во 2-й части, думаю, дойдетъ до 24 листовъ и перевѣситъ первую; а кончивши его, примусь за поправку и свѣтскихъ писателей. Для сего надѣюсь возвратить и Московскій экземпляръ изъ Историческаго Общества, которое едвали не исчезнетъ, какъ пишетъ мнѣ и *Каченовскій*. Предметъ сего Общества труднѣе прочихъ, и меньше къ нему способныхъ людей; а президентъ вовсе и неспособенъ: въ бытность государеву не умѣлъ ни одного собранія сдѣлать.

31.

От 23 Сентября 1818 (Псковъ).

..Теперь слово о переплетѣ. Мнѣ надобно два экземпляра на лучшей бумагѣ, оба тома порознь, въ сафьянѣ съ золотымъ обрѣзомъ для посылки *министру духовныхъ дѣлъ* и *митрополиту*; еще 10 экземпляровъ на бѣлой же бумагѣ въ хорошемъ Французскомъ переплетѣ; оба тома въ одномъ корнѣ. Еще 10 экземпляровъ въ хорошей папкѣ, также оба тома въ одномъ корнѣ, все сіе для разсылки по ученымъ мѣстамъ и пріятелямъ. Прочія мнѣ нужны будутъ уже въ бумажкѣ оба же тома въ одинъ корень; но сколько ихъ выслать мнѣ, послѣ напишу. За сафьянные, кожаные и папковые я заплачу. Вы очень хорошій даете мнѣ совѣтъ, чтобы разсылать подарочные изъ Петербурга чрезъ пріятелей нашихъ, ибо изъ Пскова будетъ труднѣе; но сафьянные, уложивъ сохранно въ ящичкѣ, пришлите ко мнѣ, дабы я отсюда могъ ихъ отправить при письмахъ. Все это дорого мнѣ станетъ;

но такъ и быть.—Прочиталъ я и проектъ новаго Ланкастерорускаго училища, вами мнѣ присланный. Все хорошо, но все не даромъ, а пожертвованія насъ со всѣхъ сторонъ уже истощили. Искусство контрибуціи нынѣ повсемѣственное. — Итакъ вы уже читали въ *Вѣстникѣ Европы* мои примѣчанія на *Мстиславову граммату*. Лѣтъ пять тому назадъ я посвятилъ ихъ *канцлеру;* но завистливые *Оленинъ* и *Ермолаевъ* не одобрили ихъ, и графъ ничего изъ нихъ не сдѣлалъ, кромѣ что вырѣзалъ доску съ грамматы. Послѣ сего мнѣ нечего осталось дѣлать, какъ, пересмотрѣвши вновь и дополнивши кое-гдѣ, посвятить сію статью уже *Каченовскому* журналу, а журналистъ принялъ ее съ восхищеніемъ и мнѣ обѣщалъ прислать особоотпетатанныхъ 50 экземпляровъ; онъ просилъ у меня и доски, но она осталась либо у *Оленина,* либо у *графа.* Такъ-то зависть поперечитъ и безкорыстнымъ трудамъ! При чтеніи статьи вы могли замѣтить, что нѣчто есть тутъ и ваше, мнѣ сообщенное; а о имени моемъ я самъ запретилъ упоминать *Каченовскому*: узнаютъ и безъ того. *Каченовскій* обѣщался мнѣ вырѣзать въ Москвѣ и новую доску; но въ журналѣ уже не обѣщаетъ сего. Развѣ послѣ вздумаетъ.

Непріятно и мнѣ, что въ *Сѣверной Почтѣ* выставлено и мое письмо объ Оршанскомъ камнѣ къ графу: я не люблю выкличекъ.

И я, прочитавши нѣсколько книжекъ журнала *Соревнователя,* не чаялъ ему долгой жизни за пустопныя статьи; но *Духа журналовъ* давно не читаю: декламаціи его мнѣ не понравились.—Итакъ Рюрикъ видно уже не пойдетъ въ другой разъ отъ *графа* около свѣта; а *Коцебово* путешествіе будетъ разъѣзжать уже въ книгѣ съ его портретомъ. Полно, стоитъ ли онъ этого? Да нѣтъ ли у *графа* эстампа его самого? Выпросите мнѣ одинъ экземпляръ.

Что за причина переносу монументовъ *Суворова* и *Румянцова* къ Академіи Художествъ? Тамъ, кажется, и пристойнаго имъ мѣста нѣтъ.

Списки *Руской Правды* новоотыскиваемые умножаются, а мы о сю пору не имѣемъ еще, кромѣ четырехъ изданій: 1) *Шлецерова,* 2) *Татищева,* 3) *Болтина* и 4) Историческаго Общества; 5-е) *Зернова* только что обѣщано, а выйдетъ ли—неизвѣстно. *Малиновскій* и еще лѣнивѣе.

Теперь я отъ васъ ожидаю мнѣнія и рѣшенія, по какой цѣнѣ продавать экземпляръ нашего Словаря; ибо въ цѣнѣ сей и вашъ интересъ, за вычетомъ суммы, издержанной на напечатаніе. Вы книжную торговлю ближе и лучше меня видите. Ста три экземпляровъ и по Псковской епархіи я надѣюсь продать. Пришлите мнѣ ихъ въ бумажномъ или хоть въ папочномъ переплетѣ поскорѣе: оба тома въ одинъ корень; для книжныхъ только лавокъ казистѣе въ двухъ переплетахъ. Кажется, книга сія долго не залежится въ магазинѣ, и естьли доживемъ до дру-

гаго изданія, то пустимъ уже въ смѣси съ свѣтскими статьями. Въ путешествіи своемъ пробуду я дни четыре или пять, а посему почты двѣ къ вамъ пропущу.

Прускую хронику я получилъ и послѣ буду благодарить *графа*; но, перевертѣвши ее, не надѣюсь я много ею воспользоваться, ибо тутъ кое-что есть только о связяхъ Тевтоническаго ордена съ Лифляндскимъ; а до Пскова ничего еще не нашелъ.

32.

От 7 Октября 1818 (Псковъ).

Кажется, я всѣ важнѣйшія ошибки въ обѣихъ частяхъ Словаря выписалъ, а оставленное счелъ ненужнымъ, что и подписалъ внизу для читателей, дабы не считали просмотрѣнными; но вы и еще отъ себя прибавили. Естьли все писать, то было бы въ четверо болѣе...

Цѣну на книгу простой бумагѣ по 10, а бѣлой по 15 выставить ужасно: и книгопродавцы, и покупщики, да и *графъ* назовутъ насъ Жидами. А я не сомнѣваюсь, что книга и году не залежится, а залежится,—я весь заводъ возьму во Псковъ и здѣсь распущу его. По моему мнѣнію довольно, естьли мы положимъ 20 процентовъ на сѣрую и 25 на бѣлую книгу, да столько жъ на коммисію. Но правда, и это выйдетъ 8 рубл. 40 к. на сѣрой бумагѣ безъ переплета. Итакъ чуть-ли не ваша правда. Подумайте и рѣшите; но нехудо бы и *графу* доложить, какъ онъ посудитъ; а его судъ, какъ издателя, для насъ вѣрнѣе всего.

Особыхъ книжекъ примѣчаній на Мстиславову граммату *Каченовскій* мнѣ еще не прислалъ, а когда получу, то удѣлю и вамъ.

О предложеніи *Розенкампфа* я уже писалъ. Естьли бы рукописи были Французскія, то я, зная твердо сей языкъ, неотступно прочелъ бы ихъ очень скоро. Естьли бы даже небольшая книжка и Нѣмецкая, то по не твердости моей въ семъ языкѣ имѣлъ бы я терпѣніе, хотя долго, но разжевать ее Но одной Дерптской исторіи 4 квартана огромные займутъ и Нѣмца не на одну недѣлю, а особливо рукописное и связное письмо.

Чудесный *Велланскій* опять пустился у васъ чудесить своими книгами вѣрно и диссертація его о свѣтѣ и теплѣ будетъ такова жъ, какъ пролюзія и о магнетизмѣ тѣла. А *Галичу* и еще стыднѣе въ исторической матеріи бредить галиматьею; но у всякаго свой вкусъ.

33.

От 14 Октября 1818 (Псковъ).

Прошлую почту за недосугами я упустилъ безъ отвѣта на ваше письмо отъ 5 Октября. Теперь это исполняю. Что *Гречъ* не кончилъ нашего изданія, это не диво отъ захвату многихъ работъ. Много начинающіе обыкновенно ничего скоро не оканчиваютъ. Между тѣмъ переплетчикъ подготовитъ книги къ отдѣлкѣ. О переплетѣ *канцлеровыхъ* экземпляровъ, кажется, надобно справиться; а я между тѣмъ посылаю для доставленія съ книгами письма: 1) митрополиту, 2) министру дух. д. 3) оберъ - прокурору синодскому, 4) *Филарету*—5) *графу Хвостову*, 6) *Шишкову* и Академіи Россійской 7) *Розенкамфу*. Первымъ двумъ сафьянные, 3-му, 4-му и 7-му Французскаго переплета съ золотымъ обрѣзомъ, 5-му и 6-му (съ Академіею 2 экземпляра) въ хорошемъ Французскомъ переплетѣ. Вамъ нѣтъ нужды самимъ заниматься доставленіемъ; а довольно чрезъ кого - нибудь повѣрнѣе разослать книги со вложеніемъ писемъ; можно, обернувши въ бумагу и припечатавши вашею печатью, послать. О исполненіи сего увѣдомьте меня. Всеобщаго словаря своего я еще и не начиналъ просить обратно у соннаго Историческаго Общества; это надобно сдѣлать при посылкѣ туда уже напечатаннаго экземпляра, а между тѣмъ я велѣлъ съ черноваго списывать для поправки, прибавки и проч., а именной списокъ авторовъ, умершихъ уже, теперь вамъ посылаю. Живыхъ я выключилъ; но и въ семъ спискѣ о нѣкоторыхъ навѣрно не знаю, не живы-ли они; а нѣкоторыхъ и умершихъ, какъ напримѣръ—Озерова, Гурьева и другихъ не имѣю біографій. Перваго, думаю, біографія припечатана при изданіи сочиненій, а другаго—въ журналѣ Академіи Наукъ при актахъ, изъ коихъ я почерпалъ всѣ біографіи академиковъ. Можетъ быть, о многихъ есть и въ вашихъ спаргалахъ тетрадныхъ такое, что́ мнѣ неизвѣстно деселѣ. По именному списку авторовъ вы пока отмѣтите ссылки на свои записки. Иностранцы у меня помѣщаются въ Словарѣ только тѣ, кои въ ученой Руской службѣ были, или которые въ Россіи о Россіи что-нибудь писали, хотя бы и не на Рускомъ языкѣ; ибо какъ не присвоить намъ *Ейлера, Палласа, Гмелиныхъ, Гилденштета* и другихъ подобныхъ? Но Лифляндцы и Эстляндцы у меня не входятъ. Въ Словарѣ моемъ не одна словесность, а и науки, для которыхъ нѣтъ различія въ языкѣ. *Евгенія Булгариса* труды, и не въ Россіи писанные, съ нимъ намъ уже усвоены. Переводчики входятъ только древніе и давніе, ибо въ древности и переводъ былъ рѣдкость, сверхъ ихъ и переводныхъ весьма много книгъ, какъ напримѣръ Ве-

ревкинъ и Волчковъ. А съ восточныхъ и древнихъ языковъ переводы и еще уважительнѣе, ибо ихъ у насъ, кромѣ Греческихъ, очень немного; съ Латинскаго даже и донынѣ еще не выучились хорошо и переводить. Когда переписка моего Словаря пойдетъ успѣшно, то я могу по буквамъ вчернѣ же и къ вамъ пересылать для пересмотру и дополненія.

34.

От 18 Октября 1818 (Псковъ).

Отвѣчаю на письма ваши отъ 8 и 12 сего мѣсяца и благодарю за послѣдній листъ Словаря. Ошибокъ довольно: пестры 6 страничекъ. Читатели заглядывать въ нихъ не будутъ, но будущему издателю онѣ нужны. Развѣ *графъ* поморщится на нихъ, видя, что въ Москвѣ книги его исправнѣе печатаютъ; а *Газе* его Парижскій можетъ быть и еще исправнѣе, но долго и сей, и тѣ печатаютъ. Довольно вы мнѣ написали вѣстей отъ *графскаго* обѣда; но скажите мнѣ, что̀ за охота ему была хлопотать о переведеніи моемъ, когда я и самъ не почитаю оное выгоднымъ ни для житья моего, ни для упражненій, требующихъ уединенія? Да и не знаете ли вы причины, что послѣ всеобщихъ у васъ слуховъ о переселеніи моемъ вдругъ это переворотилось? Интриги ли это нашей братьи или министра, или разсчетъ, что я, получивши деньги на постройку дома, долженъ строиться? Но какъ бы то ни было, а я радъ покою и досугу съ Музами. Безъ сего не услужилъ бы я Пскову изданіемъ службъ и житій здѣшнихъ угодниковъ и собираніемъ Псковской Исторіи. Двѣ службы я уже отослалъ въ Московскую цензуру, а и еще готовлю. Для дополненія Псковской Исторіи дожидаю уѣздныхъ свѣдѣній, а историческое почти все начерно кончено; но много надобно еще и перечеркивать. Весьма бы много обязалъ меня *графъ*, естьли бы поскорѣе прислалъ списокъ съ Эрмитажной Псковской лѣтописи.—Московскій отъ *Малиновскаго* уже имѣю, но оный весьма неисправенъ, а съ Эрмитажнаго можно бы его поправить. Напомяните вы ему объ этомъ при первомъ случаѣ. Спасибо ему и за обѣщаніе бюста, за выдачу 150 экземпляровъ оттисковъ *Мстисливовой грамиты*, которые прошу не замедля ко мнѣ прислать. *Каченовскій* пишетъ, что онъ свой рѣжетъ; слѣдовательно ему *графская* доска и ненадобна. А жаль, что и она у него пропала; думаю, прижалъ ее *Оленинъ*, у коего въ домѣ она и рѣзана. О рисункѣ Корсунскихъ дверей напишу я къ владыкѣ Старорускому; у меня было два, но покойники *Мусинъ-Пушкинъ* и *Бантышъ-Каменскій* оттягали, а у самого и не осталось. *Каченовскій* особыхъ книжекъ о *Мстиславовой грамматѣ* мнѣ еще не прислалъ, дожидаясь своей доски, чтобы и при *Вѣстникѣ Европы* приложить рисунокъ; но я, надѣясь на данныя мнѣ *графомъ*, напишу, чтобы онъ, не дожидаясь,

прислалъ книги, а между тѣмъ отъ васъ получу и оттиски и здѣсь вклею. Думаю, вамъ и по почтѣ не тяжело ихъ ко мнѣ переслать. Я не знаю, какъ васъ ввести въ корреспонденцію съ *Каченовскимъ,* съ которымъ и я рѣдко переписываюсь, ибо онъ крайне занятъ. Развѣ не поручить ли вамъ отправить къ нему въ Французскомъ переплетѣ самую книгу *Словаря* въ четырехъ экземплярахъ, одинъ то-есть ему, другой—въ Историческое Общество, а третій лейбъ-медику доктору *Рихтеру.* Вотъ вамъ и случай, а я въ будущую же почту напишу ему о семъ. Еще четвертый экземпляръ тамъ же приложите *Малиновскому;* при отправленіи увѣдомьте и меня. На вопросъ *графскій* и вамъ: какимъ особымъ сочиненіемъ по Руск. исторіи занимается *Каченовскій* отвѣтствую: никакимъ. Еще въ Калугу писалъ онъ ко мнѣ, что хотѣлъ составить классическую археологическую Росс. исторіи книгу; но послѣ и въ *Вѣстникѣ Европы* публиковалъ, что онъ, увидѣвъ *Эверсову* книгу, уступилъ сію честь ему. Теперь онъ щекочетъ только *исторіографа.* Въ послѣднемъ письмѣ между прочимъ, вторично уже благодаря меня *за украшеніе журнала его важною и превосходною статьею,* примолвилъ: *исторіографъ нашъ не истощилъ всей матеріи,—осталось еще довольно...* Видите его расположеніе къ нему!

Чтò за собраніе восточныхъ рукописей, купленныхъ Государемъ за 35 т.? Вѣрно больше поэзія и восточные романы. А *баронъ* вашъ, не довольствуясь славою въ Россіи, хочетъ провозгласить ее и въ Парижскихъ журналахъ. Посмотримъ вашъ переводъ его статьи въ *Сынѣ О.—Аделунгово* постыдное вранье *о Новгородскихъ разговорахъ* и я замѣтилъ. О продолженіи *Селліева* каталога, да и начатъ ли онъ—не знаю; ибо *Бутурлинъ* живетъ во Флоренціи, а въ Россію возвратится развѣ къ будущей веснѣ. Одно только письмо оттуда онъ мнѣ писалъ; но вѣрно тамъ ему не до *Селлія.* Анекдота о *Дилтеѣ,* начавшемъ якобы сводъ Рускихъ законовъ, я не знаю; но знаю и самъ я много списковъ въ листъ видѣлъ въ Украйнѣ своднаго уложенія, дѣланнаго со временъ еще Петра I. *Чулковъ* имъ много воспользовался, да и *Чулкови Словарь Вяземской* не выпускалъ на свѣтъ, и уже самъ *Чулковъ* безъ дозволенія его по университетской цензурѣ напечаталъ. За то оглашенъ и въ газетахъ неисправнымъ.—Благодарю за вызовъ вашъ написать журнальную статью; но чуръ-яснѣе писать и безъ дальнихъ похвалъ. Прилагаю *идею* на сію статью. Прочее прибавляйте, что хотите. Буду ждать *Гадебушеву* Исторію Дерпта, и авось воспользуюсь посредствомъ Нѣмцевъ. Еврейскую грамматику и лексиконъ могу я купить и въ семинаріи, когда пришлютъ. Въ моей *идеѣ исторической* о Словарѣ моемъ, естьли не признаете педантства ученаго, то помѣстите оную; а естьли и вамъ покажется она педантскою, то оставьте и пишите сами, чтò хотите.

35.

От 21 Октября 1818 (Псковъ).

Письмо ваше отъ 16 Октября я третьяго дня получилъ и съ приложеніемъ прокламаціи о нашемъ Словарѣ. Я, пославши вамъ свою идею, думалъ, что вы и меня станете бранить за ученую выкличку; а сами вы еще ученѣе написали. Итакъ оба мы не годимся въ прокламаторы книгъ. Возвращаю вамъ вашъ листъ. Совѣтую отдать и мой и свой *Гречу*, знающему лучше насъ журнальный языкъ. Пусть онъ выберетъ, что̀ самъ сочтетъ приличнѣйшимъ; а тогда и мы увидимъ, что онъ лучше насъ напишетъ. Знанія и вкусъ не всегда бываютъ вмѣстѣ. Для *Тургенева* я не жалѣю экземпляра; но не знаю, какъ благопристойно подарить ему: онъ со мною не въ перепискѣ. А ему подаривши, надобно подарить и *Попову*, такому же фавориту. Подумайте и сдѣлайте, что̀ и какъ пристойно; иначе лучше удержаться...

Съ *Гречемъ* браниться за типографію не нужно; а корректоромъ вамъ быть никогда уже не совѣтую. На первую часть Словаря жалко и взглянуть: естьли бы не дороговизна, то я рѣшился бы ее всю перепечатать, какъ дѣлаетъ *Розенкамфъ*. Къ *Каченовскому* я писалъ уже въ прошлую Пятницу, увѣдомивъ его, что я поручилъ вамъ отправить къ нему 4 экз. Написалъ ему и имя, и отечество, и чинъ вашъ на случай отвѣта; а много мнѣ еще достанется разсылать въ подарокъ свою книгу. Но я не жалѣю и на это издержекъ. Есть люди, которымъ нельзя и не послать.

Безакъ нѣкогда былъ и писателемъ; у меня онъ записанъ въ Словарѣ, но табачный торгъ прибыльнѣе книгъ. Нашъ *Адеркасъ* у васъ. Естьли онъ и услужилъ *Барклаю*, то по душѣ и совѣсти, да и по формѣ пропажи не виноватъ. Въ Петербургѣ непріязненно это растолковали. Но дѣло его поправится скоро, какъ обѣщаютъ. На него по давнему неудовольствію напалъ мин. юстиціи.—*Аделунгъ*, увидѣвъ на рисункѣ Корсунскихъ Новог. воротъ букву «Ъ», но не видавши ихъ самихъ, не знаетъ, что тамъ подъ многими Латинскими надписями вырѣзанъ Руской переводъ уже новою рѣзьбою, конечно, въ Россіи. Смѣшно было бы изъ того заключать, что и ворота Руские; тамъ многіе переводы надписей даже смѣшны. Отъ *Оленина* вы не дождетесь приглашенія на *Сопикову* библіографію. Эти люди любятъ, чтобы ихъ просили о препорученіяхъ и дѣлаютъ оныя изъ милости. Посмотримъ, какой *Газовъ Пселлій*, естьли графъ мнѣ пришлетъ его. А о *Львѣ Діаконѣ* еще видно и слуху нѣтъ. Ученые и вездѣ не поспѣшны, а

хвастуны и еще медленнѣе. Такъ я думаю, что и *Оленинъ*, взявшійся рѣзать рисунки *Коцебува* путешествія, года въ два развѣ кончитъ.

P. S. Мимоходомъ зайдите когда нибудь въ Французскія книжныя лавки и спросите, чего стоитъ книга: Précis de la géographie universelle par m. Malte-Brun avec un atlas de 24 cartes. Atlas supplèmentaire къ сей книгѣ у меня есть.

36.

От 25 Октября 1818 (Псковъ).

На одной почтѣ прошлой вдругъ два письма получилъ я. Я гадалъ, что *графу* только что непріятно будетъ ваше изданіе Словаря; а онъ больше сдѣлалъ и лишилъ оное своего имени. Все это на васъ падаетъ; публика и еще прибавитъ, сколько ни утѣшайте вы себя и меня пользою самой книги. Послѣ сего неудачнаго опыта вѣрно уже заречетесь вы браться за изданіе книгъ. *Графъ* ко мнѣ еще не писалъ ничего; также не получалъ я еще и посланныхъ отъ васъ книгъ; полученіе оныхъ буду отмѣчать, дабы не сбиться въ разсчетѣ.

Графъ, отдавши мнѣ въ распоряженіе полное цѣну Словаря и примолвивъ, что *чѣмъ дешевле, тѣмъ лучше*, обязываетъ меня симъ самымъ по христіански, а не по жидовски оцѣнить сію книгу. Прилагаю при семъ разцѣнку, выше коей прошу отнюдь не публиковать въ газетахъ. Я копію съ сей разцѣнки пошлю и къ *графу*, дабы онъ вѣдалъ: мы не книгопродавцы и своего капитала ничего не тратили; слѣдовательно и проценты намъ не принадлежатъ, развѣ только нужнѣйшіе, безъ убытку; а корыстолюбіе натужное и въ своемъ капиталѣ предосудительно, въ чужомъ же мерзкая черта души. Оно унизитъ насъ во мнѣніи *графа*. При публикаціи въ газетахъ лучше ничего не говорить въ похвалу книги. Въ *Сынѣ Отечества*, столь же извѣстномъ по Россіи, какъ и газеты, довольно будетъ что нибудь примолвить. Можетъ быть, и *Каченовскій* что нибудь промолвитъ; но такъ же напишите къ нему, чтобы имени моего не упоминалъ.

Что *Левъ Діаконъ* вышелъ прежде *Пселлія*, это для насъ, Рускихъ, лучше; но и у *Льва* одно только мѣсто о Святославѣ для насъ любопытно.

Униженіе иностраннаго курса и возвышеніе цѣнъ на наши товары не показываетъ ли запасливости Агличанъ и другихъ Сѣверяковъ на случай войны и смущенія Европы послѣ разъѣзда Ахенскаго?

Естьли продадутъ казенные лѣса въ частныя руки, то и лѣсъ будетъ у насъ цѣлѣе и дешевлѣ. Москва окрестными рощами помѣщичьими и доселѣ довольствуется, а казенныя всѣ истреблены.

Я согласенъ, чтобы всѣ для меня экземпляры переплетаемы были въ одинъ корень; въ лавку можно отдавать либо переплетенные въ бумажку, либо лучше въ листахъ на произволъ книгопродавцевъ, какъ хотятъ себѣ переплетаютъ, ибо у нихъ и въ семъ проценты свои.

Не получалъ я ни отъ *Розенкамфа* рукописей, ни отъ коммисіи вашей добавочныхъ книгъ. Гораздо лучше, естьли бы вы ихъ взяли къ себѣ и при случаѣ прислали. *Гапонову* и *Михайлову* по экземпляру Словаря въ бумажномъ переплетѣ согласенъ я выдать,—услужливѣе будутъ.

Кромѣ отправленныхъ уже вами ко мнѣ 12 экз. и еще требуемыхъ мною 100 въ бумажномъ одномъ корнѣ, остановитесь посылать ко мнѣ во Псковъ: послѣ подумавъ, лучше разочту, куда сколько отправить; а теперь только прошу приказать увязать въ коробъ безъ переплета 300 экз. и по первому пути отправить *въ Москву къ купцу Семену Аникіевичу Селивановскому, живущему въ Москвѣ, на Большой Дмитровкѣ, въ приходѣ Сергія, противъ самой церкви...*

37.

От 28 Октября 1818 (Псковъ).

Письмо ваше отъ 23 Октября только вчера до меня дошло. Худыя дороги замедляютъ ходъ и вашей почты, а о нашей и говорить нечего: она вѣрно въ десять дней до васъ доходитъ, какъ вижу изъ полученныхъ вами подносныхъ моихъ писемъ, которыя теперь вѣрно уже и доставлены съ книгами. Князю *Лопухину* навязываться съ своею книгою, будучи ему неблизокъ, счелъ я неприлично, хотя отнюдь не жалѣю для него экемпляра сафьяннаго. Естьли вы считаете это должнымъ, то прилагаю при семъ и письмо ему; естьли нуженъ и въ коммисію экземпляръ, то дайте во Французскомъ переплетѣ.

Вы пишете, что у васъ была буря и наводненіе; а другіе пишутъ, что былъ еще и пожаръ водочный, плывшій и по рѣкѣ Невѣ до устья. Въ большой столицѣ каждый день нельзя быть безъ новостей...

Вы пишете, что на *Каченовскаго* выстрѣлено уже въ *Сынѣ Отечества*; я сего журнала еще не получалъ. Но вамъ посылаю Московскую безвкусную шутку на *Карамзина*; листокъ сей возвратите мнѣ.

Вы уже принимаетесь по реестру за словарь полный; а у меня онъ все еще только переписывается, и списали уже три буквы; но недосужно мнѣ прочитать его и заняться. Сія часть для меня труднѣе духовной, и я менѣе имѣю источниковъ.

Графу совѣтывалъ бы я вамъ поднести не бумажные экземпляры, а часть во Франц. и часть въ сафьянномъ корешкѣ—и всѣ на бѣлой бумагѣ: для него намъ скупиться не должно...

38.

От 1 Ноября 1818 (Псковъ).

Безъ переплета чуръ дороже 4 рубл. не пускать въ лавку. Я твердо стою въ сей цѣнѣ, хотя вы и пишете, что будто *графъ* согласенъ и на бóльшую цѣну; пусть онъ увидитъ, что я отнюдь не ростовщикъ на его капиталъ и доволенъ очень его милостію....

Я надѣюсь, что вы *Розенкампфа* рукописи пришлете ко мнѣ вмѣстѣ въ коробѣ съ книгами Словаря, а также и продолженіе коммисскаго свода. За книжку Рускихъ коммисскихъ институцій in 8° благодарю; но я не успѣлъ еще осмотрѣть ее.

Графу думаю не очень пріятно, что *Карамзинъ* съ товарищами успѣлъ таки увѣрить его, что *Рогволодовъ* камень не надгробный, а ему хотѣлось объявить оный такимъ. Великое дѣло затѣваетъ онъ, чтобы издать всѣ любопытныя рукописи, въ моемъ Словарѣ упоминаемыя. Хоть бы одного *Максима Грека* издалъ, и за то спасибо бы ему. Онъ въ духовной Московской цензурѣ уже 10 лѣтъ валяется, взятый изъ Новгородской Софійской Библіотеки.

Жду отъ васъ нетерпѣливо оттисковъ *Мстиславовой грамоты*, данныхъ вамъ *графомъ*; а до тѣхъ поръ не пришлю и я вамъ ни одного экземпляра примѣчаній.

Что за кормчую XIII или XIV вѣка нашелъ *графъ*? Загляните въ нее и скажите мнѣ.

Отъ *Эверса* больше всѣхъ можно ожидать свода нашей *Руской Правды* съ сѣверными законами; но больше ничего, ибо онъ плохо знаетъ Руской языкъ.

Какая вамъ сказана отъ *Баранова* интересная библіографія Руско-нѣмецкихъ писателей, не знаю; но знаю что въ Митавѣ надворный совѣтникъ Recke собираетъ всеобщій словарь писателей и ученыхъ трехъ Балтійскихъ нашихъ провинцій....

Прилагаю при семъ еще три письма къ синодальнымъ: Грузинскому *Варлааму*, Ярославскому *Антонію* и Тверскому *Серафиму*. Прошу отослать къ нимъ три экземпляра Французскихъ въ одномъ корнѣ съ золотымъ обрѣзомъ. Но зачѣмъ вы сами исправляете почталіонскую должность? Коллежскому совѣтнику это уже низко.

39.

От 8 Ноября 1818 (Псковъ).

Благодарю за доставленіе *князю* *) экземпляра, я имѣю уже отъ него и благодарный отвѣтъ. Но естьли до него доходить труднѣе, нежели въ рай (по выраженію Попова), то я на вашемъ мѣстѣ не пошелъ бы къ нему. Отъ *Розенкамфа* теперь имѣю отвѣтъ съ обѣщаніемъ рукописи; но и мнѣ надобно отвѣчать ему благодарностію, а теперь не успѣваю....

Получилъ я и отъ *канцлера* горькую жалобу на уродливое наше изданіе; но посердившись утихнетъ, когда и авторъ перестанетъ уже досадовать. Отъ *графа С. П. Румянцова* я ничего не получалъ о церковныхъ книгахъ, а отвѣчать о эпохахъ ихъ по именамъ самихъ авторовъ легко. *Аллацій* о семъ писалъ цѣлую диссертацію; но то бѣда, что мнѣ такими выписками заниматься некогда,—онѣ отвлекаютъ отъ другихъ текущихъ дѣлъ. Благодарю за увѣдомленіе о вызовѣ *Гликсберга* на выписку заграничныхъ книгъ; но надобно видѣть каталогъ Лейпцигскій....

Я согласенъ, чтобы вы свои экземпляры напередъ пустили въ продажу: пусть мои лежатъ. Вы-таки по своему поставили книгу въ продажу по 10 рублей; очевидно, что вамъ на свою долю хочется получить больше тысячи; пусть будетъ по вашему, но въ семъ случаѣ прибавочные мои 25 экземпляровъ обратите уже въ заплату за переплетъ. Я свои не пущу болѣе 5 рублей съ лавочною накладкою; 25 прибавочные пусть идутъ съ вашими въ рядъ по 10 рублей, дабы скорѣе уплатить переплетъ....

О журнальныхъ отзывахъ въ разсужденіи Словаря, хотя бы вовсе не было, я не забочусь: книга сама себя отрекомендуетъ. Пусть и *графъ С. П.* замарываетъ послужные списки; но когда они помѣщаются и въ иностранныхъ словаряхъ, и въ академическихъ похвальныхъ словахъ умершимъ ученымъ, то это не лишнее и въ моей книгѣ; а на вкусъ всѣхъ угодить нельзя. Мой Словарь о писателяхъ, а не о книгахъ однихъ. Хорошо что *Гликсбергъ* вызвался на вашъ Польско-рускій словарь: эта пренужная для обѣихъ націй книга. Поспѣшайте! *Памва Берында* послѣ сего не нуженъ будетъ, ибо въ немъ большая половина польщизны; а иное и безъ него ясно.

Успенскаго отвѣтъ критику я читалъ: писанъ сердито, краснорѣчиво и не вездѣ основательно. *Елагина* онъ напрасно приставилъ къ *Татищеву*, а еще напраснѣе въ доказательство сослался на *Сестренцевича* съ такою похвалою, какой за древности никто ему не приписывалъ; а *Шлецеръ* одурачилъ даже всю его *Исторію Тавріи*.

*) А. Н. Голицыну, об.-прокурору Св. Синода. П. Б.

преисполненную ложныхъ ссылокъ, собранныхъ на показъ, и гипотезовъ самыхъ странныхъ и вздорныхъ. Желалъ бы я, чтобы онъ или другой кто побольше написалъ апологъ *Татищеву* противу *карамзинистовъ*.

Лондонской книги *Histoire de la Russie* réduite aux seuls faits importans я не видалъ и не слыхалъ. Иностранцы почти всѣ бредятъ о Руской исторіи, списывая одинъ у другаго, а не видавши нашихъ коренныхъ лѣтописей. По крайней мѣрѣ хотя бы *Шлецера* они прочитали; они думаютъ всю исторію замѣнить рѣзкимъ и рѣшительнымъ тономъ. О завѣщаніи *Екатерины II* и я слыхалъ, но не видалъ; а завѣщаніе *Петра Великаго* наслѣдникамъ и у меня есть *)....

40.

Отъ 11 Ноября 1818. (Псковъ).

Вамъ по первоначальному моему обѣщанію принадлежитъ по моему разсчету 135 экземпляровъ, и больше ничего; ибо

..1) Разсчетъ мой переплетовъ и пересылокъ=200 р. превышаетъ уже сію сумму.

2) Вмѣсто 1375 р. (по прежнимъ вашимъ же увѣдомленіямъ), заплаченныхъ *графомъ* за бумагу, теперь долженъ я, по послѣднему письму вашему, поставить на свой счетъ уже 1785 рублей.

3) Вы съ продажи получать уже будете свои наличныя деньги, а я въ ожиданіи вашей распродажи долженъ доплачивать за переплеты и пересылки свои наличныя деньги, коихъ возвращенія долженъ долго дожидаться.

25 экземпляровъ изъ своей половины прибавочно обѣщалъ было я вамъ, разсчитывая 135×на 4=540 и почитая сіе для васъ мало, а теперь по вашему положенію 135 × на 8 уже=1080 р.; а естьли вы полагаете еще дороже, то очень довольно для васъ. Иначе я уже останусь назади васъ; а не знаю, съ чего вы взяли полагать, что будто я не только экземпляры, но и какую-то барышную сумму, которая и по разсчету моему особо отъ экземпляровъ существовать не можетъ, вамъ уступаю.

Счетъ я давно послалъ и *графу* точно такой какъ вамъ; теперь должно въ поправку онаго еще написать, что 1375 вмѣсто 1785 поставлено ошибкою, и потому должно цѣну книги возвысить.

Несчастный по всѣмъ отношеніямъ мой Словарь ввелъ меня въ непріятные съ вами разсчеты, и потому для прекращенія оныхъ прошу принять отъ меня послѣднюю просьбу:

---

*) Оба завѣщанія подложныя. П. Б.

1) Ваши 135 экземпляровъ, отдѣливши отъ моихъ, прочіе всѣ мои не переплетенные отдайте переплести въ бумажный переплетъ въ одинъ корень; а на уплату за всѣ прежніе переплеты и за остальные посылаю при семъ чрезъ Михайлу Михайловича *400 рубл.*; естьли чего не достанетъ, прошу увѣдомить: немедленно вышлю.

2) Естьли въ Москву еще не отослали къ *Селивановскому* 300 экземпляровъ, то отошлите уже 400, да переплетенныхъ въ бумажку 200 отдайте М. М. Михайлову, коему я о семъ и пишу.

3) Остальные всѣ прошу отправить ко мнѣ. По полученіи, я ихъ разберу бѣлые отъ сѣрыхъ и пришлю вамъ во всѣхъ отчетъ.

Симъ кончатся всѣ ваши и мои разсчеты, споры и притязанія, а счетъ и вашъ, теперь мнѣ присланный, очень не вѣренъ въ итогахъ; сіе послѣ объясню...

41.

От̆ъ 28 Декабря 1818. (Псковъ).

Среди праздничныхъ, и церковныхъ, и мірскихъ развлеченій успѣваю однакоже отвѣчать на письмо ваше отъ 21 Декабря. О проѣздѣ Государя ночью, не сдѣлавшаго намъ никакихъ хлопотъ, я уже писалъ вамъ *). Мѣсяцъ Декабрь журнала *Соревнователь* пришлите мнѣ для списанія вашей росписи журналовъ, или хоть и цѣлый годъ прошлый сего журнала мнѣ пришлите; такъ и быть займусь чтеніемъ и, высосавши все мнѣ нужное, возвращу вамъ съ благодарностію, какъ обыкновенно съ журналами дѣлаю.

Пока *Сумова* исландщина появится на Рускомъ языкѣ, мы должны довольствоваться *Маллетомъ* и *Далиномъ*. Первый изъ сихъ, при всей своей краткости, лучше послѣдняго вруна, недостойно названнаго государственнымъ историкомъ. Но и въ семъ есть многія нужныя намъ подробности, коихъ у другихъ нѣтъ; впрочемъ, *Локценова* исторія лучше для меня и *Далиновой* въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. *Локценова* особая книга Antiquitates Sveo - Gothicae драгоцѣнна для сличенія съ нашими древностями: весьма много тутъ похожаго и у насъ. О Печенѣгахъ и Козарахъ сѣверные историки не могутъ знать ни откуда кромѣ Византійцевъ; но въ нашихъ лѣтописяхъ больше. Они даже и о Славенахъ по большей части бредятъ.

Въ добрый часъ *Уварову* описывать Академическую библіотеку и издать каталогъ оной. Изданный 1742 года теперь совсѣмъ не годится, ибо Академія послѣ того горѣла, и многое растеряно, а еще больше прибыло. У насъ въ Россіи много добра, но мы ему не знаемъ ни цѣны, ни счета.

---

*) Письма этого не сохранилось.

Вы спрашиваете, не найдетъ ли что *Еверсъ* прибавить къ росписи моихъ писателей? Нѣмцу, не знающему Рускаго языка иначе какъ по грамматикѣ и лексикону, что̀ можно прибавить? Притомъ Нѣмцы все берегутъ для себя и никогда прежде выпуска книгъ своихъ не сообщаютъ никому. Скорѣе отъ васъ дождусь я дополнительнаго списка; у васъ вѣрно и всѣ писцы разбросанныхъ статей и стишонковъ по новѣйшимъ журналамъ также въ числѣ писателей. Но такихъ нынѣ тысячи.

Дочиталъ я присланное мнѣ вами *Лерберіово* описаніе Югры и гаданія его о ней, якобы за Уральскими горами, но не увѣрился. Вогуличи, нынѣ живущіе за хребтомъ горъ въ Тобольской области, предкамъ нашимъ извѣстны стали сперва по сю сторону хребта и отсюда часто набѣгали на Устьвымь и ближнія Зырянскія мѣста. За хребетъ они, кажется, удалились уже отъ Рускихъ и уже *Ермакомъ* совершенно покорены. Вѣроятнѣе *Югрія* или *Угорія* названа землею у горъ, а не за горами. Новогородцы едва ли осмѣливались переходить за горы. Упоминаемый походъ 1483 г. къ рѣкѣ Оби очень поденъ для Новгородцевъ, а Югра упоминалась уже въ XI вѣкѣ. Кажется, желаніе доказать, что Сибирь издревле, еще до Ермака, была уже Рускою, водило перомъ *Лерберга*. Увидимъ, что-то соревнователи переведутъ изъ прочихъ *Лерберговыхъ* статей. О *Ямѣ* за Финскимъ заливомъ давно уже доказано *Арцыбашевымъ*. О договорѣ Новгородцевъ съ Готландцами давно читали уже мы въ *Вѣстникѣ Европы*. Днѣпровскіе пороги много занимали и *Татищева*, и *Шлецера*, и *Добровскаго*, и *Дурича*. Что̀ скажетъ намъ Лербергъ? Казарской Саркелъ неужели и по его мнѣнію на Сѣверѣ?...

(Продолженіе будетъ.)

КЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКАГО АНГЛІЙСКАГО КЛУБА.

Въ палатѣ Англійскаго клоба—
Народныхъ засѣданій проба—
Онѣгинъ, въ думу погруженъ...

Пушкинъ.

Пушкинъ, въ краткіе сроки своего Московскаго житія, посѣщалъ Англійскій клубъ, въ которомъ въ его время соединялись главные представители Московской знати и образованнаго Общества. До 1833 года онъ былъ и его членомъ (какъ видно изъ письма его къ женѣ отъ 27 Августа этого года). Клубъ находился тогда уже въ нынѣшнемъ своемъ помѣщеніи на Тверской. „Львы на воротахъ", упоминаемые въ „Евгеніи Онѣгинѣ" при описаніи Москвы, и до сихъ поръ уцѣлѣли. Зданіе это, нынѣ принадлежащее П. И. Шаблыкину, воздвигнуто графомъ *Львомъ* Кириловичемъ Разумовскимъ еще до 1812 года. Выраженіе Пушкина *палата* вполнѣ соотвѣтствуетъ обширности и красотѣ этого дома, хотя Пушкинъ въ этомъ случаѣ играетъ словомъ и намекаетъ на политическія пренія Англійской палаты лордовъ. Въ приведенныхъ выше стихахъ конечно рисовался его воображенію пріятель его Петръ Яковлевичъ Чадаевъ; онъ почти ежедневно проводилъ въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ досуги холостой своей жизни, и многія черты Чадаева, какъ извѣстно, Пушкинъ придалъ своему Онѣгину (напр. въ описаніи кабинета и образа жизни). Къ тому же Чадаевъ въ клубѣ не игралъ въ карты, а постоянно былъ центромъ кружка людей, обсуждавшихъ тогдашнія дѣла. То было время, когда и государь Николай Павловичъ иной разъ справлялся, что́ говорятъ о той и другой правительственной мѣрѣ въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ. Позднѣе написаны и стихи о томъ, начинавшіеся такъ:

Чета Московскихъ краснобаевъ.
Михаилъ Ѳедровичъ Орловъ
И Петаръ Яковличъ Чадаевъ
Витійствуютъ средь пошляковъ....

Хотя и Пушкинъ относился иронически къ этимъ политическимъ толкамъ, тѣмъ не менѣе Московскій Англійскій клубъ несомнѣнно имѣлъ видное общественное значеніе, и нѣкоторыя черты его исторіи могутъ быть любопытны. У А. Н. Столпакова сохранилась тетрадь, подъ нижеприводимымъ заглавіемъ, составленная вѣроятно кѣмъ-либо изъ членовъ клуба. Приводимъ изъ нея выдержки. Надо замѣтить, что Московскій Англійскій клубъ основанъ, по преданію, еще при Екатеринѣ. Павелъ приказалъ закрыть Англійскіе клубы въ Москвѣ и Петербургѣ, вѣроятно вслѣдствіе разрыва нашего съ Англіею въ послѣдніе мѣсяцы его царствованія. При Александрѣ Павловичѣ клубъ возобновился. П. Б.

Извлеченіе изъ журналовъ гг. старшинъ Московскаго Англійскаго Клуба со дня открытія онаго, то есть съ 1802-го года, обстоятельствъ почему либо достопамятныхъ.

1802-го г. Іюля 12-го открытъ Московскій Англійскій клубъ при 400-хъ записавшихся гг. членахъ въ нанятомъ по условію домѣ, принадлежащемъ малолѣтнымъ князьямъ Гагаринымъ [1]) за 6000 рублей въ годъ.

Іюля 24-го дня, по балотированію, къ 400-мъ прибавлено еще 100 человѣкъ. При балотированіи сихъ членовъ не избраны: Иванъ Яковлевичъ Сокаревъ, Иванъ Андреевичъ Барнашевъ.

Декабря 20-го дня, по балотированію, къ 500-мъ прибавлено еще 100 человѣкъ. При семъ не избраны: Маркелъ Демидовичъ Мѣщаниновъ, Алексѣй Ивановичъ Яковлевъ (по предложенію за подписаніемъ 56 членовъ вновь балотированъ и избранъ 1807-го года), Петръ Стоговъ, Сила Сандуновъ.

Исключенъ изъ общества, по балотированію, докторъ Галлиндей, за разглашеніе во многихъ домахъ, что онъ имѣетъ сомнѣніе какъ въ цѣлости кассы, такъ и въ вѣрности счетовъ, ввѣренныхъ одному изъ господъ старшинъ князь Дмитрію Евсѣевичу Циціанову [2]), чего однакоже по свидѣтельствованіи всѣми старшинами не найдено.

1803 г. платилось за обѣдъ 1 рубль, за ужинъ 75 коп. Были выписываемы клубомъ газеты: С.-Петербургскія 16 р., Московскія 9 р., Коммерческія Вѣдомости 8 р., Сенатскія объявленія С.-Петербургскія 14 р., Московскія 8 р., Новости Русской литературы 6 р., Вѣстникъ Европы 12 р., Патріотъ, журналъ воспитанія 10 р., Политическій журналъ 6 р. Всего на 89 рублей. Иностранныхъ на 709 рублей.

1805 г. балотировано предложеніе г-на Приклонскаго о допущеніи быть посѣтителями клуба безъ всякаго ограниченія, какъ въ обрядѣ постановлено. Баловъ бѣлыхъ 17, черныхъ 61.

---

[1]) Нынѣ Екатерининская больница, за Страстнымъ монастыремъ. П. Б.

[2]) Извѣстный выдумщикъ и острословъ, котораго анекдоты записаны А. С. Пушкинымъ. Это былъ родной дядя братьевъ Россети и А. О. Смирновой. Будучи очень щедрымъ и гостепріимнымъ человѣкомъ, онъ весь прожился, и его на старости лѣтъ содержала его прислуга. Онъ преспокойно увѣрялъ своихъ собесѣдниковъ, что въ Грузіи очень выгодно имѣть суконную фабрику, такъ какъ нѣтъ надобности красить пряжу: овцы родятся разноцвѣтныя и при захожденіи солнца стада этихъ цвѣтныхъ овецъ представляютъ собою прелестную картину. Когда племянники просили у него денегъ купить дождевые зонтики, онъ совѣтовалъ имъ слѣдовать его примѣру: въ моей молодости, говорилъ онъ, зонтикъ былъ мнѣ только лишнею обузою, и я умѣлъ пробираться между каплями дождя такъ прекрасно, что никогда не промокалъ (слышано отъ Аркадія Осиповича Россети). П. Б.

1806 г. Марта 3-го дня празднество прибывшему въ Москву князю Петру Ивановичу Багратіону [3]).

1807 г. Іюля 1-го утверждены цѣны въ таксѣ кондитеру: стаканъ лимонаду 10 к., аршаду 10 к., кофе порція 25 к., кофе чашка 10 к., чаю порція 25 к., чаю чашка 10 к., бутылка меду 5 к., рюмка мороженаго 20 к., рюмка ликеру 30 к. [4]).

1807 г. Октября 1-го условіе съ канцеляристомъ Коровинымъ о принятіи имъ на себя должности бухгалтера.

1811-го года Мая 24-го дня обѣденные и ужинные столы отъ содержателя оныхъ принять на счетъ конторы изъ общей клубной суммы, по балотированію.

1811. Іюня 15-го опредѣленъ кухмистромъ клуба князя Гагарина крѣпостной Самойло Ѳедоровъ, съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ.

1812 г. Февраля 1-го опредѣленъ экономомъ городовой секретарь Иванъ Антоновъ Тонъ.

1813 г. Марта 1-го дня, по очищеніи столицы отъ непріятеля, нанятъ домъ г-на Бенкендорфа, что̀ на Петровскомъ бульварѣ [5]) за 5000 р. въ годъ, гдѣ и открытъ клубъ съ публикаціею о томъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

1813. Апрѣля 14-го дня, вновь вступившіе старшины, замѣтивъ, что по книгѣ ежемѣсячныхъ балансовъ или отчетовъ за Іюнь, Іюль и Августъ въ ту книгу вовсе не записаны, а по послѣднему балансу къ 1-му Іюня значится въ остаткѣ за расходомъ наличныхъ денегъ 1977 р., да въ теченіе тѣхъ незаписанныхъ мѣсяцевъ поступили въ приходъ за карты и биліардныя партіи и получено изъ капитала (въ Сохранной Казнѣ Опекунскаго Совѣта имѣющагося) 10.000 р. съ процентами, а потому отнеслись о томъ къ бывшимъ старшинами клуба въ 1812-мъ году, изъ которыхъ г-нъ Еропкинъ отвѣтствовалъ, что балансы тѣ не записаны въ книгу за приключившеюся болѣзнію бухгалтера, а оставшія и поступившія въ приходъ деньги употреблены

---

[3]) Блестящее описаніе этого обѣда у графа Л. Н. Толстаго въ его романѣ „Война и Миръ". „Большинство присутствовавшихъ были старые, почтенные люди съ широкими самоувѣренными лицами, толстыми пальцами, твердыми движеніями и голосами". О Московскомъ Англійскомъ клубѣ говорится и въ „Аннѣ Карениной". „Тутъ были самые разнообразные, старые и молодые, и едва знакомые и близкіе люди. Ни одного не было сердитаго, ни озабоченнаго лица. Всѣ, казалось, оставили въ швейцарской съ шапками свои тревоги и заботы и собирались неторопливо пользоваться матеріальными благами жизни. „Его (Левина) охватило впечатлѣніе отдыха, довольства и приличія". Вотъ эти-то черты и досселѣ составляютъ приманку Московскаго Англійскаго клуба. П. Б.

[4]) Любопытно, что эти цѣны и до сихъ поръ почти не измѣнились.

[5]) Нынѣ княгини О. П. Ливенъ. Бульваръ называется теперь Тверскимъ.

за наемъ клубнаго дома съ 12-го Іюня 1812-го за полгода. На обмундированіе офисіянтовъ, на заплату за купленныя дрова, вина, водку и пиво, на содержаніе обѣденныхъ и ужинныхъ столовъ въ добавокъ къ полученному за то и остальные на обыкновенные мѣсячные расходы, а что за всѣмъ тѣмъ къ 1-му Сентября 1812-го года наличныхъ денегъ въ остаткѣ ничего не осталось; а вывезено имъ г-мъ Еропкинымъ для сбереженія билетовъ Сохранной Казны 45050 р., да экономомъ Тономъ все имѣющееся въ клубѣ серебро столовое; прочее-жъ имущество клубное и оставшіеся въ наличности заготовленные припасы остались въ домѣ, клубомъ занимаемомъ, которые тутъ и сгорѣли.

1813. Маія по 3-е число было возобновившихъ билетовъ на 1813-й годъ гг. членовъ въ число 600 персонъ 388; слѣдовательно выбылыхъ 212; кандидатовъ же предлагаемыхъ въ члены только 172. Почему старшинами положено, за замѣщеніемъ того числа кандидатовъ, незамѣщенныя 40 вакансій оставить преимущественно для гг. бывшихъ членовъ, если кто изъ нихъ возобновить пожелаетъ, о чемъ публиковано въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Протестъ старшины г-на Хомякова [6]) о нарушеніи правилъ обряда приступленіемъ къ избранію старшинъ въ присутствіи неполнаго числа членовъ и о прочихъ отступленіяхъ отъ обряда клуба.

1813. Октября 6-го дня уволенъ кухмистръ Николай Волковъ и принятъ г-на Булгакова Ларіонъ Аѳанасьевъ съ жалованьемъ по 600 рублей въ годъ.

1813. Іюля 31-го дня нанятъ домъ г-на Муравьева [7]) за 8000 рублей въ годъ и перемѣщенъ туда клубъ.

1813. Ноября 12-го дня пожертвовано въ пользу инвалидовъ изъ общей клубной кассы 4000 р. по подпискѣ 103-хъ членовъ.

1814. Мая 9-го дня. По предложенію г-дъ старшинъ, утвержденному подпиской 190 персонъ г-дъ членовъ, постановлено: получать за билетъ вмѣсто 25 р. по 50 р. асс., о чемъ и публиковано въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

1815. Марта 17-го дня, предложенный отъ члена г-на Сибилева изъ кандидатовъ въ члены г-нъ Чатскій, по балотированію, не избранъ: положено баловъ бѣлыхъ 67, черныхъ 42. По сомнѣнію предлагавшаго вновь перебалотированъ, и тоже не избранъ: положено баловъ бѣлыхъ 48, черныхъ 29.

---

[6]) Отецъ А. С. Хомякова, Степанъ Александровичъ? П. Б.

[7]) На Большой Дмитровкѣ, гдѣ потомъ помѣщалась Муравьевская школа колонновожатыхъ, а въ наши дни Катковскій Лицей. П. Б.

1815. Марта 22-го дня предложено было на балотированіе, чтобъ назначенный къ полученію штрафъ съ половины втораго, получать съ 2-хъ часовъ по полуночи; а по балотированію отвергнуто, и оставлено полученіе какъ и до сего было.

1815. Марта 27-го жалованья повару прибавлено, и назначено въ годъ по 1000 рублей.

1815. Октября 9-го членъ сего клуба г. Бильфельдъ исключенъ изъ общества по балотированію за грубыя и обидныя изреченія члену-же клуба г-ну Протасьеву.

1816. Ноября 1-го дня балотировано письменное извиненіе предъ обществомъ члена князя Касаткина-Ростовскаго въ непріятностяхъ сдѣланныхъ имъ въ клубѣ въ присутствіи многихъ одному изъ сочленовъ, а по балотированію таковое извиненіе не принято и забалотировано.

Ноября 2-го дня князь Касаткинъ-Ростовскій, отказываясь отъ званія члена, возвратилъ свой билетъ, вслѣдствіе чего старшины положили: какъ таковое желаніе г-на князя Касаткина-Ростовскаго согласно съ волею г-дъ членовъ изъявленною при балотированіи, то его князя Касаткина-Ростовскаго изъ числа членовъ клуба исключить.

1817. Февраля 17-го г. членъ клуба Иниховъ, посѣтителю клуба изрѣченіемъ грубыхъ и обидныхъ выраженій, навлекъ на себя присутствующихъ при томъ членовъ неудовольствіе, которые и просили поступить съ нимъ по уставу клуба. Старшины, приступая къ тому, получили отъ него г-на Инихова письменное отношеніе, коимъ онъ, признавая свой поступокъ, отъ званія члена отказался и изъ членовъ клуба исключенъ.

1818. Февраля 1-го дня предложено на балотированіе о пожертвованіи въ учреждающійся въ Москвѣ Попечительный Комитетъ о бѣдныхъ по письменному отношенію министра просвѣщенія князя Александра Николаевича Голицына 4000 р.; но при наступленіи балотированія бывшіе въ клубѣ гг. члены изъ числа 110-ти и 107 персонъ учинили подписку и просили гг. старшинъ пожертвовать таковую сумму безъ балотированія, что̀ и исполнено.

1819. Ноября 9-го дня. Журналъ гг. старшинъ о возвращеніи сотоварищу ихъ г-ну Демидову мнѣнія его, положеннаго имъ въ газетной на столѣ безъ предваренія о томъ сотоварищей своихъ и въ противность 29-й статьи обряда, съ тѣмъ, что, буде онъ желаетъ довести оное до свѣдѣнія гг. членовъ, то руководствовался бы постановленными на то правилами.

1819. Ноября 14-го дня (журналомъ гг. старшинъ) получено отъ сотоварища ихъ г-на Демидова письменное отношеніе, при коемъ, прилагая мнѣніе его о большихъ убыткахъ отъ обѣденныхъ и ужинныхъ

столовъ, приготовляемыхъ вновь принятымъ поваромъ Игнатьемъ Григорьевымъ и могущемъ быть отъ того ущербѣ клубнаго капитала, просилъ то его мнѣніе довести до свѣдѣнія гг. членовъ. Вслѣдствіе чего шесть старшинъ мнѣніе г-на Демидова и собственное ихъ по сему предмету предложили на балотированіе общества, съ тѣмъ, что балы бѣлые утверждають, а черные отвергають мнѣніе ихъ шести старшинъ. По открытіи же ящика оказалось, что мнѣніе тѣхъ шести гг. старшинъ не утверждено. По сочтеніи шаровъ и подписаніи о томъ журнала, шестеро гг. старшинъ отъ званія старшинъ отказались, вывѣсивъ о томъ объявленіе на доскѣ и выставивъ ящикъ для выбора новыхъ шести старшинъ. Гг. члены, бывшіе въ клубѣ, по усмотрѣніи объявленія на доскѣ и выставленнаго ящика, въ тоже самое время письмомъ за подписью почти всѣхъ бывшихъ въ клубѣ просили отказывающихся гг. старшинъ остаться въ семъ званіи, на что́ они, усматривая почти единогласіе таковаго значительнаго числа членовъ, и согласились. Объявленіе съ доски и ящика для выбора сняты. Старшинами были:

1-й Хомутовъ Григорій Аполлоновичъ.
2-й Ртищевъ Николай Ѳедоровичъ [8]).
3-й Урусовъ князь Николай Юрьевичъ.
4-й Гагаринъ князь Андрей Павловичъ.
5-й Долгорукій князь Петръ Михайловичъ.
6-й Майковъ Аполлонъ Александровичъ [9]).
7-й Демидовъ Петръ Львовичъ.

1820. Іюня 30-го дня, балотировано и утверждено: платить за столъ по три рубля съ персоны.

1822. Декабря 2-го дня гг. старшины постановили при раздачѣ пособій бѣднымъ по свидѣтельствамъ гг. членовъ выдавать только по одному отъ каждаго члена, а давшимъ больше принесенныя бѣдными свидѣтельства возвращать.

1823. Декабря 14-го дня балотировано предложеніе Ивана Сергѣевича Сафонова «Штрафную сумму собирая, взносить въ Опекунскій Совѣтъ, получать проценты и удовлетворять сколько будетъ возможно. Въ теченіе десяти лѣтъ можно будетъ надѣяться собрать до ста тысячъ рублей, и тогда употребить оную сумму на бого-угодныя дѣла, какъ-то: заведеніе богодѣленъ и тому подобныхъ средствъ». Положили баловъ бѣлыхъ 14-ть, черныхъ 82.

---

[8]) Бывшій главнокомандующимъ на Кавказѣ въ 1812 году. П. Б.
[9]) Тогдашній директоръ театровъ. П. Б.

1824. Октября 5-го дня по подпискѣ 70 персонъ гг. членовъ пожертвована изъ клубнаго капитала тысяча рублей на сооруженіе памятника Дмитрію Донскому на Куликовомъ полѣ.

1824. Ноября 12-го балотировано предложеніе гг. старшинъ, что игра экарте, усилившись до такой степени, что, вышедъ изъ границъ умѣренности, дѣлается неприличною для такого общества, какъ Англійскій клубъ, и потому можетъ-ли долѣе существовать въ клубѣ или нѣтъ? По балотированіи предложеніе отвергнуто.

1824. Ноября 15-го дня въ журналѣ записано, что господинъ Московскій генералъ - губернаторъ князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ письменнымъ отношеніемъ сего числа за № 5066-мъ къ старшинамъ сообщилъ слѣдующее: «Замѣтивъ, что допущенная въ Англійскомъ клубѣ карточная игра экарте съ нѣкотораго времени усилилась, вы, м. г., въ отклоненіе могущаго быть отъ оной вреда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго нареканія для клуба, столь изъ давна существующаго и столь извѣстнаго по строгости правилъ, на коихъ онъ основанъ, предлагали гг. членамъ о прекращеніи упомянутой игры, какъ такой, которая, по свойству своему подходя ближе къ азартной, нежели комерческой, ограниченной игрѣ, можетъ иногда увлекать неосторожныхъ, слѣдовательно не должна быть терпима въ клубѣ. Я съ моей стороны, будучи совершенно согласенъ съ вашимъ, м. г., намѣреніемъ, видѣлъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что оно клонилось къ пользѣ клуба и къ поддержанію той довѣренности, которую пріобрѣлъ оный прочнымъ устройствомъ своимъ, соблюденіемъ порядка и постоянною заботливостію къ недопущенію злоупотребленій, могущихъ иногда вкрадываться въ подобныя собранія. Между тѣмъ хотя по балотировкѣ бывшей по сему случаю съ вашимъ, м. г., мнѣніемъ согласилось 99 человѣкъ, а противъ онаго было не болѣе 59-ти; но какъ, по правиламъ клуба, тогда только могла быть уничтожена означенная игра, когда бы на сіе послѣдовало согласіе не меньше какъ отъ полныхъ двухъ третей членовъ, участвовавшихъ въ балотированіи, то вы, м. г., будучи обязаны сами строго соблюдать правила клуба, поставлены въ невозможность привести свое намѣреніе въ исполненіе. По сему, полагая, съ одной стороны, что при балотировкѣ находились не всѣ члены клуба, а что почти двѣ трети участвовавшихъ въ оной членовъ согласились, дабы карточной игры экарте допущено не было, а съ другой убѣждаясь, что сія игра подходитъ ближе къ азартной, нежели къ комерческой опредѣленной игрѣ, слѣдовательно можетъ увлекать иногда неосторожныхъ, я нахожу себя обязаннымъ покорно просить васъ, м. г., распорядиться, дабы оную игру изъ числа допущенныхъ въ Англійскомъ клубѣ исключить, подобно игрѣ макао или такъ называемой курочки, впредъ до особаго какого-либо по сему предмету разрѣшенія, о чемъ не угодно ли будетъ гг. членамъ объявить при собраніи ихъ съ прочтеніемъ сего отношенія моего», что̀ и исполнено.

1824. Ноября 20-го дня по подпискѣ 116-ти персонъ гг. членовъ пожертвовано изъ клубнаго капитала 10 т. р. на вспомоществованіе потерпѣвшимъ отъ наводненія въ С.-Петербургѣ.

1826. Сентября 24-го дня въ журналѣ гг. старшинъ записано: офисіянтъ клуба Алексѣй Герасимовъ Соколовъ, пришедъ по утру убирать комнату, нашелъ на столѣ запечатанное письмо, съ надписью «Ивану Петровичу Бибикову, полковнику жандармовъ, прошу старшинъ вручить ему». Старшины по представленіи имъ письма положили, пригласивъ г-на Бибикова, въ присутствіи его то письмо, какъ подметное, не распечатывая сжечь; а буде г-нъ членъ Бибиковъ изъявитъ желаніе получить его, какъ по надписи ему принадлежащее, въ таковомъ случаѣ предоставить ему оное взять, которое однакожъ г-нъ Бибиковъ не принялъ, и письмо, въ общемъ присутствіи гг. старшинъ и его, сожжено.

1827. Февраля 23-го дня въ журналѣ гг. старшинъ записано: публикованное отъ опекунскихъ совѣтовъ въ № 16-мъ Московскихъ Вѣдомостей объявленіе, чтобы, въ слѣдствіе высочайшей воли, старыя игранныя карты отъ старшинъ клубовъ и отъ обывателей частныхъ доставляемы были въ карточный магазинъ Московскаго Воспитательнаго Дома, съ полученіемъ оттуда за каждую дюжину по 2 р. 40 к. ассигнаціями; въ отвращеніе, дабы старыя карты не были продаваемы въ частныя руки, за чтó согласно Высочайшему положенію подвергнутся взысканію 48 рублей за каждую дюжину.

1828. Апрѣля 20-го дня по журналу гг. старшинъ о имѣніи въ клубѣ годоваго медика для пользованья служащихъ и живущихъ при клубѣ людей, по изъясненнымъ причинамъ въ 5-мъ пунктѣ того журнала. Апрѣля 27-го дня о принятіи медикомъ при клубѣ лѣкаря г-на Юшенова съ жалованьемъ 400 рублей въ годъ.

1828. Августа 31-го дня по отношенію за подписью многихъ гг. членовъ изъявить благодарность отъ лица общества Англійскаго клуба эконому онаго клуба Ѳедору Иванову Коровину, доставивъ въ память сего событія приличный подарокъ цѣною въ тысячу или тысячу двѣсти рублей, чтò и исполнено.

1828. Декабря 20-го дня въ журналѣ гг. старшинъ записано: призвавъ въ контору кухмистера Власа Осипова, объявить замѣчаніе гг. старшинъ, что ученики его недостаточно обмундированы, и приказать, чтобъ какъ теперь, такъ и при пріемѣ вновь для обученія каждый имѣлъ слѣдующее: тулупъ, шинель байковую, куртку и двое шароваровъ суконныхъ, двѣ куртки и двое брюкъ лѣтнихъ, фартуковъ восемь, полотенецъ восемь, жилетовъ два, шейныхъ платковъ бѣлыхъ два, черныхъ два, рубашекъ четыре, колпаковъ четыре, носковъ три

пары, картузъ, перчатки, сапоговъ въ годъ три пары, матрацъ, подушку, одѣяло и кухонныхъ ножей одну пару.

1830. Марта 1-го дня по открытіи ящика съ избирательными записками въ члены коммиссіи поясненія обряда клуба избраны: 1-й Салтыковъ Михаилъ Александровичъ, 2-й Гагаринъ князь Павелъ Павловичъ, 3-й Озеровъ Петръ Ивановичъ, 4-й Давыдовъ Иванъ Ивановичъ, 5-й Каченовскій Михаилъ Трофимовичъ, 6-й Дмитріевъ Иванъ Ивановичъ, 7-й Римской-Корсаковъ Григорій Александровичъ. Кандидатами трое: 1-й Бахметевъ Николай Николаевичъ, 2-й Лобановъ-Ростовскій князь Иванъ Александровичъ и 3-й Тучковъ Павелъ Алексѣевичъ.

1830. Марта 5-го дня, балотировано предложеніе гг. членовъ за подписью 103-хъ персонъ объ избраніи въ почетные члены и поднесеніи пожизненнаго билета князю Дмитрію Евсѣевичу Циціанову, какъ возстановителю нынѣ существующаго Англійскаго клуба, что̀ и утверждено большинствомъ баловъ: бѣлыхъ 60, черныхъ 3.

Іюля 9-го дня, балотировано предложеніе гг. старшинъ, которые, изложивъ удобства и выгоды домовъ г-на Муравьева и графини Разумовской, предлагали на рѣшеніе, который изъ обоихъ домовъ угодно будетъ нанять для клубнаго помѣщенія, съ платою за тотъ и другой по 9 т. асс. въ годъ. По открытіи же ящика оказалось баловъ: въ пользу графини Разумовской 48, а въ пользу дома г. Муравьева 20. Вслѣдствіе сего о наймѣ дома графини Разумовской и заключено условіе съ довѣреннымъ отъ нея княземъ Николаемъ Григорьевичемъ Вяземскимъ 1830 года Іюля 21-го дня, срокомъ на пять лѣтъ, считая оный съ 1-го Іюля 1831-го года по 1-ое Іюля 1836 года, съ пристройкою биліардной, съ соединеніемъ двухъ столовыхъ залъ и прочими передѣлками и поправленіями по описи, на счетъ хозяина дома.

1830. Октября 8-го дня, журналомъ гг. старшинъ постановлено, по случаю усилившейся въ Москвѣ болѣзни холеры, оказавшей свои дѣйствія и въ домѣ клуба, равно принимая въ соображеніе малочисленное посѣщеніе клуба гг. членами, старшины положили: обѣденные и ужинные столы въ клубѣ до благопріятныхъ обстоятельствъ прекратить.

1830. Октября 11-го дня, журналъ гг. старшинъ. По сообщеніи г-на Московскаго генералъ-губернатора князя Дмитрія Владимировича Голицына, что, по донесенію ему временнаго начальства Тверской части, прислуга клуба размѣщена весьма тѣсно, а чтобы къ избѣжанію сего приняты были мѣры, во исполненіе чего для размѣщенія услуги и наняли въ гостинницѣ дома г-на Полторацкаго нѣсколько комнатъ помѣсячно, а съ тѣмъ вмѣстѣ постановлено: впредъ женатыхъ въ услугу клуба не принимать, а пожелавшему жениться изъ числа клубной

услуги иначе сего не дозволять, чтобы жена его жила въ наемной отъ него квартирѣ, ибо жены и умножающееся семейство всякій домъ дѣлаютъ тѣснымъ.

1830. Октября 17-го и 20-го чиселъ журналы гг. старшинъ: по случаю закрытія Московскаго Опекунскаго Совѣта на опредѣленное время взять (и взято) изъ Сохранной Казны 14317 р. 30 к., изъ коихъ выдано на расходъ эконому 2317 р. 30 к., а остальныя положены въ желѣзный сундукъ.

1830. Ноября 8-го дня журналъ гг. старшинъ: какъ число больныхъ въ городѣ значительно уменьшилось, такъ и въ домѣ клубомъ занимаемомъ въ теченіе двухъ недѣль ни одного заболѣвшаго не было, при томъ и гг. посѣщающихъ чувствительно прибавляется, а потому ужины въ клубѣ возобновить на прежнемъ положеніи.

1831. Марта 18-го дня, при балотированіи изъ кандидатовъ въ члены не избраны: Гаврила Петровичъ Апухтинъ и Алексѣй Дмитріевичъ Бѣлаго.

1831. Апрѣля 22-го дня, Англійскій клубъ перешелъ во вновь нанятый домъ графини Разумовской, и въ тотъ день обѣдало 213 персонъ.

1831. Октября 3-го дня, поставленъ портретъ Государя Императора въ газетной съ извѣщеніемъ общества, согласно подпискѣ 41 персоны гг. членовъ, въ сей комнатѣ табаку не курить.

1832. Марта 23-го дня, при балотированіи изъ кандидатовъ въ члены г-нъ Калашниковъ Александръ Ивановичъ не избранъ.

1832. Марта 26-го дня балотированъ изъ кандидатовъ въ члены г-нъ Алларъ Морисъ Николаевичъ, не избранъ.

1832. Октября 28-го, Декабря 11-го случилось въ клубѣ происшествіе отъ члена клуба князя Петра Михайловича Долгорукова, извѣстное всему обществу; вслѣдъ за симъ получено письмо его князя Долгорукаго, испрашивающаго извиненія, и отношеніе гг. членовъ за подписью 89 персонъ, изъявляющее готовность принять извиненіе князя Долгорукаго и дѣло сіе оставить безъ послѣдствія. Старшины, находя оное въ отношеніи себя достаточнымъ, но считая себя въ правѣ исполнить то въ отношеніи къ обществу, согласно 22-й статьи обряда, предоставили извиненіе князя Долгорукаго на рѣшеніе общества посредствомъ балотированія, по которому оказалось баловъ: извиняющихъ 103, не извиняющихъ 79, слѣдовательно извиненіе князя Долгорукаго принято.

1832. Декабря 31-го дня, вслѣдствіе вышеписаннаго, гг. старшины М. А. Салтыковъ и Василій Александровичъ Кобылинъ отъ званія старшинъ отказались и, препровождая свои билеты, при письмѣ изъяснились: вчерашній день большая часть гг. членовъ не почли должнымъ под-

держать достоинство старшинъ избранныхъ обществомъ, посему поставляемъ себѣ въ обязанность сложить сіе званіе и просимъ не считать насъ въ числѣ членовъ. Вступили старшины изъ кандидатовъ.

1833. Марта 8-го дня, членъ клуба г-нъ Гейеръ за произнесенныя въ клубѣ 5-го числа Марта дерзкія и непристойныя выраженія съ угрозою рукою члену же сего клуба Дмитрію Николаевичу Мордвинову, засвидѣтельствованныя въ комнатѣ клуба членами же княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Ухтомскимъ и Алексѣемъ Николаевичемъ Садыковымъ, согласно 21-й статьѣ обряда клуба, исключенъ изъ общества.

1833. Марта 30-го дня гг. старшины положили: въ знакъ признательности къ его сіятельству князю Дмитрію Володимировичу Голицыну, по случаю принятія имъ званія почетнаго старшины пригласить его къ обѣденному столу въ клубѣ Апрѣля въ 12-й день.

1833. Апрѣля 8-го дня, старшины положили: вышесказанное празднество произвести слѣдующимъ образомъ: 1-е, обѣдъ съ десертомъ на 350 кувертовъ, 2-е, столы убрать деревьями и цвѣтами, 3-е пригласить двѣ музыки и трехъ артистовъ для пѣнія при столахъ сочиненныхъ на сей случай куплетовъ, и 4-е, при тостахъ шампанское подавать на счетъ клуба. Каковое празднество 12-го Апрѣля и послѣдовало. Сочинены на сей случай и пѣты артистами Московскаго театра гг. Варламовымъ, Лавровымъ и г. Петровымъ куплеты [10]).

1834. Іюля 21-го дня балотировано мнѣніе 20-ю персонами гг. членовъ: членъ клуба имѣетъ право пригласить для прогулки въ саду клуба 2-хъ или болѣе дамъ, съ тою-же отвѣтственностію, какъ постановлено въ обрядѣ на счетъ посѣтителей клуба; для чего и должна быть учреждена особая книга, въ которую каждый изъ гг. членовъ записываетъ имена и фамиліи дамъ, приглашенныхъ имъ для прогулки въ саду; которая начинается съ шести часовъ пополудни. Пріѣздъ въ садъ къ обыкновенному клубному подъѣзду, проходя черезъ сѣни, прямо въ садъ, при дверяхъ коего имѣетъ быть поставленъ швейцаръ, а для услуги въ саду отдѣлено изъ числа клубныхъ нужное число офиціантовъ. Оказалось баловъ: бѣлыхъ 13, черныхъ 47.

1836. Ноября 7-го дня, господа члены подпискою изъявили желаніе, чтобы, по случаю возвращенія изъ-за границы его сіятельства общелюбимаго и уважаемаго градоначальника Москвы князь Дмитрія Володимировича Голицына, данъ былъ въ клубѣ экстраординарный обѣдъ и сдѣлано было приличное угощеніе, которое старшинами положено исполнить слѣдующимъ порядкомъ: 1-е. Обѣдъ съ десертомъ, мороженымъ, кофе и ликеромъ на 350 кувертовъ; 2-е. Столы

---

[10]) Праздникъ стоилъ клубу 6913 р.; обѣдало 631 ч. персонъ, членовъ и гостей.

убрать деревьями и цвѣтами. 3-е. Для пѣнія сочиненныхъ куплетовъ пригласить одного артиста и къ тому хоръ театральныхъ пѣвчихъ [11]) да двѣ музыки учебнаго Карабинернаго полка. 4-е. Тостовъ должно быть провозглашено шесть, при коихъ шампанское подавать на счетъ клуба. Каковое празднество послѣдовало и исполнено [12]) 14-го Ноября.

1836. Ноября 25-го дня балотировано предложеніе гг. членовъ, подписанное 51-ю персоною, дабы, по примѣру С.-Петербургскаго Англійскаго клуба, Московскій каждогодно торжествовалъ свое образованіе послѣ 15-го Марта, по приличности и удобству, каковое будутъ находить гг. старшины, съ обыкновенною платою за обѣденный столъ по 3 р. ассигнаціями, что́ и утверждено большинствомъ баловъ, которыхъ оказалось: бѣлыхъ 74, черныхъ 37.

1837. Генваря 15-го дня, сего числа приставленный къ книгѣ записки гостей офисіянтъ дежурному старшинѣ донесъ, что господинъ членъ клуба баронъ Левъ Карловичъ Боде, прибывъ въ клубъ въ половинѣ шестаго часа, вошелъ въ контору и записалъ гостя г-на Казалета. Старшины положили: какъ таковая записка гостя сдѣлана вопреки порядка записывать гостей не прежде шести часовъ и въ комнатѣ для сего назначенной, то записаннаго не въ узаконенный часъ гостя изъ списка гостей на слѣдующій день исключить и о томъ г-на члена Боде увѣдомить извѣстительною запискою.

1837. Марта 31-го дня старшины, замѣтивъ, что введенная въ употребленіе въ клубѣ, игра подъ названіемъ «девятка» по существу своему подходитъ къ игрѣ азартной въ послѣдствіе Высочайшей воли, изъявленной чрезъ господина Московскаго военнаго генералъ-губернатора князь Дмитрія Володимировича Голицына въ прошломъ 1838 мъ году, послѣдовавшей по случаю воспрещенія игры экарте, макао и курочки, положили: гг. членамъ желающимъ играть въ игру «девятку» объявить, что оная допущена въ клубѣ быть не можетъ.

1837. Апрѣля 23-го дня, вслѣдствіе утвержденія балотировкою минувшаго 1836-го года Ноября 25-го дня и въ 81-й статьѣ обряда клуба помѣщеннаго постановленія, празднеству образованія клуба положено быть 28-го Апрѣля слѣдующимъ образомъ. 1-е. Обѣдъ съ десертомъ за обыкновенную плату по 3 р. съ персоны; 2 е. Столъ убрать деревьями и цвѣтами. 3-е. Предъ каждымъ приборомъ поставить по бутылкѣ вина медоку и сотерну клубной цѣны по 3 рубли бутылка безъ полученія за оное платы. 4-е. Тостовъ провозгласить пять; при каждомъ шампанское тоже на счетъ клуба. 5-е. Предъ обѣдомъ водка,

---

[11]) Сверхъ того въ послѣобѣденное время приглашенъ хоръ цыганъ.

[12]) Праздникъ сей стоитъ, какъ видно по отчету 1836 года за Ноябрь, 10.999 р. 85 к.

въ обѣдѣ какое-либо требуемое вино, а послѣ обѣда мороженное, кофе, ликеръ, и прочія питья и напитки съ полученіемъ платежа. 6-е. Садъ клуба иллюминовать. 7-е. Пригласить двѣ Карабинерныя музыки. Каковое празднество 28-го числа Апрѣля и произведено съ прибавленіемъ хора пѣсенниковъ и хора Цыганъ *).

1838 Марта 19-го дня предложенный изъ кандидатовъ въ члены Крупенской Өедоръ Егоровичъ не избранъ.

Октября 2-го дня г-нъ членъ клуба Николай Андреевичъ Елагинъ взялъ со стола въ газетной комнатѣ двѣ книжки Русскихъ журналовъ, а на другой день ихъ возвратилъ, за что́ по силѣ 70-й статьи обряда взыскана съ него годовая цѣна обоихъ изданій 70 р. асс.

1839 Марта 15-го дня гг. старшины, основываясь на подпискѣ 78 персонъ гг. членовъ, объ окончанномъ между гг. членами Иринархомъ Александровичемъ Грязевымъ и Сергѣемъ Алексѣевичемъ Мусинъ-Пушкинымъ неудовольствіи, положили: случай сей предать забвенію.

1840 Генваря 20-го дня исключенъ изъ клуба на основаніи 65-й статьи обряда г-нъ членъ Михаилъ Егоровичъ Марковъ, за неплатежъ гостемъ его княземъ Николаемъ Порфирьевичемъ Енгалычевымъ проигранныхъ въ карты г-ну Болтину 4000 р., и по той же статьѣ гость, князь Енгалычевъ, лишившись права быть посѣтителемъ клуба, записанъ въ учрежденную для того книгу съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ.

Декабря 15-го дня, учреждена и открылась игра лото **).

1841 Октября 1-го дня балотировано предложеніе гг. старшинъ о постановленіи платы за обѣденный столъ, какая была до 1839-го года, то есть по 3 р. съ персоны (которая въ томъ 1839-мъ году утверждена, потому что клубнаго капиталу оставалось къ 1-му Сентября 27991 р., а нынѣ тоже къ 1-му Сентября 76522 р. ассигнаціями).

1842 Генваря 24-го дня, по желанію, изъявленному многими гг. членами сего клуба, пригласить на 31-е число Генваря прибывшаго въ Москву извѣстнаго Боско, чтобъ онъ показалъ свои представленія, который того числа приглашенъ.

Февраля 14-го дня гг. члены посѣтившіе сегодня общество, увѣдомившись, что извѣстный доблестями и заслугами нашему отечеству,

---

*) Праздникъ сей стоилъ клубу, за вычетомъ полученныхъ за обѣдъ и требованные за деньги въ обѣдъ и послѣ обѣда напитки, 7448 р. Обѣдало 301 персона гостей и гг. членовъ.

**) Съ учрежденіемъ лото по 1-е Апрѣля 1845 года поступило за сію игру въ клубную кассу 1840 года съ 15-го Декабря по 1-е Апрѣля 1843 р., въ 1841-мъ году 57070 р., въ 1842-мъ году 37652 р., въ 1843-мъ году 54130 р., и въ 1844-го года 66267 р., всего 233562 рубля.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ желаетъ вступить въ члены Англійскаго клуба, изъявили общее желаніе предложить его высокопревосходительству званіе почетнаго члена сего клуба безъ балотированія, что̀ и утверждено подписью 240 персонъ. Вслѣдствіе сего старшины клуба почетный билетъ его высокопревосходительству и доставили.

Маія 6-го дня балотированы два предложенія:

1-е. Раздѣлить обѣдъ на двѣ части: первый отъ трехъ до четырехъ часовъ; вторый отъ четырехъ съ половиною до пяти съ половиною. Утверждено: баловъ бѣлыхъ 47, черныхъ 41, и въ обрядѣ клуба въ 20-й статьѣ помѣщено.

2-е. Предполагающіе обѣдать во второмъ обѣдѣ должны наканунѣ записывать въ особо для сего назначенной книгѣ съ непремѣнною уже обязанностію платить за обѣдъ, хотя бы къ оному и не пожаловали, дабы клубъ не терпѣлъ лишнихъ и безъ того уже значительныхъ расходовъ отъ стола. Утверждено: баловъ бѣлыхъ 47, черныхъ 38.

Послѣднее постановленіе отмѣнено балотированіемъ же сего Маія 15 дня.

1843 Декабря 15-го дня, балотировано по отношенію гг. членовъ, подписанному 85-ю персонами гг. членовъ, кои, изъяснивъ обстоятельство извѣстное многимъ, случившееся въ клубѣ 20 лѣтъ назадъ съ графомъ Петромъ Степановичемъ Толстымъ, котораго членъ г-нъ Мироновскій предложилъ въ члены при балотированіи хотя не имѣлъ права брать отъ балотирующихъ шары, но желая споспѣшествовать скорѣйшему избранію, бралъ отъ гг. членовъ шары и по неосмотрительности клалъ ихъ въ ящикъ на лѣвую сторону, отчего при открытіи онаго оказалось большое количество неизбирательныхъ шаровъ, просили изъ уваженія къ такому случаю дозволить гр. Толстому балотироваться вновь въ члены, не принимая сего за правило, но единственно какъ исключеніе для гр. Толстаго. При балотированіи положено баловъ бѣлыхъ дозволяющихъ 105, черныхъ 1.

1844 Марта 4-го дня положено придѣлать 120 новыхъ столовыхъ приборовъ серебренныхъ и передѣлать старыхъ серебренныхъ, сдѣланныхъ въ 1834-мъ году; ножевыхъ 300 черенковъ отдать въ промѣнъ, а сдѣлать столько же новыхъ, все остальное серебро переполировать, а серебренные тарелки, судки и ковши суповые вызолотить, что̀ и исполнено.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава VIII.

Причины успѣшности дѣйствій съ 1856 г.—Обзоръ дѣйствій на Западномъ Кавказѣ.—Результаты, достигнутые въ теченіе трехъ лѣтъ.—Положеніе дѣлъ въ Кутаискомъ генералъ-губернаторствѣ.—Рѣшеніе перевести войска и средства съ Восточнаго на Западный Кавказъ.—Переписка съ Государемъ.—Появленіе отряда Филипсона въ Хашкеты и изъявленіе Абадзехами съ Магометъ-Эминомъ покорности.—Письмо объ этомъ къ Государю.—Производство въ фельдмаршалы.—Поздравленія и торжества по этому случаю.—Оцѣнка заслугъ князя Барятинскаго.

Итакъ, въ теченіе трехъ лѣтъ съ Восточнымъ Кавказомъ было покончено. Князь Барятинскій, безъ сомнѣнія, главный виновникъ этого изумительнаго успѣха, не думалъ однако приписывать исключительно себѣ всей славы этихъ дѣлъ. Въ своемъ отчетѣ Государю за три года 1856 — 1859 *) онъ, между прочимъ, писалъ, что безпрерывные походы трехъ истекшихъ годовъ сопровождались необыкновенно-малою потерею въ людяхъ, сравнительно съ предшествовавшими періодами Кавказской войны. Главнѣйше это объясняется успѣхомъ, не покидавшимъ наше оружіе: побѣда стóитъ всегда меньше, чѣмъ нерѣшенное дѣло. Но кромѣ того, двѣ причины обусловливали и самый успѣхъ, и малую потерю. Вопервыхъ, нарѣзное оружіе; до сихъ поръ горцы, стрѣляя изъ винтовокъ, имѣли перевѣсъ надъ нами въ дальности и вѣрности огня. Наши войска, вооруженныя разстрѣлянными кремневыми ружьями, не могли мѣтить въ отдѣльныхъ людей, а довольствовались тѣмъ, что осыпали пулями лежащее передъ собой пространство. Горцы, дѣйствуя на мѣстности пересѣченной, не боялись такого огня и держались довольно близко къ нашимъ цѣпямъ, чтобы бить

---

*) Мы пользуемся этимъ отчетомъ, какъ весьма цѣннымъ матеріаломъ, при изложеніи всѣхъ реформъ по военной и гражданскимъ частямъ.

людей навѣрное. Вооруженіе стрѣлковыхъ частей нарѣзными ружьями и обученіе ихъ цѣльной стрѣльбѣ сейчасъ же измѣнили это отношеніе. Внѣ лѣса горцы, поражаемые мѣткимъ огнемъ, должны были вести перестрѣлку издалека, а мѣстность со стороны Лезгинской линіи и Прикаспійскаго края состоитъ почти вездѣ изъ скалистыхъ, но голыхъ горъ. Даже въ лѣсахъ Чечни и Закубанскаго края первый приступъ къ рубкѣ просѣки, въ нѣсколько часовъ, значительно раскрывалъ мѣстность и возвращалъ нарѣзному оружію его превосходство. Вовторыхъ, причиною малой потери была правильная система войны и дѣйствительное искусство, выказанное главными начальниками, избранными изъ опытнѣйшихъ Кавказскихъ генераловъ, въ управленіи боевымъ дѣйствіемъ войскъ. Причиною кровавыхъ потерь предшествующаго періода всегда были набѣги и всѣ однородныя съ ними дѣйствія, въ какомъ бы размѣрѣ они ни предпринимались. Когда наши войска вступали въ непокорный край не съ тѣмъ чтобы раскрыть и занять пройденную мѣстность, но въ надеждѣ нанести пораженіе неуловимому врагу, посреди его дикихъ убѣжищъ, и тѣмъ потрясти его нравственно, послѣдствіемъ всегда бывало ожесточеніе горцевъ, и сотни, иногда тысячи, убитыхъ и раненныхъ съ нашей стороны при отступленіи. По военному плану, принятому съ 1856 г., походы въ горы предпринимались не иначе, какъ для выполненія точно опредѣленной матеріальной цѣли, съ обширностью которой заранѣе были соображены всѣ средства экспедиціи; при каждомъ шагѣ впередъ мы устанавливали постоянное сообщеніе съ тыломъ и ограничивали походъ прочнымъ занятіемъ одной какой-либо мѣстности. При такой системѣ съ нашей стороны не могло быть ни рискованныхъ дѣлъ, ни отступленія; войска возвращались назадъ по открытымъ дорогамъ, чрезъ край, уже покоренный, и горцамъ оставалось только прямое сопротивленіе съ лица, къ чему, при тактическомъ превосходствѣ нашихъ войскъ, даже въ горахъ немного мѣстностей вполнѣ пригодныхъ. Такого образа дѣйствій неизмѣнно держались въ Прикаспійскомъ краѣ, на Правомъ и Лѣвомъ крылѣ. Исключеніе было только на Лезгинской линіи, гдѣ совершено три похода для разоренія враждебныхъ

племенъ; потому что съ южной стороны набѣгъ былъ единственно-возможный образъ дѣйствія противъ непріятеля, живущаго за становымъ хребтомъ. Для прикрытія Кахетіи и Джаро-Бѣлоканской области, необходимо было содержать значительное число войскъ, которыя лѣтомъ гораздо лучше ограждали край, находясь въ самыхъ горахъ, чѣмъ у ихъ подошвы.

Опытность и искусство соображеній главныхъ начальниковъ также сильно способствовали уменьшенію нашей потери. Если немного позицій, даже въ горахъ, на которыхъ здѣшній непріятель можетъ устоять противъ хорошо направленной атаки, то много такихъ, гдѣ онъ можетъ нанести намъ чувствительную потерю. Обмануть горцевъ и пройти къ пункту, составляющему цѣль движенія, не тѣмъ путемъ, на которомъ они приготовлялись насъ встрѣтить, весьма трудно, въ такой недоступной мѣстности, какъ Кавказская, и однакожъ это часто удавалось, благодаря распорядительности начальниковъ. На Лѣвомъ крылѣ, гдѣ сосредоточивались главныя усилія и съ нашей и съ непріятельской сторонъ, несмотря на смѣлые походы въ самую глубь горъ, положительно можно сказать, что графъ Евдокимовъ ни разу не далъ горцамъ случая встрѣтиться съ нами тамъ, гдѣ они къ этому готовились и гдѣ это могло быть для нихъ выгодно. Самыя сильныя позиціи, занятыя скопищами Шамиля, падали почти безъ сопротивленія, вслѣдствіе вѣрно разсчитанныхъ маневровъ. Послѣ Ахульго, Салтовъ, Гергебиля и Чоха, осады которыхъ, иногда даже неудачныя, стоили тысячъ людей, завоеваніе Веденя, въ которомъ Шамиль сосредоточилъ всѣ средства для самой рѣшительной обороны, обошлось намъ въ 26 человѣкъ убитыми и ранеными! Также точно и дѣйствія генералъ-адъютанта Врангеля въ 1859-мъ году, которому приходилось преодолѣвать открытою силою такія препятствія какъ бездна Андійскаго Койсу и укрѣпленный подъемъ на Ахкентскій хребетъ, обошлись намъ чрезвычайно дешево, хотя по другой причинѣ,—по чрезвычайной энергіи исполненія, изумлявшей и предупреждавшей непріятеля.

Изложенныя причины: правильная система войны, искусныя распоряженія главныхъ начальниковъ и распространеніе

въ войскахъ нарѣзнаго оружія, уменьшили нашу потерю въ Кавказской войнѣ до незначительной цифры. Въ свою очередь, эта незначительность потери и рѣшеніе дѣла маневрами составляютъ одну изъ главныхъ причинъ нашего успѣха. Горцевъ нельзя было испугать боемъ. Непрерывный бой довелъ ихъ до той степени увѣренности, что нѣсколько десятковъ человѣкъ не боялись завязывать дѣло съ колонною въ нѣсколько баталіоновъ и, отвѣчая однимъ выстрѣломъ на сто нашихъ, наносили намъ гораздо бо́льшую потерю, чѣмъ мы имъ. Бой доказываетъ равенство силы, и пока горцы могли биться, они не думали о покорности. Но когда они столько разъ увидѣли на опытѣ, что имъ не предоставляютъ даже случая сопротивляться, оружіе стало выпадать изъ ихъ рукъ. Пораженные, они снова собрались бы на другой день; но обойденные и принужденные разсѣяться безъ сопротивленія, они на другой день приходили съ изъявленіемъ покорности. Могущество Шамиля подрывалось болѣе всего сборомъ безполезныхъ скопищъ, которыя должны были расходиться по домамъ, не оказавъ нигдѣ серьезнаго сопротивленія.

Посмотримъ теперь, что́ происходило въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ на Западномъ Кавказѣ.

Обративъ главныя силы Кавказской арміи противъ восточной группы горъ, какъ болѣе опасной для насъ своимъ географическимъ положеніемъ и характеромъ возникшаго тамъ религіознаго союза, князь Барятинскій долженъ былъ соразмѣрять военныя дѣйствія на Правомъ крылѣ съ силами занимавшихъ его войскъ. Самое положеніе дѣлъ въ этомъ краѣ требовало болѣе пріуготовительныхъ, чѣмъ рѣшительныхъ дѣйствій. На Восточномъ Кавказѣ мы вездѣ непосредственно соприкасались съ густымъ непріятельскимъ населеніемъ; на Правомъ крылѣ, напротивъ, во многихъ мѣстахъ, между нашими передовыми линіями и настоящимъ жильемъ враждебныхъ племенъ, между Кубанью, Лабою и горами— лежала еще обширная и рѣдко населенная равнина. Прежде чѣмъ приступить къ окончательному покоренію Закубанцевъ, надобно было разработать эту глухую равнину, создать въ ней опорные пункты и выдвинуть впередъ наши линіи. Это дѣло могло быть исполнено наличными силами Праваго кры-

ла, пока продолжалось покореніе восточныхъ горъ. Страну непокорныхъ Закубанцевъ надобно было занимать одновременно съ двухъ противоположныхъ концевъ: со стороны моря и со стороны Лабы, двигаясь параллельно хребту горъ и обрѣзывая ее въ длину, потому что естественныя линіи этой страны, рѣки, всѣ перпендикулярны къ Кубани, и прямое наступленіе съ Кубанскаго берега къ горамъ намъ не на что опереть; страна же такъ обширна, что здѣсь нельзя перенестись сразу къ подошвѣ горъ, какъ на Лѣвомъ крылѣ мы перенеслись съ Сунжи. Обширность страны требовала также прочнаго занятія линій казаками; одни рѣдко разбросанныя укрѣпленія не оградили бы ея достаточно. На этихъ соображеніяхъ былъ основанъ планъ дѣйствій за Кубанью: сначала выдвинуть съ противоположныхъ концовъ страны полковыя штабъ-квартиры на Бѣлую и Адагумъ, потомъ выбить изъ горъ общества, остающіяся за флангомъ и тыломъ новыхъ линій и заселить берега этихъ рѣкъ станицами; при чемъ, для водворенія изгнанныхъ туземцевъ, осталась бы еще пространная равнина между Адагумомъ и Бѣлой. Когда населеніе на новыхъ линіяхъ стало бы самостоятельнымъ, перевести другія двѣ полковыя штабъ-квартиры 19-й пѣхотной дивизіи впередъ и расположить ихъ у предгорій, отдѣляя войсками населеніе горъ отъ населенія равнины; наконецъ, разработать дороги отъ главныхъ пунктовъ, занятыхъ нами по сѣверной сторонѣ горъ, черезъ хребетъ до моря. Можно было разсчитывать, что горское населеніе, сжатое какъ въ тискахъ, покорится еще до окончательнаго исполненія всѣхъ этихъ мѣръ. Для осуществленія вышеизложеннаго плана необходимо было водвореніе въ покоряемомъ краѣ значительнаго казачьяго населенія, для чего Государь утвердилъ двѣ мѣры: ежегодное устройство пяти новыхъ станицъ въ пространствѣ Верхне-Кубанскаго и Лабинскаго округовъ и переселеніе на Кавказъ Азовскаго казачьяго войска.

Сообразно съ изложеннымъ планомъ, военныя дѣйствія на Правомъ крылѣ были раздѣлены на двѣ самостоятельныя операціи: со стороны Лабы (бывшаго Праваго фланга) и со стороны нижней Кубани (Черноморіи). Эти дѣйствія соотвѣтствовали, по раздѣленію Закубанцевъ, наступленію на двухъ

главныхъ предводителей: Мегметъ-Амина съ Абадзехами и Сеферъ-Бея съ Натухайцами и Шапсугами.

Со стороны бывшаго Праваго фланга, прежде всего надобно было подвинуть линію передовыхъ укрѣпленій съ Лабы на Бѣлую, куда первый шагъ былъ сдѣланъ еще въ 1851 году, заложеніемъ укрѣпленія Бѣлорѣченскаго; но съ тѣхъ поръ дѣло оставалось въ одномъ положеніи. Овладѣть теченіемъ Бѣлой намъ было нужно, чтобы подвинуться къ непріятелю, значительно сократить протяженіе нашихъ линій, отнять у горцевъ большое пространство плодородной равнины и оградить наши населенія, существующія и предполагаемыя.

Въ Маѣ 1857 г. заложено Майкопское укрѣпленіе, при выходѣ Бѣлой изъ горъ. Абадзехи отстаивали свою землю шагъ за шагомъ, не пропускали безъ боя ни одной колонны, даже сдѣлали общее нападеніе на лагерь; каждое вывозимое изъ лѣса бревно стоило намъ крови. Тѣмъ не менѣе, къ осени уже были готовы главныя постройки, и въ Майкопъ перенесена штабъ-квартира Кубанскаго пѣхотнаго полка.

Майкопское укрѣпленіе составляло не болѣе, какъ отдѣльный пунктъ, принадлежащій намъ въ непріятельской землѣ. Надобно было связать его съ прочими линіями и для этого упрочить сообщеніе: къ Сѣверу съ нижней Лабой, къ Юго-востоку съ Мало-Лабинской линіей. Для устройства первой дороги предположено было возвести редуты на Гіагѣ и у Длиннаго лѣса; вторую можно было проложить только послѣ приведенія къ покорности обществъ, обитающихъ на верховьяхъ рѣкъ Губса, Ходза и Фарса.

Въ теченіе этого года казачье населеніе между Кубанью и Лабой усилено основаніемъ двухъ новыхъ станицъ.

Весною приступлено къ обширнымъ работамъ на всемъ протяженіи края. Одинъ отрядъ продолжалъ устройство штабъ-квартиры Кубанскаго полка въ Майкопѣ; два другіе отряда прикрывали возведеніе 6-ти новыхъ станицъ на верхнемъ теченіи рѣкъ: Большаго Зеленчука, Уруна и Тегеня, принадлежащихъ вновь учрежденной Урупской казачьей бригадѣ. Штабъ-квартира Севастопольскаго пѣхотнаго полка поставлена въ укр. Псебайскомъ, на Мало-Лабинской линіи. Такимъ образомъ расположеніе нашихъ силъ въ восточной части

Праваго крыла было достаточно сосредоточено. Оставалось открыть между ними безпрепятственное сообщеніе чрезъ предгорія, отъ Майкопа къ Малой-Лабѣ. Для этого былъ предпринятъ осенью цѣлый рядъ дѣйствій. Въ Октябрѣ со стороны Майкопа прорублена просѣка къ Махошевцамъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Майкопскій отрядъ двинулся къ вершинѣ Фарса, на встрѣчу Лабинскому отряду, который шелъ туда же, открывая сообщеніе чрезъ лѣса. Въ Декабрѣ Длинный лѣсъ раскрытъ двумя просѣками, и населеніе, жившее за нимъ, раззорено. Туземные жители вездѣ бросали свои дома и удалялись отъ просѣкъ.

Племена, живущія въ горахъ между Кубанью и Лабою, называясь мирными, продолжали вести разбойничью жизнь и составляли причину всегдашней тревоги для нашихъ линій. Лѣтомъ 1858 г. сдѣланы набѣги для наказанія Башильбеевцевъ и Шахгиреевцевъ, въ примѣръ другимъ.

Прочное утвержденіе нашихъ войскъ въ землѣ Абадзеховъ, заложеніемъ Майкопа, произвело сильное впечатлѣніе на горцевъ. Абадзехи въ этой части края составляли господствующую силу, увлекавшую окрестныя мелкія племена. Перенесеніе войны въ ихъ землю было первымъ ударомъ въ голову конфедераціи, основанной Мегметъ-Аминомъ.

Въ западной части Праваго крыла, для постепеннаго движенія впередъ, надобно было прежде всего овладѣть землями Натухайцевъ, расположенными треугольникомъ между устьемъ Кубани и моремъ. Теченіе рѣки Адагума представляетъ естественную линію, которую нужно было занять, продолживъ ее до Цемесской бухты, чтобы отрѣзать Натухайцевъ отъ массы горскаго населенія. Предположено было устроить эту линію въ продолженіи двухъ лѣтъ—возведеніемъ четырехъ укрѣпленій, одного въ нижней, другаго въ средней части теченія Адагума, третьяго на берегу моря, на развалинахъ Новороссійска, четвертаго—промежуточнаго между этими двумя, и расположить на новой линіи Крымскій пѣхотный полкъ; съ покореніемъ же Натухайскаго треугольника основать тамъ станицы Азовскихъ и Черноморскихъ казаковъ, по общему плану—упрочивать завоеваніе водвореніемъ въ краѣ Русскаго военнаго населенія.

Лѣтомъ 1857 г. основано укрѣпленіе Нижне-Адагумское; отъ него разработаны дороги въ обѣ стороны къ Суровой батареѣ на Кубани, гдѣ выстроено мостовое укрѣпленіе и вверхъ по Адагуму, до мѣста предположеннаго центральнаго укрѣпленія. Вокругъ на далекое разстояніе истреблены всѣ непріятельскія населенія, числомъ до 3,500 дворовъ. Горцы сопротивлялись гораздо слабѣе, чѣмъ въ Майкопѣ, не смотря на доставленныя имъ изъ Константинополя 10 орудій, и прибывшій къ нимъ отрядъ Европейскихъ флибустьеровъ. Они довольствовались канонадой съ дальняго разстоянія и не отважились ни на одно значительное нападеніе.

Въ 1858 году заложено у мѣста, называемаго Колобатовой могилой, центральное Адагумское укрѣпленіе; къ осени переведена туда штабъ-квартира Крымскаго пѣхотнаго полка, и окружающая сторона опустошена, для того, чтобы удалить горское населеніе. На мѣстѣ бывшаго Новороссійска сооружено укрѣпленіе Константиновское. Противъ Адагумскаго отряда горцы держались осторожно; но противъ Константиновскаго, ободряемые малочисленностію нашихъ войскъ, сдѣлали нѣсколько безуспѣшныхъ покушеній. Съ окончаніемъ работъ, въ концѣ Ноября Адагумская линія могла считаться достаточно занятой, и потому предпринято движеніе всѣмъ отрядомъ для разоренія Натухайцевъ. Адагумскій отрядъ въ продолженіи мѣсяца, съ 9-го Ноября по 9-е Декабря, опустошилъ землю этого племени по всѣмъ направленіямъ, сожигая аулы, забирая плѣнныхъ, скотъ и имущество. Отдѣленные военною линіею отъ массы своихъ соплеменниковъ и преданные безпощадному разоренію, Натухайцы предложили условія, на которыхъ они соглашались принять Русское подданство. Имъ былъ предоставленъ выборъ между безусловною покорностью или изгнаніемъ изъ отеческой страны. Окончательное покореніе было отложено до осени 1859 года, когда Адагумская линія имѣла быть довершена основаніемъ четвертаго промежуточнаго укрѣпленія.

Съ началомъ 1859 года были предприняты дѣйствія въ большихъ размѣрахъ для покоренія племенъ, населяющихъ горы между Лабою и Бѣлою. Отряды Лабинскій и Майкопскій двинулись въ Январѣ съ двухъ противоположныхъ пунк-

товъ для того, чтобъ соединиться въ серединѣ, на истокахъ Фарса, обозрѣвая и расчищая страну. Лабинскій отрядъ прошелъ предгоріями на Губсъ; другой проникъ глубоко въ ущелье Бѣлой, почти до Каменнаго моста и въ ущелье одного изъ притоковъ ея—Фюнфта, сражаясь день и ночь противъ многочисленнаго и ожесточеннаго врага. Въ этотъ походъ было истреблено много ауловъ, горцы понесли большія потери; но предположенное соединеніе отрядовъ не состоялось за недостаткомъ фуража, который горцы истребляли съ приближеніемъ нашихъ войскъ. Разстояніе отъ линіи Малой Лабы до линіи Бѣлой оказалось слишкомъ значительнымъ для дѣйствій двухъ отрядовъ въ общей связи, безъ промежуточнаго пункта, снабженнаго заранѣе продовольствіемъ и фуражемъ, вслѣдствіе чего и было сдѣлано предположеніе основать слѣдующей осенью укрѣпленіе на уроч. Хамкеты.

Въ Февралѣ изъ укр. Псебайскаго была двинута на Ходзь колонна и, появившись неожиданно въ непріятельской землѣ, разорила до основанія поселенія Бесленеевцевъ, которымъ мы давно уже грозили жестокимъ наказаніемъ, если они будутъ продолжать враждебныя дѣйствія. Этотъ погромъ произвелъ самое сильное впечатлѣніе въ горахъ, такъ что немедленно затѣмъ общества Кизильбековцевъ, Башильбеевцевъ и Тамовцевъ принесли покорность и выдали аманатовъ. Замиреніе этихъ обществъ заставило усмириться и полупокорное населеніе, занимающее горы между Лабою и Урупомъ.

Съ наступленіемъ весны Лабинскій отрядъ совершилъ еще нѣсколько движеній въ непокорныя земли для того, чтобы не допустить горцевъ возобновлять разрушенныя поселенія. Майкопскій отрядъ расчищалъ окрестности укрѣпленія и оканчивалъ постройки. Особые отряды, Зеленчукскій и Тебердинскій, продолжали устройство станицъ, мостовъ и дорогъ въ верхней части Лабинскаго округа.

Пока эти дѣйствія происходили въ предѣлахъ бывшаго Праваго фланга, со стороны Черноморіи былъ сосредоточенъ отрядъ и двинутъ противъ непокорныхъ Бжедуховъ, занимающихъ самую средину Праваго крыла, между Абадзехами и Шапсугами. Отрядъ этотъ прорубилъ просѣку въ лѣсахъ, прикрывающихъ жилья Бжедуховъ и, вторгнувшись въ землю

этого племени, взялъ съ бою и истребилъ одинъ за другимъ 44 укрѣпленныхъ аула. Населеніе Бжедуховъ осталось на снѣгу, посреди своихъ погорѣвшихъ деревень, безъ крова и пищи, въ странѣ, открытой просѣкой постояннымъ вторженіямъ съ нашей стороны. Они поняли невозможность отстаивать противъ насъ занимаемыя ими мѣста.

Въ Апрѣлѣ тотъ же отрядъ двинулся къ сліянію Бакана и Неберджая для довершенія Адагумской линіи устройствомъ въ этомъ пунктѣ четвертаго укрѣпленія. Горцы рѣшились употребить всѣ зависѣвшія отъ нихъ усилія, чтобы не допустить насъ утвердиться въ этомъ мѣстѣ. Сеферъ-Бей съ 15-ю тысячами Шапсуговъ, Натухайцевъ и Убыховъ окружилъ лагерь отряда, но, понеся нѣсколько частныхъ пораженій, долженъ былъ отступить. Горское скопище разошлось по домамъ, и въ Августѣ были довершены предпринятыя работы.

Разоренные зимою Бжедухи, видя безнадежность своего положенія, прислали въ Іюнѣ депутацію къ генералу Филипсону просить о принятіи ихъ въ Русское подданство. Дворянство этого племени, давно лишившееся своихъ правъ и жившее въ отдѣльномъ аулѣ, нѣсколько времени еще медлило, но потомъ также покорилось. Бжедухамъ приказано осенью выселиться на Лѣвый берегъ Кубани и устроиться большими аулами не менѣе 300 дворовъ. Въ то же время приняты мѣры для подчиненія ихъ управленію, систематически сообразованному съ народными нуждами и потребностями Русской власти.

Кровавыя потери трехлѣтней войны, изнуреніе отъ постоянныхъ сборовъ для сопротивленія настойчивому наступленію съ нашей стороны, примѣръ Бжедуховъ и болѣе всего паденіе мюридизма на Восточномъ Кавказѣ, произвели сильное впечатлѣніе на умы Адыгскихъ обществъ, сосѣднихъ съ нашими предѣлами. Они поняли, что сопротивленіе будетъ имъ становиться со дня на день разорительнѣе и невозможнѣе. Въ началѣ осени племена между Лабою и Бѣлою: Темиргоевцы, Махошевцы, Егерукаевцы, Бесленеевцы, Закубанскіе Кабардинцы, Шахгиреевцы, одни за другими принесли покорность. Покуда въ этой части края оставались вольными только Баракаевцы и Баговцы.

Въ продолженіе того же времени принимались дѣятельныя мѣры къ прекращенію контрабанды на восточномъ берегу Чернаго моря. Предшествовавшая война развила ее въ огромномъ размѣрѣ, и первое время, при недостаткѣ морскихъ средствъ, трудно было ограничить ее. Изъ Турціи доставляли горцамъ военные припасы, пушки и даже привезли отрядъ флибустьеровъ. На берегу были заведены укрѣпленныя факторіи, Геленджикская и Туапсе, взятыя съ бою и разрушенныя нашимъ десантомъ; впослѣдствіи контрабандная торговля если не прекращена, то ослаблена и приняла болѣе безвредный для насъ характеръ.

Малочисленность войскъ, занимавшихъ обширный и совсѣмъ еще не устроенный край, между Черноморскимъ прибрежьемъ и Сурамскимъ хребтомъ, составлявшихъ районъ Кутаисскаго генералъ-губернаторства, заставила ограничиваться здѣсь полумѣрами до тѣхъ поръ, пока развязка дѣла на Восточномъ Кавказѣ позволила обратить излишекъ силъ въ эту сторону. Отдѣльное географическое положеніе этой части края, отрѣзанной отъ прочаго Закавказья горами и подверженной нападенію съ моря, важность этой страны, какъ передоваго поста, защищающаго весь край отъ возможнаго покушенія со стороны Европы, и какъ военнаго основанія для предстоявшаго занятія восточнаго берега Чернаго моря, настоятельно требовали особеннаго вниманія и значительныхъ средствъ. Сосѣдніе непокорные горцы, можетъ статься, могли бы быть приведены къ нѣкоторой степени покорности безъ особенныхъ усилій; но мы не имѣли тамъ достаточныхъ средствъ не только для дѣйствія, но даже для угрозы или для поддержанія партій, склоняющихся на нашу сторону. Матеріальная разработка края, совершенно для насъ необходимая, производилась только урывками. Кавказская армія не могла отдѣлить на Черноморское прибрежье ни одного лишняго батальона, и оттого всѣ правительственныя дѣйствія въ этомъ краѣ необходимо носили характеръ полумѣръ.

Главное вниманіе здѣсь князя Барятинскаго было обращено на водвореніе порядка въ полупокорныхъ или не совсѣмъ еще спокойныхъ, пограничныхъ земляхъ: Абхазіи, Цебельдѣ и Сванетіи. Первая страна была занята въ преж-

нихъ ея предѣлахъ возобновленіемъ укрѣпленія Гагры. Въ Цебельдѣ также основано укрѣпленіе, подъ названіемъ Цебельдинскаго. Смуты, происходившія въ Сванетіи вслѣдствіе домашней распри князей Дадешкиліановыхъ, окончены удаленіемъ изъ края старшей отрасли этой фамиліи, бывшей причиною безпорядковъ. Вольная Сванетія, долго считавшаяся недоступной, осмотрѣна и приведена въ покорность двукратнымъ движеніемъ нашихъ отрядовъ въ 1857 и 1858 годахъ. Военные пути устраивались, насколько позволяла ограниченность средствъ. Дорога, соединяющая Кутаисъ съ Тифлисомъ, чрезъ Сурамскій перевалъ, два года сряду разрабатывалась Тульскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ 1858 г. трассирована дорога изъ Сухумъ-Кале въ Кутаисъ внутренними землями, чтобы избѣжать сосѣдства съ моремъ,не находившимся въ нашемъ исключительномъ обладаніи. Наконецъ, довершалась разработка Военно-Осетинской дороги по Мамисонскому ущелью, цѣль которой—соединить прямымъ путемъ Кавказскую линію съ Кутаисомъ. Назначеніе этой дороги весьма важно; потому что, въ случаѣ внѣшней войны, можно будетъ, не разрывая силъ, защищать Черноморское прибрежье съ линіи, гдѣ войска постоянно расположены въ значительномъ числѣ.

И такъ, на Западномъ Кавказѣ, не смотря на ограниченность средствъ, которыми начальство этихъ странъ могло располагать, по счастливому сочетанію обстоятельствъ и неослабленной настойчивости съ нашей стороны, сдѣлано было больше, чѣмъ предполагалось по первоначальной программѣ. Паденіе Шамиля такъ сильно подѣйствовало на горцевъ Западнаго Кавказа, что половина ихъ покорилась ранѣе рѣшительнаго наступленія противъ нихъ. Вообще уже видно было, что и на Западномъ Кавказѣ дѣла принимаютъ такой оборотъ, при которомъ еще два - три энергически настойчивыхъ года дѣйствій сломятъ вѣковое сопротивленіе. Въ этихъ видахъ князь Барятинскій рѣшилъ передвинуть съ Восточнаго Кавказа всѣ стрѣлковыя части пѣхоты и три драгунскихъ полка съ артилеріей въ Закубанскій край и усилить тамъ всѣ нужныя для наступательныхъ дѣйствій средства; а самъ между тѣмъ желалъ отправиться на свиданіе съ Го-

сударемъ для личнаго доклада о положеніи дѣлъ, о видахъ его въ ближайшемъ будущемъ и чтобы испросить всѣ нужныя разрѣшенія.

Изъ приводимыхъ здѣсь писемъ къ Государю видно, что жестокая болѣзнь, усилившаяся во время похода подъ Гунибъ, удерживала князя въ Тифлисѣ, и поѣздка все откладывалась. Онъ писалъ Государю:

Тифлисъ, 21 Сентября 1859 г.

„Въ теченіе нѣсколькихъ дней я еще сохранялъ недежду на возможность лично повергнуть къ стопамъ Вашего Величества чувства безпредѣльной благодарности, которыми полно мое сердце за всѣ знаки Вашего непрерывнаго ко мнѣ благоволенія. Къ несчастью, со времени выѣзда изъ Петербурга, здоровье мое только ухудшалось, и подагра, не оставлявшая меня во все время похода, вынуждавшая прибѣгать къ самымъ сильнодѣйствующимъ средствамъ, овладѣла мною окончательно по возвращеніи въ Тифлисъ. Вотъ уже 10 дней, какъ я не оставляю постели, мучительно страдая, лишенный употребленія обѣихъ ногъ и правой руки, что̀ вынуждаетъ меня прибѣгнуть къ содѣйствію секретаря, чтобы повергнуть передъ Вами, Государь, мое сердечное горе по поводу невозможности воспользоваться Вашимъ благосклоннымъ разрѣшеніемъ явиться въ Николаевъ. Не менѣе тягостно мнѣ откладывать многіе вопросы, которые не могу доложить иначе какъ только словесно, а между тѣмъ они крайне важны для хода нашихъ дѣлъ“.

Тифлисъ, 2-го Ноября 1859 года.

„Съ соизволенія Вашего Величества и въ случаѣ, если улучшеніе моего здоровья продолжится, я надѣюсь имѣть возможность черезъ 5—6 недѣль предпринять свое путешествіе. Такимъ образомъ, я предполагаю прибыть въ Петербургъ въ концѣ Декабря мѣсяца. Я тороплюсь повергнуть къ стопамъ Вашего Величества мою глубокую признательность за всѣ проявленія милости, которыми Вы меня изволили осыпать. Вслѣдствіе измѣненія положенія дѣлъ послѣ похода этого лѣта, возникло нѣсколько важныхъ вопросовъ, которые я дол-

женъ Вамъ лично доложить; всё это вопросы, не терпящіе отлагательства для достиженія полнаго умиротворенія Кавказа“.

„Позвольте мнѣ также, Государь, выразить счастіе, наполнившее мое сердце по поводу сообщеннаго извѣстія, что Вы изволили согласиться на нашъ фамильный маіоратъ. Теперь мнѣ остается лишь просить Васъ довершить это благодѣяніе позволеніемъ передать состояніе брату моему Владиміру, согласно всегдашнему моему желанію. Вы этимъ снимете тяжелый камень съ моего сердца, такъ какъ Ваше Величество соизволите вспомнить, какъ долго я тружусь надъ довершеніемъ этого дѣла“.

Между тѣмъ произошло совершенно неожиданное событіе. Въ концѣ Октября, для возведенія предположеннаго укрѣпленія на урочищѣ Хамкеты, въ укр. Каладжинскомъ собрался отрядъ, подъ начальствомъ камандующаго войсками Праваго крыла генерала Филипсона; чрезъ нѣсколько дней отрядъ расположился лагеремъ на р. Хамкеты и приступилъ къ расчисткѣ мѣстности. Самое могущественное изъ Черкесскихъ племенъ, Абадзехи, видя, что дѣйствія Русскихъ войскъ уже не носятъ прежняго характера набѣговъ, а стремятся къ прочному занятію края и что такимъ образомъ имъ угрожаетъ потеря независимости, присылали къ генералу Филипсону выборныхъ и просили о перемиріи. По истеченіи даннаго Абадзехамъ срока, въ нашъ лагерь явился самъ Магометъ-Эминъ, игравшій на Западномъ Кавказѣ роль намѣстника Шамиля, какъ главы Ислама, съ народными старшинами и толпою до 2000 всадниковъ. 20-го Ноября Абадзехскіе выборные люди приняли присягу на вѣрноподданство, на условіи, чтобы вѣра, народныя права и земля ихъ оставались неприкосновенными, чтобы на нихъ не были налагаемы ни подати, ни обязанность военной службы. Само собою, такая условная покорность не могла соотвѣтствовать нашимъ цѣлямъ, и долго въ подобномъ положеніи оставаться было немыслимо; но Абадзехскій народъ далеко еще не былъ вынужденъ къ покорности оружіемъ, а потому и такое замиреніе этого сильнаго племени слѣдовало считать важнымъ для насъ событіемъ, при самомъ началѣ систематическихъ наступательныхъ

дѣйствій въ Закубанскомъ краѣ, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ Абадзехами покорились еще Баракаевцы и во всей восточной половинѣ Праваго крыла, до предѣловъ Шапсуговъ, горское населеніе признало надъ собою Русскую власть. Все это облегчало намъ дѣйствія противъ западной половины этой части края. Извѣстіе объ этомъ событіи князь Барятинскій доложилъ Государю въ слѣдующемъ письмѣ.

Тифлисъ, 28 Ноября 1859.

„Государь! Я весьма счастливъ, имѣя возможность еще до пріѣзда въ Петербургъ сообщить вамъ о великомъ событіи, совершившемся на Правомъ крылѣ Кавказской линіи. Магометъ-Эминъ со всѣми Абадзехами покорился скипетру Вашего Величества; онъ увлекъ съ собою до 100 тыс. человѣкъ. Полковникъ Свѣчинъ, находившійся при генералъ-лейтенантѣ Филипсонѣ, личный свидѣтель этого событія, представитъ вамъ интересныя свѣдѣнія. Дѣло будетъ весьма полезно въ отношеніи остальныхъ племенъ, нами еще непокоренныхъ. На дняхъ я ожидаю Магометъ-Эмина и если онъ, какъ говорилъ Свѣчинъ, изъявитъ намѣреніе имѣть счастіе быть представленнымъ Вашему Величеству, то я его немедленно отправлю въ Петербургъ. Это принесетъ пользу всему Кавказу, потому что хотя Магометъ-Эминъ и не пользуется, подобно Шамилю, всесвѣтною извѣстностью, но все-таки и Турція, и наши Западные сосѣди хорошо знаютъ это внушительное имя“.

„Позвольте мнѣ просить для генерала Филипсона орденъ св. Александра Невскаго; войскамъ же его соблаговолите выразить свое удовольствіе. Успѣхъ и слава увѣнчали ихъ труды; до сихъ поръ, безъ ихъ вины, заслуги войскъ Праваго крыла оставались безъизвѣстными. Предоставьте имъ, Государь, принять участіе въ знакахъ Вашего благоволенія“.

Успѣхи послѣдняго времени были оцѣнены Государемъ по достоинству; а донесеніе объ изъявленіи Магометъ-Эминомъ съ Абадзехами покорности, хотя и условной, вызвало въ Петербургѣ большую радость: его сочли предвѣстникомъ близкаго изъявленія покорности всѣми горцами Западнаго Кавказа. Государь возвелъ 6-го Декабря 1859 г. князя Ба-

рятинскаго въ санъ генералъ-фельдмаршала и повелѣлъ Кабардинскому полку именоваться впредъ имени его полкомъ. Посланный для врученія ему маршальскаго жезла, флигель-адъютантъ Дурново встрѣтилъ князя, ѣхавшаго въ Петербургъ, на Дону, на Меркуловской почтовой станціи. (Здѣсь надъ входомъ была впослѣдствіи прибита мраморная доска съ соотвѣтствующею надписью). Образованные Русскіе люди, знавшіе и не знавшіе лично князя Барятинскаго, изъ искренняго патріотическаго чувства, отнеслись тогда къ нему съ полнѣйшею симпатіею и прислали ему множество поздравленій; но самъ князь Барятинскій, не придавая покоренію Абадзеховъ рѣшающаго значенія, считалъ эту высокую награду для себя неожиданною и отчасти несвоевременною.

Это выразилъ онъ въ письмѣ къ Д. А. Милютину изъ Петербурга на Кавказъ, отъ 9 Января 1860 года, въ отвѣтъ на его поздравленіе:

„Благодарю васъ за сердечное ваше выраженіе при поздравленіи меня съ чиномъ, котораго я, какъ вы сами знаете, никакъ не ожидалъ. Три дня оставался я совершенно обремененнымъ отъ этой высокой милости, и чинъ этотъ, который обыкновенно такъ радуетъ, опечалилъ меня выше всякаго выраженія. Вы согласитесь со мною, что награда эта за Гунибъ, или за всю нынѣшную кампанію, не произвела бы такого дѣйствія; но покорность Абадзеховъ, по мнѣнію моему, еще слишкомъ шатка, чтобы удостоиться такого высокаго званія“.

Князь самъ разсказывалъ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ спросилъ у Государя, за что́ произведенъ въ фельдмаршалы? Если за покорность Абадзеховъ, то считаетъ себя огорченнымъ, потому что дѣло не заслуживало этого. Государь отвѣчалъ ему: „Нѣтъ, я чувствовалъ, что ты мало награжденъ за покореніе Восточнаго Кавказа и потому воспользовался случаемъ“ *).

Нечего и говорить, какъ былъ встрѣченъ въ Петербургѣ новый и единственный тогда въ Россіи фельдмаршалъ. Въ

---

*) 16 Января 1860 г. Государь назначилъ князя Барятинскаго почетнымъ членомъ Императорской Военной Академіи.

дворянскомъ собраніи ему былъ данъ обѣдъ, на которомъ присутствовали государственные сановники и представители высшаго общества. Еще болѣе искренно и сочувственно приняла князя Барятинскаго Москва на обратномъ его пути изъ Петербурга. За обѣдомъ въ Дворянскомъ Собраніи князь П. А. Вяземскій прочиталъ ему свои стихи. М. П. Погодинъ (не попавшій на обѣдъ) написалъ по этому поводу очень остроумную статью. Тогда же, въ Москвѣ, встрѣтилъ князя пріѣхавшій изъ Калуги Шамиль, превратившійся изъ долголѣтняго упорнаго врага въ самаго искренняго почитателя князя Александра Ивановича. Князь устроилъ у себя свиданіе Алексѣю Петровичу Ермолову съ Шамилемъ. Сошлись представители трехъ знаменательныхъ эпохъ на Кавказѣ: зарожденія мюридизма, его наивысшей силы, и паденія, закончившаго почти вѣковую борьбу.

Послѣ всѣхъ этихъ торжествъ и овацій фельдмаршалъ возвратился въ Тифлисъ, гдѣ его встрѣтили съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Въ залахъ дворца толпились представители всѣхъ вѣдомствъ и туземныхъ населеній. Въ числѣ послѣднихъ былъ полковникъ князь Мамука Орбельянъ; онъ, вынувъ изъ футляра маршальскій жезлъ, поднялъ его высоко и воскликнулъ: „Господа, вотъ награда всему Кавказу“. Раздалось оглушительное ура! Князь Барятинскій снова переживалъ радостныя минуты...

Но жестокая болѣзнь продолжала свою разрушительную работу, лишая виновника всѣхъ этихъ торжествъ возможности вполнѣ наслаждаться ими. Онъ писалъ Государю:

Тифлисъ, 24 Марта 1860 г.

„Государь! Возвратясь въ Тифлисъ съ сердцемъ наполненнымъ живѣйшею радостью, вслѣдствіе непрестанныхъ милостей Вашего Величества, я имѣлъ еще счастіе получить вскорѣ милостивое письмо отъ Ея Величества вдовствующей Императрицы, которая въ Ниццѣ соизволила вспомнить обо мнѣ и обратиться ко мнѣ съ нѣсколькими словами ангельской доброты“ *).

*) Поздравленіе съ производствомъ въ фельдмаршалы.

„Я видѣлъ Шамиля въ мой проѣздъ черезъ Москву; казалось, что онъ былъ радъ видѣть меня и весьма доволенъ, судя по всему, что̀ онъ мнѣ говорилъ. Онъ имѣлъ въ высшей степени приличный видъ; но по Московскимъ и Калужскимъ толкамъ, кажется, что пенсія, которую вы ему назначили, недостаточна для его содержанія. Полковникъ Богуславскій можетъ дать объ этомъ подробныя разъясненія военному министру; я, со своей стороны, полагаю полезнымъ прибавить Шамилю еще 5,000 рублей въ годъ и давать ихъ ему на руки для его частныхъ расходовъ“.

„Магометъ-Эминъ только что отправился въ Петербургъ; онъ представится Вашему Величеству вмѣстѣ съ Абадзехскими старшинами. Я далъ князю Львову, который будетъ имѣть счастіе вамъ ихъ представить, необходимыя наставленія, для доклада военному министру, о взаимныхъ положеніяхъ этихъ господъ. Испрашиваю у Вашего Величества милости назначить Магометъ-Эмину пожизненную пенсію въ 3000 р. ежегодно; мнѣ также кажется полезнымъ дать ему единовременное пособіе въ 5000 р. Это человѣкъ въ высшей степени корыстный и тщеславный и, полагаю, съ ничтожнымъ вліяніемъ въ будущемъ; но онъ намъ оказалъ большую услугу, и нужно бы отплатить ему за нее. Другіе старшины, которые впослѣдствіи будутъ гораздо вліятельнѣе его, должны бы также, по моему мнѣнію, быть довольно щедро награждены единовременными пособіями; полагаю, что нужно дать каждому по 2000 р., не назначая имъ пенсій. Моя цѣль въ данный моментъ усыпить Абадзеховъ, чтобы не дать имъ возможности въ теченіе этого года снова предпринять враждебныя дѣйствія противъ насъ, и въ тоже время энергически продолжать военныя дѣйствія противъ Шапсуговъ, для чего я сосредоточилъ много отличныхъ войскъ, и, если силою оружія, я добьюсь абсолютной власти надъ Шапсугами, тѣмъ самымъ отниму у Абадзеховъ возможность когда либо возмутиться. Вотъ причины, побудившія меня послать вамъ Магометъ-Эмина съ остальными Абадзехскими депутатами, дабы они могли, возвратившись, поразить своихъ соплеменниковъ волшебными описаніями величія, блеска и благосклонности Вашей Августѣйшей Особы“.

„Я возвратился на Кавказъ, чтобы встрѣтиться съ жестокой зимой; утомительность большаго путешествія, которое я только что совершилъ, и дѣла, которыя я здѣсь нашелъ, лишь ухудшили состояніе моего здоровья, и я мечтаю о лѣтѣ, когда предполагаю дать себѣ полный отдыхъ, какъ вѣроятную возможность выздоровленія. Такъ какъ я имѣю уже на это позволеніе Вашего Величества, то предполагаю передать на это время дѣла князю Орбеліану и, если обстоятельства не воспрепятствуютъ, удалюсь въ окрестности Тифлиса, въ Боржомъ или другое мѣсто съ умѣреннымъ климатомъ, чтобы провести тамъ жаркіе лѣтніе мѣсяцы. Постараюсь вести тамъ спокойную жизнь, вдали отъ всякихъ хлопотъ и, такимъ образомъ, буду имѣть выгоду считать себя въ отпуску, не имѣя при этомъ безпокойства, всегда причиняемаго удаленіемъ отъ страны, ввѣренной въ управленіе. Итакъ, я соединю полезное съ пріятнымъ, не вредя ходу дѣлъ. Разсчитываю выѣхать изъ Тифлиса въ первыхъ числахъ Іюня“.

„Предположенія на будущее лѣто заставляютъ меня возвратиться къ одному предмету, о которомъ я уже имѣлъ случай докладывать Вашему Величеству; именно о назначеніи, которое вы дадите генералу Милютину. Въ приказѣ отъ 16 Февраля я прочелъ, что князь Васильчиковъ увольняется отъ должности товарища министра; если намѣреніе Вашего Величества было замѣстить его съ настоящаго времени генераломъ Милютинымъ, чтобы облегчить этой переходной ступенью его назначеніе на болѣе высокую должность, которую вы ему предназначили, то я приму на себя смѣлость просить Васъ, Государь, не слишкомъ торопиться въ этомъ случаѣ съ отозваніемъ генерала Милютина, присутствіе котораго было бы мнѣ чрезвычайно полезно, именно въ то время, которое я буду принужденъ посвятить возстановленію моего здоровья. При новомъ начальникѣ штаба я буду непремѣнно вынужденъ приняться лѣтомъ за работу, чтобы направить его соотвѣтственно моимъ видамъ, между тѣмъ какъ обязанности товарища министра совсѣмъ не требуютъ немедленнаго прибытія генерала Милютина въ Петербургъ. Впрочемъ, если расчитать, что покуда Ваше повелѣ-

ніе придетъ въ Тифлисъ, покуда Евдокимовъ приметъ начальствованіе надъ Правымъ флангомъ Кавказской линіи, а Филипсонъ передастъ ему дѣла и пріѣдетъ сюда, чтобы принять дѣла отъ Милютина, и онъ лишь тогда будетъ имѣть возможность отправиться въ Петербургъ: пройдетъ навѣрное три-четыре мѣсяца и, такимъ образомъ, настанетъ 30 Августа. Если до этого самаго времени Милютинъ будетъ числиться товарищемъ министра, то въ Петербургѣ освоятся съ будущимъ положеніемъ, которое Вы изволите предназначать ему и, пріѣхавъ въ началѣ Сентября, онъ могъ бы вступить уже въ отправленіе своихъ обязанностей, какъ министръ".

„Простите, Государь, что я затронулъ эти подробности; но, зная, что въ Вашей милостивой благосклонности ко мнѣ и къ краю, мнѣ довѣренному, Вы изволите интересоваться также и моимъ здоровьемъ, я рѣшился обратить Ваше высокое вниманіе на затруднительное положеніе, въ которое я былъ бы поставленъ, еслибы эта перемѣна совершилась въ то время, которое я долженъ посвятить серьезному лѣченію".

Безъ всякаго преувеличиванія и пристрастія должно сказать, что всѣми блистательными успѣхами на Кавказѣ Россія вполнѣ обязана князю Барятинскому. Какъ онъ самъ ни уменьшалъ своей заслуги, приписывая успѣхъ и нарѣзному оружію (появившемуся, впрочемъ, въ Кавказскихъ войскахъ лишь въ концѣ 1857 года, да и то въ нѣкоторыхъ лишь частяхъ), и искусству и энергіи командовавшихъ генераловъ, особенно графа Евдокимова; но безъ созданнаго имъ систематическаго плана покоренія Кавказа, безъ введенной имъ безпрерывности дѣйствій, безъ его настойчивости, послѣдовательности, безъ той реформы всего военнаго управленія, которую онъ создалъ и провелъ, безъ его умѣнія во́ время награждать и вселять въ подчиненныхъ самыя лучшія надежды, наконецъ, безъ полнаго довѣрія и расположенія, которыми онъ пользовался у Государя, конечный результатъ не могъ быть достигнутъ и, во всякомъ случаѣ, заставилъ бы себя ждать еще не одинъ десятокъ лѣтъ.

Подробнѣйшее изученіе архивовъ предшествовавш го болѣе полувѣковаго періода войны на Кавказѣ не обнаруживаетъ даже намека на какой-либо планъ полнаго, общаго покоренія горъ. Были только болѣе или менѣе удачныя предположенія къ частнымъ упроченіямъ нашимъ въ краѣ, или къ обезпеченію отъ вторженій непріятеля. Самая мысль о *совершенномъ покореніи* какъ бы не входила въ соображеніе, почти исключалась изъ области возможнаго....

Въ 1856 году, въ пріѣздъ князя Барятинскаго на Кавказъ главнокомандующимъ, было немало людей увѣренныхъ, что дѣла пойдутъ лучше, успѣшнѣе; но чтобы чрезъ нѣсколько лѣтъ Шамиль очутился въ плѣну, а горцы были окончательно покорены и вѣковая война закончена, такихъ вѣрующихъ положительно не было. Нѣкоторые, въ числѣ быть можетъ трехъ-четырехъ человѣкъ, допускали такой результатъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; всѣ остальные вообще сомнѣвались въ возможности когда-либо полнаго покоренія. Одинъ князь Барятинскій вѣрилъ въ непогрѣшимость своего систематическаго плана, въ силу безпрерывности наступательныхъ дѣйствій, долженствовавшихъ сломить упорство горцевъ и одолѣть всѣ препятствія.

Когда какое-нибудь трудное дѣло совершится, всѣ находятъ, что это было очень просто; найдутся и такіе, которые скажутъ: „и я бы это сдѣлалъ!“ Все таже исторія съ Колумбовымъ яйцомъ... Кавказская война, при всѣхъ ея особенностяхъ, тоже не была конечно абсолютно-неразрѣшимымъ вопросомъ. Она требовала примѣненія къ разнообразнѣйшимъ мѣстнымъ условіямъ, а это примѣненіе и составляло самую суть задачи. Нуженъ былъ особенный талантъ, чтобы уяснить себѣ всѣ эти мѣстныя обстоятельства и, такъ сказать, сгруппировать ихъ въ своемъ умѣ, чтобы не упускать ихъ изъ вида, постоянно съ ними соображаться; нужна была сильная воля, чрезвычайная энергія, чтобы въ теченіе семи лѣтъ слѣдовать безъ всякаго колебанія выработанной системѣ, не ослабѣвая ни на одинъ часъ, въ сознаніи, что это должно повести къ успѣху. Имѣя дѣло съ противникомъ, сила котораго заключалась не въ арміи, а въ цѣломъ населеніи, воинственномъ, поголовно вооруженномъ, на

сторонѣ котораго была сама природа, нужно было заставить его быть безъ отдыха подъ ружьемъ, въ готовности къ бою, слѣдовательно лишеннымъ возможности найти время для работъ, дающихъ средства существованія. Такая система, какъ уже было разсказано, составляла исключительную принадлежность князя Барятинскаго. Но, слѣдуя ей, нужно было вѣрно разчитывать каждый шагъ свой и каждую подробность, чтобы не продлить срока этой гигантской работы дальше мѣры возможности и для нашихъ силъ, и не положить лоскомъ своихъ войскъ раньше достиженія намѣченной цѣли. На это князю указалъ опытъ предшествовавшихъ лѣтъ, которыя онъ провелъ въ званіи полковаго командира и начальника Лѣваго фланга. Труды войскъ, особенно на Лѣвомъ крылѣ, какъ главномъ театрѣ дѣйствій, были чрезвычайны, подчасъ изнурительны; но это было неизбѣжно и заранѣе разсчитано, чтобы этой кратковременной жертвою положить конецъ жертвамъ безконечнымъ. Сила характера, не ослабѣвающая столько лѣтъ сряду, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Умалить этой заслуги князя Барятинскаго никто не можетъ.

Не счастливая звѣзда князя Барятинскаго, не слѣпая, благосклонная ему судьба, не утомленіе истощеннаго непріятеля, не одни лишь большія данныя ему средства (какъ силились утверждать многіе) были причиною успѣха. По свойственной человѣчеству слабости не признавать въ живыхъ дѣятеляхъ дѣйствительныхъ заслугъ, какъ бы изъ страха уменьшать такимъ образомъ свои собственныя дѣла, не говоря о зависти, склонности къ порицаніямъ, къ критикѣ во что бы ни стало, вообще о разныхъ личныхъ побужденіяхъ, и князю Барятинскому не хотѣли отдавать должнаго при жизни. Это, впрочемъ, безъ исключенія удѣлъ всѣхъ выдающихся людей. Нужна смерть, нужно всенивелирующее время, чтобы шипѣнія зависти, личныхъ неудовольствій и проч. утихли и забылись; тогда только твореніе таланта, очищенное отъ привязываемыхъ къ нему тѣневыхъ придатковъ, на половину правдивыхъ, на половину измышленныхъ, можетъ явиться въ своемъ полномъ, величественномъ значеніи.

Четверть вѣка прошло со времени покоренія Кавказа и прекращенія вѣковой войны, десять лѣтъ прошло со дня смерти виновника этого великаго, важнѣйшаго для Россіи событія; наступилъ безпристрастный судъ исторіи. Воздадимъ же должное памяти достойнаго. Мы не уменьшимъ этимъ заслугъ ни ближайшихъ его помощниковъ въ ту эпоху, ни его послѣдователей. Первые блистательно выполнили свою роль исполнителей главныхъ предначертаній главнокомандующаго, облегчили лежавшее на немъ бремя труда, и никто не станетъ оспаривать, что безъ Д. А. Милютина и Н. И. Евдокимова ему было бы труднѣе выполнить свой планъ въ такой короткій срокъ, съ такимъ полнымъ успѣхомъ и съ ничтожною потерею въ людяхъ. Но самый планъ, сама плодотворная мысль, можно сказать вдохновеніе, остаются неотъемлемою принадлежностью князя Барятинскаго; энергія, настойчивость, дѣйствіе безъ колебаній, безъ растерянности— его заслугою. Въ Европѣ давно ихъ оцѣнили.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Письмо Н. В. Ханыкова.

7 (19) Декабря 1859, Петербургъ.

Считаю въ высшей степени пріятнымъ для себя долгомъ передать вамъ мои искреннія поздравленія съ блестящей побѣдой, одержанной вами на Кавказѣ. Громкая слава достойно вѣнчаетъ ваше великое поприще.

До вчерашняго дня я еще ни разу не былъ свидѣтелемъ столь единодушныхъ всеобщихъ заявленій одобренія по поводу монаршей награды. Вчера мнѣ пришлось видѣть много людей, различныхъ слоевъ общества, и всѣ въ одинъ голосъ говорили: Государь былъ только справедливъ; заслуги оказанныя княземъ Россіи велики, и онъ достойно заслужилъ свой жезлъ фельдмаршальскій. Я убѣжденъ, что уже сегодня пронесется, въ особенности между стариками приближенными къ золотому жезлу, нѣкоторыя сѣтованія выраженныя въ болѣе или менѣе смѣлой формѣ; но вчера величіе успѣха подавило ненависть, и зависть, и сожалѣнія. Вашъ тріумфъ въ Петербургѣ былъ полный; вы прибавили къ исторіи славнаго царствованія нашего Монарха не одну только страницу, какъ всѣ говорятъ, но цѣлый блестящій томъ.

Мнѣ остается только питать надежду на скорый случай лично повторить вамъ, фельдмаршалъ, чувства высокаго уваженія, которое къ вамъ питаетъ вашъ покорный слуга и пр.

Б Письмо Донскаго атамана генералъ-адъютанта Хомутова.

Новочеркаскъ, 1 Января 1860 г.

Донскіе воины, сохраняя глубокое уваженіе къ вашему имени и чувствуя искреннюю благодарность за попеченіе, которое вы принимаете во-благѣ Донскихъ полковъ, находящихся подъ вашимъ начальствованіемъ, пріятнымъ дѣломъ поставляютъ принести вашему сіятельству, вмѣстѣ со мною, усерднѣйшее поздравленіе съ наступившимъ новномъ годомъ и полученіемъ великой Монаршей милости и изъявить свое особенное удовольствіе, что фельдмаршалскій жезлъ вами принятъ на Донской землѣ.

В. СТИХИ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Генералъ-фельдмаршалу князю Александру Ивановичу Барятинскому.

Врага упорство обезсиля
Въ самомъ гнѣздѣ враждебныхъ силъ,
Хоть вы и взяли въ плѣнъ Шамиля,
Успѣхъ васъ не ошеломилъ.

*
* *

Ни блескъ фельдмаршальскаго сана,
Ни громъ побѣдъ, ни гулъ молвы,
Какъ обаяньями дурмана,
Вамъ не вскружили головы.

*
* *

Простосердечно и спокойно,
Вы свыклись съ вашимъ торжествомъ,
Въ сознаньи, что оно достойно
Далось вамъ съ боя и трудомъ.

*
* *

Васъ благодарствуетъ Россія
За вашу службу передъ ней,
За ваши доблести младыя,
Залогъ созрѣвшихъ нынѣ дней;

*
* *

За то, что, баловень фортуны,
Отвергнувъ нѣгу и покой,
Вы закалили возрастъ юный
Въ горнилѣ жизни боевой;

*
* *

Что, путь избравъ, къ далекой цѣли,
Вы шагъ за шагомъ бодро шли,
Что духомъ вы не оскудѣли,
А все мужали и росли.

*
* *

На старшихъ вамъ смотрѣть не стыдно,
И зависть васъ не уязвитъ;
Имъ счастье ваше не обидно:
Вашъ лавръ и имъ принадлежитъ.

*
* *

Въ затишьи, гдѣ, отъ бурь далече,
Вкушаетъ старческій покой
Когда-то левъ нашъ въ грозной сѣчѣ,
Кавказу памятный герой,

*
* *

Встряхнувъ сѣдою головою,
Дней славныхъ память пробудя,
Помолодѣетъ онъ душою
Предъ лавромъ юнаго вождя.

*
* *

Сей лавръ, блестящій юной славой,
Намъ всѣмъ на радость и въ почетъ:
Изъ почвы, нѣкогда кровавой,
Онъ мирной тѣнью разцвѣтетъ.

*
* *

Еще грядущее предъ вами!
Еще широкъ предъ вами путь:
Не охлажденная годами,
Пылаетъ благомъ ваша грудь.

*
* *

На край, облитый Русской кровью,
Почіетъ мудрая рука,
И довершите вы любовью
Побѣду Русскаго штыка.

*
* *

Кавказъ вспахали наши рати,
Костьми засѣяли бразды,
Чтобъ послѣ жатва благодати
Созрѣла въ добрые плоды;

*
* *

Чтобъ назидая, умиряя,
Чтобъ разливая жизнь и свѣтъ,
Перешагнула Русь Святая
Горъ непріязненныхъ хребетъ;

*
* *

Чтобы вкусивъ изъ полной чаши
Струю святыхъ и мирныхъ благъ,
Благословилъ побѣды наши
Перерожденный нами врагъ.

*
* *

Васъ избралъ Царь, и глазъ державный
Вождя по сердцу угадалъ:
Ему въ отвѣтъ вашъ подвигъ славный
Его довѣрье оправдалъ.

*
* *

Ура Царю, ура три раза,
Ура младый фельдмаршалъ вамъ!
Ура вамъ ратникамъ Кавказа,
Вамъ древнихъ дней богатырямъ!

Январь 1860 г.

Князь Вяземскій.

Г. Изъ письма М. П. Погодина. 1680.

Вы спрашиваете меня безпрестанно, друзья мои, о князѣ Барятинскомъ; изъ вашихъ писемъ я вижу, какъ вамъ хочется, чтобъ я къ нему представился, собираясь ѣхать на Кавказъ. Что же я долженъ отвѣчать вамъ теперь? У князя Барятинскаго я не былъ, князя Барятинскаго я не видалъ и въ обѣдѣ, данномъ въ честь ему, не принималъ никакого участія. Какъ это случилось, вѣрно вы спросите меня, удивленные, съ досадою? Спѣшу оправдаться предъ вами и представить ясныя доказательства, что это случилось вопреки моему желанію; ибо я отложилъ даже поѣздку въ Петербургъ, именно съ тою цѣлью, чтобъ не пропустить князя Барятинскаго. Слушайте.

Вы знаете, что обыкновенно я сижу дома, принимаю рѣдко, выѣзжаю еще рѣже, особенно въ послѣднее время, занятый важною историческою работою. Въ прошедшій Вторникъ я отправился на вечеръ къ Кошелеву, въ надеждѣ увидѣться съ знакомыми, узнать Петербургскія и Московскія новости. Вдругъ слышу тамъ, что въ Пятницу назначенъ обѣдъ въ Благородномъ Собраніи, въ честь князя Барятинскаго и что билеты всѣ разобраны. „Вы, разумѣется, будете?“ спросили меня нѣтоторые изъ присутствовавшихъ.—Я очень желаю быть; но вотъ, говорятъ, билетовъ уже достать нельзя.—„Помилуйте, для васъ найдется всегда билетъ“. Другіе подошли ко мнѣ со словами: „Вы вѣрно скажите привѣтствіе князю Барятинскому. Это непремѣнно нужно. Нельзя же такому празднику остаться безъ слова!“— Я не откажусь, господа, отвѣчалъ я, если учредители обратятся ко мнѣ съ предложеніемъ; а самъ не люблю вызываться. Можетъ быть, найдутся и другіе желающіе. Главное, чтобъ кто нибудь показалъ, объяснилъ, какъ мы понимаемъ и цѣнимъ событіе.—На томъ разговоръ и прекратился. Воротясь домой, за полночь, я набросалъ мысли, которыя мелькнули у меня въ головѣ, по длинной дорогѣ съ Поварской на Дѣвичье поле.

По утру, въ Среду я написалъ письмо къ предводителю, прося включить меня въ списокъ, и остался въ полной увѣренности, что получу завтра билетъ. Наступилъ и прошелъ Четвергъ—ни слуху ни духу, билета нѣтъ; я подумалъ: вѣрно учредители не хотятъ, чтобъ я былъ на обѣдѣ; вѣрно они опасаются, чтобъ я не сказалъ чего нибудь такого, что̀ привело бы ихъ въ замѣшательство. Иначе, какъ не получить бы даже отвѣта на письмо? Ну такъ Богъ съ ними!

Въ Пятницу пришелъ ко мнѣ Алексѣй Михайловичъ Кубаревъ, учившій долго князя по-русски и сохранившій о немъ до сихъ поръ пріятное воспоминаніе. Онъ разсказалъ мнѣ нѣкоторыя подробности объ его юношествѣ и сообщилъ разныя свои замѣчанія. „Поѣзжай къ князю, если ты былъ такъ близокъ къ нему: вѣрно ему будетъ пріятно встрѣтить стараго своего учителя. „Радъ бы“, отвѣчалъ онъ, „да какъ къ нему теперь доберешься? Терпѣть не могу этихъ лѣстницъ; развѣ написать письмецо“.

На другой день началъ я получать извѣстія объ обѣдѣ: рѣчей никакихъ не было, кромѣ краткаго привѣтствія со стороны генерала губернатора и нѣсколькихъ словъ въ отвѣтъ отъ князя Барятинскаго.

Это просто меня взорвало! Ну не въ правѣ ли Европейцы называть насъ невѣжами, дикими варварами, безмолвными илотами, которые не смѣютъ рта разинуть и поютъ только по полученнымъ нотамъ, разумѣется, фальшиво? Какъ, событіе, подобное покоренію Кавказа, событіе не только Европейское, но всемірное, отпраздновать одною кулебякою и, обтирая усы, удовольствоваться восклицаніемъ: „Ай да Порфирій, отличился! Тѣмъ и покончить балъ! Гдѣ-же? Въ Москвѣ, на которую смотритъ вся Россія и вся Европа. Вотъ и вспомнишь Наполеона; „grattez le Russe, et vous trouverez le Tartare“ *).

Такія встрѣчи, въ такихъ обстоятельствахъ, случаются въ жизни городовъ вѣка̀ми. Что́ значитъ Кавказъ? Понимаете ли, вы господа предводители, засѣдатели, депутаты и учредители, что́ значитъ Кавказъ и его отношенія къ Россіи, къ Европѣ, къ Азіи, къ Исторіи? Позабыли вы, чего онъ стоитъ намъ въ продолженіи пятидесятилѣтней борьбы, и сколько Русской крови пролито на его вершинахъ? Не знаете вы, чѣмъ можетъ сдѣлаться Кавказъ въ рукахъ умнаго, смѣлаго правительства! Какой прекрасный случай помянуть добромъ нашего славнаго старца, съ львинной головою, съ соколиными глазами, съ бѣлыми волосами, что́ началъ при малыхъ средствахъ покореніе Кавказа, а прежде подъ Кульмомъ остановилъ побѣдное шествіе Наполеоново. Какой великолѣпный случай послать Русскую, Пушкинскую здравицу лорду Пальмерстону и Людовику-Наполеону, которые, разыгравъ съ нами недавно печальную траги-комедію, такъ хозяйственно распоряжаются теперь въ Европѣ! Когда сказаться лучше народному чувству, гдѣ выразиться пріятнѣе сознанію гражданскаго достоинства, какъ не на подобномъ праздникѣ? Вѣдь, вѣрно, человѣкъ двадцать принимало

---

*) Поскоблите Русскаго, и окажется Татаринъ.

участіе въ устройствѣ обѣда, и не нашлось между нимъ одного, чей взоръ простирался-бъ дальше кухни съ плитою и чье воображеніе представляло-бъ что-нибудь кромѣ погреба съ бутылками. „Быть въ бѣлыхъ галстукахъ"— вотъ единственный актъ премудрыхъ конгрессовъ, отпечатанный на билетахъ. Отъ кого же пошло такое превысочайшее повелѣніе? Отъ самихъ себя къ самимъ себѣ. Ну что же Татары мы отъ головы до пятокъ, или нѣтъ? Если мы не получаемъ приказанія какого нибудь, отъ кого-нибудь, объ чемъ нибудь, мы несчастны, не знаемъ что́ дѣлать со своими руками и ногами и начинаемъ приказывать сами себѣ, стараясь выразиться какъ можно погрубѣе, подиче.

Впрочемъ, слышится оправданіе постыднаго безмолвія: князь Барятинскій застѣнчивъ и просилъ, чтобъ рѣчей не было. Князь Барятинскій не былъ застѣнчивъ подъ Гунибомъ, Гергебилемъ и Дарго: вотъ главное; а если онъ застѣнчивъ въ гостинной и пріемной, тѣмъ лучше; это новое достоинство, и всякое его смущеніе, замѣшательство предъ мирными гражданами произвело бы только лишнее ощущеніе въ его пользу. Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ: на Кавказѣ князь Барятинскій хозяинъ, а въ Москвѣ хозяева мы, обыватели, и принять его дома, на своемъ обѣдѣ, имѣемъ полное право какъ хотимъ, а не какъ укажетъ онъ, или другой кто бы то ни былъ. Одно свободное слово, искреннее чувство даетъ жизнь празднику; а указанная форма сообщаетъ ему запахъ мертвечины; обѣдъ по формѣ гроша не стоитъ, хотя бы и заплаченъ тысячами.

Досада меня взяла, когда я услышалъ, что прекрасный случай пропалъ даромъ и ограничился казенными фразами; я заперъ двери у себя въ кабинетѣ, взялъ набросанную третьяго дня ночью страничку и пошелъ ходить по комнатѣ и декламировать, размахивая руками.

Москва привѣтствуетъ васъ, фельдмаршалъ! Мы здѣсь любимъ говорить искренно и просто, да и стыдно было бы лгать или льстить въ наше многозначительное и многознаменательное время: лесть и ложь причинили намъ уже много вреда. Послѣдняя Турецкая война, не смотря на многіе блистательные подвиги, нанесла глубокія раны Русскому сердцу; намъ тяжело подумать, что Черноморскія наши крѣпости лежатъ въ развалинахъ и не могутъ подняться, между тѣмъ какъ Шербургъ, Портсмутъ, Гибралтаръ укрѣпляются свободно и безпрепятственно, не давая никому отчета; намъ прискорбно вспомнить, что славный стихъ Пушкина объ Измаильскомъ штыкѣ лишился для насъ смысла. Вамъ, фельдмаршалъ, Русскій Богъ поручилъ разсѣять сколько нибудь нашу грусть, утѣшить ропщущія тѣни Суворова, Румянцова, Потемкина. Покореніе Кавказа, довершаемое вами, услаждаетъ насъ мыслью въ нашемъ безвременьи, что если Севастеполь взорванъ на воздухъ, то подъ Эльборусъ, по крайней мѣрѣ, ни Англичане, ни Французы не подкопаются, и если мы отброшены отъ роднаго намъ Дуная, то между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, съ ихъ притоками, до подошвъ Гималайскихъ горъ, не залѣзетъ уже никто, и

господство надъ средней Азіей, принадлежащей намъ физически и географически, мимо политики и дипломатіи, отнять у насъ никакими кознями, никакими ошибками нельзя, будь только на то наша воля. Я знаю, что этими словами возбужу толки; но это мое частное мнѣніе. Я не принадлежу къ правительству ни въ какомъ отношеніи; я говорю, какъ Русскій человѣкъ, на гражданскомъ собраніи, передъ портретами Екатерины, Александра и самаго Николая,—и я увѣренъ, что многіе изъ присутствующихъ раздѣлятъ мои убѣжденія. Пусть Европа узнаётъ чаще, что Русскіе люди достаточно созрѣли для сужденія о разныхъ своихъ отношеніяхъ. Мы уже не дѣти, намъ скоро минетъ тысяча лѣтъ; Богъ народилъ насъ 70 милліоновъ, да земли намъ пожаловалъ на 700; пора уже смѣть свое сужденіе имѣть. Мы благодаримъ васъ, фельдмаршалъ, за всѣ ваши славные труды и подвиги; мы поздравляемъ васъ съ вашими блистательными успѣхами, мы желаемъ, чтобъ въ мирѣ вы были также счастливы какъ на войнѣ, чтобъ успокоеный Кавказъ сдѣлался неприступною Русскою крѣпостью, твердою точкою опоры, и вмѣстѣ вознаградилъ Россію за всѣ тѣ жертвы, кои принесла она для его покоренія.—М. м. г. г. здоровье дорогаго нашего фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинскаго!"

Я декламировалъ, ходя по комнатѣ, смѣялся, бранился, сердился, и слезы показывались у меня на глазахъ. Лесть, ложь! Какъ вытянулись бы нѣкоторыя фигуры на обѣдѣ, услышавъ эти страшныя слова. „Чортъ его возьми", подумали-бы они, „что онъ тутъ еще напутаетъ и зачѣмъ пустили его говорить!" Шербургъ, Севастополь, это что еще такое, заворчали-бъ записные дипломаты, политики и публицисты? Онъ можетъ, своими легкомысленными выходками, поставить правительство въ фальшивое положеніе! Чтò скажутъ лордъ Руссель, лордъ Ландгурстъ и лордъ Стратфордъ-Редклифъ, Сидней Гербертъ, да всѣ Ангичане? Чтó напишетъ графъ Рехбергъ, господинъ фонъ Пфортенъ, господинъ фонъ Бейстъ? Чтò подумаютъ на томъ свѣтѣ Шварценбергъ, Канингъ, Таллейранъ; а Меттернихъ-то, Меттернихъ-то! Онъ вѣдь недавно еще умеръ! Что сдѣлаетъ Луи-Наполеонъ? Я увѣренъ, что нѣкоторые квартальные аматеры дернули бы меня за полу, среди моей рѣчи. Несмысленные! Чего вы боитесь? Частный человѣкъ можетъ вездѣ говорить и думать, какъ хочетъ, и за него не отвѣчаетъ никакое общество, никакое привительство. Эльборуса взорвать нельзя; неужели это не весело вамъ слышать? До Гималайскихъ горъ намъ рукой подать—неужели это не производитъ въ васъ пріятнаго ощущенія? Или мы всѣ уже такъ одеревенѣли, окоченѣли, опошлѣли, что насъ не прошибешь ничѣмъ кромѣ Армстронговыхъ пушекъ! Нѣтъ, такой языкъ пользу, а не вредъ пренесетъ намъ въ общемъ Европейскомъ мнѣніи, и правительству дастъ въ руки лишнее оружіе, которое оно можетъ употребить по усмотрѣнію. Англичане, Американцы видятъ наши средства, наши выгоды, и печатаютъ, не обинуясь, свои опасенія, а мы трепещемъ передъ собственною тѣнью и боимся собственной силы!

Посылаю вамъ, друзья мои, свою декламацію, какъ pièce justificative; разумѣется она далеко не отвѣчаетъ моему замышленію; но возмите въ расчетъ, что я говорилъ ее заднимъ, такъ сказать, числомъ, говорилъ одинъ на тощакъ, а не въ обществѣ, за бокаломъ вина, ободряемый вниманіемъ, одушевляемый сочувствіемъ.

Д. Приказы по Кавказской арміи, № 493.

1.

17 Декабря 1859. Станція Меркулова.

Государь Императоръ, въ Августѣйшимъ вниманіи къ трудамъ и подвигамъ вашимъ, всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать меня генералъ-фельдмаршаломъ и высочайше повелѣлъ Кабардинскому пѣхотному полку впредъ именоваться Кабардинскимъ имени моего полкомъ.

Благодарю васъ, храбрые товерищи Кавказской арміи, за высокую монаршую милость, мною полученную.

2.

17 Декабря 1859. Ст. Меркулова.

Храбрые Кабардинцы!

Вмѣстѣ съ назначеніемъ меня генералъ-фельдмаршаломъ Государю Императору угодно было связать мое имя съ вами. Каждому изъ васъ понятно мое счастье!

МОИМЪ ВОЗРАЖАТЕЛЯМЪ.

Во 2-й кн. „Русскаго Архива" за текущій годъ въ „Историко-критическихъ замѣткахъ", по поводу тиранніи Ивана Грознаго и Розыскнаго дѣла о царевичѣ Димитріѣ, было указано мною на двѣ статьи Е. А. Бѣлова, въ которыхъ онъ всевозможными натяжками пытается обѣлить Ивана Грознаго въ его злодѣяніяхъ и возвести его въ великіе люди, а Бориса Годунова очистить отъ всякаго подозрѣнія въ смерти царевича. На сіи замѣтки Е. А. Бѣловъ, нимало не медля, въ 3-й кн. Журнала Мин. Народнаго Просвѣщенія, далъ отвѣтъ. Разумѣется, онъ почитаетъ себя вполнѣ правымъ, хотя мнѣній своихъ никакими фактами не подтверждаетъ. Еслибы, вмѣсто разнообразныхъ сужденій и сѣтованій на меня, изложенныхъ на семи страницахъ, онъ сосредоточилъ свое вниманіе хотя на двухъ, много на трехъ пунктахъ нашего разногласія и вошелъ бы въ сколько-нибудь серьезное обсужденіе дѣла, отвѣтъ его могъ бы получить характеръ научной полемики. Ограничусь приведеніемъ нѣсколькихъ образцовъ изъ сего отвѣта.

Вопервыхъ, что́ значитъ голая ссылка на мнѣніе Эверса, который очень мягко относится къ жестокостямъ Ивана IV—мнѣніе, никакими фактическими доказательствами не объоснованное и ни для кого необязательное? А затѣмъ г. Бѣловъ въ своемъ „отвѣтѣ" успѣлъ къ прежнимъ домысламъ прибавить нѣсколько новыхъ, не только не подкрѣпляющихъ его мнѣнія, но прямо свидѣтельствующихъ о томъ, что онъ недостаточно изучилъ эпоху и историческія лица, о которыхъ судитъ такъ рѣшительно. Напримѣръ, онъ упрекаетъ митрополита Филиппа за *публичное обличеніе* Іоанна въ церкви, тогда какъ Петръ Великій „замѣтилъ Стефану Яворскому, что если обличать, то слѣдуетъ обличать наединѣ, а потомъ уже при всѣхъ". Но стало-быть г. Бѣловъ не читалъ внимательно житія митроп. Филиппа? Тамъ онъ нашелъ бы, что святитель такъ именно и поступилъ. Или, онъ вдругъ додумался до такого вопроса: погромъ Новгорода не спутанъ ли „съ страшными мѣрами, которыя Іоаннъ принялъ для прекращенія моровой язвы въ Новгородѣ?" Въ виду разнообразныхъ и современныхъ или близкихъ къ событію извѣстій о Новгородскомъ погромѣ, подобный вопросъ является совершенно празднымъ. Наконецъ, г. Бѣловъ дѣлаетъ важное открытіе, а именно: „несчастливое окончаніе (Ливонской) войны вызвано было страшнымъ возстаніемъ инородцевъ на Волгѣ". Въ дѣйствительности, возстаніе это разразилось уже послѣ Ливонской войны, причемъ назвать его „страшнымъ" было бы преувеличеніемъ.

Относительно разсказа о смерти царевича Димитрія, г. Бѣловъ ограничивается сожалѣніемъ о какой-то „странной ошибкѣ“ покойнаго Костомарова, который будто бы возражалъ противъ „самоубійства“ отрока, тогда какъ царевичъ самъ „набрушился на ножъ“. Въ заключеніе, мой возражатель какъ будто сѣтуетъ на то, что я теперь *умолчалъ* о его первомъ „отвѣтѣ“ на мою замѣтку, по поводу его изслѣдованія „Объ историческомъ значеніи Русскаго боярства“. Но то была замѣтка по другому поводу, именно по вопросу о происхожденіи Русскаго государства. Я указалъ тогда на нѣкоторыя фактическія невѣрности и на ту путаницу историческихъ представленій, которыя нашелъ въ монографіи г. Бѣлова по данному вопросу. Конечно и тогда его „отвѣтъ“ не замедлилъ. Въ Майской книгѣ Журнала М. Н. Пр. за 1886 годъ онъ напечаталъ одиннадцать страницъ разныхъ разсужденій, причемъ ту путаницу, на которую я указывалъ, только пріумножилъ. Признаюсь, распутывать ее я не имѣлъ ни времени, ни охоты. А г. Бѣловъ, повидимому, всякое молчаніе принимаетъ за знакъ согласія съ его доводами!

По поводу *умолчанія*, ставлю вновь вопросъ, уже предложенный мною г. Бѣлову и оставленный имъ безъ всякаго отвѣта. Если Иванъ IV сдѣлался мудрымъ правителемъ только тогда, когда освободился отъ своихъ совѣтниковъ, Сильвестра и Адашева, и отъ ихъ соумышленниковъ-бояръ, то почему же дѣла государственныя шли, наоборотъ, хорошо и благополучно въ эпоху сихъ совѣтниковъ и очень бѣдственно въ эпоху опричины?

—

Во всякомъ случаѣ Е. А. Бѣловъ, хотя бы и недостаточно, все-таки знакомъ съ эпохой, о которой говоритъ, и съ ея историческими источниками. Но что сказать о людяхъ, которые хотятъ поучать спеціалистовъ и даже дѣлать открытія въ Русской исторіи, обладая въ ней только элементарными свѣдѣніями?

—

Д. Д. Голохвастовъ адресовалъ на мое имя возраженіе, озаглавленное: „Историческое значеніе слова *кормленіе*“ („Русскій Архивъ“ 1889, кн. 4).

Въ моей статьѣ о Казанскихъ дѣлахъ при Грозномъ („Рус. Архивъ“ 1889 г., кн. 1) приведены слова лѣтописца съ краткимъ ихъ объясненіемъ въ скобкахъ. А именно: „Лѣтописецъ обвиняетъ въ этомъ небреженіи тѣхъ бояръ, которымъ Государь поручилъ „о Казанскомъ дѣлѣ промышляти да и о кормленіяхъ сидѣти“ (т.-е. о раздачѣ кормленій въ награду служилымъ людямъ за покореніе Казани). Бояре эти „начаша о кормленіяхъ сидѣти, а Казанское строеніе поотложиша“. Г. Голохвастовъ такой взглядъ на кормленіе называетъ *невѣрнымъ*. По его толкованію, „*кормленіе*, на старинномъ языкѣ, значитъ *правленіе*“. „Бояре *начаша о кормленіяхъ сидѣти* — значитъ: бояре стали совѣщаться объ устройствѣ управленія вновь завоеваннымъ царствомъ“. Такимъ образомъ г. Голохвастовъ поправляетъ не меня собственно, а самый источникъ. Оказывается, что зна-

ченіе слова *кормленіе* ему лучше извѣстно, чѣмъ самому лѣтописцу XVI вѣка. Лѣтописецъ тутъ сидѣніе о кормленіяхъ съ ироніей противуполагаетъ заботамъ о Казанскомъ строеніи. Если же принять толкованіе г. Голохвастова и буквально приложить его къ словамъ лѣтописца, то получимъ слѣдующее: бояре стали совѣщаться объ устройствѣ управленія вновь завоеваннымъ краемъ Казанскимъ, а устройство сего края отложили въ сторону. Получается безсмыслица очевидная. Г. Голохвастовъ слово „кормленіе“ приводитъ въ непосредственную связь съ словами *корма, кормило, кормчій.* Отсюда у него выходитъ, что древнерусскій „кормленщикъ“ буквально значитъ тоже что „кормчій“, т.-е. *управляющій.* Еслибы возражатель поближе ознакомился съ древнерусскими уставными грамотами и другими правительственными актами, то онъ тамъ нашелъ бы частое упоминаніе о кормахъ, т.-е. о поборахъ съ жителей въ пользу намѣстниковъ, тіуновъ и доводчиковъ или натурою, или съ переложеніемъ на деньги, причемъ различаются разные кормы: „Рождественскій кормъ“, „Петровскій кормъ“, „въѣзжій кормъ“ и т. д. Ясно, что слово „кормленіе“ находилось въ связи съ этими кормами, а никакъ не съ кормиломъ и кормчимъ.

Чтобы подкрѣпить свое мнимое открытіе, г. Голохвастовъ приводитъ четыре жалованныя грамоты, по которымъ одному изъ его предковъ даются „Числяки и Ордынцы съ пятномъ и со всѣми пошлинами въ кормленіе“, другому „городокъ Шуя съ правдою и съ пятномъ и съ корчмою въ кормленіе“, и т. д. Въ грамотахъ прибавлено: „и вы всѣ люди (такого-то мѣста) его (т.-е. кормленщика) чтите и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ“. И вотъ это послѣднее выраженіе (не смотря на ясное упоминаніе прежде всего о доходахъ) даетъ поводъ г. Голохвастову заключать, что кормленіе значитъ управленіе. Тутъ вопіющее недоразумѣніе. Кому же неизвѣстно, что кормленія были связаны съ правительственными мѣстами, съ судомъ и управленіемъ? Но вѣдь возражатель мой толкуетъ о буквальномъ значеніи слова „кормленіе“. И въ наше время, если кому-либо за военныя или другія заслуги даютъ хорошее административное мѣсто, т.-е. съ порядочнымъ содержаніемъ, развѣ отсюда можно заключать, что содержаніе значитъ администрація?

Еслибы возражатель былъ нѣсколько знакомъ съ литературою предмета, то онъ бы убѣдился, что вопросъ о кормленіяхъ достаточно выясненъ въ Русской исторіи, и никакія открытія, въ родѣ предложенныхъ имъ, тутъ невозможны. Выступая съ возраженіемъ противъ меня, онъ не потрудился справиться съ тѣмъ, что у меня сказано о семъ предметѣ во II-мъ томѣ моей *Исторіи России.* А тамъ, на стр. 363, сказано слѣдующее: „За свою службу князю, придворную, думную и ратную, бояре въ этотъ періодъ стали получать вознагражденіе въ трехъ видахъ: кормленіе, вотчины и помѣстья. Первый видъ былъ связанъ съ должностями намѣстниковъ и волостелей. Назначая намѣстниковъ въ свои города, князь давалъ областямъ правителей и судей; въ то же время онъ давалъ своимъ боярамъ возможность кормиться на счетъ жителей, т.-е. пользоваться какъ судеб-

ными пошлинами, такъ и разными поборами натурою" и т. д. Прибавлю, что во избѣжаніе злоупотребленій правительство всегда заботилось поборы эти возможно точно опредѣлить, ввести въ извѣстныя рамки, и даже сборъ ихъ не поручало самимъ кормленщикамъ. Хотя конечно злоупотребленія все-таки были часты; но отсюда еще никакъ не вытекаетъ столь смѣлый выводъ г. возражателя, что при такомъ значеніи кормленій „Московское княжество не доросло бы до размѣровъ Россіи". Чтобы судить о значеніи подобныхъ явленій, надо прежде внимательно ознакомиться съ гражданскими отношеніями и воззрѣніями древней Руси.

Московское государство развивалось и крѣпло, имѣя такое широкое и прочное основаніе какъ могучая Русская народность, сплоченная во едино трудами великихъ князей Московскихъ и глубоко проникшаяся идеей царскаго самодержавія, которое всѣ сословія, всѣ народныя силы заставило тянуть общее государево тягло и всѣ ихъ направило на служеніе чисто-Русскимъ интересамъ, подчиняя имъ всѣ другіе интересы. Московскій царь уже не былъ вождемъ попреимуществу дружиннымъ, какъ древніе князья, а воплотилъ въ себѣ идею, такъ сказать, всенародную; онъ стоялъ выше всѣхъ сословныхъ отношеній и притязаній и, въ качествѣ верховнаго судьи, при случаѣ, не давалъ пощады сильнымъ, которые обижали слабыхъ; при чемъ знатныхъ онъ порицалъ и каралъ также открыто и строго, какъ и простыхъ людей. Для примѣра, укажу на одну любопытную грамоту царя Алексѣя Михайловича, 1665 года. Въ этой грамотѣ царь обличаетъ Енисейскаго воеводу Василія Голохвастова въ разныхъ неправдахъ, грабительствахъ и насиліяхъ, о которыхъ ему „великому государю вѣдомо учинилось". Чтобы дать понятіе о дѣяніяхъ Енисейскаго воеводы и какъ черту нравовъ того времени, приведу слѣдующее мѣсто грамоты: „Да онъ же Василій, для своихъ пожитковъ отдаетъ на откупъ зернь и корчму, и безмужныхъ жонъ на блудъ, и отъ того емлетъ себѣ откупу рублевъ по сту и болши, и тѣмъ блуднымъ жонкамъ велитъ наговаривать на проѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей напрасно, и тѣхъ торговыхъ и промышленныхъ людей, по ихъ оговору, безъ сыску и безъ роспросу, сажаетъ въ тюрьму" и т. д. (Акты Ист. IV, № 182). Ясно, что и такія злоупотребленія, которыя позволялъ себѣ помянутый воевода, не мѣшали Московскому государству расти и укрѣпляться, слѣдовательно не имѣли большаго значенія въ общемъ поступательномъ движеніи Русской жизни *).

---

*) Этотъ Енисейскій воевода Василій Голохвастовъ по отечеству назывался *Елизарьевичъ*. Слѣдовательно его не должно смѣшивать съ его дальнимъ родственникомъ и современникомъ Василіемъ *Яковлевичемъ* Голохвастовымъ, комнатнымъ стольникомъ царя Алексѣя Михайловича и одно время воеводою Нижегородскимъ. См. *Акты относящіеся до рода дворянъ Голохвастовыхъ*, собранные Д. П. Голохвастовымъ. Москва 1848 года. Изъ этой книги мой возражатель заимствовалъ четыре помянутыя жалованныя грамоты и привелъ ихъ въ „Русскомъ Архивѣ".

Извѣстный писатель и дѣятель первой половины XVIII вѣка В. Н. Татищевъ, родившійся въ эпоху, когда система кормленій была еще въ ходу, въ своихъ примѣчаніяхъ къ отысканному имъ Судебнику Ивана IV говоритъ слѣдующее: „Губернаторства и воеводства (Судебникъ) именуетъ жалованьемъ и кормленіемъ; ибо тогда оные жаловались изъ милости для нажитка, и въ челобитныхъ о воеводствахъ писали: *прошу отпустить покормиться*". Это примѣчаніе относится къ 24 статьѣ Судебника, гдѣ дѣйствительно вмѣсто слова *кормленіе* употреблено слово *жалованье:* „А которые инородцы учнутъ бити челомъ на намѣстниковъ или на волостелей въ обидныхъ дѣлахъ, какъ тѣ намѣстники или волостели, на жалованьѣ живучи, или съ жалованья ѣдучи, кого чѣмъ изобидятъ" и т. д. Въ другихъ статьяхъ Судебника нерѣдко упоминается о кормленіяхъ и при томъ въ связи не столько съ управленіемъ, сколько съ судопроизводствомъ, и преимущественно съ пошлинами или съ судебными доходами въ пользу кормленщиковъ. При семъ въ обоихъ Судебникахъ, Ивана III и Ивана IV, упоминаются „кормленіе съ судомъ боярскимъ" и „кормленіе безъ боярскаго суда". О различіи этихъ двухъ видовъ кормленія указано въ моемъ второмъ томѣ на стр. 522, куда и отсылаю возражателя.

Я не привожу сочиненій, въ которыхъ трактуется вопросъ о кормленіяхъ, а ссылаюсь на свою книгу, такъ какъ возражатель обратился именно ко мнѣ. Но если бы онъ пожелалъ ближе и подробнѣе ознакомиться съ симъ вопросомъ, то можетъ обратиться къ трудамъ по исторіи Русскаго права, каковы напр. труды Неволина, Калачова, Чичерина, Дмитріева, Сергѣевича, Градовскаго, Владимірскаго-Буданова и др. Для примѣра, укажу ему на „Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ", Б. Н. Чичерина. М. 1856 г. Въ обширномъ введеніи къ этой книгѣ съ особою ясностію говорится о системѣ кормленій со ссылками на правительственные акты. Между прочимъ тутъ сказано: „Кормленщику давалась ввозная грамота, въ которой также, какъ при раздачѣ помѣстій, жителямъ предписывалось *чтить его и слушать*" (стр. 7). Отсюда . Голохвастовъ увидитъ, что приводимыя имъ грамоты не даютъ никакихъ основаній приравнивать кормленія къ *Кормчей книгѣ* или Номоканону. Книга г. Чичерина въ свое время вызвала замѣтное оживленіе въ нашей историко-юридической литературѣ. Наиболѣе обстоятельную критику ея представили покойный Н. В. Калачовъ въ своемъ Архивѣ и И. К . . . въ въ „Русской Бесѣдѣ". Тутъ они вооружаются противъ мнѣнія г. Чичерина, будто судъ и областное управленіе въ древней Россіи основаны были на началахъ права частнаго, а не государственнаго, но ничего не возражаютъ противъ кормленій, какъ одного изъ видовъ вознагражденія за службу. Да и невозможно возражать противъ очевидныхъ фактовъ и оффиціальныхъ документовъ. Напримѣръ, приведемъ слѣдующія слова изъ жалованной грамоты Ивана III въ 1499 г. Костромскому намѣстнику Судимонту: „Здѣся мнѣ билъ челомъ Яковъ Захарьичъ, что вамъ обѣма на Костромѣ *сытымъ быти не съ чего*, и язъ здѣся князь великій Якова пожаловалъ городомъ

Володимеромъ, а тебя есми пожаловалъ придалъ другую половину Костромы съ правдою“ (Акты Ист. I, № 110). Послѣднее выраженіе, т.-е. *съ правдою*, по объясненію Калачова и Ѳ. М. Дмитріева, не значитъ вообще „съ судомъ“, а собственно съ судомъ уголовнымъ; ибо были пожалованія кормленій *безъ правды*, но въ то же время съ судомъ вообще. Г. Дмитріевъ приводитъ примѣръ подобной жалованной грамоты „безъ правды“, причемъ далѣе говорится: „и вы всѣ люди тое волости чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и *судитъ* по тому, какъ было прежъ сего“. Слѣдовательно это выраженіе соотвѣтствуетъ выраженію Судебниковъ о кормленіяхъ съ судомъ боярскимъ и безъ боярскаго суда („Исторія Судеб. инстанцій“ Ѳ. Дмитріева. М. 1859 г., стр. 22). Хотя г. Дмитріевъ въ своихъ взглядахъ на судъ и управленіе древней Руси примыкаетъ ко взглядамъ г. Чичерина, но существенная сторона кормленій, разумѣется, остается непререкаемой.

Свое возраженіе г. Голохвастовъ сопрождаетъ толкованіями старыхъ словъ *воръ*, *отказъ*, *годъ* и пр., каковыя совсѣмъ къ дѣлу не относятся. Но его попытки толковать нѣкоторыя слова изъ приведенныхъ имъ грамотъ невсегда удачны. Напримѣръ, *пятно* означаетъ не какой-то „штемпельный сборъ“, а просто пошлину съ пятнанія или клейменія лошадей при ихъ продажѣ и куплѣ, о чемъ ясно говорится въ 94 статьѣ царскаго Судебника.

Что же касается до пожалованныхъ въ кормленіе Борису Голохвастову *Числяковъ и Ордынцевъ*, то г. возражатель сильно заблуждается, разумѣя подъ ними всѣхъ плательщиковъ Золотоордынской дани, въ то время уже не существовавшей, и распространяя эти двѣ мѣстныя группы на цѣлую Россію. Очевидно историческія данныя объ этихъ людяхъ остались ему совершенно неизвѣстны, и онъ не потрудился обратиться за справками если не къ самимъ источникамъ, то по крайней мѣрѣ къ людямъ свѣдущимъ. Предлагаю ему эти данныя. Числяки и Ордынцы упоминаются въ духовныхъ грамотахъ великихъ князей Московскихъ XIV и XV вв. Наиболѣе ясныя о нихъ упоминанія встрѣчаются въ духовной Ивана III и въ его же межевыхъ грамотахъ, разграничивающихъ удѣлы его сыновей. А именно, въ духовной сказано: „А даю ему (старшему сыну Василію) городъ Москву съ волостьми и съ путми и съ станы и съ селы... и съ бортью и съ Васильцовымъ стомъ, да Числяки и Ординцы; а мои дѣти Юрьи, Дмитрей, Семенъ, Андрѣй у моего сына у Василья, а у своего брата старѣйшаго, въ Числяки и въ Ординцы не вступаются ни во что, ни въ земли ихъ, ни въ воды не вступаются и не обидятъ ихъ ничѣмъ“ (Собр. Г. Г. и Д. I, № 144). А въ межевыхъ постоянно повторяется, что численныя земли и Ординскія остаются за старшимъ сыномъ, хотя бы оказались за удѣльнымъ рубежомъ. „Которые будутъ перешли численныя земли и Ординскія (въ такой-то удѣлъ), и тѣмъ численнымъ людемъ и Ординцемъ тяжь всякую тянути по старинѣ съ Числяки и съ Ординцы къ сыну моему къ Василью; а сыну моему (удѣльному такому-то) въ тѣ численныя земли и въ Ординскія не вступатися ничѣмъ“ (Собр. Г. Г. и Д. I

№№ 138, 140, 141). При Иванѣ IV, въ извѣстномъ указѣ 1550 года объ испомѣщеніи 1000 боярскихъ дѣтей въ Московскомъ уѣздѣ, встрѣчаются „Числяки и Ордынцы“ между волостями, въ которыхъ испомѣщаются эти служилые люди. (Акты Арх. Ком. I, № 225). Далѣе, при Иванѣ IV, въ числѣ волостей, отдѣленныхъ имъ въ Опричину, находятся „Числяки и Ординскія деревни“ (Александронев. Лѣтопись). Изъ всѣхъ этихъ данныхъ ясно, что Числяки и Ордынцы были извѣстное тяглое населеніе Московской области, составлявшее особый разрядъ, особую волость, имѣвшее свои земли и угодья. А г. Голохвастовъ по поводу этихъ Числяковъ и Ордынцевъ, данныхъ его предку Борису Голохвастову въ кормленіе, восклицаетъ: „Если же признать, что г. Иловайскій вѣрно толкуетъ слово *кормленіе*, то надо допустить чудовищную мысль, что кормленіе одного Бориса Яковлевича Голохвастова обходилось Россіи дороже, чѣмъ Татарская дань“. Вотъ къ какимъ оригинальнымъ выводамъ рискуютъ приходить возражатели, не обладающіе достаточною долею свѣдѣній и осторожности.

—

Теперь перейду къ возражателю иного рода, къ возражателю, для котораго историческая истина и вообще исторія является не главною цѣлью, а только предлогомъ для проведенія личныхъ симпатій и антипатій. Въ №№ 71, 72 и 74 газеты „Русскій Курьеръ“ за текущій годъ помѣщена „Неисторическая замѣтка по поводу историко-критической замѣтки г. Иловайскаго о книгѣ проф. Петрова“. Самъ анонимный авторъ ея сознается, что его замѣтка *неисторическая*. По ея характеру и по характеру того органа, въ которомъ помѣщена, она не заслуживала, бы пожалуй, никакого вниманія съ нашей стороны. Но на сей разъ позволю себѣ все-таки упомянуть о ней въ виду того, что она касается двухъ извѣстныхъ университетскихъ профессоровъ исторіи и кромѣ того затрогиваетъ нѣкоторые общіе принципы. Замѣтка эта возражаетъ противъ моего критическаго отзыва (помѣщеннаго въ „Рус. Вѣст.“ 1888 г. № 12) о „Курсѣ Средней исторіи“ профессоровъ Харьковскаго университета Петрова и Надлера. Въ моемъ отзывѣ я указалъ на слишкомъ рабское отношеніе этого курса къ курсамъ Нѣмецкимъ вообще и въ особенности на весьма неудовлетворительную обработку Славянскаго отдѣла. Хотя М. Н. Петровъ умеръ два года тому назадъ, это обстоятельство однако никому не мѣшаетъ въ оцѣнкѣ его курса, и тѣмъ болѣе, что сей курсъ явился въ печати не въ его собственной обработкѣ, а въ обработкѣ его коллеги В. К. Надлера, который и снабдилъ его весьма заманчивымъ предисловіемъ. Посвятивъ часть своего времени изысканіямъ о первоначальныхъ историческихъ судьбахъ Славянства, естественно я въ этой области предъявляю нѣкоторыя доселѣ необычныя требованія отъ нашего университетскаго преподаванія Всеобщей исторіи. Само собой разумѣется, что для преподавателя было бы гораздо легче и спокойнѣе постарому рабски слѣдовать за Нѣмецкими курсами и повторять Нѣмецкія воззрѣнія на Славянскій міръ, не утруждая себя

самостоятельною мозговою работою и обращеніемъ къ самимъ источникамъ историческаго вѣдѣнія.

Анонимный возражатель мой, какъ и слѣдовало ожидать, съ почвы научной свернулъ вопросъ на почву личностей и, забывая о томъ, что въ своемъ отзывѣ я имѣлъ въ виду болѣе проф. Надлера, чѣмъ покойнаго Петрова, отзывъ мой просто на просто объясняетъ тѣмъ, что когда-то профессоръ Петровъ въ газетѣ „Южный Край“ написалъ статью, направленную противъ моихъ историческихъ руководствъ, на которую я въ свое время отвѣчалъ; а Петровъ отвѣчалъ мнѣ въ свою очередь: inde ira, какъ даетъ разумѣть возражатель. Не лишнимъ считаю остановиться на семъ психологическомъ фактѣ. Я не слѣдилъ за газетой „Южный Край“ и не узналъ бы о статьѣ Петрова, если бы онъ не оттиснулъ ее особой брошюрой, о которой дали отчетъ нѣкоторые журналы. Тогда я пріобрѣлъ ее въ книжной лавкѣ. Разсужденія извѣстнаго университетскаго профессора о преподаваніи исторіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ показались мнѣ весьма оригинальными, о чемъ я и высказался печатно (въ „Петерб. Вѣд.“ 1881 г.). Тонъ мой не былъ тогда особенно мягокъ и не могъ быть таковымъ, потому что въ брошюрѣ не только предъявлялись къ учебнику требованія ни съ чѣмъ несообразныя, но и дѣлался прямой намекъ на какое-то мое корыстолюбивое отношеніе къ дѣлу. Упоминаю о семъ и потому, что, по словамъ возражателя, Петровъ будто бы отнесся ко мнѣ „крайне-осторожно“. Не слѣдя за „Южнымъ Краемъ“, я и не зналъ о томъ, что онъ на мою статью отвѣчалъ. Узнаю о семъ только теперь изъ № 71 „Русскаго Курьера“. „Не помнимъ подробностей отвѣта—говоритъ возражатель—но что-то было тамъ и о расторговавшемся купцѣ“. Ясно слѣдовательно, на какую почву сводился вопросъ объ историческихъ руководствахъ покойнымъ профессоромъ, котораго возражатель—очевидно одинъ изъ его учениковъ—характеризуетъ такимъ симпатичнымъ и благороднымъ дѣятелемъ. По мнѣнію Петрова, едва ли истинному ученому подобаетъ писать руководства. Выходитъ, что составленіе учебныхъ руководствъ надобно предоставить людямъ неученымъ!

Когда же анонимный возражатель переходитъ собственно къ исторической защитѣ помянутаго Курса Средней Исторіи, то обнаруживаетъ только свою слишкомъ малую компетентность и анти-историческія воззрѣнія. Напримѣръ, онъ словно на какую-то новость указываетъ на мнѣніе Нѣмецкаго писателя Феликса Дана о томъ, что не толчекъ, данный Гуннами, вызвалъ Германцевъ къ такъ называемому великому переселенію, а недостатокъ земли и голодъ. Тутъ повторяется опять рабское слѣдованіе *Курса* за Нѣмцами, которые только и толкуютъ о переселеніи Нѣмцевъ, игнорируя Славянъ. Это давно извѣстное мнѣніе о голодѣ, какъ побужденіи къ переселенію, можетъ быть примѣнено только къ нѣкоторымъ сѣвернымъ племенамъ, принявшимъ участіе въ общемъ движеніи. Источники же обстоятельно передаютъ намъ, какъ и по какимъ причинамъ Гунны обрушились на Готовъ, а Готы бѣжали за Дунай, и отсюда началось то движеніе, которое называется великимъ переселеніемъ и въ которомъ Славяне играли

роль не менѣе важную, чѣмъ Германцы. Далѣе, по поводу моего указанія на цѣлый рядъ Славянскихъ государствъ (указанія сдѣланнаго въ отпоръ проповѣди *Курса* о томъ, что Славяне едва ли были способны къ созданію государственнаго быта) возражатель разсуждаетъ въ такомъ смыслѣ, что эти государства уже не существуютъ, слѣдовательно о нихъ говорить не стоитъ. Разсужденіе вполнѣ анти-историческое и не вѣрное въ своемъ основаніи. Если, по его словамъ, изъ всѣхъ Славянскихъ государствъ теперь имѣетъ значеніе только одна Русская Имперія, то и Нѣмецкія государства въ настоящее время сводятся въ сущности къ одной Германской Имперіи. Если часть Славянъ (Балтійская) онѣмечена, то исторія показываетъ намъ, что Нѣмцы въ этомъ отношеніи потеряли гораздо болѣе: самые значительные Германскіе народы были отчасти истреблены, а главнымъ образомъ поступили въ сумму матеріаловъ для образованія другихъ національностей, таковы Остъ-Готы, Вестъ-Готы, Лангобарды, Западные Франки, Бургунды, Вандалы и нѣкоторые другіе. Это обстоятельство однако не помѣшало Нѣмцамъ упорнымъ трудомъ и строго-національной политикой достигнуть настоящихъ блистательныхъ результатовъ и тѣмъ показать примѣръ другимъ, какъ надобно дѣйствовать для своего преуспѣянія.

Но довольно о семъ возражателѣ, который своею защитою только подтвердилъ мое указаніе на слабыя стороны „Курса Средней Исторіи" и недостатки своей исторической школы вообще.

Д. Иловайскій.

ПО ПОВОДУ ЗАМѢТКИ Д. ГОЛОХВАСТОВА ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ СЛОВА „КОРМЛЕНІЕ".

(*Русскій Архивъ* 1889 г. № 4, стр. 650).

Письмо къ издателю[1]).

Я очень жалѣю, что не могу согласиться съ мнѣніемъ г. Голохвастова. Онъ рѣшительно утверждаетъ, что г. Иловайскій впалъ въ ошибку, точнѣе—повторилъ ошибку другихъ историковъ, напримѣръ покойнаго Соловьева, понимая древнерусскій административный терминъ *кормленіе* въ современномъ смыслѣ *питанія*, эксплуатаціи въ свою личную пользу, какъ награду служилымъ людямъ за службу. Я, впрочемъ, не припомню, кто изъ Русскихъ историковъ до г. Голохвастова не впадалъ въ эту ошибку. *Кормленіями*, какъ вамъ очень хорошо извѣстно, назывались въ древней Руси судебно-административныя должности, соединенныя съ доходомъ въ пользу должностныхъ лицъ, который получался ими прямо съ управляемыхъ, подобно тому, какъ теперь профессора въ университетахъ получаютъ гонораръ со студентовъ, а не изъ государственнаго казначейства, изъ котораго тѣ же профессора вмѣстѣ съ другими чиновниками получаютъ свое окладное жалованье. Этотъ доходъ носилъ общее названіе *кóрма*, соотвѣтствующее нынѣшнему канцелярскому термину *содержаніе*; отсюда и доходная должность получила названіе *кормленія*. Такъ понимали это слово, если я не ошибаюсь, всѣ ученые изслѣдователи Русской исторіи; такъ доселѣ считалъ себя обязаннымъ понимать это слово и ихъ скромный ученикъ— вашъ корреспондентъ. Теперь г. Голохвастовъ пишетъ, что „это не вѣрно".

Почему же не вѣрно? Потому, пишетъ авторъ замѣтки, что *кормленіе* на старинномъ языкѣ значитъ *правленіе*, а не *питаніе*. Это слово, по мнѣнію г. Голохвастова, „несомнѣнно одного корня" съ словами *кормà*, *кормѝло*, *кормчій*, *Кормчая книга*. Поясняя и доказывая эту мысль, авторъ между прочимъ увѣряетъ, что „передняя часть корабля, которая даетъ *направленіе* всему судну, называется *кормà* или *кормѝло*". Боюсь, нѣтъ ли въ этихъ словахъ обмолвки: хотя я очень плохо знаю дѣло мореплаванія, но мнѣ помнится, какъ будто *кормою* чаще называется задняя часть корабля, чтò впрочемъ не мѣшаетъ ей давать направленіе всему судну; передней же части, т. е. той, которою корабль идетъ впередъ, разсѣкая встрѣчныя волны, усвояется обыкновенно названіе *носа*. Сомнѣваюсь такъ же, чтобы одинъ и тотъ же предметъ назывался *кормою* и *кормиломъ*: эти

[1]) Въ отвѣтъ на выраженное нами желаніе услышать отзывъ знатока. П. Б.

слова — не синонимы, ибо кормило значитъ руль и едва ли когда-нибудь означало переднюю или заднюю часть корабля; въ противномъ случаѣ трудно будетъ понять часто повторяемое выраженіе: *кормило правленія.* Впрочемъ эти замѣчанія не относятся къ предмету настоящаго письма, и я жалѣю, что мнѣ пришлось сдѣлать ихъ даже мимоходомъ.

Положимъ, что *кормленіе* „несомнѣнно" одного корня съ *кормой, кормиломъ* и другими словами, приводимыми авторомъ, въ которыхъ „очевидно нѣтъ ничего общаго съ понятіемъ о *питаніи*" и которыя „всѣ прямо указываютъ на понятіе объ *управленіи*". Что же изъ этого? Вѣдь еще несомнѣннѣе, что одного корня съ тѣмъ же *кормленіемъ* и такія слова, какъ *кормъ, кормить, кормилица,* которыя такъ же не со вчерашняго дня вошли въ нашъ лексиконъ и въ которыхъ очевидно нѣтъ ничего общаго съ понятіемъ объ *управленіи,* ибо они всѣ прямо указываютъ только на понятіе о *питаніи.* Какъ же быть съ этимъ? Придется признать, что въ томъ „одномъ" корнѣ, отъ котораго авторъ производитъ всѣ означенныя слова, совмѣщались два различныя значенія, два представленія—одно объ управленіи, другое о питаніи. Въ такомъ случаѣ *кормленіе,* оставаясь произведеніемъ одного корня съ *кормиломъ,* не потеряетъ возможности и на старинномъ языкѣ сохранить современный намъ смыслъ *питанія.* Но знатоки могутъ найти и болѣе простое рѣшеніе этой этимологической загадки. Я не лингвистъ и не отваживаюсь углубляться въ невѣдомыя мнѣ тайны языковѣдѣнія. Но что́ мудренаго, если окажется, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ *двумя* различными по значенію, но созвучными корнями, которые дали отъ себя два ряда производныхъ формъ, такъ же сходныхъ въ звуковомъ отношеніи, но различныхъ по значенію, изъ коихъ однѣ выражаютъ понятіе о питаніи, а другія понятіе объ управленіи. Въ Церковно-славянскомъ языкѣ нѣкоторыя изъ этихъ производныхъ словообразованій того и другаго корня даже совершенно сходны въ звуковомъ отношеніи: *кръма*—корма и *кръма*—пища, *кръмити*—править и *кръмити*—кормить *). Такія разнозначащія, но созвучныя словообразованія разныхъ корней—вовсе не рѣдкость въ любомъ языкѣ: *му́ка* и *мука̀*, Лат. *fides* — вѣрность и *fides* — струна, Франц. *pécher* – грѣшить и *pêcher* – рыбу ловить. Знатоки, конечно, сумѣютъ указать тонкія, незамѣтныя для профановъ особенности корней, производящихъ такія созвучныя словообразованія; впрочемъ и простой, не вооруженный лингвистическимъ микроскопомъ глазъ легко замѣтитъ, что сейчасъ приведенныя Французскія слова произошли отъ двухъ различныхъ Латинскихъ глаголовъ *peccare* и *piscari.*

Боюсь, лингвисты сострадательно улыбнутся, видя, какъ мы съ авторомъ трудимся надъ корнесловіемъ. Но нельзя ли рѣшить вопросъ болѣе простымъ способомъ, безъ этихъ непривычныхъ для насъ обоихъ лингвистическихъ хлопотъ? Вѣдь мы трактуемъ не объ *этимологическомъ* происхожденіи, а объ *историческомъ* значеніи слова *кормленіе.* Лингвисты вольны

---

*) *Востокова* Словарь Церк.-слав. языка, I, 186.

производить это слово отъ какихъ имъ угодно корней; во всякомъ случаѣ они сдѣлаютъ это несравненно искуснѣе, чѣмъ такіе внезапные, экстемпоральные языковѣды, какъ мы съ авторомъ. Для объясненія историческаго значенія слова у насъ есть подъ руками болѣе надежное и привычное для насъ орудіе, чѣмъ мудреный корнесловный словарь: это орудіе— историческій документъ. Самъ авторъ указываетъ, какъ слѣдуетъ пользоваться этимъ орудіемъ въ данномъ случаѣ: онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ нашемъ современномъ языкѣ есть много словъ, которыя существовали и 5—6 вѣковъ назадъ, но имѣли тогда совершенно другой смыслъ, и для примѣра приводитъ нѣсколько такихъ словъ. Такъ *воръ* теперь значитъ виновный въ кражѣ, а въ старину, говоритъ г. Голохвастовъ, „*воръ* — значило преступникъ", т. е. преступникъ вообще. Теперь вопросъ ставится совершенно ясно и просто. *Кормленіе*—довольно старое слово и нерѣдко встрѣчается въ старинныхъ актахъ съ значеніемъ административнаго термина. Въ современномъ языкѣ оно значитъ питаніе; на языкѣ старинномъ, по мнѣнію г. Голохвастова, оно значило управленіе. Поэтому надобно присмотрѣться по стариннымъ актамъ, въ какихъ сочетаніяхъ понятій является тамъ это слово, и отыскать мѣста, контекстъ которыхъ явственно указывалъ бы, что оно значило на старинномъ языкѣ именно *правленіе*, а не *питаніе*, *содержаніе*, *жалованье* за службу или что-нибудь подобное, такъ чтобы видно было, что это слово по значенію стояло тогда въ близкомъ родствѣ съ *кормиломъ*, а не съ *кормомъ*.

Съ этой цѣлью авторъ печатаетъ четыре акта изъ своего фамильнаго архива. Это грамоты изъ разряда такъ называемыхъ *ввозныхъ* или *послушныхъ*, которыми предкамъ автора жаловались „въ кормленіе" разные административные округа. Первая изъ нихъ дана в. кн. Василіемъ, отцомъ Грознаго (1505—1533), а вторая самимъ Грознымъ до принятія имъ царскаго титула, т. е. до 1547 года. Авторъ замѣчаетъ, что эти двѣ грамоты „чуть ли не самыя древнія изъ извѣстныхъ до сихъ поръ, въ которыхъ встрѣчается слово *кормленіе*". Нѣтъ: извѣстны подобныя же ввозныя грамоты и подревнѣе, данныя прадѣдомъ Грознаго, слишкомъ за сто лѣтъ до смерти отца послѣдняго, и напечатанныя лѣтъ 50 тому назадъ *). Въ нихъ встрѣчается то же слово *кормленіе*. Г. Голохвастовъ приводитъ свои фамильные акты, въ которыхъ спеціалисты отмѣтятъ нѣсколько не лишенныхъ интереса чертъ Московскаго управленія въ XVI вѣкѣ; но собственно для объясненія слова *кормленіе* эти акты, какъ и болѣе раннія ввозныя грамоты, даютъ очень мало: они говорятъ только, что такой-то округъ или такіе-то люди (*Числяки да Ордынцы*) жалуются такому-то „въ кормленіе", не поясняя значенія этого термина.

Правда, авторъ старается извлечь косвенное подтвержденіе своей мысли изъ толкованія первой грамоты, которою в. кн. Василій пожаловалъ Б. Голохвастову въ кормленіе цѣлый разрядъ тяглыхъ людей *Числяковъ* и

*) Акты Юридич. № 161.

Ордынцевъ со всѣми пошлинами. Но, сколько можно судить по этому толкованію, историческія представленія автора такъ далеко ушли отъ моихъ (впередъ или назадъ право, не знаю), вообще настолько разошлись съ моими, что мы даже едва ли поймемъ другъ друга. Попытаюсь изложить это толкованіе, какъ я его понялъ. Такъ какъ въ грамотѣ не говорится ни о какой отдѣльной мѣстности, то она имѣла силу на пространствѣ всей тогдашней Россіи, гдѣ только находились пожалованные ею Числяки и Ордынцы. Авторъ считаетъ извѣстнымъ, что Ордынцами назывались люди, платившіе особый *прямой* налогъ, изъ совокупности котораго составлялась дань Золотой Ордѣ. Понимая *кормленіе* въ значеніи управленія, авторъ легко открываетъ смыслъ разбираемой грамоты: ею вел. князь „поручилъ Борису Голохвастову управленіе *прямыми налогами*". Если же понимать кормленіе, какъ понимаетъ его г. Иловайскій, то значило бы, что въ пользованіе Б. Голохвастова отданъ былъ весь доходъ, шедшій прежде, во времена Татарскаго ига, въ Ордынскую дань; а такъ какъ Б. Голохвастову пожалованы были сверхъ Ордынцевъ, прежде платившихъ эту дань, еще Числяки: то пришлось бы допустить „чудовищную мысль", что *кормленіе* одного Б. Голохвастова обходилось Россіи дороже, чѣмъ Татарская дань".

Мысль дѣйствительно если и не чудовищна, то все же маловѣроятна; однако вѣроятна не меньше другой, будто разбираемою грамотой Б. Голохвастову поручено было управленіе прямыми налогами. Начать съ того, что эта мысль противорѣчитъ тексту грамоты: Б. Голохвастову были пожалованы Числяки и Ордынцы „со всѣми пошлинами", а *пошлинами* на финансовомъ языкѣ древней Руси назывались косвенные налоги. Далѣе, почему извѣстно, что Ордынцами назывались люди, податными платежами которыхъ покрывалась Ордынская дань? По крайней мѣрѣ это не всѣми признавалось: наприм. по мнѣнію Соловьева такъ назывались „плѣнники, выкупленные князьями въ Ордѣ и поселенные на княжихъ земляхъ". Значенія Числяковъ авторъ не поясняетъ; но Бѣляевъ и ихъ считалъ тяглыми людьми, платившими дань Татарамъ. Значитъ, не одни Ордынцы платили эту дань; да еслибы Ордынцами назывались платившіе Ордынскую дань, то всѣ тяглые люди носили бы это названіе, потому что Ордынская дань разверстывалась между всѣми тяглыми людьми, и Числяки съ Ордынцами платили ее наряду, хотя, можетъ быть, и не вровень съ другими тяглыми людьми. Такое общее участіе тяглаго населенія въ платежѣ Ордынской дани доподлинно извѣстно изъ лѣтописей и грамотъ Московскихъ князей XIV и XV в. Наконецъ, я никакъ не могу уяснить себѣ, какъ это вышло у автора заключеніе, будто разбираемою грамотой Б. Голохвастову было поручено управленіе прямыми налогами, чѣмъ-то въ родѣ цѣлаго департамента министерства финансовъ. Пусть даже авторъ держится не поддерживаемаго документами мнѣнія, что Ордынская дань полностію уплачивалась прямымъ налогомъ, падавшимъ на однихъ Ордынцевъ, отданныхъ въ управленіе Б. Голохвастову; но вѣдь было много другихъ тяглыхъ людей, так-

же платившихъ прямые налоги и не состоявшихъ въ вѣдомствѣ этого Голохвастова, который могъ управлять только однимъ спеціальнымъ прямымъ налогомъ—Ордынскимъ.

Думаю, что авторъ напрасно пугается чудовищныхъ размѣровъ, какіе пришлось бы придать пожалованному его предку *кормленію*, понимая это слово въ смыслѣ корма. Вопервыхъ, авторъ самъ увѣряетъ, что прямой налогъ, какой платили Ордынцы, шелъ на Орду, а Ордынскія издержки не прекращались и въ княженіе Василія, когда была дана грамота Б. Голохвастову: отецъ Василія въ своей духовной, писанной слишкомъ 20 лѣтъ спустя послѣ сверженія Татарскаго ига, точно обозначаетъ, сколько каждый изъ его сыновей долженъ платить съ своего удѣла „въ выходы Ордынскіе и во всѣ Татарскіе проторы". Значитъ, не весь прямой налогъ Числяковъ и Ордынцевъ шелъ въ пользу Б. Голохвастова. Независимо отъ того, кормленщики въ древней Руси до и послѣ Б. Голохвастова пользовались только извѣстной, точно обозначавшейся въ „наказныхъ спискахъ" или „уставныхъ грамотахъ" частью доходовъ, какіе получались съ отданныхъ въ кормленіе округовъ или вѣдомствъ; остальное поступало въ казну. Наконецъ, авторъ, кажется, немного преувеличиваетъ численность Числяковъ и Ордынцевъ. Правда, они не составляли одного скученнаго округа, но и не были разсѣяны по всему пространству тогдашней Россіи. Они образовали нѣсколько тяглыхъ обществъ, большая часть которыхъ сосредоточена была въ Московскомъ уѣздѣ; немногія поселенія, находившіяся въ другихъ уѣздахъ, почти всѣ извѣстны наперечетъ по документамъ. Они принадлежали къ многочисленнымъ мелкимъ разрядамъ, на которые дѣлилось въ хозяйственно-административномъ отношеніи тяглое населеніе Московскаго княжества, несли свою особую „службу" (хотя въ точности неизвѣстно по документамъ, какую именно), составляли особое вѣдомство съ своими сотскими и десятскими, подобное вѣдомствамъ бобровниковъ, бортниковъ, дворцовыхъ рыболововъ и другимъ, и отдавались въ кормленіе либо особому управителю, либо начальнику болѣе крупнаго вѣдомства, какъ было до пожалованія ихъ Б. Голохвастову, когда Числяки съ Ордынцами, какъ видно изъ разбираемой грамоты, были въ кормленіи за *Московскимъ намѣстникомъ* кн. Даниломъ Васильевичемъ. Это, замѣтимъ мимоходомъ, знаменитый побѣдитель на р. Ведрошѣ князь Щеня-Патрикѣевъ, двоюродный братъ не менѣе знаменитаго князя—инока Вассіана Косаго. Званіе и годъ смерти этого Московскаго намѣстника наводятъ на предположеніе, что разбираемая грамота дана послѣ 1515 г. и что ею были пожалованы Б. Голохвастову Числяки и Ордынцы только въ Московскомъ уѣздѣ, а не „на пространствѣ всей тогдашней Россіи".

Какъ ни остроумны и ни вѣроятны соображенія автора, они не даютъ того, чтó нужно; а нужны древніе документальные тексты, которые достаточно явственно вскрывали бы древній смыслъ слова *кормленіе*. Между тѣмъ авторъ кромѣ разсмотрѣннаго толкованія одной изъ напечатанныхъ имъ грамотъ не даетъ въ подтвержденіе своей мысли ничего, рѣшительно

ничего документальнаго. Неужели наши древніе акты такъ безмолвны на счетъ значенія, какое они придавали этому слову? Нѣтъ, они кое-что говорятъ объ этомъ; да г. Голохвастовъ почему-то не желаетъ ихъ слушать. Этотъ административный терминъ встрѣчается въ актахъ довольно рано; г. Голохвастовъ не знаетъ его раньше XVI вѣка, а оно является уже въ памятникахъ XIV вѣка, притомъ въ такихъ контекстахъ, которые явственно изобличаютъ значеніе, тогда ему принадлежавшее. Такъ въ договорной грамотѣ 1362 г. вел. кн. Димитрій Ивановичъ говоритъ своему двоюродному брату удѣльному князю Владимиру Андреевичу: „который бояринъ поѣдетъ изъ кормленья отъ тобѣ ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тобѣ, а службы не отслуживъ, тому дати кормленье по исправѣ [1]). Попытайтесь истолковать этотъ текстъ, понимая *кормленье* въ смыслѣ *управленія*. Какъ могъ князь давать управленіе боярину, который пересталъ служить ему и перешелъ на службу къ другому князю? Потомъ, что̀ значитъ дать не отслужившему службы боярину *кормленье по исправѣ*? Очевидно, это значитъ дать не все кормленье, а только часть его, соотвѣтствующую мѣрѣ *исправленія* службы, пропорціональную отслуженной долѣ службы. Попытайтесь подставить подъ терминъ *кормленіе* значеніе управленія, и слова великаго князя утратятъ всякій смыслъ: ибо что̀ значитъ покинувшему *управленіе* боярину дать за недослуженную службу *управленіе по исправѣ*, т.-е. въ мѣру исправленія службы? По уставнымъ грамотамъ XV и XVI вѣковъ, опредѣлявшимъ права и границы власти кормленщиковъ, намѣстники и ихъ тіуны, прикащики получали *кормы*, извѣстные поборы съ управляемыхъ округовъ обыкновенно два раза въ годъ, на Рождество Христово и на Петровъ день. Кормленія обыкновенно давались на годъ, по крайней мѣрѣ въ XVI вѣкѣ; нуженъ былъ особый актъ, чтобы продолжить кормленіе еще на годъ или меньше. Если годовой кормленщикъ покидалъ кормленіе черезъ полгода, онъ имѣлъ право только на одинъ изъ двухъ полугодовыхъ кормовъ; если кормленщику продолжалось кормленье на часть другаго года, на грамотѣ иногда прописывалось, какую часть того или другаго семестральнаго корма могъ онъ получить за продолженіе службы; это и значило: *дати кормленіе по исправѣ*. Вообще *кормленье* въ актахъ древне-Русскаго управленія идетъ обыкновенно объ руку съ кормомъ; когда нужно было выразить понятіе объ управленіи, въ XIV и XV в. употребляли слова *вѣдать*, *вѣданье*. Въ концѣ XV в. боярамъ Судимонту и Якову Захарьину дана была въ кормленіе Кострома съ раздѣленіемъ города пополамъ между обоими: одинъ изъ кормленщиковъ жаловался въ Москвѣ, что имъ обоимъ „на Костромѣ *сытымъ* быть не съ чего". На языкѣ XIV в. сидѣть на кормленіи значило *ѣсть хлѣбъ*; позднѣе служилые люди, просившіе кормленій, писали въ челобитныхъ: „прошу отпустить покормиться" [2]).

---

[1]) Собр. Гос. Грам. и Догов. I, стр. 45.

[2]) Можетъ быть, рядомъ съ приведенными текстами пригодится и слѣдующее мѣсто изъ приговора царя съ боярами 1556 года: „По се время бояре и князи и дѣти боярскія

Такъ гласятъ старые тексты. Вы видите, они не вторятъ корнесловію г. Голохвастова, роднятъ *кормленіе* съ *кормомъ*, а не съ *кормой.* Эти тексты давно всѣмъ извѣстны, какъ давно принято толковать согласно съ ними слово *кормленіе.* Авторъ замѣтки объ нихъ не упоминаетъ, а о толкованіи просто и кратко замѣчаетъ: „это не вѣрно". Не знаю, передумаетъ ли авторъ, если вы сообщите ему мое письмо; но что вы подарите своихъ читателей утомительнымъ чтеніемъ, если его напечатаете, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Впрочемъ, я не ставлю себѣ ни той, ни другой цѣли, ни убѣдить г. Голохвастова, ни убить скукою вашего читателя: первое безнадежно; второе безбожно, какъ намѣреніе, и неизбѣжно, какъ результатъ. Если вы хотите знать, кто виноватъ въ настоящемъ письмѣ, то это не я, не вы и даже не г. Голохвастовъ: истинный его виновникъ г. Иловайскій; онъ „всей крови заводчикъ". Въ своей статьѣ, вами напечатанной, онъ передалъ извѣстіе одной лѣтописи о томъ, что царь Иванъ послѣ взятія Казани, оправившись отъ опасной болѣзни и отправляясь на богомолье, поручилъ боярамъ обсудить въ Думѣ два вопроса: объ устройствѣ новозавоеваннаго царства и о *кормленіяхъ,* а бояре начали „о кормленіяхъ сидѣти, а Казанское строеніе поотложиша". Все это еще ничего. Но въ поясненіе къ вопросу о кормленіяхъ г. Иловайскій прибавилъ, что дѣло шло о раздачѣ кормленій въ награду служилымъ людямъ за покореніе Казани. Выходитъ, что бояре поспѣшили заняться вопросомъ о наградахъ побѣдителямъ Казани и въ томъ числѣ самимъ себѣ, а дѣло объ устройствѣ Казанскаго царства положили подъ сукно. Эта неосторожная прибавка, во первыхъ смутила г. Голохвастова; неужели наши Московскіе великіе князья и цари не умѣли сдѣлать ничего лучшаго изъ новозавоеваннаго царства, какъ отдать его на растерзаніе этимъ алчнымъ боярамъ? Потомъ г. Иловайскій ввелъ г. Голохвастова въ безвыходное недоразумѣніе. Ища отрицательнаго отвѣта на тревожный вопросъ, г. Голохвастовъ рѣшилъ: нѣтъ, *кормленіе* на старинномъ языкѣ значитъ не награда за службу, не *питаніе,* а *правленіе;* „бояре *начаша о кормленіяхъ сидѣти*—значитъ: бояре начали совѣщаться объ устройствѣ управленія вновь завоеваннымъ царствомъ". Теперь смотрите, что̀ вышло у автора: вопреки волѣ царя, бояре стали совѣщаться объ устройствѣ управленія Казанскимъ царствомъ, а „Казанское строеніе", т.-е. дѣло объ устройствѣ того же Казанскаго царства, отсрочили. Вотъ что надѣлалъ г. Иловайскій. Теперь придется доказывать, что *Казанское строеніе* на старинномъ языкѣ не значило устройство Казанскаго царства, какъ *кормленіе* не значило служебное содержаніе. За то г. Иловайскій и получилъ должное возмездіе въ торжественномъ урокѣ, заканчивающемъ замѣтку г. Голохвастова: „Ошибка всегда и вездѣ возможна, даже для самыхъ ученыхъ людей, и еслибы невѣрно истолковалось *всякое* другое слово, это могло бы не имѣть значенія;

сидѣли по *кормленіямъ* по городомъ и по волостемъ для расправы людемъ и всякого устроенія землямъ и себѣ отъ служебъ для покою и *прекормленія*". Никон. лѣт. VII, 259.

но тутъ искажается *весь* смыслъ нашей исторіи". Какъ! Толкованіемъ одного слова можно исказить весь смыслъ нашей исторіи? Впрочемъ, отъ чего бѣда не бываетъ: разсказываютъ, что когда-то отъ копѣечной свѣчки Москва сгорѣла. Во всякомъ случаѣ замѣчательно лаконичень смыслъ нашей исторіи: онъ весь въ одномъ словѣ—*кормленіе*. Хотя мнѣ все-таки непонятно, чѣмъ слово кормленіе значительнѣе или страшнѣе „всякаго другаго" слова и какъ толкованіе его въ смыслѣ вознагражденія за государственную службу можетъ искажать весь смыслъ нашей исторіи, когда такое вознагражденіе допускается закономъ у насъ и вездѣ, гдѣ служатъ государству; но думаю, что слѣдуетъ основательно доказать ошибочность такого толкованія, прежде чѣмъ взваливать на ученаго столь тяжеловѣсное обвиненіе. Не подумайте, что я вызываюсь защищать г. Иловайскаго. Я не берусь за это по многимъ причинамъ: во первыхъ, онъ не нуждается въ защитѣ; во вторыхъ, я не имѣю на то надлежащихъ полномочій; въ третьихъ, я самъ не согласенъ съ нимъ въ толкованіи приведеннаго извѣстія лѣтописи о кормленіяхъ. Я думаю, что дѣло шло не о раздачѣ кормленій за покореніе Казани, а объ отмѣнѣ кормленій и замѣнѣ ихъ земскими учрежденіями, общій законъ о которыхъ выработанъ былъ нѣсколько позднѣе. Я имѣю нѣсколько маленькихъ соображеній въ оправданіе этого несогласія; но для изложенія ихъ потребовалось бы другое письмо, скучнѣе и пространнѣе настоящаго. А настоящее письмо писано съ единственною цѣлью закончить его слѣдующимъ печальнымъ размышленіемъ: жутко работать Русскому ученому, когда всякій почтенный согражданинъ можетъ печатно обвинить его за всякое слово во всемъ, что́ ему вздумается, и только обвинить, а не опровергнуть.

Примите увѣреніе и проч.

В. Ключевскій.

ИЗЪ БУМАГЪ МИТРОПОЛИТА ИННОКЕНТІЯ.

ОТВѢТЫ ОДНОГО ПРАВОСЛАВНАГО АРХІЕРЕЯ НА ВОПРОСЫ ПО РАСКОЛЬНИЧЕСКОМУ ВОПРОСУ [1]).

Прежде, нежели я буду отвѣчать на таковые вопросы, считаю нужнымъ изложить здѣсь нѣкоторыя мои мнѣнія касательно раскольниковъ и, такъ называемыхъ, единовѣрцевъ.

Кого мы считаемъ за раскольниковъ въ нашей церкви—это извѣстно всякому; извѣстно также и то, что болѣе близкіе къ намъ изъ нихъ суть такъ называемые *поповцы*.

Всѣхъ вообще раскольниковъ я раздѣляю *на добрыхъ и злыхъ*. Первые изъ нихъ въ простотѣ сердца вѣруютъ, что истинное благочестіе и православная вѣра находятся только у нихъ, и что только по ихъ вѣрѣ можно спастись; и оттого держатся ея крѣпко и всѣхъ другихъ считаютъ вѣроотступниками и проч. А другіе изъ раскольниковъ знаютъ очень хорошо, что они, или предки ихъ, уклонились отъ истинной церкви, но по своимъ видамъ *не хотятъ* возвратиться къ ней, и таковыхъ только самъ Богъ можетъ обратить, а изъ людей никто. Но на первыхъ весьма много можетъ дѣйствовать православный *истинно-благочестивый* священникъ и особенно епископъ такой жизни, какъ напр., былъ, блаженной памяти, преосвященный Іаковъ, бывшій

---

[1]) Сіи отвѣты, написанные Иннокентіемъ архіепископомъ Камчатскимъ, Курильскимъ и Алеутскимъ (впослѣдствіи митрополитомъ Московскимъ) въ г. Якутскѣ, были представлены имъ 23 Октября 1864 г., за № 1.265, въ Св. Сѵнодъ, при слѣдующемъ донесеніи: „Во исполненіе указа отъ 6 Апрѣля текущаго года, за № 659, о доставленіи соображеній по двумъ пунктамъ по раскольническому вопросу, при семъ долгъ имѣю представить Св. Правительствующему Сѵноду *записку* подъ названіемъ: *Отвѣты одного православнаго архіерея*, содержащую въ себѣ соображенія мои по вышеозначеннымъ вопросамъ; и къ тому присовокупить, что если мои мнѣнія, изложенныя въ той запискѣ, будутъ признаны неправильными и тѣмъ паче оскорбительными для православной церкви, то я по первому слову готовъ уничтожить и самую записку".—Была ли эта записка принята Св. Сѵнодомъ къ соображенію, мы не знаемъ; но намъ достовѣрно извѣстно, что она была разсмотрѣна митрополитомъ Филаретомъ, что̀ свидѣтельствуется его подлиннымъ письмомъ къ Иннокентію отъ 31 Мая 1865 года: „Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ. До меня дошли *отвѣты одного архіерея* на вопросы указа Св. Сѵнода отъ 6-го Апрѣля 1864 года, и замѣчанія другого архіерея на сіи отвѣты. Полагая, что сіи послѣднія не недостойны вашего вниманія, посылаю вамъ оныя при семъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и яже о Господѣ любовію пребываю". Замѣчанія принадлежатъ самому Филарету.

Иванъ Барсуковъ.

Саратовскій. Я слышалъ такъ: поживи онъ, говорятъ, въ Саратовѣ долѣе, то навѣрное всѣ бы, такъ называемые мною, *добрые* раскольники были бы въ его паствѣ; *но злые* помѣшали этому.....

Но кто такіе единовѣрцы? По мнѣнію моему, судя строго, это сначала были и нынѣ есть тѣже раскольники-поповцы (разумѣется не всѣ), только менѣе враждебные православной церкви,—и то не съ цѣлію присоединиться къ ней, но чтобы чрезъ то имѣть у себя священниковъ правильно рукоположенныхъ, т. е. *по необходимости*. Иначе зачѣмъ бы имъ своимъ священникамъ, принимаемымъ отъ насъ, не дозволять подходить подъ благословеніе даже рукоположившаго ихъ епископа? Зачѣмъ бы имъ дѣлать что-то въ родѣ исправы своимъ священникамъ [2])? И зачѣмъ они сами подходятъ подъ благословеніе только къ своимъ священникамъ, даже минуя архіерея?

Не значитъ ли это, что они въ этомъ случаѣ поступаютъ такъ же, какъ и раскольники? Такъ напр., я спрашивалъ однажды раскольниковъ истыхъ: чѣмъ они считаютъ меня?—Правильнымъ архіереемъ, отвѣчали они [3]). Примите ли вы отъ меня священника?—Примемъ съ радостію, только чтобы онъ послѣ того уже не былъ подъ вашимъ началомъ и проч., т. е. чтобы между прочимъ никогда не подходилъ подъ благословеніе ко мнѣ. Слѣдовательно, у тѣхъ и другихъ одна мысль, одна цѣль въ этомъ случаѣ.

Мнѣ скажутъ, что единовѣрцы не только принимаютъ отъ насъ священниковъ, какъ правильныхъ священниковъ, но даже дозволяютъ святить свои церкви православнымъ архіереямъ. Такъ! Но какъ они дозволили напр. освятить свои церкви въ Москвѣ? Съ условіями, съ исключеніями, съ прибавленіями, т. е. *на ихъ волѣ*, а не въ духѣ чистаго единенія, и слѣдовательно въ духѣ того же раскола, только смягченнаго «ради оскуденія священства», какъ они обыкновенно выражаются.

Впрочемъ, съ какимъ бы намѣреніемъ и съ какими бы исправами они ни дѣлали это, это есть уже важный и вѣрный шагъ съ ихъ стороны къ сближенію съ православною церковію; и этому нельзя не радоваться и не благодарить Спасителя; и съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя на это не указать какъ на плодъ учрежденія единовѣрія. Не будь этого единовѣрія, конечно, не было бы и того сближенія раскольниковъ съ нами, какъ теперь въ единовѣрцахъ. И можно надѣяться, что рано или

---

[2]) А что они дѣлаютъ имъ какія-то исправы, хотя бы то и епитимію, этому можетъ служить доказательствомъ то, что они не позволяютъ своимъ священникамъ подходить подъ благословеніе даже рукоположившаго ихъ и для нихъ же.

[3]) Одинъ прибавилъ: и даже нашимъ (и это потому только, что я не употребляю табаку).

поздно единовѣрцы будутъ вполнѣ православными и, можетъ быть, даже болѣе религіозными и твердыми, напр. въ соблюденіи постовъ, чѣмъ нынѣ мы, особенно если дѣти ихъ будутъ учиться и при томъ у священниковъ, а священники будутъ имѣть цѣлію хотя отдаленную—полное соединеніе своихъ пасомыхъ съ православною церковію и къ этой цѣли стремиться постоянно, но съ благоразуміемъ, съ терпѣніемъ, съ осторожностію *о Господѣ*.

1) *На какихъ основаніяхъ могло бы быть распространено и развито допущенное уже у насъ единовѣріе?*—Иныхъ, или новыхъ основаній для развитія единовѣрія нѣтъ и быть не можетъ кромѣ тѣхъ, на которыхъ оно было допущено, т. е. надежда къ соединенію отлучившихся отъ церкви якобы за древніе обряды, какъ сказано *въ извлеченіи* изъ дѣлъ Св. Сѵнода о единовѣрческихъ церквахъ [4]). И опытъ доказалъ, что *надежда* эта болѣе или менѣе оправдалась; допущенное [5]) единовѣріе принесло свои добрые плоды; и въ то же время тотъ же опытъ показалъ, что допущеніе единовѣрія (кажется) нисколько и ничѣмъ не повредило православной церкви. Слѣдовательно и дальнѣйшее развитіе единовѣрія можетъ быть допущено,—и допущено на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, т. е. въ надеждѣ къ соединенію [6]). Для распространенія единовѣрія и слѣдовательно для бóльшей пользы православной церкви, я вижу только одно:—дать единовѣрцамъ, если они захотятъ, особаго епископа, который бы служилъ только въ ихъ церквахъ, по старымъ книгамъ, въ древнихъ облаченіяхъ и проч. (чтó, явно, непротивно православной церкви), и который бы и въ частной жизни сообразовался съ древними обычаями. И даже, еслибъ единовѣрцы для успокоенія слабыхъ своихъ собратій потребовали отъ епископа нѣкотораго особаго отреченія въ родѣ *исправы*, то дозволить ему при вступленіи къ нимъ произнести исповѣданіе вѣры, хотя бы-то и по Іосифскому требнику, произнести проклятіе, напр., на употребляющихъ табакъ. Таковое проклятіе, конечно, можетъ показаться болѣе чѣмъ страннымъ; но оно, вопервыхъ, не противно правиламъ строгаго христіанскаго поведенія (чтò бы ни говорили въ защиту безнужнаго употребленія табаку, оно ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ благословенія церкви); а во вто-

---

[4]) Напечатанномъ въ свѣдѣніяхъ о единовѣрческихъ церквахъ, собранныхъ купцомъ Сопѣлкинымъ. Москва, 1858 г.

[5]) Не знаю, можно ли подтвердить это допущеніе какими-либо правилами или канонами или хотя примѣрами; по крайней мѣрѣ въ *извлеченіи* нѣтъ никакой ссылки ни на что.

[6]) Главною причиною раскола въ нашей церкви были не недоразумѣнія или приверженность къ старымъ книгамъ и обрядамъ но вражда, злоба и ненависть; а потому и уничтожить его могутъ только миролюбіе, снисхожденіе и любовь.

рыхъ, проклятіе частной церкви далеко не то, чтó проклятіе соборное. А между тѣмъ открыто произнесенное проклятіе единовѣрческимъ епископомъ на столь (по понятіямъ раскольниковъ) ужасный грѣхъ [7]) и который совсѣмъ не считается грѣхомъ у насъ, — весьма важно въ глазахъ не только единовѣрцевъ, но даже и раскольниковъ; и оно, между прочимъ, въ простыхъ сердцахъ можетъ возродить къ епископу полное довѣріе.

Польза отъ учрежденія епископской каѳедры въ единовѣрческой церкви, судя по опытамъ, несомнѣнна и можетъ быть неодностороння; такъ напр., если допущеніе единовѣрія съ одними только священниками сдѣлало многихъ раскольниковъ единовѣрцами и чрезъ то приблизило къ церкви: то нѣтъ сомнѣнія, что много подѣйствуетъ на нихъ и особенно на *добрыхъ*, когда у единовѣрцевъ будетъ свой православный и правильный епископъ, служащій по старымъ обрядамъ и отлученный отъ табашниковъ. И быть можетъ, этимъ путемъ, если и не всѣ раскольники, то большая часть изъ нихъ возвратятся къ церкви [8]); а вѣрнѣе всего то, что отъ учрежденія епископской каѳедры въ единовѣрческой церкви сильно поколеблется у раскольниковъ такъ называемая Австрійская іерархія, если только не падетъ и совсѣмъ; по крайней мѣрѣ, лучшаго къ тому способа едвали можно найти, какъ учрежденіе означенной каѳедры.

Конечно, не можетъ не показаться страннымъ учрежденіе особой православной іерархіи въ той же православной церкви, и, судя строго, какъ ни оправдывай учрежденіе каѳедры единовѣрческой и какъ ни сглаживай неровности между православіемъ и единовѣріемъ—онѣ не одно и то же. Пусть онѣ будутъ родныя сестры; но и родныя сестры, даже близнецы, не одно существо. Допущеніе епископа всегда будетъ казаться нововведеніемъ и какъ бы поступленіемъ своимъ православіемъ расколу, а раскольникамъ можетъ показаться признаніемъ нашей вины и ихъ правоты. Словомъ, нельзя не сознаться, что если это и не будетъ явнымъ нарушеніемъ правилъ церковныхъ, то будетъ немалою жертвою насчетъ православія.

---

[7]) Одинъ изъ начитанныхъ и разумныхъ раскольниковъ въ бесѣдѣ съ православнымъ священникомъ сказалъ: Какъ же вашу церковь можно считать чистою, когда вы въ нее впускаете явныхъ нарушителей поста? Если эта мысль не одного этого раскольника, то единовѣрческому епископу можно дозволить не впускать въ свои церкви подобныхъ людей и особенно табашниковъ.

[8]) Здѣсь кстати припомнимъ слова одного изъ умнѣйшихъ двигателей раскола (Рязанова), который, по случаю возсоединенія уніатовъ, сказалъ: „Уніаты были уведены изъ православія архіереями и священниками, и вотъ архіереями и священниками обратно приведены въ нѣдра церкви“. И къ возсоединенію старообрядцевъ также нѣтъ инаго пути. Кто увелъ, тотъ и приведетъ.

Но съ другой стороны, вопервыхъ, предполагается дать епископа не прямо раскольникамъ (что̀ было бы слишкомъ рѣзко и даже едва ли возможно), но дать тѣмъ, у которыхъ давно уже находятся православные священники, только, можно сказать, безъ пастыреначальника, котораго и предполагается дать имъ, что̀ весьма естественно. Вовторыхъ, учрежденіе особой іерархіи въ той же церкви несовсѣмъ безпримѣрно. Напр., сколько было въ одной и той же Греческой церкви монастырей и обителей съ разными и своеобычными уставами; однакожъ это не было ни для кого камнемъ преткновенія и соблазна. Можно даже сослаться и на Римскую церковь, нѣкогда праздновавшую Пасху своеобычно; но это не мѣшало быть ей православною — Апостольскою. Весьма ненеприлично здѣсь сослаться и на слова апостола Павла 1 Кор. IX. 19—22: свободенъ сый отъ всѣхъ .... *всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу.*

Правда также и то, что учрежденіе единовѣрческой іерархіи будетъ нововведеніемъ, жертвою и проч. Но если мы только по однимъ этимъ и подобнымъ винословіямъ не дадимъ единовѣрцамъ епископа, будучи притомъ почти увѣрены въ пользѣ сего учрежденія; то .... будетъ ли это напр. доказательствомъ тому, что мы любимъ христіанскою любовію нашихъ бѣдныхъ собратій - раскольниковъ и всячески заботимся о ихъ спасеніи?...

Многолѣтній опытъ доказалъ уже, что никакія убѣжденія, и самыя основательныя и искреннія, и никакія мѣры къ обращенію ихъ, и самыя справедливыя и кроткія, не достигли своей цѣли, кромѣ одного только учрежденія единовѣрія. Но и оно, какъ видимъ, становится неудовлетворительнымъ, малосильнымъ, и очень статочное дѣло, что оно и совсѣмъ потеряетъ свою силу даже съ ущербомъ пріобрѣтеннаго, при появившейся у насъ въ Россіи Австрійской іерархіи, раскидывающейся, какъ говорятъ, широко, и къ противодѣйствію и къ ослабленію которой, какъ мнѣ кажется, остается [9]) учредить правильную іерархію въ единовѣрчествѣ.

И притомъ, въ случаѣ, если бы учрежденіе архіерейской каѳедры въ единовѣрческой церкви не принесло той пользы, какой мы можемъ ожидать отъ того: то, мнѣ кажется, мы всегда будемъ имѣть возможность закрыть это учрежденіе безъ особыхъ послѣдствій, какъ неудавшійся опытъ.

---

[9]) Я вполнѣ увѣренъ, что если бы спросить объ этомъ Восточныхъ предстоятелей православной церкви, то и они дали бы на то свое согласіе. Но прилично ли это? Необходимо ли? На такой вопросъ не умѣю отвѣчать.

Касательно подчиненія единовѣрческаго епископа, кажется, нельзя ожидать, чтобы единовѣрцы стали требовать, чтобы епископъ ихъ не былъ зависимъ отъ Св. Сvнода [10]).

2) *На какихъ условіяхъ могло бы совершиться возсоединеніе сектаторовъ пріемлющихъ священство съ православною церковію?*

Пріемлющихъ священство, я здѣсь разумѣю, такъ называемое Австрійское. И если это такъ, то, чтобы отвѣчать на предложенный вопросъ, прежде надобно рѣшить другой вопросъ: какъ смотрѣть на священнослужителей, получившихъ рукоположеніе отъ извѣстнаго митрополита Амвросія и отъ епископовъ имъ рукоположенныхъ? За кого считать тѣхъ и другихъ? А ихъ нельзя считать за одно.

Рукоположенныхъ самимъ митрополитомъ Амвросіемъ, мнѣ кажется, можно и слѣдуетъ считать тѣмъ же, чѣмъ мы считаемъ католическихъ священниковъ, если только не выше [11]); потому что они рукоположены не какимъ-либо самозванцемъ, какъ было нѣкогда, но архіереемъ правильно рукоположеннымъ отъ православнаго патріарха. Правда, онъ былъ подъ запрещеніемъ; а таинство, совершенное запрещеннымъ священнослужителемъ, не есть таинство. Но отъ кого получаютъ рукоположеніе католическіе священники? Отъ патріарха *отлученнаго*—и отлученнаго не однимъ какимъ-либо предстоятелемъ церкви, какъ митрополитъ Амвросій, но цѣлыми православными соборами, т. е. всею православною церковію, и однакожъ мы католическаго священника считаемъ священникомъ, и, по при соединеніи его къ православной церкви, оставляемъ его въ томъ же санѣ безъ особеннаго рукоположенія; значитъ, таинство, совершенное отлученнымъ епископомъ, мы принимаемъ за таинство. А если это такъ, то почему же нельзя признать въ томъ же санѣ и рукоположенныхъ митрополитомъ Амвросіемъ, по присоединененіи ихъ къ православной церкви? Иначе, запрещеніе одного патріарха надобно считать сильнѣе отлученія соборнаго.

Скажутъ: Амвросій, при поступленіи къ раскольникамъ, проклиналъ православную церковь. А сколько, и какихъ хуленій не высказано папистами всѣхъ вѣковъ на православную церковь и даже на самое

---

[10]) Но если, напр., предположить, что и раскольники изъявятъ готовность присоединиться къ единовѣрцамъ, когда у нихъ будетъ епископъ, но только съ тѣмъ, чтобы онъ не зависѣлъ отъ Св. Сvнода: то неужели никакъ нельзя будетъ сдѣлать имъ этого снисхожденія? Ужели мы изъ за одного этого оставимъ ихъ въ расколѣ вѣчно? Ужели никакъ нельзя слово *Сгнодъ*—такъ имъ нелюбимое, замѣнить напр. *Православные архіереи* и, пожалуй, съ прибавленіемъ вселенскихъ, т. е. находящихся и находившихся во всей вселенной, если они будутъ согласны на этомъ условіи принять единовѣріе?...... Впрочемъ, это такой предметъ, о которомъ, можетъ быть, и не придется разсуждать; а если и придется, то не частному лицу.

[11]) Потому что раскольники-поповцы ближе къ намъ всѣхъ исповѣданій.

православіе, и ужъ конечно не по принужденію обстоятельствъ и не однимъ только языкомъ, какъ Амвросій, но отъ всего сердца и съ полнымъ сознаніемъ! И при томъ, говорятъ, митрополитъ Амвросій во многихъ хулахъ, произнесенныхъ имъ на православную церковь, впослѣдствіи раскаялся, какъ и можно было ожидать; а папа—никогда и ни въ чемъ.

Что же касается до священниковъ, рукоположенныхъ епископами, поставленными митрополитомъ Амвросіемъ, то такъ какъ онъ перваго епископа поставилъ вопреки апостольскаго правила, т. е. одинъ, не имѣя никакого согласія и соизволенія на то ни однаго епископа, даже неправославнаго: то и всѣхъ поставленныхъ Амвросіемъ епископовъ, а слѣдовательно и священниковъ, рукоположенныхъ сими лжеепископами, во всякимъ случаѣ слѣдуетъ считать простецами.

3) *Не полезно ли бы было возстановить обычай, по которому допускалось совершеніе браковъ раскольниковъ въ православныхъ церквахъ, безъ отобранія отъ нихъ показаній и обязательствъ?*

Если въ нашей церкви, на основаніи словъ Апостола Павла (1 Кор. VII, 12 и слѣд. [12]) признано было полезнымъ, и вслѣдствіе того допущено сподоблять таинства брака то или другое лицо брачущихся, принадлежащее къ инославному исповѣданію (и даже такихъ, которые исповѣдуютъ только два таинства, а на бракъ смотрятъ какъ на простой обрядъ не выше мірскихъ обрядовъ), наравнѣ съ православнымъ лицомъ безъ всякаго при бракосочетаніи исключенія [13]): то конечно гораздо большей пользы можно ожидать отъ вѣрующихъ и исповѣдующихъ всѣ таинства православной церкви (только совершителей оныхъ считающихъ нечистыми), каковы наши поповцы. И потому можно дозволить вѣнчать ихъ въ православныхъ церквахъ, и безъ всякаго требованія обязательствъ на счетъ принадлежности къ православію ихъ самихъ или ихъ дѣтей, и тѣмъ болѣе, что подписки и обязательства, отбираемыя нынѣ отъ раскольниковъ при вѣнчаніи ихъ, сколько извѣстно, не достигаютъ своей цѣли, а только умножаютъ злоупотребленія и усиливаютъ вражду раскольниковъ къ намъ.

Мнѣ кажется, можно вѣнчать раскольниковъ не только безъ всякихъ подписокъ и условій, но даже и съ хожденіемъ посолонь, принимая во уваженіе одно то, что они дорожатъ вѣнчаніемъ и ищутъ его

---

[12]) Гдѣ впрочемъ сказано: аще который братъ жену *иматъ* невѣрну, а не поемлетъ; и также: аще жена *иматъ* мужа невѣрна, а не посягаетъ.

[13]) А по смыслу 68 ст. 1 ч. X. т. Св. Зак. православный священникъ можетъ повѣнчать даже и обоихъ неправославнаго исповѣданія; и, конечно, не отбирая никакихъ подписокъ на счетъ ихъ вѣроисповѣданія и дальнѣйшаго отношенія къ православной церкви.

съ вѣрою въ него какъ въ таинство православной церкви; и даже пусть лучше они и дѣтей своихъ, рождаемыхъ отъ браковъ, совершенныхъ въ православныхъ храмахъ, крестятъ по своему, лишь бы они вѣровали въ таинства и съ вѣрою приступали къ нимъ. Рано или поздно, болѣе или менѣе эта вѣра принесетъ свои плоды,—чѣмъ требованіемъ отъ нихъ безполезныхъ подписокъ отталкивать ихъ отъ себя еще далѣе. Иное дѣло, если бы мы вѣнчали въ церквахъ нашихъ однихъ только вполнѣ православныхъ... Если можно чего требовать отъ раскольниковъ при вѣнчаніи ихъ, и то не на бумагѣ; то только того, чтобы они при кончинѣ своей не связывали дѣтей своихъ клятвою оставаться въ расколѣ, какъ они обыкновенно дѣлаютъ. И сколько эта только одна клятва многихъ добрыхъ людей удерживаетъ въ старой ихъ вѣрѣ!

1812-й годъ.

Посланіе Тамбовскаго гражданскаго губернатора ко всѣмъ волостнымъ головамъ, сельскимъ старостамъ, сотскимъ, десятскимъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ.

Знаете ли вы, братцы, что разбойники Французы, какъ голодные волки, стремятся къ сосѣдямъ нашимъ, Рязанскимъ, Тульскимъ Владимирскимъ и Калужскимъ жителямъ? Чудотворцы Московскіе, Иверская Божія Матерь и ратная Московская сила не впустили злодѣевъ въ Москву. Со скрежетомъ зубовъ они отбѣжали отъ перво-престольной столицы, и съ алчными и ненасытными взорами идутъ пожирать вашъ насущный хлѣбъ.

Ужасно слышать, что̀ оные злодѣи надѣлали у сосѣдей своихъ, Нѣмцевъ: разграбили ихъ, разорили и отняли дѣтей, изъ которыхъ однихъ услали на край свѣта воевать въ Гишпаніи, а другихъ отправили къ намъ Русскимъ и ставятъ ихъ впередъ напротивъ нашихъ пушекъ. Сердце обливается кровію, что̀ надѣлали сіи сопостаты въ нашихъ губерніяхъ, которыя они, по неосторожности жителей, прошли: отняли женъ и дочерей, осквернили ихъ, ограбили всѣхъ поселянъ, лишили ихъ послѣдняго куска хлѣба, сожгли города, села и деревни, заставили всѣхъ крестьянъ возить на себѣ для сволочи ихъ провіантъ, пушки, ядра и всѣ воинскіе снаряды; въ церквахъ ободрали святые иконы и престолы, ограбили все церковное имущество и домъ Божій превратили въ вертепъ разбойничій. Все же это отчего произошло? Оттого, что жители слушали сладкіе чужестранцовъ разсказы, обманулись и теперь плачутъ какъ рѣка льется.

Итакъ, друзья мои, я васъ остерегаю. А дворяне всѣ уже приняли осторожность. Они и рекрутъ даютъ, и охранителей для спасенія границъ Тамбовской губерніи, а именно: они всѣ заклялись здѣсь

предъ образомъ Божіимъ не пускать злодѣевъ въ Тамбовскую губернію, для чего и собираютъ изъ своихъ крестьянъ двѣнадцатаго человѣка, чтобъ одну половину тотчасъ вооружить, а другую имѣть въ готовности. А вы развѣ попустите злодѣямъ ограбить васъ и храмы Господни, осквернить женъ вашихъ и отнять дѣтей, чтобы отправить ихъ на другой край свѣта, въ Гишпанію или Индію? Нѣтъ, вы боитесь одного страшнаго суда Божія, а злодѣевъ поразить мы всѣ готовы. Я заказалъ уже для васъ на всѣхъ желѣзныхъ заводахъ, на всѣхъ градскихъ кузницахъ дѣлать пики и рогатины; а вы между тѣмъ тотчасъ назначьте между собою 12-го человѣка по ревизіи и изъ собранныхъ половину отошлите къ уѣздному предводителю, а другую имѣйте въ готовности, не отвлекая сихъ послѣднихъ отъ домашнихъ работъ. Одѣвать ихъ нѣтъ нужды въ мундиръ или казацкое платье; но кто въ чемъ ходитъ, тотъ въ томъ и защищать можетъ. А пока къ вамъ доставлены будутъ пики, вооружите ихъ кто чѣмъ можетъ: топорами, копьями, рогатинами, косами, дубинами, вилами и непремѣнно и какъ можно скорѣе выставьте означенное число людей къ истребленію злодѣевъ, ежели гдѣ появятся. При томъ не вѣрьте никакимъ слухамъ. Я самъ буду васъ обо всемъ увѣдомлять, что́ получу о войнѣ. А кто вамъ станетъ сладко говорить о Французахъ, то знайте, что это злодѣй, и злодѣй, который сладкими же словами прельстилъ праматерь нашу Евву. Такого злодѣя, кто бы онъ ни былъ, вы тотчасъ схватите, закуйте его въ желѣзы и везите ко мнѣ, а я съ нимъ управлюсь. Еще вамъ повторяю: остерегитесь, помолитесь Господу Богу и вооружитесь! Лучше умереть за вѣру, отечество и за свою родную землю, нежели возить на себѣ разбойничьи пушки. Да будетъ съ нами Богъ и поразитъ злодѣя, который, какъ скоро всѣ мы соединимся единодушно, не уйдетъ живой изъ Русскаго государства.

Я васъ предваряю, что люди, которыхъ вы соберете, будутъ стоять только на границѣ здѣшней губерніи и не пускать сюда злодѣевъ, а дальше никуда ихъ не поведутъ, и что это распоряжается для одной только осторожности отъ разбойничествъ Французовъ. Вы надѣйтесь на помощь Божію и на Государево войско, которое ожидаетъ лишь подкрѣпленія рекрутами. И потому рекрутъ присылайте. Я не буду браковать и малорослыхъ, лишь бы были здоровы. Опять васъ завѣряю, что ежели бы вездѣ жители такъ остерегались, варвары давно бы всѣ погибли отъ голоду и Русскихъ рогатинъ. А чтобы сіе сбылось скорѣе, то надобно быть послушными начальству, къ чему и убѣждаю васъ именемъ Божіей Матери.

Тамбовскій гражданскій губернаторъ Петръ Ниловъ.

(*Съ печатнаго современнаго листка*).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЖНЫ В. Н. РЕПНИНОЙ.

I.

Анна Алексѣевна Андро́ († 14 Декабря 1888) разсказывала мнѣ, какъ однажды мать ея отца, А. Н. Оленина, Анна Семеновна (рожденная княжна Волконская) разсердилась на него и, снявъ съ ноги туфлю, стала хлестать его по щекамъ. Онъ неподвижно переносилъ это, какъ вдругъ она закричала: люди, люди! Они сбѣжались, и раздраженная мать велѣла имъ бить сына. Тогда Алексѣй Николаевичъ, скрестя руки на грудь, сказалъ: Отъ васъ, матушка, я долженъ все переносить; но если одинъ изъ нихъ только пальцемъ меня тронетъ, то бѣда ему! И у матери, и у ея слугъ опустились руки, и тѣмъ это кончилось.

*

Отъ отца моего князя Н. Г. Репнина я слышала, что однажды, возвращаясь домой съ ученія (чуть ли не былъ ли онъ уже полковникомъ) на верхней ступени лѣстницы, по которой онъ поднимался, встрѣтилъ онъ отца своего князя Григорія Семеновича Волконскаго (братъ матери А. Н. Оленина). Онъ въ чемъ-то сталъ упрекать отца моего, въ нетерпѣніи и негодованіи топалъ ногами, и когда отецъ поровнялся съ нимъ, то далъ ему полновѣсную пощечину. Отецъ мой схватилъ эту карающую руку, поцѣловалъ ее, опрометью побѣжалъ къ себѣ въ комнату и заперся на ключъ. Сильно взволнованный, ходилъ онъ взадъ впередъ по комнатѣ; трудно было ему успокоиться при мысли, что онъ получилъ пощечину, хотя и отъ отца, но все-таки пощечину. Слышитъ онъ, стучится кто-то въ дверь. Онъ понялъ, что это отецъ и—грѣшный человѣкъ—прибавилъ мой отецъ, я не отпиралъ двери. Наконецъ, слышутся ему слова: „Николаша, твой отецъ на порогѣ у тебя, на колѣняхъ“.—Тогда онъ кинулся къ двери, отперъ ее и также бросился на колѣна. Отецъ обнялъ его и сказалъ: „Я тебѣ уже не отецъ, но будемъ друзьями“.

II.

Въ 1828 году въ Октябрѣ скончалась императрица Марія Θеодоровна, вдова императора Павла Петровича. Я уже давно была фрейлиной (съ 15-лѣтняго возраста), но въ первый разъ находилась при дворѣ, потому что съ родителями жила въ Малороссіи. Меня поразило великолѣпіе собранной толпы въ дворцовыхъ залахъ, хотя это великолѣпіе было мрачно, потому что всѣ были въ глубокомъ траурѣ. Не помню въ какой залѣ мы, т. е. придворные, стояли, и вотъ изъ внутреннихъ покоевъ, гдѣ скончалась императрица, выдвинули парадную кровать, на которой лежала державная покойница. Вплоть за кроватью шелъ императоръ Николай Павловичъ съ супругой своею. Оба они были глубоко огорчены. За ними шелъ великій

князь Александръ Николаевичъ, ведя подъ руки своихъ сестеръ Марію и Ольгу. Умилительно было смотрѣть на эти дѣтскія лица, выражавшія также великую печаль.

Назначено было дежурство четырехъ фрейлинъ, двухъ камергеровъ, двухъ камеръ-юнкеровъ, трехъ разныхъ полковъ офицеровъ, по три въ головахъ и въ ногахъ, двѣнадцать пажей по три въ рядъ. Это впрочемъ было около гроба, когда покойницу съ кровати переложили въ гробъ, поставленный на высокую эстраду подъ черный балдахинъ, весь усѣянный серебрянымъ флеромъ; также обита была вся зала, гдѣ стоялъ гробъ. Статсъ-дамы и городскія дамы стояли около стѣны, также и разные чины. Утромъ и вечеромъ служились панихиды, постоянно читалось Евангеліе. Весь составъ дежурства оставался сутки въ Зимнемъ дворцѣ. Каждая группа стояла при гробѣ по два часа и смѣнялась довольно часто, потому что немного было фрейлинъ тогда на лицо. Всякое утро, когда царская семья приходила поклониться державной покойницѣ, насъ всѣхъ высылали. Для всѣхъ былъ обѣдъ; не помню ни часа, ни въ какой залѣ онъ былъ подаваемъ, но къ стыду нашему, разговоры были оживленные; даже было весело: легкомысліе, поражающее меня теперь, когда я, на склонѣ жизни моей, припоминаю это время. Говаривали тогда, что императоръ Николай Павловичъ сказалъ: не думалъ я что такъ скоро будетъ забыта моя мать, и приказалъ ускорить погребеніе. Не забывали ея богадѣлки и весь бѣдный людъ. Сколько было рыданій и воплей, когда съ утра подходили вереницы всякаго рода людей! И подлинно, слишкомъ полвѣка покойная императрица творила добро.

Я ее видѣла только два раза, когда она была въ живыхъ, и помню, какъ она съ моей матерью говорила объ Александрѣ Павловичѣ. Весь ея письменный столъ былъ уставленъ портретами ея старшаго сына. Она позвонила и, когда явился камердинеръ, она велѣла принести портретъ Александра Павловича, который находился у нея въ спальнѣ и болѣе всѣхъ отличался сходствомъ. Другой разъ она, узнавъ, что сынъ моего дяди князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго, сосланнаго въ Сибирь, былъ порученъ его матерью (рожденной Раевской, которая поѣхала къ мужу) моей матери, императрица подробно освѣдомлялась объ этомъ младенцѣ и съ такимъ добрымъ участіемъ называла его l'enfant du malheur *)! Я тогда была молода и робка. Теперь что̀ лѣта сорвали съ меня броню застѣнчивости и фальшивой свѣтской выправки, я бы бросилась къ ней на руки и поцѣловала бы ее съ такимъ глубокимъ чувствомъ! Въ эту осень 1828 года мнѣ разсказали, что она, получая всякой день свѣдѣнія о больныхъ, которыя находились въ Обуховской больницѣ, прочитала, что одной бѣдной женщинѣ надобно отнять ногу. На другой день нѣтъ рапорта о томъ, что операція была сдѣлана, на третій опять ничего. Императрица выразила удивленіе, отчего это. Не знаю, кто былъ при докладѣ, статсъ ли секретарь Виламовъ, или другой кто; но императрица потребовала объя-

*) Дитя горя.

сненія. Ей было сообщено, что больная никакъ не соглашается на операцію, развѣ въ присутствіи самой императрицы. Она очень разсердилась, что отъ нея два дня скрывали желаніе бѣдной женщины, тотчасъ велѣла подать карету, созвать экспертовъ и, отправившись въ Обуховскую больницу, ласково уговаривала больную быть терпѣливой, держала ее за руку, ласкала и осталась при ней во все время операціи и перевязки. Тогда не было употребленія хлороформа; можно представить себѣ стоны и, можетъ быть, и крики паціентки! Это истинно былъ со стороны императрицы христіанской подвигъ, который меня восхитилъ.

Когда послѣдовало погребеніе императрицы, сестра моя (позднѣе графиня Кушелева-Безбородко) и я провожали шествіе до крѣпости: единственный разъ что̀ была я въ стѣнахъ этого ужаснаго зданія! Сердце мое сжалось при взглядѣ на окна казематовъ. Боже мой, сколько горя и страданій, одному Господу вѣдомыхъ! Удивительно, что изъ моей памяти изгладилось, какъ происходило погребеніе императрицы Маріи Ѳеодоровны.

ПЛѢННЫЙ ШАМИЛЬ ПЕРЕДЪ КНЯЗЕМЪ БАРЯТИНСКИМЪ.

(Объясненіе картинки).

Къ 4-й книжкѣ „Русскаго Архива“ сего года приложена геліогравюра съ картины Горшельта, изображающая представленіе плѣннаго Шамиля князю А. И. Барятинскому, 25 Августа 1859 года, подъ Веденемъ. Помѣщаемъ списокъ лицъ, находящихся на этой картинѣ, начиная съ лѣва.

1. Милиціонеръ изъ племени Кевсури, съ закинутымъ назадъ щитомъ и пикою на перевѣсъ въ правой рукѣ, Гиго или Георгій Гватуа, нынѣ полковникъ.

2. Казакъ въ черной папахѣ.

3. Тушинецъ въ шапкѣ.

4. Заридзе, козацкій офицеръ, въ черной папахѣ съ опущенными внизъ усами.

5. Лейтенантъ Перфильевъ въ фуражкѣ, нынѣ членъ Окружнаго Суда въ Москвѣ.

6. Мюридъ Янусъ, съ засученными рукавами, правая рука Шамиля.

7. Графъ Алексѣй Васильевичъ Олсуфьевъ, нынѣ генералъ-лейтенантъ, почетный опекунъ въ Москвѣ.

8. Генералъ баронъ Александръ Евстафьевичъ Врангель †.

9., 10. } Два брата Граббе, Николай и Александръ Павловичи.

11. Шамиль.

12. Надъ Шамилемъ, въ фуражкѣ, съ густыми усами, полковникъ Лазаревъ (впослѣдствіи герой, взявшій Карсъ).

13. Князь Аркадій Александровичъ Суворовъ.

14. Съ Георгіевскимъ крестомъ графъ Евдокимовъ.

15. Выше графа Евдокимова генералъ Кесслеръ, начальникъ инженеровъ Кавказской арміи.

16. Переводчикъ.

17. Выше Кесслера полковникъ Робертъ Христіановичъ Тромповскій † (родомъ изъ Латышей).

18. Д. А. (нынѣ графъ) Милютинъ.

19. Князь А. И. Барятинскій.

20 и 21. Выше князя Барятинскаго, въ бѣлыхъ папахахъ держащіе знамена, унтеръ-офицеры Кази-бей и Хаджеевъ.

22. Рядомъ съ княземъ Барятинскимъ князь Д. И. Мирскій.

23. Выше его генералъ князь Тарханъ-Моуравовъ.

24. Съ Георгіевскимъ крестомъ генералъ баронъ Леонтій Павловичъ Николаи, нынѣ католическій монахъ.

25. Рядомъ съ нимъ врачъ Зенонъ Ивановичъ Пилецкій.

26. Выше ихъ (худощавое лицо) Θокіонъ Естафьевичъ Булатовъ, чиновникъ особыхъ порученій, впослѣдствіи Елисаветпольскій губернаторъ.

27. Въ черной шапкѣ Лезгинецъ Кибитъ-Магома, одинъ изъ главныхъ мюридовъ.

28. Прислонившійся къ дереву капитанъ Авиновъ, нынѣ генералъ-лейтенантъ, начальникъ Кавказской гренадерской дивизіи.

29. Передъ нимъ лѣвѣе Вавила Алексѣевичъ Кузнецовъ, нынѣ генералъ-маіоръ, начальникъ дворцоваго управленія въ Московскомъ Кремлѣ.

30. Еще лѣвѣе графъ Владиміръ Владиміровичъ Орловъ-Давыдовъ, бывшій Симбирскій губернаторъ †.

31. Оборотившій лицомъ совсѣмъ вправо художникъ Горшельтъ.

32. Передъ нимъ влѣво графъ Анатолій Владиміровичъ Давыдовъ, нынѣ генералъ-лейтенантъ, завѣдующій Московскимъ дворцовымъ управленіемъ въ Кремлѣ.

33. Лѣвѣе его полковникъ Владиміръ Алексѣевичъ Лимановскій †.

34. Князь Николай Дмитріевичъ Гагаринъ (съ непокрытою головою), бывшій адъютантъ графа Д. А. Милютина.

35. Правѣе его лейтенантъ Кирила Львовичъ Нарышкинъ.

36. Еще правѣе, между двумя деревьями, секретарь князя Барятинскаго Рисъ.

37. Мальчикъ Захаръ, братъ Георгія Гватуа

ПОЛЬСКІЙ МЯТЕЖЪ 1863 ГОДА.

Всеподданнѣйшее письмо, представленное Государю Императору Александру Николаевичу 17 Апрѣля въ Зимнемъ Дворцѣ въ С.-Петербургѣ.

1863 года.

Отъ старообрядцевъ Преображенскаго Богадѣленнаго Дома

(безпоповщинскаго согласія въ Москвѣ).

Великій Государь!

Много голосовъ подъемлется къ твоему престолу: дозволь и намъ сказать нашу правду.

Измѣнники и возмутители хотѣли оклеветать насъ предъ цѣлымъ міромъ и приравнять насъ къ себѣ. Они лгали на насъ.

Мы хранимъ свой обрядъ, но мы твои вѣрные подданные. Мы всегда повиновались властямъ предержащимъ. Но тебѣ, Царь Освободитель, мы преданы сердцемъ нашимъ. Въ новизнахъ твоего царствованія намъ старина наша слышится. На тебѣ, Государь, почіетъ духъ нашихъ царей добродѣтельныхъ.

Не только тѣломъ, но и душою мы Русскіе люди. Россія намъ матерь родная; мы всегда готовы пострадать и умереть за нее. Наши предки были Русскіе люди, работали на Русскую землю и за нее умирали. Посрамимъ ли мы память отцовъ и дѣдовъ нашихъ и всѣхъ Русскихъ христіанъ, отъ которыхъ кровь нашу приняли?

Враги, злоумышляя противъ твоей державы, возжигаютъ мятежъ въ Польшѣ и грозятъ намъ войною. Великій Государь! Десница Божія возвеличила державу твоихъ предковъ: она дастъ Царю Освободителю одолѣніе на давнихъ враговъ и притѣснителей Русской земли, которые народъ Русскій отъ корня отрывали и вѣру его насиловали.

Престолъ твой и Русская земля не чужое добро намъ, а наше кровное. Мы не опоздаемъ явиться на защиту ихъ и отдадимъ за нихъ все достояніе и жизнь нашу. Да не умалится держава твоя, а возвеличится, да не посрамятся въ насъ предки наши, да возрадуется о тебѣ старина наша Русская.

На тебя всѣ надежды наши, а преданность наша твоему престолу непоколебима. Царствуй долго, Великій Государь, на славу Россіи и на утѣшеніе твоихъ вѣрноподданныхъ!

Рѣчь Государя Императора

къ депутатамъ Московскихъ и С.-Петербургскихъ старообрядцевъ безпоповщинскаго согласія, имѣвшимъ счастіе представить Его Величеству адресъ, 17-го Апрѣля 1863 г., въ Зимнемъ дворцѣ.

«Я радъ васъ видѣть и благодарю за сочувствіе общему дѣлу. Мнѣ хотѣли васъ очернить, но я этому не вѣрилъ, и увѣренъ, что вы такіе же вѣрноподданные, какъ и всѣ прочіе. Вы мои дѣти, а я вамъ отецъ и молю Бога за васъ, также какъ и за всѣхъ, которые, какъ и вы, близки моему сердцу».

Въ городѣ Вологдѣ, въ 1819 году, умиралъ отъ чахотки 26-ти лѣтній торговецъ. Съ двумя братьями своими торговалъ онъ солью и саломъ, но они не были богаты. На долю его приходилось тысячъ пять рублей, которые лежали мѣдными пятаками въ мѣшкахъ, въ особой кладовой. Тотъ годъ не уродилось хлѣба. Изъ Каргополя приходило въ Вологду много бѣднаго люда просить милостыни. Умиравшій купецъ говоритъ молодой женѣ своей (Прасковьѣ Васильевнѣ † въ Петербургѣ, 16 Апрѣля прошлаго 1888 года): „Когда меня не будетъ, раздай ты наши пятаки нищимъ". Жена поднесла къ нему двухлѣтняго единственнаго ихъ сына и спросила: „А ему что̀ оставляешь?"—„Его я благословляю иконою Божіей матери".

Этотъ ребенокъ былъ *Василій Александровичъ Кокоревъ* (род. въ Вологдѣ 23 Апрѣля 1817 † въ Петербургѣ 22 Апрѣля 1889 года), до конца вѣрный отцовскому завѣту и оправдавшій на себѣ святое изреченіе о рукѣ дающей и не скудѣющей.

*

Я зналъ Кокорева и пользовался его дружбою въ продолженіе слишкомъ четверти вѣка, и утрата этого необыкновеннаго человѣка лежитъ у меня на сердцѣ тяжкимъ горемъ. Поэтому теперь я не въ силахъ много писать о немъ. Замѣчу только, что въ исторіи нашей не встрѣтишь другаго частнаго дѣятеля, имя и дѣла котораго пользовались бы такою извѣстностью между милліонами Русскаго народа, отъ Петербурга до Сибири и Закавказья, отъ дворцовъ и пышныхъ палатъ до убогихъ хижинъ.

Благодарная слеза ему на могилу и вѣчнаго память его имени!

Петръ Бартеневъ.

23 Апрѣля 1889 г.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

Іюнь—Ноябрь 1854 года.

1 (13) Іюня. Троицынъ и Духовъ день — два свѣтлые дня моей Кронштадтской жизни. Все семейство собралось ко мнѣ. Погода хорошая, никакой особенной заботы. Прогулка съ тремя сыновьями и Перовскимъ верхомъ (прочія дѣти въ коляскѣ) на дачу на косѣ; по вечерамъ въ городской садъ, гдѣ играла хорошая музыка карабинерныхъ полковъ.—Въ Малой Валахіи Александрійскій гусарскій полкъ понесъ большую потерю. Карамзинъ, за болѣзнію полковаго командира графа Алопеуса, командовавшій въ тотъ день, убитъ, и потеряны четыре орудія. Оффиціальнаго извѣщенія объ этомъ еще нѣтъ; мнѣ сказалъ Политковскій, тоже г.-а. Философовъ и вице-адмиралъ Литке. У насъ въ Ботническомъ заливѣ на берегу, близъ Гамлекарлеби, попытка высадки Англичанъ отражена, и взяты плѣнные человѣкъ двадцать.

Сегодня 110-пушечный корабль Св. Георгій дѣйствовалъ боевыми зарядами. Очень красивый видъ корабля въ мгновенія выстрѣловъ и рикошетовъ по морю.

5 (17) Іюня. 2-го числа, въ 12-мъ ч., послѣ смотра моего войскамъ, прибылъ Государь на фортъ Петра съ Наслѣдникомъ и Великими Князьями Константиномъ и Михаиломъ. Его Величество былъ всѣмъ доволенъ. Катеръ, при отбытіи на ожидавшій Государя пароходъ, сталъ на мель, но минутъ черезъ пять стащенъ.—Къ Дену на свадьбу его дочери съ б. Менгденомъ. 3-го пріѣзжалъ С. П. Сумароковъ; съ г.-а. Философовымъ втроемъ на катерѣ на фортъ Павелъ. По тревогѣ въ 5 минутъ все было на мѣстахъ, и можно было открыть огонь. Потомъ обѣдали у меня.

По извѣстіямъ раны молодаго гр. Орлова важнѣе, нежели сначала показалось. Принимаю живѣйшее участіе въ немъ и въ отцѣ; а положеніе бѣдной матери, для единственнаго и такого сына живущей!

Соединенные флоты въ 60-тъ вымпеловъ, по донесенію г.-а. Берга, прошли въ виду Ревеля по направленію на Востокъ, т. е. къ намъ. Онъ около Свеаборга.

Какую важную и выгодную роль политическія обстоятельства создали для Германіи!

8 (20) Іюня. Съ Дуная получено извѣстіе, что фельдмаршалъ получилъ контузію и оставилъ армію, сдавъ начальство князю Горчакову. Ожидаютъ въ Петербургъ Мантейфеля, перваго министра Пруссіи.

Страшныя подробности происшествія съ Алексѣемъ Рихтеромъ, изувѣченнымъ мученически своими дворовыми людьми. Князь Левъ Викторовичъ Кочубей, предводитель дворянства Полтавской губ., производитъ слѣдствіе.

10 (22) Іюня. Вчера въ 12 часу прибылъ Государь съ В. Кн. Константиномъ и Михаиломъ. Военный министръ, баронъ Ливенъ, Бенкендорфъ изъ Берлина, Прусской полковникъ Мантейфель, съ которымъ познакомился. Государь былъ ко мнѣ ласковъ. Впечатлѣніе, произведенное въ ближайшихъ къ Государю лицахъ контузіею и оставленіемъ арміи фельдмаршала, даже не скрываемое. Германія продолжаетъ быть ненадежна для насъ. Графъ Орловъ раненъ штыкомъ, саблей, пулей и осколками. Лѣвый глазъ почти навѣрное пропалъ; правый сомнителенъ. Это сказалъ мнѣ кн. Долгоруковъ по донесенію медиковъ съ мѣста. Какъ жаль было бы этого прекраснаго и достойнаго молодаго человѣка и какъ страшно подумать о его бѣдныхъ родителяхъ! Одинъ и такой сынъ!

12 (24). Съ часъ тому, телеграфъ передалъ извѣстіе о направленіи союзнаго флота къ намъ. Первое неодобреніе о сдѣланномъ распоряженіи Деномъ, запискою къ Политковскому. Покуда я все молчалъ. Oh, qui m'enseignera l'oubli?

15-го Іюня. Съ Воскресенья Англо-Французскій флотъ въ виду, и отдѣльные пароходы приближаются по временамъ почти на пушечный выстрѣлъ по обѣимъ сторонамъ косы. Толбухинъ маякъ занятъ непріятелемъ.

Непріятность моего положенія въ отношеніи къ генералу Дену насчетъ мѣръ къ оборонѣ косы на случай высадки. Сегодня въ полдень В. К. Константинъ Николаевичъ пріѣзжалъ на штерншанцъ. Объяснилъ ему главнѣйшіе недостатки принятыхъ мѣръ; обѣщалъ передать Государю Императору. Отъ заботы не смыкалъ прошедшею ночью глазъ ни на минуту. Чѣмъ это кончится?

Еще два баталіона прибыли на усиленіе боеваго резерва, 4-е резервные, л.-г. Литовскаго и Австрійскаго. Вчера встрѣча и разговоръ съ В. К. Константиномъ Николаевичемъ на улицѣ.

Союзный флотъ остается въ виду, ничего не предпринимая.

Будто осада Силистріи снята; перемѣна операціонной линіи и театра войны по случаю угрозительнаго положенія Австріи.

20-го Іюня. Союзный флотъ, приблизившись рано съ утра къ Кронштадту, пошелъ внезапно назадъ и скрылся вовсе изъ виду. Съ конца косы наблюдалъ за движеніями флота. Побѣда г.-л. Андроникова въ Гуріи надъ Турками; взяты пушки, знамена и лагерь.

22-го. Наконецъ, скука! Чтò дѣлать въ Кронштадтѣ безъ присутствія непріятеля? Безпрерывное чтеніе утомляетъ глаза. Общества привычнаго нѣтъ; развлеченія кромѣ однообразной прогулки никакого. Извѣстій кромѣ газетныхъ никакихъ. Съ балкона самый обыкновенный видъ—пьяные въ разныхъ положеніяхъ.

La modération du langage en face d'une autorité sans limites est pour le bon sens un puissant auxiliaire.

30-го Іюня. S'il est facile de persuader la foule, il est difficile de la maintenir dans la persuasion, et tout législateur qui veut établir des institutions durables doit s'appuyer sur la force, parce que la force est la sauvegarde de la justice. Нѣсколько дней важной и новой для меня болѣзни—печени. Неминуемое дѣйствіе этой болѣзни на расположеніе духа, усиленное лѣтами, противъ котораго предстоитъ выдерживать борьбу не только въ случаяхъ важныхъ, но, чтò быть можетъ труднѣе, въ ежедневной жизни. Между тѣмъ 25-го возвращено мнѣ званіе генералъ-адъютанта. Сыновья съѣхались раздѣлить со мною ихъ радость. Множество поздравленій, но по болѣзни принять могъ немногихъ. Адмирала Рикорда, вицъ-адмирала Литке; г.-а. Философовъ пись-

менно, по случаю кончины его брата, директора Пажескаго корпуса; также письмомъ к. В. В. Долгоруковъ. Вчера были мои имянины. Навѣстилъ изъ города Н. И. Гречъ. Принялъ генераловъ и полковыхъ командировъ отряда. Общія дѣла болѣе и болѣе доходятъ до опаснаго перелома. Гвардія выступаетъ въ Польшу въ первыхъ числахъ Іюля. Съ Дуная и съ Кавказа не доходятъ до насъ вѣсти, вѣроятно непріятныя. Графъ Воронцовъ-Дашковъ умеръ въ Петергофѣ отъ холеры.

5-го Іюля. A cette heure solennelle de minuit, qui termine un jour de notre courte vie pour en ouvrir un autre, dont nul de nous n'est assuré de voir la fin, il y a quelque chose d'effrayant et d'affreux à se séparer des membres de sa famille sans avoir pu leur pardonner ou les bénir.

Подробности побѣды подъ Озургетомъ въ Азіи, хорошо описанныя. Новое дѣло на Дунаѣ подъ Журжей опять двухъ только полковъ противъ многочисленнаго корпуса Турокъ. Отчего это? Это не совсѣмъ сходно съ главными правилами военнаго искусства.

Сегодня посѣтилъ меня отставной генералъ-маіоръ Чайковскій, бывшій директоръ Пятигорскихъ минеральныхъ водъ, въ мое командованіе на Кавказѣ.

7-го Іюля. Въ семь часовъ утра дѣлалъ смотръ 4-мъ баталіонамъ л.-г. Литовскаго и импер. Франца полковъ. Славные люди, особливо въ первомъ. Являлся полк. Пассекъ. Разговоръ, который не разъ приводилъ на языкъ замѣчаніе: какъ все, что̀ вы говорите, настоящая правда; но какъ она скучна и тяжела!

9 (21)-го. Вчера Государь въ сопровожденіи Наслѣдника и Константина Николаевича посѣтилъ Кронштадтъ. Императрица осталась на пароходѣ у пристани. Генералъ Денъ не выѣзжалъ по болѣзни. Особенно ласковый пріемъ и привѣтствія, начиная съ Императрицы. Провожалъ Государя на косу до гостинницы; войдя въ нее и потомъ чрезъ садъ до морскаго берега, Государь рѣшилъ немедленную постройку укрѣпленія на самомъ мѣстѣ гостинницы. Потомъ на люнетъ, гдѣ какъ самимъ укрѣпленіемъ, такъ и видомъ мужественнымъ гарнизона былъ весьма доволенъ. Вообще Государь казался въ хорошемъ расположеніи духа.

10-е Іюля. По случаю удаленія части союзнаго флота изъ

Финскаго залива для неизвѣстнаго предпріятія, и, какъ полагаютъ, на встрѣчу десантнаго Французскаго войска, часть нашего флота выходитъ въ море съ Кронштадтскаго рейда.

13-е Іюля. Вчера пріѣзжалъ Государь съ Великими Князьями, кромѣ Наслѣдника, вышелъ на Меншиковой батареѣ, которую осмотрѣлъ. Тамъ же сѣлъ опять на свой катеръ и пригласилъ меня. Вышли на рундукъ. Государь посѣтилъ больнаго генерала Дена. Отъ него ѣздили смотрѣть новой дѣловой пароходной заводъ, безъ окончательной отдѣлки и машинъ. Оттуда проводили Государя до его парохода. Со мною былъ особенно привѣтливъ. Фл-а. Эристовъ отъ Бебутова; познакомился съ нимъ и навѣдался о моихъ славныхъ сослуживцахъ, егеряхъ Кабардинскаго и Куринскаго полковъ. Вечеромъ въ гостинницу. Софія верхомъ. Пристройки гостинницы уже разбираютъ для возведенія укрѣпленія. Нѣсколько партій въ билліардъ съ Перовскимъ и Шишковымъ. Жары продолжаются. Великолѣпной закатъ солнца.

Государь разсказалъ, по донесенію г.-а. Берга изъ Ревеля, о взрывѣ отъ удара молніи подводной мины, заложенной въ гавани. Не отъ другой-ли причины?

Донесеніе изустное въ бѣлой горячкѣ графа Орлова-Денисова 2-го Государю, присланнаго курьеромъ изъ Бухареста съ подробностями о дѣлѣ подъ Журжей. Причиной необыкновенно скорая ѣзда: онъ пріѣхалъ на шестой день, и вѣроятно отъ жару.

19-е Іюля. Третьяго дня, 17-го, В. К. Константинъ Николаевичъ, при опытѣ новой лодки Американскаго устройства, опрокинулся съ контръ-адмираломъ Истоминымъ, адъютантами Лисянскимъ, Юшковымъ и кн. Голицынымъ. Всѣ спасены кромѣ князя Голицына, тѣло котораго по сіе время не найдено.

На канонерской флотиліи ожидали Государя по телеграфическому повелѣнію въ 11 часовъ сегодня утромъ. Смотръ отмѣненъ. Это случается рѣдко и не безъ важной причины.

21-е Іюля. Разговоръ съ контръ-адмираломъ Моллеромъ, братомъ бывшаго при мнѣ на Кавказѣ, а теперь командиромъ въ Грузіи, Эриванскаго полка полковникомъ. Подробности происшествія 17-го числа.

Сегодня письмо отъ графа Ридигера; горькій отзывъ его объ Австріи: много она уже доселѣ повредила нашему дѣлу.

23-е Іюля. Съ Красной Горки телеграфъ извѣстилъ, что два или три непріятельскихъ парохода показались въ виду; я видѣлъ ихъ въ осьмомъ часу; они удалились. Въ восемь часовъ дѣлалъ смотръ 3 т. рекрутъ, распредѣленныхъ по полкамъ резервной дивизіи. Въ два часа пришелъ на пароходѣ Государь съ Велик. Князьями: Наслѣдникомъ, Константиномъ, Николаемъ и Михаиломъ Николаевичемъ; навѣстили больнаго генерала Дена. Государь былъ ласковъ и поручалъ мнѣ сбереженіе и осторожное обученіе рекрутъ. 2-й учебный карабинерный полкъ выбываетъ изъ моего отряда послѣ завтра. Дунайская армія отступила далѣе отъ Журжи и Силистріи. Аландъ обложенъ союзнымъ флотомъ. Фельдмаршалъ выздоравливаетъ.

26-е Іюля. Сегодня въ 10 утра Государь пріѣзжалъ въ Кронштадтъ; катеръ присталъ къ рундуку, гдѣ мы ожидали Его Величество. Государь навѣстилъ до того на кораблѣ *Петръ* адмирала Рикорда. Съ пристани Государь поѣхалъ къ И. И. Дену. Отъ него на новый редутъ на косѣ. На возвратномъ пути Государь объѣхалъ лагерь при люнетѣ. Зашелъ на кухню и отвѣдалъ кушанье и хлѣбъ, которыми весьма былъ доволенъ, равно и свѣжимъ, бодрымъ видомъ людей.

Вчера навѣстилъ меня министръ просвѣщенія Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, и мы вмѣстѣ поѣхали на корабль *Петръ* обѣдать у адмирала Рикорда.

28-е Іюля. Въ 11-мъ утра Государь съ Наслѣдникомъ и Константиномъ Николаевичемъ объѣзжалъ флотъ. При поднятіи парусовъ, за шумъ, капитанъ Опочининъ арестованъ на салингѣ*). Продолженіе неудовольствія Государя за приведенныхъ рекрутъ. Но не здѣсь виновный; а дивизіонному генералу Швебсу чувствительно досталось.

31-е Іюля. Наконецъ вышла біографія Котляревскаго, написанная Соллогубомъ. Прочиталъ ее съ живѣйшимъ участіемъ. Это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ героевъ военной эпопеи Россіи. *Отступленія не будетъ*, слово въ приказѣ предъ штурмомъ Ленкорана, прекрасно! Оно по простотѣ своей стоитъ на ряду съ самыми высокими изреченіями, украшающими Исторію.

Если бы мы были справедливы хотя одинъ день, то не прожили бы и года: признаніе Питта.

---

*) Верхняя перекладина на мачтѣ. *П. Б.*

5-е Августа. Добрая вѣсть опять изъ Азіи. Г.-а. Врангель съ малочисленнымъ отрядомъ разбилъ Турокъ и занялъ Баязидъ. Наконецъ, успѣхъ съ послѣдствіемъ, кромѣ трофеевъ.

Нѣсколько пароходовъ нашего флота вышли вчера съ нашего рейда въ море. Дай Богъ счастья!

7-е Августа. Третьяго дня пріѣзжалъ Государь съ Наслѣдникомъ и Константиномъ Николаевичемъ. Ѣздилъ смотрѣть на косѣ новое укрѣпленіе и въ лагерь. Изъявилъ удовольствіе за бодрый видъ солдатъ и рекрутъ.

Припадокъ холеры у Клейнмихеля. Причины его.

Король Саксонскій убитъ лошадью, въ дорогѣ изъ Мюнхена въ Дрезденъ. При нашемъ дворѣ наложенъ трауръ на 24 дня.

Переворотъ въ Испаніи, неожиданной союзницѣ нашей, по факту, если не по трактатамъ, въ 1812 году.

9-е. Il est parfois aussi peu sage de vouloir porter sa vue trop loin dans l'avenir que de la restreindre dans un horizon trop limité. (Castelreagh).

Quand les sophistes déclament contre les dynasties, ils ne s'aperçoivent pas que ces dynasties sont l'instrument le plus puissant de la grandeur d'un peuple, qu'elles ne sont que des dépositaires plus invariables des traditions publiques, que leur ambition même n'est, le plus souvent, que l'expression du rôle historique d'un pays.

11-е Августа. Сегодня минуло семьдесятъ дней сряду постоянно прекрасныхъ дней. Для сѣвернаго климата это необыкновенно. Въ продолженіе этого времени бывали жары 23° Р. въ тѣни. Въ безвѣтріе воздухъ тяжелъ и смраденъ отъ значительнаго числа войскъ въ казармахъ крѣпости и въ лагерѣ на косѣ. Случаи холеры рѣдки, и вообще больныхъ мало.

Донесеніе г.-л. Бебутова о побѣдѣ подъ Карсомъ. Онъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго.

18-е Августа. Въ Понедѣльникъ пріѣзжалъ Государь съ Константинъ Николаевичемъ. Вообще привѣтливо. Аландъ точно взятъ; по показаніямъ непріятеля взято 2 т. плѣнныхъ; свою потерю показываютъ незначительною—кажется 130 ч. Невѣроятно. По письмамъ изъ Финляндіи стычки съ десантными отрядами, близъ Або, покуда счастливыя.

21-е Августа. Вчера пріѣзжалъ Государь съ Константинъ

и Михаилъ Николаевичами. Послѣ посѣщенія г-лу Дену Государь ѣздилъ на косу къ новому укрѣпленію, оттуда въ лагерь и, не смотря на холодный дождь, былъ привѣтливъ и всѣмъ доволенъ. Вмѣсто обѣда у в.-адм. Литке съ Россильономъ, В. Кн. Константинъ Николаевичъ пригласилъ на обѣдъ къ себѣ.

24-е Августа. Сегодня съ утра сильная буря съ моря. На самой возвышенной части вала, откуда я любовался на эту великолѣпную картину, брызги перелетали чрезъ валъ и покрывали меня.—Н. Н. Муравьевъ вышелъ съ двумя пароходами изъ устья Амура въ тихое море, проплывъ рѣкой около 2 т. верстъ и вошелъ въ гавань, названную Императорскою, на Югъ отъ устья.

28-е Августа. Въ часъ пополудни вчерашняго дня пріѣзжалъ Государь съ В. Кн. Константинъ Николаевичемъ прямо съ парохода къ г-лу Дену. Наша эскадра вошла также вчера и наканунѣ на рейдъ съ нѣкоторыми поврежденіями отъ перенесенной бури: на адмиральскомъ кораблѣ *Петръ* оторванъ руль. Вчера же переправлены въ Ораніенбаумъ два бат. гв. егерей и замѣщены четырьмя слабыми бат. Литовскаго, Волынскаго и пр. Сынъ Михаилъ отправился также съ егерями. Переговоры съ Непиромъ на счетъ женъ и дѣтей, оставшихся послѣ взятыхъ въ плѣнъ въ Бомарзундѣ. Причины еще не ясныя усиленія въ Польшѣ арміи. Ожиданіе вѣсти о происшествіяхъ въ Крыму. Положеніе кн. Меншикова важно, и успѣхъ можетъ возстановить все потерянное и поправить испорченное; желаю этого для Россіи и для него.

31-е Августа. Вчера имянины сына Александра, который еще въ Субботу къ намъ пріѣхалъ и вчера послѣ семейнаго въ честь его обѣда уѣхалъ въ корпусъ. Утромъ заѣзжалъ вчера къ г-лу Дену, засталъ его одного и въ разговорѣ не попалъ къ молебну, для котораго выѣхалъ. Вчера же человѣкъ Михаила привезъ письмо, на которое сію минуту отвѣчалъ въ Ропшу, откуда полкъ выступаетъ далѣе въ Гродно. Такъ сыновья оставляютъ одинъ послѣ другаго семейное гнѣздо, чтобы летать собственными крыльями. Въ разговорѣ Дена, кажется, преданнаго фельдмаршалу, сожалѣніе его о болѣзненной раздражительности послѣдняго, чрезвычайно вредящей всякому дѣлу и оскорбительной для лицъ при немъ служащихъ. Въ этомъ я не узналъ

ничего новаго, но только подтвержденіе. Наша кампанія на Дунаѣ оправдала, къ сожалѣнію, до послѣдняго слова все написанное мною до ея открытія, въ этой же книгѣ, и сказанное Г. Н. А все надѣюсь и полагаю, что Россія выйдетъ съ честію изъ этой борьбы, хотя изнуренная чрезвычайными усиліями, но обогащенная новою, полезною опытностію. Она увидитъ, что великодушіе въ политикѣ, особливо противъ Запада, неумѣстно. Не тамъ истинный театръ ея дѣйствій.

4-е Сентября. Вчера были похороны жены г-ла Лидерса, урожд. Фокъ. Всѣ знавшіе покойницу почувствуютъ важность этой потери и для себя, и для молодой дочери, для которой она жила.

Кажется, Англо-Турки-Французы приступили къ исполненію своего плана противъ Крыма, и по сіе время могло уже что нибудь совершиться. Ужели мы въ самомъ дѣлѣ сшибемся оружіемъ съ Австріей?

Роль моя въ Кронштадтѣ приближается къ концу. Распоряженіе о необходимомъ числѣ и родѣ войскъ для зимняго занятія крѣпости, фортовъ и батарей предварительно сдѣлано; исполненіе зависитъ отъ удаленія союзныхъ флотовъ. Что̀ потомъ будетъ со мною? Фельдмаршалъ, кажется, поступилъ опять дѣятельно на сцену.

Продолжая читать чрезвычайно любопытныя записки Фарнгагена, вовсе неожиданно я напалъ на воспоминаніе обо мнѣ въ короткихъ, но такихъ словахъ, что даже здѣсь, въ этой книгѣ, вѣроятно забвенію и неизвѣстности предназначенной, едва рѣшаюсь списать. Въ описаніи дѣйствій въ 1813-мъ году г-ла Теттенборна въ Гамбургѣ, упоминая объ офицерахъ, при немъ состоявшихъ и пріѣзжавшихъ къ нему, онъ говоритъ: Diese zahlreiche und glänzende Gesellschaft vermehrte sich ab und zu noch durch den Besuch von Officieren, welche, andern Trouppenschaaren angehörend, hier zeitenweise sich aufhielten, und an den Unternehmungen und Gefechten Theil nahmen; der russische Major von Grabbe, ein heldenmüthiger hoher Kriegsgeist. Что это доселѣ не оправдалось въ моемъ собственномъ сознаніи, не нужно никому мнѣ доказывать. Что будущность, не смотря на чрезвычайныя обстоятельства, для Россіи наступившія, также едва ли представитъ случаи къ тому, не потому только, что мнѣ уже 65 лѣтъ, но

главное, по неясному моему положенію относительно того и тѣхъ, которые могутъ открыть или заградить для меня поле дѣятельности: это въ волѣ Божіей, ей же покоряюсь.

Увлекателенъ разсказъ о судьбѣ Гамбурга въ 1813-мъ году. Истинная драма! И строгая правда на счетъ событій, которыхъ я былъ очевидцемъ и отчасти въ нихъ дѣйствующимъ лицомъ.

9-е Сентября. Теперь роковые дни, въ которые судьба Севастополя и Черноморскаго флота должна рѣшиться. Всякую минуту можно ожидать оттуда важныхъ извѣстій.

13-го. Англо-Французы 1-го Сентября сдѣлали высадку въ Евпаторіи, безъ сопротивленія съ нашей стороны. Кн. Меншиковъ ожидаетъ ихъ на выгодной позиціи, имѣя еще другія въ виду, на пути къ Севастополю. Непріятель вѣроятно употребитъ нѣсколько дней для постройки укрѣпленнаго лагеря при Евпаторіи на случай отступленія. Дѣйствія высадной арміи наступательныя могли только начаться тому три или четыре дни. Донесенія важныя могутъ получиться развѣ чрезъ недѣлю и позднѣе. Дни тревожнаго ожиданія. Полагаю, что непріятель безъ рѣшительнаго успѣха возвратится на суда.

22-е Сентября. Всеобщее уныніе, произведенное первымъ извѣстіемъ о дѣлѣ на рѣчкѣ Альмѣ, между Евпаторіей и Севастополемъ, много успокоено вторымъ донесеніемъ кн. Меншикова. Непріятель не воспользовался своимъ успѣхомъ, вѣроятно узнавъ о появленіи войскъ, шедшихъ изъ Перекопа въ подкрѣпленіе корпусу Меншикова, который выдвинулся на Бахчисарайскую дорогу. Это движеніе стратегическое основательнѣе перваго, которое могло имѣть жалкія послѣдствія для Черноморскаго флота и всего корпуса.

Глубокая осень. Нѣсколько ночей сряду пушечные выстрѣлы на площади извѣщаютъ о поднятіи воды и потрясаютъ домъ, который занимаю съ семействомъ. Часто вставляютъ стекла вмѣсто разбитыхъ выстрѣлами.

Рѣшена, наконецъ, постройка желѣзной дороги отъ Москвы на Тулу, Орелъ, Курскъ, Харьковъ, Полтаву, Кременчугъ, Елисаветградъ до Одессы. Можно надѣяться, что съ отмѣною начатой уже изъ Петербурга въ Варшаву. Достойный, честный г.-м. Павелъ Петровичъ Мельниковъ назначенъ главнымъ строителемъ на всемъ этомъ огромномъ пространствѣ. Желалъ бы

его увидѣть до его отъѣзда изъ Петербурга. По назначенію офицеровъ вижу, что ему будутъ содѣйствовать образованные имъ самимъ при постройкѣ Московской желѣзной дороги офицеры, въ школѣ опытности и безкорыстія.

28-е Сентября. Первыя вѣсти о сраженіи на Альмѣ въ Крыму были къ счастію преувеличены. Оно проиграно, но было оспариваемо, и тысячи легли съ обѣихъ сторонъ. Непріятель не воспользовался своимъ успѣхомъ и далъ время кн. Меншикову устроить свою разбитую армію и занять вмѣсто прежней параллельной фланговую позицію между Бахчисараемъ и Севастополемъ. Сверхъ стратегической выгоды относительно непріятеля, эта позиція облегчаетъ для него возможность принять всѣ подкрѣпленія, съ разныхъ сторонъ къ нему спѣшащія.

8-е Октября. Rira bien qui rira le dernier. Происшествія въ Крыму начинаютъ выясняться, не смотря на весьма неполныя изъ нашей арміи извѣстія, донынѣ дошедшія. Мнѣ представляются дѣйствія кн. Меншикова благоразумными и энергическими. Высадкѣ въ первые дни онъ не препятствовалъ какъ по недостовѣрности настоящей точки ея (при демонстраціяхъ непріятеля на Югѣ и Сѣверѣ Севастополя одновременно), такъ и по плоской мѣстности, на которой она произведена, доставлявшей высаживаемымъ войскамъ сильное содѣйствіе флота. Затѣмъ князь Меншиковъ съ корпусомъ въ половину малочисленнѣе непріятельской арміи принялъ сраженіе на Альмѣ въ выгодной позиціи. Онъ проигралъ его, нанеся чувствительную потерю побѣдителямъ. Самъ же, разстроенный вѣроятно выше ожиданія, онъ отступилъ поспѣшно для приведенія въ порядокъ разстроенныхъ неровнымъ боемъ войскъ, не къ Севастополю, гдѣ оставленъ сильный гарнизонъ и гдѣ онъ былъ бы запертъ и лишенъ средствъ къ полученію отвсюду спѣшащихъ къ нему подкрѣпленій, а на Бахчисарайскую дорогу. Въ этомъ положеніи, на флангѣ у непріятеля, онъ наблюдаетъ и угрожаетъ содѣйствовать оборонѣ Севастополя, сохраняетъ свободу дѣйствій по всѣмъ направленіямъ, принимаетъ подкрѣпленія войсками и продовольствіемъ и, прикрывая весь остальной край съ сухопутной стороны, ограничиваетъ непріятеля однимъ предпріятіемъ противъ крѣпости, безъ сообщенія съ краемъ. Даже въ случаѣ успѣха, если онъ достанется, какъ ожидать должно (только съ

большимъ урономъ) непріятелю, положеніе его въ присутствіи арміи князя Меншикова, усиленной и устроенной, можетъ сдѣлаться весьма опаснымъ. Успѣхъ смѣлаго флангового марша союзниковъ съ сѣверной стороны Севастополя на южную, безнаказанно совершеннаго, должно, кажется, приписать разстройству малочисленнаго корпуса кн. Меншикова послѣ сраженія и убѣжденію, что важнаго ничего безъ новой потери произвесть нельзя, а лучше сохранить войска до полученія подкрѣпленій для дѣйствій рѣшительныхъ. Полагаю, что союзники, даже въ случаѣ овладѣнія Севастополемъ, поспѣшатъ сѣсть на суда, ограничась этимъ подвигомъ. Флотъ имъ не достанется. Энергическая мѣра затопленія нѣсколькихъ кораблей, чтобы преградить входъ въ гавань, даетъ право предполагать, что и съ остальными въ случаѣ крайности поступлено будетъ также. Все это вмѣстѣ не потрясетъ еще могущества Россіи. Не Трафальгаръ сокрушилъ силу Наполеона, а безумныя одновременно вторженія въ Испанію, Португалію и Россію.

13-е. Наконецъ, мы читаемъ дѣло при р. Альмѣ и журналъ дѣйствій съ 1-го Сентября по 1-е Октября въ Крыму. Есть недомолвки, по моему мнѣнію, неловкія; потому что онѣ тотчасъ же обнаруживаются иностранными газетами и гласностію чрезъ письма. Къ чему онѣ? Напримѣръ г.-м. такой-то раненъ, въ плѣну и даже умеръ отъ раны, а показанъ только раненымъ. Въ важномъ положеніи, въ которомъ мы находимся, при общемъ участіи всѣхъ и каждаго въ дѣлѣ оскорбленнаго отечества, правда, какъ бы она ни была тяжка и горестна, лучше и приличнѣе всякой хитрости и скрытности.

Съ 5-го началось бомбардированіе Севастополя, и потери уже значительныя. По взаимному положенію армій, съ искусствомъ и предпріимчивостію съ нашей стороны, союзники могли бы дорого заплатить за эту смѣлую попытку! Нравственная сторона тамошняго начальствованія оставляетъ желать многаго. Она пополнила бы недостатокъ силы численной. Подоспѣютъ ли еще во время ожидаемыя подкрѣпленія?

Думаю, что мое пребываніе здѣсь приходитъ къ концу. Какія ожиданія были сначала, и все ничѣмъ на этотъ разъ окончилось! Даже не открылись у главнаго начальника по строительной части достаточно глаза на важнѣйшія точки, укрѣпле-

ніе которыхъ, вовсе нетрудное, сдѣлало бы всякій десантъ на косу почти невозможнымъ. И это въ Кронштадтѣ!

18-е. Транспортъ снятъ съ мели. Завтра выходитъ отсюда 1-й учебный карабинерный полкъ на свои квартиры въ Новгородской губерніи. Благодарственный приказъ ему.

20-е Октября. Пріятное извѣстіе о частномъ, довольно важномъ успѣхѣ, одержанномъ 8-го сего мѣсяца надъ союзною арміею въ Крыму. Г.-л. Липранди овладѣлъ четырьмя редутами съ 11-ю орудіями; Англійская кавалерія отбита послѣ жаркаго дѣла съ урономъ до 500 человѣкъ. Хорошее начало!

25-е Октября. Извѣстія изъ Крыма доходятъ до 17-го включительно. Севастополь держался, и ожидаемыя подкрѣпленія вѣроятно скоро послѣ того подошли. Это важное дѣло, кажется, хорошо кончится. Тогда кн. Меншиковъ впишетъ знаменитымъ подвигомъ свое по предку уже историческое имя въ нашу и Европейскую исторію. Тогда Анапа, Варна, почти забытыя, даже мало замѣченныя, оживутъ въ памяти и получатъ значеніе. Тогда и посольство его, столько осуждаемое, приметъ иной видъ.

26-е. Октября. C'est une grande erreur de croire que l'éducation finit avec l'adolescence: l'éducation dure toute la vie, et nous ne cessons ou ne devons cesser de nous *élever* qu'en cessant de vivre. Nos éducations se succèdent les unes aux autres, selon les diverses saisons de notre vie.

28-е Октября. Остаюсь одинъ съ Владимиромъ. Дочерей вчера отправилъ въ Петербургъ на пароходѣ *Невкѣ* съ адмираломъ Рикордомъ и другими адмиралами его провожавшими. Вечеромъ зашелъ къ г-лу Ивану Ивановичу Дену; засталъ его по обыкновенію одного, въ сѣромъ сюртукѣ, раскладывающимъ grande patience; онъ продолжалъ свое занятіе въ продолженіе разговора. Мнѣ это показалось довольно оригинально. 1-го Ноября осадное положеніе прекращается, и закрывается мое управленіе.

—

30-е Октября. Вчера съ утра легкій морозъ съ небольшимъ вѣтромъ, едва волнистое море заставили меня рѣшиться, не откладывая, оставить Кронштадтъ и соединиться съ семей-

ствомъ. Это исполнено. Въ два часа на пароходѣ *Веста* оставили мы съ Владиміромъ, послѣ болѣе семимѣсячнаго безотлучнаго пребыванія, Кронштадтъ, и въ четвертомъ часу, неожиданные, обняли своихъ въ скромной нашей квартирѣ. Сердечное услажденіе свиданія, кромѣ своихъ, съ родными семействами Поллей и Михайловскихъ. Рядъ кроткихъ ощущеній. Прощаніе передъ выѣздомъ съ Уральцами, бывшими при мнѣ, а съ послѣднимъ здѣсь. Что̀ за богатыри! Знаютъ они Россію, тѣ, которые въ необыкновенныхъ настоящихъ обстоятельствахъ слишкомъ страшатся за нее! Пусть только явятся достойные вожди, и подвиги лучшихъ эпохъ Русскаго оружія возобновятся.

31-е Октября. Вечеромъ навѣстилъ меня П. П. Мельниковъ, и занимательная бесѣда съ этимъ достойнымъ человѣкомъ довела до 11-ти часовъ ночи. Съ удовольствіемъ вспоминаю, что я оставилъ Кронштадтъ въ приличныхъ, даже пріязненныхъ отношеніяхъ со всѣми.

Передо мною полная картина зимы: снѣгъ покрылъ улицы и Таврической садъ ночью. Утро ясное и тихое.

1-е Ноября. Въ половинѣ десятаго утромъ ѣздилъ къ г.-а. Александру Андреевичу Катенину. Засталъ его въ халатѣ, съ бритвой и намыленной бородою. Дружеская встрѣча. Онъ былъ при мнѣ въ 1839-мъ году и отличался въ дѣлахъ на штурмѣ Аргуани, при осадѣ Ахульго и прежде въ первой съ Шамилемъ встрѣчѣ подъ Бортунаемъ. Это сохранилось живо въ памяти обоихъ. Теперь онъ обогналъ своего начальника. Мнѣ нужно было распросить его о дворѣ, о разныхъ лицахъ, которыхъ мнѣ нужно видѣть. Онъ тотчасъ же съ фельдъегеремъ хотѣлъ увѣдомить военнаго министра въ Гатчино о моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ. Дѣло подъ Севастополемъ 25-го Октября строго обсуждается здѣсь. Конечно это не успѣхъ, и потеря велика. Отъ него пѣшкомъ по Невскому, зашелъ къ книгопродавцу Исакову и взялъ нѣсколько книгъ и карту Крыма Кеппена. Оттуда къ директору Пажескаго Корпуса Желтухину и провелъ у него съ часъ. Возобновилъ знакомство съ его достойной женой, и потомъ онъ повелъ меня къ сыну Александру въ лазаретъ; онъ жаловался болью въ горлѣ, которою теперь многіе въ городѣ страдаютъ.

L'éxagération, dit Joseph de Maistre, est le mensonge des honnêtes gens.

3-е Ноября. Сегодня въ часъ пополудни выѣхалъ съ визитами; началъ съ княгини Барятинской старушки. Засталъ ее одну въ креслѣ больную. Съ нѣжною пріязнію она приняла меня. Въ это время ей подали письмо отъ сына изъ Севастополя. Отъ радости она не могла сама прочесть его; она передала его мнѣ по моему предложенію. Письмо отъ 26-го, два дня послѣ вылазки. По новымъ подробностямъ потеря наша гораздо значительнѣе: она простирается до 9 т. выбывшихъ изъ строя, въ этомъ числѣ до 3 т. убитыми и болѣе 200 шт. и об.-офицеровъ. Домà въ Севастополѣ приготовляются къ оборонѣ: продѣланы бойницы, баррикады по улицамъ и пр.—Отъ нея къ К. А. Струковой и Надинѣ Лидерсъ, не засталъ; онѣ уѣхали въ Академію. Къ Лазаревой, вдовѣ адмирала; засталъ только милую дочь ея Таню, съ удовольствіемъ посидѣлъ съ нею. Потомъ къ Бекетовымъ; принятъ съ живѣйшею радостію. Бѣдная и умненькая хромая племянница ихъ Ольга Баташева прижалась молча къ моему плечу и оставалась такъ все время.

5-е. Вчера въ 10 ч. утра ѣздилъ къ гр. А. Ѳ. Орлову и просидѣлъ у него съ часъ въ занимательномъ разговорѣ о положеніи нашихъ военныхъ и политическихъ дѣлъ. Отъ него къ гр. П. П. Палену.

9-е (21) Ноября. Возведенныя въ нынѣшнемъ году на Кронштадтской косѣ укрѣпленія, батарея № 2-й, люнетъ и редутъ при кладбищѣ, съ проектированными въ промежуткахъ работами, доставятъ намъ въ случаѣ высадки непріятеля боевую позицію значительной силы. Затѣмъ остается впереди оной еще шесть верстъ, гдѣ по свойству мѣстности предвидится для непріятеля возможность производить высадки и утвердиться съ выгодою на косѣ. Въ особенности важно пространство между редутомъ, коснымъ селеніемъ и разрушеннымъ Александръ-шанцемъ. Взглядъ на генеральный планъ косы указываетъ, какъ основательно избранъ былъ сей послѣдній пунктъ для обстрѣливанія вокругъ себя всей окрестности, которою онъ такъ рѣшительно командуетъ. Въ случаѣ отступленія, закрытая съ сѣверной стороны вдоль берега песчаными буграми и вообще пересѣченная мѣстность

представляетъ къ тому удобства. Разстояніе между редутомъ и Александръ-шанцомъ 1200 саженъ. Полезно было бы на половинѣ онаго устроить на берегу батарею для усиленія огня противъ моря и какъ точку опоры для войскъ, назначенныхъ для отраженія высадки. Такимъ образомъ сѣверная сторона косы была бы достаточно ограждена отъ покушеній непріятеля.

Отъ Александръ-шанца поперекъ косы всего 300 саженъ; на половинѣ этого разстоянія существуютъ остатки бывшаго редута, и на южномъ берегу также слѣды батареи. Весьма выгодно было бы и, кажется, не трудно эти укрѣпленія возобновить. Непосредственно передъ сей крѣпкой передовой позиціей коса съуживается до 150 саженъ. Хорошо было бы прорыть здѣсь ровъ отъ моря до моря и такимъ образомъ отдѣлить совершенно все удобное на косѣ пространство для обороны, оставивъ передъ собою около трехъ верстъ узкой песчаной мели, покрываемой часто водою и потому не представляющей ни малѣйшаго удобства непріятелю утвердиться на ней. Затѣмъ южный берегъ косы отъ разрушенной батареи до батареи № 2-й составляетъ совершенно открытое пространство въ 1500 саженъ разстоянія между ими. На серединѣ его полезно было бы устроить сильную батарею. Мѣстность, выдавшаяся тутъ въ море и возвышенная, сама указываетъ на выгодную для сего точку.

Такими мѣрами дополнилась бы общая и сильная система обороны на всемъ пространствѣ косы, представляющей безъ сего возможность непріятелю съ сухаго пути угрожать крѣпости, и средство удерживать его долѣе въ дальнемъ отъ нея разстояніи, въ случаѣ даже прорыва на какой либо точкѣ, переходомъ отъ одной позиціи до другой, чѣмъ выиграно было бы время для полученія подкрѣпленій, когда они оказались бы нужными.

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1889 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

„Русскій Архивъ“ выходитъ въ 1889 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ 1889 года составляютъ **три отдѣльные тома, съ приложеніями.**

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1889 году съ пересылкою и доставкою—**девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

За перемѣну адреса городскаго на городской и иногороднаго на иногородный по 30 к.; за перемѣну иногороднаго на городской 50 к.; городскаго на иногородный—90 к. (по взимаемой почтовымъ вѣдомствомъ платѣ).

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887 и 1888 гг. получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874**, **1877**, **1878**, **1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

*

При каждомъ годовомъ изданіи „Русскаго Архива“ имѣется азбучный указатель личныхъ именъ. Кромѣ того, современно изданы были въ особыхъ приложеніяхъ общія Предметныя Росписи за **пять**, **десять**, **пятнадцать** и **двадцать** лѣтъ „Русскаго Архива“. Нынѣ печатается особою книгою **Предметная Роспись „Русскаго Архива“ ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ.** Книга эта будетъ напечатана въ ограниченномъ числѣ. Желающіе получить ее прибавляютъ къ подписной цѣнѣ на „Русскій Архивъ“ 1889 ода —**ДВА** рубля.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

РУССКІЙ АРХИВЪ

1889

6.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи

на Страстномъ бульварѣ.

1889.

(*См. на оборотъ*).

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО ЕВГЕНІЯ БОЛХОВИТИНОВА къ В. Г. АНАСТАСЕВИЧУ.*)

1819-й годъ.

42.

От 3 Генваря 1819 (Псковъ).

Два письма ваши отъ 25 и 29 Дек. только вчера вмѣстѣ до меня дошли: праздники и въ вашемъ почтамтѣ, видно, также недосужны какъ и у насъ. Но какъ бы то ни было, благодарю вамъ за поздравленіе меня праздниками сими; а васъ взаимно поздравляю наступившимъ новымъ годомъ, который желаю вамъ провести здорово и благополучно. А всѣмъ намъ дай Богъ не видать событія зловѣщаго предвѣщанія *Давида Миллера*, и да обратится оно на главу его самого. Довольно съ насъ и однихъ несчастныхъ дождей въ Декабрѣ и Генварѣ и выхода первой четверти вашего Журнала Законодательства со 128 законами, умножающими нашу юриспруденцію.

Съ новымъ годомъ и на васъ ложится новая обязанность потѣть надъ каталогомъ богословскихъ книгъ публичной Импер. библіотеки. Вы за все беретесь и ко всему себя считаете способнымъ; за то мало оканчиваете, а еще менѣе хорошаго. Правда, для каталога нужно только списывать заглавія съ наблюденіемъ ороографіи; но отъ того весь трудъ сей механическій, а вы неоднократно мнѣ признавались, что вы и къ механическому неспособны. Но подождемъ судить до окончанія вашей работы, въ которой, однакожъ, Двигубскій будетъ первенствовать и вѣрно себѣ припишетъ все то, что́ и вы сдѣлаете, какъ обыкновенно водится у первенствующихъ; а *Оленинъ* и у обоихъ васъ восхититъ честь распоряженія и методы сего каталога, по своей учености.

Напрасно вы думаете, что только въ *Залузской* библіотекѣ отдѣленіе богословскихъ книгъ больше прочихъ: во всѣхъ славныхъ библіотекахъ тоже. Причина всѣмъ извѣстна. Съ начала христіанства до XVII в. и даже далѣе всеобщій вкусъ былъ богословскій. Даже въ

---

*) См. выше, стр. 21.

XVIII в. *Лейбницъ* и *Вольфій*, міряне, старались отличиться въ ономъ. Какъ же не быть сему каталогу больше другихъ?

Стурдза въ богословіи такой же модный у насъ писатель, какъ *Свиньинъ* въ верхоглядническомъ путешествіи. Оба равно хвастливы, хвастуны и хвалители по капризу. Перваго пристыдятъ иностранцы, а послѣдняго со временемъ соотчичи. Это обыкновенная участь моднымъ писцамъ.

Вы пишете о какой-то проектируемой конституціи по репрезентативной системѣ. Я не могу понять, можетъ ли она быть въ самодержавномъ правленіи? Чтó касается до роскоши награжденія чинами, то дѣйствительно они уже въ тягость и награждающимъ, и самимъ награждаемымъ. Можно съ *Державинымъ* и намъ сказать: *весь свѣтъ сталъ бригадиръ.* Видно и ломбардные слесари хотятъ быть репрезентами, не будучи и бригадирами. Новая кабинетная канцелярія изъ трехъ частей есть прожектъ *графа А.*, все къ себѣ прибирающаго. Но лучше одному начальствовать, нежели семерымъ нянькамъ надъ однимъ дитятею.

Гадебуша я все еще продолжаю разсматривать. Вся древняя исторія Дерпта—для насъ любопытнѣйшая—заключается въ одномъ только первомъ томѣ по 1582 г. Прочіе три тома набиты Лифляндщиною и рыцарщиною, для насъ вовсе постороннею, да и для Лифляндцевъ по Лифляндскимъ лѣтописямъ вполнѣ извѣстною. А новаго ничего. У *Гіерна* же еще меньше относительнаго къ Россіи и Пскову. А у *Давида Лукаса* ничего. Мой пріятель Нѣмецъ, прочитавшій его съ начала до конца, морщась сказалъ мнѣ, что и слогъ прескверный, смѣшанный съ стариннымъ, и изуродованный еще отъ издателя стариннымъ правописаніемъ, котораго не всякій и отгадать можетъ; тѣмъ смѣшнѣе, что *Лукасъ Давидъ* не древній лѣтописатель.

Этимологію вашу о *Корстѣ* скучнѣе мнѣ было читать, нежели вамъ вырывать ее изъ *Линда*.

О *Лерберговой* археоманіи я уже писалъ вамъ, кажется, и вся его книга въ переводѣ уже публикована въ газетахъ академическихъ. Жду отъ васъ прошлогодняго Журнала Соревнователей. Я получилъ отъ предсѣдателя сего Общества *графа Сергѣя Салтыкова* увѣдомленіе о избраніи меня въ почетные члены. Но не знаю ни отечества, ни чина его для отвѣта. Въ адресѣ я не нашелъ его, кромѣ прокурора сенатскаго *Сергѣя Петровича Салтыкова.* Не знаю, онъ ли. Прошу поскорѣе увѣдомить меня.

О намѣреніи *Каразина* пріѣхать къ вамъ вотъ чтó я гадаю. На сихъ дняхъ попалась мнѣ тетрадь рѣзко писанная отъ безъимяннаго будто бы *старца*, украинскаго помѣщика, къ Малороссійскому военному губернатору *князю Репнину* противу предложенія его о вольности кре-

стьянъ. По слогу и напряженію аристократоманіи я тотчасъ отгадалъ, что это работа *Каразина*. Тетрадь сія разсѣвается по всѣмъ помѣщикамъ и производитъ неблагомысленное волненіе. Вѣрно, знаетъ о семъ и правительство. Не для утушенія ли сей бури на себя бѣжитъ онъ къ вамъ? Онъ блудливъ какъ котъ, а труслибъ какъ заяцъ. Тетрадь писана весьма рѣзко и дерзко на трехъ большихъ листахъ съ половиною. Имени сочинителя не объявлено. Но въ Украйнѣ онъ одинъ такой писецъ замашистой. Не сносить ему своей головы на міру.

Екатеринино завѣщаніе я со вниманіемъ прочиталъ и не считаю его подложнымъ, ибо и прежде слыхалъ, что оно найдено въ ея бумагахъ. Да она такъ точно и сама управляла. Теперь переписываютъ у меня. Но многаго вашей руки я не разобралъ. Послѣ у васъ спрошу. Не знаю, почему нѣтъ окончанія.

Увѣдомьте меня, чего стоитъ отправка книгъ въ Москву, дабы я могъ разсчислить тамошнюю продажу.

43.

От 6 Генваря 1819 (Псковъ).

... Старинная опытная пословица: молодой человѣкъ можетъ быть боленъ и умереть, а старый долженъ. Но я—слава Богу—не былъ ни боленъ, ни мертвъ, когда пустомели промчали у васъ о томъ слухъ.. Я даже и не думаю, чтобы они имѣли какое въ этомъ намѣреніе, а полагаю, что кто-нибудь изъ нашей братіи, прозваніемъ кончащійся на.....*скій*, можетъ быть, умеръ, и неразборчивые вѣстовщики приклеили это ко мнѣ. По крайней мѣрѣ и за то спасибо, что меня и въ вѣстяхъ не забываютъ. Хуже, когда о комъ вовсе не говорятъ. Но лгуновъ и Богъ пристыждаетъ. Каждую почту за 338 верстъ отъ насъ привозящій почтальонъ могъ бы увѣрить или развѣрить васъ чрезъ три дня послѣ происшествія. Но оставимъ пустомельничество.

Отъ *графа Хвостова* я имѣю уже извѣстіе, что мой отвѣтъ *графу С. П. Румянцову* угоденъ. А больше вопросами пусть не безпокоитъ меня. Ему указаны источники отвѣтовъ.

Отъ *канцлера* получилъ я только праздничный отвѣтъ на поздравленіе; на прочее обѣщается послѣ отвѣчать. Вамъ спасибо за обѣщаніе доставить мнѣ переводную статью изъ *Аделунгова Герберштейна*. Дѣйствительно, самое сочиненіе *Герберштейново* было бы любопытнѣе для насъ *Аделунгова*. А отъ Академіи Наукъ сего не дождешься: она занята собою.

Я любопытствовалъ прочесть хронологію вашу Рускихъ журналовъ. Не меньше любопытствую увидѣть такую же роспись и Руско-

иностранныхъ путешествій. Это естьли не научитъ ничему, то по крайней мѣрѣ укажетъ источникъ наученія.

Буду ждать вашего прибавленія къ списку писателей моего Словаря. Но выключить ли изъ нихъ всѣхъ иностранцевъ, о семъ послѣ подумаю. Миллеръ, нашъ исторіографъ, не умѣвшій писать порусски, для чего бы не могъ принадлежать намъ, когда Швейцары (sic) и Разумовскаго нашего причисляютъ къ своимъ писателямъ? Разсмотрите воззваніе моего Словаря. Онъ Словарь писателей *бывшихъ въ Россіи*, а не однихъ Россійскихъ. Впрочемъ, соберемъ сперва сколько возможно полное; а потомъ, естьли разсудимъ, легко уже будетъ сократить. У меня уже больше половины Словаря переписано.

Что-то вы найдете въ купленномъ вами подлинникѣ *Лерберга*? А я по первой мнѣ присланной вами статьѣ покушаюсь гадать, что этотъ антикварій не что иное какъ парадоксистъ и педантъ въ нашей исторіи, тщившійся выказать себя какою-нибудь необыкновенностью.

Данные вами *Михайлову* въ бумажкѣ и въ папкѣ экземпляры я отмѣтилъ въ своемъ реестрѣ, а самъ нетерпѣливо жду отъ васъ присылки и во Псковъ. О Французскихъ переплетахъ я уже писалъ вамъ, что они мнѣ не надобны, а отдавайте въ Лавру. *Селивановскаго* также постараюсь облегчить въ распродажѣ экземпляровъ, ибо имѣю надежду, что почти всѣ посланные къ нему разойдутся по епархіямъ. Чрезъ годъ, можетъ быть, и книгопродавцы будутъ уже искать сію книгу.

Ѣду къ обѣднѣ и къ крестному ходу, а потому и не успѣваю больше писать.

44.

Отъ 13 Генваря 1819 (Псковъ).

Долго не получивши вашихъ писемъ, вчера вдругъ получилъ два отъ 4 и 6 Генв. съ двумя книжками Публ. библіотеки, одною *штиллинговщины* и одною *герберштейновщины*. Ни одной изъ нихъ не успѣлъ я пересмотрѣть, а потому ничего объ нихъ и не отвѣчаю вамъ. Финансоманія душитъ насъ и почтою, вдругъ умноженіемъ платы вдвое. Но увидите, что откроются конторскіе маклеры для пересылки посылокъ съ обозами, и тогда почта болѣе потеряетъ, нежели думала выиграть. Ваша переписка со мною—полагаю въ недѣлю одинъ лотъ—стоить будетъ вамъ не болѣе 12½ рубл. На посылки въ фунтъ со вложеніемъ и писемъ незапечатанныхъ *тоже*; ибо только большія посылки учетверены, а незапечатанныя письма идутъ безвозбранно въ посылкахъ. Но чтобы письма съ посыльными не пропадали, какъ водится у носильщиковъ, а иногда у пріемщиковъ, то лучше отдавать помѣсячно съ запискою въ тетради, какъ и у меня заведено. Тогда ни носильщикъ,

ни пріемщикъ не имѣютъ выгоды бросать ихъ. Не знаю, какъ велика ваша переписка; а я, долженствующій писать и по волѣ, и по неволѣ, въ прошлый годъ заплатилъ 80 р., слѣдоват. въ будущій выдетъ болѣе 150 р. Вотъ подать! Вы можете Соревнов. журналъ прошлаго года помаленьку фунтами пересылать ко мнѣ и съ письмами. Но я нетерпѣливо жду отъ васъ съ извощикомъ и кипы Словаря, чтобы не охладить охотниковъ.

Естьли вы и изъ журналовъ записываете на карточки всѣ статейки порознь, то это ужасная компиляція и необозримая куча бумагъ, коихъ кромѣ васъ и разобрать никто не можетъ; а для наслѣдниковъ она дѣйствительно только на поджогу камину. И такъ старайтесь при жизни извлечь изъ нея пользу. Кажется, многое годится и въ мой Словарь. Но не знаю еще, что̀ вы выписывали; ибо пустыя переводныя статьи и статейки, кромѣ развѣ общаго упоминовенія о книгѣ, не стоятъ цитацій.

Итакъ вы на праздникахъ не удосужитесь быть у *графовъ Рум.* Одинъ знакомецъ пишетъ мнѣ, что съ *канцлеромъ* трудно и говорить за чрезвычайною его глухотою: надобно-де имѣть крѣпкую грудь; а съ другимъ-де *) надобно имѣть крѣпкое ухо, чтобы слушать всѣ его вздорныя разсужденія.

Библіотекарскій вашъ Совѣтъ о каталогахъ похожъ на *Крылову* басню о квартетѣ музыкантовъ. Вообще основаніе каталоговъ: или форматъ или классы; первое для глазъ, а послѣднее для употребленія. Но и въ послѣднемъ лучше сколько возможно примѣняться къ формату, а для пріисканія по нумерамъ имѣть особые по классамъ каталоги. Въ многочисленныхъ библіотекахъ и языки могутъ быть основаніемъ каталоговъ. Но напримѣръ отцы церковные не могутъ быть разлучены, тоже и соборы и комментаріи на Библію. Но два раза сходиться въ каждый день библіотекарямъ едва ли сносно. Видно, Государя въ чужихъ краяхъ упрекнули о неописи сей библіотеки; ибо давно свѣту извѣстно, что многое выкрадено. Короткій каталогъ мало будетъ полезенъ для ученыхъ, а обширный тяжелъ для описателей.

О *Лерберговыхъ* разысканіяхъ, пока не прочту всей его книги, удержусь судить; но по 6 статьямъ равнять его съ *Шлёцеромъ* никогда не буду. Пусть сороки на него щекочатъ, какъ на медвѣдя въ лѣсу; онъ важенъ и въ своей берлогѣ. Щиплетъ его иногда и *Карамзинъ*, но какъ блоха; а самъ сплошь его замѣчаніями дышетъ въ своей исторіи. не сказывая, откуда напился крови.

---

*) Т. е. съ графомъ Сергѣемъ Петровичемъ. П. Б.

45.

От 20 Генваря 1819. (Псковъ).

Вы, любезный другъ, дѣйствительно уже заскупились на письма отъ возвышенія почтовой платы. Но всякая дороговизна съ начала только тяжка, а потомъ къ ней привыкаютъ. Всякій пріѣзжій изъ Украины въ Петербургъ ужасается дороговизнѣ содержанія; но поживъ годъ, перестаетъ и чувствовать. По крайней мѣрѣ каждую недѣлю не переставайте писать, ибо я такъ привыкъ къ вашимъ письмамъ, что скучно и не получать ихъ. Въ разсужденіи посылокъ мы по близости и не имѣемъ нужды въ почтѣ. Каждую недѣлю и отъ насъ къ вамъ и отъ васъ на Псковъ идутъ обозы; а одинъ нашъ ямщикъ каждыя двѣ недѣли ординарно и неотложно съ Псковскими комисіями и даже съ деньгами по векселямъ ѣздитъ въ Питеръ. Вашъ купецъ Дмитріевъ его знаетъ; исправность и вѣрность его въ порученіяхъ всѣми дознаны, и купцы поручаютъ ему кучи денегъ безъ всякой росписки. На *Соревнователя*—такъ и быть—подпишитесь за цѣлый годъ. Члену стыдно не взять. Но жду отъ васъ и прошлогодняго. Къ президенту благодарность, при семъ посылая, прошу отослать.

Чуднóй вопросъ *графа С. П. Румянцова*: какими стихами переведены *Дамаскиновы* пѣсни? Развѣ онъ самъ не видитъ, что не стихами, а прозою. Въ запискѣ моей сказано ему, что и сочинитель большую часть сочинялъ прозою же. Это непонятливая голова.

Удивительно, что *Станкевича* книга, и духовною цензурою пропущенная, конфискована. Видно, и цензоръ сей не знаетъ системы нынѣшняго просвѣщенія. Но модныя системы обыкновенно не надолго. Сами философы, раздѣляясь на идеалистовъ и реалистовъ, другъ друга опровергаютъ.

Скажите, поправляетъ ли *Карамзинъ* свою исторію въ своихъ историческихъ ошибкахъ, или отъ гордости въ нихъ упорствуетъ, а только слогъ чиститъ? Это можно узнать отъ *Оленина*.

Итакъ, вы не только къ каталогу публичной библіотеки не приступили, но и плана ему еще не рѣшили. Когдажъ будетъ исполненіе? Каноническое право дѣйствительно принадлежитъ къ богословію, какъ судебная медицина къ медицинѣ. Ибо ни той, ни другой не-богословы и не-медики понимать не могутъ.

Розенкамфъ свое дѣло дѣлаетъ, что досталъ Harduini Collect. consiliorum—лучшее изъ всѣхъ соименныхъ, и *Арменопула*. Но я видѣлъ у покойнаго Цвѣткова комисскую книгу *Арменопула* и, бравши у него, много пользовался сличеніемъ его со 2-ю ч. Кормчей; многое

даже и выписалъ для объясненія славянизма. Развѣ книга сія въ Коммисіи пропала? Она была въ 4-ую д. листа. Кстати при вспоминаніи *Розенкамфа* скажу вамъ, что я, разсмотрѣвши *Гидебуша* прилежнѣе, нашелъ въ 1 ч. его исторіи статей десятокъ въ дополненіе Псковской исторіи; а онъ бралъ изъ извѣстныхъ Лифляндскихъ же лѣтописей и *Гіерна*. Во 2 и 3 частяхъ, со времени подчиненія Лифляндіи Полякамъ, почти ничего; а Поляковъ онъ сильно бранитъ, ибо Рускіе больше съ самими Поляками имѣли дѣла. А 4 ч. еще не знаю. Скоро кончу и потомъ примусь за *Гіерна*. Но тамъ больше Рускія и Ревельскія дѣла.

Что́ за чудо, что такъ нечаянно скончалась *Е. П**)? Нѣтъ ли тутъ толковъ? Свадьба *Стройновскаго* не замѣнитъ сію потерю. Тестя его *А. Дм. Буткевича* я коротко знаю: развращенная повѣса во всю жизнь. Такова же будетъ и свадьба.

Завѣщаніе *Е. П*-й у меня уже списано, но еще не прочитано. Я имъ любуюсь. Но неужели и во Франціи нѣтъ окончанія?

Герберштейнъ достоинъ быть на Рускомъ языкѣ давно. У меня подробныя изъ него есть выписки.—*Канцлеръ* подрядилъ сочинить словарь Чухонскаго языка; но какого? Финскій, Ревельскій, Дерптскій, Рижскій и Курляндскій много различны. Я въ Ригѣ досталъ Латышскій словарь и Эстскую грамматику съ словаремъ. Но страшная разница въ обоихъ.

Дивлюсь, для чего *Гиппингъ* вздумалъ перевести Шведамъ мой Словарь. Нѣмцы больше занимаются Рускимъ, нежели Шведы; но и тѣ не слышно, чтобы принялись переводить. Въ Дерптѣ, однакожъ, читаютъ его; а *Воейковъ* хочетъ изъ него для лекцій своихъ выбрать ученую Рускую исторію и хвалится обличить Нѣмцевъ, говорящихъ, что у насъ не было не только ученой исторіи, но ни наукъ, ни литературы. Я послалъ ему по требованію нѣсколько важнѣйшихъ статей и свѣтскихъ писателей. Посмотримъ какъ опровергнетъ *Гиппингъ Лерберговы* парадоксы, которымъ и я не вѣрю. — На сихъ дняхъ заглянувши въ *Арцыбашеву* книжку о *первобытной Россіи* (1809 г.), увидѣлъ я, что онъ прежде *Лерберга* растолковалъ намъ *Сумь, Емь и Югру*.

Я съ вами согласенъ, что Росс. Академія лучше бы сдѣлала, назначая сочиненія и переводы, а не встрѣчныя и поперечныя принимая. Такъ, на счетъ Академіи напечатанъ и переводъ *Тасса*, нимало не полезный ей. А *Линдевъ* Словарь стоилъ бы ея кошта. Спасибо, что и *Линда* хоть приняли въ члены, вѣрно по ходатайству *Сестренцевича*.

Слышно и у насъ, что Государь поѣдетъ въ Сибирь, гдѣ ни

*) Королева Виртембергская Екатерина Павловна.

одинъ еще царь нашъ не былъ. Анектодъ о лорнетѣ Пестеля также давно у насъ извѣстенъ. Острякъ *Нарышкинъ* тонокъ въ насмѣшкахъ.

Владыка Старорусскій не кончитъ описи Новогородскихъ рукописей, ибо онъ назначенъ къ переводу въ Оренбургъ. Не сыщется ли тамъ чего новаго? А въ Сибири по архивамъ много намъ еще неизвѣстнаго. Но боюсь, чтобы онъ тамъ вовсе не бросилъ книги: веселѣе заниматься Горскими и Киргизскими лошадями. На мѣсто его въ Новгородѣ будетъ тамошній ректоръ, но онъ не имѣетъ вкуса къ архивамъ.

46.

От 4 Февраля 1819. (Псковъ).

Жаль умнаго *Баранова*, обѣщавшаго намъ *Рускую Правду*. Не сей ли *Барановъ* женатъ былъ на Калужанкѣ, Шемякиной купчихѣ? Человѣкъ, яко трава, дніе его, яко цвѣтъ сельный. Берегите и вы свое некрѣпкое здоровье, а особливо отъ безтолковой каталогоманіи библіотецкой, которая, быть можетъ, наградитъ васъ однимъ только крыжикомъ въ петлицу. Жаль, что мѣсто *Баранова* предвосхищено у васъ барчукомъ, каковые обыкновенно жнутъ, идѣже не сѣяли. Библіотека не вознаградитъ вамъ этого. Да и не думаю я, чтобы при всемъ усиліи начальства скоро не только приготовленъ былъ, но и начатъ каталогъ. Заглавіемъ академическаго каталога рукописей вы меня только раздразнили. Сильно желалъ бы его хотя списать; естьли можно, выпросите у *Аделунга* или у *канцлера*, который давно уже ко мнѣ не пишетъ. Видно, и онъ заскупился на почту.

Для меня новость, что *Кондратовичъ* въ 1747 году перевелъ *Герберштейна*. Этотъ варваръ-переводчикъ по моему каталогу изуродовалъ много книгъ, но вездѣ букваленъ.

Очень много спасибо вамъ за испрошеніе у Общества Соревн. мнѣ экземпляра прошлогодняго журнала. Готовъ и я доставить оному свои сочиненія, какія найду у себя, ибо многихъ уже не имѣю. Весьма любопытна будетъ статья *Аделунга* и *Панцнера* о писателяхъ о Россіи. Но дай Богъ, чтобы не для однихъ Нѣмцевъ послужила. Отъ *Бутурлина* не надѣюсь я окончанія Селліева каталога. Онъ еще въ чужихъ краяхъ и устарѣлъ. Это бы дѣло Росс. Академіи, но она уродуетъ только языкъ.

Ваше попеченіе объ изданіи дипломатическаго сокращенія *Б. Каменскаго* истинно-патріотическое. Это бы *канцлеру* надобно сдѣлать въ продолженіе своихъ грамматъ.

Съ *Буткевича* я долгъ давно взыскалъ предъявленіемъ запрещенія на Старорускoe его имѣніе, которое хотѣлъ онъ заложить въ Банкѣ;

онъ, встрѣтивъ сіе препятствіе, ахнулъ и вдругъ чрезъ губернское правленіе расплатился съ арх. домомъ и съ процентами. Теперь въ добрый часъ пользоваться ему своимъ зятикомъ.

Благодарю за доставленіе моего письма президенту *Салтыкову*. Вѣрно, онъ недоумѣвалъ о молчаніи моемъ столь долго, такъ какъ я недоумѣвалъ о его имени и чинѣ. Но журнала на нынѣшній годъ не издано еще ни одной книжки.

Гадебуша я уже три тома пересмотрѣлъ, и тутъ нашелъ я во второй части признаніе автора, что Дерптскія отечественныя записки до 1583 г. 9 Іюля всѣ потеряны, а начинаются только съ этого времени, и что авторъ все прежнее почерпалъ только изъ общихъ Лифляндскихъ лѣтописей и *Миллера* нашего... А я замѣтилъ много и вранья противъ нашихъ лѣтописей. Моя Псковская исторія отъ часу толстѣетъ. Словарей своихъ я еще не получилъ; а *Селивановскому* мало 200, ибо я сіе число назначилъ уже въ разсылку по Украйнѣ. Прошу послать ему еще 200, заимствовавъ хотя изъ Михайловыхъ. Отъ *Селивановскаго* я не получилъ еще и увѣдомленія о приходѣ книгъ и покушался даже думать, нѣтъ ли тутъ спекуляціи книгопродавческой.

Кіевскій митрополитъ знакомъ мнѣ только по лицу, когда я еще учился въ Москвѣ, а онъ тогда былъ уже викарнымъ Московскимъ архіереемъ. Больше никакого знакомства не имѣю, и случаевъ не было.

P. S. Сей часъ получилъ я требованіе изъ Бѣлагорода 100 экз. моего Словаря. Сдѣлайте милость пошлите поскорѣе къ Селивановскому 200.

47.

Отъ 14 Февраля 1819 (Псковъ).

На два письма ваши отъ 5 и 8 Февраля вмѣстѣ отвѣчаю. Вы опять явились къ *канцлеру*. Вѣрно, *Ипатьевскій списокъ* напомнилъ ему о васъ, или чтобы похвалиться изданіемъ Судебника и Рускихъ стихотвореній. Но не знаю, какъ онъ ко мнѣ будетъ пересылать свои книги по нынѣшней почтѣ. Можно бы вамъ указать ему на купца Дмитріева, который часто можетъ провождать ихъ ко мнѣ? Благодарю за описаніе встрѣченной у него сволочи антикваровъ и оріенталистовъ, которые больше себѣ, нежели свѣту полезны. Какъ скоро Лезгинцы или Чеченцы на Кавказѣ ограбятъ *Раска*, то и выйдетъ Лафонтенова басня Pot au lait, а намъ останутся черепки. Вѣрно сія сволочь выкликаетъ канцлера на свою охоту; но и я скажу согласно съ вами, что уже поздно.

Диво, что баронъ *Розенкамфъ* не навязывается въ его же покровительство; а я вамъ уже предсказывалъ, что его безконечныя поправ-

ленія и дополненія своей компиляціи опостылѣютъ публикѣ и останутся у него въ Коммисіи. Многозатѣйливость и опрометчивость всегда такова. Да и по смерти скажутъ: multa molitus est, nihil absolvit [1]). Худая честь автору! Таковая же честь будетъ и вашимъ собибліотекарямъ и особливо библіотецкому начальству.

О назначеніи цензора *Инн.* уже не въ Оренбургъ, а въ Новгородъ, и ко мнѣ пишутъ. Это, кажется, только привязка, чтобы не имѣть сверстника и одному остаться необходимымъ по училищной части. У Петербуржанъ много хитрости, и рады всякому случаю отгонять другихъ.

Изъ описанія вашего первой книжки Соревнователей вижу, что *Селліевъ* примѣръ воспламенилъ нашихъ Нѣмцевъ. Хвала Селлію! Но и имъ честь, что узнали цѣну его труда, въ Россіи забытаго было. Узнавши мѣста источниковъ, станутъ и оные отрывать охотники.

Кто такой грамматикъ *Соколовъ*, унтеръ-библіотекарь Ак. Наукъ, любящій меня, какъ вы пишете, я не знаю; а можетъ быть когда нибудь и видалъ его.

Ваша варіантная работа надъ *Ипатьевскимъ спискомъ*—labor improbus [2]), и не вѣрю, чтобы она понравилась и *Кругу*, и *канцлеру*. Мы, богословы, ругаемъ *Курцеллея* за огромные варіанты на Новый, а *Кенникота* на Ветхій Завѣтъ, больше сбивающіе и больше подающіе поводъ къ спорамъ и заблужденіямъ, нежели къ опредѣленію точнаго смысла. Капризъ переписчиковъ отнюдь не текстъ. Да и вы, истощивши силы надъ такимъ хаосомъ, охолодѣете въ продолженіи труда. *Бурманнъ* за такія многоваріантныя изданія Римскихъ авторовъ награжденъ забвеніемъ уже и у критиковъ, и у филологовъ. Вы же вдругъ три каторжныя работы имѣете, коммискую, библіотечную и лѣтописную. А думаете еще о *Сопиковской*!

Хорошо, что *Гапоновъ* обѣщался помочь вамъ въ моей корреспонденціи. Мнѣ вы частыми письмами чаще будете доставлять удовольствіе. А я всегда, кажется, въ точности на все по статьямъ отвѣчаю.

Ириней, Кіевскій викарій, давно нелюдимъ; а къ старости это и естественно. Что-то онъ потомству оставитъ отъ своего анахоретства въ литературѣ? Вы пишете, что пр. Подольскій *Іоанникій* скончался. Узнайте и увѣдомьте меня, когда, для отмѣтки въ іерархіи. Я давно зналъ, что онъ въ параличѣ былъ. Онъ жилъ около 90 л. и чрезвычайно былъ здоровъ.

Естьли *Иннокентій* будетъ въ Новѣгородѣ, то вѣрно не займется продолженіемъ описи рукописей. Чтобы знать имъ цѣну, надобно заранѣе приготовить себя прочтеніемъ всего уже изданнаго. А въ шко-

---

[1]) Многое замысливши ничего не рѣшаетъ.

[2]) Настойчивый трудъ.

лахъ нашихъ этому не учатъ. Онъ же и не на ученую руку, а только считался между ими по милости покровителей. Самая исторія его церковная тому доказательствомъ.

Наконецъ, получилъ я на прошлой недѣлѣ и 158 въ бумагѣ, да 15 въ папкѣ, итого 173 экз. моего Словаря чрезъ Псковскаго ямщика. Но отъ *Селивановскаго* отъ 30 Генв. имѣю увѣдомленіе, что онъ не получалъ еще книгъ. Я гадалъ, что это спекуляція книгопродавческая; а *Селивановскій*—самъ типографщикъ и книгопродавецъ—лучше меня отгадалъ, что это коммисіонерская шутка, чтобы задержаніемъ чужихъ книгъ дать время распродаться своимъ. Удивляюсь, какъ вы повѣрили сію коммисію книгопродавцу. Теперь прошу розыскать и поскорѣе увѣдомить меня, когда, чрезъ кого и кому адресованы въ Москву мои книги. Естьли вы послали къ *Селивановскому* 200, то я считаю со своими и съ Михайловыми въ полученіи всѣхъ 771 экз. Остается у васъ 223. За исключеніемъ Франц. перепл., отданнаго въ лавку, остальные всѣ пришлите уже ко мнѣ во Псковъ. Я скорѣе провожу ихъ въ Москву и не повѣрю уже книгопродавцу. А между тѣмъ я еще и за переплетъ денегъ не выручилъ. Вотъ каковы коммисіи! Кромѣ вашихъ распроданныхъ хозяинъ самъ сидитъ еще съ товаромъ, и требователямъ дать нечего. А вы мнѣ обѣщали уже и второе изданіе! Спасибо.

48.

От 21 Февраля 1819 (Псковъ).

Благодарю за письма отъ 12 и 15 Февраля; а особливо за каталоги академическихъ рукописей, отданные мною уже въ семинарію для списанія. Слѣдов., подлинники къ вамъ возвратятся.

Отъ 10 Февраля получилъ я отъ *Селивановскаго* еще письмо съ увѣдомленіемъ, что книгъ онъ не видитъ, и толкуетъ самымъ злымъ образомъ на счетъ плутней коммисіонеровъ. Зимніе-де мѣсяцы самые лучшіе для продажи книгъ, а Ростовская ярмарка послѣдній срокъ ея, и та упущена. Толкуйте вы это какъ хотите, лишь только растолкуйте, отъ чего это чудесное задержаніе моихъ книгъ и гдѣ онѣ? Мнѣ не нужно продавать ихъ ни въ лавкахъ, ни по ярмаркамъ, и потому спекуляціямъ коммисіонеровъ я не мѣшаю. Но они мнѣ безсовѣстно мѣшаютъ. Я писалъ уже вамъ, что естьли другіе 200 къ Селивановскому не отправлены, то бы отправить ко мнѣ; ибо я и первую посылку давно бы туда доставилъ. Но естьли и она уже отпущена прямо въ Москву, то вѣрно дойдетъ къ Августу; а я туда же отправлю поскорѣе полученныя мною отъ васъ, ибо у меня лежатъ безъ движенія. Безуспѣшность въ сбытіи съ рукъ напечатанныхъ уже экземпляровъ отнимаетъ у меня охоту пещись и о полномъ Словарѣ; а о

Польскихъ писателяхъ и думать не хочу: они составляютъ особую отъ Руской литературу. Довольно въ оправданіе мое и того, что они писали не въ Россіи. Иначе всѣхъ и Лифляндцевъ помѣщать надобно, да и многихъ Германцевъ.

Трудъ вашъ надъ библіотецкимъ каталогомъ не увидитъ конца, а *Ипатьевская лѣтопись* естьли и увидитъ, то не дождется изданія. Да скажите мнѣ, неужели пропалъ печатный каталогъ *Залузскаго*? Я видѣлъ его у покойнаго *Дубровскаго* въ малой листъ въ 4-хъ толстыхъ книгахъ. Это бы великая помощь для васъ.... *Френы* и ему подобные— вамъ участники только въ жалованьѣ, а не въ трудѣ.

Чтобы *Красовскій* открылъ оригинальную рукопись св. муч. Памфила III в., этому ни я, ни весь свѣтъ не повѣритъ. Іеронимъ, въ IV в., сыскавши въ Александрійской библіотекѣ рукопись Памфилову, такъ обрадовался, что назвалъ ее Крезовымъ сокровищемъ. А Памфилъ былъ только переписчикъ книгъ и своего, кромѣ *Апологетики Оригену*, ничего не писалъ. Я думаю, главное доказательство Красовскаго оригинальности сей рукописи то, что она обожжена и вѣрно въ Александрійской библ., сожженной Омаромъ.

Подѣлòмъ *Розенкамфу* Царскосельскій критикъ. Смотря на него, осмѣлятся еще болѣе прикрикнуть на него компиляторы нашихъ законовъ, нынѣ къ счастію очень умножившіеся. Иностранцы этого не могутъ, но статью изъ Сына Отеч. переведутъ и ослабятъ кредитъ его.

Счастье *Городчанинову* съ своимъ пустословіемъ о Боалѣ. Но въ Сибири Петербургская и маклатура въ чести.

Отъ *Соколова* не получалъ еще я 4 т. Академич. Словаря. А вамъ конца его дожиться не надо для своего Польско-Русскаго Словаря, который и вы кончите ли за многодѣліемъ, Богъ вѣсть. Но это было бы вамъ прибыльнѣе Ипатьевщины и библіотетчины, да и для словесниковъ полезнѣе. На прошлой недѣлѣ одинъ Сербъ, проѣхавшій чрезъ Псковъ въ Петербургъ, показалъ мнѣ сочиненный имъ и напечатанный Српски ріечникъ, издао Вукъ Стефановичъ in 8", 928 pag.

Спасибо за попеченіе о дополненіи мнѣ книжекъ *С. П. Б. Чтенія любителей Р. слова*. Но нельзя ли чрезъ васъ достать продолженіе и журнала *Объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія*? *Соколову* въ добрый часъ переводить Ливія, лишь бы не такъ, какъ изуродованъ Тацитъ французщиною.

Не вѣрю и я *Оленину* мнѣнію, что будто Рускихъ книгъ 20.000. Они умножаться стали только съ заведенія вольныхъ типографій, съ 1783 г., а до того едва ли было ихъ гражданскихъ 500.

Поздравляю съ полученіемъ первой платы отъ *канцлера* за *ипатьевщину*. Но на первую подачку не льститесь. Все можетъ пре-

кратиться. У *канцлера* охоты много, но скоро и остываетъ. Пусть хотя издастъ *2 ч. Софійской лѣтописи*; хотя и безтолково, она у меня списана въ Новгородѣ. 2-й т. Граммать Государственныхъ отпечатанъ, но еще нѣкоторые листы перепечатываютъ, какъ пишетъ мнѣ *Малиновскій.*

Получилъ я и 1-й № Соревнователя, но еще не читалъ. А взглянулъ только на *Кеппеновъ* каталогъ. Тутъ всякій вздоръ пуще *Селліева.* По крайней мѣрѣ указатель для охотниковъ. Жаль только, что начатъ не съ древнѣйшихъ. Надобно бы начать съ Византійскихъ, потомъ съ Персидскихъ, Папскихъ и Татарскихъ. Впрочемъ статья сія достойна быть издана особою книжкою. Цѣлой годовой журналъ не всякъ въ состояніи купить.

Проектъ новыхъ таможенъ есть вѣрно проектъ новыхъ финансовъ чрезъ откупъ. Панглосъ сказалъ: все къ лучшему.

P. S. Въ Академич. вѣдомостяхъ сего года № 7, Генваря 24 и въ слѣд. публиковано, что я вошелъ по ордену Св. Анны въ командоры. Хочется знать, *на какой пенсіонъ?* У васъ, кажется, есть знакомые въ Капитулѣ. Прошу узнать и увѣдомить меня, и съ котораго времени?

49.

От 4 Марта 1819 (Псковъ).

...Изъ продолженія вашихъ трудовъ библіотецкихъ и упрямства директора очевидно только продолженіе вамъ каторги, и притомъ, какъ самъ директоръ признаётся, не для употребленія и пользы публики, но только для послушанія начальству. За чтó же послѣ сего награждать слѣдуетъ? Но права въ Россіи древняя боярская пословица: *Не дѣлай своего хорошаго, а дѣлай мое и дурное.* А въ вашъ дурной каталогъ дѣйствительно нечего будетъ заглядывать и посѣтителямъ, ибо по немъ себѣ потребнаго не скоро доищутся. А индексовъ на авторовъ, поелику они послѣ всего каталога должны будутъ дѣлаться, и никогда Россія не дождется.

Другая каторга ваша *Ипатьевская*, кажется, также безконечна. Естьли не за вами, то за многодѣльнымъ *Кругомъ* будетъ остановка. Чужое ревизовать исправно почти столько жъ трудно, какъ и свое дѣлать; да и безъ личныхъ объясненій обойтись нельзя. А Нѣмцы скупы на время.

Третья *Розенкампфинская* каторга будетъ, кажется, также безконечна. Царскосельское нападеніе въ *Сынѣ Отеч.* (который я получаю по подпискѣ) очень дѣльно. *Куницынъ* правъ, что Кормчая у насъ не вышла изъ употребленія и въ гражданскихъ судахъ, особливо по статьямъ о

наслѣдствѣ, а еще болѣе по приданому, хотя много изъ нея внесено по сей части и въ Уложеніе и въ новоуказныя статьи. Гражданскія палаты и самъ Сенатъ яснѣе выписывають изъ нея статьи, слишкомъ запутанныя новоуказными статьями.

Ваша правда, что естьли бы *Чулкова* Словарь повѣрили, поправили и дополнили, то онъ былъ бы наилучшею библіотекою законовъ и полезнѣе вашего свода, коему не сведется конца. Нашимъ безсистемнымъ еще юристамъ понятнѣе хронологическій порядокъ законовъ и сводъ ихъ въ словарѣ, нежели системная генерализація, которая дѣлаетъ только теоретиковъ, а не практиковъ. Individua лучше научають, нежели species et genera, пригодныя только для диссертацій.

Безакъ, давно извѣстный спекуляторъ въ юридическихъ правахъ, самъ великій интересанъ въ собственныхъ дѣлахъ. У него собственностію почитаются только деньги, а прочее все ничье. Естьли бы онъ былъ богатый помѣщикъ, то не защищалъ бы грамотейной Ланкастерской системы, производящей чтецовъ, а не работниковъ; а чѣмъ болѣе умножается первыхъ, тѣмъ меньше становится послѣднихъ. Но революціонерамъ нужнѣе первые, нежели послѣдніе.

Въ Вѣстн. Европы Кіевскую (якобы) статью на *Карамзина* читалъ я. Это не Кіевлянинъ, а самъ *Каченовскій* площаднымъ образомъ и подлымъ хрипитъ на исторіографа. Первому хочется безсмертія вмѣстѣ съ послѣднимъ, и они его получатъ, какъ Зоилъ съ Гомеромъ за свои шиканства; а послѣдній вѣрно не удостоитъ его и отвѣта, и это лучше.

Пусть и *Глазуновъ* надсѣдается надъ изданіемъ своимъ Церковнаго Словаря Петра *Алексѣева* въ укоръ Московскому. Но NB въ Московскомъ выключены всѣ дерзкіе и безразсудные толки автора, бывшаго вольнодумцемъ въ нашемъ чину, и сего довольно для отличія обоихъ изданій.

Получилъ я отъ *Соколова* и 3-ю ч. Академич. Словаря, и 6-ю кн. Извѣстій Академическихъ, и актъ 5 Дек. Онъ мнѣ довольно знакомъ; но по вашему названію его унтеръ-библіотекаремъ я отгадать его не могъ. Прилагаю при семъ благодарственный отвѣтъ ему. Прошу отослать.

Статью *Кеппена* о источникахъ Руской исторіи все еще не удосуживался прочитать я со вниманіемъ; но кое-гдѣ замѣтилъ уже ложныя его ссылки.

Одолжите меня біографіею *Ушакова и Орлова*, такъ какъ и извѣстіемъ о кончинѣ Подольскаго *Іоанникія*.

Любопытную доставили вы мнѣ выписку изъ *Грабишиха* о названіи Слав. буквъ. Но Грабишихъ издалъ это въ 1776 г., а нашъ *Третьяковскій* также толковалъ ихъ еще въ 1748 г. въ *Разговорѣ объ ортографіи*. Итакъ Богъ знаетъ, кто у кого списалъ сей толкъ. А онъ правдо-

подобенъ, кромѣ этимологіи св. Вита. Нашъ *Третьяковскій* толковалъ ego Deus Vitus; но *азъ буквы вѣдый глаголю* и проч.,—это складнѣе. Витъ или Святовидъ, описываемый у *Саксона* и у Гельмольда съ изображеніемъ самаго идола, едва ли былъ при Кириллѣ и Меѳодіѣ, изобрѣтшихъ наши буквы. По крайней мѣрѣ имъ не было нужды включать сего Рюгенскаго божка въ свою азбуку. Dice littera fortiter—по *Третьяковскому рцы (р) слово твердо.* Нашъ толкъ азбуки гораздо складнѣе, нежели догадливой Іеронимовъ для Еврейской.

За симъ вамъ и коммисіи. Въ 14-мъ № Академич. Вѣдомостей на с. 148 публикована у фактора Акад. Художествъ книга: *Зеркало внутр. человѣка,* даваемая gratis имѣющимъ билетъ на *Сіонскій* покойный *Вѣстникъ;* ergo и мнѣ принадлежитъ. Прошу взять и *Михайлову* отдать для пересылки.—Еще публикована чья-то книжка: *Жизнь Моск. митр. Платона.* Загляните въ нее, не изъ нашего ли Словаря выкрадена? Или нѣтъ ли чего въ ней лишняго?

Въ прошловъ году въ Академ. Вѣдомостяхъ, № 81 с. 928, публикована L'art de vérifier les dates in 8, 4 t., 36 р. Чтó это новое ли изданіе? Съ прибавленіями ли и поправками? И полное ли?

P. S. Сейчасъ получилъ я ваше письмо еще отъ 1 Марта; но отвѣчать подробно не удосуживаюсь, а спрашиваю только, кого вы разумѣете *Пензенскимъ покаянникомъ,* ѣдущимъ якобы въ Петербургъ и почему? Ибо я ничего сего не знаю. А изъ указа вижу только, что Пензенскій владыка уволенъ съ пенсіею по 1000 р. по просьбѣ его. Но онъ ли этотъ *покаянникъ* или кто другой, не отгадываю.

50.

От̃ъ 11 Марта 1819 (Псковъ).

Отвѣчаю на письма ваши отъ 1 и 5 Марта. Благодарю за участіе въ данной отъ меня Муханову коммисіи о медиц. книгахъ и за пріисканіе оныхъ, такъ какъ и за обѣщаніе поскорѣе мнѣ ихъ выслать. А я между тѣмъ и еще прибавлю къ нимъ *Домашній лѣчебникъ Чулкова,* который прошу также купить, дабы счету дошло до 100 р. для круглой пересылки денегъ. Хотя сей словарь и не конченъ, но много въ немъ хорошаго. *Римерову фармакопеишку* я получилъ.

Хотя на послѣднемъ вашемъ библіотецкомъ засѣданіи съ радостью и выставленъ былъ въ примѣръ пятитомный Вѣнскій каталогъ, но лѣнивый лѣнивому не извинитель. Библіографія нынѣ уже систематическая наука, а не голой реестръ. *Сопикову* книгопродавцу сіе было простительно, но и онъ хотѣлъ пріобщить систематическое указаніе. А вамъ ученымъ стыдно причисляться къ цеху книгопродавцевъ, особли-

во при такой многочисленной на всѣ предметы библіотекѣ. Но, видно, вамъ директора не переспорить, и по его плану работать должно.

Наконецъ я имѣлъ уже досугъ прочитать неспѣшно всю первую книжку *Соревнователя.* Тутъ одна только статья *О матеріалахъ для исторіи просв. Россіи* достойна любопытства. Напрасно вы по первому моему бѣглому взгляду замѣтили, что будто я ею недоволенъ. Я только замѣтилъ тогда, что въ ней недостаетъ древнѣйшихъ указаній. И теперь замѣчаю, что въ Фабриціевѣ предисловіи къ книгѣ Morhofii Polyhistor Litterarius указаны изъ новѣйшихъ журналовъ старѣе Journal de Scavans, здѣсь выставленномъ первымъ (с. 72); что каталогъ рукописей Греч. Синод. библіотеки, въ Академіи Наукъ находящійся, Самуиловыхъ временъ, а не Колевыхъ и Вольфіевыхъ (с. 80); что сочинитель Словаря о дух. писателяхъ указалъ погрѣшность не Маттееву, а самой синодальной рукописи (с. 81); что Сухановъ нѣкоторыя только важнѣйшія рукописи Греческ. и другія закупилъ на Востокѣ, а прочія были тамъ и до него (с. 81); что ludi litterarii значитъ просто школы, а не диспуты (с. 107); что въ хронологич. порядкѣ пропущена Древ. Росс. Вивліоѳика изд. 1-е 1772—1774, и 2-е 1788—1791. Вотъ пока мои замѣчанія на превосходную и единственную статью первой книжки! Прочія не стоятъ и замѣчанія, и напр. романъ (по признанію самихъ издателей), а не исторія о *Хмельницкомъ*, и притомъ лучше изданный въ Украинскомъ Вѣстникѣ, но неоконченный; а этотъ и *Глинкою* также начатый и въ Соревнователя для докончанія ввязанный. Илецкая поѣздка лучше могла бы выписана быть изъ Щекатова Словаря. *Бокачіево* описаніе Флорент. язвы давно и на Рускомъ извѣстно, а тутъ только упражненіе переводчику. О стихахъ боюсь и судить. А иностранная словесность слишкомъ лѣниво выписана и почти ничему насъ не научаетъ. Dimidium coepsi, qui bene coepit, habet *). А напротивъ, что примачиваго впредъ для читателей? Но это пишу вамъ не для публикаціи. Авторство самолюбиво. А вы сами требовали отъ меня себѣ мнѣнія о сей книжкѣ. Иначе впредъ буду отзываться недосугомъ.

Herbinii, de religiosis Kiewensium cryptis книга мнѣ извѣстна. На нее-то нашъ Прокоповичъ писалъ свою книгу *О нетлѣніи мощей Печерскихъ.*

Благодарю за записку о началѣ и цѣнѣ моего командорства. Полное цѣнится въ 800 р., а это, видно, секундантство или терціанство. Но и то лучше нежели ничего за 13 лѣтъ.

Вы говорите, что *Иннокентія* отстаивали отъ посылки въ Оренбургъ. Почему же *Старорускаго* настаивали туда послать, естьли бы *Аракчеевъ* не отстоялъ? А будто больше стоитъ первой, нежели второй? И тутъ все пристрастіе временщиковъ.

*) Ты взялъ половину; кто хорошо взялъ тотъ имѣетъ.

Когда посвященъ будетъ *Каменскій* въ архимандрита въ Пекинъ, то прошу меня увѣдомить. Этотъ архимандритъ будетъ полезнѣе всѣхъ прежнихъ миссіонеровъ нашихъ, которыхъ туда посылали съ одною латынью, а иныхъ и безъ того съ одною шапкою. Эта миссія только титулярная.

По коммисіи вашей опять новыя затѣи еще на *критическій журналъ*. Легче начинать, нежели оканчивать. Но отъ всѣхъ не отбранятся. Дешевлѣ бы все это печатать у *Греча* въ журналѣ, и чрезъ него извѣстнѣе бы сдѣлалось публикѣ. Но, можетъ быть, этого-то и не хотятъ.

Читалъ я и вторую вылазку *Каченовскаго* на *Карамзина* изъ за Тацита. Характеристику сего историка немудрено выписать изъ *Аміота*, *Лагарта* и др. Но мы все еще не слышимъ, что̀ сказано будетъ о Руской исторіи. Тутъ кстати Марціалова эпиграмма на адвоката Lib. VI, epigr. 19. Читалъ и *Кругову* выкличку на Матренинскую монету. Нѣмцы любятъ себѣ присвоять чужое.

Говорятъ, что, сверхъ возвышенной почтовой таксы, на вѣсъ прибавится еще лажіо и на пересылку ассигнацій вдвое. Все не легче.

Вы думаете уже промѣнять мѣсто свое на Иностранну̀ю Коллегію. Но тамъ все секретное, и вамъ меньше будетъ дѣла, нежели теперь. За то, думаю, жалованья больше.

Книгъ медицинскихъ, мною означенныхъ, всѣхъ буду ждать отъ васъ, и надѣюсь скорѣе, нежели словарей.

По знакомству вашему съ синодскими прошу писать мнѣ побольше синодскихъ новостей, которыхъ я ни отъ кого не получаю.

51.

Отъ 26 Марта 1819 (Псковъ).

На письма ваши отъ 12 и 15 Марта, вмѣстѣ мною полученныя, вмѣстѣ и мой отвѣтъ. Спасибо и за счетъ, котораго я еще не разсматривалъ, и за Uklad Towarzystwa, котораго листка три я прочиталъ. О первомъ ничего еще не скажу; а другой, по вашему опытному сужденію, хотя и не чистъ, но для меня вразумительнѣе чистыхъ, замашистыхъ Французско-польскихъ книгъ, на которыя нѣкогда вамъ я уже жаловался. Естьли дождемся, когда Поляки научатся Рус. языку, то будутъ для насъ понятнѣе писать и на своемъ. Одинъ Петерб. книгопродавецъ, бывшій съ Рус. книгами и довольно прибыльно торговавшій въ Вильнѣ, сказывалъ, что всякій покупщикъ неотступно спрашивалъ и просилъ Польско-русскаго словаря. Значитъ, что есть охота, но нѣтъ

средствъ. А вы и не принимаетесь за свой словарь, потѣя только надъ безполезною *ипатьевщиною* и библіотчиною, коимъ конца не будетъ.

Спасибо и за обѣщаніе неполученныхъ еще мною *Кеппеновой* библіографіи, *Платоновой біографіи*, 43 № О успѣхахъ просвѣщенія и темнаго Зеркала внутр. человѣка. А комплектованія *бесѣднаго чтенія*, думаю, не дождуся скоро. Черезъ 10 лѣтъ это будетъ уже ненаходная рѣдкость. *Гречево* ругательство Платоновой біографіи я читалъ, но лучше увижу по книгѣ. Жаль, что *Кеппенъ* заболѣлъ, отъ труда-ли надъ библіографіею, или отъ досады на антикритику *Баранову*. Лучше бы молчать, какъ и вы въ семъ со мною согласны. Овидій сказалъ: causa patrocinio non bona pejor erit*). На справедливую критику лучшій отвѣтъ—исправиться, а на лживую—и болѣе не смотрѣть. Я одобряю въ этомъ *Карамзина*, который никогда никому не отвѣчалъ. *Каченовскій* обѣщаетъ тоже окончаніе своей брюзгливости. Да и намъ читателямъ какая польза въ его защитѣ Ѳукидиду, Ливію и Тациту? Скажи что нибудь противъ Рус. исторіи.

Естьли объ *Ушаковѣ Гречъ*, а объ *Орловѣ* соревнователи что нибудь напишутъ, то и я воспользуюсь. Покойный *Орловъ* и мнѣ прислалъ свой Духъ Росс. Государей, рекомендуя для епархіи; но я самъ его не читалъ, а мимоходомъ по мѣстамъ замѣтилъ, что весьма неосновательная и сбродная компиляція. Пусть ее читаютъ въ Ланкастерскихъ школахъ. *Витійствуютъ Урании въ школахъ*, сказалъ *Державинъ*.

Такъ точно и преосв. *Августинъ* отъиде ко отцамъ нашимъ, и одинъ годъ только титуловался Московскимъ. Не достанете ли вы мнѣ изъ Синода его послужнаго списка? Ученье его я все помню, ибо въ одно время были мы въ Академіи, а онъ только однимъ классомъ шелъ выше меня. Для Латинской поэзіи былъ онъ преспособный и всегда твердилъ Овидія, коему и въ плавныхъ стихахъ весьма удачно подражалъ. Его много печатныхъ Лат. стихотвореній Платону, который это любилъ. Впрочемъ, ни къ чему другому не имѣлъ охоты. Даже кромѣ Латинскаго не учился никакому другому языку. Послѣ уже самъ жалѣлъ. Я лучше и вѣрнѣе васъ угадаю, что мѣсто его достанется Тверскому, а Тверское Ревельскому со всѣми прочими принадлежностьми.

Охота вамъ счерчивать Памфилову именуемую рукопись, когда сами же вы не находите ее сходною съ Монфоконовою. У меня при Гаттереровой Дипломатикѣ много такихъ списковъ съ манускриптовъ и азбукъ разныхъ вѣковъ. Намъ нужнѣе распознаваніе Рускихъ рукописей.

---

*) Неосновательный доводъ будетъ хуже, чѣмъ оборона.

Покаянника Пензенскаго теперь я знаю, но прежде отгадать не могъ. Вѣрно *графъ Ар.* его тянетъ. А ему, я знаю, не хочется. Въ Пензѣ, какъ и вездѣ, спокойнѣе Питера. *О Магницкомъ* читалъ я въ газетахъ, только 5.000 десятинъ, а не аренду.

Я вѣрю, что естьли бы по библіотекѣ взялись вы за историч. статью, то больше бы и для себя и для меня нашли полезнаго. А въ богословской контроверсистикѣ, изъ вѣка въ вѣкъ только что повторяемой, чтò извлечь можно? Развѣ только исторію сектизма. Однакожъ вы довольно, 500 книгъ, уже описали. Едва ли другіе васъ догонятъ. Вы правду говорите, что со временемъ жизни недостанетъ прочесть и одни каталоги книгъ. Но отъ множества ихъ люди не будутъ умнѣе; древніе меньше читали, но тверже разсуждали. Хорошее правило для учащихся сказалъ Плиній: non multa, *) sed multum.

Естьли уже видѣли вы *раввина 12 языковъ* восточныхъ, то опишите мнѣ его подробнѣе. Это феноменъ между лингвистами. Но кто можетъ судить его въ 12 восточныхъ языкахъ? Легко можно и намъ сказать, что знаемъ 12 Американскихъ и Африканскихъ языковъ, которыхъ у насъ никто не знаетъ. Любопытна будетъ и Китайская карта. Я купилъ ее. Всѣ Азіятскія карты, такъ какъ и Африканская, кажется, издаются для комплету только въ атласахъ, а опровергать некому.

Наконецъ получилъ я отъ *канцлера* и Рускія стихотворенія, и Судебникъ, и Богемскую поэму Rukopis Kralodvorsky XIII или XIV в., напеч. въ Прагѣ 1819. Языкъ очень близокъ къ Славенскому нашему и почти вездѣ мнѣ понятенъ. На концѣ припечатанъ и словарикъ устарѣлыхъ словъ.... Нынѣшняго Богемскаго и Сербскаго не такъ легко понимать. Ему это привезъ Сербъ *Вукъ* и поднесъ вмѣстѣ свой Словарь. Изданіе Судебника и Древнихъ стихотвореній прекрасное, подлинно-графское. Я нашелъ въ здѣшней библіотекѣ *Шульцову* Индостанскую грамматику на Лат. напеч. Hallae Saxonum 1735, in 4-to. Вотъ и у насъ есть санскритчина.

52.

28 Марта 1819 (Псковъ).

Намѣреніе ваше издавать журнальныя статьи въ Соревнователѣ прекрасное и преполезное. Много сокровища въ журналахъ, но оно забыто. Нужно указать любопытнымъ. Второй книжки Соревнователя я еще не прочиталъ, а потому и не могу еще доставить вамъ о ней моего мнѣнія. Даже не успѣлъ еще разсмотрѣть и сличить вашего счета, а книги Польской Діеты я на свой счетъ не приму. Раза три принимался я ее читать, но не имѣлъ терпѣнія и половины прочитать сего пустомельнаго краснобайства. Отдалъ ее одному Витебскому помѣщи-

*) Не многое, но много.

ку; не полюбится ли тамошнимъ полуполякамъ, и тогда съ нихъ деньги взыщемъ.

Директорской вашей системы каталожской у меня нѣтъ. Одолжите сообщеніемъ. Путаницѣ въ вашемъ каталогостроеніи не будетъ конца. Тутъ смѣшаете фоліанты съ квартанами и октанами. Неужели и *Болтина* приставите вы къ Французу *Леклерку*? Но къ Пасхѣ едва ли что успѣете издать.

Синодскихъ вѣстей я прошу у васъ трехъ родовъ: 1) о смертяхъ и передвижкѣ архіереевъ; 2) таковыхъ же о настоятеляхъ первоклассныхъ монастырей и другихъ знатнѣйшихъ; 3) о важнѣйшихъ дѣлахъ, вступающихъ въ Синодъ изъ епархій и отъ Государя. Много меня обяжете, когда хотя разъ въ недѣлю или въ двѣ помѣщать будете сіе въ своихъ письмахъ. Моя догадка о Московской епархіи и Тверской сбылась; но вы не такъ ее поняли. Комплиментъ *Ярославскому*, сдѣланный отъ новаго члена, довольно критическій. Богъ меня избавилъ отъ сего уничиженія, естьлибъ я былъ на мѣстѣ Ярославскаго. Вотъ почему я всегда отвращался отъ Петербурга. Теперь историку—митрополиту много на умѣ (sic). Цѣль видна уже, куда ведетъ. Въ добрый имъ часъ. Становиться въ параллель съ временщиками тяжело и унизительно. Но судьба и ихъ зависитъ отъ непредвидимаго случая. Я не могъ отгадать вашихъ словъ: «Валдай затмилъ бы луну для столицы, или солнце для луны».

Рецензію на книгу *Лобаржевскаго* я читалъ. Раболюбцы силятся оправдывать свое мнѣніе не во время. Слышно, и Лифляндцы прислали въ Петербургъ депутацію представить въ *убѣдительныхъ* причинахъ, что рабы несчастнѣе будутъ подъ земскимъ, нежели подъ господскимъ управленіемъ, защищающимъ ихъ отъ внѣшнихъ притѣсненій. Тутъ нельзя не вспомнить разговора волка съ хозяиномъ стада у *Княжнина*. Хозяинъ укорялъ волка хищничествомъ; а волкъ отвѣчалъ, что онъ доволенъ надолго и одною овечкою, но самъ хозяинъ и стрижетъ, и рѣжетъ цѣлое стадо. Увидимъ *розенкамфовщину* на *Куницына* въ *Сынѣ Отечества*; вѣрно и тотъ не замолчитъ.

Чтенія Бесѣды № 2 обѣ книжки у меня есть. Забавную сцену смиренномудрія или можетъ быть смиреннолукавія надъ старикомъ *Ярославскимъ* разсказали вы мнѣ. Естьли бы состоялось это прежде пріѣзду его, то сноснѣе было бы. Прошу наблюдать ходъ сего и меня увѣдомлять.

Естьли вашъ единственный каталогъ библіографіи напечатается къ Пасхѣ, то достаньте и мнѣ экземпляръ.

Я уже, кажется, писалъ вамъ, что отъ канцлера получилъ книги его изданія и проч.

Скажите, зачѣмъ *Кеппенъ* поѣхалъ на Кавказъ? Лѣчиться ли или глазѣть на *Прометеевъ* эшафотъ, чтобы послѣ разсказывать, что и онъ былъ на Кавказѣ?

Для чего же Петерб. университетъ выбралъ себѣ проректора, а не ректора? *Кукольникъ* стóитъ подлиннаго имени.

Московскій Университетъ перемѣнилъ своего ректора (моего учителя) Гейма на Антонскаго, покровительствуемаго министромъ. Больше писать нечего и не успѣваю.

P. S. Еще прошу купить и прислать мнѣ 2-й т. *Иннокентіевой* Церковной Исторіи, да новое изданіе *Филаретовой* Библейской исторіи, недавно публикованной. Ямщикъ нашъ пока у васъ.

53.

31 Марта 1819 (Псковъ).

Увѣдомляю васъ, что я чрезъ Михайлова получилъ и *Бухана,* и *Еллизена*, и *Пекена* и прочую врачебную сволочь, а также біографію *Платонову*, во всемъ лживо увеличенную, странное Зеркало внутренняго человѣка, преполезную *Кеппенову* книгу, №: 42 и 43 О успѣхахъ просвѣщенія, 8 книжекъ Чтенія Бесѣды и annonce *) *бароновъ*. Но всего этого не успѣлъ я еще осмотрѣть, кромѣ *Платоновой* біографіи, о коей послѣ скажу вамъ мои замѣчанія. Получилъ и отъ *П. И. Кеппена* письмо, и потому надобно для отвѣта хотя наскоро пробѣжать его книжку. А объ annonce развѣ на Пасхѣ отвѣтъ мой съ благодарностію *барону* получите. Я даже не читалъ еще и отвѣтъ его *Куницыну* въ С. О. Не знаю, чтó именно *Зерновъ* критикуетъ въ предисловіи къ новому Судебнику. Не вѣрю только письменнымъ законамъ при *Олегѣ* и *Игорѣ*. Выписка ваша изъ епистоліи *Ходаковскаго* для меня очень любопытна, и я вамъ много за нее благодарю. Но надобно имѣть досугъ, чтобы сличить и разсмотрѣть ее точнѣе съ картою *Карамзина* и *Шлецера*. Тогда скажу вамъ и мое мнѣніе.

Теперь вотъ вамъ пакетъ на имя гр. Д. И. *Хвостова*. Тутъ вложенъ подлинникъ письма *Ѳ. Прокоповича*, который вызвался онъ оттиснуть литографически и мнѣ возвратить. А васъ прошу надзирать, чтобы онъ отъ разсѣянности не запропастилъ его и вѣрно мнѣ возвратилъ съ оттисками.

Вотъ и *Кеппену* письмо съ посылкою *Селліева* каталога, который получите отъ Михайлова. А другую книгу Польскую вамъ въ подарокъ на праздникъ посылаю. Больше писать не успѣваю.

---

*) Объявленіе.

54.

7 Апрѣля 1819 (Псковъ).

Вчера кончилъ я и страстныя и праздничныя свои хлопоты и послѣ обѣдни получилъ вмѣстѣ два письма ваши отъ 29 Марта и 2 Апр. Теперь, нѣсколько отдохнувъ, принимаюсь отвѣчать на нихъ какъ послѣ угару. А вы и предъ праздникомъ работали надъ алфавитами коммисскими. Прескучное занятіе. Но естьли сею кучею книгъ наградите вы всѣхъ нашихъ прокуроровъ, то умножите только ябеды, ибо прокуроры всегда въ противоположности присутственнымъ мѣстамъ. А отвѣта коммисскаго *Куницыну* я все еще не читалъ въ С. О.

Такъ точно многоплоднаго, многовздорнаго, безвѣрнаго и безморальнаго въ учености *Коцебу* убили ученые же, но не на благородномъ поединкѣ, а разбойнически. Въ Гамбургскомъ Корреспондентѣ подробно это описано. Вотъ плодъ либеральныхъ нынѣшнихъ идей! О вызовѣ *Стурдзы* на поединокъ и объ Американскомъ праздникѣ во Франціи съ тоастами также подробно описано въ Корреспондентѣ. Кажется, Франція какъ Везувій сильно клокочетъ и готовится опять къ изверженію на весь свѣтъ ужасной лавы.

На устроеніе Петерб. Университета, сказываютъ, назначено $2^1/_2$ милл. р.; но получать ли настолько пользы? Въ Петербургѣ такъ много корпусовъ, институтовъ, лицеевъ, училищъ и пансіоновъ, что едва ли останутся лишніе ученики для университета; развѣ по вашему гаданію грабить зачнутъ семинаріи. Но когда же мы заведемъ у себя ученое духовенство? А неученыхъ поповъ въ нынѣшнемъ ученомъ свѣтѣ стыдно намъ уже и посвящать.

Каразинъ и ко мнѣ не пишетъ. А Украинскаго Вѣстника я не имѣю и потому не слышу и велерѣчиваго гласа его.

И такъ вы были у *канцлера* и награждены отъ него новыми его изданіями. А вторая часть грамматъ видно не скоро выйдетъ, когда станутъ припечатывать къ ней и почерки, и реестры словъ. Но сіи прибавленія дѣйствительно полезны: голый текстъ старинныхъ актовъ не многимъ внятенъ. За совѣтъ вашъ и *барону* присовокупить реестры къ сводной его кучѣ книгъ обязаны вамъ будутъ всѣ получающіе книги сіи. Весьма желательно, чтобы *баронъ* скорѣе издалъ свою *Рускую Правду* съ примѣчаніями. Для Нѣмцевъ перевелъ уже ее *Эверсъ* и напечаталъ... А бароново изданіе съ примѣчаніями будетъ полезнѣе, естьли онъ побольше сведетъ ее съ сѣверными законами. Это его профессія.

Догадка *канцлера* о сочинителѣ Діоптры, бывшемъ въ Смоленскѣ, слишкомъ затѣйлива. Развѣ переводчикъ или переписчикъ тамъ былъ.

Но когда вы подробнѣе разыщете о сей книгѣ и сведете подлинникъ съ изданіемъ, то пожалуйте увѣдомьте меня обо всемъ обстоятельно; а я между тѣмъ справлюсь и съ Фабриціемъ. Книги Діоптры у меня нѣтъ, и я не видалъ даже ея. Ваши разысканія внесу я въ свой Словарь подъ имя переводчика *Виталія.*

О формулярномъ спискѣ преосв. *Августина* уже не заботьтесь: я досталъ оный.

Пензенскаго владыки бывшаго *Аѳанасія* поступокъ, вами описанный, мнѣ неизвѣстенъ, да и не вѣрю сему: въ немъ нѣтъ столько духу, чтобы на это рѣшиться. А за слабость давно предлагали уже ему отставку и для того дали полный пенсіонъ; иначе не дали бы.

О *Сперанскомъ* читалъ я уже и въ Сѣверной Почтѣ. Вѣрно онъ неохотно приметъ сію новую должность, какъ и въ Петербургъ возвращаться не охотился; да и боялись враги увидѣть возвратъ его; а потому, думаю, они же сбыли его въ Сибирь, которая однакожъ счастлива будетъ его управленіемъ.

Канцлеръ дѣйствительно спрашиваетъ меня объ оріентальныхъ рукописяхъ во Псковѣ; но ихъ у насъ нѣтъ.

Пожалуйте пришлите мнѣ, хотя для списанія, каталогъ академическихъ рукописей духовныхъ; прежнія списаны у меня и готовы уже къ возвращенію вамъ.

55.

22 Апрѣля 1819 (Псковъ).

Теперь, послѣ праздничныхъ суетъ, досталось мнѣ обстоятельно отвѣчать на четыре ваши письма отъ 5, 9, 12 и 16 Апрѣля. И во первыхъ благодарю за росписку доставленныхъ послѣднихъ книгъ Селивановскому. Но зимніе обозы уже опущены. Спасибо и за праздничныя поздравленія, а еще болѣе за описаніе двухъ изданій *Діоптры.* Все, что́ написано о ней у *Фабриція* и у *Кава*, я нашелъ и самъ до полученія еще письма вашего. Теперь пожалуйте сличите изданія тѣ съ новѣйшими Рускими и также обстоятельно увѣдомьте меня. Виталія помѣщу я теперь и въ свой Словарь съ описаніемъ и книги подлинной, и переводной. *Дубенскій монастырь*, думаю, разумѣть должно въ Волынскомъ городкѣ Дубнѣ, а не тотъ, который помѣщенъ въ Исторіи Іерархіи; въ Волынской Дубнѣ и нынѣ есть монастырь (см. Географическій Словарь Щекатова).

Журнала *Благонамѣреннаго* я не читаю, а потому и не знаю въ немъ *Каразинской* статьи о Китаѣ. Но долго еще имперія сія будетъ для Европы романическою страною. Что графу *Головкину* дано было на дорогу, все только выписано изъ *Б. Каменскаго* выписокъ о Китай-

скихъ сношеніяхъ въ огромной книгѣ, которую я читалъ и изъ нея всю почерпнулъ статью о *Пекинскомъ монастырѣ* во 2 ч. Исторіи Росс. Іерархіи. *Эверсъ* перевелъ уже ее и на Нѣмец. языкъ въ своемъ Sammlung Russischer Geschichte.

Итакъ вы Сербскаго *Вука* уже видѣли. Онъ мнѣ показался очень страннымъ. Пришелъ ко мнѣ на первой недѣлѣ поста въ Среду вечеромъ, въ 10 ч. ночи, и велѣлъ меня поднять съ постели. Первое слово его мнѣ, что ему нечѣмъ доѣхать до Петербурга; требовалъ у меня взаймы 150 р. Такой спросъ и въ такую пору, съ просонковъ еще, отъ человѣка неизвѣстнаго мнѣ показался очень нелѣпымъ, и я коротко отвѣчалъ ему, что о недостаткахъ на проѣздъ должно бы расчесться на мѣстѣ. А за показанный мнѣ имъ Словарь далъ ему 10 р. и возвратился на постель; а онъ пошелъ, что-то заворчавши. Всего свиданія нашего было не больше 5 минутъ; почему и не могъ я ничего въ немъ разсмотрѣть, ни даже распросить его, откуда онъ именно.

Проектъ о публичности *канцлерской* библіотеки никогда не сбудется. А проектъ графа С. П. о епархіальныхъ ландкартахъ у насъ ничего полезнаго не обѣщаетъ по неимѣнію еще и церковной статистики. Въ Петербургскихъ головахъ постоянно родятся проекты ефемерные и тотъ же часъ умираютъ. Вотъ и для университета назначенное обширное мѣсто перевернуто на дворецъ в. кн. *М. П.*; а чрезъ нѣсколько лѣтъ и университетъ за множествомъ корпусовъ и пр. сочтется ненужнымъ, такъ какъ предположено уже уничтожить и Казанскій Университетъ, обративъ его пока въ гимназію. Вотъ проектъ издать особо грамматы изъ *Исторіи Р. Іерархіи* также затѣйный. Кто покупать ихъ будетъ? Долго еще надобно дополнять и самую сію книгу. А вы еще взяли на себя бремя сводить судебники со своднымъ и съ Уложеніемъ!!! На сколько лѣтъ это станетъ? Ars longa, vita brevis*). Но умолчаніе въ предисловіи Судебника о сводномъ и я замѣтилъ промахомъ издателей. Впрочемъ, обширно писать о прежнихъ нашихъ судебникахъ и нечего было.

Спасибо за увѣдомленіе о командорскомъ пансіонѣ; какъ просить выдачи его? Я послалъ давно, еще въ Мартѣ, просьбу въ Капитулъ о переводѣ выдачи его во Псковъ и писалъ на простой бумагѣ, полагая, что, по извѣстному указу о писаніи просьбъ о жалованьи и на простой, примется и мое; но видно, ошибся, ибо отвѣта еще не имѣю. Прошу справиться и наставить меня, какъ написать.

Князь *Чарторижскій*, видно, дѣйствительно позавидовалъ *канцлеру* въ дипломатоманіи и хартоманіи. Но естьли сія страсть ему безпо-

---

*) Искусство продолжительно, жизнь коротка.

лезна, то полезна для потомства. Это лучше, чѣмъ Польская манія въ строеніи дворцевъ и мызъ. А *Нессельродово* изданіе описи *Бантышевой* безцѣнное сокровище будетъ для Россіи. Иностранцы давно имѣютъ у себя такія книги. А о изданіи нашихъ старинныхъ книгъ, тлѣющихъ въ архивахъ, или хотя о порядочной ихъ описи, либо выборѣ хотя коренныхъ Руско-славенскихъ словъ, долго еще Рускіе не подумаютъ. Трудъ сей и скученъ весьма. Легче журналы наполнять иностранщиною, нежели своею филологіею.—Прочиталъ я и 3-ю книжку Соревнователя, и все пустошь... *Гречъ* лучше всѣхъ исполняетъ свое дѣло.

Знаете ли? Вашъ парадоксистъ графъ *С. П.* производствомъ своимъ *погоста* отъ *радио* задалъ мнѣ любопытное изслѣдованіе. И вотъ оно: 1) Слово *погостъ* въ значеніи церкви съ кладбищемъ около ея—употребляется только по Псковск., Новгор. и Волог. губерніи и въ части Тверской, издревле принадлежавшей къ Новгороду. 2) Несторъ (Кенигсб., с. 52) говоритъ, что Ольга вел. кн. уставила погосты по Мстѣ и по всей землѣ *Новогородской*; а тогда Псковъ и Заволочье Вологодское были Новогородскіе. 3) Уставъ сей *Ольгинъ* былъ еще, по *Нестору*, до крещенія ея (хотя Четь-Минея ставитъ и послѣ); слѣдоват. церковныхъ погостовъ подъ симъ именемъ и разумѣть нельзя; 4) Слову *погостъ* я не нахожу корня въ Славенскомъ; ибо естьли бы производить и отъ гостей (купца) для обозначенія торговыхъ и ярморочныхъ мѣстъ, то и тутъ выдетъ корень Римскій, по древнему hostis, а по новѣйшему hospes; 5) у Грековъ Πάγος, у Римлянъ Pagus значило округъ волостей или селъ подсудныхъ одному начальству, и сей смыслъ приличнѣе всего *погостамъ*, распоряженнымъ *Ольгою*.

Книгъ вами для меня купленныхъ и между ими *ужасно драгоцѣнной Вильевой* Фармакопеи я еще не получалъ.

Спасибо вамъ за итоги писемъ Польскихъ королей и проч., въ вашей библіотафіи находящихся.

Теперь въ заключеніи примите вопросы: 1) Кто въ Син. председательствуетъ ? *Ф.* или *А?* 2) Что за прискорбіе *Оленину* по Академіи Художествъ и по Госуд. Совѣту? 3) Чѣмъ чревата какая-то, по вашему выраженію, *Козмо-Алектромахія?*

Естьли вы имѣете случай списать послужные списки архіереевъ, то спишите мнѣ: 1) митр. *Михаила* Новогор., 2) Казанскаго *Амвросія*, 3) Яросл. *Антонія*, 4) Тверскаго, нынѣ Моск., *Серафима*, 4) Черниг. *Симеона* и 5) Пенз. *Иннокентія*.

Чуръ новостей на пакетахъ не надписывать!

56.

29 Апрѣля 1819. (Псковъ).

На праздникахъ накопилось у меня столько писемъ, и привѣтственныхъ и дѣловыхъ, что о сю пору я отъ нихъ еще не отписался. Однакожъ, оставляя прочія, я отвѣчаю на ваши два письма отъ 19 и 28 Апрѣля. Получилъ я и 4 книги Pharmacopaeam, Опытъ библіографическаго каталога, 2-ю ч. Церк. Исторіи *(Иннокентія)* и Источникъ здравія. Первая совсѣмъ передѣлана на хвастовство и со многими прикрасными прибавками; но пожидовски оцѣнена для скорѣйшаго собранія дани съ полковыхъ лѣкарей и аптекарей сочинителемъ и безъ того богатымъ. 2-й еще не читалъ. 3-я прежалкая и превздорная во многихъ статьяхъ. 4-я давно мнѣ извѣстна. Библіотецкій вашъ Сангедримъ дѣйствительно жидовскій, и едва ли будетъ толкъ. Но естьли по сказанію *Раска* и Копенгагенская королевская библіотека еще не разобрана, то вамъ не стыдно. Спасибо вамъ за описаніе самого Раска, упражненій его и знаній. Это рѣдкій филологъ на рѣдкихъ языкахъ. На *Вуковы* мнѣнія о переводѣ *церковныхъ* книгъ на Болгарскій языкъ, о хожденіи Болгаровъ за Волгу, о древности ихъ пѣсеннаго языка и пр., я могъ бы вамъ много замѣтить; но некогда. Я считаю вообще все это парадоксами, кои трудно ему доказать. Но въ другое свободное время займусь этимъ и для того письмо ваше вложу въ его Словарь. А отъ васъ буду ждать конечнаго разрѣшенія о *Діоптрѣ*. Поздравляю васъ пріобрѣтеніемъ рѣдкихъ Рускихъ книгъ, изъ коихъ я имѣю только Треязычный лексиконъ, *Шафирово* разсужденіе о Шведской войнѣ и Большой Чертежъ. *Новиковой* Росс. Идрографіи я и не видалъ, а *Крестинину* Исторію Холмогоръ вскользь видѣлъ. Скажите мнѣ, что̀ въ сошномъ письмѣ значитъ *пол-пирога*, *четверть пирога* и пр., и какъ у васъ при сей книгѣ двѣ таблицы?

Спасибо *канцлеру* за его охотливость напечатать полный мой Словарь. Но ему это легче, нежели мнѣ его выправить и приготовить. У меня съ черна еще на перечерненье уже весь переписанъ. Но некогда заняться, да и Московскаго экземпляра о сю пору еще не получалъ отъ соннаго *Бекетова*. А вы напередъ уже готовите и реестры слишкомъ хлопотливые! Духовнымъ лицамъ названія должны остаться по именамъ, ибо у насъ необыкновенно названіе ихъ по прозвищамъ. Примѣръ *Леванды* малое исключеніе.

Спасибо за срисовку заглавія *канцлеровой* Діоптры. Я хотѣлъ было статью о Виталіѣ раскрасить описаніемъ оригинальной Діоптры; а теперь по вашему изслѣдованію выходитъ, что это совсѣмъ другая

Діоптра. По крайней мѣрѣ новѣйшія изданія Рускія не древняя ли Діоптра?

Итакъ, исполнилось давнее иностранцевъ и *Уварова* желаніе, чтобы въ Россіи открыть Азіатскую Академію или пока хотя департаментъ, существовавшій у насъ и давно при Иностранной Коллегіи для Азіатскихъ сосѣднихъ языковъ. Но будутъ ли отъ сего открытія плоды въ Россіи, неизвѣстно. Переводчиковъ легко можно имѣть и даже легче брать ихъ изъ самыхъ націй, нежели учить въ Петербургѣ; но для Азіатской Академіи этого мало. Ей надобно сличать языки, а для сего нужно одному знать всѣ или многіе. Каковъ же этотъ трудъ? А лишь выучится кто, то состарѣется и умретъ. Татарскихъ студентовъ въ Казани легко набрать; но Татарскій языкъ одинъ изъ безчисленныхъ въ Сибири. Казанскіе Татары не все даже понимаютъ у Кавказскихъ и Крымскихъ. Послалъ я къ *канцлеру* найденные въ бумагахъ *Симона Тодорскаго* два листа Татарскіе, писанные на шелковой бумагѣ съ золотомъ. Не знаю, прочтутъ ли ихъ ваши оріенталисты. А я гадаю, что это какія-нибудь очень древнія ханскія граматы. Чтó услышите, увѣдомьте меня. Между тѣми же бумагами нашелъ я очень много граммать Греческихъ, писемъ Латинскихъ, Нѣмецкихъ и даже Еврейскихъ, и много печатныхъ тетрадокъ на Индѣйскихъ нарѣчіяхъ; а между прочимъ и одну книгу печатную Іерониміанскими Глагольскими буквами, но безъ заглавія. Видно, покойникъ охотникъ былъ до тарабарщины. Все это гнило въ кладовой подъ соборною колокольнею.—*Раскoво* мнѣніе, что Татарскій языкъ сроденъ съ Финскимъ кажется столько же затѣйливо, какъ сходство Славенскаго съ Латинскимъ по подобію нѣкоторыхъ словъ. Что-то онъ найдетъ въ Индостанской санскритчинѣ, морочащей нынѣ филологовъ? Но чтобы Славенъ родина была въ Индостанѣ, то долго доказывать. Славене не Цыгане, которыхъ происхожденіе отъ Индѣйцевъ по языку очень казисто доказывалъ покойный *Грельманъ*, такъ что его мнѣніе даже почти вездѣ принято. Но намъ и не хотѣлось бы по цыгански происходить отъ Индѣйцевъ.

Читалъ я въ Сынѣ Отечествѣ и вторую выкличку *Куницына* на сводъ. Мое мнѣніе лучше не отвѣчать ему. Естьли бы и на первое не отвѣтствовали, то меньше было бы стыда; а *Куницыну* не было бы повода къ славѣ переспоривать цѣлую коммисію.

О паденіи Казанскаго Университета и я вамъ писалъ по извѣстію отъ Казанскаго владыки; но я не зналъ, что сему причиною *Яковкина* тиранство. *Городчаниновъ* лучше бы сдѣлалъ, естьли бы переселился въ Москву, а не въ Питеръ, гдѣ онъ будетъ въ числѣ цеховыхъ ученыхъ. Имъ всѣмъ обѣщаны пенсіоны. А въ Москвѣ съ ними дешевлѣ и скорѣе можно дополнять хотя лекціями въ пенсіонахъ.

Я вѣрю, что канцлеру вздохнулось при взглядѣ на живописное изданіе Аглинскаго путешествія къ полюсу. Агличане поспѣшнѣе и способнѣе насъ на такія изданія, хотя можетъ быть лучшія въ рисункахъ, нежели въ натурѣ. Но у насъ хотя бы и напечатать, то кто покупать будетъ?

Я согласенъ буду на вторичное изданіе *Разговоровъ о древн. Новогорода* и поправлю, а также и планъ отыщу; но онъ не слишкомъ древній, а только съ описью древнихъ улицъ очень сходный, и потому къ книгѣ годится. Естьли вы можете достать *Аделунговъ* отпечатокъ Корсунскихъ вратъ, то прошу доставить и мнѣ, ибо я не имѣю. Было у меня два рисунка; но одинъ оттягалъ покойный *Мусинъ-Пушкинъ*, а другой *Бантышъ-Каменскій*.

57.

13 Маія 1819 (Псковъ).

...*Библійскую исторію* получилъ я, и спасибо, но еще не пересматривалъ. *Кеппена* буду ждать; онъ вѣрно запасется всѣми книгами на путешествіе свое, начиная съ *Габлица* до *Сумарокова*. Съ нимъ потолкуемъ и о всѣхъ сихъ книгахъ, годны ли они путешественнику.

На васъ навалили и реестры къ коммискимъ сводамъ. Это самый механическій и неученый трудъ. Удивляюсь, какъ вы его приняли. Чрезъ сіе теряете время для чего нибудь лучшаго и полезнѣйшаго. Но, правда, и реестры сіи не только полезны, но и нужны. Сводъ безъ нихъ темная камера. Система для ума, а реестръ для ума и для памяти. Согласно съ *барономъ* и я думаю, что одинъ общій реестръ полезнѣе многихъ частныхъ, по коимъ хлопотно рыться.

Много спасибо за краткую выписку изъ формуляровъ архіерейскихъ. Объ *Иринеѣ Фальковскомъ* у меня есть собственноручная его біографич. записка, доставленная мнѣ покойнымъ *Бантышемъ* и довольно подробная до 1806 года. Изъ нея сокращеніе напечатано и въ *Другѣ Просвѣщенія*.

Руской переводъ Евангелій я получилъ отъ *министра*, разославшаго оный ко всѣмъ. Я не нашелъ тутъ того, что̀ вы называете *деретъ уши*; а кажется все осторожно и не слишкомъ отступлено отъ Славенскаго. Переводу *Филарета* тутъ только Іоанново Евангеліе, а прочія другихъ. Посланія будутъ труднѣе для переводчиковъ, да и темнѣе въ переводѣ. Но нужно и всей Библіи имѣть народный переводъ.

О *Павлучіѣ* Адеркасъ писалъ мнѣ, что онъ отрекся отъ поединка, хотя и вызываемъ былъ, и за то со стыдомъ отпущенъ немедленно въ Ригу, гдѣ утопившійся банкиръ не совсѣмъ разорилъ его; ибо онъ

до 20 т. имѣетъ доходу, а живетъ скупо, и слѣд., опять разбогатѣетъ скоро. Итальянцы великіе скупцы, какъ и Петръ I замѣтилъ.

О Діоптрѣ буду ждать вашего свода. Но почему же Виталій назвалъ свою переводомъ съ Греческаго?

Итакъ Казанскій Университетъ, безплодный, устоитъ? Можетъ быть, послѣ сей угрозы будетъ дѣятельнѣе. Но Казанскій владыка пишетъ, что тамъ всѣ Рускіе профессоры глупая шаверь, не знающая твердо и своихъ предметовъ. Жаль, что и Соревнователи наши разстраиваются. Молодые ученые надменнѣе старыхъ, но въ трудахъ не устойчивы.—О *Глинкиной* суворовщинѣ читалъ я хорошій отзывъ *Гречевъ*, видно по пристрастію. Ученымъ часто прилична бываетъ пословица: asinus asinum fricat *). А графъ *Хвостовъ* не способенъ издать *Суворовыхъ* писемъ.—*Карамзинъ* дѣйствительно, пока не высосетъ дипломатической выписки Бантышевой, не допуститъ издать ее.

Итакъ вы согласны со мною въ производствѣ *погоста* отъ Πάγος и Pagus. Но о Греч. Πάγος вамъ бы надлежало взглянуть не въ *Скапуловъ* Еллинск. лексиконъ, а въ *Дю-Канжовъ* и продолженіе онаго, Карпантьерово, medii aevi. Латинское же во всѣхъ лексиконахъ съ золотаго вѣка значитъ *округу*. О волхвахъ Ярославскихъ во всѣхъ лѣтописяхъ уже напечатано. Но это случилось уже послѣ христіанства. Въ Церковномъ Словарѣ *погостъ* неправильно протолкованъ только *кладбищемъ*. По Новг., Пск. и Волог. губерніямъ донынѣ погостами собственно называются села съ церквами, къ коимъ въ приходъ приписаны окружныя деревни.

Весьма бы хорошо вамъ *Метрику Польскую* изъ Сената перетащить въ коммисію свою. Но вы въ ней зароетесь надолго. А за *Бентковскимъ* далеко вамъ и съ *Розенкамфомъ* гнаться. Довольно, естьли бы хотя перевели его и прибавили дѣлаемый уже вами сводъ нашихъ Судебниковъ и Уложенья съ Польскими и Литовскими законами.

Что̀ за каталогъ *Плавильщикова*? Я бы желалъ его имѣть, естьли онъ можетъ быть полезенъ для моего Словаря, или хотя вашу выписку тѣхъ авторовъ, кои не показаны у *Сопикова*.

Итакъ *канцлера* вы, думаю, уже проводили. Находка его *Пролога* пергаминнаго не диковинка. Ихъ много пергаминныхъ и въ Патріаршей, и въ Новг. Соф. библ. Но естьли найденный писанъ дѣйствительно за 500 лѣтъ, то стоитъ описанія. Удостовѣриться можно по именамъ святыхъ, какъ и вы думаете. Книга сія очень древняя въ Руской церкви; но почему названа *Прологомъ*, не знаю. У Грековъ нѣтъ сего названія. Загляните въ Дюканжа. Объ *Ольгинѣ* крестѣ, якобы до днесь существующемъ въ Софійскомъ соборѣ, напечатано и въ Степ. Книгѣ,

*) Оселъ осла трётъ.

с. 25; можетъ быть, и онъ попался Полякамъ. Былъ и въ Псковѣ крестъ *Ольгинъ*, но сгорѣлъ въ 1509 году якобы.

Естьли вашъ пріятель Соколовъ, убившій себя, имѣлъ столько достоинствъ, то жена вдвое виновата. Но не правъ за малодушіе и покойникъ.

Замѣтилъ и я въ 7 № Вѣстника Европы пулю на мистиковъ; но они еще сильны и фанатизма своего не уменьшаютъ; во мщеніи же непримиримы. Итакъ надобно *Каченовскому* бояться *Лабзина*. Въ Москвѣ бывалъ въ модѣ индефферентизмъ, потомъ безбожный философизмъ, а нынѣ суевѣрный мистицизмъ. Вотъ какъ mundus regitur opinionibus *).

Похвалился я вамъ, что въ бумагахъ покойнаго *Симона Тодорскаго* нашелъ книгу Іеронимiанской или Иллирической *Глаголитской азбуки*. Но сведши ее съ азбукою у *Пфейфера* и у *Третьяковскаго* (въ Разговорѣ объ ортографіи) находящеюся (а *Сопикова* вздоръ), я увидѣлъ, что книга моя не Глаголитская, и не понимаю какой азбуки и языка. Посылаю вамъ отъ оной первый листъ и прошу съ лингвистами поговорить и рѣшить, что̀ это за языкъ? А по письму отъ лѣвой стороны къ правой кажется не-Азіатской. Листъ сей мнѣ возвратите для присоединенія къ книгѣ. Я не понимаю, для чего вы мнѣ совѣтуете прислать довѣренность на полученіе въ Капитулѣ денегъ, когда самъ Капитулъ чрезъ газеты спрашивалъ командоровъ, гдѣ сами они получать желаютъ пенсіи, и въ силу того отвѣчалъ я, что желаю получать во Псковѣ. Для чего же не перевести сюда?...

58.

Отъ 23 Маія 1819. (Псковъ).

Проводивши *Кеппена* съ товарищемъ, обѣдавшихъ у меня дважды, 18 и 20, и гостившихъ оба цѣлые дни, сажусь отвѣчать на два ваши письма отъ 10 и 17 Маія. Сперва слово о гостяхъ. Два сіи молодые, умные путешественники охотою своею ко всему Рускому занимали меня съ пріятностію. Любо смотрѣть, что нынѣ у насъ и молодые больше любятъ свое, нежели чужое. Они ѣздили и въ Изборскъ, коего я давалъ имъ и планы. Записали все, что̀ могли замѣтить во Псковѣ и поѣхали на Витебскъ и Могилевъ до Гомеля.

Спасибо вамъ за имянной списокъ всѣхъ Рускихъ и иностранныхъ въ Россіи архіереевъ. Но лѣта жизни у всѣхъ весьма невѣрны. Ваша правда, что естьли бы издать хотя имена архіереевъ и настоятелей по хронологическому порядку, то бы много озарилось ими въ исторіи нашей. *Шлецеръ* въ своемъ *Несторѣ* давно для Русскихъ за-

*) Міръ управляется мнѣніями.

мѣтилъ сей компасъ историческій.—По приложеннымъ вами къ письму почеркамъ, снятымъ съ *Ипатской лѣтописи* и съ надписей на оной, вы спрашиваете моего мнѣнія, не могу ли я опредѣлить имъ времени? Въ точности не могу; а полууставной (почеркъ) списка не старѣе XVI вѣка. Почеркъ же надписей и еще новѣе, судя по выговору *Тихана* и *Ипацкова*. Это свѣжая молодежь Русскаго языка. Хорошо, естьли бы *Востоковъ* послушался васъ и выписалъ образцики письма изъ рукописей; десятковъ пять или и сотню такихъ почерковъ легко бы и дешевлѣ можно отпечатать литографамъ. А польза великая археологамъ, не имѣющимъ матеріаловъ.

Канцлеръ прислалъ мнѣ съ *Кеппеномъ* списокъ Эрмитажной Пск. лѣтописи. Но оный кратче архивскаго, у меня находящагося, и почти ничего мнѣ не поможетъ. Еще прислалъ мнѣ и академическій каталогъ духовныхъ рукописей, очень тоще и неаккуратно составленный. Да шесть листовъ *Пожарскаго игоревщины* и перекоровъ съ *Пушкинымъ* и *Шишковымъ*. Мы съ *Кеппеномъ* читали нѣсколько и не вездѣ его толку повѣрили. Не знаю, получу ли отъ *графа* окончаніе, а надѣюсь скорѣе чрезъ васъ, о чемъ и прошу.

Кеппенъ во Псковѣ на площади купилъ за 80 к. *Новикова Древнюю Росс. Идрографію* и мнѣ подарилъ. Это содержаніе *Чертежа древней Россіи*, и не знаю, съ чего вы мнѣ писали, что эта книга будто въ двухъ частяхъ. У меня она въ одной (1773 г.). Я нѣсколько сводилъ сію книгу съ Большимъ Чертежемъ, и слово въ слово тоже отъ начала до конца съ рѣдкими только разнорѣчіями. Удивляюсь, что *Мусинъ-Пушкинъ*, въ 1792 г. напечатавшій свой *Чертежъ*, не удостоилъ и упоминовенія въ предисловіи о *Новиковой* Идрографіи, можетъ быть желая выставить свою книгу новостью, прежде его не изданною; но не думаю, чтобы онъ не зналъ и объ Идрографіи.

Въ размышленіи вашемъ о сродствѣ санскритчины съ славенщизною вы сказали, что мы имѣемъ переводы св. книгъ и съ *Еврейскаго*. Я ихъ не знаю, скажите мнѣ.

Графъ *Н. П.* возвратилъ мнѣ тетрадь, по моимъ догадкамъ Татарскую, а по сказанію *Френа* Персидскую любовную поэму. Я положу ее въ библіотеку семинарскую съ прочими бумагами *Тодорскаго*.

По образчику вами присланному изъ таблицъ сошнаго письма увидѣлъ я, что у меня есть сей самой таблицы списокъ на 5 страницахъ съ предисловіемъ *указа о сошной кладн*. Но всѣ сіи таблицы, какъ и счетъ пирогами, для меня тарабарская граммата. Подожду, что̀ вы найдете для объясненія оной въ Польскихъ метрикахъ. Но NB. въ моемъ спискѣ многія цифры не тѣ, какія въ вашемъ образчикѣ; изъ сего заключаю, что мой списокъ не вѣренъ.

Секту Руских Жидовъ и я знаю, по многимъ селеніямъ Ворон. губ. существующую, но не по наслѣдству отъ Новгор. Жидовъ, а по прозелитизму нынѣшнихъ, соблазняющихъ многихъ; ибо обрѣзываются даже и возрастные. Чернь обыкновенно легковѣрнѣе ко всѣмъ внушеніямъ страннымъ, нежели къ разсудливымъ; но, правда, и о философахъ сказалъ Цицеронъ: Nescio quo modo nihil tam absurde dici potest, quod non dicatur ab aliquo philosophorum *).

О затѣваемомъ музеѣ въ Кеѳѣ я думаю, что тамъ много найдутъ монетъ Греческихъ, Венеціанскихъ, Татарскихъ и Турецкихъ, но больше ничего. Греки съ Геродотовыхъ временъ покупали чрезъ Крымцовъ сѣверный хлѣбъ; но берега ихъ, какъ и Черное море, называли сперва ἄξενος (негостепріимный), а послѣ уже εὔξινος (доброугощательный). Тамъ натура всегда была прелестнѣе, нежели жители и произведенія. Какого отвѣта вы отъ меня ожидаете о литографіи Кеѳайскаго музея, я не понимаю; ибо и вопроса такого не получалъ отъ васъ.

59.

Отъ 27 Маія 1819. (Псковъ).

Письмо ваше отъ 14 Маія со всею Псковскою почтою, проскочившее въ Витебскъ, повернулось во Псковъ уже черезъ недѣлю и вчера только дошло до меня. А потому о написанномъ въономъ дѣлѣ касательно Кеѳинскаго музея не успѣлъ я поговорить съ *Кеппеномъ*. Но вступиться въ сіе дѣло предложеніемъ *канцлеру* я не осмѣливаюсь. Пусть С. Обень самъ ищетъ другаго пути къ сердцу канцлерскому. Кажется прямѣе это чрезъ *Энгеля*, имѣющаго уже предъ глазами Кеѳинскій музей. Отвѣтъ *Оленина* довольно страненъ, но ему свойственъ: онъ ничего чужаго не любитъ, а самъ не дѣлаетъ; по дѣломъ ему Академія Художествъ уже каверзитъ. Послѣ тоже выдетъ и по вашей библіотекѣ. Смѣшонъ прожектъ покупать Сухтеленовы книги круглымъ счетомъ книгъ; и это мнѣніе начальника библіотеки!!! Жаль, что сія коллекція выѣдетъ изъ Россіи и, можетъ быть, никогда не возвратится. Жаль, что и васъ обременяетъ прескучная работа надъ реестромъ комисскаго свода. Это долговременный и утомительный трудъ.

Библейской Исторіи я еще не читалъ, а потому ничего о ней и сказать вамъ не могу. Должностныя заботы мало мнѣ оставляютъ досугу. Но выраженіе о пѣтухѣ-проповѣдникѣ дѣйствительно каррикатурно.

---

*) Не знаю, какимъ образомъ ничего не можетъ быть сказано столь нелѣпаго, чего бы не говорилось кѣмъ нибудь изъ философовъ.

Спасибо за табличку сошнаго письма; я сведу ее съ своимъ спискомъ. А еще больше спасибо за Санскритскую азбуку, по коей отгадали вы мою неизвѣстную книгу. Но не отгадаетъ ли кто и содержанія ея? Я нашелъ еще и другую такую же другими буквами, но на ней есть Латинская надпись: Mores vitamque christiano dignam delineantes regulae centum etc. Ex lingua Tamulica in linguam Telugicam transfusus, interprete Beniamino Schulzio. Hallae Magdeburgicae 1747, in 8-o.

Круговой хронологіи я не видалъ, а знаю только, что это комментарій на *Стриттеровы* Memoriae Populorum. Дѣйствительно, Нѣмцы, о Рускомъ пишущіе по-нѣмецки безполезны Рускимъ. *Шлецеръ* жаловался, что его книга Probe Russischen Annalen не обратила даже и вниманія Рускихъ, потому что писана по-нѣмецки. А кто жъ виноватъ? Зачѣмъ требовать, чтобы Руское знали по-нѣмецки, когда сочинители сами не умѣютъ писать по-русски?

Финскій словарь можетъ быть полезенъ для отысканія корней многихъ Рускихъ словъ, съ Варягами къ намъ пришедшихъ. Я изъ Шведскаго имѣю уже нѣсколько образцевъ.

Изъ Капитула получилъ я отношеніе, что естьли я хочу, до общаго распоряженія объ ассигнованіи изъ разныхъ мѣстъ, получить прямо изъ Капитула за прошлое время сумму, то бы прислалъ довѣренность на чье-нибудь имя изъ Питерскихъ. Я написалъ уже довѣренность на ваше имя и завтра отправлю съ ѣздокомъ при прочихъ къ вамъ бумагахъ. Прошу потрудиться получить деньги и мнѣ прислать чрезъ купца Дмитріева, коему отъ меня сдѣланы и другія денежныя комисіи. Изъ сихъ денегъ вычтите то, что̀ я вамъ по счету долженъ.

60.

От 3 Іюня 1819 (Псковъ).

Санскритскій листъ и съ азбукою я получилъ отъ васъ. Но видно и *Раске*, ѣдущій къ Санскритамъ, не знаетъ языка ихъ, когда не умѣлъ сказать намъ о содержаніи сей книги. Другую *Шульцову* книгу Телугскаго языка и буквъ я уже не пошлю къ вамъ. Я еще нашелъ *Шульцовъ* же переводъ первыхъ 4-хъ главъ Бытія на Индостанскій языкъ, напеч. Персидск. буквами, Hallae 1745, in-8. Онъ въ своей грамматикѣ Индост. языка говоритъ, что въ Индостанѣ Персидскія буквы во всеобщемъ употребленіи, а Санскритскія только у ученыхъ. Выписанная вами изъ *Шульца* Глаголитская азбука—та же что̀ и у *Сопикова*—есть только церковная. А у *Третьяковскаго* въ *Разговорѣ о правописаніи* прибавлена и гражданская, и вырѣзаны обѣ лучше.

У васъ въ Питерѣ я не знаю чему вѣрить. Ложи закрываютъ, юродивыхъ пророковъ открываютъ, а антибиблистовъ растригаютъ. *Буссе*, мнѣ лично знакомый, сочленъ въ бывшемъ Человѣколюбивомъ Комитетѣ, всегда былъ воленъ въ мысляхъ, и ему давно предсказывали судьбу его. Страннымъ даже сначала показалось, что онъ изъ академиковъ и журналистовъ сдѣлался пасторомъ, удержавъ и чинъ 6 класса.

Догадка ваша о Переяславскомъ Ефремовѣ *строеніи рубаномъ каменномъ*, вмѣсто *баннаго*, прекрасна. Предложите ее публикѣ въ *Гречевомъ* журналѣ. Пусть кто хочетъ опровергаетъ, но тѣмъ болѣе объяснится историческая истина. Это любопытнѣе подземныхъ гротовъ *Каразина*, хотѣвшаго доказать ихъ и во Псковѣ. Видно, и Экономич. Общество не повѣрило ему, не удостоивъ его и титла своего сочлена. Вы пишите, что и *ланкастерщина* разсоривается за свою методу. Это судьба всѣхъ опрометчивыхъ прожектовъ и учрежденій: quae cito crescunt, cito decrescunt [1]).

Ваши вѣсти, что будто недалеко отъ насъ гдѣ-то пушечными выстрѣлами доказывали феодальное и ленное правленіе, у насъ неизвѣстны.

На предложеніе ваше о литографическихъ изданіяхъ Крымскихъ диковинокъ я уже отвѣчалъ вамъ, и больше нечего писать. Черноморская торговля для насъ важнѣе Крымскихъ диковинокъ, и что ни пишутъ Французскіе шпіоны, одна Одесса привлекла уже колонистовъ со всей Европы. Этотъ аргументъ сильнѣе книжныхъ.

Любопытно бы мнѣ имѣть біографіи изъ 1 ч. изданныхъ рѣчей профессоровъ Моск. Унив-та. Не можете ли вы мнѣ доставить ихъ для сличенія съ моими?

№ 21 С. О. я еще не получилъ, а потому и не читалъ о Янинскомъ пашѣ; но для чегожъ бы и вамъ свою статью о немъ не напечатать хотя у *Каченовскаго*?

Что-то вы мнѣ скажете изъ *Дю-Канжа* о словахъ Pagus и погостъ церковный? О послѣднемъ, думаю, и у него нѣтъ.

NB. Заглянувши въ *Карамзина*, я нашелъ, что онъ съ *Болтинымъ* толкуетъ Ефремово *банное строеніе* купелью церковною!!! Вотъ какова охота догадываться въ исторіи. Quot capita, tot sensus [2]).

Вы хвалитесь жаркою погодою, и у насъ она въ тѣни до 23°, а засуха крайняя страшитъ земледѣльцевъ, въ числѣ коихъ и я. Вамъ столичнымъ это нечувствительно, а развѣ въ слѣдующій годъ изъ подвозу хлѣба почувствуете.

---

[1]) Скоро растущее скоро опадаетъ.

[2]) Сколько головъ, столько умовъ.

61.

Отъ 10 Іюня 1819 (Псковъ).

О Кефейскомъ музеѣ *Кеппенъ* со мною ни слова не говорилъ; вѣрно забылъ отъ множества матерій въ нашихъ разговорахъ, при коихъ музей былъ бы неваженъ. Виды Крымскіе возбудили бы больше вниманія верхоглядовъ, нежели музеи въ ящикахъ; но наши и видовъ снимать не умѣютъ. Для этого надобно тамъ быть Агличанамъ.

На вопросъ вашъ: нельзя ли опредѣлить хода перемѣнъ нашего языка? отвѣчаю—можно. А для сего надобно сличать не лѣтописи, но грамматы, писанныя канцелярскимъ языкомъ, всегда ближайшимъ къ народному. Матеріаловъ на сіе издано уже довольно канцлеромъ въ Собраніи Граммать. *Малиновскій* въ предисловіи ко 2 ч. обѣщаетъ приложить на концѣ всей книги словари, естьли только обѣщаніе не выше силъ его; ибо самъ онъ недальній филологъ и историкъ; да и не знаю я, кто бы къ сему былъ способенъ, не исключая и *исторіографа*, часто не впопадъ толкующаго старинныя слова. Итакъ, не скоро мы дождемся такихъ своихъ глоссаріевъ, какіе изданы на Византійскихъ разновременныхъ историковъ или какіе сдѣлали Низолій на Цицерона, Годвинъ на Юлія Кесаря и Гроцій на Лукана. Этотъ трудъ преутомительный и немного найдетъ охотниковъ. Иностранцы отъ исчерпанія важнѣйшихъ уже предметовъ принимаются за сіи мелочи любопытныя, коихъ у насъ и цѣны еще немногіе понимаютъ отъ ненасыщенія пока нужными и важнѣйшими предметами.

Игоревщины *Пожарскаго* мнѣ не надобно полной, а только послѣдніе листы съ 6-го. Я гадаю, что адмиралъ словесности *) высѣчетъ линьками сего мичмана, часто повирающаго въ толкованіяхъ своихъ по руководству Богемскихъ книгъ, сообщенныхъ ему отъ *канцлера*.

Поверстная книга, кою почитаете вы 2-ю ч. Идрографіи, есть точно Большой Чертежъ, включающій въ себѣ и сію.

Спасибо за выписки изъ сошнаго письма; но я васъ увѣдомлялъ уже, что списокъ всего у меня уже есть, только замѣчательно неисправный. Въ благодарность укажу я вамъ и ключъ на сію тарабарщину: загляните въ *Никонову* лѣт. ч. VI, с. 97. Но что́ значитъ *полпирога* и *четверть пирога* и пр., не постигаю. Развѣ вы не найдете ли гдѣ толку.

Оленинская ваша аудіенція очень много вамъ, а очень мало ему дѣлаетъ чести. Эти люди за предѣлами европейщины сущіе невѣжды; но за чужими трудами, не трудясь о возмездіи, хотятъ сами казаться

---

*) Шишковъ.

всевѣдущими и чужими руками жаръ загребать. Они легко говорятъ другимъ: *надобно трудиться*; но не разумѣютъ труда.

Моск. Унив-тъ поздно спохватился издавать рѣчи собраніемъ вмѣсто отдѣльныхъ тетрадокъ. Всѣ ученыя общества давно издавали свои акты въ томахъ. Но для чего жъ бы тутъ же не печатать и иноязычныя рѣчи? *Маттеевы*, *Баузевы* и *Геймовы*—многія о Рускихъ предметахъ. Языкъ не отнимаетъ у профессоровъ права быть Рускимъ. Многіе и Рускіе писали по-латинѣ. У меня есть большая часть сихъ университетскихъ рѣчей, и въ томъ числѣ почти всѣ *Десницкаго*, а между ими и упоминаемая вами рѣчь о *вещахъ священныхъ* и пр. Сей профессоръ, воспитывавшійся въ Англіи, былъ весьма вольнодуменъ, даже до дерзости, и за то выгнанъ изъ Университета. Я его помню съ краснымъ пьянымъ носомъ, съ наглымъ языкомъ и съ буйными кулаками. *Зыбелинъ* былъ ему во всемъ второй томъ, хотя оба лучше всѣхъ товарищей писали по-русски.

Вы все твердите мнѣ о Діоптрѣ Метафрастовой, о которой и самъ я давно прочелъ у *Фабриція* и *Кава* то, что̀ вы пишите. А я жду отъ васъ свѣдѣнія о Діоптрѣ Дубенской и другихъ, на Рускомъ изданныхъ.

Присланная вами Тамульская азбука не похожа на мою Телугскую книгу; а Глаголитскія мнѣ не въ диковинку: у меня ихъ отпечатки въ трехъ книгахъ. Нѣтъ ли у васъ Санкритской, коею напечатана моя книга, изъ которой посылалъ я къ вамъ первой листъ? Но и по азбукѣ я не могу отгадать содержанія его, когда и вашъ литературный шарлатанъ *Раске*, хвалящійся многоязычіемъ только предъ незнающими, не умѣлъ намъ сказать содержанія ея. Аббатъ *Виньонъ*, къ коему Петръ I посылалъ для переводу Сибирскія, Семипалатскія на Манджурскомъ языкѣ рукописи, гораздо былъ догадливѣе съ своимъ переводчикомъ *Фурманомъ*, выдумавши хотя ложный переводъ. Покойникъ *Тодорскій*, стяжавшій сіи рукописи, въ его время невѣдомыя въ Россіи, вѣрно имѣлъ какое-нибудь свѣдѣніе и о содержаніи оныхъ; но въ наше Санкритоманское время никто и отгадать онаго не могъ. Не досадно ли это? Кажется, стоило бы публикаціи въ газетахъ.

Разсматривалъ я со вниманіемъ и вашъ прочеркъ или пропись называемаго *Памфилова письма*. Письмо дѣйствительно древнее, уставное. Но *Памфилово* ли (3 в.), требую доказательствъ. Покойный *Дубровскій* былъ между антикваріями не послѣдній шарлатанъ. Въ этомъ MS *). есть уже акценты, spiritus и многія сокращенія. А всего этого мало еще употреблялось въ первыхъ вѣкахъ. Еще замѣчаніе: тутъ написано κατὰ θέλησιν, а во всѣхъ и древнихъ рукописныхъ пишется и донынѣ

*) Манускриптѣ.

издается въ печатныхъ κατὰ τὸ θέλημα. Какъ же бы Памфилъ осмѣлился отступить отъ обыкновеннаго чтенія? NB. Вы неисправно и списывали подлинникъ, естьли онъ самъ не есть неисправенъ въ письмѣ.

Вы упоминаете объ *Олениной* книгѣ *Опытъ о медаляхъ*. Что̀ за книга. Я о ней и не слыхивалъ.

62.

От 20 Іюня 1819 (Псковъ).

Изъ Гомеля и я еще не имѣю писемъ. А путешественники наши очень коротко тамъ пробыли и едвали наговориться успѣли. *Кеппенъ* показывалъ мнѣ планъ Новагорода; онъ тотъ же, что̀ и у меня. Исторію Новагорода особую собираетъ уже питомецъ канцлеровъ Невскій студентъ *). Моя Псковская исторія отдѣлана уже и болѣе половины переписана.

Академич. каталогъ духовныхъ рукописей мнѣ привезъ *Кеппенъ* отъ *канцлера*.—*Лабзинъ*, видно, непріятно разстался съ службою, когда и съ ума сошолъ. Онъ еще въ Москвѣ.

Вы по точкѣ судите, что *Ипатьевская лѣтопись* древнѣе XVI в. Но и въ XVI в. писывали съ одною точкою или по крайней мѣрѣ списывали со старыхъ. Но я къ XVI в. относилъ только приписки новѣйшія; а о самой лѣтописи не спорю. *Діонисій Глушицкій* въ XV в. завѣщаніе свое написалъ на бумагѣ съ точками при каждомъ словѣ. Задача вамъ *канцлерова* написать къ Ипат. лѣтописи характеристическое предисловіе не легка. У насъ почти нѣтъ еще руководителей къ сему.—На сихъ дняхъ я пересматривалъ *Маттеевъ* Novum Testamentum Graeco-lat. in 12 t., edit. 1781—1786, съ Московскихъ древнихъ рукописей; вижу, что *Маттей* признается, что и для классическихъ, древнихъ Греч. и Лат. рукописей нѣтъ вѣрныхъ вѣковыхъ примѣтъ, кромѣ подписей времени. А вѣдь надъ Греч. и Лат. рукописями тысячи ученѣйшихъ и цѣлые вѣка трудились въ разборѣ.

Находка многихъ древнихъ якорей при берегахъ Финскаго залива нимало не диковинка. Заливъ сей издревле наполнялся и Норманскими корсерами, и купеческими судами. Въ древности онъ долженствовалъ быть глубже, ибо отъ устья большихъ рѣкъ вездѣ время отъ времени умножаются отмели. На Нилѣ тысячи уже островов. На Волгѣ 70 устьевъ. Давно также замѣчено, что и Сѣверное море отступаетъ къ полюсу. *Далинъ* въ своемъ 1-мъ т. Шведской исторіи въ 1-й гл. очень убѣдительно сіе доказываетъ.

---

*) I. I. Григоровичъ, впослѣдствіи протоіерей и извѣстный дѣятель въ Спб. Археографической Коммиссіи.

Почерка Глаголитской азбуки я вамъ не успѣю доставить. Прекрасный отпечатокъ оной находится при *Третьяковскаго* книгѣ—*Разговоръ объ ортографіи*. Загляните туда; лучше не надо. Тамъ и церковная, и гражданская азбука. Поздравляю васъ находкою у Нѣмца *Кизельветтера* кучи всякихъ старыхъ бумагъ. У насъ много такихъ кучъ еще невѣдомыхъ.

Что за сѣверная Рус. экспедиція, упоминаемая вами? Неужели опять къ Новой землѣ?

Пушечные документы точно были въ Курляндіи; мнѣ на сихъ дняхъ сказывалъ пріѣзжій изъ Риги, но все уже кончено.

Пожарскаго Игоревщину я писалъ вамъ не присылать мнѣ всю, а только послѣдніе листы, да и тѣ надѣюсь получить отъ *канцлера*. Но вы таки прислали мнѣ цѣлую; а я отъ одного пріятеля получилъ еще на оную три билета. Куда же мнѣ дѣвать всю сію сволочь? Вы, Питерцы, неужели считаете Псковичей способными покупать такія книги? Итакъ, первое употребленіе изъ билетовъ дѣлаю я на уплату однимъ за вашъ экземпляръ и при семъ препровождаю. Скоро пришлю вамъ назадъ и Diète du Royaume de Pologne, которую Витебцы, взявшіе у меня, прочли и пренебрегши мнѣ возвратили.

Какимъ образомъ Пушкину достался подлинникъ *Игоревой пѣсни*, объ этомъ покойникъ самъ мнѣ разсказывалъ.

Увидимъ, что-то о *банномъ строеніи* найдутъ ваши коммисіонеры въ Переславлѣ. Довольно, естьли бы они сыскали хотя образчики зданій изъ тесаннаго камня, естьли оный тамъ когда нибудь употреблялся.

Пр викарій Новгор. *) не кончилъ еще пересмотра рукописей, да и не можетъ кончить отъ недосуговъ. А Моск. Историч. Общество уже четыре года не собирается, и ждать отъ него вовсе нечего.

63.

Отъ 27 Іюня 1819 (Псковъ).

Спасибо за доставленіе Псковской лѣтописи въ домъ *Шишкова*. Ваша правда, что сей сумбуръ разбирать нужно только Псковолюбцу; а чужой не захочетъ тратить на него и времени своего. Однакожъ я имѣлъ терпѣніе все изъ него высосать. Въ заплату за мою біографію я буду ожидать вашей. Неизвѣстно, кто изъ насъ прежде умретъ; но естьли послѣднему належитъ долгъ, то и у перваго въ бумагахъ кто нибудь любопытствующій сдѣлаетъ гласнымъ оставшееся. Напрасно вы думаете, что жизнь ваша не литературная. 8 лѣтъ военныхъ въ ней

*) Амросій Орнатскій.

будутъ только оттѣнками; а свѣдѣнія ваши усвоятъ васъ Музамъ. У меня всѣ біографіи ученыхъ вплетаются въ книгу; слѣдовательно, пропасть не могутъ.

О смерти *канцлеровой* пусть болтаетъ многоязычный Петербургъ, но это не уморитъ его. Онъ живъ еще для блага наукъ. Что *Ходаковскій* не успѣваетъ въ возбужденіи охоты *канцлера* къ изслѣдованіямъ городищъ Бѣлорускихъ, это жаль. Но, кажется, ему надоѣли уже изслѣдованія.

Толку вашему о *пирогѣ* сошномъ, происходящемъ отъ Молдавской или Татарской пары, я не смѣю вѣрить. Архангельскъ слишкомъ далекъ былъ отъ Молдавіи и Крыма, и я не помню, чтобы въ лѣтописяхъ и старинныхъ грамматахъ гдѣ нибудь упоминалось о *парахъ*-монетахъ. *Пуло* отъ *полъ* гораздо очевиднѣе: *пулушка* или *полушка*, половина деньги, подтверждаетъ сію этимологію. А вранье *Линдово* въ производствѣ *Пула* отъ ὄβολος также очевидно. *Пол-ушка* еще вздорнѣе, ибо ушки никогда не были у насъ монетами, а *мордки*.

Вашу статью въ Вѣстн. Евр. о Вестеротскихъ Славенскихъ рукописяхъ въ Швеціи замѣтилъ я, но еще не читалъ. Естьли редакторъ не помѣстилъ всего вами ему сообщеннаго, то, думаю, потому что ваше *мелочнолюбіе* часто выходитъ изъ границъ любопытства публики. Не все наше знаніе вездѣ годится.

Письмо ваше 21 Іюня все наполнено de la Revue Encyclopédique, compilée par 20 membres de l'Institut de Paris. Энциклопедическіе издатели со временъ Даламберта и Дидерота, какъ Протеи, преобразуются во всѣ виды. Я видѣлъ и во Псковѣ три Нѣмецкихъ, недавно изданныхъ и еще неконченныхъ энциклопедіи, въ коихъ вмѣщенъ всякій сбродъ: и степенныя науки въ нѣсколькихъ строчкахъ, и новѣйшія газетныя извѣстія, и разсказы бѣглыхъ путешественниковъ, и даже толкованія новомодныхъ словъ и фразъ. 20-ти членовъ Парижскаго Института, кажется, мало для обсужденія наукъ и литературы цѣлаго свѣта. Encyclopédie par ordre des matières дѣлана 200 членами, но во многихъ статьяхъ нестерпимо наврана. А о Россіи всѣ чужестранцы судить не умѣютъ, ибо и мы еще сего не умѣемъ.

Ваша повѣсть о проказахъ пѣвческаго корпуса дѣйствительно постыдна для мѣста. Но мнѣ извѣстны также проказы въ семъ корпусѣ еще около 1800 года. Тамъ всегда сія чума велась и, Богъ знаетъ, отъ чего. У васъ въ Петербургѣ и донынѣ многіе, даже бояре, ею заражены, точно такъ какъ, по описанію Курбскаго, при дворѣ царя Ивана Васильевича. Ваши даже трактиры имѣютъ сей промыселъ, какъ разсказываютъ проѣзжіе. Пѣвчіе жъ вездѣ баловни, ибо сами началь-

ники дорожать ихъ голосами; а послѣ голосовъ это самыя жалкія, избалованныя твари, никуда въ службу не годящіяся.

Я просилъ васъ объ азбукѣ того Санскритскаго листа, который я вамъ посылалъ; а вы мнѣ отвѣчаете о *Тамульской*. Это совсѣмъ другой почеркъ. Я уже писалъ вамъ, что цѣлую Тамульскую книгу я здѣсь въ бумагахъ *Тодорскаго* отыскалъ печатную Hallae Magdeburgicae 1747 г. Вашъ презрительный оріенто-педантъ *Раске* вѣрно не разобралъ бы и этой.

Что Персы и Индѣйцы соплеменны, это не новое открытіе г. *Ланглеса*: *Веніаминъ Шульцъ* въ своей Индостанской грамматикѣ давно это сказалъ и показалъ, что народъ Индѣйскій вообще донынѣ употребляетъ даже буквы Персидскія. Но въ основаніи Персы, Парсы, древніе Парѳяне—совсѣмъ другой народъ отъ Индіи. Завоеватели только могли сблизить и перемѣшать оные. Метода взаимнаго обученія, замѣченная у Индусовъ, также не диво. Пока не было въ свѣтѣ школъ, это была фамильная метода обученія.

64.

Отъ 8 Іюля 1819 (Псковъ).

На письмо ваше отъ 25 Іюня отвѣчаю. Я вѣрю, что *баронъ* для своего законодательнаго журнала наберетъ 20 томовъ и изъ настоящаго царствованія. Но кто ихъ покупать будетъ? А отъ непродажи и онъ потеряетъ охоту издавать; и сей журналъ также не конченъ будетъ, какъ и сводъ. Развѣ ваши индексы дадутъ ходъ сему послѣднему. Естьли правда, что Архивъ Иностр. Коллегіи тасуютъ по общей хронологіи, то симъ только запутаютъ и затруднятъ пріискиваніе дѣлъ по статьямъ. Хронологія не есть система.—*Евсевіевой* Армянской Хроники мнѣ не надо; у меня была оригинальная съ Латинскимъ in folio, которую я подарилъ Ворон. Семинаріи. Напрасно вы называете вашу Армянскую полнымъ собраніемъ сочиненій *Евсевіевыхъ*: это только одна Хроника и Пасхальный кругъ. *Софроній*, сочинитель повѣсти о Мамаевомъ нашествіи, былъ не Ростовскій, а Рязанскій священникъ и жилъ въ XV вѣкѣ.

Я желаю подписаться на новое изданіе *Карамзиновой* исторіи, ибо прежнее надѣюсь сбыть. Прошу за меня дать подписку и чрезъ *Дмитріева* мнѣ прислать напечатанные томы. А такой сводъ прежняго изданія съ новымъ, какъ вы дѣлаете, утомителенъ.

Магницкій не даромъ съѣздилъ въ Казань и получилъ за то начальство надъ университетомъ. Тамъ многіе профессоры пережалованы орденами, но нашъ стиходѣй *Городчаниновъ* не удостоенъ. Новому рек-

тору Петерб. Университета знающіе у насъ дивятся, какъ онъ попалъ на сію степень изъ кое-какихъ учителей *).

Это правда, что я *Кеппену* обѣщалъ вторично приготовить къ изданію Новогородскіе Разговоры. Но мнѣ надобно ихъ много поправлять. Осенью сіе исполню надъ своимъ экземпляромъ и вамъ пришлю.

Объ *Ипатьевскомъ* вашемъ *спискѣ*, какого онъ вѣка, не могу судить я, не видавъ его. Судя же потому, что онъ писанъ на бумагѣ, не смѣю почитать его слишкомъ старымъ; ибо бумага у насъ рѣдка еще была и въ концѣ XIV вѣка.

Итакъ наша Сѣверная экспедиція къ Шпицбергену не на шутку собралась. Но, кажется, нынѣ поздно и зазимуетъ въ Норвегіи. А скорый и опрометчивый выѣздъ заставитъ забыть взять многое нужное къ сему путешествію.

Извѣстіемъ вашимъ о книгопродавческомъ шарлатанствѣ *Пожарскаго* вы заставляете меня бросить два еще билета на его книгу, у меня находящіеся. Послѣ сего какъ же можно вѣрить авторамъ? И какая охота подписываться?

Прадтовыхъ Les quatres concordats я не видалъ; а знаю о нихъ только по газетамъ. Читавши другихъ его книжки двѣ, я знаю слогъ сего бывшаго раба, а послѣ врага Наполеонова. Онъ имѣетъ личныя причины мстить своему божку...

Премного благодарю вамъ не только за описаніе, но и за обрисованіе Діоптры. Одна только ваша любовь ко мнѣ могла поработить васъ сему скучному трудолюбію. Вы теперь рѣшили мнѣ, что *Виталіева* Діоптра не *Филиппова*.

Revue Encyclopédique извѣщаетъ о dictionnaire de Worm, о Датскихъ и Норвежскихъ писателяхъ; а соревнователи, въ V-й книжкѣ, о такомъ же Аглинскомъ словарѣ, и меня ставятъ имъ въ параллель. Но мой словарь свѣтской не скоро обдѣлается. Скорѣе издамъ вторично духовный со многими у меня уже на готовѣ прибавками и поправками.

Я все еще правлю, чищу, передѣлываю во многихъ статьяхъ свою Псковскую исторію. Два отдѣленія ея уже переписаны. Но передовое много требуетъ вниманія, ибо это всеобщій обзоръ Псковской исторіи. Многихъ справокъ изъ епархіи я еще и не получилъ. Исторія труднѣе математики въ рѣшеніяхъ. Но сдѣлавши уже почти все, не хочется оставить неоконченнымъ.

---

*) Это былъ Французъ Дюгуровъ, нѣкогда секретарь Робеспьера, потомъ учитель у князей Барятинскихъ въ Курской губерніи. П. Б.

65.

От 11 Іюля 1819. (Псков).

Извѣстіе ваше о нашей грамматикѣ без глаголов—что-то странно. Этого ни в одной грамматикѣ всесвѣтных языков не видано. Греческіе глаголы еще легче бы протолковать так. Ибо там дѣйствительно от 1-го лица настоящаго с прибавкою только буквы υ происходит причастіе, напримѣр τύπτω—τύπτων; но ни одному Греческому грамматику не приходило в голову производить глагол от причастія. Всякое производное длиннѣе своего корня. Но пусть наши умствуют на диковинку. Насмѣшники подшутят над сею выдумкою.

Вижу, сильно вас занимает Revue Encyclopédique. В сужденіях о церкви Прадт свое дѣло говорит, а Lanjuinais есть и будет sub judice lis [1]). Галликанская церковь давно усиливалась отбиться от верховной власти и в выборѣ епископов давно отбилась. Но епископам полезнѣе быть под одним главою, нежели под многими, по крайней мѣрѣ выбранным уже и поставленным. Первоначальное республиканство церкви нынѣ уже не годится. Всеобщій в мірѣ глава нынѣ также не годится. Но в каждом государствѣ должен быть один.

По назначенію Капитула я деньги за 18 мѣсяцев здѣсь уже получил. Спасибо вам за облегченіе сего перевода.

Городчанинов, кажется, за *хвостовщину* и обойден орденом. Посылайте ему поскорѣе всѣ экземпляры с глаз из Питера.

Чирикова предпріятіе собрать все Славенское и Руское и иностранное о Россіи огромно; но богатому не невозможно. Такая коллекція полезна будет для потомства хотя каталогом. Нѣт нужды, что он без разбора собирать будет: из готоваго легко уже выбрать. Когда вы с ним познакомитесь, то обстоятельнѣе меня увѣдомите.

На новое ваше словопроизводство Двинскаго *пирога* от Чухонскаго *pira*, fractura не смѣю опять согласиться. Загляните в Екатеринин словарь, не найдете ли там похожаго Зырянскаго слова? Ибо на Двинѣ древніе жители были не Чухонцы, а Зыряне. Я не знаю, на каком старинном языкѣ Линд нашел *пира—рож* [2]). Но естьли это правда, то и Двинскій *пирог* ближе разумѣть собственно *пирогом*. По старинной дешевизнѣ хлѣба может быть пирог был дешевлѣ всякой монеты. В сошном письмѣ во второй таблицѣ точно написано: *13 алтын одна деньга без мортки или без пирога, без полполуденьги.* Слѣдовательно пирог стоил одной мортки и четверти деньги. Не ближе ли этот толк? Разсудите и скажите мнѣ свое мнѣніе.

---

[1]) Тяжба перед судьею, т. е. дѣло еще не рѣшенное.

[2]) На Эстонском, также на Санскритском?

Удивляюсь вашей внимательности и къ мелочамъ санскритчины въ Тамульской азбукѣ, и въ разборѣ моей книги, мнѣ сообщенномъ. Но за эту любопытную мелочь мирюсь съ вами Августиновыми словами: non sunt contemnenda quasi parva, sine quibus magna constare nequeunt [1]). Вы больше мнѣ объяснили мою книгу, нежели многохвастливый *Раске*. Ваше письмо я ввяжу въ самую книгу, какъ ключъ оной. Теперь и не буду называть васъ мелочнолюбцемъ. Я писалъ уже вамъ, что у меня есть *Шульцовъ* переводъ книжки съ Тамульскаго на Телугскій языкъ и Телугскими буквами напечатанный, которыя вовсе другія отъ Тамульскихъ. Вы вѣрно отыщете и сего языка азбуку. Она кудрявѣе Тамульской. Замѣчательно для меня, что Индѣйскіе языки пишутся какъ Европейскіе, отъ лѣвой руки къ правой. Почему же прочіе Азіатцы не подражали сему, и какое письмо должно полагать старѣе и естественнѣе? Желаю знать ваше мнѣніе.

Вѣсти, пересказанныя вамъ М. М-чемъ, avertat Deus [2])! Вы знаете нынѣшнее положеніе дѣлъ и лицъ. Это было бы уничижительное несчастіе. Если бы вы увидѣли своего друга посреди книгъ и бумагъ своихъ, подъ руками разложенныхъ, на досугѣ на своей волѣ, въ спокойствіи, то бы сказали: beatus qui procul negotiis [3]). А за 50 лѣтъ трудно уже подвергать себя испытанію и терпѣнію.

Вы часто пишете мнѣ въ письмахъ сфинксовы загадки. И наприм., я не понимаю, какія миссіи заводитъ *Лабзинъ* въ Москвѣ. Что значитъ вашъ библіографическій барометръ, долго стоявшій на точкѣ ненастья, нынѣ поднимающійся къ погодѣ? Какія заглавія сего товару лавочники закрываютъ въ стеклянныхъ своихъ ящикахъ? Это темнѣе санскритчины.

На сихъ дняхъ получилъ я изъ Питера отъ одного давняго моего знакомца *Бардовскаго* письмо съ книгою, имъ изданною. Не знакомъ ли онъ и вамъ? Прилагаю при семъ мой ему отвѣтъ. Я шесть лѣтъ не зналъ, гдѣ онъ находится. Не лишнее будетъ и вамъ познакомиться съ симъ любителемъ словесности. Естьли у васъ остались *Словари* Духовн. Писат., то прошу отъ меня подарить ему одинъ на сѣрой бумагѣ, а на мой счетъ поставить вашу лавочную цѣну. *Бардовскій* нынѣ служитъ у *князя Голицына*, а это не лишнее для васъ и для меня будетъ знакомство. Увѣдомьте имя и чинъ *Бардовскаго*. Я титуловалъ его *высокоблагородіемъ*.

---

[1]) Не слѣдуетъ презирать якобы малое, безъ чего большое существовать не можетъ.
[2]) Оборони, Боже!
[3]) Счастливъ далекій отъ дѣлъ.

66.

От 18 Іюля 1819 (Псковъ).

Два письма ваши отъ 8 и 12 Іюля получилъ я и премного благодаренъ вамъ, наипаче за послѣднее съ приложеніемъ біографіи, народочисленія и окончательной записки о книгѣ Revue Encyclopédique. Біографію прочиталъ я съ особеннымъ любопытствомъ; она довольно пестра примѣчаніями и оборотами вашей судьбы, но не меньше и литературными трудами, дающими вамъ неоспоримое мѣсто въ исторіи нашей словесности. Тутъ я узналъ многія книги, вамъ принадлежащія, хотя и давно мнѣ извѣстныя безъ имени автора. Я положу сей листъ въ секретный мой портфель. Дай Богъ, чтобы вы жили долѣе меня. Но и послѣ меня она найдетъ любопытствующаго, который исполнитъ то, чего я, можетъ быть, исполнить не успѣю....

Народосчислительная таблица для меня истинная рѣдкость; тутъ еще нѣтъ Грузіи и Варшавы; но для чего таить ее? *Германъ* и другіе близко уже и безъ того угадывали число. Сокращенія вашего для меня довольно; а къ письму вашему я столько же причитался, что не трудно мнѣ разбирать и всякое ваше черно...

Итакъ, *Плавильщикова* рукопись Руской исторіи оказалась *Ядро Росс. Исторіи*. Давно уже, еще въ Московскомъ Журналѣ, возвѣстилъ *Карамзинъ*, что сіе *Ядро* писано не *Хилковымъ*, а секретаремъ его посольства; но не объявилъ имени его. Нѣтъ ли онаго въ *Плавильщиковѣ* спискѣ, увѣдомьте меня.

Историческкое Изображеніе Грузіи я готовъ вамъ доставить; у меня еще нѣсколько десятковъ оной; естьли бы какой-нибудь книгопродавецъ взялъ у меня, то я готовъ бы помѣняться хотя на книги. Предложите кому-нибудь и увѣдомьте меня. Записку о кочевыхъ Кавказскихъ народахъ, припечатанную при сей книгѣ, сообщилъ мнѣ покойный *Бантышъ-Каменскій*; но откуда онъ ее взялъ, не знаю. Не изъ Гилденштета ли?

Жаль *О. П. Козодавлева*, естьли онъ тяжело боленъ; но ему уже за 70 лѣтъ: молодой можетъ умереть, а старикъ долженъ.

Не думаю, я, чтобы новое жизнеописаніе *Екатерины II*, написанное Крымскимъ судьей, было основательно; развѣ это только панегирикъ, а не исторія? Ибо легче писать первое, нежели второе. Впрочемъ ваша правда, что чрезъ 23 года рано еще писать *Екатеринину* исторію, не зацѣпивъ многихъ живыхъ. Самое законодательство ея, коимъ доселѣ болѣе наполняли ея жизнеописанія, сопряжено съ характеромъ лицъ, при ней служившихъ.

Что князь *Лопухинъ* не рѣшится входить съ докладами вашей комиссіи, это самое уже доказываетъ неувѣренность его въ дѣльности оныхъ. Затѣй у васъ много, но успѣховъ и окончаній во всемъ мало. Non qui cepit sed absolvit cursum, corona dignus est*).

Поздравляю съ возвратившимся президентомъ *человѣколюбія* и съ новоизбраннымъ *соревнованія*. Но будетъ ли болѣе успѣховъ, вамъ виднѣе.

Оглашенный въ *Сынѣ О.* Модерахъ не войдетъ въ мой Словарь за сгорѣвшія и слѣдовательно неизвѣстныя его записки войны 1767 и 1768 гг. Посмотримъ что̀ вы доставите мнѣ о *Соколовѣ*.

Отъ *канцлера* получилъ я письмо 7-го Іюля съ приложеніемъ *Коцебува* жизнеописанія вел. князя Литовскаго *Свитригайла* изъ Пруской архивы; тутъ много любопытнаго, поправляющаго, дополняющаго и Рускую, и Польскую исторію.

Нельзя ли мнѣ списать предисловіе къ рукописи *Ядра Хилкова?*

67.

От 28 Іюля 1819 (Псковъ).

Евсевіева Армяно-Венеціанская Хроника еще и изданіемъ не кончена; а потому естьли купить теперь 1-й томъ, то на другомъ притѣснятъ книгопродавцы.

Почему вы заключаете, что *Софроній*, Рязанскій іерей, выписалъ повѣсть о Мамаѣ изъ *Никонова* лѣтописца, а не сей изъ него?

Спасибо за исторію поѣздки *Магн.* въ Казанскую орду. Отъ поспѣшности блинъ обыкновенно свертывается комомъ, но не исправятъ Университета и выживаніемъ Нѣмцевъ; а учениковъ тамъ меньше числа профессоровъ.

О посвященіи Китайца *Каменскаго* вы меня увѣдомили, но имени его монашескаго не сказали; а оно мнѣ нужно для отмѣтки въ исторіи іерархіи.

Вы все любуетесь de la Revue Encyclopédique.—На Английскихъ Jury похожъ ли нашъ, по Уложенію, Третейскій, а по Учрежденію губерній Совѣстный судъ? Что сіи экциклопедисты ничего не говорятъ о Руской литературѣ, это есть не недостатокъ, а незнаніе нашего языка. Послѣ *Леклерка* и *Левека* никто имъ о томъ не сказывалъ, а о цѣломъ составѣ нашей ученой исторіи не посмѣютъ они и заикнуться..

Итакъ, вы познакомились съ *Бардовскимъ*. Я не чаю отъ него канцелярскихъ вѣстей, да и не совѣтую ему о нихъ писать самому, а

*) Достоинъ вѣнца не тотъ, кто предпринимаетъ путь, но кто его кончаетъ.

развѣ чрезъ васъ; ибо у нихъ строгое шпіонство. Вамъ же откровеннѣе онъ и перескажетъ; а отъ него и писемъ не желаю, дабы его не подвергнуть чему-нибудь.

Вы уже сошный *пирогъ* производите и отъ Сирійскаго *пиро*; но отъ Двины до Сиріи далеко. Гораздо ближе по *Линду* отъ Греческаго πῆρος, trilicum (?), frumentum. Рускіе знакомѣе были съ Греками, нежели съ Сирійцами; а посему и мой толкъ пирога въ Рускомъ смыслѣ чуть не ближе: пирогъ въ сошной таблицѣ именно оцѣненъ въ одну векошь или въ $^{1}/_{4}$ деньги; слѣдовательно, это была хлѣбная монета.

Спасибо вамъ за сообщеніе мнѣ мнѣнія *Ланглесова* на антикварную индіоманію. Я запишу это. Вы совѣтуете мнѣ еще прочесть *Снядецкаго* диссертацію о томъ же въ *Украинскомъ Вѣстникѣ*, но вѣстника сего ни я и никто здѣсь не получаетъ. Для поученія индіомановъ я бы васъ искренно попросилъ перевести изъ Encyclopédique méthodique par ordre des mat., изъ Dictionnaire de Théologie par l'abbé Bergier—статью «Inde, Indicus» и, пополнивши ее примѣчаніями изъ *Ланглеса* и *Снядецкаго*, напечатать въ *Журналѣ Соревнователей*. Это прекраснѣйшее критическое розысканіе нѣкогда и самъ я началъ было переводить, но не кончилъ; статья сія въ подлинникѣ вся на 6 страницахъ или 12 колоннахъ in 4, мелкой однакожъ печати. Сей Dictionnaire и у меня есть.

Подожду вашихъ доказательствъ о происхожденіи азбукъ; а я между тѣмъ на угадъ думаю, что чѣмъ прямолинейнѣе азбука, тѣмъ старѣе; а кудрявость есть уже роскошь игриваго воображенія. Отъ правой руки къ лѣвой почитаю я такъ же старѣе, ибо это подражаніе живописи, дѣлаемой обыкновенно такъ, а живопись старѣе письма. Китайскаго и Японскаго письма сверху внизъ недоказана еще глубокая древность. Греческое вустрофидонъ есть только попытка писать кое-гдѣ, не принятая въ употребленіе. И Телугскую, и всѣ косматыя Индѣйскія письмена считаю я новымъ изобрѣтеніемъ, опираясь на вашего *Ланглеса*, утверждающаго, что Индѣйцы до XI вѣка не имѣли ни одной буквы. Но скажите мнѣ, въ какой книгѣ *Ланглесъ* это сказалъ?

Вы рекомендуете мнѣ *Бандткову* диссертацію о Ганзѣ; но можно ли во Псковѣ сподобиться ее видѣть, когда вы и въ Питерѣ еще не видали? Конечно, Ганза и Пскову не чужая; можетъ быть въ Любецкихъ и Данцигскихъ архивахъ много скрывается и о Псковѣ. Естьли *Бандтке* проникъ туда, то и намъ скажетъ что нибудь любопытное. Но общая исторія Ганзы сѣверной мало намъ доселѣ сказывала о Новогородѣ, а еще меньше о Псковѣ.

Итакъ *В. Н. Каразинъ* уже у васъ! Скажите и отъ меня ему поклонъ; хорошо, естьли бы вы у него выпросили для меня одинъ экземпляръ его послѣдняго отчета, котораго я не видалъ и не слыхалъ.

68.

От 1 Августа 1819 (Псковъ).

...Приведенныя вами изъ *Сенеки* слова о дружбѣ не хуже Плиніевыхъ. Съ славными друзьями раздѣляется и въ потомствѣ слава; но вотъ чудо судьбы: неизвѣстно, изъ современниковъ славныхъ кому кѣмъ прославиться? *Плиній* очень самолюбиво умолялъ *Тацита* (Plin., lib. VII, ep. 33), чтобы онъ въ своихъ исторіяхъ похвалилъ его. Но естьли были сіи похвалы, то не дошли до насъ въ остаткахъ Тацитовыхъ. Цицеронъ еще подлѣе умоляетъ *Лукцея* помѣстить хвалу ему въ своихъ сочиненіяхъ и даже навязываетъ ему сочиненную самимъ имъ себѣ похвалу. Но этотъ *Лукцей*, славный при *Цицеронѣ* историкъ, самъ остался намъ свѣдомъ только по сему письму Цицеронову (lib. V, ep. XII). А между тѣмъ нескромныя письма сіи, Плиніево и Цицероново, дошли до насъ! Многихъ также друзей *Горацієвыхъ* не знаетъ потомство иначе, какъ по одамъ его и письмамъ. Вотъ какъ ненадежна потомственная слава. А многіе и злодѣи остались славнѣе добрыхъ. Имъ нѣтъ нужды, что, по Писанію, слава ихъ въ студѣ. Другіе жъ подлецы и заживо говорятъ, какъ Гораціевъ Аѳинянинъ: populus me sibilat, at mihi plaudo (Satyr., lib. I, serm. I, v. 66) *).

Вы надѣетесь, что *В. Н. Каразинъ* отыщетъ у васъ статистическихъ свѣдѣній болѣе, нежели *Германъ* и весь его комитетъ. Но есть ли у васъ достаточные матеріалы? Политическая ариѳметика у насъ еще не въ модѣ. *Германъ* не имѣлъ даже и многихъ читателей на свои книги и рѣшился продолженіе оныхъ лучше печатать въ академическихъ актахъ, нежели въ Рускихъ книгахъ. Да и его таблицы даже въ книгахъ невѣрны. Я помню въ Сынѣ От. его одну статью, которую когда началъ повѣрять итогами, то вышла и въ частности, и въ балансахъ странная разница и вздоръ...

Стихи на два панегирика Екатеринѣ II у меня есть. Но это временное сочиненіе и нынѣ уже нелюбопытно. У меня и сочинителя имя подъ ними записано, да теперь не припомню.

Коцебуву книгу о *Свитригайлѣ* я уже отослалъ къ *канцлеру*, выписавши изъ нее чтò мнѣ нужно. *Канцлеръ* хочетъ ее напечатать, и она того стоитъ. Польскіе историки, а особливо *Кояловичъ*, уничижили сего князя для возвышенія своихъ королей. Но *Коцебу* изъ Пруской архивы актами доказалъ, что Поляки безсовѣстно врали и писали небылицу. Тутъ много и къ Россіи относящагося, ибо *Свитригайло* былъ съ нами въ союзѣ и по дѣламъ, и по фамильному происхожденію. Сіе сочиненіе переведено съ оставшейся послѣ *Коцебу* рукописи, а авторъ пи-

---

*) Народъ меня освистываетъ, а самъ себѣ рукоплещу.

салъ оное съ 1813 г. Поводъ къ тому описалъ онъ въ предисловіи, т.-е. что онъ у библіотекаря тайной орденской архивы увидѣлъ отобранные особо акты о *Свитригайлѣ* и нашелъ въ нихъ много совершенно новаго, противнаго извѣстному, а потому и выпросилъ ихъ.

Чтò за репортъ *графа Воронцова* о своемъ корпусѣ? Я впервыя отъ васъ слышу. Но въ свѣтѣ вездѣ много чудесъ и моральныхъ.

Книгу о приказахъ общественнаго призрѣнія замѣтилъ я въ газетной публикаціи, но не видалъ, и отъ васъ о ней ничего не слыхалъ доселѣ. Всѣ такія компиляціи, поелику дѣлаются рабски и неучами-подъячими, то и не могутъ быть умны. Для компиляціи потребенъ систематическій умъ, который и компиляцію превращаетъ въ свое созданіе.

Итакъ *О. П. Козодавлевъ* не отбился таки отъ смерти! Онъ издавна былъ въ числѣ нашихъ литераторовъ, писалъ мелкія статьи для журналовъ и кое-что переводилъ. Вѣрно департаментъ его напишетъ какую-нибудь, хотя краткую, и біографію его; а у меня ничего о немъ нѣтъ.

Примите отъ меня покорнѣйшую просьбу для семинаріи Псковской. Въ ней нѣтъ глобусовъ земнаго и небеснаго. Поищите въ лавкахъ и магазинахъ и о разныхъ цѣнахъ съ описаніемъ увѣдомьте меня. Тогда мы рѣшимъ, какой купить. Вы подивитесь, что въ училищѣ, гдѣ предписано учиться и математической географіи, нѣтъ глобусовъ. Но наше начальство таково.

69.

От 8 Августа 1819 (Псковъ).

Естьли *баронъ* выпроситъ себѣ изъ Сената метрики, то это *находка* и доходъ коммисіи отъ справокъ; но едва ли Сенатъ съ ними разстанется: подъячіе знаютъ источники своихъ финансовъ; а на *Баранова* вамъ обѣщаніе вспомнился Державиновъ стихъ: «Знаю мудрыхъ я господъ, и себя не забываютъ, и другимъ сулятъ доходъ»; но первое исполняютъ вѣрнѣе, нежели второе; а помогающіе имъ, наконецъ, становятся похожи на выдавленные лимоны. Вы думаете уже опредѣлиться и въ Иностр. Коллегію! Но ошибетесь въ предположеніи сдѣлать въ ней тоже, чтò *Миллеръ* и *Бантышъ-Каменскій*. Естьли бы и они не были сами начальниками архива, то бы старшіе не допустили ихъ до исполненія того, чтò они сдѣлали, и даже многихъ актовъ имъ не повѣрили бы, а это-то съ вами и сдѣлаютъ. Начальники важныхъ мѣстъ всегда завистливы важнымъ трудамъ подчиненныхъ и все хотятъ брать на себя, а иначе васъ же оклевещутъ въ предательствѣ секретовъ. Посему-то коллегія сія опаснѣе всѣхъ для служащихъ; притомъ Петер-

бургскій архивъ новѣйшій, съ 1764 года, и акты его еще рано дѣлать извѣстными свѣту. Вотъ вамъ мое мнѣніе. Недавно же въ газетахъ писано было, что Пруській полковникъ *Массенбахъ*, хотѣвшій издать кабинетные акты 1806 года, приговоренъ къ лишенію чиновъ и къ заключенію на 14 лѣтъ, а ему уже отъ роду 62 года, слѣдовательно по смерть.

Называемое «*Хилкова ядро*» есть у меня изданія 1784. Есть и родословная дворянская 1787 г. Вы правду говорите, что послѣдняя безтолковѣе многихъ: въ ней я и пріискать не могу. Не нашелъ въ ней и «*Андрея Лызлова-стольника*», якобы сочинителя *Скиѳской Исторіи*; а въ Смоленскѣ нашли, что сочинитель сей былъ не стольникъ, а священникъ, и *Новиковъ* названіе с҃ника подъ титломъ понялъ стольникомъ, и подлинникъ писанъ въ XVIII в., а *Новиковъ* напечаталъ 1692.

Читалъ я въ *Сынѣ Отечества* и критику на *Германову* Статистику. И по дѣломъ! Какъ такъ врать статистику? Мысль, что Камчадалы, Чукчи и проч. не отъ Американцевъ происходятъ, а сіи отъ нихъ, весьма вѣроятна; и Библія, и памятники перехожденій народовъ свидѣтельствуютъ, что родъ человѣческій расходился изъ Азіи. Беринговъ проливъ шириною только на 73 версты и могъ волнами размыть и отмыть Чукотскій носъ отъ Америки. Зимою и нынѣ Чукчи переходятъ въ Америку. Вотъ вамъ еще новость: Августа 5 получилъ я цѣлый, кругомъ исписанный, листъ изъ Гомеля отъ подписавшагося *Зоріяна Доленгу Ходаковскаго*, члена общ. корол. Варшавскаго любителей наукъ, 22 Липца 1819 года. Я бы не понялъ его галиматью, естьли бы не сличилъ съ вашею выпискою отъ 26 Марта, доставленною мнѣ; изъ письма его къ вамъ видно яснѣе моего. А все это кругово-листовое письмо заключается спросомъ: нѣтъ ли по Псковской губерніи городищъ, окоповъ и валовъ? Мнѣ отвѣчать ему легко, ибо при объѣздѣ епархіи я о нихъ навѣдывался, а иныя и самъ осматривалъ. Отвѣчать буду; но увѣдомьте меня: сей Полякъ имѣетъ ли какой чинъ? Естьли обычай у Поляковъ титуловаться отечествомъ и какое его отечество? Я никогда съ Поляками не переписывался, а вы въ этомъ привычны.

Вы пишете, что за напечатаніе *Карамзиновой* Московской Прогулки въ *Украинскомъ Вѣстникѣ* что-то досталось издателю. Объясните мнѣ это. Я не знаю.

По сказанію вашему, якобы Государь изъ Архангельска проѣдетъ въ Варшаву черезъ Харьковскую губернію; а у насъ полученъ (еще партикулярно) маршрутъ, что поѣдетъ черезъ Псковъ и Лифляндію: изъ одного угла не одни вѣсти.

По описанію вашему построекъ около Исакіевскаго собора, я взглянулъ на находящійся у меня новѣйшій планъ Петербурга и ясно понялъ все вами написанное. Громады цѣльныхъ камней и колоннъ послѣ Египтянъ и Римлянъ есть, дѣйствительно, дѣло только Рускихъ. А дѣйствовать въ доставленіи ихъ водою дошло до насъ по преданію съ Востока; извѣстно, что и Адріановъ въ Римѣ обелискъ, покрививщійся, выпрямленъ архитекторомъ канатами, намачиваемыми водою.

Страховая контора Аглинская безъ сомнѣнія перещеголяетъ нашу; Агличане богаты: imperat aut servit collecta pecunia cuique *), сказалъ Горацій. *Каченовскій* дѣйствительно пользуется и «Соботками и Бабинскими республиками Польскими» по сродству съ Поляками, и это для насъ не лишнее. Съ нимъ я не переписываюсь безъ крайней нужды, да и ему некогда.

Харьковское Общество, избравшее насъ, и ко мнѣ ничего не отнеслось, да и въ адресъ-календарѣ не печатаетъ: видно, опять насъ отставило. Что̀ за граммата, данная Л—ну на пропаганду, я не понимаю, объясните мнѣ.

Получилъ я отъ нашего *Общ. Соревнователей* оффиціальную благодарность за обѣщаніе имъ уступки «*Разговоровъ о древностяхъ Новород.*». Я не знаю, что̀ и отвѣчать имъ, не исполнивши еще сего.

Сообщаю вамъ новую мою находку. Многократно встрѣчалось мнѣ въ лѣтописяхъ и старинныхъ рукописяхъ названіе *Серкизовой недѣли*. Въ одномъ мѣстѣ *Псковской лѣтописи* сказано на *Черкизовой* вмѣсто *Серкизовой недѣлѣ*. На сихъ дняхъ, получивши изъ Новагорода книгу поученій митрополита Фотія, нашелъ и тутъ *Серкизову недѣлю*. Искалъ я прежде во всѣхъ старинныхъ словаряхъ, какъ напр. въ *Берындинѣ*, въ *Поликарповѣ* и др. и въ Церковномъ Словарѣ *П. Алексѣева* сему толкованія, но не нашелъ. Теперь, кажется, нашелъ у Фотія во 2-мъ поученіи. Вотъ весь текстъ:

«Въ Субботы и въ Недѣли (*четыредесятницы*) и въ Цвѣтную Недѣлю, и въ Благовѣщеніе Пресв. Богоматере рыбы ясти. Иныя же вся дни того Святаго Великаго поста потщитеся себе сухояденіемъ провожати и прочая дни чрезъ всего лѣта Среду хранящe и Пятокъ съ сухояденіемъ, иногда же и Понедѣлокъ, развѣ великихъ недѣль по Христовѣ Воскресеніи и по Рождествѣ Христовѣ и по сошествіи Св. Духа, и недѣли Серкизовы, еже не предано постити, но чрезъ вся та недѣли мясо ясти и проч.» Изъ сего очевидно, что *Серкизова* недѣля есть всеѣдная, или мясоядная предъ масляницею или сырною недѣлею.

Сообщите сіе замѣчаніе *Петру Ивановичу Соколову*, не годится ли оно въ словарь церковный, имъ издаваемый, или академическій.

*) Накопленное богатство каждому приказываетъ или ему служитъ.

70.

От 15 Августа 1819 (Псков).

Вот вам ответ на два ваши письма от 6 и 9 Августа. Спасибо за добавок к *Платонову* жизнеописанію; но книжонка сія прежалкая и во многих местах ошибочная. Сочинитель не хотел даже воспользоваться и помещенным в моем Словаре, а набил кое-чем свою тетрадь. — Поздравляю вас с полученіем второй части Государственных Граммат: тут найдете больше любопытных актов, нежели в 1-й и совсем новый вид смерти царевича Димитрія.

Читал я и *Гречеву* выкличку на Россійскую грамматику: большая часть показалась мне—привязки мелочныя. На *Павла Сумарокова* критика дельнее, но и тут больше к словам прицепки. Не на *Кеппена* ли нашего припечатан ответ в № 31 Сына От. за букву «Ѳ», и довольно грубо?

Из Пруских актов видно, что и Польскіе короли, и все Поляки гнали *Свитригайла* и не признавали его великим князем Литовским; но Пруссія, Римскій император и папа признавали и титуловали его до 1440 г. Сія-то ненависть Поляков обезобразила его и в своих исторіях, представляя его волоцюгою, бражником, буяном и проч. Но по Прусским актам он великодушен, воздержен, дальновиден, осторожен, предпріимчив с разсчетом и часто удачлив, вопреки сказаніям Польских летописцев. Національная исторія в сказаніях о других, особливо націй противных, никогда не бывает верна. Даже и публичные акты, в газетах публикуемые, не могут быть верным ей основаніем; а ум писателя все неоспоримое может заслепить и оспорить. Тут и *Иродот*, прекрасный разсказщик, по одним только слухам, волоцюг, будет единственным историком; и *Тит Ливій*, декламатор—очевидным свидетелем и слышателем, и *Тацит*, все наклонявшій к своим умозаключеніям—политическим историком; и *Юм* и *Робертсон* и *Гиббон*, столь решительно и уверительно писавшіе о Римлянах, со всеми догадками, сводами и мечтаніями, покажутся еще сведущее почти современнаго мечтателя *Тацита*. Но правду сказать,—все они больше историки для министерских кабинетов, нежели для объясненія бытій. Так точно и *Макіавель* из исторіи сделал больше катихизис для современных ему князей, нежели народную исторію. Итак, естьли и секретные акты неверны, то чему же верить? Скажете: «событіям»; но они часто сверх чаянія прожекторов. Гуси испровергли план Галлов над Римом; *Наполеон* признавался, что часто невзначай одна собака раз-

строивала выигрышъ сраженія. Итакъ и гуси и собака будутъ только въ исторіи, а планъ остается на угадъ.

О преобразованіи юстицъ-коллегіи Еванг. департамента, а особливо назначеніи епископа, я впервыя отъ васъ слышу; но эта реформа благоразумная на проповѣдниковъ Евангелія, проповѣдующихъ не Евангеліе. Я вамъ на сей случай разскажу свой анекдотъ. Въ прошломъ году, въ бытность въ Ригѣ при освященіи церкви, я говорилъ проповѣдь о благодати Божіей въ храмахъ. Послѣ обѣдни за столомъ Рижскій губернаторъ сказалъ мнѣ комплиментъ: «Вы рѣдкую сказали намъ проповѣдь». Я поблагодарилъ, не понимая силы словъ его, а онъ растолковалъ: «Вы часто упоминали о Евангеліи и Іисусъ-Христѣ, а наши пасторы объ этомъ не говорятъ. Недавно-де былъ я въ Перновѣ и слушалъ прекрасную проповѣдь пастора о разныхъ породахъ цвѣтковъ и ни слова о Христѣ». Этотъ разговоръ послѣ стола перевели бывшимъ тутъ же Рижскимъ пасторамъ, и они всѣ были недовольны; а недавно предъ тѣмъ и Рижскій суперъ-интендентъ говорилъ съ каѳедры и на славу напечаталъ прекрасную диссертацію о *снѣ*. Тамъ перевели на Нѣмецк. и мою проповѣдь въ укоризну имъ; но они интригами своими произвели то, что освященіе нашей церкви не публиковано было и въ газетахъ, а и сами были при освященіи. Мнимое соединеніе вѣръ обыкновенно охлаждаетъ привязанность ко всѣмъ и къ каждой.

71.

От 22 Августа 1819 (Псковъ).

Ходаковскій, дерзнувшій и къ министру адресоваться со своими гипотезами противу *Карамзина*, мнѣ кажется «est une tête exaltée, entêtée et infatuée. *Канцлеръ* видно хорошо разсмотрѣлъ его, когда отказалъ ему въ рессурсѣ. Теперь я не знаю, куда и отвѣчать ему; полагаю, что сей Польскій ковтунъ не усидитъ долго на одномъ мѣстѣ; а отвѣтъ у меня ему уже готовъ. Не знаю, чего онъ можетъ просить и ожидать отъ президента Руской академіи, занимающагося только этимологіей. А министръ вѣрно покажетъ его мечты прежде всего *Карамзину*, и тогда мечтатель убитъ будетъ въ кредитѣ. Лучше бы онъ публиковалъ это гдѣ-нибудь въ журналѣ и дождался суда стороннихъ ученыхъ. Естьли и самъ онъ признаетъ себя бѣднымъ въ источникахъ, то изъ чего почерпнетъ онъ что-нибудь противу снабдѣннаго цѣлыми рѣками? Въ исторіи недовольно сказать, но надобно и доказать, иначе выйдетъ романъ. А Литву древнюю разграничивать по нынѣшнимъ поселеніямъ сомнительно, ибо смежные часто переселяются, мѣшаются и переиначиваютъ свою національность. Въ самой восточ-

ной Пруссіи, гдѣ *Ходаковскій* полагаетъ границу Литвы, большая часть селеній съ Рускими или Словенскими названіями. Впрочемъ, не видавши его карты, я ничего вѣрнаго заключать не могу, а у министра карта сія заляжетъ подъ бумагами и на свѣтъ не покажется. Когда вы увидите и карту, и объясненіе, то увѣдомьте и меня. Вы и не получивши еще въ свое вѣдѣніе метрики, выписываете уже для *канцлера* изъ нея дипломатическія статьи; но чудно, какъ онѣ залѣзли въ Метрику; неужели она pôt pourri всего Польскаго.

Естьли *Карамзинъ* и цѣликомъ списалъ откуду-нибудь Феррарскій соборъ, то чтò намъ нужды? Дай намъ чтò читать, а возьми откуду хочешь! Акты Флорентино-Феррарскаго собора давно напечатаны и отъ Римлянъ, и отъ Грековъ: выписывай, чтò хочешь. Вы пишете, что древняя конституція Венеціанская и вамъ не чужда. Почему же? Неужели вы вѣрите мнѣнію нѣкоторыхъ, что Венеты (Ἑνέτο) по греческой этимологіи Славяне? Это должно доказать не однимъ Греческимъ языкомъ. *Баронъ* дѣйствительно душитъ васъ безконечною своею работою; но и я согласенъ съ вами, что онъ кончитъ ее банкрутствомъ и неоконченіемъ. Авдіенція ваша съ *Оленинымъ* замѣчательна, и почти навѣрно не допуститъ онъ васъ до Mss., а между тѣмъ и *Чарторижскій* охладѣетъ. У бояръ всегда больше начинаній и предпріятій, нежели окончаній. Чужими только руками они жаръ загребаютъ. О маршрутѣ государевомъ мы не имѣемъ еще оффиціальнаго увѣдомленія; между тѣмъ дороги уже очищаютъ; гдѣ онъ ѣздитъ, тамъ они всегда надолго исправляются, и пріѣзжіе послѣ благодарятъ. Соколовъ по дѣломъ сердится на нападающаго *Греча*. Теперь и президентъ разсердится на антикритику *Пожарскаго*; а *министръ просвѣщенія* предложилъ даже Академіи Россійск. о награжденіи *Пожарскаго* за *Игоревщину*. Каково же президенту награждать своего критика! Сказываютъ, наряженъ уже комитетъ для разсмотрѣнія сей книги. Теперь понимаю, чтò значитъ *Лабзинская* пропаганда. Что-то онъ теперь дѣлаетъ на Кавказѣ, и вѣрно проповѣдуетъ у Сарептянскихъ Гернгутеровъ или у Кавказскихъ Меннонистовъ. *Бержіерова* статья на Индію устремлена съ той наипаче точки, съ которой вольнодумцы и философы выставляютъ Индѣйскія древности въ укоръ библейскихъ и христіанскихъ; а въ этомъ не безполезно образумить и нашихъ Санскритомановъ. Пожалуйте, потрудитесь. Можно по частямъ напечатать въ *Журналѣ Соревнователей*; а при печатаніи тиснуть и особо экз. 200 или 300 за дешево.

О Виртембергскихъ харяхъ не читалъ еще я въ газетахъ, изъ коихъ получаю я только академическія, *Сѣверную Почту* и Московскія. Что въ Италіи загорѣлся энтузіазмъ на вандализмъ и готизмъ, это неудивительно уже послѣ прискученія Греческими и Римскими костюма-

ми. У насъ *Мининъ* и *Пожарскій* вылиты безпорточными Римлянами, а имъ приличнѣе бы готическій костюмъ.

72.

От 26 Августа 1819 (Псковъ).

На письмо ваше отъ 20 Августа, отвѣчаю спасибомъ и поздравляю съ переѣздомъ на новую квартиру. *Кеппену* и я говорилъ, что минеральныя воды поврежденной груди не помогаютъ, а больше вредятъ. Вѣроятно, что онъ возвратится къ вамъ съ путешественными записками, а не съ поправленнымъ здоровьемъ.

Новую начатую, но неконченную энциклопедію хвалилъ мнѣ и *Патерзонъ*. Онъ еще сказалъ, что тамъ составляютъ новый историческій словарь всѣхъ ученыхъ и послалъ имъ мой Словарь.

Новую *Куницына* статью, на вашу коммиссію я еще не читалъ, хотя и получилъ сей № *С. О.* Не думаю я, чтобы Московскій секретарь уступилъ *барону* цѣликомъ все свое сочиненіе. Секретари не любятъ подѣляться своими запасами безденежно....

73.

Отъ 5 Сентября 1819. (Псковъ).

Баронъ напрасно плодитъ свой законодательскій журналъ, котораго никто покупать не будетъ. Куницынъ, очень казисто обличавшій и продолжающій обличать недостатки его свода, со временемъ упрекнетъ и тѣмъ, что много начато, но ничего не кончено, и все пойдетъ на макулатуру книгопродавцамъ, а не на пользу юристамъ. Ваши сослуживцы вѣрно предвидятъ уже сіе, когда начинаютъ уже расходиться по другимъ службамъ. Однимъ обѣщаніемъ безъ исполненія не надолго можно приманивать, а обманывающій самъ останется обманутымъ въ своихъ надеждахъ.

Естьли бы князь *Чарторижскій* и у Государя выпросилъ дозволеніе выписывать изъ библіотецкихъ рукописей, то *Оленинъ* все-таки васъ не допуститъ по неудовольствію своему, а скорѣе приставитъ другаго. Безуспѣшнымъ почитаю я ваше посягательство и на *Метрику Польскую*, которую вы мнѣ растолковали архивомъ; поэтому она есть безпорядочная куча. Но почему она названа Метрикою, растолкуйте мнѣ.

Ходаковскому послалъ я отвѣтъ въ Гомель въ пакетѣ къ *канцлеру*; не знаю, будетъ ли онъ доволенъ; *Канцлеръ* мнѣ прислалъ еще *Линденблатову Хронику*; о ѣздѣ въ Петербургъ ничего не пишетъ, а велѣлъ мнѣ *Линденблата* препроводитъ чрезъ васъ къ *Кругу*.—Въ *Вѣст*

никъ Европы читалъ и я статью о Фіолѣ Свентополкѣ, а *Шторхову* статью о рабствѣ давно читалъ я въ подлинникѣ; рабство чужестранное совсѣмъ другое, нежели наше, и потому чужестранцамъ легче было уничтожить оное, нежели намъ.

Отвѣты *Пожарскаго* на инвалидную критику дѣйствительно вялы; но его поддерживаетъ *министръ просвѣщенія*, и за него нападаетъ даже на Россійскую Академію. Кажется, и *Гречъ* критикою на грамматику тому же подпѣваетъ; журналисты обыкновенно соображаются политическому барометру. О комитетѣ для сужденія объ Игоревой пѣсни Пожарскаго увѣдомилъ меня *гр. Хвостовъ*, самъ членъ Академіи; тутъ прикомандированъ и *Ястребцовъ*. Естьли и *Ермолаевъ* впутался въ толкованье сей поэмы, то вѣрно въ какія-нибудь слова, какъ и вы догадываетесь. Сей человѣкъ изъ числа тѣхъ, которые все предпринимаютъ и ничего не оканчиваютъ...

74.

От 12 Сентября 1819. (Псковъ).

...8 число мы встрѣтили добраго нашего Государя; онъ проѣхалъ прямо въ соборъ, пригласивъ меня пріѣхать къ нему и долго наединѣ говорилъ со мною. Онъ преисполненъ благочестія и желанія добродѣтелей своимъ подданнымъ. Спѣшимъ въ Варшаву. Сходно съ вашимъ описаніемъ Польской книги odpowiedʼ(?), я замѣчаю, что онъ скорбитъ о духѣ нашего времени. Естьли ваши книгопродавцы успѣютъ въ облегченіи книжной пересылки, то это важная статья въ дѣлѣ просвѣщенія. Но *баронъ* вашъ отъ этого не разбогатѣетъ, ибо кредитъ его уже малъ.

Канцлерово сердце, видно, опять къ вамъ обратилось, когда онъ велѣлъ и за 2-ю часть волынщины выдать вамъ плату; а долго онъ на васъ дулся, какъ и я изъ писемъ его ко мнѣ замѣчалъ; но легче сердиться, нежели сыскивать услужливыхъ людей.

Напрасно вы думаете, что грамматика подъ названіемъ Αδελφότης (а не Αδελφήτης)—«грамматика добро-глаголиваго Еллино-славенскаго языка совершеннаго искуства осми частей слова ко наказанію многоименитому Россійскому роду, во Львовѣ, въ друкарни братской, року афча»—есть первое изданіе *Зизаніевой*. Сія грамматика у меня есть. Она на Греческомъ и Славенскомъ—страница противъ страницы. Это сочиненіе *Кирилла Лукаря*, ректора Острожской школы, послѣ бывшаго патріарха Константинопольскаго, а *Зизаній*, можетъ статься, былъ ученикомъ его.

Благодарю вамъ за сообщенное мнѣ свѣдѣніе о времени смерти типографщика *Іоанна Өедорова*; я внесу это въ статью о немъ. И *Ходаковскій* оказался мнѣ полезенъ, хотя въ сей статьѣ. Присовѣтуйте ему свою карту противъ *Карамзина* и замѣчанія сообщить *Каченовскому* или Варшавскимъ литераторамъ: тогда она извѣстнѣе будетъ, нежели чрезъ просвѣщенный департаментъ.

Не вѣрю, чтобы *барону* удалось подобрать къ себѣ государственный архивъ, а вамъ передать свою законопутаницу. Архиваріусы знаютъ выгоды своей спокойной службы, а на случай и доходы; все это ваши мечты только.

Чтó за слухъ у васъ разнесшійся о предосудительной смерти сына вашего князя? У насъ ничего объ этомъ не слышно.

Вы хвалите, какъ наилучшую, карту Россіи *Максимовича*. Она у меня есть 1816 года; но я не нахожу ея лучшею и исправнѣйшею; гораздо лучше и чище ея изданная отъ *Депо* ...въ (?) г.,—она теперь уже весьма рѣдка. Досадно даже глядѣть, что наши географы не означаютъ цѣпей горъ, и у *Максимовича* только Сибирскія цѣпи, но въ Европейскихъ губерніяхъ ни одной. У меня есть превосходная Аглинская *Аррошмитова* карта Европы 1810 г. на четырехъ большихъ листахъ, гдѣ всѣ наши цѣпи прекрасно обозначены. Иностранцы это знаютъ и не упускаютъ, а наши небрегутъ.

Недавно прислалъ мнѣ *Адеркасъ* только что вышедшую карту топографическую Крыма на 10 большихъ листахъ, по четыре версты въ дюймѣ. Отдѣлка превосходная, и у насъ не было еще ничего сему подобнаго. Тутъ я увидѣлъ, что Перекопъ, въ малыхъ картахъ обозначаемый разорванымъ перешейкомъ,—въ ширину верстъ девять и прорѣзанъ только какимъ-то валомъ съ батареями. Вы бывали въ Крыму,—растолкуйте мнѣ это. Названіе «Перекопъ» Руское, но онъ вѣрно не Рускими копанъ.

75.

Отъ 19 Сентября 1819. (Псковъ).

...Вы увѣдомляете меня о новомъ родящемся журналѣ; но какъ бы и надъ нами не сбылся стихъ: *журналовъ тысячи, а книги ни одной*. А то давно уже правда, что у насъ много и даже все начинаютъ, но почти рѣдко что окончаютъ. За это не одного пустомелю Фукса бранить надобно. *Фуксу* достается уже другая журнальная статья о его Сувороидѣ; да и что за исторія, которая и обѣщаетъ только одного Итальянскаго похода описаніе? У *Суворова* много было такихъ походовъ.

Бакаревича, недавно умершаго, я не знаю въ числѣ авторовъ ни по какой книгѣ; а естьли Яценко что-нибудь и прокричитъ объ немъ, я не увижу, ибо *Духа журналовъ* здѣсь никто не получаетъ.— *Сопикова* библіографія будетъ ли когда кончена, неизвѣстно; другаго книгопродавца способнаго къ сему нескоро мы дождемся; а каталогъ всѣхъ Рускихъ картъ дѣйствительно былъ бы любопытнымъ прибавленіемъ. Незабвенный *Миллеръ* еще въ 1761 году въ своихъ ежем. Сочиненіяхъ далъ намъ свѣдѣнія о всѣхъ Руско-чужестранныхъ картахъ, а съ тѣхъ поръ много у насъ и своихъ.—О сю пору не видно еще въ *Сынѣ Отечества* вашей индѣйщины; да кажется по ея длинѣ *Гречъ* не прежде и помѣститъ оную, пока не истощаетъ въ матеріалахъ. Притомъ нынѣ больше мода величать, а не унижать индѣйщину. Отпечатаніе и особо нѣсколькихъ экземпляровъ отнюдь не можетъ уменьшить числа подписчиковъ на журналъ, ибо въ журналѣ прежде читаютъ и много другаго. *Яценко* не ошибается въ своемъ разсчетѣ, и такія книжки, какъ дешевыя, скорѣе разойдутся, особливо по провинціямъ.

Вѣрю и я согласно съ вами, что книгопродавцы едва ли выхлопочутъ отмѣну таксы на пересылку книгъ: казна слагаетъ подати не иначе какъ милостивыми манифестами единовременно.

Мысль дѣлать алфавиты къ журналу законодательства даже странна; чтò за польза изъ алфавита на указы одного только или двухъ лѣтъ? Юристамъ нужно цѣлое, а не отрывки.

Итакъ *Феслеръ* опять въ дѣлѣ и въ должности! Непостоянство рѣшеній доказываетъ неосновательность и неразсмотрительность. Судья и ошибающійся долженъ имѣть твердость Пилатову (Іоан. XIX, 22). Но на чтò еврейщина въ университетѣ? Въ Московскомъ, хотя и опредѣленъ профессоръ и Евр. и Арабск. языка, но никто не учится. А въ Казанскомъ университетѣ опредѣленъ уже и директоръ! Это по старому вмѣсто ректоровъ ежегодныхъ и никогда негодныхъ изъ школяровъ. Вашею этимологіею *Метрики* отъ *метрикулы* я весьма доволенъ...

Вы очень довольно выписали мнѣ изъ *Лебрете* опроверженій на *Тацита* о Генетахъ; но они нимало не опровергаютъ *Тацита*, во 2-мъ вѣкѣ писавшаго о Гальскихъ Генетахъ, а ни объ Адріатическихъ поселившихся уже въ 5-мъ вѣкѣ. Важнѣе всего свидѣтельство Новеллы *Іустиніанà*, ближайшаго къ сей эпохѣ. Генеты, упоминаемые у *Тацита*, *Корнелія Непота*, *Плинія*, могли быть сходны именемъ, но различны происхожденіемъ. Сколько разъ сходство именъ обманывало историковъ! *Шлецеръ* правду сказалъ, что этимологическія доказательства самыя послѣднія въ исторіи; каждое слово по разнымъ языкамъ можно протолковать какъ угодно. Знатокъ въ Африканскихъ и Аме-

риканскихъ языкахъ могъ бы переспорить Арабистовъ, Еллинистовъ и прочихъ нашихъ филологовъ Европейскихъ, у коихъ была мода все доказывать этимологіей извѣстныхъ имъ языковъ. Вашъ *Третьяковскій* въ своихъ разсужденіяхъ о трехъ Рускихъ древностяхъ доказалъ, что можно все производить и отъ Рускаго и Славенскаго языковъ, и напримѣръ.... *Скиѳъ* отъ *олятаніе*, *Амазонки* отъ *омужоны*, Авхаты отъ обхваты, Сарматъ отъ цариметъ, Германія отъ Холманія, гористая земля, Италія отъ Удалія, Латины отъ Ладины и проч. и проч. Сами загляните: тамъ у него много такихъ чудесъ.

Линденблатову Прускую хронику съ 1360 по 1419 г., и то не всю еще ко мнѣ присланную, а писанную старинным Нѣмецкимъ языкомъ и не для всѣхъ Нѣмцевъ понятнымъ, давалъ я читать Нѣмцу, и нашлось немного мѣстъ до Россіи касающихся, а до Пскова только одно. Впрочемъ, лѣтопись пустая и, кажется, самими Прусаками неудостоенная изданія. На сихъ дняхъ отдамъ ее для пересылки къ вамъ. Пусть читаетъ *Кругъ*.

Я и прежде гадалъ, что пустоголовый *Ходаковскій* тупъ и презрѣнъ будетъ *канцлеромъ*. Педанты ко всему считаютъ себя способными, все берутся поправлять, оспаривать и вновь затѣвать, и вездѣ остаются только педанты смѣшные; пусть онъ публикуетъ свои парадоксы въ Rocznikach Варшавскихъ.

76.

Отъ 3 Октября.

Съ 20 Сентября былъ я въ отлучкѣ по Порховскому уѣзду и только третьяго дня возвратился; нашелъ кучу вашихъ писемъ отъ 17, 20 и 24 Сентября; третьяго жъ дня сѣлъ было отвѣчать вамъ, но въ 12 часу нечаянно явился ко мнѣ *Ходаковскій* и до 7 часу вечера занималъ меня чтеніемъ своихъ теорій, на другой день тоже доканчивалъ и ѣдетъ къ вамъ тѣмъ же занять васъ: приготовтесь къ терпѣнію. Съ вами будетъ онъ говорить уже на Польскомъ языкѣ, въ которомъ почитаетъ васъ совершеннымъ знатокомъ и почти Полякомъ.

Сынъ профессора *Чеботарева*, учившійся технологіи, особливо матеріальнымъ фабричнымъ знаніямъ и окрашиванію, мнѣ извѣстенъ по слуху, какъ острякъ и какъ dissolu. Онъ правду вамъ сказалъ что, *Калайдовичъ* пьяной притаилъ *Троицкій списокъ* отъ Французскаго нашествія, но въ его рукахъ онъ останется безполезенъ, а какъ скоро покажетъ, то къ нему же привяжутся.

Проектъ *Чеботарева* о желѣзной компаніи пустой. Онъ можетъ быть, не знаетъ, что Агличане для того только покупаютъ у насъ

Сибирское желѣзо, чтобы на подкладку подъ оное (по уставу) вывозить отъ насъ въ корабляхъ доски и брусья. Бывши въ Вологдѣ, гдѣ много заводовъ, я обстоятельно узналъ сію ухватку; безъ сего Агличане предпочитаютъ Шведское и Норвежское желѣзо, и въ Архангельскъ для онаго не заглянули бы.

Вы продолжаете работать метрическія выписки для *канцлера*; но естьли оныя останутся у него безъ публикаціи, то мало намъ пользы. Не браните его хронологическую методу изданія граммать: для историка современность лучше нежели классы, а индексъ укажетъ и классификацію.

Начало вашей *Бержіеровской* статьи объ Индіи я уже прочиталъ, получилъ и продолженіе; но еще не читалъ. Можетъ быть это сколько-нибудь образумитъ индофиловъ, а паче индомановъ. Привычка ваша вставлять въ переводъ и подлинниковы слова мнѣ не нравится,— вѣдь это не классическая книга, въ коей нужна терминологія. Нѣкоторыя примѣчанія ваши кажутся мнѣ такъ же излишними....

Псковская моя исторія давно кончена и почти уже переписана; но *Ильинскій* (именно вашъ юрисконсультъ) вызвался мнѣ сообщить еще записки, невошедшія въ его Исторію Пскова. Я уже и получилъ ихъ, но вскользь только просмотрѣлъ и, кажется, немного воспользуюсь.

Вы увѣдомляете меня о Екатеринославскомъ орденѣ молчальницъ; это самый труднѣйшій орденъ для женщинъ и по вашему замѣчанію; но онѣ въ наше время не слушаются и Апостольскаго правила 1. Коринѳ. XIѴ, 34, и чаще исполняютъ его же предсказаніе 2, Тимоѳ. III, 6, а еще ближе 1, Тимоѳ. Ѵ, 13....

Итакъ, возвратился вашъ и *баронъ* человѣколюбивый и вмѣстѣ минералоголюбивый; посмотримъ, какая тутъ любовь превозможетъ. Первая любитъ издержки невозвратныя, а другая капиталъ нетлѣнный. Читавши и въ газетахъ, и въ журналахъ красивыя слова объ улучшеніи тюремъ, я вспомнилъ одно острое слово одного путешественника, по обозрѣніи великолѣпныхъ, покойныхъ и довольныхъ въ пропитаніи сумасшедшихъ домовъ, сказавшаго: лучше быть сумасшедшимъ для наслажденія выгодами жизни, нежели гоняться за ними по свѣту съ умомъ; а кому неизвѣстно, что и многіе ученые нуждаются въ пропитаніи больше сумасшедшихъ и тюремныхъ? Вѣрно иные согласились бы при нихъ быть и смотрителями, отнюдь не изъ человѣколюбія, а изъ самолюбія. Естьли бы и самъ человѣколюбивый *Говартъ* не сидѣлъ въ тюрьмѣ и не имѣлъ единственнаго своего сына сумасшедшимъ, то можетъ статься не думалъ бы ни о тюрьмахъ, ни о сумасшедшихъ домахъ, для нихъ самихъ нужныхъ. Состраданіе и полиціи о скитающихся у васъ нищихъ есть состраданіе о самой себѣ.—На вопросъ мой о Перекопѣ Крымскомъ вы не удовлетворили меня ни ссылкою на Геродота (у кое-

го lib. IV, cap. 20 нашелъ я ὤρυξα), ни сказаніемъ о Рускихъ батареяхъ: по ландкартѣ не видно перекопа поперечнаго, а вдоль по перешейку къ Россіи прокопъ.

Вы хвалитесь пріобрѣтеніемъ Польской карты, но не хвалите отдѣлку ея; а у меня есть Руская карта Царства Польскаго изданія 1816 года изъ депо картъ и прекрасной отдѣлки, длиною въ 7, а шириною въ 4 четверти аршина.

77.

От 10 Октября 1819 (Псковъ).

Мýка ваша надъ *баронскими* алфавитами хуже католицкаго пургаторія, который очищаетъ грѣхи, а вашъ вводитъ васъ въ оные.

Гречъ дѣйствительно отступилъ отъ своего правила, что напечаталъ вашу статью и особо; попытайтесь отдать ее въ лавки. Ему все счастье, когда къ богатству его прибавилось еще 6000 рублей директорскаго жалованія: *имущему дано будетъ и преизбудетъ.* Спасибо ему и вамъ за «Письма о воображеніи», которыхъ я еще не читалъ. Похвалу военной исторіи *Бутурлина* уже читалъ я въ *Сынѣ Отечества*, но книги не куплю за 60 руб.; да и конца ея не чаю по огромности, какъ у насъ всегда водится. Ваша правда, что у насъ нельзя сдѣлать Revue Encyclopédique... по успѣхамъ наукъ; ибо ничего не кончено, хотя все начато. Затѣйливому Уварову и я не чаю долгаго начальства надъ Петерб. университетомъ; дивлюсь даже какъ ему это поручили.

За *Третьяковщину* вы мнѣ также щедро заплатили *Демболецковщиною*, я запишу ее на книгѣ *Третьяковскаго*, котораго напрасно называете вы своимъ землякомъ: онъ былъ изъ Астраханскихъ купцовъ. Теперь *Ходаковскій* уже у васъ и, вѣрно мучитъ уже васъ чтеніемъ; мнѣ сказывали, что онъ во Псковѣ, распростившись со мною, получилъ съ почты и отвѣтъ министра, а какой не знаю.

Смѣшно, что *графъ Хв.* принялся уже и за скотскую науку. Эта новая слава. На вопросъ вашъ, о *Діоптрѣ Хутынской* и *хожденіи Евфросина въ Царьградъ* отвѣтствую: 1) Діоптры я не видалъ самъ и взялъ извѣстіе объ оной изъ старинныхъ Хутынскихъ описей и изъ каталога библіотеки Академіи Наукъ 1744 г. За вѣрность сего не ручаюсь; впрочемъ въ кладовой Хутынской и донынѣ валяется разломанный типографскій станокъ. 2) *Евфросинъ* дѣйствительно не могъ дойти въ Царьградъ въ добрую пору; ибо еще со временъ *Баязета* и даже *Амурата* Константинополь обезпокоиваемъ былъ нашествіями Турокъ; а въ 1396 г. они завоевали уже Болгарію. Сіи-то притѣсненія и притомъ внутренніе мятежи заставляли Константинопольскихъ императоровъ искать помощи у папы и другихъ Европейскихъ государей (съ половины

XIV вѣка), и сіе-то привлекло въ Италію и *Іоанна Мануиловича*. Подробнѣе о всемъ семъ можете найти въ *Минятіевой* книгѣ: *Камень соблазна...* Бредни объ аллилуіѣ и невѣріе тому архіепископа Новгородскаго сами собою доказываютъ, что простакъ *Евфросинъ* не могъ для аллилуіи ходить въ Царьградъ.

Въ *Сынѣ Отечества* читалъ я *В. Н. К.* выкличку на Французскихъ учителей. Чудно, естьли это правда въ Петербургѣ! *Шамфортова* статья также явный упрекъ и нашей Академіи, на которую ополчился *Гречъ* за грамматику. Посмотримъ, не будутъ ли чего отвѣчать ему.

О библейскомъ собраніи публиковано уже въ *Сѣверной Почтѣ*, но отчета еще не напечатано; увидимъ послѣ. Либеральности при Библіи проповѣдывать негодится, хотя вольнодумцы и изъ нея заимствуютъ доказательства, какъ и діаволъ (Лук. IV. 10).

В. Н. К. раздѣленіе свое гробовъ на Рускіе, Казарскіе и Славенскіе не докажетъ найденнымъ горшкомъ своимъ. Гораздо любопытнѣе его апологія *Комбурлею*; но трудно и ею истребить всеобщее предубѣжденіе противу его. Такія выклички не дѣлаютъ чести и апологетамъ, и ихъ самихъ могутъ подвергнуть замѣчанію.

Вы напоминали *А. И. Тургеневу* о выпискахъ изъ Ватиканской библіотеки; а *канцеръ* писалъ ко мнѣ, что онъ старается достать оттуда выписки и до Руской исторіи относящіяся, также и изъ Вѣны; послѣднее, кажется, труднѣе перваго по Австрійской политикѣ.

Вы опять пророчите мнѣ ненавистное переселеніе, но не говорите, изъ какого достовѣрнаго источника сіе слышите; а я скажу вамъ, что воспротиворѣчившій сему въ прошломъ году тоже сдѣлаетъ и въ будущемъ. Мнѣ оскорбительнѣе всего, что тамъ думаютъ, будто я самъ сего проискиваю; а во всемъ семъ виноватъ только *канцлеръ*, старающійся о семъ. Его происки приписали мнѣ. Кому съ разсудкомъ охота идти въ порабощеніе!

О возвращеніи *Лабзина* въ Питеръ я читалъ въ Академическихъ Вѣдомостяхъ; о болѣзни его вы прежде мнѣ не писали, а сказалъ мнѣ въ прошлое лѣто одинъ пріѣзжій; теперь вы увѣдомили меня только о вторичномъ припадкѣ. Но гадать изъ сего грѣшно: часто, по слову *Соломонову*, одинъ случай мудрому и безумному, благочестивому и нечестивому. Московскій случай брата, зарѣзавшаго сестру, чуднѣе: сей родъ сумасшествія трудно изъяснить; но часто люди помѣшиваются на одномъ пунктѣ, сохраняя разсудокъ во всемъ другомъ.

О многихъ Харьковскихъ ученыхъ, оставившихъ свѣтъ, публиковано и въ Московскихъ газетахъ, при годовомъ отчетѣ университета. Жалчѣе всего, что многіе умерли въ цвѣтѣ жизни и въ славѣ литературной. Вамъ желаю долгой жизни и крѣпкаго здоровья.

78.

От 21 Октября 1819 (Псковъ).

И вы не скучаете списывать о Камбурлеѣ цѣлыя тетради; но стоютъ ли онѣ того, и какая вамъ изъ нихъ польза! Въ другой разъ вы и сами перечитывать ихъ не будете въ своей и безъ того огромной уже архивѣ. Статистическое описаніе Украинской губерніи *В. Назаревича*, думаю, любопытнѣе: онъ мастеръ въ семъ родѣ сочиненій; но выговоръ за *Шада* ему по дѣломъ; не противорѣчь правительству! Самъ же онъ мнѣ въ Москвѣ 1803 года говорилъ, что иностранные профессоры въ Харьковѣ почти всѣ Якобинцы и нѣкоторые обличены уже въ подозрительной перепискѣ за границу. Теперь Германскими учеными это оправдалось. Какой славный аргументъ богословамъ *Берже́ера* противу философизма! Сами Французскіе литераторы, издававшіе съ 1805 г. Le Spectateur Français au XIX siècle, доказали это 17 томами своего журнала. Но за рѣдкія обличенія кабала ученыхъ запретила ихъ журналъ. Вотъ какова tolérance [1]) философовъ, требующихъ себѣ оной!

Ваша задача сдѣлать алфавитъ изъ всѣхъ Псковскихъ селеній и мнѣ нравится. Это можно выписать изъ рукописей о приходахъ, въ коихъ и малыя деревеньки означены у насъ; но хлопотно и похоже на ходаковщину. Впрочемъ такой словарь для пріисканія полезенъ былъ бы и консисторіи и губ. правленію. Что-то успѣетъ у васъ *Хадаковскій* и что́ будетъ отвѣчать ему *исторіографъ*? А я думаю, что онъ не удостоитъ его и собесѣдованія, а не только вниманія. Онъ считаетъ уже себя выше всякой критики, и *Каченовскій* охрипъ только отъ напраснаго кричанія. Карамзинъ можетъ всѣмъ критикамъ отвѣчать, по горацiански: Si quid novisti rectius istis candidus imperti, si non, his utera mecum [2]).

Гумбольдовой Vue des Cordeliers et monumens des peuples indigènes de l'Amérique я не видалъ. Что преданія сходныя и съ *Моисеевыми* эпохами во всемъ свѣтѣ есть, это давно извѣстно, и оно-то подтверждаетъ *Моисея*. Американцы не саморослые грибы, какъ твердилъ *Вольтеръ* и ему подобные, а потомки Азіи, оторванные отъ насъ Беринговымъ проливомъ и грядою Алеутскихъ острововъ. Вся южная Полинезія съ перваго взгляду показываетъ, что она нѣкогда была полоса материку, изорванная нынѣ на милліоны острововъ. А чтобы *Моисей* у Египтянъ списалъ свою космогонію и эпохи, это давно фи-

---

[1]) Терпимость.

[2] Если что́ знаешь лучше нежели это, то благосклонно сообщи; еслиже нѣтъ, то пользуйся симъ вмѣстѣ со мною.

лософисты хотѣли доказать, но къ несчастью, не нашли Египетскихъ книгъ и выставляли одного только *Санхоніатона Финикійскаго*, который 5½ вѣками позже *Моисея*. Нынѣшніе индіоманы тоже хотятъ доказать, но съ таковымъ же успѣхомъ.

Неугомонный вашъ *баронъ* естьли бы давно принялся дополнить и окончить *Максимовичевъ* Указатель Законовъ, это было бы полезнѣе его свода и журналовъ, и скорѣе бы раскупили юристы.

Поздравляю васъ съ дешевою покупкою Аглинской всемірной исторіи, больше огромной, нежели полезной въ сравненіи даже со старикомъ *Ролленемъ*. Эта куча займетъ у васъ цѣлую полку, пока не продадите какому-нибудь вивломану. *Пинкертонъ* мнѣ сказывалъ, что нынѣ Агличане затѣваютъ и еще огромнѣе всемірную исторію; но кто сіи громады читать станетъ? Для того надобно на нѣсколько лѣтъ отъ всякаго другаго чтенія отказаться.

Спасибо, что вы не разсердились на мое замѣчаніе объ охотѣ вашей показывать себя и въ переводахъ, и въ описаніяхъ по старинному школярству. Я еще забылъ примолвить, что вы сами подпали своему замѣчанію, нѣкогда въ *Сынѣ Отечества*, напечатанному на Рускихъ цитаторовъ, приводящихъ иностранщину безъ переводовъ для Рускихъ читателей (*Приписка Анастасевича*: въ статьѣ объ Индіи изъ Шубертов. Астрономіи). Вотъ какъ легко самимъ поправщикамъ ошибаться въ томъ же...

Вы точно оттадали и растолковали мнѣ мою мысль, что отъ натужнаго энтузіазма къ человѣколюбію ослабится и чувствованіе къ оному; а слабость сихъ обществъ видна уже изъ того, что они отпускаютъ съ аттестатами нищихъ. Вкладчики сначала иные, изъ честолюбія членства, а иные отъ стыда общественныхъ предложеній, подписываются, но скоро скучаютъ, исполнивъ обѣщаніе, и все пойдетъ по старому. Естьли бы ваши аттестатные нищіе появились у насъ въ провинціяхъ, то принуждены были бы заработывать свое пропитаніе или къ вамъ бы возвратились; ибо у васъ они сытѣе и въ самыхъ тюрьмахъ покойнѣе. Но на долго ли, увидимъ.

О Крымскомъ Перекопѣ я опять скажу, что на моей картѣ нѣтъ перекопа, а какіе-то ретраншаменты и то не поперекъ перешейка, а вдоль по дорогѣ изъ Крыма въ Россію. Когда увидите сами карту, то растолкуйте и мнѣ, а карта дѣйствительно стоитъ хотя взгляда вашего и дѣлаетъ честь издателямъ.

79.

От 24 Октября 1819 (Псковъ).

Что-то *Хадоковскій* вашъ найдетъ у толковитаго президента этимолоґіи; а кажется найдетъ коса на камень,—поспорятъ и нечего не рѣшатъ. Впрочемъ, и этимологія того и другаго разнокалиберная; развѣ *Линде* подошелъ бы подъ пару?

Канцлеръ довольно занимаетъ васъ Метрикою, да и самъ видно любитъ родословныя мелочи, едва ли во всѣхъ подробностяхъ своихъ на что-нибудь полезныя. Что въ Руско-литовскихъ актахъ встрѣчаются неупотребительныя у насъ слова, это не диво, когда и каждая наша провинція имѣетъ многія отличныя. *Екатерина II* старалась собрать такіе словари и изъ многихъ провинцій получила; но гдѣ они нынѣ, неизвѣстно; а въ Сравнительномъ ея Словарѣ помѣщено ихъ немного. Чудно, Метрику выписывать поручили Поляку, не знающему Рускаго языка, но видно, и наши бояре не знаютъ, на какомъ языкѣ больше писаны Метрики.

Спасибо вамъ за проектъ о третейскихъ судахъ. Я прочелъ его, но ничего новаго не нашелъ, кромѣ суперарбитра и аппеляціи; вообще сей судъ только для слабыхъ, а не для сильныхъ. Гораздо бы лучше назначить дѣла, въ коихъ онъ былъ бы неизбѣженъ никому. Основаніе сему положено уже въ учрежденіи губерній. Можно бы посредниковъ позволить выбирать каждому подсудимому и въ засѣданіи присутственныхъ мѣстъ, гдѣ дѣло ихъ производится. Нынѣ сіе исполняютъ депутаты отъ званій; но одинъ депутатъ за всѣхъ не есть надежный посредникъ. Въ селахъ должно бы уставить за непремѣнное, чтобы всѣ гражданскія дѣла разсматриваемы были посредниками своими, а въ уѣздный судъ вступали бы только развѣ важнѣйшіе иски. Теперь же волочатъ поселянъ и за курицу. Исправникъ во все мѣшается и всему мѣшаетъ.

Когда двинется изъ Гомеля *канцлеръ* и я не знаю; ибо ко мнѣ не писалъ о семъ.

Съ Ипатьевскимъ монастыремъ я никакого не имѣю сношенія, а лучше *канцлера* настроить написать къ архіерею. Но не думаю, чтобы лѣтъ за 300 или 400 уцѣлѣла тамъ архива и списки монаховъ. Естьли и найдутъ имена *Тихона Мижуева* и старца *Тарасія* въ старыхъ синодикахъ, то это всегда вписывается безъ лѣтъ; а мнѣ архіерей тамошній незнакомъ. Впрочемъ, Ипатьевскій монастырь, не разорившися отъ Литвы, долженъ бы сохранить старыхъ бумагъ больше другихъ монастырей. Онъ былъ первокласной и ставропигіальной; слѣдова-

тельно имѣлъ больше другихъ штату и дѣловыхъ людей, умѣющихъ вести записки.

Вчера получилъ я отъ васъ и ртутные инструменты, но еще не раскрывалъ ящика. Теперь поскорѣе присылайте счетъ: мнѣ самому должно по оному считаться со многими и взыскивать деньги.

Вѣсти ваши о переселеніи я почитаю, къ утѣшенію моему, только догадками, и въ департаментѣ, и у *барона*, можетъ быть и дѣйствительными по газетной статьѣ изъ Пскова. Но въ Псковѣ никакихъ примѣтъ сему не было, а я все твержу: avertat Deus! [1])...

80.

От 4 Ноября 1819 (Псковъ).

Васъ все мучатъ два *барона*, одинъ юстиціею, другой филантропіею; но, кажется, оба успѣху не получаютъ. Напередъ можно предсказать, что по губерніямъ не будетъ ни тюремныхъ, ни нищелюбивыхъ обществъ; всѣ скажутъ: освободите насъ отъ повседневныхъ и повсемѣстныхъ прошаковъ, тогда мы вамъ охотно поручимъ свое милостынноподаяніе; ибо и самые скупцы подаютъ милостыню встрѣчнымъ нищимъ. Но подавать и встрѣчнымъ, и заочнымъ неохотно согласятся и щедрые, тѣмъ паче, что встрѣчные жалчѣе; а человѣколюбивымъ вашимъ іеремiадамъ въ журналѣ время отъ времени меньше будетъ и читателей. A force de pleurer on étouffe toute la pitié [2])

Другаго *барона* и вы мучите безконечными совѣтами, то издавать законы настоящаго царствованія, то дополнять *Максимовича*, то дѣлать индексы и проч. Все начнете и ничего не кончите по Рускому обычаю. А у *барона* еще немаловажная на умѣ задача произвесть всю нашу *Рускую Правду* изъ старогерманскихъ законовъ, чего не успѣли сдѣлать ни *Шлецеръ*, ни *Струбе-де-Пирмонъ*, указавшіе намъ только статейки 4 или 5, похожихъ на *Рускую Правду*. Я въ своемъ экземплярѣ больше статей означилъ совершенно сходныхъ съ *Моисеевыми* законами.

Канцлеръ теперь уже у васъ; онъ съ дороги писалъ ко мнѣ изъ Порхова. На сихъ дняхъ отправляю я къ нему съ извощикомъ его *Линденблата* и Псковскую лѣтопись; доставьте хотя вы, взявши у Дмитріева. *Линденблатова* пустая лѣтопись.

Читалъ я *Писаревскій* панегирикъ *Карамзину*. Это надгробное слово за живо. Читалъ и вашу рецензію на *Церковный Словарь*. Замѣчанія ваши справедливы. Самъ авторъ началъ набивать сію книгу всякою вся-

---

[1]) Да отвратитъ Богъ!

[2]) Отъ многаго плача заглушается вся жалость.

чиною, пропустивши много словъ Славенскихъ. Но вамъ видно неизвѣстенъ *Краткой словарь Славенской съ прибавленіемъ Славенскихъ склоненій, спряженій и нѣкоторыхъ важнѣйшихъ грамматическихъ правилъ, собранный при кадетскомъ корпусѣ іеродіакономъ Евгеніемъ, напеч. въ Спб. 1784, въ 8°*, книга небольшая, но полезнѣе Церковнаго Словаря. Собиратель воспользовался и *Берындою*, и *Поликарповымъ*, и *Петромъ Алексѣевымъ*; вы бы могли упрекнуть сею книгою академиковъ. Что словарь *Петра Алексѣева* будто бы одобренъ былъ и митрополитомъ *Платономъ*, это не правда. Митрополитъ сей терпѣть не могъ ни автора, ни книгъ его; ибо авторъ былъ вольнодумецъ и въ религіи протестантъ. Посему-то и въ словарѣ его часто мелькаютъ толки протестанскіе о церковныхъ обрядахъ, а особливо о монастыряхъ и монахахъ. Покойный предмѣстникъ мой, преосвященный *Мефодій* *) сдѣлалъ подробную рецензію сему словарю и представилъ *Платону*, который хотѣлъ донести и Синоду; но *Петра Алексѣева* защищалъ весь сонмъ масоновъ.

Вы правду говорите, что и нашей церкви нуженъ бы такой богословскій и церковный словарь, каковъ Бержіеровъ; но человѣка не имамы; а матеріаловъ уже много и у насъ. Вамъ полюбилась *Бержіерова* систематическая таблица; но вѣдь въ энциклопедіи сей каждая наука въ концѣ словаря своего приведена въ такія же таблицы. У меня есть сей же энциклопедіи Dictionnaire de Grammaire et de Littérature съ такою же на концѣ системою, и прекрасно. *Остолоповъ* изъ него почерпнулъ свой Словарь Поэзіи и представилъ уже министру.

Фитингофомъ разсказанное вамъ открытіе о желѣзѣ, въ древнихъ зданіяхъ получающемъ магнетизацію, отнюдь не новое: намъ еще въ физическихъ лекціяхъ 1785 г. въ Моск. университетѣ профессоръ *Ростъ* это сказывалъ, показывалъ такой отломокъ и примолвилъ, что и ударъ молніи иногда производитъ магнетизмъ въ желѣзѣ, а у магнитной стрѣлки перемѣняетъ направленіе. Новые ученые часто хвалятся старыми открытіями.... Даже и летаніе по воздуху занимало уже головы древнихъ. А сколько новыхъ открытій оказались неосновательными! Можетъ быть и *Фитингофомъ* привезенныя диковинныя модели такого же рода.

Чтó за бунтъ былъ въ Грузіи? Объясните мнѣ; у Азіатцевъ это не диво.

Чѣмъ то кончится *Ходаковскаго* географо-этимолого-аналогическое похожденіе, увѣдомьте меня. А *канцлеръ* чуть ли не правъ, что не понялъ цѣли его, какъ и я. *Карамзину* же некогда съ нимъ и разсу-

---

*) Смирновъ. Умеръ архіеп. Тверскимъ.

ждать о сихъ мелочахъ: ему нужнѣе время для трудной въ самомъ дѣлѣ исторіи царя Грознаго, создателя нашей монархіи... Въ добрый часъ *канцлеру* скупать домы около монумента для помѣщенія своей библіотеки и музея; но кажется, это кончится на словахъ, такъ какъ и Албертрандіевы спаргалы. У насъ вездѣ parturiunt montes *).

Въ Псковѣ пронесся слухъ, что министръ полиціи опять прежній. У васъ должно быть это извѣстнѣе. Но для насъ все равно, кто ни будь.

Въ рецензіи *Церковнаго Словаря* вы назвали его 4-мъ изданіемъ, а по моему счету 3-е; растолкуйте мнѣ; также въ заглавіи вы сказали 4 части, и насчитали 5. Чему вѣрить? Вы пишете, что *Бержье* упоминаетъ о раскольничей сугубой аллилуіи; въ какой статьѣ, я не нашелъ.

81.

От 11 Ноября 1819 (Псковъ).

Хвала *Ходаковскому* хоть за то, что онъ заохотилъ нашего *В. Н.* къ изслѣдованію объ Украинскихъ курганахъ или могилахъ. Но дивлюсь, что вы всѣ трое думаете, будто о сожиганіи мертвыхъ у Славенъ нѣтъ и слѣдовъ. Загляните въ *Кенигсбергскаго Нестора* стр. 12, прибавьте къ тому и *Далинову* Шведскую исторію части 1, кн. гл. 6, § 23 и 24: тутъ найдете и сосуды могильные. А вообще о погребеніяхъ разныхъ народовъ много книгъ писано; но о головѣ какого-то животнаго, и можетъ быть по мнѣнію вашему сурка или байбака, очень обыкновеннаго на Украинскихъ степяхъ, я не помню, чтобы гдѣ писано было. При разыскиваніи не встрѣтится ли вамъ и то, что въ Изборскихъ могилахъ откапываются скелеты, у коихъ на головномъ черепѣ вѣнцомъ обложена мѣдная змѣя. Такихъ двѣ мѣдныхъ змѣи доставили мы *канцлеру*, и нѣсколько колецъ, змѣеобразныхъ также, съ рукъ; въ сихъ гробахъ находимы были также ожерельныя привѣсочки, называемыя змѣиныя головки, но о сосудахъ здѣсь я не слыхалъ.—Дивлюсь, что *исторіографъ* благосклонно принялъ *Ходаковскаго*. Но, думаю, кромѣ указанія предѣловъ Литвы въ Курляндіи ничего другаго отъ него не приметъ; ибо городословіе и городищесловіе его едва ли къ чему нибудь въ исторіи годятся. Но задачу отыскать границу всѣхъ племенъ Славенскихъ и всѣхъ удѣльныхъ княжествъ никто теперь не рѣшитъ. А президенту академіи это еще меньше нужно.

Посмѣялся и я желанію *графа Д. И.* увѣковѣчить и свой почеркъ съ *Ѳеофановымъ*. У Гомера и слуга Ахиллесовъ безсмертенъ по барину, и лошадь по сѣдоку. Но онъ сошлется на 9 оду IV кн. Горація, что сти-

*) Горы разрождаются (т. е. мышами).

хотворцы увѣковѣчиваютъ героевъ, которые безъ нихъ не доходятъ и до памяти потомства.

Возвратился ли *Кеппенъ?* Что въ известковомъ илѣ окаменѣли ноги человѣка, это не диво, естьли этотъ илъ вмѣстѣ и соленой; не диво также, что горитъ сія окаменѣлость, ибо въ ней заключенъ жиръ.

Ваша задача *барону*, чтобы сличить противорѣчащіе законы, можетъ быть исполнена *Ильинскимъ*. *Чулковъ* въ своемъ Словарѣ кое-гдѣ показывалъ сіе подъ статьями своихъ сокращеній законовъ; но этотъ трудъ предлинный и претяжкій. Надобно прочитать всѣ законы. При вашемъ сводѣ надлежало бы и сего не упустить; тутъ всего бы приличнѣе это было.

Жаль молодаго *Пензенскаго владыку*. Не поберегли сего добраго человѣка; а естьли скончался и *Молдавскій экзархъ*, то мѣсто это уже никѣмъ занято не будетъ: ибо не онъ для сей экзархіи былъ, а экзархія для него по вліянію его на соотчичей своихъ Молдаванъ въ послѣднюю Турецкую войну, съ окончаніемъ коей указомъ 1813 года предоставлено ему только лично титло экзарха.

Открытіе ваше о *Литовскомъ статутѣ Рускомъ* весьма важно и для Поляковъ, и для насъ. Сдѣлайте это гласнымъ хоть въ *Сынѣ Отечества*.

Поздравляю васъ членствомъ соревнователей; имъ нужны писаки. А вы на все охотникъ, и уже подарили оному статью о *философскихъ сектахъ*. Я поищу въ своей архивѣ и статьи вашей *о христіанствѣ*. Но давно ея не видалъ и не знаю, гдѣ. Давно хочется мнѣ приняться за разбираніе архивы; *но день дневи отрыгаетъ глаголъ, и каждому дню довлѣетъ злоба его*. Чудно, что Казанскій цеховой стихотворецъ *) вашей рецензіи приписываетъ худой ходъ своей Боаловщины, такъ какъ дурныя щеголихи бранятъ и винятъ зеркало. *Владыка Казанскій* писалъ мнѣ, что и въ Казани до вашей рецензіи презрѣли сію книженку и вспомнили *Измаилову* сказку о чортѣ и стихотворцѣ. Пора бы такимъ стихотворцамъ перестать искать хвалы.

Что *Оленинъ* вамъ не поручилъ дѣлать изъ библіотеки выписки Польскія, это я еще сначала вамъ предсказалъ; но не думаю, чтобы и по предписанію министра скоро или когда нибудь сіе исполнили. Выписки самый скучный трудъ. При томъ *Ермолаевъ* и *Востоковъ* безъ себя не допустятъ; а ихъ отыскивать труднѣе, нежели документы.

Читалъ я въ *Сынѣ Отечества* и другую статью *В. Н—ча* на Французскихъ учителей; довольно ѣдко. Естьли бы варваръ Французъ не напечаталъ въ Консерватёрѣ своихъ варварствъ, то нельзя бы и повѣ-

*) Городчаниновъ.

рить, что могла быть написана сія галиматья и нелѣпица Французомъ на самомъ дурномъ языкѣ. *Фонъ-Визинъ* своимъ Адамомъ Адамовичемъ отучилъ было Рускихъ отъ Нѣмецкихъ воспитателей. А теперь пора отучить и отъ Французскихъ вруновъ. Пусть они бѣсятся на то, что и Рускіе умѣютъ уже судить ихъ и по самому языку ихъ.

Вы пишите, что *Монферранъ* архитекторъ, не построивши еще Исакіевскаго собора, собирается уже писать исторію его и приглашаетъ васъ. Но вся сія исторія есть уже въ Богдановомъ и Георгіевомъ описаніи Петербурга. Да скажите, мраморный ли будетъ новый сей соборъ? Иначе какъ бы ни сочинили новую эпиграмму.

82.

От 18 Ноября 1819 (Псковъ).

Хотя вы и не удосуживались еще обѣдать у *канцлера*, но и то хорошо, что онъ доволенъ вашею запискою и открытіемъ Рускаго Волынскаго статута; онъ симъ будетъ хвалиться, а и еще лучше, что онъ купилъ уже сію рѣдкую рукопись, въ его рукахъ могущую уцѣлѣть надежнѣе, нежели у другихъ библомановъ и библотафовъ.

Отвѣтъ графа *Оленину* прекрасный. Дѣйствительно, надо прежде описать уже наличныя книги, а потомъ уже думать о умноженіи оныхъ: иначе ничто не сбережется. А васъ поздравляю съ билетомъ на доступъ къ Польской Метрикѣ. Дивлюсь вашей охотѣ ко всему кропотливому; но будетъ ли награда за сей неблагодарный трудъ? Labor improbus! *) Хорошо, что за Нѣмецкими учеными шалунами, къ намъ выходящими, додумались присматривать; кажется, не на сей ли конецъ и почтовый департаментъ оставленъ пока у нашего министра. Письма много переносятъ заразы и больше нежели книги. Правду вашъ Чацкій пророчествовалъ, что мрачная Нѣмецкая метафизика все смѣшаетъ въ кучу, пока не проникнутъ сей тьмы правители. *Все разрушающій Кантъ* въ состояніи все разрушить и чрезъ учениковъ. А ненадобно слѣпо вѣрить и филантропическимъ обществамъ. Масоны и якобинцы также прикрывались харею сею; но послѣ изъ нихъ вышли *Мараты* и *Робеспьеры*. Они сперва милосердовали и о Бастильскихъ тюремникахъ, а послѣ сами больше ихъ насажали. Довольно остроумно отвѣчалъ графъ Мил. на жалость о тюремникахъ.

Что замѣчанія на *исторіографа* не выпущены, это только разраженіе критики; рано или поздно появится она съ новымъ симъ замѣчаніемъ. Чѣмъ позднѣе критика, тѣмъ долговѣчнѣе; а особливо естьли выйдетъ послѣ смерти автора: тогда не винятъ уже въ пристрастіи.

*) Трудъ непочетный.

Рихтеровы рукописи по описанію вашему нимало не любопытны. Не вѣрю и я, чтобы *Мусинъ-Пушкинъ* только 50 экз. напечаталъ *Древняго Чертежа*; развѣ отъ стыда, что онъ не упомянулъ о той же книгѣ, *Новиковымъ* изданной подъ именемъ Росс. Гидрографія.

Затѣи вашего *барона* безконечны; боюсь, чтобы и вы у него не научились многое начинать и ничего не оканчивать...

Изъ Малороссіи не дождетесь вы Малороссійскаго словаря, ибо туземцы перемоскалившіеся брезгуютъ уже праотеческимъ языкомъ, а развѣ кто-нибудь выходецъ изъ нихъ въ другомъ мѣстѣ положитъ сему основаніе. Вѣчный покой Черниговцу *Маркову*; но онъ мало еще успѣлъ сдѣлать и для *Несторовой* географіи. О Переяславскомъ *рубанномъ* строеніи, видно, также Переяславцы не умѣютъ еще и думать.

Вы спрашиваете, почему въ украинскихъ могилахъ древнихъ мертвецы кладены на Югъ лицомъ? Не потому ли, почему Греческіе христіане погребались лицомъ на Востокъ къ Іерусалиму, Римскіе на Западъ къ Риму, а магометанскіе къ Меккѣ? Половцы, Печенѣги и Казары были магометане. Горшки не значатъ ли магометанское омовеніе?

В. Н—чъ написалъ уже и крестьянскій уставъ! Вѣрно не по крестьянски, а по помѣщичьи. Чтó еще за сочиненіе у васъ о *истиннѣ новаго стиля предъ старымъ*? Странное мнѣніе *графа Дм. И.*, что будто семинаристы могутъ переводить классиковъ. Вы знаете ихъ синтаксическую методу перевода; годятся ли они на свѣтъ? Съ Греческаго все еще легче переводить по сближенію съ Славенскимъ; но съ Латинскаго, не приближеннаго къ намъ своею синтаксіею, каторжная работа, естьли кто не хочетъ показаться *Третьяковскимъ* въ Аргенидѣ. Я не понимаю, какихъ считаете вы три изданія Московскихъ *Словаря Церковнаго*; по моему было ихъ два, и первое съ двумя дополненіями.

83.

От 25 Ноября 1819 (Псковъ).

Отвѣтствую на ваши письма отъ 15 и 19 Ноября. *Ходаковскаго* статью въ *Вѣстникѣ Европы* я читалъ и изумился, какъ она туда заскочила; признаюсь, чуть было не погрѣшилъ, подумавъ на васъ; но вы въ письмѣ отъ 15 числа открыли мнѣ виновнаго, и я мысленно не похвалилъ сего поступка. Симъ помѣшали и *Ходаковскому* въ переговорахъ съ *исторіографомъ* и, думаю, оскорбили министра, ему покровительствующаго. Я гадаю, что не обойдется безъ непріятностей переславшему сію статью въ Москву, и безъ сомнѣнія доищутся сего виноватаго; а потомъ, можетъ быть, ему достанется и самому выѣхать къ Москвѣ.

Вы спрашиваете моего мнѣнія о сей статьѣ. Слогъ *Ходаковскаго* весь переправленъ, ибо онъ по-русски весьма не мастеръ писать, какъ мнѣ извѣстно изъ его ко мнѣ писемъ. Тонъ весь изъ жеманныхъ загадокъ, вопросовъ и нерѣшимостей. Кромѣ замѣчанія о предѣлахъ Литвы въ Курляндіи (что́ требуетъ еще точнѣйшаго изслѣдованія и доказательства) прочее все догадливая этимологія и proritus contradicendi кое по какимъ примѣтамъ. Кажется, ни читатели, ни самъ *исторіографъ* не воспользуются сею темою и гадательною критикою; возражать надобно не обинякми, а ясно и доказательно, особливо исторіографу, который и при самомъ сочиненіи вѣрно запасался уже отвѣтами на возраженія. Во второмъ изданіи (томъ VI, примѣч. 208) онъ скромно, коротко и ясно обличилъ и *Каченовскаго* за *Басму*. Такіе отвѣты благороднѣе шиканныхъ насмѣшекъ. Благодарю за VII томъ *Карамзина*, полученный мною на нынѣшней почтѣ; довольно скоро выходятъ, и вѣрно къ Декабрю поспѣетъ и послѣдній.

Естьли *канцлерова* тетка выздоровѣетъ, то и онъ будетъ досужнѣе; тогда и васъ позоветъ, и мнѣ на письма отвѣчать будетъ. Боярскія болѣзни и смерти заботливѣе всѣхъ недосуговъ.

Я получилъ отъ графа *Ѳедора Толстаго* отношеніе съ предложеніемъ почетнаго членства ланкастеровщины. Что̀ за нужда имъ вербовать отсутствующихъ? Это только сборъ контрибуціи. Я еще не отвѣчалъ; увѣдомьте меня о отечествѣ его, чинѣ и мѣстѣ. А вслѣдъ за имъ думаю и тюремщина попроситъ подаянія, не уважая того, что и у насъ есть тюрьмы.

Ѳомы Кемпійскаго книга *о подражаніи* есть у меня на Французскомъ; она довольно хороша. *Сперанскій*, естьли бы не отпалъ было отъ Христа и за то можетъ быть пострадалъ, то бы не перевелъ сей утѣшительной книжки; несчастіе лучше всего обращаетъ къ Богу.

Что за виды Московской дороги, изданные *Мартыновымъ?* Объ нихъ не публиковано въ газетахъ.

Итакъ вы начали уже пересмотръ Польской Метрики! Въ добрый часъ! На что министру финансовъ оттуда свѣдѣнія о ленахъ? Каждый помѣщикъ долженъ имѣть у себя документы и скорѣе ихъ представитъ, нежели вы отыщите по Метрикѣ; а для исторіи всѣ мелочи составляютъ только путаницу. Вы возвѣщаете готовящееся изданіе *Левандиныхъ* сочиненій, за кои просятъ до 10.000 рублей. Но сочиненіямъ симъ не будетъ такой славы, каковую имѣлъ въ жизни сочинитель. Лицо его больше значило, нежели словесность истино-казацкая, Запорожская, проблематическая, отрывная и натужная, да и въ слогѣ очень не чистая. А это отнюдь не есть краснорѣчіе и тѣмъ менѣе церковное. Не

вѣрю я, чтобы онъ сочинилъ и церковную исторію. Этотъ родъ сочи ненія вовсе былъ не по немъ.

Видѣнный вами огромный Славенскій Словарь у *Глинки*, начинающійся съ Латинскаго, не есть ли *Іакова Блонницкаго*, упомянутый мною въ статьѣ о немъ? Всмотритесь въ него по пристальнѣе?

Чудакъ *Гераковъ*, сочинитель книги *Герои Рускіе за 400 лѣтъ* и проч., мнѣ извѣстенъ; его давно я считаю помѣшаннымъ; но ему данъ пенсіонъ за одинъ анекдотъ. Не меньше чудакъ и вашъ *баронъ*, безконечный въ затѣяхъ. Одни разсказы о нихъ утомительны, а изданія его будутъ еще утомительнѣе.

84.

Отъ 2 Декабря 1819 (Псковъ).

Дивлюсь, что *канцлеръ* за вами давно не присылаетъ, особливо когда онъ не затворяется отъ другихъ навѣщающихъ его; видно еще не надумалъ вамъ новыхъ задачъ, — для нихъ только и нужны ему ученые. Онъ и меня съ дороги еще занялъ однимъ вопросомъ *о Никонѣ игуменѣ Черныя горы*, и отвѣтомъ моимъ, на *круговомъ* большомъ особомъ листѣ, очень доволенъ, какъ извѣстилъ въ первомъ своемъ ко мнѣ письмѣ изъ Питера отъ 18 Ноября. Тутъ же увѣдомилъ меня, что плывшій къ нему изъ Парижа въ 150 экземплярахъ *Левъ Діаконъ* потонулъ въ морѣ, и вторично надобно ждать его уже весною.

О пользѣ городословія и городищесловія *Ходаковскаго* я бы согласился съ вами, естьли бы всѣ они пріурочены были временемъ начала ихъ существованія и границами областей. Но безъ того это пустой словарь, ничего болѣе не доказывающій, кромѣ единоназванія въ разныхъ сторонахъ. А словарь обвѣтшалыхъ словъ годенъ только иногда для корней. Я отгадалъ, что *Вѣстникъ Европы* поссоритъ его съ *исторіографомъ* и помѣшаетъ городищесловному его путешествію. Не думаю я, чтобы и переводы сей статьи возбудили большое вниманіе по Европѣ, Сочинитель замѣчательнѣе сей мелочной критики.

Оброчнаго своего напечатаннаго устава не прислалъ мнѣ *В. Н—чъ*. Я вѣрю, что онъ написанъ разсчетисто, ибо сочинитель весьма способенъ на это. Но на дѣлѣ каковъ будетъ, остается судить практикамъ. Модели не всегда бываютъ удачны въ большихъ машинахъ, и покупщики первыхъ часто разоряются надъ постройкой послѣднихъ. Гораздо безубыточнѣе для всѣхъ читателей будетъ диссертація о *могилахъ*.

Спасибо за истолкованіе мнѣ слова *васнь*; оно влѣзло въ нашу Кормчую гл. 70 изъ сочиненій *Никона игумена Черныя горы*. Слѣдовательно должно быть Сербское. Но въ Вуковѣ Словарѣ его нѣтъ.

У *Никона* оно часто повторяется; но справлюсь, всегда ли въ показанномъ вами смыслѣ.

Спасибо и за анекдотъ о свадьбѣ *Лобанова,* но я такихъ мірскихъ анекдотовъ не записываю. Міръ много имѣетъ смѣшнаго, и естьли бы все писать, то ни самому міру вмѣстити пишемыхъ книгъ.

Чтò еще за анекдотъ о вашей *святости*, мало по малу начинающій быть предметомъ шутокъ? Надъ нашими ли, или надъ мірянами? Я не понимаю.

На мнѣніе ваше, чтобы изъ журналовъ собирать переводы классическихъ авторовъ и издавать, не знаю, чтò отвѣчать; кромѣ пестроты переводовъ, кажется, нельзя собрать ни однаго цѣлаго автора. Россійская Академія принялась было за цѣлыхъ и издала *Тацита* и *Саллюстія* съ подлинниками, но отнюдь не съ подлинниковъ, и даже иногда очевидно не въ попадъ. Я многократно уже повторялъ вамъ, что трудно переводить съ Латинскаго, и для того-то переводчики обращаются и въ классическихъ авторахъ къ Французскимъ красивымъ переводамъ; но сіи, какъ сказалъ очень хорошо *Геснеръ*: sont des belles infidèles *). Примите отъ меня просьбу: мнѣ нуженъ для дому скотскій вообще и конскій лѣчебникъ; наши мужики ветеринары только портятъ скотъ. Пріищите по лавкамъ книжнымъ одну, двѣ или три наилучшихъ такихъ книгъ и пожалуйста пришлите; не знаю, какого-то профессора *Андрсевскаго* общій такой лѣчебникъ; а отъ профессора ветеринарнаго должно ожидать лучшаго.

Итакъ, у васъ посвященъ уже и свой Евангелическій епископъ, потому что не поѣхалъ къ намъ готовый Голштинскій; очень непріятенъ сей чинъ суперинтендентамъ, нынѣ уже субинтендентамъ, такъ какъ и они при первоначальномъ ихъ у насъ установленіи непріятны были пасторамъ, строгимъ пресбитеріанамъ. Но въ монархіи лучше во всемъ монархія; съ республиканцами трудно управляться, а въ религіи еще труднѣе, когда всякій учить и законоположничать будетъ. Мы видѣли уже и у себя свободу такихъ мыслей.

85.

От 9 Декабря 1819 (Псковъ).

Итакъ, вы сподобились быть у *канцлера*. Жаль, что чувство слуха его болѣе ослабѣваетъ; между тѣмъ изъ писемъ его я вижу, что онъ неутомимо дѣятеленъ въ изысканіи всего отечественнаго и какъ будто надѣется еще жить многіе десятки лѣтъ; да сохранитъ его Господь Богъ къ пользѣ наукъ! Пусть скупаетъ пока хоть прологи, тріоди

*) Красавицы-обманщицы.

и октоихи старинные. Естьли бы они попались раскольникамъ, то остались бы въ заперти отъ любопытныхъ. Поспѣшайте и вы за-живо окончить *Волынскую лѣтопись.* Затѣи Крымскаго *историка* дѣйствительно не стоятъ его помощи; это и безъ насъ сдѣлаютъ Французы. Польская Метрика также едва ли обогатитъ его чѣмъ-нибудь, кромѣ именъ и родословій безконечныхъ.

Пользу *Ходаковскаго* этимологіи предоставляю вамъ цѣнить. Поправленную свою карту IX вѣка показывалъ онъ и мнѣ, испещренную урочищами неизвѣстными въ исторіи.

Ваша правда, что у разскащиковъ Французовъ Египетъ въ развалинахъ прелестнѣе, нежели цѣлый въ Геродотовыхъ описаніяхъ; но сей писалъ съ натуры, а тѣ можетъ быть изъ воображенія. Романы всегда складнѣе и трогательнѣе.

Что за лѣтопись или Казанскую исторію нашли вы у *Яковлева?* Не таже ли, чтò напечатана при Академіи Наукъ въ 1791 году? Вмѣсто химіи лучше бы молодому *Яковлеву* заниматься своими рукописями. Польскіе рисунки, вами описанные мнѣ, стоили бы любопытства публики, хотя по арматурѣ старинной; но у насъ лѣнивы на изданія эстамповъ. Безъ *Герберстейна*, отпечатавшаго наши военныя сбруи и оружія, упряжи, сѣдла и узды, мы не знали бы и своей старинной арматуры. Со времени царя *Ивана Васильевича* до *Михаила Өедоровича* наша исторія молчала и не думала о потомствѣ, которое все забудетъ. Даже нѣтъ у насъ исторіи и Алексѣя Михайловича. Все надобно почерпать только отъ иностранцевъ, кучами приходившихъ тогда на хлѣбы наши.

Не знаю, много ли наберется подписчиковъ на *Чеботарева* химію и *В. Н—ча* филотехн. акты: предметы сіи у насъ еще не во вкусѣ. Скорѣй раскупятъ поварскія книги и скотскіе лѣчебники. Недавно публиковано еще новое изданіе *Цорнова* конскаго лѣчебника въ 5 частяхъ; не годится ли и онъ мнѣ? Первое изданіе въ 4 частяхъ мнѣ извѣстно и довольно хорошо.

У *Каченовскаго* вѣрно допытаются о названномъ имъ *своимъ корреспондентѣ Петербургскомъ*, сообщившемъ ему статью *Ходаковскаго*, и предсказанье мое сбудется. Болѣзнь *графа А.* только не притворная ли отъ какого нибудь неудовольствія? Бояре часто сами пытаютъ публику такими вѣстями, какъ нѣкогда *канцлеръ Остерманъ* при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ; съ вѣстей люди не мрутъ, а осторожнѣе живутъ.

Не дивитесь разсказу *Чеботарева*, что онъ видѣлъ у *Карамзина* записку о Димитріѣ Самозванцѣ, бывшемъ не разстригою нашимъ, а іезуитскимъ енергуменомъ. Иностранные историки давно это пишутъ

Загляните въ Hoffmani lexicon universale, изданіе 1698 г... Найдете описаніе его воспитанія и возведенія; и указаны авторы, изъ коихъ оно взято. Не удивительно и то, что мощи Димитрія Углицкаго въ началѣ XVII вѣка были свѣжія, но теперь отъ времени они уже высохли; а Французы въ 1812 году свернули у нихъ и голову и забросили было за иконостасъ, но послѣ найдены.

Розыскъ надъ Петербургскими перекрещиванцами довольно любопытенъ; чѣмъ онъ кончится? Свобода вѣроисповѣданія, данная симъ невѣждамъ, хуже всякой другой и стыдна для Россіи. Да и всякая секта въ фанатизмѣ не лучше нынѣшнихъ университетовъ философизма и политицизма. Какой стыдъ и для наукъ!...

Проектъ частныхъ училищъ отбиваться отъ власти университетовъ дѣйствительно вынужденный. Наши семинаріи подъ академіями точно въ такомъ же положеніи, и архіереямъ нѣтъ власти ничего дѣлать вопреки семинарскаго правленія, а только утверждать ихъ мнѣнія; отъ того все идетъ и у насъ хуже, и ученики меньше учатся, нежели въ старину.—Богъ знаетъ, чего ищетъ у васъ *В. Н—чъ*; а кажется его уже разумѣютъ пролазою вездѣ и затѣйщикомъ только. Соскучивъ отъ неудачи, онъ, думаю, скоро возвратится въ Украйну. *Ходаковскій* также ничего не выхлопочетъ. Счастливъ, естьли дадутъ на прогоны или даромъ съ кѣмъ нибудь отправятъ до Варшавы. Естьли бы городищесловіе его сочли и полезнымъ, то дешевлѣ достали бы сіи свѣдѣнія указами чрезъ губернаторовъ... Когда бы отмѣнили почтовую новую таксу, то это полезнѣе было бы отмѣны указа 1809 года. Почта въ проектѣ своемъ дѣйствительно ошиблась, такъ какъ и финансы въ накладкѣ на вино и въ казенномъ содержаніи: ибо полученъ уже указъ о накладкѣ на вино еще по 1 рублю на ведро съ новаго года. Такой способъ умножать финансы весьма легокъ и не требуетъ ума.

86.

От 19 Декабря 1819 (Псковъ).

Адеркасъ привезъ мнѣ *Мееровъ* каталогъ, въ коемъ много классическихъ Латинскихъ книгъ и также много другихъ хорошихъ; но семин. правленіе еще не выбрало изъ оныхъ: къ празднику вездѣ недосуги.

Спасибо за *Эвестовъ* лѣчебникъ. Просмотрѣвши его наскоро, нахожу, кажется, хорошимъ. Естьли пришлете мнѣ еще *Цорновъ* лѣчебникъ, то, думаю, *Андреевскаго* ненадобно; всѣхъ лѣчебниковъ мнѣ не перекупить для своего скота.

Дивлюсь, что гордый Рускій *исторіографъ* сдался Польскому выходцу. Полно, не обманное ли обѣщаніе, вмѣсто коего отпотчиваетъ

критику его критическимъ же замѣчаніемъ, какъ на *Каченовскаго.* Авторы самолюбивы и не легко уступаютъ противникамъ.

Естьли онъ подаритъ насъ *индексомъ* на свою исторію, то это великое благодѣяніе для нашей памяти и для лучшаго соображенія матерій, разсѣянныхъ въ 8 или 9 томахъ. А о третьемъ изданіи *Сленинъ* не допуститъ его скоро мыслить; надолго для лавокъ будетъ и втораго. Въ 9-мъ томѣ вѣрно воспользуется онъ *Нѣмцевичевою* исторіею больше, нежели самимъ *Хадаковскимъ,* указавшимъ оную ему. Что васъ почитаетъ онъ передателемъ критики *Каченовскому*, это натурально по знакомству вашему съ авторомъ прежде всѣхъ Петербуржанъ; но чрезъ знакомыхъ безъ сомнѣнія допытается и о передателѣ, а посланный къ министру просвѣщенія отъ *Хадаковскаго* дужій *листъ* едва ли что выхлопочетъ, кромѣ развѣ милостыни.

Гречъ послѣ академической грамматики сильно нападаетъ и на президента, который также не любитъ отмалчиваться, и хоть презрительною бранью заплатитъ критику, какъ платилъ всегда и другимъ.

Не думаю, чтобы *М. М. С.* вызванъ былъ въ Питеръ къ мѣсту; для Сибири онъ нужнѣе и полезнѣе. Страшно только прибытіе его предмѣстнику, которому Сибярики и въ Сѣв. уже Почтѣ намекаютъ стороною упреки. Но не понимаю, почему вашъ *баронъ* его боится. Вѣдь печатать ему на свой счетъ маранье свое никто не запретитъ: вреда нѣтъ никому кромѣ ему самому въ убыткахъ; а типографіямъ польза.

Непонятная для меня загадка и то, что выписной вашъ Нѣмецкій Доминиканецъ, присяжный католикъ, проповѣдуетъ анти-католически о декреталіяхъ и преданіяхъ. Неужели это наемникъ нынѣшнихъ синкретистовъ? Но по пословицѣ: Una hirunda non facit ver [1]), и дѣльно слушатели его ворчатъ, а за ворчаніемъ можетъ послѣдовать и Римская bulla. Рускимъ со временъ богатыря Петра I и трубача его *Прокоповича* не въ диковинку уже слышать такія проповѣди; сила ихъ вкралась даже и въ наши нѣкоторыя догматическія богословіи, писанныя по произволу кое-какихъ ректоровъ и богословіи учителей, а изданныя большею частью за границей. Но потомство будетъ судить и насъ за это; голосъ одного, двухъ, трехъ и даже десяти не есть голосъ цѣлой церкви всей восточной. L'idée de l'empire universel germanique [2]) не есть ли интрига честолюбиваго *издревле* Австрійскаго двора? На это буду ждать вашего мнѣнія. Но начинщики рѣдко избѣгаютъ первой жертвы...

---

[1]) Отъ одной ласточки не бываетъ весны.

[2]) Мысль о всеобщей Германской имперіи.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава IX.

Планъ дѣйствій въ 1860 г.—Положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ.—Положеніе въ Чечнѣ.—Возникшія тамъ волненія.—Усмиреніе возстанія.—Стремленія горцевъ къ выселенію въ Турцію.—Письмо по этому поводу къ Государю.—Мѣры къ избѣжанію волненій въ будущемъ.—Ходъ дѣлъ на Западномъ Кавказѣ.—Положеніе въ Кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ.—Необходимость заселенія Закубанскаго края казаками.—Противорѣчія въ Петербургской коммисіи.—Усиленное наступленіе ген. Филипсона противъ горцевъ.—Недовольство фельдмаршала результатами дѣйствій.—Назначеніе гр. Евдокимова на Правое крыло.—Пріѣздъ главнокомандующаго во Владикавказъ и совѣщаніе.—Результаты совѣщанія.

Общій планъ дѣйствій въ 1860 году, по мысли князя Барятинскаго, состоялъ въ томъ, чтобы на Восточномъ Кавказѣ упрочивать наше пложеніе въ недавно завоеванномъ краѣ, а на Западномъ съ усиленной энергіей дѣйствовать для покоренія тамошняго народонаселенія и совершеннаго прекращенія, такимъ образомъ, Кавказской войны. Съ этою цѣлью, какъ уже было сказано, на Правое крыло были двинуты сильныя подкрѣпленія (12 стрѣлковыхъ баталіоновъ, 3 драгун. полка, 4-хъ эскадр. состава, и артиллерія) и, при условіи изъявленной Магометъ - Эминомъ съ Абадзехами покорности, можно было разсчитывать на достиженіе весьма значительныхъ результатовъ.

Общая система занятія вновь покореннаго края въ восточной части Кавказа заключалась въ проложеніи хорошихъ колесныхъ дорогъ по разнымъ стратегическимъ направленіямъ; это должно было избавить насъ отъ необходимости держать постоянно значительныя силы въ самыхъ нѣдрахъ горъ; мы могли ограничиваться занятіемъ лишь нѣкоторыхъ пунктовъ, особенно важныхъ для обезпеченія путей сообщенія, а главные резервы оставлять въ мѣстахъ, болѣе удоб-

ныхъ для размѣщенія и продовольствія войскъ. Между тѣмъ, въ 1859 году уже были положены первыя основанія административному устройству вновь покореннаго края. Лезгинская линія, потерявшая значеніе самостоятельнаго отдѣла, была упразднена, а на Лѣвомъ крылѣ и въ Дагестанѣ потребовались многія перемѣны въ раздѣленіи управленій, разграниченіи районовъ и т. д.; однимъ словомъ, вмѣсто работы штыковой наступило время мирно-культурной работы, нерѣдко болѣе трудной, чѣмъ самое завоеваніе.

Въ 1860 году всѣ начатыя работы продолжались съ самою напряженною настойчивостью: слѣдовало дорожить временемъ, чтобы скорѣе упрочить наше положеніе въ этой части края съ тѣми силами, которыя для этого предназначались.

Въ Дагестанѣ, благодаря характеру жителей и ихъ исконному общественному устройству, мы съ первыхъ же дней стали довольно прочной ногой и приступили къ капитальнымъ дорожнымъ работамъ, имѣвшимъ цѣлью не только удовлетворить военнымъ соображеніямъ, но и служить развитію благоустройства и благосостоянія населенія. Въ Терской же области (Лѣвое крыло), гдѣ и мѣстность, и характеръ жителей, вѣковыя преданія и обычаи совершенно другіе, мы не могли такъ скоро утвердиться, и приходилось быть на сторожѣ, зорко слѣдя за настроеніемъ умовъ.

Партія Шамиля, вынужденная успѣхами нашего оружія къ покорности въ 1859 году, не могла такъ скоро помириться съ потерею прежняго своего значенія и власти; слѣдовало ожидать, что попытки къ возобновленію прежняго порядка вещей будутъ проявляться. Самая масса народонаселенія, привыкшая въ теченіе долгаго времени къ слѣпому повиновенію этой, господствовавшей партіи, во имя религіознаго фанатизма и въ трудно-устранимомъ чувствѣ ненависти къ завоевателю, не могла вдругъ совершенно успокоиться, даже не взирая на многолѣтнія бѣдствія войны и озлобленіе противъ наибовъ и другихъ Шамилевскихъ агентовъ. Только время, да хорошая, умѣлая, строго-справедливая администрація могли ослабить силу старыхъ предубѣжденій и вліяніе прежней господствующей партіи. Но для хо-

рошей администраціи требуются хорошіе люди, а таковыхъ всегда и вездѣ встрѣчается не въ изобиліи.

Какія военныя мѣры ни принимались, однако волненія не заставили себя ожидать; первый примѣръ подала Ичкерія: возмутились Беноевцы, извѣстные своею закоренѣлою къ намъ враждебностью и особенною наклонностью къ хищничеству. Ихъ рѣшено было разселить по разнымъ другимъ ауламъ. Въ началѣ Мая 1860 года мѣра эта была приведена въ исполненіе; но 50 семействъ, водворенныхъ въ аулѣ Датыхѣ, скрытно оставили дома и бѣжали въ трущобы горной Ичкеріи, въ верховьяхъ рѣкъ Аксая и Аманъ-су. Разливы рѣкъ, разбитыя дороги и т. п. не позволили тотчасъ принять мѣры къ наказанію бѣжавшихъ; а они, между тѣмъ, взялись за старое: стали нападать на наши мелкія команды, убивать солдатъ, удалившихся отъ лагерей, грабить, усиливаясь каждый день притокомъ недовольныхъ новыми порядками людей и абреками разныхъ обществъ. Наконецъ, число возмутившихся увеличилось населеніемъ Аргунскаго ущелья, гдѣ наша администрація въ особенности оказалась неудачно-представленною; во главѣ волненія сталъ бывшій Шамилевскій наибъ Ума, явились и другіе вліятельные люди; дошло до того, что они сдѣлали даже нѣсколько попытокъ противъ нашихъ укрѣпленій. Возгоралась опять война, и графъ Евдокимовъ выражалъ опасенія за остальныя части покореннаго края... Фельдмаршалъ съ большимъ огорченіемъ, конечно, узналъ объ этихъ происшествіяхъ и приказалъ дѣйствовать для подавленія волненій самымъ строгимъ, энергичнымъ образомъ, предавая виновныхъ полевому военному суду. Однако возмущеніе длилось долго; вспыхнуло даже въ Дагестанѣ; усмиренное въ одномъ мѣстѣ—поднимало голову въ другомъ, и стоило немало жертвъ и трудовъ, пока было усмирено окончательно, и уже не графомъ Евдокимовымъ, а его преемникомъ княземъ Мирскимъ. Съ этими волненіями въ связи были и стремленія Кавказскихъ туземцевъ къ выселенію въ Турцію. Изъ приводимаго здѣсь письма князя Барятинскаго къ Государю можно видѣть, какое значеніе онъ придавалъ этому обстоятельству.

Тифлисъ, 11 Мая 1860.

„Государь! Приказъ отъ 4-го числа этого мѣсяца принесъ съ собою новое отличіе, которымъ Ваше Величество изволили меня наградить. Мундиръ *), который Вы мнѣ только что позволили носить, напоминаетъ счастливѣйшія *мгновенія* моей жизни, когда я еще совершенно молодымъ человѣкомъ имѣлъ счастіе сопутствовать Вашему Величеству въ Вашемъ путешествіи и былъ Вами милостиво посвященъ въ Вашу частную жизнь. Это неизгладимое и драгоцѣнное для меня воспоминаніе тѣмъ болѣе мнѣ дорого, что даже вдали отъ васъ, Государь, я теперь всегда могу, въ моемъ воображеніи, слѣдовать за вами во всѣхъ подробностяхъ Вашей высокой жизни, какъ будто я васъ никогда не покидалъ. Итакъ, Вы видите, Государь, какъ я счастливъ снова надѣть форму, такъ живо напоминающую мнѣ эту пору моей счастливой молодости.

„Послѣ отправленія моего послѣдняго письма къ Вашему Величеству, я долженъ былъ послать генерала Милютина во Владикавказъ, чтобы онъ на мѣстѣ и собственными глазами изслѣдовалъ правдивость слуховъ, доходившихъ до меня и по своему характеру могущихъ тревожить меня на счетъ настроенія умовъ въ Чечнѣ. Наклонность мусульманъ къ выселенію, о которой я не разъ говорилъ Вашему Величеству, прогрессивно растетъ, такъ что я вижу себя вынужденнымъ, если не пресѣчь ее совершенно, то по крайней мѣрѣ урегулировать насколько возможно. Толпа—подъ вліяніемъ партіи фанатиковъ, члены которой, какъ я уже Вамъ докладывалъ, избраны Шамилемъ изъ числа людей самыхъ энергическихъ и умныхъ среди этихъ племенъ, видя, что ихъ вліяніе и довѣріе къ нимъ послѣ паденія имама понижаются, естественно пользуются привычнымъ послушаніемъ, которое народъ еще сохранилъ по отношенію къ нимъ, чтобы извратить намѣренія нашего правительства, и разжигаютъ въ своихъ единовѣрцахъ подозрѣнія относительно неприкосновенности ихъ религіи и имущества. Неудивительно,

*) Лейбъ-гвардіи гусарскаго полка.

что этотъ безпокойный народъ, привыкшій видѣть въ нихъ своихъ пророковъ, считаетъ выгоднымъ и долгомъ доблести относительно религіи идти искать счастья въ имперіи халифа. Если мнѣ удастся тѣми мѣрами, которыя я только что принялъ, избавиться единственно отъ фанатиковъ, не трогая массы, то я буду весьма счастливъ и буду надѣяться, что такимъ образомъ положилъ прочное основаніе благосостоянію этого народа и устойчивому положенію нашего управленія въ будущности. Вслѣдствіе этого, очевидно, потребуется во что бы то ни стало добиться согласія Турецкаго правительства на открытіе намъ трехъ пунктовъ на границѣ, чтобы туда направлять группы переселенцевъ, такъ какъ силою не возможно воспрепятствовать фанатикамъ покидать свое отечество и искать новое; потому что, какъ сказано, они связываютъ съ этимъ свою честь и счастіе на землѣ и на небѣ".

„Пріѣздъ генерала Милютина, безъ сомнѣнія, долженъ былъ успокоить направленіе умовъ на нѣкоторое время; но я убѣжденъ, что если воспрепятствовать ихъ намѣренію, то это ничуть ихъ не остановитъ, и сопротивленіе въ этомъ случаѣ доведетъ лишь до безпорядковъ, результатъ которыхъ легко опредѣлить, но которые, тѣмъ не менѣе, должны причинять намъ немало безпокойствъ. Важно избѣгнуть этихъ усложненій, облегчая частнымъ образомъ эмиграцію, наклонность къ которой выказывается болѣе или менѣе во всей мусульманской части края. Я недавно послалъ въ Константинополь генерала Лорисъ-Меликова для соглашенія съ княземъ Лобановымъ по поводу настоящаго дѣла; я его снабдилъ наставленіями, чтобы уяснить посланнику тягостное положеніе дѣлъ. Разъ возмутители и фанатики будутъ удалены, несомнѣнно, что народъ успокоится, и тѣ никогда вновь не появятся; но для этого не нужно мѣшать уходу тѣхъ, которые теперь открыто выражаютъ стремленіе уйти. Прошу Ваше Величество обратить особое вниманіе на настоящій предметъ и сообразовать съ этимъ Ваши предложенія Турецкому правительству".

„На дняхъ я намѣренъ послать генерала Милютина къ войскамъ Праваго крыла Кавказской линіи для присутство-

ванія при военныхъ дѣйствіяхъ этого лѣта. Съ своей стороны я разсчитываю черезъ мѣсяцъ выѣхать въ Боржомъ".

Чтобы лишить возмутителей на будущее время возможности содѣйствія окружающихъ племенъ, легко могущихъ увлечься, признано было необходимымъ переселить на плоскость всѣхъ жителей верховьевъ рѣкъ Аргунскаго ущелья и Тарской долины, соединяя въ большіе аулы, а ихъ старыя жилища и башни разорить. Всѣ эти мѣры были приведены въ исполненіе: кромѣ того устроено нѣсколько мелкихъ укрѣпленій, и вновь поселено пять казачьихъ станицъ—около 1000 семействъ, такъ что къ 1861 году оставались еще шайки, укрывавшіяся въ трудно-доступныхъ частяхъ Аргунскаго и Ичкеринскаго округовъ, но уже общаго возстанія и возобновленія войны въ прежнихъ размѣрахъ не предвидѣлось. Однако на плоскостяхъ, въ Кабардѣ, Чечнѣ и Владикавказскомъ округѣ продолжалось общее къ намъ недовѣріе, и переселеніе въ Турцію усиливалось, тревожное положеніе нерѣдко возрастало, шайки увеличивались, самые нелѣпые слухи распространялись и встрѣчали вѣру въ легкомысленномъ населеніи. Между тѣмъ, въ военномъ отношеніи устройство края далеко еще не было окончено: горная полоса не была занята предположеннымъ рядомъ укрѣпленій, новыя станицы недостаточно устроены и ограждены: дороги, наскоро проведенныя, портились, просѣки заростали, а въ виду имѣлось скорое сокращеніе войскъ отправкою въ Россію 18-й и резервной дивизій.

При такомъ положеніи дѣлъ, умиротвореніе края единственно силою оружія становилось сомнительнымъ: нужно было склонить народное мнѣніе въ нашу пользу и вмѣсто суровыхъ военныхъ мѣръ брать другія, болѣе успокоивающія. Взглядъ этотъ послужилъ основаніемъ измѣненія прежде предположенныхъ мѣръ, и рѣшено было: ограничиться занятіемъ только главныхъ стратегическихъ пунктовъ, оставивъ постройку мелкихъ укрѣпленій и постовъ: отмѣнить водвореніе тѣхъ станицъ, которыя, очевидно, стѣснивъ Чеченцевъ въ земельномъ пользованіи, привели бы ихъ къ усиленному озлобленію: для обезпеченія сообщеній, образовать изъ самихъ жителей земскую стражу, съ хорошимъ содержаніемъ.

отпустивъ домой Донскіе казачьи полки и упразднивъ временныя милиціи; производить какъ можно меньше построекъ, а свободныя войска употреблять для проложенія и расчистки просѣкъ.

Мѣры эти, выказавшія нѣкоторое большее довѣріе наше къ населенію, произвели благопріятное впечатлѣніе: дѣла стали принимать лучшій оборотъ, часть жителей даже рѣшилась оказать намъ содѣйствіе къ разсѣянію все еще остававшихся въ сборѣ враждебныхъ партій Умы и Атабая, и этимъ предводителямъ, послѣ движенія войскъ къ ихъ притонамъ, ничего болѣе не оставалось, какъ явиться къ князю Мирскому съ повинною.

Въ Прикаспійскомъ краѣ, какъ уже сказано, тоже были попытки къ возстанію; но онѣ не приняли такихъ размѣровъ, какъ на Лѣвомъ крылѣ, и были скоро прекращены благоразумными мѣрами тамошней администраціи, въ лицѣ генералъ-маіора Лазарева.

Перехожу теперь къ изложенію хода дѣлъ въ Западной части Кавказа.

Послѣ минувшей Восточной войны, когда въ Абхазію вновь введены наши войска, всѣ усилія наши обращены были на то, чтобы стать въ этомъ краѣ въ положеніе болѣе обезпеченное, на случай новой Европейской войны. Изо всѣхъ пунктовъ Черноморскаго прибрежья Сухумская бухта представляетъ наиболѣе выгодъ для высадки, а потому Абхазія скорѣе всего могла подвергнуться нападенію непріятеля; между тѣмъ, она была менѣе всего приготовлена къ оборонѣ. Главная невыгода заключалась въ совершенномъ отсутствіи удобнаго и безопаснаго сообщенія для войскъ, дѣйствующихъ въ Абхазіи.

При такомъ положеніи дѣлъ и въ случаѣ высадки на берега Абхазіи, намъ ничего не оставалось бы дѣлать, какъ избрать одну изъ двухъ, равно невыгодныхъ крайностей: или (изъ опасенія, чтобы войска наши не были отрѣзаны на длинномъ пути отступленія отъ Сухума къ Кутаису) очистить Абхазію еще прежде появленія непріятеля, или же оставить войска эти среди малонадежнаго населенія,—почти на жертву.

Въ случаѣ вторженія непріятеля въ Мингрелію или въ Гурію, Сухумскій отрядъ былъ бы отрѣзанъ отъ всякихъ подкрѣпленій и даже лишенъ возможности получать откуда-либо продовольствіе и запасы. Наконецъ, во всей Абхазіи не было даже прочнаго пункта, на который войска могли бы опереться.

По соображеніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ, признано было необходимымъ, пользуясь мирнымъ временемъ, употребить всевозможныя средства къ устройству новаго пути изъ Абхазіи на сѣверный склонъ Кавказа, и твердаго опорнаго пункта внутри самой Абхазіи.

Что касается до мѣстныхъ жителей, то, пока администрація наша держалась только берега моря, вліяніе наше въ этихъ странахъ вовсе не могло упрочиться. На насъ смотрѣли не болѣе какъ на временныхъ пришельцевъ; каждая молва о внѣшней войнѣ возбуждала всеобщее волненіе и увѣренное ожиданіе нашего отступленія изъ края. Поэтому всѣ наши дѣйствія въ глазахъ жителей имѣли значеніе безцѣльнаго притязанія внѣ всякихъ причинъ и основаній.

Въ 1860 году рѣшено было разработать хотя вьючную дорогу изъ Абхазіи въ общество Псху, чтобы тѣмъ положить начало къ проведенію дороги на сѣверную сторону хребта. Кромѣ того, согласно прежнимъ предположеніямъ, производилась разработка Кутаисско-Сухумской дороги и продолжались другія дорожныя и строительныя работы.

Войска Кутаисскаго генералъ-губернаторства въ 1860 году были усилены двумя сводно-стрѣлковыми баталіонами, и къ началу Мая сформированы были два отряда: одинъ для разработки Кутаисско-Сухумской дороги, другой съ цѣлью рекогносцировки дорогъ, ведущихъ къ переваламъ черезъ главный хребетъ. Остальныя войска были расположены по укрѣпленіямъ и въ составѣ другихъ отрядовъ для дорожныхъ работъ, на Кутаисско-Ріонскомъ шоссе, въ Ингурскомъ ущельи и пр., а также и для наблюденія за спокойствіемъ въ краѣ.

Сверхъ того, въ теченіе 1860 года, выполнены были три отдѣльныхъ предпріятія: 1) водвореніе порядка и спокойствія въ Сванетіи; 2) возстановленіе Цебельдинскаго народнаго суда и примиреніе двухъ главныхъ отраслей фамиліи Мар-

шани, Тлапсовыхъ и Учардіевыхъ, которыя издавна раздѣляли все Цебельдинское народонаселеніе на двѣ враждебныя партіи, и 3) приведеніе въ повиновеніе общества Псху.

Для водворенія порядка въ Латальскомъ обществѣ, въ Сванетіи, было сдѣлано движеніе въ это общество, имѣвшее результатомъ возстановленіе полнаго спокойствія во всѣхъ вольныхъ обществахъ Сванетіи.

Возстановленіе Цебельдинскаго народнаго суда и примиреніе между собою Цебельдинскихъ князей также увѣнчалось успѣхомъ и успокоило на нѣкоторое время Цебельду.

Устройство дѣлъ въ Цебельдѣ было особенно важно по вліянію этого общества на Абхазію, князья которой постоянно находились какъ бы въ зависимости отъ Цебельдинскихъ владѣльцевъ и всегда искали у нихъ покровительства и убѣжища въ случаѣ надобности.

Въ началѣ Іюля, партія изъ нѣсколькихъ сотъ Убыховъ и Джигетовъ произвела нѣсколько нападеній на команды, высланныя изъ укр. Гагръ для рубки дровъ. Къ этому присоединилось и то обстоятельство, что Псхувцы, изъявившіе еще въ 1858 году покорность, на требованіе выдать аманатовъ, дали положительный отказъ, равно какъ и на исполненіе всякихъ другихъ нашихъ требованій.

Имѣя въ виду, что вліяніе наше въ этомъ обществѣ до того времени было совершенно ничтожное и не простиралось далѣе морскаго берега, что при такомъ положеніи дѣлъ могли встрѣтиться серьезныя препятствія по устройству предположеннаго сообщенія на Кавказскую линію, и что поэтому нужно было озаботиться объ упроченіи нашей власти въ этомъ краѣ,—было признано необходимымъ предпринять въ Псху экспедицію. Но незначительность отряда, собраннаго для этой цѣли, и враждебныя отношенія сосѣднихъ горскихъ племенъ, вынудили, послѣ безостановочнаго десятидневнаго, чрезвычайно труднаго похода къ верховьямъ Бзыби, возвратиться почти безъ всякаго результата.

Къ веснѣ 1861 года военное положеніе въ Кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ оказалось слѣдующимъ.

Въ Абхазіи, не смотря на давнюю покорность, власть наша была крайне ограниченною, проявляясь только въ тѣхъ

пунктахъ, которые заняты были нашими войсками; все же внутреннее управленіе сосредоточивалось въ рукахъ владѣтеля. Большая часть Абхазцевъ-христіанъ, со времени послѣдней войны, приняли мусульманскую вѣру и потому стали къ намъ противу прежняго въ болѣе враждебное отношеніе. Полное возстановленіе нашего владычества въ Абхазіи могло совершиться только при условіи прочнаго и окончательнаго утвержденія нашихъ поселеній на сѣверной сторонѣ хребта и на восточномъ берегу Чернаго моря.

Въ Цебельдѣ наше управленіе было устроено по образцу прочихъ военно-народныхъ управленій Кавказа. Принятыми мѣрами, по возможности, вражда семействъ Маршани и безпорядки прекращены.

Остальныя горныя общества находились въ тѣхъ же враждебныхъ отношеніяхъ къ намъ, какъ и прежде. Очевидно было, что, пока мы не достигнемъ въ Закубанскомъ краѣ такихъ же результатовъ, какъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ, положеніе наше на прибрежьи Чернаго моря, столь важномъ во всѣхъ отношеніяхъ, будетъ весьма шаткимъ. Поэтому, въ Закубанскій край и были направлены всѣ усилія. Къ убѣжденію, что прочное овладѣніе западною частью непокорнаго Кавказа возможно только съ заселеніемъ его по обоимъ склонамъ хребта вооруженнымъ Русскимъ населеніемъ, князь Барятинскій пришелъ уже давно. Изъ переписки съ Государемъ и военнымъ министромъ, изъ порученій, данныхъ генералу Милютину, командированному въ Петербургъ для осуществленія многихъ важнѣйшихъ вопросовъ Кавказскаго управленія, можно ясно видѣть и взглядъ князя Барятинскаго на этотъ вопросъ, и настойчивость, съ которою онъ дѣйствовалъ для его разрѣшенія и, наконецъ, его огорченіе встрѣченными препятствіями.

Предполагалось часть Черкескихъ племенъ поселить на равнинѣ между Кубанью и Лабой, большими аулами, подъ надзоромъ и управленіемъ Русской власти; желающимъ уходить въ Турцію (ихъ ожидалось много) оказывать всячески содѣйствіе; нѣкоторую же часть выселить на Донъ. А для заселенія Русскими станицами обратить Азовское казачье войско, часть старыхъ Кубанскихъ и Черноморскихъ ка-

зачьихъ станицъ, расположенныхъ вдали отъ передовыхъ линій, опредѣленное число Донскихъ казаковъ, женатыхъ солдатъ Кавказскихъ полковъ, наконецъ нѣкоторое число государственныхъ крестьянъ южныхъ губерній.

Въ С.-Петербургѣ разрѣшеніе этого вопроса было передано особой коммисіи. Члены ея (министры и нѣкоторые другіе начальники главныхъ управленій) развивали взгляды, противорѣчившіе соображеніямъ Кавказскаго главнокомандующаго. Донской атаманъ генералъ Хомутовъ находилъ выселеніе на Донъ Черкесовъ, а Донскихъ казаковъ за Кубань весьма тяжелою и несправедливою мѣрою, и особенно въ отношеніи Черкесовъ жестокою, безчеловѣчною и т. п.; другіе находили, что вообще отнятіемъ у Черкесовъ земель для Русскихъ поселенцевъ можно довести горцевъ до отчаянія и вызвать на крайнее сопротивленіе. Посольство наше въ Константинополѣ представило записку военнаго агента, капитана Франкини *), главная мысль которой была та, что Черкесы жили на своихъ мѣстахъ тысячу лѣтъ и что выгнать ихъ оттуда, кромѣ жестокости самой мѣры, возбудило бы во всей Европѣ чрезвычайный взрывъ негодованія и пр.; что Русскіе никогда не могутъ тамъ прочно водвориться, потому что климатъ, мѣстность и всѣ природныя условія не соотвѣтствуютъ потребностямъ казаковъ; что такимъ образомъ край опустѣетъ и т. п. Д. А. Милютинъ противъ этихъ возраженій сдѣлалъ чрезвычайно мѣткія замѣчанія; между прочимъ, противъ отзыва генерала Хомутова, что: „такъ можетъ разсуждать только казакъ, а не государственный человѣкъ“, и это совершенно вѣрно. Единственное государство, обладающее вполнѣ государственными людьми — Англія; а извѣстно, насколько она стѣсняется принятіемъ нужныхъ въ ея интересахъ мѣръ, хотя бы съ сентиментальной точки зрѣнія жестокихъ; но едва ли она въ проигрышѣ.... Да и послѣдствія въ Закубанскомъ краѣ, благодаря системѣ военныхъ дѣйствій, указанныхъ княземъ Барятинскимъ и совершенно измѣнившихъ мѣстныя обстоятельства, не оправдали Петер-

*) Впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ, начальникъ горскаго управленія въ Тифлисѣ, затѣмъ начальникъ Карской области.

бургскихъ сомнѣній и опасеній: большинство Черкесовъ ушло въ Турцію, нѣкоторая часть поселилась на равнинѣ за Лабой, край покрылся казачьими станицами и очутился вполнѣ въ нашей власти. Одно, противъ чего можно было еще съ основательностью возражать—это поселеніе Черкесовъ на Дону; но до этого и не дошло бы, даже еслибы горцы не ринулись почти поголовно въ Турцію.

Не взирая однако на встрѣченныя въ Петербургѣ препятствія къ осуществленію самой важной изъ мѣръ для упроченія нашего въ Закубанскомъ краѣ, фельдмаршалъ приказалъ генералу Филипсону въ 1860 году повести рѣшительныя наступательныя дѣйствія, цѣль которыхъ была окончательно занять казачьими поселеніями все пространство между Кубанью и Бѣлою и поставить штабы полковъ 19-й пѣхотной дивизіи у подножія Черныхъ горъ, въ линію отъ верховій Лабы до Анапы, на такомъ разстояніи, чтобы районы дѣйствій каждаго полка охватывали всѣ равнины и предгорія, доставляя намъ возможность владѣть здѣсь всѣми удобными для хлѣбопашества и скотоводства землями.

Водвореніе двухъ пѣхотныхъ полковъ, Крымскаго и Кубанскаго (въ 1857 и 1858 г.) на передовой линіи уже доказало пользу подобной мѣры и привело къ весьма важнымъ результатамъ. Слѣдовало теперь устроить одну штабъ-квартиру въ землѣ Шапсуговъ, какъ наиболѣе сильнаго племени, и особенныя усилія направить именно на эту часть края, пока Абадзехи, недавно изъявившіе покорность, оставались бы посторонними зрителями войны съ Шапсугами. Покореніе же ихъ могло вынудить и Абадзеховъ уже не къ номинальной, а къ безусловной покорности. Земли Шапсуговъ находились почти по равной части на обѣихъ сторонахъ Кавказскаго хребта, здѣсь безснѣжнаго; переходы чрезъ него возможны по многимъ главнымъ долинамъ; поэтому занятіе лишь сѣверной стороны не было достаточно для покоренія Шапсуговъ, и слѣдовало распространить дѣйствія и на южную часть, къ морю, что̀ вызвало разработку чрезъ хребетъ удобныхъ дорогъ.

Кромѣ того, слѣдовало довершить Адагумскую линію, построить нѣсколько укрѣпленій, водворить двѣ новыхъ станицы и т. п.

На лѣто 1860 года князь Барятинскій, въ видахъ поправленія здоровья, поселился въ Боржомѣ, предоставивъ текущія дѣла князю Орбельяну и начальнику главнаго штаба арміи генералу Милютину; самъ же слѣдилъ за ходомъ военныхъ дѣйствій и не переставалъ подробно доводить обо всемъ до свѣдѣнія Государя частными письмами, крайне интересными, какъ для характеристики князя Александра Ивановича, такъ и для ознакомленія съ ходомъ Кавказскихъ дѣлъ.

Генералъ Филипсонъ, согласно съ изложенными предположеніями, сформировалъ нѣсколько отрядовъ и открылъ дѣйствія противъ Шапсуговъ. Въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ были достигнуты немалые результаты; но князь Барятинскій ими не удовлетворился. Привыкнувъ къ энергіи и настойчивости генерала Евдокимова на Лѣвомъ крылѣ, онъ желалъ видѣть тоже и на Правомъ. Князь рѣшился поручить и Правое крыло графу Евдокимову, оставивъ за нимъ временно и главное начальство на Лѣвомъ крылѣ, гдѣ недавнее возстаніе и возбужденное состояніе туземцевъ требовали особой бдительности. Кстати, генералъ Милютинъ получалъ назначеніе товарищемъ военнаго министра, и генералу Филипсону было предложено занять мѣсто начальника главнаго штаба.

Для подробнаго обсужденія положенія дѣлъ въ Закубанскомъ краѣ, окончательнаго установленія плана дѣйствій и опредѣленія потребности средствъ, фельдмаршалъ самъ поѣхалъ въ Владикавказъ, куда и вызвалъ генераловъ Милютина, Филипсона и Евдокимова. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ совѣщаніи (при которомъ присутствовалъ и князь Д. И. Мирскій, какъ помощникъ начальника Кубанской области) генералъ Филипсонъ, человѣкъ образованный и умный, проводилъ свои взгляды и былъ поддержанъ Д. А. Милютинымъ; но графъ Евдокимовъ, этотъ выросшій на почвѣ Кавказской практической дѣятельности человѣкъ, разбилъ въ прахъ всѣ предположенія и аргументы Филипсона, такъ что и Д. А. Милютинъ, подъ конецъ, сдался на его сторону, и все было рѣшено согласно мнѣнію сего послѣдняго *).

*) Пишу это со словъ князя Д. И. Мирскаго. А. З.

Такимъ образомъ, съ осени 1860 года въ Закубанскомъ краѣ начались наступательныя дѣйствія, съ тою усиленною энергіею и настойчивостью, которыя были свойственны графу Евдокимову и уже достаточно проявились въ блистательныхъ результатахъ на Восточномъ Кавказѣ.

Одною изъ важнѣйшихъ мѣръ, какъ уже сказано, было отправленіе на Правое крыло изъ Дагестана, Лѣваго крыла и Закавказья подкрѣпленія въ составѣ 12 батальоновъ, 12 эскадроновъ и двухъ батарей. Между тѣмъ, заготовленное за Кубанью количество провіанта и фуража не могло быть достаточнымъ для такой новой массы войска, а позднее время года уже не давало возможности доставить припасы посредствомъ подрядовъ или закупокъ въ Русскихъ губерніяхъ. Возникалъ, такимъ образомъ, трудно разрѣшимый вопросъ, тѣмъ болѣе, что отсутствіе благоустроенныхъ путей сообщенія, особенно осенью, не допускало даже мысли о подвозкѣ провіанта изъ другихъ отдаленныхъ отъ предстоявшаго театра дѣйствій магазиновъ. Бывшій тогда Кавказскій генералъ - интендантъ Колосовскій нашелъ выходъ изъ этого затруднительнаго положенія: онъ предложилъ забрать хлѣбъ изъ всѣхъ запасныхъ магазиновъ въ Прикубанскихъ казачьихъ станицахъ, выдавъ имъ взамѣнъ деньги для постепеннаго пріобрѣтенія зерна изъ дальнихъ селъ Ставропольской губерніи. Фельдмаршалъ одобрилъ это предположеніе, были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія, и прибывшія на Правое крыло войска не встрѣтили задержекъ въ снабженіи продовольствіемъ.

По возвращеніи изъ Владикавказа въ Тифлисъ, князь получилъ отъ Государя письмо, съ выраженіемъ неудовольствія за представленную смѣту расходовъ, значительно увеличенныхъ противу предшествовавшаго года. Отвѣтъ князя Барятинскаго, отъ 18 Декабря 1860 года, приводится здѣсь вполнѣ: считаю это необходимымъ въ виду тѣхъ настойчивыхъ упрековъ, которымъ подвергался князь за широкіе расходы казенныхъ денегъ, безъ соображенія съ общимъ финансовымъ положеніемъ государства.

„Письмо Вашего Величества отъ 11-го Ноября повергло меня въ глубокую печаль выраженнымъ въ немъ Вашимъ

неудовольствіемъ по поводу представленной мною смѣты на будущій годъ. Я принужденъ почтительнѣйше просить Ваше Величество пожертвовать минутою вниманія къ изложенію этого дѣла, которое я беру на себя смѣлость представить Вамъ въ общихъ чертахъ, чтобы Вы могли убѣдиться въ независимости отъ меня причинъ, вынуждавшихъ этотъ излишекъ въ расходахъ. Дороговизна хлѣба во всей Россіи въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ постепенно увеличивала бюджетъ арміи. Пудъ муки стоитъ 1 рублемъ 25 копѣйками дороже прежняго, а войска потребляютъ 1,600,000 четвертей въ годъ; это вмѣстѣ съ *категорическимъ довольствіемъ* [1], пожалованнымъ Вашимъ Величествомъ, увеличило нашъ расходъ на 2,800,000 рубл. сравнительно съ прежнимъ".

„Я въ скоромъ времени отправлю генералъ-интенданта арміи къ военному министру для подробнаго разъясненія всего дѣла. Если Ваше Величество удостоите разсмотрѣть остальную часть бюджета, имѣющаго отношеніе къ нашимъ дѣйствіямъ въ будущемъ году, то убѣдитесь, что это издержки совсѣмъ другаго рода, чѣмъ прошлогоднія. Онѣ временны и предназначены къ упроченію завоеванія края; эта денежная жертва, разъ принесенная, не должна будетъ повторяться. Слѣдуетъ смотрѣть на нее, какъ на неизбѣжное слѣдствіе прошлогодней кампаніи, издержки на которую она заключитъ въ себѣ".

„Еслибы принесеніе этой денежной жертвы было признано невозможнымъ, то мы были бы вынуждены испытать всѣ невыгоды, вытекающія изъ пренебреженія побѣдой и тѣми преимуществами, которыя она даетъ".

„Прошлая война [2]) доставила намъ печальный примѣръ послѣдствій такого завоеванія, когда, благодаря недостатку путей сообщенія, войска наши принуждены были быстро очистить побережье Чернаго моря, гдѣ мы и до сихъ поръ не успѣли утвердить наше вліяніе. Смѣю увѣрить, что только мѣры, предлагаемыя мною въ этомъ письмѣ, правда, стóящія

---

[1]) Довольствіе мясомъ и водкой, названное категорическимъ по нѣсколькимъ категоріямъ, на которыя были раздѣлены войска.

[2]) То-есть Крымская.

теперь довольно дорого, въ состояніи дать странѣ продолжительный и плодотворный миръ“.

„Дорóги, мосты, укрѣпленія, просѣки и, главнымъ образомъ, колонизація края казаками—условія sine qua non нашего господства въ странѣ; онѣ твердо упрочатъ наше положеніе здѣсь и сдѣлаютъ наше господство постояннымъ. Точно также всѣ довѣренныя мнѣ Вами войска, до малѣйшей части, включая сюда и 18-ю дивизію, были употреблены, какъ Вы изволите увидѣть изъ квартирнаго расписанія, въ продолженіе всего года, на эти работы. Съ тѣхъ поръ какъ наши военныя линіи приблизились къ самому центру горъ, разстоянія значительно возрасли, а это влечетъ, при плохомъ состояніи дорогъ, ведущихъ къ выдающимся пунктамъ этой линіи (большая часть ихъ еще не приведена въ настоящій видъ), увеличеніе цѣнъ на провозъ провіанта и строительныхъ матеріаловъ. Солдаты, принимающіе участіе въ вышеупомянутыхъ работахъ, изнемогли бы отъ тяжести труда, еслибы не позаботиться о подкрѣпленіи ихъ силъ. Итакъ, они должны получать лучшую пищу и больше водки, чѣмъ получали прежде войска, расположенныя на своихъ квартирахъ; поэтому я былъ принужденъ почти цѣлый годъ давать имъ усиленныя винныя и мясныя порціи, чтò, въ свою очередь, значительно увеличило расходы. Лошади также, весь годъ находившіяся въ работѣ, требуютъ бóльшихъ издержекъ на фуражное довольствіе“.

„По этому краткому описанію Вы видите, что издержки эти—временнаго характера и вызваны самымъ завоеваніемъ Кавказа, и что не въ моей власти ихъ уменьшить или отложить, не рискуя лишиться тѣхъ преимуществъ, которыя достались намъ такою дорогою цѣною“.

„Отсутствіе 18-й дивизіи, которую я отправлю, согласно желанію Вашего Величества, въ Маѣ, лишитъ меня значительныхъ средствъ и, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ большую брешь въ начатыхъ работахъ, которыя должны будутъ придти въ полный упадокъ, чтò приведетъ къ самымъ непріятнымъ послѣдствіямъ несовершеннаго и плохо исполненнаго труда“.

„Само собою разумѣется, что я не прошу у васъ оставленія 18-й дивизіи, такъ какъ это Ваша воля, чтобы она оставила Кавказъ въ началѣ будущей весны. Я только что окончилъ всѣ распоряженія для исполненія этого приказанія; но, надѣясь на Ваше снисхожденіе, я позволю себѣ высказать мой взглядъ на это дѣло. Я не могу себѣ представить тѣхъ экономическихъ выгодъ, которыхъ мы достигли бы черезъ это перемѣщеніе дивизіи, въ особенности въ такое время, когда наше финансовое положеніе требуетъ прежде всего экономіи. Не говоря уже о существенной пользѣ съ точки зрѣнія экономической, приносимой въ настоящее время этою дивизіею Кавказу, она весьма благопріятно содѣйствуетъ будущему экономическому положенію его, обезпечивая миръ и хорошее состояніе путей сообщенія и представляя выгодный исходъ тѣмъ богатствамъ страны, которыя, благодаря промышленно-торговому движенію, впослѣдствіи обогатили бы государственную казну; теперь же эта дивизія будетъ вполнѣ парализована въ своихъ дѣйствіяхъ по Августъ мѣсяцъ, когда она расположится на своихъ постоянныхъ квартирахъ и, не смотря на это, содержаніе ея будетъ требовать тѣхъ же расходовъ, какъ и здѣсь, не считая усиленныхъ расходовъ на передвиженіе ея и издержекъ по передвиженію другихъ войскъ на мѣсто ушедшей дивизіи. Я знаю, что большая часть составляющихъ ее людей остается у насъ; но по этому поводу я позволю себѣ представить Вашему Величеству слѣдующій, чисто-практическій взглядъ на это дѣло: какъ бы слабы ни были тактическія единицы войскъ въ количественномъ отношеніи и фиктивны въ сравненіи съ нормальной ихъ численностью, онѣ все-таки представляютъ силы, по значенію почти равныя ихъ нормальной численности. Непріятель или страна, покорность которой сомнительна, зная, что имѣютъ противъ себя 17 батальоновъ, не заботятся о ихъ численности; генералъ, командующій ими, согласится лучше имѣть меньше людей въ рядахъ, лишь бы имѣть больше батальоновъ. Батальонъ представляетъ собою нравственную и вещественную военную тактическую единицу; по этому уменьшеніе состава войскъ Кавказской арміи на 17 батальоновъ произведетъ самое невыгодное впечатлѣніе.

Во время моего послѣдняго пребыванія въ Петербургѣ Вы передали Вашу волю объ отозваніи 18-й дивизіи; тогда это не показалось мнѣ препятствіемъ къ успѣху нашихъ дѣйствій на Кавказѣ, но тогда я не расчитывалъ на враждебное къ намъ настроеніе Чеченцевъ. Я сознаюсь, что ошибся въ чувствахъ этого народа къ намъ. Ваше Величество изволили видѣть изъ донесеній нынѣшняго года, сколько заботъ причинилъ мнѣ этотъ мятежный народъ. Вашему Величеству также не безъизвѣстно, что Чечня покорялась намъ нѣсколько разъ и всякій разъ снова возставала, увлекая за собою Дагестанскихъ горцевъ, поэтому я принужденъ поставить Чечню въ полную невозможность возстать. И теперь меньше, чѣмъ когда либо, я могу сократить въ этой мѣстности численный составъ войскъ; поэтому, для замѣщенія 18 дивизіи, я долженъ буду передвинуть туда войска съ Кубани и, слѣдовательно, ослабить тамъ свои силы. Сверхъ того я вижу себя вынужденнымъ бросить часть тѣхъ прекрасныхъ сооруженій по главнымъ нашимъ коммерческимъ и военнымъ артеріямъ Военно-Грузинской и Военно-Имеретинской дорогъ, постройка которыхъ была начата съ такою энергіею".

„Я долженъ буду также отказаться отъ постройки предполагаемыхъ дорогъ въ Абхазіи и Сванетіи, Мингреліи, Гуріи; дорогъ, которыя, въ случаѣ внѣшней войны, могли бы представить свободное сообщеніе для подвоза подкрѣпленій и провіанта войскамъ этихъ провинцій, чтобы не быть поставленными въ печальную необходимость очистить страну при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Кавказъ, наслаждаясь миромъ, долженъ стать, по моему мнѣнію, передовымъ бастіономъ нашего могущества на Востокѣ, и съ этой точки зрѣнія, основанной на моемъ искреннемъ и глубокомъ убѣжденіи, я смотрю на это дѣло, долженствующее прославить царствованіе Вашего Императорскаго Величества".

„Я снова долженъ предупредить Ваше Величество, что наше положеніе въ краѣ не таково, какъ въ началѣ прошлой войны. Въ то время мы твердою ногою стояли въ странѣ, опираясь на наши старыя линіи; привычка къ этому самого непріятеля обезпечивала намъ господство въ краѣ; тогда какъ теперь, послѣ сдѣланныхъ нами рѣшительныхъ шаговъ, при-

ведшихъ насъ къ самому сердцу горъ. Вы знаете, Государь, сколько намъ предстоитъ впереди, чтобы достичь утвержденія нашего господства здѣсь и притомъ съ незначительными силами".

„Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и соображеніяхъ я до сихъ поръ руководствовался идеею, удостоившеюся одобренія и Вашего Величества: оставить несостоятельную систему частныхъ экспедицій, вести *постоянную* наступательную войну, предѣлъ которой положила бы только полная побѣда и окончательное завоеваніе всего края: эту войну нельзя прекратить по своему желанію, точно также, какъ нельзя препятствовать непріятельскимъ вторженіямъ, когда руки связаны внѣшней войной. Въ такихъ случаяхъ не задумываются надъ милліонными расходами, и жертва эта часто приносится только для того, чтобы охранить цѣлость естественныхъ границъ страны, тогда какъ теперь намъ остается только завершить завоеваніе, большая часть котораго уже совершена. Настало время оправдать всѣ жертвы, принесенныя Россіею за послѣднее полстолѣтіе: все это потребуетъ только сравнительно-незначительныхъ расходовъ и нѣкотораго увеличенія численности войскъ, а въ замѣнъ дастъ намъ новые источники обогащенія Россіи и первенствующее положеніе въ Азіи".

„Сообразуясь съ ходомъ политики, становится болѣе чѣмъ вѣроятно, да и ваше Величество также понимаете это, что Востокъ въ скоромъ времени станетъ театромъ, на которомъ будутъ окончательно рѣшаться великіе спорные вопросы, и если къ тому времени Кавказъ не будетъ совершенно покоренъ, а стало быть наши мосты, укрѣпленія и дороги не будутъ окончены, то мы не посмѣемъ располагать ни однимъ человѣкомъ изо всей этой славной арміи, чтобы перейти границу".

До какой степени князь Барятинскій предусматривалъ грядущія событія, можно видѣть, какъ изъ разсказанныхъ уже мною неоднократныхъ упоминаній его о Закаспійскомъ краѣ, такъ и изъ вышеприведенныхъ словъ. Еще 16 Февраля 1857 года, описывая дѣла Армянской церкви и ея значеніе въ дѣлахъ Востока, онъ прибавилъ: „Предложенныя

мною мѣры, въ случаѣ войны, будутъ имѣть неоспоримые шансы для успѣха. Каспійское море—базисъ военныхъ дѣйствій—въ настоящее время недоступный непріятельскому нападенію, ближе къ театру войны, чѣмъ тѣ пункты, которые могли бы служить Англичанамъ базою. Каспій далъ бы намъ возможность вторгнуться съ оружіемъ въ рукахъ въ Среднюю Азію. Слѣдовательно, надо было бы лишь увеличить въ весьма значительной степени наши морскія и рѣчныя силы и сосредоточить на Волгѣ — въ видѣ резерва — достаточно войскъ и снарядовъ для уравновѣшенія съ силами, которыя непріятель можетъ намъ противуставить. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы вступить въ дипломатическія сношенія съ владѣтелями центральной Азіи, особенно съ Бухарскимъ, который впослѣдствіи можетъ быть намъ очень полезенъ. Теперь только настало время для Россіи сторицею вернуть все потерянное нами въ послѣднюю войну и нанести смертельный ударъ Англіи, которая неминуемо должна истощиться въ этой борьбѣ. Но для этого пришлось бы сосредоточить всѣ наши средства и пожертвовать ими единственно для этой цѣли. *Я не говорю подъ впечатлѣніемъ минуты: я не разъ говорилъ объ этомъ вопросѣ, ставшемъ теперь на положительную почву*"...

Если бы возможно было опубликовать всѣ документы, то нагляднѣйшимъ образомъ была бы доказана вся ширь и положительность государственнаго взгляда покойнаго фельдмаршала на политику въ Восточномъ вопросѣ, впрочемъ, не только на нее, но и на многое другое...

Кто знакомъ съ обстоятельствами войны 1877—1878 г. и вспомнитъ, между прочимъ, происходившее тогда въ Средней Азіи, тотъ согласится, что осуществленіе мыслей князя Барятинскаго до 1877 г., а не послѣ печальной памяти Берлинскаго конгресса, дало бы совершенно другой оборотъ событіямъ. Всѣ указанія на финансовое положеніе государства, на невозможность нести большія матеріальныя затраты, вовлекаться въ предпріятія, повидимому, не имѣющія подъ собою твердой почвы, приписываемыя даже личнымъ честолюбивымъ побужденіямъ, въ сущности не выдерживаютъ критики: сами событія это доказали, и финансы ихъ не задерживали, и за-

траты оказались такія, о которыхъ никто даже не воображалъ; только, увы, результаты ихъ не оправдали!...

Конечно, если бы жизнь и дѣятельность государства можно было ввести въ рамки жизни и дѣятельности единичнаго человѣка, или даже небольшаго общества, то посвященіе всѣхъ своихъ матеріальныхъ и нравственныхъ усилій исключительно на прогресивное умственное развитіе, на улучшеніе благосостоянія и т. п. было бы вполнѣ естественнымъ закономъ; но въ томъ-то и разница между государствомъ, особенно великимъ, и частнымъ обществомъ, что первое противъ воли вынуждается къ предпріятіямъ, сопряженнымъ съ громадными затратами деньгами и кровью, съ громаднымъ рискомъ, даже безъ полной увѣренности въ непремѣнномъ успѣхѣ. За примѣрами ходить не далеко: достаточно взглянуть на нынѣшнее положеніе всѣхъ государствъ, превратившихся чуть ли не въ сплошной военный станъ. Спрашивается: если таково положеніе Европы, если историческія условія предшествовавшихъ вѣковъ создали сцѣпленіе обстоятельствъ, при которыхъ, не взирая на всѣ проповѣди гуманистовъ, апостоловъ вѣчнаго мира и проч., возможны еще изрѣченія, что „великія дѣла совершаются лишь кровью и желѣзомъ“, изрѣченія, оправданныя фактически событіями, вызвавшими рукоплесканія тѣхъ же гуманистовъ; спрашивается: — не совершаетъ ли государственный человѣкъ, къ тому же военный, великую заслугу, предупреждая о грядущихъ опасностяхъ, указывая на мѣры, могущія принести пользу намъ и вредъ противнику и не стѣсняясь требовать для этого затраты миліоновъ теперь, вмѣсто миліардовъ въ будущемъ? Именно къ такимъ людямъ и принадлежалъ князь Барятинскій, и вовсе неправы тѣ (назовемъ ихъ, пожалуй, идеалистами), которые говорятъ: на что намъ завоеватели, иниціаторы громкихъ дѣлъ, оплачиваемыхъ столькими жертвами, отвлекающими отъ мирнаго труда по развитію преуспѣянія, по разрѣшенію культурныхъ задачъ?

Покойный А. В. Головнинъ, въ одномъ изъ писемъ къ князю Барятинскому, 18 Декабря 1857 года, очевидно исходя изъ такихъ мыслей, писалъ, между прочимъ, что „исторія нашего времени очень мало говоритъ о проигранныхъ или

выигранныхъ сраженіяхъ и не увлекается, какъ нѣкогда, славою военныхъ дѣлъ, а судитъ правителей по ихъ дѣяніямъ законодательнымъ и административнымъ. Очень быть можетъ, господа военные не придадутъ настоящему обстоятельству (рѣчь идетъ о положеніи для управленія Мингреліею) столько важности, сколько люди гражданскіе; но не военные вѣдь будутъ писать исторію управленія Кавказомъ". Тѣже мысли проводились и въ письмѣ другаго, высшаго лица, ставившаго роль скромнаго губернатора выше блестящаго главнокомандующаго. Все это прекрасно въ теоріи; но ходъ событій говоритъ другое. Освободите государство отъ необходимости въ арміяхъ, главнокомандующихъ отъ предпріятій, въ которыхъ побѣды или пораженія на поляхъ сраженій суть главнѣйшіе рѣшающіе факторы, и тогда, конечно, настанетъ золотой вѣкъ исключительнаго царствованія мирныхъ, гражданскихъ дѣяній, и исторія займется единственно повѣствованіемъ объ нихъ. Чтó помогли бы самые лучшіе законы, самыя удачныя административныя мѣры, напримѣръ, за Кавказомъ, если бы окружающій хищный, мусульманскій міръ не былъ сломленъ? Какія мирныя дѣянія могли отвратить насъ отъ роковой необходимости двигаться въ Среднюю Азію? Разъ мы это сдѣлали, какими законами или администраціею предотвратили бы мы экспедицію Скобелева въ Ахалъ-Теке и т. д.? А весь, стоящій предъ нами, во всеоружіи колоссальныхъ политическихъ осложненій, восточный вопросъ, разрѣшится онъ мирными, культурными дѣяніями, безъ „крови и желѣза"? Гдѣ въ исторіи примѣры подобныхъ рѣшеній? Ихъ нѣтъ; и потому мы еще долго будемъ нуждаться въ людяхъ, подобныхъ князю Барятинскому. Далъ бы только Богъ, чтобы ихъ было по больше!—Вмѣстѣ съ тѣмъ, неоспоримо, нужны и тѣ мирные гражданскіе дѣятели, которые на почвѣ мудраго законодательства и разумной администраціи ведутъ государство по пути развитія народнаго просвѣщенія и благосостоянія (къ чему и князь Барятинскій вовсе не относился съ равнодушіемъ), и ихъ слава на страницахъ исторіи должна сіять полнымъ блескомъ. Suum cuique.

Все это не ново; но тѣмъ не менѣе приходится повторять...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письма А. В. Головнина.

1.

Рязанская губ., село Гулынки, 1 Іюля 1860 г.

Здѣсь, во владѣніи мнѣ принадлежащемъ, я имѣлъ честь получить ваше письмо на счетъ Тифлисскаго банка. Примите мою искреннюю благодарность за ту благосклонность, которою вы меня удостоиваете. Я былъ очень счастливъ видѣть высокое мнѣніе ваше по отношенію къ Харитонову, одному изъ моихъ „дѣдовъ" Царскосельскаго Лицея. Я не сомнѣваюсь, что онъ, руководимый вами, успѣетъ въ томъ великомъ дѣлѣ, которое ему довѣрено. Что касается до прежнихъ компаніоновъ Штиглица, я сомнѣваюсь, чтобы они могли вамъ быть полезны, такъ какъ, со времени назначенія Штиглица въ управленіе Государственнымъ Банкомъ, вѣроятно онъ ихъ пригласитъ быть его помощниками въ своей новой должности.

Я пріѣхалъ сюда на нѣсколько недѣль сдѣлать распоряженія, необходимыя въ виду освобожденія крѣпостныхъ. Никогда я не былъ такъ тронутъ необходимостью этой мѣры. Крестьяне, хотя и спокойны, ожидаютъ ее съ нетерпѣніемъ; но они перестали возить навозъ на свои поля, не зная навѣрное, кому эти поля будутъ принадлежать. Если это будетъ такъ продолжаться, у насъ настанутъ неурожаи, также умышленно подготовленные, какъ это было 18 лѣтъ тому назадъ, во время полюбовнаго межеванія чрезполосныхъ земель. Господа не смѣютъ предпринимать никакихъ мѣръ улучшенія въ своихъ имѣніяхъ, не смѣютъ производить никакого употребленія изъ капитала, находясь въ невѣдѣніи относительно того, чтó ихъ ожидаетъ. Полный застой въ экономическихъ дѣлахъ и видъ этого громаднаго количества господскихъ земель долженъ дѣйствовать на всю Имперію и остановить развитіе ея денежныхъ средствъ. Страна не благоденствуетъ, какъ она должна была бы благоденствовать въ дни внѣшняго мира и внутренняго спокойствія. Я нашелъ громадную разницу между старыми крестьянами, которые, по моему мнѣнію, могли бы, въ силу привычки, окончить свои преклонные дни въ крѣпостномъ состояніи, и между молодыми, для которыхъ это было бы совершенно невозможно. Но старые съ каждымъ днемъ уменьшаются, а число молодыхъ увеличивается; правительству и господамъ съ этимъ-то молодымъ поколѣніемъ и придется имѣть дѣло.

Прошу у васъ извиненія за чрезмѣрную длинноту этого письма. Я думалъ, что могу долго говорить съ вами объ освобожденіи крестьянъ, прекрасной мѣрѣ, которая пойдетъ въ исторіи рядомъ съ покореніемъ Кавказа и покроетъ славою настоящее царствованіе. Разница между этими двумя историческими событіями состоитъ въ томъ, что одно уже совершилось, а другое находится еще на пути къ исполненію.

2.

24 Іюля 1860 года.

Благосклонность, которою вы меня удостоиваете, поощряетъ меня писать вамъ подъ впечатлѣніями двухъ-мѣсячнаго моего пребыванія въ деревнѣ, въ срединѣ Россіи, поощряетъ тѣмъ болѣе, что я не думаю, чтобы вы вели переписку съ внутренними мѣстностями. Три мысли меня болѣе всего озабочиваютъ въ настоящее время. 1) Новое поколѣніе крѣпостныхъ крестьянъ, составленное изъ нынѣшнихъ молодыхъ людей и достигающее почти 3-хъ милліонной цифры, поднимается, слушая каждый день говоръ о свободѣ. Это единственная тема для разговора у крестьянъ повсюду, гдѣ бы они ни сходились. Не трудно понять, какое вліяніе она должна имѣть на эти молодыя головы и на ихъ молодыя воображенія. У насъ, въ центрѣ Россіи, среди этихъ трехъ милліоновъ людей приготовляется въ очень близкомъ будущемъ воспламеняющійся матеріалъ, тѣмъ болѣе опасный, что онъ вполнѣ для насъ неизвѣстенъ и что наши администраторы въ губерніяхъ никогда не уважали крестьянъ. 2) Вслѣдъ за этимъ поколѣніемъ, которое будетъ буйно и которымъ станетъ тяжело управлять—слѣдуетъ другое, еще болѣе молодое, составляющееся изъ крестьянскихъ дѣтей, бѣгающихъ теперь около избъ, играющихъ и купающихся въ грязи. Это маленькое народонаселеніе, еще изъ трехъ милліоновъ, конечно, со временемъ будетъ подъ вліяніемъ своихъ старшихъ братьевъ, въ особенности не получая никакого направленія съ другой стороны. Дѣйствительно ужасно видѣть, что ни духовенство, ни министерство народнаго просвѣщенія ничего положительно не дѣлаютъ для начальнаго наученія народа, оставляя рости эту массу дѣтей безъ малѣйшаго понятія объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ Богу и людямъ. Какое будетъ послѣдствіе отъ этой небрежности? Цивилизація идетъ впередъ, необходимость въ просвѣщеніи даетъ себя чувствовать, а извѣстныя идеи распространяются въ воздухѣ, не смотря на всѣ полиціи и всѣ цензуры. Признаюсь, что будущее кажется мнѣ крайне безпокойнымъ? Я провелъ это лѣто въ центрѣ Россіи, среди населенія истинно-Русскихъ людей, которое, составляя сжатую колоссальную массу, говоритъ на одномъ языкѣ, исповѣдуетъ одну и туже вѣру, имѣя одни интересы, составляя истинную силу Россіи и представляя само по себѣ цѣлое могущество. Разсматривая вблизи состояніе страны и вспоминая бюджеты государства, я нахожу, что за послѣднія 40 лѣтъ правительство много брало у этого народа, а дало ему очень мало. Оно брало людьми, прямыми и косвенными налогами, тяжелыми работами и т. д.—брало большую часть его доходовъ, и затѣмъ народъ, благодаря дурной администраціи, платилъ гораздо болѣе, нежели казна получала. Чтó же дѣлало правительство въ тоже самое время, для этихъ же мѣстъ, взамѣнъ всѣхъ податей? Ничего для церкви, которая существовала народными приношеніями (свѣчной сборъ); ничего для народнаго просвѣщенія, такъ какъ наши несчастныя окружныя гимназіи и школы представ-

ляютъ изъ себя менѣе, чѣмъ ничего; ничего для дорогъ, такъ какъ онѣ находятся въ томъ же состояніи, въ какомъ онѣ находились во времена вашего предка Рюрика. Правительство содержало, съ незначительными издержками, суды, несправедливость которыхъ вошла въ пословицу, и полицію, которая грабитъ народъ, такъ что чѣмъ деревня болѣе удалена отъ дѣятельности чиновъ этой полиціи, тѣмъ она болѣе благоденствуетъ. Государственный доходъ, половина котораго основана на безнравственности народа или, вѣрнѣе, на его развращенности (винный откупъ) тратилась на уплату процентовъ долга, на армію, флотъ и на этотъ далекій Петербургъ, который въ своихъ теперешнихъ размѣрахъ очень мало полезенъ для настоящей Россіи. Итакъ, деньги, получаемыя съ податей, не тратились на ихъ настоящія потребности, наиболѣе необходимыя. Все это было большою несправедливостью; а такъ какъ каждая несправедливость всегда наказывается, то я увѣренъ, что наказаніе это не заставитъ себя ждать. Оно настанетъ, когда крестьянскія дѣти, которыя теперь еще только грудные младенцы, выростутъ и поймутъ все то, о чемъ я только что говорилъ. Это можетъ случиться въ царствованіе внука настоящаго Государя.

Часто я думалъ о васъ и о вашемъ прекрасномъ рѣшеніи тратить только для Кавказа и на Кавказѣ всѣ его доходы. Также дѣлается въ Финляндіи съ 1809 года, и страна счастлива. Разумѣется, невозможно прикладывать это правило къ каждому управленію и къ каждому округу; но было бы желательно, чтобы насущныя потребности народа были сперва удовлетворены, а затѣмъ излишки могутъ быть отправляемы въ Петербургъ. Содержаніе арміи, конечно, потребность необходимая, если только расходы не переходятъ за предѣлъ дѣйствительной нужды. Императоръ прекратитъ одну изъ наибольшихъ несправедливостей, которая длилась цѣлые вѣка — крѣпостную зависимость, и этой прекрасной мѣрою онъ стяжаетъ себѣ безсмертіе во всемірной исторіи и величайшее имя въ исторіи народной цивилизаціи. Благодаря этой мѣрѣ и покоренію Кавказа, слава уже пріобрѣтена; онъ приготовляетъ мирное царствованіе для своего сына. Онъ могъ бы удвоить славу и завѣщать внутренній миръ своему внуку, если бы захотѣлъ уничтожить другую несправедливость, о которой я только что говорилъ.

Простите, князь, что письмо такъ длинно. Оно было написано подъ впечатлѣніемъ, которое оставила мнѣ эта сторона, и я былъ ободренъ воспоминаніями нашихъ долгихъ разговоровъ въ Николаевѣ и на Милліонной въ 1855 - 1856 годахъ. Я совершенно съ вами откровененъ. Это лучшее доказательство глубины моего уваженія. Чрезъ нѣсколько дней я отправляюсь совершить поѣздку въ Крымъ и расчитываю прибыть въ Петербургъ около конца Августа.

3.

Царское Село, 21 Сентября 1860 г.

Пробывъ четыре лѣтнихъ мѣсяца въ путешествіи внутри Россіи, я составилъ маленькую записку, которая содержитъ краткій очеркъ моихъ на-

блюденій и моихъ впечатлѣній. Беру на себя смѣлость представить вамъ при семъ эту записку *). Можетъ быть, вы найдете тамъ нѣсколько мыслей, которыя заслужатъ ваше вниманіе. Я предполагаю пробыть зиму въ Петербургѣ, занимаясь тремя важными дѣлами: 1) изданіемъ нѣсколькихъ записокъ относительно освобожденія крестьянъ, дабы приготовить Великаго Князя Генералъ-Адмирала къ разсмотрѣнію этого дѣла въ Главномъ Комитетѣ; 2) преобразованіемъ нашихъ морскихъ училищъ по проекту, составленному адмираломъ графомъ Путятинымъ, и 3) преобразованіемъ нашихъ морскихъ судовъ по проекту, составленному Глѣбовымъ. Преобразованіе министерства и управленія портовъ, совершенное въ теченіе прошлой зимы, привело къ совершенному успѣху, и новый порядокъ вещей въ полной силѣ.

4.

Петербургъ, Литейная, д. № 27, 16 Января 1861 г.

Беру на себя смѣлость доставить вамъ при семъ копію съ письма, которое Великій Князь Генералъ-Адмиралъ послалъ предсѣдателю Департамента Экономіи Государственнаго Совѣта, барону Мейендорфу, относительно бюджета Морскаго Министерства. Я думаю, что ея содержаніе вамъ будетъ интересно тѣмъ болѣе, что тѣже самые доводы, которые Его Высочество представляетъ въ защиту своего бюджета, служатъ и на пользу Кавказа и Военнаго Министерства. Нужно вамъ сказать, что наши финансисты, какъ старые такъ и молодые, очень недовольны этимъ письмомъ, такъ какъ оно затрогиваетъ чувствительную струнку и растравляетъ рану, обвиняя ихъ только въ умѣніи отказывать въ деньгахъ, и не давать себѣ труда ихъ найти. Подумайте, что ни Княжевичъ, ни его предшественники не имѣли мысли послать чиновниковъ въ Россію и за границу изучить на мѣстѣ каждый налогъ, каждый источникъ дохода, а въ особенности распредѣленіе налоговъ, дабы основать на подобномъ изученіи систему, которой нужно слѣдовать. Ихъ отказъ въ отпускѣ денегъ, ихъ увѣренность, что Россія не можетъ дать болѣе 280 милліоновъ рублей въ годъ, имѣли бы совершенно другое значеніе, еслибы они были основаны на подобномъ изученіи. Теперь невольно имъ не хотятъ вѣрить, когда они намъ говорятъ, что невозможно увеличить доходъ государства. Подумайте также, что и въ 1860 и теперь тоже годъ начался, а бюджеты военнаго и морскаго министерствъ не были разсмотрѣны и утверждены. Мы живемъ изо дня въ день и должны дѣлать покупки и заказы, не зная, дадутъ ли намъ денегъ, которыя мы испрашивали. И это случается съ нами, тогда какъ во Франціи и Англіи бюджетъ на 1863 г. утвержденъ въ 1861 году.

Этотъ безпорядокъ тѣмъ болѣе достоинъ сожалѣнія, что онъ наканунѣ общественной реформы, какъ слѣдуетъ назвать освобожденіе крестьянъ. Вамъ

*) Къ крайнему сожалѣнію, этой записки въ архивѣ князя Барятинскаго не оказалось. А. З.

уже извѣстно, что Главный Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина собирается почти ежедневно съ 10 Октября. Было болѣе 40 засѣданій, продолжавшихся свыше 6 и 7 часовъ. Пренія были очень горячія. Нужно отдать справедливость Великому Князю-Предсѣдателю, что всѣ члены пользовались полною свободою выражать свои мнѣнія, и нужно прибавить, что, по своей молодости, своимъ физическимъ силамъ, уму и памяти, которыми природа такъ счастливо наградила Великаго Князя, и его прилежанію, онъ оказался лучше знающимъ дѣло, чѣмъ всѣ члены. Дѣло затянулось благодаря безконечнымъ преніямъ, большому разномыслію среди членовъ наиболѣе вліятельныхъ, а въ особенности, по моему мнѣнію, потому, что секретарь комитета г. Бутковъ до сихъ поръ не успѣлъ еще раскрыть, который изъ членовь наиболѣе могущественъ, а слѣдовательно не знаетъ, въ чью пользу привести въ движеніе всю силу канцеляріи, силу, которая имѣетъ дѣйствительную власть у насъ. Императоръ остается безмолвнымъ и безстрастнымъ и не позволяетъ догадываться, которому изъ различныхъ мнѣній Его Величество симпатизируетъ. Вообще нужно сказать, что веденіе Императоромъ всего этого дѣла доставляетъ ему наибольшую честь. Члены комитета высказывали различныя мнѣнія относительно нѣкоторыхъ пунктовъ дѣла, и въ особенности мнѣнія раздѣлялись относительно опредѣленія количества земли, которое будетъ роздано крестьянамъ въ пользованіе. Князь Долгорукій, генералъ Муравьевъ и Княжевичъ одного мнѣнія; князь Гагаринъ представилъ мнѣніе, ему одному принадлежащее; а всѣ другіе члены, Великій Князь и графъ Панинъ въ томъ числѣ, высказали особое мнѣніе, которое, слѣдовательно, и есть мнѣніе большинства. Генералъ Чевкинъ, графъ Панинъ и Великій Князь—члены наиболѣе вліятельные изъ всего большинства. Черезъ нѣсколько дней дѣло будетъ внесено на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, гдѣ вѣроятно оно возбудитъ еще много преній и гдѣ большинство выскажется по всей вѣроятности въ пользу мнѣнія Муравьева-Долгорукова.

Разъ, когда это великое дѣло будетъ окончено, настанетъ другое, крайне важное для страны: состязаніе генерала Чевкина съ Главнымъ Обществомъ Желѣзныхъ Дорогъ—кому изъ нихъ двоихъ строить южную дорогу. Общество хотѣло бы ее взять на себя, испрашиваетъ новыя концессіи и большую со стороны правительства гарантію; генералъ Чевкинъ въ нихъ отказываетъ и хочетъ строить дорогу государственными инженерами.

Тѣ важныя дѣла, которыми Великій Князь занятъ за послѣднее время, доставили ему такую большую опытность въ знаніи людей и вещей, которой онъ ранѣе не имѣлъ. Вы его найдете очень измѣнившимся въ его пользу.

Вы уже знаете, что князь Орловъ испрашивалъ и получилъ разрѣшеніе оставить всѣ свои должности. Его сынъ добился отъ него этого шага не безъ большихъ затрудненій. Докторъ его мнѣ положительно сказалъ, что этотъ человѣкъ безнадеженъ, но что невозможно сказать, сколько времени продлится состояніе сухотки, въ которомъ онъ находится и

которое все усиливается, выражаясь въ уменьшеніи физическихъ силъ и потери памяти".

Копія письма великаго князя генералъ-адмирала къ предсѣдателю Департамента Экономіи барону Мейендорфу въ Январѣ 1861 года.

Возвращая вашему высокопревосходительству полученныя отъ васъ предварительныя замѣчанія Департамента Экономіи на смѣту Морскаго Министерства 1861 года и отношеніе министра финансовъ № 7253, препровождаю при семъ соображенія мои на вышепомянутыя замѣчанія. При семъ случаѣ считаю нужнымъ сообщить на усмотрѣніе ваше слѣдующее. Каждый почти разъ при обсужденіи въ Департаментѣ Экономіи и въ комитетѣ финансовъ денежныхъ смѣтъ Морскаго Министерства возникаетъ сужденіе о томъ, не слишкомъ ли великъ нашъ флотъ сообразно съ надобностью въ немъ государства, и является стремленіе убѣдить Морское Министерство въ необходимости уменьшить наши морскія силы. Вопросъ о томъ какой флотъ слѣдуетъ имѣть Россіи, какъ первостепенной державѣ, прилегающей къ пяти морямъ, есть вопросъ первостепенной важности, но болѣе политическій чѣмъ чисто-финансовый, и Морское Министерство не можетъ рѣшить онаго ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ, а обязано только выполнять высшія указанія Государя Императора, основанныя на политическихъ соображеніяхъ. Оно можетъ только заботиться, чтобы флотъ, сообразный съ цѣлью, указанною Его Величествомъ, не обходился намъ дороже своей дѣйствительной стоимости; но увеличивать флотъ или уменьшать его по собственному произволу, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивать или сокращать смѣту свою, оно не можетъ. Еслибы Государю угодно было указать Морскому Министерству: 1), что въ Балтійскомъ морѣ намъ достаточно быть только немногимъ сильнѣе Шведовъ и Датчанъ, а что для защиты приморскихъ пунктовъ Его Величество разсчитываетъ болѣе не на флотъ, а на сухопутныя войска и на политическіе союзы; 2), что для политическаго значенія Россіи не представляется вовсе нужнымъ имѣть эскадры ни въ Средиземномъ морѣ, ни въ Восточномъ Океанѣ; 3), что Его Величество не находитъ нужнымъ, чтобы морскія державы въ случаѣ спора между собою дорожили нашимъ союзомъ или нейтралитетомъ, и 4) что въ Черномъ морѣ достаточно имѣть только нѣсколько мелкихъ судовъ для морской полиціи, но что вовсе не нужно заготовлять перевозочныя средства на случай необходимости быстро перевезти нѣсколько полковъ на Кавказъ или въ другую мѣстность и т. д.: въ такомъ случаѣ морское начальство могло бы немедленно сократить свои смѣты на нѣсколько милліоновъ, отозвало бы свои эскадры, распустило бы часть командъ и мастеровыхъ, уволило бы большое число офицеровъ въ резервъ, пріостановило бы кораблестроеніе и заказы и вообще приняло бы цѣлый рядъ мѣръ, которыя довели бы нашъ морской бюджетъ, быть можетъ, до 10 или 12 милліоновъ. Но такъ какъ Государь Императоръ заботится не только о всемѣрномъ сокращеніи расходовъ государственнаго казначейства, но сверхъ того о высшихъ интересахъ Россіи, безопасности ея, политическомъ значеніи, сохраненіи до-

стоинства Имперіи и о возможности помогать слабымъ противъ сильныхъ и притѣсненнымъ противъ утѣснителей, то въ сихъ видахъ представляется необходимымъ: 1), чтобы Балтійскій флотъ нашъ былъ въ состояніи содѣйствовать береговымъ укрѣпленіямъ для защиты Кронштадта даже противъ сильнаго непріятеля; 2-е, чтобы мы принимали участіе въ охраненіи христіанскихъ племенъ отъ изувѣрства мусульманъ и чтобы съ сею цѣлью имѣли эскадру въ Средиземномъ морѣ, тѣмъ болѣе, что тамъ созидается новое сильное государство, и Россія не можетъ оставаться вполнѣ равнодушною къ сему явленію; 3-е, что при могущихъ быть значительныхъ переворотахъ на Востокѣ намъ необходимо имѣть морскія силы для совокупнаго съ другими державами дѣйствія въ Архипелагѣ, подобно бывшимъ уже примѣрамъ, и что Россія не вправѣ оставить своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ безъ малѣйшей помощи; 4-е что значеніе Россіи, какъ первостепенной державы, требуетъ, чтобы морскія державы дорожили нашимъ союзомъ и нейтралитетомъ, и что сообразно съ этимъ мы должны содержать и морскія силы наши; 5) что естественное положеніе Россіи на крайнемъ Востокѣ таково, что мы не можемъ оставаться равнодушны къ тому что̀ происходитъ въ Китаѣ и Японіи и, слѣдовательно, должны содержать эскадру въ Восточномъ Океанѣ, и наконецъ, 6-е, что Россія, прилегая къ берегамъ Чернаго моря, должна видѣть въ водахъ онаго не препятствіе, а средство къ тому, чтобы въ случаѣ надобности дѣйствовать на противуположныхъ берегахъ, и для сего должна имѣть необходимыя перевозочныя сре́дства.

Я не сомнѣваюсь, что ваше высокопревосходительство, при глубокомъ знаніи вашемъ Европейской политики, вполнѣ согласитесь въ справедливости изложенныхъ здѣсь видовъ и потому съ искреннимъ удовольствіемъ могу сообщить вамъ, что они удостоены одобренія Государя Императора и указаны Его Величествомъ Морскому Министерству какъ цѣль его дѣятельности. По сему намъ остается только всемѣрно стараться, чтобы флотъ нашъ, какъ достоинствомъ судовъ, такъ и опытностью экипажей, оправдывалъ надежды Его Величества и чтобы расходы на сооруженіе и содержаніе его не превосходили дѣйствительной необходимости. Къ достиженію сего направлены всѣ мои усилія, и сдѣланы въ морскихъ смѣтахъ нашихъ всевозможныя сокращенія. Затѣмъ всякое дальнѣйшее сокращеніе оныхъ я признаю совершенно невозможнымъ безъ вреда для флота и считаю долгомъ заявить, что оно лишило бы меня возможности дѣйствовать сообразно указаніямъ Государя Императора къ развитію и усовершенствованію нашихъ морскихъ силъ. Какъ ни желательно достигнуть въ государственной росписи нашей уменьшенія расходовъ, но въ виду невозможности этого я полагалъ бы полезнымъ употребить нашихъ способнѣйшихъ финансовыхъ людей къ отысканію средствъ для увеличенія доходовъ государства. Ваше высокопревосходительство конечно сами признаете крайне-одностороннею систему, которая стремится преимущественно къ тому, чтобы всячески уменьшать расходы и тѣмъ лишать каждое вѣдомство средствъ для

улучшенія своей части, вмѣсто того чтобы пріискивать средства для удовлетворенія ихъ надобностямъ. Это представляется особенно важнымъ въ Россіи, гдѣ, какъ извѣстно, народу обходятся всѣ подати и налоги несравненно дороже, чѣмъ сколько получаетъ отъ нихъ правительство и гдѣ слѣдовательно улучшенія по этой части могли бы увеличить доходъ безъ отягощенія плательщиковъ. Подписано: „Константинъ".

5.

Петербургъ, 20 Января 1861 г.

Я имѣлъ честь послать вамъ нѣсколько дней тому назадъ копію съ письма, которое Великій Князь препроводилъ барону Мейендорфу относительно бюджета по флоту. Какъ дополненіе къ этому письму, беру на себя смѣлость представить вамъ при семъ приложенную записку *).

Главный Комитетъ окончилъ свои засѣданія, и его печатный протоколъ, также какъ и проекты Положенія, были вчера отправлены членамъ Государственнаго Совѣта съ оффиціальнымъ объявленіемъ о засѣданіи на 28-е Января, которое будетъ подъ предсѣдательствомъ Императора.

6.

С.-Петербургъ, Литейная № 27, 15 (27) Февраля 1861 г.

Не зная, имѣете ли вы въ Петербургѣ достаточно точныхъ корреспондентовъ, я думалъ, что вамъ было бы интересно и полезно имѣть копію государственнаго бюджета на текущій годъ, который только-что окончательно утвержденъ Императоромъ послѣ разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ и въ комитетѣ финансовъ. При этомъ я имѣю честь послать вамъ конфиденціально эту копію и прошу васъ замѣтить, что дефицитъ былъ пополненъ въ этомъ году лишь разными чрезвычайными средствами, которыя не повторятся въ будущемъ году. Жаль, что не рѣшаются опубликовать бюджетъ, такъ какъ это было бы лучшимъ средствомъ привести финансы въ порядокъ и поднять нашъ кредитъ.

Наконецъ, великое дѣло освобожденія крестьянъ приходитъ къ концу, и новый уставъ будетъ обнародованъ во время поста, сопровождаемый манифестомъ, написаннымъ митрополитомъ Филаретомъ; онъ, говорятъ, достоинъ нашего наиболѣе краснорѣчиваго проповѣдника. Я не читалъ его и не смѣю высказать никакого мнѣнія; но я желаю отъ всего моего сердца, чтобы важность произведенія вдохновила бы нашего великаго писателя.

Засѣданіе Государственнаго Совѣта 28 Января останется памятнымъ въ исторіи Россіи рѣчью, которою Государь освѣтилъ разбирательство Совѣта по проекту освобожденія. Эта рѣчь доказала глубокое знаніе, *которымъ обладаетъ Императоръ по отношенію къ всему этому дѣлу*, доказала насколько онъ имѣетъ объ этомъ ясное представленіе и обнаружила тотъ раціональный планъ, которому онъ слѣдовалъ съ полною твердостью. Эта

---

*) И этой записки въ архивѣ князя Барятинскаго не оказалось. А. З.

рѣчь поставила Государя безконечно выше всѣхъ его министровъ и членовъ Совѣта. Онъ выросъ безмѣрно, а они опустились. Отнынѣ онъ пріобрѣлъ себѣ безсмертіе. Надо замѣтить, что эта рѣчь не была разработана какою-нибудь канцеляріею Совѣта, не была написана и прочитана;—нѣтъ, это была совершенно свободная импровизація, естественное представленіе мысли, которая долго созрѣвала въ головѣ.

Теперь, когда законодательная работа окончена, наступаетъ вторая часть труда, можетъ быть, самая трудная—приведеніе въ исполненіе новаго устава, и здѣсь представляется одинъ важный вопросъ: будетъ ли Государь продолжать употреблять въ дѣло лица, которыя рѣшались открыто признавать себя врагами этой великой реформы, какъ Муравьевъ, князь Долгоруковъ и Тимашевъ, или дряхлые старики, позволяющіе собой руководить окружающимъ и едва знающіе, что они подписываютъ, какъ Ланской и Княжевичъ, или лица лѣтъ 60-ти, легко мѣняющія свою систему и мысли какъ графъ Панинъ, открыто заявлявшій себя врагомъ трудовъ крестьянской коммиссіи и потомъ сдѣлавшійся наиболѣе горячимъ ея защитникомъ? По моему мнѣнію, кто наиболѣе вреденъ для Императора—это генералъ Михаилъ Муравьевъ. Я помню, какъ однажды я писалъ графу Киселеву въ Парижъ, что генералъ Муравьевъ станетъ Аракчеевымъ настоящаго царствованія, и затѣмъ я съ горечью вижу, что онъ сдѣлалъ уже нѣсколько шаговъ по этой дорогѣ. Не дай Богъ, чтобы мое пророчество осуществилось! Императоръ Александръ I-й, мягкій, человѣколюбивый, либеральный, умный и полный познаній, терпѣлъ вредное вліяніе человѣка грубаго, ужаснаго, жестокаго и совершенно несвѣдущаго, какимъ былъ Аракчеевъ. Настоящій Императоръ имѣетъ безконечно болѣе ума и знанія, чѣмъ Муравьевъ; онъ добръ и желаетъ блага Россіи; но у Муравьева болѣе хитрости, коварства, и со всѣмъ этимъ онъ эгоистъ злой и одаренъ безстыдствомъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ скоро станетъ всемогущимъ, такъ какъ теперь онъ уже слишкомъ могущественъ. Прошу вашего снисхожденія за это свободное изліяніе моихъ убѣжденій и моихъ мыслей, наиболѣе задушевныхъ. Это лучшее доказательство довѣрія и уваженія, которое я въ состояніи вамъ принести. Я желаю отъ всего моего сердца ошибиться въ моихъ убѣжденіяхъ и мысляхъ, преслѣдующихъ меня какъ кошмаръ.

Кончаю это длинное письмо сообщеніемъ, что министръ народнаго просвѣщенія ожидаетъ съ большимъ нетерпѣніемъ благосклоннаго отвѣта на письмо, которое онъ послалъ вамъ въ Январѣ, прося васъ уступить ему барона Николаи для назначенія его на постъ попечителя учебнаго округа въ Кіевѣ. Настоящій попечитель Пироговъ будетъ отставленъ черезъ нѣсколько дней отъ своей должности, и министръ желаетъ, чтобы это мѣсто было свободнымъ какъ можно менѣе времени. Лестные отзывы, которые вы мнѣ сдѣлали на счетъ барона Николаи въ прошломъ году, заставляютъ надѣяться, что онъ будетъ чрезвычайно полезенъ въ Кіевѣ.

Глава X.

Упраздненіе особаго Черноморскаго казачьяго войска.—Возбужденное этимъ неудовольствіе.—Стремленіе выселить горцевъ въ Турцію и заселить край казаками.—Предположеніе переселять цѣлыми станицами.—Неожиданное препятствіе къ исполненію этого.—Волненія среди казаковъ.—Причины волненій.—Опасенія по этому поводу.—Болѣзнь фельдмаршала и его письмо къ Государю.—Выѣздъ его за границу.—Прекращеніе безпорядка между казаками.—Письмо къ Д. А. Милютину.—Три письма къ Государю.

Ко времени развитія предположеній о покореніи Западнаго Кавказа относится одна важная мѣра, исполненная по иниціативѣ князя Барятинскаго, именно упраздненіе особаго Черноморскаго казачьяго войска и слитіе его съ Кавказскими линейными казаками. Мотивами къ этому служили слѣдующія основанія. По географическому положенію Черноморіи, по богатству почвы, благопріятному климату и изобилію водъ, народонаселеніе въ ней должно бы умножаться, а сельское хозяйство и промышленность развиваться; но до конца 1850-хъ годовъ развитіе проявлялось въ весьма слабой степени, съ одной стороны потому, что правительство почти не обращало на этотъ предметъ вниманія и не оказывало населенію никакой помощи, съ другой—сами жители не проявляли къ улучшенію никакихъ усилій.

Имѣя въ виду дать Черноморіи надлежащее устройство и споспѣшествуя тѣмъ ея благосостоянію, князь Барятинскій находилъ необходимымъ преобразовать и самихъ жителей, присоединеніемъ другихъ элементовъ народности, дабы переродить по возможности неподвижный характеръ и духъ застойчивости Черноморскаго казака. Азовскіе казаки своею предпріимчивостью и отвагою на морѣ; линейные казаки своею удалью и наѣздничествомъ, воскресили бы Запорожскую доблесть, а новые переселенцы и иногородные жители развили бы своимъ примѣромъ и соревнованіемъ начàла труда и промышленности; тогда должны явиться и основанія для наилучшаго устройства военнаго и гражданскаго управленія этой части Кавказскаго края.

Рѣшено было присоединить пять бригадъ линейныхъ казаковъ къ Черноморіи и образовать, подъ однимъ уже име-

немъ, „Кубанское войско“; а изъ остальныхъ линейныхъ казаковъ образовать особое „Терское войско“.

Что мѣра эта съ государственной точки зрѣнія была вполнѣ полезна и необходима, не подлежитъ никакому сомнѣнію; но она возбудила значительное неудовольствіе среди Черноморцевъ, особенно интелигентнаго класса, нечуждаго украинофильству, весьма дорожившаго своими старыми привилегіями, большою долею самоуправленія и обособленности. Упоминаю объ этомъ здѣсь потому, что, какъ увидитъ читатель ниже, неудовольствіе имѣло послѣдствіемъ возникновеніе весьма прискорбнаго происшествія.

Въ числѣ первенствующихъ мѣръ къ скорѣйшему и дѣйствительному завоеванію Закубанскаго края, по мнѣнію князя Барятинскаго и Д. А. Милютина, признавалось заселеніе этого края Русскими людьми, по преимуществу казаками; для этого находили болѣе полезнымъ совсѣмъ вытѣснить горцевъ въ Турцію, чѣмъ переводить ихъ на плоскость, если бы они даже пожелали этого. Съ этимъ вполнѣ соглашался и графъ Евдокимовъ, направляя на этомъ основаніи главныя свои дѣйствія къ выполненію возложенной на него задачи.

Само собою, такая мѣра была жестока; но, несомнѣнно, для прочнаго владѣнія Кавказомъ самая полезная, отчасти единственно-вѣрная: полумиліонное туземное, воинственное, вооруженное населеніе, хотя бы поселенное въ большихъ аулахъ на плоскости, подъ ближайшимъ надзоромъ Русскихъ властей, все-таки составляло бы опасный элементъ и, въ случаѣ войны, когда Черное море опять бы очутилось въ рукахъ намъ враждебныхъ, неминуемо возстало бы, отвлекая войска, необходимыя для борьбы съ внѣшнимъ непріятелемъ; однимъ словомъ, у насъ руки были бы связаны. Основательность такого соображенія подтвердилась во время послѣдней войны 1877 года: на восточномъ Кавказѣ оставшіеся на своихъ мѣстахъ горцы возмутились, произвели рядъ дерзкихъ нападеній, вызвали необходимость вооруженныхъ дѣйствій съ нашей стороны и лишили Кавказскую армію на театрѣ войны въ Азіятской Турціи содѣйствія двухъ дивизій; въ Закубанскомъ же краѣ, гдѣ туземнаго населенія осталось самое не-

значительное число, все было спокойно, хотя край былъ оставленъ съ ничтожнымъ числомъ войскъ.

Сообразно съ этою цѣлью, графъ Евдокимовъ, съ прибытіемъ на Правое крыло, установилъ такую систему дѣйствій: нещадно и безостановочно тѣснить горцевъ къ морю и въ тоже время усиленно двигать Русское населеніе на мѣста, только что освобождаемыя бѣгущими Черкесами. Для перваго онъ не жалѣлъ трудовъ войскъ, для втораго пришлось позаботиться о достаточномъ количествѣ воинственныхъ переселенцевъ, которыхъ потребовалось вдругъ осьмнадцать тысячъ семей, или 90 тысячъ душъ. Прежняя система водворенія новыхъ станицъ, посредствомъ вызова охотниковъ, посредствомъ жребья, женатыхъ солдатъ и т. п. уже не могла соотвѣтствовать возникшимъ условіямъ, и для того, по предположенію графа Евдокимова, рѣшено было, кромѣ этихъ способовъ, прибѣгнуть къ переселенію цѣлыхъ старыхъ станицъ на новыя мѣста. Примѣры подобнаго передвиженія, хотя въ небольшихъ размѣрахъ, уже бывали на Кавказѣ. Къ тому же предполагалось, что служба вдали отъ своихъ станицъ, на передовыхъ линіяхъ и въ отрядахъ, составляла для казаковъ значительную тягость, отъ которой съ переселеніемъ на новыя мѣста они избавлялись, и что если они будутъ увѣрены, что впредъ уже не подвергнутся новому переселенію, то большая часть съ радостью пойдетъ на богатыя и привольныя мѣста, оставляемыя горцами.

Не вдаваясь въ подробности военныхъ дѣйствій, начатыхъ графомъ Евдокимовымъ, ограничусь указаніемъ главнаго результата, достигнутаго къ концу 1860 года. 1-е, между вновь возведенными укрѣплеными штабъ-квартирами Крымскаго и Ставропольскаго полковъ (укрѣпленія Крымское и Григорьевское) проложена просѣка и удобное во всякое время года сообщеніе; 2-е, между рѣками Адагумомъ и Супсомъ плоскость совершенно очищена отъ непріятельскаго населенія Шапсуговъ, жившихъ на сѣверномъ склонѣ хребта. Въ 1861 году опредѣлено было переселить въ новыя мѣста 3500 семействъ. Переселеніе должно было производиться изъ бывшаго линейнаго казачьяго войска цѣлыми станицами, начиная съ полковъ Хоперской и Кубанской бригадъ, а изъ

бывшаго Черноморскаго войска изъ округовъ, начиная съ Ейскаго, какъ наиболѣе удаленнаго отъ Кубани.

Исполненіе этихъ предположеній съ перваго шага встрѣтило неожиданныя затрудненія: казаки отказались исполнить отданное имъ приказаніе... Не взирая на внушенія, увѣщанія и угрозы, упорство казаковъ возрасло до такой степени, что вынудило двинуть къ главной станицѣ Хоперскаго полка, Александрову, отрядъ регулярныхъ войскъ, а жители станицы готовились къ вооруженной оборонѣ...

Легко себѣ представить степень непріятности, внезапно возникшей изъ такого непредвидѣннаго оборота дѣлъ. Въ разгаръ дѣйствій противъ стоящаго еще во всеоружіи непріятеля внѣшняго, на виду съ напряженіемъ слѣдящей за этой борьбой Западной Европой *), пришлось двигать войска противъ своихъ, старыхъ, испытанныхъ, вѣрныхъ казаковъ, рискуя возбудить, быть можетъ, неисчислимыя гибельныя послѣдствія!

Причинами такого неожиданнаго упорства казаковъ были: дѣйствительная трудность переселенія цѣлыхъ станицъ, въ которыхъ многіе казаки уже успѣли значительно развить свое благосостояніе, завести большія постройки, сады и т. п.; поспѣшность, съ которою требовалось начать переселеніе, упущеніе нѣкоторыхъ обычныхъ формальностей при объявленіи въ станицахъ приказа готовиться къ переселенію и, наконецъ, неполученіе войсковымъ казачьимъ начальствомъ Высочайшаго повелѣнія, видѣть которое желали казаки. Послѣдняя причина была главнѣйшая. Но кромѣ этихъ офиціально признанныхъ причинъ, слѣдуетъ упомянуть и о другихъ, неофиціальныхъ, но едва ли подлежащихъ сомнѣнію. Въ бывшемъ Черноморскомъ войскѣ, какъ уже выше сказано, самое упраздненіе его названія и слитіе съ чисто-русскимъ Кавказскимъ линейнымъ войскомъ возбудило значительное неудовольствіе. Глухой ропотъ на уничтоженіе привилегій, данныхъ Императрицею Екатериною II, при поселеніи этихъ бывшихъ Запорожцевъ въ Черноморіи, а особенно

---

*) Выборная делегація отъ Черкесовъ являлась въ Константинополь и Лондонъ съ просьбой о защитѣ; ихъ приняли съ почетомъ, но—отпустили съ фразами ободренія.

на назначеніе нѣкоторыхъ начальственныхъ лицъ изъ Русскихъ регулярныхъ войскъ, вырвался наружу, когда получилось приказаніе о переселеніи цѣлыхъ станицъ изъ Ейскаго округа на Черкесскія земли. Приказаніе къ тому же было дано въ простой военной формѣ, вмѣсто укоренившагося въ казачьихъ войскахъ вообще, а въ Черноморскомъ въ особенности, гражданскаго порядка: „по указу Его Императорскаго Величества приказали". Графъ Евдокимовъ, всю жизнь проведшій въ чисто-военной сферѣ, гдѣ приказаніе начальника, даже словесное, есть законъ, исполняемый немедленно, безъ разсужденій, узнавъ о возникшихъ по поводу переселенія замѣшательствахъ, почти волненіяхъ, пріѣхалъ въ Екатеринодаръ и къ собравшимся представителямъ Черноморскихъ офицеровъ отнесся опять же чисто по военному, съ нѣкоторою суровостью. Онъ подлилъ масла въ огонь, вызвавъ даже нѣсколько громкихъ, дерзкихъ возгласовъ по его адресу... Нѣсколько офицеровъ были арестованы и отправлены въ Ставрополь.

Въ линейномъ же войскѣ, въ Хоперскомъ полку, подражая Черноморцамъ, тоже стали требовать „указа Его Императорскаго Величества"; а ближайшее ихъ начальство не сумѣло употребить благоразумныхъ увѣщаній и разъясненій; нѣкоторые, изъ эгоистическихъ видовъ, рѣзкою грубостью и угрозами усилили раздраженіе и довели казаковъ до безумной рѣшимости не только не исполнять распоряженія о переселеніи, но, выбравъ изъ среды своей старыхъ урядниковъ, довѣрить имъ полковое знамя и начальствованіе полкомъ; а между тѣмъ онъ послали депутатовъ въ Тифлисъ къ фельдмаршалу и въ Петербургъ къ Императору.

Всѣ эти происшествія произвели на Кавказѣ и еще болѣе въ Петербургѣ весьма непріятное впечатлѣніе и тревогу; были пессимисты, опасавшіеся развитія волненій во всемъ Кавказскомъ казачьемъ населеніи, могущихъ парализовать успѣхи въ войнѣ противъ горцевъ и отодвинуть насъ далеко назадъ.

И въ такое - то время, какъ нарочно, жестокая болѣзнь окончательно овладѣла княземъ Барятинскимъ; онъ не могъ вставать съ постели, переносилъ мучительныя страда-

нія физическія, не менѣе мучительныя нравственныя. 21 Февраля 1861 г. изъ Тифлиса онъ писалъ Государю:

„Ваше Величество! Съ глубокою печалью я долженъ сообщить Вамъ сегодня о плачевномъ состояніи моего здоровья. Всѣ усилія, которыя я употреблялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, дабы поддержать его расшатанныя основы, ни къ чему не повели. Я долженъ былъ принимать сильныя средства, чтобы быть въ состояніи совершить походъ и обѣ мои поѣздки въ Петербургъ въ 1859 году: но онѣ-то меня и сломили. Я совершенно потерялъ способность владѣть лѣвой ногой, и постоянныя боли, испытываемыя мною, въ особенности по начамъ, которыя я провожу безъ сна, истощили все мое терпѣніе. Единственная остающаяся мнѣ надежда— удалившись отъ дѣлъ на четыре или шесть мѣсяцевъ, отдохнуть и полѣчиться по системѣ Шрота въ Силезіи; это лѣченіе прежде принесло мнѣ большую пользу, и я ему вполнѣ довѣряю. Въ этой знакомой мнѣ странѣ, я буду вдали отъ свѣта и отъ всѣхъ тревогъ, имѣющихъ великое вліяніе, въ особенности въ настоящее время, на мой изнуренный организмъ; если это лѣченіе не будетъ достаточнымъ, то я отправлюсь въ Швейцарію, гдѣ буду лѣчиться виноградомъ. Только послѣ всего этого, я рѣшусь вновь отдаться въ руки докторовъ, къ которымъ, какъ вы знаете, я питаю рѣшительное отвращеніе. Я слишкомъ много страдалъ отъ этихъ господъ въ первые годы моей молодости и, стало быть, имѣю основаніе бояться ихъ больше чумы. Въ тотъ день, когда я увижу хоть одного изъ нихъ у себя, я буду увѣренъ, что мой послѣдній часъ пробилъ, такъ какъ они всѣ ни болѣе ни менѣе какъ патентованные убійцы, не подвергающіеся никакой отвѣтственности. Такъ или иначе, я обѣщаю вамъ посовѣтоваться съ ними за границею, но не позволю имъ пичкать меня лѣкарствами“.

„Самое большое мое несчастье, заставляющее меня испытывать страданія сильнѣе физическихъ, это чувствовать себя вынужденнымъ къ бездѣятельности въ такое время, когда Вы болѣе всего, быть можетъ, нуждаетесь во мнѣ. Жду съ нетерпѣніемъ Вашего отвѣта, чтобы отправиться, какъ только буду въ состояніи, въ дорогу; я хотѣлъ бы не терять вре-

мени и выѣхать какъ можно скорѣе. Отправиться я желалъ бы изъ Петербурга: не могу разстаться съ Вашимъ Величествомъ и покинуть, быть можетъ, на долго страну, которую вы мнѣ довѣрили, безъ того, чтобы не повидать Васъ и не поговорить съ Вами лично. Я откажусь отъ этого счастья и отъ этой обязанности лишь въ томъ случаѣ, когда мои силы мнѣ положительно не позволятъ предпринять такое далекое путешествіе, и тогда я долженъ буду отправиться чрезъ Поти, гдѣ сяду на пороходъ".

„Мой отчетъ за 1857, 1858 и 1859 годы могъ быть оконченъ только въ Январѣ; эта работа, какъ вы увидите, была трудна и вся добросовѣстно выполнена. Смѣю на нее обратить Ваше особенное вниманіе; она послужитъ основаніемъ для будущихъ отчетовъ, которые отнынѣ могутъ быть составляемы періодически. Представляю Вамъ одинъ форменный экземпляръ отчета въ рукописи, а другой печатный, какъ болѣе удобный для чтенія".

*

Выѣздъ князя за границу состоялся въ Апрѣлѣ чрезъ Поти и Константинополь. Печально было настроеніе его, всѣхъ его приближенныхъ, всѣхъ цѣнившихъ и искренно уважавшихъ его людей. Надежды на выздоровленіе и скорое возвращеніе выражались всѣми громко, но въ душѣ большинство не могло подавить невольныхъ сомнѣній *).

Всего годъ съ небольшимъ прошелъ со времени блестящихъ, торжественно-радостныхъ встрѣчъ Тифлисомъ покорителя Кавказа, и вотъ уже онъ, страдающій, уложенный въ экипажъ, оставлялъ городъ безъ всякихъ шумныхъ проводовъ, печально провожаемый лишь кружкомъ близкихъ людей. Нашлись даже люди, полагавшіе возможнымъ отвернуться отъ закатывающагося солнца и начать критику его дѣйствій. Это до такой степени въ натурѣ человѣчества! ..

Однако, возникшія между казаками волненія, благодаря во́ время принятымъ мѣрамъ, различнымъ льготамъ и посо-

---

*) Болѣзнь была въ высшей степени развитія: страшныя боли въ желудкѣ и костяхъ, частые обмороки, упадокъ силъ до того, что князь не могъ держать пера въ рукахъ и ѣхать могъ только лежа. А. З.

бію переселенцамъ, особенно благодаря надѣлу ихъ землею въ потомственное ихъ владѣніе и опубликованному Высочайшему рескрипту на имя графа Евдокимова, относительно порядка переселенія старыхъ станицъ,—исподоволь утихли, не причинивъ главному дѣлу особаго ущерба; а вскорѣ личное посѣщеніе сѣвернаго Кавказа Императоромъ и милостивое прощеніе всѣхъ виновныхъ совершенно успокоили умы. Все пришло въ порядокъ, и самое дѣло предано забвенію.

Привожу здѣсь письмо князя Барятинскаго, отъ 14 (26) Іюня 1861 г. изъ Дрездена къ Д. А. Милютину, для бо́льшаго разъясненія описаннаго прискорбнаго случая, который вызвалъ не только въ правительственныхъ кругахъ, но и въ частномъ обществѣ много толковъ и даже статей въ Русскихъ и нѣкоторыхъ заграничныхъ изданіяхъ.

„11 Іюня получилъ я письмо ваше отъ 6-го ч. сего мѣсяца, почтенный и многоуважаемый Дмитрій Алексѣевичъ. Весьма прискорбно было для меня увидѣть, какой неблагопріятный оборотъ приняло казачье дѣло. Приступая къ нему, чтобы узнать настроеніе казачьихъ умовъ и для бо́льшаго разъясненія способовъ къ исполненію предполагаемой мѣры, я, передъ отъѣздомъ за границу, вызвалъ графа Евдокимова въ Тифлисъ и только по убѣдительному его увѣренію, что никакихъ смутъ произойти не можетъ, поручилъ ему лично заняться исполненіемъ этого дѣла. Я былъ надеженъ, что съ его осторожностью, опытностью и должною энергіей, онъ достигнетъ желаемаго, не допустивъ никакихъ безпорядковъ. Я, признаться, удивленъ, до какой степени онъ въ этомъ случаѣ не оправдалъ моихъ ожиданій. Нѣтъ сомнѣнія, что мѣра эта рѣшительная; но она самимъ имъ предложена, и вы тоже хорошо знаете, что безвыходность нашего положенія сдѣлала ее необходимою. Когда въ первый разъ я призналъ нужнымъ заселить вновь покоряемый край воинственнымъ Русскимъ населеніемъ (что́ одно даетъ въ будущемъ вѣрное ручательство неоспоримаго нашего владѣнія), то было предлагаемо нѣсколько способовъ къ этому заселенію. Генералъ Хомутовъ въ то время сильно возставалъ противъ переселенія съ Дона, и я намѣревался просить у Государя Императора, по мѣрѣ упраздненія (излишка) регулярныхъ войскъ на Кавка-

зѣ, переименовывать женатыхъ нижнихъ чиновъ въ казаки, съ водвореніемъ на передовыхъ линіяхъ. Въ это самое время уничтоженіе кантонистовъ, хотя сама по себѣ мѣра весьма благодѣтельная, лишила насъ лучшихъ средствъ къ добровольному переходу солдатъ въ казачье сословіе. Все это вынудило меня рѣшиться на передвиженіе старыхъ линій, которыя уже утратили свое значеніе. По моему, какія бы ни возникали временныя затрудненія, мы должны ненарушимо соблюдать основную нашу цѣль, состоящую въ постепенномъ перенесеніи казачьихъ линій на дальнѣйшіе пункты и съ этою цѣлью всѣми мѣрами заинтересовывать казачьи сословія къ переселенію. Вотъ почему я нахожу вполнѣ соотвѣтствующими ваши предположенія, сообщенныя вами князю Орбельяну, въ отношеніи отъ 19 Мая за № 54. Мнѣ пишетъ, между тѣмъ, генералъ Карцовъ, что графъ Евдокимовъ представилъ новую записку, съ изложеніемъ способовъ къ достиженію той же предположенной цѣли, не прибѣгая къ переселенію цѣлыми станицами. Александръ Петровичъ *) говоритъ, что записка эта требуетъ дополненія и переработки и будетъ вскорѣ представлена мнѣ. Не угодно ли будетъ вамъ вытребовать ее прямо къ себѣ въ Петербургъ? Я не имѣю возможности, ни силъ, чтобы теперь, во время моего изнурительнаго лѣченія, подробно и тщательно входить въ дѣла. Сущность этого предположенія состоитъ, сколько я понялъ, въ томъ, чтобы переселеніе цѣлыми станицами замѣнить жеребьевою системою въ усиленныхъ размѣрахъ отъ первыхъ полковъ бригадъ, такъ чтобы въ три года взять отъ нихъ по 50% всего населенія, дополнивъ остальное крестьянами. Во всякомъ случаѣ прежде всего нужно исходатайствовать Высочайшее повелѣніе на то, чтобы Черноморія, наравнѣ съ прочими частями Кубанскаго войска, обязана была выставлять по жребію равное съ ними число переселенцевъ".

„Мнѣ кажется неудобнымъ посылать изъ Петербурга, какъ вы предполагаете, довѣренное лицо для объявленія

*) Карцовъ, занявшій послѣ Д. А. Милютина и Г. И. Филипсона мѣсто начальника главнаго штаба Кавказской арміи. А. З.

Высочайшей воли. Это придастъ слишкомъ много важности дѣлу и поставитъ въ необходимость или строго наказать виновныхъ отъ лица Государя, или оказать послабленіе своевольнымъ требованіямъ казаковъ, что также было бы несогласно съ довѣріемъ Государя Императора къ моимъ распоряженіямъ. Для выигранія времени, я полагаю, что рескриптъ на имя графа Евдокимова былъ бы соотвѣтственнѣе всего. Онъ же и генералъ-адъютантъ, и на него возложено было исполненіе переселенія. Въ этомъ рескриптѣ, если Государю Императору угодно будетъ, прежде всего выразить бы графу Евдокимову свое неудовольствіе за медленность исполненія возложеннаго на него порученія, а затѣмъ, считая благопріятное время упущеннымъ, отмѣнить переселеніе въ нынѣшнемъ году, а потомъ тутъ же объявить о правилахъ, на которыхъ переселеніе должно впредъ совершаться. Въ этихъ правилахъ ввести предположеніе о надѣлѣ казаковъ, переселяющихся на передовыя мѣста, землею въ личное и потомственное владѣніе. По моему мнѣнію, слѣдуетъ сдѣлать весьма ясную и громкую оговорку этого исключенія въ пользу Кавказскаго казачьяго войска и не въ примѣръ другимъ, такъ какъ оно стоитъ въ исключительномъ положеніи, столь долго лицомъ къ лицу съ непріятелемъ; къ этому прибавить, что особенная милость Государя къ войску дѣлается единственно въ награду и въ вознагражденіе за бывшіе и предстоящіе ему труды и лишенія“ *).

„Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти недоразумѣнія и неурядицы были слѣдствіемъ подстрекательствъ такъ называемаго казачьяго дворянства и въ особенности Черноморскихъ пановъ. Они осмѣлились дерзко выразить свое недовѣріе къ моимъ распоряженіямъ, требовали правительственныхъ гарантій, царскаго указа и возвращенія имени Черноморскаго, ссылаясь на какую-то нелѣпую національную гордость имени, присвоеннаго имъ менѣе 70 лѣтъ (тому назадъ) и ничѣмъ не оправдывающаго ихъ велерѣчіе. Съ самаго моего прибытія главнокомандующимъ на Кавказъ, я съ какимъ-то невольнымъ недовѣріемъ смотрѣлъ на Черноморскихъ

*) Въ такомъ смыслѣ и состоялся Высоч. рескриптъ на имя гр. Евдокимова. А. З.

казаковъ. Поэтому, я въ особенности почелъ долгомъ слить ихъ въ одно, по возможности скорѣе, съ прекраснымъ нашимъ казачьимъ Русскимъ элементомъ на Кавказѣ. Я, конечно, предвидѣлъ, что найду противодѣйствіе единственно въ панахъ; но пугаться было нечего, и давать теперь послабленіе—значило бы только укрѣпить этотъ враждебный элементъ. Поэтому, я убѣдительно прошу васъ испросить себѣ Высочайшее разрѣшеніе написать секретно графу Евдокимову, чтобы онъ сдѣлалъ строжайшее дознаніе зачинщикамъ и сочинителямъ просьбъ и дозволить ему ссылать ихъ тотчасъ же, по мѣрѣ открытія, административнымъ порядкомъ на неопредѣленное время внутрь Россіи, по предварительному вашему назначенію. Для устраненія ихъ отъ всякаго вреднаго вліянія во время предстоящаго преобразованія, должно бы содержать ихъ тамъ подъ строжайшимъ надзоромъ полиціи. Натурально, что эта мѣра должна быть временною и равно касаться и 1-го Хоперскаго полка. Если же между зачинщиками найдутся такіе люди, которые слишкомъ ясно уличены будутъ въ подстрекательствѣ и незаконныхъ дѣйствіяхъ, то для примѣра предать ихъ тотчасъ же суду, поступивъ съ ними по всей строгости законовъ. Вообще, на это дѣло не должно смотрѣть равнодушно, особенно въ теперешнее безпокойное время, и надо его кончить какъ можно скорѣе. Я полагалъ бы также необходимымъ вызвать тотчасъ же, подъ предлогомъ объясненія, въ Петербургъ генерала Кухаренко и удалить его также на нѣкоторое время отъ вліянія на своихъ соотечественниковъ. Онъ и Порохня кажутся весьма безпокойными людьми, домогающимися посредствомъ домашнихъ интригъ и постороннихъ протекцій достиженія своихъ видовъ. Я знаю навѣрное, что Кухаренко старается быть атаманомъ; онъ составилъ сильную партію на Кавказѣ, на Дону и въ Петербургѣ, убѣждающую въ необходимости назначенія отдѣльнаго лица для управленія Черноморцами, видимо для усложненія препятствій къ желаемому нами соединенію двухъ войскъ. Я полагалъ бы въ теперешнемъ положеніи дѣла согласиться на назначеніе атаманомъ Кубанскаго войска особеннаго лица, вмѣсто графа Евдокимова, который не имѣетъ времени исключительно

заняться казаками. Я нахожу всего лучше, если Государю Императору угодно будетъ, для избѣжанія издержекъ казны, назначить атаманомъ помощника командующаго войсками Кубанской области. Такимъ образомъ всякія претензіи на это мѣсто рушатся; генералъ Ивановъ исключительно можетъ заняться этимъ дѣломъ, и мысль о сліяніи войска останется ненарушимою“.

Въ Германіи, передавъ себя въ руки столь противныхъ ему докторовъ, князь Барятинскій не переставалъ однако заботиться о ходѣ важнѣйшихъ дѣлъ на Кавказѣ. Изъ переписки его съ Государемъ, генераломъ Карцевымъ и другими лицами видно, что всѣ главнѣйшія дѣйствія 1861 и 1862 годовъ происходили по его мысли и указаніямъ.

Не ускользали отъ его вниманія и общія государственныя дѣла, особенно въ связи съ начавшимися тогда безпорядками въ Польшѣ. Воспользовавшись нѣсколькими днями улучшеннаго здоровья, князь Александръ Ивановичъ въ Іюлѣ 1861 года ѣздилъ въ Петербургъ и изложилъ Государю свои взгляды на положеніе политическихъ дѣлъ въ Европѣ и на нѣкоторыя мѣры, которыя онъ считалъ полезными въ интересахъ Россіи. Затѣмъ онъ возвратился въ Дрезденъ продолжать лѣченіе. Привожу здѣсь три письма его къ Государю изъ Дрездена.

29 Августа (10 Сентября) 1861 года.

„По моему разсчету Вы получите это письмо въ то время, когда ступите ногою на Кавказскую землю“.

„Позвольте мнѣ присоединить и мой радостный голосъ къ шумнымъ и горячимъ привѣтствіямъ, несущимся къ Вамъ на встрѣчу. У меня сжимается сердце при мысли, что въ эту дорогую для меня торжественную минуту, я далеко отъ Васъ, вмѣсто того, чтобы въ избыткѣ счастья выйдти къ Вамъ на встрѣчу. Вы легко поймете, какія чувства я теперь переживаю здѣсь, въ Дрезденѣ. Завтра, въ день Вашего тезоименитства, я вознесу къ Небу мои горячія молитвы. Мнѣ грустно, что въ этотъ великій день я не буду на Кавказѣ, гдѣ я такъ любилъ чествовать его въ кругу своихъ.

Адъютантъ Вашего Величества князь Мирскій *) возвращается на Кавказъ, чтобы принять участіе въ этомъ достопамятномъ событіи; пользуясь его отъѣздомъ, я пишу Вамъ".

„Дѣло Кубанскихъ казаковъ, какъ меня увѣдомили, кажется, совершенно улеглось. До меня дошли слухи, что оказанная Вами имъ милость возбудила нѣкоторую зависть въ Терскихъ, Азовскихъ и Донскихъ казакахъ. Строго говоря, они столько же, если не болѣе, помогали намъ въ Кавказской войнѣ, и было бы справедливѣе распространить даваемыя льготы и на нихъ при колонизаціи Закубанскаго предгорья, съ тѣмъ чтобы дѣйствіе этой милости остановить, когда Вамъ будетъ угодно; ибо мы должны имѣть въ виду, что настанетъ день, когда земель не достанетъ. Тѣмъ не менѣе до того времени мы успѣемъ усилить военную колонизацію, такъ какъ это представляется крайне-необходимымъ для окончательнаго успѣха покоренія Праваго крыла. Я только что написалъ обо всемъ этомъ генералу Милютину, приглашая его повергнуть это предложеніе на Ваше усмотрѣніе, пока Вы находитесь еще вблизи казаковъ. Я не сомнѣваюсь, что они примутъ эту монаршую милость съ полною признательностью".

„Возвратясь въ Германію, я могъ провести паралель между впечатлѣніями минувшими и настоящими, и въ этомъ сравненіи я нашелъ новые поводы, чтобы остаться при тѣхъ мысляхъ, которыя я позволилъ себѣ повергнуть на Ваше усмотрѣніе. Въ скоромъ времени я напишу Вамъ объ этомъ, и письмо будетъ Вамъ доставлено однимъ изъ моихъ племянниковъ, Орловымъ-Давыдовымъ. Они оба возвращаются къ князю Орбеліану, такъ какъ я не хочу лишать ихъ счастія имѣть возможность раздѣлить всеобщую радость. Я буду здѣсь ожидать извѣстій о Вашемъ пребываніи на Кавказѣ. Г-нъ Новосельскій обѣщалъ мнѣ пріѣхать прямо изъ Поти въ Дрезденъ, и не могу Вамъ выразить, съ какимъ нетерпѣніемъ я его ожидаю".

*

*) Князь Николай Ивановичъ Мирскій, нынѣ атаманъ Донскаго войска.

3 (15) Сентября 1861 г.

„Съ чувствомъ глубокаго нетерпѣнія я ожидаю извѣстій о Вашемъ пребываніи на Кавказѣ. Молю Бога, чтобы переживаемыя Вами впечатлѣнія вознаградили Васъ за всѣ понесенныя въ теченіе столь долгаго времени заботы“.

„Получивъ изъ Николаева телеграмму Вашего Величества, я съ радостію вижу, что до сихъ поръ Вы изволите быть совершенно довольны Вашимъ пребываніемъ на Кавказѣ, и горячо желаю счастливаго окончанія Вашего дальнѣйшаго тамъ путешествія“.

„Дѣла Польши находятся, къ несчастью, далеко не въ удовлетворительномъ состояніи. Позвольте мнѣ повторить Вамъ въ нѣсколькихъ словахъ тѣ соображенія, которыя я имѣлъ уже счастіе высказать Вамъ лично въ Петергофѣ. Возвратясь въ Германію, я послѣ всего, что̀ видѣлъ и слышалъ, перебралъ свои взгляды и нашелъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія, которыя и считаю своею обязанностью повергнуть на Ваше усмотрѣніе. Я тѣмъ болѣе чувствую желаніе сдѣлать это, что Ваше Величество изволили меня спросить, какимъ образомъ мысль, разъ уже принятую, я думалъ бы привести въ исполненіе“...

Далѣе слѣдуютъ основанія, на которыхъ князь Барятинскій основывалъ свои предположенія къ лучшему устройству дѣлъ въ Польшѣ.

*

10 Октября 1861 г.

„Я ожидалъ Вашего возвращенія, чтобы поблагодарить васъ за милостивое письмо, доставленное мнѣ Новосельскимъ“.

„Дѣловыя бумаги, которыя я долженъ былъ въ тоже время отослать при вѣрномъ случаѣ въ Петербургъ, задержали отправку курьера, что̀ причинило мнѣ большое огорченіе, такъ какъ я горю нетерпѣніемъ повергнуть къ стопамъ Вашего Величества мою признательность, радость и счастіе, однимъ словомъ все, чѣмъ полно мое сердце. Полученные мною цѣлые томы заключаютъ въ себѣ самое точное описаніе Вашего пребыванія на Кавказѣ, и мнѣ извѣстны теперь всѣ его мельчайшія подробности. Вы легко себѣ представите, Государь, какое живое волненіе я пережилъ при этомъ чте-

ніи. Позвольте мнѣ сослаться на одну фразу князя Орбеліана, характеризующую произведенное Вами на армію впечатлѣніе. Эта фраза показываетъ то довѣріе, съ какимъ войска отнеслись къ Вашему чувству, что̀ по моему мнѣнію составляетъ лучшій залогъ истинной преданности. „Можно сказать съ увѣренностью, пишетъ князь Орбельянъ, что Государь, остался на столько же очарованнымъ своимъ путешествіемъ по Кубанской области, на сколько онъ очаровалъ своимъ присутствіемъ и словами Кавказскую армію“. Ни у кого нѣтъ этой способности быть до такой степени ласковымъ и такъ умѣть сердечно говорить съ людьми, какъ у Васъ; офицеры, солдаты, казаки и все Грузинское дворянство до сихъ поръ остаются въ восторгѣ отъ всего, что̀ вы имъ говорили; ваши слова проникли имъ въ сердце и, однимъ словомъ, результатъ путешествія и вашего появленія въ этой странѣ, среди доблестнаго войска, положительно неизмѣримъ; тамъ не знаютъ какъ благословлять Небо, пославшее Вамъ эту мысль“.

„Позвольте мнѣ поблагодарить Васъ также за всѣ щедророзданныя Вами милости и отличія: вѣрьте, Государь, что никто не принималъ ихъ какъ награду за свои заслуги, а каждый видѣлъ только въ этомъ доброту Вашего Величества. Въ довершеніе всѣхъ Вашихъ благодѣяній ко мнѣ Вы изволили пить за мое здоровье; я никогда не буду въ состояніи высказать всего, что̀ я перечувствовалъ, когда узналъ объ этой высокой милости. Меня огорчало одно, что я не могъ присутствовать при Вашемъ торжествѣ, и я утѣшусь только въ тотъ день, когда буду имѣть счастіе видѣть Вашъ слѣдующій пріѣздъ на Кавказъ вмѣстѣ съ Государыней. Я хотѣлъ бы какъ можно скорѣе выздоровѣть, такъ какъ мое нетерпѣніе вернуться на Кавказъ становится непреодолимымъ и, судя потому, что̀ до меня доходитъ, я вижу, какъ мнѣ необходимо, во что бы то ни стало, быть тамъ къ будущей веснѣ. Хотя лучшаго замѣстителя на время моего отсутствія, какъ князь Григорій Орбеліанъ, я не могъ бы желать; но такое положеніе вещей не можетъ долго продолжаться, такъ какъ многіе надѣются и желаютъ замѣстить меня, а это обстоятельство можетъ породить безпорядки въ дѣлахъ. Му-

равьевъ - Амурскій, какъ говорятъ, имѣетъ болѣе всѣхъ правъ на это мѣсто; но смѣю просить Ваше Величество, на случай, если бы вы не пожелали оставить меня, постараться выбрать личность, хотя, быть можетъ и менѣе просвѣщенную, но за то болѣе преданную: это послѣднее качество есть и будетъ всегда главнымъ и наиболѣе необходимымъ для Вашего представителя на Кавказѣ".

„Мое здоровье замѣтно поправляется, благодаря дѣйствительно трогательнымъ заботамъ г-на Вальтера; я слѣдую всѣмъ его предписаніямъ, хотя подчасъ они очень тяжелы для меня. Онъ заставилъ меня отказаться отъ моей поѣздки на берега Нила, говоря, что это путешествіе въ настоящемъ году представляется вреднымъ, а совѣтуетъ мнѣ проѣхаться по морю на Азорскіе и Канарскіе острова и возвратиться весною черезъ Гибралтаръ и Средиземное море. Благодаря этому, онъ думаетъ, возвратятся ко мнѣ сонъ и аппетитъ, единственныя вещи, которыхъ я въ настоящее время лишенъ. Можетъ быть, полнѣйшій отдыхъ отъ дѣлъ, перемѣна мѣста и качка волнъ отгонятъ безсонницу, приводящую меня въ невыносимое раздраженіе. Моя нога совершенно ожила; боль незначительна, но слабость большая".

„Я очень радъ, что Ваше Величество вполнѣ одобряете предложенную Евдокимовымъ систему для окончательнаго умиротворенія Западнаго Кавказа. Я рѣшительно надѣюсь, что умиротвореніе Лѣваго крыла совершенно закончено; тѣмъ не менѣе, если когда нибудь Чеченцы вздумаютъ возстать, то, по моему мнѣнію, тутъ никакого несчастья для насъ не будетъ; мы можемъ приняться тамъ за туже систему колонизаціи казаками, и это обстоятельство навѣрное послужитъ къ полнѣйшему успѣху. Я Вамъ говорю объ этой случайности не потому, чтобы я ее предвидѣлъ; но, зная буйный, лѣнивый, воинственный и фанатичный характеръ Чеченцевъ, необходимо всегда быть готовымъ къ встрѣчѣ непредвидѣнныхъ случайностей".

„Прежде чѣмъ окончить это письмо, я долженъ еще разъ обратить Ваше особенное вниманіе на два важныхъ пункта, крайне-необходимыхъ для нашего первенства на Востокѣ и для развитія нашихъ средствъ на Кавказѣ. Я подразумѣваю

здѣсь установленіе навигаціи на Каспійскомъ морѣ и постройку желѣзной дороги между этимъ моремъ и Чернымъ. Вотъ краеугольные камни зданія цивилизаціи, которая вполнѣ оправдаетъ какъ Ваши, Государь, усилія, такъ и усилія всѣхъ Вашихъ предшественниковъ".

„Еще разъ усиленно и почтительно прошу Ваше Величество, если понадобится, то идти на перекоръ всѣмъ и не переставать покровительствовать этимъ двумъ задачамъ, выполненіе которыхъ необходимо для совершеннаго успѣха. Въ настоящее время я составляю представленіе въ Кавказскій Комитетъ, испрашивая для компаніи Новосельскаго „Кавказъ и Меркурій" денежное пособіе; было бы очень досадно дать ей упасть вслѣдствіе отсутствія средствъ. Желѣзныя дороги въ Россіи были въ томъ же положеніи, но тутъ не колебались придти къ нимъ на помощь".

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письма князя А. И. Барятинскаго къ военному министру Д. А. Милютину.

1.

Дрезденъ, 1861 года 24 Октября (5 Ноября).

Я имѣлъ удовольствіе, многоуважаемый Дмитрій Алексѣевичъ, получить письмо ваше съ препровожденіемъ весьма интереснаго журнала Шамиля и записки Франкини о Магометъ-Эминѣ *). Начну съ перваго. Я не перестаю думать, что по преданности Шамиля Государю и по новому воззрѣнію его на Россію и на всѣ выгоды Европейскаго просвѣщенія, которыя, какъ замѣтно, производятъ на него глубокое впечатлѣніе, можно бы извлечь изъ него пользу относительно поощренія Кавказскаго переселенія. Если бы ловкими дипломатическими дѣйствіями внушить мысль султану дать Шамилю въ своемъ владѣніи пустопорожнія земли для колонизаціи Кавказскихъ выходцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, при отпускѣ Шамиля, обязать его словомъ помогать, а не вредить власти Государевой на Кавказѣ, то я почти увѣренъ, что онъ всѣми мѣрами будетъ стараться исполнить обѣщанія и затѣмъ съ радостію устроитъ Крымскихъ и Кавказскихъ переселенцевъ въ

*) Журналъ Шамиля—это, сколько мнѣ помнится, нѣчто въ родѣ дневника, веденнаго приставомъ при Шамилѣ, капитаномъ Руновскимъ. Къ сожалѣнію, въ архивѣ князя Барятинскаго я не нашелъ этого журнала. А. З.

Анатоліи или т. п. Онъ непремѣнно съумѣетъ привлечь къ себѣ большое переселеніе. Исполненіе этой мысли имѣло бы тройную или четверную цѣль: во 1-хъ, избавить Кавказское плоскогоріе отъ населенія, всегда враждебнаго, и открыть этимъ самымъ прекрасныя и плодородныя мѣста для нашего казачьяго поселенія; во 2-хъ, дать самимъ выходцамъ лучшее положеніе, обезпечивъ ихъ будущность, чего они теперь не имѣютъ, ибо по мѣрѣ прибытія въ Турцію ихъ оставляли на произволъ судьбы (съ Шамилемъ этого не случится; имъ будетъ куда пристать и кому повиноваться, а онъ, изъ привычки къ дѣлу и по воспоминанію о своей 30 лѣтней власти, съумѣетъ и тамъ пріучить ихъ къ повиновенію и порядку); въ 3-хъ, это устроитъ судьбу и займетъ самого Шамиля, которому пока уже обѣщано будущее пребываніе въ Меккѣ; и наконецъ, въ 4-хъ, въ обще-человѣческихъ видахъ прогресса, мы дадимъ прекрасное и сильное населеніе пустыннымъ странамъ. Я передаю вамъ эту мысль въ самомъ зародышѣ и, слѣдовательно, недостаточно зрѣлую.

Доложите это воззрѣніе Государю Императору и переговорите съ княземъ Горчаковымъ; можетъ быть, онъ найдетъ возможнымъ снестись объ этомъ съ княземъ Лобановымъ.

Перейдемъ теперь къ Магометъ-Эмину, которымъ я вовсе не дорожу. Плохое его положеніе между Абадзехами заставило его тогда передаться намъ; онъ давно уже, по моему мнѣнію, отжилъ свой вѣкъ между Черкесами и невозвратно утратилъ свое значеніе между ними. Но желательно было бы на счетъ этого имѣть мнѣніе графа Николая Ивановича (Евдокимова), такъ какъ онъ воюетъ въ этомъ краѣ, гдѣ мы опасаемся вліянія Магометъ-Эмина; онъ лучше всякаго другаго можетъ подать въ этомъ дѣлѣ голосъ.

2.

2 Февраля 1862 года.

Какъ вамъ, можетъ быть, уже извѣстно, вмѣсто путешествія моего на Тенерифъ, я отправился прямо въ Испанію, гдѣ нахожусь уже болѣе двухъ мѣсяцевъ съ половиною, изъ которыхъ половину пролежалъ въ постели. Три первыя недѣли я видимо сталъ поправляться, но около 5 недѣль тому назадъ, мои страданія возвратились съ большею силою и хотя лѣвая нога моя значительно поправилась, такъ что я двигаюсь и могу ходить уже безъ всякой посторонней помощи, но боль раздѣлилась теперь между двумя бедрами и иногда дѣлаетъ буквально мое положеніе невыносимымъ. Я нахожусь безпрестанно въ томъ самомъ положеніи, какъ въ 1859 г. при переправахъ нашихъ въ Тлохъ и т. п., гдѣ, можетъ быть, вы одни могли быть цѣнителемъ и полнымъ свидѣтелемъ моей страдальческой жизни. Возвращаться мнѣ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ на Кавказъ, какъ я располагалъ, было бы безразсуднымъ; а потому, какъ сердцу моему ни тяжело, а совѣсти ни трудно, но я рѣшаюсь въ началѣ Апрѣля новаго стиля предпринять возвратный путь à petites journées чрезъ Марсель и Женеву въ Дрезденъ, чтобы опять посовѣтываться тамъ съ Вальтеромъ и, можетъ быть, предпринять новое лѣченіе будущимъ лѣтомъ.

Не угодно ли вамъ будетъ, любезный и многоуважаемый Дмитрій Алексѣевичъ, повергуть на Всемилостивѣйшее разрѣшеніе Государя Императора мое предложеніе и увѣдомить меня, не могу ли я предпринять лѣченіе лѣтомъ. Повторяю, мнѣ трудно и жалко разставаться съ Кавказомъ; mais à l'impossible nul n'est tenu.

Я много надѣялся на спокойную зиму, и хотя съ большимъ трудомъ, но успѣлъ совершенно отстранить всякую житейскую суетность: я отсюда не написалъ ни одного письма, жилъ и живу, не обнаруживая своего имени *) и въ особенности своего званія, и этимъ однимъ достигъ я, хотя на слишкомъ малое время, того нравственнаго спокойствія, за которымъ, какъ вы знаете, я такъ жадно и такъ давно гоняюсь, потому что вижу въ томъ sine qua non или лучше сказать единственную основу, если возможно, моего исцѣленія. Страданія мои усилили мою раздражительность до того, что я въ теперешнемъ состояніи здоровья ни на что́ не гожусь. Затворническая моя жизнь была причиною, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ на любезное ваше письмо, которымъ вы извѣщаете меня о своемъ назначеніи военнымъ министромъ. Я рѣшительно не писалъ никому и этимъ однимъ способомъ достигъ того incognito, котораго домогательство такъ сильно встревожило кн. Горчакова. Не смотря на мое молчаніе, вы однакожъ увѣрены, что день, въ который я узналъ, что Государь имѣетъ васъ своимъ военнымъ министромъ, былъ для меня торжественнымъ. Я знаю вашу привязанность и глубокую преданность къ его особѣ, знаю ваши правила и все то, чѣмъ щедро Богъ васъ наградилъ и что́ вы посвятите на славу его арміи и царствованія,—могъ ли я не быть въ восторгѣ? Если будете писать, то адресуйте ваши письма ко мнѣ „poste restante" полковнику Зиновьеву, *не приписывая* вовсе моего имени на конвертѣ и считая мое пребываніе, по разсчету новаго стиля, до 15 Марта въ Севильи, а къ 1-му Апрѣля въ Марсели или Женевѣ; я въ этихъ городахъ буду справляться на почтѣ. Прошу васъ, любезный и многоуважаемый Дмитрій Алексѣевичъ, доложить Его Величеству, что по совѣщаніи моемъ съ д-мъ Вальтеромъ я буду имѣть честь немедленно писать Его Величеству.

3.

28 Апрѣля 1862. Замокъ Зайнъ, близъ Кобленца.

Въ письмѣ отъ 7-го Апрѣля, которое я имѣлъ честь получить, вы увѣдомляете меня объ отмѣнѣ экспедиціи въ Псху и о томъ, что, вслѣдствіе жалобъ на поведеніе владѣтеля Абхазіи генералъ-адъютанта князя Шервашидзе, Его Императорское Величество не изволилъ дать еще никакихъ повелѣній, желая сперва знать мое по этому предмету мнѣніе.

Такъ какъ экспедиція въ Псху волею Государя Императора уже отмѣнена, то мнѣ остается сообщить вамъ мое мнѣніе только относительно князя Шервашидзе.

*) Даже Штакельбергъ (нашъ посолъ во Франціи) не подозрѣваетъ моего пребыванія здѣсь.

1-е. Что онъ взялъ отпускъ въ Константинополь, которымъ въ прочемъ не воспользовался 2). Что онъ не любитъ Колюбакина и сказалъ объ этомъ въ разговорѣ г-ну Зотову. 3) Что онъ просилъ избранія другаго лица для командованія экспедиціею, употребивъ въ письмѣ къ начальнику главнаго штаба несоотвѣтственное выраженіе.

Изъ всѣхъ этихъ вышеупомянутыхъ обвиненій заслуживаетъ, по мнѣнію моему, вниманія только одно его *неловкое* выраженіе. „Предоставляю господину командующему арміею", но оно произошло отъ незнанія Русскаго языка и неумѣнія употребить въ письмѣ болѣе соотвѣтственную фразу (тѣмъ болѣе, что самъ князь Шервашидзе, какъ вамъ извѣстно, писемъ не пишетъ).

Притомъ, принимая въ соображеніе всѣмъ извѣстный гордый и самолюбивый характеръ князя Шервашидзе, 17-ти лѣтнее старшинство въ генералъ-лейтенантскомъ чинѣ, раздраженіе отъ постояннаго подчиненія младшимъ по службѣ, оскорбленіе отъ недостатка къ нему довѣрія, распространеніе обидныхъ для его чести и самолюбія слуховъ, въ особенности при высокомъ и лестномъ званіи имъ носимомъ, а также перетолковыванія каждаго его дѣйствія въ дурную сторону, я, по внимательномъ прочтеніи копіи съ письма князя Орбеліяна отъ 23-го Марта за № 361, не могу придать словамъ князя Шервашидзе никакого политическаго значенія и скорѣе принимаю ихъ, какъ слѣдствіе мѣстныхъ личныхъ столкновеній, происшедшихъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ причинъ.

Вашему превосходительству давно уже извѣстенъ мой образъ дѣйствій относительно владѣтеля Абхазіи, въ дѣлѣ котораго, по моему мнѣнію, могутъ быть только два исхода: или у князя Шервашидзе и его потомства должно отнять владѣнія совсѣмъ (къ чему по настоящее время я не вижу достаточныхъ причинъ безъ явнаго нарушенія справедливости и достоинства правительства), или-же слѣдуетъ держаться въ отношеніи этого владѣтеля такой системы, чтобы хорошимъ съ нимъ обхожденіемъ приласкать его и заставить быть намъ пожизненно полезнымъ. Мысли мои о будущей судьбѣ Абхазіи извѣстны также и князю Шервашидзе, которому при личныхъ свиданіяхъ я откровенно говорилъ, чтобы онъ, соображаясь съ тѣмъ, приготовлялъ своего сына къ новой будущности; самъ же онъ, чтобы былъ увѣренъ, что до конца жизни своей будетъ пользоваться своими правами и милостями Государя Императора, если только будетъ приносить пользу Русскому правительству.

Таково и въ настоящее время мое мнѣніе. Въ преслѣдованіи князя Шервашидзе я не вижу никакой надобности, а скорѣе вредъ. Вліяніе его въ Абхазіи и на сосѣднія племена, какъ мнѣ извѣстно, еще очень важно, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что всю причину неуспѣха послѣдней экспедиціи генерала Колюбакина приписываютъ единственно отсутствію князя Шервашидзе. Поэтому, расположить этого человѣка къ намъ считаю очень полезнымъ, какъ относительно разъ уже принятой еще при моихъ предшественникахъ къ нему системы (хотя въ на-

стоящее время не много поколебавшейся), такъ и потому, что я остаюсь все-таки при томъ непреклонномъ убѣжденіи, что, повѣривъ ему экспедицію, онъ окажетъ намъ услуги при исполненіи общаго плана покоренія Праваго крыла, когда наступитъ надобность дѣйствовать со стороны Абхазіи. Князь Шервашидзе, если будетъ преданъ нашему дѣлу, можетъ привлечь къ себѣ многихъ самыхъ вліятельныхъ людей изъ сосѣднихъ ему племенъ и тѣмъ облегчить наши сношенія съ народомъ.

Въ началѣ прошлаго года генералъ Колюбакинъ самъ убѣждалъ меня и просилъ поручить командованіе отрядомъ владѣтелю Абхазіи, представляя къ этому очень много уважительныхъ причинъ и находя, что только давъ князю Шервашидзе самостоятельность дѣйствій можно отстранить всѣ тѣ неудобства, какія въ прежнія времена существовали отъ отношенія его къ генералъ-губернатору, при чемъ изъявилъ готовность, въ случаѣ надобности, идти на это время къ князю Шервашидзе въ начальники штаба. Объ этомъ я, въ бытность мою прошлаго года въ Царскомъ Селѣ, имѣлъ счастіе докладывать Государю Императору.

Какъ ни трудно въ настоящее время, при сложившихся между владѣтелемъ Абхазіи и Кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ непріятныхъ личныхъ отношеніяхъ, надѣяться на искреннюю готовность князя Шервашидзе, но я увѣренъ, что, дѣйствуя на его самолюбіе отстраненіемъ оскорбляющихъ и раздражающихъ его достоинство обстоятельствъ, можно достигнуть хорошаго результата, а именно того, что самъ онъ пожелаетъ выказать полную преданность Государю Императору, содѣйствуя вполнѣ своимъ вниманіемъ исполненію въ томъ краѣ Высочайше указанныхъ предположеній, въ чемъ легко будетъ убѣдиться, если не поручать никому другому командованія предполагаемой экспедиціей.

4.

28 Апрѣля (10 Мая) 1862. Замокъ Зайнъ, близъ Кобленца, на Рейнѣ.

Вслѣдствіе письма вашего превосходительства отъ 7-го Апрѣля, въ которомъ вы увѣдомляете меня, что Государю Императору угодно, дабы я далъ безотлагательно отъ себя князю Орбеліяну надлежащія указанія и полномочія какъ относительно возможности приведенія въ исполненіе предполагаемыхъ вами мѣръ, такъ и изысканія другихъ еще способовъ къ возможно-большему уменьшенію расходуемыхъ на Кавказскую армію суммъ, я вмѣстѣ съ симъ пишу князю Орбеліяну употребить всѣ возможныя средства къ удовлетворенію столь важнаго предмета. Я знаю, что государство наше требуетъ нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо сбереженія казны, и сбереженіе это можетъ быть достигнуто во ввѣренномъ мнѣ краѣ только уменьшеніемъ средствъ строительныхъ какъ деньгами, такъ и людьми. Поэтому мною внушено ограничить эти средства до того предѣла, сколько это возможно, безъ нарушенія порядка и Русской власти. Опредѣлить же крайній размѣръ ограниченія или уменьшенія этихъ средствъ, безъ пред-

варительнаго соглашенія съ командующими войсками, которые суть прямые отвѣтчики за ввѣренныя имъ части края, даже князю Орбеліяну изъ Тифлиса невозможно, а мнѣ (уже болѣе года въ отсутствіи съ Кавказа и не имѣющему подъ рукою ни квартирнаго росписанія войскамъ, ни положительныхъ и подробныхъ свѣдѣній о положеніи и состояніи дѣлъ вообще и о работахъ въ подробности) еще труднѣе дать вамъ какой-либо положительный отвѣтъ.

Желая однако, сколько это мнѣ возможно, исполнить волю Его Величества и содѣйствовать всѣми мѣрами государственной потребности, я, по прочтеніи копіи съ отношенія вашего къ князю Орбеліяну за № 3.057, имѣю честь сообщить мое мнѣніе: — *По первому пункту.* Вашему превосходительству, какъ близко знакомому съ неотлагательными потребностями края и знающему всѣ мои предположенія, извѣстно, что уменьшеніе войскъ на Кавказѣ давно составляетъ предметъ моихъ искреннихъ желаній. Но, при всемъ томъ, время исполненія этого желанія еще не наступило. Кромѣ военной потребности, нужныя работы, начатыя и такъ успѣшно производящіяся, необходимыя для сохраненія вновь покореннаго края, требуютъ, какъ вы сами очень хорошо знаете, значительныхъ средствъ, которыя ежели будутъ отняты, то обратятъ ни во что прежніе труды, расходы и даже помѣшаютъ исполненію задуманныхъ и уже осуществляющихся плановъ. По этимъ причинамъ расформированіе *четвертыхъ и пятыхъ* баталіоновъ *во всѣхъ* полкахъ Кавказской арміи я считаю при настоящихъ обстоятельствахъ *рѣшительно-невозможнымъ* и полагалъ бы въ замѣнъ этого, въ случаѣ ежели резервная дивизія будетъ оставлена на Кавказѣ, *4-ые и 5-ые баталіоны* гренадерской и *21-ой дивизіи обратить въ кадровый составъ*, продавъ *и подъемныхъ лошадей* имъ. принадлежащихъ. Это составитъ очень значительное сбереженіе и дастъ возможность имѣть по три баталіона въ каждомъ полку комплектныхъ, готовыхъ во всякую минуту двинуться, куда надобность укажетъ; въ случаѣ же войны укомплектованіе кадровъ не представитъ ни малѣйшихъ затрудненій. Мнѣніе это я полагалъ бы исполнить не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи о возможности исполненія его князя Орбеліяна съ генералъ-адъютантомъ княземъ Меликовымъ.—*По 2-му пункту.* На приведеніе четырехъ драгунскихъ полковъ въ четырехъ-эскадронный составъ *я согласенъ.—По 3-му пункту.* Предписано мною разсмотрѣть и уменьшить *военно-рабочія роты* въ такой степени, въ какой по ближайшему сношенію съ командующими войсками и начальникомъ инженеровъ Кавказской арміи признано будетъ возможнымъ.—*По 4-му пункту.* Желаніе мое, какъ вамъ извѣстно, было уничтожить существующіе *транспорты* и замѣнить ихъ ежегоднымъ отпускомъ примѣрной суммы, подобно тому какъ это заведено въ Дагестанѣ; но въ какой степени и мѣрѣ, при нынѣшнихъ необходимыхъ работахъ въ Кубанской области, это возможно, опредѣлиться можетъ только по ближайшемъ сношеніи и указаніи графа Евдокимова. — *По 5-му пункту.*

Уменьшить въ будущемъ году *размѣръ переселеній за Кубань*, разсрочивъ все заселеніе на большее число лѣтъ, я не считаю себя въ правѣ, потому что отъ этого зависитъ вѣрное покореніе неусмиренной еще части Кавказа. Подобное распоряженіе я считаю очень важнымъ и опаснымъ; потому что, въ случаѣ какихъ-либо неблагопріятныхъ обстоятельствъ, какъ напримѣръ внѣшней войны или съ значительнымъ уменьшеніемъ войскъ, мы вмѣсто вѣрнаго достиженія цѣли отдалимся отъ нея на неопредѣленное число лѣтъ. А потому измѣненіе это можетъ быть исполнено не иначе какъ только съ особаго Государя Императора повелѣнія; брать же на себя отвѣтственность подобнаго представленія я не могу.—*По 6-му пункту*. Относительно инженерныхъ работъ предписано мною ограничиться только тѣми работами, которыя по самомъ строгомъ разборѣ и засвидѣтельствованіи самихъ начальниковъ отдѣловъ, какъ отвѣтчиковъ за ввѣренныя имъ части края, могутъ имѣть вліяніе на сохраненіе и спокойствіе края, какъ то: самые необходимые въ военномъ значеніи оборонительные и наблюдательные пункты и въ особенности мосты и сообщенія; всѣ же постройки, выходящія изъ разряда крайней и самой экстренной необходимости, отложить.—*По 7-му пункту*. Предписано исполнить, сколько это возможно.—*По 8-му пункту*. Такъ какъ отъ уменьшенія и сокращенія работъ уменьшится потребность числа рукъ, а слѣдовательно и войска, то произойдетъ и сбереженіе провіанта, цифра котораго только по приведеніи всѣхъ этихъ мѣръ въ исполненіе можетъ быть опредѣлена интендантомъ Кавказской арміи.— *По 9-му и 10-му пунктамъ*. Предписано мною исполнить. Мнѣ пишутъ съ Кавказа, что смѣты на 1862 годъ уже сокращены на 2.000.000 рублей.

5.

6 Декабря 1863. Combe Royal Kingsbridge. Devon, England.

Трудно выразить удовольствіе, доставляемое мнѣ видомъ вашего почерка: столько прекрасныхъ воспоминаній возбудила во мнѣ эта знакомая рука! Благодарю васъ сердечно за ваше поздравленіе; жена также проситъ передать свой усердный поклонъ и очень тронута вашей памятью. Наконецъ, ожилъ я душевно. За то только теперь, при совершенномъ нравственномъ покоѣ, могло ясно выразиться, до какой степени потрясены мои физическія силы и сколько утрачено здоровья во время длившихся ожиданій и всѣхъ посѣтившихъ меня вмѣстѣ съ тѣмъ скорбей душевныхъ *). Грустно задумываюсь при вопросѣ, буду ли я когда-нибудь опять годиться на дѣйствительную службу и на труды подобные тѣмъ, которые мы нѣкогда такъ радостно съ вами дѣлили. Вы продолжаете неутомимо работать, и силы вамъ покуда не измѣняютъ; не менѣе того, не могу скрыть свое

*) Намекъ на періодъ, предшествовавшій супружеству князя Барятинскаго. А. З.

безпокойство и за васъ. Вашимъ страданіямъ въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Петербургѣ я горячо сочувствовалъ и, хотя вы тогда въ нихъ не признавались, а можетъ быть и теперь не признаете началъ подагрическихъ, но не менѣе того позвольте вамъ дать искренно-дружескій совѣтъ— принимать теперь же всѣ возможныя мѣры и предосторожности противъ этого недуга: я увѣренъ, что онъ никогда бы не развился у меня до такой степени, еслибы я съ самаго начала не пренебрегъ имъ. Горькая опытность, пріобрѣтенная мною въ теченіе стольких лѣтъ, привела меня къ заключенію, что въ предупрежденіе припадка преимущественно всему другому слѣдуетъ избѣгать усталости; чрезмѣрное усиліе сколько нравственное, столько физическое, мгновенно возмущаетъ кровь и разражается пораженіемъ суставовъ, слѣдовательно и главная изъ мѣръ предупредительныхъ противъ болѣзни состоитъ прежде всего въ полномъ опредѣленіи силъ и соразмѣрнаго труда. Я увѣренъ, что самыя причины, возродившія болѣзнь, чаще всего находятся въ насильственномъ нарушеніи этой соразмѣрности. Я такъ сильно проникнутъ этимъ сознаніемъ, что теперь стараюсь найти требуемое равновѣсіе. Теперешняя жизнь моя, надѣюсь, дозволяетъ строго наблюдать за собою и, можетъ быть, достигнуть желаемыхъ силъ и здоровья. Страшно было бы для меня потерять всю надежду на исцѣленіе и еще при жизни быть лишеннымъ возможности дѣятельно участвовать во всемъ, что̀ можетъ предстоять еще вскорѣ Россіи. Кажется мнѣ однакоже, что нашъ политическій горизонтъ очищается и что *Голштинцы*, надъ которыми такъ смѣются въ Россіи, въ этотъ разъ не на шутку будутъ намъ весьма полезны.

ДВѢ ЗАПИСКИ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА О РАСКОЛЬНИЧЕСКОМЪ И ЕДИНОВѢРЧЕСКОМЪ ДУХОВЕНСТВѢ.

I.

1848 года 29 Марта.

Предполагается требовать, чтобы раскольники приняли священниковъ, не требуя отъ нихъ отреченія отъ церкви и не совершая надъ ними обряда такъ называемой ими *исправы*. Безъ переговоровъ можно знать, что раскольники или уклонятся отъ сего какимъ-нибудь хитрымъ отвѣтомъ, или обѣщаютъ сіе, но не исполнятъ. Есть несомнительно, хотя неоффиціально-извѣстный примѣръ, въ Саратовской епархіи, что неискренно присоединившіеся къ единовѣрію тайно употребили надъ своимъ священникомъ обрядъ исправы. Нельзя лучшаго ожидать отъ раскольниковъ. Секта не бываетъ вполнѣ честна. Истинна религіозная и нравственная суть лучи одного свѣта: гдѣ первая смѣшана съ заблужденіемъ, тамъ не можетъ быть чиста и послѣдняя. Секта думаетъ, что ея не довольно-свободнымъ положеніемъ извиняется употребленіе въ свою защиту лукавства, и клятвопреступный предъ церковью священникъ легко успокоитъ разрѣшеніемъ совѣсть міprès, измѣнившаго честному слову предъ правительствомъ.

Если въ основаніе сношенія съ раскольниками о допущеніи къ нимъ священниковъ, независимыхъ отъ іерархіи или, что̀ тоже, о попущеніи священникамъ измѣнять церкви и отпадать отъ законной власти полагается то начало, что въ дѣлахъ вѣры и совѣсти всякое принужденіе должно быть устранено: на сіе справедливость требуетъ сказать, во первыхъ, что самое сіе начало подлежитъ исключеніямъ, когда касается совѣсти погрѣшительной (какъ напримѣръ, христіанскіе Греческіе императоры, конечно, не согрѣшали, когда повелѣвали разрушать языческіе храмы и строго запрещали жертвоприношенія, не совѣщаясь съ язычниками о дѣлѣ, касающемся языческой вѣры и совѣсти); во вторыхъ, что вышесказанное начало не ведетъ къ предполагаемому заключенію.

Раскольники имѣютъ свою неправую вѣру и погрѣшительную совѣсть, а правительство со всею церковію и Россіею имѣетъ свою правую вѣру и совѣсть; посему надобно щадить, по возможности, неправую совѣсть раскольниковъ. Но несравненно выше стоитъ обязанность не возмущать совѣсти всей православной церкви и Россіи, допущеніемъ священникамъ измѣнять церкви и отпадать отъ законной власти.

Раскольники не разъ предлагали, какъ бы невинное дѣло, то, чтобы духовное начальство дало имъ священниковъ въ ихъ распоряженіе и получало ихъ обратно, когда они окажутся достойными осужденія. Еслибы дѣло шло о надобной вещи, не постыдился ли бы не имѣющій ея предложить постороннему, имѣющему оную: дай мнѣ сію вещь въ мое независимое употребленіе съ тѣмъ, чтобы ты взялъ ее назадъ, когда ее понадобится починить или совсѣмъ бросить? А раскольники дѣлаютъ подобное предложеніе не о вещи, а о священникѣ, съ его вѣрою, совѣстію и нравственною жизнію.

Но да не будетъ неудовольствія на то, что сіе оскорбительно для церковной іерархіи. Она должна быть терпѣлива. Да обратится вниманіе на то, какъ можно было бы сіе исполнить.

39-е правило апостольское говоритъ: *безъ воли епископа своего пресвитеры или діаконы да не творятъ ничтоже; тому бо суть поручени людіе Господни*. Итакъ, отпустить къ раскольникамъ пресвитера для церковнаго дѣйствованія, независимо отъ епископа, значитъ поступить вопреки апостольскому правилу; значитъ ввести въ православную церковь лютеранскую стихію.

10-е правило апостольское говоритъ: *моляйся со отлученными самъ отлученъ да будетъ*. Раскольники, очевидно, суть и отлучающіе сами себя, и отлученные отъ православной церкви. Итакъ, іерархія, отпустивъ священника молиться съ ними, сдѣлала бы и его и себя виновными противъ апостольскаго правила.

Въ основаніи сихъ правилъ лежатъ мысли не просто о порядкѣ и подчиненности (хотя, впрочемъ, и сіи мысли достойны уваженія), но наипаче мысли о существѣ церковныхъ дѣлъ и объ охраненіи вѣры и нравственности.

Напримѣръ, по правиламъ церковнымъ, священникъ имѣетъ право совершить таинство брака; но власть прекратить дѣйствіе сего таинства, то есть расторгнуть бракъ, принадлежитъ высшей іерархической степени епископа. Положимъ, что данъ раскольникамъ независимый отъ епископа священникъ, и что къ нему приходитъ прихожанинъ, по законной причинѣ, просить расторженія брака. Чтò будетъ дѣлать священникъ? Вопросъ сей неразрѣшимъ. Ни съ чѣмъ несообразно было

бы дать раскольническому священнику власть епископскую и даже больше епископской, потому что и епископъ не рѣшитъ расторженія брака самъ собою, но испрашиваетъ сѵнодальнаго разрѣшенія.

Положимъ еще, что независимый отъ епископа священникъ живетъ и служитъ у раскольниковъ нѣсколько лѣтъ, безъ наставленія, безъ надзора, въ избыткѣ, съ совѣстію нестрогою, потому что одна корысть можетъ побудить идти на сіе неправильное положеніе. Много повода къ поврежденію нравственности; и если она повредится, не дастъ ли за сіе отвѣта Богу и духовная власть, которая согласилась бы поставить священника въ положеніе, сколь неправильное, столь же опасное?

Положимъ, что раскольники возвратятъ епархіальному начальству бывшаго у нихъ священника, признавая его негоднымъ. Какъ будетъ судить его епархіальное начальство? Безъ изслѣдованія положиться на обвинительный извѣтъ раскольниковъ было бы незаконно; а изслѣдованіе, которое по закону надлежитъ произвести духовному начальству, въ недоступномъ ему кругу раскольниковъ невозможно. Можетъ случиться, что раскольники за внушенія, наклоняющія къ православію, составятъ скопище къ оклеветанію и обвиненію священника и сдѣлаютъ епархіальное начальство орудіемъ своего мщенія.

Изложенныя соображенія приводятъ къ заключенію, что православное духовное начальство не можетъ, по доброй совѣсти и безъ нарушенія церковныхъ правилъ, допустить учрежденія у раскольниковъ независимыхъ отъ епископовъ священниковъ, и что сіе учрежденіе потребовало бы новаго законоположенія о церковно-раскольническомъ устройствѣ и управленіи, во всякомъ случаѣ непримиримаго, какъ съ правилами церковными, такъ и съ Сводомъ Законовъ.

Если, за симъ, предметъ, въ которомъ нельзя сдѣлать уступки со стороны началъ духовнаго и церковнаго, разсматривать со стороны политической: можетъ ли сіе разсмотрѣніе правильно и надежно привести къ заключенію, различному отъ вышеизложеннаго? Была ли бы здрава, была ли бы полезна политика, которая потребовала бы того, что́ не можетъ быть допущено по доброй совѣсти, что́ не можетъ быть допущено безъ нарушенія церковныхъ правилъ, что́ произвело бы замѣшательства и противорѣчія въ законодательствѣ и управленіи? Если царственная любовь къ православію, и въ согласіи съ нею государственная политика, дали православной церкви въ Россіи преимущество господствующаго вѣроисповѣданія предъ другими, признанными вѣроисповѣданіями: было ли бы съ симъ сообразно дать расколу право вербовать священниковъ изъ православныхъ, а православныхъ епископовъ сдѣлать не начальниками, а только поставщиками священниковъ

раскольникамъ, и потомъ исполнителями наказаній надъ священниками, которыхъ раскольники признаютъ достойными осужденія?

Уже и теперь раскольники довольно сформировались въ особую въ государствѣ сферу, въ которой господствуетъ надъ іерархическимъ демократическое начало. Обыкновенно нѣсколько самовольно выбранныхъ или самозванныхъ попечителей или старшинъ управляютъ священниками, доходами и дѣлами раскольническаго общества, смотря по надобности дѣлаютъ съ него денежный сборъ и, вопреки законамъ, скопомъ иногда составляютъ прощенія къ правительству отъ многихъ тысячъ душъ. Сообразно ли съ политикою монархическою усиливать сіе демократическое направленіе формальнымъ образованіемъ раскольническихъ приходовъ съ священниками, подчиненными раскольническимъ старшинамъ-мірянамъ?

Слово апостольское изъясняетъ иногда состояніе христіанства чрезъ уподобленіе воинству. Теперь кстати будетъ воспользоваться симъ способомъ изъясненія для разсматриваемаго предмета.

Еслибы военачальникъ, видя часть войска непокорною и при томъ нуждающеюся въ офицерахъ и слыша желаніе непокорныхъ заимствовать себѣ офицеровъ изъ находящихся въ законномъ положеніи, съ изъятіемъ ихъ отъ законнаго начальства (кромѣ случая, когда непокорные возвратятъ ихъ, какъ негодныхъ) согласился на сіе, частію по надеждѣ, что вышедшіе изъ-подъ власти офицеры приведутъ подъ власть непокорныхъ, частію по разсчету, что недостойные офицеры разстроятъ общество непокорныхъ: какова была бы такая политика? Была ли бы сообразна съ достоинствомъ законнаго начальства, основательна и надежна? Не была ли бы предосудительна для дисциплины воинства, находящагося въ законномъ положеніи?

Но такова точно была бы политика, которая дала бы раскольникамъ отъ духовнаго начальства священниковъ, въ независимое отъ духовнаго начальства распоряженіе.

Политика, употребленная въ отношеніи къ раскольникамъ съ 1826-го года, представляется нѣкоторымъ стѣснительною, потому что смотрятъ только на ея отношенія къ раскольникамъ; а если смотрѣть на ея отношенія къ законамъ, то она должна быть признана снисходительною. Напримѣръ, бѣглому священнику запрещено переходить изъ губерніи въ губернію и изъ уѣзда въ уѣздъ. Тутъ нѣтъ притѣсненія, потому что и законнаго священника дѣйствованіе ограничено даже болѣе тѣсными предѣлами; и даже сіе съ избыткомъ снисходительно, потому что по закону бѣглаго священника, какъ и всякаго бѣглаго, слѣдовало бы тотчасъ поймать и отослать къ суду, а его оставляютъ спокойнымъ на широкомъ поприщѣ цѣлаго уѣзда.

Нельзя сказать и того, чтобы сія политика не имѣла желаемыхъ послѣдствій: она пріобрѣла единству церкви большое число единовѣрцевъ.

Если, для изобрѣтенія и основанія новой политики въ отношеніи къ раскольникамъ, ищется примѣръ въ томъ, что правительство глазами политики смотритъ на переходы цѣлыми обществами въ православіе такихъ людей, которые и послѣ своего обращенія остаются также, какъ и прежде, малосвѣдущими или несвѣдущими въ евангельскомъ ученіи: то въ семъ случаѣ сравниваются предметы весьма разнородные, которыхъ потому сравненіе не обѣщаетъ надежныхъ заключеній. При томъ, если разсмотрѣть внимательно политическій взоръ правительства, напримѣръ, на возсоединеніе съ православною церковію бывшихъ уніатовъ, взоръ сей оказывается чистымъ и прямымъ: политика сія не въ противорѣчіи ни съ церковными правилами, ни съ другими основаніями законнаго дѣйствованія. Когда высшее и почти все подчиненное уніатское духовенство, послѣ своихъ внутреннихъ совѣщаній и приготовленій, продолжавшихся нѣсколько лѣтъ, послѣ того какъ оно, приготовляя и свои паствы къ возсоединенію, ввело уже въ своихъ церквахъ, по древнему православному обычаю, устроенные алтари и служеніе литургіи по чину и книгамъ, изданнымъ отъ Святѣйшаго Сvнода, наконецъ, въ своемъ собраніи составило актъ о своей рѣшимости на возсоединеніе съ православною церковію и представило оный правительству: политика правительства, конечно, была довольна дѣломъ столь благопріятнымъ государственному единству; но также довольна была и тѣмъ, что дѣло сіе произошло съ такою церковною правильностію, какая только была когда либо соблюдена въ подобномъ случаѣ. Еслибы то, что при семъ поселяне остались также, какъ прежде, малосвѣдущими въ христіанскомъ ученіи, почесть заслуживающею обличеніе уступкою истины политикѣ: то подобную вину надлежало бы возложить и на Равноапостольнаго князя Владиміра, крестившаго Кіевлянъ, и на самого апостола Петра, который, послѣ одной рѣчи къ Іудеямъ о вѣрѣ Христовой, тотчасъ крестилъ три тысячи своихъ слушателей, утвердясь, конечно, не на достаточномъ въ нихъ разумѣніи догматовъ, но на простомъ послушаніи вѣры.

Не такая уступка, и совсѣмъ иная политика требуется для предполагаемаго доставленія священниковъ раскольникамъ. Если, какъ изъяснился одинъ изъ изслѣдователей сего предмета, ни приличіе, ни іерархическое достоинство не позволяютъ духовнымъ властямъ входить въ сношенія съ раскольниками и назначать имъ поповъ: то какая же политика можетъ сіе исполнить, развѣ политика, не обращающая вниманія на приличіе и іерархическое достоинство, которая бы, мимо за-

конности, взяла у духовныхъ властей священниковъ и отдала ихъ раскольникамъ? Нѣтъ сомнѣнія, что такая политика не въ духѣ благочестиваго правительства Россійскаго.

Такимъ образомъ возобновленныя изслѣдованія вновь приводятъ къ предложенному мною прежде заключенію, что не представляется ни правильнымъ, ни удобнымъ, ни полезнымъ дать раскольникамъ независимыхъ отъ духовнаго начальства священниковъ.

II *).

30 Декабря 1864 г.

I. Преосвященный дѣлитъ раскольниковъ на добрыхъ и злыхъ и говоритъ, что послѣднихъ можетъ обратить только самъ Богъ.

И первыхъ никто не обратитъ безъ помощи Божіей. Богъ можетъ употребить человѣка и для обращенія послѣднихъ.

Тѣхъ и другихъ непогрѣшительно знаетъ единъ Богъ. Служитель церкви долженъ предлагать истину Божію всѣмъ.

II. Преосвященный не вѣритъ единовѣрцамъ вообще. Справедливость требовала бы, чтобы и здѣсь онъ различилъ искреннихъ отъ неискреннихъ. Но онъ встрѣтился съ неискренними и осудилъ всѣхъ.

Онъ самъ говоритъ, что добрые раскольники, Саратовской и Нижегородской епархій, всѣ были бы въ паствѣ преосвященнаго Іакова, то есть, въ единовѣріи, еслибы онъ долѣе пожилъ. Добрые не стали бы лицемѣрить и обманывать преосвященнаго Іакова.

Преосвященный, составитель отвѣтовъ, обличаетъ единовѣрцевъ, что они не принимаютъ отъ православнаго архіерея благословенія, не позволяютъ сего своимъ священникамъ и требуютъ для своихъ священниковъ исправы.

Это все неискренніе, лицемѣрные единовѣрцы; истинные не таковы. Въ Московской епархіи, въ продолженіе сорокалѣтняго наблюденія, не встрѣчено подобнаго чужденія единовѣрцевъ. Каждый изъ нихъ, пришедъ къ архіерею, поклоняется до земли, принимаетъ благословеніе, иногда отвѣчаетъ: аминь, всегда цѣлуетъ руку архіерея, а нѣкоторые и правое плечо.

---

*) Эта записка служитъ возраженіемъ на мнѣніе о томъ же предметѣ, представленное въ Св. Синодъ митрополитомъ Иннокентіемъ (тогда архіепископомъ Иркутскимъ) и помѣщенное въ 5-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ сего года. Подъ заглавіемъ „Отвѣты“. Доводы Московскаго пастыря убѣдили Иннокентія, и онъ впослѣдствіи отказался отъ своего мнѣнія.

Истые раскольники, которые соглашались принять отъ преосвященнаго священниковъ съ тѣмъ, чтобы сіи послѣ уже не принимали отъ него благословенія, конечно, не были бы истыми единовѣрцами. Но туже мысль приписываетъ онъ всѣмъ единовѣрцамъ напрасно.

Составитель отвѣтовъ говоритъ, что въ Москвѣ единовѣрцы «позволили освятить ихъ церкви съ прибавленіями, т. е. по ихъ волѣ».

Это рѣшительно неправда. Митрополитъ никогда не просилъ у нихъ позволенія и не имѣлъ въ томъ нужды, и не разъ разрѣшалъ освящать единовѣрческія церкви единовѣрческимъ священникамъ, а совершалъ у нихъ литургіи и освященіе храмовъ по убѣдительнымъ ихъ просьбамъ, причемъ они не предлагали никакихъ условій; а митрополитъ, по своему разсужденію, на основаніи правилъ митрополита Платона, совершалъ служеніе по старопечатнымъ книгамъ. На такъ называемомъ Преображенскомъ кладбищѣ митрополитъ освятилъ, въ разныя времена, три церкви, въ первый разъ охотно, чтобы поддержать доброе расположеніе новыхъ единовѣрцевъ, а въ прочіе два раза отказывался скудостію силъ для продолжительной службы, но чрезъ силу долженъ былъ удовлетворить усерднымъ просьбамъ. Если составитель отвѣтовъ думаетъ, что это было лицемѣрно: какая была нужда такъ усильно лицемѣрить трижды, когда и одинъ разъ лицемѣрить не нужно было?

И не одною Московскою епархіею ограничивается искреннее единовѣріе. Еще въ 1820 году въ единовѣрческой церкви города Торжка совершалъ литургіи архіепископъ Тверской *), также по настоятельному убѣжденію мѣстныхъ единовѣрцевъ. И когда онъ не вдругъ рѣшился на сіе, изъявляя опасеніе, что нѣкоторымъ, не довольно разумѣющимъ единовѣріе, будетъ сіе, можетъ быть, не по совѣсти: просившіе ручались, что все общество единовѣрцевъ приметъ сіе съ усердіемъ, что̀ и дѣйствительно оказалось.

Новое, самое ясное выраженіе истиннаго единовѣрія можно видѣть во всеподданнѣйшей просьбѣ, представленной Государю Императору, отъ Московскихъ единовѣрцевъ, 6-го Декабря сего 1864 года. Этотъ актъ составленъ самими единовѣрцами и редактированъ первымъ старостою единовѣрческой церкви при Преображенскомъ богадѣленномъ домѣ, Андреемъ Сорокинымъ. Актъ сей показанъ былъ митрополиту Московскому прежде представленія онаго Его Величеству. И митрополитъ нарочно не предложилъ перемѣнить въ немъ ни слова, чтобы

---

*) Филаретъ съ 15 Марта 1819 г. по 26 Сентября 1820 г. былъ архіепископомъ Тверскимъ.

это было совершенно-собственное выраженіе собственныхъ мыслей и чувствованій единовѣрцевъ.

Наконецъ, самъ составитель отвѣтовъ отдаетъ справедливость единовѣрію, признавая, что оно «принесло добрые плоды», и что для развитія его «иныхъ или новыхъ основаній нѣтъ и быть не можетъ».

Но должно сказать правду, что въ иныхъ епархіяхъ есть, и въ большомъ числѣ, тѣ частію несовершенные и неразсудительные, частію ложные единовѣрцы, какихъ составитель отвѣтовъ описалъ, не отдѣливъ истинныхъ.

III. Составитель отвѣтовъ полагаетъ дать единовѣрцамъ особаго епископа, «который бы служилъ только въ ихъ церквахъ».

Это противно церковнымъ правиламъ и вредно. Совершеннѣйшее выраженіе соединенія членовъ церкви въ ея единствѣ есть совокупное пріобщеніе тѣла и крови Господней; первая степень отлученія отъ церкви есть отлученіе отъ сего. И такъ, учредить единовѣрческаго епископа, который бы не сообщался въ литургіи съ прочими православными епископами, значило бы учредить расколъ. Это значило бы вести единовѣрцевъ отъ единства къ раздѣленію и угождать даже тѣмъ, которыхъ составитель отвѣтовъ называетъ злыми.

Притомъ, еслибы сдѣланъ былъ сей шагъ, то уже нельзя было бы остановиться. Одного епископа недовольно, надлежало бы поставить многихъ. И тогда церковь была бы разсѣчена на двѣ несообщительныя церкви, въ противность Слову Божію и Сѵмволу Вѣры.

IV. Къ удивленію, составитель отвѣтовъ соглашается даже подвергнуть единовѣрческаго епископа раскольнической *исправѣ*, думая устроить исправу невинную.

Но дѣло въ томъ, что и единовѣрцы, и раскольники держатся стараго или почитаемаго старымъ. Какъ же примутъ они новосочиненную исправу?

Что̀ значитъ исправа? Это есть принятіе еретика или раскольника въ истинную церковь, по церковнымъ правиламъ, посредствомъ таинства или обряда, предписаннаго въ сихъ правилахъ. Чѣмъ же дѣлаетъ составитель отвѣтовъ единовѣрческаго епископа, когда хочетъ подвергнуть его исправѣ? Еретикомъ, или раскольникомъ? Третьяго нѣтъ, что̀ требовало бы исправы.

V. «Проклятіе на употребляющихъ табакъ». Употребленіе табака есть роскошь неестественная и безразсудная. Но съ какою совѣстію епископъ произнесетъ проклятіе на употребляющихъ табакъ? Развѣ проклятіе есть игрушка, которую можно бросить, куда вздумается?

И у раскольниковъ нынѣшнихъ нельзя выслужиться подобнымъ проклятіемъ: они сами употребляютъ табакъ и остаются въ расколѣ.

VI. Составитель отвѣтовъ думаетъ, что учрежденіемъ единовѣрческой каѳедры «поколеблется у раскольниковъ такъ называемая Австрійская іерархія».

Нѣтъ. Если на это можно было рѣшиться съ нѣкоторою надеждою, то развѣ тогда, какъ появился первый лжеепископъ Австрійскаго художества, когда незаконность его бросалась раскольникамъ въ глаза, и они дико смотрѣли на него. Теперь не то. Лжеепископы расплодились, раскольники спорятъ, признавая годнымъ одни одного, другіе другаго, но между тѣмъ пользуются ими, не имѣютъ недостатка въ лжесвященникахъ: и потому новый единовѣрческій епископъ не былъ бы для нихъ занимателенъ. А лжеепископы и прочіе расколоводители стали бы указывать на него и говорить своимъ: вотъ запоздалое и безсильное подражаніе нашей іерархіи; не ясно ли, что Великороссійская церковь признаётъ правильными нашихъ старопечатныхъ епископовъ, когда сама, по нашему примѣру, дѣлаетъ старопечатнаго епископа?

VII. Но вотъ, наконецъ, составитель отвѣтовъ самъ опровергаетъ свой проектъ единовѣрческаго епископа съ исправою. Онъ пишетъ: «допущеніе епископа всегда будетъ казаться нововведеніемъ и какъ бы поступленіемъ своимъ православіемъ расколу, а раскольникамъ можетъ казаться признаніемъ нашей вины и ихъ правоты». Это справедливо въ отношеніи къ единовѣрію съ епископами, но несправедливо въ отношеніи къ единовѣрію подъ начальствомъ общеправославнаго епископа.

VIII. Однако онъ вновь возвращается къ своей идеѣ и думаетъ оправдать ее тѣмъ, что учрежденіе особой іерархіи въ одной и той же церкви не совсѣмъ безпримѣрно.

Укажемъ примѣръ: Іерусалимскій патріархъ архіепископа Синайскаго только что рукополагаетъ, а кромѣ сего сей архіепископъ независимъ. Но между ними нѣтъ никакого раздѣленія; они могутъ вмѣстѣ священнодѣйствовать и соединяться въ таинствѣ евхаристіи. А того никогда не бывало въ церкви, чтобы въ одномъ городѣ было два архіерея: одинъ правóславный, другой мнимо-старообрядный, которые были бы внѣ взаимнаго общенія въ богослуженіи и таинствахъ, чего хочетъ составитель отвѣтовъ.

IX. Составитель отвѣтовъ думаетъ пріурочить къ своему проекту изреченіе апостола: *всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу* (1 Кор. IX, 22).

Много мудрости и осторожности нужно, чтобы приложить сіе къ дѣлу. По подобію вашего проекта предложите апостолу, чтобы онъ для Іудеевъ, соблазняющихся необрѣзаніемъ христіанъ, согласился учредить особаго епископа, который бы имѣлъ особую паству изъ обрѣзанныхъ и несообщающихся съ церковью христіанъ необрѣзанныхъ; потому что, по собственнымъ его словамъ, обрѣзаніе ничтоже есть и необрѣзаніе ничтоже есть. Нѣтъ, онъ не согласится на сіе разсѣченіе церкви.

X. Составитель отвѣтовъ призываетъ въ пользу своего проекта любовь.

Нѣтъ. Любовь *не безчинствуетъ* (1 Кор. XIII, 5), не разстроиваетъ церковнаго чина, не нарушаетъ церковныхъ правилъ, не разсѣкаетъ церковнаго единства.

XI. Онъ думаетъ, что если единовѣрческая каѳедра будетъ неудачна, то можно ее уничтожить.

Нѣтъ. Это несообразно съ постоянствомъ и достоинствомъ церковнаго управленія; единовѣріе было бы симъ поражено и разстроено. Можно спокойно не имѣть, лишиться всегда тяжело.

XII. До крайности доводитъ онъ свой проектъ, когда соглашается дать единовѣрцамъ вмѣсто Синода своихъ архіереевъ, даже «вселенскихъ». Наименованіе вселенскаго принадлежитъ одному Константинопольскому патріарху.

XIII. Составитель отвѣтовъ пишетъ: «рукоположенныхъ м. Амвросіемъ, кажется, можно и слѣдуетъ считать тѣмъ же, чѣмъ мы считаемъ (Римско) католическихъ священниковъ, если только не выше». «Отъ кого получаютъ рукоположеніе (Римско) католическіе священники? Отъ патріарха *отлученнаго*».

Не нужно сравненіе, когда дѣло рѣшается само собою, по правиламъ.

Амвросій не могъ рукоположить епископа, и рукоположеніе его ничтожно:

во первыхъ, потому, что онъ рукоположилъ одинъ, въ противность первому правилу апостольскому;

во вторыхъ, потому, что былъ самъ подъ запрещеніемъ и получилъ отъ патріарха разрѣшеніе совершить одну только заупокойную литургію въ назначенной церкви въ Константинополѣ; слѣдственно, служилъ другую литургію и рукополагалъ незаконно. Это доказывается грамотою патріарха, которую напечатали за границею сами раскольники, не разсудя, что сами себя обличаютъ.

Слѣдственно, рукоположенные имъ предъ судомъ церкви суть міряне, такъ какъ и самъ составитель отвѣтовъ говоритъ, что «таинство, совершенное запрещеннымъ, не есть таинство».

Чтò касается до рукоположенныхъ папою и западными епископами, сужденія о нихъ составителя отвѣтовъ получили невѣрное направленіе отъ того, что онъ не составилъ опредѣленнаго понятія, чтò такое *отлученіе*.

Надобно различать:

1) Отлученіе отъ общенія церковнаго, или прерваніе общенія церковью или епископомъ съ другою церковью или епископомъ, по усмотрѣніи чего-либо несообразнаго съ православіемъ или съ святостію священства. При семъ отлучаемый, если не есть подчиненный отлучающаго, можетъ почитать себя нелишеннымъ своихъ правъ, до разсмотрѣнія дѣла судомъ. Такъ папа Викторъ отлучилъ было восточныхъ епископовъ за разновременное съ западными празднованіе Пасхи; но восточные остались въ своихъ правахъ, и дѣло осталось безъ послѣдствій.

2) Отлученіе епископа отъ совершенія таинствъ властію старѣйшаго, на опредѣленное время, или до усмотрѣнія, по дальнѣйшему суду. Такой запрещенный лишается епископскихъ правъ дотолѣ, доколѣ не разрѣшитъ его запретившій, или судъ.

3) Отлученіе отъ священнаго чина, или изверженіе, лишеніе сана. Это можетъ быть законно только по суду. Въ семъ случаѣ осужденный лишается епископскихъ правъ навсегда.

Отлученіе папы есть перваго рода. Константинопольскій патріархъ, съ восточною церковью, отлучилъ его отъ общенія православной церкви; но папа съ западною церковью почитаетъ себя нелишеннымъ своихъ правъ, и восточная церковь съ терпимостью взираетъ на сіе, такъ какъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, не составился совокупный судъ восточныхъ и западныхъ церквей, который низложилъ бы впадшихъ въ расколъ западныхъ епископовъ. И такимъ образомъ нельзя рѣшительно утверждать, что западные лишены благодатнаго дара священства въ непрерывномъ отъ апостоловъ рукоположеніи, которое они сохранили. Вотъ почему, когда западный священникъ оставляетъ свой расколъ, православная церковь пріемлетъ его какъ священника.

Запрещеніе Амвросія принадлежитъ ко второму роду отлученія. Вселенскій патріархъ, своею законною властію, запретивъ ему священнослуженіе, тѣмъ дѣйствительно лишилъ его права священнодѣйствовать и рукополагать, доколѣ не дастъ ему разрѣшенія.

Слѣдственно, для Амвросія сравненіе съ Латинскими священниками не имѣетъ никакой силы.

XIV. Неизвѣстно, откуда взялъ составитель отвѣтовъ, будто бы Амвросій раскаялся. А извѣстно то, что онъ до своей смерти оставался въ сношеніи съ раскольниками, и въ распряхъ лжеепископовъ Австрійскихъ и Русскихъ принималъ на себя судъ и рѣшеніе.

XV. Что составитель отвѣтовъ священниковъ, рукоположенныхъ епископами, происшедшими отъ Амвросія признаетъ простецами, а самихъ епископовъ епископами, въ семъ есть несообразность. Потому мнимые священники суть простецы, что рукоположены простецами, мнимыми епископами. Еслибы они были рукоположены дѣйствительными епископами, то уже не были бы простецы.

XVI. Въ пользу браковъ православныхъ съ раскольниками составитель отвѣтовъ приводитъ изреченіе апостола (1 Кор. VII, 12): *аще который братъ жену иматъ невѣрну, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ея.* Это не относится къ настоящему предмету. Апостолъ говоритъ, что если женатый язычникъ сдѣлался христіаниномъ, а жена язычница хочетъ жить съ нимъ въ бракѣ, то не должно расторгать сего брака въ надеждѣ ея обращенія. Но онъ не даетъ позволенія христіанину вступить въ новый бракъ съ язычницею.

КАЗАНСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ МАРКЕЛЛЪ († 1698).

Извѣстно, что по кончинѣ Московскаго и всея Россіи патріарха Іоакима (1690) Петръ I имѣлъ намѣреніе, въ виду готовившихся церковныхъ преобразованій, избрать на его мѣсто одного изъ наиболѣе просвѣщенныхъ іерарховъ того времени, Псковскаго митрополита Маркелла, уроженца Западной Россіи. Московская старорусская партія боярства и духовенства, обзывавшая таковыхъ людей «Ляшенками» и «Обливанцами», сильно встревожилась и употребила все свое вліяніе, чтобы отклонить это намѣреніе. Опираясь на мать царя, Наталью Кириловну, она достигла того, что Петръ уступилъ и назначилъ на вдовствующую патріаршую каѳедру избранника этой партіи, Казанскаго митрополита Адріана, за которымъ было одно право—старшинство лѣтъ.

Уже по одному этому личность Маркелла замѣчательна и имѣетъ особое, выдающееся значеніе въ исторіи Россійской іерархіи конца XVII вѣка. Но до сихъ поръ мы не имѣемъ не только полной его біографіи, но даже и собранныхъ во едино краткихъ о немъ свѣдѣній. Дѣло мѣстныхъ археологовъ (городовъ Брянска, Суздаля, Пскова и Казани) собрать свѣдѣнія о церковно-правительственной дѣятельности Маркелла въ мѣстахъ его служенія. Мы ограничимся сообщеніемъ краткихъ свѣдѣній о Маркеллѣ, какія удалось намъ собрать въ періодъ нашихъ историческихъ изысканій въ рукописныхъ и печатныхъ сочиненіяхъ.

Маркеллъ родомъ Бѣлоруссъ, до своего постриженія въ монашество, былъ переводчикомъ Посольскаго Приказа, человѣкъ ученый по-гречески, по-латинѣ, по-нѣмецки, зналъ также языки Польской и Татарской. По принятіи монашества былъ онъ судьею въ дому патріарха (Іоакима) въ тіунской палатѣ, а потомъ строителемъ Брянскаго Свѣнскаго монастыря, который тогда зависѣлъ отъ Кіевопечерской Лавры, и первымъ архимандритомъ сего монастыря (съ 1679 по 1681 годъ). 21 Марта 1681 года Маркеллъ рукоположенъ въ епископа въ Суздаль, а 6 Сентября 1681 года переведенъ изъ Суздаля во Псковъ—митрополитомъ. 8 Сентября 1690 г. онъ переведенъ изъ Пскова митрополитомъ же въ Казань, гдѣ и скончался 21 Августа 1698 года, за два года до упраздненія патріаршества.

А. Леонидъ.

ИСЧИСЛЕНІЕ ПРИЧИНЕННАГО НЕПРІЯТЕЛЮ УРОНА ВО ВРЕМЯ ПРЕДПРІЯТІЯ НА БЕРЛИНЪ.

(Изъ современнаго „Журнала о военныхъ дѣйствіяхъ Россійской Императорской арміи")

1760.

1. Съ 15 Сентября, котораго числа генералъ-поручикъ графъ Чернышовъ отправился изъ Каролата въ сію экспедицію, явилось собою дезертировъ................ 169 челов.

2. При занятіи мѣстечекъ Шторкау и Вистергазена взято въ полонъ.................................... 31 »

О числѣ побитыхъ при сихъ обоихъ случаяхъ, такожъ при обоихъ учиненныхъ къ Берлину приступахъ и при атакѣ подполковникомъ Ржевскимъ шедшаго изъ Кистрина къ Франкфурту непрятельскаго деташамента, хотя оное и весьма знатно быть имѣетъ, но будучи точно неизвѣстно, на угадъ ничего не объявляется.

3. При занятіи Копеника взятъ въ полонъ одинъ поручикъ съ 52 человѣками рядовыми.................. 53 »

4. 26 числа при атакѣ Гильзеновой авангардіи убитыхъ тѣлъ на мѣстѣ похоронено..................... 612 »

5. Тутъ здѣшними и Австрійскими войсками взято въ полонъ 4 офицера и двѣсти шестьдесятъ рядовыхъ.. 264 »

6. Того жъ числа, при занятіи лагеря подъ Берлиномъ и при завладѣніи непріятельскою батареею, взято въ полонъ... 56 »

которые единогласно утверждали, что непріятель того дня болѣе четырехъ сотъ человѣкъ убитыхъ имѣлъ.

7. 28 числа, когда непріятель отъ Берлина ретировался, и аріергардія его вся разбита, взято въ полонъ маіоръ одинъ, оберъ-офицеровъ четырнадцать, да унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ больше.......................... 1000 »

8. На мѣстѣ побитые считаны не были, однакожъ число оныхъ гораздо превосходило число плѣну.

9. Въ самомъ Берлинѣ взято: Генералъ-поручикъ Роховъ. Полковниковъ 4. Подполковниковъ 3. Маіоровъ 13. Капитановъ 27. По-

рутчиковъ 38. Подпорутчиковъ 8. Прапорщиковъ 12. Унтеръ - офицеровъ 85. Цырюльниковъ 2. Барабанщиковъ 21. Флейщикъ 1. Гобоистовъ 2. Рядовыхъ 1081.

Кадетскихъ фельдфебелей 2. Унтеръ-офицеровъ 4. Кадетовъ 99. Разныхъ нижнихъ чиновъ 160. Итого 265.

Берлинскаго гарнизоннаго полку. Унтеръ-офицеровъ 41. Барабанщиковъ 13. Рядовыхъ 800. Итого 854.

Больныхъ въ лазаретахъ и госпиталяхъ оставлено на реверсъ всѣхъ чиновъ 871.

Изъ плѣну освобождено Австрійскихъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 426.

Саксонскихъ полковникъ 1. Унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 318.

Шветскихъ полковникъ 1. Адъютантъ 1. Капитановъ 1. Прапорщиковъ 3. Унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 173.

Отъ Императорской арміи унтеръ - офицеровъ и рядовыхъ 289.

Итого 4501 человѣкъ.

ВѢДОМОСТЬ

чтò чего по взятіи города Берлина въ артиллерійскомъ и комисаріатскомъ цейхгаузахъ найдено матеріаловъ, чтò изъ того числа нами и въ Цесарскую армію взято; а затѣмъ оставшее потоплено и переломано.

А ИМЕННО:	Что найдено	Нами взято и въ полки роздано.	Цесарцамъ и Саксонцамъ отдано.	Истреблено.
Пушекъ, мортиръ и гоубицъ съ снарядами.	57	32	19	6
Ружей солдатскихъ	9000	3000	2000	4000
Карабиновъ	290	290	—	—
Пистолетъ паръ	180	100	—	80
Бомбъ	7000	—	—	7000
Гранатъ	3500	—	—	50
Ядеръ разныхъ калибровъ	9765	—	—	9765
Пороху полированнаго	350	—	—	350
Пороху пушечнаго	500	—	—	500
Селитры ... пудъ	5837	—	—	5837
Сѣры	1265	—	—	1265
Ящиковъ патронныхъ 76, во оныхъ и въ бочкахъ патроновъ съ пулями	19000	—	—	19000

Палашей драгунскихъ	1000	—	—	1000
Тесаковъ солдатскихъ	1700	—	—	1700
Еспантоновъ и алебардъ	472	—	—	472
Пикъ	2000	—	—	2000
Манерокъ	3000	1300	1700	—
Шнабзаковъ	5000	2400	2600	—
Кирасъ офицерскихъ	50	50	—	—
Рядовыхъ	680	670	—	10
Перевязей офицерскихъ	150	150	—	—
Солдатскихъ перевязей и погоновъ	2000	300	700	1000
Шапокъ гренадерскихъ	3000	—	—	3000
Сумъ мушкатерскихъ	5000	—	—	5000
На сумы бляхъ и гранатъ ящиковъ	12	—	—	12
Палатокъ солдатскихъ	700	—	200	500
Шляпъ	3000	3000	—	—
Мундировъ солдатскихъ	4000	700	3000	300
Сапоговъ	1000	1000	—	—
Чулковъ шерстяныхъ	7000	5000	2000	—
Плащей бѣлыхъ суконныхъ	1800	—	1800	—
Сукна синяго, бѣлаго и красн. половинокъ	200	120	80	—
Попонъ бѣлыхъ байковыхъ	2000	1300	700	—
Каразеи половинокъ	250	—	100	150

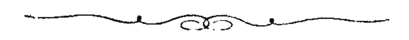
Шанцоваго инструменту.

Лопатокъ	8000	2000	1700	4300
Топоровъ	3000	500	1300	1200
Кирокъ	7000	—	—	7000

Реестръ, сколько въ Берлинскомъ цейхгаузѣ взято и въ армію привезено артиллеріи, знаменъ и прочаго:

Гоубицъ 9. Пушекъ разныхъ 11. Мортиръ разныхъ 10. Мортирцовъ 13. Пушекъ малыхъ 23. Латъ 25, въ томъ числѣ одни вызолоченые. Статуя мѣдная вылитая 1. Портретъ мѣдный 1. Литавръ 2. Знаменъ 470. Прусскихъ штандартовъ 128.

Сообщено Д. Ѳ. Масловскимъ.

ЗАМѢТКИ НА „СЛОВАРЬ“ Д. А. РОВИНСКАГО.

Письмо къ издателю.

Не признаете ли возможнымъ удѣлить на страницахъ „Русскаго Архива“ мѣсто нижеслѣдующей замѣткѣ одного изъ постоянныхъ и усердныхъ читателей вашего историческаго изданія?

Д. А. Ровинскій, въ примѣчаніи къ четвертому тому послѣдняго труда своего, „*Подробный Словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ*“, обѣщаетъ въ непродолжительномъ времени дать подробный листокъ опечатокъ и поправокъ, добавляя, что послѣднихъ найдется немало. Конечно, въ такомъ обширномъ трудѣ, имѣющемъ притомъ преимущественно иконографическій характеръ, историческія и біографическія ошибки почти неизбѣжны. Поэтому, уважаемый авторъ его не посѣтуетъ на насъ, если мы отмѣтимъ слѣдующія изъ замѣченныхъ нами, при просмотрѣ изданія его, неточностей.

Въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о графѣ Николаѣ Михайловичѣ *Каменскомъ* II-мъ, сказано, что онъ „былъ женатъ на графинѣ А. А. *Орловой*“ [1]). Графъ Н. М. Каменскій, какъ извѣстно, никогда женатъ не былъ; онъ сватался къ гр. А. А. Орловой-Чесменской, но безуспѣшно. Также точно и послѣдняя никогда не была замужемъ. Этотъ эпизодъ изъ частной жизни молодаго военачальника еще недавно разсказанъ графинею А. Д. Блудовою на страницахъ „Русскаго Архива“ въ интересныхъ воспоминаніяхъ ея [2]).

*

Въ біографической замѣткѣ о фельдмаршалѣ графѣ Петрѣ Семеновичѣ Солтыковѣ, предпосланной описанію портретовъ его, сказано, что императрица „Елисавета Петровна приказала отчеканить рубли съ его „портретомъ и надписью: 1 Августа 1759 г. (побѣда при Пальцигѣ) и по„слала ему цѣлый возъ такихъ рублей, для раздачи солдатамъ“ [3]).

Побѣда при *Пальцигѣ* (называемая также при Цюлихау или при Кайѣ) одержана была графомъ Солтыковомъ надъ Прусскимъ генераломъ Веделемъ не 1 Августа, какъ сказано въ приведенной выпискѣ и не 12 Іюня, какъ это указано далѣе въ сочиненіи Д. А. Ровинскаго [4]), а 12 *Іюля*. На это число указываютъ и стихи, приведенные авторомъ, въ коихъ говорится о двухъ побѣдахъ (Пальцигѣ и Франкфуртѣ) „въ осмнадцать дней“ [5]).

---

[1]) Подр. Словарь, т. II, стр. 1054. [2]) Р. Архивъ 1889 г. № 1, стр. 90. [3]) Подр. Слов., т. III, стр. 1933. [4]) Тамъ же, стр. 1935. [5]) Тамъ же, стр. 1934.

1-го же Августа 1759 года графъ Солтыковъ разбилъ Прусаковъ, предводительствуемыхъ самимъ Фридрихомъ II, въ сраженіи при *Франкфуртѣ на Одерѣ* (извѣстномъ также подъ названіемъ сраженія при *Кунерсдорфѣ*, по селенію этого имени, находящемуся въ 4-хъ верстахъ отъ Франкфурта). Въ память этой побѣды (а не Пальцигской), одержанной надъ королемъ Прусскимъ, повелѣно было именнымъ указомъ даннымъ 11 Августа 1760 года Сенату изъ учрежденной при дворѣ Конференціи, выбить серебряныя медали для раздачи „бывшимъ въ сей баталіи солдатамъ" [6]).

Медали эти, вѣсомъ въ рублевикъ, отчеканены были въ числѣ 31,000, изъ коихъ 30,000 съ ушками, для ношенія на лентѣ [7]). Розданы онѣ были лишь въ концѣ слѣдующаго 1761 года; такъ, въ отрядъ графа Румянцова 4,000 медалей были отправлены при ордерѣ фельдмаршала графа Бутурлина 21 Октября 1761 года № 439. Приказано было наградить ими 25 Ноября, т.-е. въ день празднованія восшествія на престолъ Елисаветы Петровны [8]).

На лицевой сторонѣ медали [9]), поясное изображеніе Императрицы, обращенное вправо; надпись вокругъ:

Б. М. ЕЛИСАВЕТЪ. I. IMПЕРАТ. I САМОД. ВСЕРОСС.

внизу: ТIМОѲЕI. I. F.

На оборотной сторонѣ: на полѣ битвы изображенъ воинъ въ древне-Римскомъ одѣяніи, переступающій чрезъ рѣку, на коей надпись: р. *Одеръ*; въ правой рукѣ онъ держитъ копье, въ лѣвой Русское знамя съ двуглавымъ на немъ орломъ; надпись сверху:

ПОБѢДИТЕЛЮ

внизу: НАДЪ ПРУСАКАМИ

АВГ. 1 Д. 1759.

Діаметръ медали 1,65 дюйма; штемпель ея сохранился на С.-Петербургскомъ монетномъ дворѣ, въ каталогѣ коего она значится въ числѣ медалей, приготовляемыхъ и въ настоящее время [10]).

---

[6]) 1-е Полн. Собр. Зак. т. XV, 11089.

[7]) Какого цвѣта, въ указѣ не сказано; вѣроятно, на голубой или красной, т.-е. на лентѣ одного изъ двухъ существовавшихъ у насъ въ то время орденовъ, св. Андрея и св. Александра; такъ, первыя медали пожалованныя Екатериною II въ 1770 году за Кагулъ и Чесму носились на голубой лентѣ. (1-е Полн. Собр. Зак. т. XIX, 13511 и 13512).

[8]) Военно-учен. Архивъ, № 250; тамъже переписка по сему и съ другими дивизіями.

[9]) Описаніе и рисунокъ ея помѣщены въ сочиненіи: Собраніе Русскихъ медалей изданное по Высочайшему повелѣнію Археографическою Коммиссіею. Спб. 1840, стр. 34 и листъ XXVII, № 137.

[10]) Каталогъ медалямъ приготовляемымъ на С.-Петербургскомъ монетномъ дворѣ, съ обозначеніемъ продажныхъ цѣнъ. Спб. 1868 г., стр. 29, № 241 85.

Объ отчеканенiи же *рублей* съ *портретомъ* графа Солтыкова намъ нигдѣ не случалось встрѣчать указанiй, ни видѣть такихъ рублей въ нумизматическихъ собранiяхъ.

Кн. М. К—нъ.

Москва,
23 Мая 1889 года.

Выписка изъ Полнаго Собранiя Законовъ.

№ 11,089. т. XV. Августа 11-го. 1760. Именный, объявленный Сенату изъ учрежденной при дворѣ конференцiи. О сдѣланiи и раздачѣ медалей солдатамъ, въ память одержанной надъ королемъ Прусскимъ 1-го Августа 1759 года побѣды подъ Франкфуртомъ.

Какъ прошлаго лѣта, а именно въ 1-й день Августа, одержана оружiемъ Ея Императорскаго Величества надъ королемъ Прусскимъ подъ Франкфуртомъ такая славная и знаменитая побѣда, каковымъ въ новѣйшiя времена почти примѣровъ нѣтъ: то Ея Императорское Величество, въ память сего великаго дня, въ отличность имѣвшимъ въ немъ участiе и въ знакъ Монаршаго къ нимъ благоволенiя, повелѣла сдѣлать приличную сему происшествiю медаль и роздать бывшимъ въ сей баталiи солдатамъ. Теперь штемпель оный уже готовъ и въ Правительствующiй Сенатъ для того при семъ присылается, чтобъ по оному 31,000 медалей немедленно натиснено и въ Конференцiю прислано было, къ чему, въ случаѣ недостатка серебра, рублевики употреблены быть могутъ. При семъ надлежитъ единое примѣтить, что у 30,000 числа имѣютъ придѣланы быть ушки для ношенiя на лентѣ, а 1,000 медалей безъ ушковъ.

Вышеписанныя медали имѣютъ быть вѣсомъ противъ рублевика.

ДВА ПИСЬМА МОСКОВСКАГО ПОЧТДИРЕКТОРА Ѳ. П. КЛЮЧАРЕВА КЪ МИНИСТРУ ПОЛИЦІИ А. Д. БАЛАШЕВУ.

(Вскорѣ послѣ пребыванія Александра Павловича въ Москвѣ).

1.

Генваря 13 ч. 1810 г.

М. г. Съ искреннимъ расположеніемъ исполнить порученіе вашего прев., спѣшу донести, что извѣстіе о разводѣ императора Французовъ съ Жозефиною очень поспѣшно дошло сюда изъ Петербурга. Г. Дивовъ получилъ его въ выпискѣ изъ Публи(ци)ста отъ сына своего, въ Парижѣ находящагося, и въ тоже время началъ здѣсь распространяться слухъ о нашей Великой Княжнѣ; но скоро перемѣнили и стали говорить о принцессѣ Саксонской, къ чему прибавлялось, что она не молода, толста, дурна, но очень умна. Теперь никто уже не начинаетъ разсказыванія о ней, а все склонилось, съ вѣроятностію для нѣкоторыхъ, на принцессу Австрійскую. Прибавляютъ, что въ послѣднемъ трактатѣ есть о семъ бракѣ секретная статья, такъ же и то, что и посолъ Шварценбергъ принятъ въ Парижѣ съ отличными почестями. Это подлинный рисунокъ мнѣній Московскихъ, составляющихъ любопытное ожиданіе развязки въ семъ дѣлѣ.

Расположеніе мыслей о нашей Великой Княжнѣ, ежели бъ жребій палъ быть ей невѣстою императора Наполеона, имѣю долгъ неуклонно представить вамъ со всею искренностію, что ни одинъ голосъ, въ краткое время (какъ я сказалъ) существованія сего слуха, не былъ пріятнымъ. Причина—недовѣренность далеко распространенная къ намѣревающемуся вступить въ новый бракъ. Даже говорили, что Жозефина не неплодна, а можетъ быть самъ онъ таковъ; и потому, какъ прежде случалось, напримѣръ съ Генрихомъ VIII, королемъ Англійскимъ и царемъ Иваномъ Васильевичемъ и проч., послѣдуетъ разводъ за разводомъ по причинѣ одинакой.

Чтò касается до перваго въ государствѣ сословія, оно можетъ разсуждать глубже политически, хотя и тутъ, думаю, не найдется много такъ мыслящихъ; а прочіе, по уважительному моему замѣчанію, причтутъ дѣйствіе необходимости и угожденію. Я не пропущу, естьли возобновятся слухи о предложеніяхъ относительно нашей Великой

Княжны, возможное узнать и увѣдомить въ подробности васъ. А теперь все замолкло и, кажется, очень въ покойномъ ожиданіи *).

Можно примѣтить, что разводомъ дамы очень не довольны.

2.

Генваря 30 числа 1810.

М. г. Я увѣренъ, что письмо мое съ отвѣтомъ вами ожиданнымъ вручено вашему превосх. на другой день по отправленіи ко мнѣ почтеннѣйшаго письма вашего отъ 16 Генваря, съ г. Протасьевымъ. Соединенно съ здѣшними повѣстями о невѣстахъ должно считать толку городскую, странную и ни съ чѣмъ несогласную, и о Англійской принцессѣ, которую будто требуетъ императоръ Французовъ въ супружество. И такъ, мы гуляемъ мысленно по Европѣ, слѣдовательно не дома. Это не худо и на всякій случай можетъ располагать умы къ новымъ явленіямъ. Вчера слышно стало о пріѣздѣ посла Савари; можно думать, не останется онъ безъ комисіи въ брачномъ дѣлѣ своего государя.

Ожиданіе дальнѣйшихъ откровеній, перемѣнъ внутреннихъ, все замолчало, и въ нетерпѣніи видѣть преобразованіе мѣстъ присутственныхъ и уменьшеніе числа ихъ. Хвалятъ учрежденіе Государственнаго Совѣта и радуются, что не чрезъ министровъ пойдутъ всѣ дѣла, а Государь Императоръ съ облегченіемъ своимъ дастъ имъ окончаніе. Поставляя непреложнымъ правиломъ не сказывать неправды, но точно то, что̀ знаю, доношу истинно о всеобщемъ удовольствіи и благодарности къ Монарху, пекущемуся о народѣ своемъ.

Не знаю, правда ли, но очень увѣряютъ, что г. Кутузову поручается Турецкая армія, а г. Багратіонъ опредѣленъ военнымъ губернаторомъ въ Каменецъ-Подольской. Живущіе здѣсь генералы очень недоброхоты къ послѣднему и не оставляютъ сообщать невыгодныя о немъ новости. Я сомнѣваюсь, слыша, что М. М. Философовъ въ общемъ собраніи Г. Совѣта говорилъ рѣчь противъ статей въ новомъ законоположеніи находящихся, и Государь Императоръ въ своихъ покояхъ за то щолкалъ (sic) старца. В. В. Протасьевъ принятъ по правиламъ въ службу и все, что̀ только отъ меня зависитъ, получитъ съ удовольствіемъ. Онъ очень хорошъ кажется и по воспитанію, и по дарованіямъ природнымъ. Я очень радъ исполнить все угодное вамъ.

(Съ черновыхъ подлинниковъ сообщено И. Ф. Дюмушелемъ).

---

*) Въ черновомъ подлинникѣ вычеркнута дальнѣйшая строка.

ПИСЬМО ГРАФА Н. С. МОРДВИНОВА

къ зятю его А. А. Столыпину.

Другъ вашъ Журавлевъ утѣшаетъ васъ стихами, а я намѣренъ умалить грусть вашу прозою изъ Сенеки. Сей древній мудрецъ давно сказалъ намъ, что въ преткновеніяхъ сей жизни болѣе находится блага нежели въ благополучіи и удачахъ безспорныхъ оной. Гніетъ тѣло, гніютъ мысли, гніетъ и всякая добродѣтель безъ движенія, труда, борьбы и мужественнаго преодолѣнія препонъ и противныхъ желаніямъ и ожиданіямъ нашимъ встрѣченій. Любезный мой Аркадій Алексѣевичъ былъ бы иной человѣкъ, еслибъ предъ стопами его дорога всегда гладко устилалась и предъ очами его выростали всегда розы. Весьма полезно иногда поболѣть тѣломъ, иногда измѣнить веселыя мысли на мрачныя, иногда поскорбѣть сердцемъ. Тогда, и тогда только, пріобрѣтаемъ добрòты и величіе, отличающія насъ отъ презрѣнныхъ и забытыхъ, по рожденіи намъ впрочемъ подобныхъ. Итакъ, вмѣсто раздѣленія съ вами печали, глубоко впечатлѣнной въ письмѣ вашемъ, я васъ поздравляю съ великимъ вашимъ благополучіемъ, уготовляющимъ вѣнецъ славы благоразумію, терпѣнію, бодрости, великодушію, кротости и умиленію вашему. Когда все будетъ мрачно около васъ, какой свѣтъ мудрости, какіе лучи яркіе величія и удовольствія возблистаютъ въ душѣ вашей! Въ средѣ глупыхъ явитесь вы мудрымъ, въ толпѣ злыхъ процвѣтете изяществомъ и добродѣтелью. Возблагодарите судьбѣ вашей, толико щедро и любезно подвиги ваши устрояющей, не въ изнеможеніе и умерщвленіе силъ вашихъ, но въ оживотвореніе и познаніе добротъ вашихъ. Сенека много о семъ же утѣшительно и любовно говоритъ; но мнѣ пора замолчать. Журавлевъ стихами прогнѣвилъ; боюсь прозою прогнѣвить.

Не безпокойтесь о насъ. Ваше нѣжное сердце размножаетъ страхи и услаждается, кажется, мученіями не своими едиными, но и къ друзьямъ вашимъ оно нѣжно. Намъ очень хорошо въ Столыпинѣ. Сегоднишнее солнце дозволило намъ выйти изъ дому. Барыни мои на-

ходятъ положеніе мѣста прекрасно; но Генріетта Александровна [1]) домъ вашъ уже перенесла и готова со всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ убѣдить васъ при первомъ свиданіи вознести оный на гору, на хрящъ, къ сосновому лѣсу. Сія гостья ваша прихотлива, но прихоть ея происходитъ отъ прельщенія, которое возродилось въ ней при первомъ ея шагѣ и взорѣ на ваше Столыпино. Мы имѣли предчувствованіе или, лучше сказать, сердечное желаніе видѣть васъ здѣсь и ожидали посѣщенія въ Воскресенье, но въ письмѣ вашемъ не усматриваемъ ни малѣйшаго знака. Всѣ мои свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе.

Преданнѣйшій вамъ Н. Мордвиновъ.

23 Маія 1813.
с. Столыпино.

Приносимъ нашу благодарность за присылку писемъ. Горе, что великій нашъ полководецъ [2]) окончилъ жизнь свою. Но великъ Богъ, поставившій его во спасеніе наше!

(Сообщено внукомъ графа Н. С. Мордвинова, Н. Н. Столыпинымъ).

---

[1]) Супруга Н. С. Мордвинова, урожд. Кобле. П. Б.
[2]) Свѣтлѣйшій князь Кутузовъ. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЕ О ЛЕРМОНТОВѢ.

Часто слышу я разсказы и разспросы о дуэли М. Ю. Лермонтова; не разъ приходилось и мнѣ самой отвѣчать и словесно, и письменно; даже печатно принуждена была опровергать ложное обвиненіе, будто я была причиною дуэли. Но, не смотря на всѣ мои заявленія, многіе до сихъ поръ признаютъ во мнѣ *княжну Мери*.

Каково же было мое удивленіе, когда я прочла въ біографіи Лермонтова въ послѣднемъ изданіи его сочиненій: «Старшая дочь ген. Верзилина Эмилія кокетничала съ Лермонтовымъ и Мартыновымъ, отдавая преимущество послѣднему, чѣмъ и возбудила въ нихъ ревность, что́ и подало поводъ къ дуэли».

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1841 года М. Ю. Лермонтовъ пріѣхалъ въ Пятигорскъ и былъ представленъ намъ въ числѣ прочей молодежи. Онъ нисколько не ухаживалъ за мной, а находилъ особенное удовольствіе me taquiner [1]). Я отдѣлывалась какъ могла то шуткою, то молчаньемъ, ему же крѣпко хотѣлось меня разсердить; я долго не поддавалась, наконецъ это мнѣ надоѣло, и я однажды сказала Лермонтову, что не буду съ нимъ говорить и прошу его оставить меня въ покоѣ. По повидимому игра эта его забавляла просто отъ нечего дѣлать, и онъ не переставалъ меня злить. Однажды онъ довелъ меня почти до слезъ; я вспылила и сказала, что ежели бъ я была мужчина, я бы не вызвала его на дуэль, а убила бы его изъ-за угла въ упоръ. Онъ какъ будто остался доволенъ, что наконецъ вывелъ меня изъ терпѣнья, просилъ прощенья, и мы помирились, конечно не надолго. Какъ-то разъ ѣздили верхомъ большимъ обществомъ въ колонку Карасъ. Неугомонный Лермонтовъ предложилъ мнѣ пари à discrétion [2]), что на обратномъ пути будемъ ѣхать рядомъ со мною, что̀ ему рѣдко удавалось. Возвращались мы поздно, и я, садясь на лошадь, шепнула старику Зельмицу и юнкеру Бенкендорфу, чтобы они ѣхали подлѣ меня и не отставали. Лермонтовъ ѣхалъ сзади и все время зло шутилъ на мой счетъ. Я сердилась, но молчала. На другой день, утромъ рано, уѣзжая въ Желѣзноводскъ,

---

[1]) Меня дразнить.

[2]) На что угодно.

онъ прислалъ мнѣ огромный прелестный букетъ въ знакъ проиграннаго пари.

Въ началѣ Іюля Лермонтовъ и комп. устроили пикникъ для своихъ знакомыхъ дамъ въ гротѣ Діаны, противъ Николаевскихъ ваннъ. Гротъ внутри премило былъ убранъ шалями и Персидскими шелковыми матеріями, въ видѣ Персидской палатки, полъ устланъ коврами, а площадку и весь бульваръ освѣтили разноцвѣтными фонарями. Дамскую уборную устроили изъ зелени и цвѣтовъ; украшенная дубовыми листьями и цвѣтами люстра освѣщала гротъ, придавая окружающему волшебно-фантастическій характеръ. Танцовали по песку, не боясь испортить ботинки, и разошлись по домамъ лишь съ восходомъ солнца въ сопровожденіи музыки. И странное дѣло! Никому это не мѣшало, и больные даже не жаловались на безпокойство.

Лермонтовъ иногда бывалъ веселъ, болтливъ до шалости; бѣгали въ горѣлки, играли въ кошку-мышку, въ серсо; потомъ все это изображалось въ каррикатурахъ, что́ насъ смѣшило. Однажды сестра просила его написать что-нибудь ей въ альбомъ. Какъ ни отговаривался Лермонтовъ, его не слушали, окружили всѣ толпой, положили передъ нимъ альбомъ, дали перо въ руки и говорятъ: «пишите!» И написалъ онъ шутку-экспромтъ.

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ,
И локонъ небрежно
Надъ шейкою нѣжно....
На поясѣ ножъ.
C'est un vers qui cloche!

За то послѣ нарисовалъ ей же въ альбомъ акварелью Курда. Все это цѣло и теперь у дочери ея.

Лермонтовъ жилъ больше въ Желѣзноводскѣ, но часто пріѣзжалъ въ Пятигорскъ. По Воскресеньямъ бывали собранья въ ресторацій, и вотъ именно 13-го Іюля собралось къ намъ нѣсколько дѣвицъ и мужчинъ, и порѣшили не ѣхать въ собранье, а провести вечеръ дома, находя это и пріятнѣе, и веселѣе. Я не говорила и не танцовала съ Лермонтовымъ, потому что и въ этотъ вечеръ онъ продолжалъ свои поддразниванія. Тогда, перемѣнивъ тонъ насмѣшки, онъ сказалъ мнѣ: «M-lle Émilie, je vous en prie, un tour de valse seulement, pour la «dernière fois de ma vie» [3]).—Ну ужъ такъ и быть въ послѣдній разъ,

[3]) Эмилія Александровна, прошу васъ на одинъ только кругъ вальса, послѣдній разъ въ моей жизни.

пойдемте.—М. Ю. далъ слово не сердить меня больше, и мы провальсировавъ усѣлись мирно разговаривать. Къ намъ присоединился Л. С. Пушкинъ, который также отличался злоязычіемъ, и принялись они вдвоемъ острить свой языкъ à qui mieux mieux [4]). Не смотря на мои предостереженія, удержать ихъ было трудно. Ничего злаго особенно не говорили, но смѣшнаго много; но вотъ увидѣли Мартынова разговаривающаго очень любезно съ младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояли, на которомъ игралъ кн. Трубецкой. Не выдержалъ Лермонтовъ и началъ острить на его счетъ, называя его *montagnard au grand poignard* [5]) (Мартыновъ носилъ Черкеску и замѣчательной величины кинжалъ). Надо же было такъ случиться, что, когда Трубецкой ударилъ послѣдній аккордъ, слово *poignard* раздалось по всей залѣ. Мартыновъ поблѣднѣлъ, закусилъ губы, глаза его сверкнули гнѣвомъ; онъ подошелъ къ намъ и голосомъ весьма сдержаннымъ сказалъ Лермонтову: «сколько разъ просилъ я васъ оставить свои шутки при дамахъ», и такъ быстро отвернулся и отошелъ прочь, что не далъ и опомниться Лермонтову, а на мое замѣчаніе: *языкъ мой врагъ мой*, М. Ю. отвѣчалъ спокойно: «ce n'est rien; demain nous serons bons amis [6])». Танцы продолжались, и я думала, что тѣмъ кончилась вся ссора. На другой день Лермонтовъ и Столыпинъ должны были ѣхать въ Желѣзноводскъ. Послѣ ужъ разсказывали мнѣ, что, когда выходили отъ насъ, то въ передней же Мартыновъ повторилъ свою фразу, на что Лермонтовъ спросилъ: «чтожъ, на дуэль «что ли вызовешь меня за это?» Мартыновъ отвѣтилъ рѣшительно «да», и тутъ же назначили день. Всѣ старанія товарищей къ ихъ примиренію оказались напрасными. Дѣйствительно, Лермонтовъ надоѣдалъ Мартынову своими насмѣшками; у него былъ альбомъ, гдѣ Мартыновъ изображенъ былъ во всѣхъ видахъ и позахъ.

15-го Іюля пришли къ намъ утромъ кн. Васильчиковъ и еще кто-то не помню, въ самомъ пасмурномъ видѣ; даже *maman* замѣтила и, не подозрѣвая ничего, допрашивала ихъ, отъ чего они въ такомъ дурномъ настроеніи, какъ никогда она ихъ не видала. Они тотчасъ замяли этотъ разговоръ вопросомъ о предстоящемъ князя Голицына балѣ, а такъ какъ никто изъ нихъ приглашенъ не былъ, то просили насъ придти на горку смотрѣть фейерверкъ и позволить имъ явиться туда инкогнито. Жаль было, что лучшихъ танцоровъ и самыхъ интересныхъ кавалеровъ не будетъ на балу, гдѣ предполагалось такъ много удовольствій. Собираться въ садъ должны были въ 6 часовъ; но вотъ съ четырехъ на-

---

[4]) Въ запуски. [5]) Горецъ съ большимъ кинжаломъ. [6]) Это ничего; завтра мы будемъ добрыми друзьями. — Лермонтовъ, товарищъ Мартынова еще въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, по нѣскольку дней живалъ у него въ Желѣзноводскѣ. П. Б.

чинаетъ накрапывать мелкій дождь; надѣясь, что онъ пройдетъ, мы принарядились, а дождь все сильнѣй да сильнѣй и разразился ливнемъ съ сильнѣйшей грозой: удары грома повторялись одинъ за однимъ, а раскаты въ горахъ не умолкали. Приходитъ Дмитревскій и, видя насъ въ вечернихъ туалетахъ, предлагаетъ позвать *этихъ господъ* всѣхъ сюда и устроить свой балъ; не успѣлъ онъ докончить, какъ вбѣгаетъ въ залу полковникъ Зельмицъ (онъ жилъ въ одномъ домѣ съ Мартыновымъ и Глѣбовымъ) съ растрепанными длинными сѣдыми волосами, съ испуганнымъ лицомъ, размахиваетъ руками и кричитъ: «*одинъ на повалъ, другой подъ арестомъ!*» Мы бросились къ нему—чтò такое, кто на повалъ, гдѣ? *Лермонтовъ убитъ!* Такое извѣстіе и столь внезапное до того поразило матушку, что съ ней сдѣлалось истерика; едва могли ее успокоить. Отъ Дмитревскаго узнали мы подробнѣе, чтò случилось. Вотъ чтò онъ намъ сообщилъ.

Когда назначили день, то условились такъ: Лермонтовъ и Столыпинъ выѣдутъ верхомъ изъ Желѣзноводска; а Васильчиковъ, Глѣбовъ, Мартыновъ и Трубецкой къ нимъ на встрѣчу изъ Пятигорска. Въ колонкѣ Карасъ Лермонтовъ и Столыпинъ нашли m-elle Быховецъ и ея больную тетку, ѣхавшихъ въ Желѣзноводскъ лѣчиться; вмѣстѣ обѣдали, и Лермонтовъ выпросилъ у Быховецъ bandeau [7]) золотое, которое у нея было на головѣ, съ тѣмъ что на другой же день оно будетъ возвращено ей, ежели не имъ самимъ, то кѣмъ-нибудь изъ его товарищей. Не придавая большаго значенія этимъ словамъ, она дала ему bandeau, которое и нашли у него въ карманѣ, чтò подало поводъ думать, не была ли причиною дуэли m-elle Быховецъ; конечно скоро въ этомъ разувѣрились, а bandeau было возвращено ей. Выѣхавъ изъ колонки, Лермонтовъ, Столыпинъ и прочіе свернули съ дороги въ лѣсъ, не далеко отъ кладбища, и остановились на первой полянкѣ показавшейся имъ удобной: выбирать было и трудно подъ проливнымъ дождемъ. Первый стрѣлялъ Мартыновъ, а Лермонтовъ будто бы прежде сказалъ секунданту, что стрѣлять не будетъ, и былъ убитъ на повалъ, какъ разсказывалъ намъ Глѣбовъ.

Когда мы нѣсколько пришли въ себя отъ такого треволненія, переодѣлись и, сидя у открытаго окна, смотрѣли на проходящихъ, то видѣли, какъ проскакалъ Васильчиковъ къ коменданту и за докторомъ; позднѣе провели Глѣбова подъ карауломъ на гауптвахту. Мартынова же, какъ отставнаго, посадили въ тюрьму, гдѣ онъ провелъ ужасныхъ три ночи въ сообществѣ двухъ арестантовъ, изъ которыхъ одинъ все читалъ псалтырь, а другой произносилъ страшныя ругательства. Это

---

[7]) Головная повязка, діадема.

говорилъ намъ самъ Мартыновъ впослѣдствіи. Къ 9 часамъ все утихло. Вечеръ былъ чудный, тишина въ воздухѣ необыкновенная, луна свѣтила какъ день. Роковая вѣсть быстро разнеслась по городу. *Дуэль* неслыханная вещь въ Пятигорскѣ! Многіе ходили смотрѣть на убитаго поэта изъ любопытства; знакомые же его, изъ участія и желанія узнать о причинѣ дуэли, спрашивали насъ, но мы и сами ничего не знали тогда вѣрнаго. Это хожденіе туда-сюда продолжалось до полуночи. Всѣ говорили шопотомъ, точно боялись, чтобы ихъ слова не раздались въ воздухѣ и не разбудили бы поэта спавшаго уже непробуднымъ сномъ. На бульварѣ и музыка два дня не играла.

На другой день, когда собрались всѣ къ панихидѣ, долго ждали священника, который съ большимъ трудомъ согласился хоронить Лермонтова, уступивъ убѣдительнымъ и неотступнымъ просьбамъ кн. Васильчикова и другихъ, но съ условіемъ, чтобы не было музыки и никакого параду. Наконецъ пріѣхалъ отецъ Павелъ, но, увидѣвъ на дворѣ оркестръ, тотчасъ повернулъ назадъ; музыку мгновенно отправили, но за то много, много усилій употреблено было, чтобы вернуть отца Павла. Наконецъ все уладилось, отслужили панихиду и проводили на кладбище; гробъ несли товарищи; народу было много, и всѣ шли за гробомъ въ какомъ-то благоговѣйномъ молчаніи. Это меня поражало: вѣдь не всѣ же его знали и не всѣ его любили! Такъ было тихо, что только слышенъ былъ шорохъ сухой травы подъ ногами.

Похоронили и положили небольшой камень съ надписью *Михаилъ*, какъ временный знакъ его могилы (потому что весной 1842 года его увезли, мы были, когда вынули его гробъ, поставили въ свинцовой, помолились и отправили его въ путь). Во время панихиды мы стояли въ другой комнатѣ, гдѣ лежалъ его окровавленный сюртукъ, и никому тогда не пришло въ голову сохранить его. Нѣсколько лѣтъ спустя, мнѣ случилось быть въ Тарханахъ и удалось поклониться праху незабвеннаго поэта; надъ могилою его выстроена маленькая часовня, въ ней стоитъ одинъ большой образъ (какого святого, не помню) и *вѣтка палестины*, подаренная ему А. Н. Муравьевымъ, въ ящикѣ подъ стекломъ. Рядомъ съ М. Ю. похоронена и бабушка его Арсеньева. Тарханы опустѣли, и что сталось теперь съ часовней!

Когда Мартынова перевели на гауптвахту, которая была тогда у бульвара, то ему позволено было выходить вечеромъ въ сопровожденіи солдата подышать чистымъ воздухомъ, и вотъ мы однажды, гуляя на бульварѣ, встрѣтили нечаянно Мартынова. Это было уже осенью; его бѣлая черкеска, черный бархатный бешметъ съ малиновой подкладкой произвели на насъ непріятное впечатлѣніе. Я не скоро могла заговорить съ нимъ, а сестра Надя положительно не могла преодолѣть

своего страха (ей тогда было всего 16 лѣтъ). Васильчикову и Глѣбову замѣнили гауптвахту домашнимъ арестомъ, а потомъ и совсѣмъ всѣхъ троихъ освободили; тогда они бывали у насъ каждый день до окончанія слѣдствія и выѣзда изъ Пятигорска. Старательно мы всѣ избѣгали произнести имя Лермонтова, чтобы не возбудить въ Мартыновѣ непріятнаго воспоминанія о горестномъ событіи.

Глѣбовъ предложилъ мнѣ карандашикъ въ камышинкѣ, который Лермонтовъ постоянно имѣлъ при себѣ, записывалъ и рисовалъ имъ что̀ приходилось, и я храню его въ память о поэтѣ, твореніями котораго я всегда восторгалась. Глѣбовъ разсказывалъ мнѣ, какіе мучительные часы провелъ онъ, оставшись одинъ въ лѣсу, сидя на травѣ подъ проливнымъ дождемъ. Голова убитаго поэта покоилась у него на колѣняхъ—темно, кони привязанные ржать, рвутся, бьютъ копытами о землю, молнія и громъ безпрерывно; необъяснимо страшно стало! И Глѣбовъ хотѣлъ осторожно спустить голову на шинель, но при этомъ движеніи Лермонтовъ судорожно зѣвнулъ. Глѣбовъ остался недвижимъ и такъ пробылъ, пока пріѣхали дрожки, на которыхъ и привезли бѣднаго Лермонтова на его квартиру.

Не знаю, насколько займетъ читающую публику мое воспоминаніе давно минувшаго; но я сказала все что̀ было въ продолженіе двухъмѣсячнаго моего знакомства съ Лермонтовымъ. Надѣюсь, что наконецъ перестанутъ видѣть во мнѣ княжну Мери и, главное, опровергнутъ несправедливое обвиненіе за дуэль.

Эмилія Шанъ-Гирей.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Замѣчательно, что слишкомъ 900 лѣтъ тому назадъ, въ семьѣ перваго изъ православныхъ Россійскихъ великихъ князей, Владимира «красное солнышко», въ послѣдніе годы языческаго періода его жизни, была княгиня Славянскаго происхожденія, одинаковаго (по своему значенію) имени съ высоконареченною невѣстою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Петра Николаевича. Это—*Милолика*, изъ Болгарскихъ княженъ, мать святыхъ князей Бориса и Глѣба.

А. Л—ъ.

ПОПРАВКИ.

На обертвѣ 5-й книжки „Русскаго Архива“ сего года по ошибкѣ напечатано: сообщено *Н. П. Барсуковымъ*. Слѣдуетъ читать: *И. П. Барсуковымъ*.

*

Стр. 581 строка 25. Родственники Северземидзева Гурашевъ и Мазіабеловъ. Дѣйствительныя фамилія этихъ лицъ Гурамовъ и Мачабеловъ.

Стр. 589. Упоминается о лицѣ, носившемъ названіе Ваньки-Каина; фамилія его не *Курганов*ъ, *а Корганов*ъ. Я засталъ въ Тифлисѣ трехъ его сыновей. Внука его Теріанцъ-Корганова пѣла въ настоящемъ году на Петербургской сценѣ.

602, стр. 6 снизу. Дорога шла по рѣкѣ Джилкѣ близъ Джелалъ-оглу. Такой рѣки нѣтъ, а есть рѣка Джигла.

Н. Палибинъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

Ноябрь 1854—Декабрь 1855.

9-е (21). Третьяго дня, 7-го, въ семь часовъ утра выѣхалъ въ Гатчино по желѣзной дорогѣ. Благосклонный пріемъ царскаго семейства. Съ полчаса въ кабинетѣ Государя. Разговоръ, по важности предметовъ, оставившій глубокое и грустное впечатлѣніе. Въ слѣдствіе его составилъ, по высочайшему повелѣнію, записку, сегодня отправленную чрезъ военнаго министра. Разстроенное здоровье Императрицы. Кальянъ Наслѣдника. Умный и живой разговоръ Константина Николаевича. Перовскій, мой начальникъ штаба въ Кронштадтѣ, произведенъ въ полковники. При выѣздѣ моемъ въ 7 часовъ утра изъ дому третьяго дня, только что былъ убитъ недалеко отъ дому бѣшеный волкъ, пробѣжавшій по разнымъ частямъ города и покусавшій, сколько уже по «Полицейскимъ Вѣдомостямъ» извѣстно, тридцать восемь человѣкъ. Онъ два раза пробѣгалъ мимо моей квартиры по Таврической и Сергіевской улицѣ. Тацитъ помѣстилъ бы это въ числѣ зловѣщихъ предзнаменованій, особливо въ такое важное время.

L'ennui prolongé est abrutissant et mortel; l'ennui, causé pendant quelques heures, par de stupides convives, peut même suspendre et troubler la digestion. Les sots ne s'ennuient pas entre eux.

Rivarol disait avec justesse: quand on est jeune, il faut trois jours de sagesse pour réparer trois mois d'excès; quand on est vieux, pour réparer trois jours d'excès il faut trois mois de sagesse.

La vieillesse, selon Véron, ne doit point être le temps du repos: c'est le temps des affaires. Ça doit être le temps des excitations et d'une vie très occupée pour oublier les tristes enseignements des années et le désenchantement de l'expérience.

L'hygiène et la morale se donnent la main; l'oisiveté, le dénuement et la souffrance ont bientôt pour escorte tous les vices et toutes les mauvaises passions.

11 (23)-е. Прекрасное зимнее утро! Возвращаясь вчера ночью пѣшкомъ отъ Бекетовыхъ, любовался небомъ почти чернымъ, на которомъ великолѣпно и чудно блистали звѣзды.

12-е Ноября. Нева стала при 13° мороза. Вчера ѣздилъ представляться великимъ княгинямъ Еленѣ Павловнѣ, Екатеринѣ Михайловнѣ, Маріи Николаевнѣ и герцогу Георгію Мекленбургскому. Всѣхъ засталъ и принятъ, кромѣ Маріи Николаевны, гдѣ записался; но два раза встрѣчался съ нею и говорилъ. Обѣдалъ у Б. А. Перовскаго съ графиней Толстой.

19-е Ноября. Утромъ навѣстилъ г.-м. Баранцовъ и сообщилъ мнѣ ясныя свѣдѣнія о Свеаборгѣ, гдѣ онъ по порученію провелъ нѣсколько мѣсяцевъ. Г-лъ Данненбергъ приказомъ назначенъ членомъ Военнаго Совѣта. Встрѣча и объясненія съ г-ломъ Мирковичемъ.

27-е Ноября. Обѣдалъ у графа Киселева съ г.-а. Бергомъ, графомъ Строгановымъ, Безакомъ. Баронъ Левенстернъ. Вечеръ кончилъ у Лярскихъ. Въ полночь домой.

Отчего я долго не могу заснуть? Обдумывая ходъ кампаніи воюющихъ державъ и настоящее положеніе дѣлъ, я дошелъ до слѣдующихъ заключеній. Слишкомъ стотысячная армія западныхъ государствъ, изъ отборныхъ войскъ составленная и посаженная на суда огромнаго флота, владѣющаго всюду, куда онъ направится, моремъ, устремилась противъ сильной сухопутной державы, которой несоразмѣрно слабыя эскадры принуждены были укрываться въ своихъ укрѣпленныхъ гаваняхъ. Выборъ плана кампаніи зависѣлъ совершенно отъ первыхъ. Послѣдняя, не смотря на свои значительныя силы, не зная на какой точкѣ тысячеверстныхъ ея границъ обрушится грозящая ей туча, должна была раздробить свои силы на огромномъ пространствѣ. Сверхъ того, она уже въ открытой войнѣ съ сосѣдней имперіей на Югѣ и угрожаема на западной границѣ дру-

гою, готовою воспользоваться ея неудачами. Положеніе критическое! Кампанія началась въ Апрѣлѣ, и вотъ наступилъ уже Декабрь, и въ какомъ видѣ представляются дѣла въ эту минуту? На Балтійскомъ морѣ явился рано сильный Англо-Французскій флотъ съ 15-ти тысячнымъ десантомъ, парадировалъ передъ Кронштадтомъ, Ревелемъ и Свеаборгомъ, одолѣлъ слабое укрѣпленіе на Аландѣ, взялъ нѣсколько купеческихъ судовъ, рыбачьихъ лодокъ и ограбилъ въ Финляндіи нѣсколько небольшихъ открытыхъ городовъ; этимъ окончились его подвиги ничтожные, осмѣянные даже въ ихъ отечествѣ и безъ всякой соразмѣрности съ огромностію приготовленій и издержекъ. О дѣйствіяхъ на Бѣломъ морѣ и говорить нечего. Важнѣйшія были и еще продолжаются на Югѣ. Съ Апрѣля мѣсяца началась на Дунаѣ борьба Русской арміи съ Турецкою. Первая стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ угрожающимъ расположеніемъ въ тылу своемъ Австрійской арміи, и потому осужденная избрать самый невыгодный планъ кампаніи, не обѣщавшей никакихъ важныхъ послѣдствій. Между тѣмъ Англо-Французская армада высадила въ Галиполи слишкомъ стотысячную свою армію, снабженную всѣми разрушительными средствами, прежними и новыми, въ первыхъ числахъ Іюня, на помощь Турціи. Не имѣю намѣренія описывать и входить въ подробности, а спѣшу выставить, по какому забвенію высшихъ разсчетовъ войны такое огромное превосходство сухопутныхъ и морскихъ силъ, при такихъ благопріятныхъ для союзниковъ обстоятельствахъ, окончилось тѣмъ, что при исходѣ похода Русская армія стоитъ на Дунаѣ и на Прутѣ, а другая держитъ главную союзную армію въ блокадѣ между Севастополемъ и Балаклавою въ Крыму.

Союзники не воспользовались соединеніемъ всѣхъ своихъ силъ на широкомъ театрѣ открытой для нея Европейской Турціи, гдѣ они, высадивши свои войска въ Варнѣ, придали бы Турецкой арміи рѣшительное превосходство надъ Русскою Дунайскою арміею не только числомъ, но и важнѣйшими стратегическими преимуществами именно: Балканскія крѣпости Варна, Праводы, Шумла; Дунайскія Силистрія, Рущукъ, Систово, Никополь, Виддинъ, не считая, Тульчу, Мачинъ, Исакчи и Гирсово, доставили бы соединенной арміи союзниковъ превосходную операціонную базу. Переправясь на лѣвый берегъ

Дуная, они находили бы Австрійскую армію имъ содѣйствующую на лѣвомъ своемъ флангѣ. При такихъ выгодахъ переходъ через Прутъ, занятіе Бессарабіи, обложеніе Измаила частію войскъ, имѣли бы несомнѣнный успѣхъ. Тогда, слѣдуя берегомъ Чернаго моря, въ безпрепятственномъ сообщеніи съ своимъ флотомъ, они перешли бы Днѣстръ, овладѣли бы Одессой, Николаевомъ, Херсономъ и здѣсь, на лѣвомъ берегу Днѣпра, заняли бы позицію, подъ прикрытіемъ которой предприняли бы завоеваніе Крыма. Конечно Русская армія могла бы только усилить гарнизонъ Севастополя, сохраняя сама свободу движеній на правомъ берегу Днѣпра. Здѣсь былъ бы узелъ кампаніи, гдѣ искусство должно было рѣшить, за кѣмъ останется успѣхъ; но съ какими преимуществами для союзниковъ! Татарское народонаселеніе полуострова возстало бы за нихъ и представило бы въ пользу ихъ всѣ средства края. Еще болѣе: еслибы союзная армія на Днѣпрѣ замѣтила, что, вслѣдствіе полученныхъ Русскими подкрѣпленій, положеніе ея могло сдѣлаться сомнительнымъ, тогда, ограничиваясь единственною, достаточно-важною цѣлію—удержаніемъ Крыма, взятіемъ Севастополя и Черноморскаго флота, она могла бы вступить черезъ Перекопъ вся въ полуостровъ и, укрѣпивъ перешеекъ, оставить тамъ сильный корпусъ, а съ остальными осадить Севастополь, имѣя во всякомъ случаѣ готовый подъ рукою свой флотъ для содѣйствія и въ случаѣ нужды принятія арміи.

Вмѣсто этого широкаго, надежнаго плана дѣйствій, въ слѣпой надеждѣ быстрымъ ударомъ достигнуть главной цѣли для Англіи — уничтоженія Русскаго Черноморскаго флота въ Севастополѣ, союзники оставляютъ Турокъ однихъ бороться съ Русскою арміею на Дунаѣ, дѣлаютъ высадку въ Евпаторіи, забывая занять и укрѣпиться въ Перекопѣ (чѣмъ уничтожали бы возможность слабому корпусу кн. Меншикова получить подкрѣпленія), выигрываютъ даже болѣе чѣмъ двойнымъ превосходствомъ силъ сраженіе на Альмѣ и пользуются имъ только, чтобы перейти на южную сторону Севастополя и занять нынѣшнюю свою опасную позицію между крѣпостью и Балаклавой; между тѣмъ какъ князь Меншиковъ, искуснымъ движеніемъ получивъ свободу движеній и сообщеніе съ Севастополемъ, запираетъ ихъ и, получая отвсюду безпрепятственно значительныя под-

крѣпленія, блокируетъ ихъ въ ихъ позиціи. Нѣтъ, главнокомандующаго у союзниковъ не было, а только боевые генералы.

29-го Ноября. Обѣдалъ у Великой Княгини Елены Павловны. Кромѣ меня были гр. П. П. Паленъ и баронъ Левенстернъ. Противъ обыкновенія опоздалъ и засталъ Великую Княгиню уже вышедшею къ закускѣ. Н. Н. Муравьевъ пріѣхалъ и, какъ полагаютъ, назначается командующимъ въ Финляндію. Хомутовъ будто на Кавказъ. Мнѣніе Великой Княгини о Реадѣ весьма вѣрное. Новый трактатъ Австріи съ морскими державами противъ Россіи. Тогда положеніе наше сдѣлается очень труднымъ. Передъ обѣдомъ пріѣхалъ вчера и посидѣлъ г.-а. Мейендорфъ. Варшавскія сцены. Генер. Ридигеръ.

1-е Декабря. Встрѣтили на Невскомъ въ саняхъ Пелагею Вас. Муравьеву съ дочерью и узнали отъ нея, что Николай Николаевичъ Муравьевъ назначенъ намѣстникомъ въ Грузію и на Кавказъ со всѣми правами, дарованными Воронцову при его назначеніи Вечеромъ поѣхалъ къ нимъ и засталъ обоихъ братьевъ дома. Пилъ въ занимательномъ съ ними разговорѣ чай. Первоначальное даже по пріѣздѣ Н. Н. назначеніе было въ Финляндію, а потомъ измѣнено. Вспомнили слово иностранцевъ послѣ Ж. Ж. Руссо о Россіи: colosse aux pieds d'argile. Кто лучше знаетъ Россію и славный ея народъ, тотъ этого не скажетъ. Ноги тверды и на широкомъ поставѣ, и покуда ноги любятъ и пламенно поддерживаютъ свою голову, какую Богъ пошлетъ, то не сломитъ ея никакая буря, даже настоящая, какой еще не бывало. По возвращеніи зашелъ къ Поллямъ. Засталъ у нихъ мать и дочь Бабстъ, семейство покойнаго моего нѣкогда подчиненнаго въ драгунской дивизіи. Тѣсное ихъ положеніе. Хорошій у М. Н. Муравьева портретъ А. П. Ермолова.

Упадокъ курса нашихъ государственныхъ билетовъ въ Царствѣ Польскомъ: за 50 р. даютъ 40. — 600 м. сер. уже издержано съ начала войны.

2-е Декабря. Вчера приказъ о назначеніи Н. Н. Муравьева намѣстникомъ на Кавказъ и генералъ-адъютантомъ. Реада генералъ-адъютантомъ, членомъ Государственнаго Совѣта и командиромъ 3-го корпуса; Остенъ-Сакена командиромъ 4-го; Плаутина—гренадерскаго корпуса. Песчинка, попавшая мнѣ въ глазъ, испортила прогулку. Обѣдъ у Зыбиныхъ. Окулистъ Кабатъ,

случившійся на обѣдѣ, замѣтивъ это, попросилъ позволенія взглянуть и, почти вывернувъ вѣку на своемъ пальцѣ, нашелъ и стеръ съ глаза песчинку.

Я видѣлся съ новымъ намѣстникомъ Кавказа. Реадъ засыпанъ милостями. Я живу поневолѣ праздно. Петербургъ скучаетъ въ отсутствіи двора, и всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ подробностей трактата, заключеннаго Австріей съ западными державами.

4-е Декабря. Вчера въ 12 часовъ дня былъ на первомъ засѣданіи Георгіевской Думы въ Зимнемъ дворцѣ. Предсѣдатель князь Шаховской; оно продолжалось до 4-го часу. Подробности отраженія Англо-Французовъ въ Петро-Павловскомъ портѣ въ Камчаткѣ. Ночью сильно шумѣлъ на дворѣ вѣтеръ, вмѣстѣ съ зимою нашъ союзникъ, за неимѣніемъ другихъ. Мраченъ этотъ длинный рядъ безсолнечныхъ дней, съ небомъ всегда одноцвѣтно-сѣрымъ, скорѣе сумерки—чѣмъ день.

5-е Декабря. Г.-м. Жигмонтъ, командиръ Одесскаго полка, раненый въ дѣлѣ при Четатѣ подъ Калафатомъ, навѣстилъ меня; Бекетова съ сестрой также. Жена Сумарокова, подъѣхавъ и не выходя изъ кареты, приглашала къ ней на вечеръ сегодня, но уже принято было приглашеніе къ Бекетовой. Извѣщеніе гр. Орлова, что завтра, въ Николинъ день, въ Гатчинѣ пріема не будетъ. Извѣстіе изъ Севастополя, что дѣла въ прежнемъ видѣ: осадныя работы непріятеля остановлены, съ обѣихъ сторонъ никакихъ предпріятій. По разсчету времени союзники должны были получить ожидаемыя подкрѣпленія, и на дняхъ они, вѣроятно, что-нибудь предпримутъ. Текстъ трактата Австріи съ западными кабинетами все еще не гласенъ.

7-е Декабря. Перенесемъ и это! Посѣтили утромъ Дивовъ и графъ Ржевуцкій. Мрачные взгляды на положеніе дѣлъ и будущность. Въ настоящихъ грозныхъ обстоятельствахъ Россіи не время думать о себѣ, о чинахъ и о мѣстахъ, на которые полагаешь имѣть право, а ожидать съ покорностію къ Провидѣнію, что оно внушитъ правителю, въ чьихъ рукахъ кормило имперіи, въ эти дни небывалой еще бури, грознѣе бури 1812 года. Да осѣнится онъ и укрѣпится мудростію и терпѣніемъ свыше! А Россія готова на всѣ жертвы. Еще не разразилась она въ негодованіи своемъ Бородинскимъ побоищемъ, а только испытываетъ новыя

силы свои частными схватками, какъ будто ищетъ вождя достойнаго вести ее на главный, кровавый пиръ!

—

14-го. Приказомъ отъ вчерашняго 13-го числа я назначенъ исправляющимъ должность военнаго губернатора г. Ревеля и командующимъ войсками, въ Эстляндіи расположенными, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта, съ правами командира отдѣльнаго корпуса въ военное время.

15-е. Вчера утромъ былъ у Катенина. По телеграфу при мнѣ запросъ въ Гатчино военному министру, когда и гдѣ угодно принять меня Государю Императору. Заѣзжалъ и завтракалъ у Б. А. Перовскаго.

17-е Декабря. Вчера явился новый комендантъ Ревеля Неуструевъ-Маныкинъ. Сегодня работалъ съ нимъ часть утра.

18-е. Вечеръ кончилъ вчера у г.-а. Александра Павловича Безака въ замѣчательномъ разговорѣ глазъ на глазъ.

21-е Декабря. Въ Воскресенье 19-го по желѣзной дорогѣ въ Гатчино. Пріемъ Государя благосклонный. Рѣчь была исключительно по новому назначенію моему. У Наслѣдника также. Разговоръ довѣренный и разнообразный съ военнымъ министромъ, со Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ, короткій съ Витовтовымъ. Обѣдалъ за общимъ столомъ и оставилъ его до окончанія обѣда, чтобы поспѣть на желѣзную дорогу. На дорогѣ, съ Петербургской станціи, извощикъ опрокинулъ сани; обошлось безъ ушиба.

Вчера умеръ внезапно, на рукахъ фельдшера, который его брилъ, военный генералъ-губернаторъ С.-Петербурга генералъ-адъютантъ и генералъ отъ инфантеріи Шульгинъ. Объ немъ пожалѣютъ, какъ о добромъ и хорошемъ человѣкѣ.

22-е Декабря. Утромъ вчера являлся инженеръ-полковникъ Евреиновъ. Очень понравился мнѣ свѣдѣніями, яснымъ и бойкимъ изложеніемъ, откровенностію, скромностью и чистотою правилъ. Послѣднее знаю отъ другихъ. И языкъ и все въ немъ отзывается этимъ. Жаль, если у меня его отымутъ. Потомъ навѣстилъ министръ удѣловъ и кабинета, графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, и въ занимательномъ разговорѣ съ нимъ провелъ пріятный часъ. Изумрудныя копи въ 80-ти верстахъ отъ

Екатеринбурга, теперь истощенныя. Похищены лучшіе изъ найденныхъ, во время изобилія ихъ, въ особенности два изъ нихъ необыкновенные. Слѣдствіе, лично и на мѣстѣ сдѣланное Перовскимъ; безполезность, не смотря на всѣ усилія, открыть даже слѣдъ, куда эти изумруды проданы или скрыты. Виновникъ самъ начальникъ, полковникъ, фамилію котораго забылъ. Любопытныя подробности слѣдствія.—Вчера переѣхала изъ Гатчина въ Петербургъ царская фамилія. Непріятности, перенесенныя генераломъ Лидерсомъ отъ фельдмаршала въ бытность его при Дунайской арміи. Сколько достойныхъ людей этотъ человѣкъ оскорбилъ, выжилъ изъ службы или тѣснилъ! Сколько горестныхъ происшествій онъ приготовилъ и сколько ихъ еще вѣроятно впереди! Благородная, скромная, истинно - патріотическая роль князя Михаила Дмитріевича Горчакова вообще и въ особенности относительно Крымской арміи, которой онъ съ такою готовностію, не ожидая повелѣній, спѣшитъ содѣйствовать отправленіемъ изъ Дунайской, имъ командуемой, войскъ, генераловъ, офицеровъ, пороху, оставаясь самъ въ сомнительномъ положеніи. Прекрасно! — Утромъ былъ гвардейской артилеріи и состоящій въ Военной Академіи, кажется, поручикъ Баговутъ, умный офицеръ. Вечеромъ А. Н. Павловъ съ вѣстію о назначеніи, внезапно полученномъ, инспекторомъ почтъ въ Новороссійскомъ краѣ и въ Крыму, гдѣ почты отъ необычайнаго разгона пришли въ большое разстройство. Нѣсколько страницъ Искендера и Записокъ Охотника; много дарованія въ обоихъ, въ первомъ съ желчью, а въ послѣднемъ умѣренно, но мѣтко. Письмо отъ Михаила пріятное и забавное; онъ стоитъ въ Бѣльскѣ, въ палацѣ графа Осолинскаго и, кажется, въ веселомъ духѣ.

24-е Декабря. Обѣдалъ у графа Льва Алексѣевича Перовскаго съ г.-а. Безакомъ, генераломъ свиты Глинкой, кн. Голицынымъ, начальникомъ пороховыхъ заводовъ, Веневитиновымъ, Арапетовымъ, Борисъ Алексѣевичемъ Перовскимъ и Толстымъ; на серебрѣ и фарфорѣ подавали, по звонку хозяина, и потомъ прислуга уходила до слѣдующаго звонка; но разговоръ не завязывался, не удавался. Что-то несвязное, неловкое, какъ усиліе, что-то будто непривычное; ѣли и пили почти молча. Скоро послѣ обѣда я уѣхалъ. Видѣлъ у хозяина пистолетъ à rouet, за-

водящійся ключемъ; первый шагъ къ нынѣшнему замку послѣ фитиля. — «Пѣвцы» Тургенева въ слухъ, Гогартова картина въ прозѣ. Утромъ были вчера похороны Шульгина.

25-е Декабря. Въ 11-мъ на выходъ во дворецъ. Государь былъ въ казачьемъ мундирѣ, съ бодрымъ и спокойнымъ взглядомъ. Немного осталось изъ ветерановъ 1812 года; мы безъ труда сочлись въ портретной залѣ. Оленинъ убитъ своими людьми сегодня утромъ.

28-е Декабря. Вчера былъ на юбилеѣ Николая Ивановича Греча и скоро послѣ обѣда уѣхалъ. Третьяго дня у г.-а. Берга, моего предмѣстника въ Ревелѣ. Разговоръ съ нимъ занимательный. Потомъ у товарища военнаго министра Катенина. Засталъ у него фл.-а. Шеншина изъ Севастополя. Потеря людьми Днѣпровскаго полка, застиженнаго жестокою вьюгою на походѣ: восемьдесятъ шесть замерзло. Пріязненная встрѣча съ Григоровичемъ, секретаремъ Академіи Художествъ. Вчера долго сидѣлъ Евгеній Лярской; занимательный разговоръ. Проектъ института дѣвицъ въ большомъ объемѣ въ Вильнѣ. Встрѣченныя препятствія въ исполненіи. Баронъ Розенъ, шталмейстеръ двора Елены Павловны. Привѣтствія отъ разныхъ лицъ Эстляндскаго дворянства. Неясности моего положенія.

1855-й годъ.

15-е Января. Сколько перемѣнъ въ продолженіе одного мѣсяца! 2-го Января я выѣхалъ изъ Петербурга въ Ревель и пріѣхалъ туда 3-го вечеромъ. 4-го пріемъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ. Выѣхавъ нездоровый, 5-го долженъ былъ дать себѣ день отдыха. 6-го объѣхалъ приморскія батареи и военную гавань; 7-го госпитали внѣ города; 8-го дома съ дѣлами; 9-го объѣхалъ и обошелъ Ревельскую крѣпость; 10-го комитетъ у меня по разнымъ предметамъ. Въ эти дни обѣдалъ два раза у гражданскаго губернатора Гринвальда и также два раза у генерала Паткуля, остальные дома. 11-го выѣхалъ изъ Ревеля и въ тридцать часовъ пріѣхалъ домой. 12-го, 13-го нездоровый отдыхалъ; 14-го къ Катенину и военному министру. Потомъ принятъ былъ Наслѣдникомъ; 15-го сегодня въ часъ принятъ былъ Государемъ благосклонно и подалъ ему записку

о томъ, что̀ нашелъ въ Ревелѣ. Передъ тѣмъ встрѣтился, ожидая пріема, съ фельдмаршаломъ. Онъ началъ со мною разговоръ ловко, какъ будто между нами ничего непріятнаго не бывало. Я заѣхалъ потомъ къ нему и, не заставъ, записался. Много новыхъ впечатлѣній еще не устроившихся въ головѣ.

21-го. Ne me dis point dans tes chants attristés, ne me dis point, psalmiste, que la vie n'est qu'un rêve... La vie est réelle, la vie est grave... Dans ce vaste champ de bataille du monde, dans ce bivouac énorme n'appartiens pas au troupeau muet, stupide, asservi, troupeau de bétail s'il en fut, mais sois donc un héros dans la mélée!

Jouissance, souffrance! Non, ni l'un, ni l'autre n'est le mot de la destinée de l'homme... Agir, agir, afin que chaque lendemain se trouve plus avancé que la veille, voilà sa mission.

То, что̀ казалось неизмѣнимо рѣшено и что̀ портило все что̀ было почетнаго въ моемъ назначеніи, что̀ приводилось уже въ исполненіе, остановлено въ слѣдствіе моего изустнаго доклада Государю и поданной ему записки, отданной на обсужденіе Балтійскому комитету, въ который я былъ приглашенъ, подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника и въ присутствіи В. Кн. Константина Николаевича. Очевидность доводовъ побѣдила, и все, о чемъ представлялъ, утверждено. Этотъ успѣхъ обрадуетъ Эстляндское дворянство и жителей г. Ревеля. Теперь оканчиваю здѣшнія дѣла и собираюсь окончательно къ переѣзду на мѣсто съ семействомъ. Почти все уложено; первый транспортъ ушелъ. Мы располагаемъ выѣхать 25-го, если ничто не помѣшаетъ. Неловко среди оголенныхъ стѣнъ, окошекъ, безковерныхъ половъ, сундуковъ, здѣсь оставленныхъ; скорѣе на мѣсто и къ правильной дѣятельности. Подробности и впечатлѣнія этихъ дней не замедлятъ, я надѣюсь, устроиться и въ свободные промежутки найдутъ здѣсь мѣсто и выраженіе. Къ тому же я все это время нездоровъ; сегодня лучше, но остаюсь дома для порядка передъ выѣздомъ.

25-го *Письмо къ А. П. Ермолову*. «Завтра уѣзжаю въ Ревель къ новому моему назначенію послѣ трехъ-лѣтняго, съ разными, и безъ писемъ вамъ извѣстными, переворотами здѣшняго моего пребыванія. Все перенесено, благодаря Бога и, надѣюсь, такъ какъ будто бы я дѣйствовалъ подъ вашими глазами. Въ новомъ историческомъ періодѣ, въ который вступила Россія,

вызванный на служебную дѣятельность послѣ долгаго устраненія, въ важные дни, быть можетъ, мнѣ предстоящіе, не забуду, что мнѣ должно оправдать счастіе, посланное мнѣ Провидѣніемъ въ первые годы молодости быть вашимъ первымъ сыномъ-адъютантомъ: ибо вы воспитывали меня какъ сына. Ничто не выразитъ полнѣе чувствъ, которыя не переставалъ и не перестану во всѣхъ положеніяхъ сохранять къ вамъ. Будьте, ради Бога и Россіи здоровы и дайте мнѣ въ свободную минуту признакъ вашей обо мнѣ памяти въ Ревель».

29-го Генваря. 24-го ожидалъ повелѣнія Государя явиться и откланяться. Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ просидѣлъ у меня въ этомъ ожиданіи до 2-хъ часовъ по полудни. Тогда я рѣшился заѣхать къ В. Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, принявшей меня. Въ это время доложили о Государѣ. Елена Павловна послала меня въ боковую комнату. Отъ нея поѣхалъ провѣдать въ Зимній дворецъ, не посылалъ ли за мною Государь и не случилось ли недоразумѣнія? По докладѣ о томъ Государю, Его Величество выслалъ мнѣ сказать, что онъ ожидалъ меня утромъ и чтобы я пріѣхалъ въ 8 ч. вечера. Весьма благосклонный пріемъ, до 9 ч. продолжавшійся. Изъ дворца поѣхалъ къ князю В. А. Долгорукову, гдѣ съ его семействомъ пилъ чай. Отъ него уже въ 11-мъ къ военному министру, и простились очень обязательно. Дома нашелъ приглашеніе Государя Наслѣдника къ 12-ти часамъ 26-го, что̀ разстроило предположеніе выѣхать рано утромъ въ Ревель. Въ часъ 26-го я могъ возратиться домой. Сильный морозъ, доходившій до 20°, встрѣтилъ насъ въ дорогѣ; разъ ночевали и вчера 20-го благополучно пріѣхали.

Сегодня осматривалъ двойную батерею, шёнъ-бастіонъ и обѣ гавани; рѣшилъ расположеніе орудій. Первый докладъ.

31-го Января. Вчера въ соборѣ у обѣдни; церковь полна народомъ. Прямо оттуда визиты г-лу Паткулю, губернатору, графу Тизенгаузену, барону Матвѣй Ивановичу Палену, г-лу Икскюлю. Остатокъ дня дома. Разобралъ бумаги; оказались забытыя, но отъ того упущенія не было: все помнилъ. Сдѣлалъ первыя соображенія. Число больныхъ умножается; приказалъ отвести еще казарму и открыть кадръ № 1, остававшійся за-

паснымъ. Вчера былъ первый выѣздъ дочерей въ Катариненталь.

5-го Февраля. Манифестъ о всеобщемъ ополченіи 23-хъ съ тысячи, первоначально съ 18-ти Русскихъ губерній.

6-го. Командиръ резервной бригады 1-го корпуса г.-м. Штемпель уволенъ отъ службы за важные безпорядки въ бригадѣ; но они столь важны, что едва ли только этимъ кончится. Назначенъ на его мѣсто полковникъ Екимовъ; отзывы, о немъ доходящіе, выгодны. Перовскій возвратился изъ Везенберга, осмотрѣвъ эту бригаду. Число больныхъ и умирающихъ не уменьшается.

7-го. Слухъ по письмамъ изъ Петербурга о телеграфическомъ извѣстіи объ отраженномъ штурмѣ союзниками Севастополя. Дай Богъ, чтобы это оправдалось.

9-го Февраля. Вчера обѣдъ у молодаго барона Палена. Вечеромъ балъ у предводителя дворянства барона Унгернъ-Штернберга. Куда дѣвалась Нѣмецкая столько хваленая бережливость! Таже роскошь въ туалетѣ дамъ, въ угощеніи, что̀ и въ Петербургѣ, даже болѣе, потому что почти все выписывается оттуда. Возвратился съ дочерьми домой въ три часа утра. Пріѣхалъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Игнатьевъ, офицеръ обращающій вниманіе своими свѣдѣніями и качествами. Удержать его подолѣе. Сію минуту вышелъ баронъ Мейендорфъ, братъ генералъ-адъютанта, двадцатью годами моложе его; занимательный съ нимъ разговоръ.

10-го. Вечеръ вчера провелъ у стараго барона Палена съ его семействомъ; достойная, патріархальная семья. Такъ все просто, чисто, душевно, что я, не замѣчая того, остался до часу за полночь. Пріѣхалъ инженеръ-полковникъ Евреиновъ; примемся за приготовительныя работы.

11-го. Пятница. Сегодня утромъ совѣтъ; тотчасъ послѣ съ комендантомъ и Евреиновымъ на возвышенное мѣсто на берегу моря, въ предположеніи построить новую батарею для бомбическихъ пушекъ; потомъ въ оборонительную казарму, оттуда пѣшкомъ на бастіонъ Стуартъ; потомъ осмотръ жандармскаго манежа, новаго госпиталя въ казармѣ военныхъ кантонистовъ. Вечеромъ въ концертъ.

16-го. Представленіе генералу Паткулю бывшихъ его, теперь моихъ, подчиненныхъ. 18° морозу. Въ главномъ гошпиталѣ, какъ и въ Везенбергскомъ, заболѣли почти всѣ медики, фельдшера и пріемщики больныхъ, также писаря. Бѣдственное время! И это отъ одной слабо-сформированной части, резервной бригады, которую не слѣдовало вводить въ линію, не окончивъ ея организаціи въ Россіи.

21-го. Въ 8 ч. утра вчера получилъ по эстафетѣ отъ фл.-адъют. полковника Перовскаго увѣдомленіе о кончинѣ Императора Николая Павловича въ половинѣ перваго часа по полудни 18-го числа. Три часа позже фельдъегерь привезъ манифестъ о семъ важномъ не для одной Россіи и неожиданномъ событіи. Въ 6 ч. вечера въ соборѣ отслужена панихида по покойномъ Императорѣ и молебенъ за здравіе и многолѣтіе преемника его Императора Александра II-го, и вмѣстѣ съ тѣмъ присяга моя и штаба. Войска присягнули въ тотъ же вечеръ. Увѣдомленіе о томъ безъ присяжныхъ еще листовъ, но готовыхъ, отправилъ съ лейтенантомъ Шульцомъ въ Петербургъ. Эстляндское дворянство собралось въ лютеранской Вышгорода церкви для принесенія присяги, какъ соглашено было съ предводителемъ и губернаторомъ; но сей послѣдній затруднялся неполученіемъ указа изъ Сената и разными формальностями. Тогда я приказалъ прочесть манифестъ и уѣхалъ.

Успокоился царственный труженикъ! Что̀ онъ перенесъ, перечувствовалъ въ послѣдніе два роковые года тридцати-лѣтняго своего царствованія, сломило и его богатырское сложеніе. Что̀ ожидаетъ Россію подъ управленіемъ благодушнаго Александра, доставшуюся ему въ такомъ натянутомъ, опасномъ положеніи? Да умудритъ его Управляющій судьбами царей и народовъ! Сегодня принялъ присягу на квартирѣ отъ больнаго генералъ-маіора флота Павелъ Мироновича Баранова. Оригиналъ замѣчательный.

22-го Февраля. Вечеръ у меня провели Кремеръ и предводитель дворянства баронъ Унгернъ-Штернбергъ. Воспоминаніе о Поццо-ди-Борго. У меня подъ рукой случилась его нота, поданная въ Октябрѣ 1814-го года въ Вѣнѣ императору Александру по вопросу о Польшѣ. Мы прочли ее. Это конечно одна изъ замѣчательнѣйшихъ дипломатическихъ депешей, могущихъ служить образцомъ для изученія.

23-го Февраля. Высочайшимъ приказомъ князь Меншиковъ уволенъ отъ званія главнокомандующаго въ Крыму, начальника штаба флота и генералъ-губернатора Финляндіи съ оставленіемъ въ званіи генер.-адъютанта и члена Государственнаго Совѣта. Князь М. Д. Горчаковъ назначенъ на его мѣсто въ Крыму съ оставленіемъ въ званіи главнокомандующаго южною арміей. Лидерсъ командующимъ южною арміей подъ начальствомъ князя Горчакова.

Получилъ утромъ высочайшее повелѣніе пріѣхать на похороны покойнаго Государя въ Петербургъ. Завтра выѣзжаю.

Эстляндское дворянство приведено къ присягѣ сегодня.

10-го Марта. 25-го пріѣхалъ въ Петербургъ. 26-го ѣздилъ къ Катенину, графу Орлову и военному министру. Церемонія выносу тѣла покойнаго Императора изъ дворца въ Петропавловскую крѣпость.

12-го. Хотѣлъ написать подробности моего пребыванія въ Петербургѣ; но впечатлѣнія грустныя, важныя тѣснятся безпорядочно въ головѣ; подожду, пока устроятся. Своихъ, благодаря Бога, нашелъ здоровыхъ; но слѣды гриппа еще видны на прекрасномъ лицѣ Софьи. Вчера ѣздилъ смотрѣть стрѣльбу по вехамъ изъ бомбическихъ орудій съ равелина Стюартъ. Движеніе гвардейской 3-й дивизіи и конной бригады къ Ревелю остановлено.

14-го Марта. Вчера въ 7 ч. вечера концертъ въ Guildensaale. Ораторія Мендельсона Аталія (Гоѳолія) съ хорами. Хотя было до 150 музыкантовъ, но мало для подобной музыки. Чтобы судить о ней, нужно не въ первый разъ ее слышать. Зала была полна до тѣсноты, и жаръ нестерпимый. Осмотрѣлъ исправленный манежъ, проѣхалъ до Екатериненталя и прошелъ пѣшкомъ, потомъ на равелинъ Стюартъ; стрѣльбы уже не засталъ. Никольскія ворота запереть, Морскія открыть для удобства вооруженія крѣпости.

23-го. Продолженіе безпорядковъ во всемъ, что̀ относится до резервной бригады. Еще слѣдователь изъ Петербурга. Огромная цѣна, открытая на торгахъ за перевозку пороха отсюда до Динаминде; не рѣшился утвердить, не увѣдомивъ Артиллерійскій Департаментъ. Изъ этого могутъ выдти непріятности. Почему дождались распутицы? Новое недоразумѣніе между кн. Су-

воровымъ и предводителемъ здѣшняго дворянства, не смотря на попытку объяснить первому какъ было дѣло. Они всѣ перессорились.

24-го Марта. La foi veut l'impossible; elle n'est satisfaite qu'à ce prix.

Смотрѣлъ еще одинъ батальонъ. Во множествѣ рекрутъ еще почти въ первобытномъ ихъ видѣ, которыми укомплектованы баталіоны, поразительно превосходство Великорусскаго племени надъ всѣми прочими крѣпкимъ сложеніемъ, умнымъ, смѣлымъ и покойнымъ взглядомъ, какъ будто говорящимъ: на все готовъ!

29-го Марта. Comme les empereurs romains, il est devenu dieu par le plus énergique et le plus sûr de tous les moyens: il est mort.

Сегодня утромъ былъ на панихидѣ въ сороковой день по кончинѣ Императора Николая; потомъ осмотрѣлъ мѣсто, гдѣ намѣренъ построить новую береговую батарею, въ замѣнъ двойной, оставленной и тоже горнверкъ въ полѣ для связи огнемъ оборонительной казармы съ крѣпостью. Вечеромъ съ Александромъ въ концертъ мѣщанскаго общества Ревеля; женщины всѣ, и самыя бѣдныя, одѣты были въ траурѣ.

30-го Марта. Возвратясь съ утренней прогулки по берегу моря съ Владимиромъ въ коляскѣ и пѣшкомъ (Александръ верхомъ), я нашелъ въ залѣ главныя лица штаба, пришедшія для поздравленія, и на столѣ высочайшій приказъ отъ 27-го, которымъ я произведенъ за отличіе въ генералы отъ кавалеріи съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и въ должности военнаго губернатора Ревеля и командующаго войсками въ Эстляндіи. Дѣти, особливо младшія, шумно радовались этому запоздалому производству. Поутру главной пасторъ лютеранской церкви приходилъ благодарить за спокойствіе, въ которомъ оставляется городъ и край въ противуположность тревожнаго положенія, раззорительнаго и стѣснительнаго въ эти же дни прошлаго года.

1-го Апрѣля. Ѣздилъ встрѣтить и сдѣлать смотръ прибывшему ко мнѣ Башкирскому полку, при большомъ стеченіи любопытныхъ зрителей. Полкъ дѣйствительно любопытный: эти смуглыя Азіятскія лица, странная, вовсе небезобразная бѣлая одежда, маленькія лошади, некованыя, съ береговъ Урала пришедшія безъ замѣтнаго изнуренія.

Былъ совѣтъ; но Башкирцы, раньше назначеннаго часа пришедшіе, сократили его. Не хотѣлъ заставить ихъ ждать.

4-го Апрѣля. Длинное письмо на двухъ листахъ кн. Суворова, полное негодованія и нетерпѣнія за положеніе, въ которое его поставили, въ мрачномъ духѣ и преувеличенное. Жаль мнѣ этого достойнаго, благороднаго человѣка. Пожелалъ бы ему болѣе спокойствія и важности. Затрудняюсь отвѣтомъ, не одобряя многаго, но постараюсь умирить и успокоить. Четыре купеческія судна: Датское, Русское и два Американскихъ, вошли въ Балтійскій Портъ, въ которомъ прорубленъ ледъ; рейдъ и море тамъ свободны ото льда. Здѣсь еще ѣздятъ и ходятъ по льду. Донесеніе о положеніи, въ которомъ остается оборона Ревеля при данныхъ мнѣ ограниченныхъ средствахъ. Возстановленіе здоровья и силъ. По признакамъ политическаго барометра, кажется, можно бы ожидать мира. На долго-ли? Сомнительно.

5-го Апрѣля. Увѣдомленіе воен. м. о приготовленіяхъ Англо-Французовъ для кампаніи въ Балтикѣ. Десантъ въ 60 т. подъ начальствомъ маршала Baraguay d'Hilliers. Слишкомъ много и слишкомъ мало: слишкомъ много для предпріятій легкихъ, слишкомъ мало для важныхъ. Въ часъ былъ совѣтъ. Утромъ предводитель и губернаторъ. Г-лъ Бергъ вездѣ посѣялъ сѣмяна раздора и безпорядка.

7-го Апрѣля. Вчера принималъ двухъ Американцевъ: Coringham и Hazlith, если не ошибаюсь, прибывшихъ на двухъ судахъ изъ Бостона въ Балтійскій Портъ въ 51 день съ хлопчатой бумагою; оба приличные молодые люди.

Князю Суворову. 7-го Апрѣля 1855, Ревель.

«Je vous remercie, cher prince, pour vos bonnes félicitations, courtes, mais de bon aloi. J'ai différé de répondre à votre précédente lettre, en pensant que la mauvaise humeur et l'irritation, dont elle portait le cachet, ne pouvaient durer chez vous, surtout quand celui qui est en faute (non par préméditation, je pense, mais par entraînement) ne demandait pas mieux que de rentrer en ordre. Les bons rapports entre ces messieurs sont rétablis et ne seront plus troublés, j'espère. Quant au principal grief dont il y est question, celui de paquets: il me semble que cela doit être exclusivement l'ouvrage de ce brouil-

lon qui n'est plus ici, lequel, après avoir tiré tout ce qu'il avait pu apprendre dans les causeries avec notre pétulant Hauptmann et d'autrui, a voulu se faire valoir et se mêler de choses qui ne le regardaient pas».

«J'allais répondre à l'exposé peu brillant de votre situation militaire, comme ce Mexicain: «Et moi, suis-je couché sur des roses?» quand hier matin un courrier m'apporte l'annonce de la marche de la division et demie de la garde, qui va m'arriver à marches forcées. Cela me remet en mesure quant au nombre et à la qualité des troupes, ainsi qu'aux travaux qu'il nous reste à exécuter. Mais la poudre! Celle que je vous ai envoyée est prise sur la quantité très insuffisante, qui me reste ici sur la foi du proverbe très incertain: à qui sait attendre tout vient à point».

«A propos de m-r Koudriawskoy, si vous lui écrivez, veuillez me rappeler à son souvenir, puisque nous nous sommes déjà rencontré à Pétersbourg chez m-r Daschkow».

«Les oranges nous arrivent à profusion par le port Baltique, et jusqu'ici pas de croisière ennemie».

Генералъ-адъютанту Александру Павловичу Безаку. 9 (21) Апрѣля 1855, Ревель.

«Изъ прилагаемыхъ въ копіи извѣщеній нашего консула въ Гамбургѣ вы усмотрите, что непріятельскій Балтійскій флотъ по всей вѣроятности сдѣлаетъ попытку на Ревель съ большею противъ прошедшаго года рѣшительностію. Побужденія къ сему, въ нихъ изложенныя, кажутся мнѣ основательными, и я кромѣ ихъ могъ бы прибавить къ тому свои собственныя. Противъ десанта я почитаю себя обезпеченнымъ предписаннымъ уже прибытіемъ прошлогодняго Эстляндскаго отряда. Остается береговая оборона противъ бомбардированія. Я считаю первую въ большей выгодѣ противъ флота *при настойчивой замѣнѣ убыли въ прислугѣ на береговыхъ батареяхъ безъ перерыва дѣйствій.* Прислугу я буду имѣть болѣе чѣмъ на два комплекта; но зарядовъ у насъ мало, очень мало, слишкомъ мало. Пришлите, любезный

Александръ Павловичъ, какъ можно болѣе, сколько возможно. Если бы я могъ на это положиться, то усилилъ бы еще двумя батареями въ 12 орудій, если не бомбовыхъ, то 36 ф. каждую; одну въ замѣнъ оставленной, такъ называемой двойной, другую между Штрикбергомъ и первой отъ нея Екатеринентальской, гдѣ промежутокъ великъ и мѣстность для новой батареи чрезвычайно выгодная. Если одобрите, то подумайте и о лафетахъ. Сдѣлайте что̀ можете для пользы нашего оружія и по дружбѣ къ преданному вамъ».

Au comte Rudiger, ce 9 (21) avril 1855, Reval.

«Votre excellence est naturellement informée de tout ce qui concerne les vues de l'ennemi sur nos côtes de la Baltique. Il y a de bonnes raisons pour présumer que les nouvelles communiquées à cet égard sont très vraissemblables et que Reval, comme le but en apparance le plus facile pour l'ennemi à atteindre et pourtant assez considérable pour produire, en cas de succès, beaucoup de bruit, sera le premier objet de leur attaque. Je suis assez rassuré, avec les belles troupes qui m'arrivent, d'être en mesure contre toute descente. Il ne s'agirait donc que d'un bombardement. Dans ce cas aussi j'ai la conviction que le feu des batteries de côtes a de l'avantage sur celui de la flotte, quand on y met de la persistance et de la continuité. J'aurai pour cela plus de deux complets d'artilleurs; mais ce qui manque à un degré déplorable et dangereux, c'est la poudre. Il ne faudrait pas moins que trois fois autant qu'il n'y en a ici, pour qu'il y en ait assez. Nous n'avons pas à la rigueur cent charges par pièce. Cette grave circonstance à part et sur laquelle, après vous l'avoir soumise, je me sens déjà presque rassuré, j'espère dans quinze jours être en mesure sous tous les autres rapports».

10-го Апрѣля. Извѣстія о намѣреніяхъ непріятеля. Инструкція Дондесу. Постараюсь, чтобы насъ нашли готовыми. Рано сегодня осмотрѣлъ новую батарею Вахтена. Каменныя сооруженія оставленной двойной батареи непремѣнно разрушить.

---

*) Островокъ почти въ виду Ревеля. *П. Б.*

16 (28) Апрѣля. 13-го я былъ обрадованъ неожиданнымъ пріѣздомъ сына Михаила, о которомъ столько безпокоился; теперь недостаетъ только пажа Александра до комплекта семейства. Рядъ пріятныхъ дней съ благодарностью къ Промыслу, мною оцѣняемыхъ. Сію минуту донесеніе съ Суропскаго маяка о трехъ непріятельскихъ пароходахъ, идущихъ по направленію на Наргенъ.

—

Il y a une solidarité forcée dans toute société humaine. L'intelligence et le travail, la pensée et l'action, la tête et la main, tout est coordonné, et, suivant la belle idée de Fontenelle, après avoir bien raisonné sur toute chose, on arrive toujours à ce résultat, que ce qui est a une raison d'être et qu'on serait fort embarassé non seulement de faire mieux, mais encore de faire autrement.

Наполеонъ доведенъ до необходимости оправдывать неудачи военныхъ дѣйствій союзниковъ. Въ Moniteur Universel напечатана статья, безъ всякаго сомнѣнія его перу принадлежащая. Изо всѣхъ обстоятельствъ обнаруживается, что не Россія побѣждена, не Крымъ завоеванъ, а покорена Турція, за которую противъ Россіи начата война. Еще нахожу въ нихъ подтвержденіе неизмѣннаго правила, что дѣйствія массъ войскъ десантомъ, противъ армій одинакаго устройства, влекутъ за собою неминуемо гибельныя послѣдствія. Недостатокъ конницы, перевозочныхъ средствъ, ограниченность полевой запряженной артилеріи и множество другихъ важныхъ и мелкихъ затрудненій ставятъ десантную армію противъ другой, защищающей свой край, въ большую и опасную невыгоду. Въ противность заключенія статьи Наполеона, одинъ только изъ всѣхъ способовъ дѣйствія почти уничтожалъ всѣ эти трудности: дѣйствія по материку Европейской Турціи, для союзниковъ со всѣми средствами края открытой. Деньгами или даже реквизиціей пріобрѣтены были бы лошади для конницы и артилеріи. Перевозочные способы и продовольствіе были бы устроены, и армія, такимъ образомъ устроенная и всѣмъ необходимымъ снабженная, могла бы, безъ непрерывнаго и непосредственнаго содѣйствія и близости флота, усиливъ собою Дунайскую Турецкую армію, пріобрѣсти гораздо вѣрнѣе успѣхи, о которыхъ теперь жалѣетъ и оправдывается.

24-го Апрѣля (6 Мая). Съ 20-го начали подходить войска гвардіи, лейбъ-драгуны, отличный полкъ. Вчера Литовскій полкъ и дивизіонный штабъ. Г.-л.Овандеръ.Вчера же послѣ смотра двухъ баталіоновъ въ залѣ сословія Черноголовыхъ (Schwarzhäupter) записался въ книгу, въ головѣ которой вписалъ свое имя Петръ Великій. Въ 7 ч. вечера присутствовалъ при прибивкѣ къ древку знамя, пожалованнаго Ревельскому гарнизонному батальону, и вбилъ первый гвоздь. Нравственное и благородное развлеченіе доставила статья Гизо De l'amour dans le mariage. Въ слѣдствіе письма къ военному министру отправлено ко мнѣ 1600 пудъ пороху. Адъютантъ г. Ридигера Силиверстовъ, пріятнымъ умомъ и даромъ подражанія, доставилъ въ эти дни много веселыхъ часовъ. Здѣсь, кажется, все идетъ дѣятельно и основательно. Нужно еще и не отлагая, послѣ встрѣчи войскъ, осмотрѣть Балтійскій портъ и его окрестности. Тамъ можно съ вѣроятностію найти случай къ дѣйствіямъ. Весна началась съ теплымъ дождемъ только вчера.

Военному министру. 18-го Апрѣля 1855 года, Ревель.

«Простите, достойнѣйшій князь, что среди вашихъ тяжкихъ заботъ и даже послѣ вчерашняго курьера, привезшаго разрѣшенія на всѣ мои донесенія, я обезпокою васъ убѣдительнѣйшею просьбою объ одномъ, но изъ всѣхъ безъ сравненія важнѣйшемъ предметѣ, безъ удовлетворенія котораго всѣ прочіе, все что̀ готово, останется какъ тѣло безъ души. Вы уже угадали, что я говорю о порохѣ. Будьте увѣрены, что настойчивая, крайняя, успѣшная оборона Ревеля защититъ не одинъ Ревель, а отниметъ у непріятеля всякую охоту на предпріятія противъ другихъ точекъ гораздо болѣе крѣпкихъ. Ревель, сравнительно слабый, независимо даже отъ достовѣрности дошедшихъ извѣстій, по общимъ правиламъ военныхъ соображеній, долженъ быть атакованъ первый. Дадимъ здѣсь непріятелю съ Божіею помощію первый урокъ. Но пороху, князь, пороху, хотя столько, сколько взято его отсюда въ Дюнаминде. Все прочее сладимъ, а безъ этого все недѣйствительно».

Графу Ридигеру. 30-го Апрѣля 1855, Ревель.

«Не могу отпустить адъютанта вашего, штабъ-ротмистра Селиверстова, безъ нѣсколькихъ строкъ, уваженіемъ и преданностію внушаемыхъ. Англійскій флотъ передъ нами; мы готовы принять его. Гвардейскіе полки всѣхъ оружій пришли въ отличнѣйшемъ состояніи. Ожидаю перваго транспорта пороха съ нетерпѣніемъ и съ надеждою, что за нимъ, при начальническомъ содѣйствіи вашего сіятельства, скоро послѣдуютъ и другіе. Намъ только это и нужно».

«На дняхъ пріѣхалъ ко мнѣ кромѣ старшаго моего сына-кавалергарда и второй подпоручикъ л.-гв. егерскаго полка въ жалкомъ состояніи здоровья послѣ тифозной горячки. Не позволите ли и ему остаться здѣсь еще двадцать восемь дней? Остальное донесетъ лично г. Силиверстовъ, хорошо понимающій все что видитъ и слышитъ».

27-го Апрѣля ѣздилъ въ Балтійскій портъ, 47 верстъ; оттуда до оконечности мыса Пакерорта верхомъ на Башкирской лошади съ большимъ удовольствіемъ. Замѣчательная мѣстность. Въ 6 ч. пополудни возвратился въ Ревель. 28-го рано по утру Англійская эскадра явилась на Ревельскій рейдъ передъ Наргеномъ; она въ эти дни усилилась до 23-хъ кораблей, два трехдечныхъ. Сегодня сдѣлалъ тревогу; недоволенъ разными недосмотрами лицъ, отъ которыхъ ожидалъ болѣе. Въ эти же дни вооружается новая Вахтенская батарея. Вчера полученъ изъ Петербурга транспортъ съ порохомъ—наша главная потребность.

5-го Мая, въ день Вознесенія, переѣхалъ съ семействомъ изъ города въ Екатеринентальскій дворецъ съ дозволенія Государя. Не смотря, что нѣсколько рано было для переѣзда, но не пожалѣлъ: такъ пріятно и почти все на открытомъ воздухѣ проходитъ время. Между прочимъ вчера рекогносцировка верхомъ до маяка полуострова Вимса заняла и пріятно, и полезно нѣсколько часовъ. Домъ графа Буксгевдена на Вимсѣ. Развалины монастыря Св. Бригитты на устьѣ рѣки Бригитовки. Паромъ подъ лошадьми едва не разрушился и съ опасностію присталъ къ берегу. Для спасенія людей быстро подоспѣла лодка. Еще прислано изъ Петербурга пороху.

13-го Мая. Третьяго дня нечаянно проѣхали подъ пулями своихъ обучавшихся стрѣлковъ, не подозрѣвавшихъ такого дальняго полета своихъ пуль. Вчера были *въ Кошѣ* г. Коха. Прекрасное, живописное положеніе его мызы, отлично содержанной. Г.-л. Мерхелевичъ сообщилъ лыбопытныя подробности о дѣйствіяхъ подъ Севастополемъ. Сомнительное состояніе здоровья графа Ридигера. Прекрасная черта Государя по случаю денежнаго пожертвованія, г. Яковлевымъ сдѣланнаго*). Вчера Англійскій флотъ дѣлалъ салюты по случаю дня рожденія королевы Викторіи.

15-го Мая. Вчера въ первомъ часу по полудни Англійскій флотъ, стоявшій при островѣ Наргенѣ на Ревельскомъ рейдѣ, вышелъ по направленію къ Свеаборгу. Сдѣлалъ тревогу береговую на случай, если бы флотъ внезапно поворотилъ на Ревель. Отправилъ съ этимъ извѣстіемъ курьера въ Петербургъ.

—

17 (29) Мая. Plus je vais en avant, plus je vois que s'il existe plusieurs moyens d'appeler à soi beaucoup de distraction, la famille seule peut fixer le bonheur.

—

Cette Europe, elle a été pendant quinze ans trop gouvernée. Depuis la mort de l'empereur (Napoléon) elle ne l'est plus du tout.

—

Il y a beaucoup de ministres et de diplomates en Europe; vous y chercheriez en vain un ministère, un cabinet, une direction, une volonté!

—

Je me persuade que dans cette guerre de Mémoires, comme dans la guerre d'Orient, les plus sages seront ceux qui entreront en campagne le plus tard possible, et que les véritables sages ne publieront rien.

—

Nos jeunes gens sont mûris par les évènements et par leur intervention prématurée dans les affaires. Ils n'ont point de printemps; ils

*) Для возмѣщенія денегъ, похищенныхъ Политковскимъ изъ инвалиднаго капитала, какъ извѣстно, огорченный этимъ хищеніемъ императоръ Николай Павловичъ заболѣлъ. „Конечно Рылѣевъ съ братіею не сдѣлали бы этого, выразился онъ по этому случаю“. *П. Б.*

ressemblent un peu à ces fruits mûris trop vite. Je ne sais ce qu'ils deviendront quand ils seront vieux. Ils ne connaîtront peut-être jamais l'enthousiasme: alors je les plains; mais ils auront de la raison jusqu'à la rouerie.

—

18 (30) mai 1855. Au prince Souvorow. Reval.

«J'ai retardé, cher prince, quelques jours de répondre à votre bonne lettre et je ne puis en rejetter la cause ni sur la présence de la flotte ennemie, ni sur celle de mes deux fils aînés, dont la première nous a quitté le 14 et les derniers partent aujourd'hui. Je veux dire que ce n'est pas le loisir qui m'a manqué pour vous écrire, il y avait du temps de reste; ce n'est pas même la paresse que vous accepteriez, peut-être, comme une bonne raison, mais je vous en donnerai une qui vous fera sourire. Aux premières haleines du printemps je me suis empressé à en jouir non comme un jeune homme, mais, ce qui est plus, comme un vieillard qui compte les printemps que le bon Dieu lui accorde avec la santé et la faculté d'en jouir avec ardeur et reconnaissance. Je ne reste presque plus sous le toit. Des courses à cheval de plusieurs heures avec mes enfants aux environs si gracieux de Reval, les promenades à pied dans le jardin d'Ekatérinenthal que j'habite depuis le commencement du mois, des réunions du soir, remplies de musique et de causerie, tout cela me ferait oublier qu'il y a des plumes et de l'encre, si l'on n'était obligé de signer son nom tous les jours et tant de fois. Et voilà ce qui vous attire ce long préambule avant d'aborder les sujets que vous touchez dans votre lettre».

«Vous saurez déjà, je pense, que l'arrivée et la présence de la flotte n'a pas causé ici beaucoup de trouble ni aux troupes, ni à la ville; celle-ci rassurée par le calme et la tenue des premières. D'ailleurs, l'accueil était prêt; la poudre en deux transports m'est arrivée même un peu plus que je ne vous en ai envoyée. Les travaux avancent, les maladies diminuent et changent leur caractère dangereux; le choléra depuis quelques jours a cessé complêtement. Je suis dans les meilleures relations avec les autorités civiles et ne me mêle de leurs affaires que dans les cas urgents, nécessités par l'état de guerre, et cela avec tous les ménagements possibles. J'ai dans ces cas affaire au Jean qui pleure et au Jean qui rit. Vous l'appliquerez sans faute à qui de

droit. On a fini par comprendre et donner son vrai nom à ce qu'on appelait naguère si improprement activité infatigable, prévoyance etc. etc. dans le personnage si bruyant qui a changé cette année de théâtre d'action»*).

«Je ne puis que partager l'opinion que vous exprimez sur l'organisation (ou plutôt sur son absence) des divisions de réserve. J'ai fait tout ce qui était possible pour atténuer le mal que devait causer l'offre inconsidéré de mille chariots attelés, faite sans prévoyance par le maréchal de céans, et cela non sans quelque succès. Les parcs volants de Russie qui sont arrivés avec la 3-me division de la garde nous menacent d'un autre mal, la peste de Sibérie, laquelle s'est déclarée sur quelques chevaux du parc par suite du manque de soins, de nourriture saine et suffisante, en un mot par suite d'une organisation précipitée et peut-être vicieuse. Les mesures prises en arrêteront, j'espère, la propagation. Puis on conserve encore des doutes sur le caractère de la maladie».

«Avez-vous des nouvelles récentes d' A. P. Yermolow? J'en ai eu d'assez vieilles par m. Давыдовъ, fils du poète-partisan. Cet excellent jeune homme m'a apporté une lettre qui m'a paru écrite dans une bonne disposition d'esprit. Prend-il au sérieux le rôle qu'on lui fait jouer»**)?

«Je n'avais pas fermé cette lettre que je reçus l'annonce de l'apparition de l'escadre française qui échangeait des saluts avec les trois vaisseaux anglais restés devant Reval. Dans ce moment il y en a en tout onze sans compter quelques canonnières».

«Le nouvel évènement devant Sévastopol très sanglant est pourtant glorieux pour nos armes».

«Pendant que je vous chantais mon hymne au printemps, croiriez-vous qu'une pluie mêlée de neige est venue couper court et arrêter mes élans. Nous n'avions hier que deux à trois degrés de Réaumur».

---

*) Говорится про графа Берга. *П. Б.*

**) А. П. Ермоловъ выбранъ былъ передъ тѣмъ въ начальники Московскаго ополченія. *П. Б.*

«Ce 20. Mes fils ayant retardé leur départ jusqu'à demain, j'ajoute quelques mots. L'escadre française est repartie hier pour joindre probablement la flotte près de Красная Горка. Il faut espérer qu'on conservera à Pétersbourg assez de sang-froid pour ne rien craindre d'une flotte sans troupes de descente et qu'on ne touchera pas aux nôtres».

23-го Мая. Пріѣхали л.-г. капитанъ арт. Багговутъ и флигель-адъютантъ Кочубей. Они останутся при мнѣ; послѣдній съ милостивыми порученіями отъ Государя и Императрицы. Взятіе непріятелемъ Керчи и Еникале произвело сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что тамъ на этотъ разъ оплошали.

30-го Мая. L'oeuvre même la plus frêle de la nature est immortelle, et le travail le plus solide de l'homme n'a qu'un temps.

2-го Іюля. Вижу, что весь Іюнь мѣсяцъ я ни разу не принимался за перо, кромѣ по дѣламъ служебнымъ. Отъ него остались однако впечатлѣнія разнообразныя, важныя, пріятныя и вообще возбуждающія чувство благодарности къ Промыслу за счастливо проведенное время. Главное, живѣйшее ощущеніе былъ восторгъ за отбитый штурмъ Севастополя 6-го (18) Іюня. Пріятны были импровизированные обѣдъ и балъ 29-го, въ мои имянины.

—

Dans les troubles publics, les vrais coupables, ce ne sont pas ceux qui, de leurs bras d'athlètes, font s'écrouler en un jour des gouvernements, des royautés, des dinasties et des palais; les vrais coupables, ce sont ceux qui, dans leur orgueil blessé, font descendre les hautes et délicates questions politiques et d'intérêt social jusque dans les carrefours, jusqu'au milieu des populations inintelligentes, si faciles à aveugler.

—

*Au prince Bazile Dolgorouky *), ce 13 (25) juillet 1855, Reval.*

«J'ai différé de répondre à votre bonne lettre, accompagnée d'un envoye de vin, dans l'attente de quelque évènement qui eût pu vous

*) Князю Василію Васильевичу Долгорукому. *П. Б.*

intéresser; mais voyant que le temps se passe sans rien amener, je m'empresse de vous remercier de coeur pour le bon souvenir dont vous avez bien voulu me donner une nouvelle preuve. La présence jusqu'ici à peu près inoffensive devant Reval de la flotte ennemie a tourné en habitude, même pour les habitants. Les lacunes qui restaient dans l'armement de la côte sont remplies par de nouvelles batteries. En attendant nous passons la belle saison, moi et ma famille, sous les beaux ombrages des maronniers de Catharinenthal, et le public s'y réunit tous les soirs pour entendre la musique des régiments de la garde, dans l'attente d'une autre musique plus bruyante celle des bombes et des boulets, dont les journaux et les lettres recommencent à menacer Reval. Et c'est probable. Des points fortifiés de la Baltique, Kronstadt et Swéaborg, sont *inattaquables*, Riga et Narva sont *inaccessibles*, по-русски первые два *неприступны*, послѣдніе *недоступны*. Reval seul présente une belle rade, où la flotte peut agir en ligne déployée contre une ville qui descend en masse et en amphithéâtre jusque sur la côte, longée par les faubourgs. Et la nécessité qui presse l'ennemi de ne pas rentrer chez lui avec les lauriers de pirates et de boucaniers seulement, sans avoir rien entrepris de sérieux, de militaire, de conforme à la grandeur de l'armement? Ainsi nous l'attendons et lui préparons un bon accueil».

18-го Іюля. La noblesse est, après la sainteté, la plus belle des fleurs de l'âme humaine.

—

26-е. L'exemple est le premier de tous les maîtres, et, comme le remarque très bien Tacite, il est dans la nature des hommes de suivre volontier une initiative qu'ils ne prendraient pas d'eux-mêmes.

—

Des principes abstraits, adoptés par l'intelligence, peuvent-ils remplacer des croyances vivantes qui se mêlent à tous les actes de l'existence et sont le principe même de la vie de l'ame? En d'autres termes est-il vrai que les croyances religieuses sont absolument nécessaires à l'homme, comme la lumière l'est à la nature? La question vaut bien la peine d'être examinée. Il y a là dans cette question un des mystères insondables de l'ordre universel: le mystère n'a pu être pénétré et l'analyse philosophique n'a pu l'atteindre, pas plus qu'elle ne peut atteindre l'élément constitutif de la vie; mais il existe. Si philosophe

que soit un peuple, il y a toujours un moment où la morale purement humaine ne lui suffit pas; les faits parlent assez haut d'eux-mêmes.

—

26-го. Вчера 25-го, Англо-Французскій флотъ, въ числѣ болѣе 80-ти разной величины военныхъ судовъ, стоявшій нѣсколько дней передъ Ревелемъ, у острова Наргена, въ 9 ч. утра вышелъ и около 5-ти пополудни явился передъ Свеаборгомъ, въ числѣ около 60-ти судовъ; остальные передъ Ревелемъ.

28-го Іюля. По телеграфу отъ г-ла Берга въ исходѣ 12-го часа дня получилъ увѣдомленіе, что въ 11 утра Англо-Французскій флотъ канонерскими лодками и бомбардами началъ бомбардированіе Свеаборга. Извѣстіе дошло въ 45 минутъ. Пальба глухо слышна здѣсь. Прямое разстояніе 75 верстъ.

29-го Іюля. Ночью отъ г. Берга телеграфическая депеша, что бомбардированіе Свеаборга продолжается 18 часовъ, и пожары, произведенные имъ, ужасны.

Небольшая высадка Англичанъ въ Вердерѣ, послѣ канонады противъ кордоннаго дома, который они разграбили. Тамъ кромѣ 8-ми человѣкъ пограничной стражи никого нѣтъ. Послалъ туда Гемпеля. Статья газеты Times, въ которой адмиралы Пено, Дондесъ и Сеймуръ послѣ недавней рекогносцировки Ревеля нашли его неприступнѣе Свеаборга. Если это не хитрость, чтобы усыпить вниманіе, то странно.

30-го Іюля. Депешею отъ Берга, въ 2 ч. ночи полученною, извѣщенъ, что бомбардированіе Свеаборга въ продолженіе 36-ти часовъ, въ которые по умѣренному разсчету непріятель бросилъ отъ 17-ти до 18-ти тысячъ снарядовъ (наиболѣе семи-пудовыхъ бомбъ, кромѣ того до 700 конгр. ракетъ), произвело много пожаровъ; но верки крѣпости, батареи и артилерія очень хорошо устояли.

2-го Августа. Вчера по телеграфу Государь Императоръ извѣстилъ меня, что весь непріятельскій флотъ идетъ отъ Свеаборга къ Ревелю. Я послалъ въ отвѣтъ два слова: мы готовы, и вмѣстѣ съ тѣмъ флотъ показался на горизонтѣ; до вечера собралось у Наргена около ста разной величины судовъ. Окончательныя мѣры приводятся въ исполненіе на случай аттаки Ревеля.

16-го Августа. Письмо въ Сувалки тит. сов. Балтазару Антоновичу Грабовскому по дѣлу о высылкѣ изъ маіората 400 рублей.

—

Tout effort ayant pour but ma fortune ou mon repos me semble vil, ou m'apparait comme l'abandon d'un devoir plus noble et en quelque sorte sacré. De l'argent! De l'argent! Montagne sur montagne, Alpe sur Alpe! Tous les hommes s'accrochent à ce néant fangeux. Jamais heureux, jamais contents, criant toujours: encore, encore! jusqu'à ce que leurs mains, comme leurs coeurs, soient remplis de ce métal, jusqu'à ce que la passion du lucre les possède tout entiers. C'est le diable avec tout un cortège de vices. Si mes mains demeurent pures, dussé-je être traité de fou, mon esprit ne sera-t-il pas libre, ma conscience ne sera-t-elle pas tranquille? (Sir James Brooke).

—

31-го Августа (12 Сентября). Une femme d'esprit disait que les pires malheurs ne sont pas les plus grands; mais les vilains malheurs, ceux qui, si vous êtes général d'armée, vous donnent l'air d'un traitre, ceux qui, si vous êtes marié et père de famille, font retomber sur vous les fautes de votre femme ou les égarements de vos fils, ceux enfin qui jettent l'ame non pas seulement dans la tristesse, mais dans l'amertume.

—

31-го Августа. 27-го Августа Севастополь уступленъ непріятелю послѣ 11-ти мѣсячной осады и огромныхъ потерь съ обѣихъ сторонъ.

3-го Сентября. Ночью извѣщенъ по телеграфу, что назначенный пріѣздъ въ Ревель Государя отмѣненъ.

6-го. Третьяго дня, т. е. 4-го, я дожилъ до пятидесятилѣтія службы моей съ офицерскаго чина. Г-да генералы и офицеры, собравшись у меня въ залѣ Екатеринентальскаго дворца, поднесли мнѣ адресъ, которымъ въ благородныхъ и лестныхъ выраженіяхъ просили меня позволить имъ засвидѣтельствовать ихъ участіе во мнѣ по случаю этого юбилея, приношеніемъ собранныхъ ими 4675 р. въ пользу раненыхъ при защитѣ Севастополя. Нельзя было выбрать достойнѣе и приличнѣе способа показать свою пріязнь. Духовенство и дворяне чрезъ своихъ представителей поздравили также.

Старшему адъютанту Главнаго Штаба дѣйствующей арміи, артилеріи капитану Сократу Старынкевичу, 11-го (23) Сент. 1855. Ревель.

«Спѣшу отвѣчать на ваше письмо отъ 27 Августа съ увѣренія, что съ минуты назначенія, дающаго мнѣ право имѣть адъютантовъ, я подумалъ объ васъ, но по незнанію—гдѣ вы, каково вамъ и какіе вы можете имѣть виды, не могъ приступить ни къ чему и остался при одномъ желаніи. По сіе время я имѣю только одного личнаго адъютанта, отклонивъ по разнымъ причинамъ предстательства разныхъ лицъ о другихъ. Держусь правила узнать—кого беру въ адъютанты. Изъ этого вы видите, что я съ вами служить очень желаю и мѣсто вакантное имѣю*). Затѣмъ для вашего соображенія прибавлю, взвѣшивая ваши выгоды прежде всего, что мѣсто въ штабѣ или въ одной изъ гренадерскихъ батарей, основанное на желаніи служить со мною, имѣетъ то ненадежное, что мнѣ какъ-то, безъ особенной однако причины, не вѣрится, что меня оставятъ на занимаемомъ мною настоящемъ постѣ. Всего бы лучше, приличнѣе и прочнѣе получить батарею. Обсудите все это, и на чемъ остановитесь и въ чемъ сочтете, что я могу быть для васъ полезнымъ, увѣдомьте меня съ тою же довѣренностію, какую я къ вамъ сохраняю».

20 Сент. (2 Октября). Вторникъ. 18-го свадьба Софіи и Масалова. Вчера обѣдъ у молодыхъ. 15-го переѣхалъ изъ Екатеринталя въ городъ. Дни продолжаются прекрасные. Три выѣзда верхомъ въ Либерте и Цигельскоппель. Александръ уѣхалъ вчера въ Петербургъ. На этотъ годъ нельзя, кажется, ожидать никакого отъ непріятеля покушенія на Ревель. Грустныя ожиданія происшествій на Югѣ. Лучшій корпусъ войскъ въ Азіи. Зачѣмъ?

4 (16) Октября. Les rapports de l'esclave et du maître sont nuisibles à tous deux, endurcissent les coeurs, avilissent le caractère, affaiblissent chez celui qui domine la puissance de se refrenner lui-même, et dégradent celui qui est dominé à la condition des brutes,

*) Мѣста старшихъ адъютантовъ заняты.

lui laissant tous les vices de l'homme, et bornant les qualités qu'on cultive en lui à la soumissiou abjecte, à l'attachement aveugle du chien.

13 (25) Четвергъ. La religion chez les hommes agit d'une manière plus générale et moins directe que chez les femmes; elle agit chez elles davantage par détails, si nous osons nous exprimer ainsi. Aussi la religion de l'homme consiste-elle dans une vue plus large des choses divines et dans l'intelligence du but général de la vie et des desseins providentiels, tandis que la religion de la femme consiste plutöt dans une pratique scrupuleuse, constante des enseignements moraux de la religion. Les limites entre la religion de l'homme et celle de la femme sont donc plus nettement tranchées qu'on ne le suppose communement; et il faut ajouter que ces limites ne sont jamais dépassées avec impunité. Telle pratique dévotieuse, par exemple, qui chez la femme est naturelle et gracieuse, devient chez l'homme une miévrerie, quelquefois une demi-hypocrisie, et accuse presque toujours une nature subaterne. D'un autre côté, qui essaie trop de s'affranchir des pratiques du culte, qui essaie de trop dominer les enseignements qui lui sont donnés, qui veut trop comprendre au lieu de se contenter de sentir, devient aisément un être choquant et court un plus grand risque encore—celui de comprendre imparfaitement et ne plus sentir qu' imparfaitement aussi.

—

Военному министру. 1-го Ноября 1855 года, Ревель.

Срокъ всемилостивѣйше пожалованной мнѣ за кампаніи въ Турціи, Польшѣ и на Кавказѣ аренды, за каждую по тысячи, всего три тысячи рублей сер., оканчивается къ 1-му Генв. будущаго 1856-го года. Прошу ходатайства в. с. у Государя Императора о продолженіи оной на дальнѣйшее время, какъ главнѣйшаго средства содержанія моего съ семействомъ.

—

11-го Ноября. Ночью выпалъ снѣгъ и показались первыя крестьянскія сани. Вчера первое столкновеніе по распоряженіямъ о рыбномъ промыслѣ здѣшняго края на Финляндскихъ берегахъ съ командующимъ въ Финляндіи г-ломъ Бергомъ. 9-го начальникъ штаба флигель-адъютантъ Перовскій уѣхалъ въ Петербургъ. Войска разошлись по зимнимъ квартирамъ. Мои отношенія, сначала пріязненныя со всѣми сословіями здѣшняго

края, нѣсколько потерпѣли послѣ пожара *) и разныхъ мелкихъ происшествій между военными и гражданскими лицами.

28-го Декабря, Ревель. 1-го этого мѣсяца выѣхалъ отсюда въ Петербургъ, куда пріѣхалъ 2-го къ 5-ти ч. вечера и остановился въ приготовленной заранѣе для меня квартирѣ въ гостиницѣ Клея № 9. 24-го, наканунѣ Рождества, выѣхалъ въ 7 ч. вечера и 26-го въ 11 ч. утра возвратился въ Ревель. Пребываніе въ Петербургѣ было посвящено дѣламъ по службѣ и приличіямъ.

Пріемъ, сдѣланный мнѣ, казался сначала холоднымъ, потомъ мало по малу измѣнялся и къ концу принялъ самую привѣтливую наружность. Передъ выѣздомъ подалъ отчетъ о дѣйствіяхъ въ настоящемъ году, въ Петербургѣ составленный (что̀ было довольно трудно), но очень хорошо принятый. Въ бытность мою тамъ политическія обстоятельства измѣнились противъ насъ еще болѣе. Швеція заключила, по примѣру Австріи, непріязненный для насъ оборонительный съ западными державами союзъ. Графъ Эстергази пріѣхалъ съ новыми настояніями Австріи о заключеніи мира на условіяхъ унизительныхъ. Зебахъ отъ Наполеона съ словесными предложеніями, содержаніе которыхъ до моего отъѣзда оставалось тайнымъ. Все вмѣстѣ не подавало надежды къ миру. Приготовленія къ будущей кампаніи продолжались въ огромныхъ, истощительныхъ размѣрахъ. Важныхъ предпріятій со стороны непріятеля ожидаютъ въ Балтикѣ.

Встрѣча и близкое знакомство съ Тотлебеномъ были моимъ лучшимъ пріобрѣтеніемъ. Благородная и значительная личность, возвышенная скромностію. Я провелъ съ нимъ два вечера: первый у Мельниковыхъ, второй у меня. Согласіе нашихъ идей объ укрѣпленіи приморскихъ крѣпостей.

Пріятно было знакомство съ семействомъ Александра Николаевича Попова и его жены, сестры Мосолова, новыхъ моихъ родственниковъ по замужеству Софіи съ Мосоловымъ. Поповъ

---

*) Сгорѣлъ Ревельскій театръ, при чемъ мѣстная, грубая чернь передралась съ солдатами. *П. Б.*

умный, свѣдущій до учености, добрый и пылкій человѣкъ *); жена милая женщина. У княгини Мурузи провелъ также пріятный вечеръ. Князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ, не смотря на болѣзненное состояніе, съ живымъ участіемъ принималъ меня. Нѣсколько разъ обѣдалъ у него и всегда при добромъ князѣ Владимирѣ, зятѣ его **). Тронула меня непритворная радость Бекетовыхъ и маленькой Баташевой, при первой встрѣчѣ отдыхавшей долго на моемъ плечѣ отъ сильнаго ощущенія радости. Прибавлю семейство Фоковъ, Бруна, гдѣ я также среди добрыхъ людей отдыхалъ послѣ другихъ людей. Обѣдъ у Императрицы въ присутствіи Государя, посадившаго меня возлѣ себя, оставилъ также впечатлѣніе пріятное и во многомъ утѣшительное.

Послѣ всего съ радостью пріѣхалъ домой и теперь тѣшусь моими дѣтьми. Благодарю Творца за истекающій годъ.

(*Продолженіе будетъ*).

---

*) Одинъ изъ достопамятныхъ сотрудниковъ „Русскаго Архива", авторъ превосходныхъ статей о 1812 годѣ. Онъ готовилъ для насъ рядъ другихъ статей, подъ заглавіемъ: „Петербургъ въ 1812 году" и читалъ приготовленныя главы. Теперь прошло 12 лѣтъ съ безвременной его кончины, и до сихъ поръ попытки наши получить его бумаги остаются напрасными. *П. Б.*

**) Говорится о Московскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Владимирѣ Андреевичѣ. *П. Б.*

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1889 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

„Русскій Архивъ“ выходитъ въ 1889 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ 1889 **года** составляютъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1889 году съ пересылкою и доставкою—**девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

За перемѣну адреса городскаго на городской и иногородняго на иногородный по 30 к.; за перемѣну иногородняго на городской 50 к.; городскаго на иногородный—90 к. (по взимаемой почтовымъ вѣдомствомъ платѣ).

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887 и 1888 гг. получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874**, **1877**, **1878**, **1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

*

При каждомъ годовомъ изданіи „Русскаго Архива“ имѣется азбучный указатель личныхъ именъ. Кромѣ того, современно изданы были въ особыхъ приложеніяхъ общія Предметныя Росписи за **пять**, **десять**, **пятнадцать** и **двадцать** лѣтъ „Русскаго Архива“. Нынѣ печатается особою книгою **Предметная Роспись „Русскаго Архива“ ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ**. Книга эта будетъ напечатана въ ограниченномъ числѣ. Желающіе получить ее прибавляютъ къ подписной цѣнѣ на „Русскій Архивъ“ 1889 года—**ДВА** рубля.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1889

7.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи

на Страстномъ бульварѣ.

1889.

ВЫШЛА

тридцать пятая книга

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

(Переписка съ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ и письма С. Н. Марина).

XX и 502 стр. Цѣна 3 рубля.

Книгопродавцы обращаются въ С.-Петербургъ, Моховая, д. 8-й, гдѣ можно получать книги этого изданія, начиная съ 26-й. Первыя двадцать пять книгъ находятся въ С.-Петербургѣ, на Мойкѣ, въ д. 104-мъ, у И. В. Шуванова.

Въ конторѣ **РУССКАГО АРХИВА**

можно получать слѣдующія книги:

„ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ“

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СЪ 1837 ГОДА.

Сочиненіе В. А. Кокорева. Цѣна **ПЯТЬ** рублей.

Вся вырученная сумма назначается на устройство лѣтняго безплатнаго помѣщенія для учащагося юношества, не имѣющаго средствъ освѣжить свои силы пребываніемъ въ каникулярное время въ здоровомъ деревенскомъ воздухѣ.

„НАШЕ ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ“

Сборникъ статей **Николая Михайловича Павлова** Н. Бицина) 8°. 500 стр. Цѣна **ДВА** рубля Для покупающихъ «Русскій Архивъ» 1888 года **ОДИНЪ** р. съ пер. Въ этой книгѣ обсуждены задачи Русской жизни, исторіи и словесности въ царствованіе покойнаго Государя Александра Николаевича.

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ:

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО.

Съ предисловіемъ П. И. Бартенева и со снимкомъ.

Цѣна 50 к. съ пересылкою.

(*См. на оборотѣ*).

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ БОЛХОВИТИНОВА КЪ В. Г. АНАСТАСЕВИЧУ *).

1820-й годъ.

87.

От 2 Генваря 1820 (Псковъ).

Вы, предувѣдомивъ меня о предлагаемомъ соединеніи двухъ обществъ, сами же предугадали, что унія сія не состоится и по честолюбію, и по недостатку финансовъ, и по негодности многихъ членовъ, безъ каковыхъ ни одно въ свѣтѣ общество, ни весь міръ не бывалъ; а ихъ выбираютъ сами же годные члены по своимъ связямъ. Помните у *Крылова* басню о совѣтѣ крысъ, чтобы не принимать въ члены безхвостыхъ. Но въ первомъ же засѣданіи оказалась одна такая; и когда сидѣвшая возлѣ президента крыса тихонько указала ему, то сія отвѣчала:

Молчи! Я знаю это и сама,
Да эта крыса мнѣ кума.

Все этакъ на свѣтѣ водится. Доказательства у васъ въ Питерѣ вездѣ, да и провинціямъ тоже. Даже въ государственныхъ репрезентативныхъ системахъ нарочно сіе допускаютъ для счету голосовъ. Недавно писали въ газетахъ, что и Французской король велѣлъ умножить членовъ палатъ.

О *Ходаковскомъ* что́ ни предсказывалъ я вамъ, все сбылось и сбудется. *Исторіографъ* только высасывалъ изъ него себѣ нужное или на пользу, или на опроверженіе послѣ. Препровожденіе его просьбы въ ученый комитетъ есть только отклоненіе отъ себя того отказа, который подъ рукою внушенъ будетъ комитету, которому нѣтъ нужды стыдиться и разругать сей прожектъ. Неудача у исторіографа и у президента Росс. Академіи долженствовала уже служить ему прогностикомъ худымъ. А *В. Н.* **) одинъ не въ силахъ поддержать его и всѣхъ переувѣрить, особливо когда и самъ онъ ничего еще не досталъ себѣ и едва ли достанетъ, хотя вы и увѣряете меня.

---

*) См. выше, стр. 161.
**) Василій Назарьевичъ Каразинъ. П. Б.

Волынскую льтопись дѣйствительно поспѣшайте кончить. Извѣстна пословица: молодой человѣкъ можетъ умереть, а старикъ долженъ. Въ Москвѣ онъ [1]) у Селивановскаго печатаетъ еще *Софійскую льтопись* и намѣренъ также напечатать *Воскресенскій сборникъ*, коего образцовый листикъ прислалъ мнѣ *Селивановскій*. О изданіи описанія Литовско-Славенскаго или Рускаго статута можно и спроситься *канцлера*, а можно и не спрашиваться, ибо это чисто литературная статья будетъ. Поляки наипаче ухватятся за нее; а прочтутъ съ любопытствомъ и Рускіе, знающіе, что̀ такое есть статутъ.

Корфовъ словарь миѳологіи всеобщей не новость. У Французовъ давно такіе словари, и у меня есть одинъ, гдѣ писано и о Брамѣ. *Рускимъ надобно бы Руское писать, а пора хвастаться переводами перестать.*

И я думаю, что президентомъ Экономич. Общества останется *Сестренцевичъ*, и *Стройновскому* не достанется. Но президентъ Росс. Академіи положенъ, кажется, безсмѣнный; да и лучшаго выбрать нельзя, по крайней мѣрѣ нѣтъ никого ревностнѣе и трудолюбивѣе.

Не вѣрится и мнѣ, чтобы унизили таксу почтовую. Во всемъ свѣтѣ ищутъ возвышенія, а не пониженія финансовъ. Доказательствомъ тому и свободный пропускъ всѣхъ иностранныхъ товаровъ для умноженія пошлинъ, хотя бы то было и съ упадкомъ частныхъ фабрикъ и проч. Доказательствомъ и возвышеніе Калинина, дабы доходы его приворотить къ казнѣ, не смотря на долговременную поддержку его всѣми боярами, коимъ онъ былъ всегда усерднѣйшій слуга gratis. А можетъ быть, онъ же, какъ знатокъ почтовыхъ дѣлъ, подалъ идею и къ возвышенію почтовой таксы, предположивъ и самому себѣ изъ того что-нибудь въ доходъ лишнее. Но не предвидѣлъ *яже уготовалъ, кому будутъ*.

Не одинъ вашъ самъ-*баронъ*, но и всѣ примолвятъ, что алфавиты его будутъ полезнѣе сводовъ, годныхъ только компиляторамъ сего рода сочиненій. Спасибо вамъ за обѣщаніе и мнѣ сего алфавита.

При гробѣ Псковскаго *князя Гавріила* точно виситъ большая сабля въ ножнахъ, на рукояти коей прекрасными готическими буквами вычеканено: honorem meum nemini dabo [2]). Но почему вы съ *Ходаковскимъ* называете ее Монтвидовою, не знаю; да и кто такой былъ Монтвидъ, я не припомню, и въ своихъ словаряхъ историческихъ я его не нашелъ. Объясните вы мнѣ его. Если и на Монтвидовомъ мечѣ была такая же надпись, то почему такая же не могла быть и на Га-

---

[1]) П. М. Строевъ.

[2]) Чести моей никому не отдамъ.

вріиловѣ, или на заказъ въ чужихъ мѣстахъ сдѣланномъ, или на сраженіи у какого нибудь князя отнятомъ. Славенскому князю XII вѣка, когда многія и фамильныя связи у нихъ были съ иностранцами, не диковинка была имѣть чужестранный мечъ и съ чужестранною надписью, когда и нынѣ многіе щеголяють Аглинскими ружьями, Французскими клинками и Турецкими саблями.

Спасибо за сводъ и объясненіе мнѣ рукописной Казанской исторіи съ печатною. Это и мнѣ годится для дополненія статьи *о Іоаннѣ Глазатомъ*. Какая тамъ приписана Козмографія, не знаю. А Синопсисъ о началѣ Славенороскаго народа есть точно *Иннокентія Гизеля*, многократно печатанный. Онъ такъ точно начинается и кончается, какъ вы описали мнѣ рукопись.

Цорнова (Павла Ивановича, мнѣ знакомаго генералъ-лейтенанта) вы нашли видно не послѣднее новое изданіе, недавно вышедшее, а прежнее 1816 г. Новое не лучше ли?

88.

От 16 Января 1820 (Псковъ).

На праздникахъ церковные и общежительные недосуги замедляли мои вамъ отвѣты; а послѣ праздниковъ тоже дѣйствують подъяческіе годовые отчеты, которыхъ требуютъ отъ насъ строже, нежели пастырскихъ дѣлъ. Такова Ecclesia in terris ad huc militans [1]. Но урывая нѣсколько минутъ отъ прочихъ дѣлъ, сажусь отвѣчать на три ваши дружескія письма отъ 31 Дек. и 3 и 10 Генваря. Вы считаете 6 лѣтъ нашей переписки, а кажется мнѣ, оной больше. Но какъ бы то ни было, слава Богу, что мы ее охотно продолжаемъ, какъ и продолжали.

Съ новымъ годомъ иные журналы у васъ скончались, а иные родились, какъ *Невскій Зритель*, много обѣщающій; но выдетъ ли? Parturiunt montes [2]. Умноженіе *газетъ и журналовъ* подрываетъ только одни другими, такъ какъ распложеніе насѣкомыхъ моритъ всѣхъ ихъ голодомъ. Минералогическій журналъ, хотя и названъ христіанскимъ, думаю, меньше всѣхъ будетъ имѣть читателей; за нимъ законодавческій, за нимъ человѣколюбивый и т. д. Вашъ соревновательскій, естьли и за вашею цензурою, съ коею васъ поздравляю, будетъ набиваемъ больше иностранною, нежели нашею словесностью, то не заохотитъ и онъ читателей. Нужно бы вамъ сдѣлать приговоръ, чтобы въ каждой книжкѣ не помѣщать иностранщи-

[1] Церковь на землѣ, доселѣ воинствующая.
[2] Горы родятъ (т. е. мышей).

21*

ны больше половины. *Глинка* своимъ Рускимъ журналомъ, хотя часто и пустымъ, доказалъ возможность сего.

Вотъ и Крымскія запечатанныя чудеса, по осмотру *В. Н—ча*, оказались пустошами. А вы хотѣли даже навести *канцлера* затѣять Крымскій музей! Записки *П. И. Кеппена* можетъ статься будутъ любопытнѣе. *Панцнерова* библіографія, сложенная съ вашею, составила бы для насъ прелюбопытную книгу и указатель для всего Рускаго, разбросаннаго и у насъ, и у чужестранцевъ. Чужестранецъ *Селлій* въ 90 почти лѣтъ не имѣлъ послѣдователя у насъ Рускихъ, и стыдно.—*Пантеонъ* знатнѣйшихъ Россіянъ вѣрно будетъ только компиляціею изъ *Орлова Памятника событій* новаго изданія и *Спадовыхъ* Ephémérides Russes. У насъ не въ первый уже разъ одинъ другаго обкрадываютъ. Мироносицыны бесѣды съ Богомъ нынѣ найдутъ своихъ читателей, любящихъ мадамъ *Гіоновъ*; а *Стурдза* уже много и навралъ въ своей книгѣ. — *Графъ Дм. И.* не преминулъ и мнѣ прислать стихотворную свою минералогію, а обѣщается и еще снабдить такимъ же риѳмословіемъ. Онъ описалъ мнѣ и собраніе Росс. Академіи, но не такъ искренно, какъ вы. Видно президентъ боится *Греча*. А по древней пословицѣ Graculus inter Musas [1]), всегда заглушаетъ ихъ, и за то, по *Овидіевой* баснѣ, превращенъ въ черный цвѣтъ. — *Карамзину* не трудно описать Грознаго царя тиранство, ибо вся *Курбскаго* лѣтопись есть только реестръ такихъ его дѣлъ. Но *Курбскій* бѣглецъ отъ него и писалъ за границею, а *исторіографъ* еще въ границахъ. Вамъ извѣстенъ *Словцова* и панегирикъ сему царю по задачѣ Росс. Академіи. Итакъ, чего нельзя писцамъ бранить и хвалить! По моему мнѣнію наилучшая апологія сему царю предъ жертвами его - боярами слова *Іереміи* гл. 13, ст. 21, реченныя безпутному Іерусалиму: *ты научилъ еси ихъ на тя ученіемъ въ начальство.* Бояре въ малолѣтствѣ и предъ очами его тиранствовали другъ надъ другомъ и тѣмъ пріучили его къ такимъ сценамъ. Въ *Царственномъ лѣтописцѣ* все это живо описано.

Читалъ и я объ отмѣнѣ библіотекарскаго публичнаго собранія. Вездѣ шарлатантство. Никто не говоритъ о себѣ—не могу, а ссылаются только на невозможность дѣла. А *Жуковскій* неужели и о сію пору, по выраженію *Воейкова, дразнитъ вѣдьму языкомъ* въ своихъ балладахъ? Графъ *Дм. И.* пишетъ, что онъ принялся уже передразнивать *Овидія* Греческими экзаметрами. Послѣ Виргилія, видно, и сему достанется быть перелицованному.

Чудно, что Французы въ Revue Encycl. увѣдомляютъ насъ о предпріемлемыхъ двухъ новыхъ *Румянцовскихъ* экспедиціяхъ, о коихъ мы

[1]) Грачъ среди Музъ.

Рускіе и не слыхали. Не доказываетъ ли это, что сами Рускіе патріоты и меценаты не надѣются уже на благодарность и славу своихъ соотчичей-варваровъ, не умѣющихъ еще цѣнить услуги наукамъ, и скорѣе передаютъ о томъ извѣстія иностранцамъ, или и сами иностранцы больше о семъ любопытствуютъ, нежели мы? Симъ можно извинить и заботливость нашего *исторіографа*, чтобы исторія его скорѣе переведена была на чужіе языки.—Описываемый тѣми же энциклопедистами легкій способъ всякому отпечатывать всякія бумаги на камнѣ весьма опасенъ для векселей, писемъ и проч., а потому вѣроятно запрещенъ будетъ правительствами.

Вашъ юридическій *баронъ*, думаю, скорѣе успѣетъ продать все свое недоконченное печатанье разнощикамъ на маклатуру, нежели казнѣ за 50 т. р.; ибо куда казнѣ это дѣвать? А въ архивахъ и безъ того бумагъ у нея много. Вслѣдъ затѣмъ, думаю, рушится и вся ваша юридическая коммиссія, болѣе 100 лѣтъ существующая, но ничего соотвѣтственнаго назначенію своему не сдѣлавшая.

Нетерпѣливо буду ждать вашего извѣстія о *Монтвидѣ* и *Монтвидовѣ мечѣ*, доставшемся нашему князю Гавріилу. Если это и наслѣдство, то наслѣдство знаменитое въ исторіи.

89.

От 23 Генваря 1820 (Псковъ).

Прекрасное описаніе *В. Н—ча*, сдѣланное собранію Росс. Академіи, я читалъ въ *Сынѣ Отечества*. Естьли картина сія не лучше подлинника, по словамъ Горація pictoribus atque poëtis, *) то сцена была довольно трогательна. Расхваленный переводъ *Жуковскаго* заставилъ меня прочесть *Овидіевъ* подлинникъ не о *Кнеиксѣ*, а о *Цеиксѣ* и *Алціонѣ*. А вмѣсто *Карамзинскаго* описанія *Филиппа* прочиталъ я въ *Платоновой* Церк. Исторіи тоже описанное довольно подробно. Но что-то не вѣрю я, чтобы сѣдовласый Аристархъ по движенію собственнаго сердца подарилъ автора золотою гривною, протоколомъ опредѣленною еще до чтенія, только подписаннымъ послѣ чтенія, какъ и самъ *В. Н.* написалъ. Это вѣрно внушено, т.-е. приказано задолго свыше, какъ и о *Пожарскомъ*, толкунѣ игоревщины. Музы часто не знаютъ настройки Аполлоновой арфы и, затянувши сперва не подъ ладъ, послѣ принуждены подлаживаться всѣ подъ тонъ старшаго. А еслибы и слушатели стали судить иначе, то Аполлонъ привѣситъ имъ Мидасовы уши.

Магницкій вѣрно также подпѣваетъ, ополчаясь противъ всей философіи и мірской мудрости. Но фанатизмъ сей не надолго.

---

*) У живописцевъ и поэтовъ.

Итакъ, вы разсматриваете уже и рукописи *канцлеровы.* Увѣдомьте и меня, чтó лучшаго тамъ замѣтите. А меня онъ душитъ все вопросами въ письмахъ, и едва успѣваю я рѣшать, какъ могу. Не покажетъ ли и вамъ мои отвѣты?

Вы исполнили уже обязанность соревнователя, навязавши мнѣ и на будущій годъ сей журналъ, но я во Псковѣ отчаеваюсь тоже исполнить. Читавшіе прошедшій годъ не охотятся на будущій. Да и я многія иностранныя статьи и почти всѣ стихокропанія пропускалъ не читавши. А вы еще хотите томить читателей и Датскою литературою! Видно, не достаетъ своей. У васъ кучи своихъ записокъ, которыхъ послѣ васъ, какъ и сами гадаете, не будутъ умѣть и цѣнить; ибо и хорошія кучи чужія разбирать и приводить въ порядокъ мало охотниковъ. А переводить чужестранное легче.

Вмѣсто какого-то Монтвида вашъ Ходаковскій, мимоходомъ конечно видѣвшій у насъ мечъ съ надписью honorem meum..., опять несправедливо приписываетъ его Доманту. Надъ Домантовымъ гробомъ виситъ кинжалъ его или кортикъ, съ рукояткою четверти въ три аршина; а надъ Гавріиломъ длинный готическій мечъ. Естьли онъ такъ осматривать будетъ и городища, то немного ему вѣрить должно.

Маклатура *барона Р.* едвали дойдетъ по назначенію своему чрезъ *князя Л.* Я давно уже писалъ вамъ мое замѣчаніе, что и князь боится рекомендовать ее.

Спасибо за новости изъ Revue Encyclopédique. Свобода ихъ цензуры позволяетъ писать все. *Галла* за краніологію въ XII или XIII в. сожгли бы при аутодафе; но въ XVIII стол. *Лела-Метри* матеріалистъ былъ при дворѣ и у *Фридерика II*, въ должности и въ чести, и даже оттеръ философа *Вольтера*, который не лучше его самого. На мнѣнія и системы также мода, какъ и на платье. Естьли *Галлова* краніологія кажется полезна физіологіи и медицинѣ (но пользу сію тогда увидимъ, когда меньше будетъ сумасшедшихъ), то вдвое вредна морали путемъ своимъ къ фатализму и матеріализму, которые пагубнѣе самаго сумасшествія.

Вы пишете, что Гарижскій снялъ рисунокъ съ Новогородскихъ Софійскихъ вратъ. Присовѣтуйте ему отпечатать ихъ литографомъ. Давно всѣ твердятъ о нихъ, и никто не опубликуетъ. Это будетъ любопытнѣе Крымскихъ Греческихъ надписей.

Читалъ я на сихъ дняхъ изданную у васъ *Лобаржевскаго* книгу Respect du aux têtes couronnées въ защиту покойнаго короля Станислала Понятовскаго. Довольно хорошо написана и много мнѣ неизвѣстнаго открыла о бывшихъ Польскихъ конфедераціяхъ и раздѣлахъ. Авторъ служилъ при покойномъ королѣ.

Морозы и у насъ по вашему душили насъ. Я бѣдный ревматикъ и отъ холода, и отъ оттепели чувствую нападенія ревматизма.

90.

От 30 Генваря 1820. (Псковъ).

Путешествіе Бороздина съ Ермолаевымъ, кажется, все было въ сущемъ смыслѣ только pittoresque ([1]). Они были у меня и въ Вологдѣ, и тогда сами еще не знали, зачѣмъ путешествуютъ.

Ваше Соревнованіе затѣяло Всеобщій Историческій Словарь. Но естьли на подписку, то кто довѣритъ ефемерному обществу на многолѣтнюю книгу? А естьли безъ подписки по выходу томовъ, то кто дождется конца? Легче подписать въ собраніи протоколъ, нежели исполнить. Итакъ, почти можно предрекать суету вашего прожекта. Одинъ только *Новиковъ* могъ издавать десятки томовъ безъ долговъ публикѣ. Но у него была богатая компанія... Извѣстный 14-томный Словарь Московскій переводимъ былъ во время моего студенчества разнокалиберными учениками безъ пересмотру учителей, на подрядъ, еженедѣльно, и выпускаемъ былъ листами при газетахъ. Отъ того-то послѣ оказалась книга сія чудовищемъ. Россійская Енциклопедія, вами прожектированная, также пріятная только мечта. Кто у насъ знаетъ ходъ и предѣлъ наукъ въ Россіи? Сами академики при газетахъ публикуютъ намъ только иностраніцину, которою набитъ и весь технологическій ихъ журналъ безъ повѣрки переводовъ своими опытами. Нѣмцы въ этомъ отношеніи осторожнѣе и всегда чужое издаютъ съ повѣрками. Я вѣрю, что у васъ къ засѣданіямъ сносится много писанныхъ бумагъ, но вы въ нихъ находите только multa, non multum [2]).

Не видавши Левшинова коновала, не знаю, предпочесть ли его Цорнову, который больше набитъ описаніемъ только лошадей. Естьли Левшиновъ содержитъ больше лѣченія, то думаю лучше его и взять.

Въ добрый часъ начинать вамъ совѣтный судъ съ безсовѣстнымъ; но едвали усовѣстите, а только за бумагу сами заплатите.

Для поправки Новогородскихъ Разговоровъ я еще не выбралъ досугу; а рисунковъ Софійскихъ Корсунскихъ вратъ было у меня два; но одинъ зажилилъ покойный Мусинъ-Пушкинъ, а другой отослалъ канцлеру; теперь и самъ не имѣю; а при Разговорахъ хорошо бы помѣстить и оный. Но не вѣрю я, чтобы Новгородскій протопопъ въ Софійской архивѣ отыскалъ что-нибудь о сихъ вратахъ, о коихъ ни-

---

[1]) Живописное.

[2]) Многое, но не много.

одна изъ дошедшихъ до насъ лѣтописей не упоминаетъ, хотя Герберштейнъ и сослался на лѣтописи, а Далинъ сбредилъ по своимъ Шведскимъ.

Я жадничаю читать *Кеппеновы* путешественныя записки и вѣрю, что онѣ будутъ любопытны, естьли не по исторіи, то по топографіи. О Херсонѣ и Олбіи все древнее, кажется, собралъ графъ Ив. Потоцкій въ книгѣ своей: Histoire ancienne du gouvernement de Cherson, St-Pétersb. 1804, in 4-to. Кеппенъ, думаю, все это себѣ присвоитъ. Но естьли записки его попадутъ къ канцлеру, то не скоро свѣтъ ихъ увидитъ.

Изъ Кенигсберскаго архива, кажется, все Руское досталъ *Карамзинъ*, какъ и похвалился въ предисловіи. Полякамъ, Лифляндцамъ и Естляндцамъ больше тамъ отыскать можно, ибо они больше и долѣе были въ связяхъ съ Прускимъ орденомъ... Мнѣнія, что южная Россія древле населена была не одними Греческими и Римскими колоніями никто и оспаривать не будетъ; всѣмъ извѣстно отъ Геродота до послѣднихъ Византійскихъ историковъ, что Греческія и Римскія колоніи были только въ Крыму и отъ Царьграда до Буга; но Молдавы и Валахи— ни Греки, ни Римляне; а искать ихъ и около Харькова сущій бредъ.

Виртембергскіе переселенцы къ Кавказу и въ Грузію давно уже признаны шарлатанами и ханжами. Ермоловъ хорошо ихъ отпотчивалъ.

Рюстрингскую рюриковщину давно я имѣю; это бредъ пріятный, однакожъ, графу.

Чѣмъ *В. Н.* задѣлъ за живое протосвятошу, какъ вы пишете? А мое пророчество и о немъ, и о Ходаковскомъ сбывается.

Вы пишете, что вышла уже и третія часть Шлецерова Нестора; пришлите же и мнѣ, ибо первыя двѣ у меня есть.

Копотливость Нѣмца, открывшаго пороки Людовика XIV, не новость. Великіе люди всегда имѣли и великіе пороки. Но публикація ихъ не назидательна для потомства. Сорванецъ Bayle, въ своемъ Словарѣ запятнавшій многихъ, въ предисловіи къ 1-му изданію 1696 г., самъ признался: il est certain que la découverte des erreurs n'est importante et utile ni à la prospérité de l'état, ni à celle des particuliers *).

P. S. Вы ведете переписку съ Кіевомъ; узнайте для меня, гдѣ нынѣ находится бывшій Вологодскій епископъ Ѳеофилактъ? Онъ поселился въ Кіевѣ.

---

*) Конечно, раскрытіе пороковъ не имѣетъ значенія и пользы ни для блага государственнаго, ни для частнаго.

91.

От 9 Февраля 1820 (Псковъ).

Проводивши суетливые мірскіе дни, съ перваго скромнаго дня постнаго принимаюсь отвѣчать на два дружескія ваши письма отъ 28 Генваря и 4 Февраля. Теперь, думаю, и у васъ потише. Брань В. Н. съ большими ему самому не на добро, а только помѣшательство пристроиться къ мѣсту. Большіе другъ на друга смотрятъ и въ фаворахъ кліентамъ. А Успенскій въ университетѣ все будетъ дѣлать по своему, ибо ихъ хвалятъ въ кавалерскихъ грамматахъ; а за похвалу до чего люди не унижаются? Казанскій попечитель подъ тотъ же гудокъ напѣваетъ. Да нынѣ и вездѣ, по выраженію Дмитріева, *всѣ хнычутъ и ревутъ, и мысль у всѣхъ одна.* Надолго ли, Богъ вѣсть. Съ другой стороны и либеральность мутитъ у васъ умы, особливо въ молодежи, какъ въ Кюхельбеккерѣ. Сіи мечтанія опаснѣе первыхъ.

Гречу не бывать въ Россійской Академіи, которую самъ же онъ разругалъ за грамматику; а Кошанскаго статья самая ребяческая. Гг. академики любятъ учениковъ, а не учителей...

Смѣшно, что журналисты—и Московскіе, и Питерскіе—уже увиваются около Кеппена изъ записокъ его. Но онъ умно дѣлаетъ, что притаился и заперся. Чѣмъ долѣе обдумаетъ, тѣмъ лучше издастъ.

Каковъ будетъ Жуковскаго трактатъ о конструкціи, прежде изданія судить нельзя. Гонорскаго статья о томъ же нашла противорѣчниковъ. Въ Encyclopédie par ordre des matiéres, dictionnaire de grammaire et de littérature есть прекрасная и преобширная статья Construction, годная для правилъ всѣмъ языкамъ; но для упрямаго Рускаго потребно нѣчто больше.

Итакъ, вашъ Переяславскій *рубанный* камень остался безъ доводовъ. Жаль, что у насъ не охотники еще до Геркулановъ. Но догадка хороша. Si non è vero, è bene trovato *).

Рустрингію по дѣломъ освистали иностранцы.—Что-то канцлеръ отыщетъ въ Новѣгородѣ любопытнаго? А тамъ и кромѣ книгъ превеликая куча *гніющихъ* архивскихъ бумагъ. Дай Богъ, чтобы онъ на весь постъ туда уѣхалъ. Этотъ трудъ стоитъ строгаго покаянія, а можетъ быть полезнѣе описи его собственной библіотеки, ожидаемой года черезъ два.

Возвращаю вамъ билетъ на *карамзинщину* и буду ожидать послѣдняго тома оной; а за 9-й вѣрно надбавитъ цѣну.—Спасибо за извѣстіе о бѣдномъ *Лобаржевскомъ*. Здѣшніе Поляки мнѣ сказывали,

---

*) Если не справедливо, то хорошо выдумано.

что онъ былъ нѣкогда въ Польшѣ нашимъ шпіономъ и потому многое и кабинетное могъ узнать.

Спасибо и за рисунокъ новонайденной Новогородской мѣдной монеты. Металлъ и строчная вверху и внизу подпись доказываютъ новость ея. Монетные штемпели у Новагорода и Пскова отобралъ и монетные дворы ихъ уничтожилъ уже царь *Алексѣй Михайловичъ* въ 1663 г. Республика у Новогородцевъ и Псковичей на монетахъ не изображалась, а изображались князья. У меня были многія Новогородскія и Псковскія разныхъ клеймъ монеты, кои подарилъ я Московскому Историческому Обществу. А теперь во Псковѣ набралъ и еще Псковскихъ монетъ. Осмотрите хорошенько новонайденную монету. Я думаю, что и тутъ сидитъ князь на камнѣ или на кипѣ товаровъ. *Языкову* таить ее не для чего. Сіи вещи любятъ публикацію и отъ того становятся дороги. Древнія Новогородскія и Псковскія монеты были серебряныя. Одна только Москва имѣла маленькое мѣдное *пуло*. А царь *Алексѣй Михайловичъ* началъ ковать мѣдныя копѣйки, за кои и бунтъ произошелъ.

Что-то думаетъ вашъ *Ходаковскій*, теряющій и надежду походить по Россіи съ своею Орлеандою на счетъ казны? Достанетъ ли хотя и столько, чтобы возвратиться было чѣмъ въ отечество; а пера его вѣрно не боится уже и исторіографъ.

Леванда, наслѣдовавшій Полячку съ деньгами, вѣрно забудетъ уже о своей санскритчинѣ, о которой никто и не пожалѣетъ. Она, кажется, замолкла уже и по Европѣ, ибо нигдѣ уже о ней и въ журналахъ не поминаютъ. Такова судьба всѣхъ замашистыхъ мнѣній.

Вы отказываетесь отъ публикаціи записокъ своихъ въ Соревнователѣ. Такъ и быть, станемъ тамъ читать публикаціи иностранной словесности вмѣсто Руской.

Естьли *Сопикова* и послѣдняя часть библіографіи двумя листами только не допечатана, то для чего бы ея не кончить, хотя для выручки денегъ наслѣдникамъ? Бѣдная наша словесность почти ничего не имѣетъ оконченнаго. Начинщиковъ много, а окончателей не видимъ.

Чуръ не быть больнымъ и выздоравливать поскорѣе! Оставляйте болѣзни на старость, которая и сама по себѣ есть болѣзнь. Я свой ревматизмъ грѣю фланелью и смолою. Зима, дѣйствительно, тяжелая не для однихъ только ревматиковъ. Каково жъ теперь въ Сибири?

Прошу у *Глазунова* справиться, сколько изданій было *сочиненій преосвященнаго Тихона Задонскаго* и когда какія. Увѣдомьте.

92.

От 24 Февраля 1820 (Псковъ).

При отъѣздѣ въ Никандрову пустынь дня на два или на три, не дожидаясь уже нынѣшней вашей почты, отвѣчаю на прежнія ваши два письма отъ 7 и 13 Февраля. Поздравляю васъ бесѣдою съ *Кочубеемъ*, которому Россія обязана первымъ истинно-Россійскимъ статистическимъ журналомъ. Но нынѣшняя мистикоманія не помѣшаетъ ли открытію и сихъ таинствъ? Смѣлость и даже дерзость ваша исключать изъ Общества гасильныхъ мистиковъ какъ бы всѣхъ ихъ не вооружила противу немногаго числа васъ? Во всей натурѣ замѣчательно, что звѣри и змѣи, поселяющіеся въ мрачныхъ пещерахъ, лютѣе по открытому свѣту ходящихъ и свирѣпо нападаютъ на заглядывающихъ въ жилища ихъ. Естьли бы и *В. Н.* къ нимъ пріобщился, то скорѣе досталъ бы мѣсто; ибо старинная *Новиковская* система—никого не допускать къ высокимъ дѣламъ кромѣ своихъ—и нынѣ возобновилась.

Канцлеръ отозвался уже ко мнѣ изъ Новагорода отъ 7 Февраля съ просьбою о молитвахъ за усопшую *) и за себя; а между прочимъ приписалъ, что въ одной Арабской лѣтописи, разсмотрѣнной *Френомъ*, подъ 640 г., упоминаются за Кавказскими горами жившіе *Руссы*, *Казары*, *Баланджары*, *Яджуджи* и *Маджуджи*. Ergo-де Руссы у насъ были и до Рюрика. Я отвѣчалъ ему, что можетъ быть Арабскій лѣтописатель, жившій въ X, XI или XII в., по современству уже какихъ-нибудь подобоименныхъ переименовалъ Руссами, а своимъ Баланджарамъ, Яджуджамъ и Маджуджамъ не пріискалъ такихъ. У древнихъ географовъ много народовъ и городовъ по названію похожихъ на Руссовъ, какъ напр. Rusa, Ruscia, Russa и пр., кои отнюдь не Рускіе. Чужія лѣтописи не всегда достовѣрнѣе нашихъ.

Пока Ходаковскій не получитъ въ руки обѣщаннаго, ничего вѣрнымъ почитать нельзя. Вѣрнѣе всего дадутъ только прогоны на возвратъ. А В. Н—ча ходатайство за него едва ли сильно и, можетъ быть, не повредитъ ли даже успѣху. То правда, что *Каченовскій* перебиваетъ вамъ въ переводѣ литовщины. А отвѣтъ его Казанцамъ и Тверитянамъ о статьѣ Снѣдецкаго самый бурлацкій, недостойный учтивой литтературы. Онъ къ старости, кажется, грубѣетъ въ перѣ своемъ. Брань и шиканство отнюдь не критика и не оправданіе.

И *Монтескье*, и вы правы во мнѣніи, что Агличане, какъ купцы, весьма способны быть рабами, естьли купеческая ихъ конституція когда-нибудь перемѣнится. У Африканцевъ и Остъ-индцевъ они, какъ и Голландцы въ Японіи, давно уже оказывались подлыми рабами при

*) Тетку, Анну Никитичну Нарышкину. П. Б.

недостаткѣ разбойничьей силы. Купецъ вездѣ, какъ и у насъ, при силѣ тиранъ, а при слабости ползающій рабъ изъ корысти.

Моя Псковская Исторія конченная покоится пока до послѣдняго пересмотра, потому что умоленъ я заняться 2-мъ изданіемъ жизнеописанія преосв. *Тихона Задонскаго*. Но досадую, что я, имѣвъ у себя всѣ его сочиненія, подарилъ въ Калугѣ, а во Псковѣ отыскать не могу. Я уже просилъ васъ достать мнѣ изъ лавки Глазунова (издателя оныхъ) записку о всѣхъ изданіяхъ, когда какая книга и въ какой типографіи вторично или третично напечатана; а о первомъ изданіи я имѣю записку. Не найдете ли и у *Сопикова* въ каталогѣ послѣдней части? Еще присовокупляю просьбу: пришлите мнѣ оглавленіе статей въ его книгѣ, мною изданной, *Остальныя Сочиненія*; ибо я забылъ, а книги не имѣю. Эта ваша мнѣ услуга не трудна, а мнѣ весьма нужна.

Въ Псковской Исторіи у меня особой историческій списокъ князей Псковскихъ съ краткимъ показаніемъ дѣлъ ихъ. Но рода многихъ я отыскать не могъ. Все это я вамъ по окончаніи перешлю для исходатайствованія цензуры, а печатать буду въ Москвѣ у Селивановскаго. Родословная князей у насъ весьма темна не по одному двуименію, но и по множеству ихъ. Почему они больше именовались языч. именами, о томъ моя статья напечатана въ *Вѣстникѣ Европы*. Одинъ только *Малыгинъ* въ своемъ *Зерцалѣ* собралъ сколько могъ тѣ и другія имена. Но и у него индѣ есть ошибки.

Странно мнѣніе Человѣколюбцевъ въ переводной ихъ статьѣ, чтобы нищихъ истреблять при содѣйствіи правительства съ помощію церкви. Съ помощію церкви-то они и кормятся и кормятъ правительство. А давать имъ работу давно и указы наши предписывали, и намъ сей истинѣ нѣтъ нужды учиться у Нѣмецкаго журналиста. Но самъ совѣтователь сей не приметъ и даромъ такого лѣниваго работника къ себѣ и на хлѣбъ. Чтожъ остается дѣлать Человѣколюбцамъ, собирающимъ на нищихъ деньги? Подлинно, давать имъ только по рублю изъ 20 т., а остальное на себя употреблять. Естьли и выписные Аглинскіе работники у насъ только тунеядничаютъ и для другихъ только сѣютъ картофель, а сами ѣдятъ лучшій бифштексъ, то простительно и Человѣколюбцамъ тоже. Чудному вашему законописцу-барону лучше бы пристать къ Человѣколюбцамъ,—тогда былъ бы сытѣе, а не разорился. Выгоднѣе даже быть директоромъ каталого-сочинителей, нежели юридическихъ редакторовъ.

Какъ Винтеръ, обличенный въ похищеніи 40 т. р., въ Вологодскомъ приказѣ общ. призр., пристроенъ къ мѣсту? Непонятно. Romae omnia venalia *).

*) Въ Римѣ все продажно.

Вашъ знакомецъ Датчанинъ Валлихъ къ намъ еще не бывалъ. Пусть женится, чтобы быть акушеромъ съ довѣренностію.

P. S. Сейчасъ получилъ я и *Карамзина* VIII т. и увидѣлъ, что *Ходаковскій* увѣрилъ и исторіографа, что будто мечъ съ подписью honorem m. n. d. не Гавріиловъ, а Домантовъ. Спросите его, на чемъ онъ это увѣреніе основалъ. У насъ по соборной описи онъ Гавріиловъ; а пустомели, уважающіе больше Доманта за долговременное княженіе, и храбрость ему присвоили.

93.

От 2 Марта 1820 (Псковъ).

Возвратясь изъ монастырскаго похода, разстрясенный пребезпокойною нынѣшнею дорогою, засталъ я дома три ваши письма отъ 18, 21 и 25 Февр. и вмѣстѣ отвѣчаю на оныя. Спасибо *Оленину* за обѣщаніе мнѣ еще одного экз. *карамзинщины* за 6 экз. моего Словаря на бѣлой бумагѣ, но у меня нѣтъ на это охоты; ибо и во Псковѣ нѣтъ охотниковъ на дорогую книгу *Карамзина.* Притомъ намъ нѣтъ уже и нужды спѣшить распродажею своего Словаря. Я весь уже разослалъ по епархіямъ, и у меня осталось только бѣлыхъ не болѣе десятка. А въ Московскихъ лавкахъ у книгопродавцевъ, думавшихъ съ Селивановскимъ притѣснить меня, нѣтъ ни одного экземпляра. Теперь и вы остальные у васъ продавайте не меньше 15 рублей.

Чудно, что Баварскаго Domini canem не уймутъ ваши католики. Пусть бы проповѣдывалъ у Евангеликовъ!

Спасибо за образцовый листикъ *Плавильщикова* каталога и за надпись колокола, завоеваннаго у насъ Шведами. Но по части отгадать не могу. Есть и у насъ въ Псково-Печерскомъ монастырѣ колокола, завоеванные въ Лифляндіи.

О *Пражмовскаго* диссертаціи о *давнишнихъ дѣеписцахъ Польскихъ* вы въ первый разъ меня увѣдомляете. Но думать, что Славенскій языкъ образовался отъ обращенія Иллиріянъ и Панноновъ съ Греками и что Славене современны Галламъ при Бренновѣ походѣ—слишкомъ Польская мечта. Наши Рускія лѣтописи выводятъ Славянъ еще далѣе, отъ Ноева семейства, и выставляютъ еще граммату Александра Великаго.

Вы давно уже возвѣщаете намъ о многихъ рисункахъ Новгор. Корсунскихъ вратъ, но печатныхъ еще не видимъ. Посмотримъ, что̀ издастъ намъ *Гарижскій,* имѣющій 6 рисунковъ ихъ и Евфросинина креста, и Борисова камня. Но что̀ намъ нужды до камней и рисунковъ ихъ? Любопытнѣе было бы разысканіе, на что̀ они ставлены въ Двинѣ и что̀ значили. Пусть *Кеппенъ* умствуетъ о Кривичахъ и Меланхленахъ,

но не разувѣритъ онъ насъ, что Кривичи были предки Смольянъ, Полочанъ, Псковичей, а можетъ быть и Новгородцевъ. Меланхлены же (Черноддеждные) и донынѣ Грузины и всѣ Кавказскіе народы. Напрасно онъ ссылается на Геродота, Плинія и Мелу; у нихъ нѣтъ ни Криветовъ, ни Криветанъ.

О успѣніи Украинскаго Вѣстника я читалъ, но не знаю причины. А ***Вѣстникъ Европы*** дѣйствительно иногда смѣлъ не по нынѣшнему времени.

Слава Богу, что ***Берлинскій*** позволилъ вамъ издать свою ***Исторію Малороссіи***; поспѣшите обрадовать насъ. Это тѣмъ дороже, что акты, изъ коихъ собрана сія исторія, сгорѣли въ 1811 г. Такъ и въ Новѣгородѣ двѣ старинныя описи Новугороду, изъ коихъ я при Новгор. Разговорахъ издалъ *Пятины* и *Улицы* Новгородскія, сгорѣли вмѣстѣ съ присутственными мѣстами. Жаль, что такія сокровища хранятся вмѣстѣ съ подъяческими бумагами, которыя не жаль и нарочно бы жечь.

Итакъ, вы приняли и исторіографа въ Соревновательскую службу. Вѣрно, онъ и вашему обществу скажетъ такое жъ наставленіе, какъ Росс. Академіи. Но журналъ вашъ очень медленъ. Видно, Гарижскій больше занимается своимъ путешествіемъ, нежели вашимъ изданіемъ. В. Н. дѣльно представлялъ о семъ медленіи.

Любопытно будетъ читать переведенную вами Польскую статью о Полотскѣ. Нынѣшніе Поляки искуснѣе насъ въ разысканіяхъ, а мы только переводимъ. Успѣетъ ли В. Н. завести при министрѣ внутр. дѣлъ статистическое отдѣленіе—не знаю. Но знаю, что легче завести и написать планъ съ фасадомъ, нежели продолжать строеніе. Книжки на двѣ (какъ и Германъ) можетъ быть наберетъ матеріаловъ; а далѣе матеріалы сіи рѣдки, и доведется выписывать изъ за моря, какъ и обыкновенно у насъ водится во всѣхъ товарахъ. Иностранцы изъ нашихъ же матеріаловъ лучше обрабатываютъ.

Отвѣтъ Буссе объ уніи, что она не что̀ иное какъ Schauspiel, чуть ли несправедливъ, какъ и всѣ уніи. Флорентійскій соборъ искуснѣе всѣхъ обработалъ было сію драмму, но и она разыграна неудачно. Domini canis едва ли обратитъ и устарѣвшаго прежде бывшаго лютеранскаго гусара, а нынѣ католицкаго примаса; а естьли и обратитъ, то онъ будетъ не лучше нашего Исидора митрополита у католиковъ. Исторія со временемъ будетъ смѣяться нашему вѣку, странному во всемъ.

Въ Парижѣ опять явился ***Равальякъ***! О ***Равальякѣ*** кричали Лукреціевъ стихъ: tantum relligio potuit suadere malorum *)! Теперь что̀ бу-

*) Религія могла внушить столько зла!

дутъ кричать о сѣдельномъ работникѣ *Луве?* Но въ исторіи и Равальякъ съ Генрихомъ и Луве съ герцогомъ Беррійскимъ наравнѣ будутъ безсмертны. Герои и злодѣи замѣчательнѣе въ лѣтописяхъ, нежели добродѣтельные люди.

Отъ канцлера больше одного письма изъ Новгорода я не имѣю. Вы послали ему такой запросъ, на который онъ или вовсе отвѣчать не будетъ, или отвѣчать обинякими.—Обветшалый *Стройновскій*, кажется, не могъ нагло солгать, а что-нибудь да правда. Но канцлеру признаться стыдно.

Спасибо за обѣщаніе и 3 ч. *Шлецерова* Нестора и Барановской макулатуры законодавческой. Куча будетъ большая. Дѣйствительно, Глазуновъ за своего Правикова больше получитъ доходу, нежели вся ваша коммиссія.

Покойный *Маздорфъ* за стишонки свои, кажется, не войдетъ въ мой словарь. Нынѣ имена такихъ стиходѣевъ составили бы словарь больше Мореріева въ X vol. in folio. Но истинные поэты рѣдки. Raritas imponit praetia rebus *).

94.

Отъ 9 Марта 1820 (Псковъ).

Много, очень много обязали вы меня обстоятельною запискою о Тихоновыхъ сочиненіяхъ. Теперь остановки у меня не будетъ. Канцлеръ теперь у васъ, а изъ Новгорода на письмо мое видно не успѣлъ отвѣчать. Буду ожидать изъ Питера. Въ Новгородѣ вѣрно онъ ничего не сдѣлалъ и за нездоровьемъ, и за непогодою.

Изданіе исторіи *Берлинскаго* дѣйствительно больше бы сдѣлало чести патріотизму *Трощинскаго*, нежели его крикливое министерство.

Увидимъ, что̀ вы скажете о новомъ переводѣ Плиніева Панегирика. Ораторскія сочиненія древнихъ трудно переводить на нынѣшніе языки. Даже и щеголи-Французы въ этомъ неудачны и многое пропускаютъ.

Спасибо за извѣстіе о поминальной церемоніи, сдѣланной у васъ Беррію въ католицкой церкви. Испанскій вице-консулъ отправился ему въ провожатые; а въ Парижѣ можетъ быть уже тысячи туда же отправляются. Добру не быть.

Поправку вашу въ надписи на Шведскомъ колоколѣ внесъ я и въ свой списокъ. Но можно ли что̀ историческое доказать или объяснить симъ колоколомъ, не знаю. На свѣтѣ много древностей ни къ чему негодныхъ. Посмотримъ, что̀ вашъ *Гиппингъ* объ этомъ напишетъ.

---

*) Рѣдкость придаетъ вещамъ цѣну.

Воронежское ярило произошло ли отъ срамнаго Пріапова, Бахусова и Меркуріева phallus, нельзя утвердить. По крайней мѣрѣ въ Воронежѣ не носили phallus.

Френовы выписки изъ арабщины больше чудны, нежели достовѣрны. Помѣщенному у Карамзина въ концѣ VIII тома я худо вѣрю, что будто Рускіе уже въ XI вѣкѣ ѣздили лодками торговать на устье Волги и жили еще не такъ, какъ христіане. Подлинно для насъ можетъ быть полезнѣе будутъ Татарскія, нежели Арабскія извѣстія. А ваша выписка изъ Польской Метрики еще полезнѣе, по крайней мѣрѣ для Поляковъ. Но *Ходаковскаго* планы и затѣи не цѣню я и въ арабщину. Солгалъ онъ на Псковскихъ поповъ. О Домантовѣ мечѣ одинъ только пустой попъ сказывалъ ему свою догадку. Но мечъ большой точно издревле виситъ надъ гробомъ Гавріила.

Ходаковскаго путешествіе, видно, похоже будетъ на *Кюхельбеккерово*, одураченное *В. Н—мъ*.

Неужели въ вашъ соревновательскій журналъ войдетъ и химія?... Публика не читаетъ и Академическаго технологическаго журнала и листковъ, издаваемыхъ при вѣдомостяхъ. Химизмъ есть также нѣкоторый родъ нынѣшняго бѣшенства. Онъ испортилъ уже и медицину странными, новоизобрѣтенными терминами, затмѣвающими и память, и разсудокъ лѣкарей и аптекарей.

Перуанскіе показанные вамъ горшки ничего больше не доказываютъ, какъ что первая посуда у человѣч. рода вездѣ была глиняная, а химикамъ откроютъ только родъ глины, можетъ быть донынѣ по натуральной системѣ еще неизвѣстный. Фигура есть игра художническаго воображенія. Объ употребленіи жъ ихъ надобно бы спросить у Перуанцевъ. Сходство съ барельефами Китайскими намекаетъ происхожденіе Перуанцовъ изъ Азіи, помаленьку перебравшихся по грядѣ или Алеутскихъ острововъ, или Полинезіи южной.

И я съ соревнователями вашими противъ В. Н—ча согласенъ, что слишкомъ ученыя статьи сдѣлаютъ журналъ скучнымъ для большей части читателей обыкновенныхъ. Одни только историч. разысканія, хотя бы и слишкомъ ученыя, понятны для всѣхъ. Журналы физическіе, химическіе, натуральные, медицинскіе и пр. имѣютъ особыхъ своихъ читателей по ихъ профессіи или охотѣ. Самую Энциклопедію Дидеротову и Аламбертову никто сплошь не читалъ; и потому-то новые энциклопедисты разобрали ее по наукамъ особыми отдѣленіями, пригодными разному роду читателей, покупающихъ изъ нея особнякомъ что̀ кому угодно. А одной книгѣ никакой для всѣхъ годною быть нельзя, и для большей части будетъ лишняя.

Бывши въ Никандровой пустыни, я тамъ нашелъ въ библіотекѣ множество экземпляровъ книги: 1) Постъ и молитва, или приватныя бесѣды съ христіаниномъ во время св. четыредесятницы. М. 1804, въ 8°. 2) Іисусъ всяческая во всѣхъ и проч. М. 1804, въ 8°,—всѣ въ кожаномъ переплетѣ. Обѣ сіи книги напечатаны на счетъ монастыря бывшимъ *архим. Геннадіемъ* и тутъ остались, а раздарено только нѣсколько Псковичамъ. Нельзя ли промѣнять ихъ чрезъ васъ на другія духовныя книги? Посылаю вамъ при семъ по одному экз. для показу книгопродавцамъ, съ коими и оцѣните ихъ и меня увѣдомьте. Книги отправляю особою посылкою къ Михайлову. Тутъ бы вымѣнять для монастыря и Тихоновы всѣ сочиненія и еще кои выберемъ.

95.

От 16 Марта 1820 (Псковъ).

Отвѣчаю на два письма ваши отъ 6 и 11 Марта. *Валлихъ* во Псковъ уже пріѣхалъ, какъ сказывалъ мнѣ губернаторъ, но со мною еще не видался и посылки мнѣ не отдавалъ. Доходы его будутъ не велики въ бѣдномъ Псковѣ. У насъ даже не годится и метода преосв. Воронежскаго подѣлиться книжками для чтенія; ибо кромѣ газетъ у насъ никто ничего не читаетъ, и *Карамзина* знаютъ только по извѣщенію газетъ. А на вашего Соревнователя кромѣ меня и бывшаго откупщика, по моей же рекомендаціи, у насъ никто не подписался. Какъ же думать вашему обществу о заведеніи особой лавочки для одного своего журнала? Повторяемой у васъ аксіомѣ, что хорошее не залеживается у Глазунова и подобныхъ ему, надобно спросить изъясненія у Глазунова же. Вамъ извѣстно, что и хорошую книгу напечатавши, книгопродавецъ самъ одинъ ее не продастъ скоро, а промѣниваетъ другимъ на книги же, выигрывая чрезъ то 20, 30, 50, а иногда и 100 процентовъ; чрезъ то лавку свою дѣлаетъ разнообразною, а хорошую свою книгу можетъ продавать и съ пониженіемъ. Прибавить къ тому должно и переводы книгъ въ Москву и въ губернскія лавки. А ваше общество можетъ ли имѣть всѣ сіи пособія? Съ однимъ товаромъ лавки выгодны только оптовыя. Но читатели не покупаютъ книгъ оптомъ. Итакъ, вся ваша ученая оцѣнка своего хорошаго не залеживающагося сущая мечта. Кстати о вашемъ журналѣ: на нынѣшней почтѣ я получилъ отношеніе отъ общества о поднесеніи мнѣ 1-й кн. журнала; а я буду отвѣчать, что заплачу чрезъ васъ подписныя деньги. Заплатите. А другаго экз. не надо.

Читанное въ вашемъ обществѣ разсужденіе, что безъ нравственности и религіи жить можно, а безъ вѣры никакъ, похоже на сбитень-

щиково въ оперѣ Княжнина: безъ ума таки жить можно, а безъ счастія никакъ. Вѣры къ своимъ мнѣніямъ и толкамъ требовали и Волтеры, Дидероты и Даламберы, отвергая вѣру религіи. А кто смѣлъ отвергать ихъ толки, на того вооружались они злобнѣе инквизиціи.

Спасибо за исторію Толмачевскаго перевода панегирика Плиніева. Боюсь, чтобы бы перевода не назвали лучшимъ подлинника. Французы часто тѣмъ хвалятся.

Отъ канцлера на прошлой почтѣ я получилъ при письмѣ Руской переводъ Лерберговыхъ изслѣдованій и Гиппинговы примѣчанія на его мнѣніе о *купеческомъ городѣ*. Послѣднее не худо бы помѣстить въ вашемъ журналѣ; статья не велика, а умна.

Въ самомъ дѣлѣ смѣшна жъ надпись *обѣдамъ* [1]) *Румянцова*, какъ и на вашу коммисію *оставленія* [2]) *законовъ*. Но вашъ баронъ скоро поправилъ, а тому не скажутъ, можетъ быть. Чего ваши остряки и шалуны не выдумаютъ въ критику? Нѣтъ ничего важнаго, чего бы осмѣять нельзя было.—Князь *Чарторижскій* вспомнилъ о Метрикѣ, а вы за нея еще и не принималися. Но въ Императорской библіотекѣ вамъ не достанется копаться.

96.

Отъ 6 Апрѣля 1820 (Псковъ).

Итакъ мое предсказаніе надъ *В. Н.* [3]) и вами сбылось въ обществѣ соревнователей. Да и трудно ли было предсказать по общему правилу, что кто навязывается учить другихъ, кольми паче всѣхъ, того всѣ учатъ? Итакъ, поздравляю васъ, что мнимые ваши ребятишки высѣкли своихъ учителей. Но симъ, думаю еще не кончится. Что̀ ни пишите вы, что будто по городу ихъ осуждаютъ, а я больше вѣрю, что вездѣ надъ вами смѣются, а до начальства доведутъ уже въ каррикатурномъ видѣ. Все это повредитъ наипаче цѣли В. Н., и опять, можетъ быть, сбудется мое гаданіе о возвращеніи его во свояси безъ всего. А васъ не станутъ принимать въ ученыя общества. Прочіе жъ, теперь васъ тѣшащіе увѣреніемъ, что будто и они не хотятъ быть общества членами, измѣнятъ вамъ и возвратятся въ засѣданія. А за симъ и нечувствительно будетъ никому, что васъ нѣтъ. Естьли же вы вздумаете затѣять (какъ и пишете) свой журналъ *Друга Просвѣщенія*, то соревновательскій станетъ вамъ уже оппозиціоннымъ, и грачи, естьли не мелодіею, то крикомъ, заглушатъ

---

[1]) Побѣдамъ.

[2]) Составленія.

[3]) Василія Назаровича Каразина.

васъ. У насъ можно издѣваться безбоязненно только надъ чужестранными педагогами и лекторами или, какъ недавно, надъ іезуитами. Но и они, выѣхавши за границу, отмщаютъ посвойски.

О *Ходаковскаго* волокитномъ прожектѣ на 15 листахъ я уже и гадать не хочу. Онъ и другихъ и самъ себя обманываетъ. Къ такимъ же прожектамъ причисляю я и патріотокрестьянскіе уставы. Посмотрю, что напечатано о нихъ во 2-й книгѣ Соревнователя.

Спасибо вамъ за два листа *Плавильщикова* каталога. Но странно, что онъ началъ съ математическихъ и физическихъ книгъ. Это даже не натурально и по ходу человѣческихъ познаній. Впрочемъ весьма хорошо, что онъ вездѣ именуетъ авторовъ и переводчиковъ. Для словареписцевъ это весьма полезно.

Канцлеръ, получивши два миліона наслѣдства, вѣрно больше употребитъ съ сихъ поръ и на полезныя изданія. 3-я часть его граммать хотя и готова, но по лѣности издателя не скоро появится на свѣтъ. Объ изданіи Льва Діакона и на Рускомъ я доселѣ не слыхалъ, и самъ канцлеръ мнѣ не писалъ. А я Лерберга еще и читать не начиналъ.

О книгахъ Никандрова монастыря, назначенныхъ мною на промѣнъ, поговорите вы сами съ книгопродавцами о цѣнѣ ихъ въ переплетѣ, какой къ вамъ посланъ. Но нужно знать и цѣну тѣхъ книгъ, кои предполагаются у нихъ на промѣнъ. Не знаю, годится ли моя мысль, промѣнять листъ на листъ.

Спасибо за объясненіе мнѣ *Хапылевой* компиляціи. Какъ Петербургскій Университетъ не посовѣстился похвалить оную? Видно, и ученыя общества наемные панегиристы, какъ и журналисты.

Присланнаго мнѣ отъ васъ *Линделя* Доминиканца не успѣлъ я еще прочитать, но, перевернувши нѣсколько листовъ, замѣтилъ много витійственнаго духа.

Естьли *Ястребцовъ* пожалованъ въ цензоры, то, видно, не надобенъ уже въ департаментѣ по *особымъ дѣламъ*, какъ титуловался.

Вашъ *баронъ* умно дѣлаетъ, что всю свою маклатуру сдаетъ въ книжныя лавки. Купцы скорѣе распустятъ по свѣту сей скарбъ. А за глаза товаръ рѣдко покупается.

Статья *Калайдовича* о Кормчей дѣйствительно комбла и заставляетъ меня приняться за свои о сей книгѣ записки, коихъ у меня уже листовъ 40, и будетъ обширная диссертація; но надобенъ для сего досугъ.

Упоминаемое вами *Линдово* сочиненіе о церковной словесности дѣйствительно было бы полезно и для насъ. Вы достать его можете. А *Бзовскій*, продолжатель *Бароніевой* лѣтописи, послѣ Пажи и Флери не знаю сдѣлалъ ли что лишнее.

Канцлеръ давно мнѣ обѣщаетъ сообщить, что̀ найдетъ изъ Руских древностей за границами. Но ваша правда, что и ищущему коммисіонеру надобно сперва знать, что̀ намъ неизвѣстно, по пословицѣ in silvam ne ligna feras *). А Нѣмцы подлинно завистливы въ открытіи намъ своихъ таинъ.

Естьли *Троцинскій* вздумаетъ еще поправлять *Берлинскаго* исторію, то нескоро ей увидѣть свѣтъ, а въ случаѣ смерти и еще позже. Лучше скорѣе что-нибудь издать, нежели ничего. А время все усовершаетъ. Къ готовому начнутъ и всѣ прибавлять. Гетманскій архивъ надобно раскапывать досужимъ людямъ и охотникамъ до пыли. Во всѣхъ архивахъ обыкновенно изъ кучи дрязгу достается немного золота.

Каковъ *Гречевъ Беєръ*, таковыхъ простаковъ и у насъ много. Разжалуется слезно. а когда станемъ справляться о его бѣдности. то выдетъ плутъ. Такими феноменами охлаждается и чувство сострада̀нія къ бѣднымъ.

97.

От 9 Апрѣля 1820. (Псковъ).

Возвращеніе исторіи *Берлинскаго* дѣйствительно означаетъ отказъ мнимаго *мецената*. Кажется и мнѣніе его о неполнотѣ сей исторіи было только пріуготовленіемъ къ тому. Теперь попытайтесь *канцлеру* показать ее, ибо по помѣстьямъ частію и онъ Малоросійскій дворянинъ.

Мнѣніе *Дм. Пр.* о святошахъ весьма справедливо. Излишество на показъ всегда прикрываетъ недостатки. Самый искренній даже фанатизмъ почитался заслугою за пороки. А есть люди и съ умыслу торгующіе религіею. Изъ числа такихъ наемниковъ, кажется, и фанатически проповѣдующая господская собака. ибо покровительство ей и защита доказываютъ, что она только орудіе. Но имѣяй уши слышати и очи видѣти легко отгадаетъ цѣль якобинства, желающаго все смѣшать. дабы все осудить. «Остальныя сочиненія» преосв. Тихона я получилъ: а счета о словаряхъ не удосужился я и въ праздники свести. Займитесь, пожалуйте, вы когда-нибудь на досугѣ и развяжите этотъ узелъ. Я нетерпѣливо ожидаю отъ васъ *Глазуновскаго* извѣстія объ изданіяхъ Тихоновыхъ сочиненій. Жизнеописаніе его у меня уже кончено и даже переписано на бѣло; а естьли что̀ получу отъ васъ въ добавокъ, то можно приписать надъ строками. Я намѣренъ къ вамъ же препроводить сію тетрадь для исходатайствованія цензуры; а печатать буду въ Москвѣ на счетъ Задонскаго монастыря, ибо по просьбѣ тамошняго архимандрита я и поправлялъ сіе второе изданіе.

*) Не носи въ лѣсъ дровъ.

Манифестъ о разводѣ и мы получили уже. Я не могъ понять цѣли тутъ новаго закона; да и вы такъ ли толкуете, не знаю. Графиня *Александрови*, говорятъ, уже умерла прошлымъ лѣтомъ; но и того навѣрно не знаемъ, правда ли. Впрочемъ, все это не наше дѣло.

Неужели *Скванчіево* имѣніе такъ велико, что оцѣнено въ 60 т. билетовъ лотерейныхъ? Кажется, онъ столько и не укралъ. Вотъ иностранцы, которымъ въ Росіи довѣряютъ иногда больше своихъ Рускихъ. Правду говорилъ Петръ Великій, что меньше всѣхъ должно давать жалованья Итальянцу, ибо онъ больше всѣхъ украдетъ. Ни одна нація не пріѣзжаетъ къ намъ для выманиванія денегъ съ такими низкими ремеслами, какъ Итальянцы. Они-то большею частію привозятъ къ намъ и обезьянъ, и пляшущихъ собакъ, канатныхъ ходуновъ, фокусъ-покусниковъ, пѣвцовъ, игрецовъ и пр.

Графъ *Дм. Ив.* прислалъ ко мнѣ новое изданіе своихъ басенъ и переводъ *Андреева* разсужденія о прекрасномъ. Охота ему тратить деньги на печатаніе! Лучше бы на нихъ готовое покупать. Но правда, метроманія есть неизцѣльная болѣзнь.

По газетамъ видно, что наша Россійская Академія принялась жаловать своими членами и иностранныхъ Славенъ, которые больше нашихъ сдѣлали пользы Славенской литературѣ. Естьли бы хотя ихъ сочиненія перевели намъ на Руской, то можетъ быть просвѣтили бы насъ больше, нежели академическими своими предложеніями. Мы больше Богемцевъ имѣемъ Славенскихъ древностей, но меньше ими пользуемся.

Объ Испанскихъ чудныхъ переворотахъ мы читаемъ только въ газетахъ и не вѣримъ спокойствію ихъ. У васъ вѣрно извѣстно что-нибудь точнѣе и подробнѣе. Народъ, какъ собака, когда за нею гонятся, то бѣжитъ, а за убѣгающимъ сама злѣе гонится и недовольна бываетъ уступкою. Франція сіе уже доказала. Дай Богъ, чтобы не пріучили чернь властвовать.

98.

От 16 Апрѣля 1820 (Псковъ).

Большое спасибо вамъ за Глазуновскую записку о *Тихоновыхъ* сочиненіяхъ. Я съ нея прибавилъ уже, что слѣдовало въ тетрадь, и самую тетрадь на нынѣшней почтѣ отправляю на имя Ревельскаго владыки *Владимира* въ Невскую Лавру для отдачи вамъ; а васъ прошу съѣздить къ нему, взять и немедля отдать въ свѣтскую цензуру, яко историч. сочиненіе, и постараться о скорѣйшемъ подписаніи къ печатанію. Въ 16 примѣч. сей тетради сдѣлана ссылка якобы на описаніе Задонскаго монастыря на концѣ книги; но сего описанія еще нѣтъ, и буду ждать изъ монастыря. Можно и послѣ исходатайствовать на оное

цензуру.—Ваша правда, что у книгопродавцевъ много библіографическихъ анекдотовъ годныхъ бы и для исторіи литературы; но у насъ все сіе считаютъ мелочью народною.

Лепехина Записки не первыя проданы на завертки. Часто выходитъ на оныя и сенатская архива. У иностранцевъ каждая записка ученаго и каждая книга ученымъ измаранная считается гороскопомъ его ума; а у насъ и умъ почитается только хорошею оберткою чиновъ, богатства и силы, и говорится: *безъ ума таки жить можно, а безъ счастія никакъ.*

Читалъ и я въ газетахъ о библіотекарскихъ украшеніяхъ и наградахъ. Тутъ бы и вы получили крестъ, естьли бы не упрямились; а можно бы поупрямиться уже послѣ креста.

Славенолюбцы, затѣвающіе начисто Славянскій журналъ, скорѣе всѣхъ оскудѣютъ въ матеріалахъ; а развѣ только Богемцевъ переводить будутъ; но въ Руси у насъ мало.—Какой журналъ выдумываетъ *В. Н—чъ*, и вы еще не знаете. Но всѣ журналы, кромѣ давно уже аккредитованныхъ, не барыши для издателей. У насъ аккредитованныхъ только два—*Вѣстникъ Европы* и *Сынъ Отечества*, отъ коихъ разбогатѣли издатели. Другіе вмѣсто денегъ накопили только магазины маклатуры. Я весьма одобряю законъ, естьли только по вашему увѣдомленію состоялся, чтобы журналисты, обманывающіе подписчиковъ, представляли поручительство о исполненіи своего обѣщанія. Ненаказанность за сіе отваживала на обманъ шарлатановъ. Напрасно винятъ въ семъ цензуру не пропускающую многое. Неужели лучшій тонъ статей только дерзость и глумленіе? Умъ хорошій найдетъ изъ всего хорошее и невинное. Одни посредственные умы вздорливы и крамольны. Слава Богу, что у насъ такой безпутной воли писцамъ нѣтъ какъ въ Англіи; но и тамъ за журналы часто стрѣляются.

Естьли бы вашъ *Нѣмцевичъ* прочелъ во 2 т. канцлеровыхъ грамотъ акты о смерти Димитрія Царевича, то не посмѣлъ бы утверждать, что Лжедимитрій былъ истинный Димитрій. Но Полякамъ и нужно выставлять его истиннымъ для извиненія себя въ крамолѣ на Россію, и взнести на нее вину цареубійства.

Итакъ вы были хотя на послѣднемъ *Сенъ-Моровомъ* чтеніи и живо мнѣ описали какъ его самого, такъ и залу его и собраніе пустослушателей. Но меня вы тѣмъ заставили прочесть въ Расиновой Федрѣ Тераменовъ славный разсказъ... Какъ ни превосходенъ Расинъ, но когда въ языкъ страсти втискиваетъ онъ сентенціи, остроуміе и игру слову, то приторенъ. А Вольтеръ еще больше симъ дурачится. Одна любимая его фигура, антитезисъ, сплошь надоѣдаетъ.

Вотъ скоро услышите и славную *Каталани*, опѣвшую уже весь свѣтъ и ѣдущую къ намъ Скиѳамъ испытать наши слухи. Но вѣрно громкое рукоплесканье къ статѣ и не къ статѣ докажетъ и ей нашъ вкусъ, образованный пѣснями оперъ Мельника и Сбитенщика. Арлекины, вышедшіе уже изъ моды всего свѣта, у насъ еще въ чести больше другихъ ролей.

99.

От҃ 20 Апрѣля 1820 (Псковъ).

Спасибо и за письмо отъ 14 Апрѣля, и за совѣтъ лѣчиться чеснокомъ отъ ревматизма. Можетъ быть, это годится отъ случайнаго ревматизма, а отъ хроническаго, 10 лѣтъ укоренившагося и, можетъ быть, отъ скорбутической остроты соковъ зависящаго, едвали поможетъ. Однакожъ попробую.

Спасибо и за *Мейерову* таблицу о *Фабриціевой* библіотекѣ. Новому изданію цѣна ужасная, около 300 р. Но дополните мнѣ сіе извѣстіе, въ переплетѣ ли или безъ переплета? Тогда на что-нибудь рѣшусь.

Роспись дипломатическихъ рукописей *Дубровскаго* вами мнѣ сообщенная почти пустошная; а естьли еще и содержаніе не важное, то и смѣшна. Но я видѣлъ у *Дубровскаго* большую кучу и пергаменныхъ граммать Готическаго письма.

Чудно мнѣ ваше извѣстіе, что *Кругъ* принялся писать обозрѣніе всѣхъ *канцлеровыхъ* изданій. Неужели онъ въ состояніи намъ оцѣнить и Судебникъ великаго князя Ивана Васильевича, и Древнія Рускія стихотворенія, и проч. Вѣдь это не мюнцъ-кабинетъ. Но Нѣмцы, правда, за все берутся, чего и не знаютъ. Даже и знаменитый *Ейлеръ* нашъ пріѣхалъ въ Россію для вступленія въ лѣкарское званіе, самъ учившись оному только 1½ г.; тогда и не замѣтилъ еще въ себѣ, что натура предопредѣлила его совсѣмъ не къ медицинѣ.

Исторію о Владимирскомъ духоб. библеизмѣ я въ первый разъ отъ васъ слышу. Сію секту нынѣ сильно подкрѣпляютъ. Но надобно вспомнить революцію, начавшуюся съ религіи и кончившуюся... Точно такъ и квакеры въ Англіи начали декламаціями противъ духовенства и церкви, а кончили противъ государства и общественныхъ обыкновеній бѣшенымъ фанатизмомъ. Загляните въ прекрасную о нихъ статью Бержіерова Dictionnaire de Théologie.

Анекдотъ вашъ о пѣвческомъ корпусѣ доказываетъ, что когда стараются прекратить безпорядки за дворомъ, то часто не видятъ ихъ въ самомъ домѣ. Человѣкъ вездѣ человѣкъ, растлѣнная отъ Адама тварь.

Новозаводящееся у васъ общество *добрыхъ помѣщиковъ* не отъ Василья ли Н—ча прожектируется? Но вы пишете, что онъ говоритъ уже о возвращеніи домой на лѣто, можетъ быть юбилейное, на 50 лѣтъ. Я вамъ это давно пророчилъ.

Спасибо и за 3-й листъ вашего каталога *Плавильщикову*. Естьли есть книги тутъ и не на мѣстѣ, то все таки онъ каталогъ raisonné, какого у насъ еще не было. А исторія воздастъ вамъ за сіе честь...

П. И. Кеппенъ на прошлой почтѣ прислалъ мнѣ 6 тетрадей весьма любопытнаго своего изслѣдованія объ Ольвіи. Я уже прочиталъ ихъ по проѣздѣ его и сдѣлалъ замѣчанія, кои въ прилагаемомъ при семъ письмѣ и посылаю. Но вотъ задача, которую мнѣ труднѣе рѣшить: онъ прислалъ мнѣ тетради свои подъ адресомъ и печатью Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, слѣдоват. безъ l'agio. А мнѣ можно ли возвратить оныя симъ путемъ, не знаю. Платить же, по нынѣшней таксѣ, тяжело. Пожалуйте переговорите съ нимъ о семъ и меня поскорѣе увѣдомьте. Я въ письмѣ къ нему намекнулъ только ему и просилъ съ вами поговорить. У васъ въ Питерѣ все возможно, а въ провинціяхъ не то.

P. S. Вотъ сей часъ и еще ваше письмо отъ 17 Апрѣля съ приложеніемъ Полоцкой печати. Но содержанія грамматы вы мнѣ не сказали.—*Линделя* по дѣломъ выгоняютъ въ Одессу поближе къ духоборцамъ, съ коими онъ и мнѣніями сходенъ.—*Канцлеру* добрый путь въ Москву.—Отъ *Трощинскаго* надѣяться нечего.—*Плавильщикова* согласіе на мѣну хорошо; но какая цѣна его книгамъ, не знаю. Надобно реестръ имѣть. *Бардовскій* пишетъ мнѣ, что онъ по первому еще письму моему къ нему не получалъ экземпляра моего словаря. Отошлите пожалуйте ему при прилагаемомъ письмѣ; а сами въ знакомство его не навязывайтесь..., естьли самъ онъ не ищетъ.

100.

От 30 Апрѣля 1820 (Псковъ).

Винные погреба подъ библіотекою, можетъ статься, сочтены нужными какъ Иппокрена и Касталій подъ Парнассомъ, по выраженію стихотворца—Fontis docti lympha [1]). Пусть и тутъ течетъ Иппокрена. Ungula Gorgonei quae cava fecit equi [2]); только бы устроителю не дали названія Gorgoneus equus—Пегазъ.

Указа о Жидахъ недопускаемыхъ имѣть у себя въ услуженіи христіанъ я еще не видалъ. Но давно есть общій указъ, чтобы Рус.

---

[1]) Влага ученаго источника.

[2]) Копыто Горгонскаго коня сдѣлало таковыя углубленія.

христіанамъ у не-христіанъ рабами не быть. Однако деньги все порабощаютъ. Что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ Его — Іудино словцо у всѣхъ въ сердцѣ. Даже и патріоты древняго Рима говаривали: Romae omnia venalia [1]).—О *Головинѣ* также не читалъ я указа. Но такихъ Головиныхъ вездѣ много. Въ царствованіе Екатерины II оказался въ Тверской губ. одинъ помѣщикъ, раздававшій крестьянкамъ щенятъ для выкармливанія грудью. Чудовища человѣчества всегда были и будутъ.—Указъ объ изданіи журналовъ неиначе какъ съ дозволенія начальства публикованъ и въ Парижѣ. Кто жъ у кого перенялъ? О imitatores, servum pecus [2])!

Пусть Поляки что̀ хотятъ пишутъ о Лжедимитріѣ; но у насъ исторія объ истинномъ освящена уже его мощами въ Московск. Архангельскомъ соборѣ. Мать отъ страху признала Лжедимитрія своимъ, но послѣ на свободѣ отреклась отъ него. Шуйскому, можетъ быть, и не думавшему быть царемъ по выбору, не было нужды послѣ выбора и послѣ уже смерти самозванца опровергать его; но Полякамъ и нынѣ нужда оправдываться за него.—Желалъ бы и я взглянуть на грамматы королевскія XVI вѣка Печерскому монастырю и Володимирскому епископу. Но нѣтъ ли ихъ и въ книгѣ Георгія Кониссказо, издавшаго всѣ таковыя грамматы въ одной книгѣ?—О поѣздкѣ своей въ Москву канцлеръ не увѣдомилъ еще. Но о предназначенномъ изданіи Рускихъ путешественниковъ писалъ онъ и ко мнѣ. Въ добрый ему часъ!

Журналовъ благонамѣреннаго и человѣколюбиваго я не получаю, и потому не буду видѣть ни вашихъ, ни В. Н. статей. Нынѣ столь много журналовъ, что всѣхъ и искупить не можно. А въ такомъ городкѣ, какъ Псковъ, нѣтъ и охотниковъ на сіи издержки.

Писавши вамъ прежде о возможности соревнователей оболгать васъ и у высшаго начальства, я какъ будто угадалъ, судя по тому что̀ вы сами теперь мнѣ о семъ пишете. Крамольная молодежь всегда больше стариковъ успѣваетъ, потому что она крикливѣе ихъ и больше имѣетъ на своей сторонѣ дерзкихъ. А шумъ и во всей натурѣ больше обращаетъ на себя вниманія, нежели безмолвная тишина.

О *Кеппеновой* Ольвіовщинѣ я уже писалъ вамъ, а отъ васъ жду наставленія, какъ возвратить ему тетради. Изслѣдованіе его глубоко; но полезно ли для нашей исторіи, не знаю. А *Гарижскій*, если только Пирмонтовы пороги намъ толкуетъ, то немного просвѣтитъ насъ. У молодыхъ списателей, а не писателей, обычай, переиначивая только по нѣскольку чужое, выдавать за свое. Но знающихъ не обманутъ

[1]) Въ Римѣ все продажно.

[2]) О подражатели, раболѣпствующіе скоты!

Въ такомъ случаѣ мы больше будемъ благодарны *Тредьяковскому* или *Татищеву*, растолковавшимъ сіи пороги по своему, не списывая у другихъ.

На нынѣшней почтѣ я изъ Петербурга получилъ отъ какого-то кавалера *Filistri* Франц. письмо съ историко-хронологическими его таблицами, изданными на Рускомъ. Онъ, не будучи вовсе мнѣ знакомъ, проситъ меня пересмотрѣть и поправить его таблицы! Представьте же себѣ человѣка, думающаго что, будто я много имѣю досугу рыться въ повѣркѣ его таблицъ и датовъ, что̀ труднѣе и математическихъ выкладокъ, не требующихъ ничего кромѣ таблицы и грифеля. А тутъ надобно обкласться книгами. Не знакомъ ли онъ вамъ? Растолкуйте ему это.

Не сыщете ли въ вашей коммисіи закона, чтобы раскольникамъ отводить особыя кладбища? Сообщите мнѣ, я отыскать не могу; а помню, кажется, былъ 1787 года указъ о семъ.

101.

От 4 Мая 1820 (Псковъ).

Спасибо вамъ за отсылку тетради о Тихонѣ въ цензуру. По выпускѣ оной пришлите ко мнѣ. А я отправлю прежде въ Воронежъ къ владыкѣ. Пусть они сами договариваются съ Московскими типографщиками.

Я вѣрю, что статистическія таблицы *В П—ча* будутъ любопытны: онъ весьма способенъ къ такимъ соображеніямъ. Чтобы *Ходаковскому* дали на 4 года по 3000 р. серебромъ ежегодно, я сему никогда не повѣрю.

Билеты на Плиніевъ панегирикъ напрасно вы мнѣ прислали: у меня есть подлинникъ. Въ семинаріи тоже; и я не имѣю даже власти принуждать ее покупать книги, а снабжаетъ коммиссія наша какими заблагоразсудитъ, даже и по прошенію издателей, кое-какъ сбывающихъ свои книги. Отъ сего, напр., произошло, что коммиссія разослала по семинаріямъ Образцовыя Рускія сочиненія въ 12 томахъ; а послѣ указами предписывали нѣкоторые изъ тѣхъ томовъ не показывать ученикамъ, яко соблазнительные.

Свиньинскій новый журналъ также не найдетъ во мнѣ подписчика. Вы столичные читайте сіи модные журналы, а мы провинціалы держимся только старыхъ, къ коимъ привыкли.

Руссовой тетради на *Ходаковскаго* я не видалъ. Но не диво, естьли и самъ *исторіографъ* въ отмщеніе способствовалъ выходу оной. Авторское самолюбіе лукаво.

102.

От 11 Мая 1820 (Псковъ).

Такъ и быть, *Фабриціеву* Bibliothecam Graecam новѣйшаго изданія въ 12 ч. закажите Мейеру поскорѣе для меня выписать. Хоть и дорого, но книга мнѣ нужна.

Канцлеръ охотникъ навязывать дѣла. Сверхъ задачливой со мною всегда переписки, онъ мнѣ предложилъ прочитать всѣ лѣтописи, выписать всѣ собственныя имена и географическія, всѣ политической экономіи статьи напр. о цѣнахъ, торгахъ и пр., и всѣ нападенія враговъ. Какова же задача должностному человѣку? И на сколько лѣтъ станетъ исполненіе? А все это для чего же? Чтобы будущіе историки воспользовались для своихъ соображеній, не сказавъ и спасибо собирателю. Но я напрямки отказался отъ сей механической, Египетской работы. Не будетъ ли предлагать вамъ? Для сего надобно оставить всѣ прочія текущія занятія. *Кругъ*, какъ и всѣ Нѣмцы, видно, лучше Рускихъ умѣетъ подряжаться у *канцлера*. Чтò нужды, чтò *Коцебувскій* вояжъ не стоитъ своей цѣны? Но редакторъ опишетъ его драгоцѣннымъ за новую цѣну. А этотъ романъ можно бы сочинить и не ѣздивши.

Кеппенъ ничего еще мнѣ не отвѣчалъ. Жаль сего молодаго ученаго, естьли по описанію вашему здоровье его ненадежно. Чахотка въ молодыхъ лѣтахъ коротка и можетъ въ слѣдующую же осень кончиться.

Вѣсти ваши о волѣ .... дай Богъ чтобъ сбылись. Они стоятъ многихъ денегъ и—слезъ. Но я помолчу.

Бардовскаго пустословнаго письма дѣйствительно я не выразумѣлъ; а онъ просилъ у меня, какъ вижу, Исторіи Росс. Іерархіи.

Чтò за записка *Яковлева* о Пекинской миссіи? Я свою бралъ изъ дипломатическаго сокращенія *Бантышева*, мнѣ отъ него доставленнаго. У него о Пекинскихъ дѣлахъ составлена была цѣлая книга.

Естьли *Плавильщиковъ* достанетъ вамъ роспись запрещенныхъ у насъ книгъ, то сообщите и мнѣ сію рѣдкость. Недивно, что библіоманы покупаютъ ихъ дорого. Raritas imponit praetia rebus *), сказалъ Ювеналъ.

Пенсіонъ женѣ *Невѣровскаго* почти невѣроятенъ. Вотъ какъ играютъ милостьми Государевыми! А служащимъ не прибавляютъ и жалованья. Особливо наши консисторіи такъ бѣдны, что никто и служить не хочетъ.

Бароновъ прожектъ о соединеніи архивовъ въ одно управленіе съ перваго взгляда всякому могъ показаться затѣйливымъ. А *Куницынъ*

---

*) Рѣдкость сообщаетъ цѣну предметамъ.

продолжаетъ и коммиссію его выводить изъ кредита. Кажется, паденіе ему неизбѣжно. *Хапылевы* и другіе доказываютъ, что и безъ коммиссіи юриспруденція наша можетъ объясниться вполнѣ трудами частныхъ людей. Юридическія же книги нынѣ въ модѣ по книжнымъ лавкамъ.

Общество добрыхъ помѣщиковъ, кажется, мнѣ не состоится; ибо никто ихъ не разумѣетъ добрыми иначе, какъ только для себя. Для увѣренія въ семъ нужно только спросить крестьянъ.

103.

От 17 Мая 1820 (Псковъ).

Благодарю за выписку «привилеи» Холмскому *Ѳеодосію*. Но я сего Ѳеодосія не нахожу въ нашей іерархіи. Можетъ быть онъ и не былъ, несмотря на привилегію, или былъ уніатъ, неудостоенный нашими признанія, или умеръ прежде Сильвестра, на мѣсто коего онъ былъ назначенъ. Послѣднее вѣроятнѣе, ибо и *Кульчицкій* въ своемъ каталогѣ Литовскихъ митрополитовъ его не упоминаетъ; а Кульчицкій въ сопротивоположность нашимъ не упустилъ бы.

Итакъ Скванчіева лотерея разыграна; при газетахъ напечатанъ уже и листъ выигрышныхъ номеровъ. Но не сказано, кому какіе выигрыши и кому солитеръ. Дай Богъ бѣдному!

Отъ *Кеппена* никакой вѣсти и наряда объ его тетради я не получаю доселѣ; а съ загородной мызы и долго не получу. Дай Богъ только, чтобы онъ оздоровѣлъ и кончилъ свою любопытную статью объ Ольвіи.

Получилъ и я 3 кн. Соревнователя и въ концѣ нашелъ множество вынесенныхъ ерратовъ, а въ книжкѣ ни одной полезной статьи. Естьли такое будетъ и продолженіе, то отнимутъ охоту и подписываться.

Начало 2-й ч. каталога *Плавильщикова* отъ васъ получилъ я. Но тутъ только начало Богословіи, а эта статья нынѣ по несчастію отъ всѣхъ плодовито размножается. Но и на первомъ листѣ я нашелъ у васъ много ошибокъ, и наприм. № 1060 не Гаврила, а Герасима *Павскаго*; № 1133 не Самуила, а *Иренея Фальковскаго*; № 1149 и 1150 одного автора; № 1152 не *Суханова*, который только читалъ, а *Евгенія* вашего, и проч. Стыдно намъ, когда въ семъ отдѣленіи высунутся и женщины, коимъ св. ап. Павелъ (1 Кор. XIV, 34, и I Тим. II, 11) заповѣдалъ молчать въ церкви и не учить. Но онѣ и въ раю прежде забогословствовали, только не съ Богомъ.

Я спрашивалъ васъ, какъ редактора коммиссіи составленія законовъ, объ указѣ о раскольничьихъ кладбищахъ 1787 г.; а вы мнѣ ука-

зываете, что закона сего нѣтъ въ Чулковѣ Словарѣ; объ этомъ я и прежде съ *Чулковымъ* справился. Но *Чулковъ* неполонъ и невѣренъ. Я думалъ въ васъ найти источникъ и полнѣе, и вѣрнѣе. Такъ нѣкогда при изданіи Исторіи Іерархіи, занимаясь изслѣдованіемъ объ *Іосифѣ Нелюбовичѣ*, митрополитѣ (котораго въ 1 ч. Іерархіи стр. 61 я напечаталъ уже погребеннымъ въ Лубенскомъ монастырѣ), желалъ я увѣриться, точно ли это правда, и просилъ покойнаго *Бантыша* написать въ Полтаву вопросъ о семъ. Что жъ Полтавцы отвѣчали? Что это точно правда; ибо-де въ 1 части Исторіи Іерархіи стр. 61 такъ напечатано! А сами и не вздумали справиться и увѣриться съ мѣстными свѣдѣніями. На сіе тогда умно спутилъ мнѣ въ отвѣтъ *Б. - Каменскій*: «не судите; у нихъ старинной законъ и обычай по писаному, какъ по тесаному, и что̀ написано перомъ, того не вырубишь топоромъ!»

104.

От̆ъ 28 Мая 1820 (Псковъ).

Маршрутъ *Государя* до Варшавы и я читалъ. Но обратнаго пути еще не объявлено; не поѣдетъ ли опять чрезъ Псковъ?

Жаль, что *канцлеръ* не даетъ вамъ *Литовскаго Статута*, по крайней мѣрѣ для увѣдомленія объ ономъ публики. Иначе кто будетъ знать, что онъ есть на свѣтѣ? А узнавши, хотя Поляки поусердствовали бы издать его и объяснить. Вы правду говорите, что естьли бы пропустили его въ Польшу, то онъ былъ бы полезнѣе. А наши библотафы не умѣютъ ни сами пользоваться, ни другимъ доставлять пользу.

Намѣреніе ваше приняться и за *Селліевъ* каталогъ весьма важно. Мнѣ обѣщался въ этомъ и *Кеппенъ*; но его, думаю, будущая же осень задушитъ чахоткою. Получилъ я и отъ него благодарное письмо за мои замѣчанія объ Ольвіи. Но ни слова о возвращеніи тетради.

Читалъ я въ № 20 Сына Отеч. колкую статью на моднаго вашего балладиста или стиходѣйнаго галимматиста. Давно бы пора такъ образумить безразсудныхъ панегиристовъ галиматьи, величающихъ больше за сытые обѣды. Потомство будетъ смѣяться.

Свиньина журнала я не читаю и исторіи Костромской іерархіи не знаю, а также и каталога книгъ графа *Толстова* не имѣю. Но о сочиненіяхъ *Кирилла еп. Туровскаго* имѣю подробное извѣстіе отъ *Калайдовича* и отъ *канцлера*. Краткое жизнеописаніе его есть и въ Прологѣ. Я въ своемъ Словарѣ пропустилъ его; но если Богъ приведетъ вторично издавать, помѣщу. Діоптру *Филиппа Пустынника*, якобы сочиненную въ Смоленскѣ, нашелъ я на Латинскомъ напечатанную и въ

XXI т. Bibliothecae Maximae Patrum.. 1677 an. Пусть себѣ наши археоманы думаютъ, что она сочинена въ Смоленскѣ! *Калайдовичу* сильно хочется это доказать, и посмотримъ, какъ онъ докажетъ; такъ какъ онъ силится увѣрить, что и Іоаннъ Екзархъ Болгарскій, писавшій на Славенскомъ, былъ современникъ Кирилла и Меѳодія.

... Продолжайте издавать свой весьма полезный каталогъ, въ который войдутъ всѣ ваши библіографическіе спаргалы, безъ сего случая могшіе погибнуть для потомства.

Статьи *Буткова* (моего соотчича по Воронежу и мнѣ хорошо знакомаго) о Скорахъ и Норикахъ читалъ я. Это не послѣдняя въ нашей словесности этимологоманическая галиматья послѣ Тредьяковскаго. Кажется, даже въ критику и въ насмѣшку нашимъ этимологоманамъ нельзя было лучше написать такого Армяно-Грузинскаго вздора. Если вы видали книжку Іогана Генриха Димеля Опытъ историческаго доказательства о происхожденіи Россіянъ отъ Араратцовъ, какъ отъ перваго народа послѣ всемірнаго потопа, переложенной съ Нѣмецкаго (Спб., въ тип. Ак. Наукъ 1785, 48 стр.), то это старшій братъ статьи *Буткова*. Со временемъ изъ такихъ статей, сложивши ихъ съ произведеніями *Тредьяковскаго* о трехъ Рускихъ древностяхъ, съ толками *Байера* о Норманно-Руссахъ, съ Рустрингіею *канцлеровскою* и пр., будетъ имѣть и наша литература нѣсколько томовъ такого бреда; а санскритизмъ еще увеличитъ число ихъ. Даже и *Кеппенъ* въ сочиненіи своемъ объ Ольвіи пустился въ обширную этимологическую екзегетику о производствѣ имени р. Дона изъ Арабскихъ, Персидскихъ, Мидійскихъ, Кавказскихъ и пр. Ордынскихъ словъ. Я напомнилъ ему Шлецерово замѣчаніе, что этимологическія доказательства и подобозвучіе—послѣднія въ исторіи и весьма не надежныя и обманчивыя. Но онъ отвѣчаетъ, что Каннегиссеровы и Риттеровы этимологіи давали поводъ къ любопытнѣйшимъ розысканіямъ. Вѣрю, ибо этимологія способнѣе всего къ догадкамъ въ недостаткѣ историч. доказательствъ. Въ прошломъ Февралѣ я и *канцлеру*, похвалившемуся открытіемъ чрезъ *Френа* въ Арабскихъ лѣтописяхъ нѣкоторыхъ извѣстій о Россіи и Рускихъ, выписалъ изъ древнихъ географовъ десятка полтора именованій, какъ напр. Rusa, Ruscia, Russonia. Rusna и пр., кои отнюдь не значатъ Руссіи и Русскихъ.

Дай Богъ, чтобы понизили почтовую таксу посылокъ. Это мука наипаче для ученыхъ. Даже и простыя письма становятся уже тяжелы для друзей; а почта едвали чрезъ то побогатѣла. Финансовыя спекуляціи, нынѣ всѣхъ министровъ кружащія, не всегда бываютъ удачны. Агличане смѣются уже новому нашему тарифу, на насъ же всѣ тягости пошлинъ обратившему.—Въ Академич. вѣдомостяхъ № 40 на с. 490

публиковано «Обозрѣніе критики *Ходаковскаго* на исторію *Карамзина*. Соч. *Р*». Не читали ль вы? Скажите мнѣ, что это? Кажется уже Ходаковскаго начинають дурачить.

105.

От 4 Іюня 1820 (Псковъ).

Развертывая ваше письмо отъ 26 Маія, на 2-хъ четверткахъ, обрадовался я, какъ и всегда радуюсь полновѣснымъ вашимъ письмамъ. Но половину сего письма заняло описаніе книжки, больше въ защиту, нежели въ опроверженіе духоборцевъ изданной, которая мнѣ давно извѣстна, ибо—увы!—отъ министра она по нѣсколько сотъ разослана ко всѣмъ архіереямъ *по секрету* для распродажи по 1 р. въ пользу бѣдныхъ. И такъ мы же сдѣланы распространителями сего мудрованія. Я не писалъ вамъ потому, что разсылка была *по секрету*. Я повѣрилъ многіе тексты и нашелъ иные на выворотъ, а иные совсѣмъ не къ смыслу, а иные прямо въ защиту *духовидства*. Вмѣстѣ со школьными богословами тутъ слѣдуетъ выключить изъ участія въ дарахъ Духа Божія и Василія Великаго, и Августина, и Іоанна Дамаскина, писавшихъ о догматахъ по школярному.

Итакъ *канцлеръ* ускакалъ уже въ Москву потѣшиться своими затѣянными изданіями. А Нѣмцы готовятъ ихъ ему еще болѣе. Ваша Ипатьевская также озаботитъ его...

Большое вамъ спасибо за подписку на *Фабриціеву* библіотеку у *Мейера*. Будемъ ждать привозу и вѣрно въ листахъ, кои уже въ Питерѣ достанется осмотрѣть и переплести подешевлѣ для экономіи. Вы многократно уже принимались рекомендовать мнѣ дешевизну *Линдова* Словаря у Мейера. Соблазняюсь, но еще немного подожду просить васъ о немъ. Надобно собрать и приготовить деньги. Спасибо за увѣдомленіе о Варшавскомъ бракѣ *В. К.* Я отъ многихъ слыхалъ подобное Сегюрову мнѣніе о Полячкахъ, qu'elles sont bonnes seulement à être maîtresses *). Когда *Государь* увидитъ, то авось помирятся.

Упоминаемая вами *Лелевелева* диссертація о древнихъ Литовскихъ народахъ должна быть любопытна. Исторія весьма скудна извѣстіями о сихъ древнихъ и коренныхъ, но неразысканныхъ еще ордахъ. *Тацитъ*, давшій намъ хотя краткое понятіе о Финнахъ и Эстахъ, ничего не упомянулъ о Литовцахъ. А Греческія сказки о Сарматахъ и Герулахъ влаются по Сѣверу какъ непостоянный вѣтеръ. Впрочемъ, кто всѣхъ опровергаетъ и бранитъ, а самъ лучшаго не вѣдаетъ, тотъ въ

*) Онѣ хороши только быть любовницами.

половину только намъ полезенъ.... О чемъ нельзя сказать, что оно хуже другаго? Но докажи прежде, въ чемъ. Молодые выскочки и въ литературѣ, какъ и въ службѣ, хвастливѣе только стариковъ и больше ничего. Поляки жъ хвастливѣе всѣхъ; а при натискѣ—*до лясу*.

Теперь вашъ отвѣтъ и на другое ваше письмо отъ 29 Маія. Спасибо за 5-й л. каталога вашего, но я не получалъ отъ васъ 4 листа. Естьли вамъ не противны мои указанія ошибокъ въ немъ, то я займусь поприлежнѣе чтеніемъ онаго, ибо и мимоходомъ многое вижу не такъ. Имянной вашъ индексъ авторовъ и переводчиковъ весьма полезенъ. Но чуръ языки не означать цифрами, а лучше сокращенно Греч., Лат. Англ. и пр. Цифрологія сбивчива для непривыкшихъ, какъ алгебра. Лучше лишнія строки, нежели недостатокъ толку.

Експектативныя грамматы Польскія были и у насъ по духовенству въ употребленіи. Попъ престарѣлый, боясь, чтобы по смерти его не втерся на мѣсто его сторонній, выпрашивалъ при жизни и здоровьѣ своему сыну или какому-нибудь роднѣ чинъ поповскій для поступленія по смерти. И такіе попы назывались *попы въ заставку*.

Я охотно согласенъ съ вами въ томъ, что для общаго государств. хозяйства и успѣшнѣйшихъ произведеній лучше бы казенныхъ крестьянъ, оцѣнивъ съ землями въ доходѣ, раздать арендаторамъ, нежели поручать взысканія казеннымъ палатамъ или губернскимъ правленіямъ съ земскими судами, дѣйствующими посредствомъ такъ называемыхъ *екзекуцій* въ недоимкахъ, отъ коихъ казенщина до дна разрушается. Арендаторъ, ограничиваемый кондиціями и въ пору не упускающій своего и государственнаго, лучше отдѣлается и отъ земскихъ судовъ. Но нынѣшняя либеральность метитъ только на феодальность, а не оглядывается на поступки государственной финансливости.

Указъ объ особыхъ раскольничьихъ кладбищахъ, не помню откуду, записанъ у меня 1787 г. Марта 24. По сей датѣ не найдете ли въ коммисіи? Онъ долженъ быть или имянной или сенатской, а собственно синодскимъ быть не могъ.

106.

От. 21 Іюня 1820 (Псковъ).

8 Іюня на своихъ лошадяхъ выѣхалъ я въ Дерптъ и доѣхалъ туда 10 около полуночи. Встрѣченъ и Рускими, и Нѣмцами. Осмотрѣлъ свою церковь, а съ утра университетскими профессорами приглашенъ смотрѣть ихъ университетъ. Но сей осмотръ, по множеству любопытныхъ предметовъ, продолжался 3 дня, и я не успѣлъ всего подробно осмотрѣть. Одинъ физическій кабинетъ при разсказахъ

весьма умнаго и славнаго профессора физики *Паррота*, занялъ меня на 3 часа. Машинъ рѣдкихъ и новѣйшихъ безчисленное множество; и все это отъ щедротъ нашего Монарха, нѣкогда особенно благоволившаго къ *Парроту*; но послѣ...—Натуральной кабинетъ также довольно богатой. Химическій имѣетъ только нужное. Библіотека изъ 27 т. книгъ занимала меня часа 4; но я успѣлъ осмотрѣть только классъ литературы древней, весьма богатый; а прочаго не успѣлъ. Клиника обширнѣе зданіемъ, нежели заведеніями. Ботаническій садъ достаточнѣе землею, нежели растеніями. О профессорахъ нечего сказать. Два только могли говорить со мною кое-какъ по латыни; прочіе отдѣлывались Французскимъ языкомъ; а есть нѣкоторые кромѣ Нѣмецкаго не знающіе никакого. Объ Рускомъ они и не думаютъ: ибо, получая по 5500 р жалованья, надѣются съ капиталомъ возвратиться въ Германію; а живутъ съ Нѣмецкою экономіею. Студентовъ и классовъ ихъ я уже не засталъ, ибо за двое сутокъ до пріѣзда моего распущены на вакацію. Много бы могъ я еще написать вамъ; но plura in posterum. А приступаю лучше къ отвѣту на ваши письма.

Спасибо за листы каталога. Ак. Наукъ правильно завидуетъ вашему примѣрному каталогу, а Императ. библіотафія пристыжена будетъ. Ваше описаніе богатства и порядка Географическаго Депо очень любопытно. Видно, что при маломъ числѣ смотрителей дитя бываетъ здоровѣе. А еще любопытнѣе, что географическій полковникъ *Депріяръ* обѣщалъ вамъ способы къ изданію Малороссійской исторіи (Берлинскаго), пренебреженной Малороссійскимъ вельможею, тратившимъ на Прасковью сотни тысячъ.—Будущій Исаакіевскій соборъ, какъ вы пишете, описанъ уже и изданъ въ книгѣ. Но отъ описанія до исполненія еще далеко, и не останется ли первое для потомства вмѣсто послѣдняго, требующаго 30 милліоновъ, кои нужнѣе на другое?

Я радъ, что Соревнователи раскаялись въ своемъ пьяномъ протоколѣ и совѣтую вамъ не устранять себя отъ нихъ—не для нихъ, но для пользы журнала безпомощнаго и по расхищеннымъ финансамъ, и по малоумію сочленовъ. Естьли бы и *В. Н.*, забывъ обиду, принялъ президентство, то журналъ бы процвѣлъ паче прочихъ. Но при *Ковалевскомъ* умножатся только шарады и логогрифы; да и при *Ал. Измайловѣ* появятся только растянутыя славословія и безвкусные переводы, коими набитъ и его журналъ. Я бы желалъ видѣть въ соревновательскомъ журналѣ вашу хотя краткую исторію Рус. библіографіи по статьямъ наукъ, какія когда больше издавались. Конечно, это дѣло принадлежало бы Росс. Академіи или Ак. Наукъ; но первая думаетъ только объ этимологіи, а послѣдняя о технологическомъ журналѣ. Богемская поэма, которую думаетъ издавать *Шишковъ*, есть у меня отъ *кан*-

цлера; но она любопытна только въ подлинникѣ, а въ переводѣ будетъ пустошна. Я нетерпѣливо буду ждать вашего перевода *Лелевелевыхъ* диссертацій, которыя можете помѣстить или въ Соревнователѣ, или въ С. О—ва. Есть ли это и парадоксы, то полезные для осторожности историковъ...

Указъ о раскольничьихъ кладбищахъ, можетъ быть, найдете въ Синодѣ чрезъ добраго Гиповскаго. А въ коммиссіи у васъ куча, rudis indigestaque moles, какъ говоритъ Овидій о хаосѣ. Горе *барону*, естьли его коммиссія уничтожена будетъ. Стыдъ пуще потери финансовъ, которыхъ онъ и ожидать не могъ отъ безрасчетныхъ своихъ затѣевъ. Сенатскіе и частные юристы, безпрестанно издающіе нынѣ свои компиляціи, упреждаютъ его и предвосхищаютъ ему принадлежащіе доходы. Я всегда вѣрилъ, что частные люди больше дѣлаютъ и въ фабрикахъ, и въ литературѣ, нежели казенныя заведенія. Кончину каррикатурнаго *А. С. Хвостова* съ письма вашего записалъ я въ свой Словарь. Онъ славился эпиграмматическимъ умомъ, хвастался обѣщаніями въ литературѣ, но кромѣ шутовской оды и компиляціоннаго сбору о поэзіи, напечатаннаго въ Бесѣдѣ, ничего намъ не оставилъ...

Итакъ я обманулся въ гаданіяхъ о наградѣ *Ходаковскаго*; но думаю, не обманулся въ томъ, что онъ обманетъ наше ожиданіе.

О вашей оріентальщинѣ читалъ я въ газетахъ и не повѣрилъ; а вы подтвердили мое невѣріе. У насъ обыкновенно похвальные рескрипты предваряютъ успѣхи. Вскорѣ за похвалою и Невскихъ перваго курса профессоровъ, *воспитанныхъ благонравно*, выключены были изъ семинарій многіе отличившіеся развратомъ ума и поведенія, и теперь еще остаются такіе жъ.

Спасибо за кусочки землянаго янтаря. Я нашелъ описаніе его и химическіе процессы въ Жакеневой химіи. *Жакенъ* также говоритъ, что основаніе его еще неизвѣстно.

Польскія ваши *Шанявскаго* диссертаціи о христіанствѣ еще не отыскалъ я. При наступленіи осени примусь разбирать всѣ свои бумаги и, вѣрно, отыщу. Слава Богу, что я уже освободился отъ страха и грозы переселиться къ вамъ. Интриги *Ф.* избавили меня отъ сего неудовольствія. Зимою, надѣюся, и вы посѣтите мое уединеніе.

P. S. Въ Дерптскомъ университетѣ видѣлъ я прекрасное и неоцѣненное Harlessanam editionem Fabricii *Bibliothecae Graecae* и *Bibliothecam antiquariam Fabricii*,—книга также любопытная. Прошу и ее выписать мнѣ чрезъ *Мейера*. Да не найдете ли мнѣ *Воскресенской* лѣтописи, коей у меня нѣтъ? Соглашаюсь и на *Линда* за 100 р. Пришлите. А деньги тотчасъ и вышлю, какъ скоро книги у васъ будутъ.

107.

Отъ 6 Іюля 1820 (Псковъ).

Задача *В. Н—ча* о десятилѣтнихъ перечняхъ каждаго селенія родившихся, умершихъ и вѣнчанныхъ больше многодѣльна письмомъ, нежели составленіемъ; ибо для составленія генеральнаго по епархіи итога всегда сперва дѣлаются частные въ подробныхъ книгахъ, и потому они уже готовы. Но при маломъ числѣ у насъ приказныхъ кто выписывать будетъ? А совсѣмъ новый трудъ тутъ же приписывать раздѣленіе крестьянъ помѣщичьихъ отъ казенныхъ, хотя и это все въ нашихъ вѣдомостяхъ метрическихъ есть. А означенія мѣстоположенія селами на сухомъ ли, болотномъ, низменномъ и пр. мѣстахъ, совсѣмъ у насъ нѣтъ, и хлопотно собирать, хотя и это чрезъ духовныхъ же возможно. Но не все возможное легко. Да и матерія сія занимательна только въ сводѣ сдѣланныхъ уже перечней и заключеній изъ оныхъ, но крайне суха и скучна порознь и въ отдѣльности. А вы еще требуете и соображеній десятилѣтнихъ объ урожаѣ съ разныхъ земель! Все сіе конечно полезныя свѣдѣнія, когда бъ собраны были, но трудиться для умозаключеній чужихъ мало охотниковъ. Даже и мнѣнію пресловутыхъ экономистовъ, что земледѣліе есть главный источникъ богатства народнаго, нынѣ перестаютъ уже вѣрить наши помѣщики, съ того времени какъ хлѣба̀ не требуютъ уже отъ насъ за границу. У насъ у всѣхъ полны закромы, и никто не покупаетъ. Пріѣзжіе изъ Одессы и Риги мнѣ сказывали, что и тамъ столько навезено хлѣба, что готовы бы сбыть за безцѣнокъ.

Проектъ объ учрежденіи дилижансовъ отъ Петербурга до Москвы на сію только дорогу и годится, ибо ѣздоковъ тамъ много; а таковая ѣзда для бѣдныхъ будетъ выгодна. Но на прочія дороги нельзя всегда набирать сѣдоковъ, и извощики останутся въ своихъ правахъ.

Спасибо вамъ за Наполеоновщину изъ Lettres champenoises. Но я что-то не вѣрю, чтобы это было *Наполеоново*. Не вѣрю и пророчеству о революціяхъ, предстоящихъ всему свѣту. Это, кажется, списано съ нынѣшняго уже броженія Германскаго, а не предсказано за пять лѣтъ. Видимое въ сей запискѣ эгоистическое хвастовство и *Макіавелическое* разсужденіе о управленіи царствъ хотя и прилично сему тирану, но слишкомъ нагло уже выставлено. Онъ точно такъ царствовалъ, но никогда въ томъ не признавался, да и признаваться счелъ бы за стыдъ. Онъ долженъ былъ предоставить потомству отгадывать себя. Пока онъ будетъ въ заключеніи, много еще появится такихъ поддѣльныхъ подъ его руку тетрадокъ. А самъ онъ вѣрно не бросилъ бы и сей на Эльбѣ. Я возвращу вамъ выписку вашу, но не

чрезъ почту, а при случаѣ. Что въ Bibliothèque universelle много вранья о Рускихъ книгахъ, это не диво. Нашему языку еще не учатся чужестранцы, а хватаютъ кое-что отъ нашихъ же перескащиковъ, по большей части невѣждъ и въ своей литературѣ. Я даже и въ Дерптѣ не замѣтилъ свѣдѣній о нашихъ книгахъ, и когда, по пересказамъ какого нибудь Рускаго, въ диссертаціи какой профессоръ сошлется на Рускую книгу, то не умѣетъ исправно и ссылки напечатать.

Итакъ *баронъ* вашъ получилъ и денегъ до 60 тыс. за свою маклатуру и орденъ Владимирскій! Но пренебреженіе его обѣда зваными гостями есть явное признаніе недостоинства его сихъ почестей. Даже изъ нашей братіи развѣ двое только, алмазными знаками подаренные, будутъ ему благодарны. Впрочемъ естьли, какъ вы пишете, и навязали присутственнымъ мѣстамъ его маклатуру, то онъ нескоро соберетъ деньги, ибо расходная сумма нашихъ присутственныхъ мѣстъ очень скудна. *Клингеръ*-Якобинецъ лучше умѣлъ обогатиться отъ ученыхъ суммъ.

Вы работаете надъ изданіемъ *Депріарандовыхъ* [1]) фантазій архитектурныхъ. Но мнѣ мерещится, что съ нимъ будетъ судьба нашего *Баженова*, коего планамъ удивлялись и чужестранцы, но не исполняли и соотчичи, и который при *Екатеринѣ* погибъ бы въ презрѣніи, естьли бы не воскресилъ его *Павелъ I-й*, и то не надолго. Гораздо умнѣе былъ покойный славный *Гваренги*, который сочинялъ только фасады, а никому не давалъ своихъ плановъ, зная, что на нихъ-то болѣе и ополчаются завистники и шиканы. *Депріардъ* меньше ошибется въ изданіи *Малоросс. исторіи*, которую по Малоросіи скоро раскупятъ. Но опись Рускихъ картъ опять трудное для распродажи дѣло у насъ Варварорусовъ, а еще меньше *Понятовскаго* карты.

Записки князя Шаховскаго читалъ я и въ рукописи, и въ печатномъ изданіи; въ послѣднемъ немного выкинуто, но весь слогъ передѣланъ: ибо подлинникъ Шаховскаго, неученаго подъячаго, преглупой и во многихъ мѣстахъ почти мужицкой или старо-канцелярской. Думаю, любопытнѣе будутъ записки объ Азовѣ, найденныя вами у В. Н—ча [2]).

Замѣчаніе ваше о *святомъ Исаакіѣ*, видно, не понравилось непонимавшимъ различія святаго отъ праведнаго. Но они не справлялись съ нашими святцами, въ коихъ различаются преподобные, праведные, святые, иже во святыхъ, блаженные и проч.

---

[1]) Рукою Анастасевича поправлено: Монтферандовыхъ.

[2]) Рукою Анастасевича зачеркнуто и написано: *г-на Яковлева*.

108.

12 Іюля 1820 (Псковъ).

Искренно благодарю за взятый для меня у *Мейера Линдовъ* словарь и отданный уже въ обозъ. А я посылаю вамъ за него при семъ и уплату (100 р.). Спасибо и за обѣщаніе скорой выписки Bibliographiae antiquariae *Fabricii*, ошибкою названной мною Bibliotheca. Но чуръ переплести ее въ Питерѣ въ корешокъ или хоть въ бумажку безъ обрѣзу, ибо у насъ переплесть некому. А притомъ дефектъ у васъ легче и дополнить. Къ великой моей досадѣ, теперь, читая сподвалъ исторію *Карамзина*, я въ IV т., въ примѣчаніяхъ нашелъ цѣлый типографскій листъ (10-й) вдвойнѣ, а листа 13-го отъ с. 196 до 213 цѣлаго нѣтъ. Нельзя ли вамъ у *Оленина* выпросить сей листъ, а я ему перешлю свой лишній; естьли же нельзя, то хотя для списанія прислать мнѣ, ибо здѣсь 2-го изд. нѣтъ ни у кого, кромѣ меня. Вотъ каковы Рускіе переплетчики, на которыхъ и суда нѣтъ! Дѣйствительно смѣшны затѣи нашихъ Рускихъ книгопродавцевъ заступить мѣсто *Мейера* въ академіи. Не *Оленины* ли это офранцузившіеся?

Чтò ни мечтаетъ *Ходаковскій* о языческихъ могилахъ и городищахъ по Сѣверу, но они ничто иное какъ послѣ побоища большія могилы, раскопанныя ищущими кладовъ. Такихъ много видѣлъ я и по Лифляндіи въ проѣздъ до Дерпта. Правда, и въ каждомъ старинномъ городкѣ есть земляные окопы, но отъ языческихъ ли они временъ, Богъ вѣсть. Жадничаю узнать, выхлопоталъ ли что ему министръ при отъѣздѣ *Государя*. А я гадаю, что онъ ему объявитъ, что на сіе *не послѣдовало благоволенія, къ сожалѣнію*, какъ и часто такъ объявляютъ. Пусть лучше потрудится намъ перетолковать по своему Игореву пѣснь собранными имъ пѣснями. Естьли и навретъ, то и это потѣха критикамъ. Не вѣрю также я, чтобы новооткрытыя Богемскія пѣсни были языческихъ временъ. Язычники-Славяне не умѣли писать, а упоминовеніе о языческихъ обрядахъ есть и въ нашихъ Рускихъ стихотвореніяхъ; но за это кто сочтетъ ихъ языческими? Напечатайте ихъ въ С. О.: тогда авось услышите сужденіе критиковъ.

Видно, Виленскіе филантропы лучше умѣютъ уменьшать нищихъ самымъ дѣломъ, нежели наши только журналомъ и выкликиваніемъ подаяній; но у насъ всегда бывало больше писцовъ, нежели дѣльцовъ.

Очень забавна мнѣ показалась ваша встрѣча сѣдаго Селадона съ 16-лѣтней Потоцкой. Тутъ при балагурствѣ вы скорѣе бы могли выпросить помощь и по своему дѣлу со *Стройновскимъ*, на котораго промѣнялъ васъ и совѣстный судья. Хорошо бы ему изъ себя сочи-

нить на эту басню въ добавокъ къ прочимъ. Да скажите мнѣ, что̀ за апологъ *В. Н—ча* о *Пахомовѣ* домѣ? Я ничего о семъ не слыхалъ. Видно намекъ на кого нибудь Несвиньина (sic), котораго критики уже стрекочутъ, какъ и моднаго *Жуковскаго*.

Боюсь я, какъ бы *Монтферана* архитектонія не кончилась одною моделью. Зависть въ жизни сильнѣе достоинствъ, а слабѣетъ только по смерти. О великихъ художникахъ прекрасно сказалъ Горацій Lib. II, Epist. I, 12—14.....

Пусть *Ступинъ*, хотя изъ ревности вамъ, издаетъ также систематическій каталогъ. Изъ многихъ таковыхъ, хотя неполныхъ и неисправныхъ, со временемъ и у насъ будетъ catalogue raisonné, какъ у чужестранцевъ. Но знаете ли, кто первый у насъ началъ издавать такіе каталоги? *Новиковъ* въ послѣдніе годы (около 1792) своей книжной спекуляціи, а по немъ *Сѣтушкинъ* и *Окороковъ*, содержатели Моск. университетской типографіи.

Что раскольники давно имѣютъ указное позволеніе на особыя кладбища, очевидно изъ Петербургскаго, Московскаго, Калужскаго и пр.; но съ коихъ поръ и на чемъ основано? А и у меня вѣрно не съ вѣтру записано, но гдѣ нибудь я читалъ и забылъ. У *Чулкова* и у *Правикова* о семъ нѣтъ; а что̀ стыднѣе—и у вашей коммисіи.

Мы ничего еще не слышимъ о проѣздѣ по нашей губерніи Государя. Но все готово по пути его отъ Порхова до Холма.

109.

23 Іюля 1820 (Псковъ).

За разными моими отлучками въ окружные монастыри задолжалъ я вамъ отвѣтомъ уже на три письма ваши отъ 9, 13 и 16 Іюля. Но спѣшу расплатиться хотя однимъ. Итакъ, вопреки моего гаданія, *Ходаковскій* снабженъ уже на годовое путешествіе 3,000 рубл. сер., помощникомъ съ 1,000 рубл. сер. же, указами Синода и Сената, нарядомъ подводъ и проч.!... Кто нынѣ не играетъ довѣренностію правительства? Но мнѣ кажется, что *Келлеръ*, путешествующій для описанія и сохраненія древнихъ зданій по Россіи, больше найдетъ документальности, хотя и не знаетъ по-руски. Ибо нынѣ и Русскіе мастера хвастать пофранцузски. Мы и въ Псковѣ укажемъ ему на десятки такихъ зданій, а въ Лифляндіи и Эстляндіи докажутъ ему документами сотни цѣлыя оныхъ. *Ходаковскому* же остается только догадываться и мечтать. Тогда и *Карамзину* легче будетъ смѣяться надъ его бродяжничествомъ.

Что̀ за статуи чугунныя, привезенныя изъ Сибири для переплавленья у *Берта*? Неужели онѣ стоили столь дальней перевозки? Ваша

правда, что лучше бы закопать ихъ въ землю и навести на нихъ какого нибудь архсомана для оглашенія ихъ антиками Геркуланскими.

Спасибо за переплетенный экз. Исакоописанія, а непереплетенный отдалъ я въ семинарскую библіотеку на память потомству. Я воображалъ, что этой книгѣ должно быть листовъ въ 200; но старый и новый гигантъ Исаакій у автора-переводчика вмѣстился въ 19 страничкахъ, которыя архитекторъ продаетъ по 100 рубл. въ оригиналѣ. Можетъ быть рисунки составляютъ цѣну, но пока я отъ васъ не увижу хотя корректурныхъ или пробныхъ оттисковъ, то не пойму цѣны.

Добрый путь *Линделю* въ ссылку Овидіеву; его клянутъ и Бѣлорусцы, наши сосѣди, называющіе его антихристомъ. Въ Одессѣ Меннонисты не назовутъ ли его Христомъ? Туда можетъ отвезти онъ и всѣ экземпляры новоизданнаго *Дѣятельнаго ученія*. Вотъ бы хорошо *Яковлеву*, новому издателю Рускихъ каррикатуръ, списать и сихъ сочинителей съ натуры въ свое продолженіе *Бекетовскаго* Пантеона.

Неужели Дерптскій *Воейковъ* у васъ въ Питерѣ остался жить? А мнѣ онъ обѣщался, не болѣе 12 дней тамъ проживши, ѣхать въ Украйну чрезъ Псковъ и погостить у меня. На свое мѣсто въ Дерптъ онъ гадалъ Казанскаго *Перевозчикова*, а вы намекаете *Кюхельбекера*!

Объ *Уваровскомъ* уставѣ Петербургскаго университета вы мнѣ прежде не писали. Но *Кавелинъ* таки вытѣсненъ во Владимирскіе губернаторы, какъ вижу изъ газетъ. Министръ вездѣ по своему вліянію передѣлываетъ. Окружающіе жъ его поступаютъ точно и съ учеными по прекрасной Польской пословицѣ Трембецкаго, вами мнѣ сообщенной: oko w niebie...

Вы отгадали, что я часто не только пропускаю, но и цѣлыми книжками опускаю чтеніе журналовъ. Соревнователя я съ III № еще не читалъ; но прекрасная *Гиппингова* статья о народѣ Емѣ и о Купецкой рѣкѣ еще до напечатанія въ Соревнователѣ мнѣ была извѣстна чрезъ посылку отъ *канцлера*, и я, помню, вамъ совѣтовалъ уговорить соревнователей помѣстить переводъ оной въ журналѣ.

Парадоксическій гадатель *Лербергъ* и догматическій въ исторіи деспотъ *Карамзинъ* слишкомъ широкую полосу земли назначили Емамъ, а Купеческую рѣку указали слишкомъ далеко отъ Новогородцевъ. *Гиппингъ* во всемъ этомъ умѣреннѣе: хотя, также какъ и *Лербергъ* и *Карамзинъ*, только гадаетъ, но по крайней мѣрѣ доказываетъ. А тѣ безъ доказательствъ требуютъ вѣры.

За поѣздками номеровъ 6 и Сына Отечества и ном. 4 Вѣстника Европы я не читалъ. По вашему указанію прочелъ только о злодѣѣ *Лувелѣ*, недостойномъ бы никакого журнала; а тутъ онъ и изображенъ. Сибирскаго Вѣстника въ Псковѣ ни я, ни кто другой не получаемъ.

Но по замѣчанію вашему окритикованныя мѣста Російской Іерархіи замѣчены были еще въ *Семивскаго* покойнаго Описаніи Сибири; слѣдовательно, Вѣстникъ чужое только пересказалъ.

Что въ монастыряхъ нашихъ было много древнихъ одѣяній и орудій, это извѣстно. Въ Кириллобѣлоозерскомъ монастырѣ и донынѣ ихъ много. Есть ли въ Сергіевой Лаврѣ. Но множество уже растащено. Хотя бы для собранія и описанія остатковъ послать бы какого-нибудь путешественника, который для нашей національности нашелъ бы больше любопытнаго, нежели *Ходаковскій* могилоглядъ, *Келлеръ* стѣноглядъ и *Шмидъ* языкоискатель въ добавокъ *Аделунговымъ* 3000 языкамъ, коихъ сличеніе можетъ завести въ такіяжъ мечты, въ какія завели *Ходаковскаго* могилы и городища.

Возвращаю вамъ романическую статью объ *Алфери*. Съ кончины *Димитрія Царевича* даже до царя *Алексѣя Михайловича* вездѣ появлялись самозванцы и чужезванцы, будто наше царское племя. Можетъ быть, таковъ былъ и этотъ Алфери. Можетъ быть, и *В. Н—ча* догадка справедлива, что онъ изъ числа Рускихъ дворянскихъ дѣтей, посыланныхъ въ чужіе краи *Годуновымъ* для наукъ. А что Годуновъ ихъ посылалъ, о томъ упоминаетъ и *Фидлеръ* въ панегирикѣ ему. Самъ сей Фидлеръ на коштѣ Борисовѣ обучался въ Ригѣ. Изъ 18 дворянскихъ дѣтей, отправленныхъ имъ въ чужіе краи, 5 остались въ Любекѣ, 3 въ Швеціи при королѣ Карлѣ IX; легко могли остаться и въ Англіи, боясь возвратиться къ врагамъ своего благодѣтеля.

Давно собираюсь я у васъ спросить: вашъ *Ипатьевскій списокъ* пергаменный или бумажный? Въ которомъ году писанъ? Тоже ли онъ что̀ Хлѣбниковскій и Лаврентьевскій?

110.

От 28 Іюля 1820 (Псковъ).

В. Н. все еще безъ мѣста и послѣ обѣщаній *графа К!* А ласковый пріемъ дѣтей Императрицею — придворный этикетъ. Жаль, что Царскосельскій пожаръ смутилъ бумаги и *исторіографовы*; но пока онъ приведетъ ихъ въ порядокъ, пора бы подарить насъ IX-ю частью исторіи давнообѣщаемой. А кончитъ ли онъ ее всю, хотя до временъ Петровыхъ, сомнительно. Чѣмъ новѣе наша исторія, тѣмъ обширнѣе въ документахъ и труднѣе въ оспариваніи иностранныхъ писцовъ.

Трудно будетъ *В. Н—чу* истребить и изгнать изъ нашихъ журналовъ Тибуловщину. Молодежи Тибуловской больше на свѣтѣ, нежели стариковъ-Катоновъ угрюмыхъ!

Польской проектъ о пропитываніи Евреевъ обращающихся къ христіанству, какъ бы ни былъ филантропически написанъ, но казна

не приметъ сего на себя, а приглашенія на пожертвованія вездѣ уже прислушались до невниманія. Притомъ и обращенный Жидъ останется таки Жидомъ по пронырствамъ и обманамъ. У насъ есть пословица: Жидъ крещеный и врагъ примиренный никогда вѣрными не бываютъ.

Каковъ Сибирякъ *Шамгинъ*, открывшій въ Киргизскихъ степяхъ золото и серебро, таковыхъ въ Сибири всегда бывало много. Сибирь у насъ изстари именовалась *золотое дно*. Видно, старики лучше насъ ее разумѣли. А академики нашли въ ней только новую ботанику. Басни *Геродотовы* о золотѣ Скиѳовъ, почитавшихъ оное священнымъ и—очень благоразумно—неприкосновеннымъ, въ осторожность отъ златолюбивыхъ завоевателей, не всѣ басни, а развѣ только одни Грифы, стерегшіе золото. А что Геродотъ писалъ о блесткахъ золота, выносимыхъ муравьями, высыпающихся изъ горъ, вымываемыхъ изъ рѣкъ, вытаскиваемыхъ съ грязью изъ озеръ и проч., то оправдано и новѣйшими путешественниками. Читая *Геродота*, перваго послѣ Моисея дошедшаго до насъ историка и прозаическаго писателя, нельзя не удивляться его благоразумію въ различеніи разсказовъ о вещахъ имъ самимъ видѣнныхъ отъ слышанныхъ. Нельзя вмѣстѣ не удивляться и проницательности Грековъ, по выслушаніи его исторіи, назвавшихъ 9 его книгъ 9 Музами. По слѣдамъ *Шамгина*—какъ и вы замѣчаете справедливо—какой-нибудь иностранецъ откроетъ тоже и припишетъ это или себѣ или Геродоту, котораго нашъ Шамгинъ вѣрно и не читалъ и не слыхивалъ.

Ваше соревновательство, видно, не можетъ избрать себѣ президента лучше Глинки. У древнихъ вѣки литературы раздѣлялись на четыре: золотой, серебряный, мѣдный и желѣзный; а намъ досталось имѣть и глиняный. Съ симъ легко можетъ быть друженъ и вольнокаменщичій вѣкъ.

Что-то объявитъ намъ на 17 ч. будущаго мѣсяца Замко-Михайловское общество своимъ большимъ собраніемъ? По крайней мѣрѣ о немъ возвѣститъ намъ разскащикъ *Свиньинъ* въ своемъ журналѣ; а ему нужно каждую страницу чѣмъ-нибудь наполнить. Къ счастію нашего вѣка, у насъ вездѣ пустошей больше, нежели дѣла, хотя вездѣ публикуются acta societatis NN.

111.

От̃ъ 30 Іюля 1820 (Псковъ).

Спасибо за проспектъ Польской человѣколюбщины, больше половины наполненный проповѣдью на тему *Скаргину*. Желательно, чтобы больше дѣлали, нежели толковали о семъ. Журналы не милостыня, а роскошь ума: для бѣдный черствый хлѣбъ лучше мягкихъ разсуж-

деній, а у филантроповъ большею частью oko w niebe, a ręka w kiszeni bliżnego, по прекрасному выраженію, вами мнѣ сообщенному.

Получилъ я и кучу *Линдова* каторжнаго труда; просмотрѣлъ нѣкоторыя статьи, предисловіе I-го разсудливое и VI-го хвастливое, простительное трудолюбцу. При всемъ томъ думаю, что haec rudis indigestaque moles была бы полезнѣе, еслибы меньше была плодословна. Нельзя имѣть терпѣнія для одного слова иногда читать по 5 и 6 страницъ. Наборъ цитацій изъ авторовъ, и новыхъ, и старинныхъ, не остепенитъ языка, измѣняющагося, какъ говоритъ Горацій, подобно ежегоднымъ листьямъ деревъ. А для филологовъ славянщизны полезно было бы на концѣ приложить индексы словъ каждаго діалекта съ указаніемъ на Польскія слова: тогда сей словарь былъ бы для употребленія всѣхъ Славянъ. Впрочемъ и за сію сбивчивую кучу не жаль заплатить 100 рублей. Втораго изданія нескоро и Поляки дождутся, а естьли дождутся, то развѣ переиначеннаго.

Объ Имеретинскихъ плѣнникахъ сказывали мнѣ и проѣзжіе. На Азіатцевъ нельзя вѣрно полагаться. Невѣжество хитрѣе и лукавѣе просвѣщенія. Одна сила можетъ перемудрить ихъ.

Хорошо вы присовѣтывали *Ходаковскому* издать проспектъ своего волокитства и набранныя Украинскія пѣсни, пока еще есть у него деньги; а промотавши ихъ, не оставитъ и памяти про себя. По крайней мѣрѣ его проспектъ, можетъ быть, другіе лучше выполнятъ.

Вы продолжаете увѣрять меня, что и еще появится у насъ журналъ критическій *Воейкова* съ товарищи. Критика нужна бы и на наши журналы, слишкомъ размножившіеся, не смотря на то, что немногими читаются. Но для критики недовольно однихъ грамматическихъ правилъ, коими одними щеголяютъ наши критики. Учителю самому основательно надобно знать, чему учить; а передразниваніе не есть ни учительство, ни критика. Изъ названій же членовъ, составляющихся для изданія сего критическаго журнала, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ ни одного учителя, а только мастеровые. А вы уже ожидаете отъ нихъ не только Allgem. Litteratur-Zeitung въ подробностяхъ, но и Revue Encyclopédique въ генеральномъ обозрѣніи наукъ. Смѣшно мнѣ ваше извѣстіе, что *Воейкова* разсужденіе объ экзаметрахъ отъ Російской Академіи поручено было на разсмотрѣніе ботанику и химику. Тоже, можетъ быть, выдетъ и между критиками-журналистами. Самая цензура наша еще не уладитъ себя въ своихъ правилахъ, и послѣ многихъ уже цензурныхъ уставовъ видитъ недостатокъ въ своихъ правилахъ. Увидимъ, каковъ то будетъ и новый уставъ. Естьли Естественное Право *Куницына* заставитъ внести въ оный какія-нибудь новыя цензурѣ предосторожности, то другіе Куницыны выдумаютъ другія уловки вывер-

нуться изъ-подъ правилъ. Истинѣ и добру одна прямая дорога, а лжѣ и злу въ пользу всѣ свертки. Пусть же гоняются за ними съ кнутомъ, который и самъ изгибистъ больше на промахахъ.

Свиньинскаго журнала я не читаю, а по вашему описанію его нѣтъ охоты и, читать. Не дивитесь, что онъ лжетъ и пустословитъ: на правду словъ немного, а на ложь, какъ дождь, говоритъ пословица. Итакъ, обязавшись каждый мѣсяцъ что-нибудь издавать, поневолѣ собираетъ и крошки и подслащаетъ ложью, и за недостаткомъ свѣдѣній о другихъ разсказываетъ о своемъ воспитаніи. А *Невскій Зритель* по той же причинѣ подъ вывѣскою сфинкса выдаетъ похабства. У насъ сплошь иные ex fulgure fumum, а иные ex fumo fulgur выказываютъ.

Несчастный Каз. Унив. подлинно страдаетъ, а выгнанные за границу, сказываютъ, жестоко за это платятъ въ иностранныхъ журналахъ.

Итакъ *Б. Н.* и еще остается у васъ на годъ. Дай Богъ ему слѣдующій годъ счастливѣе прошлыхъ. Иначе лучше возвратиться во свояси и пѣть съ Гораціемъ: Beatus qui procul negotiis....

112.

9 Августа 1820 (Псковъ).

На отъѣздѣ за 120 верстъ отвѣчаю на два ваши письма отъ 31 Іюля и 3 Августа, дабы надолго не остаться въ долгу; но къ 22 ч., Богъ дастъ, возвращусь домой. Изъ писемъ вашихъ вижу, что и вы катаетесь за Питеромъ часто, а мнѣ доставляете любопытныя замѣчанія изъ своего путешествія. Монументъ *Куракиной* замѣчателенъ по всему. Что Чухонцы и нынѣ по примѣру предковъ обожаютъ свои скалы, это и по Лифляндіи извѣстно. Большой камень на полѣ всегда ужасенъ; а для черни непостижимо, какъ онъ вырости могъ. Петергофская бумажная фабрика въ самомъ дѣлѣ можетъ упредить всѣ; но естьли тряпку будетъ собирать издали, то бумага и ей обойдется дорого. А наши писцы уже жалуются, что ея бумага очень ломка, вѣроятно отъ бѣленья сѣрною кислотою. Производство бумажное мнѣ коротко извѣстно по многимъ фабрикамъ въ Калугѣ, а Петергофская отличается только длинною отливкою. Но образчикъ вами мнѣ присланный не очень гладокъ. Калужане отливаютъ глаже; можетъ быть, лучше перемалываютъ тряпку. А Петергофцы щеголяютъ поспѣшностію.

Читалъ я въ Сынѣ Отечества Гречево передразниванье вашего Исаако-писанія. Оправданія вашего вѣрно не напечатаетъ онъ, да и лучше бы вамъ не писать онаго на 19 страничкахъ самой книги. А естьли хотѣлось вамъ отмстить, то могли бы вы это сдѣлать больнѣе, пересмотрѣвъ года за два Сына Отеч. пространныя и каррикатурныя рецензіи и написавъ на нихъ общее замѣчаніе ex locis com-

munibus, какое написалъ *Станевичъ* въ защиту себя особою книжкою, напеч. 1808 г. Спб. подъ названіемъ *Способъ разсматривать книги и судить о нихъ* (116 стр.) противъ Вѣстн. Европы. А еще остроумнѣе *Дашковъ* противъ *Шишкова* особою книжкою *О легчайщемъ способѣ* возражать на критики (Спб. 1811, 75 стр.) Правда, критики нестыдливы и готовы сказать словами Аѳинскаго скряги: populus me sibilat, at mihi plaudo (Horat. Sat. 1. Lib. 1.); но не милъ и имъ свистокъ публики, которую разувѣряютъ въ кредитѣ ихъ лаянью.

Ходаковскому добрый путь на хожденіе по Русскимъ могиламъ; а въ Новѣгородѣ онъ вѣрно много набредетъ, по крайней мѣрѣ по моему росписанію улицъ. На Добрыниной улицѣ вѣрно найдетъ слѣды, какъ *Добрыня* обращалъ языческихъ Славянъ въ христіанство мечемъ. Сантиментальному путешественнику тутъ больше бы было матеріи. Но *Ходаковскому* какая нужда до успѣха? Деньги уже взяты, и онъ безстыдно можетъ также сказать: populus me sibilat etc. Хорошо бы и *Селакадзеву* съ нимъ поѣхать для отысканія жреческихъ оракуловъ. Не такая ли же находка и *Гиппинговой* саги о 600 Норманцахъ въ службѣ Ярослава I? Основаніе сей сказки есть у Нестора, 1015 г.: *Ярославъ посла за море и приведе Варяги, боясь отца своего.* Знающему Ирландскій или Лопарскій jargon легко поддѣлать такую жъ пѣсенку, какая у *Малгета* приписана *Гаральду*. A propos! Нѣтъ ли у васъ прекраснаго переводу сей пѣсенки стихами Ник. Алекс. *Львова*? Она была напечатана особымъ листикомъ, а у меня нѣтъ ея; мастерски переведена; но я припомню только припѣвъ, refrain: *а все не милъ я красной дѣвицѣ!* Симъ метромъ и вся пѣсня переведена. Екатерина II любовалась ею.

Анекдотъ о громовомъ ударѣ въ *Осташковскую* квартиру напечатанъ и въ Академич. вѣдомостяхъ. Есть Богъ, сохраняющій царей.

Рычковы оба прелюбопытные для насъ писатели по Сибирской части. *Палласъ* очень уважалъ ихъ труды. У меня есть прелюбопытное *Описаніе Яицкихъ казаковъ и Пугачевскаго бунта*, сочин. 1776 г. *Никол. Рычковымъ.* Оно не издано. Спросите у внучка, извѣстно ли оно ему. Вы одолжите меня сообщеніемъ біографіи обоихъ.

Слава Богу, что *Берлинскаго* хотя *Описаніе* Кіева выдетъ въ свѣтъ; а Исторія Малороссіи ждетъ еще патріота. *Воскресенскую лѣтопись* я поворотилъ уже въ лавку Дмитріева. Ловите ее! Спасибо за извѣстіе объ *Ипатьевскомъ*, *Хлѣбниковскомъ* и *Ермолаевскомъ* спискѣ.

Что̀ за чудо? Въ Академич. вѣдомостяхъ публикуютъ 6-е изд. путешествій *Григоровича*. Мнѣ извѣстно 1-е 1778 въ листъ, второе въ 4, 1785 есть у меня. У васъ упоминается 1819—1820. Когда же было 6-е? Но, правда, ихъ исчисляетъ *Сопиковъ*; а ваше должно быть 7-е.

113.

24 Августа 1820 (Псковъ).

Возвратясь 19 ч. изъ путешествія своего, нашелъ я два ваши письма. Въ *Сынѣ Отечества* по указанію вашему прочелъ я выкличку *Гречеву* о будущемъ своемъ журналѣ съ сотрудниками, между коими не нашелъ я однако знакомца своего *Остолопова*. *Воейковъ*, другой мой знакомецъ, выставленъ *первымъ*! Прочиталъ я и Ходаковскаго выкличку въ № 33 Сына Отечества. Разсужденіе его умно; но къ чему и что̀ значитъ словарь 1254 набранныхъ имъ словъ, я отгадать не могъ. На с. 291 кажется онъ себя разумѣетъ *Славянскимъ витяземъ*, а на стр. 293 *Макферсономъ*. Но вѣроятнѣе онъ сдѣлается Донъ-Кихотомъ и перелицованнымъ Виргиліемъ. Теперь начинаете уже и вы соглашаться со мною во мнѣніи о немъ. Изъ критика *Карамзину* онъ на первый случей выставилъ себя уже панегиристомъ.

Новонайденный Датскій наслѣдникъ, можетъ быть, войдетъ въ фамильную роспись календарей. Но княгиня *Ловицкая*, кажется не скоро того достигнетъ.

Что̀ за изслѣдованія *Круговы* о *Сибирскихъо народахъ* послѣ *Миллера* и Георгія? Можетъ быть, только догадки по языкамъ.

На вопросъ вашъ о Соф. Новг. библіотекѣ отвѣчаю: бывшій викарій преосв. *Амвросій* по моему плану началъ было описывать ее, но только началъ и оставилъ продолжать протопопу, мало къ тому способному. А нынѣшній викарій вовсе къ тому неспособенъ. У меня только старая опись глупая, не годная къ изданію въ свѣтъ.

Канцлеръ, проѣзжая чрезъ Новгородъ, оттуду писалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ о *Сенъ-Мартиновыхъ* въ Парижѣ находкахъ Козарской и Батыевой исторіи (о чемъ возвѣщено было уже и въ Вѣстнинѣ Евр. № 13) и о Шведскихъ рукописяхъ, вами возвѣщенныхъ. Изъ лѣтописи игумена *Ѳеодосія Софоновича* приложилъ онъ списокъ заглавія и одну главу *о бармахъ*. Онъ считалъ это новою находкою, такъ какъ и Ѳеодосіевъ разсказъ объ Усмарѣ Переяславѣ. Но чтоже? Я, кинувшись въ Синопсисъ *Инн. Гизеля* и сличивши съ нимъ, тотчасъ увидѣлъ, что Ѳеодосъ сей только перевелъ Гизеля на Бѣлорус. языкъ иногда тѣми же словами, а иногда парафрастически съ прибавкою и своихъ словъ. Въ находкахъ рукописей весьма осторожно должно хвалиться.

Естьли *Левъ Діаконъ* (въ изд. Газе) прибылъ въ Питеръ, то, надѣюсь, дойдетъ и до меня. *Канцлеръ* обѣщалъ мнѣ показать и древнія карты Россіи, найденныя имъ въ Италіи, когда онъ ихъ оттуда получитъ. А повѣстка объ нихъ давно уже напечатана въ Вѣстн. Европы.

Плавильщиковъ, затѣвающій открыть библіотеку для чтенія, дѣйствительно получитъ книги испорченными отъ читателей-шалуновъ, которые иногда не жалѣютъ и пріятельскихъ книгъ. Отъ сего и я пересталъ подѣляться своими книгами.

Спасибо и за 7 л. вашего каталога; а присылкою послѣдней книги *Сопикова* безмѣрно меня одолжите. Жалко смотрѣть на недоконченную книгу, которой изданію отчасти и я былъ виною и пособникомъ.

Польскій проэктъ истребленія непотребныхъ женщинъ несбыточенъ, ибо имъ больше покровителей и защитниковъ, нежели гонителей. Не только въ Пруссіи, но и въ Римѣ онѣ имѣютъ привиллегіи и платятъ пошлину въ казну. Естьли бы сію непомѣрно возвысить дороже содержанія женъ, то можетъ быть иныхъ остановило бы, а казна получила бы не меньше доходу, какъ и съ вина, не меньше истребляющаго человѣчество. На обязанность незаконнымъ отцамъ воспитывать своихъ ублюдковъ есть законы и въ Кормчей книгѣ, но не исполняются. Впрочемъ, когда мать наступаетъ на обольстителя судомъ, то и наши присутственныя мѣста подвергаютъ ихъ сей повинности. А прелюбодѣевъ наказываютъ только духовною епитиміею, хотя сіи вдвое виноватѣе безбрачныхъ. По Польскому же прожектеру естьли всѣхъ обольстителей сослать въ Сибирь, то она вдругъ сдѣлается многолюднѣе всей Европы. Агличане своихъ непотребницъ ссылаютъ въ колоніи, но и тамъ онѣ не лучше. Я вѣрю согласно съ вашимъ гаданьемъ, что и Каталанинъ бенефисъ разойдется по рукамъ больше такихъ же.

Вы принялись за переводъ и описаніе Финляндскихъ каменоломней! Неужели есть и тутъ что нибудь удивительное, кромѣ механическихъ работъ?

Искреннее мое вамъ спасибо за 8 факсимилей Польскихъ хартій; достаньте и остальныя. Я подведу ихъ къ *Гаттерeровой* дипломатикѣ (1-го изд. 1765 г., много при себѣ имѣющей факсимилей); а у васъ только Гертнерово сокращеніе съ оной, кое-гдѣ дополненное. Ваша правда, что хорошо бы сдѣлалъ *канцлеръ*, естьли бы и къ своимъ грамматамъ онъ прибавилъ такіе образчики. Но покойный *Бантышъ-Каменскій* писалъ мнѣ, что онъ насилу уговорилъ его прибавлять къ грамматамъ и печати. Къ Судебнику онъ припечаталъ два образчика изъ списковъ. Но Судебникъ позднихъ временъ. А изъ почерковъ древнѣйшихъ грамматъ одну только имѣемъ мы, мною найденную, *Новогородскую Мстиславову*. Да *Шлецеръ* въ Вѣстн. Европы издалъ двѣ Новогородскіе 15-го уже вѣка. Чтобы чувствовать цѣну такихъ образчиковъ, мы немного еще имѣемъ людей.

Ястребцова книги двѣ мистическія присланы къ намъ отъ князя съ рекомендаціею на распродажу.

114.

3 Сентября 1820 (Псковъ).

Чувствительно благодарю за выписку Псковскихъ дѣлъ изъ Польской метрики; скоро возвращу. Но либо въ подлинникѣ, либо въ вашемъ спискѣ ошибка въ датѣ 6900—1392 г., а это относится къ 1448—1455 гг., когда въ Псковѣ былъ княземъ *Вас. Вас. Гребенки*, упоминаемый и въ актѣ семъ. А диссертаціи *Шанявскаго* о христіанствѣ я еще не нашелъ. О какъ обрадовали вы меня обѣщаніемъ посѣтить меня съ *В. Н.* зимою! Братъ родной вамъ не былъ бы такъ радъ. Теперь пусть пока *В. Н.* насыщается богатою—и не диво—библіотекою императрицы и загороднымъ воздухомъ.

Появленіе новаго ханжи, въ Петербургъ вышедшаго изъ Малоросіи, нынѣ не въ диковинку. Вездѣ такихъ покровительствуютъ. Диво еще, что давно не переселилась къ вамъ и *Криднерша*. Ханжамъ и бродягамъ подобнымъ *Ходаковскому* нынѣ честь и счастье, а *Свиньинскимъ* разскащикамъ слава.

Читалъ я въ Сынѣ Отеч. и отповѣдь вамъ за Монферановщину. Впредъ не удостоивайте собачій лай отвѣта. На таблицы *В. Н—ча* вѣрно и собаки лаять не будутъ. Да и читателей у насъ на статистику немного. Само правительство обнаруживанія такихъ результатовъ не любитъ. А *Екатерина II-я* съ своимъ княземъ *Вяземскимъ*, бывало, считала это pour un crime de lèse-majesté; при *Павлѣ* же посадили бы въ крѣпость. Россія еще не Англія и не Франція, а ученые наши еще не Нѣмецкіе статистики. Всѣ любятъ пока одну литературу, означающую только юность просвѣщенія. Читалъ я и *Булгарина* описаніе Польской литературы. Онъ прекрасно обокралъ *Бентковскаго* Historya Litteratury Polskiey, которую и я себѣ уже случайно досталъ. Книга образцовая! О Виленскомъ Шубравскомъ обществѣ разсказывали мнѣ и здѣшніе Поляки. По ихъ описанію это площадные и часто глупые шуты, кусающіе и встрѣчнаго, и поперечнаго. Былъ и у насъ нѣкогда въ такомъ видѣ журналъ *Живописецъ*, издаванный *Новиковымъ* и Поповымъ. Теперь у васъ такіе жъ заводятся *кунсткамеристы*. Насмѣшки есть шарлатанство въ литературѣ. А *Воейковъ* мнѣ пишетъ, что онъ нашелъ во многихъ вашихъ литераторахъ *не знающихъ и грамматики*, и *враговъ логики*. Такимъ лучше, какъ князю *Цертелеву*, путешествовать только для собиранія народныхъ пѣсенъ, или какъ чудаку *Лобойкѣ* бредить о народной Скандинавской словесности, не видавши никогда Скандинавіи, а научившемуся оной въ Харьковѣ. Но *Свиньинъ* одною Петербургщиною всѣхъ ихъ перебредитъ, сидя на мѣстѣ или шатаясь по Питерскимъ улицамъ на хвалимыхъ имъ тро-

туарахъ. Есть люди, какъ Шведъ Раске, ѣздящіе бредить и въ дальнія стороны; такихъ и опровергать некому.

Смотрѣлъ и я сквозь закопченное стекло на затмѣніе солнца и видѣлъ тоже, что̀ и вы. Да, думаю, и астрономы не больше насъ видѣли и въ свои трубы; но на похвальбу себѣ напишутъ больше насъ, чтобы не быть наряду съ смотрѣвшими сквозь копоть. А балетмейстеръ Дидло за свое затмѣніе на сценѣ больше всѣхъ получитъ прибыли.

О пенсіи Ястреба еще нѣтъ въ газетахъ; но нынѣ и стыдятся уже о семъ публиковать получающіе, знающіе свои заслуги. Такимъ должно спѣшить, пока свѣтило свѣтитъ; придетъ нощь и всѣхъ ихъ покроетъ тьмою. *Уварову* и я гадаю не устоять на своемъ мѣстѣ; да онъ его и не стоитъ, ибо ученый только шарлатанъ, извѣстный Елевзинскими таинствами. Во всѣхъ государствахъ случается, что жалуютъ въ чины и не по заслугѣ; а въ одной Россіи жалуютъ даже и въ умъ и въ знанія безъ ума и знаній. У насъ и *Дашкова* была президентомъ Академіи и судьею *Эйлера*.

Человѣколюбиваго журнала я не получаю, а потому и не буду читать вашего мнѣнія о истребленіи нищихъ; но по описанному вами содержанію вижу, что ваше мнѣніе сходно съ моимъ, предложеннымъ первоначальному человѣколюбивому обществу и сообщеннымъ отъ меня вамъ въ спискѣ. Это свято, чтобы всякое состояніе питало своихъ нищихъ и не пускало бродить; но нищихъ больше дворянскихъ, а дворяне вездѣ начальники и законодатели. Нищіе жъ платятъ имъ оброкъ исправнѣе, нежели земледѣльцы. Такъ трудно ли доказать, что и для казны полезнѣе попускать нищихъ, дабы не было государственныхъ недоимокъ? Эта логика убѣдительнѣе.

Вы заводите и Польское чтеніе! Сомнителенъ успѣхъ. Поляки, пріѣзжающіе за дѣлами, должны твердить свои документы и сенатскіе протоколы, а не печатныя книги, годныя только для праздныхъ.

Въ добрый часъ вамъ оканчивать свой каталогъ. Помѣстите въ предисловіи хотя небольшую исторію нашей словесности съ показаніемъ, въ какомъ вѣкѣ какихъ больше книгъ у насъ появлялось и съ коихъ поръ у насъ рецензія? Началъ *Миллеръ* въ *Ежемѣс. Сочиненіяхъ*, продолжалъ *Поповъ* съ *Новиковымъ* въ *Спб. Ученыхъ Вѣдомостяхъ*, потомъ журналисты и пр. Тутъ будетъ случай намекнуть и о пристрастныхъ рецензіяхъ и перебранкахъ журнальныхъ и прочихъ отдѣльныхъ. Этотъ трактатъ къ каталогу сдѣлаетъ самый каталогъ любопытнымъ.

Къ чему вы написали ко мнѣ, что гр. *Дм. Ив.* на корректурахъ подписываетъ свое имя? Неужели онъ читаетъ корректуру вашего каталога? А къ покупкѣ своихъ сочиненій не заманитъ онъ и пожертвованіемъ ихъ на Суворовскую церковь.

Аттестаты духовенству печатные получаемъ и мы для публикаціи. Нынѣ уже не подражаютъ Константину Великому, въ полухристіанствѣ своемъ еще сказавшему, что *при встрѣчѣ срамоты въ духовенствѣ желалъ бы онъ прикрыть ее порфирою своею.* А философы, не осиливши подорвать религію, больше всего вредили ей осмѣханіемъ духовенства. Но послѣ духовенства дошла уже въ наше время очередь и до другихъ. Якобинцы не довольствуются одною побѣдою...

Итакъ *канцлеръ* уже выѣхалъ! Я получилъ отъ него два письма и одно со *Львомъ Діакономъ* и послалъ ему два отвѣта. Во *Львѣ* я съ великимъ любопытствомъ прочелъ кн. VI—IX, описывающія войну Грековъ съ Святославомъ нашимъ; много намъ неизвѣстнаго не только о семъ походѣ, но и о нравахъ и духѣ нашихъ праотцевъ. Грекъ-историкъ не утаилъ воинственныхъ добродѣтелей ихъ. Словомъ сказать, сіи 4 кн. достойны появиться вполнѣ и Росіянамъ. Вѣрно, Гречъ или Каченовскій не опустятъ. Не знаю, подарилъ ли вамъ *канцлеръ* сію книгу.

Статью *Булгарина* о библіотекахъ въ Сынѣ Отечествѣ я читалъ, а вамъ еще больше благодарю за гораздо любопытнѣйшее дополненіе къ оной о Польско-славенскихъ библіотекахъ. Удивительно, что онъ, разсказывая намъ о чужестранныхъ библіотекахъ, многими уже пересказанныхъ, не обратилъ вниманія особенно на Слав. библіотеки, хотя по извѣстію *Хлендовскаго*. Вѣна никогда не любила ни Славянъ, ни Славянщины, а потому неудивительно, что Галицкія библіотеки распродала пудами. Но и это полезно, что выпустила на свѣтъ: а иначе все бы заключено было въ гноительные ящики или шкафы. — Когда выдетъ новое изданіе *Бентковскаго* Исторіи Польской Литературы съ дополненіями, то куплю и я. Польша намъ близка и родомъ, и сосѣдствомъ, и исторіею.

Возвращаю вамъ выписку о *Боссюетовѣ* спорѣ съ *Фенелономъ* и *Гюйонше*ю. Исторія сія всѣмъ извѣстна, и папа осудилъ *Фенелона* не за заблужденіе, а за соблазнительное для слабыхъ ученіе. Квіетизмъ и мистицизмъ есть высшее христіанское ученіе, но хилое безъ основы практическаго христіанства и опасное для фанатиковъ и увлекаемыхъ плотію. И Августинъ вымолвилъ: *люби Бога и дѣлай что хочешь*: но не всѣмъ вразумительно сіе изреченіе. *Лютеръ*, расхваливши вѣру, мало заботился и о своей нравственности.

Гречъ едвали выпуститъ вашъ второй отвѣтъ объ Исаакіѣ; да и лучше бы оставить. А Еруслановщину *Войекова* читалъ я. Кажется, сія глупая поэма не стоила бы и анализа. А *Каченовскій* грозится уже въ 15 № Вѣст. Евр. выпустить и еще статью Бутырскаго жителя на балладомановъ. Въ № 36 Сынѣ Отеч. я подивился новой ребяческой балладѣ балладоучителя *Жуковскаго* и не нашелъ толку. Бредни зара-

зили у насъ не только религію, но и поэзію; а все думаютъ, что они подражаютъ *Аріосту*, *Виланду*, *Флоріану*, *Мильтону*, *Клопштоку* и *Лафонтену*. *Богдановичу* выставляютъ даже въ примѣръ *Гомера* и *Виргилія!* А лучше бы сослаться на *Апулеева Золотаго Осла* или на *Бабушкины сказки Друковцова*...

115.

От 1 Октября 1820 (Псковъ).

Чудны у васъ дѣла! Среди піэтизма либерализмъ, среди строгой цензуры наглые пасквили, среди блеску словесности тьма Еруслановщины, среди требованій заслугъ награды карточнымъ мастерамъ! Бывало, столичные осмѣиваютъ провинціаловъ, а нынѣ намъ очередь надъ вами насмѣхаться. У васъ и Академію Художествъ прожектируютъ показывать за деньги какъ Китайскія тѣни, а для приманки строятъ богатыя лѣстницы *въ спальню* воспитанниковъ, вмѣсто показу ихъ художествъ; а вмѣсто карловъ-президентовъ *) показываютъ 60 футовыя колонны.—Но гораздо для меня любопытнѣе, что *Деприардъ* показалъ вамъ въ своемъ депо 2 милліона картъ съ чертежами и двѣ карты *Годунова* времени. Это стоитъ публичнаго показа больше пустой Академіи, видно отъ стыда прежде сроку и затворенной послѣ пятилѣтняго запертія. Нынѣ духъ времени щеголять и старинами, и новизнами: а за недостаткомъ ихъ, напр. Итальянцы, поддѣлываютъ антики и старопечатныя книги, а наши умудряются надъ медалями изъ шубнаго клея, надъ отыскиваніемъ у себя литографическихъ камней и гипсовъ: а часто выдаютъ и давно извѣстное за новость. Вотъ и *Воейковъ* щегольнетъ спискомъ вашимъ Рускихъ журналовъ. Но естьли онъ цѣнитъ ихъ будетъ такъ, какъ и Еруслапщину, то прибавитъ на него эпиграммъ побольше.

Благодарю за присланныя Потоцкаго двѣ книги; но одну изъ нихъ Gouvernement de Cherson возвращу вамъ, ибо я нашелъ ее у себя, запропостившуюся было. Въ замѣну ея не найдете ли вы мнѣ его же другихъ такихъ книжонокъ чудесныхъ? Былъ у меня его и атласъ древней Росіи, но я подарилъ его Воронежской сем. библіотекѣ. Спасибо и за переплетенный вашъ каталогъ; вышелъ онъ толстою книгою, и несомнѣнно, что весь скоро разойдется по рукамъ любителей словесности. У насъ доселѣ не было еще такого указателя; но нуженъ и индексъ авторовъ.

Спасибо вамъ и за преждевременную радость о Кіевѣ для меня. Я чувствую, что публика ваша ко мнѣ благосклонна назначеніемъ

*) А. Н. Оленинъ былъ очень малъ ростомъ. П. Б.

меня на каждую открывающуюся вакансію; но есть у васъ и злые духи недоброхотливые мнѣ, такъ что всегда сбывается на мнѣ Лафонтенова басня La laitière et pot au lait. Но самъ я доволенъ и спокоенъ на теперешнемъ мѣстѣ. Пусть *Ф.* теперь старшимъ предо мною и по Ярославлю; онъ спѣшитъ возноситься безъ соперниковъ, и онъ-то выбралъ на мѣсто себя въ Тверь *Симеона*, а не митрополитъ. Вы близко къ нимъ живете, но иногда не отгадываете ихъ.

Хорошо, что *Войековъ* обѣщался отъ себя прислать мнѣ Львова переводъ *Гаральдовой* пѣсни; но онъ слишкомъ разсѣянъ и забывчивъ; напоминайте вы ему. Теперь отъ эпиграммъ и вопросовъ его о Еруслаищинѣ еще болѣе недосугу ему будетъ. Но естьли начнетъ оправдываться, то еще стыднѣе ему...

Спасибо за естампъ *Косаковскаго*; по лицу, кажется, онъ молодъ еще умеръ. Но смерть чаще похищаетъ добрыхъ, нежели худыхъ, а особливо въ добрѣ скороспѣлыхъ...

Mors invida semper ingeniis praeconibus.

Вы обѣщаете скорый выходъ и послѣдней части каталога *Сопикова*. Итакъ, вмѣстѣ съ вашимъ Руcкіе любословы будутъ имѣть два большіе каталога. Но вы обѣщаетесь еще томить насъ ожиданіемъ особыхъ прибавочныхъ каталоговъ объ авторахъ, ландкартахъ и пр. Тема ваша о сихъ предметахъ велика и еще умножится новыми находками. Когда жъ конецъ будетъ? Хорошо по крайней мѣрѣ, что вы обреченныя нѣкогда на потомственное истлѣніе записки ваши начали вытаскивать на свѣтъ. Для насъ лучше что-нибудь и несовершенное, нежели ничто. На пріятные и рѣзвые роды сочиненій у насъ много писцовъ; но на сухіе, впрочемъ полезнѣйшіе и нужнѣйшіе, очень, очень мало. Особливо библіографія послѣ васъ и послѣ *Сопикова* нескоро дождется собирателя.

Графъ *Дм. Ив. Хв.* прислалъ и во Псковъ на подписку свое Нѣмецко-руское путешествіе. Но кто подписываться будетъ? Въ Псковѣ и на газеты складываются подписчики по нѣскольку. Больше бы онъ распродалъ сей бумаги, естьли бы пустилъ на завертки.

Когда выдетъ *Бентковскаго* Исторія Литературы съ дополненіями, то прошу и мнѣ достать экземпляръ. Я согласенъ съ вами только въ томъ, что онъ неправильно назвалъ свою книгу Исторіею Литературы *Польской*, когда выставлялъ тутъ и разноязычныя книги; но несогласенъ въ томъ, чтобы не вносить въ національный каталогъ книгъ иноязычныхъ писанныхъ соотчичами: ибо просвѣщеніе націи доказывается не однимъ нац. языкомъ, но и совершеннымъ знаніемъ чужихъ. А напротивъ, того чужестранцами писанныя книги на чьемъ-нибудь націон. языкѣ, хотя и принадлежатъ къ исторіи націон. словесности,

24*

по не къ исторіи націон. просвѣщенія. Съ XII по XV в. почти всѣ въ Европѣ писали по-латинѣ, но каждая нація книги сіи почитаетъ своими, а не Римскими. Итакъ *Бентковскому* надлежало книгу свою назвать *Исторісю Литературы въ Польшѣ*. Можно даже націи похвалиться предъ свѣтомъ особымъ каталогомъ своихъ писателей, писавшихъ на чужихъ языкахъ. Опять согласенъ я съ вами и въ томъ, что въ переводныхъ книгахъ, естьли не въ заглавіи (ибо пестритъ заглавія странно), то хотя бы въ предисловіи, нужно бы сказывать заглавія подлинниковъ. Но мы переняли сіе утаивать у Французовъ, только Латинскія заглавія выставляющихъ.

Анекдотъ о филантропѣ *Воронцовѣ*, готовившемся проповѣдывать добрыхъ помѣщиковъ и продавшемъ 2000 душъ, довольно забавенъ. Это вѣрно для того, чтобы безъ крестьянъ своихъ свободнѣе проповѣдовать либеральность. Cantabit vacuus coram latrone viator!

Оправданіе *Глинки* о своей исторіи предъ *Карамзинымъ* также излишне. Онъ спѣшилъ предварить исторіографа, самъ отнюдь не будучи способнымъ историкомъ, а списывалъ только *Татищева* и *Щербатова*. Не смотря на то, обѣихъ исторій новыхъ два уже изданія, и обѣ читаются свои читателями.

По извѣстію вашему о новыхъ предполагаемыхъ памятникахъ можно заключить, что у насъ рождается и монументоманія. Но какой монументъ сдѣлался вѣчнымъ? Когда Шведы придутъ въ Петербургъ, то не уцѣлѣтъ и *Петрову*, какъ *Наполеонову*. О всѣхъ нихъ можно сказать съ Державинымъ:

Сей памятникъ повергнетъ время,
Разрушитъ.—Кто жъ былъ полководецъ?
Куда его прошли побѣды?
Гдѣ мечъ его? Гдѣ шлемъ? Гдѣ образъ?
Увы! и честь сія героевъ,
Приступовъ монументы, боевъ,
Не суть ли знаки ихъ свирѣпства?
Развалины, могилы, пепелъ,
Черепья, кости имъ подобныхъ
Не суть ли ихъ вѣнецъ и слава?

Въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ я не имѣю знакомаго, чтобы достать каталогъ тамошнихъ книгъ. А за сообщенный вами мнѣ благодарю. Такіе каталоги полезно собирать.

Напрасно вы увѣрили *Аделунга*, что я занимаюсь Новгородскими вратами. Онъ чрезъ *Кеппена* давно уже спрашивалъ меня о мнѣніи; а я отвѣчалъ только, что почитаю ихъ не Греческими, но католицкими по облаченіямъ на духовныхъ тамъ изображеніяхъ. А теперь у меня нѣтъ въ Новѣгородѣ и кореспондентовъ.

Спасибо и за роспись Жидовскихъ благотворительныхъ шаекъ. Не велика честь Виленскому журналисту за апологію Жидамъ. Но ученые часто, чтобы только поспорить, защищаютъ и негодяевъ...

116.

От 11 Октября 1820 (Псковъ).

Итакъ видно *Воейковъ* надолго поселился въ Питерѣ, когда и жену вызвалъ. Но не думаю я, чтобы онъ обстоятельно оцѣнилъ всѣ Рускіе журналы. Это трудъ великъ и въ пересмотрѣніи ихъ. Только бы не такъ цѣнилъ, какъ Еруслана, за котораго дѣльно уже ему упрекаютъ. Худо началъ онъ свою профессію рецензентства.—Рѣчь царя Польскаго напечатана уже и въ Академическихъ газетахъ. Тутъ опять упрекнуты либералисты Польскіе. Естьли замѣшается опять вся Европа, то какъ бы не соблазнились и Поляки. Они очень вѣтрены и воображеніемъ похожи на Французовъ, умомъ только отъ нихъ отстали. Твердятъ о конституціи, а сами пануютъ деспотически. Хотятъ писать законы, но не думаютъ исполнять ихъ. Таковы всегда и вездѣ были конституціонеры.

Вы требуете у меня записки статей моихъ помѣщенныхъ въ журналахъ; я хватился искать черновой своей біографіи и не могъ за бумагами отыскать, а потому и не могу на сей разъ послать вамъ записки, пока не отыщу біографіи. Подождите немного. Вы намѣрены даже и неизданныя сочиненія описывать! Но это безконечный трудъ и больше *Бентковскаго*. Къ статѣ о *Бентковскомъ*. Я, по маленьку читая его съ великимъ удовольствіемъ, часто воображаю, что для насъ Рускихъ не великъ бы былъ Польскій словарь, естьли бы составить оный изъ словъ, отличныхъ только отъ Рускаго и такихъ, коихъ Рускій по этимологіи своего языка отгадать бы не могъ. На что намъ огромный, неуклюжій, многословный и часто пустословный, увеличенный многими и къ Польскому языку не принадлежащими словами *Линдовъ* словарище, который только останавливаетъ надолго и затрудняетъ меня въ приисканіи значенія словъ, встрѣчаемыхъ у *Бентковскаго*? Мой маленькій Szyrwid скорѣе освобождаетъ меня отъ затрудненій. Все достоинство *Линда* поставляю я только въ сличеніи Польскаго языка съ прочими Славенскими нарѣчіями; но и это достоинство безъ индексовъ безполезно. А въ прочемъ напрасно величали его великій словарище. Сихъ книгъ сподвалъ никто не читаетъ, а и на случай прочитывать статьи по листу и по два и болѣе—крайне утомительно; вы же объявили мнѣ, что онъ еще и неполонъ!

Дай Богъ, чтобы *канцлерову* библіотеку хотя *Гиппингъ* описью кончилъ, а изданія сего катагога я не надѣюсь. *Канцлеръ* въ этомъ сокровиществуетъ и невѣсть, кому собираетъ.—Не дивитесь, что и Финляндская словесность обширна. Абовскій университетъ существуетъ съ 1640 г., когда у насъ не было еще ни одной публичной школы. А лютеранскіе пасторы всегда больше пеклись о просвѣщеніи народа, нежели наши попы. *Гиппингова* метода составлять каталогъ по авторамъ и изданіямъ ихъ затруднительна для ищущихъ матеріи, а для глазъ зрителя въ библіотекѣ весьма неуклюжа по разности форматовъ. Боярскія же библіотеки не всегда нужны для чтенія, а чаще для украшенія комнатъ. Любопытнѣе всего будетъ для насъ каталогъ рукописей. Упоминаемыя вами проповѣди Орловскаго священника XVII в. мнѣ не извѣстны.

Посмотримъ, что̀ за каменоломня *Монферрандова*, которую вы собираетесь переводить. Но не бойтесь критиковъ и имъ ничего не отвѣчайте. На книгу сію еще меньше будетъ покупщиковъ, нежели на Исаакія, оцѣненнаго въ 100 р. По такой цѣнѣ не вѣрю я, чтобы авторъ продалъ и десятокъ экземпляровъ. Между тѣмъ *канцлеръ* озабочиваетъ васъ пріисками и по метрикамъ Польскимъ. Но мнѣ кажется, все это мелочи, едва ли къ чему полезныя. Географія усадебъ и мѣстечекъ древнихъ развѣ только шатуну Городищеславу полезна.

Очень возможно, что у графини *Подгоричани* возьмутъ крестьянъ въ казну. Нынѣ либерализмъ простираютъ и на крестьянъ. Но вольные крестьяне всегда дѣлаются хуже помѣщичьихъ отъ земскихъ правителей. Бывшіе монастырскіе всѣ уже разорены и сами избаловались.

Хорошо, что вы хотите прибрать къ себѣ тетради покойнаго *Сопикова*. Черно авторовъ лучше бѣлаго открываетъ трудъ ихъ. Что *Сопиковъ* основаніемъ себѣ предположилъ собраніе печатныхъ каталоговъ, это и я знаю. Одинъ каталогъ *Глазуновскій*, переплетенный у меня съ бѣлою бумагою и дополненный заглавіями наипаче рѣдкихъ книгъ, сообщалъ и я ему и получилъ отъ него обратно. Но онъ, бывши долго книгопродавцемъ и въ Москвѣ у *Полежаева* сидѣльцемъ, и въ Петербургѣ самъ отъ себя, имѣлъ и свои обширныя свѣдѣнія о книгахъ; а знавши самоучкою, еще съ Москвы, Франц. языкъ, начитался и чужестранныхъ библіографовъ. Въ исторіи нашей словесности у *Сопикова* никто уже не отниметъ первенства, хотя и не совершеннаго, въ нашей библіографіи. Послѣдователямъ его уже стыднѣе ошибаться. Въ концѣ его книги можно бы напечатать стихъ: fеci quod potui, faciant meliora potentes.

По прилагаемой запискѣ покорно прошу прислать мнѣ *лошадиную книгу*; а деньги тотчасъ вышлю. («Руководство къ познанію наружности лошадей касательно ихъ здоровья и способности къ различному употребленію и наставленіе о кованіи лошадей» изд. г. Науманомъ, 2 ч. съ 10 рисунками, въ переплетѣ 775. 1814 г.).

117.

22 Октября 1820 (Псковъ).

Буду ожидать хвалимаго вами Виленскаго *Морица* съ 8-ю книжкою Академич. извѣстій. Но по отдаленію Вильны едвали онъ мнѣ годится для выписки чужестранныхъ книгъ, трудныхъ въ пересылкѣ оттуду. Вы поздравляете меня членствомъ Попечительнаго Комитета. Но къ чему онъ годенъ, я еще и не понимаю. Кажется попрежнему никто ничего имъ не доставитъ за то, что они слишкомъ бракуютъ присылаемое; а иныхъ награждаютъ не по достоинству, и наприм. какъ равнять баснотворца съ исторіографомъ?

Жаль *В. Н—ча*! Ему лучше отрясти прахъ Петербургскій отъ ногъ своихъ и удалиться опять въ Украйну, гдѣ онъ славнѣе, нежели въ столицѣ. *Кочубей* только проводитъ его поминистерски, и я вѣрю критическому его спросу у *Греча* о немъ. Въ столицахъ насмѣшки убійственны для дарованій и для чувствительнаго сердца; а въ провинціи можно ихъ презирать.

Наконецъ, успѣлъ я прочитать весь вашъ каталогъ и изъ него сдѣлалъ, *во 1-хъ*. отмѣтки книгъ для Никандровой пустыни, коихъ номера при семъ вамъ и посылаю; только бы не скупился вашъ пріятель книгопродавецъ, который и по прежней отмѣткѣ пожалѣлъ выслать мнѣ многія книги. Изъ чего жъ я могу набрать обмѣнъ больше 1000 р? Для монастыря романы, стихи и прочія пустомельныя книги не годятся. *Другую* записку прилагаю замѣчаній моихъ въ дополненіе статей вашего каталога съ означеніемъ авторовъ вамъ неизвѣстныхъ и пр. [1]). Третью записку прилагаю по требованію вашему о моихъ журнальныхъ статьяхъ, въ біографіи не означенныхъ [2]). Между тѣмъ, подобно другимъ, упрекающимъ уже вамъ за выставку именъ ихъ надъ безы-

[1]) Обѣ эти записки сохранились при настоящемъ письмѣ. Изъ послѣдней отмѣтимъ поправки: I., № 1133. Описаніе Кіево-Печ. Лавры не Самуила (Миславскаго), а Иринея викар. Кіевскаго (Фальковскаго)"; 2., „№ 1152. Сухановъ читалъ, а сочинялъ Евгеній Болховитиновъ". (Рѣчь идетъ объ „Историч. изслѣдованіи о соборахъ Росс. церкви". Спб. 1803 г.). № 6747. Собранъ, переведенъ и частію сочиненъ Евѳимомъ Болховитиновымъ въ бытность его Московскимъ студентомъ.—№ 6877 и слѣд. издавалъ М. М. Сперанскій и А. Магницкій. Стихотворной прекрасной переводъ пѣсни о Полку Игоревѣ. соч. Александромъ Палицынымъ, вы пропустили.

[2]) Записка эта не сохранилась.

менными сочиненіями, упрекну и я вамъ за выставку *архіеп Евгенія* надъ *Похвальнымъ словомъ чему-нибудь*. Его издавалъ не *Евгеній*, а *Евѳимъ Болховитиновъ*, 20 лѣтній еще тогда студентъ Моск. Академіи, въ молодости игрушками занимавшійся. Въ реестрѣ авторовъ вы могли бы подъ моимъ именемъ указать и на сей номеръ, но чрезъ то оставили бы читателямъ отгадывать *Евгенія*, а не прямо именовать его подъ сею книгою. Не всѣ знаютъ, что и святые отцы писали иногда шутливыя сочиненія, какъ напр. св. Григорій Назіанзинъ похвалу лысинѣ или лысой головѣ. А нынѣ вѣкъ серіозный, и даже *Воейковы* вступаютъ въ проповѣдники Библіи. Саулъ во пророцѣхъ!

Благодарю за замѣчаніе на мое раздѣленіе Русскихъ діалектовъ, сообщенное *Кеппену* *). Въ отличеніи Суздальскаго или Московск. нарѣчія имѣлъ я въ виду Греческіе провинціальные діалекты, различавшіеся болѣе перемѣною гласныхъ, нежели согласныхъ буквъ, и болѣе прибавочными частицами, нежели словами. Польскій, Богемскій и другія нарѣчія, далеко уже уклонившіяся, я отнюдь не назову діалектами Русскаго, а особыми языками. Даже согласенъ назвать также Бѣлорусскій и Малорос. языкъ не діалектами, а уже языками. Діалектами же останутся коренными Новогородскій, Несторовъ Кіевскій и Суздальскій. Но послушаемъ, чтó скажетъ велемудрый полиглоттъ *Аделунгъ*, коему *Кеппенъ* вѣрно перескажетъ мое мнѣніе; а вы скорѣе меня узнаете его отзывъ. Но его собственное раздѣленіе Рус. языка на Суздальскій и Украинскій совсѣмъ безтолково.

Замѣчанія ваши объ исторіи словесности по поводу *Бентковскаго* еще пространнѣе. Стѣсняя кругъ словесности, доведется считать только ею оригинальныя сочиненія, а не переводы, по большей части у насъ глупые и недостойные чести словесности. Но безъ нихъ каталогъ вашъ былъ бы очень тонокъ, хотя бы вмѣстить въ оный и еще множество сочиненій нашихъ, вами или забытыхъ или опущенныхъ. Посему заключаютъ, что *Сопиковъ* и вы только начали, а не кончили.

Жаль, что *Рейнсдорфъ* умеръ прежде обѣщаннаго собранія сочиненій *Рычкова*. Смерть многому, столько жъ доброму какъ и худому, мѣшаетъ. Надобно спѣшить пользоваться жизнію.

Аналогическія таблицы *Каржавина* изд. Росс. Академіи подлинно рѣдкость, какъ первая попытка академическая. При началѣ много было спору между академиками о методѣ. Замѣчательнѣе было мнѣніе *Д. фонъ-Визина*, напечатанное въ Вѣстн. Европы.

---

*) Это любопытное, ученое сообщеніе въ письмѣ преос. Евгенія къ Кеппену напечатано въ ст. покойнаго А. Д. Ивановскаго: „Евгеній Б—въ, м. Кіевскій и Галицкій", Странникъ, 1871 г., Октябрь—Декабрь.

Хорошо сдѣлаете, если напечатаете вполнѣ *Большой Чертежъ* Россіи и съ картою; тѣмъ избавите насъ отъ платежа за оный по 100 р. Карта Россіи, посвященная *царю А. Михайловичу*, не на одномъ, а на нѣсколькихъ листахъ, есть и въ *Блаевомъ* Амстердамскомъ 12 томномъ in fol. majori атласѣ 1662 г. Тамъ означены границы и Новогородскихъ пятинъ. Но карта въ депо съ означеніемъ Кронштадта и Азовской губ. очевидно новѣе поддѣлана и не можетъ назваться Годуновскою. Вы чертежъ Россіи почитаете изданіемъ *Ивана Третьяковскаго*: а мнѣ сказывали, что оный изданъ *гр. Мусинымъ - Пушкинымъ* и что будто бы напечатано только 50 экз.

Ваша библіографія доставила вамъ уже славу и библотактика. Васъ зовутъ уже на приведеніе книгъ въ порядокъ и на составленіе каталоговъ. Эта первая честь Рускому. Довольно чести и въ томъ, что вы поправляете уже и Рус. карты. Сколько жъ у васъ затѣяно дѣлъ! А вы еще гоняетесь за Allgemeine Repertorium, которое для Рус. словесности излишне и, можетъ быть, отниметъ только у васъ время досуговъ. Ars longa, vita brevis, сказалъ въ отчаяніи все узнать *Иппократъ*.

А *Кеппенъ* опять собирается въ походъ къ своей Ольвіи! Авось найдетъ тамъ и Овидіевъ гробъ. Нынѣ у всѣхъ охота къ странствованіямъ. *Де-ла-Портъ*, сидя на мѣстѣ, написалъ 27 томовъ о странствованіяхъ или всемірномъ путешествіи.

118.

5 Ноября 1820 (Псковъ).

Мы какъ будто согласились не вѣрить лжамъ *канцлерскимъ*. Я посылалъ подлинный его отвѣтъ *Михайлову*, который, думаю, и вамъ его показывалъ. Написанъ мягко и увертливо, но видна маска. Вслѣдъ за симъ отвѣтомъ онъ прислалъ мнѣ всю тетрадь вашихъ метрическихъ выписокъ. Но Псковскія переписки я давно отъ васъ получилъ; а Татарщина и Волошчина мнѣ ни къ чему негодна. Однакожъ, какъ будто за новость я поблагодарилъ ему. Не знаю, повѣритъ ли онъ моей благодарности. Въ семъ же письмѣ онъ хвалится, что въ библіотекѣ его 1584 книги касающихся до Россіи, 418 до Даніи, 380 до Швеціи, 425 до Польши, и жалѣетъ, что я не въ Питерѣ, дабы ими пользоваться. Но все сіе сокровище его не стоитъ моей свободы и досуга Псковскаго. Видно, *Гиппингъ* доставилъ уже ему итоги своихъ описей, больше которыхъ ему и знать не нужно.

Больно и мнѣ, что въ ссору за Еруслановщину вставлено и мое имя съ вымышленными словами, какихъ я и къ вамъ, помнится, не писалъ. На рецензента возстаютъ, кажется, не *Пушкинцы*, а вся мо-

лодежь за хвастливый подрядъ его у *Гречи* на рецензіи. Думаю, и самъ *Гречъ* въ семъ заговорѣ, чтобы занимательнѣе сдѣлать свой журналъ. Рецензентъ же дерзокъ и на языкъ, и въ словесныхъ спорахъ вѣрно многихъ оцарапалъ. Такой профессорскій тонъ самъ по себѣ вызываетъ уже Парнасскихъ щепетильниковъ, какъ ласточекъ на ястреба. Притомъ и худой выборъ первой рецензіи на страннаго Еруслана подалъ поводъ насмѣшникамъ. Словомъ сказать, почти можно предвидѣть, что рецензента сгонятъ съ Парнасса, осрамятъ и заставятъ ѣхать съ досады въ Орловскія свои деревни. Вотъ басня ночнаго червячка, выползшаго на солнце. За глазами всегда почетнѣе достоинства и заслуги, на кои зависть вблизи смотрѣть не можетъ.

1804 годъ *Друга Просвѣщенія* у меня одинъ, и ни у кого лишняго не знаю. Спросите у гр. *Хвостова* (онъ былъ издателемъ) или присвойте *Плавильщикова*, коему онъ вѣрно не нуженъ.

Грозныхъ критикъ на вашъ каталогъ не бойтесь; лучшій способъ заставить молчать ихъ есть молчаніе. Сдѣлай самъ критикъ лучше; а естьли критикъ что̀ поправитъ, то вамъ же впредь помощь.

Любопытна будетъ и для меня *Русская Правда*, въ Варшавѣ издаваемая. Важнѣйшее для насъ въ ней не одни слова, но источникъ, откуду заимствованы сіи законы. *Струбъ-де-Пирмонъ*, *Тунманъ* и *Шлецеръ* твердили намъ только, что они взяты изъ сѣверныхъ законовъ, но не больше трехъ именно статей указали намъ подлинникъ. Можетъ быть, Поляки счастливѣе будутъ въ семъ открытіи, но вѣрно не изъ своихъ источниковъ письменныхъ, которые, какъ и *Бентковскій* признается, гораздо позже нашихъ. *Бентковскимъ* на досугахъ я продолжаю заниматься съ великимъ удовольствіемъ и читаю безъ дальняго труда, въ чемъ по пріѣздѣ ко мнѣ можете меня и обекзаменовать. Но я все еще не твердъ въ тяжеломъ Польскомъ произношеніи; да и не имѣю Польской грамматики. Листокъ вашъ о произношеніи мнѣ присланной, и Конгинскій малы для меня. А Поляковъ знакомыхъ теперь у меня нѣтъ. Впрочемъ, мнѣ нужнѣе разумѣніе Польскихъ книгъ, нежели чтеніе; а вы поправите меня, думаю, часа въ два и въ чтеніи. Буду ждать васъ на святки. Естьли *В. Н.* съ вами не поѣдетъ, то я вамъ заплачу и всѣ прогоны.

Вы очень прилежно занимаетесь Географич. Депо; оттого много любопытнаго и мнѣ сообщаете. Итакъ военнымъ поселеніямъ уже болѣе 100 картъ!! Но къ чему публикѣ сіи частности безъ связи? Они останутся только въ Депо и у *Аракчеева*. Атласы по губерніямъ дѣйствительно полезны, и напрасно Депо думаетъ, что они не разойдутся; до 500 охотниковъ можно найти въ каждой. А Департаментъ Просвѣщенія пусть остается со своими застарѣлыми. Ученики не покупаютъ ихъ.

Вы спрашиваете, на что мнѣ понадобилась книга *О лошадиной ковкѣ?* На то, что мои кузнецы неискусные всегда портятъ лошадей. Вотъ и еще нужна мнѣ книга *Крестьянинъ скотоводъ*, изд. *Николаемъ Осиповымъ*, естьли только по вашему разсмотрѣнію она окажется наставительною. У меня земледѣліе: а потому нуженъ и скотъ, котораго у меня до 100 штукъ...

Вы оттискиваете уже и *Монферановы* каменоломни; сообщите и мнѣ на поглядѣнье. Мнѣ кажется, это не что иное какъ voyage pittoresque, для виду. А планы Исаакія должны быть любопытнѣе для публики и полезнѣе для архитекторовъ. Хотя бы литографомъ уже отпечатать ихъ подешевле для народа. Сіе изобрѣтеніе, думаю, истребитъ у насъ такъ называемую для народа лубочную печать, около полутораста лѣтъ въ Россіи украшавшую площади и лавки. О *Зенефельдеровомъ* камено-тисненіи я читалъ листокъ при Академич. вѣдомостяхъ. Дѣло сіе время отъ времени легче становится. Для губернскихъ правленій, наипаче въ печатаніи нарядовъ, это полезно къ облегченію подъячихъ. Но можетъ быть и вредно въ поддѣлкѣ писемъ и векселей; развѣ объявлено будетъ на нихъ пробирное искусство.

Что журналъ *Байкова* давно извѣстенъ и иностранцамъ, я знаю. Амстердамскій бургомистръ *Витзенъ*, другъ Петра Великаго, въ книгѣ своей Norden - Ost. Tartarey, напечат. въ Амстердамѣ 1695 — 1705, издалъ на Голландскомъ сокращеніе онаго и говоритъ, что около того же времени издано оно и на Нѣмецкомъ въ Гамбургѣ, и на Французскомъ въ Парижѣ. Въ Лейденѣ Голландское перепечатано въ 1707. Потомъ помѣщено на Французскомъ въ книгѣ Recueil de voyages au Nord, въ Амстерд. 1732 въ IV томѣ, съ примѣчаніями Витзена. На Рускомъ же сей журналъ полной у насъ напеч. въ IV т. Др. Россійс. Вивліоѳики. Вотъ вамъ исторія сего журнала. Не знаю, въ Сибирск. Вѣстн. сокращеніе ли переводное, или полный журналъ, какъ въ Др. Рос. Вивліоѳикѣ.

Каталога книгъ, касающихся до Россіи, не надѣюсь я отъ устарѣвшаго *Бутурлина*, живущаго и нынѣ во Флоренціи. Больше бы надѣяться можно отъ Панцнера и *Аделунга*. Но когда это будетъ? А между тѣмъ книги безконечно умножаются. На такую мелочь мало трудниковъ, какъ и вы замѣтили, въ зрителяхъ вашихъ шпаргаловъ.

О Семеновскомъ забурженьѣ пріѣзжіе подробно намъ разсказываютъ, но различно. Больно будетъ *Государю*, недовольному и Варшавскимъ nie pozwolam. Но что̀ было въ Варшавѣ, мы не знаемъ, а догадываемся только изъ прощальной рѣчи.

Естьли *Яновскій* о 2 изд. своего словотолкователя теперь только думаетъ, то видно 1-е изд. туго расходилось. А новый полный Морской

Словарь послѣ *Шишкова* и *Глотова* еще тупѣе пойдетъ; ибо моряковъ немного, и всѣ они на практикѣ учатся сему словарю.

Покойный *Г. Р. Державинъ* ни словесно мнѣ не говорилъ, ни въ данномъ мнѣ спискѣ своихъ сочиненій не означилъ о своей драммѣ *Рудокоповъ*. Да онъ и не знатокъ былъ театра, хотя и охотился наконецъ трагедіями передразнивать театръ. Я часто и смѣло ему говаривалъ, что и *Ломоносовъ* напрасно искалъ чести у Мельпомены. Но онъ извинялся тѣмъ, что въ старости ему легче писать повѣствовательное. Я замѣтилъ, что въ этомъ родѣ лучше бы ему писать сатиры, къ коимъ дѣйствительно имѣлъ великую способность. Но онъ отвѣчалъ: боюсь, не утерплю, чтобы не осрамить знакомыхъ; а мнѣ и за сатиры въ одахъ досталось-де.

119.

От 12 Ноября 1820 (Псковъ).

Критикѣ должно бы нападать только на сочиненія, а нынѣшняя дерзкая и буйная нападаетъ и на лица сочинителей. Вотъ въ этомъ-то бы надобно ее вразумить. Но самолюбіе и братоненавидѣніе или по крайней мѣрѣ братоосужденіе нынѣ кажется всеобщимъ характеромъ нашего вѣка. Вотъ и *Гнѣдкова* выкличка на переводчика Андромахи тоже доказываетъ. Что̀ за достоинство поправить чужой стихъ, но самому часто писать худые? Смотръ его Академіи Художествъ лучше его собственныхъ *Омеро*-маній.

Я не читаю журнала *Благонамѣреннаго*, а потому и не увижу вашей статьи о Женевскихъ книголюбцахъ. Но въ Россіи чтецы только еще справляются съ книгами на случай, а не читаютъ всего сподвалъ кромѣ романовъ. Не думаю я, чтобы и *Плавильщиковъ* много выигралъ открытою своею библіотекою чтенія. Чрезъ два года, когда разочтется, то увидитъ, что переплетъ книгъ, прислуга, квартира и отопка залы и проч. дороже платы читателей. Въ чужихъ земляхъ открытыя библіотеки необходимы для сочинителей; а у насъ все еще только переводчики или компиляторы, изъ двухъ или много изъ трехъ книгъ составляющіе одну.

Спасибо за *Манетонову* хронологію проказника въ археоманіи *гр. Потоцкаго*. Теперь у меня недостаетъ только одной его такой же книжонки Histoire primitive des peuples etc... Надъ атласомъ своимъ *Потоцкій* тоже сдѣлалъ, что̀ теперь дѣлаетъ у васъ *Корсаковъ*, т. е. вырѣзалъ одну только доску и по разнымъ епохамъ расчерчивалъ ее на бумагѣ разными красками и вписывалъ географическія мѣста.

Когда пріѣдете во Псковъ, то я вамъ покажу огромный *Блаевъ* атласъ, въ нашей семинаріи находящійся, въ 10 томахъ, grand folio·

Тамъ найдете вмѣстѣ все то, что вы порознь нашли въ Депо картъ. Чудны Нѣмцы, издавшіе въ Лейпцигѣ атласъ Россіи, Швеціи, Польши и проч. съ 1155 г.!!! Оспоривать некому, хотя и не докажутъ.

Сказка о Холопьемъ городкѣ и о холопахъ, въ отсутствіе господъ завладѣвшихъ женами, выдана *Герберштейномъ* будто бы изъ Рускихъ лѣтописей, въ которыхъ о семъ ни слова; а такая жъ сказка о Скиѳахъ есть у *Геродота* и у *Юстина*. А что Холопій городокъ былъ и въ Россіи на рѣкѣ Мологѣ въ Ярославской губ., это извѣстно и по Большому Чертежу.

Итакъ у *Воейкова* бываютъ литературныя засѣданія изъ обоихъ половъ! *Мольерова* комедія Femmes Savantes стоила бы тутъ прочтенія. Для нихъ лучше бы была бесѣда о вкусѣ въ модахъ.

Неужели *Тесингу* данная *Петромъ I* привилегія писана по-руски? Я нашелъ ее въ *Берговой* книгѣ Голландскую и упросилъ одного биржевскаго переводчика перевести по-руски. У *Голикова* помѣщена она Руская новымъ языкомъ, но нѣсколько отлична отъ подлинника Голландскаго. Я думаю, что и ваша—переводъ только первоначальный: ибо Петръ I, знавшій Голландскій языкъ, вѣрно для Голландца писалъ и подписалъ по-голландски.—Харьковскому Прокоповичу больно будетъ услышать о самоубійствѣ сына, которымъ онъ хвалился. Но глупое дѣло отъ жены умирать. Въ Петербургѣ не диковинка имѣть распутныхъ, когда и сами мужья тому ихъ учатъ, а иные ими и промышляютъ.

Не вѣрю я, чтобы *Стройновскаго* за гражданскій процессъ приговорили къ исключенію изъ всѣхъ должностей. Онъ все-таки останется сенаторомъ, какъ и послѣ поступка съ вами. Сколько въ Сенатѣ подобныхъ ему?

За что ни продалъ *Карамзина* IX томъ своей исторіи, но мы рады тому, что скоро ее увидимъ. А X-го, можетъ быть, не скоро дождемся; конца же едвали увидимъ въ жизнь автора, имѣющаго уже 53 года. А не смотря на успѣхи его и славу, много ему и шикановъ и завистниковъ, хотя и нѣтъ сверстниковъ, кромѣ *Глинки!!!*

На прошлой почтѣ получилъ я отъ *Греча* письмо съ просьбою о присылкѣ ему біографіи *Курбскаго* и другихъ нѣкоторыхъ. Я на нынѣшней же почтѣ ему посылаю. А у васъ спрашиваю, не видали ль или не слыхали ль вы исторіи *Курбскаго* на Польскомъ? Въ Калугѣ мнѣ говорилъ это губернаторъ *Каверинъ*. Я и тогда не повѣрилъ, а нынѣ и у *Бентковскаго* не нашелъ. Впрочемъ, дѣло возможное.

Что іезуиты разругали *Бентковскаго*, это не диво. Онъ въ предисловіи очень казисто обличилъ ихъ методу ученія, затруднявшую просвѣщеніе націи и отнимавшую только людей у государства.

120.

От 22 Ноября 1820 (Псковъ).

Большое спасибо вамъ за книжку *о каменоломняхъ*, которую по полученіи тотчасъ я прочиталъ. Дѣйствительно, Руская мужицкая механика успѣшнѣе ученой. Тутъ все просто, безъ машинъ. Сверло, клинъ и рычагъ составляютъ всю Рускую силу. Только на 13 страницѣ первыхъ 4-хъ строкъ я не могъ ясно вообразить. Въ переводѣ и тутъ замѣтна герменевтоманія и привычка писать miedzy nawiasami. Впрочемъ, кажется критикамъ тутъ нечего ловить. А кто-то о сихъ же каменоломняхъ помѣстилъ уже статью въ 44 № С. Отеч. Пусть завистники *Монферранда* кричать, что онъ не построитъ или дорого построитъ Исаакія. Искусство и опытъ лучше умствованій. Но чего теоритическими умствованіями нельзя оспоривать? Великія геніи, какъ сказалъ прекрасно Горацій Epist. I. Lib. I v. 14, превозвышающіеся въ искусствахъ, самымъ блескомъ своимъ жгутъ завистниковъ, и только по смерти зависть прекращается, а начинается любовь.

Читалъ я критику и на вашъ каталогъ. Очень мало дѣльнаго, и легко бы вамъ оправдаться, уступивши только кое-что. Но совѣтую лучше молчаніемъ презрѣть и продолжать свое дѣло по принятому плану; а развѣ въ маленькомъ предисловіи къ продолженію упрекнуть критика, что онъ больше нападаетъ на лицо сочинителя, нежели на книгу, *и* что онъ судитъ о раздѣленіи наукъ не по принятой еще вообще какой-нибудь системѣ. Гадаю я, что если не самъ *Ол...*, то подъ его wplywom написанъ сей пасквиль.

Вы спрашиваете у меня мнѣнія о ландкартахъ, прожектируемыхъ *Корсаковымъ*. Мнѣ кажется въ такой перепутаницѣ народовъ, разныхъ и въ одной губерніи нынѣшнихъ интенданствъ, раскиданныхъ отдаленно одинокихъ заведеній и проч., какъ у насъ, всего сего подъ одинъ взглядъ подвести не можно. Притомъ карты почтовыхъ дорогъ и водяныхъ сообщеній у насъ уже есть. Епархіи по указу 1799 г. Окт. 16 давно приведены въ границы губерній, исключая развѣ очень немногихъ селеній на границахъ, по удобности отнесенныхъ приходомъ за границу. Вѣдѣніе университетовъ въ границахъ также губерній. Католическимъ и евангелическимъ епархіямъ легче сдѣлать росписи мѣстъ, нежели карту. Народамъ Сибирскимъ только можно означить границы по Георгію. А внутри Россіи всё перепутано. Есть переселенные Корелы даже въ Тверской губ. Праищите въ Технологическомъ Журналѣ Фризову *физическую и топографическую карту Волог. губ.* (т. III, ч. I); не годится ли она вамъ въ образецъ? Чтожъ касается до древ-

нихъ удѣльныхъ княженій, то всё потеряно. Завѣщательныя и размежевальныя грамматы всегда были только временныя и перемѣнчивыя со смертью владѣльца, а часто и при жизни. Одно только Новгородское и Псковское княжества вѣрнѣе можно ограничить. У иностранцевъ всему тому есть древніе документы, и потому *Лесажу* легко было издать карты древней Испаніи, Галліи, Германіи и пр., но и то съ промежутками цѣлыхъ сотенъ, а иногда тысячи лѣтъ; притомъ вѣрно ли, Богъ вѣсть. Легче начертить дорогу похода или путешествія, нежели границу округи. Названіе города, крѣпости, села, рѣки не есть еще граница. А вы еще по библоманіи своей думаете о картѣ типографій и провоза книгъ! Простая роспись ихъ будетъ яснѣе карты. Употребите лучше время на что-нибудь полезнѣйшее, а это воздушные замки.

Спасибо за дополненіе къ Варшавской сеймовой рѣчи; но для насъ все еще невѣдомо, чего и за что не приняли Польскіе чупы? Спасибо и за лоскутокъ письма *Екатерины*; я много видалъ ея руку.

Воейкову послалъ я *Львова* поэму Добрыня, но отъ него *Гаральдовой пѣсни* не получалъ. Напомните ему. Въ программѣ на будущее изданіе С. О. онъ подписался первымъ; а мнѣ кажется онъ долженъ быть ниже *Греча*, у котораго умъ основательнѣе.

По случаю сообщенной вамъ рецензіи изъ Allgem. litter. Zeitung о Литовскомъ статутѣ замѣчаніе о Бѣлорусскихъ книгахъ, видно, сдѣлано невидавшимъ сихъ книгъ. Я много ихъ видѣлъ. *Галятовскаго Іоанникія* почти всѣ книги на Бѣлорусскомъ, т.-е. большею частію изъ Польскихъ, нежели изъ Рускихъ словъ. Нѣмцы охотники рецензировать и Польскія, и Рускія книги.

На вопросъ вашъ о смыслѣ указа 1675 Маія 7 о перемѣнѣ буквъ *о, а* разскажу вамъ анекдотъ, случившійся въ Воронежѣ около половины прошлаго столѣтія. Былъ тамъ валдмейстеръ, по нынѣшнему форшмейстеръ, *Лука Варѳоломеичъ Вельяминовъ*, великій грабитель за вырубку лѣсовъ. Одинъ обиженный имъ помѣщикъ подалъ на него челобитную, въ которой, часто упоминая его имя, вездѣ отечество пригонялъ къ концу строки и писалъ въ концѣ воръ—а переносилъ *ѳоломеичъ*. Вельяминовъ протестовалъ обиду. Жалобщикъ доказывалъ, что такъ всѣ его зовутъ по народному произношенію. Велѣно переписать просьбу, и жалобщикъ вмѣсто прежняго написать *воръ*—съ переносомъ воръ-*ѳоломеичъ*. Тотъ пуще еще взбѣсился и подалъ встрѣчную жалобу, а сей извинялся опискою.—Былъ и при государѣ *Петрѣ I* указъ по случаю, что одинъ сенаторъ другому сказалъ: *смотришь на меня звѣрообразно*, а сей подалъ просьбу о безчестьѣ; но не велѣно сего считать безчестьемъ. Такихъ процессовъ, видно и въ старину бывало много.

Васъ озаботилъ *баронъ* выпискою о крестьянахъ по случаю изверга, торговавшаго дѣвчонками, о коемъ вы однакожъ прежде мнѣ не писали. Но видно вамъ обоимъ не извѣстна изданная въ Харьковѣ 1816 г. въ 8 д. на 115 с. докторомъ *Грибовскимъ* прекрасная книжка *О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи.* Тутъ всѣ указы подобраны и съ исторіею. Она облегчила бы вашъ трудъ и даже освободила бы вовсе отъ онаго.

Правду сказалъ *Бентковскій*, что естьли бы праотцевъ нашихъ не разлучила вѣра, то мы о сю пору говорили бы однимъ языкомъ и писали бы однимъ письмомъ.

По знакомству вашему съ *Гиповскимъ* примите отъ меня порученіе попросить его справиться въ Синодѣ о слѣдующемъ. Я представилъ еще въ прошломъ Декабрѣ 1819 г. службу *препод. Саввѣ Крыпецкому* и просилъ о дозволеніи напечатать ее на счетъ монастыря Крыпецкаго. Но и доселѣ ни рѣшенія, ни слуху о томъ не имѣю. Увѣдомьте, зачѣмъ остановилось дѣло.

121.

6 Декабря 1820 (Псковъ).

Какъ ни тѣсенъ мой досугъ въ сіи служебные дни, но долгъ дружбы заставляетъ и изъ недосуговъ урывать минуты. Дай Богъ вамъ успѣть въ выпискѣ законовъ по задачѣ *барона*. Но предметъ сей подвергнется сильнымъ опроверженіямъ, ибо судьи сами истцы. *П. Львовъ* солгалъ, что онъ въ Іюлѣ 1809 г. былъ со мною въ гостяхъ у *Державина*: съ Марта 1808 г. былъ я уже въ Вологдѣ. А ѣздили мы, правда, въ Іюлѣ 1807 лодкою по Волхову въ гости къ Державину, но его дома не застали и, не выходя изъ лодки, повернули домой.

Гр. Хвостовъ дѣйствительно прислалъ мнѣ свою сатиру къ разуму, гдѣ нашелъ я и ваше имя. Сатира сія очень въ пору. Онъ приложилъ еще и письмо свое о поэзіи къ *кн. Цертелеву.* Старикъ, всѣми окритикованный, пишетъ критику; а отвѣчать вѣрно *никто* не будетъ. Вамъ остается хотя въ послѣсловіи къ каталогу при просьбѣ о поправкахъ сказать, чтобы поправщики книгу поправляли безъ личныхъ браней автору.—*Потоцкаго* книги Fragments sur les Scythes et Sarmates у меня нѣтъ, и я не видалъ. А Histoire primitive я видѣлъ и таблицы изъ нея списалъ. Des principes de la chronologie не они ли значатъ? Ваша правда, что сей бояринъ, какъ ни бредилъ, но много чудеснаго намъ издалъ. Чудно, что *Бентковскій* не всѣ его сочиненія исчислилъ.

Льва Діакона и Руской переводъ получилъ я изъ дому *канцлера* по его приказанію, но не успѣлъ еще свести съ подлинникомъ, который я весь читалъ. Эта исторія для насъ любопытна только по книгамъ

VI, VII, VIII и IX, въ коихъ много дополненій къ нашей исторіи. Въ подлинникѣ много примѣчаній, не помѣщенныхъ въ переводѣ; но они и не нужны, ибо относятся къ Греч. языку, а нужны бы рисунки, въ подлинникѣ находящіеся.—*Остолоповъ* нашелъ должность лучше вице-губернаторской за 5000 р. и подъ судъ уже не попадется, но по польщизнѣ забѣгаетъ уже и къ вамъ.—Давно бы и нашей Академіи Невской надлежало выполнить еще въ 1-мъ проектѣ предположенное изданіе журнала; а въ убыткѣ, дѣйствительно, не будетъ.—Спасибо вамъ за маршалову рѣчь Варшавскую. Поляки обратились назадъ къ шумнымъ своимъ сеймамъ, о которыхъ хорошо замѣтилъ и Бентковскій 1. pag. 685; а отвѣтъ старичонковъ о amelioracyi чрезвычайно ѣдокъ. Похожъ на буйный сеймъ и поступокъ Каменецподольскаго катол. бискупа надъ женскимъ монастыремъ. Поляки въ запальчивости безпамятны.

А на мѣсто *Линделя* у васъ появился другой католореформатъ. Не вѣрю я, чтобы и католическій митрополитъ согласенъ былъ на это, въ 80 лѣтъ и въ своемъ чинѣ. Между католиками-прихожанами много найдется и фанатиковъ за свою вѣру.

Любопытна будетъ исторія *De Desbout* о Кавказскихъ народахъ, которыхъ мы доселѣ не знаемъ даже всѣхъ именъ. *Руссо* нѣкогда пророчилъ, что изъ Кавказскихъ горъ будетъ когда-н. второе на Европу Монгольское нашествіе. Къ счастію нашему, сіи народы безпрестанно между собою дерутся и другъ друга истребляютъ. Неизвѣстна даже намъ и топографія Кавказскихъ горъ, и не знаю, кто успѣлъ сдѣлать имъ топографическую карту, которая, какъ вы пишете, уже и напечатана. Они простираются болѣе 500 в., вездѣ прерваны долинами и поперечными непроходными горами. У меня есть уже атласъ Грузіи, въ 13 картахъ, изд. въ Депо 1819 г.; но въ немъ нѣтъ ни одной горки, ни Кавказской, ни другой какой. *А Арровсмитъ* въ своихъ картахъ вездѣ рисовалъ и цѣпи горъ. Это важная принадлежность Географіи.

Вѣсть ваша о *В. П.* меня крайне удивила. Но ему давно сего ждать надлежало за энтузіастическія, даже до фанатизма, декламаціи политическія. Политикоманія есть также родъ помѣшательства, и *Екатерина II* въ завѣщаніи своемъ, совѣтуя одобрять всѣ дарованія, не совѣтуетъ терпѣть политическихъ писателей, больше возмущающихъ, нежели вразумляющихъ народы. Въ бумагахъ его найдутъ, можетъ быть, многихъ подобныхъ ему. Не были ли и вы участникомъ въ его толкахъ? Остерегитесь и въ своихъ бумагахъ. Не перехвачены ли его письма въ Украину или куда въ др. мѣста? А за статью *о смертности* мало бы привязки. Впрочемъ, думаю, все кончится продержаніемъ нѣсколькихъ недѣль и высылкою изъ столицы. Этотъ примѣръ учитъ всѣхъ остерегаться въ политическихъ умствованіяхъ. На что мѣшаться въ дѣла

намъ не порученныя? Поле наукъ такъ велико, что и безъ политики можно всякому найти себѣ мѣсто. А нынѣ со всѣхъ сторонъ времена лукавы. Когда пріѣдете ко мнѣ на святки, то наговоримся больше. Правду, сказать, я и не надѣялся пріѣзду В. Н., зная, что святки для фамильныхъ хлопотнѣе всѣхъ дѣлъ и привязываютъ поневолѣ къ дому. А вы свободны. Притомъ и бесѣдовать двоимъ намъ свободнѣе и объ одной словесности невиннѣе. — Благодарю за обѣщаніе плана старому Кіеву, но нужна бы и книга къ оному. Развѣ *канцлеръ* мнѣ доставитъ.—*Большая книга большое зло*, говаривали Греки; а нынѣ большихъ книгъ никто не читаетъ иначе, какъ для справокъ. Вотъ и *Гарижскій* естьли только соберетъ все, что уже написано о Днѣпровскихъ порогахъ, то выйдетъ также Фоліантъ; ибо давно уже объ нихъ пишутъ, и всѣ писавшіе разногласятъ въ толкованіи названій Славенскихъ и Рускихъ пороговъ, данныхъ *Константиномъ Багрянороднымъ*. А *Шлецеръ* прямо назвалъ ихъ неудобопонятнымъ бормотаньемъ. Кромѣ же *Константина* никто ихъ и не описывалъ.

122.

17 Декабря 1820 (Псковъ).

Итакъ вашъ *Морицъ* проѣхалъ мимо меня. Жаль, что я его не видалъ. Но съ намѣреніемъ своимъ переселиться въ Питеръ, гдѣ книгопродавцевъ тьма, не знаю, что онъ выиграетъ, особливо при вашей привязчивой цензурѣ. А въ Вильнѣ, по отнятіи у университета права вольной выписки, онъ бы превозмогъ и университетскаго книгопродавца. Въ самомъ дѣлѣ, университетамъ данная воля выписывать книги безъ цензуры едва ли невредна отечеству. Я видѣлъ въ Дерптскомъ университетѣ такіе журналы, какихъ бы цензура чрезъ границу не пропустила. А на что они послужатъ вольнодумнымъ нынѣ и безъ того профессорамъ? Но злые профессоры по крайней мѣрѣ смертны, а злыя книги безсмертны. Кабинеты чтенія также бы нужно чаще пересматривать; ибо какъ у Нѣмецкихъ профессоровъ сверхъ публичныхъ лекцій есть lectiones privatae et privatissimae, такъ и у содержателей кабинетовъ, можетъ быть, бываютъ libri privati et privatissimi. Даже проектъ не всѣхъ допускать къ чтенію предполагаетъ, что не для всѣхъ кабинетныя книги годятся. Ваша правда, что и сходбища ученыхъ сами по себѣ не всегда безопасны... Наши ученые, такъ называемые, не умѣютъ еще и различать истиннаго и полезнаго отъ софизма и пагубы.

Новое изданіе словотолкователя *Яновскаго*, видно, будетъ огромное; но отъ того можетъ быть выйдетъ много и ненужнаго, какъ въ Церковномъ Словарѣ. Словаристы часто преступаютъ сіи границы, кои для всеобщаго словаря недостаточны, а для частнаго излишни. Я согласенъ

съ вами, что сперва для каждой науки надобнобы составить особые словари, каковые приложены къ каждой части de l'Encyclopédie par ordre des matières. Пусть *Плавильщиковъ* не пугается вашего алфавита писателей: это полезнѣйшая часть вашего каталога и нужнѣйшая для литераторовъ. Хорошо проучиваютъ *Плавильщикова* прижимкою рѣдкихъ его книгъ; но это дѣлаетъ честь и прижимщику, знающему цѣну книгъ. А *Орлай*, оцѣнившій свою Pharmacopaeam въ 25 р., не знаетъ самъ ея цѣны и, вѣрно, не продастъ много, а развѣ служащимъ навяжетъ чрезъ начальство.

Спасибо и за дорожную карту Польскую, и за каталогъ всѣхъ картъ Географич. Депо. Польская карта есть у меня лучше. Естьли весь атласъ *Пядышева* будетъ съ такими же пробѣлами, то немного на него будетъ охотниковъ, и развѣ только для ѣздоковъ годится, чтобы считать станціи. Какое множество картъ успѣлъ уже издать намъ Географическій Депо! Но расходятся ли они въ продажу?

Ворчащимъ на открытіе именъ авторовъ анонимовъ можно отвѣчать, что не вы первый это дѣлаете, а всѣ почти издатели иностранныхъ рецензій, и *Бетковскій* въ своемъ каталогѣ.

Жаль *В. П.*! Но и то утѣшно, что его бумаги у *кн.* *), а не у другаго кого позлѣе. Можетъ быть все кончится побранкою и высылкою. Впредъ не будетъ пускаться въ мечты. Поберегите и вы свои бумаги. Естьли *Спасскій* издаетъ свой *Сибирскій Вѣстникъ* и изъ Академической архивы, то и за сіе достоинъ похвалы, не допуская сгнить сокровищу. Академія богата записками о Россіи, но не богата редакторами. Въ Кіевѣ, какъ и въ Новѣгородѣ и Псковѣ, много еще подземныхъ древностей; а потому и открытіе въ берегу Днѣпра какого-то зданія неудивительно. Но что̀ оно такое, надобно бы поскорѣе разыскать. Недавно и я здѣсь нашелъ у себя на горѣ кладъ монетъ, старинныхъ копѣечекъ; но слишкомъ древнихъ нѣтъ.

Естьли *Сопикова* каталогъ такъ уже вздорожалъ, то для чего бы скорѣе не выпустить его въ продажу? Это капиталъ. Но вы обѣщаете выпустить развѣ чрезъ полгода. Вотъ какъ душеприкащики радѣютъ о чужомъ! А естьли бы свое, то поскорѣе бы распечатали магазинъ.

Теперь пора уже условиться о вашемъ путешествіи къ другу. Для меня, да думаю и для васъ, самый лучшій досугъ наступающіе святки. И такъ прошу пожаловать. Не нужно оглашать въ Питерѣ, куда вы ѣдете; даже и подорожную возьмите не на имя Пскова, а на имя города хотя Острова, въ 45 верстахъ далѣе отъ Пскова, по тому же тракту. Естьли вы выѣдете наканунѣ праздника или на праздникъ Рождества, то на другой день будете уже у меня. А я живу въ 5 верстахъ далѣе

---

*) Т.-е. у князя А. Н. Голицына. П. Б.

города, отъ коего дорога по рѣкѣ. Расположитесь пробыть у меня до Крещенья. Привезите мнѣ литературныхъ и другихъ новостей, одну-двѣ книжки Польскія, ибо я сими книгами очень бѣденъ: *Линдъ* да *Бентковскій* составляютъ почти всю мою Польскую библіотеку. А охота есть умѣть и въ семъ языкѣ сколько-нибудь. О поѣздкѣ вашей предувѣдомьте меня, и для оной я никуда отлучаться не буду. Ваша бесѣда драгоцѣннѣе для меня будетъ всѣхъ прочихъ. Я постараюсь, чтобы и вамъ не было скучно. P. S. На дорогу примите отъ меня небольшое порученіе: въ химическихъ лабораторіяхъ или и въ аптекахъ и даже въ купеческихъ магазинахъ есть весьма горючій красный порошокъ, составленный изъ поташу и киновари. У химиковъ онъ называется tartritum potassae superoxygenatum. Въ магазинахъ разводятъ его въ камеди и окунываютъ сѣрныя спички, кои засуша кладутъ въ жестяныя коробочки и продаютъ какъ фосфоръ для зажиганія свѣчки, омачивая только спичку въ купоросное масло. Но мнѣ ни коробочки, ни спички ихъ не надобны (ибо самъ ихъ дѣлаю въ десятеро дешевлѣ), а надобно мнѣ въ запасъ золотниковъ 5 или 6 самаго порошку, который у меня почти истратился. Онъ не дорогъ. Сдѣлайте милость привезите мнѣ его въ баночкѣ. NB. Близко не подносите къ огню, ибо онъ дѣлаетъ вспышку пуще пороху. Нельзя ли мнѣ выпросить у *Плавильщикова* хотя изъ милости въ число обмѣнныхъ книгъ курсъ *Лагарповой литтературы*, переведенный Російскою Академіею?

123.

От 27 Декабря 1820 (Псковъ).

Вотъ уже третій день жду васъ на праздникахъ, а еще не вижу. Между тѣмъ естьли вамъ что-нибудь мѣшаетъ, то за нужное почитаю отвѣчать вамъ пока на одну статью послѣдняго вашего письма о переплетѣ *Фабриція*. Переплетите его всего въ папку безъ обрѣза въ 12 книгъ. Это будетъ сохраннѣе для книгъ; только бы переплетчики листовъ не перемѣшали или не выкинули.

Больше писать не стану, а желаю лучше лично съ вами наговориться досыта, естьли только дружбою можно насытиться.

P. S. Взглянулъ я между недосугами и на такъ называемую *Годуновскую* карту, вами присланную мнѣ. Естьли хотите издавать ее *Годуновскою*, то не надобно поправлять подлинника: иначе будетъ не *Годуновская*. Но естьли поправлять, то много надобно поправокъ; ибо и я по извѣстнымъ мнѣ губерніямъ замѣтилъ много неисправностей.

ПЕНЗЕНСКІЕ ДУХОБОРЦЫ ВЪ 1816 ГОДУ.

Содержаніе настоящаго сообщенія заимствовано нами изъ дѣла, которое хранится въ архивѣ Пензенскаго Губернскаго Правленія и озаглавлено такъ: *„Дѣло, по отношенію преосвященнаго епископа Пензенскаго и Саратовскаго, объ удѣльныхъ крестьянахъ духоборческой секты“*.

Настоящее дѣло насъ заинтересовало не описаніемъ самой духоборческой секты, а тѣми взглядами, какіе были высказаны по поводу этой секты бывшимъ въ то время Пензенскимъ губернаторомъ М. М. Сперанскимъ и другими лицами изъ высшихъ правительственныхъ сферъ того времени.

—

25 Мая 1816 года преосвященный Пензенскій Аѳанасій увѣдомилъ исп. дол. Пензенскаго губернатора Войцеховича, что свящ. с. Покровскаго Наровчатской округи, Ульянъ Петровъ доноситъ, что въ этомъ селѣ находится: „большое количество людей богохульной иконоборной ереси, которая часъ отъ часу распространяется и увеличивается. Главной тому причиной служатъ, какъ онъ замѣчаетъ, начальнѣйшіе оной секты удѣльные крестьяне, а именно: Иванъ Марковъ, Яковъ Ѳедоровъ, Иванъ Никифоровъ, Парфенъ Ивановъ и вдова солдатка Варвара Иванова, впадшіе въ сіе заблужденіе изъ правовѣрующихъ христіанъ и, будучи объяты таковымъ ослѣпленіемъ, стараются неусыпно и прочихъ прихожанъ въ сіе душепагубное заблужденіе ввесть: поелику безстрашно изрыгаютъ на святыя иконы хулы, называютъ ихъ идолами, а тѣмъ самымъ производятъ въ непросвѣщенныхъ людяхъ соблазнъ и разстройство. Нынѣ же на Св. Пасху, когда икононосцы проносили св. иконы въ приходъ для служенія молебновъ по домамъ, мимо двора крестьянина Ивана Никифорова, то нѣкоторые изъ домашнихъ его безстыдно называли оныя лопатами и съ насмѣшкою приговаривали икононосцамъ, чтобы оныя къ нимъ понесли на дворъ для помощенія оными на грязномъ мѣстѣ къ хожденію. Сверхъ того оные иконоборцы не только св. иконамъ и животворящему Кресту Господню не поклоняются, но даже при проношеніи оныхъ мимо ихъ отвращаются отъ сей святыни съ немалымъ пренебреженіемъ и поношеніемъ“.

Далѣе преосвященный Аѳанасій дѣлаетъ такую характеристику духоборцевъ: они въ церковь не ходятъ, крестнаго знамени не творятъ, на

исповѣди и у св. причастія не бываютъ, св. иконамъ не кланяются, священника въ домы не принимаютъ, рожденныхъ младенцевъ не крестятъ, а нарекаютъ имена сами, постовъ не соблюдаютъ и съ женами живутъ произвольно безъ вѣнчанія“.

Въ заключеніе преосвященный просилъ произвести слѣдствіе и, если названныя лица окажутся виновными, то поступить съ ними по законамъ, какъ съ богохульниками. Вмѣстѣ съ этимъ епископъ донесъ о духоборцахъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода.

Бывшій въ то время оберъ-прокуроромъ князь Александръ Николаевичъ Голицинъ, признавая необходимо-нужнымъ принять дѣятельнѣйшія мѣры къ недопущенію другихъ православныхъ заразиться заблужденіемъ, увѣдомилъ Министерство Полиціи, что онъ „приличнѣйшимъ находить въ настоящемъ случаѣ принять предосторожность и главныхъ зачинщиковъ духоборческой секты удалить изъ селенія къ прочимъ, по расколу, ихъ сотоварищамъ на Молочныя Воды, безъ всякаго однако наказанія; а послѣдователей ихъ, которые единственно по слѣпотѣ своей приняли ихъ лжеученіе, поручить въ особенное вниманіе мѣстнаго начальства, предоставивъ ему приличнѣйшими способами дѣйствовать къ обращенію ихъ на путь истинный и къ разрушенію впредь всѣхъ скопищъ, какія могли бы составиться на счетъ привлеченія въ расколъ“. На основаніи такого мнѣнія г. оберъ-прокурора, главнокомандующій въ С.-Петербургѣ (онъ же управляющій Министерствомъ Полиціи) предложилъ Пензенскому губернатору „принявъ оное (т. е. сообщеніе оберъ-прокурора) въ особливое ваше вниманіе поступить по оному надлежащимъ образомъ“.

Получивъ это предложеніе, исп. дол. губернатора просилъ преосвященнаго и управляющаго Пензенскою Удѣльною Конторою увѣдомить его, по какимъ именно селеніямъ обнаруживается духоборческая секта и кто главные зачинщики. На это управляющій Удѣльною Конторою сообщилъ, что удѣльные крестьяне духоборческой секты, живущіе въ селахъ Покровскомъ, Наровчатской округи, и Михайловскомъ, Краснослободской, еще въ 1809 году просили дозволенія переселиться, въ числѣ 27 душъ, въ Таврическую область въ Мелитопольскій уѣздъ къ единовѣрцамъ ихъ тамъ обитающимъ, но разрѣшенія на то не послѣдовало. При этомъ управляющій представилъ прошенія крестьянъ-духоборцевъ о дозволеніи имъ переселиться и приложилъ именной списокъ всѣхъ желающихъ, изъ котораго видно, что изъявило желаніе на переселеніе девять семействъ, изъ 27 душъ мужскаго пола и 24 женскаго; кромѣ того обнаружено въ вышеозначенныхъ селахъ 8 семействъ, принадлежащихъ къ духоборческой сектѣ, но не изъявившихъ желанія на переселеніе.

Вступившій въ это время въ должность Пензенскаго гражданскаго губернатора Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, усмотрѣвъ изъ дѣла, что

на переселеніе крестьянъ нѣтъ еще согласія Министерства Удѣловъ, сообщилъ о томъ начальнику Департамента Удѣловъ Дм. Алекс. Гурьеву, при чемъ имъ было высказано его мнѣніе и его взглядъ, какъ слѣдуетъ поступить съ сектантами. Это мнѣніе приводимъ дословно.

„Требованіе преосвященнаго было удалить пять человѣкъ зачинщиковъ раскола изъ селенія. Князь Александръ Николаевичъ (Голицинъ) назначилъ мѣстомъ удаленія ихъ Молочныя Воды, военный генералъ-губернаторъ утвердилъ тоже. Какъ скоро мѣра сія, по зависимости крестьянъ отъ Министерства Удѣловъ, получила бы ваше одобреніе, тогда къ приведенію ея въ дѣйствіе оставалось бы: 1) удостовѣриться слѣдствіемъ, какъ то предлагаетъ и преосвященный, точно ли пять человѣкъ, поименованныхъ священникомъ, суть зачинщики раскола, и потомъ 2) переселить ихъ, не смотря на ихъ желаніе или отрицаніе. Правящій здѣсь должность губернатора, предсѣдатель Войцеховичъ, сообщилъ только вошедшія къ нему бумаги, не назначивъ никакого образа исполненія; а Контора, чрезъ удѣльный приказъ, предложила духоборцамъ вопросъ: кто изъ нихъ желаетъ перейти на Молочныя Воды? Вмѣсто пяти явилось желающихъ 27 человѣкъ мужскаго и 24 женскаго пола, и вмѣсто наказанія мѣра сія получила уже видъ нѣкотораго поощренія: ибо правительство, переселяя сихъ людей на Молочныя Воды, исполняетъ только то, что̀ они сами желаютъ и просятъ“.

„Теперь, чтобы обратиться къ первоначальному вопросу, чтобы исполнить требованіе преосвященнаго и мнѣніе князя Александра Николаевича въ томъ разумѣ, въ коемъ оно предполагалось, надлежитъ зачинщиковъ раскола, удостовѣрясь прежде слѣдствіемъ (ибо показаній одного священника по сему недостаточно) сослать, но не туда уже, куда они сами желаютъ, а въ другое какое либо мѣсто, куда благоугодно будетъ назначить. Впрочемъ, куда бы сіи пять человѣкъ ни были сосланы, по количеству людей, расколу сему преданныхъ, я имѣю всѣ причины сомнѣваться, чтобы мѣра сія произвела какое либо дѣйствіе. Я знаю одно только средство къ уничтоженію раскола; оно состоитъ въ томъ, чтобы *въ приходы имъ зараженные опредѣлять священниковъ примѣрной жизни, кроткихъ, поучительныхъ, непритязательныхъ и обезпеченныхъ въ ихъ содержаніи*“.

Д. А. Гурьевъ увѣдомилъ Сперанскаго, что министръ внутреннихъ дѣлъ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, къ которому князь Голицинъ обращался по настоящему дѣлу, сообщилъ ему свое мнѣніе, которое мы и приводимъ въ подлинникѣ, какъ ясно выражающее взглядъ на сектантовъ высшаго правительства того времени *).

„Г. тайный совѣтникъ князь А. Н. Голицинъ препроводилъ ко мнѣ въ подлинникѣ отношеніе вашего высокопревосходительства къ нему, вмѣстѣ съ таковымъ же, послѣдовавшимъ къ вамъ отъ Пензенскаго гражданскаго

---

*) Козодавлевъ, учившійся въ Лейпцигѣ, товарищъ Радищева, былъ человѣкъ весьма ограниченнаго ума. Его можно назвать политическимъ Маниловымъ. П. Б.

губернатора, касательно переселенія на Молочныя Воды въ Таврическую губернію нѣкоторыхъ удѣльныхъ крестьянъ, присоединившихся къ такъ называемой духоборческой сектѣ. Онъ отнесъ сіи бумаги на мое разсмотрѣніе по причинѣ извѣстнаго Высочайшаго повелѣнія о томъ, чтобы дѣла упомянутаго рода людей, находящихся на Молочныхъ Водахъ, подъ названіемъ Мелитопольскихъ поселенцевъ, были вѣдомы во внутреннемъ министерствѣ":

„Разбирая сіе дѣло въ духѣ истиннаго христіанства и соображаясь съ мыслями и правилами въ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества указѣ, отъ 9 минувшаго Декабря, на имя Херсонскаго военнаго губернатора изображенными, нельзя не признать основательнымъ мнѣніе объ упомянутыхъ удѣльныхъ крестьянахъ со стороны г-на оберъ-прокурора Св. Синода".

„Извѣстно, что стѣсненіе въ дѣлѣ совѣсти, кольми паче принудительное требованіе перемѣны мыслей во вкусѣ и строгія притомъ истязанія, суть не только противны духу христіанства, но и безполезны. Божественвенное ученіе Христа Спасителя и Его апостоловъ свидѣтельствуетъ непреложнымъ образомъ, что обращеніе заблуждающихъ на путь правый должно производить духомъ кротости и любви. Безчисленные же примѣры въ исторіи церковной и въ самыхъ происшествіяхъ съ сими такъ называемыми духоборцами показываютъ ясно безполезность всѣхъ жестокихъ и насильственныхъ мѣръ строгости. Да и какъ можно ожидать, чтобы сіи, или другіе отпадшіе отъ православной церкви, пожелали и рѣшились искренно обратиться къ ней, когда видятъ, что мы, считающіе себя вѣрными сынами оной, водимся не духомъ Главы ея, Пастыря добраго, Который, оставя все, идетъ со тщаніемъ искать и одной овцы погибшей, но водимся духомъ противничьимъ, ищущимъ не спасти, но погубить и терзать! По истинѣ, сіи заблужденные люди скорѣе почтутъ себя за мучениковъ правой вѣры, нежели согласятся отступить отъ своего образа мыслей о религіи и присоединиться къ церкви, коей приверженцы поступаютъ столь несогласно съ ученіемъ Христовымъ. И такимъ образомъ строгія и насильственныя мѣры съ отпадшими отъ православной вѣры нашей обратятся къ безславію и поруганію ея, равно какъ и вообще христіанской религіи".

„Все сіе ведетъ къ заключенію, что дѣйствительно лучшее и единственное средство въ нынѣшнемъ случаѣ, относительно помянутыхъ удѣльныхъ крестьянъ, есть то, какъ и князь Александръ Николаевичъ полагалъ, чтобы пятерыхъ зачинщиковъ изъ нихъ въ прилѣпленіи къ той сектѣ, препроводить на Молочныя Воды; но сіе никакъ не въ видѣ ссылки, или наказанія, какъ Пензенское мѣстное начальство полагало, и безъ всякаго слѣдствія, которое оно думало произвести и которое въ семъ случаѣ нимало неприлично, а для соединенія токмо съ ихъ собратіями, одинаково съ ними мыслящими. Сіе тѣмъ приличнѣе будетъ, что на поселеніе сего рода людей на Молочныхъ Водахъ изъявлена уже и Высочайшая Государя Императора воля. Затѣмъ изъ числа прочихъ прилѣпившихся къ той же сектѣ

удѣльныхъ крестьянъ отправить на Молочныя Воды только тѣхъ, кои сами сего пожелаютъ, но никакъ не принуждать къ таковому переселенію. Переселеніе же произвесть по сношенію съ г. Херсонскимъ военнымъ губернаторомъ, коему вообще подобные поселенцы Мелитопольскіе, упомянутымъ выше указомъ, поручены въ собственный и ближайшій его надзоръ и попеченіе. Они должны принять участіе въ тѣхъ же мѣрахъ снисхожденія и покровительства законовъ, каковыя предоставлены прочимъ ихъ собратіямъ".

„Въ разсужденіи остающихся на мѣстѣ въ Пензенской губерніи таковаго рода людей, можно весьма съ пользою употребить средство предполагаемое г. Пензенскимъ губернаторомъ, т. е. „въ тѣ приходы, гдѣ они находятся опредѣлять священниковъ примѣрной жизни, кроткихъ, поучительныхъ, непритязательныхъ и обезпеченныхъ въ ихъ содержаніи". Цѣль сего очевидна, ибо другихъ качествъ священники скорѣе отвратятъ отъ православной церкви, нежели привлекутъ къ оной; къ тому же и примѣръ собственныхъ христіанскихъ поступковъ и образа жизни священниковъ болѣе нежели что другое, можетъ подѣйствовать съ пользою на умы ослѣпленныхъ".

„Я всегда и прежде былъ того мнѣнія, что любовь есть твердѣйшее или, паче сказать, единственное основаніе, на коемъ всѣ дѣянія правительства, даже и въ гражданскомъ быту, долженствуютъ быть располагаемы".

Д. А. Гурьевъ изъявилъ полное согласіе съ мнѣніемъ О. П. Козодавлева, почему сей послѣдній просилъ Сперанскаго содѣйствовать, „дабы кроткими мѣрами, безъ всякаго принужденія и изысканія, скорѣе окончено было начатое по удѣльному и губернскому начальству дѣло о сихъ людяхъ и опредѣлено было число крестьянъ, кои пожелаютъ переселиться къ собратьямъ ихъ на Молочныя Воды въ Таврическую губернію и на какомъ основаніи могутъ они сдѣлать сіе переселеніе".

Сперанскій, 6 Марта 1817 г., просилъ министра внутреннихъ дѣлъ отсрочить исполненіе этого дѣла на два мѣсяца, такъ какъ онъ затрудняется „выборомъ способнаго чиновника и считаетъ неудобнымъ передавать дѣло обыкновенному дѣйствію земской полиціи, въ Маѣ же мѣсяцѣ лично на мѣстѣ я буду въ состояніи, занявшись симъ дѣломъ, войти во всѣ его обстоятельства. Отсрочка сія будетъ полезна и потому, что во всѣхъ случаяхъ переселеніе сихъ крестьянъ не можетъ лучше и удобнѣе быть произведено, какъ осенью, т. е. когда, снявъ посѣянный ими хлѣбъ и не издерживаясь уже на новый посѣвъ озимаго, будутъ они въ состояніи безъ разстройства предпринять путешествіе. Время же отъ весны до осени достаточно будетъ, чтобы и со стороны начальства учредить ихъ переселеніе со всевозможнымъ соблюденіемъ ихъ выгодъ".

Отвѣта на это представленіе Сперанскій не получилъ, а предположенная имъ поѣздка по губерніи была отложена до осени. Въ Октябрѣ

1817 г. Сперанскій писалъ Козодавлеву: „Нынѣ, проѣздомъ въ г. Краснослободскъ для обозрѣнія присутственныхъ мѣстъ, нарочно заѣзжалъ я, вмѣстѣ съ управляющимъ Удѣльною Конторою, въ г. Троицкъ, куда вызваны были и крестьяне духоборческой секты. Изъ 9 желавшихъ прежде переселенія на Молочныя Воды нынѣ объявили къ тому намѣреніе всего 6 семействъ, состоящихъ изъ 15 душъ мужскаго и 19 женскаго пола. Прочіе изъявили желаніе остаться на прежнемъ жительствѣ. Переселяются они на своемъ собственномъ счетѣ. Переходъ могутъ сдѣлать не прежде какъ по наступленіи будущей весны, ибо до выхода должны здѣсь распродать домы, хлѣбъ и прочее. Одного изъ своихъ намѣреваются они послать впередъ для осмотрѣнія назначенныхъ имъ мѣстъ и для посѣва. Вслѣдствіе сего я нынѣ же сообщилъ г. Таврическому губернатору, прося его сдѣлать благовременно распоряженія къ принятію и водворенію тамъ переселенцевъ“.

Вмѣстѣ съ этимъ Сперанскій просилъ управляющаго Удѣльною Конторою сдѣлать распоряженія къ переселенію, и крестьянамъ-духоборцамъ оставалось только двинуться съ мѣста. Но переселеніе было внезапно оставлено. 26 Октября того же года министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ губернатору, что „при переселеніи изъ Финляндіи подобныхъ духоборцевъ въ Таврическую губернію, для совокупнаго водворенія съ собратіями ихъ тамъ живущими, по журналу Комитета Министровъ 3-го Апрѣля сего года послѣдовало Высочайшее Государя Императора повелѣніе, дабы кромѣ сихъ переселенцевъ впредъ духоборцевъ изъ другихъ мѣстъ, переводимыхъ въ селенія Мелитопольскія, не прибавлять: то и считаю я, что за симъ всѣ предпринятыя мѣры на счетъ перевода изъ ввѣренной вашему превосходительству губерніи означенныхъ духоборцевъ удѣльнаго вѣдомства должны быть отмѣнены“. „Я сообщилъ о семъ и министру удѣловъ съ тѣмъ, что ежели бы уже не можно сихъ людей оставить на настоящемъ мѣстѣ жительства, то увѣдомилъ бы меня, куда бы удобнѣе ихъ перевесть; васъ же покорнѣйше прошу учинить зависящія отъ васъ распоряженія, дабы означенные переселенцы не приступали къ распродажѣ своего имущества и не дѣлали никакихъ приготовленій къ предпринятію переселенія“.

Получивъ это предписаніе, Сперанскій просилъ управляющаго Удѣльною Конторою объявить крестьянамъ это распоряженіе, „отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ, дабы не подумали они, что мѣстное начальство по своей волѣ затрудняетъ ихъ переселеніе“.

Управляющій Удѣльною Конторою, какъ видно изъ переписки, затруднился объявить распоряженіе министра духоборцамъ, а вытребовалъ трехъ изъ нихъ въ Пензу и представилъ къ Сперанскому, который лично и объявилъ имъ отмѣну ихъ переселенія и по этому поводу писалъ министру слѣдующее: „Объявленіе сіе они приняли не токмо безъ огорченія, но и съ благодарностію, потому что желаніе ихъ къ переселенію охладѣло съ того

времени, такъ какъ по распоряженіямъ и подтвержденіямъ моимъ и въ настоящемъ ихъ жительствѣ ограждены они отъ всякаго стѣсненія. По сему, кажется, и со стороны удѣльнаго начальства не нужно уже будетъ дальнѣйшихъ распоряженій, и дѣло сіе можно считать совершенно оконченнымъ".

Министерство Удѣловъ съ своей стороны высказало такое мнѣніе, что такъ какъ „число желающихъ переселиться составляетъ не болѣе шести семей, то и не можно сдѣлать имъ назначенія къ переселенію на удобнѣйшія для нихъ мѣста въ другихъ губерніяхъ, тѣмъ болѣе, что и на настоящемъ жительствѣ они ведутъ жизнь спокойную и въ повинностяхъ исправны".

Но дѣло о переселеніи духоборцевъ этимъ не кончилось. Въ началѣ 1819 года съ ихъ стороны снова были возобновлены просьбы о разрѣшеніи имъ переселиться въ Мелитопольскій уѣздъ Таврической губерніи, и ими былъ представленъ приговоръ отъ жителей разныхъ духоборческихъ слободъ Мелитопольскаго уѣзда, что они согласны принять Покровскихъ и Михайловскихъ крестьянъ духоборческой секты „въ свое сословіе, на всегдашнее жительство". Сперанскій поручилъ управляющему Удѣльною Конторою лично разслѣдовать причину возобновленія просьбъ о переселеніи со стороны духоборцевъ. Управляющій увѣдомилъ губернатора, что онъ лично разспрашивалъ крестьянъ-духоборцевъ, каждаго порознь, и они ему объявили, что „переселенія сего просятъ не по притѣсненіямъ Покровскихъ обывателей или сельскихъ начальниковъ, ни по другимъ какимъ-либо особеннымъ причинамъ, но единственно только потому, что они, неотступно держась своей секты, желаютъ удалиться отъ здѣшнихъ своихъ обывателей для совмѣстнаго житія съ своими товарищами, подобными имъ духоборцами, во многолюдномъ числѣ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ жительствующими.

Сперанскій, вслѣдствіе сдѣланнаго запрещенія подобныхъ переселеній, отказалъ въ просьбѣ духоборцевъ, и остались они жить на своихъ старыхъ мѣстахъ.

Н. Евграфовъ.

ИНСТРУКЦІЯ ГРАФА БЕНКЕНДОРФА

чиновнику „Третьяго Отдѣленія“.

Стремясь выполнить въ точности Высочайше возложенную на меня обязанность и тѣмъ самымъ споспѣшествовать благотворительной цѣли Государя Императора и отеческому Его желанію утвердить благосостояніе и спокойствіе всѣхъ въ Россіи сословій, видѣть ихъ охраняемыми законами и возстановить во всѣхъ мѣстахъ и властяхъ совершенное правосудіе, я поставляю вамъ въ непремѣнную обязанность, не щадя трудовъ и заботливости, свойственныхъ вѣрноподданному, наблюдать по должности вашей слѣдующее:

1-е. Обратить особенное ваше вниманіе на могущія произойти безъ изъятія во всѣхъ частяхъ управленія и во всѣхъ состояніяхъ и мѣстахъ злоупотребленія, безпорядки и закону противные поступки.

2-е. Наблюдать, чтобъ спокойствіе и права гражданъ не могли быть нарушены чьей-либо личною властію или преобладаніемъ сильныхъ лицъ, или пагубнымъ направленіемъ людей злоумышленныхъ.

3-е. Прежде нежели приступать къ обнаруживанію встрѣтившихся безпорядокъ*), вы можете лично сноситься и даже предварять начальниковъ и членовъ тѣхъ властей или Судовъ или тѣ лица, между коихъ замѣчены вами будутъ незаконные поступки, и тогда уже доносить мнѣ, когда ваши домогательства будутъ тщетны; ибо цѣль вашей должности должна быть прежде всего предупрежденіе и отстраненіе всякаго зла. Напримѣръ, дойдутъ ли до вашего свѣдѣнія слухи о худой нравственности и дурныхъ поступкахъ молодыхъ людей, предварите о томъ родителей или тѣхъ, отъ коихъ участь ихъ зависитъ, или добрыми вашими внушеніями старайтесь поселить въ заблудшихъ стремленіе къ добру и возвести ихъ на путь истинный прежде, нежели обнаружить гласно ихъ худые поступки предъ правительствомъ.

4-е. Свойственныя вамъ благородныя чувства и правила несомнѣнно должны вамъ пріобрѣсть уваженіе всѣхъ сословій, и тогда званіе ваше, подкрѣпленное общимъ довѣріемъ, достигнетъ истинной своей цѣли и принесетъ очевидную пользу Государству. Въ васъ всякой угн-

---

*) Такъ. П. Б.

дитъ чиновника, который черезъ мое посредство можетъ довести гласъ страждущаго человѣчества до Престола Царскаго, и беззащитнаго и безгласнаго Гражданина немедленно поставить подъ Высочайшую защиту Государя Императора.

Сколько дѣлъ, сколько беззаконныхъ и безконечныхъ тяжбъ посредничествомъ вашимъ прекратиться могутъ, сколько злоумышленныхъ людей, жаждущихъ воспользоваться собственностію ближняго, устрашатся приводить въ дѣйствіе пагубныя свои намѣренія, когда они будутъ удостовѣрены, что невиннымъ жертвамъ ихъ алчности проложенъ прямый и кратчайшій путь къ покровительству Его Императорскаго Величества.

На таковомъ основаніи вы въ скоромъ времени пріобрѣтете себѣ многочисленныхъ сотрудниковъ и помощниковъ; ибо всякой Гражданинъ, любящій свое отечество, любящій правду и желающій зрѣть повсюду царствующую тишину и спокойствіе, потщится на каждомъ шагу васъ охранять и вамъ содѣйствовать полезными своими совѣтами и тѣмъ быть сотрудникомъ благихъ намѣреній своего Государя.

5-е. Вы безъ сомнѣнія даже по собственному влеченію вашего сердца стараться будете узнавать, гдѣ есть должностные люди совершенно бѣдные или сирые, служащіе безкорыстно вѣрой и правдой, не могущіе сами снискать пропитаніе однимъ жалованьемъ, о каковыхъ имѣете доставлять ко мнѣ подробныя свѣдѣнія для оказанія имъ возможнаго пособія и тѣмъ самымъ выполните священную на сей предметъ волю Его Императорскаго Величества—отъискивать и отличать скромныхъ вѣрнослужащихъ.

Вамъ теперь ясно открыто, какую ощутительную пользу принесетъ точное и безпристрастное выполненіе вашихъ обязанностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ легко можете себѣ представить, какой вредъ и какое зло произвести могутъ противныя сей благотворительной цѣли дѣйствія: то конечно нѣтъ мѣры наказанія, какому подвергнется чиновникъ, который, чего Боже сохрани, и чего я даже и помыслить не смѣю, употребитъ во зло свое званіе; ибо тѣмъ самымъ совершенно разрушитъ предметъ сего отеческаго Государя Императора учрежденія.

Впрочемъ нѣтъ возможности поименовать здѣсь всѣ случаи и предметы, на кои вы должны обратить свое вниманіе, ни предначертать вамъ правилъ, какими вы во всѣхъ случаяхъ должны руководствоваться; но я полагаюсь въ томъ на вашу прозорливость, а болѣе еще на безпристрастное и благородное направленіе вашего образа мыслей.

Подписано: Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ.

Такъ называвшееся „Третье Отдѣленіе", въ теченіи слишкомъ полувѣка, имѣло столь важное значеніе въ жизни Русскаго народа, что безъ него немыслима новѣйшая Русская Исторія. Учрежденіе это было вызвано самыми благими намѣреніями: при чрезвычайномъ обиліи, несогласенности и взаимномъ противорѣчіи законовъ, въ то время (1826) даже и несобранныхъ, необходимо было дать народу возможность скораго рѣшенія дѣлъ и облегчить путь сообщенія съ верховною властью. Великодушный Государь, вслѣдъ за вѣнчаніемъ на царство, пожелалъ прямыхъ сношеній съ подданными черезъ собственную канцелярію. Извѣстенъ анекдотъ о платкѣ. „Ты имъ утрешь слезы", сказалъ императоръ Николай Павловичъ первому начальнику „Третьяго Отдѣленія" графу Бенкендорфу, когда тотъ просилъ у него писаннаго приказа, какъ ему дѣйствовать. Кромѣ того, первоначальною цѣлью этого учрежденія было слѣдить за проступками чиновниковъ и карать ихъ помимо канцелярской проволочки, внезапностью и быстротою. Главными дѣятелями „Третьяго Отдѣленія" поставлены были лица испытанной честности и неукоризненныхъ нравовъ. Но у Французовъ не даромъ сложилась пословица о томъ, что адъ вымощенъ добрыми намѣреніями. Вслѣдъ за Польскимъ мятежомъ (1831) началось искаженіе первоначальной мысли. Ловитва злоумышленниковъ простерлась и на вѣрноподданныхъ. Въ числѣ второстепенныхъ, но вліятельныхъ чиновниковъ этого вѣдомства очутились тѣже Поляки, пустившіе въ ходъ всю опытность іезуитства. Графъ Бенкендорфъ разстроилъ себѣ здоровье и съ 1837 года вяло занимался дѣломъ, которое очутилось въ рукахъ Л. В. Дубельта (внука какой-то Испанской принцессы). Второй при Николаѣ Павловичѣ начальникъ „Третьяго Отдѣленія" кн. Орловъ (1845) принялъ эту должность лишь вслѣдствіе настояній Государя и угрозы), въ противномъ случаѣ назначить Клейнмихеля и занимался ею неохотно. Между тѣмъ Польская каверза продолжала свое дѣло, и въ слѣдующее царствованіе „Третье Отдѣленіе" съ успѣхомъ плодило всякую внутреннюю смуту. Завелись даже юридическія лекціи о порядкѣ производства слѣдствій. Въ извѣстномъ стихотвореніи говорится:

Чортъ, схватясь за брюхо,
Помиралъ со смѣху.
Въ „Третьемъ Отдѣленьи"
Изучаютъ право!
Эдакъ, право, братцы,
Намъ за богословье,
Надо приниматься.

Мѣра терпѣнія переполнилась, и 6 Августа 1880 года императоръ Александръ Николаевичъ повелѣлъ упразднить это учрежденіе.

Покойный графъ Д. А. Толстой неоднократно открывалъ архивы этого вѣдомства для историческихъ разоблаченій. Помѣщеная выше инструкція была своевременно напечатана только для немногихъ и принадлежитъ къ числу рѣдкостей. Повидимому, она написана самимъ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ. П. Б.

АЛЕКСѢЙ СЕМЕНОВИЧЪ ЯКОВЛЕВЪ.

Очеркъ изъ исторіи Русскаго театра.

Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ былъ сыномъ Костромскаго купца и родился въ 1773 году [1]). Рано ознакомился онъ съ горемъ и всевозможными несчастіями. Отецъ его, довольно зажиточный человѣкъ, незадолго до рожденія сына потерялъ все свое состояніе при пожарѣ Петербургскаго гостиннаго двора, а вскорѣ послѣ того и самъ умеръ, оставивъ жену съ двухлѣтнимъ сыномъ на рукахъ. Кое-какъ, торговлею, мать Яковлева кормила себя и семью; но бѣда не приходитъ одна: не прошло и пяти лѣтъ со смерти стараго Яковлева, какъ и она сошла вслѣдъ за нимъ въ могилу. Оставшись круглымъ сиротою, на восьмомъ году отъ роду Яковлевъ поступилъ подъ опеку своего зятя, Петербургскаго купца Шапошникова, въ домѣ котораго и прошли его дѣтство и юность.

Не красны были первые годы жизни Яковлева:

Горько, горько сиротою жить
И рукой недружной, чуждою
Быть взращаему, питаему...
И на лонѣ нѣжной матери
Не слыхать названій ласковыхъ! [2]).

Такъ вспоминалъ онъ самъ впослѣдствіи о своей юности. Одиночество наложило на мальчика, и безъ того склоннаго къ самоуглубленію, неизгладимую печать несообщительности и даже угрюмости. Почти самоучкою Яковлевъ выучился и грамотѣ. Невдалекѣ отъ Шапошниковыхъ, близъ церкви Вознесенія въ Петербургѣ, жила старушка-просвирня съ дочкой. Ласки и доброта обѣихъ привлекли къ нимъ мальчика, и онъ любилъ забѣгать въ ихъ небольшую квартирку: это и была его первая школа. Просвирня (а, кто говоритъ, ея дочка) выучила Яковлева гра-

---

[1]) Отеч. Зап. 1855 г. т. CI, № 7, стр. 182. Приведенное здѣсь показаніе Дмитревскаго подтверждается и біографами Яковлева. См. въ особенности Сѣверн. Наблюдатель 1817 г., т. II, стр. 250.

[2]) Сочиненія Яковлева, изд. 1827 г.

мотѣ. Онъ не забылъ объ оказанномъ ему привѣтѣ и, уже будучи знаменитымъ артистомъ, постоянно помогалъ своей первой учительницѣ, а когда она умерла, устроилъ ей на свой счетъ похороны [3]).

Что касается до опекуна, то онъ, само собой разумѣется, не особенно заботился о склонностяхъ мальчика. Будущее положеніе Яковлева было опредѣлено самымъ его рожденіемъ: онъ долженъ былъ стать купцомъ. Сообразно съ этимъ и его образованіе началось и кончилось приходскимъ училищемъ. Говорятъ, что его учили здѣсь грамматикѣ съ риторикой, ариѳметикѣ, рисованію и «частью Французскому и Нѣмецкому языкамъ» [4]); но во всякомъ случаѣ, по признанію самого Яковлева, онъ въ училищѣ не научился почти ничему, потому что и нельзя было научиться. На тринадцатомъ году Шапошниковъ счелъ образованіе Яковлева законченнымъ: пора была ему садиться за прилавокъ и привыкать къ торговлѣ. Но невеликая премудрость запрашивать въ три-дорога и заманивать покупателей оказалась совсѣмъ не по душѣ будущему артисту: бывало, какъ только представится возможность улучить свободную минутку, онъ уже сидитъ за книгой и, углубившись въ чтеніе, позабываетъ обо всемъ на свѣтѣ.

Опекунъ сердился, выговаривалъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе обнаруживалась неохота Яковлева къ торговлѣ. Подружившись въ 1791 году съ сидѣльцемъ сосѣдней шапочной лавки, Гришей Жебелевымъ, онъ совсѣмъ почти отбился отъ рукъ. Съ одинаковыми склонностями, оба мальчика только о томъ и думали, какъ бы потолковать другъ съ другомъ о прочитанномъ, задавали себѣ уроки и взапуски выучивали наизусть цѣлыя страницы прозы, оды и тирады изъ современныхъ трагедій. Жебелеву выпало на долю первому познакомить Яковлева и съ тѣмъ искусствомъ, которому впослѣдствіи оба они посвятили свою жизнь.

Какъ-то случилось ему побывать въ театрѣ, на Царицыномъ лугу, на представленіи «Дмитрія Самозванца» съ Шушеринымъ въ заглавной роли. Въ восторгѣ воротился Жебелевъ домой, и на другой день Яковлевъ слушалъ его оживленный разсказъ о невиданномъ зрѣлищѣ. И замѣчательно: ни разу не бывши въ театрѣ, не имѣя о немъ почти никакого понятія, Яковлевъ уже въ этой первой бесѣдѣ высказалъ такія вѣрныя сужденія, какія и въ голову не приходили тогдашнимъ знатокамъ сцены. «Ну, а когда одинъ говоритъ, то что же дѣлаютъ въ это время другіе актеры?» прервалъ онъ вдругъ разсказъ своего пріятеля. «Ничего, стоятъ! Чтожъ имъ дѣлать?» отвѣчалъ уди-

---

[3]) Тамъ же, стр. IV.
[4]) Тамъ же, стр. V.

вленный шляпникъ. «Какъ, братецъ, что? Да они должны глазами, лицомъ показывать, что раздѣляютъ чувства говорящаго» [5])... Геній артиста, очевидно, самъ собой сказывался въ будущемъ трагикѣ. Тутъ же друзья порѣшили устроить свой театръ и, привлекши къ участію брата Жебелева, не медля, начали разучивать «Дмитрія Самозванца». Жебелевъ взялъ на себя роли Дмитрія и Георгія, братъ его—Шуйскаго, а Яковлевъ долженъ былъ изображать Ксенію.

Тайкомъ отъ опекуна, когда тотъ уѣзжалъ въ гости, по Воскресеньямъ происходили репетиціи. Какъ только, бывало, Шапошниковъ со двора, Яковлевъ уже у своихъ товарищей, и начинаются приготовленія къ спектаклю. Когда наконецъ все было слажено, сшита порфира изъ ситцеваго одѣяла, и Яковлевъ смастерилъ корону изъ золотой бумаги, разукрасивъ ее бусами и разноцвѣтными перьями, — юные актеры рѣшились показать свое искусство домашнимъ Жебелева и кое-кому изъ сосѣдей. Они, какъ видно, не остались безъ ободренія, потому что, не мѣшкая, принялись вслѣдъ за «Дмитріемъ Самозванцемъ» и за «Магомета», гдѣ Яковлевъ долженъ былъ изображать Пальмиру. Съ «Магометомъ» однако дѣло обошлось не такъ благополучно. «Однажды — разсказываетъ біографъ—среди дня Яковлеву вздумалось сдѣлать репетицію; онъ уговорилъ товарищей своихъ, и для того забрались они въ верхнюю лавку пріятеля своего и соревнователя, Милова. Въ жару декламаціи Магометъ-Жебелевъ, стремясь поразить Зопира, поразилъ палкою Пальмиру,—и прямо въ лице. Бѣдный Яковлевъ, боясь не столько послѣдствій удара, сколько подозрѣній опекуна, бросился бѣжать въ лавку, отказавшись даже отъ всякой помощи для унятія крови» [6]). Магометъ долго послѣ того не показывалъ глазъ Пальмирѣ, боясь, что его увлеченіе не пройдетъ ему даромъ.

Вскорѣ наконецъ и Яковлеву представился давно съ нетерпѣніемъ ожидаемый случай побывать въ театрѣ. Опекунъ куда-то отлучился на болѣе далекій срокъ, чѣмъ обыкновенно, и Яковлевъ въ тотъ же вечеръ со своими пріятелями отправился въ театръ. Давали комедію «Три Брата-близнецы». Яковлевъ не отрывался отъ сцены. Особенно понравился ему актеръ Гомбуровъ, игравшій въ пьесѣ три различныхъ роли и такъ удачно, что товарищъ Яковлева, Миловъ не хотѣлъ даже вѣрить, что всѣхъ трехъ лицъ изображалъ одинъ человѣкъ, но Яковлевъ настаивалъ; побились объ закладъ на голову сахара и девять фунтовъ кофею. Яковлевъ выигралъ.

---

[5]) Реп. и Пант. 1842 г., № 5, стр. 10 и Соч. Яковлева 1827, стр. VI.

[6]) Соч. Яковлева, стр. VII.

Театръ заинтересовалъ Яковлева чрезвычайно; но вначалѣ его не столько привлекало сценическое искусство въ узкомъ смыслѣ, сколько поэзія. Давно уже пописывалъ онъ мелкіе стишки; но теперь, подъ обаяніемъ театральнаго представленія, вздумалъ приняться за трагедію и уже написалъ цѣлыхъ три акта, какъ вдругъ занятія его были неожиданно прерваны разлукой съ Жебелевымъ, котораго братъ отправлялъ въ Москву. Съ отъѣздомъ друга, еще чувствительнѣе стала для Яковлева служба у зятя, еще тяжелѣе его попрёки. Онъ не выдержалъ и, рѣшившись порѣшить наконецъ съ своей зависимостью, потребовалъ отъ опекуна оставшіяся ему послѣ матери деньги — 1800 рублей. «Куда ты дѣнешься? Куда пойдешь? Что̀ знаешь?» угрожая, съ сердцемъ говорилъ ему зять его. «Вотъ моя надежда, моя заступница», съ чувствомъ отвѣчалъ ему Яковлевъ, указывая на образъ Божіей Матери,—на нее и Бога возлагаю свое упованіе: она меня не оставитъ!» [7]).

И она его не оставила. Ему помогъ тотъ ясный, практическій смыслъ, который рѣдко когда покидаетъ Русскаго человѣка. Снявъ окошко въ зеркальной линіи подъ № 67 и накупивъ себѣ различнаго галантерейнаго товара, онъ, торгуя въ Петербургѣ, разъѣзжая по ярмаркамъ въ Ревелѣ, Нарвѣ и Дерптѣ, сумѣлъ достать себѣ средства, необходимыя для жизни [8]); но и теперь торговля занимала въ его думахъ лишь второстепенное мѣсто: по прежнему книги сосредоточивали на себѣ все его вниманіе. Помышлялъ ли молодой купецъ, какъ бы ему выбиться на ту дорогу, куда влекло его призваніе, или углублялся въ свои книги, не загадывая о будущемъ—Богъ вѣдаетъ. Случай помогъ Яковлеву; случай свелъ его съ людьми, которые могли устроить его судьбу.

Мимо гостинаго двора, гдѣ торговалъ Яковлевъ, часто проходилъ директоръ банка, Николай Ивановичъ Перепечинъ. Торговецъ, постоянно занятый чтеніемъ или декламировавшій въ лавкѣ стихи, невольно привлекалъ къ себѣ вниманіе. Перепечинъ примѣтилъ Яковлева и заинтересовался имъ. Познакомившись, онъ увидѣлъ, какіе богатые дары

---

[7]) Реп. и Пант. 1842 г. № 5; Соч. Яковлева, стр. IX. Г. Кони въ своей біографіи Яковлева (Пантеонъ 1851 г. № 1), болѣе похожей впрочемъ вслѣдствіе собственныхъ вымысловъ біографа на романъ, указываетъ, что поводомъ къ оставленію Яковлевымъ Шапошникова было другое обстоятельство: зять засталъ Яковлева поздно ночью на чердакѣ играющимъ пьесу и сдѣлалъ ему такой выговоръ, что молодой человѣкъ не захотѣлъ долѣе у него оставаться.

[8]) Г. Каратыгинъ въ Русск. Старинѣ 1880 г. № 10, стр. 277, говоритъ, что Яковлевъ, уйдя отъ опекуна, только перемѣнилъ хозяина; но всѣ другіе біографы разсказываютъ иначе.

скрыты въ этомъ молодомъ, красивомъ купцѣ и пригласилъ его бывать у себя. Въ это время Яковлевъ сочинялъ драматическій этюдъ «Отчаянный Любовникъ». Основанный на истинномъ происшествіи (самоубійствѣ одного гвардейскаго офицера изъ-за несчастной любви), надѣлавшемъ шуму на всю столицу, этюдъ этотъ былъ написанъ для того времени очень гладкими стихами. Яковлевъ прочелъ его Перепечину, и тотъ одобрилъ занятія своего знакомца: въ томъ же 1793 году этюдъ появился въ печати. Но этого мало. Страстный любитель театра, Перепечинъ, слушая декламацію молодаго купца, почувствовалъ, что изъ него выйдетъ актеръ и рѣшилъ познакомить его съ лучшимъ тогда знатокомъ сцены, «первымъ актеромъ Россійскаго театра», Дмитревскимъ.

Мужественная красота Яковлева, его звучный, западающій въ душу голосъ, выразительная и прочувствованная декламація съ перваго раза полюбились старику-актеру, и онъ тутъ же выразилъ желаніе позаняться съ нимъ серьезно, а, пройдя роль Аскольда въ Сумароковской «Семирѣ», не долго думая, предложилъ своему ученику и дебютировать на публичномъ театрѣ. И вотъ, нежданно-негаданно, 1-го Іюня 1794 года Яковлевъ появился на сценическихъ подмосткахъ въ роли Оскольда. Публика, заранѣе выгодно расположенная къ дебютанту разсказами Дмитревскаго о необыкновенномъ талантѣ и интересной судьбѣ молодаго купца, приняла его превосходно [9]). 2-го Іюля онъ вышелъ снова и съ тѣмъ же успѣхомъ въ безцвѣтной и безхарактерной роли Доранта въ ком. «Ревнивый» [10]), а послѣ третьяго выхода, 29-го Іюля [11]) онъ былъ принятъ на службу дирекціи Императорскихъ театровъ, считая начало ея съ 1-го Сентября 1794 г. [12]). Такъ быстро и неожиданно, точно какимъ-то чудеснымъ превращеніемъ, изъ бѣднаго сироты-сидѣльца Яковлевъ обратился въ придворнаго актера; такъ же быстро, почти сразу достигъ онъ и той славы и любви публики, какая инымъ не дается цѣлыми годами усидчиваго, добросовѣстнаго труда.

Нельзя не сказать однако, что, кромѣ его таланта и покровительства Дмитревскаго, этотъ успѣхъ во многомъ зависѣлъ и отъ своевременности появленія Яковлева на сценѣ. Незадолго до его дебютовъ

---

[9]) См. Сѣвер. Наблюд. 1817 г. т. II., Реп. и Пант. 1842 года № 5, Соч. Яковлева, стр. XI и Сем. Хр. изд. 1879 г., стр. 465.

[10]) Г. Каратыгинъ (Р. Ст. 1880, № 10, стр. 277) и Араповъ (стр. 123) полагаютъ, что второй дебютъ былъ въ Синавѣ, а уже 3-ій въ Дорантѣ, причемъ Каратыгинъ говоритъ, что дебютъ этотъ состоялся 15 Іюня.

[11]) Зотовъ, вопреки Каратыгину и автору біографіи Яковлева при его сочиненіяхъ, указываетъ на 30 Іюля, какъ на день третьяго дебюта.

[12]) Лѣт. Рус. Театра, стр. 199.

Петербургъ лишился двухъ лучшихъ своихъ актеровъ, Шушерина и Плавильщикова, изъ-за экономическихъ соображеній уволенныхъ кн. Юсуповымъ и уѣхавшихъ въ Москву. Опустѣвшее мѣсто ихъ не могло быть занято никѣмъ изъ наличныхъ актеровъ, и вдругъ въ это самое время появляется Яковлевъ, молодой, красивый, статный, съ неудержимою силою чувства, съ удивительнымъ органомъ. Публика не могла не обрадоваться, и въ самое короткое время Яковлевъ сталъ ея любимцемъ. Быстрый ростъ его славы лучше всего засвидѣтельствуютъ цифры. Принятый на окладъ въ 500 рублей, онъ уже черезъ два года получаетъ прибавку въ 200 р., еще черезъ два года ему прибавляютъ еще 200 рубл. и наконецъ черезъ 6—7 лѣтъ службы онъ достигаетъ одного изъ высшихъ окладовъ—въ 1500 р. [13]). Съ самаго начала онъ удостоивается не только рукоплесканій и славы среди простой публики, но и вниманія двора. Въ 1796 г. императрица Екатерина, послѣ представленія въ Таврическомъ дворцѣ драмы Коцебу «Сынъ любви», изъявляетъ ему свое особенное благоволеніе за исполненіе роли Фрица. Въ 1797 г., когда въ Гатчинѣ впервыя была поставлена драма «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», императоръ Павелъ особенно одобряетъ Каратыгину въ роли Эйлаліи и Яковлева въ роли Неизвѣстнаго. Яковлевъ постоянно участвуетъ въ придворныхъ спектакляхъ. На представленіи «Дмитрія Самозванца», данномъ 1-го Декабря 1797 г., въ присутствіи Польскаго короля, онъ играетъ вмѣстѣ съ Дмитревскимъ роль Георгія, 8-го Декабря съ Дмитревскимъ же выступаетъ въ роли Синава [14]). Словомъ, все, что̀ еще недавно и во снѣ не снилось Яковлеву, все это теперь стало его удѣломъ. Но, балуя актера, судьба и избаловала его. Внѣшніе успѣхи въ высшей степени пагубнымъ, даже роковымъ образомъ отозвались на внутреннемъ развитіи его дарованія.

Публика всегда портитъ актеровъ, поддающихся ея вліянію. Но особенно вредно могло быть вліяніе Петербургской публики временъ Яковлева. Русскій театръ въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго вѣка находился въ полнѣйшемъ пренебреженіи. Извѣстный Вигель въ своихъ Запискахъ разсказываетъ, что всякій, кто хоть съ грѣхомъ пополамъ зналъ по-французски, считалъ неприличнымъ посѣщать Русскіе спектакли, и актеры не даромъ жаловались, что въ то время, какъ въ дни Французскихъ представленій у театра стояли цѣлою вереницею шестерни, въ дни Русскихъ рѣдко-рѣдко можно было видѣть одну. Любителями своего, отечественнаго были только пѣшеходы, люди сред-

[13]) Реп. и Пант. 1842, № 5, стр. 13.
[14]) Лѣт. Рус. Театра, стр. 124.

няго сословія, да простонародье, мало смыслившее въ вопросахъ искусства [15]). И эта-то публика призвана была судить актера. Подъ ея прямымъ, непосредственнымъ вліяніемъ пришлось воспитываться Яковлеву.

Природа дала Яковлеву все, чтó могла. Это былъ человѣкъ, представлявшій рѣдкое соединеніе всевозможныхъ наружныхъ преимуществъ съ громадной силой творческаго таланта. Но многаго еще надо было ему достигнуть трудомъ. Въ его манерахъ то и дѣло проглядывали привычки сидѣльца, въ костюмѣ героя онъ высматривалъ молодцоватымъ, Русскимъ купцомъ, а во Французскомъ кафтанѣ былъ даже смѣшенъ, «совершенный мужланъ», какъ злорадно говаривалъ Шушеринъ. Чтò касается до пониманія ролей, то и тутъ онъ ушелъ недалеко. Искусство оттѣнять роли было ему совершенно недоступно. Все это со временемъ могло бы сгладиться, но къ несчастью публика ничего этого и не думала требовать. Произнесетъ, бывало, Яковлевъ громко и звучно какую-нибудь тираду, да подъ конецъ вскрикнетъ зычнымъ голосомъ на всю залу,—и зрители въ восторгѣ: рукоплесканія не даютъ продолжать роли. Любопытно признаніе самого Яковлева: «Пытался я, разсказывалъ онъ Жихареву, въ первые годы вступленія на театръ, играть и такъ и сякъ, да не впопадъ; придумалъ я однажды произнесть тихо, скромно, но съ твердостью, какъ слѣдовало: «Росславъ и въ лаврахъ я, и въ узахъ я Росславъ!»—что же? публика, словно, какъ мертвая, ни хлопанчика! Ну, постой же, думаю: въ другой разъ тебя поподчую. И въ самомъ дѣлѣ, въ слѣдующее представленіе «Росслава», я какъ рявкну на этомъ стихѣ, даже самому совѣстно стало; а публика моя и пошла писать, всѣ почти со своихъ мѣстъ повскочили. Послѣ, какъ публика меня полюбила, я сталъ смѣлѣе и умнѣе играть; однакожъ много мнѣ стоило труда воздерживаться отъ желанія въ извѣстныхъ мѣстахъ роли *поподчивать* публику. Самолюбіе—чортовъ духъ» [16]).

Неумѣренныя и незаслуженныя похвалы развили въ Яковлевѣ черту, совершенно не согласовавшуюся съ общимъ складомъ его характера,—самонадѣянность. Безспорно, что при его необразованности такая опора, какъ руководство Дмитревскаго, несмотря на устарѣлую игру сего послѣдняго, была для него истиннымъ счастьемъ и могла бы уберечь отъ увлеченій. Восхваленія доброжелателей сдѣлали однако то, что, пройдя съ Дмитревскимъ нѣсколько ролей, Яковлевъ сталъ пренебрегать его совѣтами. «Хорошо или дурно буду я играть, о томъ пусть рѣшитъ публика; а ужъ обезьяничать никогда не буду» [17]). Мнѣ-

[15]) Соч. Плавильщикова, изд. 1816 г., т. IV. Статья о театрѣ.
[16]) Отеч. Зап. 1854 г.. № 11, стр. 30—31.
[17]) Отеч. Зап. 1854 г. № 10, стр. 9.

ніе грубой и непросвѣщенной толпы—вотъ чей высшій судъ призналъ надъ собою художникъ. Послѣ этого можно было напередъ сказать, что талантъ его едва-ли разовьется. Но такова была необъятая мощь этого дарованія, что, прежде чѣмъ сломиться и погибнуть, оно выдержало долгую борьбу и дало образцы такой игры, память о которой никогда не изгладится изъ лѣтописей Русской сцены.

Къ счастью Яковлева, съ его поступленіемъ на театръ совпало появленіе на Русской сценѣ такъ называемой «Нѣмецкой драмы». Точно какой-то новый, освѣжающій потокъ воздуха ворвался съ этой драмой въ спертую атмосферу Русской драматургіи. Появились и новыя, свѣжія дарованія. Въ Нѣмецкой драмѣ создала себѣ славу любимица императора Павла, Александра Дмитріевна Перлова, впослѣдствіи Каратыгина; на ней же воспитался и Яковлевъ. Говорятъ, что роль Массиниссы въ тр. Княжнина была первою, гдѣ сказалось у него истинное чувство. Но въ холодныхъ и напыщенныхъ трагедіяхъ Княжнина могла ли показаться въ настоящемъ своемъ свѣтѣ необыкновенная искренность и задушевность его игры? Только съ появленіемъ драмъ Коцебу, путы условности распались,—и Яковлевъ вышелъ на просторъ [18]).

8-го Сентября 1797 года впервыя была дана на Русской сценѣ знаменитая драма «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Эйлалію играла Каратыгина, Мейнау—Яковлевъ. «Надобно было видѣть, что̀ это было за исполненіе!»—пишетъ современникъ. «Поступь, движенія Яковлева—все было спокойно; но въ минуту, когда говорило глубокое чувство, слезы брызгали изъ глазъ, и голосъ принималъ мелодію страданія безграничнаго, неисходнаго. Никакое каменное сердце не могло противостать послѣдней сценѣ свиданія супруговъ». «Я никогда не воображалъ, говоритъ Жихаревъ, чтобы актеръ, безъ всякой театральной иллюзіи, безъ наряднаго костюма, одною силою таланта могъ такъ сильно дѣйствовать на зрителей» [19]).

Гораздо позднѣе, уже въ 1806 году, появились на Русской сценѣ «Гусситы подъ Наумбургомъ», драма того же Коцебу. Послѣ Мейнау роль патріота Вольфа была здѣсь любимѣйшей ролью Яковлева. «Я не могу себѣ представить ничего совершеннѣе», пишетъ въ своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ Булгаринъ, «какъ Яковлева въ этой роли и въ роли музыканта Миллера въ трагедіи Шиллера «Коварство и

---

[18]) Зотовъ въ своей біографіи Яковлева (Реп. и Пант. 1842 г. № 5, стр. 4) совершенно неправильно рисуетъ развитіе таланта Яковлева.

[19]) О Яковлевѣ въ роли Мейнау см. Русск. Стар. 1872 г. № 10, стр. 308; Пантеонъ 1851, № 1, стр. 22; Реп. и Пант 1842 г. № 5, стр. 7; Отеч. Зап. 1855 г. № 7, стр. 137—138.

любовь». Когда въ «Гусситахъ» несчастный отецъ затруднялся въ выборѣ дѣтища, которое должно отправить въ лагерь свирѣпыхъ Гусситовъ, когда онъ утѣшалъ безутѣшную мать—сердце надрывалось, и всѣ мы рыдали въ театрѣ. Эта сцена такъ рѣзко запечатлѣлась въ моей памяти, что мнѣ кажется, будто я вчера только видѣлъ ее!» [20]). Булгаринъ, а съ нимъ и многіе думали, что никогда и нигдѣ Яковлевъ уже не достигалъ такой степени совершенства, какъ въ драмахъ Коцебу. Можетъ быть это и невѣрно; но безспорно, что именно Нѣмецкая драма поставила его на ту высоту славы, на которой не страшны никакія соперничества.

До 1800 года Яковлевъ царилъ на Петербургской сценѣ безраздѣльно, но въ этомъ году въ Петербургъ вновь воротился изъ Москвы знаменитый Шушеринъ, и Яковлеву пришлось впервыя помѣряться силами съ старымъ любимцемъ Петербургской публики. Шушеринъ, безъ сомнѣнія, слышалъ и ранѣе о своемъ совмѣстникѣ; но въ Москвѣ старые актеры иначе не называли Яковлева, какъ «неучемъ», и потому Шушеринъ явился въ Петербургъ, не особенно заботясь о предстоящемъ соперничествѣ. Каково же было его удивленіе, когда публика, нѣкогда къ нему столь благосклонная, теперь приняла его болѣе, чѣмъ холодно. Торжество Яковлева чуть не убило его совсѣмъ: онъ становился боленъ, когда имъ приходилось играть вмѣстѣ. «Въ тѣхъ роляхъ, гдѣ меня встрѣчали и провожали аплодисментами, разсказывалъ онъ Аксакову,—теперь никто ни разу не хлопнетъ, да еще не слушаютъ, а шумятъ, когда говоришь... Горько мнѣ было... Много ночей провелъ я без сна, думалъ, соображалъ и рѣшился не уступать» [21]). И дѣйствительно, настойчивостью и ловкостью Шушерину удалось разбить хладнокровіе къ себѣ публики, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ роляхъ, напримѣръ тирановъ и злодѣевъ, онъ превосходилъ Яковлева. Но напрасно льстилъ онъ себя надеждой затмить новое, восходившее свѣтило.

Расцвѣтъ дарованія Яковлева былъ еще впереди. Слава, пріобрѣтенная имъ въ Нѣмецкимъ драмахъ, померкла въ сравненіи съ той, которою озарили его Озеровскія трагедіи.

Уже въ первыхъ трагедіяхъ Озерова, «Эдипѣ въ Аѳинахъ» (данъ въ 1-й разъ 23 Ноября 1804 г.) и «Фингалѣ» (данъ былъ въ 1-й разъ 8 Декабря 1805 г.), Яковлевъ, по свидѣтельству современниковъ, былъ

---

[20]) Восп. Булгарина. Пантеонъ 1840 г. ч. I, стр. 84.

[21]) Сем. Хрон. и Восп., изд. 1879 г., стр. 454—456. Разсказъ Шушерина въ изложеніи Аксакова представляетъ дѣло такъ, какъ будто соперничество между нимъ и Яковлевымъ происходило во время первыхъ дебютовъ сего послѣдняго, но Лонгиновъ (Русск. Арх. 1870 г., стр. 1363) неоспоримо доказалъ, что весь этотъ разсказъ могъ имѣть мѣсто только въ 1800 году, когда Шушеринъ вновь появился въ Петербургѣ.

«дивно великолѣпенъ» и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ производилъ настоящій фуроръ. Особенное впечатлѣніе производила, говорятъ, та сцена Фингала, когда на угрозу Старна (Шушеринъ): «Ты въ областяхъ моихъ!» —Фингалъ отвѣчаетъ:

Я здѣсь не въ первый разъ!

Это полустишіе произносилось Яковлевымъ съ такой энергіей, что «кровь приливала къ сердцу», «театръ стоналъ отъ рукоплесканій» [22]). Но и въ Тезеѣ и въ Фингалѣ успѣхи Яковлева не выходили изъ ряда обычныхъ. Совершенно иное, невиданное и неслыханное зрѣлище представляла собой театральная зала въ день перваго представленія третьей трагедіи Озерова «Дмитрій Донской», 14 Января 1807 года. Это былъ настоящій тріумфъ Яковлева. Тогда шла вторая наша война съ Наполеономъ (въ Декабрѣ 1806 г. мы побѣдили подъ Пултускомъ); разгоралось чувство мщенія за позоръ Аустерлица, гдѣ, послѣ стольких десятилѣтій воинской славы, мы потерпѣли полное пораженіе (что оно было вызвано кознями Австріи, объ этомъ говорить было нельзя).

Патріотическій сюжетъ «Дмитрія Донскаго», прославлявшаго побѣду Русскихъ, обаяніе имени Озерова, превосходный, наконецъ, составъ исполнителей, въ который входили Семенова, Яковлевъ, Шушеринъ — все это вмѣстѣ задолго до представленія порождало въ обществѣ толки и возбуждало ожиданія. Въ вечеръ перваго представленія не хватало свободныхъ мѣстъ; за приставной стулъ въ оркестрѣ, между музыкантами, платили по 10 рублей. Въ ложахъ сидѣло по 10 человѣкъ. Обыкновенно пренебрегавшее Русскими представленіями высшее общество тѣснилось въ залѣ, исполненной совершенно необычнаго оживленія. Но вотъ занавѣсъ взвился, и все вдругъ смолкло и притихло. Яковлевъ открылъ сцену. «Съ перваго же произнесеннаго имъ стиха—пишетъ очевидецъ—мы всѣ обратились въ слухъ, никто не смѣлъ пошевелиться, чтобы не пропустить слова»; но когда твердо и съ необыкновеннымъ достоинствомъ произнесъ онъ знаменитый стихъ:

Бѣды платить врагамъ настало нынѣ время!

театръ задрожалъ отъ рукоплесканій, и успѣхъ Яковлева сталъ идти crescendo, дойдя въ заключительной сценѣ до размѣровъ небывалыхъ. «Когда здѣсь—разсказываетъ такой вѣрный въ данномъ случаѣ свидѣ-

---

[22]) О роляхъ Тезея, гдѣ Яковлевъ, по свидѣтельству Жихарева, „былъ истинный царь на сценѣ", и Фингала см. Лѣт. Рус. Театра, стр. 168, 172; От. Зап. 1855 г., № 9, стр. 146 и № 4, стр. 401; От. Зап. 1855 г., № 10, стр. 118; Реп. и Пант. 1842 г., № 5, стр. 5; восп. Булгарина и Сем. Хр. изд. 1879 г., стр. 434, 457 и 458. За обѣ роли Яковлевъ удостоился высочайшихъ подарковъ.

тель, какъ Шушеринъ,—Дмитрій Донской, благодаря за побѣду, становится на колѣни и, простирая руки къ Небу, говоритъ:

Но первый сердца долгъ тебѣ, Царю Царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей.
Прославь и возвеличь и вознеси Россію!
Сотри ея враговъ коварну, горду выю;
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки вѣдайте:—великъ Россійскій Богъ!

такой энтузіазмъ овладѣлъ всѣми, что нѣтъ словъ описать его. Я думалъ, что стѣны театра развалятся отъ хлопанья, стука и крика. Многіе зрители обнимались, какъ опьянѣлые, отъ восторга. Сдѣлалось до тѣхъ поръ неслыханное дѣло: закричали фора въ трагедіи. Актеры не знали, чтò дѣлать. Наконецъ, изъ первыхъ рядовъ креселъ начали кричать: «повторить молитву! — и Яковлевъ вышелъ на авансцену, сталъ на колѣни и повторилъ молитву. Восторгъ былъ такой же, и надобно правду сказать, что величественная фигура Яковлева въ древней воинской одеждѣ, его обнаженная отъ шлема голова, прекрасныя черты лица, чудные глаза, устремленные къ небу, его голосъ громозвучный и гармоническій, сильное чувство, съ которымъ произносилъ онъ эти превосходные стихи, были точно увлекательны!» [23]).

На другихъ актеровъ публика все время почти не обращала вниманія. Точно всевластный чародѣй, владѣлъ Яковлевъ сердцами зрителей. «Я не могу себѣ дать отчета, чтò со мной происходило, писалъ въ своемъ дневникѣ на другой день спектакля, подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ, Жихаревъ. Я чувствовалъ стѣсненіе въ груди; меня душили спазмы, била лихорадка, бросало то въ ознобъ, то въ жаръ; то я плакалъ навзрыдъ, то аплодировалъ изо всей мочи, то барабанилъ ногами по полу,—словомъ, безумствовалъ, какъ безумствовала вся публика» [24]). Намъ, пресыщеннымъ и апатичнымъ, даже трудно теперь понять восторги, возбужденные Яковлевымъ. Эти восторги—свидѣтельство чуткости и воспріимчивости тогдашняго общества. Но въ такой же мѣрѣ свидѣтельствуютъ они и о необыкновенномъ геніи человѣка, ихъ вызвавшаго. Самъ же Яковлевъ не высоко цѣнилъ игру свою въ Дмитріи, приписывая весь успѣхъ патріотическимъ стихамъ Озерова; но онъ, конечно, ошибался. Много патріотическихъ пьесъ—и не хуже Озеровскихъ—шло послѣ его смерти; но Русская сцена уже не видала такихъ восторговъ, какіе вызывалъ Донской: очевидно, никто другой

---

[23]) Сем. Хр. и Восп. С. Т. Аксакова, изд. 1879 г., стр. 160. 17-го Января Дмитрій Донской былъ данъ на Эрмитажномъ театрѣ, и Яковлевъ получилъ за него драгоцѣнный подарокъ. См. Рус. Ст. 1880 г. № 10, стр. 262.

[24]) От. Зап. 1855 г., № 5, стр. 173.

не могъ съ такимъ чувствомъ, съ такимъ одушевленіемъ произносить эти патріотическія тирады, какъ Яковлевъ. Онъ влагалъ въ нихъ *душу свою*—и вотъ ключъ къ разгадкѣ его обаянія, равно и къ разгадкѣ всего его творчества [25]).

По единогласному показанію всѣхъ, Яковлевъ, актеръ чрезвычайно субъективный, былъ лирикомъ на сценѣ; изображая муки героя, онъ обнажалъ наболѣвшія язвы собственнаго сердца, и потому, углубляясь въ разсмотрѣніе его внутренняго склада, легко опредѣлить и основныя стихіи его творчества. Поэтъ въ душѣ, скромный, застѣнчивый и несообщительный, онъ жилъ внутренней жизнью, жизнью своего сердца; вотъ почему никто, какъ онъ, не умѣлъ такъ глубоко заглядывать въ тайники человѣческой души, никто другой въ такой степени не владѣлъ рѣчью, исходящею прямо отъ сердца. Яковлевъ былъ на сценѣ поэтомъ интимныхъ чувствъ: затаенныя муки сердца, неудовлетворенная, но глубоко-нѣжная любовь, теплая задушевность—вотъ струны, на которыхъ онъ игралъ неподражаемо. Но это только одна сторона его творчества. Съ глубокой поэтичностью натуры онъ соединялъ и рыцарское благородство характера: оттого такъ удавались ему роли, исполненныя этого рыцарства, нравственной силы, прямоты и гражданскаго чувства—роли «героическія». И въ самомъ дѣлѣ, если онъ былъ такъ хорошъ въ Дмитріи и Пожарскомъ, то это безспорно потому, что обѣ эти роли отвѣчали его собственному патріотическому настроенію, его преданной любви къ родинѣ; съ другой же стороны обуревавшія его душу страсти нашли себѣ выраженіе въ изображеніи мукъ Отелло, нераздѣленной любви Ярба [26]), а его глубокое религіозное чувство во всей своей силѣ и красѣ вылилось во вдохновенной роли Іодая въ Расиновской» Гоѳоліи. Эта роль, для которой онъ былъ

---

[25]) От. Зап. 1854 г., № 11, стр. 33. Такъ же мало цѣнилъ Яковлевъ и свою игру въ тр. Крюковскаго „Пожарскій", гдѣ онъ имѣлъ успѣхъ, въ сравненіи съ которымъ, говорятъ, были умѣренны даже восторги при представленіи „Дм. Донскаго". Подробное описаніе перваго представленія тр. „Пожарскій" (22 Мая 1807 г., за нѣсколько дней до злополучнаго Фридланда и новаго позора въ Тильзитѣ). См. въ От. Зап. 1855 г. № 10, стр. 373—374.

[26]) Описаніе игры Яковлева въ этой роли сравнительно съ игрой въ ней же актера старой школы, Плавильщикова, сохранилось у Жихарева (От. Зап. 1854 г. № 11, стр. 31—32), и довольно прочесть его, чтобы понять, какъ много новаго сравнительно со своими предшественниками внесъ Яковлевъ въ Русское сценическое искусство. Въ то время, какъ Плавильщиковъ олицетворялъ въ Ярбѣ одну страсть—мстительность и переполнилъ игру дикими воплями и неистовствами въ духѣ стариннаго псевдоклассицизма, Яковлевъ въ Ярбѣ, этомъ „алчномъ тигрѣ, пылающемъ жаждой превратить брачныя свѣчи Дидоны и Энея въ надгробныя", стремился прежде всего показать *человѣка*, раскрыть его истерзанную несчастной любовью душу, и въ сценѣ, когда неистовый Ярбъ, не сдержавъ своихъ чувствъ, плачетъ передъ наперсникомъ, онъ достигалъ впечатлѣнія поразительнаго.

точно созданъ, закончила собою блестящій періодъ его дѣятельности отъ 1804 г. до 1810 года и можетъ быть названа вѣнцомъ его созданій. «Съ длинной черной бородой (Яковлевъ терпѣть не могъ и никогда не надѣвалъ сѣдой), съ глазами, «пылавшими геніальностью, въ длинной одеждѣ первосвященника, вдохновенными свыше словами пророчествуя о будущей судьбѣ Израиля, онъ былъ здѣсь вмѣстѣ и величественъ, и великъ въ своемъ религіозномъ экстазѣ» [27]).

Но, будучи однимъ изъ величайшихъ лириковъ своего времени, Яковлевъ имѣлъ способность и къ объективному творчеству. Стóитъ припомнить хотя бы лицо повелительнаго и властолюбиваго Магомета, съ которымъ у него не было ничего общаго и которое тѣмъ не менѣе онъ воспроизводилъ съ такимъ искусствомъ, что даже современные Французскіе актеры не могли тому довольно надивиться [28]). Но эта способность не развилась въ немъ, потому что онъ не сумѣлъ покорить своей волѣ стихійныя силы своего дарованія. Лиризмъ, бывшій источникомъ его величайшихъ вдохновеній, былъ вмѣстѣ и его слабостью. Жертва собственнаго генія, онъ постоянно подчинялся причудливымъ вспышкамъ творческаго огня и былъ рабомъ минутнаго увлеченія. Это Этна—сказалъ онъ какъ-то, ударяя себя кулакомъ въ грудь (любимый его жестъ) — въ которой много кипитъ огня» [29]). И нельзя было дать лучшей ему характеристики. Но вулканъ не всегда извергаетъ огненную лаву; обыкновенно онъ только дымится. Исторія Русскаго театра не забудетъ дивныхъ вспышекъ Яковлевскаго генія, но она должна сохранить на своихъ страницахъ и печальную память о его промахахъ и ошибкахъ.

У Яковлева не было середины: или онъ поднимался выше всѣхъ, или падалъ такъ низко, какъ не падали и посредственные актеры. Сейчасъ великій сердцевѣдецъ, онъ минуту спустя являлся каррикатурнымъ героемъ. Цѣльныхъ ролей у него не было. Даже въ Дмитріи Донскомъ, посреди увлекательныхъ порывовъ чувства, вдругъ вырывался у него какой-нибудь стихъ въ родѣ:

Мечи булатные и стрѣлы калéныя,

гдѣ слово *стрѣлы* произносилъ онъ съ такимъ протяжнымъ, оглушительнымъ трескомъ, что люди, одаренные эстетическимъ вкусомъ, затыкали себѣ уши или даже выходили изъ залы, чтобы не слышать той бури

---

[27]) Реп. и Пантеонъ 1842 г. № 5, стр. 8.

[28]) Дневникъ чиновника. От. Зап. 1855 г. № 10, стр. 357—361. Здѣсь помѣщено подробное описаніе роли Магомета.

[29]) Сем. Хр. и Восп. С. Т. Аксакова, изд. 1879 г., стр. 441.

рукоплесканій, которую вызывалъ этотъ трескъ у толпы [30]). Нерѣдко тамъ, гдѣ требовалось по роли быть холоднымъ и равнодушнымъ, онъ кричалъ и бѣсновался, и наоборотъ, гдѣ нуженъ былъ жаръ, только ломался, да махалъ руками. На первомъ представленіи трагедіи Грузинцова «Электра и Орестъ», онъ вдругъ почему-то счелъ нужнымъ всякій разъ при имени Ореста, котораго игралъ, указывать на свое ухо [31])— и тѣмъ страннѣе былъ этотъ безсмысленный жестъ, это непониманіе самыхъ простыхъ вещей, что они уживались рядомъ со вдохновеннымъ проникновеніемъ въ неизслѣдимыя глубины человѣческаго сердца. Но эти порывы свыше вдохновеннаго творчества, которыхъ иной разъ напрасно приходилось ждать цѣлый вечеръ, конечно, въ глазахъ любителей ровной и гладкой игры, не могли искупить его недостатковъ, и находились люди, какъ напр. Вигель, которые прямо говорили, что «Яковлевъ игралъ, мало сказать, плохо: онъ былъ скверенъ и свирѣпствовалъ истинно карикатурно» [32]). Особенное же разочарованіе (какъ много лѣтъ позднѣе отъ Мочалова въ Петербургѣ) испытывали отъ игры Яковлева заѣзжіе Москвичи, желавшіе воспользоваться случаемъ увидѣть Петербургскую знаменитость и попадавшіе на представленія, когда Яковлевъ былъ не въ ударѣ. Сохранилось любопытное письмо одного такого Москвича, гдѣ подробно излагаются впечатлѣнія отъ исполненія Яковлевымъ Орозмана въ «Заирѣ» — роли, въ которой, по словамъ Арапова, Яковлевъ былъ великолѣпенъ. Заранѣе предубѣжденный въ пользу артиста, авторъ письмà думалъ увидѣть нѣчто необыкновенное, но вотъ—продолжаемъ разсказъ его словами — «является Орозманъ; вижу образъ истиннаго Орозмана; но чтò это? Этотъ Орозманъ съ первыми словами подходитъ къ самому носу Заиры! Гдѣ же благородство? Гдѣ величіе Азіатскихъ государей? Гдѣ трагическая возвышенность? Онъ беретъ ее за руку, за плечо, за обѣ руки! Гдѣ же скромность и пристойность любви благородной? Гдѣ важность страсти трагической? Боже мой! Онъ тянетъ ее къ себѣ, вдругъ замолчалъ: онъ не знаетъ роли, идетъ къ суфлеру, опять къ суфлеру! Я посмотрѣлъ на своего знакомаго, возлѣ меня сидѣвшаго. Кажется, мы оба хотѣли что-то другъ другу сказать и оба молчали.... Но вотъ начинается сцена у Орозмана съ Нерестаномъ, и въ сей прекраснѣйшей сценѣ Французскаго театра, гдѣ чувствительный, благородный Мусульманинъ, удивленный и какъ бы оскорбленный славнымъ поступкомъ Французскаго ры-

---

30) Тамъ же, стр. 434.

31) Цвѣтникъ 1809 г. ч. VII, № 9, стр. 427—428.

32) Восп. Вигеля, ч. 2, стр. 54—55. Тотъ же Вигель однако сознается, что „Яковлевъ былъ актеромъ непонятымъ и опередившимъ свой вѣкъ“. (Тамъ же, стр. 56).

царя, ревнуетъ превзойти его въ великодушіи, въ сей сценѣ мой Орозманъ, стоя передъ суфлеромъ, какъ осужденный, дрожащимъ голосомъ говоритъ рѣчь свою; и вдругъ запоетъ басомъ, и вдругъ завертитъ къ верху рукою. Что это такое? спросилъ я у сосѣда; и это тотъ актеръ, который у васъ!... Раздались аплодисменты, они провожали Орозмана со сцены. Послѣ этого я ничего уже не сталъ спрашивать, я только глядѣлъ вокругъ себя» [33]).

Очевидно, авторъ письма попалъ на одно изъ тѣхъ представленій, когда вдохновеніе покидало Яковлева на весь вечеръ, и онъ былъ особенно не въ ударѣ. И онъ понялъ это. «Искренне уважая прекрасныя дарованія Яковлева—заканчиваетъ онъ свое длинное письмо—искренне, мой другъ, и пожалѣемъ объ немъ; и кто не пожалѣетъ? Великое дарованіе, не имѣя просвѣщеннаго друга, можетъ легче заблуждаться, нежели посредственное. Разсудокъ обыкновенно помрачается въ немъ непомѣрнымъ самолюбіемъ; для него ничто уже свѣдѣнія и познанія, ничто строгія правила вкуса и разума; онъ уже не разсуждаетъ и, дѣйствуя только по своимъ влеченіямъ, вѣчно впадаетъ въ самыя грубыя погрѣшности, и никогда изъ нихъ не выйдетъ, никогда не будетъ совершеннымъ, если не призоветъ въ помощь строгаго разсудка, изящнаго вкуса и хладнаго опыта, или вмѣсто всего этого одного стараго друга [34]). Еще разъ пожалѣемъ о г. Яковлевѣ, который получилъ отъ природы все, чтобы быть совершеннымъ» [35]).

Въ этихъ немногихъ словахъ высказано много правды, и оцѣнка Яковлева вѣрна. Пусть на справедливые упреки критики въ злоупотребленіи своими тѣлесными преимуществами онъ печатно отвѣчалъ, что съ самаго начала своего поприща стремился къ совершенствованію и искалъ угодить знающимъ искусство зрителямъ; пусть онъ увѣрялъ, что, любя искусство, онъ и не могъ иначе поступать [36])—онъ, безъ сомнѣнія не лгалъ; но мы видѣли, что самъ же онъ сознавался въ желаніи «поподчивать» публику трагическимъ завываніемъ и, дѣйствительно, подчивалъ особенно когда, по выраженію Дмитревскаго, было ему гдѣ «поразгуляться». Богаты были дары, заложенные въ

---

[33]) Цвѣтникъ 1809 г. ч. IV, № 11, стр. 239—240.

[34]) Очевидно, авторъ намекаетъ здѣсь на Дмитревскаго.

[35]) Цвѣтникъ 1809 г., ч. IV, № 11, стр. 251—252.

[36]) Письмо Яковлева было написано въ отвѣтъ на упреки „Цвѣтника" за роль Чингисъ-хана въ „Китайской Сиротѣ". Оно перепечатано у Арапова (Лѣт. Р. Т., стр. 191). Надо отдать справедливость современной театральной критикѣ: она вѣрно и настойчиво указывала Яковлеву на его недостатки. См. въ особенности рецензіи „Сѣв. Вѣстн." 1805 года ч. VIII, № 10 и ч. VII, № 9; „Лицея" 1806 года ч. 2, кн. 1, ч. IV, кн. 3; „Цвѣтника" и др.

него Богомъ, но ихъ погубила необразованность и ея неразлучная спутница—самонадѣянность. Да и вся жизнь Яковлева сложилась впрочемъ такъ несчастливо, что не было простора для развитія этого рѣдкаго дарованія.

Бѣда актеровъ — отчасти даже и теперь—заключается въ отсутствіи благопріятнаго окруженія; въ старину же, когда на актера смотрѣли еще съ пренебреженіемъ, этотъ недостатокъ ощущался еще сильнѣе. Въ обществѣ молодыхъ купеческихъ сынковъ, въ которомъ по преимуществу вращались сценическіе художники, не находили они себѣ ни поддержки, ни руководства, ни вѣрной оцѣнки. Добиваясь лестнаго знакомства съ знаменитостями, театралы-купчики могли имъ отплатить только кутежами да угощеніемъ на пропалую, и вотъ цѣлыми сотнями, бывало—припоминали современники—катятъ зимою сани съ веселой компаніей въ Екатерингофъ и загородные трактиры въ Желтенькомъ, въ Красномъ Кабачкѣ, а лѣтомъ съ музыкой, пѣсенниками и плясунами въ лодкахъ отправляются актеры на острова, и веселье идетъ горой. Не пить нельзя: это значило нажить себѣ враговъ въ театральной залѣ, и кутежи и попойки были обычнымъ явленіемъ. Такъ многіе спивались съ кругу и, къ несчастью, Яковлевъ, всегда умѣренный въ пищѣ и даже не знавшій вкуса въ винѣ попалъ въ ихъ число» [37]). Говорятъ, что роковой порокъ развился въ немъ особенно въ 1805—1806 годахъ [38]), когда онъ въ первый разъ ѣздилъ въ Москву, гдѣ купцы особенно были тароваты на угощенія; но онъ пилъ и ранѣе, а потомъ втянулся и подъ конецъ дошелъ даже до того, что, случалось, на сцену являлся пьяный.

Нечего говорить, какъ пагубно отразилась эта несчастная страсть на его творчествѣ. Она исказила даже его характеръ. Обыкновенно скромный и застѣнчивый, на-веселѣ онъ становился совершенно другимъ человѣкомъ: то вдругъ пускался въ откровенности, начиналъ разсказывать о своемъ прошломъ, о своемъ житьѣ въ сидѣльцахъ у зятя, то затягивалъ духовныя пѣсни Бортнянскаго, требуя, чтобы ему всѣ вторили. Но еще чаще находили на него припадки гордости и даже самохвальства. Закулисная хроника, всегда падкая на анекдоты, сохранила память о многихъ случаяхъ, то забавныхъ, то отвратительныхъ, въ которыхъ это самохвальство выразилось особенно ясно. Однажды, напримѣръ, выйдя послѣ попойки изъ трактира, Яковлевъ потребовалъ отъ стоявшихъ возлѣ кучеровъ, чтобы они отвезли его домой, доказывая, какое великое счастіе достается имъ—скотамъ—везти великаго Яковлева; но до-

---

[37]) Восп. Булгарина. Пантеонъ 1840 г. ч. I, стр. 89—90.
[38]) Зап. П. А. Каратыгина. Рус. Ст. 1872 г. № 10, стр. 305.

казательства, видно, не подѣйствовали, и онъ перешелъ къ дракѣ. Не долго думая, кучера отдѣлали великаго кнутьями такъ, что дня два-три послѣ того Яковлевъ былъ боленъ [39]). Другой разъ, возвращаясь опять таки съ загородной попойки, на опросъ часоваго у заставы, кто ѣдетъ, Яковлевъ назвался великимъ княземъ Московскимъ Дмитріемъ. На другой день узнали, кто былъ этотъ вновь проявившійся князь, и ему порядкомъ досталось [40]). Выходки Яковлева въ нетрезвомъ видѣ поражали своей эксцентричностью. Извѣстенъ случай съ Державинымъ, котораго стихотворенія онъ высоко цѣнилъ и зналъ наизусть, но позднѣйшей дѣятельности не признавалъ. «Однажды—разсказываетъ Жихаревъ—послѣ представленія на сценѣ трагедіи Державина «Иродъ и Маріамна» [41]) вдругъ является онъ къ Державину, останавливается въ дверяхъ его кабинета и громовымъ голосомъ произноситъ: *умри Державинъ, ты переживаешь свою славу*! Державинъ, не зная, что̀ и подумать, спрашиваетъ, въ чемъ дѣло. «Дѣло въ томъ, отвѣчалъ ему Яковлевъ, чтобъ ты, великій мужъ, слава Россіи, не писалъ больше стиховъ: будетъ съ тебя!» и вдругъ ни съ того ни съ сего началъ:

О, ты пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи естества и пр.

прочиталъ всю оду отъ перваго до послѣдняго стиха; окончивъ, «ну сказалъ онъ, теперь прощай»! и уѣхалъ» [42]). Другой разсказъ рисуетъ отношенія къ артисту начальства. Въ Петербургскую Французскую труппу былъ приглашенъ нѣкто Ведель, актеръ крайне посредственный. Въ вечеръ его дебюта въ «Андромахѣ», Яковлевъ, бывшій въ числѣ зрителей, вдругъ является въ ложу директора театровъ Нарышкина, кланяется ему въ поясъ и говоритъ: «Ну, ваше превосходительство, ужъ актеръ! И это Орестъ? Да это ветошникъ! Гдѣ только этакіе шелопаи родятся? А, чай, жалованья получаетъ втрое больше Яковлева». Добрый Александръ Львовичъ—передаетъ Жихаревъ, сохранившій въ своихъ воспоминаніяхъ этотъ разсказъ—только захохоталъ и пригласилъ Яковлева пріѣхать къ нему для объясненія на другой день» [43]). На-

---

[39]) Сем. Хр. и Восп. Аксакова, стр. 435.

[40]) Восп. Булгарина. Пант. 1840 г., ч. I, стр. 90.

[41]) Первое представленіе этой трагедіи было 23 Ноября 1808 г. Яковлевъ игралъ Ирода, Каратыгина—Маріамну.

[42]) От. Зап. 1854 г. № 11, стр. 26—27. Яковлевъ, говорятъ, неподражаемо читалъ стихотворенія Державина, и самъ авторъ приходилъ въ восторъ отъ его чтенія, причемъ однажды, когда Яковлевъ, читая оду „Богъ", произнесъ стихъ: „Кого мы называемъ Богъ!" Державинъ до того увлекся, что въ благодарности схватилъ колпакъ съ головы и такъ низко поклонился, что стукнулся лбомъ объ столъ, за которымъ сидѣлъ (Сем. Хр., стр. 436).

[43]) От. Зап. 1854 г. № 11, стр. 28. Вниманіе къ Яковлеву начальства выразилось

чальство, какъ и публика, за великій талантъ Яковлева прощало ему его слабости, какъ бы не замѣчая ихъ. Но къ сожалѣнію, не нашлось никого, кто бы могъ или захотѣлъ силою своего вліянія поддержать въ немъ хорошія стороны характера, проявлявшіяся даже въ часы ненормальнаго его состоянія, въ готовности всегда выслушать правду и сознаться въ ошибкѣ. Добрые друзья и поклонники какъ разъ наоборотъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, не жалѣли средствъ, чтобы заглушить въ немъ пробуждавшееся сознаніе его неправоты и недостатковъ. Въ этомъ отношеніи особенно характеренъ одинъ разсказъ, передаваемый Аксаковымъ.

Разъ какъ-то, вечеромъ у Шушерина, Яковлевъ встрѣтился съ Дмитревскимъ, и тотъ началъ его упрекать, что онъ совсѣмъ забылъ о своемъ старомъ наставникѣ и вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, что глазъ не кажетъ. Яковлевъ смутился и началъ оправдываться своей недавней поѣздкой въ Москву, потомъ быстро перешелъ къ разсказу о томъ, какъ восхищались Москвичи его игрою въ Отелло, какъ поднесли ему дорогую табакерку съ самой лестной надписью отъ Московскаго дворянства и, въ концѣ концовъ, съ дерзкой самоувѣренностью, восхваляя свой талантъ вдругъ обратился къ Дмитревскому и спросилъ, видѣлъ-ли онъ его въ Отелло и нравится-ли ему его игра. Дмитревскій хотѣлъ отдѣлаться двусмысленными замѣчаніями, но это не удовлетворило расходившагося артиста. Онъ поднялся съ креселъ, сталъ въ позицію передъ Дмитревскимъ и, ударяя себя кулакомъ въ грудь, голосомъ Отелло произнесъ: «Правды требую, правды!» И онъ услышалъ ее. Съ убійственнымъ хладнокровіемъ, разсказываетъ Аксаковъ, Дмитревскій отвѣчалъ: «Если ты непремѣнно хочешь знать правду, дуса моя (онъ не выговаривалъ ш), то я скажу тебѣ: роль Отелло ты

также и въ частыхъ наградахъ и прибавкахъ къ жалованью. Около 1804 года окладъ его былъ увеличенъ до 2500 р., а въ 1810 году онъ получилъ по крайней мѣрѣ вдвое болѣе всѣхъ другихъ своихъ товарищей --4000 р. жалованья, 500 р. квартирныхъ и ежегодно бенефисъ съ расходами дирекціи (см. Лѣт. Рус. Театра, стр. 199) Просьбы Яковлева почти никогда не оставались безъ уваженія: такъ, напримѣръ, только благодаря его ходатайству и вопреки желанія всесильнаго тогда за кулисами князя А. А. Шаховскаго (начальника репертуарной части) была поставлена драма Краснопольскаго „Желѣзная Маска“, гдѣ Яковлевъ имѣлъ хорошую роль. Несмотря однако на свое особенно видное положеніе, Яковлевъ былъ чуждъ актерскаго высокомѣрія и съ послѣднимъ товарищемъ обходился ласково и привѣтливо; оттого и товарищи его любили и не упускали случая пользоваться его добротой и вліяніемъ. Въ примѣръ приведемъ одинъ случай. Французскій танцовщикъ, Дюпоръ, пріѣхашій къ намъ вмѣстѣ съ знаменитой m—lle Жоржъ, оскорбилъ публику, послѣ боялся уже выйти на сцену и сталъ просить Яковлева, какъ всеобщаго любимца, принести за него извиненія передъ зрителями. Яковлевъ и не подумалъ отказаться, вышелъ и такъ настроилъ публику, что Дюпоръ послѣ того былъ принятъ съ восторгомъ (см. Лѣт. Рус. Театра, стр. 187).

играесь, какъ сапожникъ. Чтó ты напримѣръ сдѣлалъ», началъ онъ горячиться, не сдержавъ негодованія, «изъ превосходной сцены, когда призываютъ Отелло въ сенатъ по жалобѣ Брабанціо? Гдѣ этотъ благородный, почтительный воинъ, этотъ скромный побѣдитель, такъ искренне, такъ простодушно говорящій о томъ, чѣмъ понравился онъ Десдемонѣ? Кого ты играесь? Буяна, сорванца, который, махая руками, того и гляди, что хватить въ зубы кого изъ сенаторовъ»... И съ этими словами Дмитревскій съ живостью поднялся съ креселъ, сталъ посреди комнаты и проговорилъ наизустъ почти до половины монологъ Отелло съ совершенной простотой, истиной и благородствомъ. Всѣ были поражены изумленіемъ, точно испуганные сверхъестественнымъ явленіемъ. Дмитревскій до того разгорячился, что сразу обезсилилъ и тутъ же уѣхалъ, сказавъ Яковлеву: Если хочесь, дуса моя Алеса (вѣдь я прежде всегда такъ называлъ тебя), то пріѣзжай ко мнѣ; я пройду съ тобой всю роль». Пока Шушеринъ провожалъ старика, Яковлевъ такъ и остался на мѣстѣ, какъ стоялъ передъ Дмитревскимъ—задумчивый, смущенный и безмолвный.—«Чтó братъ, озадачилъ тебя старикъ?» захохоталъ Шушеринъ, не скрывая своей радости.—«Да», отвѣчалъ Яковлевъ, «я услышалъ истину». Но добродѣтельный товарищъ тотчасъ поспѣшилъ разувѣрить довѣрчиваго, какъ дитя, артиста, разсказалъ исторію о притворствѣ и лицемѣріи Дмитревскаго и кончилъ тѣмъ, что настроилъ Яковлева такъ, что онъ, конечно, на другой день не отправился за совѣтомъ къ Дмитревскому» [44]). Тотъ же Шушеринъ на-

---

[44]) Сем. Хр., стр. 437—440. Жихаревъ въ своихъ воспоминаніяхъ приводитъ другой подобный же случай, имѣвшій мѣсто въ 1811 г., вечеромъ послѣ бенефиса Яковлева когда давался „Атрей“. Изъ театра всѣ съѣхались у Яковлева, и тутъ одинъ изъ его пріятелей присталъ къ Дмитревскому, спрашивая его, выше ли Яковлевъ Лекена. „Ростомъ, душа, гораздо выше: вершка на 3 будетъ“, отвѣчалъ Дмитревскій, которому надоѣли эти разспросы. Всѣ захохотали и, когда подошедшій на хохотъ Яковлевъ спросилъ, въ чемъ дѣло, ему передали слова Дмитревскаго. „А вы вѣрите этой старой лисицѣ?“ вскрикнулъ вдругъ обидѣвшійся и разгоряченный уже пуншемъ Яковлевъ—ростомъ выше, однимъ только ростомъ? Ну что̀ его Лекенъ, да и самъ-то онъ что̀? Имъ и во снѣ не грезилось такъ играть, какъ я сегодня игралъ“. И онъ заревѣлъ:

.... Отмщенья полнъ,
Безъ страха переплывъ чрезъ сонмы адскихъ волнъ,
Явится тѣнь моя злодѣйствомъ знаменита (указывая на Дмитревскаго)
Обиду брату мстить и на брегахъ Коцита.

Ну, что скажешь, мусье Лекенъ-Дмитревскій? Ноги-то у тебя колесомъ, груди не бывало, косноязыченъ—такъ мямло“!—„А вотъ что скажу, душа (очень хладнокровно отвѣчалъ Дмитревскій), что если-бы не занялъ я у тебя третьягодни на нужды сыну 100 р., то я бы наговорилъ тебѣ такихъ вещей, какихъ ты отроду не слыхивалъ“. Всѣ расхохотались. Яковлевъ также, и бросился Дмитревскому въ ноги“. (см. Восп. Ст. Теат. О. З. 1854 г., № 10, стр. 100). Такъ легко Яковлевъ сознавался въ своихъ ошибкахъ; но эти порывы пропадали, благодаря дурнымъ вліяніямъ.

паивалъ Яковлева намѣренно до пьяна и потомъ заставлялъ его ради потѣхи неистово декламировать: пусть молъ посмотрять, каковъ нашъ великій трагикъ! Но Шушеринъ былъ совмѣстникомъ Яковлева; а сколько было нелицемѣрныхъ доброжелателей, которые, подогрѣвая вдохновеніе артиста бутылкой вина, вели его въ простотѣ сердца къ неизбѣжной, непредотвратимой гибели!

Будемъ однако справедливы къ этимъ людямъ. Ихъ пагубное вліяніе, быть можетъ, и не возъимѣло-бы такой власти надъ Яковлевымъ, еслибъ сюда не примѣшались еще новыя и болѣе важныя причины: Яковлевъ былъ безнадежно влюбленъ въ замужнюю женщину, въ актрису Ласси. Эта любовь, можно сказать, составила несчастье всей жизни Яковлева. Стоило только посмотрѣть на этого человѣка со спутанными волосами, въ платьѣ небрежномъ не изъ особаго рода хвастовства, не изъ неопрятности, но изъ невниманія ко внѣшности, угрюмаго и несообщительнаго, чтобы угадать, что его гнететъ какое-то затаенное и неисцѣлимое горе. Оно свѣтилось въ его взорѣ и до́ма, когда одинъ, въ обществѣ только своего неизмѣннаго слуги «Семеніуса», сидѣлъ онъ на старомъ диванѣ за стаканомъ пунша, погруженный въ чтеніе Плутарха, Державина или Библіи [45]); оно прорывалось и среди кутежей, когда виномъ думалъ онъ залить пожаръ, пылавшій въ сердцѣ. Но долго никому не рѣшался Яковлевъ повѣрить своей тайны, высказываясь или во вдохновенныхъ порывахъ творчества, когда обнажалъ передъ зрителями душу свою, или въ тѣхъ немногихъ поэтическихъ произведеніяхъ, которыя подъ названіемъ эротическихъ составляютъ лучшую часть небольшой книжки его стихотвореній [46]). Онъ не лгалъ и не интересничалъ, когда писалъ:

Огнемъ души сжигаемъ,
Вкушаю тысячи отравъ [47])

или говорилъ, что для него одно спасеніе—могила:

---

[45]) Восп. Стар. Теат., От. 3. 1854. № 11, стр. 26. Библія была любимой книгой Яковлева. Съ 1811 г. онъ началъ читать Штиллинга и Эккартсгаузена, причемъ его очень заинтересовала Штиллингова „Тоска по родинѣ“, гдѣ ему понравилось предсказаніе, что Россія нѣкогда будетъ обѣтованной землей для всѣхъ народовъ.

[46]) Соч. Яковлева были изданы въ 1827 г. небольшой книжкой съ приложеніемъ портрета. Подъ портретомъ надпись, сочиненная Б. М. Ѳедоровымъ:

Завистниковъ имѣлъ—соперниковъ не зналъ.

Кромѣ эротическихъ піесъ, одъ и шуточныхъ стихотвореній Яковлевъ написалъ еще большую духовно-лирическую пѣснь „Торжество вѣры“, гдѣ прекрасно проявилось его высокое религіозное настроеніе. Надо замѣтить впрочемъ, что, поэтъ въ душѣ, Яковлевъ не былъ надѣленъ даромъ поэтическаго творчества.

[47]) Соч. Яковлева, изд. 1827 г. стр. 77—78.

.... объятый грусти тьмой,
Растерзанъ лютою тоскою,
Не находя нигдѣ покою,
Жду только ночи гробовой,
Чтобы обрѣсть себѣ покой

Въ этихъ стихахъ вся его жизнь, все его горе,—горе тѣмъ болѣе ужасное, что отъ него только минутное забвеніе находилъ онъ въ кутежахъ. Всѣ думаютъ—признался онъ, наконецъ, однажды своему другу Жебелеву—что я погрязъ въ порокъ изъ жадности къ нему; люди обыкновенно судятъ по наружности и самыя невинныя чувства представляютъ порочными. Кто видитъ, какъ мучительны для меня дни? Часто, очень часто, сидя одинъ дома, прихожу въ ужасное отчаяніе—домъ мой, кажется мнѣ пустыней» И, ударивъ себя въ грудь, сказалъ: «Не знаю, чѣмъ утишить змѣю грызущую эту бѣдную грудь!» Напрасно утѣшалъ его Жебелевъ; цѣлую ночь проговорили друзья, но горе Яковлева осталось при немъ. «Куда ты идешь?» спросилъ его другъ при разставаньи. «Въ адъ! отвѣчалъ онъ, въ адъ» [48])! и въ этомъ возгласѣ, который въ устахъ другаго показался бы смѣшнымъ, было, дѣйствительно, что-то трагическое. У Яковлева не было средствъ для исцѣленія и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе онъ опускался, отвѣчая на поздніе уговоры друзей:

Если по льду скользя,
Не упасть намъ нельзя —
Какъ же быть,
Чтобъ съ страстьми человѣкъ,
Не споткнувшись, свой вѣкъ,
Могъ прожить?
По неволѣ кутнешь,
Иногда и зальешь.
Какъ змѣя
Злая сердце сосетъ,
И сосетъ и грызетъ....
Бѣдный я [49])!

Бѣдный Яковлевъ! скажемъ и мы вслѣдъ за великимъ артистомъ. Можетъ быть никогда еще на Русской сценѣ не разыгрывалась такая ужасная трагедія, какую представилъ онъ. Здѣсь, дѣйствительно, израненный на смерть боецъ, обнажая муки изстрадавшагося сердца, увлекалъ ими зрителей.

---

[48]) Тамъ же, стр. XII.

[49]) Восп. Ст. Театр. О. З. 1854 г. № 11, стр. 28. Это—конецъ одного шуточнаго стихотворенія, которымъ Яковлевъ звалъ Жихарева къ себѣ. Жихаревъ передъ тѣмъ упалъ, катаясь на конькахъ.

Мы старались по возможности обрисовать его артистическую дѣятельность, раскрыть его душевное состояніе; но нельзя вѣрнѣе и лучше разсказать трагическую повѣсть его жизни, какъ это сдѣлалъ самъ онъ въ стихахъ «Мрачныя мысли», о которыхъ можно сказать словами поэта:

Ты не увидишь въ нихъ искусства,
За то найдешь живыя чувства.

Безхитростной правдой своей эта автобіографическая повѣсть трогаетъ такъ же, какъ нѣкогда трогали театральную залу безыскусственные порывы творческаго вдохновенія Яковлева. Вотъ эта повѣсть:

Стой, помедли солнце красное,
На часокъ не меркни свѣтлое,
Ты лица не крой блестящаго
Въ хладной влагѣ моря синяго.
Не взойдешь уже ты болѣе
Для моихъ очей слезящихся,
Се врата предъ мною къ вѣчности!
Я готовъ стопою смѣлою
Сдѣлать шагъ ко неизвѣстности...
Для счастливыхъ и день пасмурный—
День утѣхъ и наслажденія;
Для объятаго же скорбію
День безоблачный все таже ночь.

—

Двухъ годовъ я отъ рожденія
Былъ песомъ за гробомъ отческимъ;
На осьмомъ за доброй матерью
Шелъ покрыть ее сырой землей!
Горько, горько сиротой жить
И рукой недружной, чуждою
Быть взращаему, питаему...
И на лонѣ нѣжной матери
Не слыхать названій ласковыхъ!

—

Пролетѣли дни младенчества,
Наступили лѣта юности,
Рѣзвой, пылкой и мечтательной!
Но во градѣ, что̀ роднымъ считалъ,
Я пришлецъ былъ мало знаемый;
Я искалъ сердецъ чувствительныхъ,
Находилъ сердца холодныя,
И повсюду видѣлъ облако
Думы полное и мрачное!

—

Такъ летѣло время быстрое,—
Другъ и недругъ перемѣнчивый,
Къ одному ко мнѣ несчастному
Въ непріязни постоянное.

—

Тутъ узрѣлъ я въ женахъ рѣдкую,
И мое вдругъ сердце темное
Красотой ея небесною,
Какъ свѣтиломъ, озарилося.
Жизнь текла моя отраднѣе...
Но и тутъ судьбина лютая
Между насъ преграду крѣпкую
Создала рукою мощною:
Я изъ бѣднаго бѣднѣйшимъ сталъ!

—

Какъ вершины древъ кудрявыя,
Межъ собою ищутъ сблизиться,
Но стремленьемъ тока быстраго
Другъ отъ друга отдѣляются:
Такъ подобно рокъ жестокій мой,
Мнѣ увидѣть давъ волшебницу,
Воспретилъ мнѣ быть ей спутникомъ
На путяхъ тернистыхъ жизни сей!

—

Тридцать семь разъ косы жателей
Посѣкали класы тучные,
Но во все сіе теченье лѣтъ
Я и дня не видѣлъ краснаго...
Отхожу теперь я къ вѣчности!...
Прилети, голубка нѣжная,
Взявъ птенцовъ своихъ любимѣйшихъ...
Прилети и на дерновникъ сядь,
Что̀ скрывать мой будетъ хладный прахъ!
Проворкуй, моя любезная,
Надъ могилою забытою
Въ память друга пѣснь унылую! [50]).

Эти строки писаны въ 1810 году—годъ для Яковлева знаменательный: это былъ годъ, когда, создавъ роль Іодая, Яковлевъ достигъ высшей точки своего развитія. До сихъ поръ талантъ его, безалаберно и неправильно, но все же росъ и крѣпчалъ; съ этого же года неблагопріятныя обстоятельства, ранѣе только тормозившія его развитіе, окончательно одолѣли сильный огранизмъ артиста: его дарованіе стало явно угасать. Все чаще и чаще начали находить на него приступы меланхоліи; прибѣгалъ онъ къ вину, какъ къ единственному средству забвенія, и слѣды роковаго лѣченія начинали сказываться замѣтнѣе.

24 Октября 1813 года, когда въ театрѣ давали «Недоросля», вдругъ разнеслась ужасная вѣсть. Въ припадкѣ бѣлой горячки Яковлевъ покусился на самоубійство и чуть не зарѣзался бритвой. Вся столица приняла живѣйшее участіе въ судьбѣ любимаго артиста. Старшіе воспитанники Театральной Школы день и ночь поочередно дежурили

---

[50]) Соч. Яковлева, изд. 1827 г.

у его постели въ теченіе цѣлыхъ шести недѣль. Къ счастью, бритвенный порѣзъ оказался не глубокъ. Скоро подоспѣвшая медицинская помощь спасла жизнь Яковлева, и мѣсяца черезъ полтора, 2-го Декабря, онъ снова появился на сценѣ въ роли Ярба [51]).

Трудно описать безпредѣльный восторгъ публики. Онъ граничилъ съ какимъ-то изступленіемъ. Гулъ пронесся по театру при первомъ выходѣ артиста. Крики браво смѣшивались съ восторженнымъ ура! Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ—разсказываютъ очевидцы—Яковлеву невозможно было начать роль. Наконецъ, крики и рукоплесканія умолкли; всѣ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждали услышать снова знакомые звуки своего любимца. Яковлевъ силился произнести первый стихъ—и не могъ. Голосъ его оборвался, крупныя слезы покатились по его щекамъ, и онъ безмолвно опустилъ голову! Снова раздались рукоплесканія и крики, и наконецъ, кое-какъ собравшись съ силами, онъ началъ свою роль [52]). 16 Января 1814 года состоялся второй выходъ артиста въ роли Спартака въ тр. Висковатова—и опять тѣже бурные восторги, тоже сочувствіе публики къ своему любимцу. Но Яковлеву не суждено было оправиться отъ болѣзни, подтачившей его силы. Съ 1813 года припадки меланхоліи начали повторяться съ возростающей силой. Отъ неумѣреннаго употребленія водки голосъ осипъ, все рѣже и рѣже прорывалось вдохновеніе и, чувствуя это, онъ передалъ почти всѣ свои роли молодому актеру, Брянскому; но и за этотъ печальный періодъ артисту удалось однако создать двѣ замѣчательныя роли—Агамемнона въ «Ифигеніи» Расина и Карла Моора въ «Разбойникахъ». Здѣсь въ послѣдній разъ съ прежней силой блеснулъ его дивный геній.

Внутреннее горе убивало Яковлева. Какъ за послѣднее, отчаянное средство схватился онъ за женитьбу. Скоро задумано—скоро сдѣлано. Въ какія нибудь двѣ-три недѣли Яковлевъ сосваталъ дочь придворнаго музыканта, только что выпущенную изъ Театральной Школы, Катерину Ивановну Ширяеву, устроилъ ей самъ приданое и 16 Августа 1815 года [53]) обвѣнчался въ церкви Екатерины Мученицы въ Екатерингофѣ [54]), а 9-го Сентября того же года молодые

---

[51]) Лѣт. Рус. Театра, стр. 222.

[52]) Зап. П. А. Каратыгина. Русск. Ст. 1872 г., № 10, стр. 306.

[53]) Дневникъ А. В. Каратыгина. Русск. Ст. 1880 г., № 10, стр. 266. Араповъ указываетъ на 17 Августа.

[54]) Ѳ. А. Кони въ составленной имъ біографіи или, вѣрнѣе сказать, повѣсти изъ жизни Яковлева разсказываетъ подробно исторію свадьбы артиста. Но, хотя онъ и утверждаетъ, что не только приводимые имъ факты, но и слова, влагаемыя въ уста Яковлеву не вымышлены, а записаны со словъ современниковъ и очевидцевъ—въ этомъ позволи-

вмѣстѣ выступили передъ публикой въ комедіи «Влюбленный Шекспиръ». Яковлевъ игралъ Шекспира, его жена—Кларансу. Публика трогательно выказала здѣсь свое живѣйшее участіе въ радости великаго артиста. Когда Шекспиръ-Яковлевъ, произносилъ: «Шекспиръ—мужъ обожаемой жены... чего желать мнѣ больше?» весь театръ захлопалъ. Всѣ думали, что женитьба исправитъ Яковлева [55]), но ошиблись: Катерина Ивановна оказалась умной и преданной женой, и съ ней онъ могъ бы найти счастье, еслибы возможно было залѣчить рану, оставшуюся отъ первой, страстной любви. Подъ вліяніемъ новой жизни артистъ, говорятъ, пересталъ пить и крѣпился нѣкоторое время; но старое горе не замедлило сказаться снова.

Какъ-то лѣтомъ, въ Іюлѣ 1817 г., давали Отелло съ Яковлевымъ въ главной роли. Въ послѣднее время рѣдко когда появлялся онъ на сценѣ, и потому театръ былъ полонъ публики. Яковлева встрѣтили, какъ всегда, аплодисментами; онъ началъ роль, но вдругъ послѣ втораго антракта публикѣ было объявлено, что Яковлевъ заболѣлъ, и трагедія не можетъ быть доиграна. Всѣ подумали, что подъ этой болѣзнью надо понимать обычную болѣзнь Яковлева — поклоненіе Вакху; но вскорѣ узнали, что онъ дѣйствительно боленъ, и боленъ безнадежно. 4-го Октября 1817 г. въ послѣдній разъ черезъ силу игралъ онъ нелюбимую роль Тезея въ «Эдипѣ въ Аѳинахъ» [56]), а черезъ мѣсяцъ, 3-го Ноября Яковлева не стало, на 44-мъ году отъ рожденія.

«Осиротѣла Мельпомена!» горестно восклицаетъ по поводу смерти Яковлева одинъ изъ многихъ поэтовъ, написавшихъ ему эпитафіи [57]); но осиротѣла не одна Русская сцена: осиротѣли и многія семьи облагодѣтельствованныхъ покойнымъ людей. Соединяя съ честностью и благородствомъ образцовыми необыкновенно-доброе и чувствительное сердце, Яковлевъ никому не отказывалъ въ помощи и дѣлалъ добро не изъ тщеславія, не для виду, но потому что оно было живѣйшей потребностью его души. «Лучше отдать послѣднее, чѣмъ не дать ничего» — вотъ что было его девизомъ. Не имѣя самъ денегъ, чтобы выручить

тельно усумниться. Не опровергая всѣхъ несообразностей разсказа, укажемъ на одну. Оказывается, что Яковлевъ рѣшилъ жениться вслѣдствіе свиданія съ Жебелевымъ, другомъ дѣтства, воротившимся какъ разъ въ это время изъ Москвы. Свиданіе это послѣ многолѣтней разлуки происходило, по словамъ Кони, въ вечеръ представленія Гоѳоліи. Между тѣмъ Гоѳолія впервыя была дана въ 1810 г., а Жебелевъ еще въ 1804 г. уже игралъ въ Петербургѣ. Очевидно, весь разсказъ и разговоры суть произведенія фантазіи. Въ томъ же родѣ и большинство свѣдѣній, сообщаемыхъ въ біографіи.

[55]) Дневн. Каратыгина. Русск. Ст. 1880 г. № 10, стр. 266.

[56]) Лѣт. Рус. Театра, стр. 256. Г-ъ Кони ошибочно пишетъ, что въ этотъ вечеръ давали Отелло.

[57]) Илличевскій, товарищъ Пушкина, только что выпущенный изъ Лицея.

кого-либо изъ нужды, онъ занималъ у пріятелей, посѣщалъ передъ праздниками тюрьмы и надѣлялъ арестантовъ. Подкинутъ ли ему ребенка, онъ не броситъ его на произволъ судьбы; увидитъ ли въ училищѣ бѣдно-одѣтаго мальчика и узнаетъ, что онъ сирота, онъ отдастъ ему послѣдніе свои рубли. Немало и другихъ разсказовъ ходило про доброту Яковлева. Онъ умеръ,—и много непритворныхъ, теплыхъ слезъ пролилось надъ могилою этого замѣчательнаго артиста и превосходнаго человѣка [58]).

Послѣ Яковлева остались вдова съ двумя малолѣтними дѣтьми, сыномъ и дочерью безъ всякихъ средствъ. Не на что было даже похоронить покойника. Богатые купцы, при жизни Яковлева искавшіе его дружбы, отказались отъ помощи. Но добро не пропадаетъ даромъ. Семейству Яковлева помогъ цирюльникъ, брившій покойнаго, нѣкто Донеличенко. Безъ всякой росписки самъ предложилъ онъ вдовѣ покойнаго свои послѣднія сбереженія—900 р. [59]). Потомъ и Государь въ ознаменованіе долгой службы артиста пожаловалъ его дочери пенсію въ 1,333 р. [60]). Дирекція театровъ съ своей стороны дала 15 Ноября 1817 г. въ пользу его вдовы и сиротъ спектакль, трагедію «Гораціи» и оперу-водевиль князя Шаховскаго «Встрѣча незваныхъ». Самойловъ пѣлъ куплеты, сочиненные въ честь Яковлева Шаховскимъ же и положенные на музыку Кавосомъ; въ водевилѣ долженъ былъ принять участіе самъ знаменитый учитель покойнаго, И. А. Дмитревскій; но въ день спектакля, удрученный горемъ, онъ внезапно заболѣлъ и не могъ отдать этой послѣдней чести своему любимому, столь безвременно и столь несчастливо погибшему ученику [61]).

Окончимъ словами Илличевскаго:

Нѣтъ Яковлева, нѣтъ Россійскаго Лекена!
Разилъ онъ ужасомъ и жалостью сердца,
Духъ Русскій возвышалъ въ Димитріи, въ Росславѣ;
Почилъ подъ сѣнію лавроваго вѣнца,
Искусство взялъ себѣ, а имя отдалъ славѣ.

А. Н. Сиротининъ.

---

[58]) Соч. Яковлева, изд. 1827, стр. XIII—XIV, и др.

[59]) Сѣв. Наблюдатель 1817 г. т. II, стр. 256.

[60]) Реп. и Пант. 1842 г., № 5, стр. 12.

[61]) Дневникъ А. В. Каратыгина. Русск. Ст. 1880, № 10, стр. 269. Куплеты въ честь Яковлева напечатаны въ „Сѣверн. Наблюдателѣ“ 1817.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава XI.

Военныя дѣйствія по указаніямъ фельдмаршала.— Возстаніе Абадзеховъ.—Борьба съ ними и Убыхами.— Вытѣсненіе горцевъ къ морю.—Уходъ ихъ въ Турцію.—Усиленіе болѣзни фельдмаршала и остановка на пути въ Вильнѣ.—Письмо къ Государю о Польскихъ дѣлахъ и перенесеніи столицы въ Кіевъ.—Просьба объ увольненіи съ Кавказа.—Рескриптъ при увольненіи отъ должностей.—Благодарственное письмо къ Государю.

Военныя дѣйствія на Западномъ Кавказѣ, между тѣмъ, шли своимъ порядкомъ, по разъ начертанному плану, и съ каждымъ днемъ мы очевидно приближались къ цѣли. Различныя Черкесскія племена, въ прежнее время то изъявлявшія покорность, то вновь открывавшія противъ насъ враждебныя дѣйствія, встрѣтили въ лицѣ графа Евдокимова человѣка, умѣвшаго хорошо оцѣнивать ихъ дипломатію и ни на минуту не забывавшаго основной мысли—вытѣснить горцевъ совсѣмъ изъ Сѣверо-Западной части Кавказа. Онъ ни въ какіе компромисы съ ними не входилъ; удары слѣдовали одинъ за другимъ. Абадзехи, какъ было разсказано выше, долго считавшіе себя въ совершенной безопасности и земли свои недоступными для Русскихъ войскъ, въ 1859 году, при появленіи, наконецъ, отряда въ ихъ мѣстахъ, изъявили условную покорность, почти ни къ чему ихъ не обязывавшую, но остановившую разореніе ихъ страны. Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и, не взирая даже на старанія Магометъ-Эмина удерживать Абадзеховъ отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій, изъ за р. Бѣлой опять стали появляться партіи и дѣлать набѣги на наши поселенія. Видя свое безсиліе, Магометъ-Эминъ удалился въ Турцію.

Весна 1861 г. застала отношенія наши къ сильнѣйшему Черкескому племени — Абадзехамъ въ самомъ неопредѣленномъ, натянутомъ положеніи: они требовали, чтобы Русскія

войска не ходили въ ихъ земли, не рубили просѣкъ, не прокладывали дорогъ и т. д., въ противномъ случаѣ грозили войной, набѣгами; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣряли въ покорности. Вообще, всѣ Черкесскія племена, благодаря тайнымъ подстрекательствамъ и поддержкѣ Турціи и Англо-французскихъ агентовъ, никакъ не рѣшались признать свое положеніе безнадежнымъ и колебались между изъявленіемъ призрачной покорности и открытой борьбой съ нами. Наконецъ, имъ было категорически объявлено—или выселяться всѣмъ на плоскость, на мѣста, какія имъ будутъ указаны, подъ Русское управленіе, съ тѣмъ, что на ихъ мѣста будутъ поселены казачьи станицы, или война будетъ продолжена безпощадно. Никакіе переговоры, условныя соглашенія и обѣщанія ни къ чему не вели: все разбилось о непоколебимую твердость и настойчивость графа Евдокимова. Личная просьба Черкесскихъ старшинъ, представленныхъ Государю, въ пріѣздъ Его Величества въ Закубанскій край, тоже не имѣла никакого результата: Государь ихъ милостиво принялъ, но повелѣлъ подчиниться требованіямъ главнаго мѣстнаго начальства.

Въ 1861 году мы успѣли поселить 11-ть новыхъ станицъ (1908 семей) и, такимъ образомъ, окончательно упрочить линіи по Кубани и Лабѣ, на лѣвомъ берегу которой водворены первыя четыре станицы. Въ Январѣ и Февралѣ предпринята была экспедиція противъ Шапсуговъ, обитавшихъ въ верховьяхъ р. Шебшъ. Въ походѣ этомъ принялъ участіе пріѣхавшій на Кавказъ принцъ Вильгельмъ Баденскій, супругъ великой княгини Маріи Максимиліановны. Много ауловъ было разорено, надежды на недоступность мѣстности потрясены, населеніе вынуждено спасаться дальше.

Успѣхъ водворенія Русскаго населенія зависѣлъ отъ успѣшнаго дѣйствія войскъ, которыя должны были очищать край отъ враждебнаго населенія между станицами, строить имъ ограды и обезпечивать отъ нападеній горцевъ. Благодаря значительному числу батальоновъ, можно было составить нѣсколько отрядовъ, самостоятельно дѣйствовавшихъ одновременно въ землѣ Шапсуговъ и Натухайцевъ—со стороны Адагума, и въ землѣ Абадзеховъ — со стороны Лабы.

Часть туземцевъ отказалась отъ надежды отстоять свое положеніе и уходила въ Турцію; большинство продолжало вооруженное сопротивленіе и, конечно, напрасно лишь терпѣло раззореніе, теряло людей,—все равно, и имъ другаго исхода не было. Главная масса Абадзеховъ съ Махошевцами и Егерукаевцами еще оставалась на своихъ мѣстахъ, продолжая увѣрять въ покорности и миролюбіи. Войска наши пользовались этимъ положеніемъ, прорубали просѣки, прокладывали дороги, устроили укрѣпленные посты и ограды для будущихъ станицъ. Въ концѣ Февраля графъ Евдокимовъ съ отрядомъ самъ перешелъ на лѣвый берегъ Бѣлой и двинулся къ Пшехѣ для разработки дороги. Движеніе это вызвало открытое возстаніе Абадзеховъ и ихъ ближайшихъ сосѣдей. Часть ихъ встрѣтила наступавшій отрядъ, а другая атаковала стрѣлковый батальонъ Апшеронскаго полка, двигавшійся съ казачьею сотнею изъ Майкопа къ устью рѣки Фюнфта. Атаки Абадзеховъ были отбиты, а графъ Евдокимовъ воспользовался этимъ случаемъ уничтожить условія номинальной покорности 1859 года: всѣмъ племенамъ, обитавшимъ между рѣками Ходзъ и Бѣлой, приказано было немедленно выселяться на Кубань и Лабу. Приказаніе не было исполнено, и войска въ теченіи 20 дней прошли всю эту мѣстность съ огнемъ и мечемъ, преодолѣвая неимовѣрныя трудности въ изрытой глубокими оврагами лѣсистой мѣстности. Около 90 ауловъ было раззорено; населеніе большею частью бѣжало дальше въ горы, за Бѣлую.

Въ концѣ Апрѣля войска наши прошли еще далѣе по лѣвому берегу Бѣлой и заняли самое трудно-доступное общество Дахо, гдѣ и водворена станица, довершившая Бѣлорѣченскую линію.

Не менѣе успѣшны были дѣйствія и со стороны Адагума, гдѣ въ 1861 году все было приготовлено для водворенія 11 новыхъ станицъ, которыя весною 1862 года и были заняты прибывшими поселенцами.

Въ 1862 году продолжались тѣ же дѣйствія и съ тѣми же цѣлями—подготовлять и обезпечивать все необходимое для заселенія страны казаками. Въ Іюнѣ Абадзехи и Шапсуги еще разъ попытались остановить нашъ напоръ: собрав-

шись въ огромное скопище, они дали клятву не пропускать Русскій отрядъ на Пшеху. Произошелъ довольно жаркій бой, но результатомъ его было занятіе нами предназначеннаго пункта; всѣ усилія горцевъ остались тщетными. Видя такой ходъ дѣла и опасаясь, чтобы Русскіе окончательно не вытѣснили всѣхъ горцевъ Западнаго Кавказа, населеніе южнаго склона хребта и восточнаго берега Чернаго моря рѣшилось принять участіе въ защитѣ Закубанскаго края. Значительныя толпы особенно Убыховъ, перешли хребетъ и соединились съ Абадзехами. Завязалась упорная борьба: горцы отчаянно бросались не только на отдѣльные наши команды и посты, но даже на станицы и укрѣпленія. 14 и 15-го Іюня они атаковали укрѣпленіе Хамкеты, а 26 Іюня и 8-го Іюля станицу Псеменскую. Послѣ жестокаго побоища, горцы съ большимъ урономъ должны были отступить. Это ихъ однако еще не охладило; они продолжали нападенія, гдѣ только представлялся малѣйшій случай. Одно ихъ предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ: они овладѣли однимъ изъ постовъ на Адагумской линіи, причемъ погибъ весь гарнизонъ, состоявшій изъ 35 человѣкъ казаковъ. Это ободрило горцевъ, и въ Октябрѣ они вздумали достигнуть бо́льшихъ результатовъ. Собравшись въ числѣ 7-ми тысячъ человѣкъ, они напали на станицы Неберджайскую и Баканскую; но гарнизоны защищались упорно, а съ прибытіемъ резервовъ непріятель былъ прогнанъ съ урономъ.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, достаточно сказать, что къ концу 1862 года весь Закубанскій край до хребта былъ уже тоже въ нашихъ рукахъ и подготовленъ къ заселенію станицами. Никакихъ сомнѣній въ окончательномъ успѣхѣ уже не могло быть. Вытѣсняемое шагъ за шагомъ съ плоскости въ предгорія, съ предгорій въ горы, съ горъ къ морскому берегу, полумилліонное населеніе горцевъ перенесло всѣ ужасы истребительной войны, страшныя лишенія, голодъ, повальныя болѣзни, а очутившись на берегу— должно было искать спасенія въ переселеніи въ Турцію. Результатъ этотъ былъ окончательно достигнутъ лишь въ началѣ 1864 г., когда князь Барятинскій уже не былъ главнокомандующимъ на Кавказѣ; но я упомянулъ здѣсь объ этомъ,

потому что результатъ былъ послѣдствіемъ его плановъ и предположеній, изъ которыхъ одно порученіе графу Евдокимову дѣйствій въ Закубанскомъ краѣ уже не малая заслуга. Преемникъ князя Барятинскаго, Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ вполнѣ оцѣнилъ цѣлесообразность плана и распоряженій своего предшественника и съ замѣчательной энергіей довершилъ ихъ. Въ Маѣ 1864 г. борьба съ непокорными горцами на Кавказѣ окончилась: край, обильно политый Русскою кровью, усѣянный Русскими костями, почти сто лѣтъ боровшійся съ нами, превратился въ Русскую область, неотъемлемую часть Русскаго государства, и, несомнѣнно, со временемъ станетъ одною изъ лучшихъ его частей. Мысль князя Барятинскаго, что съ Кавказа должно упрочиться наше вліяніе и могущество на Востокѣ, что Кавказъ дастъ при надобности отличный военный резервъ Русской арміи, осуществляется; его замѣчательная проницательнсcть, широта его военныхъ взглядовъ воплощаются теперь въ живыя формы. Онъ, къ сожалѣнію, не дожилъ до нихъ; но люди мыслящіе, люди слѣдящіе за событіями и чаемою будущностью Россіи, не могутъ не признать за нимъ великой заслуги, оказанной государству.

Всѣ старанія и познанія докторовъ не могли излѣчить больнаго, и улучшенія являлись только временныя. Такъ, осенью 1862 г., почувствовавъ облегченіе, князь уѣхалъ въ Петербургъ, въ надеждѣ оттуда возвратиться на Кавказъ; но припадки вдругъ такъ усилились, что онъ вынужденъ былъ поспѣшно оставить столицу и уѣхать уже за границу. На пути, въ Вильнѣ, страданія заставили больнаго остановиться, и тутъ пришлось ему пролежать нѣсколько недѣль. Въ Вильнѣ больной, одинокій князь, само собою, жестоко скорбѣлъ о своемъ положеніи: всѣми помыслами стремился онъ къ Кавказу, къ дѣятельности, долженствовавшей увѣнчать начатое имъ дѣло покоренія всего Кавказа и совершеннаго обновленія этой окраины; а болѣзнь приковала его къ постели, къ бездѣйствію, тѣмъ болѣе тягостному, что Россія переживала тогда вообще тяжелое время. Студенческіе безпорядки, страшные пожары Симбирска и Апраксина рынка, явное усиленіе соціальныхъ, анархическихъ идей, безпорядки

въ Польшѣ, принимавшіе все болѣе и болѣе угрожающій характеръ, не могли не возбуждать серьезныхъ опасеній за будущее. Намѣстникъ въ Варшавѣ, князь Горчаковъ, выказалъ непостижимую слабость, допустивъ развитіе различныхъ демонстративныхъ выходокъ со стороны населенія до неслыханной дерзости; изъ Петербурга тоже не давалось никакихъ указаній къ болѣе энергическому, строгому образу дѣйствій противъ развившагося зла.

Здѣсь кстати привести одно обстоятельство, въ сотый разъ доказывающее, какъ иногда самый мелкій, повидимому, случай можетъ вести къ очень важнымъ послѣдствіямъ. Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, желая установить удобный способъ сообщаться съ Государемъ частнымъ образомъ, а также имѣть сильную поддержку при лицѣ Императора, писалъ къ своему родственнику канцлеру, министру иностранныхъ дѣлъ, письма о положеніи Польши. Министръ, при докладахъ своихъ по иностраннымъ дѣламъ, говорилъ Государю о получаемыхъ изъ Варшавы письмахъ и, удовлетворяя любопытству, читалъ ихъ. При возникшихъ въ царствѣ безпорядкахъ, среди которыхъ намѣстникъ князь Горчаковъ часто самъ не зналъ, чтó ему дѣлать, вліяніе канцлера на Польскія дѣла становилось все болѣе значительнымъ. А такъ какъ Государь говорилъ съ нимъ о дѣлахъ этихъ во время доклада по дѣламъ внѣшней политики, то вопросъ Польскій сталъ незамѣтно какъ бы въ связи съ внѣшними сношеніями. Особенно оказалось это при частой смѣнѣ намѣстниковъ—Горчакова Сухозанетомъ, этого Лидерсомъ, затѣмъ Ламбертомъ и т. д. Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, чтобы удержать свое значеніе по Польскимъ дѣламъ, узаконилъ этотъ неправильный порядокъ и, съ вѣдома Государя, сталъ въ депешахъ къ иностраннымъ дворамъ извѣщать о каждомъ преобразованіи, новомъ законѣ, даже о намѣреніяхъ, касающихся Царства Польскаго, и всѣ эти дѣла, вмѣсто того чтобы разрѣшаться, подобно дѣламъ всякой внутренней области Россіи, министрами, за исключеніемъ именно министра иностранныхъ дѣлъ, очутились подъ опекою послѣдняго: онъ сталъ самымъ важнымъ лицомъ для нихъ и, наконецъ, вызвалъ вмѣшательство иностранныхъ державъ въ вопросѣ, считавшемся уже

давно ими самими за неподлежащій ихъ вмѣшательству.... Намъ грозила чуть ли не новая война съ Западно-Европейскою коалиціею, и хорошо еще, что канцлеръ князь Горчаковъ, по крайней мѣрѣ, загладилъ свой промахъ блистательнымъ, полнымъ достоинства отклоненіемъ непрошеннаго вмѣшательства.... *).

Въ Европѣ у насъ, по обыкновенію, не было союзниковъ, но за то много враговъ и явныхъ и, подъ личиною дружбы, тайныхъ, всегда готовыхъ воспользоваться удобнымъ случаемъ нанести намъ вредъ, если не матеріальный, то хоть нравственный, что́ и оправдали послѣдующія событія. Симпатіи Славянскихъ народностей къ Россіи охлаждались, вслѣдствіе ея отношеній къ Польскому вопросу; а поднятый Наполеономъ принципъ національностей все болѣе и болѣе разжигалъ страсти въ разныхъ странахъ.

Такой пламенный патріотъ, какъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, могъ ли равнодушно относиться къ подобному положенію дѣлъ? Онъ, ставившій идеаломъ Русскаго государства политическое главенство надъ Славянскимъ міромъ, прочное вліяніе на Востокѣ и чрезъ это первенствующую роль въ Европѣ, не взирая на физическія страданія, приковывавшія его къ постели, обдумывалъ выходъ изъ спутывавшагося все болѣе и болѣе положенія. Результатомъ было слѣдующее письмо къ Государю отъ 21 Ноября 1862 г.

Два прошедшіе года дали много такихъ явленій на политическомъ горизонтѣ Европы и такъ много указаній въ будущемъ, хотя быть можетъ еще и отдаленномъ, къ совершенному измѣненію системъ государственнаго устройства, что я, по долгу вѣрноподданнаго и чувству преданности моей къ Вамъ, счелъ для себя обязанностію не ограничиваться однимъ только наблюденіемъ совершавшихся событій и готовящихся преобразованій, но изыскивать и привести въ систему тѣ средства, принятіе и развитіе которыхъ, по моему мнѣнію, обезпечило бы Вашу Имперію отъ наплыва анархіи съ Запада.

Посему, прибывъ къ Вамъ, Государь, въ Іюлѣ прошлаго года, я изложилъ Вашему Величеству свои предположенія о возстановленіи независимой Польши и о постановленіи Россіи во главѣ Славянскаго

---

*) Слышно, что знаменитыя депеши того времени сочинены Ѳ. И. Тютчевымъ, членомъ совѣта при министрѣ иностранныхъ дѣлъ. П. Б.

движенія. Ваше Величество, удостоивъ выслушать мой докладъ по сему предмету, повелѣли мнѣ совѣщаться объ этомъ дѣлѣ съ нѣкоторыми государственными сановниками. Мнѣ казалось, что въ этихъ совѣщаніяхъ, соглашаясь съ истиною моихъ мыслей, они затруднялись однако въ принятіи инициіативы такого знаменательнаго дѣла. Послѣ первыхъ совѣщаній, и Ваше Величество уже не возобновляли со мною разговоровъ до отъѣзда Вашего въ Крымъ и на Кавказъ; но тогда, Государь, Вы соблаговолили ясно замѣтить, что рѣшились остаться при своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ, свято ихъ сохраняя. Затѣмъ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, я счелъ долгомъ письменно заявить Вашему Величеству свои мысли по тому же предмету, и смѣлость, съ которою я рѣшился вновь безпокоить Васъ, Государь, дѣломъ, повидимому Вами уже рѣшеннымъ, была слѣдствіемъ сознанія моего болѣзненнаго состоянія, которое, быть можетъ, вскорѣ и не позволило бы мнѣ исполнить священную обязанность изложенія обстоятельствъ, могущихъ, по моему мнѣнію, имѣть роковое вліяніе на судьбы Россіи.

Годъ прошелъ съ того времени, и дѣла пошли такъ, что нельзя ручаться за дальнѣйшее продолженіе настоящаго порядка вещей. Движеніе элементовъ возстановленія національностей и измѣненія нынѣшнихъ формъ государственнаго управленія и самихъ династій охватило Италію, земли Славянскія и Грецію; паденіе Бурбоновъ въ Неаполѣ, возстаніе Черногоріи и дѣла Сербскія не могли не отразиться въ Польшѣ и нашихъ западныхъ провинціяхъ, а можетъ быть и во всей Россіи.

Въ тотъ же періодъ времени, по указаніямъ Вашего Величества, былъ предпринятъ рядъ мѣръ, клонившихся къ развитію благосостоянія Польши, и съ этою цѣлью произведены коренныя реформы во всемъ управленіи Царства, и при томъ на началахъ либеральныхъ, вполнѣ долженствовавшихъ удовлетворить требованіямъ націи; въ заключеніе же этихъ реформъ, и какъ бы въ залогъ монаршаго довѣрія къ Полякамъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ является въ Варшавѣ, какъ Намѣстникъ Вашего Императорскаго и Царскаго Величества. Но ни высокое довѣріе Ваше, ни совершившіяся преобразованія въ управленіи Царствомъ не удовлетворяютъ Поляковъ; положеніе западныхъ губерній не измѣнилось, и вопросъ возстановленія національностей до такой степени искаженъ, что автономія царства немыслима уже безъ Литвы, Волыни, безъ Кіева и чуть ли не безъ Смоленска, Малороссіи и даже Одессы.

Такимъ образомъ, пагубныя идеи начинаютъ охватывать наши предѣлы, и мѣры противу того, казавшіяся годъ назадъ достаточными и удовлетворяющими національнымъ требованіямъ Поляковъ, теперь

совершенно ничтожны; послѣдніе полтора года поставили Россію, относительно политическаго движенія Польши и западныхъ губерній, почти въ безвыходное положеніе. Такъ называетъ его общій голосъ, и такимъ оно останется до радикальнаго разрѣшенія въ ту или другую сторону.

Вы, Государь, согласитесь, что такой приговоръ общественнаго мнѣнія съ избыткомъ достаточенъ, чтобы каждый вѣрноподданный Вашего Величества обратилъ всѣ способности, всю энергію своихъ мыслей къ выходу изъ настоящаго положенія. Медлить далѣе, кажется, будетъ большой ошибкой; ибо движеніе этого вопроса, соединившагося въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ вопросомъ о династіяхъ, быстро направляется и къ намъ. Съ сознаніемъ своихъ обязанностей и преданный Вашему Императорскому Величеству и всей Августѣйшей Фамиліи Вашей, я посвятилъ пребываніе свое, по болѣзни, въ Вильнѣ размышленіямъ о всемъ вышеизложенномъ, и мысли свои по этому предмету считаю долгомъ совѣсти повергнуть на благовоззрѣніе Ваше, Государь.

Въ послѣднее время Русская литература довольно пространно обсуждала вопросъ возстановленія Царства въ извѣстныхъ границахъ и притязанія Поляковъ на включеніе въ эти границы Литвы, Подоліи, Волыни и даже Кіева. Самыя логическія разсужденія, подкрѣпленныя исторіею, ничего не могли сдѣлать: или Поляки не читаютъ ихъ, или же умы ихъ стали выше пониманія истины и только преданы восторженному созерцанію совершившихся возлѣ нихъ, на Юго-Западѣ, фактовъ, измѣняющихъ границы государствъ и политическое устройство ихъ. Нельзя не предполагать, чтобы на эти событія не возлагались всѣ надежды Поляковъ, видящихъ недавніе примѣры, что совершившійся фактъ въ измѣненіи политическаго государственнаго устройства легко признается даже первоклассными державами. Въ виду такого настроенія умовъ и совершающихся событій, безсильны всѣ попытки литературы, всѣ историческіе доводы. Движенію, родившемуся и постоянно укрѣпляющемуся на примѣрахъ совершившихся фактовъ, можно съ успѣхомъ противопоставить только равносильное.

Такимъ событіемъ, могущимъ парализовать слишкомъ широкія притязанія Поляковъ, было бы, смѣю думать, перенесеніе резиденціи Вашего Величества въ Кіевъ, сей, по справедливому выраженію Жуковскаго, пращуръ Русскихъ городовъ *). Такой фактъ не можетъ быть не признанъ послѣдовательнымъ. Онъ доказалъ бы всѣмъ на дѣлѣ, что Кіевъ столица Россіи и всѣ притязанія на него ни что иное, какъ

*) Князь Барятинскій ошибся: это стихъ Пушкина.

бредни умовъ, не знакомыхъ съ исторіею, но увлеченныхъ наитіемъ идей Запада. И эти идеи, и эти бредни, и самое движеніе Славянъ, все остановится передъ неожиданнымъ событіемъ—перенесеніемъ Вашей столицы въ Кіевъ, какъ бы въ ожиданіи великихъ указаній къ дальнѣйшему развитію, направленію и упроченію идей либерально-благодѣтельнаго государственнаго устройства и политическаго возстановленія всѣхъ Славянскихъ національностей. Такимъ образомъ придется уже не принимать на себя тяжелый толчекъ движенія сего, а, ставъ на встрѣчу, дать ему истинное направленіе. Этимъ только путемъ, полагаю, и могутъ рѣшиться въ монархическомъ смыслѣ вопросы автономіи не только различныхъ земель Славянскихъ, но и прочихъ народностей.

Рѣшимость Вашего Величества стать на сторону моего предложенія и приведеніе его въ исполненіе явятъ Вамъ, Государь, слѣдующія послѣдствія. Государь Россійскій сдѣлается опять ближайшимъ сосѣдомъ всѣхъ Славянскихъ племенъ и легко можетъ возстановить угасающую нынѣ надежду Славянъ на Россію. Отдавая Кіеву долгъ, Вы явите тѣмъ примѣръ исторической справедливости; самыя нынѣ безпокойныя партіи въ Россіи получатъ удовлетвореніе лучшихъ своихъ желаній и направятъ тогда свою дѣятельность къ развитію и осуществленію видовъ Вашего Величества; государство покроется новыми путями сообщеній, а отсюда развитіе народнаго благосостоянія и пріобрѣтеніе милліоновъ благодарныхъ сердецъ. А когда, Государь, Ваше рѣшеніе будетъ имѣть столько сторонниковъ и фактовъ за себя, то никакія усилія ума человѣческаго не докажутъ, что Литва, Волынь и Подолія не принадлежатъ Россіи; тогда и Польша возстановится, уже по волѣ Вашего Величества, въ границахъ историческихъ, и станетъ сама подъ высокій протекторатъ Вашъ.

Утвердивъ, такимъ образомъ, политическое значеніе Ваше, какъ главы царствующей въ Россіи династіи, упроченіе которой является необходимымъ слѣдствіемъ всего мною высказаннаго, Вы, Государь, свободно и спокойно предадитесь развитію, столь близкаго вашему сердцу, благоустройства Богомъ ввѣренной вамъ Монархіи.

Я постигаю вполнѣ ту смѣлость, съ которою высказалъ Вашему Величеству свое мнѣніе, быть можетъ, Вами совершенно не раздѣляемое; но моею рѣшимостью руководило одно желаніе блага моему Отечеству и величія моему Государю. Одержимый неизлѣчимою болѣзнію, а вслѣдствіе того не слишкомъ разсчитывая на будущее для болѣе тщательной обработки моихъ мыслей, я излагаю ихъ только что родившимися, безъ прикрасъ, развитія и отдѣлки въ мелочахъ. Если все, что́ я сказалъ сегодня, противно Вашимъ собственнымъ взглядамъ, то про-

стите, Государь, что считаю для себя священнымъ долгомъ всѣ мои убѣжденія откровенно повергать на воззрѣніе Ваше».

На подобный вопросъ, какъ перенесеніе столицы въ Кіевъ, могутъ быть различные взгляды. Можно сказать многое за и противъ; вопросъ долженъ быть обсужденъ не только съ политической, но и съ экономической точки зрѣнія. Во всякомъ случаѣ, самое поднятіе вопроса, въ связи съ другими, развивавшимися въ письмѣ соображеніями, хотя мы бы и не соглашались съ ихъ основаніями, доказываетъ широко объемлющій государственный умъ и замѣчательный даръ предвидѣнія князя *).

Не встрѣтивъ въ Петербургѣ сочувствія своимъ идеямъ, князь не возобновлялъ о нихъ переписки, очень быть можетъ самъ сознавъ и трудность исполненія подобнаго предпріятія, и возможность совершенно-противнаго исхода, чѣмъ ожидавшійся имъ.

*

По поводу многихъ предпріятій и расходовъ на Кавказѣ доходившихъ до Петербурга, какъ водится, въ преувеличенныхъ слухахъ и представлявшихъ князя Барятинскаго стремящимся къ блестящей обстановкѣ и чрезмѣрно щедрымъ на трату казенныхъ денегъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ послалъ ему письмо, отъ 24 Іюня 1857 года, которое уже было помѣщено у насъ выше (въ приложеніяхъ къ III-й главѣ). Князь Барятинскій отвѣчалъ Его Императорскому Высочеству слѣдующее.

31 Іюля 1857 года. Коджоры.

Письмо Вашего Высочества, о невозможности удостоить въ нынѣшнемъ году Вашимъ посѣщеніемъ ввѣренный мнѣ край, я получилъ. Оставляя ожиданія столь счастливаго для Кавказа событія до того времени, когда Ваше Высочество изволите найти возможнымъ удѣлить и для него часть благотворнаго Вашего вниманія, я долженъ сказать, что съ этими ожиданіями у меня постоянно соединялась надежда лично передать Вашему Высочеству, какъ настоящее положеніе Кавказа, такъ и тѣ начала, которыя я принялъ въ основаніе при управленіи этою

---

*) Покойный М. Н. Катковъ раздѣлялъ взглядъ князя Барятинскаго на Кіевъ, но не могъ проводить его въ печати. А. З.

страною и вообще, по выраженію Вашему, обмѣняться мыслями по тѣмъ важнымъ вопросамъ, которыхъ Вамъ угодно было коснуться.

Лишившись надежды воспользоваться въ нынѣшнемъ году утѣшительною для меня бесѣдою Вашего Высочества, я тѣмъ болѣе проникнутъ живою признательностью за эти драгоцѣнныя строки, въ которыхъ Ваше Высочество такъ милостиво изволите предлагать мнѣ случай къ письменному объясненію по многимъ важнымъ вопросамъ, меня занимающимъ. Не скрою отъ Вашего Императорскаго Высочества, что, при всей радости, которую доставило мнѣ Ваше письмо, я однакожъ глубоко огорченъ содержаніемъ его; ибо въ благосклонныхъ совѣтахъ Вашихъ ясно выражаются тяжкіе, и смѣю сказать, незаслуженные упреки. Ваше Высочество, указывая на необходимость бережливости, изволите противопоставлять ей славолюбіе, громкія экспедиціи въ горы, содержаніе многочисленной арміи, пышную жизнь и блескъ намѣстника. Но чтó же могло подать поводъ къ подобнымъ упрекамъ? Кто осмѣлился явиться предъ Ваше Высочество съ подобными клеветами? Я слишкомъ дорожу милостивымъ вниманіемъ, которымъ Ваше Высочество удостоивали меня до сихъ поръ, чтобы не скорбѣть всѣмъ сердцемъ, видя перемѣну въ мнѣніи Вашемъ обо мнѣ.

Относительно бережливости въ государственныхъ расходахъ и изысканіи новыхъ источниковъ богатства, нельзя несочувствовать вполнѣ убѣжденіямъ Вашего Высочества и не понимать всей важности этихъ началъ настоящаго государственнаго управленія. Но примѣненіе этихъ началъ можетъ быть различно. Тѣ сокращенія, которыя допускаются въ общемъ управленіи, по случаю наступленія мирнаго времени, не примѣнимы къ Кавказу—краю, состоящему постоянно на военномъ положеніи. Обезоружиться можетъ тотъ, кто не имѣетъ передъ собою вооруженнаго врага; но какъ требовать этого отъ человѣка, ежеминутно ожидающаго вражескаго удара?

Кавказъ находится въ этомъ послѣднемъ положеніи: здѣсь нельзя еще помышлять о сокращеніяхъ въ средствахъ правительственныхъ; все еще находится въ переходномъ положеніи, въ ожиданіи результатовъ полувѣковой борьбы. Усилія и пожертвованія, сдѣланныя доселѣ государствомъ для покоренія края, не привели еще дѣла къ окончанію; и по моему мнѣнію, нѣтъ возможности остановиться на полупути, особенно въ настоящій моментъ, когда все благопріятствуетъ достиженію цѣли. Уменьшить наши силы на Кавказѣ для временнаго сбереженія самой незначительной суммы *), значитъ отдалять отъ себя результаты,

---

*) Войска, которыя предполагается вывести съ Кавказа, потребовали бы въ Россіи содержанія едва ли болѣе экономическаго чѣмъ здѣсь; но тамъ они останутся празд-

разстроить всѣ начатыя предпріятія и истребить всѣ положенныя сѣмена. Напротивъ того, умиротвореніе края—цѣль нашихъ стремленій—ведетъ именно къ достиженію тѣхъ началъ, которыя столь вѣрно опредѣлены Вашимъ Высочествомъ, т. е. къ сокращенію расходовъ въ будущемъ и къ открытію новыхъ источниковъ богатства. Только съ совершеннымъ покореніемъ этой страны и подчиненіемъ ея мирному устройству, можно будетъ уменьшить всѣ тѣ усиленныя и дорого стоющія средства, которыя необходимы въ настоящее время, а вмѣстѣ съ тѣмъ осуществить многія мѣры, долженствующія утвердить столь важное для насъ преобладаніе на Востокѣ и не только возвысить собственное значеніе здѣшняго края, но и развить силы цѣлой Россіи. Выражаясь собственными словами Вашего Высочества, скажу, что нынѣ мы должны воздѣлывать, очищать и удобрять почву для нашихъ потомковъ. Мы будемъ неправы и предъ ними, и передъ нашими отцами, если, для временнаго сбереженія, уничтожимъ въ будущемъ всѣ плоды посѣянныхъ до насъ сѣмянъ.

Въ доказательство того, какъ трудно гдѣ-либо сократить войска на Кавказѣ, позвольте представить при семъ на благоусмотрѣніе Вашего Высочества отвѣтъ командующаго войсками Лѣваго крыла Кавказской линіи на сдѣланный ему вопросъ о томъ, можетъ ли онъ на будущій годъ обойтись безъ двухъ полковъ 13-й пѣхотной дивизіи, временно данныхъ ему въ распоряженіе съ осени прошлаго года. Въ этомъ отзывѣ Ваше Высочество, какъ полагаю, изволите признать не какое-либо личное желаніе удержать лишнее число войскъ, но одно глубокое сознаніе важности начатаго дѣла и опасеніе малѣйшаго ослабленія въ напряженныхъ нынѣ усиліяхъ нашихъ. Точно въ томъ же смыслѣ получаю я отзывы отъ всѣхъ главныхъ мѣстныхъ начальниковъ.

Также и въ отношеніи гражданскаго управленія въ краѣ, могу сказать, что едва гдѣ-либо административный составъ можетъ быть ограниченнѣе сравнительно съ лежащими на немъ обязанностями. При томъ переходномъ состояніи страны, о которомъ я выше говорилъ, надобно здѣсь все созидать и слѣдовательно работать въ полномъ смыслѣ слова; ибо никакая часть не можетъ почитаться окончательно устроенною и идти по установленному уже порядку.

Изъ всего сказаннаго однакоже не извольте заключать, чтобы я отвергалъ всякую возможность сбереженій въ здѣшнемъ краѣ. Напротивъ того, я надѣюсь по нѣкоторымъ отраслямъ управленія предложить

ными въ своихъ кантониръ - квартирахъ, тогда какъ здѣсь они дѣятельно работаютъ для блага края и цѣлой Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ ту боевую опытность, которая въ минувшую войну такъ рѣзко отличала у насъ войска 5-го пѣхотнаго корпуса, а во Французской арміи—Африканскія войска.

такія реформы, которыя поведутъ къ значительной экономіи. Но я стараюсь достигнуть этого не разстраивая части, не урѣзывая настоящихъ средствъ, не останавливая развитія, а напротивъ того, вводя лучшую организацію, замѣняя орудія бездѣйственныя другими болѣе выгодными. Такъ напримѣръ, я надѣюсь предложить выгодныя перемѣны въ госпитальной части, замѣнить нѣкоторыя казенныя рабочія средства вольнонаемными, и проч. Но все это не можетъ быть сдѣлано вдругъ, къ данному сроку: преобразованія требуютъ предварительныхъ изслѣдованій, сбора частныхъ мнѣній и основательнаго обсужденія ихъ. Поторопиться въ подобномъ дѣлѣ значитъ испортить его.

Въ видахъ экономіи я рѣшаюсь также представить на благоусмотрѣніе Вашего Высочества предположеніе относительно устройства морскихъ средствъ Кавказскаго корпуса на Черномъ морѣ. Содержаніе вдвойнѣ управленія и всѣхъ учрежденій, однихъ для Черноморскаго военнаго флота, другихъ для Кавказскихъ судовъ, есть безъ сомнѣнія излишняя для государства издержка; а потому я считаю въ общихъ интересахъ несравненно болѣе выгоднымъ, чтобы Кавказскія суда были включены въ составъ Черноморскаго флота и командировались временно для службы при Кавказскихъ берегахъ. Мысль эта обстоятельнѣе развита въ представленной при семъ особой запискѣ; и я смѣю надѣяться, что Ваше Высочество изволите признать мой разсчетъ основательнымъ.

Въ отношеніи же морскихъ средствъ на Каспійскомъ морѣ, я вполнѣ согласенъ, что военный флотъ здѣсь не составляетъ первой необходимости, такъ какъ на этомъ морѣ непріятеля встрѣтить пока не можемъ, и что здѣсь необходимо преимущественно развить торговый флотъ, который дастъ намъ способъ, въ случаѣ нужды, перевозить войска во всѣ пункты Каспійскаго прибрежья, гдѣ они могутъ понадобиться; но я полагаю, что первое условіе для поощренія такого развитія состоитъ въ предоставленіи судамъ безопаснаго пристанища, и что по этому оставленіе устройства Прикаспійскихъ портовъ едва ли можно, по мнѣнію моему, признать полезною и соотвѣтствующею цѣли экономіею.

Итакъ, глубоко сочувствуя мудрымъ цѣлямъ, указаннымъ Вашимъ Высочествомъ, я полагаю однакоже, что пути, которые должны вести къ нимъ, не могутъ быть вездѣ одинаковы. Именно, избраніе вѣрнаго и наиболѣе сообразнаго истиннымъ выгодамъ Отечества пути должно составлять важнѣйшую задачу каждаго начальника, преданнаго однимъ лишь государственнымъ интересамъ.

Въ этомъ убѣжденіи, я полагаю, что тѣ сокращенія, которыя теперь дѣлаются, напримѣръ, въ войскахъ внутри Россіи, не могутъ быть

распространены на Кавказскій корпусъ. Но такое мое мнѣніе, основанное на объясненныхъ соображеніяхъ, не даетъ повода предполагать, что я не понимаю необходимости въ настоящее время быть бережливымъ. Я считаю себя обязаннымъ отстаивать выгоды и безопасность края, Высочайше мнѣ довѣреннаго, и, конечно, побуждаетъ меня къ тому не тщеславное желаніе имѣть подъ своимъ начальствомъ многочисленную армію.

Если я ходатайствую иногда настоятельно о денежныхъ пособіяхъ, пенсіяхъ и т. п., то дѣлаю это не по щедрости, а по разсчету; ибо въ здѣшнемъ краѣ, гдѣ мы должны еще пріобрѣтать расположеніе къ себѣ народа, гдѣ первобытныя понятія недоступны еще общимъ идеямъ государственныхъ интересовъ, намъ служатъ только по мѣрѣ тѣхъ денегъ и тѣхъ наградъ, которыя мы раздаемъ. Здѣсь было бы въ высшей степени неполитическою мѣрою высказать наше стѣсненное финансовое положеніе или скупость.

Не знаю также, чѣмъ я заслужилъ упрекъ въ славолюбіи. Гдѣ эти громкія экспедиціи въ горы, которыми я будто бы хочу прославить себя? Только развѣ въ иностранныхъ газетахъ. Все, что̀ до сихъ поръ дѣлается на Кавказѣ со времени моего прибытія, есть ничто иное, какъ работа, разсчитанная впередъ на многіе годы и производимая по общему плану, съ цѣлью прочно утвердиться въ здѣшнемъ краѣ. Всякій, кто видитъ здѣсь на мѣстѣ ходъ дѣлъ, засвидѣтельствуетъ, что я нимало не ищу блестящихъ битвъ и побѣдъ.

До меня доходятъ слухи, что во мнѣ предполагаютъ какія-то романическія стремленія къ завоеванію Индіи. Но Вашему Высочеству извѣстно изъ личныхъ моихъ объясненій, какъ я далекъ отъ мысли о какой-либо военной экспедиціи въ Индію, въ видахъ завоеванія территоріальнаго. По мнѣнію моему, какъ вы изволите знать, мы должны стремиться къ завоеванію торговли центральной Азіи и Персіи, какъ посредствомъ развитія водянаго сообщенія по Волгѣ и Каспійскому морю, такъ и чрезъ направленіе сухопутнаго транзита по прежнему его пути чрезъ Закавказскій край. Торговые эти пути будутъ равно выгодны какъ для насъ, такъ и для Европы и могутъ быть установлены безъ опасенія совмѣстничества окольныхъ путей чрезъ Суэзскій перешеекъ, или по предполагаемой Евфратской желѣзной дорогѣ.

Настоящее время есть самое благопріятное для этихъ мирныхъ и плодотворныхъ завоеваній. Непримиримая вражда, которую Персія питаетъ противъ Англичанъ, еще болѣе усилилась постыднымъ для нея миромъ. Война Англіи съ Китаемъ и возстаніе въ Индіи развлекаютъ ея силы, лишаютъ ее возможности продолжать теперь усиленныя дѣйствія противъ насъ въ этой части свѣта, а намъ указываютъ очевидную

необходимость воспользоваться именно настоящимъ временемъ, чтобы пріобрѣсти здѣсь наибольшіе успѣхи и устранить будущія затрудненія, которыя можетъ представить намъ война на Востокѣ, война неминуемая и только по случайнымъ обстоятельствамъ отсроченная.

При столь выгодныхъ для насъ политическихъ обстоятельствахъ, возникаютъ теперь весьма важныя для здѣшняго края частныя предпріятія, обѣщающія связать, посредствомъ желѣзныхъ дорогъ и пароходства, моря Черное, Каспійское и Аральское и, соединивъ ихъ съ внутренними путями Россіи, открыть, съ одной стороны, новые и неиззсякаемые источники государственнаго и народнаго богатства, а съ другой средства для быстраго передвиженія нашихъ военныхъ силъ съ одного края царства на другой.

Таковъ мой взглядъ на истинную государственную экономію въ примѣненіи къ Кавказскому краю. Таковы цѣли, достиженіе которыхъ я ставлю себѣ въ обязанность и въ честь. Въ иномъ родѣ славолюбія упрекнуть меня не могутъ.

Что же касается до пышности и блеска, о которыхъ Вашему Высочеству угодно было упомянуть, то я долженъ полагать, что до Вашего Высочества дошли какія-нибудь преувеличенныя, или даже ложныя, извѣстія. Если дѣло идетъ объ образѣ частной моей жизни, то я долженъ конечно подчиняться нѣкоторымъ условіямъ, налагаемымъ на меня самымъ положеніемъ намѣстника царскаго въ Азіатскомъ городѣ; но я стараюсь только въ мѣрѣ крайней необходимости поддержать тотъ санъ, въ который я облеченъ, ни сколько не соревнуя блеску и великолѣпію падишаха. Всѣ мои издержки покрываются назначеннымъ мнѣ содержаніемъ и собственнымъ моимъ доходомъ, а поэтому для государственной экономіи ни малѣйшаго обремененія они причинять не могутъ.

Быть можетъ, до свѣдѣнія Вашего Высочества дошли слухи о какихъ-нибудь расходахъ, дѣлаемыхъ мною для края и предполагаемыхъ излишними. Но, сколько я ни припоминаю, не нахожу другаго расхода, который могъ бы подать поводъ къ толкамъ о прихоти или роскоши, кромѣ развѣ устройства здѣсь театра. Однакоже и въ этомъ случаѣ, смѣю увѣрить, я руководствовался не стремленіемъ къ великолѣпію или забавамъ, а соображеніями весьма достойными вниманія. На Кавказѣ нѣтъ тѣхъ разнообразныхъ развлеченій, которыхъ такъ много въ столицахъ и даже въ большой части губернскихъ городовъ, и слѣдовательно одною изъ первыхъ здѣсь общественныхъ потребностей—было бы возстановить благородный центръ, который, привлекая къ себѣ общество, устранялъ бы другія менѣе благородныя, а иногда и вредныя развлеченія. Съ этою цѣлью я вынужденъ открывать свой соб-

ственный домъ для сліянія здѣшняго разнороднаго общества: Русскаго и туземнаго; таже цѣль, весьма важная въ видахъ правительства, достигается и хорошимъ театромъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ самое благотворное вліяніе на нравственное образованіе народа, съ трудомъ скидывающаго съ себя Азіатскую кору. Однимъ словомъ, тѣ незначительныя деньги, которыя я выпросилъ еще въ Москвѣ у Государя Императора, не будутъ брошены на пустую забаву, а принесутъ существенную пользу краю.

Въ заключеніе, я считаю священнымъ долгомъ вѣрноподданнаго сказать, что, прежде примѣненія къ Закавказскому краю какихъ-либо экономическихъ мѣръ, необходимо было бы рѣшить великій государственный вопросъ о томъ: нуженъ ли Кавказъ для будущаго блага Россіи или нѣтъ? Мнѣ кажется, что значеніе этого края въ отношеніи къ торгово-политическому вліянію, которое принадлежитъ нашему Отечеству по праву на дѣлá Востока, еще не было достаточно оцѣнено. Отъ рѣшенія этого основнаго вопроса должны бы зависѣть всѣ дальнѣйшія дѣйствія наши, и тогда надобно будетъ или обратить усиленныя средства на этотъ край, или бросить его навсегда. Полумѣрами мы образуемъ только язву, истощающую лучшіе соки государства.

Я надѣюсь, что Ваше Высочество примите мое прямое и откровенное мнѣніе съ свойственною Вамъ благосклонностію, и счастливымъ себя почту, если Вы и въ будущемъ удостоите меня Вашими совѣтами, которые я всегда такъ глубоко уважаю.

(Изъ письма А. В. Головнина къ князю Александру Ивановичу, отъ 13 Августа изъ Стрѣльны, видно, что Великій Князь остался очень благодарнымъ князю за письмо, выяснившее ему многое, и собирался отвѣчать. «Однакоже, прибавилъ Головнинъ, много личностей, очень высокопоставленныхъ, не понимаютъ здѣсь, чтобы невозможно было, при плачевномъ состояніи нашихъ финансовъ, сдѣлать на Кавказѣ нѣсколько сокращеній расходовъ въ крупныхъ размѣрахъ»).

*

Быстро слѣдовавшіе одни за другими успѣхи въ военныхъ дѣйствіяхъ парализировали всѣ Петербургскіе толки и самою силою вещей вынудили не суживать средствъ на Кавказѣ; а конечный результатъ не замедлилъ выразиться не болѣе какъ чрезъ два года послѣ приведенной переписки. Да и самъ Петербургскій правительственный міръ, такъ настойчиво трактуя о необходимости экономіи въ расходахъ, въ тоже время не переставалъ заботиться и о поддержаніи нашего вліянія на Востокѣ, къ чему главнѣйшимъ образомъ и стремился князь Барятинскій.

Вообще, не могу не повторить, что невозможность опубликованія въ настоящее время большинства документовъ крайне стѣсняетъ рамку картины, могущей изобразить князя Барятинскаго въ надлежащемъ видѣ.

*

Наконецъ, отчаявшись въ скоромъ облегченіи отъ болѣзни, князь Барятинскій рѣшился просить объ увольненіи съ Кавказа. Вотъ что онъ писалъ изъ Вильны въ Декабрѣ 1862 года Государю:

Ваше Величество!

Если когда-нибудь Господь возвратитъ мнѣ здоровье, я буду благодарить Его за счастье отдать всю мою жизнь въ Ваше распоряженіе. Къ несчастью, постоянные возвраты болѣзни совершенно лишаютъ меня въ настоящее время надежды посвятить дѣлу необходимое вниманіе и усердіе, которыя были моими обычными спутниками на службѣ Вашего Величества.

Адлербергъ передастъ вамъ о томъ состояніи, въ которомъ онъ меня нашелъ. Горячо благодарю Васъ за милостивое вниманіе, которое Вы мнѣ оказали, прислявъ его ко мнѣ. Я могъ побесѣдовать съ нимъ совершенно откровенно. Позвольте мнѣ подробно отвѣчать на всѣ предложенные Вами вопросы. Во первыхъ, Вы изволите спрашивать, позволяетъ ли мнѣ состояніе здоровья возвратиться въ теченіи этой зимы на Кавказъ и въ какое время? Если я буду вынужденъ пробыть зиму за границей и выдержать еще одинъ курсъ леченія въ теченіе лѣта, то можете ли Вы разсчитывать на мое возвращеніе осенью, и можетъ ли князь Орбеліанъ продолжать замѣщать меня до тѣхъ поръ? Соображаясь съ моими силами и спросивъ мнѣнія Вальтера и одного Виленскаго доктора, я пришелъ къ печальному заключенію, что мое возвращеніе на Кавказъ въ настоящее время невозможно: доктора требуютъ абсолютнаго покоя, такъ какъ это единственная надежда, и они не могутъ точно опредѣлить продолжительность моего леченія. Во всякомъ случаѣ я не могу посовѣтывать Вамъ оставить положеніе дѣлъ такъ, какъ оно есть въ настоящее время; ибо могутъ встрѣтиться нѣсколько такихъ важныхъ вопросовъ, которые князь Орбеліанъ своею властью не будетъ въ состояніи разрѣшить. Затѣмъ, Вы изволите меня спрашивать, кого я хотѣлъ бы видѣть на своемъ мѣстѣ въ случаѣ моего окончательнаго рѣшенія не возвращаться болѣе на Кавказъ? По моему мнѣнію, назначеніе Его Высочества Великаго Князя Михаила послужитъ высшимъ доказательствомъ Вашего благоволенія къ странѣ и къ арміи,

которыя найдутъ въ этомъ новый залогъ заслуженнаго расположенія и всегда сумѣютъ его сохранить. Въ силу одного этого соображенія, необходимо отдать ему предпочтеніе предъ всѣми остальными, не говоря уже о личныхъ качествахъ, отличающихъ Великаго Князя; и въ этомъ случаѣ я буду держаться раціональнаго мнѣнія, что подобное замѣщеніе не можетъ быть временнымъ, поэтому возвращаюсь къ своему первому предложенію. Вашему Величеству угодно также знать, должны ли предложенныя мною измѣненія въ командованіяхъ быть сдѣланы сейчасъ, или же они могутъ быть сообщены замѣстившему меня, предоставивъ ему свободный образъ дѣйствій для принятія рѣшеній на мѣстѣ. Я вполнѣ понимаю разумную сущность подобной мысли и если Великій Князь удостоитъ пріѣхать дня на два въ Вильну, я сообщу ему взгляды на положеніе дѣлъ и на личный составъ Кавказа; тогда Его Высочество, разъ пріѣхавши на мѣсто, воспользуется ими, какъ найдетъ удобнѣе. Позвольте мнѣ окончить это письмо, выразивъ Вамъ, съ какимъ сердечнымъ сожалѣніемъ я покидаю постъ, довѣренный мнѣ Вашимъ Величествомъ.

Я никогда не нашелъ бы возможности утѣшиться въ потерѣ счастья продолжать мои труды, если бы не сохранялъ убѣжденія, что утратилъ въ этихъ трудахъ часть своего здоровья. Удостойте, Государь, принять еще разъ чувство моей признательности за доставленное мнѣ Адлербергомъ милостивое письмо Ваше, заключающее въ себѣ столько доброты».

При увольненіи, Государь почтилъ князя Барятинскаго слѣдующимъ рескриптомъ:

Князь Александръ Ивановичъ. Получивъ прискорбное извѣстіе, что тяжкая болѣзнь, постигшая васъ вслѣдстіе неутомимыхъ боевыхъ трудовъ, понесенныхъ вами въ особенности въ блистательную кампанію 1859 года, не дозволяетъ вамъ болѣе продолжать достохвальное служеніе ваше на Кавказѣ, я, согласно просьбѣ вашей, но съ истиннымъ сожалѣніемъ, Всемилостивѣйше увольняю васъ отъ должностей намѣстника моего на Кавказѣ и главнокомандующаго Кавказскою арміею. Возложивъ въ 1856 году на васъ эти важныя обязанности, я былъ увѣренъ, что вы, при пламенномъ усердіи къ пользамъ и славѣ отечества, коимъ постоянно отличалась служебная ваша дѣятельность, преодолѣете предстоящіе обширные труды къ исполненію моихъ предначертаній. Вы вполнѣ оправдали мое довѣріе: шестилѣтнее управленіе вами Кавказомъ было ознаменовано многими важными административными преобразованіями и значительными улучшеніями, упрочившими благоустройство края и благосостояніе жителей, а славное командованіе ваше арміею, въ отличномъ состояніи которой я лично

удостовѣрился въ 1861 году при посѣщеніи моемъ Кубанской области и западной части Закавказскаго края, увѣнчалось, послѣ ряда блестящихъ побѣдъ и подвиговъ, уничтоженіемъ власти Шамиля и покореніемъ страны, въ коей онъ столь долго непріязненно противъ насъ владычествовалъ. Подвиги храброй Кавказской арміи, подъ вашимъ личнымъ предводительствомъ и устройство Кавказскаго края, во время вашего управленія, останутся навсегда въ памяти потомства.

Отдавая полную справедливость блистательнымъ заслугамъ вашимъ, я поставляю себѣ въ особенное душевное удовольствіе выразить вамъ искреннѣйшую мою признательность и чувства сердечнаго благоволенія, въ ознаменованіе коихъ препровождаю къ вамъ алмазные знаки ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, съ мечами надъ орденомъ. Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклоннымъ, искренно любящій и благодарный Александръ».

Князь Барятинскій выразилъ Государю чувства своей признательности въ особомъ письмѣ отъ 10-го Января 1863 г.

Ваше Величество!

Пользуюсь первою минутою облегченія, чтобы, послѣ долгаго промежутка времени, взяться за перо и выразить Вамъ чувство признательности, которою наполнено мое сердце.

Милость, съ какою Вы изволили оцѣнить мои прошлыя заслуги, приславъ мнѣ рескриптъ, сопровождавшій брилліантовые знаки Андреевскаго ордена, великодушіе, съ какимъ Вы обезпечили мое существованіе и затѣмъ Ваше разрѣшеніе пользоваться безграничнымъ спокойствіемъ для возстановленія моего здоровья, все это еще болѣе усиливаетъ чувства долга и любви, и безъ того питаемыя къ Вамъ. Если когда-нибудь я буду въ состояніи съ новыми силами и новою энергіею возвратиться на стезю дѣятельной службы Вашему Величеству, то это будетъ для меня день величайшаго счастія.

Въ настоящее время постоянная неопредѣленность моего здоровья, иногда улучшающагося, но на весьма короткое время, ставитъ меня въ невозможность предвидѣть выздоровленіе. Въ Вильнѣ я испыталъ три послѣдовательные возврата болѣзни, чему по всей вѣроятности перемѣна погоды и климатъ были главною причиною; кромѣ того увеличеніе временныхъ занятій и мое плачевное нравственное состояніе, вслѣдствіе необходимости покинуть Кавказъ, много тому способствовали. Къ несчастью, я еще не знаю, гдѣ найду себѣ покой, который мнѣ такъ необходимъ. Разумѣется, я не поѣду искать его въ какой нибудь Европейской столицѣ. Италія, принимая во вниманіе ея политическое состояніе и безпорядки, для меня тѣмъ болѣе неудобна, что

изобилующіе тамъ наши дорогіе соотечественники, вмѣшиваясь въ политику, отравятъ мнѣ жизнь. Чтò касается до Германіи, то множество различныхъ дворовъ, съ неизбѣжно налагаемыми обязательными условіями этикета, не могутъ также соотвѣтствовать тому спокойствію, кòтораго я ищу. Выборъ остается за Югомъ Франціи, Швейцаріею или Англіею; но окончательное рѣшеніе зависитъ отъ массы случайныхъ обстоятельствъ.

Переписываясь съ Адлербергомъ, я буду извѣщать его обо всемъ, чтò стану предпринимать. Такимъ образомъ, онъ одинъ будетъ знать, гдѣ отыскать меня, еслибы Вашему Величеству было угодно переслать мнѣ свои приказанія. Въ этомъ случаѣ могу я надѣяться на его скромность, и при этомъ разсчитываю избѣжать множества писемъ и докучливыхъ визитовъ, которымъ я подверженъ, благодаря высокому положенію, созданному для меня Вашимъ Величествомъ.

Завтра думаю уѣхать въ Дрезденъ, глубоко сожалѣя, что не имѣю возможности засвидѣтельствовать свою преданность Его Высочеству Великому Князю Константину.

Позвольте мнѣ, Государь, просить Васъ повергнуть къ стопамъ Ея Величества Императрицы чувство моей преданности и уваженія и не отказать мнѣ въ милостивомъ дозволеніи иногда, когда буду въ состояніи, писать къ Вамъ.

По окончательномъ назначеніи Великаго Князя намѣстникомъ и главнокомандующимъ на Кавказѣ, князь Барятинскій написалъ Его Высочеству, въ Декабрѣ 1862 года изъ Вильны, слѣдующее письмо: *)

При разлукѣ со страною, которой посвятилъ я лучшіе годы моей жизни, разставаясь съ арміею, съ которою дѣлю столько хорошихъ воспоминаній, я утѣшаюсь единственно мыслью, что Кавказъ поступаетъ подъ начальство Вашего Императорскаго Высочества, и вижу въ назначеніи этомъ знакъ великой милости Государя къ краю и храбрымъ его воинамъ.

Чтобы Вашему Императорскому Высочеству скорѣе познакомиться съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, позвольте мнѣ, прежде всего, повергнуть особому вниманію Вашему отчеты мои за 1857, 1858 и 1859 годы и приказать тотчасъ же составить и представить Вамъ таковой же за три послѣдующіе года. Такимъ образомъ Вы получите точное понятіе обо всѣхъ частяхъ военнаго и гражданскаго управленій. Съ своей стороны почитаю долгомъ представить Вамъ по крайней

---

*) Печатается съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества. А. З.

мѣрѣ въ главныхъ чертахъ основныя правила, которыми я руководствовался по тому и другому управленію.

Распространено такъ много критическихъ мнѣній на способъ войны и на все вообще управленіе краемъ, что новому начальнику легко о нихъ составить ложное понятіе. По моему, главная ошибка, даже иногда и правительственныхъ лицъ, заключается въ безсознательной непріязни къ чужой народности и въ невольной наклонности къ насильственному порабощенію ея собственнымъ привычкамъ и обычаямъ. Послѣдствія такого вліянія такъ сильны, что, проникая въ низшіе слои чиновничества, нерѣдко даже отражаются на мелочахъ обыкновенныхъ сношеній, въ быту обыденной жизни, и одинаково оскорбляютъ чувства всѣхъ сословій отъ мала до велика, отъ богатаго до бѣднаго. Спрашивается, можетъ ли такой нравственный гнетъ породить привязанность и любовь народа къ правительству?

Отъ такихъ моихъ наблюденій образовались и убѣжденія, и правила, которыми я руководствовался во все время моего управленія. Они состоятъ въ томъ, чтобы какъ можно болѣе привязать край къ правительству, управляя каждой народностію съ любовію и съ полнымъ почтеніемъ къ завѣтнымъ обычаямъ и преданіямъ. Администраторъ имѣетъ право, по моему мнѣнію, только подготовить почву и указывать на путь, ведущій къ улучшеніямъ, но долженъ предоставить каждой отдѣльной народности, чтобъ она приносила общему государственному усовершенствованію свою долю участія, согласно условіямъ своей особенности. Въ этомъ отношеніи воспитаніе туземныхъ женщинъ занимаетъ, конечно, первое мѣсто; женщина, по вліянію своему на семейство, какъ на хранилище народныхъ нравовъ и обычаевъ, дѣйствуетъ одинаково на привычки дитяти, возмужалаго и старца, а потому ей одной и можно измѣнять къ лучшему домашніе обычаи, въ которыхъ заключается первое условіе усовершенствованія.

Вотъ почему въ краѣ, гдѣ чувствуется потребность перерожденія нравовъ, необходимо, прежде всего, обратить вниманіе на размноженіе женскихъ училищъ. Государь Императоръ, удостоивъ мои мысли относительно сего предмета своимъ одобреніемъ, изволилъ уже изъявить свое согласіе на то, чтобы при первой возможности были основаны новые институты на Кавказѣ и за Кавказомъ, а именно: въ Кутаисѣ и послѣдовательно во Владикавказѣ, Ставрополѣ и Баку.

Задача перорожденія нравовъ труднѣе въ мусульманскихъ народахъ, такъ какъ гражданское ихъ устройство держится на основаніяхъ Магометанства, и всѣ ихъ постановленія поэтому въ противоборствѣ гражданскимъ началамъ христіанскаго правительства.

Въ этомъ смыслѣ уничтоженіе вліянія духовныхъ лицъ должно предшествовать всякой другой мѣрѣ, наше же прямое дѣйствіе можетъ только усилить фанатизмъ народовъ. А потому и здѣсь надобно было изыскать средство, въ средѣ ихъ же образованное, которое, ослабляя постепенно значеніе муллъ, уничтожило бы со временемъ значеніе Корана.

Въ этихъ видахъ я и возстановилъ ханскую власть, какъ враждебную теократическому началу. Она, хотя и признаетъ Шаріатъ, но старается дать преобладаніе Адату, закону, основанному на обычаѣ, и слѣдовательно допускающему измѣненія. Адатъ, основанный на различіи сословныхъ правъ, чрезвычайно тягостенъ, и если народъ, съ паденіемъ Шаріата, не будетъ уже болѣе имѣть огражденія противъ насилій хановъ, то предпочтетъ, конечно, введеніе нашихъ гражданскихъ законовъ.

Затѣмъ, въ предвидѣніи паденія у мусульманъ элемента духовнаго (безъ коего, однако, нигдѣ человѣчество не можетъ обходиться) создано было въ Іюнѣ 1860 года Общество Возстановленія Христіанства на Кавказѣ. Оно должно возвысить значеніе нашего духовенства, давъ ему нравственныя и матеріальныя средства, соотвѣтственныя его великому призванію. Такимъ образомъ, въ то время какъ ханская власть и Адатъ уничтожатъ значеніе мусульманскаго духовенства— наше возвысится на желаемую степень и привлечетъ къ себѣ, примѣромъ и проповѣдью, отпадающихъ дѣтей Ислама.

Изложивъ главные и единственные пути къ нравственному преобразованію края, позволяю себѣ обратить Ваше вниманіе и на главные матеріальные способы къ тому. Размножайте въ краѣ, по возможности, пути сообщенія и рынки: край будетъ всегда въ Вашей власти, торговля процвѣтетъ и съ нею—общественное благосостояніе. Не менѣе важно — преобразовать почву въ источникъ неисчерпаемаго богатства края. Палящее, знойное солнце Кавказа тогда только принесетъ благодатное дѣйствіе, когда предположенная система орошенія окончательно осуществится: тогда цѣлыя толпы трудолюбивыхъ переселенцевъ наполнятъ рынки государства нашего и всей Европы произведеніями своего труда, между которыми будутъ и неизвѣстныя доселѣ въ производительности нашей Имперіи.

Въ заключеніе моего обзора, позвольте, для большей ясности, представить Вашему Императорскому Высочеству краткій перечень тѣмъ предметамъ, по которымъ я высказалъ свои убѣжденія и которые считаю краеугольными камнями для счастія и процвѣтанія ввѣренныхъ Вамъ народовъ.

1. Воспитаніе женщинъ.
2. Уничтоженіе Шаріата.

3. Возстановленіе Христіанства.
4. Пути сообщенія.
5. Орошеніе.
6. Колонизація.

Теперь обращаюсь къ системѣ военныхъ дѣйствій, предпринятой мною на Кавказѣ. Ваше Императорское Высочество, вѣроятно, слѣдили за прежними дѣйствіями нашихъ войскъ. Временныя эти экспедиціи не приносили особой пользы, а предпочтительно служили школою для нашихъ офицеровъ и средствомъ повышенія по службѣ; результатовъ же рѣшительныхъ къ умиротворенію края не было. Непріятель, зная на сколько времени приготовлено у насъ фуражу и провіанта, оставлялъ свои жилища на такое же время, а остальное проводилъ дóма въ хозяйственныхъ занятіяхъ. Преимущество постоянныхъ войскъ на Кавказѣ, казалось мнѣ, заключается именно въ томъ, чтобы вести войну постоянно до разрѣшенія задачи; впрочемъ умиротвореніе Восточнаго Кавказа служитъ лучшимъ подкрѣпленіемъ предпринятой мною системы и сдѣлалось именно вслѣдствіе моего рѣшенія: не оставлять поля до окончательнаго изнеможенія жизненныхъ средствъ непріятеля.

Такимъ образомъ мы покорили Шамиля, а съ нимъ и весь Восточный Кавказъ. Покореніе же Западнаго различествуетъ въ томъ, что здѣсь мы не боремся съ устроеннымъ обществомъ и административною іерархіею. Черкесскія племена не покоряются никакимъ общественнымъ законамъ; у нихъ лишь святы личная независимость, честь и храбрость; имѣть дѣло съ ними—значитъ имѣть дѣло отдѣльно съ каждымъ лицемъ. Вотъ почему отрѣзать ихъ отъ моря и вытѣснить въ нѣдра Западнаго хребта составляетъ sine qua non покоренія, а затѣмъ усиленная колонизація Закубанскихъ земель довершаетъ всю прочность его.

Нѣтъ сомнѣнія, что вытѣсняемый непріятель будетъ защищаться съ упорнымъ ожесточеніемъ; но можно, по моему мнѣнію, облегчить столь желанную развязку, если бы условиться съ Портою о водвореніи Шамиля на земляхъ Турецкихъ, съ дозволеніемъ ему колонизировать добровольныхъ Кавказскихъ выходцевъ. Этимъ способомъ мы освободимся скоро отъ недовольныхъ, отъ фанатиковъ и всей теократической партіи, одновременно успокоимъ и Европейскихъ филантроповъ, и нашу собственную совѣсть, предоставляя Черкесамъ исходъ изъ настоящаго отчаяннаго положенія. Мы избѣгнемъ кровопролитія, Турція пріобрѣтетъ превосходное населеніе, а Шамиль, вмѣстѣ съ благодарностью къ Государю Императору, получитъ удовлетвореніе завѣтнымъ своимъ желаніямъ.

И такъ соображенія для военныхъ дѣйствій въ Кубанской области заключаются:

1. Въ постоянной войнѣ.

2. Въ усиленной казачьей колонизаціи.

Вашему Императорскому Высочеству выпадаетъ славный жребій нанести конечный ударъ сопротивленію Западныхъ горцевъ. Тогда Вамъ останется осчастливить цѣлый край, оживленный новою жизнію, дарами мира и просвѣщенія.

Молю Всевышняго, чтобъ Онъ благословилъ Ваши дѣйствія и чтобъ Вашимъ высокимъ именемъ началась для Кавказа, послѣ 15-ти вѣковъ истязаній и 60-ти лѣтней трудной войны, эпоха благоденствія и гражданскаго развитія.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письма начальника главнаго штаба Кавказской арміи А. П. Карцова къ князю А. И. Барятинскому.

1.

8 Марта 1862. Тифлисъ.

Письма ваши изъ Малаги получены здѣсь 5 Марта. Время, которое еще осенью вы для своего возвращенія назначили, приближалось и, по мѣрѣ его приближенія, возрастало общее нетерпѣніе видѣть васъ. Пріѣздъ вашъ сдѣлался постояннымъ и почти единственнымъ предметомъ разговоровъ всего общества, а тѣмъ болѣе всѣхъ служащихъ. Съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ каждый изъ насъ откладывалъ въ особый портфель тѣ дѣла, на которыхъ была резолюція „доложить по возвращеніи фельдмаршала“. Мы каждый день, каждый часъ ждали окончательнаго отъ васъ увѣдомленія, чтобъ ѣхать въ Поти; князь Григорій Дмитріевичъ уже рѣшилъ отправиться туда къ 1-му числу, еслибъ даже и не было отъ васъ новыхъ приказаній. Объ этомъ именно говорилъ я съ княземъ Лев. Ив. Меликовымъ, когда принесли мнѣ отъ князя Григорія Дмитріевича ваше письмо. Оба мы вскрикнули отъ радости... Судите же, каковы были наши чувства, когда мы прочитали письмо. Я не считаю себя въ правѣ говорить вамъ о тѣхъ ощущеніяхъ, которыя произвело въ насъ совершенно неожиданное извѣстіе о возобновившихся болѣзненныхъ припадкахъ вашихъ, о страданіяхъ, которыя вы переносите... но уже одной отсрочки вашего пріѣзда было довольно, чтобы поразить насъ въ полномъ значеніи этого слова. Столько дѣлъ, столько вопросовъ откладывалось до вашего возвращенія! Казалось, что такъ легко будетъ работать, когда эти вопросы рѣшатся, когда ваше „да“ или „нѣтъ“ будетъ давать направленіе каждому дѣлу...

Тѣ дѣла, о которыхъ мнѣнія вашего сіятельства извѣстны, я старался не задерживать. Такимъ образомъ, представлены на Высочайшее утвержденіе: а) штаты Кутаисскаго конно-иррегулярнаго полка, б) штатъ училища военныхъ воспитанниковъ, в) проектъ положенія о заселеніи Западнаго Кавказа, г) положеніе и штаты народныхъ управленій Терской области, устройства въ ней охранной народной стражи и особой мѣстной полиціи въ округахъ, населенныхъ Чеченскимъ племенемъ. Главныя основанія положенія для управленія Терской областью тѣже, что̀ и въ Дагестанѣ, съ небольшими только отступленіями. Но для полицейскаго надзора предложены мѣры болѣе строгія, собственно въ округахъ Чеченскомъ, Аргунскомъ, Ичкеринскомъ и Ингушевскомъ. Тутъ предположено учредить пятисотенныхъ и сотенныхъ старшинъ, съ жалованьемъ отъ казны, и десятниковъ, чтобы постояннымъ надзоромъ самихъ жителей прекратить вкоренившееся въ этомъ племени бродяжничество и воровство. Мѣру эту князь Мирскій считаетъ временною, но тѣмъ не менѣе крайне необходимою. Издержки, которыхъ потребуетъ устройство новыхъ управленій, считая охранную стражу и мѣстную полицію, съ избыткомъ покрываются уничтоженіемъ отпуска на содержаніе временныхъ милицій и спускомъ на Донъ двухъ казачьихъ полковъ. Очень желательно, чтобы положеніе это утвердили какъ можно скорѣе, потому что Терская область все еще отчасти въ какомъ-то переходномъ состояніи, весьма вредномъ для ея спокойствія и для развитія въ ней гражданственности. Князь Мирскій уже писалъ вашему сіятельству о взятіи Уммы и Атабая; первый изъ нихъ теперь въ Смоленскѣ, а послѣдній въ Порховѣ. Взятіе ихъ стоило большихъ усилій, и нужно отдать полную справедливость князю Мирскому,— онъ выказалъ при этомъ много энергіи. Дѣятельность его въ Терской области обѣщаетъ самые благотворные результаты; дай Богъ только, чтобы онъ выдержалъ до конца такъ, какъ началъ. Въ одномъ только приходится часто противодѣйствовать ему—въ денежныхъ расходахъ, на которые онъ еще щедрѣе нежели князь Меликовъ. Помня ваши приказанія беречь деньги, я останавливаю его порывы, сколько могу; къ сожалѣнію, это не обходится безъ нѣкотораго неудовольствія.

Въ Дагестанѣ по прежнему все спокойно. Въ началѣ зимы въ Ункратлѣ появилась было снова шайка разбойниковъ, состоявшая изъ 10-ти человѣкъ; но на дняхъ всѣ они взяты Ункратльскимъ наибомъ съ помощью одной милиціи. Есть однакоже и въ этой области нѣкоторыя затрудненія, для рѣшенія которыхъ необходимо личное указаніе вашего сіятельства. Затрудненія эти возбуждены поведеніемъ хановъ Аварскаго и особенно Кюринскаго. Прошедшимъ лѣтомъ, когда Лазаревъ пошелъ въ Ункратль для усмиренія Хваршинцевъ, въ Аваріи, какъ и вездѣ, начались разные въ народѣ толки. Ибрагимъ-ханъ тогда лѣчился въ Петровскѣ, а въ Хунзахѣ оставался его помощникъ. Говоръ, бывшій въ народѣ, молва довела до свѣдѣнія хана въ видѣ заговора противъ него и его семейства. Онъ пріѣхалъ въ Хунзахъ и многихъ арестовалъ; иные успѣли скрыться

и прибѣжали въ Шуру къ Лазареву, прося его заступничества и суда. Князь Меликовъ тогда былъ въ Кубанской области. Лазаревъ съ однимъ изъ явившихся къ нему Аварцевъ послалъ къ Ибрагимъ-хану письмо, прося его пріостановиться наказаніемъ обвиняемыхъ до разбора этого дѣла слѣдствіемъ. Ханъ, вѣроятно раздраженный такою просьбою, приказалъ тотчасъ же подателя письма связать и сбросилъ его съ Хунзахской скалы. Слѣдствіе показало, что онъ казнилъ человѣка совершенно невиннаго. За это звѣрское злоупотребленіе власти объявленъ Ибрагимъ-хану Высочайшій выговоръ. Ограниченность Ибрагимъ-хана и болѣзненное раздраженіе, въ которомъ, говорятъ, онъ постоянно находится, мало подаютъ надежды на достиженіе той цѣли, которую ваше сіятельство имѣли, возводя его въ ханы Аварскіе.

Кюринскій ханъ жестокостями своими, непростительнымъ корыстолюбіемъ и разнаго рода несправедливостями довелъ народъ почти до открытаго возстанія противъ себя. Начиная съ 1860 г. поступали на него къ начальнику Южнаго Дагестана и къ самому князю Меликову безпрестанныя частныя жалобы. Наконецъ, въ прошедшую осень народъ открыто и единодушно отказался ему повиноваться: не прибѣгая еще къ оружію, Кюринцы выбрали до 200 человѣкъ повѣренныхъ и отправили ихъ въ Шуру съ жалобой, которая была выражена такими словами: „Государь такъ милостивъ, что бывшимъ врагамъ своимъ, которые служили Шамилю, далъ судъ и приставилъ начальниковъ, которые берегутъ народъ, какъ добрые пастухи стадо. За что же насъ, никогда не враждовавшихъ противъ Русскихъ, отдали вмѣсто пастуховъ злому волку, который насъ грабитъ?“ Ханъ такъ испугался народной демонстраціи, что подалъ просьбу объ увольненіи навсегда въ Мекку, съ тѣмъ только, чтобы семейству его дали обезпеченіе. Князь Меликовъ, зная виды вашего сіятельства и вполнѣ сознавая всю пользу, которую могло бы принести намъ утвердившееся на прочныхъ началахъ ханское управленіе, уговорилъ хана остаться до вашего возвращенія (т. е. до Апрѣля), а чтобы успокоить народъ, назначилъ ему сотрудника—маіора Гиренка. Озлобленіе народа противъ Юсуфъ-хана, по словамъ князя Меликова, такъ велико, что только надежда на скорый его отъѣздъ и особенно благоразумныя дѣйствія маіора Гиренка поддерживаютъ спокойствіе. По мнѣнію князя Меликова, для поддержанія здѣсь Юсуфъ-хана мало будетъ 4-хъ батальоновъ, тогда какъ по отъѣздѣ его не будетъ надобности и въ одной ротѣ. Главнымъ врагомъ ханскаго управленія въ Дагестанѣ прежде былъ мюридизмъ, а теперь—нашъ образъ управленія, народные суды и счастливый выборъ лицъ, управляющихъ сосѣдними округами. Безъ сомнѣнія Кюринцы перенесли бы и несправедливости и насиліе хана (какъ прежде переносили Казикумухцы), еслибъ возлѣ себя не видѣли управленія болѣе кроткаго и справедливаго, еслибы не видѣли, что благосостояніе въ сосѣднихъ обществахъ развивается гораздо быстрѣе, а жизнь и собственность тамъ безопаснѣе, нежели подъ управленіемъ ханскимъ. Другая причина, препятствующая упроченію хан-

ской власти—мирное положеніе края. Прекращеніе войны вездѣ и всегда наносило смертельный ударъ мусульманскимъ правительствамъ, не исключая Турецкаго султана и Персидскаго шаха, которыхъ существованіе поддерживается только искусственно. Война давала ханамъ и блескъ, и случаи къ подвигамъ, за которые народъ прощалъ имъ насилія; война сдерживала и самихъ хановъ, заставляя ихъ дорожить мнѣніемъ и любовью народною. Теперь, подъ покровительствомъ Русской власти, ни народъ не дорожитъ значеніемъ своего хана, ни ханъ не нуждается въ расположеніи народа. Всѣ эти обстоятельства, подрывающія ханскую власть, могли бы быть устранены, до нѣкоторой степени, личными доблестями хановъ. Къ сожалѣнію должно сознаться, что и съ этой стороны ханская власть не находитъ поддержки: ни одинъ изъ нынѣшнихъ хановъ не имѣетъ тѣхъ достоинствъ, какія нужны для управленія народомъ; ни одинъ изъ нихъ не понимаетъ значенія мирной дѣятельности правителя *). — Прошу извиненія вашего сіятельства за это отступленіе отъ сущности дѣла и ожидаю приказаній вашихъ: угодно ли будетъ разрѣшить увольненіе Кюринскаго хана въ Мекку, или прикажете отложить рѣшеніе этого вопроса до вашего возвращенія?

Въ Кубанской области начались военныя дѣйствія противъ Абадзеховъ, которые дерзостію своихъ нападеній напомнили прошлыя времена Кавказской войны. Они сдѣлали даже нападеніе на старую станицу Лабинской линіи и возобновляли свою атаку въ теченіе 6-ти часовъ. Теперь вся линія р. Бѣлой до Каменнаго моста уже занята, построены на Бѣлой ограды для станицъ и линія постовъ; въ началѣ Мая должно войти въ эти станицы населеніе. Необычайно-суровая зима, ежедневныя мятели и глубокіе снѣга замедлили нѣсколько дѣйствія графа Евдокимова; но тѣмъ не менѣе онъ надѣется къ Апрѣлю занять все теченіе Бѣлой и выше Каменнаго моста, который оказался вовсе не такимъ чудомъ какъ его описывали и выше котораго есть такія мѣста, гдѣ очень удобно могутъ быть поселены наши станицы. Въ нынѣшнемъ году предположено водворить за Кубанью 4000 семействъ въ 20-ти станицахъ. Переселенцы уже назначены, большею частію все охотники, которыхъ въ Черноморіи оказалось больше чѣмъ нужно. Станицами этими будетъ занятъ весь берегъ Натухайскаго округа (отъ устья Кубани до Константиновскаго укрѣпленія), Адагумская линія и все пространство между Лабой и Бѣлой. Вообще дѣла въ Кубанской области двинулись уже по указанному вашимъ сіятельствомъ направленію и если не уменьшатъ настоящихъ нашихъ средствъ, то можно надѣяться, что, чрезъ два или три года напряженныхъ усилій, Западный Кавказъ сдѣлается Русскимъ.

Гораздо больше затрудненій и запутанности представляютъ дѣла въ Кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ, и потому я позволяю себѣ изложить ихъ нѣсколько подробнѣе. Вашему сіятельству извѣстно, что владѣтель

*) Какія убѣдительныя доказательства несостоятельности системы управленія Азіятцами посредствомъ ихъ мусульманскихъ соотечественниковъ! А. З.

Абхазіи, принявъ на себя возложенное Государемъ порученіе, вслѣдъ затѣмъ просился въ отпускъ въ Константинополь. Ему посланъ былъ паспортъ; но въ половинѣ Ноября получено отъ него письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ князя Григорія Дмитріевича о смерти своей жены и о томъ, что отложилъ свою поѣздку заграницу, а потому и просилъ князя прислать инструкцію для предстоящихъ дѣйствій. Князь Григорій Дмитріевичъ отвѣчалъ ему самымъ любезнымъ письмомъ, въ которомъ (послѣ подробнаго и откровеннаго изложенія всѣхъ нашихъ предположеній и объясненія причинъ, по которымъ для насъ желательно было бы имѣть прямое сообщеніе Сухума съ Кубанской областью) было сказано слѣдующее: „Для рѣшенія вопроса какъ вести дорогу необходимы предварительныя и подробныя изслѣдованія, которыя желательно было бы произвести безъ непосредственной помощи регулярныхъ войскъ. Если ваша свѣтлость признаете возможнымъ это, то я прикажу назначить особую коммиссію изъ трехъ или четырехъ опытныхъ офицеровъ, которые должны будутъ вмѣстѣ произвести подробный осмотръ мѣстности и рѣшить вопросъ—возможна ли дорога изъ Сухума черезъ главный хребетъ и, какихъ средствъ потребуетъ ея разработка. Членамъ этой коммиссіи я полагалъ бы приказать явиться къ вамъ въ то время, какое вы сами назначите и дѣйствовать по непосредственнымъ вашимъ указаніямъ. Еслибы ваша свѣтлость сочли нужнымъ сформировать въ помощь коммиссіи отрядъ и занять имъ какой либо пунктъ, то я готовъ приказать отдать въ ваше распоряженіе всѣ силы, какія только генералъ-губернаторъ признаетъ возможнымъ отдѣлить, не обижая другихъ частей края. Мнѣ очень было бы желательно, чтобы ваша свѣтлость вошли по этому предмету въ прямыя сношенія съ генералъ-губернаторомъ“... Копія съ этого письма была отправлена г. л. Кулебякину. Тотъ, не ожидая вопросовъ владѣтеля, тотчасъ же сообщилъ ему о войскахъ, какія можетъ назначить въ его распоряженіе. Владѣтель получилъ письмо генерала Колюбакина прежде чѣмъ письмо князя Григорія Дмитріевича и, не отвѣчая Колюбакину, написалъ мнѣ слѣдующее: „Не получивъ подлиннаго письма командующаго арміей, не могу ничего рѣшить; но считаю необходимымъ выразить откровенно, что я нахожу съ своей стороны неловкимъ, хотя бы только по лѣтамъ моимъ, входить въ прямыя сношенія съ генералъ-губернаторомъ. И поэтому если невозжожно устранить эти сношенія съ генералъ-губернаторствомъ, то я предоставлю г-ну командующему арміей для исполненія возлагаемаго на меня порученія назначить кого будетъ угодно его сіятельству“... Не обращая вниманія на эту выходку владѣтеля Абхазіи и желая испробовать всѣ средства къ соглашенію съ нимъ, чтобы только исполнить волю Государя, князь Григорій Дмитріевичъ командировалъ въ Абхазію генерала Зотова для личныхъ объясненій съ княземъ Шервашидзе. Зотовъ доноситъ, что владѣтель (уже получившій письмо князя Григорія Дмитріевича) принялъ его очень любезно, выказалъ большую готовность приняться за исполненіе возлагаемаго на него порученія, но для этого требуетъ: 8 комплектныхъ

батальоновъ со стрѣлковыми ротами, роту саперъ, 1000 человѣкъ милиціи, 350 червodарскихъ лошадей и особый штабъ, независимый отъ генералъ-губернатора. Для удовлетворенія этихъ требованій пришлось бы взять у генералъ-губернатора всѣ войска и сверхъ того направить въ Абхазію часть гренадерской дивизіи, которая имѣетъ уже свое назначеніе: —работы въ Верхнемъ Дагестанѣ. Пришлось бы сдѣлать значительную сверхсмѣтную издержку; наконецъ, такимъ образомъ отнять у генералъ-губернатора всѣ военныя средства, въ которыхъ ему можетъ встрѣтиться надобность и въ Цебельдѣ, и въ другихъ пунктахъ. Ненависть владѣтеля къ генералу Колюбакину такъ велика, что онъ сказалъ Зотову: „Со всякимъ генералъ-губернаторомъ можно ладить, но съ нимъ никогда. Я почелъ бы величайшею для себя милостію, ежелибъ Кулебякину запрещено было произносить мое имя". Какая причина этой ненависти, не знаю. При такомъ положеніи дѣлъ, не обѣщающемъ никакой надежды на успѣхъ военныхъ предпріятій нашихъ въ этомъ краѣ, я взялъ на себя смѣлость испросить у князя Григорія Дмитріевича разрѣшеніе отложить дѣйствія со стороны Абхазіи въ нынѣшнемъ году, а относительно будущаго года ожидать приказаній вашего сіятельства. По моему мнѣнію, намъ нѣтъ и особенной надобности предпринимать со стороны Абхазіи что либо серьезное до тѣхъ поръ, пока на Сѣверномъ Кавказѣ графъ Евдокимовъ не сломитъ окончательно Абадзеховъ и Шапсуговъ. Мнѣніе это раздѣляетъ и графъ Евдокимовъ. Къ сожалѣнію, военный министръ, и Государь даже, считаютъ дѣйствія со стороны Абхазіи, важными и я опасаюсь, что Государь будетъ недоволенъ отмѣною предположенной экспедиціи; но считаю, что трата людей и денегъ, безъ надежды на успѣхъ, будетъ еще непріятнѣе Государю. Изъ прилагаемой печатной записки Н. П. Колюбакина, которую по просьбѣ его имѣю честь препроводить къ вашему сіятельству, вы изволите усмотрѣть затрудненія, съ которыми можетъ быть сопряжено устройство дороги. Хотя въ запискѣ этой многое преувеличено, но есть много правды. Не видавъ прежде Сухума и судя по картѣ, я тоже считалъ этотъ пунктъ очень важнымъ; но съ перваго же взгляда на него я убѣдился, что военнымъ пунктомъ его считать невозможно. Двѣ канонерскія лодки могутъ безнаказанно сжечь и срыть его до основанія. Если Богъ поможетъ намъ занять береговую линію поселеніями, то Сухумъ долженъ быть обращенъ въ гражданскій городъ; а слѣдовательно нѣтъ надобности строить дорогу, которая поспѣетъ только тогда, когда въ ней не будетъ нужды. Дорога черезъ главный хребетъ гораздо удобнѣе можетъ быть проведена съ сѣверной стороны, гдѣ уже нѣтъ непріязненнаго населенія; выдетъ ли она въ Сухумъ или въ другой пунктъ, мнѣ кажется все равно. Не знаю, одобрите ли ваше сіятельство это мнѣніе, и не смѣю писать доводовъ въ подкрѣпленіе его, опасаясь утомить васъ письмомъ и безъ того уже слишкомъ длиннымъ.

Дѣйствія наши въ Кубанской области приняли такое напряженное положеніе, что требуютъ всего вниманія и всѣхъ средствъ, какими только

мы можемъ располагать. Между тѣмъ предположено осенью взять отъ насъ резервную дивизію. Князь Григорій Дмитріевичъ полагаетъ сдѣлать представленіе, чтобы ее оставили еще на годъ. Нѣсколько словъ вашего сіятельства къ военному министру конечно будутъ самымъ вѣрнымъ средствомъ къ тому, чтобы ходатайство это было уважено. Если резервная дивизія будетъ оставлена, то осенью можно будетъ всѣ батальоны ея собрать въ Кубанской области и тѣмъ ускорить гигантскія работы тамъ предстоящія. Положеніе Терской области дозволяетъ это и теперь сдѣлать; но, имѣя въ виду обѣщаніе Государя посѣтить осенью снова здѣшній край, князь Григорій Дмитріевичъ разрѣшилъ 4 батальона назначить на перевалъ Военно-грузинской дороги, чтобы кончить шоссе отъ Креста до Коби. Причиною, по которой военный министръ полагаетъ нужнымъ отозвать резервную дивизію, служитъ желаніе сократить расходы. Чтобы удовлетворить этому требованію, я полагалъ бы возможнымъ теперь же 4-й и 5-й батальоны гренадерской и 21-й дивизій привести въ кадровый составъ, продавъ и подъемныхъ лошадей имъ принадлежащихъ. Это составитъ весьма значительное сбереженіе и дастъ возможность имѣть по 3 батальона въ каждомъ полку комплектныхъ, готовыхъ во всякую минуту двинуться, куда надобность укажетъ. Въ случаѣ же войны укомплектованіе кадровъ 4-хъ и 5-хъ батальоновъ не представитъ никакихъ затрудненій.

Если ваше сіятельство изволите одобрить это предположеніе, вызываемое настоятельными требованіями о сокращеніи смѣтъ (не смотря на то, что смѣта на 1862 г. сокращена уже на 2.000.000 рубл.), то не изволите ли разрѣшить представить объ этомъ въ подкрѣпленіе просьбы объ оставленіи на Кавказѣ резервной дивизіи?

Много еще остается такихъ вопросовъ и дѣлъ, о которыхъ необходимо знать мнѣніе вашего сіятельства; но я не смѣю и касаться ихъ въ этомъ письмѣ, чтобы не утомить васъ. Нѣсколько часовъ личнаго доклада и нѣсколько словъ вашихъ распутали бы всѣ узлы; но объ этомъ пока остается только мечтать.

2.

8 Мая 1862 года.

Приказаніе, совершенно неожиданно полученное Кузнецовымъ о высылкѣ къ вамъ въ Петербургъ мундира, даетъ право надѣяться на скорое ваше прибытіе туда и побуждаетъ меня вторично безпокоить васъ различными вопросами, которые могутъ быть рѣшены не иначе, какъ по указаніямъ вашимъ.

24 Апрѣля князь Григорій Дмитріевичъ получилъ отъ военнаго министра Высочайшее повелѣніе произвести сокращенія въ составѣ арміи и во всѣхъ расходахъ по ея управленію, съ тѣмъ, чтобы соображенія объ этомъ были представлены въ Петербургъ къ 1 Мая. Требованія, предложенныя военнымъ министромъ, вѣроятно вашему сіятельству извѣстны.

Удовлетвореніе этихъ требованій въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они предложены, рѣшительно невозможно, а потому князь Григорій Дмитріевичъ имѣетъ въ виду ходатайствовать объ ограниченіи сокращеній слѣдующими размѣрами:

а) Въ пѣхотѣ. Расформировать 5-ые баталіоны въ полкахъ гренадерской 20-й и 21-й дивизій, а 4-ые баталіоны этихъ полковъ привести въ кадровый составъ (496 рядовыхъ). Въ Кубанской же области, гдѣ война приняла уже ожесточенный характеръ, никакое уменьшеніе пѣхоты рѣшительно невозможно; иначе пришлось бы снять всѣ станицы, только что водворенныя на р. Бѣлой и въ Пшехайскомъ округѣ. Крайне было бы невыгодно расформировать теперь вдругъ по два баталіона и въ полкахъ 20-й и 21-й и гренадерской дивизій. Такая крутая мѣра, кромѣ уменьшенія матеріальныхъ средствъ арміи, имѣла бы весьма опасное нравственное вліяніе и на армію, и на весь край. Даже расформированіе однихъ пятыхъ батальоновъ въ трехъ дивизіяхъ лишаетъ мѣстъ 24-хъ штабъ-офицеровъ и до 250 оберъ-офицеровъ. Съ расформированіемъ четвертыхъ батальоновъ число это удвоилось бы. Каждый изъ этихъ людей конечно будетъ недовольнымъ, каждый изъ нихъ имѣетъ здѣсь своихъ родственниковъ и друзей, которые не могутъ ему не сочувствовать. Внутри Россіи, гдѣ армія раскинута на огромномъ пространствѣ, гдѣ народъ имѣетъ много другихъ интересовъ, такая мѣра не опасна. Здѣсь армія собрана на пространствѣ болѣе тѣсномъ, и все населеніе привыкло смотрѣть на нее, какъ на представительницу и могущества, и цивилизаціи Россіи; а потому необходимо обращаться съ нею гораздо осторожнѣе.

б) Въ кавалеріи. Драгунскіе полки привести въ составъ четырехъ дѣйствующихъ и одного резервнаго эскадрона каждый полкъ, Донскіе полки съ Сѣвернаго Кавказа спустить, а въ Закавказскомъ краѣ оставить только 6 полковъ. Въ Терскомъ казачьемъ войскѣ спустить на льготу по двѣ сотни съ каждаго полка.

в) Въ артиллеріи. Упразднить крѣпостныя роты: Эриванскую, Дербентскую, Закатальскую и Хасавъ-Юртовскую. Батареи гренадерской 20-й и 21-й бригады привести по числу лошадей въ такое положеніе, чтобы онѣ имѣли по четыре запряженныя орудія съ полнымъ числомъ зарядныхъ ящиковъ, а казачьи батареи привести всѣ въ 4-хъ-орудійный составъ. 19-ю артилерійскую бригаду привести въ тотъ составъ, который былъ утвержденъ для прочихъ батарей Кавказской арміи въ 1860 году.

г) По инженерному вѣдомству. Упразднить $2^1/_2$ военно-рабочія роты и отложить всѣ тѣ постройки, въ которыхъ не предстоитъ крайней необходимости.

Такимъ образомъ командующій арміей соглашается на уменьшеніе пѣхоты 18.000, кавалеріи 8 эскадроновъ и 50 сотенъ, артиллеріи на 48 пѣшихъ и 28 конныхъ орудій. Эти сокращенія должны уменьшить смѣту свыше нежели на полтора милліона рублей, и болѣе этой жертвы едва ли можно требовать.

Требованіе остановить заселеніе Закубанскаго края рѣшительно невозможно. На это можно было согласиться въ прошедшемъ году, пока Абадзехи еще не начали войны; теперь же всякая остановка нашихъ дѣйствій и переселеніе будутъ приняты горцами за признакъ нашего безсилія продолжать борьбу. Въ Натухайскомъ же округѣ станицы наши въ такомъ положеніи, что если не приселить къ нимъ еще двухъ или трехъ тысячъ семействъ, то при первомъ выстрѣлѣ на Черномъ морѣ придется ихъ опять снимать, какъ было въ минувшую войну.

Представленіе подробныхъ соображеній по предмету требуемыхъ сокращеній теперь приготовляется и дня черезъ три или четыре будетъ отправлено въ Петербургъ. Князь Григорій Дмитріевичъ приказалъ мнѣ просить военнаго министра всѣ его предположенія представить предварительно вашему сіятельству, и только на силу личнаго вашего ходатайства мы надѣемся. Покореніе всего Кавказа такъ близко, такъ вѣрно; неужели у Россіи не стало силы продлить настойчивыя дѣйствія еще три, много четыре года? И неужели война эта должна снова затянуться на десятки лѣтъ?

Въ представляемыхъ при этомъ письмѣ докладныхъ запискахъ я, съ разрѣшенія князя Григорія Дмитріевича, испрашиваю приказаній и ходатайства вашего по нѣкоторытъ частнымъ вопросамъ. Изъ вопросовъ этихъ наибольшую важность представляетъ въ настоящее время утвержденіе штатовъ народныхъ управленій Терской области. Князь Мирскій положительно говоритъ, что если новое управленіе не будетъ введено въ теченіе Іюня и Іюля мѣсяцевъ, то онъ не ручается за спокойствіе края. До сихъ поръ въ Терской области все спокойно и, согласно приказанію вашего сіятельства, приступлено къ размежеванію земель въ Чечнѣ и въ Кабардѣ. Въ Дагестанѣ также спокойно. Объ увольненіи хана Кюринскаго въ Мекку, по возобновленному ходатайству князя Меликова, князь Григорій Дмитріевичъ приказалъ сдѣлать представленіе военному министру. Владѣтель Абхазіи тоже уѣзжаетъ за границу на 4 мѣсяца.

Дѣла съ Новосельскимъ по Кубанскому пароходству приняли крайне запутанное положеніе. Темрюкъ по всѣмъ изслѣдованіямъ оказался невозможнымъ для устройства порта, а работы по соединенію Кубани съ Ахтанизовскимъ лиманомъ требуютъ тоже огромныхъ издержекъ. Все что́ дѣлалось тамъ при генералѣ Филипсонѣ исчезло безъ слѣда. Теперь отправлена новая коммисія на Кубань для подробнаго составленія всѣхъ смѣтъ по разчисткѣ рѣки. Самъ Новосельскій ничего не знаетъ, что́ здѣсь дѣлается, а его агенты не внушаютъ большаго довѣрія.

Послѣ завтра въ Кутаисѣ открывается желѣзный мостъ и шоссе до Квирильской станціи.

Телеграфъ до Владикавказа будетъ открытъ лѣтомъ, а къ зимѣ вѣроятно откроется вся линія до Ставрополя. Ремонтъ его отдать строителямъ было убыточно, а потому онъ остается на иждивеніи казеннаго управленія.

На Военно-Грузинской дорогѣ между Папанауромъ и Владикавказомъ работаютъ пять батальоновъ, и можно надѣяться, что осенью шоссе черезъ перевалъ до Коби будетъ готово.

Неужели ваше сіятельство и въ нынѣшнемъ году не взглянете на труды вашихъ подчиненныхъ? Вѣрныхъ и подробныхъ свѣдѣній о здоровьи вашемъ мы не имѣемъ, а слухи и письма Петербургскія то представляютъ васъ совершенно здоровымъ и обѣщаютъ намъ очень скорый пріѣздъ вашъ, то снова пугаютъ, что Вальтеръ будто бы настаиваетъ на продолженіи вашего лѣченія еще зиму.

Такимъ образомъ всѣ мы живемъ между страхомъ и надеждою. Это тяжелое чувство невольно отзывается и на всей дѣятельности нашей, не смотря на всѣ усилія побороть его.

3.

22 Іюля 1862 года.

Изъ письма вашего къ военному минвстру, копію котораго вамъ угодно было прислать мнѣ, князь Григорій Дмитріевичъ съ огорченіемъ увидѣлъ, что размѣръ представленнаго имъ проекта сокращеній въ войскахъ Кавказской арміи превышаетъ предположеніе вашего сіятельства. Хотя князь и просилъ военнаго министра не приводить въ исполненіе его предположеній до одобренія ихъ вашимъ сіятельствомъ и въ приказѣ по арміи объявилъ только о приведеніи въ кадровый составъ четвертыхъ и пятыхъ батальоновъ, но на прошлой недѣли получено новое Высочайшее повелѣніе расформировать пятые батальоны всѣхъ полковъ, исключая 19-й пѣхотной дивизіи.

Первоначально представленное предположеніе князя Григорія Дмитріевича вызвано было необходимостью. Требованія военнаго министра выражены были отъ Высочайшаго имени такъ настоятельно и такъ убѣдительны были въ частныхъ письмахъ Дмитрія Алексѣевича, что не исполнить ихъ или даже отложить ихъ исполненіе до полученія указаній вашего сіятельства не представлялось никакой возможности. Впрочемъ, считаю долгомъ довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что положеніе Дагестанской и Терской областей не возбуждаетъ теперь никакихъ опасеній и что всѣ сокращенія въ войскахъ Терской области сдѣланы по соглашенію съ княземъ Мирскимъ.

Князь Мирскій пишетъ, что отсутствіе происшествій въ Терской области не должно приписывать случайности, и что это есть слѣдствіе кореннаго поворота въ образѣ мыслей туземцевъ. Чеченцы теперь заняты размежеваніемъ, которое у нихъ производится, и новой азбукой составленной для нихъ. Для составленія этой азбуки были вытребованы въ Тифлисъ два ученыхъ Чеченца, которые подъ руководствомъ Услара, составляя азбуку и граматику, въ тоже время и сами выучились писать. Одинъ изъ нихъ, мулла, пришелъ въ такой восторгъ отъ возможности писать на

своемъ родномъ языкѣ, что сочинилъ и написалъ Чеченскіе стихи въ честь новаго изобрѣтенія и передъ отъѣздомъ просилъ меня выписать ему литографическій станокъ. Возвратившись въ Грозную, онъ тотчасъ же собралъ тридцать учениковъ, большею частію взрослыхъ и уже учившихся у него передъ тѣмъ Арабскому языку, и началъ ихъ учить писать по-чеченски. Такимъ образомъ опасеніе, что духовенство мусульманское будетъ противиться введенію письменности на мѣстныхъ языкахъ въ Чечнѣ не оправдалось, и есть надежда, что Русскій алфавитъ скоро заставитъ забыть Арабскія буквы. Теперь Усларъ занимается составленіемъ азбуки и граматики Кабардинскаго языка.

Въ Кубанской области съ прошлой весны по Май нынѣшняго года поселено 35 новыхъ станицъ, которыми занято съ одной стороны все пространство отъ Лабы до Бѣлой, а съ другой морской берегъ отъ устья Кубани до Константиновскаго укрѣпленія и Адагумская линія. Дѣла тамъ, можетъ быть, шли бы еще успѣшнѣе, еслибы графъ Евдокимовъ былъ здоровъ. Къ сожалѣнію, онъ пролежалъ всю зиму, въ началѣ Марта выѣхалъ на недѣлю въ отрядъ и снова слегъ, въ Апрѣлѣ опять попробовалъ съѣздить въ верховье р. Бѣлой и снова заболѣлъ. Теперь онъ лѣчится въ Есентукахъ и надѣется въ первыхъ числахъ Августа выѣхать оттуда уже здоровымъ. Медики утверждаютъ, что у него подагра; самъ онъ считаетъ свою болѣзнь ревматизмомъ и очень опасается, что не будетъ въ состояніи довести до конца возложенное на него дѣло. Причиною болѣзни его я считаю простуду и нравственныя потрясенія, которыя онъ перенесъ въ прошедшую войну во время волненій, обнаружившихся между казаками. Теперь его, кажется, тревожитъ и обнаружившаяся къ нему ненависть горцевъ, и неожиданное имъ упорство военныхъ дѣйствій. Горцы считаютъ его главнымъ виновникомъ тому, что Государь не принялъ ихъ покорности и поклялись убить его. Война на Бѣлой приняла характеръ самый ожесточенный. Горцы восточнаго прибрежья перешли на сѣверный склонъ хребта и огромными партіями нападаютъ на наши новыя станицы. Ожесточеніе горцевъ, предчувствующихъ свою послѣднюю минуту, дошло до такой степени, что они даже на открытыхъ мѣстахъ атакуютъ наши колонны и густыми массами бросаются на картечь нашихъ батарей. Въ теченіе Іюня мѣсяца они два раза штурмовали укрѣпленіе Хамкеты и нападали на укрѣпленіе Григорьевское среди дня. Всѣ эти нападенія были для нихъ неудачны и стоили имъ потерь огромныхъ. Къ сожалѣнію и на нашу долю выпала одна неудача. 26 Іюня партія въ 4 тыс., пробравшись горами, сдѣлала неожиданное нападеніе на поселенную въ прошедшемъ году станицу Псеменскую. Станица эта находится на Большой Лабѣ, у самыхъ горъ, удалена почти на 50 верстъ отъ театра дѣйствій и была занята только одною сотнею. Горцы ворвались въ нее, зажгли дома и хотя были выбиты оправившимся гарнизономъ и жителями, но успѣли захватить до 40 человѣкъ въ плѣнъ. 8 Іюля они повторили нападеніе на туже станицу, но были отбиты съ огромною потерею. По первому извѣстію о

постигшемъ Псеменскую станицу несчастіи, графъ Евдокимовъ очень встревожился и просилъ подкрѣпленія его казаками Терскаго войска и прислать къ нему остающіеся въ Терской области 7 резервныхъ батальоновъ. Князь Григорій Дмитріевичъ, имѣя въ виду, что въ Кубанской области теперь 61 батальонъ, 24 эскадрона драгунъ и 153 сотни казаковъ, что для удовлетворенія желанія графа Евдокимова пришлось бы пріостановить многія весьма важныя работы, отложилъ до осени исполненіе требованія графа Николая Ивановича, и послѣдній теперь самъ убѣдился, что ему нужнѣе былъ распорядитель нежели войска. Онъ послалъ на мѣсто дѣйствій генерала Забудскаго и пишетъ теперь, что послѣдній привелъ дѣла въ порядокъ. Осенью, по окончаніи работъ въ Терской области, 7 резервныхъ батальоновъ тамъ находящихся приказано направить на Бѣлую, и кромѣ того весною будущаго года князь Мирскій находитъ возможнымъ командировать туда 6 сотенъ Терскихъ казаковъ. Бо́льшаго числа войскъ направить туда невозможно, потому что и теперь для продовольствія войскъ и новыхъ переселенцевъ мы должны заготовить въ магазинахъ Кубанской области 440 тыс. четвертей хлѣба. Болѣе этого количества нѣтъ возможности подвезти въ магазины ни за какую цѣну, потому что перевозочныя средства края будутъ недостаточны.

Чтобы облегчить дѣйствія графа Евдокимова, отвлечь отъ него прибрежныхъ Шапсуговъ и Убыховъ и ускорить завоеваніе западной части горъ, я, съ разрѣшенія князя Григорія Дмитріевича, предложилъ ему сформировать десантный отрядъ, занять имъ устье Джубы или Туапсе и начать разработку дороги черезъ хребетъ: въ первомъ случаѣ на укрѣпленіе Григорьевское, а во второмъ—въ верховье Пшиша, на встрѣчу войскамъ наступающимъ со стороны р. Бѣлой. Графъ Николай Ивановичъ очень обрадованъ этимъ предложеніемъ и пишетъ мнѣ слѣдующее: „Отрядъ въ 5 или 6 батальоновъ лучше всего высадить на Джубу и начать работу дороги въ верховьѣ Шебши. Осенью я ушлю войска со стороны Григорьевскаго и направлю ихъ туда же. Бабичъ будетъ громить аулы, отрѣзываемые этою линіей и приготовлять станицы, а войска со стороны Джубы устроятъ линію на встрѣчу наступающимъ отъ Григорьевскаго. Эта задача можетъ исполниться къ половинѣ или къ концу будущаго Іюня. Тогда отрядъ съ Джубы перевести на Туапсе, ибо къ тому времени войска со стороны Бѣлой будутъ устремлены на перевалъ къ верховью Пшиша и въ долину Туапсе. Если возможно, надо поспѣшить этимъ предпріятіемъ, какъ ускоряющимъ рѣшеніе судьбы всего Западнаго Кавказа“. Позволяю себѣ прибавить, судя по настоящему положенію дѣлъ, что если предположеніе это будетъ исполнено, то въ будущую осень покореніе Западнаго Кавказа, исключая земли Убыховъ, будетъ окончено. Князь Григорій Дмитріевичъ, раздѣляя предположеніе графа Евдокимова, приказалъ мнѣ предварительно испросивъ на это утвержденіе или, по крайней мѣрѣ, разрѣшеніе вашего сіятельства, приступить теперь же къ приготовленію экспедиціи съ тѣмъ, чтобы отправить ее уже по возвращеніи вашемъ въ край. Отрядъ этотъ можно всего удобнѣе сформировать изъ 4-хъ батальоновъ гренадер-

ской дивизіи (по одному отъ каждаго полка) и одного изъ сводныхъ стрѣлковыхъ батальоновъ, находящихся въ Кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ. Сѣвъ на суда въ Поти, онъ можетъ быть во второй половинѣ Сентября въ устьи Джубы и до наступленія зимы успѣетъ разработать дорогу до перевала. Если ваше сіятельство одобрите это предположеніе, то не изволите ли признать возможнымъ извѣстить князя Григорія Дмитріевича о вашемъ согласіи по телеграфу, чрезъ Новочеркаскъ, дабы къ Сентябрю мѣсяцу мы могли успѣть сдѣлать всѣ приготовительныя распоряженія къ снаряженію экспедиціи.

Князь Григорій Дмитріевичъ, поручая мнѣ писать объ этомъ вашему сіятельству, проситъ извиненія вашего, что не пишетъ объ этомъ самъ. У него теперь семейное горе. У двоюроднаго брата его князя Каплана Орбельяна умеръ единственный сынъ, 17-ти лѣтній юноша, котораго князь Григорій Дмитріевичъ очень любилъ; теперь его собираются хоронить, и все семейство въ большомъ горѣ.

Въ Дагестанѣ попрежнему все спокойно. Только Аварскій ханъ приводитъ въ отчаяніе князя Меликова своимъ поведеніемъ, и теперь уже вынуждены были отозвать его въ Шуру до пріѣзда въ край вашего сіятельства. О причинахъ, побудившихъ къ такой мѣрѣ, ваше сіятельство изволите усмотрѣть изъ подлиннаго увѣдомленія князя Меликова, которое при семъ, по приказанію князя Григорія Дмитріевича, имѣю честь представить.

Принимаю смѣлость представить вашему сіятельству полученное мною письмо отъ полковника Ѳадѣева; взглядъ его на положеніе дѣлъ въ Кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ я считаю столь же справедливымъ какъ было справедливо то, чтò онъ писалъ вашему сіятельству о Терской области весной 1861 года. Въ безполезности дороги изъ Сухума черезъ главный хребетъ я убѣдился также, какъ только побывалъ первый разъ въ Сухумѣ; но рекогносцировку теперь предпринятую нужно было разрѣшить, чтобы этимъ удовлетворить владѣтеля Абхазіи. Подробнымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла теперь не смѣю утруждать ваше сіятельство.

Положеніе объ управленіи Терскою областью утверждено; но при исполненіи его князь Мирскій встрѣчаетъ затрудненія въ выборѣ начальствующихъ лицъ, а потому окончательное рѣшеніе этого дѣла отложено до возвращенія вашего сіятельства, какъ и множество другихъ вопросовъ Князь Мирскій проситъ между прочимъ и новаго начальника штаба: Радецкій проситъ дать ему боевое назначеніе.

Чѣмъ ближе подходитъ время возвращенія вашего сіятельства, тѣмъ съ бóльшимъ нетерпѣніемъ всѣ мы ожидаемъ васъ. Если надежды наши наконецъ сбудутся, если въ началѣ Сентября вы прибудете въ Петровскъ, а оттуда пожелаете пріѣхать въ Тифлисъ по Военно-грузинской дорогѣ, то я надѣюсь, что все шоссе отъ Коби черезъ перевалъ до Квишета будетъ уже готово и что мы будемъ имѣть возможность соединить торжественное его открытіе съ празднествомъ вашего возвращенія.

РАЗГОВОРЪ СЪ МИТРОПОЛИТОМЪ ФИЛАРЕТОМЪ.

Перваго Ноября 1864-го года Московская Духовная Семинарія праздновала пятидесятилѣтній юбилей со дня своего открытія (въ 1814 году, въ стѣнахъ Николоперервинскаго монастыря). По поводу этого торжества покойнымъ профессоромъ Семинаріи Ильею Васильевичемъ Бѣляевымъ (первымъ секретаремъ Московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія) была составлена историческая записка о Московской Семинаріи. Записка эта была просмотрѣна митрополитомъ Филаретомъ и исправлена по его указаніямъ, а затѣмъ, спустя ровно десять лѣтъ послѣ этого торжества, отпечатана нынѣшнимъ о. ректоромъ Московской Семинаріи протоіереемъ Н. В. Благоразумовымъ въ журналѣ „Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія".

Просматривая черновыя наброски этой исторической записки покойнаго профессора, мы нашли въ нихъ записанный И. В. Бѣляевымъ разговоръ его съ митрополитомъ Филаретомъ.

Говоря объ учрежденіи императоромъ Александромъ Благословеннымъ особаго „Комитета для преобразованія духовно-учебныхъ заведеній", авторъ записки о Московской Семинаріи допустилъ между прочимъ такое выраженіе: „Душею Комитета былъ Сперанскій".—„Вамъ вѣроятно неизвѣстно, какъ было дѣло", замѣтилъ по поводу этого выраженія м. Филаретъ. „Это было вотъ какъ. Императоръ Александръ, учредивши министерства, учредилъ тогда и Министерство Народнаго Просвѣщенія. Министромъ его былъ Завадовскій. Желая забрать въ свои руки образованіе духовенства, онъ сталъ домагаться званія почетнаго члена Кіевской Духовной Академіи чрезъ посредство Кіевскаго митроп. Самуила, чтобы потомъ предъ Императоромъ имѣть авторитетъ, признанный нашимъ духовнымъ начальствомъ. Вотъ тогда наши и рѣшили, что лучше же, чѣмъ дожидаться пока наши школы очутятся въ чужихъ рукахъ, самимъ приняться за преобразованіе имъ. Митрополита Амвросія партія Завадовскаго не любила и всячески старалась унижать въ глазахъ правительства".

По поводу словъ Сперанскаго, въ докладѣ новоучрежденнаго Коммиссіи „цѣль преобразованія духовно-учебныхъ заведеній не въ томъ состоитъ, чтобы продолжать мрачную систему матеріализма", митрополитъ замѣтилъ. „Тутъ виновата одна Петербургская Семинарія, а тѣнь положена на всѣ духовныя училища". „Вотъ Сперанскій, продолжалъ Филаретъ, былъ человѣкъ, котораго понять было трудно. Много знался онъ напр. съ Фесслеромъ. Фесслеръ былъ человѣкъ весьма сомнительный. Это былъ

Латинскій попъ, окончившій тѣмъ, что перешелъ въ лютеранство. Извѣстно, что Сперанскій переводилъ съ Латинскаго книгу Ѳомы Кемпійскаго о подражаніи Христу. Послѣ, когда опечатывали бумаги Сперанскаго, нашли въ нихъ Латинскую тетрадку. Думали, что это что-нибудь относящееся къ этому его занятію; оказалось, что это былъ планъ Фесслера „de accessu orientalismi in occidentalismum (буквально я не запомнилъ заглавіе плана—замѣтилъ Филаретъ), т. е. о переходѣ Востока въ Западъ. Согласить занятіе такими вопросами съ занятіями книгою Ѳомы Кемпійскаго очень трудно“.

На слова записки Бѣляева „Сперанскій при личныхъ свиданіяхъ съ Императоромъ указывалъ, что́ было прочнаго въ духовномъ образованіи“ митрополитъ замѣтилъ: „Это не вѣрно. Сперанскій въ своихъ бесѣдахъ съ Императоромъ, напротивъ, былъ всегда очень остороженъ и скрытенъ“.

По поводу ссылокъ моихъ, замѣчаетъ Бѣляевъ, на книгу Корфа, митрополитъ замѣтилъ: „Баронъ Корфъ самъ многаго не знаетъ“. Въ другой разъ: „Баронъ Корфъ не такой же непогрѣшимый авторитетъ, какъ какой нибудь мужъ апостольскій“. Относительно Виѳанской Семинаріи, пишетъ Бѣляевъ, митрополитъ спросилъ меня: „Вы какъ думаете, по какому случаю устроена Виѳанская Семинарія?“ Я представлялъ себѣ, что она устроена вслѣдствіе желанія митрополита Платона имѣть при себѣ часть воспитанниковъ въ любимомъ своемъ мѣстопребываніи, въ Виѳаніи. Послѣдовало такое замѣчаніе Филарета: „Вотъ и видно, что вы не знаете; какъ же писать о томъ, чего не знаете? (Нужно замѣтить, добавляетъ Бѣляевъ, что этого не знаетъ и Снегиревъ, авторъ жизни митрополита Платона, у котораго послѣ разсказа о построеніи кладбища съ церковію въ Виѳаніи прибавлено: „присоединеніемъ Семинаріи и богадѣльни къ обители благочестія Платонъ выразилъ свою любовь къ просвѣщенію и истинному благотворенію“ ч. I, стр. 81). Тутъ было только Лаврское кладбище съ церковію и былъ домикъ митропол. Платона, тогда очень небольшой, впослѣдствіи увеличенный пристройкою. Желавшіе поссорить митрополита Платона съ императоромъ Павломъ донесли послѣднему, будто Платонъ *оклеиваетъ стѣны* его письмами. Вотъ Императоръ пріѣзжаетъ въ Лавру и желаетъ видѣть Платонову Виѳанію. Вошли въ домъ. Императоръ желаетъ видѣть его спальню. Оказалось, что въ спальнѣ, обитой Китайскими обоями, дѣйствительно есть письма императора Павла, но они въ рамкахъ, а не въ заклейкѣ. Тогда императоръ говоритъ: здѣсь нужно устроить монастырь. Монастырю митрополитъ Платонъ былъ радъ. Онъ попросилъ только, чтобы намѣстникъ Лавры былъ архимандритомъ этого монастыря. Монастырь и учредили второклассный. Затѣмъ императоръ говоритъ: Здѣсь нужно Семинарію. Этому митрополитъ Платонъ вовсе не былъ радъ: какая нужда въ Семинаріи, когда въ двухъ верстахъ прекрасно устроенная Семинарія Троицкая? Итакъ Платону *навязали* Виѳанскую Семинарію“, заключилъ Филаретъ.

У Бѣляева было написано, что Евгеній, ректоръ Троицкой Семинаріи (Казанцевъ, впослѣдствіи архимандритъ и первый ректоръ Московской на Перервѣ Семинаріи, скончавшійся въ санѣ архіепископа на покоѣ въ Донскомъ монастырѣ) „былъ любимѣйшій собесѣдникъ Платона; митроп. Филаретъ замѣтилъ: „любимѣйшій едвали справедливо; ближайшій — это вѣрнѣе“.

„О затѣяхъ“ столь нерѣдко проявлявшихся въ жизни митроп. Платона Филаретъ замѣтилъ: „У него многое было неловко. Напр. однажды ждали въ Лавру императора Александра. Митрополитъ Платонъ пожелалъ устроить встрѣчу такъ, чтобы воспитанники держали въ рукахъ пальмовыя вѣтви. Но гдѣ взять пальмъ? Не въ Палестину же за ними посылать! Поэтому нарѣзали *осоки*. Ученики при встрѣчѣ пѣли:

И Муза въ облакѣ лазурномъ
Встрѣчаетъ Русскаго царя...

„Ну складно ли?“

На это я сказалъ: странное сочетаніе представленій, и прибавилъ: „Да, отъ вліянія духа времени трудно освободиться и великимъ людямъ!“ —„Только немногимъ избранникамъ, продолжалъ мою рѣчь Филаретъ, выдается счастливый жребій становиться выше своего вѣка и вести впередъ его“.

Въ эту же бесѣду замѣчено было митроп. Филаретомъ о философахъ Платонѣ и Кантѣ. О Платонѣ онъ сказалъ, говоря про Сперанскаго: „Онъ (Сперанскій) намъ тыкалъ глаза Платономъ. А что̀ Платонъ? Только у него и было хорошаго, что̀ онъ взялъ у Сократа, а что̀ у него было своего, то далеко ниже. Напримѣръ, его ученіе о республикѣ, гдѣ онъ даже допустилъ общеніе женъ!“ О Кантѣ онъ сказалъ по поводу нашего выраженія глубокія идеи Канта: „Глубокими ихъ нельзя назвать, правильнѣе назвать сильными. Дѣйствительно, силенъ его анализъ. Но къ чему же онъ его привелъ? Читайте его Религію въ предѣлахъ чистаго разума. Разумъ приходитъ къ признанію закона практическаго разума, который человѣкъ и долженъ разсматривать. Ну и смотри на него? Чтоже будетъ?“..

О себѣ въ отношеніи къ Пушкину, замѣчаетъ Бѣляевъ, Филаретъ велѣлъ умолчать *).

Н. Кедровъ.

Іюня 15-го 1889 г.

*) Что извѣстное переложеніе стиховъ Пушкина: „Даръ напрасный, даръ случайный“ дѣйствительно принадлежитъ Филарету, объ этомъ мы слышали отъ него лично. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1889 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

„Русскій Архивъ“ выходитъ въ 1889 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива“ 1889 года составляютъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1889 году съ пересылкою и доставкою—**девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

За перемѣну адреса городскаго на городской и иногородняго на иногородный по 30 к.; за перемѣну иногородняго на городской 50 к.; городскаго на иногородный—90 к. (по взимаемой почтовымъ вѣдомствомъ платѣ).

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887 и 1888 гг. получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

*

При каждомъ годовомъ изданіи „Русскаго Архива“ имѣется азбучный указатель личныхъ именъ. Кромѣ того, современно изданы были въ особыхъ приложеніяхъ общія Предметныя Росписи за **пять, десять, пятнадцать** и **двадцать** лѣтъ „Русскаго Архива“. Нынѣ печатается особою книгою **Предметная Роспись „Русскаго Архива“ ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ**. Книга эта будетъ напечатана въ ограниченномъ числѣ. Желающіе получить ее прибавляютъ къ подписной цѣнѣ на „Русскій Архивъ“ 1889 года—**ДВА** рубля.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**

РУССКІЙ АРХИВЪ

1889

8.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи.
на Страстномъ бульварѣ.
1889.

Въ конторѣ **РУССКАГО АРХИВА**

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175)

продаются

Книги изданныя Русскимъ Архивомъ:

ФРАНЦУЗСКОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ

MEMOIRES DE LA COMTESSE EDLING

demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice Elizabeth Alexéewna. Малая 8-ка, 284 стр., на веленевой бумагѣ. Цѣна 3 рубля или 6 франковъ съ пересылкою. Получать можно въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива" (Садовая, д. 175) и на Кузнецкомъ Мосту, въ книжномъ магазинѣ Готье. Въ Парижѣ: rue Bonaparte, 28, у Леру (Ernest Leroux).

Полное собраніе сочиненій **А. С. Хомякова**. Четыре тома. Цѣна каждому тому **3** р. съ перес. **3** р. **30** к.

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова**. Цѣна 40 коп.

Стихотворенія **А. С. Хомякова**. Съ портретомъ. Цѣна 30 к.

За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—5 коп.

Выписывающіе всѣ четыре книжки получаютъ ихъ съ пересылкою за **1 руб. 20 коп.**

А. С. Пушкинъ. Два выпуска его новонайденныхъ сочиненій, его бумаги, черновыя его письма и наброски, выдержки изъ его записокъ, переписка его и письма къ нему разныхъ лицъ, замѣтки на его сочиненія и статьи о немъ (князя П. П. Вяземскаго, по бумагамъ Остафьевскаго архива, П. И. Бартенева, Г. С. Чирикова, Зеленецкаго, М. Н. Лонгинова, князя П. А. Вяземскаго, И. С. Аксакова, князя В. Ѳ. Одоевскаго и др.) со снимкомъ. Цѣна каждому выпуску ОДИНЪ РУБЛЬ, за пересылку 10 к.

БОЯРИНЪ И ВОЕВОДА КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ.

Его жизнь и дѣятельность въ связи съ событіями смутнаго времени.

ВВЕДЕНІЕ.

Послѣдніе годы царствованія Бориса Годунова.—Смутное время.—Лжедимитрій на престолѣ Московскомъ.

Рѣдко Россія бывала такъ сильна и счастлива, какъ въ первые годы царствованія Бориса Годунова. Онъ правилъ кормиломъ государства, устраняя отъ него бѣдствія, указывая народу новые источничи благоденствія, помышляя о наукахъ и смягченіи нравовъ. Народъ любилъ его, помня, что Борисъ выразилъ готовность пожертвовать для счастія подданныхъ послѣднею рубахою; тронъ его казался непоколебимымъ; съ почтеніемъ и страхомъ смотрѣли на него сосѣди [1]. Но какъ обыкновенно, послѣ затишья, наступаетъ буря, такъ, послѣ мирныхъ лѣтъ правленія Борисова, наступило въ Русской землѣ время неустройствъ чрезвычайныхъ. Безпрестанное нарушеніе присяги, низверженіе царей и святителей, цареубійство, измѣна—стали дѣломъ обыкновеннымъ. Подросли и стали дѣйствовать люди родившіеся и воспитавшіеся въ годы лютаго тиранства при Иванѣ Грозномъ. Въ государственной жизни ничто не проходитъ безслѣдно. Людямъ конца XVI и начала XVII вѣка пришлось пожинать посѣянное ихъ дѣтьми и отцами:

....Старыя гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,
Растлѣнье душъ и пустота,
Чтó гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ...

Порвались всѣ связи общественныя и даже семейныя; святость крестнаго цѣлованія, любовь къ отечеству, честь и совѣсть исчезли, какъ бы безслѣдно, съ лица земли Русской; престолъ царскій осиротѣлъ и предлагался измѣнниками иноземцамъ; вѣра православная поколе-

[1]) См. объ этомъ періодѣ у *Карамзина*, Ист. Рос. Рос., т. XI, гл. II.

балась. «И было тогда такое лютое время Божія гнѣва, что люди впредъ не чаяли себѣ спасенія; чуть не вся земля Русская опустѣла, и прозвали старики наши это лютое время *лихолѣтьемъ*», говоритъ одно современное сказаніе.

Случилось это такимъ образомъ.

Въ началѣ 1604 года, въ Москву пришло извѣстіе, что въ Сѣверской Украйнѣ явился человѣкъ, назвавшій себя сыномъ Грознаго, царевичемъ Димитріемъ, спасшимся въ Угличѣ отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ. Бродяга непомнящій родства [2]) собралъ вокругъ себя толпу единомышленниковъ, изъ которыхъ одни слѣпо вѣрили его разсказамъ, другихъ же увлекала жадность къ наживѣ и страсть къ разнаго рода похожденіямъ. Поддерживаемый Польскимъ правительствомъ, которое, разумѣется, нимало не вѣрило въ царственное происхожденіе бродяги, но которому хотѣлось посѣять смуту въ Московскомъ государствѣ, онъ двинулся къ Москвѣ, объявивъ Годунова похитителемъ престола. Сѣверскіе города одинъ за другимъ начали сдаваться Самозванцу, признавая его истиннымъ царевичемъ. Не сдался одинъ Новгородъ-Сѣверскій, гдѣ засѣлъ храбрый воевода Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, любимецъ царя Бориса. При Добрыничахъ, встрѣтившись съ царскими войсками (21 Января 1605 г.), Лжедимитрій потерпѣлъ рѣшительное пораженіе и хотѣлъ было бѣжать въ Польшу, какъ внезапная кончина Годунова (13 Апрѣля) дала совершенно другой оборотъ дѣлу. Хотя жители Москвы и присягнули сыну Бориса Ѳедору, но волненіе умовъ со дня на день усиливалось. Самую

---

[2]) Изслѣдованію личности перваго Самозванца, въ нашей исторической литературѣ, посвящено покойнымъ *Н. И. Костомаровымъ* спеціальное сочиненіе: „Кто былъ первый Лжедимитрій“, СПБ. 1864 г., въ которомъ авторъ однако не пришелъ ни къ какому положительному выводу, такъ что несомнѣнно лишь, что царствовавшій на престолѣ Московскомъ, подъ именемъ Димитрія, не былъ истиннымъ Димитріемъ, что онъ былъ выставленъ Польскою интригою, при содѣйствіи нѣкоторыхъ бояръ, недовольныхъ Годуновымъ. Укажемъ еще на прекрасную статью *Н. М. Павлова* (Н. Бяцинъ): „Правда о Лжедимитріи“ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1886 г., кн. VIII, въ которой авторъ, съ большимъ остроуміемъ и замѣчательною послѣдовательностію, развиваетъ взгляды Костомарова и митрополита *Платона* („Церк. Ист.“), соглашаясь съ первымъ, что Лжедимитрій былъ „дѣломъ бояръ“ и со вторымъ, что онъ былъ орудіемъ іезуитовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проводитъ любопытную параллель между личностію перваго Самозванца и личностію бѣглаго монаха Отрепьева, доказывая тѣмъ полнѣйшее ихъ несходство. Статья г. Павлова (первоначально появившаяся въ газетѣ „День“ 1864 года), вслѣдъ за своимъ появленіемъ, вызвала оживленную полемику. Противникомъ Павлова выступилъ Костомаровъ, къ тому времени отказавшійся отъ своего мнѣнія объ участіи бояръ въ подготовленіи Самозванца. Возраженія Н. И. г. Павлову были напечатаны въ свое время въ „Голосѣ“ 1865 г., №№ 30 и 56, а г. Павлова—Костомарову—въ „Днѣ“, за тотъ же годъ, №№ 6 и 15. Кромѣ того по поводу статьи „Правда о Лжедимитріи“ сдѣлали нѣсколько замѣчаній *Ю. Ѳ. Самаринъ* и *М. П. Погодинъ* (см. „Рус. Арх.“, 597—601).

кончину Бориса считали попущеніемъ Божіимъ и объясняли въ пользу Лжедимитрія. Наконецъ, Басмановъ, котораго Ѳедо́ръ назначилъ главнымъ начальникомъ войска, видя кругомъ себя колебаніе, передался на сторону Самозванца; примѣру вождя послѣдовало и войско. Участь Годуновыхъ была рѣшена. Нѣсколько измѣнниковъ возмутили жителей столицы и свели съ престола царя Ѳедора (1 Іюня). Нашлись злодѣи, которые потомъ звѣрски умертвили юнаго монарха, вмѣстѣ съ матерью его, царицею Маріею [3]).

Самозванецъ съ торжествомъ въѣхалъ въ Москву (20 Іюня). Новый царь обнаружилъ на первыхъ порахъ необыкновенную дѣятельность. Онъ усердно принялся за государственныя дѣла, и не проходило дня, въ который бы царь не присутствовалъ въ думѣ, гдѣ удивлялъ бояръ большою смѣтливостію въ дѣлахъ и даромъ слова. Лжедимитрій составлялъ обширные планы, задумывалъ разныя преобразованія, мечталъ завести регулярное войско, учредить Сенатъ, заботился о сношеніяхъ съ Европейскими державами, объявлялъ, что хочетъ держать народъ въ повиновеніи не строгостію, но щедростію и милостію. Чтобы показать свою милость на дѣлѣ, самозванецъ возвратилъ изъ заточенія большую часть бояръ, сосланныхъ въ предшествовавшія царствованія. Между прочимъ онъ возвратилъ свободу, чины и имѣнія Нагимъ и Романовымъ. Михайла Нагой пожалованъ въ санъ великаго конюшаго, братъ его и три племянника — въ бояре; въ боярскій же санъ былъ возведенъ и Иванъ Никитичъ Романовъ; братъ его Филаретъ (въ мірѣ Ѳеодоръ) посвященъ въ санъ митрополита Ростовскаго, а супругѣ его, инокинѣ Марѳѣ (въ мірѣ Ксеніи Ивановнѣ, урожд. Шестовой), вмѣстѣ съ сыномъ, малолѣтнимъ Михаиломъ, разрѣшено поселиться въ епархіи Филаретовой, въ Ипатьевскомъ монастырѣ, близъ Костромы. Свое сочувствіе къ семьямъ Нагихъ и Романовыхъ Самозванецъ простеръ и на ихъ умершихъ родственниковъ: тѣла Нагихъ и Романовыхъ, погибшихъ въ изгнаніи, вынули изъ могилъ пустынныхъ, перевезли въ Москву и схоронили съ честію, тамъ гдѣ лежали ихъ предки и ближніе. Таково было отношеніе Лжедимитрія къ мнимымъ своимъ родственникамъ. Далѣе слѣдовалъ цѣлый рядъ милостей царскихъ и ко всѣмъ вообще опальнымъ боярамъ Борисова времени, причемъ многіе изъ нихъ получили высшія придворныя должности [4]).

---

[3]) Сестра Ѳедора, царевна Ксенія сдѣлалась жертвою гнуснаго сладострастія Самозванца, потомъ пострижена съ именемъ Ольги и заточена въ отдаленной обители, гдѣ прожила довольно долго.

[4]) *Древ. Рос. Вивліоѳ.*, час. XX, изд. 2-е, М. 1791, 77; *Карамзинъ.* Ист. Гос. Рос., т. XI, IV, 124.

I.

Происхожденіе фамиліи Шуйскихъ-Скопиныхъ.—Милости и довѣріе Самозванца къ князю Михайлу Васильевичу Скопину-Шуйскому.

Въ числѣ лицъ, почтенныхъ особеннымъ вниманіемъ Самозванца, былъ молодой князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, послѣдній представитель этой семьи. Семья Скопиныхъ-Шуйскихъ существовала сравнительно недолго и была отраслью другой, болѣе извѣстной — князей Шуйскихъ, ведшихъ свой родъ отъ князей Суздальскихъ [5]). Въ старинныхъ родовыхъ обычаяхъ случалось не рѣдко, что кто-нибудь изъ членовъ получалъ прозвище, которое потомъ и оставалось за его прямыми потомками и, такимъ образомъ, получалось двойное имя. Такъ, одинъ изъ Шуйскихъ, Иванъ, былъ прозванъ *Скопа* [6]), и вотъ отъ Шуйскихъ возникла особая вѣтвь Скопиныхъ-Шуйскихъ. Сынъ Ивана Скопы, Ѳедоръ Ивановичъ, вмѣстѣ съ прочими Шуйскими, принималъ участіе въ правленіи, во время малолѣтства Грознаго, потерпѣлъ гоненіе, ссылку, вмѣстѣ съ своими родственниками, отъ Глинскихъ, и явился мстителемъ во время Московскихъ пожаровъ 1547 г. [7]). Передъ смертію онъ принялъ схиму съ именемъ Ѳеодосія; погребенъ въ родовой усыпальницѣ князей Скопиныхъ-Шуйскихъ, при соборной церкви Рождества Богородицы въ Суздалѣ; а жена его схоронена въ Суздальскомъ Покровскомъ женскомъ монастырѣ [8]). Черезъ двадцать лѣтъ, при дворѣ Грознаго, между боярами первой статьи, встрѣчается внукъ Скопы, сынъ Ѳедора, Василій [9]). Мы его видимъ дѣйствующимъ противъ Баторія [10]), намѣстникомъ Новгорода [11]). Позднѣе, въ концѣ царствованія Ѳедора Ивановича, во время гоненія на Шуйскихъ, Василій Ѳедоровичъ былъ лишенъ намѣстничества (которое было передано брату Годунова, Димитрію) и своего пожалованья Каргополя, съ приказаніемъ оставаться въ Москвѣ [12]).

---

[5]) *Шиловъ.* Родослов. табл. къ Исторіи Соловьева, М. 1864, таб. 6.

[6]) Скопа—хищная птица изъ породы орловъ (*Слов. Церк.-Слав. яз.*, изд. Академіей Наукъ; *Даля*—Толков. Слов.).

[7]) *Карамзинъ.* И. Г. Р., VIII, 47, 51, 61—64; *Соловьевъ.* Ист. Рос., VI, 1877, 42—57; *Царствен. кн.*, стр. 141—142; *Сказ. кн. Курбскаго*, изд. 2-е, 185, прим. 259; *Иконниковъ.* Кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій—въ „Древ. и Нов. Рос." 1875 г., т. I, 20.

[8]) *Истор. собр. о гр. Суждаль* во „Времен. Моск. общ. ист.", кн. XXII, 154, 202, 182.

[9]) *Карамзинъ.* И. Г. Р., X, прим. 23; *Соловьевъ.* И. Р., VII, 1879, 11.

[10]) *Древ. рос. Вивл.*, XIV, 349; *Карамзинъ*, И. Г. Р., X, прим. 567.

[11]) *Карамзинъ*, И. Г. Р., X, 30.

[12]) *Карамзинъ.* И. Г. Р., X, прим. 418.

Во время этого погрома у князя Василія родился сынъ Михаилъ [13]). На восьмомъ году князь Михайло Васильевичъ лишился отца и остался на попеченіи матери, Елены Петровны, изъ рода Татевыхъ [14]). Мальчикъ подросталъ, и его начали учить. Сочинитель поэтическаго сказанія о рожденіи князя Михайла Васильевича хвалитъ «быстроту его разума», благодаря которой ученье давалось ему легко. Затѣмъ, Михайло Васильевичъ былъ зачисленъ въ *царскіе жильцы* [15]). Князь Михайло Васильевичъ, по словамъ его біографа, не смотря на свою юность, отличался при дворѣ «многолѣтнимъ разумомъ», не гордился передъ низшими, не хвастался своимъ происхожденіемъ, не клеветалъ на товарищей, но былъ тихъ и скроменъ и, вѣроятно, потому не только прожилъ въ тишинѣ, въ то время, какъ Годуновъ «выводилъ измѣну», но даже былъ взысканъ царскою милостью. Такъ, мы встрѣчаемъ его въ *стольникахъ*; а на пріемѣ Персидскаго посла, осенью 1604 г., онъ былъ назначенъ смотрѣть и сказывать въ большой столъ [16]).

Лжедимитрій пожаловалъ князя Михайла Васильевича званіемъ *великаго мечника*, т. е. хранителя царскаго меча. Достоинства великаго мечника въ древней Руси не существовало, Самозванецъ ввелъ его въ нашемъ отечествѣ, заимствовавъ изъ Польши, вмѣстѣ съ званіями: великаго дворецкаго, подскарбія, кравчаго, подчашника и печатника [17]). Въ проектѣ Русскаго сената, въ числѣ бояръ первой статьи, было отве-

---

[13]) Въ „Сказ. о рожденіи кн. Мих. Вас.“, помѣщенномъ въ хронографѣ, принадлежавшемъ древнехранилищу Погодина, сказано: „родился убо сей великій воинъ и воевода кн. М. В. Шуйской въ лѣто 7095 (1587), и наречено бысть имя его на память собора Св. Архангела Михаила мѣсяца Ноября въ 8-й день“. (Изборникъ *А. Попова*, М. 1869, стр. 379).

[14]) Сказ. о рожд. Скопина, 379; Послуж. списокъ чиновниковъ въ *Древ. Рос. Вивл.* XX, 65. Кн. Василій предъ смертію (1595 г.) также принялъ схиму съ именемъ Іоны. Его похоронили въ Суздалѣ, въ родовой усыпальницѣ. (*Истор. собр. о гр. Суждаль*, 202; *Сказ. о рожд. Скопина*, 379). Женатъ онъ былъ на дочери Петра Ив. Татева, въ монашествѣ Пимена (*Списокъ надгробій Троицкой Лавры* въ „Чт. Моск. Общ. Ист.“ 1846, II, 37; *Древ. Рос. Вивл.*, XX, 59). По кончинѣ князя Мих. Вас., Елена Петровна приняла монашество, при чемъ названа была Анисьей; она умерла 19 Іюля 1631 г. и погребена, вмѣстѣ съ родомъ Татевыхъ, въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ („Чт. Моск. Общ. Ист. 1846, II, 37).

[15]) Отборные боярскіе дѣти. Названіе это дано имъ потому, что дворяне обязаны были являться въ Москву на службу, *живали* въ Москвѣ и, по установленной очереди, являлись для охраны дворца, при чемъ имъ отводилось тамъ особое помѣщеніе, называвшееся *жилецкою подъ клѣтью*. Съ этого званія и начиналась собственно для дворянъ царская служба, причемъ жильцамъ поручались иногда и другія мелкія дѣла. Съ учрежденіемъ регулярной арміи прекращенъ былъ, въ 1701 г., наборъ жильцовъ; но жилецкое званіе удерживалось до 1711 г., когда оно было окончательно отмѣнено. (Истор. очеркъ гражд. чинопроизв. въ Россіи *В. Евреинова* въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1887 г., кн. III, 210).

[16]) *Разрядн. кн.* въ „Симбирск. Сбор.“, 153.

[17]) *Собр. Гос. Гр. и Дог.*, II, 210; *Соловьевъ*. И. Р., VIII, 1873, 110.

дено мѣсто и великому мечнику князю Михайлу Скопину [18]) Тогда Михайлу Васильевичу было всего восемнадцать лѣтъ. Не смотря на его молодость, на него вскорѣ было возложено Лжедимитріемъ довольно важное порученіе.

Прошло около мѣсяца, какъ Самозванецъ властвовалъ въ Москвѣ. Поляки совѣтовали ему, для утвержденія власти, поспѣшить вѣнчаніемъ на царство, такъ какъ многіе думали, что и несчастный Ѳедоръ не такъ легко сдѣлался бы жертвою измѣны, еслибы успѣлъ освятить себя въ глазахъ народа саномъ помазанника Божія. Обрядъ этотъ надлежало совершить патріарху [19]), который уже разослалъ по всѣмъ областямъ грамоты съ извѣстіемъ о восшествіи Димитрія на престолъ, причемъ предписывалъ молиться за царя и за его мать. Но признаніе патріарха не могло окончательно утвердить новаго царя на престолѣ: это могло сдѣлать только признаніе матери, царицы Мароы. Самозванецъ понималъ это и отлагалъ царское вѣнчаніе; кромѣ того ему были извѣстны народные обычаи: уваженіе къ родителямъ, особенно къ матери, Русскіе считали первою добродѣтелью. Онъ рѣшилъ напередъ увидѣться съ Мароою. Но какъ это сдѣлать? Лжедимитрій не могъ быть увѣренъ въ ея согласіи на обманъ, столь противный святому званію инокини и материнскому сердцу. Самозванецъ началъ дѣйствовать осторожно: онъ вошелъ, чрезъ довѣренныхъ лицъ, въ тайныя сношенія съ инокинею Мароою [20]). Съ одной стороны ей представили жизнь царскую, а съ другой—лишенія и смерть. Вдовствующая супруга Іоаннова, еще не старая лѣтами, помнила, говоритъ исторіографъ, удовольствія свѣта, двора и пышности, тринадцать лѣтъ плакала въ уничиженіи, страдала за себя, за своихъ ближнихъ, и не усумнилась въ выборѣ [21]).

Тогда Лжедимитрій уже гласно послалъ за нею въ Выксинскую пустыню [22]) богатое посольство, во главѣ котораго былъ поставленъ великій мечникъ, князь Скопинъ-Шуйскій. Въ составъ посольства, кромѣ Михайла Васильевича, входили: бояре Мстиславскій, Воротынскій,

---

[18]) См. Роспись Московскимъ сенаторамъ, писанную рукою секретаря Самозванца (по-польски) Яна Бучинскаго, помѣщен. въ *Собр. Гос. Гр. и Дог.*, II, 207—210.

[19]) Патріархомъ, на мѣсто низложеннаго Іова, Лжедимитрій выбралъ своего сторонника, Грека Игнатія. Церковь не поставляетъ Игнатія въ числѣ десяти патріарховъ Русскихъ и именуетъ лжепатріархомъ.

[20]) *Собр. Гос. Гр. и Догов*., II, 307.

[21]) *Карамзинъ*. И. Г. Р., XI, гл. IV, 127.

[22]) Бывшій Выксинскій монастырь, въ которомъ жила въ это время мать царевича Дмитрія, постриженная въ монашество, по волѣ Борисовой, находился въ 25 вер. отъ Череповца, отъ Москвы—на разстояніи 500 верстъ.

Масальскій, нѣкоторые другіе и нѣсколько тысячъ всадниковъ [23]). Молодой князь успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе. 18-го Іюля онъ уже съ царицею-инокинею приблизился къ Москвѣ. Царь выслалъ ей лошадей къ Троицѣ. Димитрій выѣхалъ встрѣтить ее въ селѣ Тайнинскомъ. Вся Москва повалила за царемъ: всѣмъ хотѣлось посмотрѣть, какъ будетъ встрѣчать мать сына, котораго не видала съ младенчества и должна была столько времени притворно увѣрять всѣхъ, что его нѣтъ на свѣтѣ; какъ будетъ привѣтствовать сынъ свою мать, которую не видалъ съ дѣтства и не смѣлъ заочно назвать матерью. Царицу везли въ каретѣ. Димитрій подъѣхалъ къ ней верхомъ; карета остановилась. Царь быстро соскочилъ съ лошади, бросился къ каретѣ. Марѳа отогнула полу занавѣса, закрывавшаго бокъ кареты; сынъ бросился ей въ объятія; оба зарыдали и повисли другъ у друга на шеѣ. Такъ пробыли они четверть часа предъ множествомъ народа. Потомъ карета двинулась; царь шелъ пѣшкомъ подлѣ кареты нѣсколько верстъ и потомъ, уже подъ самой Москвой, сѣлъ на коня и уѣхалъ впередъ, чтобы снова встрѣтить мать въ Кремлевскихъ воротахъ. Колокола звонили по всей Москвѣ, когда въѣзжала царица; ликовалъ народъ въ праздничныхъ нарядахъ, съ веселыми лицами; тысячи голосовъ поздравляли царицу съ возвратомъ изъ долгаго заточенія. Рѣдкій въ ту минуту не плакалъ отъ умиленія, и казалось никто въ народѣ не сомнѣвался, что на Московскомъ престолѣ настоящій сынъ Грознаго.

Между тѣмъ бояре распускали по городу слухи, что онъ *Самозванецъ*. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, уже на третій день послѣ въѣзда Лжедимитрія въ Москву, былъ уличенъ въ этомъ, судимъ соборомъ и приговоренъ къ смерти; но Самозванецъ помиловалъ его, по просьбѣ матери своей. Это великодушіе однако мало принесло ему пользы: по городу продолжали ходить толки объ его самозванствѣ [24]). Главною поддержкою для этихъ толковъ служило пренебреженіе царя къ стариннымъ обычаямъ и къ церковнымъ постановленіямъ. Такъ, замѣтили, что онъ не соблюдалъ Успенскаго поста, не молился передъ обѣдомъ и послѣ обѣда, во время стола любилъ слушать музыку и пѣніе, не спалъ послѣ обѣда, и вообще держалъ себя не такъ, какъ прежніе цари. Затѣмъ, женитьба на католичкѣ - Полькѣ Маринѣ Мнишекъ

---

[23]) *Маржеретъ* (въ Сказ. Совр. о Д. Самозванцѣ, I, 1859), 298; Беръ (*Буссовъ*) (тамъ же), 48.

[24]) Дьякъ Тимоѳей Осиповъ, рѣшившись обличить Лжедимитрія, постился и причастился Св. Таинъ, пришелъ во дворецъ и передъ всѣми началъ говорить ем: „ты воистину Гришка Отрепьевъ, разстрига, а не цесарь непобѣдимый, не царевъ сынъ Димитрій, но грѣху рабъ и еретикъ“. Палицынъ передающій этотъ разсказъ, прибавляетъ, что Лжедимитрій тотчасъ велѣлъ Осипова казнить (*Сказ. объ осадѣ Троицкой лавры*, 28—29).

возбудила противъ него сильное негодованіе, которое перешло въ явный ропотъ, когда Поляки, прибывшіе въ свитѣ Марины, начали вести себя безчинно.

Ненавистью народа къ Полякамъ воспользовался тотъ же князь Василій Ивановичъ Шуйскій. 17-го Мая слѣдующаго 1606 г., рано утромъ, раздался набатъ, и толпа народа, съ крикомъ: «Поляки рѣжутъ царя!» устремилась въ Кремль. Во главѣ этой толпы ѣхалъ на конѣ князь Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ, крестъ, а въ другой мечъ. Лжедимитрій проснулся отъ набата и выслалъ Басманова справиться, въ чемъ дѣло. Басмановъ въ отчаяніи прибѣжалъ назадъ къ царю, крича, что вся Москва собралась на него. Когда уже бояре вошли во дворецъ, Басмановъ вышелъ къ нимъ и сталъ уговаривать ихъ не выдавать народу Лжедимитрія, но былъ убитъ. Лжедимитрій въ ужасѣ бѣгалъ по комнатамъ, кричалъ стражѣ, чтобы она никого не пускала, и когда половина ея побросала оружіе и разбѣжалась, онъ рѣшился одинъ защищаться. «Подайте мнѣ мой мечъ!» кричалъ онъ. Но князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій не явился на этотъ зовъ, да и меча не оказалось на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно хранился. Такимъ образомъ, не остается никакого сомнѣнія, что молодой князь сочувствовалъ заговору своего дяди и заблаговременно спряталъ царскій мечъ. Тогда Самозванецъ увидалъ, что сопротивленіе безполезно, выскочилъ изъ окна и разбился. Стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ, подняли его, привели въ чувство и приняли было его сторону, но заговорщики погрозили имъ напасть на стрѣлецкую слободу и истребить ихъ женъ и дѣтей. Стрѣльцы испугались и покинули Самозванца. Въ тоже время князь Иванъ Голицынъ принесъ извѣстіе, что инокиня Марѳа отрекается отъ Самозванца и сознается въ обманѣ. Тогда со всѣхъ сторонъ закричали: «бей его, руби!» Трупъ Лжедимитрія, почти цѣлый годъ царствовавшаго на Москвѣ, стащили на Красную площадь, вмѣстѣ съ трупомъ Басманова, гдѣ они и подверглись поруганію черни.

II.

Воцареніе князя Василія Ивановича Шуйскаго и появленіе втораго Самозванца.—Первая побѣда князя Михайла на берегахъ Пахры.—Пораженіе Болотникова.—Князь Скопинъ-Шуйскій—бояринъ.—Мужество его въ битвѣ на Пчельнѣ.—Осада Тулы.

Начали думать объ избраніи новаго царя. Изъ всѣхъ бояръ Московскихъ, по уму, силѣ воли и знатности рода, выдавались два князя Василій Ивановичъ Шуйскій и Василій Васильевичъ Голицынъ. Оба имѣли сильныя стороны, но князь Голицынъ не могъ съ успѣхомъ бороться противъ князя Шуйскаго. Шуйскій былъ первымъ обличителемъ Самозванца, главою заговора, вождемъ народа противъ «злаго еретика».

Для людей, совершившихъ послѣдній переворотъ, кто могъ быть лучшимъ царемъ, какъ не вождь ихъ въ этомъ дѣлѣ? Бояре хотѣли созвать выборныхъ изъ всѣхъ городовъ, чтобы, по совѣту всей земли, избранъ былъ государь такой, который былъ бы всѣмъ любъ. 19-го Мая, утромъ, на Красной площади толпился народъ точно также, какъ и 17-го Мая. Вышли бояре и духовенство и предложили избрать патріарха (Игнатій былъ свергнутъ одновременно съ паденіемъ Лжедимитрія) и разослать грамоты для созванія выборныхъ людей изъ городовъ на соборъ, который долженъ избрать государя. Но бывшіе въ народѣ сторонники князя Шуйскаго закричали, что царь нужнѣе патріарха и что царемъ долженъ быть князь Василій Ивановичъ Шуйскій [25]). Этому крику никто не сталъ противорѣчить, и князь Шуйскій былъ провозглашенъ царемъ, а Казанскій митрополитъ Гермогенъ избранъ патріархомъ. Возведенный на престолъ кружкомъ своихъ приверженцевъ, а не великою земскою думою, князь Шуйскій принужденъ былъ сдѣлать многія уступки боярамъ и далъ клятву не предпринимать ничего важнаго безъ ихъ совѣта. Это обязательство ограничило его самодержавную власть и произвело въ народѣ неблагопріятное для царя впечатлѣніе [26]). Скоро Василій Ивановичъ заслужилъ общее нерасположеніе и въ средѣ бояръ: одни изъ нихъ были недовольны, потому что сами хотѣли быть на престолѣ; другіе не хотѣли видѣть царемъ Шуйскаго по прежнимъ отношеніямъ; его сторонники были недовольны, потому что Шуйскій по скупости не осыпалъ ихъ милостями. Уже въ слѣдующемъ 1607-мъ году сталъ ходить слухъ, будто бы Лжедимитрій спасся отъ смерти и опять нашелъ убѣжище въ Литвѣ. Василій велѣлъ, съ подобающими почестями, перенести изъ Углича въ Москву мощи убитаго царевича Димитрія; но эта мѣра не подѣйствовала. Народъ началъ волноваться и обнаружилъ сильное недовѣріе къ царю: въ Москвѣ помнили очень хорошо, какъ этотъ же самый Шуйскій объявилъ, что царевичъ умертвилъ самъ себя, въ припадкѣ падучей болѣзни...

Первое возстаніе въ пользу мнимо-спасеннаго царевича произошло опять въ Сѣверской Украйнѣ, которую, на этотъ разъ, возмутилъ Путивльскій воевода, князь Григорій Шаховской. Однимъ изъ начальниковъ возстанія явился Иванъ Болотниковъ, человѣкъ отважный и даровитый, бывшій нѣкогда холопомъ, а въ то время только-что возвратившійся изъ Татарскаго плѣна. Болотниковъ обратился къ подобнымъ себѣ, обѣщая волю, богатство и почести подъ знаменами Димитрія, и

---

[25]) *Хроногр. Кубасова.* Изборн. Попова, 294.
[26]) *Пол. собр. Рус. лѣт.*, IV, 321.

подъ эти знамена начали стекаться преступники, спасшіеся въ Украйну отъ наказанія, бѣглые холопы и крестьяне; къ нимъ приставали въ городахъ посадскіе люди и стрѣльцы. Они начали въ городахъ хватать воеводъ и сажать ихъ въ тюрьмы; крестьяне и холопы нападали на господъ своихъ, мужчинъ убивали, женъ и дочерей безчестили. Царскія войска, высланныя противъ Болотникова, подъ начальствомъ боярина князя Воротынскаго и князя Трубецкаго, были разбиты, близъ города Кромъ. Полчища Болотникова умножались: боярскій сынъ Истома Пашковъ возмутилъ Тулу, Веневъ и Каширу; воевода Григорій Сунбуловъ и дворянинъ Прокофій Ляпуновъ подняли княжество Рязанское. Болотниковъ, соединившись съ Пашковымъ и Рязанцами, переправился за Оку, взялъ и разграбилъ Коломну.

Противъ Болотникова выслано было новое войско. Передовымъ отрядомъ этого войска начальствовалъ князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Онъ разсѣялъ бунтовщиковъ въ сшибкѣ, на берегахъ рѣки Пахры. Это была первая побѣда князя Михайла, начало его боеваго поприща. Къ сожалѣнію, главные воеводы, князья Мстиславскій, Дмитрій Шуйскій (братъ царя), Воротынскій, Голицыны, Нагіе, не поддержали чести Русскаго оружія: встрѣтившись съ непріятелемъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Троицкомъ, они сразились и бѣжали, оставивъ въ его рукахъ множество знатныхъ плѣнниковъ.

Болотниковъ, гоня побѣжденныхъ, дошелъ до Москвы и 22 Октября сталъ въ селѣ Коломенскомъ (за семь верстъ отъ столицы), подметными письмами поднимая Московскую чернь противъ высшихъ сословій. Царствованію Шуйскаго, казалось, пришелъ конецъ; но дворяне, соединившіеся съ Болотниковымъ, Ляпуновъ и Сунбуловъ и ихъ товарищи увидали съ кѣмъ у нихъ общее дѣло, и поспѣшили отдѣлиться. Они предпочли снова служить Шуйскому и явились съ повинною въ Москву, гдѣ были приняты и награждены. Тверь, Смоленскъ, Ржевъ остались вѣрны царю Василію и прислали своихъ ратныхъ людей къ нему на помощь. Болотниковъ замѣтилъ, что въ Москву проходятъ безпрепятственно ратныя силы и рѣшилъ начать приступъ. 26-го Ноября онъ перешелъ черезъ Москву-рѣку и растянулъ свое ополченіе вокругъ столицы, чтобы не допускать въ нее прохода ратныхъ людей изъ другихъ городовъ, оставшихся вѣрными царю Василію.

Въ Москвѣ тоже собирались въ походъ на воровъ. Въ тотъ же день расположился станомъ у Серпуховскихъ воротъ князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій съ товарищами, князьями Андреемъ Голицынымъ и Татевымъ. Они ударили на мятежниковъ, отбили ихъ

и захватили не мало плѣнныхъ. Тогда же Истома Пашковъ, съ четырьмя стами стрѣльцовъ, перешелъ на сторону царскаго войска, такъ что Болотниковъ принужденъ былъ прекратить нападеніе и уйти въ свой станъ [27]). Царь послалъ къ Болотникову увѣщаніе сдаться, обѣщая ему помилованіе и важный чинъ; Болотниковъ отвѣчалъ отказомъ.

Послѣ этого отказа, князь Скопинъ-Шуйскій, собравши свои полки въ Даниловомъ монастырѣ, за Серпуховскими воротами, 2-го Декабря, пошелъ въ село Коломенское. Онъ зналъ, что силы Болотникова значительно уменьшились послѣ отпаденія отъ него дворянъ и дѣтей боярскихъ, и, что, кромѣ казаковъ, у него мало людей опытныхъ; да и тѣ вооружены чѣмъ ни попало. Болотниковъ вышелъ на встрѣчу князю Скопину, сразился съ нимъ при урочищѣ Котлахъ, не выдержалъ напора и воротился въ Коломенское, гдѣ и заперся въ острогѣ, надѣясь на твердость послѣдняго. Князь Скопинъ - Шуйскій осадилъ этотъ острогъ. Царскія войска стрѣляли изъ пушекъ три дня и все-таки не могли разметать острога. Мятежники прятались отъ ядеръ въ земляныя ямы, а ядра тушили сырыми воловьими шкурами. Когда узнали такую ихъ хитрость, сдѣлали огненныя ядра съ «нѣкоею мудростію», по выраженію лѣтописца, такъ что угасить ихъ было уже невозможно, и пожаръ распространился внутри укрѣпленія [28]). Тогда Болотниковъ, съ своими единомышленниками, выскочилъ изъ острога и бросился бѣжать по Серпуховской дорогѣ. Князь Михайло Васильевичъ погнался за нимъ и захватилъ много плѣнныхъ.

Часть сторонниковъ Болотникова отдѣлилась отъ него; это были казаки. Они заняли деревню Заборье и сдѣлали, по своему обычаю, укрѣпленіе изъ тройнаго ряда саней, тѣсно связанныхъ и облитыхъ водою. Князь Скопинъ-Шуйскій понялъ, что неудобно продолжать дальнѣйшее преслѣдованіе Болотникова, имѣя позади себя непріятеля, и потому рѣшился прежде выбить казаковъ изъ Заборья. Начальникъ Заборскаго табора, атаманъ Беззубцевъ предложилъ сдаться, если казаковъ не будутъ убивать и возьмутъ на службу. Князь далъ ему слово. Беззубцевъ вышелъ, положилъ оружіе, и Скопинъ привелъ его въ Москву съ казаками. Пригнано было такое множество плѣнныхъ, что въ Московскихъ тюрьмахъ не доставало для нихъ помѣщенія. Царь простилъ казаковъ сдавшихся въ Заборьѣ, и принялъ ихъ на службу, прочихъ же плѣнныхъ велѣлъ казнить. Князь Михайло Васильевичъ за пораженіе мятежниковъ возведенъ въ санъ *боярина*. Побѣда его была торжественно отпразднована въ Москвѣ и всѣхъ вѣрныхъ городахъ

---

[27]) *Никон. лѣт.*, 83; *Времен.*, XVI, 60.
[28]) *Тамъ же*, 61.

(куда посланы о томъ грамоты) благодарственными молебствіями и колокольнымъ звономъ. Между тѣмъ, Болотниковъ прибѣжалъ къ Серпухову, но жители не впустили его. Онъ засѣлъ въ Калугѣ, въ нѣсколько дней укрѣпилъ ее глубокими рвами и валомъ, изготовился къ осадѣ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ провозглашеннаго Димитрія. Но такъ какъ тотъ не являлся, то князь Шаховской прислалъ къ нему казацкаго Самозванца Лжепетра [29]).

Узнавъ о соединеніи Болотникова съ Лжепетромъ, царь Василій Ивановичъ переговорилъ съ патріархомъ и придумалъ новый способъ успокоить умы: въ Москву былъ вызванъ изъ Старицы престарѣлый п. Іовъ, который торжественно, въ Успенскомъ соборѣ (20 Февраля 1607 г.) простилъ и разрѣшилъ народъ во всѣхъ его клятвопреступленіяхъ. А подъ Калугу рѣшено было послать воеводъ: князей Скопина-Шуйскаго, Ѳедора Мстиславскаго и Татева [30]). Бунтовщики тѣмъ временемъ, подобно царю, соображали свои наступательныя дѣйствія, стремясь съ разныхъ сторонъ къ одной цѣли—освободить Болотникова. Изъ Тулы шелъ на помощь къ Болотникову мятежникъ, князь Андрей Телятевскій. Его встрѣтило, при Пчельнѣ, царское войско, нарочно высланное изъ-подъ Калуги. Произошла жестокая битва, въ которой палъ князь Татевъ со многими изъ добрыхъ воиновъ; остальные обратились въ бѣгство. Пользуясь этимъ, Болотниковъ сдѣлалъ вылазку и содѣйствовалъ пораженію царскихъ воеводъ, изъ которыхъ князь Скопинъ и здѣсь показалъ себя, что не похожъ на другихъ. Онъ съ полкомъ своимъ не бѣжалъ, а мужественно, въ порядкѣ, отступилъ къ Боровску, отбиваясь отъ Болотникова. Въ рядахъ его войска былъ прежній сподвижникъ Болотникова, Истома Пашковъ; теперь онъ, дворянинъ, грудью стоялъ за дворянское и царское дѣло [31]).

Пораженіе царскаго войска на Пчельнѣ побудило царя Василья Ивановича принять мѣры рѣшительныя. Посовѣтовавшись съ боярами, онъ собралъ до ста тысячъ человѣкъ войска и, въ Маѣ мѣсяцѣ, самъ пошелъ противъ Болотникова, который къ этому времени уже перекочевалъ въ Тулу. Съ передовымъ отрядомъ шелъ князь Скопинъ-Шуйскій и раньше другихъ сталъ подходить къ Тулѣ. Болотниковъ

---

[29]) Еще при первомъ самозванцѣ Волжскіе и Терскіе козаки провозгласили одного изъ своихъ товарищей, молодаго козака Илейку, сыномъ царя Ѳедора Ивановича Петромъ, и выдумали сказку, будто царица Ирина, въ 1592 г., разрѣшилась отъ бремени именно этимъ царевичемъ, котораго Годуновъ умѣлъ скрыть и подмѣнить дѣвочкою (Ѳеодосіею). Этотъ Петръ теперь и появляется.

[30]) *Никон. Лѣт.*, 84.

[31]) „Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, да атаманъ козачей Истомка Пашковъ противъ тѣхъ воровъ мужественно сташа—говоритъ лѣтописецъ—и многихъ побиша, сами же отводомъ прочь отыдоша и едва отъ совершенныя погибели спасошася“ (*Латух. Степ. кн.*).

выслалъ изъ города сильный отрядъ противъ него. За семь верстъ отъ города воры хотѣли не пропускать ратныхъ людей черезъ топкую и грязную рѣчку Воронью, стали на ея берегу, огородились засѣкою изъ срубленнаго лѣсу. Былъ упорный и долгій бой. Князь Скопинъ одолѣлъ. Раненые царскіе люди перешли рѣчку въ разныхъ мѣстахъ и погнали воровъ вплоть до Тулы. Много ихъ легло, много было схвачено. Это происходило въ десятую пятницу по Пасхѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, 30 Іюня, пришелъ самъ царь съ большими силами. Войско раздѣлили на три полка: большой, передовой и сторожевой; начальство надъ первымъ принялъ князь Михайло Васильевичъ. Полки окружили Тулу со всѣхъ сторонъ. Князь Скопинъ занялъ Кропивинскую дорогу. Началась осада медленная и кровопролитная.

Осажденные писали въ Польшу, къ друзьямъ Мнишка, чтобы тѣ выслали имъ непремѣнно какого-нибудь Лжедимитрія, и *второй* Лжедимитрій, наконецъ, явился. Какого онъ былъ происхожденія, трудно сказать; носились разные слухи [32]). Онъ открылся жителямъ Стародуба, тѣ провозгласили его тотчасъ же государемъ, и вся Сѣверская страна послѣдовала ихъ примѣру. Подъ знамена новаго Самозванца начали стекаться Поляки, казаки и всякіе бродяги; но съ этою малочисленною дружиною Самозванецъ не могъ идти на освобожденіе Тулы, и участь ея была рѣшена. По мысли одного Муромскаго боярскаго сына, нѣкоего Сумина Кравкова, искуснаго инженера [33]), возведена была плотина во всю ширину рѣки Упы, отчего вода выступила изъ береговъ, затопила окрестности Тулы и проникла въ самый городъ. Осажденные ѣздили изъ дому въ домъ на лодкахъ; только высокія мѣста остались сухи и казались грядами островoвъ. Битвы, вылазки прекратились. Ужасъ потопа и голода смирилъ мятежниковъ. Они ежедневно толпами являлись въ станъ царскій съ повинною. Наконецъ, Шаховской и Болотниковъ предложили Василію Ивановичу сдать Тулу и выдать Лжепетра, если онъ пообѣщаетъ помиловать ихъ; въ противномъ случаѣ они рѣшались скорѣе съѣсть другъ руга отъ голода, чѣмъ сдаться. Шуйскій, уже зная, что новый Лжедимитрій недалеко, обѣщалъ милость. 10-го Октября Болотниковъ явился, вооруженный съ ногъ до головы,

---

[32]) Существуетъ, между прочимъ, мнѣніе, что второй Самозванецъ былъ, по происхожденію, Жидъ. Мнѣніе это основано на показаніи Польскаго писателя *Кобержицкаго* въ его Ист. Владислава (IV, 320), что, послѣ бѣгства Самозванца, въ его шатрѣ нашли Талмудъ. Указаніе на Еврейское происхожденіе втораго Лжедимитрія находимъ также въ письмѣ царя Михайла Θеодоровича къ Морицу, принцу Оранскому, помѣщенномъ въ книгѣ „Respublicae et urbes“, Lugd. Batav. 1630, pag 581. Полный сводъ мнѣній о происхожденіи втораго Лжедимитрія см. въ ст. К. Н. Бестужева-Рюмина: Обз. соб. отъ см. Іоанна IV до избранія Михаила Романова въ Жур. М. Н. П., 1887 г., Августъ, стр. 253.

[33]) Въ *Никон. Лѣт.* онъ названъ *Θомою, Суминымъ сыномъ*; въ *Рукоп. Филарета*: „хитродѣлателецъ воинъ града Мурома, зовомый *Мешокъ Кровковъ*“; у *Карамзина*: Муромецъ, сынъ боярскій, Суминъ Кровковъ (XII, 39).

въ царскій лагерь, положилъ саблю на шею и сказалъ, что царь, если хочетъ, пусть велитъ отсѣчь ему голову, но что, если онъ получитъ пощаду, то будетъ царю самымъ вѣрнымъ слугою. Царь обѣщалъ Болотникову прощеніе, но не сдержалъ своего слова: по прошествіи нѣкотораго времени, Болотникова, вмѣстѣ съ другими ворами, посадили въ Каргопольскую тюрьму, потомъ выкололи глаза и, наконецъ, утопили [34]). Лжепетра казнили, а главнаго зачинщика Сѣверскаго возстанія, князя Шаховскаго, какъ важнаго боярина, только сослали въ Каменный монастырь, на Кубенское озеро.

Довольный побѣдою, царь воротился въ Москву и 17-го Января 1608 г. отпраздновалъ свадьбу свою на княжнѣ Марьѣ Петровнѣ Буйносовой-Ростовской, съ которою былъ помолвленъ еще при Лжедимитріѣ І-мъ.

Торжество Шуйскаго было однакожъ непродолжительно. Самозванецъ усиливался: къ нему пришелъ изъ Литвы знаменитый Лисовскій, спасавшійся въ то время отъ смертной казни, которая грозила ему въ его отечествѣ; пришло нѣсколько знатныхъ пановъ, изъ которыхъ князь Романъ Рожинскій сдѣлался гетманомъ войскъ Самозванца и сталъ повелѣвать его именемъ; прибыли козаки Запорожскіе и Донскіе, послѣдніе подъ начальствомъ Заруцкаго. Но козакамъ было недостаточно одного самозванца: у нихъ явилось ихъ нѣсколько, подъ разными именами [35]), все сыновья и внуки Ивана Грознаго. Эти мелкіе самозванцы-царевичи исчезали, какъ привидѣнія, а главный началъ успѣшно свои дѣйствія.

Весною 1608 г. Самозванецъ, съ гетманомъ Рожинскимъ, двинулся къ городу Болхову и здѣсь, въ двухдневной битвѣ (10 и 11 Мая), поразилъ царское войско. Болховъ сдался. Желая воспользоваться побѣдою, Лжедимитрій спѣшилъ къ столицѣ, дѣлая по 50—60 верстъ въ день. На встрѣчу ему вышло царское войско, подъ начальствомъ князя М. В. Скопина-Шуйскаго и стало на р. Незнани. Но Рожинскій съ воромъ постарались избѣгнуть этой встрѣчи и повели свои полчища черезъ Козельскъ и Калугу на Можайскъ. На этомъ пути они не встрѣтили себѣ помѣхи и 1 Іюня расположились въ пятнадцати верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Тушинѣ. Не успѣли Поляки остановиться на своемъ новомъ мѣстѣ, какъ пришло извѣстіе, что Московская сила ратная готовится напасть на нихъ. Рожинскій рѣшилъ предупредить нападеніе Московскихъ воеводъ и напасть самому на Московскій обозъ.

[34]) По поводу казни Болотникова Костомаровъ замѣчаетъ: „сдѣлано это было втайнѣ; народъ не долженъ былъ знать, что царь нарушилъ обѣщаніе помиловать этихъ воровъ; но, вѣроятно, ихъ погубили съ боярскаго вѣдома. Казалось, невозможно было царю, обязавшемуся править по боярскому совѣту, оставить жизнь тому, кто посягалъ на униженіе и бояръ, и всего сословія лучшихъ людей“. (*Костомаровъ* Монографіи, т. V, 1868, 100).

[35]) См. у *Бутурлина* Исторія смутнаго времени, 1841, II, прилож. стр. 55—57.

Царское войско, въ числѣ семидесяти тысячъ, стояло на р. Ходынкѣ. Оно дѣлилось на три полка: большой, передовой и сторожевой; большимъ опять командовалъ М. В. Скопинъ. На Прѣснѣ стоялъ самъ царь, со всѣмъ разрядомъ [36]). Рожинскій напалъ ночью, въ расплохъ, на царское войско, захватилъ весь обозъ и гналъ бѣгущихъ до Прѣсни; но здѣсь, подкрѣпленные полками, высланными царемъ, бѣгущіе остановились и прогнали Поляковъ за р. Химку. Послѣдніе, опасаясь нападенія, окопали свой станъ, обставили частоколомъ, подѣлали башни и ворота.

Съ этого времени Тушино начинаетъ играть видную роль въ Русской исторіи. Въ Тушино цѣлыми толпами начали переходить изъ Москвы недовольные царемъ Василіемъ. Образовался особый классъ, такъ называемыхъ, *перелетовъ*, которые ради жалованья, или высшаго титула, переходили на службу въ Тушинскій лагерь, а потомъ возвращались къ царю Василію съ изъявленіемъ мнимаго раскаянія, и не стыдились по нѣскольку разъ повторять эту измѣну. Скоро Тушино превратилось въ цѣлый городъ: сюда пріѣхали Польскіе купцы и навезли товаровъ; изъ Русскихъ городовъ, признавшихъ Тушинскаго вора, также потянулись обозы, и Тушинцы во всемъ имѣли изобиліе. Ни одинъ Полякъ не оставлялъ Тушинскаго стана, напротивъ, приходили одинъ за другимъ новые отряды; такъ, пришелъ между прочими Янъ Сапѣга, староста Усвятскій, имя котораго, вмѣстѣ съ именемъ Лисовскаго, получило такую громкую извѣстность въ нашей исторіи. Но нужнѣе всѣхъ этихъ подкрѣпленій для Самозванца было присутствіе Марины въ его станѣ. Мечты вора исполнились. Еще съ весны въ Москвѣ шли переговоры о мирѣ; между боярами и Польскими послами заключено было трехлѣтнее перемиріе, съ тѣмъ условіемъ, что Шуйскій отпускаетъ въ Польшу Мнишка съ дочерью и всѣхъ задержанныхъ, послѣ убіенія перваго Лжедимитрія, Поляковъ, а король обязывается: отозвать всѣхъ Поляковъ, поддерживающихъ втораго Самозванца и впередъ никакимъ самозванцамъ не вѣрить и за нихъ не вступаться; Юрію Мнишку не признавать зятемъ втораго Самозванца; дочери своей за него не выдавать и Маринѣ не называться Московскою государынею. Узнавъ, что, въ исполненіе договора, Мнишекъ съ дочерью отпущены въ Польшу, Лжедимитрій велѣлъ перехватить ихъ на дорогѣ, что̀ и было исполнено. Старый Мнишекъ рѣшился продать дочь Тушинскому вору за богатыя обѣщанія, и Марина волею-неволею стала играть роль царицы въ Тушинѣ. Послѣ того на имя Лжедимитрія II-го начали сдаваться одинъ за другимъ города. Число войскъ его

---

[36]) По нынѣшнему—съ главнымъ штабомъ.

все росло. Непріятельскіе отряды разсѣялись по окрестностямъ Москвы и начали все грабить и предавать огню. Тридцатитысячный Польскій отрядъ, подъ предводительствомъ Сапѣги и Лисовскаго, осадилъ Троицкую Лавру... Положеніе Шуйскаго въ Москвѣ становилось день ото дня хуже и хуже. Противъ него составлялись заговоры и происходили даже открытыя возстанія. Однажды толпа недовольныхъ Москвитянъ собралась въ Кремль и, выведши силою патріарха Гермогена изъ Успенскаго собора на лобное мѣсто, начала кричать, что Шуйскій избранъ незаконно, одною Москвою, безъ согласія другихъ городовъ, что за него не стоитъ проливать кровь. Гермогенъ, увѣщевая бунтовщиковъ, между прочимъ, сказалъ: «доселѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и никакіе города Москвѣ не указывали, а указывала всѣмъ городамъ Москва». Послѣ этого мятежники, не находя ни въ комъ поддержки, ушли въ Тушино. Это однакожъ не успокоило волненія [37]).

III.

Посольство въ Швецію за помощью. — Волненія въ Новгородѣ и Псковѣ. — Дѣло Татищева.—Прибытіе наемнаго войска въ Россію, подъ начальствомъ Шведскаго генерала Якова Делагарди.—Возстановленіе царской власти на Сѣверѣ Россіи.—Разбитіе Сапѣги при Колязинѣ монастырѣ.

Въ такомъ безъисходномъ положеніи Шуйскій рѣшился прибѣгнуть къ иноземной помощи. Если Поляки нарушили обѣщаніе не поддерживать Тушинскаго вора, если воръ утвердился благодаря имъ въ Тушинѣ, то царю Василію естественно было обратиться съ просьбою о помощи къ врагу Сигизмунда III-го, королю Шведскому Карлу IX-му. Сей послѣдній еще ранѣе, неоднократно, предлагалъ Шуйскому свои услуги. Въ Февралѣ 1607 г., Выборгскій комендантъ писалъ къ Корельскому воеводѣ, князю Масальскому, что король его готовъ помогать царю, и послы Шведскіе давно уже стоятъ на рубежѣ, дожидаясь пословъ Московскихъ для переговоровъ. По приказанію Шуйскаго, отвѣтъ былъ данъ не только отрицательный, но и высокомѣрный. «По Божіей милости, у насъ (говорилось, между прочимъ, въ томъ отвѣтѣ) всѣ служатъ великому государю, царю и великому князю Василію Ивановичу, и нѣтъ никакой розни между нами и впередъ не будетъ; а вы, невѣдомо какимъ воровскимъ обычаемъ, пишете такія непригожія и злодѣйственныя слова. А что пишете о помощи, и я даю вамъ знать, что великому государю нашему помощи никакой ни отъ кого ненадобно, противъ всѣхъ своихъ недруговъ стоять можетъ безъ васъ, и

---

[37]). *Соловьевъ.* И. Р., VIII, 1873, 238—240.

просить помощи ни у кого не станетъ, кромѣ Бога» [38]). Черезъ нѣсколько времени Карлъ, зная печальное положеніе Россіи, прислалъ гонца своего въ Москву, когда царь стоялъ подъ Тулою. Правительство Московское рѣшилось притворяться сильнымъ и хотѣло скрыть отъ гонца цѣль царскаго похода. Бояре говорили ему, что царь-де пошелъ на Украйну противъ Крымскаго хана. Они на этотъ разъ обошлись со Шведами повѣжливѣе: благодарили короля за предложеніе помогать, но увѣряли, что въ ихъ государствѣ нѣтъ смуты, что если и были воры и душегубцы, то ихъ уже побили. Въ заключеніе, всетаки указывалось, что на измѣнниковъ «у нашего царскаго величества многія несчетныя Русскія и Татарскія рати» [39]). Но когда Тушинскій воръ сталъ подъ Москвою, когда почти ежедневно прибывали къ нему Польскія дружины, а царскія рати были побиты, Югъ совершенно отпалъ отъ царя, а на Востокѣ города стали колебаться въ самой Москвѣ произошло волненіе умовъ, тогда Шуйскій вспомнилъ о Шведской помощи.

Князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, не задолго предъ тѣмъ вступившій въ бракъ съ Александрою Васильевною Головиною [40]), долженъ былъ отправиться, по приказанію царя, въ Новгородъ, чтобы оттуда начать переговоры со Шведами.

Новгородцы издавна отличались привязанностію къ Шуйскимъ; во времена Грознаго они стояли за нихъ всѣмъ городомъ [41]). Можно было надѣяться на этотъ городъ и его землю, собрать тамъ ополченіе, а между тѣмъ Скопину пришлось послать посольство въ Стокгольмъ и уговориться на счетъ присылки Шведскаго войска. Въ Швецію онъ отправилъ стольника Семена Васильевича Головина, своего шурина и дьяка Сыдавнаго-Зиновьева, а самъ рѣшился остаться въ Новгородѣ. Онъ замѣтилъ, что и Новгородцы, прежде бывшіе вѣрными, начинали волноваться. Причиною этого были смуты въ сосѣднемъ Псковѣ.

Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, Василій Ивановичъ просилъ со Пскова девятьсотъ рублей. По всей справедливости, этотъ налогъ должны были нести «большіе» люди и богатые гости, «мужи,

---

[38]) *Дѣла Шведскія* Арх. М. И. Д; *Соловьевъ*. И. Р., VIII, 204—205.

[39]). *Тамъ же*, 205.

[40]) *Родос. кн.*, изд. редак. „Рус. Ст.", 1873, 34. — Впослѣдствіи она приняла монашество, съ именемъ Анастасіи. Тесть кн. Мих. Вас. Василій Петровичъ Головинъ былъ казначеемъ при первомъ Самозванцѣ и Василіѣ Шуйскомъ, въ званіи окольничаго; въ 1609 г. пожалованъ саномъ боярина (*Послуж. сп.* въ *Древ. Рос. Вивл.*, XX, 76, 80, 83). Въ памятной запискѣ, веденной неизвѣстнымъ Полякомъ въ Москвѣ, онъ отмѣченъ въ числѣ „пріятелей" Шуйскаго (Памят. XVII в., изд. *Мухановымъ*, 263—264). Умеръ 12 Янв. 1612 г., принявъ монашество (*Долгоруковъ*, Родосл. кн. I, 106).

[41]) *Соловьевъ*. И. Р., VI, 1877, 37.

по выраженію лѣтописи, славные, велики мнящіеся предъ Богомъ, богатствомъ кипящіе» [42]); но, при содѣйствіи воеводы, раскладка сдѣлана была такъ, что сборъ этотъ палъ на весь Псковъ, и въ томъ числѣ на бѣдныхъ людей и на вдовъ, а бѣдняковъ въ городѣ было, разумѣется, болѣе, чѣмъ богатыхъ. По поводу этого дѣла поднялся ропотъ во всенародномъ собраніи. Большіе люди и богатые гости отправили главныхъ крикуновъ съ деньгами въ Москву, какъ будто въ качествѣ выборныхъ, а тайно туда написали, что меньшіе люди во Псковѣ враждебны царю, посланные съ деньгами—главные измѣнники. Сихъ послѣднихъ посадили въ тюрьму, и только Псковскіе стрѣльцы, находившіеся въ Москвѣ, освободили ихъ отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. Это обстоятельство сильно возмутило народъ во Псковѣ, откуда враждебное настроеніе распространилось и на пригороды. Къ тому же воевода Московскій во Псковѣ Петръ Шереметевъ и дьякъ его, знаменитый впослѣдствіи, Иванъ Грамотинъ присвоили себѣ дворцовыя помѣстья и притѣсняли жителей. А между тѣмъ изъ Новгорода пришло приглашеніе соединиться съ нимъ и *Нѣмцами* (Шведами), которые «будутъ изъ-за моря тотчасъ въ помощь Новгороду и Пскову» противъ Поляковъ и Самозванца. Вѣковая борьба Пскова съ Нѣмцами и старинное соперничество съ Новгородомъ высказались въ отказѣ помочь общему дѣлу. Сентября 2-го (1608 г.), Псковитяне отворили городскіе ворота Тушинскому воеводѣ Ѳедору Плещееву, выпустили заключенныхъ изъ тюрьмы и снарядили отрядъ подъ Москву. Враждебное движеніе распространилось и далѣе. Ивангородъ (т. е. Нарва) присягнулъ Тушинскому царику; въ Орѣшекъ (Шлюссельбургъ) Скопина не впустили, когда онъ хотѣлъ занять этотъ городъ [43]). Псковскіе большіе люди вступили въ сношенія съ Новгородомъ, и за то подвергались жестокимъ пыткамъ и казнямъ [44]). Движеніе изъ Пскова сообщилось Новгороду, гдѣ чернь уже готовила измѣну Скопину-Шуйскому. По совѣту Новгородскаго воеводы, Михаила Игнатьевича Татищева, Скопинъ вышелъ изъ Новгорода и, не будучи впущенъ въ Орѣшекъ, находился въ стѣсненномъ положеніи, такъ какъ, не смотря на завязавшіеся переговоры со Шведами, онъ еще не могъ разсчитывать пока на ихъ помощь [45]). Поэтому онъ тщательно старался скрыть отъ нихъ настоящее положеніе Россіи: указывалъ на частную смуту въ ней отъ воровъ и Поляковъ и, чтобы получить скорѣе помощь, старался выставить ко-

---

[42]) *Псков. лѣт.*, 322.

[43]) *Пол. собр. Р. лѣт*, IV, *Псков. лѣт.*, 322—326; *Лѣт. о мятеж.*, 144.

[44]) *Псков. лѣт.*, 326.

[45]) *Лѣт. о мятеж.*, 144, 147.

ролю на видъ опасность, грозившую Швеціи со стороны Польши, въ случаѣ успѣховъ Самозванца [46]). Князь Михайло Васильевичъ рѣшился идти самъ въ Швецію. Онъ находился уже близъ устья Невы, какъ вдругъ явилось къ нему изъ Новгорода посольство. Митрополитъ Исидоръ своими увѣщаніями подѣйствовалъ на Новгородцевъ. Они послали за нимъ почетныхъ людей, которые просили вернуться и цѣловали крестъ за весь Новгородъ. Князь Михайло Васильевичъ возвратился и оттуда продолжалъ переговоры со Шведами о вспомогательномъ войскѣ. Прибывшій въ Новгородъ королевскій секретарь Монсъ Мартенсонъ («Монша Мартынычъ») договорился съ Скопинымъ, что Швеція выставитъ пятитысячный вспомогательный отрядъ за сто тысячъ ефимковъ въ мѣсяцъ или 140.000 рублей [47]). Заключеніе окончательнаго договора должно было состояться въ Выборгѣ [48]).

Въ Тушинѣ узнали, что Новгородъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, остался вѣренъ Шуйскому. Рѣшено было послать къ Новгороду отрядъ, чтобы придать отваги своимъ доброжелателямъ и устрашить противниковъ. Былъ отправленъ полковникъ Кернозицкій, съ Литовскими людьми. Узнавъ о приближеніи Кернозицкаго, Скопинъ-Шуйскій не хотѣлъ допустить его къ Новгороду и распорядился выслать противъ него отрядъ въ Бронницы. Начальствовать этимъ отрядомъ вызвался Мих. Игн. Татищевъ. Татищева не любили въ Новгородѣ [49]), и его недоброжелатели пришли къ Скопину и донесли ему, что Татищевъ сбирается измѣнить и нарочно выпросился идти въ Бронницы, чтобы помочь Кернозицкому овладѣть городомъ. Богъ вѣсть, сколько было правды въ этомъ доносѣ. «Трудно представить себѣ, говоритъ С. М. Соловьевъ, чтобы этотъ человѣкъ, такъ сильно стоявшій за старину, онъ крупно разговаривалъ со Львомъ Сапѣгою, разбранился съ Са-

---

[46]) *Videkindi* Hist. belli Sveco-moscovitici decennalis, MDCLXXII, 46—63.

[47]) Ефимками назывались у насъ рейхсталеры; слово „ефимокъ", по мнѣнію Олеарія, произошло отъ Jochimsthaler.

[48]) *Дѣла Шведскія* у Соловьева, И. Р., VIII, 210.

[49]) Мих. Игн. Татищевъ, имя котораго мы не разъ упоминали, впервыя выдвинулся при Годуновѣ, благодаря разнымъ дипломатическимъ порученіямъ, удачно выполненнымъ, дослужился до думнаго дворянина, въ каковомъ званіи оставался при Лжедимитріи, пріобрѣлъ любовь послѣдняго, которая, впрочемъ, не была продолжительна; онъ скоро примкнулъ къ партіи В. И. Шуйскаго и вмѣстѣ съ нимъ руководилъ возстаніемъ противъ Самозванца. По воцареніи Вас. Ив., Татищевъ, вмѣстѣ съ братомъ царскимъ Димитріемъ, участвовалъ въ перенесеніи мощей св. Димитрія царевича, и затѣмъ получилъ воеводство въ Новгородѣ. Татищевъ былъ человѣкъ книжный, большой ревнитель старины. Но эти качества не спасли его отъ насильственнаго способа дѣйствій, которымъ отличались тогдашніе правители областей. (См. *Врем. Моск. общ. ист.*, VIII, смѣсь, 1—40). Этимъ, вѣроятно, и объясняется нелюбовь къ нему Новгородцевъ, о которой говорятъ наши историки.

мозванцемъ за телятину, убійца Басманова, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ заговорщиковъ противъ перваго Лжедимитрія, хотѣлъ передаться второму» [50]). Костомаровъ объясняетъ доносъ на Татищева подозрительностію того времени и нелюбовью къ немъ въ Новгородѣ, но не входитъ въ разсмотрѣніе причинъ [51]). Профессоръ В. С. Иконниковъ, разобравъ подробно дѣло Татищева, допускаетъ возможность намѣренія со стороны сего послѣдняго измѣнить царю Василію. Татищевъ, по его мнѣнію, видя переходъ Пскова, Ивангорода и Орѣшка на сторону Самозванца, успѣхъ Кернозицкаго на пути къ Новгороду (онъ занялъ Торжокъ и Тверь), занятіе его помѣстій Тушинцами, нерасположеніе къ себѣ въ Новгородѣ, рѣшился и самъ передаться на сторону Самозванца. Такъ поступали многіе тогда; такъ было и на глазахъ Татищева во Псковѣ и Орѣшкѣ. Далѣе В. С. Иконниковъ говоритъ: «Замѣчательно, что о существованіи замысла Татищева сообщили Скопину «многіе Новгородцы» (Нов. лѣт., 99) и они же являются на первомъ планѣ въ рѣшеніи участи виновнаго. Съ другой стороны, заслуживаетъ вниманія то, что князь Скопинъ, послѣ удовлетворенія гнѣва толпы, не послалъ уже отряда противъ Кернозицкаго, какъ видно, опасаясь измѣны; а когда Кернозицкій подошелъ къ Хутынскому монастырю и сталъ опустошать Новгородскій уѣздъ, то «многіе дворяне измѣнили и отъѣхали въ Литовскіе полки» (ib.), слѣдовательно, заговоръ дѣйствительно существовалъ». Въ томъ самомъ, что имущество Татищева продавалось съ торговъ, безъ указа изъ Москвы, В. С. Иконниковъ видитъ подтвержденіе измѣны, такъ какъ часть вырученныхъ отъ продажи денегъ пошла на удовлетвореніе общественныхъ потребностей [52]).

Князь Скопинъ выслушавъ обвиненіе, не отважился въ такое время самъ разсудить важное дѣло. Онъ собралъ всѣхъ ратныхъ людей, призвалъ Татищева и объявилъ о доносѣ на него. Толпы взволновались, безъ всякаго изслѣдованія бросились на Татищева и умертвили его [53]). Князю Михайлу Васильевичу оставалось оплакивать неосторожность, съ которою онъ подвергнулъ участь знатнаго боярина безсмысленному суду скопища, обуреваемаго страстями. По крайней мѣрѣ, онъ похоронилъ тѣло его въ Антоньевѣ монастырѣ [54]), а имущество велѣлъ продать съ торговъ, какъ поступали въ старину, въ Новгородѣ, послѣ

[50]) *Соловьевъ.* И. Р., VIII, 247.
[51]) *Костомаровъ.* Моногр. V, 172.
[52]) *Иконниковъ.* „Др. и нов. Россія“, 1875, II, 30—32.
[53]) *Новгор. Лѣт.*, 99; *Лѣт. о мятеж.*, 146.
[54]) *Тамъ же*—позднѣйшая вставка (*Иконниковъ*, 31, прим.); *Ник. Лѣт.* 189.

народнаго суда. Самъ князь Скопинъ взялъ себѣ нѣсколько вещей [55]). Какъ бы ни представлялось страннымъ это дѣло въ жизни князя Скопина-Шуйскаго; но оно, по самой неясности своей, едва ли можетъ набросить какую-либо тѣнь на личность молодаго полководца. Мы видѣли, что Скопинъ отдалъ послѣдній долгъ Татищеву, похоронивъ его съ честію. Карамзинъ, называя Татищева «лукавымъ царедворцемъ», объясняетъ исходъ дѣла неопытностію Скопина, не съумѣвшаго удержать страсти противъ человѣка едвали виновнаго [56]). Костомаровъ ставитъ въ упрекъ Скопину, почему онъ, вмѣсто того, чтобы защищать Татищева или разбирать справедливость доноса, выдалъ его головою народу. Негодованіе противъ Татищева было такъ сильно, что князь Михайло Васильевичъ не могъ даже изслѣдовать дѣла; да, впрочемъ, какъ мы видѣли, онъ и не имѣлъ этого въ виду: онъ только огласилъ его поступокъ.

Кернозицкій безпрепятственно приближался къ Новгороду, но отрядъ, собравшійся въ окрестностяхъ Новгорода и слухъ о сборѣ большаго войска подъ Грузинымъ заставили его поспѣшно удалиться отъ города. Это обрадовало Скопина и Новгородцевъ [57]).

Радость Скопина не имѣла границъ, когда онъ вскорѣ получилъ извѣстіе, что Русскимъ уполномоченнымъ, высланнымъ въ Выборгъ, удалось заключить, въ концѣ Февраля 1609 г., окончательный договоръ съ представителями Шведскаго правительства [58]). На основаніи этого договора, Шуйскій отказывался за себя и своихъ наслѣдниковъ отъ правъ на Ливонію и уступалъ Корельскій уѣздъ Швеціи; обѣ стороны обязались не заключать отдѣльнаго мира и быть общими врагами противъ Польши. Шведы, воюя въ Россіи, должны были щадить Русскіе города и даже плѣнныхъ Русскаго происхожденія. Карлъ IX-й обязался выставить на помощь Шуйскому двѣ тысячи конницы, три тысячи пѣхоты и неопредѣленное число охотниковъ [59]). Еще до окончательнаго утвержденія договора, въ началѣ Января (1609 г.), Карлъ IX-й увѣдомлялъ Новгородцевъ, что онъ, по просьбѣ ихъ, послалъ имъ на помощь ратную силу «пособлять за старую Греческую вѣру; поэтому

---

[55]) Напр., нѣсколько штукъ холста и сукна на шатры, скатерти, 500 копенъ сѣна сверхъ того серебряные кубки, Персидскую саблю, цѣною въ 50 руб. и др. (*Иконниковъ*, 32). См. Опись Татищевскаго имѣнія во Временникѣ Моск. Общ. Ист., 1850 г., т. V.

[56]) *Карамзинъ*. И. Г. Р., XII, 90.

[57]) *Лѣт. о мятеж.*, 147.

[58]) Провинціальнымъ судьею южной Финляндіи, Арвидомъ Антоніемъ Вильдманомъ де-Тьюстерби, провинціальнымъ судьею Кареліи и Выборгскимъ кастелляномъ, Антоніемъ Георгомъ де-Хегсгердъ, военнымъ совѣтникомъ, Абовскимъ губернаторомъ, Отто Мернеръ и королевскимъ совѣтникомъ Эрикомъ Элофсономъ (*Videk*. 51).

[59]) *Ак. ист.*, II, №№ 158, 159, 160, 189, 196.

берегитесь, заключаетъ грамота, и примите думу, пока вамъ подмогу даютъ, или сами увидите: если Поляки и Литва надъ вами силу возьмутъ, то не пощадятъ ни патріарха, ни митрополитовъ, ни архіепископовъ, ни игуменовъ, ни воеводъ, ни дьяковъ, ни дворянъ, ни дѣтей боярскихъ, ни гостей, ни торговыхъ людей, ни дѣтенковъ въ пеленкахъ, не только что иныхъ, доколѣ не изведутъ славный Россійскій родъ». Сохранилась подобная грамота Каянбургскаго Шведскаго воеводы Исаака Бема къ игумену Соловецкаго монастыря, съ убѣжденіемъ не отступать отъ Шуйскаго [60]).

Шведы выполнили свои обязательства: кромѣ пяти тысячъ наемниковъ, они выставилъ еще около десяти тысячъ человѣкъ разноплеменнаго сброда, подъ начальствомъ Якова Делагарди [61]) и генераловъ: Еверта Горна, Христіерна Зоме («Крестенъ Шуръ»), Акселя Курка и Андрея Бойе. Это войско вступило въ Русскіе предѣлы 16 Марта; на границѣ его встрѣтилъ высланный впередъ Иванисъ Григорьевичъ Ододуровъ, съ тремя стами ратныхъ. 25-го Апрѣля прибыло вновь три тысячи шестьсотъ сорокъ три человѣка конницы; но князь Михайло Васильевичъ надѣялся еще на прибытіе двухъ тысячъ человѣкъ. Медленность въ движеніи вспомогательнаго войска объясняется, во первыхъ, трудностію пути: по причинѣ зимняго времени оно должно было обой-

---

[60]) *Соловьевъ*, И. Р., VIII, 246—247.

[61]) Яковъ Понтусъ Делагарди род. 20 Іюня 1583 г. (*Pierer's* Univers. Lex., VI, 926; Diction. génér. de bibliographie et d'histoire par *Dezobry et Bachelet*, II, p. 1518; *Brockhaus* Convers-Lex. 13 Aufl., VII, 538), слѣдовательно, въ данное время онъ имѣлъ всего 27 лѣтъ отъ роду, т.-е. былъ почти ровесникъ Скопину. Онъ былъ сынъ незаконной дочери короля Іоанна, племянницы Карла IX и Французскаго выходца, реформата, знатнаго происхожденія. Въ молодости началъ военное поприще противъ Поляковъ, былъ при осадѣ Вольмара взятъ въ плѣнъ и провелъ въ плѣну пять лѣтъ; по освобожденіи служилъ въ Голландіи, у принца Морица Нассаускаго и пріобрѣлъ тамъ славу знатока военнаго искусства. Отъ отца, въ свое время талантливаго полководца, Яковъ Делагарди наслѣдовалъ титулъ барона Колькскаго и Рунзскаго (*Долгоруковъ*. Родосл. кн. 90), а въ 1615 г. за свои подвиги, онъ былъ возведенъ кор. Густавомъ-Адольфомъ въ графское достоинство (замѣтимъ, что это было единственное пожалованіе за все царствованіе Густава-Адольфа). Делагарди послѣдовательно занималъ должности: рейхсрата, государственнаго маршала, президента военной коллегіи и генералъ-губернатора Лифляндіи и Эстляндіи; по смерти Густава-Адольфа, находился въ числѣ государственныхъ опекуновъ, во время малолѣтства королевы Христины. Онъ былъ женатъ на Евѣ Браге, дочери графа Магнуса Браге и имѣлъ отъ нея дѣтей, изъ нихъ—сынъ Магнусъ Гавріилъ Делагарди состоялъ государственнымъ канцлеромъ, членомъ правительствующаго совѣта въ малолѣтство Карла XII и генералъ-директоромъ юстиціи Шведскаго королевства. Яковъ Делагарди скон. 12 Августа 1652 г.—Изъ остальныхъ генераловъ, послѣ Делагарди, наибольшими способностями выдавался Евертъ Горнъ. Подъ руководствомъ Делагарди и Еверта Горна, этихъ, по выраженію Шлоссера, „двухъ лучшихъ полководцевъ Сѣвера“ образовался самъ Густавъ-Адольфъ (*Шлоссеръ*, Всемір. ист. XIV, 164, 173—174; ср. также *Wagner's* Gesch. d. Nord. IV, 918).

ти Ботническій заливъ, и во вторыхъ, разсчетами Шведовъ: имъ желательнѣе было соединиться съ Скопинымъ не ранѣе срока, назначеннаго для полученія отъ него подтвержденія договора объ уступкѣ Корелы.

Одно уже появленіе Шведовъ заставило сдаться Орѣшекъ царю Шуйскому; между тѣмъ какъ Московскіе воины, по замѣчанію Шведовъ, были такіе, что годились болѣе къ сохѣ, чѣмъ къ войнѣ.

Делагарди съ своимъ войскомъ приближался къ Новгороду. Отъ города верстъ за семьдесятъ прибылъ къ нему посланный князя Скопина-Шуйскаго и просилъ, чтобы онъ не велъ всего войска въ самый Новгородъ, ограничился бы 3.600 чел., а остальные отряды расположилъ въ Тёсовѣ. 14-го Апрѣля Делагарди имѣлъ торжественный въѣздъ въ Новгородъ [62]), при встрѣчѣ его палили изъ ружей и пушекъ. Скопинъ привѣтствовалъ его въ городѣ. Въ первомъ свиданіи двухъ вождей было много ободрительнаго для окружавшихъ. Оба были молоды и оба успѣли прославиться; отъ ихъ дружнаго усилія можно было ожидать великихъ дѣлъ. Скопинъ произвелъ на Шведовъ самое благопріятное впечатлѣніе. «Имѣя отъ роду всего 23 года», пишетъ Видекиндъ, «онъ отличался статнымъ видомъ, умомъ зрѣлымъ не по лѣтамъ, силою духа, привѣтливостію, воинскимъ искусствомъ и умѣньемъ обходиться съ иностранцами» [63]). «Его величество король Шведскій», началъ Делагарди [64]), «слышалъ о бѣдствіяхъ Московской земли, которую, по наученію Поляковъ, терзаютъ обманщики, называясь членами царственнаго дома, и губятъ землю и народъ. Чтобы не дать успѣвать злу далѣе, его величество король, по просьбѣ вашего государя, послалъ на помощь нѣсколько тысячъ ратныхъ людей, а когда нужно будетъ, пришлетъ еще и болѣе, для освобожденія Московскаго государства отъ страха ложныхъ царей. Король желаетъ, чтобы вашъ государь и все Московское государство процвѣтали вѣчно, а враги, взявшіе теперь такой верхъ, получили бы достойное наказаніе на страхъ другимъ». Скопинъ, по Русскому обычаю, поклонился до земли, прикоснувшись

---

[62]) Время прибытія къ Новгороду Шведскаго вспомогательнаго войска не всегда обозначается у нашихъ историковъ съ точностію. На основаніи оффиціальнаго донесенія о вспомогательномъ войскѣ царю, сдѣланнаго Скопинымъ уже въ Маѣ 1609 г. (*Акт. экс* II, 226), мы считаемъ днемъ прибытія Делагарди въ Новгородъ 14 Апрѣля, съ чѣмъ согласны Бутурлинъ (Ист. смут. вр., II, 250—252) и Иконниковъ „Древ. и нов. Росс." 1876, II, 129).

[63]) *Videk.*, 62, ср. *Львов. лѣт.*, стр. 249, гдѣ сказано: „сильно разумѣлъ, какъ съ пограничными чужестранными людьми честное обхожденіе имѣть".

[64]) Въ качествѣ переводчика при Делагарди состоялъ одинъ изъ тѣхъ Русскихъ, по имени Димитрій, которые были посланы при Годуновѣ учиться за границу (см. нашу ст. „Русскіе религіозные вольнодумцы XVII в." въ „Странникѣ" 1887 г., кн. 7—8; ср. *Беръ* въ Сказ. совр. о Д. Самозванцѣ, I, 18).

къ нею рукою. Въ своей отвѣтной рѣчи онъ старался скрыть настоящее положеніе дѣлъ и представить ихъ въ лучшемъ видѣ, чтобы не дать союзникамъ права думать, что отъ нихъ однихъ зависитъ все спасеніе земли Русской. «Благодаримъ и вся земля Русская благодаритъ великаго короля Карла, сказалъ князь Михайло Васильевичъ, что онъ, по христіанскому милосердію, оказываетъ намъ помощь. Великій государь нашъ, слава Богу, находится въ благополучіи, и всѣ подданные Московскаго государства ему прямятъ; только какихъ-нибудь тысячъ восемь Русскихъ бездѣльниковъ, по незнанію, пристало къ четыремъ тысячамъ Поляковъ, да къ двумъ тысячамъ казаковъ, да къ разнымъ разбойникамъ, и они заложили дороги къ Москвѣ, Смоленску и Новгороду. Мы доселѣ противъ нихъ не ходили большою силою, ожидая вашего прихода, потому что они выбѣгаютъ, пустошатъ землю и тотчасъ же прячутся за валы, въ остроги; да и городскіе жители имъ не вѣрятъ. Мы же здѣсь уже тридцать семь недѣль стоимъ. Новгородскую землю опустошили тысячи двѣ Литовскихъ людей, да тысячи четыре Московской земли воровъ, и нашихъ городскихъ людей побито сотни четыре; но только услышали воры, что вы приходите, тотчасъ и убѣжали изъ Новгорода: одни въ воровской Тушинскій обозъ, а другіе въ Старую Русу». Въ заключеніе князь Скопинъ просилъ Делагарди, чтобы онъ своихъ людей прямо изъ Тёсова велъ на Старую Русу: «какъ только слухъ разойдется по Московской землѣ что вы пришли, такъ многіе, что̀ теперь отложились, принесутъ прежнюю покорность». Делагарди замѣтилъ ему, что прежде надобно утвердить договоръ, заключенный въ Выборгѣ, заплатить жалованье войску и дать ему отдыхъ послѣ долгаго пути [65]). Тогда Скопинъ подтвердилъ и 24-го Апрѣля скрѣпилъ своею подписью Выборгскій договоръ и далъ грамоту на отдачу Швеціи Корелы съ уѣздомъ, черезъ два мѣсяца послѣ вступленія Шведовъ во владѣнія Московскаго государства [66]). Отдача Корелы была важнымъ шагомъ въ дѣятельности Скопина: онъ бралъ на себя обязательство отдать въ чужія руки часть Русской земли, что̀, при тогдашней слабости царя, не могло бы, повидимому, совершиться иначе, какъ съ согласія земскаго собора; стѣсненныя обстоятельства не дозволяли медлить. Скопинъ выдалъ Делагарди остальныя двѣсти рублей, въ счетъ пяти тысячъ рублей деньгами, которыя слѣдовали не въ зачетъ, сверхъ того три тысячи уплатилъ собольими мѣхами, за недостаткомъ звонкой монеты. Все это не составляло и пятой части мѣсячнаго жалованья: платить было нечѣмъ. Те-

[65]) *Videk.*, 62—64.

[66]) *Акт. ист.*, II, 220.

перь пригодился и съѣстной запасъ покойнаго Татищева: всѣ пряныя зелья, моченые плоды, вино, пиво, мясной и рыбный запасъ, были отданы въ расходъ про Нѣмецкихъ людей. А Делагарди получилъ отъ Скопина въ подарокъ булатный хонжаръ Татищева, стоимостію въ 25 рублей, и серебряную вызолоченную узду, въ 4 рубля.

Получивъ деньги и грамоту, Делагарди уѣхалъ къ своему войску. Идти на Старую Русу, гдѣ стоялъ Кернозицкій, онъ пока не рѣшался, по причинѣ весенней распутицы. Удобнымъ и полезнымъ казалось Шведскимъ генераламъ, пока совсѣмъ установится путь, заняться покореніемъ отпавшихъ городовъ: Пскова, Яма, Копорья. Но Головинъ и Сыдавный, по наказу Скопина, торопили Делагарди идти скорѣе на главныя силы. Планъ Скопина состоялъ въ томъ, чтобы освободить Москву и уничтожить Тушинскаго вора. Скопинъ разсчитывалъ, что когда въ Москвѣ и подъ Москвой дѣла поправятся въ пользу Шуйскаго, то мятежные города покорятся сами собою въ доказательство онъ указывалъ Шведамъ на Ярославль, о которомъ тогда пришла утѣшительная вѣсть, что онъ отложился отъ вора, какъ только услышалъ о приходѣ Шведовъ. Скопинъ хорошо понималъ, что если заботиться о городахъ поодиночкѣ, то, можетъ быть, съ потерею крови и силы и удастся возвратить къ повиновенію одинъ - другой городъ, но тѣже самые города отпадутъ, какъ скоро отойдетъ отъ нихъ войско. Только къ Пскову Скопинъ согласился послать отрядъ, вмѣстѣ съ Шведскимъ, въ видѣ особенной важности этого города. По настояніямъ Скопина передовой отрядъ изъ Шведскихъ (Горнъ) и Русскихъ войскъ (Чулковъ и Головинъ), численностію до 4.000, вскорѣ выступилъ къ Старой Русѣ [67]). Скопинъ готовился идти за ними вслѣдъ съ Делагарди.

Кернозицкій выслалъ разъѣздъ изъ 300 человѣкъ провѣдать, что́ дѣлается. Этотъ разъѣздъ наткнулся на передовой отрядъ и былъ разбитъ, спаслись только шесть человѣкъ. Делагарди услышалъ объ этомъ и послалъ къ Горну подкрѣпленіе: по извѣстію Шведскаго историка, 470 конныхъ и 200 пѣшихъ [68]), а по Русскимъ извѣстіямъ у него было 1.800 человѣкъ [69]).

Кернозицкій, провѣдавъ, что на него идетъ значительная сила, сжегъ Старую Русу и поспѣшно удалился. Союзное войско нагнало Кернозицкаго, 5-го Мая, подъ селомъ Каменками и здѣсь нанесло ему жестокое пораженіе: шестьсотъ тѣлъ Литовскихъ и казацкихъ валялись по полю, кромѣ тѣхъ, которые погибли въ болотахъ, куда бѣжали.

---

[67]) *Акт. Экс.*, II, 219, 226.
[68]) *Vidck.*, 68.
[69]) *Акты Экс.*, II, 226.

побѣдители взяли пять мѣдныхъ и пять желѣзныхъ пушекъ, десять бочекъ пороху, лошадей и много плѣнныхъ [70]). Разбитый Кернозицкій убѣжалъ въ Тушино и принесъ грозную вѣсть о томъ, что съ Сѣвера идетъ сильное войско. Изъ Тушина отправили для защиты пути Зборовскаго, съ Литовскими людьми, казаками и Русскими измѣнниками. Между тѣмъ пораженіе пана Кернозицкаго значительно содѣйствовало подчиненію сѣверныхъ городовъ Москвѣ: Русскія силы постоянно увеличивались на пути, благодаря отпаденію городовъ отъ Тушинскаго царика. Такъ, сдались одинъ за другимъ: Торопецъ, Невель, Холмъ, Великія Луки, Ржевъ; только Псковъ по прежнему упорствовалъ. Скопинъ отправилъ и ко Пскову отрядъ, подъ начальствомъ Лазаря Осинина, да Тимоѳея Шарова, съ казаками. Осининъ и Шаровъ по дорогѣ освободили (8 Мая) Порховъ, гдѣ сидѣлъ въ осадѣ, стѣсненный воровскою шайкою, воевода, кн. Иванъ Мещерскій и, вмѣстѣ съ нимъ и съ сидѣвшими въ осадѣ ратными людьми, двинулись на Псковъ. Въ это время къ нимъ подоспѣлъ на помощь еще отрядъ, подъ начальствомъ Зоме [71]). 18-го Мая Русско-Шведское войско было въ виду города, взять который, повидимому, не представляло особенныхъ трудностей: 15-го Мая городъ выгорѣлъ почти весь; кромѣ того какой-то выходецъ, Псковскій посадскій человѣкъ, обнадежилъ Скопина, что Псковъ немедленно передастся [72]). На дѣлѣ вышло не такъ.

Псковскіе лучшіе люди и духовенство сносились съ войсками Шуйскаго, желая сдать городъ царю и тѣмъ усилить свою партію, низложить противниковъ. А мелкіе люди (стрѣльцы, казаки, поселяне) держали сторону царика, о милостяхъ котораго имъ столько натрубили... Провѣдавъ объ «измѣнѣ» лучшихъ людей, они отняли у сихъ послѣднихъ лошадей и отдали ихъ стрѣльцамъ для битвъ съ царскими войсками, заперли въ палаты женъ отъѣхавшихъ лучшихъ людей, переписали ихъ имѣнія. Казачій атаманъ Корсаковъ далъ знать въ Псковъ о приближеніи царскаго войска; но лучшіе люди утаили это извѣстіе и посадили въ тюрьму гонца. Меньшіе, ничего не зная, спокойно вышли всѣ за городъ, на встрѣчу иконѣ Богородицы, приносимой 28-го Мая изъ Печерскаго монастыря, какъ вдругъ пушечная пальба извѣстила ихъ, что непріятель у города. Выстрѣлы заставили народъ поспѣшно воротиться въ городъ; ворота заперли. Тогда мелкіе люди, разсвирѣпѣвъ, выбрали себѣ головой мужика, по имени Тимоѳея, а по прозвищу Кудекуша Трепецъ. Ему дали полную власть творить рас-

---

70) *Videk.*, 69; *Ник. лѣт.*, 118.

71) *Videk.*, 71.

72) *Акт. Экс.*, II, 227.

праву. Кудекуша возстановилъ Псковскую старину: вѣчевой колоколъ сзывалъ народъ на площадь; тамъ, по приказанію диктатора, меньшіе люди мучили, жгли, кости ломали боярамъ, священникамъ и всѣмъ лучшимъ людямъ, которыхъ подозрѣвали въ наклонности сдать Псковъ [73]). Царское войско стало на Любатовѣ и опустошало окрестныя поля. Но когда дошла вѣсть до Скопина-Шуйскаго, что Псковъ не сдается, то онъ разсудилъ, что не годится тратить времени и людей, и приказалъ военачальникамъ, осаждавшимъ городъ, отойти отъ него и соединиться съ главнымъ войскомъ. Самъ князь Скопинъ выступилъ изъ Новгорода, 10-го Мая, съ 2.000 человѣкъ, и шелъ медленно, поджидая соединенія разосланныхъ отрядовъ и генерала Делагарди. Сей послѣдній вышелъ, со всѣмъ своимъ войскомъ, изъ Тёсова въ тотъ же день, 10-го Мая. Въ Торжкѣ присталъ къ Скопину воевода князь Барятинскій, съ 3,000 дѣтей боярскихъ и землевладѣльцевъ Смоленскихъ, смиривъ на пути Дорогобужъ и Вязьму [74]). Вслѣдъ за Торжкомъ сдались и прислали повинныя: Ржева Володимирова, Старица и Осташковъ. 6-го Іюня соединился съ Скопинымъ Делагарди. Союзники спѣшили къ Твери. Во время стоянки на Крестецкомъ Ямѣ, князь Скопинъ получилъ изъ Торжка отъ своего воеводы Чоглокова донесеніе, что на Торжокъ наступаютъ Зборовскій и князь Григорій Шаховской, съ 3,000 измѣнниковъ и Ляховъ, и что на пути они снова взяли Старицу, гдѣ ратныхъ людей было мало, перебили защитниковъ и сожгли городъ. Тѣмъ временемъ князь Скопинъ отрядилъ къ Торжку Головина и Еверта Горна. Имѣя, по свидѣтельству Шведскаго историка, не болѣе 2,000 воиновъ [75]), они сразились съ непріятелемъ. Бой былъ кровопролитный, и съ обѣихъ сторонъ пало много людей [76]). Литва наступала на царскіе полки въ три роты: двѣ роты были разбиты, а третья прорвалась сквозь Шведскіе и Русскіе полки; однако изъ города сдѣлали вылазку и прогнали ее. Тогда Зборовскій ушелъ къ Твери, узнавъ, что къ Торжку идетъ самъ князь Скопинъ съ большимъ войскомъ. Дѣйствительно, Скопинъ и Делагарди спѣшили застать въ Торжкѣ Зборовскаго. Не заставши его, они выступили къ Твери. На дорогѣ явился посланецъ отъ Зборовскаго,—съ письмомъ отъ этого пана къ Делагарди. Онъ покушался отвлечь Шведскаго военачальника отъ союза съ Шуйскимъ, извѣщалъ, что Поляки защищаютъ дѣло правое, стоятъ за законнаго государя Московскаго Димитрія противъ похитителя, и убѣждалъ Делагарди

---

[73]) *Псков. лѣт.*, 326.

[74]) *Акт. ист.*, II, 274.

[75]) *Videk.*, 73.

[76]) *Marchockiego* Hist. wojny moskiewskiey, Pozn. 1841, 49; *Pauli Piaseccii* episcopi Praemisliensis Chronica, 1645, 262; *Videk.*, 73.

со своими войсками перейти на сторону Димитрія, увѣряя, что Шведы обмануты людьми лживыми и злыми. Делагарди отправилъ къ нему такой отвѣтъ: «Я пришелъ сюда, въ Московское государство, рѣшить не словами, а оружіемъ вопросъ, кто справедливъ, Поляки или Москвитяне. Мое дѣло служить своему королю, строить воинскіе ряды, рубить мечемъ и стрѣлять изъ ружья». Онъ прибавилъ въ письмѣ своемъ нѣсколько язвительныхъ намековъ противъ Поляковъ и на счетъ Димитрія, и послалъ это письмо уже не съ тѣмъ, кто его принесъ: послѣдняго посадили на колъ за то, что онъ сталъ возмущать Шведскихъ солдатъ [77]. Зборовскій, получивъ неблагопріятный для себя отвѣтъ, не сталъ дожидаться враговъ и рѣшился выйти имъ на встрѣчу. Битва произошла во время сильной грозы, сопровождавшейся проливнымъ дождемъ, который препятствовалъ дѣйствію пальбы. Непріятель, ударивъ съ копьями на лѣвое крыло Русско-Шведскаго войска, обратилъ часть его въ бѣгство, и хотя правое крыло, гдѣ начальствовалъ Делагарди, оттѣснило непріятеля въ городъ (причемъ самъ Зборовскій былъ раненъ и едва спасся отъ плѣна), но союзники отступили. Сраженіе прекратилось. Дождь лилъ цѣлые сутки. Побѣдители вошли въ Тверь. На другой день была такая же дождливая погода. Ни тѣ, ни другіе не выходили начинать сраженіе. Здѣсь показалъ князь Скопинъ-Шуйскій свой истинный военный талантъ. Онъ разсчиталъ, что Поляки, послѣ перваго успѣха, станутъ самонадѣянны, и тутъ-то ихъ можно будетъ разбить. На третій день, 13-го Іюля, за часъ до разсвѣта, когда Ляхи безпечно спали въ острогѣ, князь Михайло тихо приблизился, напалъ и взялъ его безъ урона: восходящее солнце освѣтило царскія хоругви и кучи непріятельскихъ тѣлъ [78]. Скопинъ, обнявъ Делагарди, благодарилъ его за мужество Шведовъ [79], которые хотѣли вломиться въ городъ, куда бѣжала часть разбитаго непріятеля; но Михайло Васильевичъ, жалѣя людей, велѣлъ прекратить безполезную сѣчу, такъ какъ предвидѣлъ, что обезсиленный непріятель или мирно сдастся на договоръ, или убѣжитъ. Черезъ нѣсколько часовъ дѣйствительно Ляхи ушли изъ Твери, до половины сожженной и наполненной трупами [80].

Князь Скопинъ двинулся впередъ; онъ уже былъ не далеко отъ Москвы, какъ вдругъ получилъ вѣсть, что, шедшіе за нимъ иноземцы отказываются служить, подъ предлогомъ, что имъ не выдано полнаго

---

[77]) *Videk.*, 75, 81.

[78]) *Ник. лѣт.*, 120; *Рукоп. Филар.*; *Videk.*, 75.

[79]) *Petrus Petreus* de Erlesunda Regni Muschowitici Geiographia, thet är: Eln wiss och egentelich Beskriffning om Rydzland, med thes mängå och stora Furstendömers etc. Tryckt i Stockholm, är 1615, Нѣмец. изд. 1620 г., 422.

[80]) *Рукоп. Филар.*; *Ник. лѣт.*; *Videk.*, 84, 88.

жалованья, что «вѣроломство Москвитянъ всѣмъ извѣстно», что идти въ глубь Московскаго государства, на вѣрную смерть, они не желаютъ, что жены и дѣти ихъ безъ защиты дома [80]). Пославъ уговорить Делагарди возвратиться, Скопинъ перешелъ Волгу подъ Городнею на соединеніе съ ополченіями, шедшими къ нему изъ сѣверныхъ городовъ, и, по лѣвому берегу, достигъ Колязина, гдѣ и остановился. Между тѣмъ Делагарди, послѣ чрезвычайныхъ усилій, удалось кое-какъ уговорить войско слѣдовать впередъ [81]). Одинъ изъ Шведскихъ военачальниковъ, Христіернъ Зоме, съ отрядомъ въ 250 чел. конницы и 720 пѣхоты, подошелъ къ Колязину и соединился съ Скопинымъ [82]).

Тѣмъ временемъ соединился и Зборовскій съ Сапѣгою; у нихъ было тысячъ двѣнадцать войска, да сверхъ того неопредѣленное количество казаковъ. Они отправились подъ Колязинъ, 14 Августа остановились при Рябой пустынѣ, верстахъ въ двадцати отъ Колязина. Но Скопинъ узналъ объ этомъ движеніи и отправилъ за Волгу отрядъ, подъ начальствомъ князя Якова Барятинскаго, Головина, Валуева и Жеребцова, а самъ располагалъ двинуться имъ на помощь, когда будетъ нужно.

Передовыя рати сошлись на топкихъ берегахъ Жабны и утромъ 18-го Августа, когда Тушинцы начали переходить рѣку, Московскіе воеводы ударили на нихъ и сбили въ сторону, въ болото. Этимъ движеніемъ они дали время князю Михайлу приготовиться, занять выгодныя мѣста, распорядить движенія. Князь Скопинъ и Зоме переправились черезъ Жабну и напали на Тушинцевъ сами. Должна была произойти рѣшительная битва. Тушинцы, наконецъ, столкнулись съ тѣмъ Скопинымъ, который такъ долго ихъ пугалъ; побѣда надъ нимъ должна была разсѣять обаяніе, окружавшее его личность. Съ другой стороны Скопинъ зналъ, что отъ побѣды въ этотъ разъ надъ соединенными силами важнѣйшихъ вождей смуты зависятъ на будущее время его сила и значеніе. Пальба и сѣча продолжались цѣлый день. Отъ густого дыма трудно было распознать, кто съ кѣмъ бьется. На закатѣ солнца Русскіе съ криками: «преподобный отче, Макаріе, моли Бога за насъ, помоги намъ!» двинулись впередъ такъ дружно и сильно, что Тушинцы подались, стали отступать и, наконецъ, побѣжали. Русскіе гнали ихъ до Рябой пустыни и все продолжали призывать на помощь преп. Макарія Колязинскаго. Немало значительныхъ лицъ изъ числа Ляховъ

---

80) *Videk.* 85.
81) *Тамъ же* 81—88.
82) *Тамъ же* 96.

попалось тогда въ плѣнъ, и воротился князь Михайло Васильевичъ въ Колязинъ съ побѣдою и одолѣніемъ [83]).

IV.

Александровская Слобода. — Льстивое предложеніе Прокопія Ляпунова. — Безкорыстіе князя Михайла.—Клевеcты враговъ его.

Теперь главнымъ дѣломъ царя Василія и князя Скопина было достать какъ можно больше денегъ, для уплаты иностранному войску. Это тѣмъ было настоятельнѣе, что Делагарди, увлеченный новымъ бунтомъ войска, пошелъ назадъ, къ границѣ [84]). Василій Ивановичъ послалъ изъ Москвы Скопину 12.000 ефимковъ для удовлетворенія иноземцевъ жалованьемъ; больше не могъ онъ собрать. Остальное нужно было Скопину достать посредствомъ сбора съ городовъ. Помогъ въ этомъ случаѣ Новгородъ: тамъ собрали съ гостей и торговыхъ людей 3.000 рублей. Такимъ образомъ, Скопинъ, 27-го Августа, по договору съ секретаремъ Делагарди, далъ на жалованье Шведскому вспомогательному войску часть чистыми деньгами, а часть соболями; денегъ онъ послалъ 6.000 рублей, а соболей на 5.000 [85]). Тогда же Скопинъ обязался отъ имени царя сдать Корелу въ Шведское вѣдомство безъ мѣшканья и прекословія, по договору. Для этого Скопинъ послалъ въ Корелу Өедора Чулкова съ дьякомъ, а Делагарди командировалъ туда своего секретаря Олафсона.

Присланныя деньги и сдача Корелы успокоили Делагарди, и онъ согласился на требованіе Скопина идти подъ Колязинъ, а потомъ слѣдовать вмѣстѣ съ Русскими силами подъ Москву. Делагарди сдѣлалъ пересмотръ своему войску. Одни изъ его ратныхъ людей соглашались идти далѣе, другіе выходили въ отставку, кто по болѣзни и за ранами, кто просто по нежеланію и недовѣрію. Делагарди первымъ роздалъ жалованье, послѣднихъ отправилъ, подъ начальствомъ Андрея

---

[83]) Сказ. объ ос. Троицкой лав. *Авр. Палицына,* 170; *Videk.* 96.—Здѣсь будетъ умѣстно замѣтить, что отбитіе Сапѣги отъ Колязина совершилось по пророческому слову пр. старца Иринарха, знаменитаго затворника смутнаго времени, что весь побѣдоносный походъ Скопина къ Москвѣ и его быстрыя пораженія Польскихъ полковъ совершились все благословеніемъ и укрѣпленіемъ этого преподобнаго затворника, причемъ онъ всегда посылалъ князю благословенную просфору и святыя слова: „Дерзай, не бойся, Богъ тебѣ поможетъ!“ Но сильнѣйшая благодать, укрѣпившая воеводу, заключалась въ крестѣ затворника, который онъ послалъ князю въ Переяславль. Съ этимъ крестомъ Скопинъ побѣдоносно прошелъ до самой Москвы, совсѣмъ тогда погибавшей (см. Житіе пр. Иринарха затворника, изд. арх. *Амфилохіемъ,* М. 1863 и ст. *И. Е. Забѣлина* „Безвѣстный герой смутнаго времени“, „Др. и нов. Рос.“ 1875 г., I, 245—251).

[84]) *Videk.* 95.

[85]) *Акт. ист.,* II, 345.

Бойе и товарищей, на родину. Вмѣсто выбывшихъ изъ строя сдѣлано распоряженіе о наборѣ свѣжихъ войскъ, и для этого былъ отправленъ въ Нарву и Выборгъ Евертъ Горнъ. Такимъ образомъ устроивъ свои дѣла, Делагарди прибылъ въ Колязинъ 26-го Сентября. Скопинъ приготовилъ ему торжественную встрѣчу и чрезъ четыре дня роздалъ на 14.974 рубля мѣховъ иноземному войску [86]).

Между тѣмъ, Скопинъ слалъ грамоту за грамотою въ сѣверные города и монастыри, съ требованіемъ денегъ на жалованье Нѣмецкимъ людямъ. На этотъ призывъ прежде другихъ откликнулись монастыри. Соловецкіе монахи въ два раза переслали въ Москву болѣе 17.000 серебряныхъ рублей, да ложку серебряную. По другимъ монастырямъ происходили складчины, напримѣръ, въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ собрали съ братіи, кромѣ монастырскихъ денегъ, съ чернецовъ, съ кого рубль, съ кого полтину, а съ кого менѣе, и все это отправили Скопину [87]). Одни Пермичи, на просьбу Скопина дать денегъ и суконъ, камокъ и тафты, сколько кому можно, да кромѣ того собрать, для уплаты Нѣмецкимъ ратнымъ людямъ, по 50 рублей съ сохи, отвѣчали, что у нихъ такихъ товаровъ не сыскивается [88]). Впрочемъ, Пермичи и прежде были извѣстны нерадѣніемъ и холодностію къ общему дѣлу [89]). Зато въ это время особенно усердны были Вологжане и Сольвычегодцы. Въ землѣ сихъ послѣднихъ жили Строгановы; Петръ Семеновичъ съ братьями не разъ давалъ служилымъ людямъ на жалованье деньги, на свой счетъ снаряжалъ и отправлялъ ратныхъ людей; его увѣщаніямъ приписывалось удержаніе въ покорности городовъ Поморскихъ, Казанскихъ и Пермскихъ. За такія его службы и радѣнье царь его пожаловалъ: далъ Петру Семеновичу грамоту на безпошлинность торговли и на почетное преимущество писаться съ *вичемъ* [90]).

Когда дѣла шли такимъ образомъ на Сѣверо-востокѣ, князь Скопинъ, стоя въ Колязинѣ, занимался обученіемъ своихъ новобранцевъ, причемъ ревностно помогалъ ему Христіернъ Зоме. Между тѣмъ, одинъ отрядъ, высланный Скопинымъ, занялъ Переяславль Залѣсскій, куда вскорѣ (6 Октября) пришелъ Делагарди. Распорядившись насчетъ укрѣпленія Переяславля, союзники двинулись къ Александровской Слободѣ; впередъ были отправлены Христіернъ Зоме и Іоганъ Миръ, съ отрядомъ Шведовъ; при нихъ были и Московскіе люди. Этотъ отрядъ вступилъ въ бой и побѣдилъ: около ста человѣкъ враговъ потонуло

---

[86]) *Videk.*, 102.
[87]) *Акт. Экс.*, II, 273.
[88]) *Тамъ же*, 256.
[89]) *Акт. Ист.*, II, 166; Акт. Экс., II, 194, 214, 228, 264.
[90]) *Соб. гос. гр. и дог.*, II, 387.

въ водѣ, остальные бѣжали; Александровская Слобода была взята. Скопинъ и Делагарди вступили въ городъ со всѣмъ войскомъ. Занятіе Слободы было очень важно въ стратегическомъ отношеніи: она стояла на пути доставки провіанта войску Сапѣги. Къ сожалѣнію Скопина, Делагарди долженъ былъ здѣсь отпустить полезнаго для Русскихъ Зоме въ отечество: онъ получилъ рану подъ Слободою и нуждался въ отпускѣ для излѣченія. На его мѣсто прибыли изъ Швеціи новыя вспомогательныя силы. Теперь не только Сапѣга и Зборовскій, но и самъ Рожинскій двинулись (28 Октября) на Скопина, съ четырьмя тысячами человѣкъ. Бой былъ жестокій и продолжался цѣлый день; Поляки воротились назадъ съ большой потерей. Скопинъ составилъ планъ строить засѣки [91]) одну за другою и такимъ способомъ приближаться къ Москвѣ. Это средство было несносно для противниковъ, какъ они сами сознаются; нападать на Москвитянъ было трудно: только нападутъ на нихъ, — они укрѣпятся за свои засѣки, и приходилось добывать каждую приступомъ, а какъ только Тушинцы отойдуть, Русскіе двигаются далѣе и строятъ новыя засѣки, а главное, такой способъ войны отнималъ у непріятеля подвозъ провіанта [92]).

Слобода Александровская въ это время, говоритъ исторіографъ, какъ бы представляла Россію и затмѣвала Москву своею важностію. Туда стремились взоры и сердца сыновъ отечества; туда шли воины толпами и порознь, конные и пѣшіе, немногіе въ доспѣхахъ, всѣ съ мечемъ или копьемъ и съ ревностію. Новыя дружины изъ Ярославля, бояринъ Шереметевъ изъ Владимира съ низовою ратью, князья Иванъ Куракинъ и Лыковъ изъ Москвы съ полками царскими, присоединились къ князю Михайлу. Ждали и сильнѣйшаго вспоможенія отъ Карла. Делагарди писалъ къ нему, что должно побѣдить Сигизмунда не въ Ливоніи, а въ Россіи. Все благопріятствовало юному герою: довѣренность царя и союзниковъ, усердіе и единодушіе своихъ, смятеніе и раздоръ непріятелей. Наконецъ, Россіяне видѣли, чего уже давно не видали: умъ, мужество, добродѣтель въ одномъ лицѣ; видѣли мужа великаго въ прекрасномъ юношѣ, и славили его съ любовію, которая столь долго была жаждою, потребностію неудовлетворяемою ихъ сердца, и нашла предметъ столь чистый. Но сія любовь, способствуя успѣху великаго дѣла, избавленію отечества, имѣла и несчастное слѣдствіе [93]).

---

[91]) Въ близъ лежащемъ лѣсу порублены были деревья и оставлены на мѣстѣ, они должны были затруднять ходъ непріятельской конницѣ и въ тоже время исполнять роль заваловъ для стрѣлковъ. Порубленный, но не вывезенный еще лѣсъ и до сихъ поръ называется „засѣкой“ и образуетъ „просѣку“ только тогда, когда его уже вывезутъ.

[92]) *March.* Hist. Wojny Mosk., 64.

[93]) *Карамзинъ* И. Г. Р., XII, 102.

Если самъ князь Михайло Васильевичъ и служилъ отечеству безкорыстно, не увлекаясь успѣхомъ своего дѣла, то нашлись люди, которые мыслили за него иначе. Свыкнувшись съ разнаго рода низверженіями, перемѣнами и видя славу Скопина, Русскіе стали поговаривать о низложеніи царя Василія и возведеніи на престолъ князя Михайла Васильевича. Извѣстный Прокопій Ляпуновъ прислалъ въ Слободу станицу (отрядъ) отъ всей Рязанской земли, съ грамотою, въ которой извѣщалъ, что вся Русская земля хочетъ Скопина избрать въ цари, признавая, что никто кромѣ его не достоинъ сидѣть на престолѣ. Эта присылка имѣла видъ политической демонстраціи: Ляпуновъ прислалъ цѣлую станицу, въ грамотѣ онъ называлъ Скопина не княземъ, но «царемъ» и, описывая въ дурныхъ чертахъ самого царя, хотѣлъ «возбудить въ его племянникѣ гордость противъ царя Василія» [94]). Скопинъ, прочитавъ грамоту, разорвалъ ее, приказалъ схватить пословъ-мятежниковъ и представить царю. Они упали на колѣна, обливались слезами, клялись въ вѣрности царю Василію и винили одного Ляпунова. Князь Михайло Васильевичъ простилъ ихъ и дозволилъ возвратиться на родину [95]); царя же не извѣстилъ объ этомъ. Василій узналъ обо всемъ и безъ него.

Избавивъ Ляпунова отъ непріятности, князь Скопинъ не спасъ себя отъ клеветы: завистники внушили царю, что его племянникъ съ удивительнымъ великодушіемъ милуетъ злодѣевъ, которые предлагаютъ ему измѣну и царство. Василій сталъ думать, что если князь Михайло Васильевичъ самъ и не подъискивается подъ нимъ, а все-таки не прочь принять тотъ вѣнецъ, который давно уже хотятъ отнять у него недруги. Съ этихъ поръ подозрѣніе запало въ душу Василья Ивановича, «но еще—замѣчаетъ исторіографъ—имѣли нужду въ героѣ, и злоба таилась» [96]).

V.

Освобожденіе Троицкой Лавры отъ непріятеля.—Распаденіе Тушинскаго табора.—Походъ къ Москвѣ.—Торжественная встрѣча князя-героя.—*Отецъ отечества*.—Желаніе побѣдителя докончить очищеніе государства отъ враговъ.

Уже шестнадцатый мѣсяцъ Сапѣга и Лисовскій осаждали безуспѣшно Троицкую Лавру. Въ распоряженіи Польскихъ военачальниковъ было до тридцати тысячъ войска, а въ стѣнахъ обители Сергіевской число защитниковъ, въ началѣ осады, простиралось до 2.500 чел., а къ концу ихъ было лишь 200 [96]). Стѣны монастырскія, по мѣстамъ,

---

[94]) *Нов. лѣт.*, 108.

[95]) *Ник. Лѣт.* 124.

[96]) Тамъ же; *Карамзинъ*, И. Г. Р., XII, 103.

[96]) Сказ. объ осадѣ Троицкой Лавры *Авр. Палицына*, 158: „Во обители Чюдотворца болѣ двою сотъ человѣкъ не бяше“.

были ветхи; но обитель была тверда вѣрою и защитою преп. Сергія. Отважны были приступы врага; изъ множества орудій бросали огонь и били стѣны, подъ башни ведены были подкопы; отъ недостатка пищи и свѣжей воды появилась въ монастырѣ цынга. И все вытерпѣли иноки преп. Сергія; они дѣлали вылазки противъ непріятеля и не разъ возвращались съ богатой добычей. Архимандритъ Іоасафъ вооружалъ и вооружался молитвой противъ Латинянъ-Ляховъ, а келарь Лавры, достопамятный въ лѣтописяхъ отечества, Авраамій Палицынъ, хотя, во время осады, не былъ въ обители, но дѣлалъ все, что могъ, въ ея пользу въ Москвѣ. И Сапѣга, къ стыду своему, не выгналъ *сидатыхъ грачей* изъ ихъ гнѣзда [97]). Между тѣмъ, слухи о побѣдахъ князя Михайла Васильевича Скопина-Шуйскаго уже достигли Лавры; они удерживали защитниковъ ея отъ сдачи и внушали имъ бодрость. И, дѣйствительно, Скопинъ не заставилъ себя ждать долго; послѣ пораженія Сапѣги подъ Александровымъ, онъ послалъ, для охраненія монастыря, отрядъ въ 900 чел., подъ начальствомъ Жеребцова. Григорій Валуевъ, посланный съ 500 человѣкъ для обозрѣнія непріятеля, соединившись съ Жеребцовымъ и со всѣми сидѣльцами, ударилъ на Сапѣгу. Это былъ послѣдній бой подъ Троицею; много было пролито крови на Красной горѣ, на прудѣ Келарскомъ, на Волкушѣ и Клементьевскомъ полѣ; были стычки и на другихъ мѣстахъ. Послѣ этого боя, Сапѣга, 12-го Января 1610 года, снялъ таборъ и ушелъ изъ-подъ Троицы къ Дмитрову. Въ продолженіе недѣли иноки еще не рѣшались вѣрить, что враги оставили ихъ навсегда и только 20-го числа отправили старца Макарія въ Москву, къ царю, съ извѣщеніемъ о милости Божіей, и со святою водою, окропивъ ею напередъ стѣны монастыря. Чрезъ нѣкоторое время прибылъ въ монастырь князь Скопинъ. Иноки встрѣтили его и его войско съ честію, отдали все, что еще оставалось въ житницахъ, а Шведамъ нѣсколько тысячъ рублей изъ казны монастырской [98]).

Отъ Троицы князь Скопинъ двинулся къ Москвѣ. Узнавъ, что въ Дмитровѣ находится Сапѣга и съ нимъ Марина, онъ выслалъ туда, въ половинѣ Февраля 1610 года, отрядъ, подъ начальствомъ князя Ивана Куракина; съ нимъ были иноземцы, посланные отъ Делагарди. Было ихъ тысячъ до четырехъ. Сапѣга сначала далъ бой за городомъ. Оказалось, что онъ былъ не подъ стать такому непріятелю. Поляки, на коняхъ и въ тяжелыхъ вооруженіяхъ, не могли ловко поворачиваться, тогда какъ Русскіе и Шведы, уроженцы сѣверныхъ странъ,

---

[97]) *Истор. опис. Троицкой Лавры,* М. 1842, стр. 80—99.
[98]) *Авр. Палицынъ,* 180; *Ник. лѣт*, 130; *Videk.*, 119.

быстро бѣгали по снѣгамъ и льду, на деревянныхъ лыжахъ, загнутыхъ внутрь, легкихъ, длиною въ пять, а шириною въ одинъ футъ. Сапѣга принужденъ былъ запереться въ городѣ. Войска съ нимъ было не болѣе полутора тысячъ человѣкъ; значительная часть его отряда разбрелась за Волгу. У него не доставало также съѣстныхъ и боевыхъ запасовъ. Рожинскій, у котораго онъ просилъ подмоги, оказывалъ ее несразу и въ незначительной степени, такъ какъ втайнѣ былъ недоброжелателемъ Сапѣги. Мархоцкій разсказываетъ, что насилу упросили его послать двое саней съ боевыми запасами. Вообще городъ Дмитровъ былъ бы взятъ, если бы не отстояли его Донскіе козаки, которые сидѣли въ особомъ укрѣпленіи подъ городомъ. Здѣсь также Марина показала большое присутствіе духа. Когда Московскіе люди начали сильный приступъ къ Дмитрову и осажденными овладѣвало отчаяніе, она взошла на стѣны въ виду непріятеля и кричала воинамъ: «Смотрите и стыдитесь? Я женщина, а не падаю духомъ!» Послѣ этого Марина не долго оставалась въ Дмитровѣ; видя, что дѣла Сапѣги идутъ дурно, она уѣхала, переодѣвшись въ мужское платье, въ Калугу. Не долго оставался здѣсь и Сапѣга; какъ только пришли къ нему отряды изъ-за Волги съ припасами, онъ двинулся къ Волоколамску, и Скопинъ могъ безпрепятственно вступить въ Москву.

Отступленіе Сапѣги побудило и гетмана Рожинскаго сдѣлать тоже. Въ Тушинѣ уже давно происходили волненія вслѣдствіе недостатка въ припасахъ; въ послѣднее время волненія дошли до крайности, и гетманъ разсудилъ, что при такой неурядицѣ, если нападетъ на таборъ князь Скопинъ-Шуйскій, да еще къ тому ударятъ изъ Москвы, то будетъ плохо. Онъ предложилъ идти кому куда угодно, и самъ зажегъ таборъ со всѣми въ немъ строеніями и ушелъ къ Волоколамску. Одни изъ бывшихъ съ нимъ козаковъ пошли къ королю, который въ это время вступилъ уже въ Русскіе предѣлы и стоялъ подъ Смоленскомъ, другіе соединились съ Самозванцемъ, въ Калугѣ, третьи (тысячъ около трехъ) послѣдовали за Рожинскимъ. Гетманъ сталъ подъ Іосифовскимъ монастыремъ. Отсюда выгналъ его Григорій Валуевъ, причемъ многихъ Литовскихъ людей побилъ, и Филарета Никитича отполонилъ [99]). Затѣмъ, въ войскѣ Рожинскаго началось волненіе, въ шумной сходкѣ на него даже подняли оружіе, и только его приверженцы успѣли его защитить. Въ этотъ день онъ нечаянно поскользнулся на лѣстницѣ, упалъ и расшибъ себѣ бокъ, въ которомъ уже была старая рана отъ пули. Этотъ ушибъ подѣйствовалъ зловредно при томъ раздраженіи, въ какомъ Рожинскій находился постоянно въ послѣднее время. Съ нимъ

---

99) *Ник. лѣт.*, 131; *Videk.*, 149.

сдѣлалась горячка и, проболѣвши недолго, онъ умеръ (4-го Апрѣля 1610 г.). Со смертію Рожинскаго приверженцы его разсѣялись. Такимъ образомъ Тушинскій таборъ, державшій столько времени въ страхѣ Москву и даже всю Россію, окончательно разошелся. Извѣстіе объ этомъ обрадовало въ Москвѣ многихъ. Хлѣбъ, продававшійся недавно еще по семи рублей за четверть, сразу упалъ въ цѣнѣ [100]). Отовсюду повезли припасы къ столицѣ. Наконецъ, пришли слухи, что и князь Михайло Васильевичъ близко.

Давно уже Москвитяне зорко слѣдили за дѣятельностію князя Скопина-Шуйскаго, да и какъ было не слѣдить! Въ одинъ годъ пріобрѣлъ онъ себѣ славу, которую другіе полководцы пріобрѣтали подвигами жизни многолѣтней и, что̀ еще важнѣе, снискалъ любовь всѣхъ добрыхъ гражданъ, всѣхъ земскихъ людей, желавшихъ успокоенія отъ смутъ, отъ буйства бездомовниковъ, казаковъ. Москва, въ осадѣ отъ вора, терпитъ голодъ, видитъ въ стѣнахъ своихъ небывалыя прежде смуты, кругомъ въ областяхъ свирѣпствуютъ Тушинцы; посреди этихъ бѣдъ произносится постоянно одно имя, которое оживляетъ всѣхъ надеждою: это имя—имя Скопина. Во дворцѣ Кремлевскомъ невзрачный старикъ, нелюбимый, недѣятельный уже потому, что нечего ему дѣлать въ осадѣ, и вся государственная дѣятельность перешла къ Скопину, который одинъ дѣйствуетъ, одинъ движется, отъ него одного зависитъ великое дѣло избавленія. Князь Михайло Васильевичъ въ Новгородѣ, онъ договорился съ Шведами, идетъ съ ними на избавленіе Москвы, идетъ медленно, но все идетъ, Тушинцы отступаютъ передъ нимъ; Скопинъ уже въ Торжкѣ; вотъ онъ въ Твери, вотъ онъ въ Александровской Слободѣ. Въ Москвѣ сильный голодъ, волненіе; но вдругъ все утихаетъ, звонятъ колокола, народъ спѣшитъ въ церкви, тамъ поютъ благодарственные молебны: пришла вѣсть, что даровитый юноша недалеко.

12-го Марта 1610 года князь имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ Делагарди. Царь велѣлъ знатнымъ вельможамъ встрѣтить князя Михайла у городскихъ воротъ, съ хлѣбомъ и солью; но народъ предупредилъ ихъ, вышелъ на встрѣчу ему за Деревянный городъ, стѣснилъ дорогу Троицкую, падалъ ницъ, поднесъ ему хлѣбъ-соль, со слезами билъ челомъ, что очистилъ Московское государство, давалъ имя *отца отечества*; благодарилъ и сподвижника его Делагарди. Современные писатели сравниваютъ пріемъ Скопина съ торжествомъ богоотца Давида, котораго Израильтяне чтили

---

[100]) *Ник. лѣт.*, 112; ср. *Зап. Жолкевскаго*, изд. I-е, 43: „бочка ржи, продававшаяся по 20 злотыхъ (15 рубл.), стоила теперь 3 злотыхъ (2 рубл. 25 коп.)".

болѣе, чѣмъ Саула. Царь Василій со слезами благодарилъ, величалъ его, цѣловалъ его въ присутствіи бояръ. Послѣ такой тѣсноты и униженія, Москва, наконецъ, справляла давно невиданное празднество. Начались пиры. Царь угощалъ Шведовъ, дарилъ имъ лошадей, сосуды ожерелья. Москвичи наперерывъ приглашали ихъ къ себѣ въ дома и старались превзойти другъ друга въ признательности и расположеніи [101]). Пиры эти не отуманили головы князя Скопина. Онъ очень хорошо видѣлъ, что дѣла остается еще много впереди: Лжедимитрій продолжаетъ держаться въ Калугѣ, а Сигизмундъ стоитъ подъ Смоленскомъ. Разсѣять скопища перваго и выгнать изъ предѣловъ Россіи втораго — вотъ что̀ было искреннимъ желаніемъ князя Михайла Васильевича. Онъ предполагалъ отдохнуть до просухи и потомъ, съ весною, двинуться противъ Сигизмунда. Въ успѣхѣ онъ не сомнѣвался, такъ какъ тогда уже многіе города, бывшіе въ рукахъ Поляковъ, стали сдаваться сами безъ боя. Можайскъ, напримѣръ, сдалъ царю тамошній воевода, поставленный Поляками, Мих. Вильчекъ, за что̀ и получилъ отъ Василья Ивановича сто рублей (333$^1/_2$ нынѣшнихъ серебряныхъ).

VI.

Зло́ба и зависть враговъ. — Недовѣріе царя Василія. — Объясненіе князя Михаила съ царемъ.

Прошло около мѣсяца, и завистники Скопина не дремали. Они всячески старались увѣрить Василья Ивановича, что молодой князь опасенъ для него: народъ любитъ его больше царя и желаетъ видѣть на престолѣ, такъ какъ, по мнѣнію народа, спаситель Россіи долженъ и властвовать надъ нею. Василій Ивановичъ вспомнилъ, что Ляпуновъ посылалъ къ племяннику, въ Александровскую Слободу, искусительное посольство съ предложеніемъ престола. Торжественныя встрѣчи, безпрерывные знаки народнаго расположенія убѣждали Василія, что съ каждымъ днемъ народъ болѣе и болѣе хочетъ Михаила Васильевича выбрать царемъ.

Общее усердіе къ молодому полководцу питалось и суевѣріемъ: какіе-то прорицатели предсказывали, что на Русскомъ престолѣ воцарится царь, по имени *Михаилъ*, которому назначено судьбою умирить государство [102]). Русскіе относили это пророчество къ Скопину, къ особенной досадѣ его дяди, любимаго царскаго брата, Дмитрія Ивановича Шуйскаго. Сей послѣдній надѣялся быть преемникомъ Василія,

---

[101]) *Videk*, 133.
[102]) *Milton* A Brief History of Moscovia. London. 1682, 63.

такъ какъ шестидесятилѣтній царь отъ поздняго брака своего имѣлъ одну или двухъ дочерей, которыя умерли вскорѣ послѣ рожденія [103]). Князь Димитрій явился самымъ ревностнымъ навѣтникомъ на племянника передъ царемъ; не довольствуясь истиною, что народъ желаетъ царства Михаилу, онъ подалъ царю извѣтъ на Михайла Васильевича въ томъ, что князь Михайло, въ заговорѣ съ народомъ, хочетъ похитить верховную власть и дѣйствуетъ уже какъ царь, самовольно, отдавъ Корелу съ областію [104]). При всей своей мнительности Василій Ивановичъ понималъ всю лживость навѣтовъ, возводимыхъ на Скопина; однажды онъ даже замахнулся на брата палкою и прогналъ его отъ себя.

Узнавъ о взводимой на него клеветѣ, князь Михайло Васильевичъ поспѣшилъ объясниться съ царемъ, говорилъ спокойно о своей невинновности, свидѣтельствуясь въ томъ чистою совѣстію, вѣрною службою; говорилъ свободно и смѣло о безуміи преждевременной зависти, когда всякая продолжительная остановка въ войнѣ, всякое охлажденіе, несогласіе и внушеніе личныхъ страстей могутъ быть гибельны для государства. Василій, выслушавъ объясненія эти, отнесся къ Скопину съ уваженіемъ, старался его успокоить, хвалилъ и благодарилъ за всѣ его распоряженія; тогда же онъ велѣлъ князю Михайлу Васильевичу и думнымъ боярамъ условиться съ Делагарди относительно предстоящей кампаніи, утвердилъ Выборгскій и Колязинскій договоры и обѣщалъ немедленно уплатить Шведамъ весь долгъ. Такимъ образомъ, царь не показывалъ ни малѣйшей непріязни къ Скопину; но, не смотря на это, народъ, не любившій старшихъ Шуйскихъ, толковалъ о враждѣ дяди съ племянникомъ. Делагарди, слыша толки о зависти и ненависти, остерегалъ Михайла, совѣтовалъ ему поскорѣе выбираться изъ Москвы въ поле противъ Сигизмунда, и замѣчалъ, что ему грозитъ бѣда [105]). Опасенія эти сбылись.

---

[103]) Въ Зерцалѣ Россійскаго государства *Мальгина* сказано, что царь Василій Ивановичъ имѣлъ двухъ дочерей Анну и Марію, скончавшихся въ младенчествѣ; *Карамзинъ* же упоминаетъ лишь одну Анастасію (Ист. гос. Рос., т. XII, 125); *Соловьевъ* говоритъ о двухъ, не называя ихъ по имени (Ист. Рос., VIII, 284).

[104]) „Дядя жь князь Михайловы, князь Дмитрей Ивановичъ Шуйской со княгинею, великую держаху на князь Михайла рень (ссору); чаяху, что онъ подъискиваетъ подъ царемъ Василіемъ царства; а про то убо и всей землѣ вѣдомо всѣмъ людемъ, что онъ того и въ умѣ не было“ (*Ник. лѣт.*, 132; *Псков. лѣт.*, 38; *Videk.*, 136; *Палицынъ*, 203).

[105]) „По приходѣ жь князя Михайла Васильевича начаша нарежатися итти подъ Смоленскъ, и Яковъ ему Пунтусовъ говорилъ безпрестани, чтобъ онъ шелъ съ Москвы, видя на него въ Москвѣ ненависть“ (*Ник. лѣт.*, 132). Послѣ катастрофы, мать Скопина укоряла сына: сколько разъ я тебѣ, чадо, еще въ *Александровской Слободѣ, приказывала не ѣздить въ Москву*, ибо въ Москвѣ звѣри лютые, пышущіе ядомъ змѣинымъ (*Сказ. о рожд. кн. М. В.*, 383).

VII.

Внезапная кончина князя Михайла.—Погребеніе его.—Скорбь народная.—Память о немъ.

9-го Апрѣля 1610 года былъ пиръ у царскаго свояка, князя Ивана Михайловича Воротынскаго, по случаю крещенія его сына Алексѣя [106]). Крестнымъ отцемъ былъ князь Михайло Васильевичъ, а жена Димитрія Шуйскаго, Екатерина (дочь извѣстнаго своими злодѣяніями въ царствованіе Грознаго Малюты Скуратова), крестною матерью. Во время пира молодому князю вдругъ сдѣлалось дурно. Случилось это съ нимъ, какъ замѣтили, послѣ того, какъ княгиня Екатерина поднесла ему, на переписаньи, чашу вина... У него открылось кровотеченіе носомъ и ртомъ [107])... Въ такомъ видѣ его едва довели до ближайшаго монастыря. Перенесенный домой, онъ проболѣлъ около двухъ недѣль [108]), и, несмотря на помощь, оказанную ему докторами, присланными отъ Делагарди, скончался, въ ночь съ 23-го на 24-е Апрѣля, на рукахъ своей матери и жены [109]).

---

[106]) Ни въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, ни у нашихъ историковъ нѣтъ точнаго указанія дня пира у князя Воротынскаго, но, принимая во вниманіе показаніе панихидной записи Архангельскаго собора, что смерть Скопина послѣдовала 23-го Апрѣля и свидѣтельство современниковъ (см. ниже), что болѣзнь князя продолжалась болѣе недѣли, даже до двухъ недѣль, мы позволяемъ себѣ днемъ крестильнаго пира считать именно *9-е Апрѣля.* Мнѣніе наше раздѣляетъ и В. С. Иконниковъ (218).

[107]) Разболѣся сей храбрый воевода кн. Михайло на крестильномъ пиру у кн. Ив. Мих. Воротынскаго... И тако, едва дойде до монастырню пазуху, потомъ пустися руда изъ носа и изо рта"... (*Рукоп. Филарета*, 25—26). „Мнози же на Москвѣ говоряху то, что испортила его тетка его княгиня Катерина князь Дмитреева Шуйскаго"... (***Ник. лѣт.***, 132; ср. *Лѣт. о мятеж.*, 177—178); она „пріиде къ нему съ лестію, нося чашу меду со отравою; онъ же... вземь чашу испитъ ю. Въ томъ часѣ начатъ сердце его терзати; вземше его свои ему, принесоша и въ домъ"... (*Псков., лѣт.*, 39).

[108]) „Мало поболѣвъ, страшный юноша ко Господу отъиде"... (*Авраамій Палицынъ*, 203) Болѣзнь его такъ усилилась, что черезъ 8 или 9 дней онъ умеръ" (*Геркманъ*, изд. Археогр. комм., **315**). „Сказывали, что онъ болѣлъ двѣ недѣли и не могъ оправиться" (*Днев. пох. Сигизмунда III*, 584). По свидѣтельству Жолкевскаго, болѣзнь Скопинъ сопровождалась лихорадкою, слѣдовательно, симптомами также продолжительными (*Зап. Жолкевскаго*, 2-е изд., 38).

[109]) О днѣ смерти его см. *Древ. Рос. Вивліое.*, ч. XI, изд. 2-е, стр. 232, въ которой помѣщена слѣдующая выписка изъ панихидной книжицы Архангельскаго собора: „Въ придѣлѣ Іоанна Предтечи опочиваетъ царя и великаго князя Василія Іоанновича всея Руссіи племянникъ князь Михайло Шуйскій-Скопинъ, по государеву указу, а по своему храброму разуму, Божіею помощію надъ враги Польскими и Литовскими людьми и Русскими измѣнники, которые хотѣли разорить государство Московское, и вѣру Христіанскую попрать, явно показавъ преславную побѣду, пріиде къ Москвѣ, Божіимъ судомъ преставися въ лѣто 7118 (1610) *Апрѣля въ двадцать третій день*, на память Великомученика Георгія, въ послѣдній часъ ночи". Ср. *Videk.*, 139. Въ Сказаніи о рожд. Скопина (Избор. *Попова*, 384), послѣ изложенія событія у Воротынскаго, замѣчено: „И по исходѣ дневныхъ часовъ *мѣсяца Апрѣля въ 23 день зайде* и сей воевода... *На утріе же свя-*

Прошелъ общій слухъ объ отравѣ. Народъ уже прежде зналъ про ненависть къ покойному дяди его, князя Димитрія и боялся, чтобы тайное недоброжелательство сего послѣдняго не сдѣлало чего-нибудь дурнаго его избавителю. Толпы народа двинулись къ дому царскаго брата, угрожая разорить его и убить Димитрія Шуйскаго съ женою. Едва царь охранилъ его военною силою отъ ярости народной [110]).

Слухъ объ отравѣ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію: современники Русскіе и иноземцы говорятъ въ одинъ голосъ, что Скопина-Шуйскаго отравили. Въ «Рукописи Филарета», писанной позднѣе съ оффиціальнымъ назначеніемъ—установить извѣстный взглядъ на событія недавно прошедшія, читаемъ: «Малу же времени минувшу, разболѣся сей храбрый и разсмотрительный воевода, князь Михайло Васильевичъ Шуйскій, и умре,—глаголютъ убо нѣцые, яко отравленъ бысть, на крестинномъ пиру, у князя Ив. Мих. Воротынскаго, егда крести сына своего Олексѣя, отъ князя Дмитреевы жены, Ивановича Шуйскаго, отъ княгини Екатерины, въ винѣ, на перепиваньи...» [111]). Въ Псковской лѣтописи объ отравленіи говорится положительно: «Не по мнозѣ же времени, сотвориша пиръ дядья его, не яко любве ради желаху его, но убійства, и призваша, и ядоша, и пиша [112]). Послѣди же пріиде къ нему злаго корене злая отрасль, якоже древняя змія льстивая, подойде княгиня Дмитреева Шуйскаго Христина [113]), Малютина дочь Скуратова, иже бысть наперсникъ и злый совѣтникъ и убійца при великомъ цари Иванѣ и гонитель роду христіанскому, той же и митрополита Филиппа задуши, ходатайствуя отъ царя не благословившаго Новградъ плѣнити... сестра Борисовы жены Годуновы, иже отравою окорми праведнаго царя Ѳеодора... Яко медъ на языцѣ ношаше, а въ сердцы мечъ скова и пронзе праведнаго мужа, пріиде къ нему съ лестію, нося чашу меду со отравою; онъ же незлобивый, не чая въ ней злаго совѣта по сродству,埋 вземь чашу испитъ ю; въ томъ часѣ начатъ сердце его терзати... и призва отца своего духовнаго, и исповѣда ему вся согрѣшенія и причастися Божественныхъ Таинъ Христовыхъ, и предастъ духъ свой...» [114]). Такъ называемый Новый лѣтописецъ представляетъ собственное изложеніе разсматриваемаго событія. Намъ извѣстны ука-

---

тящуся вторнику и восходящу солнцу слышно бысть по всему граду: *отшедъ онъ сего свѣта*".

[110]) *Videk*, 139—140.

[111]) Рукоп. Филарета, 2-е изд. въ Сборникѣ *Муханова*, 1866, 25.

[112]) Извѣстная лѣтописцу ненависть къ Скопину родственниковъ его побудила его отнести и самый пиръ къ Шуйскимъ.

[113]) С. М. Соловьевъ полагаетъ, что *Христина* — есть искаженіе слова крестины, на которыхъ занемогъ Скопинъ (*Соловьевъ*, И. Р., VIII, 313).

занія его на вражду между Шуйскими и Скопинымъ, на подозрѣнія о стремленіяхъ Скопина къ престолу и на совѣтъ Делагарди князю Михайлу Васильевичу, чтобы онъ поспѣшилъ выйти изъ Москвы. «Въ малѣмъ же времени, говорится въ немъ, *впаде онъ въ недугъ тяжкій*, таже пойде кровь изъ носа, оттого и преставися. Мнози же глаголаху, что онъ *ядомъ напоенъ былъ* отъ тетки своей Екатерины князь Дмитріевой жены Ивановича Шуйскаго» [115]). Послѣ изложенія событія, авторъ разсказа прибавляетъ отъ себя слѣдующее разсужденіе: «А подлинно-ль, то *единому Богу свѣдомо*, мняху бо всѣ людіе по той ненависти, что грѣхъ ради нашихъ другъ друга ненавидяху и другъ друга завидоваху, видяще кому Богъ дастъ храбрость и разумъ, и тѣхъ не любяще, силою жъ у Бога никому не взять, всяко званіе отъ Бога честь воспріиметъ, и власть дастъ Богъ, кому хощетъ» [116]). Сначала, какъ будто, лѣтописецъ склоняется объяснить нареканіе на Шуйскихъ завистью къ нимъ; но предъидущія замѣчанія о проискахъ противъ Скопина убѣждаютъ, что онъ здѣсь не щадитъ Шуйскихъ, а дальнѣйшее заключеніе совершенно убѣждаетъ въ его расположеніи къ Скопину: «Такожъ и сему храброму князю Михаилу Васильевичу дано (то) отъ Бога бысть, а не отъ человѣкъ». Отсюда ясно, что лѣтописецъ указываетъ здѣсь что одна вражда Димитрія Шуйскаго и Скопина служила для многихъ

---

[114]) *Псков. лѣт.*, 58—59. Достовѣрность сказанія Псковской лѣт. заподозривается нѣкоторыми изъ нашихъ историковъ (*Соловьевымъ*, И. Р., VIII, 288, *Бутурлинымъ*, Ист. смут. вр., III. 133—135) на томъ основаніи, что, будто, лѣтопись эта проникнута ненавистью ко всѣмъ высшимъ сословіямъ Россіи, не исключая и самого царя. Такое мнѣніе г. Иконникову кажется нѣсколько преувеличеннымъ, безусловной вражды къ царю Василію въ Псковскомъ лѣтописцѣ не видно: такъ, онъ, при всемъ нерасположеніи къ Василію Ивановичу, снимаетъ съ него отвѣтственность въ смерти племянника, а по поводу дальнѣйшихъ событій даже прибавляетъ: „А иже дерзнуша кои возложити руцѣ на царя, и поругашася ему, и предаша въ поганыя руки, отъ своихъ людей побіени быша послѣди" (61). Поэтому гораздо важнѣе вопросъ: откуда авторъ Псковской лѣтописи—будучи самъ не Москвичъ—могъ почерпнуть свѣдѣнія о Московскихъ событіяхъ и притомъ свѣдѣнія которыя не встрѣчаются въ другихъ лѣтописяхъ? Но мы знаемъ, что въ то время существовали постоянныя сношенія между Москвою и Псковомъ; во Псковѣ интересовались Московскими дѣлами, а въ Москвѣ находились на службѣ Псковскіе стрѣльцы, которымъ удалось передъ тѣмъ освободить изъ заключенія своихъ же согражданъ. Изъ подобнаго источника, по справедливому мнѣнію В. С. Иконникова, идутъ свѣдѣнія Псковской лѣтописи о Московскихъ дѣлахъ, такъ какъ сообщить о нихъ съ очевидными чертами мѣстнаго разсказа могли только лица близко стоявшія къ событіямъ. Но имя жены Димитрія Шуйскаго напомнило лѣтописцу вліяніе ея отца при Иванѣ Грозномъ, наѣзды послѣдняго на Новгородъ и Псковъ, участь м. Филиппа, Бориса Годунова, женатаго на другой дочери Малюты,—и онъ приписалъ всѣ злодѣянія семьѣ опричника. Но это—естественное у современника—отступленіе нисколько не уменьшаетъ его свидѣтельства о Скопинѣ. Близкое же знакомство лѣтописца съ событіями въ Москвѣ и то, что онъ даетъ болѣе частныхъ подробностей о нѣкоторыхъ изъ нихъ, чѣмъ даже Палицынъ (жившій въ Москвѣ) заставляетъ насъ иначе смотрѣть и на источники автора лѣтописнаго извѣстія.

[116]) *Времен.* XVII, 114.

достаточнымъ основаніемъ къ обвиненію въ насильственномъ поступкѣ Шуйскихъ и, какъ бы въ нравоученіе тѣмъ, которые завидуютъ тому, «кому Богъ даетъ храбрость и разумъ», лѣтописецъ прибавляетъ: «силою жъ у Бога никому не взять». Слава осталась, такимъ образомъ, за Скопинымъ, что̀ хотѣлъ и имѣлъ право сказать лѣтописецъ, когда уже смѣнился рядъ событій, въ которыхъ такъ неславно дѣйствовали Шуйскіе. Таково, по мнѣнію проф. Иконникова, это нравоученіе [117]). Но, по своей набожности, лѣтописецъ, рискнувшій приподнять таинственную завѣсу, долженъ былъ все-таки оградить свое мнѣніе болѣе непогрѣшимымъ авторитетомъ: «а подлинно-ль, то единому Богу свѣдомо».

Къ такому же способу самоочищенія прибѣгаетъ и келарь Троицкой Лавры Авраамій Палицынъ. Онъ говоритъ: «Грѣхъ же ради нашихъ, по двою мѣсяцу пришествія его (Скопина) къ Москвѣ, мало поболѣвъ, страшный юноша ко Господу отъиде; но не вѣмы убо, како рещи, Божій ли судъ насъ постиже, или злыхъ человѣкъ умышленіе совершися. Единый Создавый насъ вѣсть» [118]). По поводу этихъ словъ П. А. Мухановъ, въ своемъ разборѣ показаній о смерти Скопина-Шуйскаго [119]), справедливо замѣчаетъ, что Палицынъ уклоняется отъ рѣшенія вопроса, какою смертію умеръ Скопинъ. Это и понятно. Палицынъ, пострадавшій при Ѳедорѣ Ивановичѣ вмѣстѣ съ противниками Годунова, Шуйскими, возвысился при сихъ послѣднихъ, а потому, конечно, и не могъ писать о нихъ рѣзко, даже и тогда, когда старшій Шуйскій уже не былъ царемъ. Тѣмъ не менѣе даже при такихъ отношеніяхъ и уклончивости, онъ не одобряетъ поступка царя Василія, когда сей послѣдній взялъ изъ Лавры деньги и множество сосудовъ для сплавки, не скрываетъ ненависти къ гордости Димитрія Шуйскаго, рѣзко выражается о его неудачѣ подъ Клушинымъ («...изыде со множествомъ воинъ, но со срамомъ возвратися»...) и откровенно разсказываетъ о сочувствіи къ Скопину и проискахъ лицъ, близкихъ къ царю [120]). Поэтому нежеланіе Палицына сказать прямо, что Скопинъ умеръ естественною смертію и даже неупоминаніе того, что обвиненіе въ его смерти распространилось, благодаря народной молвѣ, какъ говорятъ другіе лѣтописцы, сильно подкупаетъ въ пользу мнѣнія, что самъ Па-

---

[116]) *Лѣт. о мятеж.*, 178.

[117]) *Иконниковъ*, 223.

[118]) *Авр. Палицынъ*, 203.

[119]) *Зап. Жолкевскаго*, изд. 1835 г., стр. 304—310.

[120]) „Неувяжаемый удъ въ человѣцѣхъ — бѣсящійся языкъ многихъ отъ сердецъ лукавыхъ подвижеся: съ клятвою подходятъ въ тайныхъ думѣхъ Самодержца, яко вся земля Россійская почитаетъ князя Михаила паче тебе, великій царю, еще же и скипетроносца хотятъ его видѣти“ (203).

лицынъ склонялся къ убѣжденію, что «злыхъ человѣкъ умышленіе совершися». Слѣдующее же витіеватое заключеніе еще болѣе убѣждаетъ въ томъ. «Достойны убо похвалы въ Еллинѣхъ Экторъ и Ахиллесъ; но не видѣша на себе попущаема стрѣлянія силы: древле убо смерть во бранѣхъ на мѣрилѣ совершашеся... нынѣ же и горы основанія и стѣны градовныя яко прахъ развѣваетъ; *тогда же убо сила соблюдаше и храбрость многихъ, нынѣ же и умъ тоя бѣды постигнути не можетъ, и съ таковыми убо смертьми боряйся мужъ зайде подъ землю»* [121]). Въ этихъ словахъ видно полное сочувствіе автора къ печальной участи Скопина; но въ нихъ нѣтъ и попытки оправдать его противниковъ, хотя бы отъ молвы. Не будемъ дѣлать выписокъ изъ другихъ лѣтописныхъ сказаній, тѣмъ болѣе, что изложеніе многихъ изъ нихъ мѣнялось неоднократно, сообразно съ обстоятельствами времени и измѣненіемъ положенія лицъ писавшихъ [122]).

Перейдемъ къ иностраннымъ свидѣтельствамъ. Авторъ Исторіи Шведско-Московской войны прямо заявляетъ: «Clam sublatus *veneno interiit*»... [123]). Жолкевскій, человѣкъ осторожный въ приговорахъ и мнѣніяхъ (что̀ придаетъ такую цѣну его запискамъ о Россіи того времени) говоритъ: «Скопинъ въ то время, когда онъ наилучшимъ образомъ велъ дѣла, *умеръ отравленный по извѣтамъ Шуйскаго*, вслѣдствіе ревности, бывшей между ними; а, если начнешь распрашивать, то выходитъ, что онъ умеръ отъ лихорадки...» [124]). Недовѣріе Жолкевскаго къ слухамъ о естественной смерти Скопина слишкомъ очевидно. Въ

---

[121]) *Авраамій Палицынъ*, 231—232.

[122]) Возьмемъ для примѣра „Иное сказаніе о Самозванцахъ", названное такъ потому, что въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII в. оно помѣщено вслѣдъ за Сказаніемъ Палицына. „Иное сказаніе написано современникомъ, и авторъ его сочувствуетъ В. И. Шуйскому (называетъ его: „великимъ, страдальцемъ, святымъ". См. ***Времен. Моск. общ. ист.***, XVI, 30 и дал.). Касаясь, смерти Скопина, авторъ выражается довольно неопредѣленно, что „грѣховнаго ради тернія злобы нашея отнялъ отъ насъ Богъ такого звѣрогонителя добраго". Но въ томъ же самомъ сказаніи, передѣланномъ впослѣдствіи какимъ-то противникомъ царя Шуйскаго, статья о Скопинѣ замѣнена другою, именно извлеченіемъ изъ сказанія Палицына. (*Тамъ же*, 66 и 110). Извѣстно, что и Рукоп. Филарета, выдержки изъ которой мы приводили, писанная разными лицами, и съ разными взглядами на дѣятельность и отношенія лицъ смутной эпохи, съ теченіемъ времени, подверглась измѣненіямъ и поправкамъ, которыя приписываются п. Филарету.

[123]) *Videk.*, 139.

[124]) *Зап. Жолкевскаго*, изд. I-е, стр. 63 и изд. II-е, прил. 59—60.—„Wiec i to przypadlo, że Skopin, kiedy naylepiey mial rzeczy popierac, umarl struty, iako zrazu udawano, z porozumieniem Szuyskiego, zemulacyi która byla miedzy nimi; pytaioc sie jednak o tém, tak sie nayduie, że febra umarl". Съ записками Жолкевскаго произошла такая же трансформація, какъ съ нашимъ „Инымъ сказаніемъ..." или Рукоп. Филарета. Поэтому, въ одной редакціи о смерти Скопина передается такъ, въ другой нѣсколько иначе. Мы соединили вмѣстѣ выписки изъ двухъ редакцій.

Дневникѣ похода Сигизмунда III-го записано: «Жена Димитрія Шуйскаго отравила его на крестинахъ... онъ болѣлъ двѣ недѣли и не могъ оправиться...» [125]). Извѣстіе это современно событію. Свѣдѣнія были доставлены Московскими боярами, передавшимися Полякамъ въ Можайскѣ, и подтверждены Слизнемъ, посланнымъ въ Москву отъ короля и сенаторовъ, для переговоровъ съ царемъ и боярами [126]).

Таковы историческія извѣстія. Если мы теперь обратимся къ разсмотрѣнію признаковъ загадочной болѣзни Скопина, то увидимъ, что и они не противорѣчатъ нѣкоторымъ видамъ отравленія. Болѣзнь Скопина знаменуется сильнымъ кровотеченіемъ изъ носа и рта; она была продолжительна (болѣе одной недѣли, даже до двухъ недѣль), сопровождались лихорадкою, «терзаніемъ сердца» и страшными желудочными болями [127]). Признаки отравленія мышьякомъ соотвѣтствуютъ приведеннымъ нами. Употребленіе мышьяка для злонамѣренныхъ отравленій, благодаря почти отсутствію вкуса и запаха и дѣйствію въ малыхъ пріемахъ, было хорошо извѣстно на Западѣ и на Востокѣ, еще въ средніе вѣка. Въ Италіи же, въ вѣкъ наибольшаго распространенія подобныхъ преступленій, ихъ обыкновенно совершали за столомъ, во время пира, чаще при посредствѣ вина и, въ случаѣ смерти, ей придавали какое-нибудь произвольное истолкованіе, въ родѣ, напримѣръ, того, что̀ сообщалось Жолкевскому въ Москвѣ на его разспросы о смерти Скопина [128]).

Итакъ, мы пришли къ заключенію, что смерть князя Михайла Васильевича Скопина была насильственная. Кто же, спрашивается, былъ непосредственнымъ ея виновникомъ?

Въ Хроникѣ Буссова говорится: «Храбрый Скопинъ, спасшій Россію, при помощи Нѣмцевъ, *получилъ отъ Василія Шуйскаго въ награду ядъ. Царь приказалъ отравить его,* досадуя, что Москвитяне уважали Скопина за умъ и мужество болѣе, чѣмъ его самого» [129]). Показаніе это опровергается Соловьевымъ и Мухановымъ. Первый объясняетъ его нерасположеніемъ Буссова къ царю Василію, а второй—нерасположеніемъ Буссова къ Русскимъ вообще, пріязнію къ Скопину и отсутствіемъ автора изъ Москвы. Дѣйствительно, подозрѣ-

---

[125]) *Днев. пох. Сигизмунда* III, 584.

[126]) *Тамъ же*, 586—585, 578.

[127]) Послѣднюю подробность мы находимъ въ Сказаніи о Скопинѣ: послѣ питья „очи (Скопина) ярко возмутилися, а лицо его страшно кровью знаменуется, и начатъ *утроба его лютѣ терзатися*;... онъ же на ложѣ своемъ *въ тоскахъ* мечущись и бьющеся и стонущу крича зѣло лютѣ, аки звѣрь подъ землею". (Изборн. *Попова*, 383).

[128]) *Шлоссеръ*, Всем. ист., XI, 1864, 169.

[129]) *Сказ. соврем. о Димитріи Самозванцѣ*, I, 1859, 114.

ніе на царя Василія существовало; для многихъ оно было логически вѣрно: всѣ знали мнительность Василія Ивановича, предложеніе Ляпунова, навѣты недоброжелателей и т. п. Конечно, царь Василій могъ завидовать успѣхамъ племянника и могъ опасаться его вліянія на народъ; но прямаго разсчета на совершеніе преступленія у него не могло быть. Чтобы посадить на престолъ Скопина, необходимо было низвести царя Василія, а на это едва ли рѣшился бы самъ Скопинъ, хотя бы даже для блага общаго. Соглашеніе въ этомъ случаѣ могло быть только обоюдное и добровольное [130]). Царю Василію, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Иконниковъ, былъ прямой разсчетъ держаться Скопина [131]). Дальновидный и умный Василій, какъ видно, хорошо понималъ это: не смотря на свою подозрительность, онъ всячески старался скрыть зависть и открыто честилъ побѣдителя. Мы уже знаемъ, что онъ прогналъ отъ себя своего брата Димитрія, когда тотъ продолжалъ надоѣдать ему доносами на племянника. При томъ у царя Шуйскаго не было и родоваго разсчета, такъ какъ онъ не имѣлъ въ живыхъ дѣтей. Писатели, говорящіе о желаніи царя извести племянника, судятъ по тѣмъ проявленіямъ его неудовольствія, о которыхъ тогда ходили слухи, или по общему нерасположенію къ царю Василію: его, какъ прежде Годунова, почему-то стали считать виновникомъ всѣхъ бѣдъ....

Иными, разумѣется, побужденіями долженъ былъ руководствоваться князь Дмитрій Ивановичъ Шуйскій. Онъ, какъ мы знаемъ, лелѣялъ мысль, по смерти царя, заступить его мѣсто. Это льстило его честолюбію, которое, въ порочныхъ натурахъ, влечетъ къ крайнимъ средствамъ для достиженія цѣли. Гордость же князя Димитрія не знала предѣловъ. Подчиненные ненавидѣли его за недоступность и презрительное отношеніе къ нимъ; самъ онъ заботился лишь объ удовлетвореніи своей страсти къ роскоши, тогда какъ общее положеніе дѣлъ требовало постоянныхъ жертвъ. Такъ говорятъ о немъ писатели, лично

---

[130]) Въ 1875 г., на стр. „Древ. и Нов. Рос.", т. II, г. *Евгеній Бѣловъ*, дѣлая нѣкоторыя замѣчанія на статьи проф. Иконникова о Скопинѣ, между прочимъ, спрашивалъ: „Почему же этого соглашенія не послѣдовало? Что мѣшало В. И. Шуйскому немедленно по вступленіи побѣдоноснаго племянника въ Москву, назначить его своимъ наслѣдникомъ?" Причина, по нашему мнѣнію, ясна. Василію Ивановичу хотѣлось удержать престолъ, если не въ своихъ рукахъ и не въ рукахъ сына, возможность рожденія котораго у царя допускаетъ г. Бѣловъ, то, по крайней мѣрѣ, въ своемъ родѣ, старшимъ представителемъ котораго, послѣ царя, являлся любимый братъ послѣдняго—Димитрій. Михайло же Васильевичъ приходился царю только племянникомъ, да притомъ, какъ это извѣстно и г. Бѣлову, не роднымъ. Тѣмъ же, разумѣется, соображеніемъ—упрочить престолъ за родомъ Шуйскихъ—руководился Вас. Ив. и назначая Димитрія, по смерти Михайла Васильевича, вождемъ Русскаго ополченія, и надежды царя, по всему вѣроятію, оправдались бы, если бы Димитрій Ивановичъ побѣдилъ подъ Клушинымъ.

[131]) *Иконниковъ*, 229.

расположенные къ царю Василію—Палицынъ и авторъ «Иного сказанія» [132]). Голландецъ Геркманъ, бывшій въ Россіи при Михаилѣ Θедоровичѣ и собиравшій свѣдѣнія отъ современниковъ-очевидцевъ, ведетъ вражду Димитрія Шуйскаго къ Скопину со времени порученія сему послѣднему главнаго начальства надъ войскомъ. Успѣхъ князя Михайла Васильевича окончательно вооружилъ противъ него дядю. При торжественномъ вступленіи Скопина въ Москву, князь Димитрій, стоя на городскомъ валу и издали завидѣвъ племянника, воскликнулъ: «вотъ идетъ мой соперникъ!» такъ что всѣ близъ стоявшіе обратили на это вниманіе [133]). Выше мы видѣли, что еще со времени предложенія Ляпунова при дворѣ стали «держать мнѣніе» противъ Скопина. По прибытіи его въ Москву, уже ясно обнаруживается давленіе на царя его братьевъ, и имя князя Димитрія Шуйскаго съ женою постоянно упоминается при описаніи ихъ вражды. Они обвиняютъ его въ самовольной сдачѣ Корелы; они возбуждаютъ царя, указывая, что Скопинъ ищетъ царства; наконецъ, они же являются дѣйствующими лицами на послѣднемъ пиру. Узнавъ о постигшемъ его несчастіи, народъ бросается къ дому именно Димитрія Шуйскаго, чтобы покончить съ нимъ. Разсмотрѣнныя нами показанія писателей, и лично расположенныхъ и враждебныхъ царю Шуйскому, окончательно убѣждаютъ, что погибель Скопина была дѣломъ именно Димитрія Шуйскаго и его жены [134]).

---

[132]) „Вои ненавидиху его гордости, сего ради нелюбезенъ бяше во очію ихъ“ (*Палицынъ*, 232); „Воевода сердца не храбраго, но женственными обложенный вещми, красоту и пищу любящій, а не луки натязати и копія приправляти хотящій“ (*Иное сказ. о Самозв.* во „Врем. Моск. общ. ист.“, XVI, 66; ср. *Зап. Жолкевскаго*, 102—103 и *Днев. пох. Сигиз. III*, II, 603).

[133]) *Elias Herckmans*, Een Historischen Verhael van de vornaemste berverten des keyserrycks van Russia onts taen door den Demetrium Ivanowits die den valschen Demetrius t'onrecht genaempt wert, Рус. пер., изд. Археогр. комм., 313—315.

[134]) Третій изъ братьевъ Шуйскихъ, князь Иванъ Ивановичъ, хотя вмѣстѣ съ ними и участвовалъ въ прежнихъ проискахъ противъ Скопина (за что вмѣстѣ съ ними и раздѣлялъ нелюбовь народа), но въ отравленіи его едва ли принималъ участіе; по крайней мѣрѣ, утверждать это мы не имѣемъ данныхъ. Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ главными дѣятелями кровавой драмы выставляются кн. Димитрій съ супругою. Выраженіе: *испортила* его *тетка его, княгиня Катерина князь Дмитреева Шуйскаго* почти буквально повторяется во всѣхъ сказаніяхъ о смерти Скопина. Катерина Григорьевна, какъ видно, была женщина властолюбивая и имѣла вліяніе на мужа, подражая своей сестрѣ, женѣ Бориса Годунова. Властолюбіе послѣдней доходило до того, что Борису самому приходилось сдерживать въ ней властолюбивыя замашки (*Jsaaci Massae Chronicon*, Рус. пер., изд. Археогр. комм., 36, 134). Благодаря ея примѣру, женщины при Годуновѣ стали пользоваться большею свободою. Царица любила выѣзжать, окруженная боярынями, слѣдовавшими за ея каретой верхами (*Маржеретъ* въ Сказ. совр. о Д. Самоз., 268). Дворъ Марины Мнишекъ сталъ еще свободнѣе. Боярыни гуляли по Москвѣ подъ руку съ мужьями (*Légende de la vie et de la mort de Demetrius l'imposteur. Moscou* 1839). Жена Димитрія Шуйскаго вращалась въ этой средѣ (*Иконниковъ*, 230).

Погребеніе Скопина совершено было съ большою торжественностію, «послѣ велика дни вскорѣ» [135]). Когда тѣло лежало, приготовленное къ погребенію, пріѣхалъ Делагарди проститься. Москвичи не хотѣли было дозволить ему, какъ неправославному, приложиться къ усопшему; но Шведскій военачальникъ заявилъ, что онъ имѣетъ на это право, какъ его другъ и товарищъ. Его пустили. Взглянувъ на усопшаго, Делагарди прослезился и сказалъ: «Москвитяне! Не только на Руси, но и въ земляхъ моего государя не видать мнѣ такого человѣка» [136])! Великія толпы народа провожали его останки. Гробъ его [137]) несли его сослуживцы и пѣли надгробныя пѣсни; ихъ окружали женщины: тутъ были вдовы, сестры и дочери убитыхъ въ бою, служилыхъ людей; онѣ поддерживали мать и вдову покойника. Былъ тутъ и самъ царь Василій, онъ разливался въ слезахъ и страшно вопилъ [138]).

Тѣло Скопина предполагалось отвезти въ родную усыпальницу, въ Суздаль, но вслѣдствіе опасности отъ Поляковъ и воровъ рѣшено было поставить его до времени въ Чудовомъ монастырѣ. Это вызвало неудовольствіе въ народѣ. Царь, узнавъ о томъ, приказалъ похоронить прахъ его въ Архангельскомъ соборѣ, въ новомъ придѣлѣ Св. Іоанна Предтечи, гдѣ онъ остается и до сихъ поръ [139]). Въ этомъ придѣлѣ только и есть одна гробница Скопина-Шуйскаго, сложенная, какъ и царскія, изъ кирпича. Надписи на ней нѣтъ. На стѣнѣ же помѣщенъ портретъ (9½ верш. выш. и 8 шир.), писанный, на липовой доскѣ, стариннымъ письмомъ, въ верхней части изображеніе Нерукотвореннаго образа и надпись имени князя Скопина [140]).

Повсюду разнеслась вѣсть, что не стало лучшаго воеводы, спасителя Русской земли... Кончина Скопина была самымъ тяжелымъ, рѣшительнымъ ударомъ для народа, ударомъ послѣдовавшимъ въ то время, когда возродилась было надежда на лучшее будущее, на умилостивленіе небесное. Кончина эта, столь неожиданная, казалась явнымъ дѣйствіемъ гнѣва небеснаго: думали, что Богъ осуждаетъ Россію на вѣр-

---

[135]) *Столяровскій хронографъ*, принадл. Карамзину, въ И. Г. Р., XII, прим. 527.— Въ 1610 г. первый день Пасхи *(великъ день)* приходился 8-го Апрѣля. Очевидно, что выраженіе лѣтописца „велика дни“ относится здѣсь ко всей свѣтлой недѣлѣ; при такомъ условіи и другое опредѣленіе „вскорѣ“ получаетъ точный смыслъ.

[136]) Избор. *Попова*, 384.

[137]) Скопинъ былъ такого громаднаго роста, что въ Москвѣ не могли найти подходящаго для него гроба (?) и должны были придѣлывать съ обѣихъ сторонъ. (*Тамъ же*).

[138]) *Сказ. о Скопинѣ*, 387.—А „возвратясь отъ погребенія въ свою палату, упалъ ницъ на столъ и горько плакалъ по умершемъ“. (*Тамъ же*).

[139]) *Ник. лѣт.*, 132, такъ и въ *рукоп. Филарета*.

[140]) Снимки съ этого портрета воспроизводились неоднократно: лучшій изъ нихъ, по нашему мнѣнію, тотъ, что исполненъ проф. Ѳ. Г. Солнцевымъ и приложенъ къ Памят. Моск. древ. *Снегирева*, М. 1842—1845.

ную гибель, лишивъ ее защитника, который *одинъ* вселялъ надежду и бодрость въ души, *одинъ* могъ спасти государство, снова ввергаемое въ пучину мятежей, безъ кормчаго. Подобные удары обыкновенно отнимаютъ послѣдній духъ, послѣднія силы.

Не находя словъ для изображенія общей скорби, лѣтописцы говорятъ, что современники оплакивали Скопина столь же неутѣшно, какъ царя Ѳедора Ивановича [141]). Сознаніе важности общей потери отразилось и въ отзывахъ о личности покойнаго. Въ нихъ онъ именуется Гекторомъ и Ахиллесомъ Россійскимъ, прославляется за безпримѣрную милость, привѣтливость, кротость, причемъ выставляется на видъ, что огорчать или презирать людей было мукою для его добраго сердца [142]).

Только такими свѣтлыми чертами въ характерѣ Михайла Васильевича и можно объяснить любовь народную къ нему, и ту добрую память, которая перешла о немъ въ потомство, сохранившись въ народной поэзіи. Геркманъ сообщаетъ, что уже во время пребыванія его въ Москвѣ, были распространены въ народѣ пѣсни объ участи Скопина. Одна изъ нихъ дошла до насъ въ собраніи пѣсенъ, записанныхъ Оксфордскимъ баккалавромъ Ричардомъ Джемсомъ, который, въ качествѣ священника при посольствѣ, находился въ Россіи въ 1619—1620 гг. Въ этой пѣснѣ народному сѣтованію о кончинѣ знаменитаго воеводы противополагается злорадство бояръ: плачутъ Москвичи, у которыхъ не стало защитника, плачутъ и «Свѣйскіе Нѣмцы», его соратники, а князья Мстиславскій и Воротынскій усмѣхаются, приговаривая:

---

[141]) „О таковомъ знаменитомъ человѣцѣ проплака вся земля неутѣшно, и горькаго того рыданія не мощно изглаголати днесь“ (*Авр. Палицынъ*, 203); „На Москвѣ же плачь бысть и стенаніе веліе, яко уподобися тому плачу, како блаженныя памяти по царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ плакаху“ (*Ник. лѣт.*, 132).

[142]) „Достойны убо похвалы въ Еллинѣхъ Экторъ и Ахиллесъ; но не видѣша на себе попущаема стрѣлянія силы: древле убо смерть во бранѣхъ на мѣрилѣ совершашеся... нынѣ же и горы основанія и стѣны градовныя, яко прахъ развѣваетъ; тогда же убо сила соблюдаше и храбрость многихъ, нынѣ же и умъ тоя бѣды постигнути не можетъ, и съ таковыми убо смертьми боряйся мужъ зайде подъ землю“ (*Авр. Палицынъ*, 203). „Мнози же народи, вѣрніи и невѣрніи, плакахуся его смиренія и любве и милости къ малымъ и великимъ“ (*Псков. Лѣт.*, 40). „Бысть воевода храбръ и мужественъ и добрымъ благопріятствомъ ко всему народу Русскому себѣ показа, скоро аки, молнія, супостатные полки обтече и вся овцохищные волки люто устраши: пастырь бо звѣрогонитель бысть... во бранѣхъ лютъ, на враги стремленіемъ зѣло искусенъ и ратнымъ непобѣдимъ“ (*Хрон. Ключар.* у *Карамзина*, И. Г. Р., XII, прим. 528). „Сей же непобѣдимый воевода бяше красенъ лицомъ, милостивъ и увѣтливъ, тихъ же и смиренъ, нищелюбивъ и добродѣтеленъ, никогоже оскорби и никого презрѣ, всѣхъ утѣшая и всѣмъ полезная подавая“ (*Рукоп. Филарета*). И сами Поляки, побѣжденные имъ, не могли не признать его рѣдкихъ достоинствъ и желали, чтобы у нихъ явился королемъ такой же человѣкъ, какъ Скопинъ („Временникъ“ дьяка *Ив. Тимоѳеева* въ Ркп. Флорищевой пуст. № $^{108}/_{682}$, объ немъ у *С. Ѳ. Платонова* Древнерус. сказ. и пов. о смут. вр., Спб. 1888, стр. 128—168).

Высоко соколъ поднялся
И о сыру матеру землю ушибся.

Другая пѣсня передаетъ его подвиги и обстоятельства внезапной смерти. У князя Воротынскаго крестили сына; кумомъ былъ Скопинъ, «правитель царства Московскаго, оберегатель міра крещенаго и всей земли Свято-русской», кумою—жена Дим. Шуйскаго. За обѣдомъ, хмѣльные бояре расхвастались, кто силою, а кто богатствомъ. Скопинъ не съ большаго хмѣлю похвастался, что онъ очистилъ отъ враговъ все великое государство Московское. Это обидѣло бояръ: они подсыпали зелья въ стаканъ сладкаго меду, который и поднесла Скопину княгиня Шуйская, знавшая о томъ.

Изъ словъ послѣдней пѣсни, вложенныхъ въ уста князя Скопина и составляющихъ, по мнѣнію г. Галахова, позднѣйшую вставку [143]):

Еще мнѣ ли славу поютъ до вѣку
Отъ стараго до малаго,
Отъ малаго до вѣку моего,

видно, что пѣсни о немъ ходили въ народѣ. А изъ заключительныхъ словъ узнаёмъ, что похвалы князю Скопину и его подвиги воспѣвались на пирахъ пѣвцами, которые

Сидючи во бесѣдѣ смиренныя
Испиваючи медъ, зелено вино,

воздавали честь боярину великому и хозяину ласковому [144]).

Заключеніе.

Чѣмъ руководился молодой воевода, какія побужденія управляли его дѣйствіями? Вопросъ этотъ былъ поставленъ еще—Соловьевымъ и Костомаровымъ. Соловьевъ, указывая на то, что жизнь князя Скопина-Шуйскаго вообще не богата біографическимъ матеріаломъ(отъ него самого, точно также, какъ и отъ лицъ, близкихъ къ нему, не дошло до насъ ни писемъ, ни записокъ), замѣчаетъ: «Живыхъ людей, съ рѣзко опредѣленнымъ образомъ, мы не найдемъ ни въ Скопинѣ, ни въ Ляпуновѣ, ни въ Пожарскомъ, ни въ Мининѣ, какъ они представляются въ лѣтописяхъ и сказаніяхъ. Разсказываются ихъ внѣшніе подвиги, произносятся похвальные отзывы въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ, идущихъ ко всякому другому хорошему человѣку». Вслѣдствіе этого и

---

143) *Галаховъ*, Ист. Рус. слов. др. и нов., 1, 1863, 268.

144) *Изв. Акад. Наукъ* по 2 отд., 1852, 1; Собр. пѣсенъ *Кирши Данилова*; ср. *Буслаева* Очерки литературы, I, 519—525; *Галаховъ*, Ист. Рус. слов. др. и нов., I, 268.

фигура Скопина представляется Соловьеву «покрытою съ ногъ до головы пеленою; можно догадываться, что это что-нибудь величественное, но что именно не знаемъ» [145]). Статья Н. И. Костомарова «Личности смутнаго времени» (Истор. моногр., т. XIII, 1881) представляетъ собственно подробное развитіе той же мысли. О Скопинѣ онъ говоритъ: «По первому впечатлѣнію, эта личность представляется въ высшей степени поэтическою и привлекательною; но какъ только мы приблизимся къ ней съ холоднымъ анализомъ, мимо всякаго поэтическаго увлеченія, предвзятыхъ понятій и заранѣе составленнаго образа, то встрѣтимъ лицо очень тусклое. Прежде всего является вопросъ, чтó это была за натура? Пылкій ли юноша, увлекаемый жаждою подвиговъ и дѣятельности, или это холодный, разсудительный умъ, чуждый увлеченія, взвѣшивающій обстоятельства, осмотрительный, проницательный, всегда разсчетливый». Авторъ этихъ строкъ болѣе склоняется видѣть въ Скопинѣ характеръ послѣдняго рода, такъ какъ, вопервыхъ, онъ не замѣчаетъ нигдѣ такихъ чертъ, которыя бы указывали на господство сердечныхъ побужденій; во вторыхъ, онъ усматриваетъ въ нѣкоторыхъ его дѣйствіяхъ хитрость и, въ заключеніе, предъявляетъ новый вопросъ, «на который мы отвѣчать никакъ не въ состояніи: на сколько этотъ человѣкъ дѣйствовалъ по собственной иниціативѣ, или уразумѣнію, и насколько исполнялъ волю и совѣты другихъ? Въ повѣствованіяхъ о его дѣяніяхъ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы онъ явился съ свойственнымъ ему одному, отличнымъ отъ другихъ, образомъ взглядовъ, чувствъ и пріемовъ; нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы высказалась его индивидуальность. Мы также находимся въ невѣдѣніи относительно его нравственныхъ побужденій: руководствовался ли онъ безкорыстною любовью и преданностію дѣлу родины, или же онъ не былъ чуждъ корыстолюбивыхъ видовъ» [146]).

Конечно, благодаря недостаточности біографическихъ свѣдѣній о Скопинѣ-Шуйскомъ, личность его остается для насъ нѣсколько тусклою; но все-таки мы имѣемъ данныя, которыя помогаютъ до нѣкоторой степени уяснить нравственный его образъ. Вѣдь, въ противномъ случаѣ, и Н. И. Костомаровъ не могъ бы сдѣлать своихъ немногихъ (въ скобкахъ замѣтимъ, тенденціозныхъ) замѣчаній о личности Скопина. Впрочемъ, такихъ данныхъ довольно мало; онѣ скрыты, и ихъ приходится извлекать по мелочамъ изъ общаго разсказа о дѣяніяхъ князя Михайла Васильевича. Такъ, сопоставляя разныя мѣста нашего обзора жизни и подвиговъ Скопина-Шуйскаго, нельзя не видѣть, что мы имѣемъ дѣло именно съ пылкимъ юношей, увлекаемымъ жаждою подвиговъ.

---

[145]) *Соловьевъ* И. Р., IX, 1375, 426.

[146]) Стр. 355—357.

Рано началъ Скопинъ свое служебное поприще: семнадцати лѣтъ онъ уже играетъ видную роль при дворѣ, въ восемнадцать—на него возлагаютъ отвѣтственныя порученія и обязанности, девятнадцати—ему даже вручается начальствованіе отдѣльнымъ отрядомъ войска, отправляемымъ для усмиренія дерзкихъ мятежниковъ, потрясавшихъ основы государства. Чѣмъ, спрашивается, могъ заслужить къ себѣ подобное довѣріе этотъ юноша, какъ, прежде всего, не своею точностію въ исполненіи возлагаемыхъ на него порученій? Довѣрчивый молодой умъ, жаждущій дѣятельности, брался за исполненіе разныхъ порученій, не разсуждая ни о томъ, кому онъ служитъ, законному ли царю или самозванному похитителю престола, ни о томъ, какія будутъ послѣдствія его стараній. Съ одинаковымъ усердіемъ онъ служитъ Годунову, Самозванцу, царю Шуйскому; сегодня онъ ѣдетъ въ Выксинскій монастырь за царицею Мареою для Лжедимитрія, завтра выступаетъ противъ Болотникова, въ интересахъ Василія Ивановича. Именно только замѣчательнымъ усердіемъ, стараніемъ отъ всего сердца и вмѣстѣ съ тѣмъ пылкостію, не допускающею разбора, критики, и можно объяснить подобныя дѣйствія князя Михайла Васильевича. Пылкостію и молодостію нашего героя объясняется и то обстоятельство, что онъ нигдѣ не является съ отличнымъ отъ другихъ образомъ мыслей, а всегда идетъ за другими. Впрочемъ, причиною этого можетъ быть и особенность смутной эпохи: повсемѣстная неустойчивость, шатаніе, когда люди и болѣе опытные и почтенные по лѣтамъ (Басмановъ, Татищевъ, Василій Шуйскій) не задумывались мѣнять свои убѣжденія. Князь Михайло Васильевичъ, въ данномъ случаѣ, примкнулъ къ сильной партіи своихъ старшихъ сородичей Шуйскихъ. Пока глава этой партіи князь Василій прямилъ Годунову, и Скопинъ служилъ ему же; перешелъ Василій Ивановичъ на сторону Самозванца, и племянникъ его послѣдовалъ за нимъ; составилъ Шуйскій заговоръ противъ самозваннаго царя, и Скопинъ сочувственно отнесся къ нему, спряталъ мечъ Лжедимитрія. По убіеніи послѣдняго, онъ перешелъ на сторону дяди, и до конца жизни оставался вѣренъ ему. Разумѣется, къ тому времени и характеръ князя Михайла сталъ устойчивѣе. Вспомнимъ, сколько смётки и осмотрительности проявилъ онъ въ переговорахъ со Шведами. Не хитрость въ его дѣйствіяхъ должны мы видѣть, какъ то думаетъ Костомаровъ, когда онъ передъ Делагарди скрывалъ важность бѣдствій, постигшихъ Россію, или когда въ грамотахъ, разсылаемыхъ по Россіи, говорилъ преувеличенно о своихъ успѣхахъ, а замѣчательную осторожность и предусмотрительность, достойную зрѣлаго мужа. Въ первомъ случаѣ онъ не хотѣлъ, чтобы Шведы считали исключительно себя спасителями Россіи, или—что̀ еще хуже—обратили на насъ же свое ору-

жіе (по той же причинѣ онъ запретилъ Шведскому войску всему идти въ Новгородъ, и ввелъ только часть его, оставивъ остальную въ Тёсовѣ). Во второмъ—онъ желалъ поддержать бодрость въ согражданахъ, надежду, что еще не все потеряно. Въ нравственномъ отношеніи личность Скопина стоитъ внѣ какихъ-либо упрековъ. То обстоятельство, что онъ на первыхъ порахъ служилъ Лжедимитрію не можетъ быть поставлено ему въ вину. Отношеніе его къ посольству Ляпунова извѣстно. Если онъ не преслѣдовалъ Ляпунова и его пословъ, это не значитъ, что онъ потакалъ имъ. Причину этого надо искать въ характерѣ Скопина. Прощеніе посланцевъ Ляпунова лѣтописецъ объясняетъ такъ: «онъ же, *милостивый бояринъ, не хотя ихъ крови*, повелѣ отпустити ихъ опять на Рязань» [147]). И дѣйствительно, щадить жизнь людей было въ характерѣ Скопина: при заключеніи со Шведами договора, внесена статья щадить Русскихъ плѣнныхъ противнаго лагеря: при осадѣ Твери, въ тѣхъ же видахъ, онъ отговорилъ Делагарди отъ намѣренія подвергнуть городъ взятію «на копье». Къ тому же послы Рязанскіе, по свидѣтельству лѣтописи, разсказали Скопину «Прокофьево житіе и къ себѣ насиліе его» [148]). Слѣдовательно, они были люди подневольные, наказывать которыхъ едва ли было справедливо. Предполагать же, что Скопинъ оставлялъ Ляпунова въ покоѣ, съ намѣреніемъ, до тѣхъ поръ, когда, при содѣйствіи послѣдняго, предложеніе царства послѣдуетъ отъ болѣе широкаго круга, отъ всей земли, мы не имѣемъ основаній, какъ объ этомъ говорили выше. Да, и могъ ли—спрашивается—Скопинъ, въ такое смутное время, когда всякую минуту измѣнялись обстоятельства, взгляды и мысли, ждать общаго предложенія? Вѣрнѣе, что Скопинъ, отвергнувъ предложеніе Ляпунова, не доложилъ о томъ царю, изъ нежеланія подвергать опасности человѣка безспорно даровитаго, который могъ быть полезенъ для отечества въ то время. О событіи съ Татищевымъ, которое, по мнѣнію Костомарова, набрасываетъ какъ бы тѣнь на безупречность поступковъ Скопина, нами было говорено въ своемъ мѣстѣ, и прибавлять что-либо къ сказанному не находимъ нужнымъ, тѣмъ болѣе, что и самъ историкъ спѣшитъ оговориться, что событіе это «по неясности своей и неполнотѣ сообщаемыхъ извѣстій не можетъ повести къ заключеніямъ о личности замѣчательнаго человѣка» [149]).

1888 г. С.-Петербургъ.

Г. Воробьевъ.

---

[147]) *Лѣт. о мятеж.*, 166; *Ник. лѣт.*, 123—124.

[148]) *Тамъ же.*

[149]) *Костомаровъ*, Истор. монографіи, XIII, 359. Полное опроверженіе вышеприведенныхъ взглядовъ Костомарова на личность и дѣятельность Скопина читатели найдутъ въ соч. *М. П. Погодина*: „Борьба не на животъ, а на смерть съ историческими ересями". М. 1874, стр. 1—27.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

СОВРЕМЕННАЯ ПѢСНЯ О КНЯЗѢ СКОПИНѢ-ШУЙСКОМЪ *).

Ино чтò у насъ въ Москвѣ учинилося?
Съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили.
А расплачутся гости Москвичи:
А тепере наши головы загибли,
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.

А съѣзжалися князи, бояре супротиво къ нимъ,
Мьстисловской князь, Воротынской,
И между собою онѣ слово говорили;
А говорили слово, усмѣхнулися:
Высоко соколъ поднялся
И о сыру матеру землю ушибся.

А расплачутся Свейскіе Нѣмцы,
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.

Побѣжали Нѣмцы въ Новъ городъ,
И въ Новѣ городѣ заперлися,
И многой миръ-народъ погубили,
И въ Латынскую землю превратили.

---

*) Настоящая пѣсня, записанная Оксфордскимъ баккалавромъ Ричардомъ Джемсомъ въ 1619—1620 годахъ, когда онъ жилъ въ Москвѣ, найдена академикомъ *I. X. Гамелемъ* въ Англіи и напечатана въ „Извѣстіяхъ И. А. Н." по отдѣленію Рус. яз. и словес. 1852 г., т. I, тетрадь 1-я, 7—8. Другая пѣсня о Скопинѣ—въ извѣстномъ сборникѣ Кирши Данилова.

ДВА НОВОНАЙДЕННЫЯ ПИСЬМА КНЯЗЯ АНТІОХА КАНТЕМИРА.

Въ Англійскомъ журналѣ «Academy» (13-го Іюля 1889 г.) напечатаны два письма князя Антіоха Кантемира, Русскаго посланника въ Лондонѣ (1732—1738), къ герцогу Ньюкастлю и письмо герцога къ лорду Ринноулю, Англійскому посланнику въ Константинополѣ. Документы эти извлечены изъ рукописей Публичнаго Архива и Британскаго Музея профессоромъ Александренко.

Князю Кантемиру поручено было пригласить нѣсколько искусныхъ Англійскихъ офицеровъ для Русскаго флота, который, по смерти Петра Великаго, пришелъ въ упадокъ. Войдя въ соглашеніе по этому вопросу съ извѣстнымъ капитаномъ Матьюсомъ, онъ просилъ герцога Ньюкастля ходатайствовать о разрѣшеніи Матьюсу вступить на Русскую службу.

Приводимъ переводы этихъ писемъ съ Французскихъ подлинниковъ.

«Милордъ герцогъ. Ваша свѣтлость, безъ сомнѣнія, будете увѣдомлены, что я получилъ милостивое разрѣшеніе короля пригласить двухъ флотскихъ офицеровъ на службу моей Государыни Императрицы. Вслѣдствіе этого я заручился согласіемъ капитана Матьюса отправиться въ Петербургъ, чтобы тамъ лично опредѣлить свои условія. Но такъ какъ ему сказали, что онъ не можетъ вступить въ иностранную службу безъ письменнаго позволенія короля, то онъ просилъ объ этомъ милорда Гаррингтона, который уѣхалъ *), не добывъ разрѣшенія. Поэтому я прошу вашу свѣтлость попросить отъ меня объ этомъ королеву, и я не сомнѣваюсь, что ея величество не затруднится дать ему позволеніе. Мой посланный будетъ ожидать приказаній вашей свѣтлости. Я со всѣмъ возможнымъ уваженіемъ остаюсь, милордъ герцогъ, вашъ нижайшій и покорнѣйшій слуга, А. князь Кантемиръ».

---

*) Гаррингтонъ вмѣстѣ съ королемъ (Георгомъ II-мъ) тогда уѣхалъ въ Ганноверъ.

Въ тоже время Англійскій посланникъ въ Константинополѣ, лордъ Ринноуль, интриговавшій противъ Русскаго и Голландскаго дворовъ и находившійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Французскимъ посломъ, получилъ слѣдующее письмо отъ герцога Ньюкастля:

«Къ крайнему моему сожалѣнію, я долженъ сообщить вамъ, что его величество весьма недавно получилъ новыя жалобы отъ Императорскаго, Русскаго и Голландскаго посланниковъ, которые согласно утверждаютъ, что всѣ ваши дѣйствія обнаруживаютъ явное пристрастіе къ Франціи и что послѣдствія этого въ концѣ должны быть весьма вредны для интересовъ Императорскаго и Русскаго дворовъ».

Распоряженія герцога вызвали слѣдующее выраженіе благодарности отъ князя Кантемира.

«Милордъ герцогъ, я не исполнилъ бы своей обязанности, еслибы не поблагодарилъ покорно вашей свѣтлости за честь, которую вы оказали мнѣ своимъ письмомъ и сообщеніемъ королевскаго приказа, посланнаго милорду Ринноулю. Я послалъ его къ своему двору. Послѣдній безъ сомнѣнія увидитъ въ немъ новое доказательство искренней дружбы короля къ Государынѣ моей Императрицѣ. Я даже осмѣливаюсь увѣрить вашу свѣтлость заранѣе, что Ея Императорское Величество *) ... королю свою признательность и будетъ всегда готова оказать подобныя услуги его величеству Британскому. Остаюсь со всѣмъ возможнымъ уваженіемъ и почтеніемъ, милордъ герцогъ, вашей свѣтлости нижайшій и покорнѣйшій слуга А. князь Кантемиръ».

(Сообщено С. А. Петровскимъ).

ИСТОРИЧЕСКІЯ ГРОБНИЦЫ.

На самой границѣ Московской губерніи съ Калужскою, въ бывшемъ имѣніи графовъ Шуваловыхъ, близъ рѣки Исьмы, находится село Косицы съ каменною пятиглавою церковію во имя Преображенія Господня. Въ вѣдомости о церкви значится, что построена она въ 1761 г. тщаніемъ графа Александра Ивановича Шувалова. При церкви трехъярусная колокольня, воздвигнутая въ одно время съ церковью. Внѣшнія стѣны того и другаго зданія украшены полуколоннами съ капителями и карнизами, а вокругъ средняго яруса колокольни на пьедесталахъ разставлены восемь колоннъ, поддерживающихъ ярусъ, назначенный для башенныхъ часовъ. По преданію церковь построена вмѣсто деревянной, которая находилась саженяхъ въ 70 ближе къ рѣкѣ Исьмѣ, на мѣстѣ теперешняго кладбища.

Въ церкви покоится прахъ храмоздателя съ слѣдующею надъ гробницею надписью: »1771 года Октября 13 дня преставися рабъ Божій генералъ-фельтмаршалъ, обоихъ Россійскихъ орденовъ, Бѣлаго Орла и Святыя Анны, кавалеръ, графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, родился въ 1711 году Февраля 8 дня, въ службѣ былъ 40 лѣтъ; всего жилъ 60 лѣтъ, 8 мѣс. и пять дней». Рядомъ съ нимъ гробница съ такою надписью: «Графиня Катерина Ивановна Шувалова, урожденная Кастюрина, родилась Октября 18 дня 1718 года, скончалась Августа 11 числа 1790 года».

Въ лѣвомъ придѣлѣ во имя св. великом. Екатерины покоится прахъ шурина храмоздателя съ надписью: «Здѣсь погребено тѣло генералъ-аншефа, Св. Александра Невскаго и Св. Анны кавалера Ивана Ивановича Кастюрина, бывшаго во многихъ и именитыхъ отечеству служеніяхъ, яко то сенаторомъ и въ другихъ званіяхъ, преставившагося въ полночи со 12 на 13 число Сентября 1790 года въ Москвѣ, на 72 году безбрачнаго житія своего, ко многому опечаленію кровныхъ и друзей его, а паче словами и дѣлами отъ него благодѣтельствованныхъ. Рожденіе его было 27, а день ангела 30 Марта. Боже, упокой со святыми душу его, вѣчныя памяти достойнаго».

Есть въ этой церкви въ особомъ вызолоченномъ иконостасѣ небольшая икона, знаменательная своею извѣстностію, какъ явленная. Она изображаетъ Женъ Мироносицъ, при гробѣ Господнемъ, но именуется почему-то въ народѣ иконою Божіей Матери. Икона сія вокругъ осыпана алмазами.

Есть еще икона, замѣчательная древностію, надписями и богатствомъ. Это икона Нерукотвореннаго Спаса, въ ризѣ червоннаго золота, съ слѣдующею надписью: «Сей святый образъ Іисуса Сына Божія присланъ къ Москвѣ изъ Рима Царскому Величеству, украшенъ серебромъ съ каменіемъ по Греческому обыкновенію, списанъ съ сущаго образа, который отъ самаго Творца всѣхъ Господа Іисуса Христа въ даръ ко Авгарю посланъ, иже нынѣ въ Римѣ, и былъ нѣсколько лѣтъ въ хоромѣхъ Его Царскаго Величества и въ 7137 году отданъ въ иконохранительницу, идѣже хранятся святыя иконы, которыя изъ хоромъ Царскаго Величества. И въ 7187 году великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, Повелитель Всероссійскій, изволи быти въ этой палатѣ, гдѣ святыя хранимы иконы, которыя отдаются изъ хоромъ Ихъ Царскихъ Величествъ. Сею святою иконою за многую милость пожалова аптекарскія палаты дьяка Андрея Андреевича сына Виніюса 1710 года. Думной дьякъ Андрей Андреевъ сынъ Виніюсъ за премного далъ сію святую икону Іисуса всѣхъ Бога, прислалъ князь Матвѣю Петровичу Гагарину» [1]).

Есть частицы св. мощей, хранящіяся въ крестахъ и иконахъ, числомъ до 112.

Есть драгоцѣнные камни: бриліанты, алмазы, яхонты, рубины и другіе, украшающіе сребропозлащенныя ризы на иконахъ, поступившихъ въ церковь изъ родства храмоздателя, отъ Екатерины Александровны графини Головкиной [2]).

Священникъ Преображенской, села Косицы, церкви Сергій Богословскій.

1889 года, Марта 8 дня.

Означенія годовъ рожденія и кончины тѣже, что въ Россійской Родословной книгѣ князя П. Долгорукаго.—Графъ Шуваловъ, его супруга, братъ ея Кастюринъ принадлежали къ первенствующимъ лицамъ Елисаветина двора. Графъ Шуваловъ занималъ туже должность, въ которой прославился въ наши дни правнукъ роднаго его брата, графъ Петръ Андреевичъ, а Кастюринъ завѣдывалъ снабженіемъ войскъ нашихъ въ Семилѣтнюю войну. Графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ былъ начальникомъ страшной тайной канцеляріи, и его имени трепетали въ Россіи. Екатерина очень неблагосклонно отзывается о немъ въ Запискахъ своихъ и называетъ *моргуномъ* (clignotant). Сыновей онъ не имѣлъ, и отъ его дочери потомства не осталось. Нынѣшніе графы Шуваловы, происходящіе отъ брата его графа Петра Ивановича, не дадутъ обветшать достопамятному храму и оберегутъ родныя гробницы. П. Б.

[1]) Очевидно, что надпись позднѣйшаго времени, и хронологія въ ней спутана. П. Б.

[2]) Единственной дочери графа А. И. Шувалова. П. Б.

ПО ПОВОДУ ИНСТРУКЦІИ ГРАФА БЕНКЕНДОРФА.

Въ 7-й кн. Русскаго Архива настоящаго года помѣщена «Инструкція графа Бенкендорфа чиновнику Третьяго Отдѣленія». Можетъ быть, читателямъ будетъ любопытно познакомиться съ первыми впечатлѣніями тогдашняго служилаго люда при извѣстіи о существованіи этой инструкціи. Свѣдѣнія эти заимствованы изъ архива Пензенскаго Губернскаго Правленія, изъ одного дѣла 1827 года.

Наровчатскій земскій исправникъ Мачинскій, 6 Февраля 1827 года, сдѣлалъ слѣдующее донесеніе Наровчатскому городничему:

«Наровчатскій уѣздный землемѣръ Пекарскій въ городѣ разглашаетъ, что будто жандармскаго полка полковнику Бибикову отъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа дана инструкція, якобы о наблюденіи за злоупотребленіями и безпорядками, за спокойствіемъ гражданъ и вообще за всѣми мѣстами и лицами. Разглашеніе сіе подтверждается и копіей съ упомянутой инструкціи, ко мнѣ дошедшей, писанной рукою самаго г. Пекарскаго. Какъ о томъ, чтобы инструкція, о которой г. Пекарскій разглашаетъ, издана была отъ правительства присутственнымъ мѣстамъ знать не дано и, на основаніи 4 параграфа Устава Благочинія, статей 51—53-й, вашимъ высокоблагородіемъ не публиковано, и какъ за силою указа 1773 Октября 19 и 1783 Мая 3 и Устава Благочинія статей 56 и 233 всякое подобное г. Пекарскому разглашеніе допущено быть не можетъ, а на основаніи высочайшаго манифеста 1826 г. Мая 12 дня пункта 5-го съ разглашателями ложныхъ толковъ велѣно поступать по строгости законовъ: и по всему оному я обязанностью поставляю довесть сіе до свѣдѣнія вашего высокоблагородія къ поступленію въ семъ случаѣ по законамъ». При этомъ приложена и копія самой инструкціи.

По сличеніи ея съ напечатанною въ Р. Архивѣ она оказывается, за исключеніемъ нѣкоторыхъ описокъ, во всемъ съ нею тождественною. Прибавленія лишь слѣдующія: въ началѣ значится—«инструкція жандармскаго полка полковнику Бибикову» и въ концѣ—«на подлинной подписано: генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ».

Но еще раньше этого донесенія поступило къ тому же городничему заявленіе землемѣра Пекарскаго, который объявлялъ: «Будучи

на сихъ дняхъ по знакомству у живущаго въ здѣшнемъ городѣ губ. секретаря Михаила Абрамова сына Соколова и въ разговорахъ съ нимъ объ обстоятельствахъ по газетамъ случайно прочиталъ я у него и получилъ копію съ списка, содержащаго въ себѣ инструкцію, данную отъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа жандармскаго полка полковнику Бибикову на счетъ преслѣдованія имъ и открытія законопреступныхъ дѣйствій по части гражданскаго правосудія и о прочемъ; который списокъ, какъ я замѣтить могъ, былъ не обнаруженъ законнымъ порядкомъ къ извѣстію. А потому выпросилъ я у него г. Соколова тотъ списокъ съ намѣреніемъ, чтобы справиться удостовѣрительно по присутственнымъ мѣстамъ о подлинности таковой инструкціи. А между тѣмъ, списавъ съ оной копію, желалъ представить оную къ Наровчатскому г. городничему въ томъ уваженіи, что списокъ тотъ заключалъ въ себѣ новизну, хотя и непротивную законамъ, но необходимую мѣстнымъ начальствамъ, для поступленія въ такомъ случаѣ по законамъ. Которую списанную собственной моей рукой копію сего 4-го на пути, идучи отъ дому моего къ квартирѣ г. городничаго для представленія той копіи вмѣстѣ съ спискомъ, полученнымъ мною отъ г. Соколова, нечаяннымъ образомъ обронилъ я противъ дома Наровчатскаго земскаго исправника Мачинскаго; но, не доходя до квартиры г. городничаго, ощутивъ оброненіе мною тѣхъ бумагъ и возвратясь назадъ по той же улицѣ мимо дома земскаго исправника, спрашивалъ стоящихъ во многомъ количествѣ людей около калитки дома исправника, не поднялъ ли кто изъ нихъ тѣхъ оброненныхъ мною бумагъ, но они отозвались незнаніемъ».

Получивъ эти бумаги, городничій счелъ необходимымъ произвести слѣдствіе, а земскій исправникъ о возникшихъ обстоятельствахъ сообщилъ Пензенскому вице-губернатору, исправлявшему въ то время должность губернатора. Вице-губернаторъ съ своей стороны далъ предложеніе городничему о томъ же произвести слѣдствіе «точнѣйшимъ образомъ, безъ всякой однако огласки», и вмѣстѣ сообщилъ объ этомъ распоряженіи Бенкендорфу.

Къ слѣдствію, кромѣ Пекарскаго и Соколова, привлечено было еще нѣсколько лицъ, на которыхъ ссылался земскій исправникъ. Слѣдствіе было направлено къ разрѣшенію двухъ вопросовъ: выдавалъ ли Пекарскій инструкцію за дѣйствительно-правительственный документъ и какія употреблялъ онъ средства къ разглашенію правительственнаго документа, въ установленномъ порядкѣ не обнародованнаго?

Свидѣтели, изъ опасенія быть привлеченными къ отвѣтственности за участіе въ разглашеніи (потому, что въ свое время не донесли начальству) показали, что они, если что и слышали о какой-то инструк-

ціи, то не придавали этому слуху никакого значенія и больше показывали, что ничего не слышали. Главные же виновники Пекарскій и Соколовъ объясняли: первый: «списанная мною со списка, губернскимъ секретаремъ Михаиломъ Соколовымъ даннаго, инструкція не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго не только закону благочинія и нравственности, но и не относится къ нарушенію чьего-либо спокойствія, только обуздываетъ по злоупотребленію власти неблагомыслящихъ людей, и посему нарочито ходилъ я въ Наровчатскій уѣздный судъ для удостовѣрительной выправки, нѣтъ ли таковой инструкціи въ полученіи въ томъ судѣ, для чего и спрашивалъ объ оной уѣзднаго суда секретаря г. Никифорова, который отозвался, что сей инструкціи въ полученіи отъ вышняго начальства не имѣется. Почему и располагался я представить оную къ г. городничему, но... потерялъ дорогою». Соколовъ же показалъ, что инструкцію онъ получилъ отъ отставнаго поручика Ахлебинина чрезъ посланнаго двороваго его человѣка, имени котораго не знаетъ; а давалъ ее Пекарскому для прочтенія съ цѣлію, чтобы онъ справился въ присутственныхъ мѣстахъ относительно ея подлинности.

Допросы и опросы продолжались слишкомъ полтора мѣсяца и продолжались бы конечно еще долгое время, потому что къ слѣдствію были привлечены лица, находившіяся и въ отдаленныхъ отъ Наровчата мѣстахъ; но отъ губернатора Лубяновскаго получено было въ концѣ Марта предложеніе о представленіи всего дѣла къ нему въ подлинникѣ; а вскорѣ послѣдовало отъ него городничему слѣдующее заключеніе: «Какъ все сіе слѣдствіе по донесенію исправника Мачинскаго ничего не заключаетъ въ себѣ и ничего не доказываетъ, кромѣ личнаго между нимъ и Пекарскимъ неудовольствія, и какъ таковыхъ слѣдствій разборъ можетъ только затруднять присутственныя мѣста, то и оставляется оно потому безъ дальнѣйшаго производства. Если бы между сими двумя чиновниками не было личностей и были бъ они даже въ поведеніи другъ противъ друга болѣе осмотрительны, сверхъ того каждый изъ нихъ занимался бы своимъ дѣломъ съ надлежащею ревностью, то г. Пекарскому не достало бы времени переходить изъ мѣста въ мѣсто и разносить новости,—ремесло для самаго такого разнощика и даже для тѣхъ, кому вѣсти разносятся, часто непріятное; а г. Мачинскій также не имѣлъ бы времени смотрѣть за дѣйствіями другихъ, за кѣмъ наблюдать онъ не имѣетъ обязанности, а не только еще затруднять тѣмъ начальство».

По всей вѣроятности Лубяновскій къ этому времени получилъ уже сообщеніе объ устройствѣ тайнаго надзора за дѣйствіями служащихъ, и потому начатое слѣдствіе замаскировалъ враждою двухъ чиновниковъ.

Н. В.

ДВА ПИСЬМА КНЯЗЯ А. Θ. ОРЛОВА КЪ ГРАФУ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ *)

1.

Strelna, ce 22 juin 1837.

Si je ne vous ai pas répondu tout de suite, cher ami, à votre bonne et aimable lettre, c'est que je voulais être moi-même porteur de la réponse. J'avais déjà obtenu la permission de l'Empereur et même un bâteau à vapeur pour aller à Fall. Kisseleff et moi, nous devions partir Samedi, le 26; mais l'homme propose, et Dieu dispose. Ne voilà-t-il pas que le roi d'Angleterre s'est laissé mourír, et l'Empereur a voulu que ce soit moi qui dois féliciter la nouvelle Reine. Je pars ce même 26 pour Londres. Je ne m'y attendais pas du tout, et cela me dérange assez, d'autant plus que ma femme sera ici pour le 15 juillet. Je dois absolument revenir pour le 1-er août pour notre voyage, et je n'ai pas un instant à perdre, tout au plus si ce sera à temps pour dire bonjour et adieu aux miens. Enfin, c'est une véritable bagarre, dont avec ma paresse je ne sais comment je me tirerai. Je ne suis poussé que par l'attachement que je porte à notre admirable Souverain; car plus on le connaît, plus on l' aime.

Nous avons eu courriers et manoeuvrs à satiété. Notre pauvre garde à cheval a décidement mal exercé, et l'Empereur en a été avec raison très mécontent. De mon côté je ne peux pas vous cacher que j'en suis encore rès affecté. C'est un malheur passager qui se réparera facilement, car le régiment est superbe; mais en attendant c'est très désagréable.

On me dit à ma grande satisfaction que vous avez beaucoup repris; mais avez-vous assez de force d'entreprendre le long voyage? Que votre zêle et votre attachement pour l'Empereur ne vous donnent pas des illusi-

---

*) Съ подлинниковъ, хранящихся въ зáмкѣ Фаллѣ, близъ Ревеля. За сообщенiе ихъ въ „Русскiй Архивъ“ приносимъ благодарность владѣльцу Фалля, свѣтлѣйшему князю П. Г. Волконскому. П. Б.

ons! Certainement vous devez être juge vous-même de vos forces plus que tous les autres; mais, cher ami, au nom de Dieu, n'entreprenez pas la chose légèrement. La quèstion est trop sérieuse pour votre conservation. Je vous le jure la main sur le coeur et comme un véritable ami, que personne au monde, excepté l'Empereur, ne désire plus que vous l'accompagniez; mais si je voyais que vos forces ne le permettent pas, sans aucune considération j'aurais abordé hautement la question contre vous. Malheureusement vous avez pris et vous prendrez votre décision sans moi. Que Dieu donne qu'elle soit d'accord avec votre coeur et surtout avec votre santé! C'est le voeu le plus cher de celui qui se dit pour la vie votre ami c. A. Orloff.

Si quelqu'un, sans connaître la valeur de notre amitié et ne nous jugeant que sur notre situation de cour, lisait cette lettre, il ouvrirait des grands yeux; car, pour écrire comme je le fais, il faut être bien sûr d'avoir mérite l'estime et la confiance de l'ami auquel je m'adresse.

Переводъ. Стрѣльна, 22 Іюня 1837. Я не отвѣчалъ тотчасъ же на ваше доброе и любезное письмо, дорогой другъ, потому что самъ хотѣлъ явиться съ отвѣтомъ. Я уже получилъ отъ Государя дозволеніе и даже пароходъ, чтобы ѣхать въ Фалль, и мы съ Киселевымъ должны были отправиться въ Субботу, 26-го. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Король Англійскій изволилъ умереть, и Государю было угодно, чтобы я поздравилъ новую королеву. Того же 26-го числа я ѣду въ Лондонъ. Для меня это совсѣмъ неожиданно и тѣмъ болѣе не кстати, что жена моя будетъ сюда 15 Іюля. Я долженъ непремѣнно возвратиться къ 1-му Августа для нашего путешествія, слѣд. мнѣ дорогà каждая минута, и останется только время поздороваться и попрощаться со своими. Словомъ, сущая суматоха, съ которою, при моей лѣности, не знаю, какъ мнѣ управиться. Побуждаюсь исключительно приверженностью моею къ нашему обожаемому Государю, котораго чѣмъ больше знаешь, тѣмъ больше любишь.—У насъ было вдоволь курьеровъ и маневровъ [1]). Наша бѣдная конная гвардія положительно оплошала, а Государь по справедливости былъ ею очень недоволенъ. Что до меня, не скрою отъ васъ, что я очень этимъ огорченъ. Бѣда преходящая и легко поправимая, потому что полкъ великолѣпный; тѣмъ не менѣе очень непріятно.—Къ большому удовольствію моему мнѣ говорятъ, что вы очень поправляетесь; но достаточно ли у васъ силъ для долгаго путешествія? Не увлекайтесь вашимъ ўсердіемъ и приверженностью къ Государю. Конечно вамъ самому легче, нежели другимъ, судить о своихъ силахъ; но, дорогой другъ, ради Бога, не относитесь къ этому легко.

---

[1]) Самъ Государь объ этомъ писалъ въ Фалль (см. его письма къ графу Бенкендорфу въ Р. Архивѣ 1884, I, 181). П. Б.

Дѣло слишкомъ важно для вашего сбереженія. Клянусь вамъ и говорю какъ истинный другъ, что послѣ Государя никто на свѣтѣ такъ не желаетъ, чтобы вы ему сопутствовали, какъ я; но коль скоро вы еще слабы, я открыто сталъ бы противорѣчить. По несчастію вы поступили и поступите не посовѣтовавшись со мною. Дай Богъ, чтобы рѣшеніе ваше было вамъ по душѣ и прежде всего соотвѣтствовало состоянію вашего здоровья. Это самое сильное желаніе вашего на всю жизнь друга графа А. Орлова.— Еслибы кто нибудь, не зная, какъ сильна наша дружба и судя о насъ лишь по придворному нашему положенію, прочелъ это письмо, онъ очень бы удивился: ибо, для того, чтобы писать какъ я, надо имѣть полную увѣренность, что заслужилъ почтеніе и довѣренность друга, къ которому я обращаюсь.

2.

Voznésensk, ce 18 août 1837.

Je vous remercie, cher ami, pour votre bonne et excellente lettre. L'Empereur l'a lu avec tous les sentiments d'un sincère ami. Il regrette tous les jours votre séparation momentanée; mais du moins il se console en pensant qu'il vous retrouvera à Moscou fort et bienportant. Pour moi, je ne me ménage pas. Je cherche à vous remplacer autant que je le peux. L'indulgence de l'Empereur est grande. C'est un compagnon de voyage bien peu exigeant, mais malheureusement je n'ai pas encore l'habitude pour bien des choses, et si ce n'était pas votre bon et excellent Lvoff, j'aurais été souvent en défaut et obligé de recourir à l'indulgence de Sa Majesté.

Je partage entièrement votre opinion sur le pays intéressant que nous allons parcourir. Je vous remercie mille fois de tout ce que vous avez fait pour moi en fesant rejaillir la confiance que vous avez si bien méritée sur ma personne; mais malheureusement je crains qu'en disant toute la vérité à l'Empereur le bien à faire serait au moins difficile, si ce n'est impossible, à cause du peu de temps que nous y resterons. Selon moi, l'Empereur doit baser ses idées et agir ensuite avec précaution pour la stabilité et le bonheur d'un pays si intéressant et depuis si longtems dans une souffrance perpetuelle.

Jusqu' à présent tout ce que l'Empereur a vu l'a comblé de joie. Le premier corps est superbe, à Kieff celui de Ridiger aussi, ainsi qu'une division du second corps. Offenberg s'est véritablement distingué, et l'Empereur en a été éminement content.

Dolgorouky nous a fait à Vilna une réception magnifique, et la conduite noble et généreuse de l'Empereur a fait un grand effet pour notre

gros ami, et c'est toujours dans les mêmes intentions de mariage, et Sa Majesté en lui rendant justice, ne cède pas à sa première résolution.

Gourieff a failli. Il n'a pas été au couvent au moment de notre arrivée. Il a failli par exactitude. Il prétend avoir eu un ordre de vous sur cela l'année passée. L'Empereur lui a fait une très légère observation, qu' à mon avis il a pris trop chaudement. Je crois qu'il veut quitter, et malgré tout ce que je lui ai dit, je n'ai pas pu le vaincre. Il a de bonnes qualités, beaucoup d'ordre, les affaires marchent, l'Empereur l'a remercia, l'a parfaitement traité; mais il est obstiné comme le diable.

Doctoroff de la gendarmerie est un brave homme. L'Empereur m'a ordonné de vous l'envoyer pour que verbalement il vous explique beaucoup de choses qui regardent complêtement votre ministère.

En général je ne peux assez me louer de l'exactitude, de la sagesse et du comme-il-faut de tous vos généraux et officiers. Il est impossible de se mieux conduire, et j'en ai parlé à l'Empereur, qui en est extrêmement content. Pour moi, j'ai fait ce que j'ai pu pour leur prouver ma reconnaissance, en leur rendant des petits .services du moment. J'aurais pu peut-être faire plus, mais j'ai remis cela à notre entrevue pour que vous me dirigiez là-dessus.

Adieu, cher ami. Que Dieu vous conserve! Mille choses à la comtesse et à vos charmantes demoiselles.

Votre ami fidèle c. A. Orloff.

Переводъ. Вознесенскъ, 18 Августа 1837. Благодарю васъ, дорогой другъ, за ваше доброе и превосходное письмо. Государь прочиталъ его съ ощущеніями истиннаго друга. Онъ ежедневно сожалѣетъ о временной разлукѣ съ вами, но утѣшенъ по крайней мѣрѣ мыслію о томъ, что встрѣтитъ васъ въ Москвѣ окрѣпшаго и здороваго. Что до меня, то я себя не щажу. Стараюсь замѣнить васъ, сколько могу. Снисходительность Государя велика. Это спутникъ весьма мало требовательный [2]); но по несчастію, я во многихъ случаяхъ неопытенъ и, не будь вашего добраго и превосходнаго Львова [3]), я часто бы дѣйствовалъ невпопадъ и долженъ бы былъ прибѣгать

[2]) Позднѣе неутомимость Государя Николая Павловича, и въ особенности его нетребовательность относительно пищи и удобствъ, тяготила князя Орлова, которому иной разъ некогда бывало поѣсть. Обыкновенно, пока перепрягали лошадей и сопровождавшіе закусывали, Государь пѣшкомъ шелъ далѣе и по нѣскольку верстъ уходилъ впередъ. П. Б.

[3]) Алексѣя Ѳедоровича, который завѣдывалъ царскимъ конвоемъ. (См. его Записки въ Р. Архивѣ 1884.) П. Б.

къ снисходительности Его Величества. Вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе о любопытномъ краѣ, куда мы ѣдемъ [4]). Тысячу разъ благодаренъ вамъ за все, что̀ вами сдѣлано для перенесенія на меня того довѣрія, которое вами такъ отлично заслужено; но къ несчастію, по кратковременности нашего пребыванія въ краѣ, я боюсь, что, говоря Государю всю правду, сдѣлать добро будетъ трудно, или даже невозможно. По моему мнѣнію Гоздарю слѣдуетъ утвердиться въ мысляхъ и сообразно тому дѣйствовать съ осторожностью, для порядка и счастія страны столь любопытной и такъ долго подвергавшейся постоянному бѣдствію.—До сихъ поръ все что̀ Государь видитъ радуетъ его чрезвычайно. Первый корпусъ превосходенъ; корпусъ Ридигера въ Кіевѣ также, равно какъ и дивизія втораго корпуса. Оффенбергъ по истинѣ отличился, и Государь былъ имъ отмѣнно доволенъ. Долгоруковъ въ Вильнѣ сдѣлалъ намъ великолѣпный пріемъ; благородный и великодушный образъ дѣйствій Государя произвелъ сильное впечатлѣніе на толстаго нашего друга. Онъ все помышляетъ о женитьбѣ, и Его Величество, отдавая ему справедливость, остается при первомъ своемъ рѣшеніи [5]).—Гурьеву [6]) не повезло. Его не оказалось въ Лаврѣ, когда мы туда прибыли. Причиною неудачи была его точность. Онъ увѣряетъ, что въ этомъ случаѣ поступилъ согласно приказанію, полученному отъ васъ въ прошломъ году. Государь сдѣлалъ ему весьма легкое замѣчаніе, которое, по моему мнѣнію, принято имъ слишкомъ горячо. Я думаю, что онъ хочетъ въ отставку, и мнѣ не удалось переубѣдить его, какъ я ни старался. У него хорошія качества, много порядку, дѣла въ ходу. Государь благодарилъ его, отлично съ нимъ обращался; но онъ упрямъ, какъ чортъ.—Жандармскій Дохтуровъ славный человѣкъ. Государь приказалъ мнѣ отправить его къ вамъ для словеснаго разъясненія многихъ предметовъ, вполнѣ относящихся къ вашему министерству. Вообще не могу довольно нахвалиться точностью, благоразуміемъ и приличіемъ всѣхъ вашихъ генераловъ и офицеровъ. Нельзя лучше держать себя, и я говорилъ о томъ Государю, который ими отмѣнно доволенъ. Я же дѣлалъ, что̀ могъ, чтобы выразить имъ мою признательность, оказывая имъ случайныя небольшія услуги. Пожалуй, я могъ бы сдѣлать болѣе, но отложилъ до нашего свиданія, чтобы въ этомъ случаѣ вы меня руководили.—Прощайте, дорогой другъ. Да сохранитъ васъ Господь! Кланяйтесь графинѣ и вашимъ прелестнымъ дѣвицамъ. Вашъ вѣрный другъ графъ А. Орловъ.

*

Для человѣка знакомаго сколько нибудь съ царствованіемъ Николая Павловича вышенапечатанныя письма представляютъ высокую историче-

[4]) Т. е. на Кавказъ, гдѣ графъ Бенкендорфъ былъ въ началѣ столѣтія со Спренгпортеномъ (см. Архивъ Князя Воронцова, кн. XXXV). П. Б.

[5]) Князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ. Онъ все таки женился вторымъ бракомъ на вдовѣ Забѣлло, нынѣ здравствующей. П. Б.

[6]) Графъ Александръ Дмитріевичъ Гурьевъ, тогдашній Кіевскій генералъ-губернаторъ. П. Б.

скую занимательность. И получавшій ихъ, и писавшій оба послѣдовательно-главные дѣятели этого царствованія, и смѣна ихъ (въ 1844 году) одного другимъ была настоящимъ событіемъ во внутреннемъ управленіи Россіею, такъ какъ злосчастной памяти Третье Отдѣленіе, которое они вѣдали, служило настоящимъ правительственнымъ средоточіемъ по всѣмъ внутреннимъ дѣламъ. Въ послѣсловіи къ „Инструкціи графа Бенкендорфа" (см. выше, стр. 398) очерчена судьба этого учрежденія и указано, какъ исказились благія начала, положенныя въ его основаніе и какъ вмѣсто того, чтобы слѣдить и карать злоупотребленія чиновничьей власти, оно только расплoжало смуту въ умахъ, и потому было упразднено. Тѣмъ не менѣе нельзя позабыть, что начальникъ Третьяго Отдѣленія былъ своего рода первымъ министромъ и олицетворялъ собою то единство управленія, о которомъ такъ вздыхали потомъ.

Читатели наши уже довольно знакомы съ графомъ Бенкендорфомъ. Въ особенности обращаемъ ихъ вниманіе на вышедшую недавно XXXV-ю книгу „Архива Князя Воронцова", гдѣ графъ Бенкендорфъ, послѣдовательнымъ рядомъ дружескихъ повѣреній своихъ фельдмаршалу князю Воронцову, изложилъ, такъ сказать, свою автобіографію. Въ 1837 году, къ которому относятся оба письма князя Орлова, здѣсь теперь напечатанныя, именно вслѣдъ за гибелью Пушкина, графъ Бенкендорфъ тяжко заболѣлъ, такъ что отчаивались въ его жизни. Тогда-то Николай Павловичъ, навѣстивъ его, сказалъ: „Вотъ человѣкъ, помирившій меня со многими и ни съ кѣмъ не поссорившій". Выздоровленіе его шло очень медленно, и онъ долженъ былъ отправиться на приморскую дачу свою подъ Ревелемъ, въ тотъ Фалль, куда ѣздили на поклонъ не только искатели благъ земныхъ, но и главнѣйшія должностныя лица. Л. В. Дубельтъ подъ однимъ изъ писемъ своихъ туда подписался однажды: *вашъ крѣпостной рабъ*. Между тѣмъ Государь Николай Павловичъ долженъ былъ отправиться въ большое путешествіе свое на Югъ Россіи, на маневры въ Вознесенскъ, на Кавказъ и въ Крымъ. Вопросъ о томъ, кто будетъ провожать Государя и займетъ должность больнаго графа Бенкендорфа, сдѣлался важнѣйшимъ вопросомъ минуты. Путешествіе всегда болѣе или менѣе сближаетъ людей. Князю Орлову пришлось изучить всѣ „свычаи и обычаи" Государя, ѣдучи съ нимъ въ коляскѣ по необозримымъ пространствамъ Россіи. Это была первая ихъ совмѣстная поѣздка, многократно потомъ повторявшаяся, и преемникъ графу Бенкендорфу приготовился въ мысляхъ Государя. П. Б.

КЪ ИСТОРІИ ПОКОРЕНІЯ ВОСТОЧНАГО КАВКАЗА.

Съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ прочитывалъ я въ «Русскомъ Архивѣ» статьи, посвященныя біографіи покойнаго фельдмаршала князя Барятинскаго, составленной г. Зиссерманомъ. Отличаясь, вообще, фактическою вѣрностью, жизнеописаніе это воскресило въ памяти моей событія, которымъ былъ я свидѣтелемъ и отчасти участникомъ, и дѣянія лицъ, съ которымъ, въ продолженіе болѣе нежели двадцати лѣтъ, меня связывали узы дружбы и уваженія. Имѣлъ я честь, съ 1856 по 1860 годъ, служить подъ начальствомъ бывшаго намѣстника Кавказскаго; но служебная эта подчиненность ни въ чемъ не нарушила тѣхъ частныхъ дружественныхъ отношеній, которыя установились съ первой нашей встрѣчи въ 1845 году, во время Даргинской экспедиціи. Упоминаю объ этихъ личныхъ отношеніяхъ лишь для того, чтобы показать, что къ дѣятельности и къ подвигамъ князя Барятинскаго я могу относиться съ сочувственнымъ безпристрастіемъ и что меня нельзя поэтому заподозрить въ какомъ-либо желаніи умалить тѣ безспорныя заслуги, которыя оказаны имъ, какъ военачальникомъ. Слава блестящаго *окончанія* войны на Восточномъ Кавказѣ принадлежитъ князю Барятинскому; военныя дѣйствія, происходившія подъ его главнымъ руководствомъ, въ званіи главнокомандующаго Кавказскою арміею, съ 1856 по 1859 г., навсегда заняли почетное мѣсто въ богатой безсмертными подвигами лѣтописи Русской арміи; они доказали, что покойный фельдмаршалъ былъ одаренъ замѣчательными боевыми способностями, хотя многіе упорно ему въ томъ отказывали, не смотря на то, что уже прежняя его служба, въ званіи начальника Лѣваго фланга Кавказской линіи, на нихъ указывала.

Но дань справедливости къ безспорнымъ заслугамъ и способностямъ не требуетъ умаленія заслугъ предшественниковъ и нарушенія исторической правды для возвеличенія памяти своего героя. Такой однако упрекъ позволяю я себѣ сдѣлать автору біографіи князя Барятинскаго.

Описавъ окончаніе войны на Восточномъ Кавказѣ и плѣненіе Шамиля, г. Зиссерманъ начинаетъ главу VIII-ю своего труда (Русскій Архивъ, Май 1889 г.) словами: «Итакъ въ теченіе трехъ лѣтъ съ Восточнымъ Кавказомъ было покончено. Князь Барятинскій, безъ сомнѣнія, главный виновникъ этого изумительнаго успѣха». Далѣе говорится: «По военному плану, принятому въ 1856 году, походы въ горы предпринимались не иначе, какъ для выполненія точно-опредѣленной матеріальной цѣли, съ обширностью которой заранѣе были соображаемы средства экспедиціи».

Не оспариваю я правильности этихъ выраженій, насколько они касаются періода 1856 — 1859 годовъ; но изъ точнаго смысла ихъ должно вывести заключеніе, что до 1856 года такого плана военнаго не существовало, и походы предпринимались безъ опредѣленной матеріальной цѣли. Мысль эта дѣйствительно проведена черезъ все описаніе военныхъ дѣйствій, завершившихъ покореніе Восточнаго Кавказа, установляя у читателя, незнакомаго съ предшествующею исторіею Кавказской войны, ложное понятіе, будто систематическій планъ военныхъ дѣйствій возникъ только въ 1856 году. Трудно, конечно, съ такимъ взглядомъ согласовать описанную съ такою подробностью и съ такою похвалою дѣятельность кн. Барятинскаго въ званіи начальника Лѣваго фланга Кавказской линіи; ибо она была ничто иное какъ выполненіе части того общаго плана, который завершился и сдѣлалъ возможными успѣхи 1856 — 1859 годовъ. Увѣренъ я, что никогда покойный фельдмаршалъ не судилъ иначе о подвигахъ послѣднихъ трехъ лѣтъ войны на Восточномъ Кавказѣ. Относился онъ всегда съ глубокимъ уваженіемъ къ памяти бывшаго своего начальника и руководителя, князя Михаила Семеновича Воронцова, и лучше всякаго другаго долженъ былъ знать, что систематическое покореніе Восточнаго Кавказа было начато не въ 1856-мъ, а въ 1846 году, и временно замедленное Крымскою войной (когда большая часть войска Кавказскаго корпуса отвлекалась военными дѣйствіями на Турецкой границѣ) было, съ усиленною энергіей и при значительномъ увеличеніи численности войскъ, возобновлено и довершено съ 1856 по 1859 годъ. Правильно понявъ, что къ вопросу объ окончаніи Кавказской войны безусловно примѣнялась поговорка «time is money» *), что для Россіи важно было, хотя бы и при усиленныхъ временно матеріальныхъ пожертвованіяхъ, ускорить покореніе Кавказа, князь Барятинскій настойчиво исходатайствовалъ оставленіе въ его распоряженіи двухъ дивизій, пришедшихъ

*) Время—деньги.

изъ внутреннихъ губерній для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турокъ, и за симъ, начертавъ со знаніемъ дѣла, пріобрѣтеннымъ прежнею службою, и выполнивъ съ твердою послѣдовательностью планъ окончательнаго покоренія Дагестанской твердыни, онъ успѣлъ въ короткій трехъ-лѣтній срокъ совершить то, на что менѣе способный, менѣе предпріимчивый и менѣе знакомый съ мѣстностью военачальникъ употребилъ бы вдвое или втрое болѣе времени. Въ этомъ заключается его заслуга; она достаточна для того, чтобы оправдать пріобрѣтенную имъ славу и щедрые знаки Монаршей признательности, которыхъ онъ удостоился.

Въ подтвержденіе такого взгляда обращаюсь къ свидѣтельству исторіи. Даргинскій походъ 1845 г. былъ послѣдній изъ ряда экспедицій, предпринимавшихся въ надеждѣ однимъ ударомъ потрясти власть и значеніе Шамиля; онъ окончательно убѣдилъ и высшія правительственныя сферы въ невозможности такимъ путемъ достигнуть цѣли: было признано, что Дагестанъ нельзя завоевать, какъ Суворовъ бралъ Измаилъ, но что его нужно осаждать, какъ позднѣе осаждался Севастополь; что необходимо было сперва очистить къ нему доступъ покореніемъ Чечни, которая служила ему какъ бы передовымъ укрѣпленіемъ и снабжала Имама лучшими военными силами. На этомъ основаніи въ концѣ 1845 года начинается періодъ выполненія систематическаго плана, который вѣнчался на Гунибѣ 25 Августа 1859 года. Всякому бывшему свидѣтелемъ и очевидцемъ совершившихся, въ означенный періодъ, событій эта неразрывная ихъ связь ясна; достаточно для этого было бы сравнить положеніе самаго театра войны, какимъ онъ представлялся въ началѣ 1846 и въ Августѣ 1856 года.

Когда князь Воронцовъ выступалъ изъ Владикавказа въ Даргинскій походъ, крѣпость эта, а также Грозная, были, можно сказать, нашими пограничными укрѣпленными пунктами; существовавшія на пути между ними отдѣльныя укрѣпленія, Карату, Закатъ-Юртъ и др. не измѣняли этого характера, ибо обезпечивали отъ непріятельскихъ нападеній только непосредственное свое сосѣдство; по пустынному лѣвому берегу Сунжи отрядъ двигался въ боевомъ порядкѣ, какъ въ землѣ враждебной; вплоть до праваго берега доходили лѣса, въ которыхъ непріятель могъ незамѣченно собираться для набѣговъ и скрываться отъ всякаго преслѣдованія. Перерѣзались эти лѣса притоками Сунжи: рѣчками Лесою, Валерикомъ, Фортангою, памятными Кавказскимъ войскамъ кровавыми на берегахъ ихъ стычками; вся Малая Чечня издали представлялась почти сплошнымъ лѣсомъ. Единственный передовой нашъ пунктъ за Сунжею была крѣ-

пость Воздвиженская, заложенная въ 1844 г. Еще менѣе доступна и даже извѣстна была въ то время Большая Чечня; до самыхъ воротъ крѣпости Грозной непріятельскія шайки смѣло выходили на скотокрадство или на хищническія нападенія.

Какую же картину представляла та самая Чечня въ 1856 году? По Сунжѣ были поселены два Сунженскіе казачьи полка; они составили какъ бы первую паралель въ систематическихъ осадныхъ работахъ; второю можно было признать линію укрѣпленныхъ постовъ перерѣзывавшихъ Малую Чечню: Ассинскую станицу, форты Ачкаевскій, Урусъ-Мартанскій; по разнымъ направленіямъ, вдоль и поперекъ, широкія просѣки открывали свободный проходъ даже незначительнымъ колоннамъ; ущелья Черныхъ горъ уже видѣли наши отряды, и бывшіе въ нихъ непріятельскіе аулы неоднократно раззорялись, чѣмъ самымъ населеніе ихъ вынуждалось къ выселенію. Большая Чечня въ той же систематической послѣдовательности была также по разнымъ направленіямъ прорѣзана просѣками, открывая въ нее доступъ какъ отъ Аргуна и Сунжи, такъ и отъ Мичика. Самъ князь Барятинскій, начальствуя на Лѣвомъ флангѣ, энергически и успѣшно выполнялъ эту задачу; недосягаемые до того и защищаемые какою-то легендарною недоступностью, Шалинская поляна, аулы Шали, Маюртупъ, Гельдигенъ были занимаемы нашими отрядами; и еще въ 1852 году тотъ же князь Барятинскій, во главѣ Чеченскаго отряда, съ сравнительно-незначительною потерею, прошелъ всю Большую Чечню, которая считалась главнымъ оплотомъ власти Имама. Жители Чечни вынуждались оставлять свои жилища и поля, открытыя доступу нашихъ войскъ, и либо покориться, либо бѣжать въ горы. Можно безошибочно сказать, что въ 1856 году Большая и Малая Чечня были покорены, и нашъ операціонный базисъ отъ Терека и Сунжи перенесенъ къ подошвѣ Черныхъ горъ и ко входу въ Аргунское ущелье. Власть и значеніе Шамиля были сильно потрясены; лучшимъ тому доказательствомъ служитъ его сравнительная бездѣятельность во все время Крымской войны, когда мы, по необходимости, были присуждены къ однимъ почти оборонительнымъ дѣйствіямъ.

Такіе существенные результаты были достигнуты благодаря тому строго-обдуманному, систематическому плану, выполненію котораго подчинялись всѣ военныя дѣйствія. Они подготовляли окончательное покореніе Восточнаго Кавказа; уподобляются они осаднымъ работамъ, часто кропотливымъ и мало громкимъ, но безъ которыхъ окончательный успѣхъ невозможенъ. Исполнителями этого плана были такіе генералы какъ Фрейтагъ, князь Барятинскій, бароны Вревскій и Вран-

тель; руководителемъ былъ князь Воронцовъ. Спрашиваю каждаго знакомаго съ Кавказскою войною: могъ ли бы главнокомандующій князь Барятинскій въ три года покорить Восточный Кавказъ, еслибы все здѣсь указанное не было предварительно выполнено, и еслибы, какъ неоднократно намекается въ его біографіи, до его назначенія война велась безъ опредѣленнаго плана, и походы предпринимались безъ точно-опредѣленной матеріальной цѣли?

Напрасно также, смѣю думать, г. Зиссерманъ приписываетъ взятіе Гергебиля и Салты къ числу безцѣльныхъ экспедицій. Занятіе этихъ пунктовъ и уничтоженіе этихъ непріятельскихъ укрѣпленій входили въ тотъ же систематическій планъ правильной осады Дагестанской твердыни. Гергебиль командовалъ теченіемъ одного изъ Койсу и постоянно угрожалъ, черезъ Аймакинское ущелье, покорному намъ населенію; Салты заграждали доступъ къ другому Койсу и къ Салтинскому мосту, въ свою очередь угрожая Цудахару и сосѣднимъ съ нимъ поселеніямъ. Оба эти укрѣпленные аулы служили непріятелю передовыми фортами; взятіе ихъ было столько же необходимо для покоренія Дагестана, какъ бываетъ взятіе отдѣльныхъ фортовъ, прикрывающихъ осаждаемую крѣпость: оно часто стоитъ немало жертвъ, но, неизбѣжное для окончательнаго успѣха, оно не причисляется къ разряду безцѣльныхъ экспедицій. И тутъ рѣшаюсь высказать убѣжденіе, что никогда князь Барятинскій въ три года не покорилъ бы Восточнаго Кавказа, еслибы въ 1856 г. Гергебиль и Салты были еще укрѣпленными непріятельскими аванпостами. Въ первый періодъ исполненія систематическаго плана уничтоженіе этихъ ауловъ было столько же необходимо, сколько, въ послѣдній періодъ, было взятіе Ведена.

На князя Барятинскаго выпала счастливая доля завершить то, что̀ началъ и подготовлялъ его предмѣстникъ и руководитель его первыхъ шаговъ на поприщѣ военачальника; онъ блистательно эту задачу выполнилъ и этимъ пріобрѣлъ безспорную славу; но слава эта не нуждается въ томъ, чтобы исторія была обращаема въ панегирикъ и чтобы для возвеличенія одного дѣятеля умалялись заслуги его предшественниковъ.

Баронъ Николаи.

Монрепо, близъ Выборга.
Іюль 1889.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

Осень 1826-го года

Персидская война [1]).

Послѣ Шамхорской побѣды [2]), Паскевичъ подвигался съ войсками на Елисаветполь форсированными маршами, для встрѣчи Аббасъ-Мирзы, о приближеніи коего Мадатовъ доносилъ изъ Елисаветполя. Оба наши отряда вскорѣ соединились, и 13-го Сентября, верстахъ въ семи впереди Елисаветполя, произошла эта главная битва, которая рѣшила всю войну и на долгое время участь Персидскаго государства.

Такъ какъ въ запискахъ сихъ предполагалъ я только описывать происшествія собственно до меня касающіяся или вблизи меня случившіяся, притомъ, не имѣя и подробныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ Лѣваго фланга, я не могу изложить оныя со всею точностію: то упомяну объ оныхъ то что̀ знаю [3]).

Вотъ реляція о Елисаветпольскомъ сраженіи.

Извѣстіе о дѣйствіи войскъ нашихъ противъ Персіянъ».

13-го числа сего мѣсяца войска наши, подъ командою генералъ-адъютанта Паскевича, одержали совершенную побѣду надъ непріятельскими войсками, состоящими изъ 15 тысячъ регулярной пѣхоты и около 20 тысячъ конницы и иррегулярной пѣхоты подъ командою Аббасъ-Мирзы и Аллаяръ-Хана. Его превосходительство, узнавъ, что Аббасъ-Мирза, оставя тягости за Тертеромъ, перешелъ со всѣми силами Куракчай для того, чтобъ остановить наши войска въ Елисаветполѣ, вышелъ къ нему на встрѣчу. Они сошлись въ 7-ми верстахъ отъ Елисаветполя; непріятель, подвинувшись впередъ, началъ дѣлать атаки на нашъ Центръ, Правый и Лѣвый фланги.

Пѣхота его въ числѣ 18 баталіоновъ, подошедъ съ Праваго фланга и фронта въ линіяхъ, открыла батальный огонь; но храбростью баталіоновъ Ширванскаго, Грузинскаго и 41-го егерскаго полковъ и дивизіона Нижегородскаго драгунскаго полка, кои ударили въ штыки, оная пѣхота была разбита и преслѣдуема. Непріятель покушался обойти нашъ Правый флангъ, но былъ опрокинутъ и бѣжалъ въ горы, находившіяся у насъ на Правомъ крылѣ. Ген.-маіоръ князь Мадатовъ, посланный съ частью войскъ для преслѣдованія онаго, догналъ и принудилъ сдаться. Непріятель совершенно разбитый бѣжитъ, разсѣявшись направо и налѣво въ горы, откуда приводятъ ежедневно плѣнныхъ. Потеря его состоитъ въ 1-мъ орудіи, 3-хъ знаменахъ, 2-хъ лагеряхъ и 80 зарядныхъ ящикахъ; въ плѣнъ взято 2 баталіонныхъ командира, 7 офицеровъ и до 1100 солдатъ. Съ нашей стороны убиты: Ширванскаго пѣхотнаго полка храбрый подполковникъ Гре-

---

[1]) См. „Русскій Архивъ" сего года, кн. 4-я (I, 571).

[2]) Первая побѣда надъ Персіянами; она одержана княземъ Мадатовымъ. П. Б.

[3]) Писано осенью 1828 года. П. Б.

ковъ, въ то время когда велъ на штыки свой баталіонъ, и два оберъ-офицера тогожъ полка; раненыхъ: подполковникъ графъ Симоничъ, 9 офицеровъ; рядовыхъ убито 43, ранено 240.

Побѣда была блистательная. Участвовавшіе въ оной говорили мнѣ, что пораженіе было совершенное; послѣдствія же были самыя выгодныя, ибо симъ сразили духъ бодрости, возникшій въ Персіянахъ при первыхъ успѣхахъ войскъ ихъ.

Вотъ что разсказываютъ о Елисаветпольскомъ сраженіи *).

Паскевичъ, едва пришедшій въ Елисаветполь, получилъ извѣстіе о приближеніи Аббасъ-Мирзы, оставившаго осаду Шуши, чрезъ перебѣжавшаго отъ него сарбазскаго капитана Александрова (родомъ Астраханскаго Армянина), бѣжавшаго къ нему допредъ сего извѣстія съ ватагъ Сальянскихъ. Сей Александровъ, естественный плутъ, былъ уже во многихъ бѣгахъ, оставлялъ и Аббасъ-Мирзу, уходя и отъ него въ Турцію, былъ въ Багдадѣ и опять возвратился къ Персидскому двору, гдѣ и получилъ чинъ пѣхотнаго капитана. Онъ желалъ возвратиться на родину, но не смѣлъ приступить къ сему, не оказавъ сперва услугъ, кои могли бы ему доставить прощеніе. Когда Аббасъ-Мирза предлагалъ Реуту сдачу Шуши, то онъ посылалъ для сего Александрова, который, служа обѣимъ сторонамъ, отсовѣтовалъ сіе Реуту и давалъ ему всѣ свѣдѣнія о Персидскомъ войскѣ. Оставивъ Аббасъ-Мирзу наканунѣ Елисаветпольскаго сраженія, онъ явился къ Паскевичу и донесъ ему о приближеніи Персіянъ. Сіи заслуги были причиною, что его наградили офицерскимъ чиномъ и пенсіею. Онъ числится переводчикомъ при главнокомандующемъ и преисправный шутъ, не имѣющій особенныхъ дарованій. Его держатъ въ воспоминаніе оказанныхъ имъ заслугъ, но онъ не несетъ никакой должности и занимается только пьянствомъ. По полученіи извѣстій, Паскевичъ двинулся со своимъ корпусомъ, въ коемъ было не болѣе 7000 пѣхоты, и въ стройномъ боевомъ порядкѣ, въ нѣсколько линій, построилъ свои баталіоны въ колоннахъ. Кавалерія его состояла изъ Нижегородскаго драгунскаго полка и небольшаго числа козаковъ.

Персіяне, выстроивши пѣхоту свою во фронтъ въ одну линію, приближались къ намъ смѣло и, подойдя къ намъ на близкій ружейный выстрѣлъ, не взирая на огонь батарейныхъ нашихъ орудій, открыли изъ ружей жестокій батальный огонь. Наши недолго выдержали оный; войска передней линіи бросились съ крикомъ въ безпорядкѣ въ штыки и опрокинули передъ ними стоявшихъ; но линія Персидская была обширная и обнимала наши оба фланга, а кавалерія ихъ, находясь на

---

*) Оно превосходно описано Н. Ѳ. Дубровинымъ въ VI-мъ томѣ его сочиненія: „Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ", стр. 671 и слѣд. П. Б.

оконечностяхъ пѣхоты, была у насъ почти въ тылу. Боевой порядокъ ихъ былъ самый безразсудный, растянутый и, хотя у нихъ въ центрѣ и была сильная артилерія, но она не могла воспреоятсвовать разрыву линіи что́ и случилось. Не менѣе того, еслибы въ войскѣ семъ начальники имѣли бы болѣе воинственнаго духа, то и при всемъ неумѣніи ихъ могли бы они нанести большой уронъ намъ и отнять у насъ всѣ обозы наши, занять въ тылу Елисаветполь и понудить остатки разбитаго войска, если не совершенно истребленнаго, къ отступленію самому бѣдственному. Но случилось иначе. Слабыя атаки, веденныя Персіянами почти въ тылъ нашъ, были легко отражены, и натискъ на центръ ихъ такъ изумилъ ихъ, что всѣ войска непріятельскія, не бывшія даже въ дѣлѣ, пустились бѣжать безъ всякой причины въ самомъ большомъ безпорядкѣ.

Первый примѣръ къ побѣгу подалъ, говорятъ, самъ Аббасъ-Мирза послѣ нѣсколькихъ ядеръ нашихъ, перелетѣвшихъ черезъ Персидскую пѣхоту и удачно попавшихъ въ толпы конницы и прислужниковъ, находившихся за оными; они обратились назадъ, за ними самъ Аббасъ-Мирза, а тамъ и все войско. Наши стали преслѣдовать Персіянъ; но, какъ я слышалъ, не могли сего сдѣлать съ успѣхомъ, потому что ранцы были оставлены на позиціи, и войска потому были безъ провіанта. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было бы удержать ранцы въ сей день, въ который жара была чрезвычайно сильная; не менѣе того 6 ротъ моего полка, бывшія въ отрядѣ у Паскевича, ранцевъ не бросили и, преслѣдуя непріятеля, настигли болѣе 1000 человѣкъ пѣхоты, укрывшихся на одной горѣ. Они ихъ атаковали съ быстротою и послѣ значительнаго съ обѣихъ сторонъ урона взяли въ плѣнъ, причемъ отличился въ особенности маіоръ Клюке 42-го егерскаго полка, командовавшій сими 6 ротами по недостатку въ полку моемъ штабъ-офицеровъ. Другихъ полковъ баталіоны, преслѣдуя въ началѣ пораженія непріятеля, настигли лагерь Персидскій, который и истребили; но ранцы ихъ, оставшіеся на позиціи, были ограблены Грузинскою конницею, съ алчностію на сію добычу бросившеюся; у многихъ даже отрѣзали ремни плечевые.

Преслѣдованіе продолжалось и на другой день, и въ послѣдствіи времени до Аракса, но довольно медленно, такъ что непріятель успѣлъ уйти, побросавъ однако по дорогѣ довольно вьюковъ, зарядныхъ ящиковъ и снарядовъ.

Шуша была освобождена послѣ продолжительной осады, при которой Персіяне показали все свое невѣжество въ военномъ дѣлѣ; ибо ничего не было легче какъ овладѣть съ такимъ многочисленнымъ войскомъ крѣпостью, находившеюся въ такомъ разрушенномъ состояніи какъ была Шуша. Защита оной приноситъ честь храбрымъ егерямъ

42-го полка и полковнику Реуту. Онъ долго велъ переговоры съ Аббасъ-Мирзою, или, лучше сказать, водилъ его переговорами, въ надеждѣ видѣть себя наконецъ освобожденнымъ, посылалъ тайно людей въ Тифлисъ съ письмами къ Алексѣю Петровичу и получилъ приказаніе сдать крѣпость. Аббасъ-Мирза, перехвативъ однажды такое предписаніе, настаивалъ на исполненіе онаго, но получилъ отказъ отъ Реута, который просилъ позволенія послать въ Тифлисъ маіора Клюке (находившагося тогда въ Шушѣ) для полученія изустныхъ приказаній отъ главнокомандующаго. Съ позволенія Аббасъ-Мирзы, Клюке пустился въ отважный путь сей и совершилъ оный благополучно (его болѣе склоняло къ сему желаніе увидѣться съ невѣстою своею, находившеюся въ Тифлисѣ). Послѣ сего онъ уже не возвращался въ Шушѣ и попалъ въ отрядъ Паскевича, гдѣ и командовалъ 6 ротами моего полка.

Клюке былъ довольно дурно принятъ, какъ я слышалъ, Алексѣемъ Петровичемъ, который казался весьма недоволенъ Реутомъ и требовалъ, чтобы онъ сдалъ крѣпость Персіянамъ. (Главная причина сего неудовольствія была по мнѣнію нѣкоторыхъ несчастная мысль терзавшая его, когда онъ видѣлъ человѣка дѣйствовавшаго въ сихъ обстоятельствахъ съ бо̀льшимъ духомъ чѣмъ онъ). И въ самомъ дѣлѣ, столь упорная защита Шуши совершенно опровергала мнѣніе его или намѣреніе отвести всѣ войска внутрь Грузіи, въ томъ предположеніи, что невозможно было удержаться на границахъ.

Несправедливое расположеніе Алексѣя Петровича къ Реуту было столь сильно, что при одномъ изъ тѣхъ занимательныхъ и пристрастныхъ разговоровъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ дни, предшествовавшіе его смѣнѣ, онъ, въ знакъ довѣренности своей, отдалъ мнѣ письмо и записку, писанныя къ нему по-польски Реутомъ во время пребыванія его въ Шушѣ. Я, переведя ихъ по-русски, не нашелъ въ нихъ ничего къ обвиненію Реута. Прилагаю у сего съ оныхъ списки.

„Ваше высокопревосходительство. Сегодня уже двѣнадцатый день, какъ я атакованъ, отъ васъ не имѣю никакого свѣдѣнія, и мои бумаги также вѣроятно не доходятъ. Шахъ-Зада настоятельно требуетъ сдачи крѣпости, ссылаясь на вашъ дупликатъ ко мнѣ о выступленіи изъ Карабага, предлагалъ мнѣ идти съ полкомъ и тяжестями куда я хочу, только безъ пушекъ. Я дѣлаю проволочку въ надеждѣ получить отъ вашего высокопревосходительства какое нибудь увѣдомленіе, какъ мнѣ поступить, и прошу о семъ какъ наипоспѣшнѣйше. Провіанту у меня не такъ-то много; какъ нибудь можно продовольствоваться дней двадцать съ небольшимъ. Ежели буду знать, что до того времени получу какую нибудь помощь, то одна надежда уже можетъ насъ одушевлять; но вотъ бѣда, что мы совершенно не знаемъ ни о чемъ, кромѣ того, что Шахъ-Зада извѣщаетъ, что кромѣ насъ до Тифлиса нигдѣ нѣтъ Русскихъ ни души, и что въ Тифлисѣ

также скоро не будетъ. Вчера отправилъ я къ в. в. письмо, коимъ увѣдомлялъ, что Сурхай-Ханъ послалъ съ 50 т. червонцевъ въ Дагестанъ возмутить горцевъ; Мустафа-Ханъ пошелъ въ Ширвань съ 5 т. конницы. занялъ уже Сальяны, гдѣ имѣлось 10 т. четвертей хлѣба; Селимъ-Ханъ пошелъ въ Нуху съ 3 т., Окури-Ханъ въ Елисаветполь съ 6 т., Эриванскій сердарь и Грузинскій царевичъ съ 15 т. идутъ въ Тифлисъ. Въ Кубу посланъ султанъ Ахметъ-Ханъ, а въ Баку Гуссейнъ-Ханъ для возмущенія жителей сего города. Самъ шахъ съ 40 т. стоитъ около Ардебиля, а здѣсь съ Шахъ-Задою около Шуши регулярнаго и иррегулярнаго войска 15 т. и 14 пушекъ, а около Аскерана съ братомъ его Али-Наги-Мирзою 5 тыс, конницы. Въ ихъ войскѣ сильныя болѣзни. Народъ противъ насъ весьма ожесточенъ своими муллами; домогаются, требуютъ штурма. Все готово, и лѣстницы подѣланы; стѣны моей крѣпости весьма меня въ семъ случаѣ безпокоятъ. Впрочемъ на сіе есть воля Божія. Умилостивитесь, в. в. надъ нами, и ежели есть возможность, то помогите намъ, избавьте насъ своею помощью и будьте нашимъ избавителемъ; а ежели сего не возможно, то пришлите намъ наиспоспѣшнѣйше разрѣшеніе и совѣтъ свой, что̀ намъ дѣлать. Пока можно, я буду держаться въ надеждѣ на вашу помощь; но если не достанетъ хлѣба, или Армяне измѣнятъ, то тогда бѣда будетъ, и я невольно принужденъ буду рѣшиться на все. Я ожидаю отъ в. в. скораго и рѣшительнаго увѣдомленія, когда я могу надѣяться получить помощь, или что́ мнѣ дѣлать. Ежели в. в. поспѣшите, то отдохнутъ сердца наши, ибо теперь одно незнаніе и неизвѣстность ни о чемъ весьма насъ убиваютъ. Я полагаю, что если только покажется войско наше около Елисаветполя, то уже здѣсь наша участь будетъ облегчена; бѣдные Армяне также оживутъ, теперь они по неволѣ съ Татарами заодно. Еще боюсь того, чтобы на случай чего либо и шахъ не согласился бы на ту капитуляцію, которая теперь предложена. Не предпримите ли в. в. особливыхъ мѣръ съ вашей стороны, чтобъ не погибли здѣсь добрые люди и многіе невинные молящіеся о здоровьи вашемъ; ибо послѣ могутъ потребовать отъ меня непріятели чего захотятъ, если обстоятельства мои будутъ хуже теперешнихъ. Я при теперешнемъ числѣ войскъ утѣшаю себя тѣмъ, что удерживаю непріятеля уже такъ долго; иначе же могъ бы онъ пойти впередъ и вредить намъ болѣе".

„Предписаніе ваше о выступленіи изъ Карабага слишкомъ поздно до меня дошло: я его получилъ, будучи уже атакованъ и потерявши три роты, Еслибы не боялся я провинціи Карабагцевъ, то Шахъ-Зада вовсе для меня не былъ бы страшенъ; а теперь защитите насъ, в. в., и будьте нашимъ избавителемъ. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отвѣта. В. в. покорный слуга Реутъ."

„5-го Августа 1826 г. Шуша".

ПРИБАВЛЕНІЕ.

1) „Карабагъ есть ключъ всѣхъ провинцій; я полагаю, что его надобно удержать: тогда никто не посмѣетъ ничего сдѣлать, и теперь я вижу что дѣлаю Персіянамъ препятствіе, буду держаться пока могу".

2) „Еслибъ у меня былъ еще хоть одинъ баталіонъ, то Шахъ-Зада скоро бы отсюда убрался; если войско наше сюда придетъ, то хлѣба будетъ имѣть много, и весь народъ къ намъ обратится; ибо теперь передъ нами не весьма довольны, и многіе молятъ Бога о скоромъ прибытіи войскъ нашихъ“.

3) „Лошади и скотъ у меня подохли, и теперь мало остается; казаки будутъ пѣшіе“.

Письмо сіе заключаетъ выраженіе человѣка просящаго усердно помощи и для себя лично, и ожидающаго погибели, но нисколько не показываетъ робости. При томъ это письмо, а не рапортъ, и по польски писанное. Выраженія языка сего, точно, кажутся странными на Русскомъ языкѣ, и потому надобно ихъ читать и разумѣть на Польскомъ языкѣ, а не въ переводѣ, дабы дать имъ настоящій смыслъ, ибо онѣ свойственны Польскому языку, какъ напримѣръ слово смилуйся, которое у Поляковъ весьма употребительно; и я не оправдываю дурнаго мнѣнія Алексѣя Петровича о Реутѣ, которое основывалъ оное на семъ письмѣ.

Прибавленіе не показываетъ великихъ соображеній; да и не для чего было ихъ ожидать въ семъ случаѣ. Начальникъ съ малымъ числомъ войскъ держится въ развaленной крѣпости противъ всей Персидской арміи, будучи въ совершенной неизвѣстности о происходящемъ внутри Грузіи и получая самыя прискорбныя вѣсти о состояніи дѣлъ нашихъ, не теряетъ бодрости. Не достаточно ли сего, не заслуживаетъ ли поведеніе его всякаго одобренія?

*

Войска наши пришли къ Араксу, гдѣ еще захватили сына или родственника бывшаго Елисаветпольскаго хана и стали лагерями при Герекелѣ, нуждаясь въ хлѣбѣ. Въ сіе время Паскевичъ, упоенный побѣдою своею, незнакомый съ затрудненіями предстоящими въ семъ краю для продовольствія войскъ, и видя козни противъ него веденныя, далъ свободный ходъ страстямъ своимъ. Онъ всѣхъ оскорблялъ, всѣхъ ругалъ, требовалъ хлѣба въ краю раззоренномъ пребываніемъ Персіянъ, и не находилъ его. Онъ имѣлъ мысль всѣхъ вновь пріѣзжавшихъ въ Грузію, что обязанность ихъ состояла только въ томъ, чтобы вести войска къ бою, но не помышлять о средствахъ продовольствія оныхъ и снабженія всѣмъ нужнымъ, а въ Ермоловѣ и во всѣхъ служащихъ здѣсь видѣлъ правителей завоеванной имъ земли, отъ коихъ онъ могъ всего требовать какъ повинности. Начальникъ штаба Вельяминовъ,

находившійся съ нимъ, послѣ многихъ неудовольствій удалился въ Шушу. Самъ главнокомандующій, не поддержавшій его съ войскомъ и стоявшій съ отрядомъ въ Акстафѣ, вернулся въ Тифлисъ, и вскорѣ отправился съ симъ же отрядомъ въ Кахетію подъ предлогомъ смирить Лезгинъ, и не посылалъ къ Паскевичу хлѣба, оставляя его въ самомъ затруднительномъ положеніи. Мадатовъ, помѣщикъ Карабагскій, обязавшійся до войны еще наполнить магазины въ Карабагѣ и получившій деньги, потерпѣвъ въ семъ случаѣ разореніе отъ Персіянъ, не въ состояніи былъ исполнить своего обязательства (къ сему, можетъ быть, присоединились и виды частныхъ выгодъ его, которые всего болѣе разсердили Паскевича). Поступки Мадатова въ семъ случаѣ были объяснены Каргановымъ, и съ тѣхъ поръ стали его преслѣдовать и, наконецъ, изгнали изъ Грузіи. Тогда Каргановъ былъ употребленъ для отысканія продовольствія. Поиски сего расторопнаго плута не были тщетны: онъ снабдилъ войска покупнымъ хлѣбомъ, и сіи заслуги его доставили ему у Паскевича ту неограниченную довѣренность, которою онъ столь долго пользовался, которую онъ употребилъ во зло, и которой онъ, наконецъ, лишился черезъ свои безпрерывныя плутни и безчестное поведеніе. Не менѣе того, хлѣбъ доставлялся войскамъ въ пищу, за неимѣніемъ мельницъ, въ зернѣ, что̀ и производило сильные поносы и всякаго рода болѣзни, и силы наши такимъ образомъ день ото дня уменьшались.

Мнѣ извѣстно, что когда Алексѣй Петровичъ находился въ Нухѣ, тогда прислалъ онъ къ Паскевичу фл.-адъютанта полковника князя Долгорукова, съ порученіемъ примирить ихъ; но дѣло сіе не удалось. Я слышалъ, что Ермоловъ въ семъ случаѣ не поступилъ съ полною искренностію и что Паскевичъ, отвергши его предложеніе, еще болѣе возымѣлъ къ нему негодованія послѣ сего.

Въ послѣднихъ числахъ Сентября, Паскевичъ предпринялъ экспедицію за Араксъ, дабы возвратить увлеченныя Персіянами изъ Ширвани и другихъ мѣстъ обывательскія семейства. Пройдя по разоренной землѣ и дурнымъ дорогамъ съ изнуренными лошадьми нѣсколько весьма трудныхъ переходовъ, онъ настигъ кочевья и возвратилъ часть оныхъ въ границы наши. При семъ случаѣ едва не захватили самого Мустафу-Хана Ширванскаго, который кочевалъ въ 5-ти верстахъ отъ того мѣста, куда пришелъ авангардный баталіонъ нашъ Грузинскаго гренадерскаго полка, съ маіоромъ Поляковымъ (который, говорятъ, былъ въ то время пьянъ и не хотѣлъ далѣе идти). Обратное шествіе отряда Паскевича и переправа черезъ Араксъ не имѣли, какъ кажется, ничего схожаго съ шествіемъ побѣдоноснаго войска. Ложныя тревоги,

основанныя на несправедливыхъ слухахъ о приближеніи непріятельскаго войска, причиняли безпорядокъ и всего болѣе на переправѣ черезъ Араксъ, гдѣ Паскевичъ даже самъ шпагу обнажилъ. Во время переправы сей были затоплены съ умысломъ нѣсколько орудій съ протянутыми канатами, за которые бы люди могли держаться (потому что рѣка была очень быстра). Орудіи сіи были вытащены изъ рѣки по переходѣ войскъ; но средство сіе подало поводъ Персіянамъ къ распространенію слуха, что мы потопили и лишились двухъ орудій при переправѣ черезъ Араксъ. Таковые слухи дошли и до насъ во время экспедиціи нашей съ Давыдовымъ къ Мираку.

Паскевичъ по возвращеніи своемъ остановился опять на границѣ, терпя недостатокъ въ хлѣбѣ, дѣлалъ всѣмъ самыя оскорбительныя неудовольствія, продолжая питать отъ части справедливую злобу на Алексѣя Петровича и дѣлая Государю донесенія на счетъ здѣшняго корпуса, основанныя на доносахъ Карганова и ему подобныхъ окружавшихъ его. Между тѣмъ ссора сія между начальниками имѣла весьма невыгодное для меня вліяніе на полкъ. Требованія были непомѣрныя, хозяина при полку не было, и намѣстники мои не пощадили средствъ къ исполненію оныхъ, такъ что убытокъ мною понесенный въ 6 ротахъ бывшихъ въ Карабагѣ простирался до 10,000 рублей, и въ семъ случаѣ я былъ жертвою ссоры начальниковъ и несъ какъ будто мщеніе Паскевича. Не менѣе того полкъ мой, преимущественный всѣмъ прочимъ, получилъ хорошую славу не только въ военныхъ дѣлахъ, но и въ устройствѣ, которое самъ Паскевичъ другимъ въ примѣръ ставилъ. Прочіе полки были въ самомъ дѣлѣ съ непростительными недостатками, и командиры оныхъ часто справедливо терпѣли неудовольствія Паскевича. Всего болѣе получалъ ихъ Поповъ, командиръ Херсонскаго гренадерскаго полка; не полагали даже, чтобъ онъ рѣшился еще въ службѣ оставаться послѣ тѣхъ ругательствъ, которыя онъ слышалъ отъ Паскевича. Нынѣ обстоятельства перемѣнились. Правленіе Паскевича, съ неограниченной строгости и взыскательности, сошло на слабое. Многіе пользуются симъ, служба еще болѣе прежняго опустилась, злоупотребленія увеличились, и многіе извлекаютъ личныя выгоды свои изъ сего состоянія дѣлъ, получая, вмѣсто взысканія за неисправности, свидѣтельство отъ начальства на перемѣну негодныхъ вещей, и всѣ возможныя пособія къ имѣющимся уже средствамъ въ полкахъ, превышающимъ далеко потребность.

На нашемъ правомъ флангѣ, то есть въ войскахъ около Джелалъ-Оглу расположенныхъ, Октября съ 1-го по 9-ое число, движенія не было. Ежедневные разъѣзды ходили въ одну сторону черезъ Безобдалъ

до Кишлака, Караклиса и Амамловъ; въ другую—на Карагачъ къ сторонѣ Гумровъ, но нигдѣ не встрѣчали слѣдовъ непріятеля.

Грузинская конница мало-по-малу разъѣхалась по домамъ, такъ что къ 8-му числу уже ни одного изъ нихъ не было на Джелалъ-Оглу. Часть ихъ отпросилась, другая же уѣзжала, никому не сказавшись, такъ что Давыдовъ, не имѣя приказанія отпустить оную, принужденъ былъ объявить имъ увольненіе въ свои дома отъ себя, и сбродъ сей точно былъ совершенно излишенъ и болѣе тяготилъ насъ, чѣмъ пользу приносилъ. Князья находили для себя унизительнымъ дѣлать разъѣзды и отправлять казачью службу, и не переставали приходить съ жалобами на дурное состояніе лошадей своихъ. При отъѣздѣ же своемъ многіе изъ нихъ осрамили себя неотступными просьбами о награжденіи ихъ за мнимые подвиги, ими будто оказанные. Нѣкоторые были даже до такой степени безстыдны, что исправляющему при мнѣ должность адъютанта обѣщались дарить ружья и жеребцовъ, прося его ходатайства о помѣщеніи ихъ въ представленіи. Многіе изъ нихъ и почти всѣ были представлены Давыдовымъ къ награжденіямъ, но получили, какъ и мы всѣ, весьма скудныя и, кажется, почти всѣ остались при высочайшихъ благоволеніяхъ.

Въ отвѣтъ на письмо Алексѣя Петровича отъ 18-го Сентября написалъ я ему слѣдующее:

„Письмо в. в. отъ 18-го числа прошлаго мѣсяца я имѣлъ честь получить по возвращеніи отряда изъ Эриванскаго ханства въ Джелалъ-Оглу. Извѣстіе о разбитіи Аббасъ-Мирзы сообщено по приказанію Дениса Васильевича сердарю, коему я велѣлъ вручить одинъ листокъ печатнаго объявленія о сей побѣдѣ отправленному отсюда Персіянину, прибывшему изъ Тифлиса съ бумагами къ Англичанамъ, въ Персіи находящимся. По послѣднимъ извѣстіямъ о Персіянахъ мы увѣдомлены, что силы сердаря и брата его соединились около Талыни и въ Сердарабадѣ“.

„Большая часть Курдовъ уклонилась отъ Гассанъ-Хана и ушла за Араксъ, оставя при немъ только одно поколѣніе ихъ, состоящее не болѣе какъ изъ 150 человѣкъ. Персіяне имѣютъ здѣсь около 1,500 сарбазовъ, 6 орудій и нѣсколько конницы. Жители деревень, по дорогамъ къ Эривани лежащихъ, всѣ выведены за Араксъ, исключая Сердарабада и Талыни“.

„Мы ожидаемъ провіанта и разрѣшенія вашего в. в. пуститься вторично въ границы непріятеля. Погода для сего благопріятствуетъ, холода уже наступившіе усугубятъ уныніе и разстройство въ войскахъ непріятельскихъ. Если же на походъ сей не будетъ разрѣшенія вашего, то мы остаемся въ надеждѣ, что отрядъ нашъ, усиленный вскорѣ новыми войсками, пойдетъ зимовать въ ханство; Турки въ такомъ только случаѣ обѣщаются доставить намъ продовольствіе. Письмо отъ в. в. сераскиру Ерзрумскому болѣе бы еще побудило ихъ къ сему, и пособіе сіе, кажется, необходимо на первыхъ порахъ, пока устроятся мельницы въ завоеванной

странѣ: ибо никакого препятствія не предстоитъ въ продовольствіи нашемъ за границею, гдѣ въ деревняхъ находятся неисчерпаемыя ямы съ зерномъ, котораго жители по сіе время не успѣли еще увезти. Въ такомъ случаѣ нужно бы намъ съ собою взять только жернововъ и прочихъ снастей мельничныхъ, потому что каналы и строенія оставляются жителями въ своемъ видѣ; самое же предмѣстье Эривани представляло бы весьма удобное пристанище для войскъ нашихъ".

„Нашъ генералъ позволилъ мнѣ изложить передъ вами мысли сіи. Кромѣ обязанностей къ его превосходительству, я готовъ лично служить Денису Васильевичу, коего ласки уже давно привлекли къ нему всѣхъ насъ, начиная со старшаго до послѣдняго солдата. Я же въ особенности счелъ бы себя счастливымъ, еслибъ нашелъ случай изъявить ему преданность свою. Лагерь при Джелалъ-Оглу".

Разрѣшеніе на другую экспедицію Давыдовъ, кажется, получилъ; но нерѣшимость его была причиною, что онъ ея не предпринялъ. Излагая передъ Алексѣемъ Петровичемъ мысли свои, я былъ совершенно увѣренъ въ возможности зимовать въ Эриванскомъ ханствѣ и находилъ въ томъ существенную пользу, какъ для облегченія продовольствія, такъ и для самаго успѣха военныхъ дѣйствій. Притомъ же, располагая отрядъ въ предмѣстьяхъ Эривани, я хотѣлъ склонить главнокомандующаго къ началу осады сей крѣпости. Внутренніе раздоры между начальствомъ или другія мнѣ неизвѣстныя причины попрепятствовали исполненію сего.

Наступательныя дѣйствія наши въ сіе время года, осенью, должны были во всѣхъ отношеніяхъ обратиться въ нашу пользу. Климатъ умѣренный на равнинѣ, а въ горахъ уже холодный, для насъ былъ стѣснителенъ, для Персіянъ же послѣдній несносенъ. Продовольствіе вездѣ было изобильное, и намъ не должно было съ большими издержками добывать хлѣбъ изъ среды Грузіи и доставлять его, съ крайнимъ отягощеніемъ для жителей, къ границамъ нашимъ, для войскъ занимающихъ оныя безъ всякой пользы. Эривань вѣроятно бы держалась, но намъ не было надобности осаждать крѣпость, если не въ силахъ были сего сдѣлать. Монастырь Эчміадзинъ и деревни съ хлѣбомъ остались бы въ рукахъ нашихъ и служили бъ намъ богатѣйшими житницами. Съ другой стороны народъ въ Тавризѣ былъ готовъ принять насъ, ненавидя правителей своихъ и царствующую въ Персіи фамилію Каджаровъ; мы могли смѣло надѣяться на возмущеніе или, по крайней мѣрѣ, не должны были ожидать никакого сопротивленія при вступленіи въ столицу, въ чемъ насъ удостовѣряли и всѣ извѣстія, изъ Персіи получаемыя. Духъ народный былъ въ чрезвычайномъ упадкѣ послѣ пораженія подъ Елисаветполемъ войскъ, коихъ осталось подъ ружьемъ уже самое ничтожное количество; но мы не предприняли, не взирая на всѣ сіи выгоды, зим-

ней кампаніи. Ошибку сію приписываю нерѣшимости Алексѣя Петровича. Онъ готовился къ ранней весенней кампаніи на будущій годъ, не хотѣлъ предпринимать оной безъ сильныхъ хлѣбныхъ запасовъ, внутри Грузіи изготовленныхъ, не учредивъ транспорта для перевоза хлѣба, не дождавшись войскъ, изъ Россіи идущихъ. Всѣ сіи мѣры были бы весьма основательны, еслибъ обстоятельства не призывали къ быстрому окончанію войны и заключенію мира въ томъ же году. Поведеніе его въ семъ случаѣ приписываю единственно къ личнымъ соображеніемъ его, сопряженнымъ съ нерѣшительностію и недоумѣніемъ, въ которое онъ былъ вверженъ внезапностію происшествій, чему и все послѣдующее его поведеніе служило доказательствомъ.

10-го числа г.-м. Давыдовъ былъ увѣдомленъ письмоводителемъ Борчалинскаго пристава (за отсутствіемъ сего послѣдняго), что непріятельская конница заняла Башкичетской постъ и намѣрена была сдѣлать нападеніе на Борчалинскія деревни. Вслѣдствіе сего былъ посланъ разъѣздъ къ сторонѣ Башкичета, дабы открыть непріятеля. Разъѣздъ сей состоялъ изъ 10 козаковъ; правилъ хорунжій или сотникъ Елкинъ, человѣкъ пьяный и ни къ чему неспособный. Въ ночь съ 10-го на 11-е число, я былъ пробужденъ нечаяннымъ появленіемъ сего Елкина, который, вошедши въ балаганъ мой врытый въ землю, не знавъ о ступеняхъ, по которымъ сходить надобно было, обрушился, полетѣлъ и едва не обнялъ меня въ темнотѣ. Я вскочилъ весьма скоро, полагая совсѣмъ иное, спросилъ свѣту и увидѣлъ передъ собою Елкина, который съ замѣтнымъ безпокойствомъ объявилъ мнѣ, что возвратился съ разъѣзда, былъ подъ Башкичетомъ и видѣлъ до 400 человѣкъ непріятельскихъ всадниковъ, возвращающихся къ бывшему Башкичетскому посту съ водопою отъ рѣки. Я отвелъ его немедленно къ Давыдову. По всѣмъ отвѣтамъ Елкина на вопросы наши, казалось, что то были Турки; ибо онъ именно говорилъ, что онъ различалъ разноцвѣтные и красные ихъ кафтаны.

Мы не могли полагать, чтобы то были Персіяне, потому что дороги изъ Персіи всѣ были тщательно осматриваемы разъѣздами нашими и нигдѣ не найдено было ни одного слѣда изъ Персіи ведущаго, а потому и думали мы, что то были шайки извѣстнаго Шерифъ-Аги Магчубертскаго, пробравшагося изъ Турціи мимо Цалки къ Башкичету. Не менѣе того намъ странно казалось, что сей непріятельскій отрядъ такъ долго пребывалъ на одномъ мѣстѣ, зная, что шайки сіи могли только вредить намъ набѣгами, но отнюдь не дерзали постоянно держаться въ какомъ либо мѣстѣ.

Надобно было взять мѣры. Давыдовъ въ тоже время поручилъ мнѣ идти съ двумя ротами моего полка, 2-мя орудіями и 150 козаками

къ Башкичету, черезъ бывшую на Джилкѣ штабъ-квартиру козачьяго полка, и стараться настигнуть непріятеля.

Остатокъ ночи прошелъ въ сборахъ. Я выступилъ 11-го числа передъ свѣтомъ и въ 9-мъ часу утра прибылъ на Джилку, гдѣ присоединился ко мнѣ подполковникъ Андреевъ съ назначенными 150 козаками. Давъ войскамъ нѣсколько часовъ отдыха, я слѣдовалъ далѣе, дабы перейти засвѣтло Мокрую гору, отстоящую не болѣе 8-ми верстъ отъ Башкичетскаго поста, въ чемъ и успѣлъ. Сдѣлавъ въ сей день около 40 или болѣе верстъ и не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля, я спустился съ горы и расположился ночевать въ ущельи, по коему идетъ дорога, скрывъ сколько возможно болѣе войска свои, дабы на разсвѣтѣ сдѣлать нечаянное нападеніе на непріятеля.

Ночью послалъ я разъѣздъ къ Башкичету съ приказаніемъ приближаться сколь возможно болѣе къ непріятелю и непремѣнно открыть его; но офицеръ возвратился не найдя ни души въ Башкичетѣ, и въ доказательство того, что онъ былъ на самомъ посту, привезъ ко мнѣ горящую еще головешку. По сему я долженъ былъ заключить, что непріятель, узнавъ о приближеніи моемъ, скрылся, и я имѣлъ нѣкоторую причину полагать, что онъ ушелъ назадъ къ сторонѣ Цалки; ибо ночью съ передовыхъ постовъ моихъ замѣтили меркающій огонь къ сторонѣ бывшаго Гуссейнъ-Ханскаго поста, отстоявшаго отъ насъ на разстояніи близъ 20 верстъ по дорогѣ къ Цалкѣ.

12-го поутру я пришелъ къ Башкичетскому посту, пройдя 8 верстъ, и нашелъ тамъ только дымящееся еще пепелище послѣ нападенія сдѣланнаго еще лѣтомъ на Нѣмецкую колонію, отъ которой непріятель, слѣдуя обратно, зажегъ постъ сей. Видны также были слѣды свѣжаго огня; но неизвѣстно было, куда обратилась сія партія: ибо множество конскихъ слѣдовъ по большой дорогѣ идущей изъ Турецкой границы въ Борчалу, на которую я вышелъ, вело во всѣ стороны, то есть въ границы наши и изъ оныхъ. Однако, такъ какъ большая часть оныхъ вела въ Борчалу, то и рѣшился я обратиться съ отрядомъ въ право, зная мѣстоположеніе и окрестности бывшей штабъ-квартиры моей. Я намѣревался пройти 10 верстъ и остановиться въ Душимисахъ при входѣ въ ущелье ведущее въ Борчалу, гдѣ непріятель не могъ уже миновать меня, идучи обратно съ добычею. Я намѣревался также занять Хахаладжарскую дорогу идущею изъ Квешъ ближе къ рѣкѣ Храму и выходящую также къ Гуссеинъ-Ханскому посту, и потому я и двинулся чрезъ оставленный Башкичетъ, коего строенія отъ части еще стояли невредимо, а въ бывшемъ магазейнѣ нашли мы множество козачьихъ пожитковъ, какъ то сумки, кошельки, саквы и проч. Прошедъ еще двѣ версты, я сталъ лагеремъ при селеніи Каламнѣ, обра-

тившись лицемъ уже не къ Борчалѣ, а назадъ къ Турецкой; ибо проходя мимо Башкичета объяснилось уже все происшествіе черезъ присланнаго ко мнѣ козака отъ подполковника Андреева, отправившагося отъ Башкичетскаго поста влѣво съ 6-ю козаками по слѣдамъ, ведущимъ за границу. Старикъ мнѣ самъ разсказывалъ послѣ того презабавнымъ своимъ нарѣчіемъ, что, отъѣхавъ версты двѣ, онъ увидѣлъ вдали партію, изо ста человѣкъ всадниковъ состоящую, которая, замѣтивъ его, пустилась бѣжать очень быстро, онъ сталъ преслѣдовать ее и, по помету лошадей увидѣвъ, что они ячменемъ не кормлены, заключилъ, что то должны быть козаки, въ чемъ скоро удостовѣрился по найденнымъ ихъ сумкамъ.

Андреевъ продолжалъ гнаться за ними съ 6-ю козаками своими, поймалъ, кажется, прежде одного отступавшаго худоконнаго козака, послѣ того настигъ и другихъ, остановившихся уже близъ Гуссейнъ-Ханскаго поста и привелъ ко мнѣ сотню козаковъ Карпова полка подъ командою эсаула Александрова. Вотъ какъ все сіе случилось.

За нѣсколько дней до сего прибыли въ Грузію новые козачьи полки, въ томъ числѣ и Карпова, которому назначено было расположиться на Храму близъ Цалки въ штабъ-квартирѣ Иловайскаго полка и содержать одною сотнею Башкичетскій постъ. Жители селеній Каламни, не предупрежденные о семъ, увидѣвъ приближавшуюся партію со стороны Турціи, заключили, что то долженъ быть непріятель и донесли о семъ приставу своему, коего письмоводитель и написалъ о томъ Давыдову. Посланный нами пьяный Елкинъ, не доѣхавъ 8 верстъ до Башкичета, смотрѣлъ съ бугра на козаковъ ведущихъ лошадей своихъ съ водопоя на постъ, коихъ ему въ страхѣ показалось до 400 въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ. Не останавливаясь долго, онъ пустился назадъ и прискакалъ весьма скоро съ ложнымъ извѣстіемъ, по коему меня послали, разбросавъ дорогою козаковъ, у коихъ лошади пристали. Есаулъ Александровъ замѣтилъ издали Елкина и, считая его за непріятеля, ожидалъ уже нападенія съ сей стороны (по недавнему прибытію своему въ Грузію, онъ не зналъ мѣстоположенія и гдѣ войска наши стояли). Когда я 11-го числа къ вечеру подвигался къ Мокрой горѣ, передовые его разъѣзды открыли меня, приняли за непріятеля и, какъ онъ увѣрялъ меня, одинъ урядникъ даже выстрѣлилъ по насъ; но вѣроятно на значительное разстояніе, ибо при всей бдительности и осторожности, съ коею мы шли, мы никого не могли замѣтить.

Александровъ немедленно послалъ извѣстіе въ Тифлисъ о приближеніи большихъ силъ непріятельскихъ. На Цалкѣ и въ Манглисѣ была большая тревога, и въ Тифлисѣ также. Старикъ Вельяминовъ даже сдѣлалъ распоряженіе для выступленія въ скорости всѣмъ пришедшимъ

недавно козакамъ подъ командою генерала Иловайскаго; но сіе въ послѣдствіи отмѣнилось, когда узнали о настоящей причинѣ сей тревоги. Самъ же Александровъ съ вечера еще бросилъ въ торопяхъ найденные нами козачьи пожитки въ магазейнѣ, гдѣ они было расположились, и ушелъ поспѣшно къ Гуссейнъ-Хану, гдѣ онъ провелъ ночь и гдѣ мы замѣтили огонь. 12-го поутру онъ подвинулся нѣсколько къ Башкичету и не видалъ вѣроятно приближенія нашего, но когда увидѣлъ Андреева съ 6-ю козаками выѣзжающаго изъ-за горы, то не усумнился болѣе въ томъ, что его окружили и что ему трудно было избѣгнуть гибели. Онъ пустился бѣжать, и погоня Андреева съ 6-ю человѣками его еще болѣе увѣрила въ томъ, что настоящія силы непріятеля скрыты и гдѣ-нибудь въ засадѣ. Я полагаю однакоже, что Андреевъ съ самаго начала узналъ въ нихъ козаковъ, безъ чего бы и онъ не рѣшился такъ смѣло за ними гнаться. Онъ привелъ ко мнѣ плѣнъ свой, долго ругалъ Александрова, говоря ему про меня: «вѣдь знаешь, что сила Московская все въ типографіи печатаетъ и меня туда же помѣститъ». Меня много забавляли выраженія и хвастливость простаго старика сего, выставлявшаго подвигъ свой, когда онъ дерзнулъ гнаться съ 6-ю козаками за сотней.

Александрову я сдѣлалъ строгій выговоръ, и онъ за сей поступокъ просидѣлъ около мѣсяца въ Тифлисской крѣпости. Елкина мы посадили на недѣлю подъ арестъ на полевой пикетъ.

Я нынѣ служу съ симъ Александровымъ, который уже маіоромъ въ томъ же полку. Офицеръ весьма расторопный и, какъ говорятъ, храбрый. Я напоминалъ ему о семъ происшествіи; онъ нисколько не сѣтовалъ на меня за пребываніе его въ крѣпости, напротивъ того былъ за сіе благодаренъ, говоря, что заслужилъ сіе и что средство сіе во всякомъ званіи полезно для исправленія людей. Я охотно вѣрю, что то былъ нечаянный случай, какой со всякимъ встрѣтиться можетъ и который не долженъ помрачить добраго имени Александрова.

И такъ, кончивъ ко всеобщему огорченію нашему экспедицію пустымъ образомъ и смѣшною развязкою, я перешелъ того же 12-го числа ночевать къ бывшимъ Башкичетскимъ мельницамъ на рѣку Мушіаверу, 13-го числа прибылъ ночевать къ бывшей козачьей штабъ-квартирѣ на Джилку, гдѣ велѣлъ напередъ топить баню оставшуюся еще невредимою, а 14-го возвратился въ лагерь при Джелалъ-Оглу, гдѣ происшествіе сіе долго забавляло насъ въ разговорахъ, особливо при разсказѣ старика Андреева, съ коего немедленно явилось и нѣсколько карикатуръ.

Частыя, пустыя тревоги, которыя у насъ въ лагерѣ случались, составляли единственный предметъ, пробуждавшій насъ отъ единооб-

разной и почти безпечной жизни, которую мы вели въ Джелалъ-Оглу. Лагерь нашъ, состоявшій сначала изъ легкихъ лѣтнихъ балагановъ, обращался понемногу въ посадъ; холодъ заставилъ насъ помышлять о лучшемъ помѣщеніи. Давыдовъ, Северземидзевъ и Литовъ жили въ крѣпостяхъ въ хорошихъ квартирахъ; но я оставался въ лагерѣ, и примѣру моему послѣдовали братья Фридриксы. Я первый началъ строиться, то есть вырылъ яму и поставленный надъ оною балаганъ обставилъ снутри лубками, сдѣлалъ въ стѣнѣ родъ камелька, и дымная яма моя, въ которой невозможно было сидѣть когда ее топили, пребывала теплою около получаса или часъ, ибо дверью едва прикрывалось отверстіе, въ которое входили. Фридриксы построили себѣ въ лагерѣ цѣлый домикъ, который перенесли изъ Гергеръ. Примѣру сему послѣдовали многіе. Офицеры завелись теплыми землянками, а за ними и солдаты обратили балаганы свои въ берлоги, которыя нагрѣвались, и скоро лагерь нашъ составилъ довольно обширное предмѣстье на восточной сторонѣ крѣпости. Вечеръ мы проводили у Давыдова, у меня или у Фридриксовъ, играя въ цхру, въ которую тогда и я пустился, проигравъ всего до 500 ассигнац. Давыдовъ на сихъ вечерахъ всегда проигрывалъ. Днемъ также иногда ѣздили прогуливаться верхомъ. И такъ протекало самымъ дурнымъ образомъ время наше. Всякій помышлялъ о скорѣйшемъ возвращеніи, ибо всякому была надобность, мнѣ въ особенности, видѣть полкъ свой, терпѣвшій большое разстройство отъ внезапнаго движенія, отсутствія моего и ссоры двухъ главныхъ начальниковъ.

Всѣ помышленія о завоеваніяхъ, экспедиціяхъ и подвигахъ были подавлены какъ извѣстными намъ распрями начальниковъ, такъ и полученнымъ повелѣніемъ отъ Алексѣя Петровича, коимъ онъ приказывалъ намъ ограничиваться строгою обороною, и въ случаѣ возможности снять хлѣбъ въ Бамбакской долинѣ на корню оставшійся въ пользу жителей, для чего и сдѣлалось движеніе туда для прикрытія ихъ (что̀ кажется, было слѣдствіемъ тайнаго ходатайствованія Северземидзева, надѣявшагося еще воротить съ жителей убытки свои).

Мы посылали лазутчиковъ въ Персію и получали черезъ нихъ разныя извѣстія.

15-го числа возвратились изъ Эриванской области Армяне католическаго исповѣданія Степанъ Степановъ и Александръ Николаевъ, жители деревни Шишъ-Теке (что̀ близъ Джилкинской деревни), посыланные за извѣстіями въ Персію и жившіе въ пути своемъ нѣсколько времени въ Карсѣ, что̀ въ Турціи, у начальника янычаровъ Аби-Аги, отъ коихъ узнали мы нижеслѣдующія извѣстія.

1) «Гассанъ-Ханъ находился съ пѣшимъ и коннымъ войскомъ въ Сердарбадѣ (въ числѣ войскъ сихъ находились Курды и Армяне); артилерія его состояла изъ фалконетовъ».

2) «Сердарь находился въ Эривани».

3) «Будахъ-султанъ, бывшій нашъ подданный и бѣжавшій при началѣ войны къ Персіянамъ, находился при Каракалѣ (что должно быть по дорогѣ отъ Мирака къ Эривани). Сынъ его Хамо-ханъ, давно уже предавшійся Персіянамъ, находится при немъ; они расположились въ завалахъ, имѣя при себѣ слабое войско».

4) «Начальникъ Курдовъ Гуссейнъ-Ага, со своими единоплеменниками, при рѣкѣ Карасу. Люди сіи, разбѣжавшіеся при появленіи нашемъ въ Эриванскую область, нынѣ снова собрались».

5) «Эчміадзинъ разграбленъ, монахи уведены, а монастырь занятъ сотнею Персидскихъ стрѣльцовъ».

6) «Карскіе жители умоляютъ насъ подвинуться впередъ, обѣщаясь снабдить насъ продовольствіемъ».

7) «Шерифъ-Ага отправилъ женъ своихъ въ Карсъ, самъ заперся въ крѣпости Магазбертѣ».

Эчміадзинъ былъ ограбленъ, но не разграбленъ. Утвари церковныя были ободраны и хранились въ домѣ у сердаря; въ 1827 же году по взятіи Эривани были возвращены въ монастырь. Изъ монаховъ говорили, помнится мнѣ, что двое были убиты, другихъ взяли въ залогъ въ Эривань; но кажется, что монастырь совершенно не былъ никогда оставляемъ. Гассанъ-Ханъ, стоя съ войсками въ монастырѣ, много обижалъ монаховъ и взималъ отъ монастыря денегъ; онъ даже укрѣпилъ самый монастырь нѣкоторыми пристройками, но которыя на будущій годъ ни къ чему не послужили.

Извѣстіе о просьбѣ Карскихъ жителей, кажется, не основательнымъ. Народъ не можетъ обратиться къ лазутчику съ общею просьбою и если въ разговорѣ два или три хлѣбопашца, въ надеждѣ съ выгодою сбыть избытки свои, обѣщались продать хлѣбъ, то сіе не есть еще доказательство, чтобы цѣлый народъ просилъ о семъ. Вѣроятно однакоже, что мы могли бы найти достаточное количество продажнаго хлѣба въ Карскомъ пашалыкѣ.

18-го числа прибылъ на Джилку Донской казачій полковника Карпова полкъ, по требованію Давыдова, просившаго у Ермолова кавалеріи, и расположился въ бывшей штабъ-квартирѣ. Екимъ Екимовичъ Карповъ, сынъ Екима же Екимовича Карпова, Донскаго генералъ-лейтенанта, человѣка заслуженнаго, мнѣ давно знакомаго, былъ, какъ казалось, коротко знакомъ съ Давыдовымъ, который его называлъ отличнымъ офицеромъ и превозносилъ его во всѣхъ отношеніяхъ. Пер-

ваго не имѣлъ я случая тогда замѣтить. Но дабы описать Карпова разительнѣе, скажу только, что онъ говорилъ по-французски, разумѣется очень дурно, и не упускалъ случая показать знаніе сіе, коимъ обыкновенно хвалятся Донскіе казаки, когда достигаютъ онаго. Всякій знающій казаковъ по сей чертѣ узнаетъ Карпова: желая показать изъ себя человѣка развязнаго и большаго свѣта, онъ говорилъ часто наглости, не будучи нисколько пьяницею, любилъ погулять съ пѣсельниками, но любилъ также приберечь въ сихъ случаяхъ свою собственность, по обыкновенію Донскому. Давыдовъ не упускалъ случая съ Карповымъ погулять и проводить время, по склонностямъ своимъ, въ пустыхъ, непристойныхъ разсказахъ. Нынѣ, имѣвъ случай служить съ Карповымъ, я замѣтилъ въ немъ точно дѣятельнаго и весьма хорошаго офицера, при томъ же онъ имѣетъ славу храбраго офицера и вѣроятно основанную на дѣлахъ его: въ обѣ сіи войны онъ себя нигдѣ дурно не показалъ, притомъ же не лишенъ и природныхъ способностей и умѣетъ себя вести по кругу, въ коемъ онъ находится.

Народъ, привыкшій знать одного Мадатова, не могъ вскорѣ принять мысль о новомъ начальствѣ; притомъ же знаніе языка, коимъ пользовался Мадатовъ, давало ему большое преимущество въ народѣ, который и признавалъ его болѣе за начальника, чѣмъ Паскевича. Тоже самое и у насъ было: Севарземидзева всѣ полагали начальникомъ, какъ Персіяне, такъ и Турки и самые жители въ нашихъ границахъ, хотя старшимъ и былъ Давыдовъ. Но въ обѣихъ случаяхъ сихъ я полагаю, что Мадатовъ и Севарземидзевъ ничего не упустили изъ виду, дабы поддержать мнѣніе сіе въ народѣ. Навыкъ въ обращеніи съ жителями давалъ имъ много преимуществъ въ семъ отношеніи; новые же начальники, не входя въ разсмотрѣніе мѣстныхъ обстоятельствъ, дѣйствовали какъ бы въ Россіи, не помышляя о жителяхъ и обращая вниманіе свое только къ однимъ войскамъ.

Ноябрь мѣсяцъ наконецъ насталъ; мы ожидали съ нетерпѣніемъ позволенія возвратиться. Снѣгъ выпадалъ, но скоро стаивалъ и прерывалъ еще сообщенія наши съ Персіею, что̀ понуждало насъ оставаться въ Джелалъ-Оглусскомъ лагерѣ въ холодъ, въ ожиданіи ненастья.

Ничего занимательнаго по части военной у насъ не случилось до выступленія нашего; однако упомяну здѣсь объ одномъ странномъ случаѣ, насъ всѣхъ весьма удивившемъ и который мы до сихъ поръ не умѣемъ себѣ порядочно объяснить. То было 8-го числа, въ день Архистратига Михаила. Артилеристы, празднуя въ сей день имянины фельдцейгмейстера своего великаго князя Михаила Павловича, а вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется и ротный образъ свой, созвали насъ всѣхъ къ себѣ

на молебствіе и на пирогъ. Артилерія вся была выставлена въ парадѣ подлѣ гласиса на южной сторонѣ крѣпости, обращенной къ Гергерамъ, отстоящимъ отъ насъ не болѣе какъ на 5 верстъ, за набольшимъ переваломъ. Начался молебенъ. Я нѣсколько опоздалъ къ оному, и, подходя къ народу около половины онаго, вижу Давыдова, который мнѣ киваетъ головою съ улыбкою, указывая къ сторонѣ Гергеръ. Я подошелъ къ нему ближе. «Каково веселятся!» сказалъ онъ мнѣ, «слышите?» Я обратилъ въ ту сторону вниманіе свое и подлинно услышалъ сильную пальбу изъ мелкаго ружья, рядами, плутонгами и залпами, сопровождаемую иногда выстрѣломъ изъ нѣсколькихъ орудій. Казалось, что стрѣляли не менѣе какъ изъ 2,000 ружей, и звукъ сей ни съ чѣмъ инымъ не былъ схожъ какъ съ пальбою; можно было ручаться, что подполковникъ Дехтеревъ, находившійся въ то время въ Гергерахъ, справлялъ тогда чьи-нибудь имянины, ибо онъ любилъ погулять; и потому Давыдовъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «Это вѣрно Дехтеревъ загулялъ не кстати». Я въ тоже время послалъ казака въ Гергеры сказать Дехтереву, чтобы онъ пересталъ стрѣлять. Между тѣмъ молебенъ продолжался, а съ нимъ вмѣстѣ около 20 минутъ и пальба въ Гергерахъ весьма ясно была всѣми присутствовавшими слышана. Послѣ того началась пальба изъ нашихъ орудій при пѣніи многолѣтія. Пошли ѣсть пирогъ. Гергерской пальбы не было болѣе слышно, и забыли объ оной; но посланный мною казакъ скоро возвратился съ докладомъ, что въ Гергерахъ никто ни одного выстрѣла не сдѣлалъ. Сіе всѣхъ удивило. Полагая однакоже, что Дехтеревъ боялся сознаться, послали за капитаномъ Асѣевымъ, человѣкомъ трезваго поведенія, и онъ, пріѣхавъ изъ Гергеръ, тоже самое утверждалъ. Давыдовъ, вопрошая его, увѣрялъ его, что тутъ никто не понесетъ никакой отвѣтственности, если офицеры и повеселились въ Гергерахъ, и смѣялся сему случаю; потому не было ничего опасаться отъ сознанія. Но ото всѣхъ удостовѣрились, что никто не стрѣлялъ. Сіе же самое утверждалъ и поручикъ, бывшій въ то время въ Гергерахъ. Сіе самое сказали и казаки, и артилеристы, и другихъ распрашивали. Словомъ, не было никакого сомнѣнія, что пальбы въ Гергерахъ вовсе не было, да и не могъ произойти такой сильный и частый огонь отъ одной роты тамъ находившейся. Думали, что то было ученіе, которое Гассанъ-Ханъ дѣлалъ въ Бекантѣ вновь формирующимся двумъ баталіонамъ сарбазовъ, какъ о томъ носился ложный слухъ. Но ни Гассанъ-Хана, ни сарбазовъ не было; да при томъ же и Бекантъ находится гораздо правѣе и слишкомъ далеко отъ насъ, чтобы слышать пальбу сію. Наконецъ полагали, что то должны были быть каменные обвалы внутри горъ, такъ какъ и послѣ того утверждали, что въ Карабагѣ подобную

сему слышали иногда пальбу въ горахъ, происходящую отъ каменныхъ обваловъ; со всѣмъ тѣмъ и сіе мнѣніе принять было нельзя за основательное, и странный случай сей до сихъ поръ остался для насъ всѣхъ загадкою.

По показанію достовѣрныхъ лазутчиковъ, мнѣ казалось, что можно было посредствомъ переговоровъ увѣрить Эриванскаго сердаря, что онъ долженъ будетъ лишиться своего ханства, если будетъ упорствовать въ войнѣ съ нами и склонить его, дабы онъ передался къ намъ на условіяхъ остаться владѣтелемъ ханства своего. Я составилъ о томъ записку и отдалъ ее Давыдову; но онъ былъ слишкомъ занятъ игрою въ то время и, спрятавъ записку, пригласилъ меня тутъ же съ нимъ провести время. Записка сія и послѣ, кажется, не была читана, и дѣло сіе осталось безъ вниманія. Помнится мнѣ даже, что я говорилъ о семъ Алексѣю Петровичу по пріѣздѣ моемъ въ Тифлисъ, но предметъ сей былъ такъ оставленъ.

Въ то время Давыдовъ занимался описаніемъ похода своего, о коемъ онъ много мнилъ. Въ предисловіи своемъ описывалъ онъ страну и народы, съ коими онъ имѣлъ дѣло. Поэтическое его описаніе Курда не приличествовало предмету творенія его. Въ описаніи странъ онъ руководствовался старою картою Грузіи, исказивъ и безъ того невѣрно написанныя названія по своему. Ѣздивъ вездѣ безъ вниманія и наблюденія, онъ смѣшивалъ Шурагель съ Шамшадальскою дистанціею и съ селеніемъ Шулаверъ, но читалъ сочиненіе свое, коему похвалу надобно было изображать краснорѣчивымъ молчаніемъ и улыбаясь, дабы не огорчить человѣка сего и не похвалить противъ совѣсти своей.

Наконецъ, мы получили столь нетерпѣливо ожидаемое нами позволеніе возвратиться на зимнія квартиры. Давыдовъ хотѣлъ оставить непремѣнно у Севарземидзева памятникъ распорядительности своей и сочинилъ ему длинное предписаніе, въ коемъ онъ излагалъ ему всѣ мѣры, которыя должны были принять въ случаѣ нападенія Персіянъ. Онъ мнѣ читалъ распоряженіе сіе, въ коемъ не было ни толку, ни смысла.

Въ Тифлисъ намъ сопутствовалъ артилерійскій поручикъ Ганъ, aventurier во всей силѣ слова, но человѣкъ неглупый, со свѣдѣніями, веселый, пожилыхъ лѣтъ и странной наружности. Онъ насъ забавлялъ дорогою, разсказывая всякіе анекдоты съ различными шутками. На третій день я прибылъ въ Тифлисъ, проѣхавъ по прямой дорогѣ, ведущей черезъ горы и, спускаясь къ Тифлису, увидѣлъ вдали на бивакѣ одинъ изъ уланскихъ полковъ ожидавшейся дивизіи. Сердце порадовалось у меня при видѣ войскъ сихъ, коихъ прибытіе обѣщало намъ блистательныхъ успѣховъ на будущую кампанію, и при видѣ Тифлиса.

По прибытіи въ Тифлисъ, я въ ономъ не засталъ Алексѣя Петровича. Вельяминовъ былъ старшій по немъ. Умный, но суетливый старикъ сей совсѣмъ съ толку сбился отъ часто встрѣчавшихся въ то время новостей и перемѣнъ. Онъ принималъ уланскіе полки, вступавшіе въ городъ церемоніальнымъ маршемъ, и какъ ни любопытно было видѣть новыя войска сіи, но взоры невольно обращались на Вельяминова, едва сидѣвшаго на лошади и представлявшаго изъ себя самую смѣшную картину.

Въ Тифлисѣ въ то время явилось одно новое лицо: г.-адъютантъ Бенкендорфъ, братъ правящаго тайной полиціей въ Россіи, коего одно имя вселяло во многихъ страхъ, можетъ быть неправильный. Неожиданный пріѣздъ Бенкендорфа изумилъ всѣхъ, и всѣхъ болѣе Ивана Александровича Вельяминова, полагавшаго, что это настоящее страшилище. Первою заботою его въ поспѣшности было сжечь всѣ письма, полученныя имъ отъ Алексѣя Петровича и, кажется, нѣкоторыя бумаги: онъ думалъ вѣрно, что Бенкендорфъ ѣдетъ отъ имени Государя, дабы ихъ всѣхъ захватить и опечатать бумаги. Сожженіе сіе Вельяминовъ такъ неловко сдѣлалъ, что оно стало въ тоже время извѣстнымъ по всему городу: узнали о томъ и Бенкендорфъ, и Паскевичъ, которые о семъ долго смѣялись и, кажется, даже довели происшествіе сіе до свѣдѣнія Государя. Не помню хорошо, не выѣхалъ ли даже Вельяминовъ на встрѣчу къ Бенкендорфу; знаю только, что онъ крѣпко встревожился, и по одному сходству фамилій приказалъ наряжать къ прибывшему Бенкендорфу на ординарцы конныхъ жандармовъ, коихъ начальникъ во всей Россіи былъ его братъ, и сія почесть ему осталась въ Тифлисѣ во все пребываніе его и по возвращеніи его изъ Персидскаго похода, до самаго его выѣзда въ Россію.

Увѣрились наконецъ, что то былъ не настоящій Бенкендорфъ, котораго столь боялись, но братъ его; но и сей былъ въ частой перепискѣ съ братомъ и, кажется, съ Государемъ, съ Императрицею же Марьей Ѳедоровною въ короткой связи, что̀ заставляло и его бояться. Нѣмецъ сей, проповѣдуя рыцарскія добродѣтели, велъ себя, какъ наемный иностранецъ, какъ истинный царедворецъ. Онъ не переставалъ доносить о здѣшнихъ происшествіяхъ и насчетъ прежняго начальства, стараясь черезъ сіе выслужиться, и писалъ неосновательно, потому что не имѣлъ достаточнаго ума, чтобы сообразить порядочно вещи; потому что онъ былъ вѣтренъ и разсѣянъ какъ ребенокъ, легковѣренъ и занимался собираніемъ свѣдѣній отъ извѣстныхъ здѣсь кляузниковъ и ябедниковъ, людей, признанныхъ уже издавна таковыми и не заслуживающихъ никакой довѣренности. Неумѣренная его дружба съ Паскевичемъ продолжалась до сверженія стараго начальства, послѣ чего онъ

разсорился съ Паскевичемъ, на коего, кажется, также сталъ писать доносы, и уѣхалъ изъ Грузіи врагомъ его. Находясь въ Грузіи, онъ не переставалъ носить званіе посланника при Виртембергскомъ дворѣ, получая за то 6,000 жалованья. Между тѣмъ онъ жилъ скупо и велъ себя прилично наемнику. Довольно значительная и величественная наружность его сначала привлекала къ нему многихъ; онъ былъ ласковъ и обходителенъ со всѣми; онъ пріобрѣлъ себѣ также защитниковъ имени его. Но надобно было короче знать его, чтобы увѣриться, что Бенкендорфъ былъ человѣкъ пустой и безполезный для службы. Онъ прибылъ въ Грузію для командованія авангардомъ и ношенія лавровъ, пріобрѣтенныхъ нашими трудами; говорилъ между тѣмъ, что онъ назначенъ начальникомъ всей кавалеріи. Въ семъ предположеніи онъ встрѣчалъ вступающіе уланскіе полки, коихъ дивизіоннымъ начальникомъ былъ маіоръ Розенъ, и ѣхалъ впереди ихъ при церемоніальномъ маршѣ. Но на чемъ было основано сіе, мнѣ неизвѣстно; ибо онъ никогда не былъ у насъ начальникомъ кавалеріи и, кажется, основалъ въ семъ случаѣ поступки свои и дѣйствія на полученномъ имъ письмѣ. Бенкендорфъ, находясь нынѣ при лицѣ Государя во 2-й арміи во время кампаніи сего года за Дунаемъ, умеръ отъ болѣзни, и я не въ числѣ тѣхъ, которые оплакиваютъ потерю его.

Я уже выше сказалъ, что не засталъ Алексѣя Петровича въ Тифлисѣ. По возвращеніи съ отрядомъ изъ Казахской дистанціи, гдѣ онъ стоялъ безъ всякой пользы, онъ отправился съ л.-гв. сводным полкомъ и Нижегородскимъ драгунскимъ въ Кахетію для усмиренія Лезгинъ Чарскихъ и Бѣлоканскихъ, не повиновавшихся намъ и не платившихъ податей послѣ вторженія Персіянъ. За Алазанью была уже собрана почти вся прибывшая съ г.-лейт. Красовскимъ 20-тая пѣхотная дивизія. Онъ подвинулся нѣсколько въ горы съ многочисленнымъ отрядомъ своимъ, составлявшимъ близъ 11-ти тысячъ, и сталъ въ одной густой кареѣ, составленной изъ баталіонныхъ колоннъ. Ожидали, что онъ разгромитъ непокорныя станицы Лезгинъ и усмиритъ ихъ навсегда съ таковыми силами; но случилось иначе: онъ занялся вырубкою садовъ преграждавшихъ ему подступы къ деревнямъ горцевъ, вступилъ съ ними въ переговоры, взялъ отъ старшинъ залоги (что они всегда дѣлали при малѣйшей для нихъ опасности, не переставая не покорствовать намъ, коль скоро оная миновалась) и сказалъ, что цѣль его экспедиціи кончена съ полнымъ успѣхомъ. Говорятъ, что, во время прибыванія войскъ въ семъ тѣсномъ лагерѣ, неслыханная робость поселилась во всемъ отрядѣ: какъ будто бы ожидали ежеминутнаго истребленія отъ Лезгинъ. Главнокомандующій между тѣмъ занимался по обыкновенію своему игрою въ вистъ и празднымъ препро-

вожденіемъ времени. Говорятъ, что неувѣренность его въ дѣлѣ своемъ превосходила всѣ ожиданія окружавшихъ его и ничѣмъ не могла объясниться. Не понимали поступковъ его и нерѣшительности, постигшей его со времени вторженія Персіянъ въ границы наши.

Пробывши нѣкоторое время въ семъ положеніи, т. е. въ совершенномъ бездѣйствіи, онъ двинулся съ частью отряда своего черезъ Елисуйскія владѣнія къ Нухѣ. Полки 20-й дивизіи были расположены въ деревняхъ Лезгинскихъ, отъ коихъ они и получали свое продовольствіе во всю зиму, что́ принесло намъ большое пособіе; ибо мы затруднялись въ содержаніи прибывшихъ войскъ. Г.-л. Красовскій оставался съ сими войсками и продовольствовалъ ихъ отъ Лезгинъ, при недостаткахъ у нихъ оказывавшихся въ хлѣбѣ, различными убѣжденіями и домогательствами, въ чемъ ему надобно отдать полную справедливость.

Корпусный командиръ съ л.-гв. своднымъ полкомъ, Нижегородскимъ драгунскимъ и, кажется, еще нѣсколькими войсками разныхъ полковъ подвинулся къ Нухѣ, гдѣ водворился Гуссейнъ-Ханъ, потомокъ прежнихъ Нухинскихъ хановъ, производя неслыханныя жестокости надъ Армянами для добыванія себѣ золота. Насилья женщинъ, всякаго рода истязанія и мученія были производимы и изобрѣтаемы извергомъ симъ, въ удовлетвореніе страстей своихъ и въ отмщеніе за преданность нѣкоторыхъ изъ жителей къ нашему правительству. При первомъ вторженіи Персіянъ, Гуссейнъ-Ханъ явился въ Нуху, откуда бывшій тогда комендантъ маіоръ Снѣховскій принужденъ былъ удалиться съ войскомъ, увезши съ собою множество золота (полагаютъ на нѣсколько милліоновъ), и войска наши снова заняли Нуху, гдѣ Мусульмане передались было Гуссейнъ-Хану.

Корпусный командиръ пошелъ къ Ширвани, гдѣ повѣсилъ нѣсколько человѣкъ изъ жителей, потворствовавшихъ болѣе прочихъ Ширванскому Мустафѣ-Хану и Гуссейнъ-Хану Шекинскому въ произведеніи жестокостей и участвовавшихъ въ оныхъ. Потомъ, оставя войска въ Ширвани, онъ отправился одинъ въ Баку, куда намѣревался съѣздить еще съ самаго начала прибытія своего въ Грузію, пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ и возвратился въ Тифлисъ уже около новаго года.

Вся экспедиція сія, казалось, не имѣла настоящей цѣли. Съ Лезгинами поступали гораздо слабѣе, чѣмъ надлежало. Изъ Нухи Гуссейнъ-Ханъ удалился бы безъ присутствія корпуснаго командира и безъ прибытія отряда столь сильнаго, при чемъ еще онъ самъ былъ упущенъ. Присутствіе корпуснаго командира было нужнѣе въ Тифлисѣ или при войскахъ, въ Карабагѣ находившихся. По крайней мѣрѣ нужны были его распоряженія для продовольствія оныхъ; но кажется,

что все сіе было упущено изъ виду, или что сіе было оставлено безъ вниманія по личнымъ ссорамъ, существовавшимъ между начальниками. Словомъ, исходъ сей приписывали желанію Ермолова удалиться отъ свиданія съ Паскевичемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ желанію сдѣлать что нибудь во время войны сей усмиреніемъ Лезгинъ и возвращеніемъ областей нашихъ, находившихся въ рукахъ Персіянъ, что́ ему однако слабо удалось: ибо кромѣ Лезгинъ и Нухи, Ширвань уже была очищена отъ нихъ полковникомъ Мищенкой, преслѣдовавшимъ ихъ до границъ нашихъ; а Баку, выдержавшая недолгую блокаду, была также свободна; и Куба, въ коей воевали противъ насъ одни только мятежники, также усмирилась послѣ Елисаветпольскаго сраженія.

Пробывъ нѣсколько дней въ Тифлисѣ, я поѣхалъ въ Манглисъ, куда меня призывали заняться по полку, который разстроили распоряженіями, сдѣланными въ отсутствіе мое. Я тогда увидѣлъ тѣ значительные расходы, въ которые ввели меня тогдашнія обстоятельства; но помощи въ семъ случаѣ нельзя было никакой ожидать, ибо новое начальство не благоволило ко всемъ старослужащимъ и даже старалось притѣснять ихъ. Алексѣй Петровичъ же былъ такъ слабъ, что не вступался ни за кого. Двѣ роты изъ полка, находившіяся въ походѣ съ Паскевичемъ, возвратились въ штабъ-квартиру, и 1-й баталіонъ съ маіоромъ Кашутинымъ, послѣ экспедиціи за Араксъ, пришелъ на Куру, гдѣ и поставленъ былъ лагеремъ.

Декабря 6-го числа, день моихъ имянинъ, я провелъ въ своей штабъ-квартирѣ и праздновалъ его у себя. Но день сей былъ ознаменованъ для Тифлиса происшествіемъ, которое будутъ помнить.

Давно уже ожидали со дня на день возвращенія Паскевича изъ Карабага. 6-го Декабря было ввечеру благородное собраніе; всѣ веселились, какъ вдругъ раздалась грозная вѣсть о внезапномъ пріѣздѣ Паскевича въ городъ. Все ему не такъ казалось; все, по мнѣнію его, дѣлали ему вопреки. Онъ сердился, бѣсился, всѣхъ бранилъ, всѣмъ грозился и всѣхъ напугалъ строптивостью своею. Я слышалъ, что по извѣстіямъ симъ, дошедшимъ въ собраніе, все тамъ затихло, и даже многіе разъѣхались по домамъ; казалось, будто внезапное вторженіе Персіянъ въ городъ навело на всѣхъ ужасъ. Между прочими предметами, служившими къ приведенію Паскевича въ подобное изступленіе, крайне не понравилась ему Грузинская музыка, состоящая изъ волынки съ гудкомъ, которую въ тотъ вечеръ провожала по улицамъ толпа мальчишекъ. Ему показалось, что симъ шумнымъ шествіемъ народъ встрѣчалъ его и привѣтствовалъ. Онъ, можетъ быть, счелъ сей нечаянный случай за насмѣшку, устроенную по приказанію начальства, и разбранилъ за то жестоко полицеймейстера.

Такое вступленіе Елисаветпольскаго героя не могло къ нему расположить сердца, и день сей конечно имѣлъ большое вліяніе на послѣдующія сношенія его съ разными лицами, въ коихъ вселилась къ нему недовѣрчивость и боязнь.

Старикъ Вельяминовъ, испугавшійся уже при пріѣздѣ Бенкендорфа, какъ выше сказано, тутъ еще болѣе перепугался; говорятъ, что онъ совсѣмъ потерялся и вынесъ безъ причины самыя жестокія и оскорбительныя обиды отъ Паскевича. Возвратившись послѣ 6-го числа въ Тифлисъ, я видѣлъ старика на всякомъ разводѣ, прилежно маршировавшаго на флангѣ перваго взвода, съ извѣстною его суетливостію и неувѣренностію, при войскахъ въ его командѣ даже не состоявшихъ, и, явившись къ нему, слышалъ выраженія его, знаменующія самое сильное оскорбленіе. Онъ называлъ Паскевича дуракомъ, не тая болѣе неудовольствія и нетерпѣнія своего.

Я явился къ Паскевичу, коего былъ любопытенъ увидѣть. Опасеній я никакихъ не имѣлъ, и притомъ слыхалъ, что изъ всѣхъ полковъ, находившихся у него въ отрядѣ, онъ болѣе всѣхъ выхвалялъ мой.

Я недолго дожидалъ его въ пріемной; по докладу обо мнѣ, онъ принялъ меня и, окинувъ меня глазами съ головы до ногъ, взглядомъ нахмуреннымъ, недовѣрчивымъ и строгимъ, сказалъ мнѣ, что, по знакамъ отличія мною носимымъ, онъ заключалъ о заслугахъ моихъ; сказалъ еще нѣсколько словъ довольно лестныхъ на счетъ полка моего, но не умѣлъ скрыть недовѣрчивость, которую въ него вселили наушники, ко мнѣ также, какъ ко всѣмъ тѣмъ, кои пользовались расположеніемъ Алексѣя Петровича Ермолова. Словомъ, пріемъ его не былъ привлекателенъ, хотя и не сдѣлалъ онъ мнѣ ни малѣйшаго неудовольствія. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, позвалъ онъ меня къ себѣ обѣдать. Я у него бывалъ изрѣдка и не могъ тогда жаловаться на его обхожденіе съ мною. Но въ короткое время онъ пріобрѣлъ всеобщее нерасположеніе къ себѣ всѣхъ въ Тифлисѣ.

Около новаго года возвратился Ермоловъ изъ своей экспедиціи. Паскевичъ показывалъ ему наружное уваженіе, какъ слѣдовало старшему, но не переставалъ обще съ Бенкендорфомъ писать къ Государю донесенія на него, и за глазами они другъ о другѣ весьма дурно говорили. Утверждаютъ даже, что Паскевичъ вызвалъ его однажды на поединокъ, но что Ермоловъ отказался отъ сего. Вражда ихъ день ото дня усиливалась, и старый начальникъ нашъ почти предвидѣлъ минуту, когда онъ долженъ былъ восторжествовать надъ своимъ противникомъ, то-есть онъ надѣялся остаться въ Грузіи. Подложно было или нѣтъ, то мнѣ неизвѣстно, письмо къ нему Государя, о которомъ было разглашено и въ которомъ Государь ему писалъ, что онъ себѣ бы за честь

поставилъ извлечь мечъ свой, дабы служить снова подъ начальствомъ стараго своего командира [1]). Сіи извѣстія нѣсколько поддерживали прежнихъ сослуживцевъ его въ надеждѣ видѣть его попрежнему среди себя; между тѣмъ какъ Паскевичъ, изводившій самъ себя, впалъ въ болѣзнь. Помню однажды (это было въ Февралѣ мѣсяцѣ) пришелъ я къ Паскевичу; онъ меня призвалъ къ себѣ въ спальню за ширмы, гдѣ лежалъ на постелѣ, и сказалъ мнѣ: Votre général a désiré me voir m'en aller d'ici. Hé bien, son désir est accompli, il peut s'en réjouir: je ne reste plus et je m'en vais en Russie [2]). Безъ подробнѣйшаго знанія обстоятельствъ нельзя никакъ сообразить случая сего съ разрѣшеніемъ, которое онъ имѣлъ отъ Государя смѣнить по усмотрѣнію своему Ермолова, на что онъ имѣлъ и рескриптъ съ собою, которымъ онъ не пользовался [3]).

Познакомившись съ Паскевичемъ, я возвратился въ Манглисъ, гдѣ занимался устройствомъ полка и провелъ, помнится мнѣ, праздники и новый 1827-й годъ.

Въ началѣ года получено было извѣстіе объ экспедиціи, которую дѣлалъ Мадатовъ за Араксъ съ войсками, оставшимися отъ отряда Паскевича. Войска сіи были отчасти распущены, отчасти же поставлены лагеремъ по Курѣ. Паскевичъ передъ отъѣздомъ своимъ дѣлалъ имъ смотръ, на которомъ онъ много сердился и, оставивъ ихъ въ сихъ мѣстахъ, уѣхалъ, послѣ чего Мадатовъ получилъ приказаніе отъ Ермолова собрать ихъ и двинуться за Араксъ вторично. Настоящая цѣль сей экспедиціи мнѣ неизвѣстна. Говорили, что хотѣли все возвращать угнанныя Персіянами изъ границъ нашихъ семейства; кончили тѣмъ, что отбили нѣсколько скота и написали въ донесеніяхъ о многихъ тысячахъ рогатаго скота, барановъ и верблюдовъ, взятыхъ у непріятеля. Полагали употребить сіе пріобрѣтеніе въ пользу казны; верблюды были нужны для составленія транспортовъ, для перевозки хлѣба въ началѣ

[1]) Дѣйствительно, Государь (но еще 1-го Августа того года, т. е. до посылки Паскевича на Кавказъ) писалъ Ермолову: „Былъ бы Николай Павловичъ прежній человѣкъ, можетъ быть явился бы къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлекъ изъ ноженъ шпагу“ (см. Н. Ѳ. Дубровина, VI, 643). П. Б.

[2]) Вашему генералу хотѣлось, чтобы я отсюда уѣзжалъ. Ну вотъ желаніе его исполнилось. Онъ можетъ радоваться тому: я не остаюсь далѣе и уѣзжаю въ Россію.

[3]) Всѣ эти отношенія отлично разъяснены въ книгѣ Н. Ѳ. Дубровина. Ермоловъ палъ подъ дѣйствіемъ соединенныхъ навѣтовъ Нессельроде, Бенкендорфа и др. Къ нему въ особенности примѣнима пословица: языкъ мой—врагъ мой. Этотъ врагъ и погубилъ его. Когда онъ пріѣхалъ въ Лайбахъ, Александръ Павловичъ спросилъ его, былъ ли онъ проѣздомъ у Витгенштейна во 2-й арміи, и какъ тамъ идутъ дѣла. „Ничего, Ваше Величество: тамъ все свои; одинъ только и есть посторонній, и тотъ *Безродный*“ (извѣстный генералъ). Дѣйствительно, въ ту пору доходило до того, что въ нѣсколькихъ министерствахъ доклады и многія бумаги писались на иностранныхъ языкахъ. П. Б.

весны; но ничего почти не нашли. По счету тогда дѣланному полагали, что вся прибыль простиралась, считая на деньги, до одного миліона. Послѣ того стали говорить, что скотъ этотъ розданъ былъ жителямъ, потерпѣвшимъ отъ вторженія Персіянъ; наконецъ сказывали, что Мадатовъ взялъ часть скота себѣ; можетъ и сіе послѣднее быть, но кажется, что во всякомъ случаѣ реляція была написана слишкомъ хвастливо. Объ экспедиціи сей тогда много говорили; но болѣе всѣхъ занимала она честолюбиваго Паскевича, который не прощалъ Ермолову, что онъ предписалъ оную сдѣлать безъ его вѣдома, полагая, что сіе было сдѣлано съ умысломъ и что его на то время съ намѣреніемъ отозвали отъ войскъ въ Тифлисъ, дабы дать случай Мадатову отдѣльно дѣйствовать. Предположеніе сіе впрочемъ могло быть и справедливо, ибо повидимому Алексѣй Петровичъ не щадилъ средствъ къ оскорбленію Паскевича.

При семъ нашествіи Мадатова въ Персидскія границы были сдѣланы нижними чинами отряда его нѣкоторые безпорядки, и между прочимъ насиліе одной женщины. Мешкинскій, кажется, ханъ и разные старшины Курдинскіе присягнули намъ на вѣрноподданство; но вскорѣ по выступленіи войскъ съ Мадатовымъ обратно возвратились снова къ Персіи, что́ и не могло иначе быть. Причину сего приписываютъ вышеозначенному насилію, и Паскевичъ не упускалъ случая укорять симъ Мадатова, ставя въ примѣръ обхожденіе войскъ подъ начальствомъ его находившихся съ жителями, въ чемъ онъ былъ совершенно неправъ: ибо никакой начальникъ не станетъ потворствовать безпорядкомъ и насиліе, а подъ командой Паскевича также они случались, не взирая на попеченіе его, дабы сего не было. Винятъ Мадатова, что, имѣвъ весьма сильный отрядъ, онъ не вошелъ въ самый городъ Мешкинъ, близъ котораго онъ уже былъ. Полагаютъ, что въ семъ случаѣ не достало у него рѣшительности, ибо городъ былъ обставленъ войсками. Полагаютъ даже, что онъ могъ занять Тавризъ, въ коемъ поселился страхъ, когда получили извѣстіе о его приближеніи и въ коемъ ожидали его и готовы были принять. Дерзость Тавризскихъ жителей противъ своего правительства доходила даже до того, что мальчишки, собираясь на улицахъ, раздѣлялись на двѣ толпы съ двумя начальниками, изображавшими Мадатова и Аббасъ-Мирзу; толпы сіи вступали въ бой, и первая одолѣвала вторую, при чемъ дѣлались самыя грубыя насмѣшки на счетъ Аббасъ-Мирзы.

Словомъ, экспедиція сія, не имѣвшая порядочной цѣли, будучи дурно управляема, не имѣла и блистательныхъ послѣдствій, хотя разглашенія и донесенія объ оной были чрезвычайно пышныя.

ПЕРНАТЫЙ БАТАЛЬОНЪ.

Разсказъ Новгородскаго старожила.

У Аракчеева, въ его Новогородскихъ военныхъ поселеніяхъ, былъ одинъ штабъ-офицеръ, которому, какъ почти всѣмъ тогдашнимъ офицерамъ, донельзя противна была вся эта неустанная, ежечасная дѣятельность по такъ называемому муштрованію несчастныхъ тамошнихъ крестьянъ, превращаемыхъ въ какихъ-то куколъ на подобіе Потсдамскихъ, Лудвигсбургскихъ и иныхъ Нѣмецкихъ воиновъ. Штабъ-офицеръ этотъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи цѣлый поселенный участокъ и долженъ былъ съ утра до ночи заниматься всяческою чистотою отъ рубашки крестьянина до паутины по угламъ его избы, отъ канавъ и изгородей до измѣренія угла при подъемѣ ноги на учебныхъ смотрахъ. Чтó дѣлать? Какъ ни противно, а служба! Ею дорожили въ старину больше нынѣшняго.

Затаенную злобу на эти безпощадные порядки штабъ-офицеръ выразилъ иронически. Въ домашнемъ хозяйствѣ своемъ онъ развелъ множество индѣекъ и устроилъ имъ большія клѣтки съ ящиками снаружи для корму. Долговременнымъ упражненіемъ довелъ онъ индѣекъ до того, что, какъ только клѣтка отворялась, индѣйки чинно и стройно выходили изъ нея, въ предводительствѣ зобастаго пѣтуха, и поочередно становились одна за другою у ящиковъ, вытягивали шеи и оставались неподвижны до тѣхъ поръ, пока штабъ-офицеръ гнусливымъ Аракчеевскимъ голосомъ не произносилъ словъ: „здорово ребята!“ Тогда только пѣтухъ бормоталъ обычные свои звуки съ трясеніемъ краснаго зоба, а вмѣстѣ съ нимъ всѣ индѣйки стройно и въ одинъ мигъ оборачивались и принимались клевать пищу. Это повторялось ежедневно утромъ и вечеромъ, и фронтовые шаги и обороты птичьи доведены были до высокаго совершенства. Крестьяне-солдаты объ этомъ знали и конечно про себя выражали сочувствіе затѣѣ чудака, своего начальника. Слухъ о ней, разумѣется, дошелъ и до самого Аракчеева, сего грознаго Силы Андреевича. Быть бѣдѣ! думаетъ штабъ-офицеръ.

Однажды пріѣзжаетъ къ нему въ участокъ Аракчеевъ и начинаетъ подробный осмотръ съ обыкновенными своими придирками. Но начальникъ поселеннаго участка былъ дѣятеленъ и заботливъ: куда ни пойдетъ Аракчеевъ, все въ отличномъ порядкѣ и полнѣйшей исправности, все согласно инструкціямъ и напечатаннымъ планамъ, всюду примѣрная чистота, каждая вещь подъ номеромъ и на своемъ, назначенномъ мѣстѣ. Даже въ избѣ солдата-поселенца подметено, выметено; ни паутины, ни сору. Аракчеевъ доволенъ, замѣтно смягчается и начинаетъ убѣждаться, что штабъ-офицеръ простеръ свою порядливость даже на индѣекъ не въ насмѣшку, а по любви къ дѣлу. Обозрѣвъ все поселеніе и все нашедъ въ хорошемъ положеніи, онъ спрашиваетъ штабъ-офицера: „Ну что еще у тебя посмотрѣть? Не покажешь ли твоего собственнаго хозяйства?“ И вотъ они отправляются въ офицерскую усадьбу, и тутъ тоже тщательный осмотръ. „Да нѣтъ ли у тебя чего особеннаго на показъ?“—„Кажется, ничего такого нѣтъ“, отвѣчаетъ истомленный и внутренно-трепещущій хозяинъ.—„Слышалъ я, что охотникъ ты до птицъ“.—„Точно такъ, ваше сіятельство“.—„Такъ дай мнѣ полюбоваться“. Нечего дѣлать, надо вести къ индѣйкамъ. „Покажи, покажи, вели отворять клѣтки“. Индѣйки выскочили и стройно обступили свои корытца. Графъ не можетъ надивиться. „Ну какъ же ты ихъ кормишь? Правда ли, что по командѣ?“ Офицеръ принужденъ произнести *здорово ребята*, но произноситъ эти слова обыкновеннымъ своимъ голосомъ: ни пѣтухъ не кудахчетъ, ни его подруги не поворачиваются къ корытцамъ. Тогда Аракчеевъ самъ произноситъ тоже, и мгновенно совершается привычная эволюція.

Грозный графъ доволенъ отмѣнно и уѣзжаетъ, похваливая усерднаго офицера.

МАГИСТЕРСКІЙ ДИСПУТЪ ГРАНОВСКАГО.

Изъ студенческихъ воспоминаній Ѳ. П. Еленева [1]).

И прежніе студенты, точь-въ-точь какъ нынѣшніе, способны были безсознательно подчиняться постороннему вліянію и безъ всякой причины, единственно по стадному свойству всякой толпы, доходить до задора и безчинства. Въ началѣ 1845 года, адъюнктъ Московскаго университета Грановскій защищалъ свою магистерскую диссертацію. Задачею ея было доказать, что городъ Винетта, упоминаемый въ Западнославянскихъ хроникахъ, и Нѣмецкій городъ Іомбургъ суть различныя названія одного и того же мѣста. Грановскій былъ популярнѣйшимъ изъ Московскихъ профессоровъ того времени. Онъ не читалъ, не расказывалъ, а живописалъ исторію среднихъ вѣковъ, представляя ее въ живыхъ и выпуклыхъ образахъ. При этомъ онъ сопровождалъ свою живопись глубоко - прочувствованнымъ и изящнымъ изложеніемъ тѣхъ гуманныхъ идей человѣческаго прогресса и права, которыя заставляютъ усиленно биться всякое молодое сердце. Нѣкоторою долею своей популярности Грановскій обязанъ былъ также и своей крайней снисходительности къ студентамъ: менѣе *трехъ* онъ никому не ставилъ на экзаменахъ, хотя бы экзаменующійся не зналъ главнѣйшихъ фактовъ данной эпохи [2]).

---

[1]) Съ позволенія Ѳедора Павловича Еленева извлекаемъ эти страницы изъ превосходной статьи его „Студенческіе безпорядки", вышедшей отдѣльно (Спб. 1888. 8°. 46 стр.). По кончинѣ Аксакова и Каткова мы не встрѣчали въ нашей печати ничего болѣе сосредоточенно-сильнаго о внутреннихъ дѣлахъ нашихъ. Не щадя студентовъ, авторъ въ тоже время бичуетъ современное общество и возлагаетъ на него отвѣтственность за студенческіе безпорядки. Брошюра въ продажѣ по 30 к. П. Б.

[2]) Какъ это напоминаетъ про далекое прошедшее! На экзаменѣ у Грановскаго мнѣ достался билетъ объ Иннокентіи III-мъ. Я едва-едва отвѣчалъ, и узнаю потомъ, что Грановскій поставилъ мнѣ отмѣтку *четыре*. Позднѣе, выбравъ минуту, я спросилъ его: Какъ же это такъ? Вѣдь я отвѣчалъ на единицу!—„Будто я не знаю, что вы много занимаетесь!" сказалъ мнѣ на это Тимоѳей Николаевичъ. Точно молодѣешь, вспоминая про этаго сердечно - дорогаго человѣка. П. Б.

Кѣмъ-то пущенъ былъ слухъ между студентами всѣхъ факультетовъ, что надобно торжественно заявить Грановскому, во время диссертаціи, сочувствіе студентовъ. Въ чемъ именно будетъ состоять такое заявленіе сочувствія, никто изъ насъ не зналъ, а самую диссертацію едва ли кто изъ студентовъ держалъ даже въ рукахъ; знали только, что должно произойти что-то необыкновенное—и на диссертацію толпой повалили студенты со всѣхъ факультетовъ. Большая зала новаго университета не могла вмѣстить всѣхъ пришедшихъ, такъ что часть ихъ столпилась въ обширной передзальной комнатѣ и въ двухъ сосѣднихъ аудиторіяхъ. Едва Грановскій взошелъ на каѳедру, какъ, по чьему-то почину, раздалось оглушительное хлопанье въ ладоши. Затѣмъ каждое слово Грановскаго, равно какъ и тѣхъ профессоровъ, которые его поддерживали, сопровождалось такимъ же взрывомъ рукоплесканій, а каждое возраженіе его опонентовъ встрѣчаемо было шиканьемъ, топаньемъ ногъ и стукомъ стульевъ со стороны всей огромной толпы, состоявшей болѣе чѣмъ изъ 700 человѣкъ. Картина безчинства вышла полная и самая удручающая для всякаго истиннаго друга просвѣщенія. Молодые люди и юноши, пришедшіе учиться, обратили свой храмъ науки въ балаганъ свистопляски, а себя въ толпу бушующихъ и безсмысленныхъ невѣждъ. Ничего не разумѣя въ тѣхъ ученыхъ мнѣніяхъ, которыя подвергались предъ ними состязанію, они дозволили себѣ одни изъ этихъ мнѣній защищать хлопаньемъ въ ладоши, а другія опровергать шиканьемъ и стукомъ.

Чѣмъ же мы были тогда лучше нынѣшнихъ студентовъ, заглушающихъ своимъ крикомъ всѣ обращаемые къ нимъ доводы разума и самосохраненія и настаивающихъ на исполненіи разныхъ нелѣпыхъ своихъ требованій? Точь въ точь какъ нынѣшніе студенты, мы дѣйствовали безсознательно, безпричинно и безцѣльно, по внушенію какихъ-то невѣдомыхъ намъ личностей, и подобно нынѣшнимъ студентамъ проявили въ себѣ всѣ стадныя свойства толпы и весь задоръ молодости. Мы кричали и бѣсновались съ такимъ задоромъ, какъ будто дѣло шло объ отстаиваніи самыхъ дорогихъ, самыхъ жизненныхъ нашихъ интересовъ, тогда какъ большинство насъ, принадлежа къ другимъ факультетамъ, не имѣло никакихъ отношеній къ Грановскому и его опонентамъ (Бодянскому и Шевыреву); немало было даже такихъ, которые видѣли его тогда въ первый разъ въ жизни. Между тѣмъ многіе изъ насъ готовы были скорѣе подвергнуться исключенію изъ университета, чѣмъ, на глазахъ другихъ студентовъ, уступить требованію начальства (если бъ таковое было намъ предъявлено) и прекратить безчинства. Для демонстрацій во вкусѣ нынѣшняго времени, т. е. для протестовъ противъ

распоряженій начальства или правительства, студенты того времени не были еще подготовлены: ибо ни въ обществѣ, ни въ литературѣ, ни тѣмъ менѣе въ стѣнахъ университетовъ, они не находили для себя пищи этого рода. Горячія и забубенныя головы въ родѣ Полежаева (въ 30-хъ годахъ) были единичными исключеніями и не производили вліянія на массу студентовъ. Но вѣдь и описанная здѣсь исторія, при неумѣломъ дѣйствіи университетскаго начальства, могла бы быть возведена въ «политическую». Стоило только обратиться къ семисотенной массѣ студентовъ съ рѣзкимъ окрикомъ и угрозами, и поднялась бы еще бо́льшая буря, но уже прямо направленная противъ университетскихъ властей. Такой экстренный случай пришлось бы по необходимости довести до свѣдѣнія Петербурга. Сколько было бы разослано солдатами въ Сибирскіе баталіоны и на Кавказъ, гдѣ многіе изъ насъ, среди ужасной для образованнаго молодаго человѣка обстановки, загрубѣли бы умомъ и сердцемъ и навсегда погибли бы нравственно.

Къ нашему счастію, университетомъ правилъ тогда, и правилъ самодержавно, нашъ незабвенный графъ Сергѣй Григорьевичъ. Во время всей этой бурной сцены, онъ не шелохнулся, ни разу не обернулся назадъ въ сторону студентовъ, тогда какъ его помощникъ металъ на насъ молніеносные взоры, и если бы не былъ сдерживаемъ безмолвнымъ спокойствіемъ главнаго начальника, то готовъ бы былъ разразиться крикомъ и словами повелительной команды. Графъ понялъ, что сдѣлана была ошибка чрезъ допущеніе на диссертацію семисотенной толпы, къ чему очевидно не было никакого разумнаго основанія, ибо публичность диссертацій не значитъ еще, что онѣ должны служить мѣстами сборища для праздной толпы. Оставалось или безмолвно выдержать сцену задора и безчинства, присущихъ всякой толпѣ, или неумѣстною горячностью подлить масла въ огонь и вызвать бурю, исхода которой нельзя было и предвидѣть.

Спустя нѣсколько дней, графъ Строгановъ потребовалъ къ себѣ по два человѣка съ каждаго курса и каждаго факультета, и въ спокойныхъ словахъ объяснилъ все неприличіе и даже постыдность поведенія студентовъ во время этой сцены, поручивъ имъ передать его слова всѣмъ студентамъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Вотъ что значитъ присутствіе надъ студентами личности благородной, разумной и полномочной, однимъ словомъ присутствіе авторитета не только оффиціальнаго, но и нравственнаго. При другой обстановкѣ университета, могла бы повториться Сандуновская исторія (30-хъ годовъ), когда было разжаловано въ солдаты и послано на Кавказъ нѣсколько Москов-

скихъ студентовъ, въ томъ числѣ Антоновичъ, дослужившійся потомъ до генералъ - лейтенанта и попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

Какъ было бы ошибочно, по поведенію Московскихъ студентовъ на диссертаціи Грановскаго, судить объ общемъ ихъ настроеніи, дѣлать заключеніе, что это были молодые люди распущенные и опасные для общественнаго порядка, хотя вѣроятно и были такіе политиканы, которые дѣлали о насъ тогда такое заключеніе. Между тѣмъ Московскіе студенты сороковыхъ годовъ доказали потомъ на всѣхъ поприщахъ службы и частной дѣятельности, что они вынесли изъ стѣнъ своего благоговѣйно-любимаго ими университета преданность закону и порядку, любовь къ труду и истинному просвѣщенію и глубокое чувство своей Русской народности. Никто изъ нихъ не запятналъ себя преступленіемъ, а многіе положили всѣ силы свои на службу отечеству, въ качествѣ администраторовъ, судей, педагоговъ, воиновъ, ученыхъ, писателей, участниковъ великихъ реформъ начала прошедшаго царствованія, и пріобрѣли право на благодарность потомства. Потому-то мы желали бъ всѣмъ сердцемъ, чтобы внутренній голосъ чаще напоминалъ людямъ, стоящимъ у власти: оберегайте молодежь отъ соблазновъ, не щадя соблазнителей, отстраняйте ее вò время отъ тѣхъ поступковъ, которые неизбѣжно должны привести ее къ худымъ послѣдствіямъ; но будьте снисходительны къ ея увлеченіямъ и ошибкамъ, не казните ее безпощадно за то, въ чемъ она является лишь отголоскомъ воспитавшаго ее общества,—и молодежь заслужитъ потòмъ сторицей оказанныя ей попеченіе и снисхожденіе.

Вернемся на минуту къ достопамятной личности попечителя Московскаго учебнаго округа графа Строгонова (1835 – 1848 г.). Пусть не думаютъ, что это былъ начальникъ во вкусѣ тѣхъ личностей новѣйшей формаціи, которыя, панибратствомъ со студентами и выплясываніемъ по ихъ дудкѣ, старались пріобрѣсти между ними популярность. Напротивъ того, графъ Строгоновъ держалъ себя не только предъ студентами, но и предъ профессорами, вполнѣ начальственно и вельможно. Онъ не былъ искателемъ мишурной популярности между студентами, не сталъ бы расшаркиваться передъ ними, если бы они вздумали читать ему нотаціи и предъявлять разныя требованія, какъ было въ университетахъ потомъ, въ шестидесятыхъ годахъ. Но, во первыхъ, это былъ истинный другъ просвѣщенія, чего нельзя было сказать о нѣкоторыхъ высшихъ лицахъ министерства народнаго просвѣщенія того времени и слѣдовавшей затѣмъ эпохи; во вторыхъ онъ никогда не забывалъ естественныхъ и неизбѣжныхъ свойствъ всякой молодости,

ея воспламеняемости и неопытности, и не выдавалъ насъ на пропятіе въ случаѣ нашихъ преткновеній и паденій, памятуя слова псалмопѣвца: «грѣховъ юности моей и невѣдѣнія моего не помяни». Когда, подъ вліяніемъ событій 1848 года, отъ него потребовали, чтобъ онъ измѣнилъ свой образъ дѣйствій, то онъ предпочелъ немедленно оставить попечительство.

Съ нимъ вмѣстѣ покинулъ университетъ и вѣрнѣйшій исполнитель его самодержавно-гуманной системы, инспекторъ студентовъ, нашъ благодушнѣйшій и суровѣйшій въ обращеніи Платонъ Степановичъ Нахимовъ. Оба они не искали популярности между студентами, какъ не искали и выслужиться противоположной крайностью; и вотъ Московскіе студенты того времени, уцѣлѣвшіе еще отъ косы Сатурна, сорокъ лѣтъ сряду помнятъ ихъ и благословляютъ ихъ память!

МАКАРІЙ АѲОНСКІЙ.

19-го Іюня 1889 года скончался на Аѳонѣ настоятель Русскаго Пантелеймоновскаго монастыря, о. архимандритъ Макарій. Многотрудная подвижническая и общественная жизнь почившаго протекла внѣ предѣловъ Россіи, но не внѣ области духовной жизни Русскаго народа, и богатъ тотъ вкладъ, который внесенъ былъ дѣятельностію о. Макарія какъ на поддержаніе завѣщанной вѣками нравственной связи нашей съ Православнымъ Востокомъ, такъ и на сохраненіе и развитіе духовной жизненной силы великаго нашего народа.

Тяжелы условія Русской самобытности; велика нравственная сила, которая въ состояніи поддержать въ Русскомъ народѣ божественную искру подъ гнетомъ удручающаго его умственнаго мрака и тягостныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ. Такою силою обладаетъ только Церковь, и Православная Церковь дѣйствительно создала изъ народа, находящагося въ самыхъ, быть можетъ, тяжелыхъ въ цивилизованномъ мірѣ условіяхъ, народъ, которому по преимуществу, смѣемъ сказать, подобаетъ названіе христіанскаго. Промыслу Божію угодно было для этаго, чтобы Церковь, обнимая собою и освящая существованіе человѣка таинствами и священными обрядами, не переставала выдвигать, сверхъ того, по нуждамъ времени, святыхъ мужей для насажденія и поддержанія христіанской истины въ сердцахъ людей, для преподанія примѣровъ духовной жизни и служенія Богу, для руководительства Русскимъ народомъ по тѣмъ путямъ, по которымъ Онъ ведетъ его.

Такъ, во время зарожденія среди новообразовавшагося Великорусскаго племени Русской государственности, великіе Московскіе святители-митрополиты, Сергій Радонежскій и многочисленные его ученики, принявъ духовное наслѣдіе преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, т.-е. насажденные ими на Руси начатки христіанской жизни, привлекли къ сей послѣдней народную массу, образовали нравственный обликъ народа, вызвали и освятили новое для него начало государственности, вложивъ *душу живу* въ дѣло Московскихъ князей.

Не оскудѣвали затѣмъ продолжатели и охранители дѣла, освященнаго великими предстателями земли Русской. Съ теченіемъ времени, когда высшій слой сталъ мало по малу терять сознаніе связи Русской жизни съ Церковью, для народа эти нравственные руководители становились тѣмъ болѣе необходимы и, если не на страницахъ ученой исторіи, то въ благодарной народной памяти именамъ ихъ воздавалась должная честь. И поистинѣ достойны чести отъ Бога и отъ людей имена ихъ за то, что они вносили высшій свѣтъ въ нравственное міросозерцаніе народа; за то, что примиряли его съ дѣйствительностію предъявленіемъ къ нему высшихъ внѣ-матерьяльныхъ требованій; за то, что, благодаря имъ, проникъ въ глубину его сознанія высокій христіанскій идеалъ святости, идеалъ жизни по Божьему, тотъ идеалъ, который далъ возможность нашему великому, блуждающему, но искреннему художнику вывести, оставаясь на почвѣ дѣйствительности, во «Власти Тьмы» высокій нравственный образъ дяди-Акима. Словомъ, тутъ разгадка и объясненіе того, что, опускаясь въ глубину народную, мы встрѣчаемъ цѣльное, независимое духовно-нравственное міровоззрѣніе, служащее мѣриломъ и руководствомъ для совѣсти многомилліоннаго Русскаго люда.

Въ наши дни, когда, при неизбѣжномъ распространеніи внѣшняго просвѣщенія, признающаго себя независимымъ отъ церковной почвы, вносится немало и отрицательныхъ разлагающихъ началъ въ умственную и нравственную атмосферу самыхъ даже темныхъ народныхъ слоевъ, вдвойнѣ важнымъ является знакомство съ тѣми представителями Русской жизни, которыхъ она выдвигаетъ изъ своей глубины на поддержаніе и развитіе дарованныхъ ей Промысломъ и возросшихъ съ ея исторіею нравственныхъ основъ бытія.

Почившій на сихъ дняхъ о. Макарій и три года до него скончавшійся учитель его старецъ Іеронимъ, оба возстановители Русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ, должны несомнѣнно быть причислены къ такого рода духовнымъ вождямъ Русскаго народа.

Источникомъ, средою и проводниками благотворнаго вліянія этихъ дѣятелей служили два вѣковыя проявленія духовныхъ стремленій Русскаго народа—монашество и паломничество. Не мѣсто входить здѣсь въ разборъ такихъ важныхъ явленій нашей церковно народной жизни; смѣемъ только утверждать, что будущему изслѣдователю для правильной оцѣнки этихъ важныхъ двигателей нашей народной жизни нельзя будетъ обойтись для нашего времени безъ основательнаго знакомства съ плодотворною дѣятельностью на этомъ поприщѣ отцовъ Макарія и Іеронима.

Далеко внѣ видимыхъ предѣловъ Россіи предпріяли свой подвигъ благочестивые старцы, ни разу въ теченіе полувѣка они въ нее не возвращались; но чуждыми они ей не стали, такъ какъ дѣятельность ихъ двигалась по широкому руслу Русской церковной и народной жизни, для которой Св. Гора стала родною съ далекихъ временъ преп. Антонія, древняго Аѳонскаго подвижника и насадителя монашества на Руси. Почившіе отцы Макарій и Іеронимъ служили въ наши дни свѣтлымъ выраженіемъ вѣковой связи Россіи съ этою вѣрною хранительницею православныхъ вселенскихъ преданій. Со времени приблизительно иконоборчества, т.-е. со времени борьбы за истину и побѣды вѣрныхъ Православію народныхъ массъ (нашедшихъ себѣ опору и руководство въ монашествѣ противъ умствованія высшихъ государственныхъ слоевъ), Аѳонъ служилъ вѣрнымъ отраженіемъ внутренней и внѣшней судьбы Православія. Сосредоточивая въ своихъ обителяхъ представителей всѣхъ православныхъ народностей, Св. Гора съ самаго начала христіанства на Руси увидѣла въ числѣ своихъ подвижниковъ Русскихъ, изъ которыхъ уже въ XI в. образовался такъ называемый Русикъ, т.-е. возродившійся нынѣ съ такою славою Пантелеймоновскій монастырь. Отношенія ко Св. Горѣ, судьба тамошнихъ Русскихъ людей и Пантелеймоновскаго монастыря вполнѣ соотвѣтствовали судьбамъ, которымъ подвергалась Россія. Съ нашествіемъ Татаръ на Россію приливъ людей и средствъ изъ нея прекратился; немногіе Русскіе, подвизавшіеся на Св. Горѣ, и самый монастырь нашли себѣ покровителей въ Греческихъ императорахъ и затѣмъ въ Сербскихъ царяхъ. Съ поднятіемъ могущества Москвы мы видимъ опять возобновленіе связей съ Аѳономъ, покровительство ему нашими царями и поселеніе на немъ многихъ Русскихъ людей. Затѣмъ наступаетъ время усиленнаго стремленія государства и даже церкви къ Западу и усиленнаго закрѣпощенія народа, который уходитъ въ крайности раскола: связь Россіи съ Аѳономъ почти порывается. Барскій въ прошломъ вѣкѣ находитъ въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ всего четырехъ Русскихъ старцевъ; главными покровителями Св. Горы являются Молдовалашскіе воеводы и господари и оправившіеся послѣ Турецкаго погрома Греки. Наконецъ, въ наши дни мы видимъ вновь возникновеніе старыхъ связей Русскаго народа со Св. Горою и притомъ въ усиленной степени. Освобожденный отъ крѣпостныхъ и другихъ узъ народъ воспользовался открывшимися за послѣднее время средствами сообщенія, чтобы проложить по незабытымъ тропамъ свой широкій путь ко святымъ мѣстамъ Востока.

Промыслу угодно было, чтобы этотъ свободный потокъ народнаго чувства, которому правительство оказало свою помощь установленіемъ

послѣ Крымской войны правильныхъ пароходныхъ сообщеній съ портами Востока, нашелъ себѣ на Аѳонѣ твердое направленіе и нравственное руководство. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ образовалась среди немногочисленныхъ тогда Русскихъ на Св. Горѣ отдѣльная маленькая община подъ мудрымъ духовнымъ руководствомъ о. Іеронима. То была тяжелая для духовныхъ учрежденій на Востокѣ эпоха вслѣдствіе уничтоженія накопленныхъ въ предшествовавшіе вѣка средствъ Греческаго народа во время его возстанія и борьбы за независимость. Въ безъисходномъ положеніи очутился и Русикъ, находившійся тогда въ Греческихъ рукахъ; братія обратились съ просьбою о помощи къ о. Іерониму и его общинѣ, славившейся строгимъ порядкомъ и благоустройствомъ, и предложили имъ вступить въ ея среду. Вступленіе въ монастырь о. Іеронима и его нѣсколькихъ послѣдователей послужило основаніемъ дальнѣйшаго высокаго процвѣтанія обители. Процвѣтаніе это зависѣло главнѣйшимъ образомъ отъ строгаго примѣненія общежительнаго устава, нигдѣ, кажется не проводимаго такъ послѣдовательно, какъ въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ.

Со времени поступленія Русской братіи, монастырь (по слову, что имущему будетъ и преизбудетъ) сталъ постоянно возрастать духовно и вещественно. Самымъ свѣтлымъ его пріобрѣтеніемъ во всѣхъ отношеніяхъ было принятіе въ его среду въ 1851 г. будущаго славнаго его священно-архимандрита, почившаго нынѣ о. Макарія, въ мірѣ Михаила, изъ Тульскаго купеческаго рода Сушкиныхъ, всѣмъ сердцемъ и на всю жизнь прилѣпившагося къ духовному своему отцу, о. Іерониму. Кромѣ высокихъ духовныхъ способностей, составившихъ конечно главный его вкладъ, онъ внесъ и полмилліонное свое состояніе на монастырское дѣло. Ко времени Крымской войны число Русской братіи не превышало однако 80 чел., но за то къ началу 70-хъ годовъ оно возрасло до 500 чел. на 150 чел. Грековъ, въ чемъ сказались, конечно, тѣ облегченія, которыми сталъ пользоваться Русскій народъ.

Тогда-же завѣдываніе монастыремъ и полноправный голосъ его въ управленіи Святою Горою перешелъ изъ Греческихъ рукъ въ Русскія, чего уже не было въ продолженіи вѣковъ. Измѣненіе это выразилось избраніемъ въ игумены о. Макарія. Въ теченіе цѣлыхъ годовъ происходила по этому поводу борьба въ предвидѣніи кончины столѣтняго старца, игумена отца Герасима, который самъ всегда отдавалъ справедливость Русскимъ и не забывалъ, чѣмъ монастырь былъ обязанъ имъ. Вопросъ объ избраніи Русскаго игумена возникъ какъ разъ въ самый разгаръ Греко-болгарской распри, когда Греки вездѣ

за Болгарами видѣли Русскихъ и каждый шагъ сихъ послѣднихъ считали для себя опаснымъ. При постепенномъ разрушеніи ихъ мечтаній о преобладаніи на Балканскомъ полуостровѣ, участіе Русскихъ въ управленіи Св. Горою, которую они считали однимъ изъ оплотовъ своего вліянія, должно было казаться имъ гибельнымъ. Отсюда та ожесточенная борьба, чрезъ которую пришлось пройти Русской братіи. Въ этой борьбѣ, въ которую втянуты были всѣ высшія Турецкія и Греческія сферы и Европейская дипломатія, бывали настолько тяжелыя минуты, что Русской братіи приходилось принимать рѣшеніе объ оставленіи монастыря, памятникомъ чего служитъ полувоздвигнутый, пріостановленный постройкою храмъ въ такъ называемомъ нагорномъ Русикѣ. Болѣе того: при общемъ возбужденіи Грековъ на Аѳонѣ нужно было думать даже объ оставлеленіи Св. Горы, въ виду чего былъ уже основанъ Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь на Черноморскомъ берегу Кавказа. Но, наконецъ, при энергической поддержкѣ Русскаго посла въ Константинополѣ графа Игнатьева и благодаря рѣшенію вселенскаго патріарха Іоакима II, признавшаго права Русскихъ (за что многіе изъ Грековъ считаютъ его до сихъ поръ измѣнникомъ народному дѣлу), избраніе и водвореніе о. Макарія игуменомъ состоялось въ 1875 году. Много политической мудрости и твердости пришлось показать въ эти трудные годы почившему; но высокая душа его вышла чистою изъ тяжелаго этого испытанія. Только, можетъ быть, борьбѣ этой слѣдуетъ отчасти приписать тотъ отпечатокъ глубокой грусти, которая выражалась на ясномъ лицѣ его.

Время игуменства о. Макарія останется конечно самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ Пантелеймоновскаго монастыря. Любовь народная, сказавшаяся уже въ одномъ числѣ братіи, дошедшемъ нынѣ до 1000 чел., не даромъ окружала мудраго старца. Конечно одному Богу извѣстна сила духовнаго вліянія, которую имѣла на сердца, изливавшія предъ о. Макаріемъ свои сокровенныя мысли, исповѣдь собиравшагося со всѣхъ концовъ Россіи люда; въ продолженіе цѣлыхъ ночей продолжалась эта исповѣдь въ церковкѣ, изъ которой о. Макарій слѣдилъ за всенощными (въ полномъ смыслѣ слова) бдѣніями въ главномъ храмѣ. Эта сторона личнаго его вліянія, равно какъ и вліяніе огромной его переписки, не поддается какой-либо оцѣнкѣ.

Позволимъ себѣ указать на другую сторону плодотворной его дѣятельности, на благіе плоды того высокаго подъема духа среди братіи, которымъ отличался Пантелеймоновскій монастырь въ правленіе о. Макарія. Этотъ подъемъ духа объясняетъ возможность примѣненія

самаго строгаго устава и господства вмѣстѣ съ тѣмъ среди братіи того свѣтлаго настроенія, которое охватывало даже многихъ изъ посѣщавшихъ обитель иновѣрцевъ. Побывавшіе на Св. Горѣ могутъ засвидѣтельствовать, съ какою если не легкостію, то готовностію и даже радостію переносится братіею непосильное на первый взглядъ бремя службъ и правилъ, установленныхъ о. Іеронимомъ и Макаріемъ. Для правильнаго сужденія не слѣдуетъ однако при этомъ забывать, что уставъ сообразованъ съ силами и выносливостію Русскаго крестьянина, для котораго, если вспомнимъ страдную пору въ деревнѣ, монастырь легко могъ бы обратиться въ мѣсто отдохновенія. Молитва и богослуженіе составляютъ средоточіе церковной жизни; понятна поэтому заслуга предъ всѣмъ православнымъ міромъ о. Макарія: трудами его поддержано значеніе Аѳона, какъ средоточіе строгаго, благоговѣйнаго православнаго богослуженія, и особенною признательностію обязаны ему мы, такъ какъ онъ утвердилъ эту высокую честь преимущественно за нашимъ Русскимъ монастыремъ. Укажемъ при этомъ на уваженіе и довѣріе питаемыя нашими старообрядцами къ Аѳону за строгость его службъ.

Только благодаря великому нравственному значенію о. Макарія возможно было также неуклонное, послѣдовательное до конца осуществленіе общежительнаго устава, требующаго полнаго отреченія отъ личныхъ выгодъ въ членахъ братіи. Въ отцѣ Макаріѣ братія имѣла передъ собою первый примѣръ отреченія отъ благъ міра сего; въ немъ же она видѣла и примѣръ христіанскаго смиренія и любви. Нельзя, дѣйствительно, представить себѣ болѣе возвышеннаго урока, какъ отношенія властнаго игумена къ духовному своему отцу и учителю, о. Іерониму, безъ совѣта и благословенія котораго о. Макарій ничего не предпринималъ. Отдадимъ однако должную честь и Русскому народу, наиболѣе способному къ отреченію отъ себялюбивыхъ чувствъ и къ совмѣстной общественной жизни. Весь строй Аѳонской жизни основанъ на подчиненіи свободно-признанной власти, такъ какъ у Турокъ нѣтъ конечно побудительныхъ причинъ содѣйствовать внѣшними средствами поддержанію монашескаго благочинія, а въ Россіи безъ особаго утвержденія Синода Аѳонскій постригъ по закону даже не признается, и Аѳонскій монахъ вполнѣ свободенъ, вернувшись въ отечество, возвратиться въ прежнее свое состояніе. Велика поэтому заслуга о. Макарія, умѣвшаго соединить, въ силу нравственнаго своего значенія, многочисленную свою братію не поблажками и удобствами, а самымъ строгимъ примѣненіемъ монастырскаго устава; великъ и тотъ народъ,

который стремится къ наиболѣе полному и вслѣдствіе того трудному осуществленію духовныхъ своихъ идеаловъ.

Неоцѣнима заслуга о. Макарія предъ Русскимъ народомъ въ томъ, что, благодаря ему, простыя, но жаждущія духовной истины сердца не обманываются въ своихъ ожиданіяхъ найти на Св. Горѣ духовную пищу, которой они на ней ищутъ. Тогда какъ въ Іерусалимъ притягиваетъ поклонниковъ святость самого мѣста, на Аѳонѣ издревле ищутъ они высокаго утѣшенія въ строгомъ и благоговѣйномъ церковномъ служеніи и въ духовномъ жизненномъ поученіи.

Не касаемся въ настоящей краткой замѣткѣ ни заботъ о. Макарія о правильномъ устройствѣ паломничества учрежденіемъ прекрасныхъ подворій съ домовыми церквами въ Одессѣ и Константинополѣ, гдѣ поклонники попадаютъ въ соотвѣтственную цѣли ихъ странствованія обстановку, ни по-истинѣ государственнаго дѣла — безкорыстнаго возстановленія Ново-Аѳонскаго монастыря на Кавказѣ послѣ разоренія его Турками въ прошлую войну. Монастырь этотъ, стоившій Пантелеймоновской обители нѣсколько сотъ тысячъ, служитъ твердымъ основаніемъ христіанской и Русской образованности на Черноморскомъ берегу Кавказа. Не касаемся еще многихъ другихъ проявленій мудрости и дѣятельности почившаго старца. Позволимъ себѣ указать лишь на одну сторону въ дѣятельности о. Макарія, на его заслугу предъ Россіею по отношенію ко внѣ насъ стоящему православному міру. Несомнѣнно, что къ Россіи должно перейти руководящее значеніе въ православномъ мірѣ; для этого Богъ даровалъ ей духовныя и матерьяльныя силы и поставилъ для охраны и служенія Своей Церкви во главѣ ея Православнаго Царя. Это долженъ будетъ признать и самолюбивый Греческій народъ, гордый своими неисчислимыми, правда, заслугами дѣлу Православія, своею непоколебимою вѣрностію ему. Хотя еще въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія онъ выставилъ добровольныхъ мучениковъ за вѣру Христову (трехъ юношей, Ново-Аѳонскихъ мучениковъ, мощи которыхъ покоятся на Св. Горѣ), хотя отвѣтное посланіе его патріарховъ папѣ въ 1848-мъ году составляетъ, по признанію Хомякова, самое выдающееся явленіе церковнаго учительства нашего столѣтія: но и Греки подобно остальнымъ Балканскимъ народамъ теряютъ постепенно свое прежнее общеніе съ церковною жизнью. Духовнымъ вождямъ ихъ, а тѣмъ болѣе пастырямъ другихъ нашихъ единовѣрцевъ, приходится все болѣе озираться на Россію, крѣпкую защиту Православія. Думаемъ, что плодотворная дѣятельность о. Макарія много способствовала возбужденію чувствъ уваженія и довѣрія къ Россіи, кото-

рыя облегчать въ будущемъ совмѣстное наше дѣйствіе. Въ продолженіе всей своей жизни о. Макарій твердо отстаивалъ права и выгоды Русскихъ; но въ борьбѣ, которую ему приходилось вести, онъ никогда не терялъ чувства мѣры и не забывалъ той общей почвы, на которой стоялъ со своими противниками. Благодаря этому, онъ сумѣлъ снискать себѣ искреннее ихъ уваженіе. Свѣтлый духовный маякъ, вознесенный о. Макаріемъ въ то время, какъ буря съ особою силою обрушилась на все церковное и православное на Балканскомъ полуостровѣ, не можетъ не привлечь взора и сердца всѣхъ, кто дорожитъ божественною истиною, направляя ихъ надежды на источникъ силы этого свѣта, на Россію. Если намъ въ будущемъ придется пожинать плоды этого духовнаго единенія, не забудемъ помянуть при этомъ и имя отца Макарія.

Отецъ Макарій, принявъ схиму, умеръ для міра; врядъ ли, однако, кто сдѣлалъ больше по своимъ силамъ для родины какъ этотъ удалившійся изъ ея предѣловъ Тульскій купеческій сынъ.

П. М.

ПИСЬМО ФИЛАРЕТА КЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

Благочестивѣйшій Государь!

Странный случай влагаетъ въ меня странное, можетъ быть, дерзновеніе предстать непосредственно Вашему Императорскому Величеству сими строками.

Сего дня получено мною чрезъ почту письмо нѣкоего есаула Котельникова, который (приписывая то дѣйствію Св. Духа) пишетъ: что онъ и его семейство гонимы за ревность къ защитѣ Царя и престола Его и святыхъ алтарей;—что дочь его видитъ видѣнія, касающіяся до безопасности Священной Особы Вашего Императорскаго Величества;—что Франкмасоны, подписавшіеся не быть Франкмасонами, не престаютъ быть ими;—что онъ, писавшій письмо, не держится подписаннаго имъ отъ нѣкоторой своей книги отреченія, къ которому, какъ говоритъ, принужденъ былъ угрозами и подарками;—что Библейское Общество оклеветано, и пр.

Долгъ вѣрности обязываетъ меня не оставить сего случая необъявленнымъ.

Предать оный гласности оффиціальнаго донесенія начальству не представляется приличнымъ для нѣкоторыхъ именъ и предметовъ письма. Посему пріемлю дерзновеніе представить сіе письмо въ подлинникѣ Высочайшему усмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества. Упоминаемой же въ письмѣ книги: *Острый Серпъ* ни откуда мною получено не было.

Бога и Господа нашего Іисуса Христа молю, да во Святой церкви Его, подъ православнымъ владычествомъ Вашего Императорскаго Величества, неоскудно будетъ, какъ всегда вообще, такъ особенно нынѣ, благопотребное, благодатное дарованіе *испытывать духи, аще отъ Бога суть.*

Благочестивѣйшій Государь! Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій богомолецъ Филаретъ, архіепископъ Московскій.

Августа 10-го 1825 г.

Приложенія.

1.

Ваше высокопреосвященство, милостивѣйшій архипастырь!

Препровожденный при почтеннѣйшемъ отношеніи вашего высокопреосвященства отъ нынѣшняго числа пакетъ Его Императорскому Величеству въ собственныя руки я не премину отправить сегодня съ почтою и о семъ вамъ, милостивѣйшій архипастырь, донеся, имѣю счастіе пребыть навсегда съ достодолжнѣйшимъ глубокопочитаніемъ и безпредѣльною преданностію, вашего высокопреосвященства всепокорнѣйшій слуга Иванъ Рушковскій *).

№ 6307.—11 Августа 1825 г.

2.

Секретно.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, почтеннѣйшій о Господѣ братъ и сослужитель! Въ слѣдствіе высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія нужно имѣть свѣдѣніе, не получали ли вы отъ есаула Донскаго войска Евлампія Котельникова какихъ-либо писемъ, и если у васъ оныя есть, то покорно прошу ваше высокопреосвященство доставить ихъ ко мнѣ въ подлинникѣ непомедля.

Съ истиннымъ почтеніемъ и братскою любовію навсегда пребыть имѣю вашего высокопреосвященства усерднѣйшій слуга Серафимъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

№ 15 1-го Сентября 1825-го года.

Его высокопреосвященству Филарету, архіепископу Московскому.

(Сообщено К. П. Побѣдоносцевымъ).

Донской есаулъ Евлампій Никифоровъ Котельниковъ былъ основатель секты *Духоносцевъ*. Вызванный въ Петербургъ, послѣ бесѣдъ съ Аракчеевымъ и Фотіемъ онъ отрекся отъ своего лжеученія и въ 1824 году былъ отпущенъ обратно на Донъ. Аракчеевъ передавалъ Донскому атаману волю Государя, чтобы Котельникову не было „оказываемо посмѣянія или какого либо притѣсненія“. Въ слѣдующемъ году захотѣлось ему, видно, опять войти въ сношенія съ сильными міра сего. Кончилъ онъ жизнь въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1854 году. (См. Р. Старина 1871, IV, 95). Письмо его къ Филарету не отыскано. Очень вѣроятно, что онъ представлялся самому императору Александру Павловичу и бесѣдовалъ съ нимъ о своемъ вѣроученіи. Содержаніе книги его (рукописной): „Начатки съ Богомъ остраго серпа въ золотомъ вѣнцѣ“, намъ неизвѣстно. Припомнимъ, что переписка шла передъ самою кончиною Государя. П. Б.

---

*) Тогдашній Московскій почтдиректоръ. П. Б.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга вторая. Николая Барсукова. Спб. 1889, 8-ка, VIII и 420 стр.

Когда появился первый томъ почтеннаго труда г. Н. Барсукова, мы имѣли случай обратить на него вниманіе публики, какъ на книгу, заслуживающую полнаго признанія со стороны всякаго интересующагося судьбами Русскаго просвѣщенія не слишкомъ отдаленнаго отъ насъ времени. Нынѣ неутомимый біографъ подарилъ насъ вторымъ томомъ жизнеописанія своего героя, томомъ, по содержанію и значенію въ историко-культурномъ отношеніи представляющимъ большой интересъ. Въ первомъ томѣ мы ознакомились съ тѣмъ, какъ формировалась высоко-любопытная личность М. П. Погодина; теперь мы слѣдимъ за первыми его шагами въ литературѣ и жизни. Въ первомъ отзывѣ мы имѣли случай указать на пріемы, которыхъ держится біографъ Погодина, на его матеріалы, на то, какъ онъ ими пользуется. Не повторяя этого здѣсь, заявляемъ, что книга г. Барсукова по достоинству оцѣнена компетентною критикой: укажемъ на отзывъ профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, помѣщенный въ Апрѣльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ которомъ рецензентъ вполнѣ оцѣнилъ значеніе данныхъ, сообщаемыхъ г. Барсуковымъ.

Не можемъ однако не остановиться на одной особенности его труда, повлекшей за собою неодобреніе критики, и, какъ кажется, не совсѣмъ справедливо. Рецензенты труда г. Барсукова ставятъ ему въ вину многочисленныя отступленія, не имѣющія въ ихъ глазахъ отношенія къ личности Погодина и потому представляющіяся имъ мало идущими къ дѣлу: таковы напр. подробности о слѣдованіи тѣла императора Александра Благословеннаго черезъ Москву и отрывки изъ сказаннаго по этому поводу слова митрополита Филарета, подробности объ юбилеѣ Лодера и засѣданіи Академіи Наукъ по поводу ея столѣтняго юбилея и т. под.

Мы не рѣшимся назвать такія отступленія излишними: дѣло біографа не состоитъ лишь въ томъ, чтобы очертить личность своего героя внѣ той среды, въ которой онъ жилъ и вращался и продуктомъ которой такъ или иначе онъ былъ. Поэтому, чѣмъ обстоятельнѣе будетъ очерчена и освѣщена эта среда, тѣмъ будетъ лучше для уразумѣнія личности героя. Кажется излишнимъ приведеніе отрывковъ изъ знаменитаго слова митр. Филарета надъ прахомъ Александра I-го; но не должно упускать изъ вида того, что слово это было голосомъ всего патріотически-настроеннаго въ то время, что оно нашло себѣ откликъ во множествѣ другихъ выраженій скорби по тяжелой потерѣ, что, естественно

предположить, выражаетъ и настроеніе самого Погодина. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, такая выдержка, вмѣсто того, чтобы показаться излишнею, представляется весьма умѣстною. Развѣ не важно, далѣе, прочесть подробности объ юбилеѣ Лодера, въ которомъ Погодинъ принималъ непосредственное участіе и по поводу его высказалъ много прекрасныхъ мыслей? Подобныя кажущіяся излишества представляются намъ канвою, по которой біографъ долженъ ткать узоры своего изложенія и безъ которой герой его, будучи оторванъ отъ мѣста и времени, легко можетъ представиться въ ложномъ свѣтѣ.

Далѣе, укоряютъ г. Барсукова въ томъ, что онъ не въ мѣру широко пользуется дневниками Погодина; кажется, что укоръ этотъ основанъ на недоразумѣніи. Дѣло въ томъ, что задача біографа представить личность своего героя, а не его оффиціальное положеніе, извѣстное изъ формулярнаго списка. Гдѣ же эта личность можетъ обрисоваться наиболѣе вѣрно какъ не въ дневникѣ, въ который заносится, безъ притворства и прикровенія, все видѣнное, слышанное, передуманное, перечувствованное? Вмѣсто того, чтобы укорять г. Барсукова, слѣдуетъ поблагодарить его за эти выписки и пожелать, чтобы и въ послѣдующихъ томахъ своего труда онъ пользовался дневникомъ Погодина такъ же широко, какъ и въ появившихся. Бояться, что вслѣдствіе этого біографія приметъ большіе размѣры, смѣшно.

Переходя къ обозрѣнію содержанія втораго тома, замѣтимъ, что оно заинтересуетъ всякаго, кто полюбопытствуетъ ознакомиться съ подробностями литературной и ученой жизни нашего отечества въ тридцатыхъ годахъ. Личность Погодина была, если можно такъ выразиться, многообъемлюща, и онъ входилъ въ соприкосновеніе со многими. Этому значительно способствовало то обстоятельство, что къ излагаемымъ въ разсматриваемомъ томѣ годамъ относится дѣятельность Погодина по изданію Московскаго Вѣстника, поставившая его въ связь со множествомъ литераторовъ и ученыхъ, начиная съ Пушкина, князя Вяземскаго и др. Читая изложеніе г. Барсукова, мы знакомимся съ виднѣйшими представителями тогдашней интеллигенціи и часто выслушиваемъ ихъ любопытнѣйшія признанія, которыя они дѣлали въ дружеской перепискѣ.

Для исторіи того, что̀ современные Нѣмцы зовутъ культурою (Culturgeschichte), книга г. Барсукова содержитъ множество цѣннаго матеріала.

И. Помяловскій.

**

Обширный трудъ *Д. А. Ровинскаго*: „Подробный словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ“, плодъ многолѣтняго собиранія и неутомимыхъ розысканій, появился, наконецъ, въ печати въ четырехъ томахъ, со множествомъ превосходно исполненныхъ геліогравюръ. Нельзя не привѣтствовать эту, такъ сказать, *лицевую исторію* Русскаго общества XVIII и XIX-го столѣтій. Описанія гравюръ сопровождены біографическими свѣдѣніями, въ сообщеніи которыхъ, по мѣрѣ нашей возможности, сочли мы долгомъ участвовать въ виду важнаго историческаго значенія этаго дѣла. Къ сожалѣнію, при этомъ вкрались въ печать нѣкоторыя неточности, и буквы П. Б., обозначающія наше посильное сотрудничество, иной разъ попали не на свое мѣсто.

Петръ Бартеневъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОЙ КНИГИ
РУССКАГО АРХИВА 1889 ГОДА.
(Выпуски 5, 6, 7 и 8).

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1856-й годъ.

Ревель. 1-е Января. Съ чувствомъ глубокой признательности къ Промыслу Божію встрѣчаю этотъ годъ и съ готовностію покориться волѣ Его во всемъ, что̀ меня ожидаетъ. Чувство это еще усилено, когда я пробѣжалъ взглядомъ предшествующія строки, коими заключены замѣтки 1853-го года и послѣ которыхъ книга осталась бѣлою, по чувству негодованія, превышавшаго всякое выраженіе*). Судъ Божій сокрушилъ самихъ судей, почитавшихъ себя выше всякаго суда, и быстро, какъ ураганъ, съ корнемъ вырвалъ самые гордые дубы. Богъ съ ними!

3-го. Вчера сдѣлалъ нѣсколько визитовъ здѣшнимъ главнымъ лицамъ. Отпустилъ въ Москву братьевъ Никитиныхъ съ письмомъ къ А. П. Ермолову. Иностранныя суда продолжаютъ приходить въ гавань. Вчера оттепель.—Лидерсъ главнокомандующимъ вмѣсто князя Горчакова. Сухозанетъ—Южной арміи. Не-

---

*) Эти слова относятся къ извѣстному дѣлу Политковскаго, похитившаго деньги Комитета о раненыхъ, всѣ члены котораго, слѣд. и графъ П. Х. Граббе, были преданы военному суду и подвержены такъ называемому домашнему аресту, между тѣмъ какъ большинство ихъ, установившимся способомъ веденія дѣлъ, лишены были возможности слѣдить за плутнею Политковскаго (дѣлопроизводителя). Самъ комендантъ Петропавловской крѣпости, Мандерштернъ считался подъ арестомъ. Государь Николай Павловичъ занемогъ съ огорченія и воскликнулъ: «конечно Рылѣевъ и его сообщники со мною не сдѣлали бы этого». На вечерахъ и ужинахъ Политковскаго появлялись видныя лица высшаго общества. Какъ извѣстно, растрата была пополнена пожертвованіемъ богача Яковлева. Полнѣйшая неприкосновенность графа Граббе, конечно, не требовала доказательствъ; но онъ вытерпѣлъ муку позора. — Его дневникъ 1856 года начатъ въ оставленной тетради 1853-го. *П. Б.*

покойчицкой и князь Васильчиковъ у нихъ начальниками штаба. Коцебу начальникомъ 5-го корпуса. Все это быть можетъ лучше, но не довольно.

12-го Января. Разстроенъ тѣломъ и духомъ и въ раздражительномъ расположеніи. Слухи о мирѣ еще преждевременные, но сдѣланъ первой къ тому приступъ. Распускаю лучшихъ моихъ сослуживцевъ для ихъ пользы, себѣ быть можетъ во вредъ.

15-го. Le zèle inintelligent et qui obéit à la peur est plus à craindre que la sottise elle-même.

22-го. 20-го умеръ фельдмаршалъ Паскевичъ въ Варшавѣ. Для него начнется дѣйствительная исторія, а не та, которую писали подъ его диктовку.

Благородный старикъ, членъ Государственнаго Совѣта, баронъ Паленъ, навѣстилъ меня вчера, переѣхавъ на остатокъ зимы въ городъ.

31-го. Отъ 25-го, въ день бракосочетанія Великаго Князя Николая Николаевича съ принцессою Александрой Петровной Ольденбургской, получилъ благоволительный рескриптъ Государя Императора за время командованія моего въ Эстляндіи.

Навѣстилъ г. л. Крузенштернъ, военный губернаторъ Одесской, пріѣхавшій сюда въ отпускъ въ свое имѣніе.

6-го Февраля. Shéridan après le traité d'Amiens a dit: C'est une paix dont tout le monde est content et dont personne n'est fier.— On en dira autant de la paix à laquelle on travaille.

Безакъ назначенъ командиромъ 3-го корпуса. Баранцовъ на его мѣсто начальникомъ штаба фельдцейгмейстера. Графъ Орловъ съ Бруновымъ выѣхали въ Парижъ.

9-го. Вчерашній вечеръ провелъ съ семействомъ въ залѣ Шварцгеуптеровъ по случаю ежегоднаго праздника здѣшняго мѣщанства, Liedertafel. Человѣкъ сорокъ, наиболѣе ремесленнаго сословія, подъ дирекціей капельмейстера, пѣли пѣсни. Посѣтители размѣстились семействами вокругъ небольшихъ столовъ, украшенныхъ цвѣтами въ горшкахъ (гіацинты и тюльпаны), и на каждомъ графины съ оржадомъ и малиновымъ питьемъ, также конфекты, миндаль и изюмъ. Зала была полна. Между женщинами нѣсколько пріятныхъ лицъ, туалеты скромные и приличные. Для мущинъ въ особыхъ столовыхъ хорошій ужинъ и вина. Все вмѣстѣ чинно и привѣтливо. Мѣщанское сословіе здѣсь далеко опе-

редило наше Русское воспитаніемъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго возвратились домой. Великолѣпная зимняя свѣтлая ночь.

Прочелъ Записки адмирала Чичагова о событіяхъ 1812-го года, въ которыхъ онъ игралъ важную роль, особливо въ происшествіяхъ на Березинѣ. Съ удовольствіемъ удостовѣрился, что тогда же на мѣстѣ составилъ себѣ понятія сообразныя съ истиною, вопреки почти общему тогда мнѣнію въ обвиненіе Чичагова и въ пользу графа Витгенштейна и Кутузова. Онъ одинъ дѣйствовалъ рѣшительно и сообразно общему плану, по которому на Березинѣ предположено было уничтожить отступавшую Французскую армію.

12-го Февр. Le schah de Perse ayant demandé à son ambassadeur, de retour de Constantinople, ce qu'il a vu dans l'empire Ottoman: «Sire, répondit celui-ci, j'ai vu qu'on démolissait la province pour construire la capitale avec ses débris».

Мой адъютантъ Никитинъ возвратился изъ отпуска и привезъ превосходный акварельный портретъ А. П. Ермолова, снятый имъ въ Москвѣ. Эта работа ставитъ Никитина въ число первыхъ акварелистовъ у насъ. Къ сожалѣнію, А. П. проситъ меня убѣдительнымъ письмомъ подарить ему этотъ портретъ, какъ превосходящій всѣ прежніе, для его семейства, а довольствоваться фотографіей. Надобно уступить.

Не смотря на общее ожиданіе успѣха мирныхъ переговоровъ, мы готовимся къ новой кампаніи. Занимаемся стрѣльбой въ мишень съ береговыхъ батарей, пользуясь замерзшимъ рейдомъ. Ближайшая дистанція двѣ версты. Мы доходимъ до 1800-ти саженъ, и прицѣльно 320-ть орудій покроютъ рейдъ концентрическимъ огнемъ по очертанію берега и должны удержать непріятеля въ пяти верстахъ разстоянія отъ Ревеля.

Сію минуту получилъ изъ Петербурга письменное извѣстіе о перемиріи до конца Марта, но блокада остается. Въ Крымъ отправлены по этому предмету повелѣнія. Гр. Орловъ принятъ въ Парижѣ публикой съ энтузіазмомъ, Наполеономъ въ продолжительной аудіенціи съ привѣтливостію, но не связываясь никакими обѣщаніями. Распространившейся общей увѣренности въ мирѣ нѣтъ еще достаточнаго основанія.

Въ эти дни получены повелѣнія относящіяся до приготовительныхъ мѣръ, въ предвидѣніи заключенія мира, также коро-

націи. Навѣстилъ пріѣхавшій изъ Петербурга ген. адъют. К......ъ. Непостижимыя нелѣпости на счетъ важнѣйшихъ предметовъ, относящихся до правительственныхъ дѣйствій въ войнѣ и мирѣ. И это отголосокъ мнѣній людей, могущихъ имѣть нѣкоторый вѣсъ въ совѣтахъ!

4-го Марта. Вчера депутація Эстляндскаго дворянства: предводитель баронъ Унгернъ-Штернбергъ, графъ Кейзерлингъ, баронъ Паленъ и Лидерсъ прибыли ко мнѣ съ предложеніемъ вступить въ ихъ сословіе. Не было ни причины, ни возможности уклониться отъ этой чести. Съ ихъ стороны это выраженіе признательности, для меня пріятной, за успѣшныя старанія мои отклонить отъ края по возможности тягости военнаго положенія.

11-го Марта. Вчера вечеромъ навѣстилъ меня здѣшній помѣщикъ Толь, сослуживецъ Турецкой и Польской войны, вышедшій въ отставку послѣ двѣнадцати штыковыхъ и сабельныхъ ранъ, отличный офицеръ и благородный, умный человѣкъ. За чаемъ воспоминанія изъ тогдашней эпохи. Онъ былъ со мною въ числѣ охотниковъ при переправѣ чрезъ Дунай и взятіи Рахова.

Въ полдень былъ на стрѣльбѣ въ мишень съ батарей центра и лѣваго фланга на тысячу сажень.

15-го. Четвергъ. La plupart des hommes s'attachent plus fortement par un bienfait qu'ils espérent que par plusieurs qu'ils ont reçus.

Le 19 mars. A m—r Pérovsky.

Recevez mes sincères félicitations sur l'heureux évenement dont l'attente vous a tant causé de soucis et d'angoisses. Eh bien, la paix est faite, et la nouvelle m'en a été communiquée hier encore par le ministre de la guerre. J'ai commencé sans retard et même avant la seconde dépêche du prince Dolgoroukov à suspendre et a arrêter toutes les mesures de défense qui étaient en voie d'exécution. Je le faisais même avant dans la prévision imminente de la paix. J'espère avoir prévenu par là plusieurs dépenses, devenues désormais inutiles. Je toucherai maintenant la question délicate des mutations auxquelles chacun peut s'attendre dans le nouvel ordre des choses, dans lequel nous allons entrer. Je suis arrivé à penser qu'il vaudra peut-être mieux pour moi de rester ici, si telle est la volonté suprême. Je n'y mets, s'entend, ni trop d'ardeur, ni aucune répugnance. Mes relations sont agréables, et

je ne saurais vraiment pas, en embrassant d'un coup d'oeil l'ensemble de ma position, ce que je pourrais me permettre de désirer qui serait préférable à ma position actuelle, si toutefois on a daigné être content de moi. J'en subis dans ce moment l'épreuve. J'ai écrit, il y a quelque temps, au c-te Rudiger, que, tourmenté par une dette contractée pendant les plus mauvais jours de ma vie, je le prie d'intercéder pour un emprunt à retenir sur mon traitement.—Nos protegés, les enfants pauvres de Reval, ont eu hier une bonne journée, ou plutôt une bonne soirée. La lotterie et le bazar ont produit, je crois, quelque chose comme environ 2-m. rbls. N'ayant pas encore vu Schoultz ce matin, je ne saurai dire au juste. Jamais pareille aubaine n'a eu lieu pour cet établissement. Mais il y a là quelque chose à faire pour consolider et assurer son entretien pour la durée. Nous faisons venir le réglement d'un établissement pareil à Cronstadt, qu'on dit être bon.

5 (17) Апрѣля. Происшествія спѣшатъ быстро одно за другимъ. Миръ Европейской подписанъ. Ратификаціи не замедлятся. У насъ все готовится къ коронаціи Императора, по случаю которой соберется въ Москвѣ масса войскъ, въ прошедшей войнѣ не участвовавшихъ. На Западной и Южной границахъ вмѣсто четырехъ армій устроено двѣ подъ начальствомъ князя Горчакова и Лидерса.

20-го Апрѣля (2-го Мая). Военной министръ сообщилъ мнѣ указъ Сената отъ 12-го сего мѣсяца, что я всемилостив. уволенъ отъ исправленія должности военнаго губернатора и командующаго войсками въ Эстляндіи. 18-го приказомъ я сложилъ съ себя должность в. губ. на коменданта, а войскамъ предписалъ относиться прямо къ своимъ корпуснымъ начальникамъ. Штабъ мой уже пустѣетъ.

Съ прекращеніемъ содержанія по военному положенію опять наступили уничижительныя заботы о средствахъ существованія.

Tous mes rôles ici sont finis, et aucun autre jusqu'ici ne m'est adjugé. Et cela si cavalièrement, si rondement que je me trouve subito comme une épave, jettée sur la plage de Reval, dont personne ne voudrait. Personne et rien ne m'appelant ailleurs, je me proposai de rester ici pendant la durée de la saison des bains de mer, quand la visite annoncée de l'Empereur a ajouté une raison de convenance de plus à cette résolution. J'en suis à ruminer s'il n'est pas temps enfin pour moi de renoncer définitivement à cette lutte laborieuse contre l'inat-

tention et, mieux que cela, pour cacher le reste de mon existence dans une retraite bien modeste, sur les agréments de laquelle je ne me fais aucune illusion.

12-го Мая. Le rôle le plus honorable dans la conversation est de fournir aux autres l'occasion de parler. Et c'est là ce qu'on appelle conduire la danse.

2-го Іюня. Вчера переѣхалъ съ семействомъ въ Екатеринталь. Испытаніе хорошо перенесенное. Шкатулка со всѣми деньгами около часу пропадала при общей увѣренности, что украдена въ безпорядкѣ переѣзда. Никому изъ домашней прислуги не оказано, и даже не было, подозрѣнія, и не показано гнѣва за недосмотръ. Волынская музыка встрѣтила въ саду. Извѣстіе изъ Петербурга, будто бы назначаюсь посломъ въ Константинополь.

23-го. Ce qu'il y a de plus pur, de plus beau, de plus noble en ce monde

C'est chûte, abaissement, misère extérieure,
Acceptés pour garder la grandeur du dedans.

31-го. Съ 28-го на 29-е въ полночь пріѣхалъ Государь и остановился въ Екатеринентальскомъ дворцѣ. Константинъ Николаевичъ пришелъ на пароходѣ «Грозящемъ» нѣсколько часовъ прежде. Неудачи перваго пріема по неимѣнію общаго начальника. Даже чай я послалъ отъ себя Великому Князю, сливки Государю. Провизіи для стола не были приготовлены. Смотръ войскамъ, батареямъ и балъ загладили все, и Государь выѣхалъ, кажется, доволенъ, обвороживъ всѣхъ своимъ обращеніемъ. Ко мнѣ былъ особенно благосклоненъ. Вчера обѣдалъ съ княземъ Суворовымъ у губернатора на дачѣ. Завтра по позволенію Государя перейду во дворецъ.

La Providence, qui garde si bien ses secrets, n'avait pas encore dit le sien, et les Russes ne savaient pas qu'ils étaient à la veille de leur grandeur, et Napoleón savait encore moins qu'il était à la veille de sa chûte! Pourtant de ces secrets providentiels il en transpire toujours quelque chose pour le génie, quelquefois même pour la passion.

Pourtant, de la prévoyance du fait au fait lui-même il y a toujours une différence que les hommes sentent très vivement.

Lord Wellington, quoique peu fertile en combinaisons ingénieuses et hardies, était néamoins attentif aux occasions que la fortune lui présentait. Il ne les créait pas, mais il les saisissait, et en général

cela suffit: car celles que la fortune offre sont toujours les plus sûres, tandis qu'on ne les crée jamais soi-même qu'au prix de beaucoup de hasards et de périls.

Tacite le disait: les remèdes sont plus lents que les maux. Un règne qui répare a peu de mouvement et d'action.

C'est la vérité, souvent méconnue, que l'immortalité d'une famille sur le trône est une sauvegarde pour les droits du peuple, et que tout conquérant est oppresseur.

Rien n'est plus uniforme que l'ignorance, et la barbarie n'admet pas de degrès.

4-го Августа. С.-Петербургъ. Il n'y a en politique point de plus grande faute, et en morale politique point de tort plus grave, que d'exalter sans mesure les espérances déjà si promptes des peuples, et d'ouvrir devant leur imagination, comme leur prochaines conquêtes, des perspectives dont ils n'atteindront peut-être jamais le terme et dans lesquelles, en tout cas, ils ne marcheront qu'à pas lents.

On n'abolit pas en un jour des siècles d'iniquités et de tyrannie; on ne régénère pas un peuple par quelques lois.

*

14-го Сентября. Петербургъ. Вчера возвратился изъ Москвы, послѣ мѣсяца пребыванія въ Москвѣ на коронаціи. Моя поѣздка была нужна для старшихъ сыновей, съ которыми тамъ увидѣлся. Она дорого стоила, и еще предстоятъ важныя, не по силамъ, издержки. Я получилъ первой степени Владимира, и Ольга сдѣлана фрейлиною къ императрицамъ. Ничто меня не порадовало. Почему, будетъ вѣроятно высказано въ другомъ мѣстѣ. Въ вознагражденіе почти каждый день видѣлся съ А. П. Ермоловымъ. Познакомился съ Хомяковымъ, разнообразно замѣчательнымъ; съ Аксаковымъ сыномъ, съ Тютчевымъ дипломатомъ; часто съ Тотлебеномъ, съ княземъ Горчаковымъ, министромъ. Но общее впечатлѣніе было для меня такъ грустно, такъ раздражительно физически и нравственно, что, не дожидаясь конца пребыванія двора и продолженія празднествъ, я отпросился у Государя возвратиться въ Петербургъ и даже отказался отъ принятаго намѣренія съѣздить въ Тулу къ Мосоловымъ, не смотря на рожденіе внучки, сдѣлавшей меня дѣдомъ. На желѣзной дорогѣ хорошо познакомился съ генер. Кангеромъ и время провелъ въ занимательномъ разговорѣ, сократившимъ пріятно скучные и шумные

часы ѣзды. И вотъ я дома, въ кабинетѣ, съ моими книгами. Мой Владимиръ явился ко мнѣ уже пажемъ, бодрой, здоровой. Успокоится духъ, и чувство благодарности вознесется молитвой къ Творцу, надъ всѣми ощущеніями, затемнившими въ эти дни мою душу.

18-го Сентября. Вчера съ сыномъ Михаиломъ верхомъ въ Екатерингофъ. Обѣдалъ у к. В. В. Долгорукова. Струговщиковъ прочелъ отрывокъ изъ его перевода Гёте Фауста, которой въ печати. Окончилъ четырнадцатой томъ Тіера Consulat et l'Empire. Кампанія 1812-го года. Есть промахи въ фактахъ, которыхъ легко было избѣжать. Вѣсы справедливости не тверды въ его рукахъ. Въ сужденіяхъ часто бываютъ противорѣчія. Униженіе нашей арміи почти вездѣ падаетъ, наконецъ, на самого противника, побѣжденнаго и уничтоженнаго ею.

Un souverain ne doit être à l'armée que lorsqu'il est général; quand il ne l'est pas, il doit s'éloigner et laisser en liberté un général responsable, au lieu de se mettre à côté de lui pour le contrarier et assumer toute la responsabilité sur sa tête.

De même que l'extrême oppression provoque la révolte, l'esprit supérieur qui abuse de sa supériorité provoque quelquefois de justes reparties, auxquelles, pour sa punition, il ne trouve pas de répliques.

Ainsi Napoléon, quoique doué au plus haut point de l'art de séduire, quand il se donnait la peine de l'employer, il ne pouvait plus sans danger être mis en présence des hommes avec lesquels il avait à traiter: tant l'irascibilité de la toute-puissance était devenue chez lui violente et difficile à contenir.

Les progrès de cette humeur despotique, fantasque et intempérante, qui ne tient pas plus compte des caractères que des éléments, qui traite les hommes, la nature, la fortune comme des sujets trop heureux de lui obéir, bien impertinents de ne pas le faire toujours, humeur fatale et puérile tout à la fois, prenant même chez les hommes du plus grand génie quelque chose de l'enfant, qui désire tout ce qu'il voit, veut tout ce qu'il désire, le veut sur le champ, sans admettre un délai ni un obstacle, et crie, commande, s'emporte ou pleure, quand il ne l'obtient pas. C'est là bien plus que la déchéance de l'esprit, c'est celle du caractère, gâté par le despotisme, et c'est la vraie cause qu'on verra dominer d'une manière désastreuse dans les événements.

19-го Сентября. Il est rare que les hommes conservent leur raison en présence d'une idée dominante.

Le déchaînement contre Barclay de Tolly était universel. Les généraux comme les hommes politiques ont besoin de courage civil, et doivent savoir dédaigner les vains propos de la soldatesque, qui a aussi souvent perdu les armées que la multitude a perdu les états libres quand on l'a écoutée.

Chose cruelle à dire, nombre effrayant à prononcer, quatre vingt dix mille hommes environ, c'est à dire la population entière d'une grande cité, étaint étendus sur la terre, morts ou blessés.

Ce que les hommes empruntent avec le plus de facilité à ceux qui les ont dévancés dans l'art de vivre, c'est l'art de jouir.

Rostopchin, en brûlant Moscou, ne nous avait privés de rien: car il restait dans cette vaste capitale assez de toits pour nous abriter, assez de vivres pour nous nourrir; il avait neanmoins creusé un abime entre les deux nations, réveillé contre nous toute la violence des haines nationales, rendu les négociations impossibles et ranimé toute l'energie de l'armée russe, que l'impuissance apparente de ses efforts commençait à décourager.

La prudence de Koutousoff, fort louable sans doute, quand on considère l'ensemble de la campagne, ne fut pendant ces journées (celles de Krassnoé), qui auraient pu être décisives, que celle d'un vieillard timide, hésitant sans cesse, et à la fin se glorifiant de résultats qui étaient l'oeuvre de la fortune bien plus que la sienne.

*

27-го Сентября. Какая разнообразная жизнь въ послѣдніе четыре года и болѣе! Въ 1854-мъ, въ дни опасности, безъ готовности встрѣтить ее предусмотрительностію, императоръ Николай, призвавъ меня въкабинетъ, тотъ самый, въ которомъ онъ скончался, ввѣрилъ мнѣ защиту Кронштадта, забывъ, я надѣюсь, и въ увѣренности, что и я забылъ, нанесенное мнѣ глубокое оскорбленіе, столько шуму надѣлавшее, по дѣлу Политковскаго. Годъ прошелъ дѣятельно и счастливо. Непріятель не угадалъ своихъ выгодъ. Зимой, въ концѣ Декабря, императоръ снова принялъ мемя въ томъ же кабинетѣ и поручилъ на слѣдующій годъ защиту Ревеля съ званіемъ военнаго губернатора и командующаго войсками. Пріятный годъ по разнообразію и нерѣдко по возвышенности ощущеній, раздѣленныхъ моимъ военнымъ семействомъ и собственнымъ. Въ концѣ Генваря этого же 1855-го года я еще разъ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ моими проэктами по ввѣренному мнѣ дѣлу, и опять въ

томъ же кабинетѣ убѣдилъ Государя утвердить мои предположенія, тогда уже въ послѣдній разъ простился, обласканный имъ. Черезъ три недѣли его не стало. И теперь не устроились еще въ душѣ моей разнородныя, глубокія впечатлѣнія, его кончиной возбужденныя, не всѣ невыгодныя. Два лѣта проведенныя въ Екатериенталѣ останутся и для меня и для семейства незабвенны. Надѣюсь, что и не для насъ однихъ. Мы занимали, съ дозволенія Государя, его прекрасный дворецъ, въ 1854-мъ весь, въ слѣдующемъ пополамъ съ семействомъ Олсуфьевыхъ. Дѣйствіе ли чрезвычайныхъ обстоятельствъ, красота ли мѣстъ, открытаго моря, новыхъ лицъ и характеровъ въ ободренной и полезной дѣятельности, но все около меня дышало довѣренностію, усердіемъ, откровенностію. Будто лучшія стороны души внезапно раскрылись во всѣхъ, вступавшихъ какъ бы въ очарованной кругъ. Женщины поддавались и еще усиливали это общее настроеніе. Нѣсколько было прекрасныхъ. Теперь все разсѣялось, души сжались; но вспоминаю съ чувствомъ благодарности объ этихъ рѣдкихъ въ жизни, счастливыхъ дняхъ.

Dans le silence de la nuit, agenouille-toi devant Dieu et dis-lui: que Ta volonté sois faite! Mais ne t'agenouille pas devant l'homme. Si les impénétrables décrets de la Providence t'infligent de rudes épreuves, tourne-toi vers elle: c'est un secret entre elle et toi, et quand même ton coeur serait brisé, que ta lèvre n'en laisse pas échapper un mot! Laisse ton coeur se briser, laisse le éclater dans ta poitrine; sois calme et silencieux devant les hommes.

Прочелъ двѣ статьи о желѣзныхъ дорогахъ А. И. Кошелева. Кромѣ умнаго и полезнаго содержанія этихъ статей, должно встрѣтить съ радостнымъ привѣтомъ это явленіе откровеннаго разсужденія о предметахъ государственной пользы, такъ недавно еще бывшаго невозможнымъ.

30-го Окт. Somme toute, notre siècle est un siècle laid, dans lequel il est difficile de vivre, mais intéressant à observer.

11-го Ноября. Incontestablement nulle langue n'a besoin de plus de clarté que la langue militaire, à cause des conséquences funestes que peut avoir un mot mal interprété. Ce serait donc un travail d'une haute utilité que la révision de notre nomenclature, afin d'en bannir les termes à double usage.

Изъ письма къ А. П. Ермолову 27 Ноября 1856.

Никитинъ вышелъ на большую дорогу: пишетъ портретъ Государя и получилъ уже отправленіе на казенный счетъ за границу, оставивъ военную службу, чтобы слѣдовать своему призванію. Это счастливое для него начало художнической жизни. Въ эти дни встрѣчаю много знаменитостей, между прочими Муравьева-Карсскаго. Дѣльно не случается ни съ кѣмъ говорить. Здѣсь какъ-то некогда, все разговоръ встрѣчный, пустой. Всѣ какъ будто куда-то спѣшатъ. А между тѣмъ глаголъ временъ, металла звонъ настигаетъ то того, то другого. Живу наиболѣе въ своей семьѣ, тихо, почти счастливо, не имѣя по обыкновенію никакихъ по службѣ обязанностей, и съ признательностію видя къ себѣ благосклонность Государя, усиливаюсь объяснять это странное положеніе въ свою пользу. Вчера въ театрѣ неожиданно встрѣтился съ Позеномъ.—Праздникъ Георгіевскихъ кавалеровъ вчера отпразднованъ молебномъ и обѣдомъ великолѣпно. Привѣтливость Государя трогательна. Я здоровъ, ѣзжу верхомъ, много хожу, мало занимаюсь, но живо сохраняю чувство глубокой признательности и преданности къ моему отцу начальнику и благодѣтелю.

8-го Дек. На дворѣ идетъ густыми, крупными хлопьями, безъ вѣтра, тихой снѣгъ, тотъ снѣгъ, которому Гомеръ уподобилъ въ Иліадѣ краснорѣчіе Улисса, покрывавшее своими неистощимыми доводами всѣ возраженія своихъ противниковъ. Долго смотрѣлъ я на это нерѣдкое здѣсь явленіе суровой природы; мысли смѣнялись мыслями и наконецъ остановились на тоскѣ, овладѣвшей мною съ нѣкотораго времени, безъ причины особенно важной, тоскѣ, удалившей меня отъ общества, отъ близкихъ и хорошихъ знакомыхъ, и даже нѣсколько охладившей семейныя мои ощущенія. Не слѣдствіе ли это безконечныхъ, новыхъ впечатлѣній наступившаго періода въ положеніи Россіи, новыхъ лицъ, вышедшихъ на сцену, иногда вовсе неожиданныхъ, по прежнимъ объ нихъ понятіямъ, даже казалось невозможныхъ? Не просто ли неодолимое дѣйствіе лѣтъ уже преклонныхъ, усталость послѣ трудной борьбы цѣлаго полустолѣтія на поприщѣ жизни дѣятельной, невсегда судьбою ласкаемой? Или наступили дни послѣдняго съ нею расчета, неотклонимаго, неотложнаго, которые этою грустью о себѣ напоминаютъ? Готовъ, готовъ! Не въ томъ дѣло, а надобно возвратить ясность духа, до конца живое пріязненное чувство къ

людямъ, чувство признательности къ Божьему Провидѣнію за многое высокое, прекрасное, озлатившее мой путь въ жизни, а не уступать безсознательно наитію безпричинной грусти. Это задача!

9-го Дек. Вчера нѣсколько занимательныхъ разговоровъ съ посѣтителями: Силиверстовъ, Висковатовъ, Логиновъ; Никитинъ счастливый удачею портрета Государя, его обласкавшаго. Прочелъ Ампера статью Histoire de Rome à Rome, превосходно и сообразно съ моими понятіями и впечатлѣніями о предметѣ. Писемскаго крестьянскія сцены, вѣрно и хорошо. На дняхъ навѣстилъ извѣстный Позенъ, недавно пріѣхавшій изъ Малороссіи. Въ разговорѣ замѣчательно уменъ и въ настоящихъ обстоятельствахъ могъ бы быть употребленъ съ большою пользою, но много встрѣтитъ препятствій, изъ коихъ важнѣйшее—слишкомъ замѣтное превосходство ума.

22-го Декабря 1856. La pensée réformatrice n'est point la pensée révolutionnaire; l'une au contraire est le correctif de l'autre, et c'est par l'amendement successif des lois et des moeurs que les peuples évitent ces crises redoutables, où tout peut périr à la fois, où l'on sacrifie ce qu'on possédait sans gagner toujours ce qu'on désire.

Le beau est difficile, disait Socrate.

Rien ne mortifie plus une âme fière que de se trouver incapable du bien.

Qu'il nous reste la foi, même sans l'espérance!

Une infléxibilité éclairée: la première qualité d'un grand ministre.

Ni les folies, ni les iniquités, ni les bassesses ne méritent d'occuper nos souvenirs qu'à titre d'obstacles au triomphe du vrai et du juste. C'est dans la méditation comparée du bien et de ses limites, des idées et des réalités, des principes et des affaires, que se forme et se fortifie cette foi de la raison, la consolation de la vieillesse et de la solitude.

Ce qui a échoué, ce n'est pas notre pensée: c'est nous.

C'est l'ordinaire effet du despotisme habile que de frayer la route au despotisme qui ne l'est pas.

L'enthousiasme d'une génération naissante pour des vérités toutes nouvelles guide moins sûrement que la foi de tout un peuple dans les exemples et les lois qu'il tient de ses aïeux.

Le temps est un grand consecrateur; l'histoire et la tradition exercent sur les esprits un légitime empire.

Horace Walpole dit que Shakspeare n'est pas un auteur, mais tous les auteurs. Qui sait si la société anglaise n'est pas toutes les sociétes à la fois?

Si la gaieté se montre, c'est la vivacité d'esprit qui la donne; ce n'est pas le bonheur.

On n'a pas du malheur impunement, et le mécontentement de soi-même, eût-il la vanité pour palliatif, est, pour les sociétés comme pour les individus, une des plus tristes maladies de l'âme.

La politique, c'est le monde, c'est le siècle; et la religion, c'est le mépris du monde et du siècle. L'alliance est possible pourtant, et dans quelques âmes d'élite la piété a fortifié et rehaussé la vertu publique.

Quelle folie que la persécution religieuse, ce moyen assuré pour un gouvernement de rendre les gens mauvais citoyens par principe de consience.

C'est à relever la cause de la modération que doivent se consacrer tous les nobles efforts. Il y a une impartialité supérieure aux réactions contradictoires, aux entraînements alternatifs, une fermeté d'esprit qui ne sacrifie rien de ce qui est bon et vrai à ce qui est utile ou agréable, ni la dignité à la richesse, ni la liberté au repos, ni l'ordre à la passion, ni la justice à la vengeance. C'est là cette modération, signe de force et d'intelligence véritable. Elle est aussi rare que l'indépendance personnelle.

Le problème de la politique n'est pas de supprimer le mal ou de transformer le monde, mais de faire prévaloir le bien dans le monde, tel qu'il est.

*

23-го Декабря. Всю ночь шумѣлъ вѣтеръ на дворѣ. Теперь, по утру вьюга, одна изъ тѣхъ вьюгъ, въ которую вспомнишь и молишься за странствующихъ, застиженныхъ въ дорогѣ; а кто на нее смотритъ изъ окна, передъ горящимъ каминомъ, подъ теплой крышей, тотъ благодаритъ Бога за укрытое и покойно спящее свое семейство.

C'est qu'en matière de gouvernement il n'est pas une erreur qui n'aboutisse à une expiation d'autaut plus rude qu'elle a été plus ajournée. Un malheur très ordinaire aux hommes d'état, c'est de ne pouvoir réparer leurs fautes, lors même qu'ils en ont l'entière bonne volonté.

L'esprit de dissipation avait été engendré par l'esprit de servilité, comme l'impiété le fut par l'hypocrisie.

Le programme de la cour se modifie bien moins que la politique du règne. C'est toujours la même activité dans le même cercle, la même stérilité dans un labeur incessant, la même dépense de forces pour ne rien embrasser et ne rien connaître au-delà du monde artificiel qu'on s'est fait et dans lequel on se claquemure.

1857-й годъ.

15-го Января. Давно и до новаго года не принимался за перо. Встрѣтилъ новый годъ въ кругу семейства, кромѣ замужней дочери Софіи Мосоловой. Много прочтено въ это время. 1-й томъ записокъ Мармона пріятно меня занялъ. Многое согласно съ тѣмъ, что̀ высказалъ и. чему слѣдовалъ въ моей военной жизни. Движеніе Русскаго ума и рѣчи выразилось выгодно въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Русская Бесѣда въ особенности доставила мнѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ. Хомяковъ, Аксаковъ, Григоровичъ, князь Черкасскій, Кошелевъ, Бѣляевъ и другіе, счастливо и полезно разрабатываютъ почву народнаго быта, характера и ума. Языкъ, благодаря имъ, обогащается новыми, удачными оборотами рѣчи; высказаны смѣлыя истины, созрѣвшія въ продолженіе двадцатипяти-лѣтняго гнёта, подавлявшаго всякое стремленіе ума и достоинства. Спасибо имъ!

Слишкомъ еще свѣжо и ново, что̀ вводится въ законодательномъ, гражданскомъ и военномъ отношеніи, чтобы произнести рѣшительное мнѣніе. Благія намѣренія очевидны; въ исполненіи можно замѣтить промахи, иногда важные, вредно дѣйствующіе на сильно возбужденное общее мнѣніе, и ожиданія, быть можетъ, преувеличенныя и несбыточныя.

17-го Янв. Вчера былъ на раутѣ у министра иностранныхъ дѣлъ кн. Горчакова. Знакомство съ гр-ней Борхъ, принимавшей гостей. Сблизился съ г-мъ Хрулевымъ, сдѣлавшимъ себѣ имя въ Крымской войнѣ. Французскій посолъ гр. Морни съ молодой женой, рожденной княжной Трубецкой. На-дняхъ неловкость при объявленіи на Сенатской площади новыхъ правилъ при переходѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ государственные. Опять система безгласности о внутреннихъ происшествіяхъ. Старое на новый ладъ. Наши газеты полнятся статьями объ урожаѣ и пр.

Въ разговорѣ въ присутствіи Государя и Императрицы, мнѣ переданномъ на-дняхъ участвовавшимъ въ немъ пріязненнымъ мнѣ человѣкомъ, нѣсколько похвальныхъ обо мнѣ отзывовъ и сожалѣніе о бездѣйствіи, въ которомъ я остаюсь, объяснены словомъ Государя, что я лѣнивъ. Легко можно было найти что-нибудь посправедливѣе. Болѣе полувѣка службы на разныхъ поприщахъ

могли, въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ, довести до заключенія противуположнаго. Лѣнивъ я дѣйствительно на визиты и придворныя обязанности приличія условнаго. Исправляться уже некогда. Оправдать должна прошедшая жизнь, да и остальное время слишкомъ дорого и не туда направляетъ вниманіе, а повыше.

Les changements doivent venir d'en haut et non d'en bas; le pouvoir doit se modifier sans laisser de lacune dans son exercice.

J'aime à remplir. mes devoirs, et, quand je n'en ai plus, j'aime à m'en imposer.

La confiance est le premier élément des succès, parce qu'elle est le complément de la discipline et de l'instruction. En effet, l'organisation, la discipline et l'instruction ont pour objet de faire d'une réunion d'hommes un seul individu. Or, les parties qui la composent ne sont pas compactes si la confiance ne vient pas donner une sorte d'énrgie à ce que l'instruction et la discipline ont déjà produit.

Je vois d'ici de corrects officiers de cavalerie blâmer une charge aussi abandonnée (Калафатъ 1828-го года); mais ils ont tort. Il y a des circonstances où, avec le risque de perdre un petit nombre d'hommes, on a la chance de faire un mal irréparable à l'ennemi. La guerre est un jeu de coeur humain: quand l'ennemi est rempli de terreur, il faut en profiter. Quelques centaines d'hommes de plus ou de moins dans une armée ne sont rien, et, dans le moment donné, dix hommes font tout fuir. Autant les grands mouvements doivent être méthodiques et soutenus, autant de petits corps, et particulièrement de la cavalerie, peuvent être abandonnés et lancés en enfants perdus. Il faut que la cavalerie charge toujours vigoureusement; car à force de méthode et de prudence elle ne sert plus à rien, et n'obtient aucun résultat. Sans doute, il faut que la cavalerie se conserve, que ses masses ne se compromettent pas légèrement; mais une fois dans l'action, tous ses mouvements doivent étre rapides et décidés.

25-го Января. Вчера отправилъ записку военному министру, чтобы точнѣе ощупать свое положеніе при новомъ дворѣ. Сегодня написалъ управляющему имѣніями въ Малороссіи приготовить къ веснѣ все необходимое въ домѣ, на случай пріѣзда съ семействомъ. Кромѣ обѣда у Кочубеевъ, гдѣ собрались всѣ три брата, князь Левъ и Петръ, всего пять Кочубеевъ, я не выѣзжалъ сегодня изъ дому. Хочу сказать этимъ, что не дѣлалъ обычной своей прогулки, пѣшкомъ или верхомъ почти во всякую, чуть

сносную погоду. Утро мое прошло занимательно съ посѣтителями, Писаревскимъ, Михаиломъ Маркевичемъ и к-мъ Владимиромъ Долгоруковымъ. Послѣдній и первой только что возвратились изъ за границы и имѣли многое разсказать, особливо первой.

28-го Января. Въ Субботу былъ съ дочерьми на балѣ у сенатора А. М. Безобразова. Блестящій праздникъ. Вчера разводъ съ церемоніей въ манежѣ. Московскій полкъ. Государь не въ духѣ: рѣшено было предварительно быть недовольнымъ, по неудовольствію на полковаго командира. Какъ водится, при такомъ расположеніи досталось и другимъ. Дѣти учебныхъ заведеній во время пріема и ѣзды конныхъ ордипарцевъ изъ любопытства вышли изъ рядовъ, какъ и прежде бывало. Государь подозвалъ Ростовцова и сдѣлалъ ему замѣчаніе, какъ всегда тихо и кротко. Этотъ наговорилъ грубостей, всѣхъ офицеровъ приказалъ арестовать, а дѣтей не отпускать домой! Такъ не возвратился и мой Александръ. О эти неловкіе и рабскіе исполнители!

Рѣдкій случай. По утру навѣстилъ меня г-нъ Баранцовъ, начальникъ штаба фельдцейхмейстера. На дняхъ, во время опыта мортиръ дальнаго бросанія на 2700 сажень, не смотря на предосторожности, принимаемыя въ этихъ случаяхъ, одинъ артиллеристъ пробрался незамѣченный, какъ полагаютъ для собиранія ядеръ, и на этомъ разстояніи брошенная бомба попала ему въ голову! Прицѣломъ этого и сотнями выстрѣловъ не удается сдѣлать. Новыя мѣры для поощренія селитрянаго производства. Безконтрактный пріемъ отъ помѣщиковъ селитры до 1861-го года. Хилійская сѣра. Открытіе сѣры въ Самарской губерніи.

Проэктъ Бельгійско-Французской компаніи на постройку въ Россіи желѣзныхъ дорогъ, на условіяхъ далеко выгоднѣйшихъ, чѣмъ принятыя и утвержденныя уже съ компаніей Перейры и комп. Представленный Чевкину, онъ оставленъ безъ отвѣта!

Заемъ изъ Госуд. Казначейства 9 т. руб. съ уплатой въ девять лѣтъ по тысячѣ. Наконецъ, надѣюсь уплатить окончательно несчастные долги покойной жены, отравлявшіе столько лѣтъ моей жизни, а какъ потомъ? Посмотримъ! Хотя бы удалиться въ деревню. Жаль будетъ дочерей, которыхъ съ собой возьму и сыновей, которыхъ здѣсь оставлю. Но какъ сладить съ требованіями здѣшней дорогой жизни и моего положенія въ обществѣ?

30-го Января. Вмѣсто одного, распложеніе мелкихъ деспотовъ-фаворитовъ. Подлая сцена на разводѣ. Площадная выходка Р. противъ дѣтей учебныхъ заведеній, и это въ присутствіи Государя! Гнусная лесть отъ нихъ же въ стихахъ и прозѣ, помѣщенная въ разныхъ газетахъ по поводу его юбилея. — Ancien régime et la révolution Токвилля.

2-го Февраля. Согласіе на заемъ въ неприличномъ, почти оскорбительномъ тонѣ. Болѣе и болѣе утверждаюсь въ намѣреніи все оставить. Я видимо не нравлюсь и какъ будто лишній въ новомъ порядкѣ вещей. Тутъ нѣтъ ничего особеннаго—это обыкновенный ходъ во всѣ времена человѣческихъ дѣлъ.

18-го былъ въ Петропавловскомъ Соборѣ на панихидѣ по покойномъ Государѣ. Потомъ навѣстилъ почтеннаго и благороднаго коменданта крѣпости г-ла Мандерштерна.

26-го. On a fait la paix faute de savoir faire la guerre. C'est le résumé de ces interminables discussions sur la triste issue de la dernière guerre.

Guizot définit le gouvernement actuel de l'Angleterre une démocratie servie par une aristocratie: définition parfaitement juste. Dans cette grande distribution du travail qui distingue la société anglaise, l'aristocratie est chargée du pouvoir, mais sous la surveillance et dans l'intérêt de la démocratie. La démocratie a autre chose à faire qu'à gouverner: elle se livre à l'agriculture, à l'industrie, au commerce, elle travaille et fait fortune; mais en se déchargeant des soucis du gouvernement sur ceux dont la fortune est faite et qui ont ce qui lui manque, l'indépendance et le loisir, elle ne les perd pas de vue et se tient en mesure de leur imposer ses volontés, quand elle juge à propos d'en avoir. Cette organisation unique au monde, qui approche beaucoup plus de la perfection qu'aucune autre combinaison connue, ne s'est pas formée tout d'un coup, par une constitution écrite sous la dictée d'une théorie: c'est le fruit de l'action insensible du temps.

28-го Февраля. Вчера навѣстилъ графа Кейзерлинга, губернскаго предводителя Эстляндіи, человѣка ученаго, благороднаго и умнаго. Разговоръ о вопросахъ, занимающихъ умы всѣхъ мыслящихъ людей въ Россіи въ настоящее время, удержалъ меня около часу времени съ нимъ. Даромъ слова онъ не владѣетъ, но мысли его здравы. Къ тому же онъ гнуситъ въ произношеніи.

2-го Марта. Полк. Викторъ Ермоловъ привезъ мнѣ письмо отъ своего отца Ал-я Петр. Съ удовольствіемъ увидѣлъ его опять утвердившійся щегольской почеркъ. Невольно сравниваешь, хотя сравненіе во многомъ неточно, почетъ, съ которымъ героическій старикъ Радецкій получилъ увольненіе отъ намѣстничества Ломбардіи. Впрочемъ и въ Австріи это довольно рѣдко. Онъ счастливѣе и особливо гораздо достойнѣе оканчиваетъ свое поприще, чѣмъ Паскевичъ. Ахиллъ Ден. Давыдовъ обѣдалъ у меня. Онъ сообщилъ мнѣ пріятное извѣстіе, что по слѣдствію о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ въ южной арміи, кн. Васильчиковымъ произведенному, г. Лидерсъ, котораго по всей Россіи молва огласила виновнымъ, оказывается правымъ. Виновные не тамъ и не тѣ, и потому все дѣло тихо окончится, по всей вѣроятности, безъ гласнаго оправданія Лидерса и безъ указанія на истинныхъ виновниковъ, кромѣ мелкихъ плутишекъ, которые за всѣхъ поплатятся.

Сію минуту вышелъ отъ меня гр. Генриковъ, завѣдывающій подъ начальствомъ г.-а. Мейендорфа казенными заводами. Я навелъ его на этотъ важный предметъ, подающій, какъ и всякой другой, поводъ къ разнымъ противорѣчащимъ сужденіямъ. Хрѣновской знаменитый заводъ подъ управленіемъ полковника Шишкова. 400 матокъ, числа жеребцовъ не помню. Рѣшительная мѣра при поступленіи завода изъ подъ вѣдомства графа Киселева въ настоящее. 260 лошадей были заражены венерическою болѣзнію и пристрѣлены. Заводъ доставляетъ превосходныхъ лошадей. Земскія конюшни, 60-тъ, кажется, на губернію. Кромѣ того еще четыре завода въ южной Россіи, Харьковской губ. въ селѣ графа Гендрикова. Приглашеніе навѣстить его тамъ. Это стоитъ того. Оно извѣстно отличнымъ устройствомъ.

Какая дрянь, великій Боже,
Подъ часъ бываетъ человѣкъ!

3-го Марта. Вчера цѣлый день провелъ дома, не совсѣмъ здоровый. Утромъ фельдъ-егерь привезъ мнѣ высочайшій рескриптъ по случаю пятидесятилѣтія моей службы съ офицерскаго чина, а мнѣ пятьдесятъ второй уже идетъ. Въ рескриптѣ сказано: съ 1807-го, а я въ 1805 и 1806 прослужилъ двѣ кампаніи тяжелыя и получилъ первую награду. Видно, трудно было справиться въ Инспекторскомъ Департаментѣ. Да и что за важность?

Je suis si frivole que j'aime le style, et si bête que j'aime la justice.

8-го Марта. Вчера былъ въ присутствіи Государя смотръ въ гимнастикѣ и фехтованіи гвардейскимъ ротамъ 1-й дивизіи. Встрѣтился съ кн. Михаиломъ Дмитріевичемъ Горчаковымъ, намѣстникомъ Царства Польскаго и бывшимъ главнокомандующимъ въ Крыму. Съ намѣреніемъ упомянулъ о его званіяхъ, которыя можно было забыть, видя ничтожество всего этого: только что вступилъ онъ въ атмосферу двора и въ присутствіе Государя, Горчакова едва было замѣтно, и ничего не было сдѣлано, чтобы обратить на него вниманіе. Онъ былъ въ толпѣ. Покойный имѣлъ это искусство. Я спросилъ Г. объ графѣ А. П. Толстомъ: инвалидъ, совершенно инвалидъ! Такъ мы одинъ за другимъ сходимъ со сцены, смертію или, что̀ еще хуже, оставаясь печальною развалиной. Разныя и въ разныхъ мѣстахъ происшествія въ слѣдствіе тронутаго вопроса о крестьянахъ, между прочимъ и раскольники. Графъ Бревернъ, командиръ кавалергардскаго полка, порадовалъ меня, сказавъ, что, на бывшемъ 6-го числа смотру, эскадронъ моего сына признанъ лучшимъ по верховой ѣздѣ. Въ немъ кипитъ желаніе отличиться, придетъ время, надѣюсь, и въ чемъ нибудь поважнѣе.

10-го. Зашелъ вчера Адмиралъ Өедоръ Петровичъ Литке провѣдать, и посидѣлъ съ часъ и болѣе. Важность предметовъ, занимающихъ теперь правительство и пробужденіе духа предпріимчивости частныхъ лицъ и обществъ даютъ пищу и занимательность бесѣдѣ. Скоро затѣмъ вошелъ и Павелъ Петровичъ Мельниковъ. 93 т. дворянъ имѣющихъ 25 и менѣе душъ крестьянъ, что̀ составитъ около 2-хъ м. крестьянъ, положеніе которыхъ должно быть незавидно. Рѣшенія еще не послѣдовало. Русская компанія, наиболѣе Подольскаго, Волынскаго и Кіевскаго края, для сооруженія желѣзной дороги изъ Кіева на Козельскъ, Нѣжинъ, Брянскъ, до соединенія съ Либавскою, еще на разсмотрѣніи.

Стихотворенія Некрасова. Это вопль отчаянія и злобы на все горькое и жалкое въ общественномъ бытѣ народа и его собственномъ. Дарованіе высокое.

11-го Марта. Вчера нѣсколько часовъ съ подполк. Писаревскимъ. Предложеніе принять участіе въ соглашеніи правитель-

ства на вызовъ новой и сильной компаніи—построить сколько ему угодно будетъ и по какимъ угодно направленіямъ желѣзныхъ дорогъ, своими капиталами (т. е. капит. компаніи), за извѣстный процентъ по $5^1/_2$ отъ правительства. Каждый отдѣлъ (section) оконченной постройкою дороги сдается въ полную собственность правительства, и очевидно способствуетъ уплатѣ процентовъ за употребленной капиталъ. Если проэктъ покажется заслуживающимъ вниманія, то, для объясненія всѣхъ подробностей, компанія готова прислать отъ себя довѣренныхъ агентовъ-капиталистовъ въ Петербургъ. Мнѣ предлагаютъ значительныя выгоды за посредничество. Не мое это дѣло. Оканчивая жизнь, проведенную безъ вниманія на матеріальные интересы, я не могу имѣть опытнаго и яснаго взгляда на ихъ сложные разсчеты, особливо въ дѣлѣ такого огромнаго объема. Какъ дѣло первостепенной важности для Россіи, въ различныхъ для развитія ея могущества отношеніяхъ, я прочелъ проэктъ, адресованный на высочайшее имя, со вниманіемъ. Принятію его долженъ много повредить заключенной уже съ Перейрой и к. контрактъ на 4 т. верстъ на условіяхъ, если не ошибаюсь, много невыгоднѣйшихъ и въ особенности готовящихъ правительству, почти на столѣтіе, большія затрудненія. Но эта компанія естественно имѣетъ уже готовыхъ покровителей и воспрепятствуетъ успѣху другой, особливо представляющей, какъ полагаю, очевидныя передъ первою выгоды для государства. Но все таки это не мое дѣло. Уѣду и зароюсь въ мой хуторъ.

12-го Марта. Locke était un excellent protestant: il suffit de lire la préface de son fameux livre pour voir qu'il croyait sincérement travailler à la plus grande gloire de l'Évangile, et pourtant il écrit le traité métaphysique d'où est sorti le 18-me siècle tout entier. La révolution francaise a debuté par faire appel à la liberté et s'est attaqué à la monarchie; son résultat le plus clair jusqu' à ce jour a été de transformer précisément ce principe monarchique et de donner à l'autorité plus de moyens d'actions qu'elle n'en eut jamais sous l'ancien régime. Тоже самое бываетъ и въ матеріальныхъ расчетахъ. Не всѣ ли ожидали, что первое послѣдствіе постройки желѣзныхъ дорогъ будетъ значительное пониженіе цѣнъ на жизненныя потребности, а покуда выходитъ скорѣе противное и у насъ, и въ чужихъ краяхъ, особливо во Франціи.

18-го. Сегодня, по случаю годовщины прошлогодняго заключенія мира, большой парадъ всѣмъ войскамъ въ Петербургѣ расположеннымъ, на которой я выѣхалъ. Прекрасная погода благопріятствовала этому. Войска въ отличномъ видѣ и проходили превосходно. Турецкій посолъ, съ которымъ я заговорилъ, отвѣчалъ по-русски, что не знаетъ Французскаго языка, а немногія Русскія слова ему знакомыя выговорилъ чисто.—Разговоръ съ гр. Остенъ-Сакеномъ. Мягко стелетъ и будто понимаетъ. Увидѣлся съ Катенинымъ, пріѣхавшимъ изъ Оренбурга. Императрица съ дѣтьми присутствовала на балконѣ дворца.—Вчера были у меня гр. Борисъ Перовской и за нимъ князь Суворовъ; въ занимательномъ съ нимъ разговорѣ пропустилъ разводъ съ церемоніей, куда намѣревался ѣхать, но не пожалѣлъ о томъ; услышалъ отъ него много занимательнаго и важнаго. Между прочимъ онъ одобряетъ мой отъѣздъ въ деревню.

Выходя изъ кабинета, чтобы сѣсть на лошадь и ѣхать на парадъ, встрѣтилъ въ гостиной П. П. Мельникова. Онъ обласканъ, наконецъ, Государемъ и получилъ 2-го Владимира. Пора дать ему приличное значеніе, а онъ ѣдетъ за границу!

21-го Марта. Вчера посидѣлъ г. Силиверстовъ, возвратившійся изъ Восточныхъ губерній, куда былъ посланъ съ весьма важными порученіями. Замѣтки его во всемъ согласны съ моими предположеніями о настоящемъ положеніи дѣлъ и умовъ въ губерніяхъ, на опытѣ жизни основанными.

Флигель-адъютантъ Барановъ принесъ мнѣ отысканной геральдикомъ Толемъ гербъ нашей фамиліи съ 1542-го года, отъ Нильса Граббе, штатгалтера въ Выборгѣ происходящей, за Шведское время. Теперешній нашъ гербъ мною на память (послѣ утраты всѣхъ моихъ вещей въ 1806-мъ г. въ дѣлѣ при Головинѣ) возобновленный, выходитъ ошибочной. Надобно объяснить это дѣло для моего потомства.

25-го Марта. Необходимо намъ вырваться отсюда, пока еще возможно, послѣдними средствами. Жизнь въ Петербургѣ невыносимо дорога, и ничто обязательное по службѣ не удерживаетъ. Странная перемѣна обращенія со мною Наслѣдника, ставшаго Государемъ. Это бываетъ и даже хорошо съ нахлѣбниками и шутами, а не съ людьми, посвятившими себя строгимъ обязанностямъ жизни и службы и оставившими на пути своемъ несомнѣнныя доказательства того и другаго.

26-го Марта. Вчера, по случаю праздника конно-гвардейскаго полка, церковный парадъ въ манежѣ. Въ 4 часа обѣдъ во дворцѣ въ концертной залѣ. Сидѣлъ между военнымъ министромъ и Кокошкинымъ. Содержаніе полиціи въ Парижѣ—семь милліоновъ франковъ.

Разрывъ дипломатическихъ сношеній между Австріей и Піемонтомъ. Выборы въ члены палаты въ Англіи. Умная осторожность въ Парижѣ.

27-го. Среда. Вчера съ дочерьми и Михаиломъ въ часъ были въ Академіи Художествъ на выставкѣ. Въ памяти остались батальныя картины *Коцебу*, особливо переходъ чрезъ Чортовъ мостъ. Въ 6-мъ на обѣдъ къ князю Василію Васильевичу Долгорукову по случаю дня его рожденія. Были только его родные. Сестра свѣтл. княгиня Салтыкова, братъ князь Николай съ женой и дочерью княжной Маней, зять князя, князь Владиміръ, князь Долгоруковъ Almagro и П. Мельниковъ. Поздно сѣли за столъ въ ожиданіи гр. Рибопьера и, наконецъ, рѣшились не ждать его. Almagro, между прочими, часто умными, почти всегда злыми разсказами, признался въ двухъ отвѣтахъ въ игрѣ въ secrétaire. Его спросили: qu'est-ce qu'il fait de la modestie?—Je n'en use jamais. Ce qu'il fait de la méchanceté?—J'en abuse.

31-го Марта. Разсказывали, что г-лъ-контролеръ Анненковъ, говоря обо мнѣ, назвалъ меня *une barre de fer*. Pauvre barre de fer, qui s'amollit et plie au moindre témoignage de bienveillance, même de la part d'un ennemi! Но если онъ подъ этимъ разумѣлъ твердость, непоколебимость въ несчастіяхъ и гоненіяхъ, то благодарю за то Создателя и прошу и молю подкрѣпить на остальное время жизни.

Забавное объявленіе полиціи, что долгое время по улицамъ города ѣздили *на лихихъ* (это выраженіе объявленія) тройкахъ грабители и нападали на прохожихъ, прибавляя, что молва преувеличивала разные случаи, какъ будто это дѣло обыкновенное. Я повѣрилъ только прочитавъ объявленіе.

Вчера былъ смотръ, на которой я не выѣхалъ.

1-е Апрѣля. Были два брата близнецы Фитингофы, корнеты конной гвардіи, такого сходства, что даже когда они вмѣстѣ, то различить ихъ трудно. Тенгоборской, членъ Государств. Совѣта, замѣчательный своими свѣдѣніями въ политической экономіи и

умомъ вообще, хорошій мой знакомый, послѣ двухъ дней болѣзни умеръ отъ операціи нароста на щекѣ.

3-го Апрѣля. Вчера разстался, послѣ трехлѣтней почти неразлучной жизни въ Кронштадтѣ, Ревелѣ и здѣсь, съ бывшимъ моимъ адъютантомъ Аркадіемъ Павл. Никитинымъ. Долго рыдалъ онъ на моей груди, и страшно подымалось и будто надрывалось въ груди его доброе его сердце. Онъ въ эти три года возвысился до замѣчательной извѣстности въ портретной живописи, написалъ два портрета Государя, портретъ Наслѣдника, кн. В. А. Долгорукова, Морни. Портреты А. П. Ермолова и мой обратили въ особенности на него вниманіе, за которые онъ признанъ Академіею художникомъ и отправленъ на счетъ правительства за границу для усовершенствованія. Нѣжная, воспріимчивая и благодарная натура! Мнѣ его будетъ недоставать въ кругу семейства.

Дѣльная статья главнаго доктора Французской арміи въ послѣднюю войну Боденя (Baudain) о гигіенѣ солдата въ разныхъ положеніяхъ, на бивакѣ, въ землянкѣ, въ палаткѣ, въ траншеяхъ, въ казармѣ, въ гошпиталѣ, примѣрами подкрѣпленная. Къ удовольствію нашелъ много моихъ, также на опытѣ основанныхъ, понятій.

Въ прогулкѣ встрѣтилъ Государя съ выраженіемъ блѣдности и заботы.

4-го Апрѣля. День проведенъ по весеннему. Погода была очень теплая. Въ часъ отправились пѣшкомъ въ Исакіевскій соборъ, я въ первой разъ. Первое впечатлѣніе, неизбѣжное, совершенно-противное стройности цѣлаго: это огромный, неуклюжій образъ Іисуса на стеклѣ, написанный въ Мюнхенѣ, противъ царскихъ дверей, преслѣдующій васъ всюду. Великолѣпнаго, прекраснаго до изящнаго много, но болѣе великолѣпнаго. Живопись Штейбена показалась мнѣ лучшею, за нимъ Неффа. Есть весьма посредственныя. Колонны малахитовыя и рѣдкихъ мраморовъ, кромѣ бѣлыхъ Карарскихъ и Сіенскихъ, всѣ Русскія, наиболѣе Олонецкихъ. Малахитъ Сибирской. Всѣ работы назначено окончить къ 15-му наступающаго Августа. Мой чичероне, помощникъ главнаго архитектора Монферрана, г-нъ Дершау, сказалъ мнѣ, что по сіе время постройка собора стоитъ 22 м. 300 т. рублей серебромъ. Повѣрить и дополнить первое впечатлѣніе новымъ посѣщеніемъ.

5-го. Вчера навѣстилъ А. Н. Попова. Разрядныя книги. Русскій языкъ до времень Петра Великаго гораздо ближе и сходнѣе съ настоящимъ. Искаженіе начато Петромъ, смѣсью иностранныхъ словъ и оборотовъ. Очищеніе и словосложеніе со временъ Екатерины Второй, даже ранѣе Ломоносовымъ, потомъ созвѣздіемъ поэтовъ, Державинымъ, Крыловымъ, Дмитріевымъ, Батюшковымъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ; официальной — Сперанскимъ; исторической и общеупотребительной—Карамзинымъ, Жуковскимъ, Грибоѣдовымъ, и въ разныхъ степеняхъ многими.

7 го Апрѣля. Свѣтлое Воскр. Съ Ольгой были у заутрени во дворцѣ. Поздравленіе и христосованіе съ Государемъ; общее впечатлѣніе. L'imposant a disparu. La multitude est devenue cohue. Статсъ-дамъ и фрейлинъ было очень мало. Къ счастію, десяти минутъ не ждали кареты и въ половинѣ втораго были уже дома. Въ продолженіе дня ѣздилъ верхомъ одинъ и съ удовольствіемъ на Марсовомъ полѣ уже сухомъ. Герцогъ Ольденбургской съ сыновьями также верхомъ.

8-го. Молва о назначеніи кн. Меншикова министромъ финансовъ. Катенинъ назначенъ вмѣсто Перовскаго генералъ-губернаторомъ въ Оренбургъ. Слухи о значительномъ уменьшеніи гвардіи и арміи. Безсрочные.

11 го Пріемъ, встрѣтившій в. к. Константина во Франціи. Статья Погодина въ Le Nord, умная и замѣчательная даже тѣмъ, что у насъ пропущена. Шульцъ обѣдалъ вчера. Разсказы о его пребываніи въ Парижѣ. Невыгодныя для нашего административнаго устройства впечатлѣнія при возвращеніи въ Россію. Дороги, почты, гостинницы, чиновники!! Старое не поддержано, новаго еще не видно.

12-го Апрѣля. Смѣшная и непонятная сплетня въ здѣшнемъ обществѣ о предстоящей будто бы женитьбѣ моей съ г-ей Делагарди, о существованіи которой я никогда не слышалъ. Кто распускаетъ подобныя нелѣпости, и въ это важное время?

13-го. Статья, хорошо написанная, Погодина основана на томъ предположеніи, что императоръ Николай вовсе не помышлялъ о войнѣ съ Турціей и потому взятъ былъ въ расплохъ, когда союзники явились на защиту ей. Всѣ выводы автора статьи сооружены на этомъ началѣ и потому рушатся и падаютъ сами собой въ глазахъ тѣхъ, которые знаютъ, что императоръ имѣлъ

точно замыслы на Константинополь, но полагалъ время и обстоятельства для приступа къ исполненію неблагопріятными, и если, когда дошло дѣйствительно до войны, оказался вовсе неготовымъ, даже до недостатка въ порохѣ, оружіи и многомъ, то на это есть совсѣмъ другія причины, въ его характерѣ, въ его управленіи, въ выборѣ людей лежавшія. Историческія изслѣдованія въ свое время это докажутъ.

16-го Апрѣля. М. Н. Муравьевъ министромъ государственныхъ имуществъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ удѣловъ и Межеваго Департамента. Въ умѣ и энергіи недостатка не будетъ. Въ послѣдней не будетъ ли лишняго? Опасное финансовое положеніе, наслѣдство предшествовавшаго царствованія.

18-го Апрѣля. Вчера, въ день рожденія, Государя малый выходъ во дворцѣ. Общее выраженіе на лицахъ присутствовавшихъ. Нѣсколько словъ объ этомъ съ Норовымъ, министромъ просвѣщенія. Фалстафъ въ почетѣ. Отказъ к. Меньшикова отъ Министерства Финансовъ. Кн. Викторъ Васильчиковъ директоромъ канцеляріи военнаго министра.

Во Вторникъ заходилъ и посидѣлъ у Булгарина, разбитаго параличемъ. Засталъ его одного. Ударъ подѣйствовалъ нѣсколько и на языкъ, кажется и на мозгъ. Спокойные намеки на близкую смерть.

19-го. Князь Леонидъ Голицынъ, сослуживецъ Турецкой и Польской войны, съ которымъ въ первой разъ послѣ того встрѣтился. Г-лъ Баранцевъ. Всегда съ удовольствіемъ смотрю на человѣка, который съ лѣтами и мѣстами становится лучше. Гораздо чаще бываетъ напротивъ. Опытомъ дознанная недѣйствительность Шрапнелевой картечи; безпутная, т. е. бездорожная страна. Замѣтная отвычка отъ общества.—Американская желѣзная дорога отъ Амура не состоялась. Военный министръ получилъ Владимирскую ленту съ царскаго плеча!

23-го. Третьяго дня дворъ переѣхалъ въ Царское Село. Директоръ канцеляріи военнаго министра. Предложеніе Американской компаніи построить желѣзную дорогу отъ Амура и заселеніе береговъ его Китайцами и Русскими еще разсматривается.

Les inondations de St.-Péterbourg sont causées par l'arrivée et l'invasion des eaux de la mer quand elles s'élevent, et non par la

seule suspension de l'écoulement des eaux de la Néva. C'est donc contre cette action puissante qu'il faut diriger les précautions à prendre, et voici ce que le genéral Bazaine propose. De la pointe de la côte, située sur la rive gauche du fleuve, où est placé le château d'Oranienbaum, un banc élevé et solide court perpendiculairement à la longueur du fleuve et le barre dans son cours. Une passe large et profonde lui succède; ensuite le banc se reproduit et vient aboutir à Cronstadt. Le g-l Bazaine pense qu'en employant de gros morceaux de granit, faciles à tirer de Finlande, et en construisant une digue sur le banc existant, à peine couvert par l'eau dans les temps ordinaires, et en réduisant l'ouverture de la Néva à la partie où elle est profonde, on éleverait les eaux de trois pieds environ, ce qui donnerait les mêmes moyens d'écoulement qu' à présent. Les eaux trouvant en hauteur l'équivalent de ce qu'elles perdraient en largeur, quand les eaux de la mer s'éleveraient, elles trouveraient la digue qui les empêcheraient de pénétrer. En outre, comme dans ces circonstances l'élevation des eaux dans le lit de la rivière, si menaçante pour la ville, n'est pas seulement le résultat de la suspension du cours de la Néva, mais encore et surtout tient à l'invasion des eaux de la mer, agissant avec une grande pression, le rétrécissement de l'embouchure aurait pour effet, en diminuant la masse des eaux introduites et leur pression, de diminuer les accidents, si redoutables aujourd'hui. Il faudrait aussi barrer de même le bras de la Néva qui sépare l'île de Cronstadt de la terre ferme. Ces travaux rappeleraient parfaitement les *murazzi* de Venise; ils seraient d'une exécution plus facile, à cause du voisinage des matériaux, de leur nature et des moyens qu'on emploie en Russie. Indépendamment de la conservation de St.-Pétersbourg, qui serait assurée, ce système aurait encore d'autres avantages. Presque tous les batiments de commerce qui naviguent sur la Baltique pourrait franchir la barre et arriver à St.-Pétersbourg tout chargés. Aujourd'hui les marchandises se débarquent à Cronstadt, et des allèges les apportent à la capitale. Ensuite, le niveau de la rivière étant changé, la résistance des eaux de la mer se trouverait plus bas dans son cours, et par conséquent les dépôts dont la barre est augmentée chaque jour se feraient ailleurs et ne contribueraient pas à l'accroître. En effet, la barre, à l'entrée de tous les fleuves, est toujours le résultat du dépôt des terres charriées et précipitées au moment où le repos est produit par le choc du courant contre la mer. Ainsi la barre actuelle ne serait jamais

augmentée. On pourrait même y ouvrir un passage de quelques pieds, et, avant d'avoir à redouter les effets de la nouvelle barre, on aurait la marge de quelques milliers d'années.

Quand on pense aux immenses résultats d'un pareil travail, estimé par les calculs du g-l Bazaine à *neuf millions de francs* et à trois ans de temps pour être achevé, on se demande comment un souverain aussi éclairé que Nicolas ne l'a pas encore ordonné. Il est vrai qu' en Russie, comme ailleurs, les choses les plus simples et les meilleures rencontrent des difficultés qui tiennent aux personnes, et le g-l Bazaine me parlait avec douleur du triste sort d'un homme de métier dont les projets sont soumis à l'opinion et à la volonté d'un prince-amateur. C'est ainsi qu'il désignait le prince Alexandre de Wurtemberg.

1-го Мая. Третьяго дня въ 10-ть ч. вечера пушечные выстрѣлы съ крѣпости возвѣстили о благополучномъ разрѣшеніи Императрицы сыномъ Сергѣемъ Александровичемъ. Вчера по этому случаю былъ съѣздъ въ Царское Село на молебенъ въ великолѣпной дворцовой церкви. Ѣхалъ въ вагонѣ, туда и назадъ, и остановился во дворцѣ вмѣстѣ съ намѣстникомъ Царства Польскаго. Кн. Менщиковъ тоже остановился съ нами. Правописаніе военнаго министра. Въ половинѣ четвертаго возвратился домой. Пріятнѣйшее во весь день обстоятельство было для меня слово корпуснаго начальника гвардейской кавалеріи, тяжелаго на похвалу г-ла Гринвальда, о сынѣ моемъ: «Il a le feu sacré, chose si rare».

По городу ходитъ собственноручная резолюція в. м.: «сумлѣваюсь чтопъ гисторію о гошпиталяхъ *Прискорбъ* (Брискорнъ) мохъ оболванить къ *Юлю* мѣсяцу!» Замѣчательнымъ людямъ случается нерѣдко пренебрегать правописаніемъ, но людямъ мелкимъ? Къ которымъ изъ нихъ принадлежалъ покойной фельдмаршалъ, тоже не твердый въ грамотѣ? Монологи губами, сопровождаемые мимикой князя М. Д. Горчакова.

7-го. Вчера въ лѣтнемъ саду въ разговорѣ съ г-лъ-м. Лихачевымъ вспомнилъ о моемъ разногласіи въ 1846-мъ году съ г. Киселевымъ по поводу назначенія на одно изъ важныхъ мѣстъ по моему мнѣнію не совсѣмъ готоваго къ тому человѣка. К. возразилъ мнѣ, что, въ восходящей къ могуществу во всѣхъ отношеніяхъ Россіи, ошибки въ выборѣ людей не важны, а важны одни учрежденія. Не соглашаясь и съ этимъ, я прибавилъ: А

кто замѣтитъ, гдѣ восходящее направленіе остановится и начнется нисходящее, гдѣ ошибки уже безнаказанно не проходятъ?

15-го Мая, Среда. Обѣдали у меня А. Н. Поповъ и Селиверстовъ. Въ Госуд. Совѣтѣ дѣло Прокофьева и Небольсина по случаю посылки перваго ко второму 5 т. р. с. *отъ всѣхъ и за вся* за содѣйствіе къ выгодному тарифу. Вообще разговоръ очень занимательной о настоящемъ положеніи дѣлъ. Вечеромъ въ театръ-циркъ, гдѣ давали Бронзовой Конь съ балетомъ.

20-го. Вчера ѣздилъ откланиваться Государю въ Царское. Привѣтливое слово. Сухое г. Остенъ-Сакену. Разговоръ съ Ланскимъ, съ Рокасовскимъ. Вижу нѣсколько яснѣе, но не утѣшительно. Николай Тургеневъ въ Петербургѣ по словамъ г. Сакена. Надобно отыскать.

Въ деревнѣ.

20-го Іюня 1857. Четыре дня тому, съ грозою и ливнемъ, давно здѣсь желаемымъ, въѣхали мы въ свою усадьбу, съ дочерьми Ольгой и Катей и сыномъ Владиміромъ при гувернанткѣ m-me Bailly. Домъ и паркъ приняли насъ привѣтливо. Отдыхъ, послѣ знойныхъ дней и непростительнаго безпорядка почтъ по Кіевскому трактату, былъ необходимъ и чрезвычайно пріятенъ. Встрѣча съ крестьянами какъ съ семьею. Съ живымъ удовольствіемъ узналъ, что они кроткимъ и безтребовательнымъ управленіемъ воспользовались, и считаются самыми здѣсь зажиточными и добропорядочными. Пьянство, въ прежнее время общее, сдѣлалось рѣдкимъ. Хотя не получаю съ этой деревни дохода, но эта перемѣна для меня такъ пріятна, что не рѣшусь приступать къ чему либо новому, не обдумавши зрѣло; развѣ представится средство основать доходъ матеріальной, не измѣняя ничего въ настоящемъ порядкѣ, путемъ коммерческимъ. Нравственной, душевной доходъ я уже имѣю. Какъ хорошо здѣсь! Вчера послѣ грозы и благодатнаго для края дождя, послѣ чая, мы сидѣли на балконѣ и долго, забывая часы, любовались большею частію молча, на окружающую насъ природу, вдыхая съ наслажденіемъ освѣженный грозою воздухъ, послѣ дневнаго зноя. Мѣсяцъ въ своей половинѣ стоялъ надъ деревьями, длинныя тѣни которыхъ лежали на зеленомъ кругу передъ домомъ. Зарница съ правой сто-

роны, почти каждую минуту, вспыхивала на недалекомъ горизонтѣ. Все молчало, будто съ благоговѣніемъ.

Ce n'est pas la population proprement dite qu'il faut s'efforcer de multiplier, c'est la quantité de subsistances. L'homme a une puissance organique de multiplication qui n'a pas besoin d'être excitée et qui doit au contraire être contenue par la raison, car elle tend toujours à dépenser les moyens d'existence, et dans ce cas c'est la maladie et la mort qui se chargent de rétablir l'équilibre. Telle est en peu de mots la théorie de Malthus, théorie d'une vérité frappante et dont l'auteur doit certainement compter parmi les principaux bienfaitenrs de l'humanité.

Il n'y a jamais eu de pays où l'habitude de trop gouverner ait pris plus profondément racine et fait plus de mal.

Замѣчательная статья Феррiе (Ferrier, adjudant - general) въ Revue Britannique, въ которой, описавъ свое путешествіе изъ Тегерана въ Афганистанъ, онъ указываетъ на возможность для Русской арміи проникнуть до Инда, двумя путями, чрезъ Персію на Гератъ и Кандагаръ до Аттока или Шикарпура, или чрезъ Хиву, Балкъ, Бадакшанъ на Кабулъ. А какое указаніе непрочности владычества Англіи въ Индіи представляетъ въ настоящее время бунтъ Сипаіевъ и возстаніе Индусовъ! Но исходъ минувшей войны на долгое время положилъ для Россіи преграду всякимъ предпріятіямъ такого рода.

5-го Августа. Вчера оставили меня сыновья Александръ и Владиміръ, первый на Кавказъ, второй въ Петербургъ. Съ Владимиромъ, Богъ дастъ, увижусь въ Октябрѣ. Съ Александромъ, Богъ знаетъ, увижусь ли! Глубокая, грудь надрывающая и непривычныя слезы выжимающая тоска по немъ овладѣла мною. Вездѣ она преслѣдуетъ меня. Вчера вечеромъ выѣхалъ верхомъ одинъ уже; тѣже дороги, по которымъ ѣздилъ все время съ нимъ, еще болѣе меня растрогали вмѣсто развлеченія. По возвращеніи за чаемъ съ дочерьми, слезы неудержимо прорывались сквозь пальцы и душили меня. Флигель, въ которомъ дѣти жили со мною, страшно опустѣлъ; не могу войти на ихъ половину. Сію минуту пришелъ изъ моего любимаго, уединеннаго березника и отыскалъ на молодой березѣ шифръ его: *А. Г. 4-го Августа 1857 Квз.*, вырѣзанный имъ передъ отъѣздомъ. И знаетъ ли благородной, прекрасной юноша, какъ я его люблю! И Кавказъ! Его притягивало

туда, и ничто удержать не могло. Да услышитъ Создатель напутственную молитву за молебномъ прочтенную и осѣнитъ его Своимъ покровомъ. Благословляю его!

Chose singulière, il y a en France une sorte de passion de nivellement démocratique, et en même temps il y a une rage de titres, de distinctions honorifiques. C'est que chacun veut être l'égal de ses supérieurs, et le supérieur de ses égaux.

19-го Августа. Отыскалъ записки и замѣтки давнихъ лѣтъ, между прочимъ періода заточенія въ Ярославлѣ *). Также портфель посольства къ Султану въ Рущукъ въ 1846-мъ г. Вчера навѣстилъ пріятный сосѣдъ, Мих. Андр. Маркевичъ. Онъ казался восхищенъ моимъ cottage, прибавивъ, что онъ долженъ меня притягивать къ себѣ изъ Петербурга. Страховое письмо изъ Бессарабіи дошло ко мнѣ почти чрезъ два мѣсяца. Правда, что было надписано: *весьма нужное!* Очнется ли наконецъ почтовое управленіе, какъ конное, такъ и по корреспонденціи? Это не лучше Турціи.

30-го Августа. Всякая мысль, переданная роднымъ словомъ, яснѣе представляется уму, глубже западаетъ въ душу.

Вызовъ на основаніе въ Москвѣ общества подъ названіемъ и съ цѣлію распространенія знаній въ Россіи: статья г. Ламанскаго въ Современникѣ, умная и хорошо написанная. Ей преимущественно обязанъ часами пріятно проведенными въ кабинетѣ, удержанной невольно дурной погодой.

6-го Сентября. Замѣчательный разборъ Хроники и Воспоминаній Аксакова Делаво (Delaveau) съ заключеніемъ автора о настоящемъ положеніи общества въ Россіи въ Revue des Deux Mondes, занялъ пріятно мой вечеръ, между тѣмъ какъ гроза и дождь шумятъ на дворѣ.

Прочитывая извѣстія о страшномъ возмущеніи, охватившемъ огромную часть Англійскихъ владѣній и туземныхъ полковъ въ Остъ-Индіи, болѣе всего удивляетъ меня, какъ заговоръ такой обширной, подъ глазами Англійскихъ начальниковъ и офицеровъ,

---

*) Именно за этотъ періодъ въ настоящее время не отыскано Записокъ графа П. Х. Граббе. Мы даже не знаемъ поводовъ его ссылки въ Ярославль.
П. Б.

множества гражданскихъ и полицейскихъ агентовъ, въ виду предупрежденій нѣсколькихъ вѣры достойныхъ лицъ, какъ напр. генерала Чарльза Непира, могъ до такой непостижимой степени застать въ расплохъ тамошнее мѣстное правительство. Думаю, что, независимо отъ разныхъ ошибокъ и недостатковъ самаго управленія, высокомѣріе и брезгливость, отличающія большую часть Англичанъ, въ ихъ обхожденіи, особливо съ покоренными народами, и недопускающія ихъ до пріязненныхъ съ ними сношеній, вѣроятно были также причиною такого ожесточеннаго возстанія.

По поводу именно устройства въ Остъ-Индіи Англичанами туземныхъ полковъ Сипаіевъ, я вспомнилъ любопытный разговоръ съ императоромъ Николаемъ, въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ съ Кавказа, во время моего тамъ командованія. Коснувшись тамошнихъ горскихъ милицій, Государь съ выраженіемъ упрека замѣтилъ мнѣ, что мы не умѣемъ въ подражаніе Англичанамъ образовать изъ нихъ постоянное и устроенное войско. На это я позволилъ себѣ отвѣчать, что, въ настоящихъ отношеніяхъ къ нимъ, если бы нужно было даже нѣсколько тысячъ ихъ вызвать съ нами для дѣйствій въ Азіи, они, до того намъ почти ничего не стоющіе, отлично храбрые, хорошо вооруженные, пошли бы съ нами, принесли бы намъ, при нѣсколькихъ полкахъ нашей собственной конницы, величайшую пользу и соотвѣтствовали бы совершенно цѣли, для которой нужно временное ихъ содѣйствіе; а постоянное устройство ихъ въ полки по нашему уставу повлекло бы къ огромнымъ расходамъ и къ важнымъ неудобствамъ. Настоящія происшествія въ Остъ-Индіи прибавили страшной и полной доводъ къ приведеннымъ тогда мною доводамъ. При этомъ я не могу теперь, когда для этого государя, оставившаго на Россіи глубокій слѣдъ своего царствованія, наступилъ судъ Исторіи, и не смотря на все, что̀ я позже испыталъ отъ него лично, я не могу безъ умиленія и уваженія вспомнить, съ какимъ вниманіемъ, терпѣніемъ и снисхожденіемъ онъ выслушивалъ, въ свои хорошіе часы и между четырехъ глазъ, возраженія на свои мнѣнія и мысли и уступалъ убѣжденіямъ. И это не только тогда, въ сороковыхъ годахъ, но и позже, конечно уже рѣже. Послѣдній и самый замѣчательный и продолжительный разговоръ таковаго рода былъ ровно за три недѣли до его кончины, въ томъ самомъ

кабинетѣ, гдѣ онъ умеръ. Объ этомъ разскажу когда нибудь подробно. Это черта высокая и рѣдкая въ государяхъ, даже не самодержавныхъ.

L'art est à lui-même son propre but; tout autre manière de le concevoir est manifestement contraire à la raison.

Le mensonge prend aujourd'hui une prodigieuse importance dans les habitudes de notre société.

J'ai assez livré de batailles, écrivait Wellington à Charles Stuart le 6 Octobre 1810, pour savoir que l'issue d'aucune n'est certaine, même après les meilleurs dispositions.

Moins soucieux de sa gloire que du but à atteindre, Wellington eut pour maxime constante de ne jamais compter sur le hasard; ce qu'il pouvait obtenir d'une manière sûre, il ne cherchait point à l'atteindre d'une manière brillante. Froid et prudent par calcul, plus encore que par tempérament, il devenait audacieux quand l'audace était une condition de succès. Personne n'a sacrifié moins que lui à la vanité personnelle et à cette valeur chevaleresque qui trop souvent se réduit en gloire pour les combattants, en désastre pour la cause ou pour le pays qu'ils ont mission de défendre.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ПАВЛА ХРИСТОФОРОВИЧА ГРАББЕ. (1812-й годъ). М. 1873. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Литературныя Записки Михаила Александровича Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISSANCE. Ц. 1 р. 50 к.

Въ Петербургѣ и Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ М. О. Вольфа продаются сочиненія Ѳ. П. ЕЛЕНЕВА:

ВЪ ЗАХОЛУСТЬИ И СТОЛИЦѢ. Экономическій и общественный бытъ провинцій. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ОСВОБОЖДЕНІЯ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ РОССІИ. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

„ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПРОВАЛЫ“

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СЪ 1837 ГОДА.

Сочиненіе В. А. Кокорева.

Цѣна **ПЯТЬ** рублей.

Вся вырученная сумма назначается на устройство, въ половинномъ разстояніи между Москвой и Петербургомъ, лѣтняго безплатнаго помѣщенія для учащагося юношества, не имѣющаго средствъ освѣжить свои силы пребываніемъ въ каникулярное время въ здоровомъ деревенскомъ воздухѣ.

Получать можно въ С.-Петербургѣ, на углу Знаменской улицы и Ковенскаго переулка, въ домѣ № 16/17, и въ Москвѣ, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, № 175.

ОТКРЫТА

ПОДПИСКА НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890 года.

(Годъ двадцать восьмой).

Русскій Архивъ въ 1890 году будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVII лѣтъ.

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива" 1890 года составятъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1890 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ** Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Изданіе **Предметной Росписи „Русскаго Архива" за XXV лѣтъ** пріостановлено, потому что число лицъ изъявившихъ желаніе получить эту справочную книгу не превышаетъ до сихъ поръ цифры 100. Подписчикамъ „Русскаго Архива" 1889 года будутъ высланы обратно доставленные ими на „Роспись" **два** рубля, буде они не пожелаютъ зачислить эти деньги въ уплату на полученіе „Русскаго Архива" 1890 года.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **П. Бартеневъ.**